

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК • УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Е.Г. Неклюдов

**УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ВЛАДЕЛЬЦЫ И ВЛАДЕНИЯ**

Екатеринбург • 2013

УДК 94(470.5)"18/19"
ББК 63.3(235.55)53
Н 47

Ответственный редактор доктор исторических наук профессор *Г.Е. Корнилов*

Рецензенты: доктор исторических наук профессор *П.В. Лизунов*,
доктор исторических наук *Л.А. Дашкевич*

Неклюдов Е.Г.

Н 47 **Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX века: владельцы и владения.** – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. – 660 с.

ISBN 978-5-7691-2336-8

В монографии воссоздается исторический образ заводовладельцев в сложный период развития уральской горнозаводской промышленности во второй половине XIX – начале XX в. Преимущественно на основе новых источников представлены «практики владения» «старинных» родов, которые сформировались в эпоху становления уральской горнозаводской промышленности (XVIII в.) и сохранили заводы в своем владении после реформы 1861 г., и «новых» родов или отдельных личностей, вошедших в состав уральских заводчиков как до реформы 1861 г., так и после нее.

Для историков и студентов вузов, а также всех, кто интересуется историей Урала и российского предпринимательства.

УДК 94(470.5)"18/19"
ББК 63.3(235.55)53

Neklyudov E.G.

Ural factory owners in the second half of the XIX – early XX century: owners and ownership. – Yekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2013. – 660 p.

The book recreates the historical image of factory owners in a difficult period of development of the Ural mining industry in the second half of the XIX – early XX century. Mainly on the basis of new sources, it presents «practice ownership» «old» families that were formed in the early epoch of the Ural mining industry (XVIII c.) and keep plants in his possession after the 1861 reform, and the «new» families or individuals included in the structure of the Ural factory owners both before and after 1861.

For historians and students, and anyone interested in the history of the Urals and the Russian business.

Executive Editor Doctor of Historical Sciences Professor *G.E. Kornilov*

Reviewers: Doctor of Historical Sciences Professor *P.V. Lizunov*,
Doctor of Historical Sciences *L.A. Dashkevich*

ISBN 978-5-7691-2336-8

© Неклюдов Е.Г., 2013
© Институт истории и археологии УрО РАН, 2013
© РИО УрО РАН, 2013

МОИМ НЕЗАБВЕННЫМ РОДИТЕЛЯМ
ГЕОРГИЮ АФАНАСЬЕВИЧУ
И ФЕДОСЬЕ НИКИТИЧНЕ
НЕКЛЮДОВЫМ

ВВЕДЕНИЕ

«Уральские горнозаводчики» – тема столь же актуальная, сколь и малоизученная. Она представляется важной в первую очередь в контексте истории самой горнозаводской промышленности Урала, которая, как известно, была «главным явлением экономической жизни» этого крупнейшего региона Российской империи на протяжении более двух веков. Вопрос о составе заводовладельцев и их роли в развитии промышленности до сих пор недостаточно исследован в отечественной историографии. Тема также непосредственно связана с историей российского частного предпринимательства, в которой уральским заводчикам принадлежит заметное место. Анализ особенностей и традиций отечественного предпринимательства на их ярком примере позволяет не только глубже понять значение этого явления в экономике, политике и культуре России, но и связать имперский период истории страны с современностью.

Тема имеет давнюю историографическую традицию, уходящую своими корнями в начало XIX в., когда были опубликованы первые труды о некоторых родах заводчиков¹. Как правило, эти исследования, носившие описательный характер, инициировались самими их «героями» в целях прославления своего рода в истории страны. Сейчас они ценны прежде всего как исторические источники. В советский период тема заводчиков во многом утратила свою актуальность, рассматриваясь лишь в качестве одного из аспектов истории уральской промышленности. Тем не менее постепенно она возвращала себе прежнее самостоятельное значение, «пробивая путь» через труды по истории отдельных горнозаводских хозяйств, которую невозможно было изучать без упоминания об их владельцах. Наиболее известным таким исследованием стала опубликованная в 1949 г. монография Б.Б. Кафенгауза о хозяйстве Демидовых XVIII в.² Первым обобщающим трудом по истории российских и в частности уральских заводчиков оказалась книга Н.И. Павленко, вышедшая в 1962 г., но не утратившая до сих пор своей научной ценности³. Заводчики эпохи становления российской промышленности XVIII в. были представлены в ней как «герои второго плана» (на первом плане находились заводы). Второстепенное место заняли заводчики и в трудах М.П. Вяткина, Ю.А. Буранова и Л.В. Сапоговской об акционировании и монополизации на Горнозаводском Урале во второй половине XIX – начале XX в.⁴

В 2004 г. вышла наша монография, посвященная заводчикам наименее изученного периода истории уральской промышленности первой половины XIX в.⁵ В ней владельцы частных горнозаводских округов рассматривались сквозь призму так называемых «практик владения», в ходе реконструкции которых выявлялся состав и анализировалась деятельность заводчиков, обусловленная реализацией их базовых функций владения и управления. В книге заводовладельцы характеризовались как по отдельности, так и в составе уже сформировавшихся к тому времени родов, что

сделало их «главными героями» исследования. В отдельной главе была подробно представлена историография темы.

За прошедшие годы история уральских заводчиков XVIII – начала XX в. изучалась и как самостоятельная тема, и в контексте истории уральской промышленности и российского предпринимательства. Опубликовано, в частности, несколько крупных исследований по экономической истории Урала. В первую очередь следует отметить обобщающий труд В.В. Алексеева и Д.В. Гаврилова об уральской металлургии⁶. Акцентированный на анализе динамики развития металлургии с древнейших времен до наших дней, он дает представление о менявшихся с течением времени масштабах производства и темпах технического прогресса на заводах, свидетельствующих о продвижении отрасли по этапам промышленной эволюции. В ракурсе темы уральских заводчиков эта книга характеризует «экономический фон» их деятельности и ее главные результаты в прото- и раннеиндустриальный периоды истории уральской металлургии. Ценная информация о становлении и развитии горного управления на Урале, диффузии передовых промышленных технологий и ее агентах (включая заводчиков) в XVIII – начале XX в. содержится в коллективных трудах сотрудников Института истории и археологии УрО РАН⁷.

Существенный вклад в изучение промышленности внесли авторы исследований, посвященных истории отдельных горнозаводских округов Урала: Т.К. Гуськова (Нижнетагильский округ Демидовых), С.Г. Шустов (строгановский майорат), А.С. Грузинов (хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых). Ценность их трудов заключается в новом репрезентативном материале и его системном анализе, основанном на представлении об окружной организации горнозаводской промышленности как системе взаимосвязанных отраслей, предприятий и ресурсов. Во все не случайно и то, что авторы этих конкретно-исторических исследований обратились к изучению наиболее сложного периода развития крупнейших промышленных хозяйств Урала во второй половине XIX – начале XX в. Деятельность заводо-владельцев затрагивается ими в большей или меньшей степени и по-разному акцентирована в контексте развития горнозаводских округов. Так, Т.К. Гуськова придерживается мнения о негативном влиянии П.П. Демидова и его многочисленных наследников как на развитие заводского хозяйства и техническую реконструкцию, так и на характер земельных и трудовых отношений с рабочими⁸. С.Г. Шустов большое внимание уделяет участию С.Г. Строганова и С.А. Строганова в землеустройстве многочисленного населения Пермского майората, которое закономерно заняло первоочередное место в деятельности владельцев после отмены крепостного права⁹. А.С. Грузинов подчеркивает позитивную роль управления С.С. Абамелек-Лазарева в развитии многоотраслевого промышленного комплекса Чёрмоозских заводов как одного из немногочисленных примеров успешного хозяйствования в сложных экономических условиях рубежа XIX–XX вв.¹⁰

Отметим также книгу Т.Г. Мезениной о формировании строгановских владений на Урале в XVIII – первой половине XIX в.¹¹ Автор концентрирует свое внимание на характерном для того времени дроблении единой вотчины при продажах и многочисленных разделах между совладельцами и, как следствие, сложной пространственной и социальной организации многоотраслевых хозяйственных комплексов, оставшихся во владении Строгановых. Формированию горнозаводских хозяйств Демидовых и компании И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова на Южном Урале в XVIII в. посвящены диссертации А.Ф. Байдавлетовой и С.Н. Кулбахтина¹².

Из исследований, непосредственно относящихся к уральским заводо-владельцам, как и прежде, особо значимыми остаются труды о крупнейшем роде Демидо-

вых, что является следствием организационной и научной деятельности Международного Демидовского фонда, Демидовского института и объединенных ими учебных. В очередной номер «Альманаха», издающегося Демидовским фондом (Н.Г. Демидова, В.С. Мелентьев), включены материалы новых тематических исследований об истории этого рода¹³. Фондом опубликованы и части флорентийского архива М.П. Демидовой, «последней из Сан-Донато»¹⁴. В сборнике избранных статей Е.И. Красновой представлены «такие разные Демидовы» (включая нескольких горнозаводчиков) и опубликована наиболее полная и достоверная родословная роспись, вобравшая результаты многолетних исследований автора¹⁵. Новые архивные материалы о нескольких представителях «тагильской» ветви Демидовых конца XIX – начала XX в. собраны в брошюрах Г. Ипполитовой и В. Гасперович¹⁶. Одной из ярких представительниц петербургского света и совладелец Нижнетагильских заводов А.К. Шернваль-Демидовой-Карамзиной посвящено биографическое исследование С.С. Шульца¹⁷. Попечительская политика Демидовых в XIX в. и сформировавшаяся в результате ее осуществления социальная инфраструктура Нижнетагильского округа исследованы Э.А. Черноуховым¹⁸. Стоит упомянуть и переизданную на русском языке книгу американского историка Х. Хадсона, посвященную становлению Демидовых как промышленников в XVIII в.¹⁹

Особо значимы богато иллюстрированные и сопровождаемые серьезными научными комментариями публикации Демидовского института в Екатеринбурге (А.С. Черкасова, Н.Г. Павловский). Это вышедший в серии «Памятники истории и языка: наследие Демидовых» том личной переписки и документов П.А. Демидова за 1730–1780 гг., а также материалы путешествия по Европе братьев Александра, Павла и Петра Демидовых в 1748–1761 гг., составившие основное содержание второго выпуска «Демидовского временника»²⁰. Письма и дневниковые записи братьев за 1750–1761 гг. также изданы отдельной книгой Санкт-Петербургским институтом истории²¹. Ценной является и публикация «Журнала путешествия...» Н.А. Демидова по Европе в 1771–1773 гг., подготовленная Е.П. Пироговой и А.Г. Мосиным²². В этих уникальных источниках отразились не только жизнь и многоплановая культурно-историческая деятельность нескольких поколений демидовского рода, но и эпоха, формировавшая такие активные, разносторонние и европейски ориентированные личности. Кроме того, изданные первоисточники разрушают многие с давних времен существующие стереотипы восприятия этих незаурядных людей. Обобщает обширную информацию о наиболее значимых представителях рода Демидовых книга А.Г. Мосина, вышедшая в серии «У истоков уральского предпринимательства» (ее ведет екатеринбургское издательство «Сократ»)²³.

О родах Строгановых и Турчаниновых, их вкладе в российскую культуру, политику и экономику повествуют два издания из той же серии, созданные авторскими коллективами²⁴. Среди них следует отметить исследование о Турчаниновых, впервые систематизировавшее информацию обо всех ветвях и многочисленных представителях этого рода владельцев Сысертских заводов на Урале. Кроме упомянутой книги о Строгановых, в которой обобщены сведения об этом крупнейшем предпринимательском роде, изданы также информативные монографии С.О. Кузнецова, где Строгановы предстают как создатели и владельцы великолепных архитектурных и ландшафтных памятников²⁵. Система управления строгановскими именными и роль крепостных служащих в организации вотчинного хозяйства анализируются в книге Н.В. Голохвастовой²⁶. Полные и достоверные сведения о Строгановых приведены в опубликованной отдельным изданием родословной росписи, составленной И.В. Купцовым²⁷. В Усолье издан сборник деловой переписки

Голицыных и других «пермских владельцев» XVIII – первой половины XIX в.²⁸ Продолжается выпуск сборников «Строгановское историческое собрание», включающих разнообразные материалы о владельцах прикамских заводов²⁹.

Интересны в научном плане и появившиеся в настоящее время исследования жизни и деятельности ярких представителей других, менее известных родов горнозаводчиков. Совладельцу Кыштымских заводов историку и археографу В.Г. Дружинину была посвящена конференция в Российской национальной библиотеке, организованная к его 150-летию юбилею³⁰. Диссертация В.А. Григорькина о крупном откупщике и владельце нескольких горнозаводских округов на Урале Д.Е. Бенардаки подготовлена в Саранском университете – центре изучения заводов и заводчиков Замосковского горного округа (возглавляемом Н.М. Арсентьевым и В.М. Арсентьевым)³¹. Отдельная глава книги Н.В. Акифьевой о Первоуральске посвящена владельцам Шайтанских заводов – «от Демидовых до Бергов»³². Богатую информацию о южно-уральских заводах и их владельцах предоставляет обширный, включающий публикацию источников труд А.Ф. Мукомолова³³. Повседневную жизнь заводчиков Соломирских, Всеволожских, Львовых в их уральских «имениях» исследует М.Б. Ларионова, диссертационное исследование которой посвящено дворянским усадьбам Пермской губернии³⁴. Особо следует отметить издание «Уральской электронной исторической библиотеки», предпринятое издательством «Баско» в сотрудничестве с екатеринбургскими историками. В 14 выпусках этой на сегодня наиболее полной цифровой публикации исторических сочинений XVIII – начала XX в. об Урале нашли отражение и материалы, посвященные горнозаводской промышленности, заводо-владельцам и горному законодательству Российской империи³⁵.

Традицию изучения разносторонней деятельности уральских горнозаводчиков по решению наиболее острых проблем развития промышленности на рубеже XIX–XX вв. успешно поддерживает М.В. Друзин³⁶. Его статьи ценны не только новой информацией, извлеченной из архивов, но и попыткой типизации заводчиков той эпохи в зависимости от характера их взаимоотношений с властью, которая перекликается с опытом типологии хозяйствования «старых» заводо-владельцев, представленным в недавно переизданной статье безвременно ушедшей Л.В. Сапоговской³⁷. В 2011 г. издана и наша монография, явившаяся своего рода «побочным продуктом» исследования темы «уральские заводчики»³⁸. Она посвящена посессионному праву, которое распространялось в XIX – начале XX в. на значительную часть горнозаводских округов Урала, включая заводы Демидовых, Яковлевых, Турчаниновых и других крупнейших родов заводчиков. Характеризуя «правовое поле» деятельности заводчиков, она дает представление об условиях развития посессионных округов, их менявшемся составе и проблемах, с которыми сталкивались и которые пытались решать их владельцы.

Новейшие исследования об уральских заводах и их владельцах, таким образом, всесторонне развивают и существенно углубляют представление о заводчиках всех периодов истории уральской горнозаводской промышленности. Ученые приближаются к созданию полноценной картины их деятельности во всех ее проявлениях. Полагаем, что и настоящее исследование дополнит эту общую картину.

Будучи продолжением монографии о заводчиках первой половины XIX в., оно посвящено владельцам заводов периода истории уральской промышленности, наступившего после реформы 1861 г. Эта коренная реформа не только изменила социальную организацию горнозаводской промышленности, прежде крепко стоявшей на почве крепостного права, но и повлияла на состав владельцев, их «экономическое поведение» и роль в управлении. Вторая половина XIX и начало XX в. трак-

туются методологами и как время развертывания раннеиндустриальной модернизации уральской промышленности³⁹. Именно тогда на первом плане оказались обусловленные этим новые организационные проблемы, решение которых зависело от компетентности заводчиков и созданных ими администраций. В ходе модернизации многие частные горнозаводские хозяйства были либо вовсе упразднены, либо перешли во владение казны, либо подверглись акционированию и превратились в объекты корпоративной собственности. Заводовладельцы лишались заводов или меняли свой статус, превращаясь во владельцев акций. Происходившая по разным причинам и в разное время перемена статуса владельцев многочисленных уральских округов и стала ограничителем хронологических рамок воссоздаваемых нами «практик владения». Лишь когда у бывших владельцев оказывался пакет акций заводов, мы пытались проследить дальнейшую историю владения ими. В случае же сохранения горнозаводских округов за владельцами на вотчинном или посессионном праве их история прослеживается до момента национализации, растянувшейся на Урале с конца 1917 г. до середины 1919 г. Во всей информационной совокупности исследования охватывает 1861–1917 гг., при необходимости несколько выходя за эти рамки в ту или иную сторону.

Как и прежде, мы пытались рассмотреть в своем исследовании и все существовавшие в изучаемый период частные хозяйства, располагавшиеся в границах района, получившего у историков наименование «Горнозаводский Урал». Они определяются в зависимости от подчиненности горнозаводских округов региональной горной администрации. С начала XIX в. эта территория официально называлась «Горной областью хребта Уральского», в 1886 г. она составила «Уральскую горную область». Сюда входили районы расположения заводов в Пермской, Вятской, Оренбургской и выделившейся из нее в 1865 г. Уфимской губерниях, а также некоторых уездах Вологодской, Самарской и Казанской губерний.

Настоящее исследование нацелено на воссоздание исторического образа заводчиков и определение их роли в развитии горнозаводской промышленности Урала во второй половине XIX – начале XX в. и предполагает решение двух основных задач: 1) выявление персонального состава заводовладельцев, который при ближайшем рассмотрении оказался таким же малоизвестным, каким до недавнего времени оставался состав владельцев первой половины XIX в.; 2) систематизация информации об условиях и особенностях выполнения заводчиками своих базовых функций – владения и управления. Обобщение этих сведений позволяет увидеть основные тенденции в развитии образа и роли заводчиков и выявить среди них наиболее распространенные типы, сопряженные с этой ролью. Комплексно обе задачи реализуются посредством исследовательского метода, названного нами «реконструкция практик владения», который, как представляется, оправдал себя при изучении истории заводчиков первой половины XIX в. «Практики владения», концентрирующие информацию, необходимую для решения поставленных задач, и составляют основной предмет нашего исследования.

Их презентация закономерно приобретает вид не только «персональной», но и «родовой» истории в случае, если владение наследовалось. В связи с этим «практики» разделены нами по хронологическому принципу на две группы. В первую объединены те, которые описывают состав и деятельность «старинных» родов владельцев, сформировавшихся еще в эпоху становления уральской горнозаводской промышленности в XVIII в. и сохранивших заводы в своем владении после 1861 г. Ко второй группе отнесены те «практики», которые представляют информацию о «новых» родах владельцев или отдельных личностях, вошедших в состав уральских

заводчиков в XIX – начале XX в., как до 1861 г., так и после него. Исключение, как оговорено выше, сделано лишь для акционерных компаний. Их владение уральскими заводами является темой отдельного исследования.

Выбор такого малоизвестного объекта, как уральские горнозаводчики, потребовал работы преимущественно в архивах. В первую очередь использовались фонды высшего органа управления горнозаводской промышленностью России – Горного департамента, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и фонды регионального горного начальства из Государственного архива Свердловской области (ГАСО), а также несколько заводских фондов и фондов акционерных компаний – в РГИА и ГАСО. Личные фонды крупных родов заводо-владельцев (Демидовы, Строгановы, Голицыны, Шуваловы, Лазаревы, Балашовы и др.) изучены нами в РГИА, Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Важной составляющей исследования закономерно стала работа с научной и краеведческой литературой, публикациями источников и интернет-ресурсами.

Комплекс использованных нами исторических источников составили законодательные акты из Полного собрания законов Российской империи второго и третьего изданий (ПСЗ-II и ПСЗ-III), Свода законов 1857 и 1893 гг. (СЗ) и ежегодных Собраний узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Сенате с 1863 г. (СУиРП). Работа с ними позволила не только собрать персональную информацию о заводовладельцах, но и воссоздать «правовое поле» их деятельности в динамично менявшихся условиях второй половины XIX – начала XX в.

Большое значение при определении состава владельцев и динамики собственности приобрели обнаруженные нами частные акты (многочисленные завещания, раздельные записи, доверенности, купчие крепости, арендные договоры и др.), а также публично-правовые акты (санкционированные верховной властью «положения об управлении заводами» и уставы акционерных обществ; их можно отнести и к сепаратным законодательным актам). Именно с их помощью удалось воссоздать (или уточнить) генеалогию многих родов заводчиков, определить состав и местонахождение родового или благоприобретенного имущества. Эти же источники содержат сведения о том, как решались владельцами острые проблемы управления, исследования и распределения собственности.

Первостепенное место в работе занял анализ делопроизводства высших, центральных и региональных государственных учреждений, а также внутризаводской документации. Это документы Комитета министров и Совета министров, а также тех министерств, в ведении которых находился Горный департамент в рассматриваемый период: до 1873 г. – Министерство финансов, затем – Министерство государственных имуществ, с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ, с 1905 г. – Министерство торговли и промышленности. Следующая группа материалов ведомственного делопроизводства – документация региональных органов управления: Уральского горного правления и Канцелярии главного начальника уральских заводов (до 1886 г.), Управления горной частью на Урале (1886–1893 гг.), Уральского горного управления (1893–1917 гг.). В основном эта документация включает распоряжения, решения горных советов, деловую переписку, рапорты исправников и окружных инженеров, аналитические записки и отчеты, а также информативные просительные документы. К группе частного заводского делопроизводства относятся самые разнообразные его формы, в первую очередь переписка управляющих с владельцами и отчеты окружных правлений перед владельцами или их центральными конторами, как правило, рас-

полагавшимися в столицах. Обширная и репрезентативная информация этих источников стала основной при изучении административной функции заводчиков и организации заводского управления.

Сведения о деловых качествах, личной жизни, службе и общественной деятельности некоторых уральских заводовладельцев дополняют источники личного происхождения (в частности, воспоминания и дневники М.С. Барятинской и В.В. Барятинского, П.А. Валуева, Н.А. Варенцова, С.Ю. Витте, Ф.В. Гилева, А.Д. Голицына, В.Е. Грум-Гржимайло и С.Г. Грум-Гржимайло, Н.А. Епанчина, М.С. Кантакузина-Сперанского, М.А. Корфа, И.Ф. Кошко, Д.А. Милютина, М.А. Павлова, А.А. Половцова, П.П. Шувалова и др.). Информацию о заводах и заводчиках предоставляют также материалы периодической печати, повременные и рекламные издания, а также литературные источники (произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.П. Бажова и В.В. Набокова).

Такие разнообразные источники информации позволяют точнее и объемнее представить облик заводчиков второй половины XIX – начала XX в. (хотя и с разной степенью полноты, зависящей в первую очередь от репрезентативности этих источников). Дальнейшее изучение имеет широкую перспективу как по всем заявленным, так и по еще не затронутым направлениям этой обширной темы, поскольку с течением времени она не утрачивает своей научной ценности и сохраняет широкий общественный интерес. Предстоит также обобщить накопленную информацию об уральских заводчиках, проведя анализ их разносторонней деятельности на протяжении всего периода истории уральской горнозаводской промышленности. Не вошедший в книгу именной список заводчиков опубликован в первом выпуске справочника «Предприниматели Урала»⁴⁰.

Автор признателен руководству Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук и Российскому государственному научному фонду за помощь в организации исследования, а также благодарен своим учителям, коллегам и друзьям, которые с сочувствием и искренней заинтересованностью отнеслись к подготовке этой книги.

¹ *Спасский Г.И.* Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833. 106 с.; *Устрялов Н.Г.* Именитые люди Строгановы. СПб., 1842. 120 с.; и др.

² *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949. 524 с.

³ *Павленко Н.И.* История металлургии в России в XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962. 566 с.

⁴ *Вяткин М.П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. 400 с.; *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. 262 с.; *Сано-говская Л.В.* Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (К характеристике процессов монополизации.) Екатеринбург, 1993. 194 с.; Екатеринбург, 2007. 192 с.

⁵ *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. 600 с.

⁶ *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. 904 с.

⁷ Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX в.: Уральское горное управление / Под ред. И.В. Побережникова. М., 2008. 356 с.; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / Под ред. Е.В. Алексеевой. Екатеринбург, 2011. 406 с.

⁸ *Гуськова Т.К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. 294 с.

⁹ *Шустов С.Г.* Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2010. 328 с.

- ¹⁰ Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009. 504 с.
- ¹¹ Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011. 226 с.
- ¹² Байдаuletova А.Ф. Горнозаводское хозяйство Демидовых на Южном Урале в XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2008. 205 с.; Кулбахтин С.Н. Медеплавильные заводы Твердышевых и Мясликовых на Южном Урале в XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 200 с.
- ¹³ Альманах Международного Демидовского фонда / Под ред. Н.Г. Демидовой. Вып. 4. М., 2009. 144 с.
- ¹⁴ Последняя из Сан-Донато: Княгиня Абамелек-Лазарева, урожденная Демидова. М., 2010. 192 с.
- ¹⁵ Краснова Е.И. Такие разные Демидовы. СПб., 2007. 148 с.
- ¹⁶ Ипполитова Г., Гасперович В. Владельцы «Виллы Абамелек». СПб., 2005. 82 с.; Ипполитова Г. Аврора Демидова – графиня Ногера. СПб., 2009. 86 с.
- ¹⁷ Шульц С.С., мл. Аврора. СПб., 2004. 208 с.
- ¹⁸ Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX в. Екатеринбург, 2011. 176 с.
- ¹⁹ Хадсон Х. Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII в. / Под ред. И.Н. Юркина. Авторизированный перевод и комментарии И.В. Кучумова. Уфа, 2011. 88 с.
- ²⁰ Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735–1786 гг. / Под ред. А.С. Черкасовой. Екатеринбург, 2010. 496 с.; Демидовский временник. Исторический альманах / Под ред. А.С. Черкасовой. Екатеринбург, 2008. Кн. 2. 856 с.; Культура индустриального Урала (XVIII–XX вв.): Сб. ст. / Под ред. А.С. Черкасовой. Екатеринбург, 2010. 224 с.
- ²¹ Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные журналы. 1750–1761 гг. М., 2006. 512 с.
- ²² Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771–1773) / Под ред. А.Г. Мосина, Е.П. Пироговой. Екатеринбург, 2005. 356 с.
- ²³ Мосин А.Г. Род Демидовых. Екатеринбург, 2012. 532 с.
- ²⁴ Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2007. 256 с.; Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б. Род Турчаниновых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2008. 352 с.
- ²⁵ Кузнецов С.О. Дворцы и дома Строгановых. Три века истории. М., 2008. 320 с.; Он же. Строгановы. 500 лет рода. Выше только цари. М., 2012. 556 с.
- ²⁶ Голохвастова Н.В. Крепостные служащие в системе управления уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX в. (на примере Пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004. 248 с.
- ²⁷ Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005. 224 с.
- ²⁸ «А про то барону Строганову ведомо было...»: Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. / Авт.-сост. Л.А. Белова, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Усолье, 2006. 200 с.
- ²⁹ Строгановское историческое собрание: Сб. ст. / Под ред. С.Г. Шустова. Пермь, 2008. Вып. 3. 204 с.; Строгановское историческое собрание: Мат-лы межрегион. конф. / Под ред. С.Г. Шустова. Пермь, 2009. Вып. 4. 198 с.; Строгановское историческое собрание: Мат-лы Всерос. конф. / Под ред. С.Г. Шустова. Пермь, 2011. Вып. 6. 200 с.
- ³⁰ Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): Мат-лы науч. чтений / Под ред. И.М. Беляевой. СПб., 2010. 184 с.
- ³¹ Григорькин В.А. Формирование российского типа предпринимателя-буржуа (на примере Д.Е. Бенардаки): Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2008. 167 с.
- ³² Акифьева Н.В. История Первоуральска от Демидовых до Бергов (1732–1918 гг.). Екатеринбург, 2005. 168 с.
- ³³ Мукомолов А.Ф. На южно-уральских заводах. М., 2001. Кн. 1. 352 с.; М., 2001. Кн. 2. 400 с.; М., 2004. Кн. 3. 474 с.; М., 2004. Кн. 4. 424 с.; М., 2004. Кн. 5. 384 с.
- ³⁴ Ларионова М.Б. Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 391 с.

- ³⁵ Горнозаводская промышленность Урала / Уральская электронная историческая библиотека. Екатеринбург, 2010; Заводы и заводчики Урала / Уральская электронная историческая библиотека. Екатеринбург, 2011; Горнозаводское право / Уральская электронная историческая библиотека. Екатеринбург, 2011.
- ³⁶ Друзин М.В. Уральские горнозаводчики, власть и «рабочий вопрос». Начало XX в. // Проблемы истории, философии, культуры. Вып. XVI/3. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2006. С. 114–121; *Он же*. III Государственная дума и проблемы уральской горнозаводской промышленности // Проблемы российской истории. Москва; Магнитогорск, 2007. Вып. 8. С. 249–270; *Он же*. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX в.: опыт типологии отношений // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. СПб., 2008. Вып. 4. С. 135–175.
- ³⁷ Сапоговская Л.В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории, 2006. № 3. С. 19–34.
- ³⁸ Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011. 274 с.
- ³⁹ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. Екатеринбург, 2006. 240 с.
- ⁴⁰ Предприниматели Урала XVII – начала XX в.: Справочник / Авт.-сост.: Е.Г. Неклюдов, Е.Ю. Рукоусев, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк. Екатеринбург, 2013. Вып. 1. Уральские горнозаводчики. 106 с.

Часть I

ПРАКТИКИ ВЛАДЕНИЯ: «СТАРИННЫЕ» РОДЫ

1. ДЕМИДОВЫ

Старейший род уральских заводчиков Демидовых к 1861 г. владел тремя крупными горнозаводскими округами на Урале – Нижнетагильским, Суксунским (находившимся во временном владении акционерного общества) и Ревдинско-Рождественским. Они принадлежали двум ветвям рода, идущим от сыновей Акинфия Никитича Демидова Григория и Никиты.

1.1. П.П. Демидов и наследники

Крупнейшим владением Демидовых на Урале во второй половине XIX – начале XX в. оставались Нижнетагильские заводы, принадлежавшие младшей ветви этого рода, идущей от Никиты Акинфиевича Демидова. С 1840 г. имение принадлежало трем владельцам: Анатолию Николаевичу Демидову князю Сан-Донато ($\frac{1}{2}$ часть), вдове его брата Павла Николаевича Авроре Карловне (урожденной баронессе Шернваль фон Вален, во втором браке – Карамзиной; $\frac{1}{14}$) и ее сыну Павлу Павловичу Демидову ($\frac{3}{7}$).

Реформа 1861 г. совпала, а возможно, и повлекла за собой важное событие в истории «тагильской» ветви рода. Три акта от 6 февраля 1862 г. (двумя дарствен-

ными и раздельным актом) Анатолий Николаевич и Аврора Карловна передали принадлежавшие им части «общего и отдельного владения» единственному своему наследнику Павлу Павловичу Демидову, достигшему к тому времени полного совершеннолетия.

В его собственность переходили Нижнетагильский горнозаводский округ площадью 656 465 дес., «василеостровские» дома в Петербурге (по 4-й линии и по набережной Малой Невы, № 24 и 26), где располагалась Главная контора, дом в Казани, экономия Демидовка с селом Анатольевским в Тираспольском уезде Херсонской губернии (5038 дес.), местечко Кастропуло в Ялтинском уезде Таврической губернии (25 дес.) и Павловский золотой прииск в Олекминском округе Якутской области. Аврора Карловна передавала сыну принадлежавшую лично ей долю в двух домах в Петербурге по Бол. Морской (№ 43 и 45), а Анатолий Николаевич предоставил племяннику два своих родовых имения: дом в Петербурге на Невском проспекте, 54, выкупленный им у совладельцев, отстроенный и превращенный в доходный, и единственную оставшуюся у него после продаж Ерахтурскую вотчину в Касимовском уезде Рязанской губернии (24 680 дес.). Таким образом, в новый период российской истории П.П. Демидов вступил полновластным владельцем всего наследия «тагильской» ветви рода в России, оцененного самими владельцами в 8346 тыс. руб. сер. (в том числе заводы – 8 млн)¹.

К моменту получения наследства от матери и дяди Павел Павлович уже окончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата, был зачислен на службу старшим помощником экспедитора в Государственную канцелярию, а вскоре переведен в Министерство иностранных дел и сверх штата причислен к посольствам в Париже и Вене. В 1867 г. в Париже Павел Павлович женился на княжне М.Е. Мещерской, которая, родив сына Елима, умерла через год после свадьбы. Под влиянием иезуитов заводовладелец уже готов был перейти в католичество и передать все свои богатства ордену Сердца Иисусова, когда российские власти возвратили его на родину и «попросили» жить безвыездно в Каменец-Подольске, назначив советником губернского правления. Затем его перевели в Киев, где в 1871 г. он был избран городским головой. В том же году Павел Павлович женился на дочери петербургского уездного предводителя дворянства П.Н. Трубецкого княжне Елене Петровне².

Незадолго до этого произошло событие, завершившее концентрацию демидовских владений в руках Павла Павловича. Из выписки Сенской префектуры Парижа явствует, что в 1 ч. 20 мин. 29 апреля 1870 г. в своей парижской квартире на улице Пепиньер, 25 в возрасте 57 лет скончался камергер Анатолий Николаевич Демидов. На протяжении своей жизни князь Сан-Донато составил несколько завещаний и добавлений к ним («кодициллов») насчет принадлежавших ему имений. Первое засвидетельствовано в Петербурге 2 мая 1841 г., второе – в Париже 5 марта 1842 г. (и дополнения к нему, подписанные во Флоренции 29 июня 1844 г. и в Сан-Донато 17 января 1846 г.), третье – в Петербурге в июле 1846 г., четвертое, видимо, тоже в Петербурге 4 августа 1852 г. Первое завещание касалось самарского имения (с. Федоровка, или Падовка), приобретенного Демидовым у вюртембергского посланника принца Гогенлое-Кирхберга. Второе завещание с «кодициллами» утверждало наследницей заграничных имений Анатолия Николаевича (флорентийских вилл Сан-Донато, купленной еще его отцом Н.Н. Демидовым и переданной сыну по наследству, и Кварто, выкупленной А.Н. Демидовым у Жерома Бонапарта и позже проданной Г.А. Строганову после его брака с великой княгиней Марией Николаевной)³ его жену – принцессу Матильду де Монфор. Третье включало рас-

поряжения, касавшиеся обеспечения Матильды Иеронимовны в сложное для супругов время, когда А.Н. Демидов еще пытался удержать племянницу Наполеона I от окончательного с ним разрыва. Отдавая «справедливую дань ее душевным качествам, осчастливившим всю мою жизнь», Анатолий Николаевич передал тогда же не право после его смерти на $\frac{1}{7}$ часть принадлежавших ему российских имений «общего и единственного владения» (включая Нижнетагильские заводы, южные имения, сибирский прииск, ерахтурскую вотчину и «невский» дом). Остальные части поступали «ближайшему» наследнику П.П. Демидову в том случае, если бы завещатель «не оставил по себе нисходящего потомства». Душеприказчиками были определены друзья и родственники А.Н. Демидова – князь Г.П. Волконский и граф А.Г. Строганов⁴.

Но вскоре после того как в сентябре-октябре 1846 г. были окончательно урегулированы отношения между разъехавшимися супругами и Матильда Иеронимовна согласилась вместо доли в наследстве получать пожизненную ренту в 50 тыс. руб. сер. (200 тыс. франков), Анатолий Николаевич «отменил и уничтожил» все свои прежние завещательные акты. «Во изъявление истинной любви» к племяннику Павлу дядя предоставил ему не только «достающееся по закону родовое имение в России», но и свое заграничное поместье Сан-Донато. В случае если бы племянник скончался «беспотомно», А.Н. Демидов предполагал передать имение сыну двоюродного брата Петру Павловичу Дурново «под условием, что он к фамилии своей присоединит прозвище Демидов»⁵.

Именно это завещание 1852 г. и стало основанием для получения Павлом Павловичем Демидовым после смерти дяди его тосканского имения. Он 10 и 11 июня 1870 г. «вошел с принцессой Матильдой в соглашение», которым обязался соблюдать условия «развода» 1846 г. и платить ей назначенную ренту. Она в свою очередь подтвердила прежний отказ «от всякого дальнейшего участия» в наследстве Анатолия Николаевича. «В обеспечение этой обязанности» на демидовские имения было наложено запрещение, под которое не подпали только петербургские дома, ерахтурская вотчина, южные имения Демидовка и Кастропуло, видимо, по причине того, что уже находились в залоге Петербургской сохранный казны⁶. В 1872 г. П.П. Демидов унаследовал от дяди титул князя Сан-Донато, которым ему было разрешено пользоваться и в пределах России.

За время своего почти четвертьвекового единоличного владения Павел Павлович многое изменил в составе доставшихся ему имений. По пяти купчим он лишился родовой ерахтурской вотчины, частями проданной в 1868, 1872 и 1874 гг. В 1878 г. купцу Ушакову был продан «невский» дом, «давший за вычетом 200 тыс. руб. долга 800 тыс. руб.» Оказались проданными и дома по Бол. Морской⁷. В актах 1880-х гг. уже не упоминаются черноморские имения, дом в Казани и сибирский прииск. Крупнейшей утратой стала продажа с аукциона в 1880 г. виллы Сан-Донато, художественные ценности которой начал распродавать еще Анатолий Николаевич. «Шесть недель под музыку трех оркестров, – сообщалось в журнале «Русский архив», – разорялось Сан-Донато, преимущественно в пользу французских и итальянских аферистов»⁸. Еще одна вилла, Сан-Мартино, на о. Эльба была приобретена Анатолием Николаевичем в 1851 г. у графа Жоакима Мюрата. Там А.Н. Демидов создал музей первого французского императора, которого почитал даже после разрыва с женой. Хотя в завещаниях князя об этой вилле не упоминается, известно, что после его смерти она тоже перешла во владение Павла Павловича. В 1881 г. ему предложили обменять ее на виллу *Pozzarello*. По-видимому, сделка не состоялась и Сан-Мартино была продана владельцем так же, как и Сан-Донато (имеются

достоверные сведения о продаже в 1883 г. многих наполеоновских реликвий, хранившихся в Сан-Мартино)⁹.

Однако более значительными оказались новые приобретения П.П. Демидова. В России крупнейшими из них стали Луньевский округ, Иллинецкое и Готобужское имения и имение Завадовщина, за границей – вилла Пратолино, купленная в 1872 г. недалеко от Флоренции. Это старинное имение Медичи стало любимым местом пребывания владельца и его жены Елены Петровны Демидовой. Двумя покупками в 1873 и 1876 гг., когда Павел Павлович был киевским городским головой (в 1874 г. он отказался от переизбрания на новый трехлетний срок «по нездоровью»), приобретено Иллинецкое имение в Липовецком уезде Киевской губернии. Оно включало почти 5,5 тыс. дес. земли (с сахарным, винокурным, пивоваренным и кирпичным заводами) стоимостью 883 613 руб. (с учетом 365 698 руб. долга Обществу взаимного поземельного кредита). В результате уральский горнозаводчик стал еще и крупным малороссийским сахарозаводчиком. В 1876 г. в Петергофском уезде П.П. Демидов купил мызу Готобужу с деревнями Калиши и Лужки и при них стекольный завод и писчебумажную фабрику. Площадь имения составляла 10 420 дес., его стоимость – 200 тыс. руб. Имение в Новомосковском уезде Екатеринославской губернии, купленное у княгини О.В. Барятинской и состоявшее из с. Елизаветовка с деревнями (под общим названием «Завадовщина»; площадь 17 058 дес., стоимость 600 тыс. руб., включая ссуду Харьковского Заемного банка в 525 тыс. руб.), стало последним приобретением Павла Павловича, совершенным с публичных торгов в апреле 1884 г.¹⁰

На Урале в 1860–1870-х гг. владелец пытался купить для Нижнетагильских заводов Серебрянскую и Илимскую лесные дачи, принадлежавшие соседним Гороблагодатским казенным заводам. Впервые об этом П.П. Демидов ходатайствовал в 1864 г. перед Министерством путей сообщения, для которого на Нижнетагильских заводах изготавливались железнодорожные рельсы. После повторного прошения в 1865 г. был получен отказ от министра финансов под предлогом «ограниченности тех лесов для действия самих казенных заводов». П.П. Демидову рекомендовалось развивать рельсовое производство «при употреблении каменного угля».

В 1869 г. заводууправление известило министра финансов, что «вынуждено даже отказаться от казенных заказов на рельсы, так как Нижнетагильским заводам, как посессионным, ежегодно назначается на выруб всего 238 тыс. куб. саж. леса, более чего, впрочем, и нельзя вырубать без расстройства лесного хозяйства». М.Х. Рейтерн предложил тогда обсудить вопрос о продаже 20 тыс. дес. из Илимской и 14 тыс. дес. из Серебрянской дач, но после согласований с Уральским горным правлением было разрешено «заменить покупку этих участков взятием их в аренду на 48 лет с правом пользования по 12 тыс. куб. саж. леса в год... по 35 коп. за сажень». Видимо, это не устроило настойчивое Нижнетагильское заводууправление, в 1870 г. возобновившее ходатайство о покупке. Но решение вновь отложили до принятия разрабатывавшегося тогда в правительстве плана продажи казенных заводов.

Когда же стало известно, что Гороблагодатские заводы, за исключением Кушвинского, будут выставлены на продажу, то в январе 1875 г. уполномоченный Нижнетагильского округа П.Н. Шиленков подал министру государственных имуществ новое прошение. «Нижнетагильские горные заводы, приготавливающие в самом разнообразном ассортименте медь, железо и сталь, единственные на Урале заводы, где введена и осуществляется уже 20 лет выделка рельсов для железных дорог, – писал он. – Они первые попытались ввести на Урале бессемерование и в настоящее

время приступили к устройству его на рациональных началах и в большом промышленном размере. Они сами идут на это важное нововведение, потому что обладают Высокогорским месторождением железных руд, с которым по качеству могут соперничать разве одни шведские рудники. Несмотря на все заботы... по устройству правильного лесного хозяйства и на введение всех возможных усовершенствованных способов с целью уменьшения потребления сгораемого, дача Тагильских заводов при настоящей их производительности не может удовлетворять потребностям заводов, которые вследствие сего неизбежно поставлены будут в необходимость сократить действие». Он напоминал о многочисленных прежних просьбах уступки смежных казенных дач и полагал, что «едва ли можно было бы ожидать более выгодной для Правительства продажи Серебрянского завода с его дачею в другие руки, кроме Тагильских заводов, если – как это и есть – оно при этом имеет в виду не спекулятивные цели, но одно исключительно возможно широкое развитие железного производства в России»¹¹.

В Горном департаменте на этот раз всерьез озаботились разработкой условий продажи казенного завода с его обширной дачей, составлявшей 182 тыс. дес. Тогда Серебрянский завод был рассчитан на изготовление до 161 тыс. пуд. железа общей стоимостью 198 тыс. руб., а его лесные дачи оценивались в 650–975 тыс. руб. Условия продажи предполагали уплату только $\frac{1}{5}$ части покупной суммы с рассрочкой остатка на 37 лет «по банковским правилам» и под залог $\frac{1}{6}$ части этой суммы государственными процентными бумагами. Немногие золотопромышленники, имевшие отводы в заводской даче, сохраняли право разработки приисков до окончания срока договоров с ними. На нового владельца переходили также «все обязанности по содержанию школ, больниц и богаделен» казенного завода.

Скорее всего, эти условия показались П.П. Демидову чрезмерно тяжелыми, и главноуполномоченный Нижнетагильских заводов Анатолий Октавович Жонес-Спонвиль в марте 1876 г. просил у М.Х. Рейтерна «вернуться к продаже отдельных участков Серебрянской и Илимской дач, смежных с округом Нижнетагильских заводов и, наоборот, отдаленных от Серебрянского завода», предложив за 19 136 дес. уплатить (по 2,1 руб. за дес.) 40 185 руб. При личной встрече главноуполномоченного с министром во время его поездки на Урал М.Х. Рейтерн «категорически указал на необходимость определения безобидной для обеих сторон цены» и распорядился не продать, а лишь «допустить в виде опыта на один год снабжение Нижнетагильских заводов углем из Илимской и Серебрянской дач». Топливная проблема, таким образом, кардинально не была решена, а в 1883 г. казна вообще приостановила продажу Серебрянского завода¹².

Но к тому времени был найден другой способ пополнить лесные ресурсы Нижнетагильских заводов, к которому подталкивали П.П. Демидова и другие обстоятельства. В 1884 г. была осуществлена покупка у наследников Н.В. Всеволожского Никитинского (Луньевского) горнозаводского округа в Пермской губернии, имевшая сложную предысторию. В связи с финансовой несостоятельностью наследников в 1873 г. этот округ был сдан в аренду Уральскому горнозаводскому товариществу сроком на 80 лет. П.П. Демидов вступил в состав его учредителей, рассчитывая использовать богатые природные ресурсы и выгодное расположение заводов и каменноугольных копей Всеволожских для предполагавшегося строительства Уральской горнозаводской железной дороги. Неудача с получением концессии предопределила крах Товарищества и поставила П.П. Демидова в весьма сложное положение. Глава Петербургского правления Василий Дмитриевич Белов писал по этому поводу А.О. Жонес-Спонвилю в июле 1883 г.: «Ни Павел Павлович, ни его

администрация не принимали участия в составлении первоначального договора 27 января 1873 г. Уральского горнозаводского товарищества с опекуном управлением Всеволожских. В силу обстоятельств, вызванных частью личным отношением к товарищам, частью тем, что все они, за исключением нашего доверителя (П.П. Демидова. – *Е.Н.*) и П.П. Дурново, не были достаточно состоятельны для ведения дел... вся тяжесть этого предприятия легла на одного Павла Павловича, которому пришлось унаследовать дело, основанное на готовом и не подлежащем изменению договоре». В такой ситуации необходимо было решиться либо единолично продолжить аренду, либо выкупить округ в полную собственность. Несмотря на то что уже с 1878 г. шли переговоры демидовской администрации с опекой над Всеволожскими о покупке имения, сомнения в ее необходимости сохранялись, и Павел Павлович все не мог принять окончательного решения.

В.Д. Белов подталкивал его и А.О. Жонес-Спонвиля, фактически вершившего дела демидовских заводов, к покупке округа, считая, что отказ от сделки принесет больше издержек, чем пользы. Отказ, предрекал эксперт, послужит для Всеволожских основанием утверждать, что «Демидов никогда не имел намерения купить их имение... но хотел только сделать выгодную спекуляцию». Они, полагал В.Д. Белов, «не упустят выставить себя жертвой ловкой махинации», и тогда «придется или кормить Всеволожских до их смерти, или выдавать им ссуды на разные предприятия с целью устроить их положение... (на полях рукописи А.О. Жонес-Спонвиль написал: «Ни за что». – *Е.Н.*). Если же покупка состоится, то неопределенность разом отпадает». Кроме того, он считал, что эта покупка не останется безвыгодной: «Эксплуатация имения на праве собственности дает, бесспорно, лучшие результаты сравнительно с хозяйствованием на арендном праве... Через 70 лет получится громадный капитал, говорящий в пользу покупки имения. Если бы Демидовы при основании своих заводов отложили только сотню рублей, то настоящий владелец, бесспорно, был бы теперь первым богачом в мире, но такой сотни рублей ни в одном банке отложено не оказалось».

В то же время В.Д. Белов предостерегал, что эта сделка «со стороны голого цифренного расчета ныне не представляется выгодной», поскольку «за последние годы» существенно снизились финансовые возможности П.П. Демидова, и в первую очередь по его собственной вине. Еще в 1878 г. управляющий предрекал, что имевшиеся тогда свободные капиталы, накопленные вследствие выгодной рыночной конъюнктуры, могут быстро исчезнуть. «Отчего бы это ни происходило, но если в течение 150 лет деньги в кассе Демидовых не держались, то чрезвычайно рискованно предполагать, что они будут почему-то держаться теперь. Истекшие пять лет показывают, что высказанные мной опасения оказались вполне справедливыми. Пять лет назад финансовые средства наши... были настолько лучше, что безо всякого опасения за будущее давали нам возможность вовсе ликвидировать дело, купить имение Всеволожских и продолжить дело в форме акционерного предприятия, причем потребовался бы заем не свыше 1 млн руб. В то время только что был продан Невский дом... не был заложен дом, занимаемый конторой, и хотя банковский долг Товарищества простирался до 1221 тыс. руб., но в то же время свободные средства Главной конторы доходили до 1,4 млн руб.»

Однако, как подсчитал управляющий, с октября 1878 г. по июнь 1883 г. Павел Павлович израсходовал «только по счету личных его расходов» 2 797 532 руб., хотя, «согласно назначениям по бюджету», ему полагалось «всего» 1680 тыс. руб. При этом «перерасход сверх бюджета» постепенно росла: в 1878–1879 гг. «общий итог личных расходов» князя составлял 538 991 руб., в 1880–1881 – 727 214 руб., а за во-

семь месяцев 1883 г. П.П. Демидов истратил уже 601 618 руб. «Ввиду покупки... это прогрессирование князя по статье личных расходов получает особенное значение», – полагал дальновидный эксперт. Он установил, что помимо этих расходов «затраты в дело Товарищества» с 1 августа 1878 г. по 1 июня 1883 г. увеличились с 2940 тыс. до 3968,7 тыс. руб. Поэтому для покупки Никитинского округа потребовался бы кредит уже в 2,5 млн руб., который как раз и составлял сумму всех «передержек». Кроме того, В.Д. Белов предлагал продать Готовужское имение, получить выкупные платежи с бывших крепостных крестьян Всеволожских, увеличить добычу платины и золота, сократить расходы по содержанию Нижнетагильских заводов и каменноугольных копей, а также «взять заказ рельсов на Тюменскую дорогу». Главноуполномоченный добавил к этому перечню и необходимость сокращения личного бюджета владельца, на что намекал, но так и не решился открыто предложить управляющий¹³.

В результате 22 марта 1884 г. А.О. Жонес-Спонвиль и представители опеки Н.А. Казин, Н.Н. Всеволожский и Ф.С. Попов все-таки подписали купчую. В соответствии с этим актом, наследники Н.В. Всеволожского продавали П.П. Демидову принадлежавшие им имения в Пермской губернии. Эти имения включали Александровскую (с одноименным чугуноплавильным заводом, Луньевскими каменноугольными копиями, пристанью на р. Вильве) и Майкорскую (с Никитинским железоделательным заводом и с. Майкорским с деревнями) горнозаводские дачи, а также лесную дачу на р. Усьве и по три делянки в Кизеловском и Губахинском железных рудниках, принадлежавших Всеволожским совместно с их соседями по имению Лазаревыми. Территория Луньевского округа составляла 205 395 дес. (в том числе 198 дес. церковной и 8678 дес. надельной земли). Сумма продажи равнялась 3 276 446 руб. с обязательством уплаты долгов Петербургской сохранный казне (1 809 219 руб.) и Государственному казначейству (188 268 руб.), которые обеспечивались купленным имением и имениями, оставшимися у Всеволожских, «с сохранением уже полученных льгот и рассрочек»¹⁴. Недоимки по принятым П.П. Демидовым на себя долгам чуть не привели вскоре к учреждению казенного пристра над Луньевскими заводами. Но в 1887 г. уплату долгов и срочных платежей отложили на пять лет при условии не сокращать производство «за закрытием заводов и каменноугольных копей» и предоставлять в Министерство государственных имуществ ежегодные отчеты о их деятельности¹⁵.

В составе имений Демидовых Луньевский округ сначала действовал как самостоятельный, а в 1914 г. по плану реорганизации был объединен с Нижнетагильским в единый производственный комплекс. Эта крупная покупка, несмотря на то что существенно обременила заводский бюджет, имела далеко идущие последствия для развития всего демидовского горнозаводского хозяйства, поскольку значительно расширила его возможности. Особенно ценны были новые лесные дачи и каменноугольные копи прикамского имения, которые стимулировали развитие топливной отрасли и позволили увеличить металлургическое производство на Нижнетагильских заводах. Возведенная на средства П.П. Демидова Луньевская ветка Пермской железной дороги надежно соединила два демидовских округа.

Кроме названных крупных приобретений недвижимости Павел Павлович совершил несколько более мелких покупок, имевших отношение к растущим потребностям усложнившегося демидовского хозяйства, в которое теперь входили не только уральские заводы, но и вотчины в трех губерниях России. Это были дом и торговые лавки в Москве, дома в Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону, приобретенные в 1860–1870-е гг. На Урале за 15,3 тыс. руб. в 1876 г. была куплена Левшин-

ская пристань на р. Чусовой «близ линии Уральской железной дороги», которая стала перевалочной базой при погрузке металлов с барок чусовского каравана на большегрузные пароходные баржи камско-волжского пути. Общая стоимость всего недвижимого имущества, принадлежавшего князю Сан-Донато к 1885 г., составила 16 574 тыс. руб., что оказалось почти вдвое выше стоимости полученного им в 1862 г. наследства. Но вследствие покупки уже заложенных прежними владельцами имений возникла необходимость погашения долговых сумм, составлявших ко времени смерти Павла Павловича 1401 тыс. руб. По подсчетам В.Д. Белова, ежегодный доход всего имения приближался к 1 млн руб. (до 700 тыс. руб. давали Нижнетагильские и Луньевские заводы; 240 тыс. – Иллинецкий завод, производивший до 140 тыс. пуд. сахарного песка)¹⁶.

Помимо недвижимых имений в 1885 г. Павлу Павловичу принадлежало еще движимое имущество в наличных деньгах и «процентных бумагах» (919 970 руб.), товарах (5 159 227 руб.), «домашней бездоходной движимости» (66 250 руб.) и «долгах за разными лицами» (827 024 руб.) на общую сумму 6973 тыс. руб. Вместе с тем на П.П. Демидове висели срочные вексельные долги разным лицам и учреждениям (2 483 984 руб.), Сибирскому торговому банку «по специальному счету» (116 763 руб.), по Петербургской (408 732 руб.) и Нижнетагильской (143 440 руб.) конторам на общую сумму 3 152 921 руб. Кроме того, по раздельному акту 1862 г. он должен был выплачивать пожизненную ренту матери, А.К. Карамзиной (60 тыс. руб. в год), и тетке, принцессе Матильде (200 тыс. франков), а также пенсии и пособия, им самим назначенные разным лицам, на общую сумму 140 687 руб.¹⁷

Современники отмечали доброту и широту души владельца Нижнетагильских и Луньевских заводов, не скупившегося на благотворительность. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он принял должность чрезвычайного уполномоченного Красного Креста, занимался устройством госпиталей, размещением раненых, щедро расходуя собственные деньги. Делал вклады в Киевский и Петербургский университеты, Демидовский лицей в Ярославле и организованные его отцом и дядей Демидовский дом призрения и Николаевскую детскую больницу в Петербурге. Будучи членом Комиссии для пересмотра законов о евреях, П.П. Демидов ратовал за предоставление им полноправия и даже издал книгу «Еврейский вопрос в России»¹⁸.

Известность получили и его «неблаговидные» поступки. В 1881 г. под влиянием своего друга графа И.И. Воронцова-Дашкова Павел Павлович стал одним из учредителей общества «Священная дружина», образованного в ответ на убийство Александра II. Графиня М.Э. Клейнмихель в связи с этим вспоминала: «Цель этого общества – розыск нигилистов, донос на них, их арест и смертная казнь. Председатель – граф Бобби Шувалов, тайный министр иностранных дел – князь Константин Белосельский, тайный министр внутренних дел – князь Демидов Сан-Донато (все – крупные уральские заводчики. – *Е.Н.*). Все члены яхт-клуба записались в общество, большие капиталы в него стекаются... Эта тайная организация просуществовала полтора года, наделала много бед, дискредитируя высший класс общества, открывая дорогу интригам для темной деятельности»¹⁹. Есть свидетельства о пристрастии Павла Павловича к азартным играм и о громадном карточном проигрыше, который поставил управление его имениями в затруднительную ситуацию в 1884 г. «Павел Павлович Демидов умер вовремя, – вспоминал инженер В.Е. Грум-Гржимайло, работавший на демидовских заводах. – Проигрыш им 600 тыс. руб. в Монте-Карло поставил заводы на край гибели. Была запродана платина на 10 лет вперед. Были исчерпаны все ресурсы и весь кредит. Василий Дмитриевич Белов говорил мне, что он носился по всему Петербургу, ища денег, и ждал с минуты на ми-

нута объявления о несостоятельности. Характерно, что в заводах этого не знали. Переводы денег рабочим поступали с педантичной аккуратностью»²⁰.

В своих уральских имениях Павел Павлович, судя по всему, побывал дважды. Первый раз это произошло в 1849 г., когда еще девятилетним мальчиком он сопровождал в поездке в Нижний Тагил свою мать, Аврору Карловну, и ее мужа, Андрея Николаевича Карамзина. Второй раз – в июле 1862 г., уже вступив в права владельца, Павел Павлович приезжал в имение для подписания уставных грамот. Этот приезд нашел отражение в известном романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо», а также в его памфлете «Один из анекдотических людей»²¹. По воспоминаниям очевидцев, заводчик прибыл в Нижний Тагил в шотландском костюме, что было воспринято местным населением, только что получившим свободу, как приглашение к целованию голых хозяйских коленей. В свою очередь это очень напугало Павла Павловича, не привыкшего к подобным «диким», с его точки зрения, проявлениям верноподданнических чувств. Комичный эпизод, услышанный Д.Н. Мамин-Сибиряком от участников событий, свидетельствует о том, как были далеки друг от друга заводоуправленец и его бывшие крепостные.

В тот приезд 22-летний владелец устранился от решения сложного вопроса землеустройства горнозаводского населения, доверив его своим опытным управляющим и консультантам. Но это вовсе не означало, что он не понимал его значения как для заводов, так и для работников. Через 10 лет (1872 г.) в ответ на письмо управляющего Е.К. Ните владелец откровенно высказался о проблемах, возникавших при землеустройстве населения. Оказывается, он не был противником передачи мастеровым в собственность всех земель, которыми они в действительности пользовались, но справедливо полагал, что это не поставит их «в независимость от заводского действия», поскольку душевой надел в округе «не составил бы и трех десятин, что, конечно, было очень еще далеко... от той цели». Для реальной «земельной независимости мастеровых», полагал он, не было «никакой вероятности», поскольку это привело бы к утрате заводами основной части лесных дач и их фактическому закрытию.

Кроме того при передаче наделов мастеровым возникла бы угроза чересполосицы, препятствовавшей «правильному ведению лесного хозяйства». «Хорошо понимая вред чересполосицы, существующей теперь», Павел Павлович рекомендовал «принять всевозможные меры к ее устранению... стараясь, хотя и с некоторыми пожертвованиями, сгруппировать наделы так, чтобы чересполосности не было или было как можно меньше». Серьезную проблему для заводов представляли также самовольные «росчистки», которые, как было известно владельцу, правительство намеревалось оставить за мастеровыми. «Желательно, – размышлял заводчик, – чтобы выгоды крестьян соблюдены были только в мере строгой справедливости; но я полагаю, что устранить неопределенность нынешнего положения, дающую повод мастеровым к неправильным искам и порождающую неприятные отношения их к заводууправлению, до того желательно, что для достижения этого можно было бы решиться и на некоторые жертвы, такие, впрочем, которые не грозили бы чувствительным ущербом». Он не был против и прибавки к «душевым» наделам мастеровых по $1\frac{7}{8}$ дес. леса. «Если это пожертвование приведет к столь желательному группированию наделов, то я со своей стороны готов охотно на него согласиться», – писал Павел Павлович²². Полагаем, нельзя отказать владельцу в здравомыслии по отношению к столь острому для уральских заводчиков вопросу землеустройства бывших крепостных. Очевидно, что приоритет в его решении он оставлял за заводами, не забывая при этом учесть и разумные потребности населения.

В следующий раз П.П. Демидов собирался навестить Нижнетагильские заводы летом 1880 г. Уже в марте того года управляющий И.И. Вольстедт интересовался у Петербургской конторы «когда, кто именно и сколько лиц приедут с князем...» Главной его заботой стало тогда «усиление состава хора Выйских певчих и по мере возможности содействие его улучшению в пении» посредством подыскания опытного капельмейстера. Но в мае пришло известие, что «князь не приедет в июне из Италии». Так и остались безрезультатными хлопоты управляющего²³. Отменив тогда свое путешествие в Нижний Тагил, Павел Павлович больше здесь так и не побывал. После смерти, случившейся 14 января 1885 г. от «болезни печени», его тело в сопровождении вдовы и А.О. Жонес-Спонвиля доставили из Италии и погребли в родовой усыпальнице в Выйско-Никольской церкви Нижнего Тагила. От заводского населения и даже от верхотурских «безродных бродяжек» Елене Петровне тогда было подано много просьб о помощи. Отказано не было никому²⁴.

Наследниками Павла Павловича были признаны его вдова Елена Петровна, старший 16-летний сын от первого брака Елим и дети от второго брака Аврора (11 лет), Анатолий (10 лет), Мария (8 лет), Павел (6 лет) и Елена (в возрасте до года). По закону «над лицом и имуществом» несовершеннолетних наследников учреждалось опекуновое управление. На эту роль покусилась Екатеринбургская дворянская опека, к ведомству которой территориально относились Нижнетагильские заводы. Ее председатель граф И.А. Толстой 10 апреля 1885 г. распорядился взять заводы в опекуновое управление «в части малолетних наследников». Но вмешательство «посторонних лиц» было крайне нежелательно для демидовского управления, поскольку ограничивало его полномочия и к тому же противоречило порядку назначения опекунов, определенному в завещании самим Павлом Павловичем. Поэтому из Тагила в Петербург было отправлено сообщение о «крайней необходимости устранить немедленно это вмешательство», сосредоточив все дела в Петербургской опеке, «как было при Авроре Карловне в малолетство Павла Павловича»²⁵.

Всесильные покровители Демидовых добились этого достаточно легко. Уже 27 мая 1885 г. Сенат указал учредить «особую» опеку и сосредоточить опекуновое управление в столице в составе тех самых лиц, которые упоминались в завещании. Помимо Елены Петровны ими оказались доверенные и родственники П.П. Демидова: князь Александр Сергеевич Долгоруков (в будущем обер-гофмаршал и член Государственного совета), генерал-лейтенант Петр Павлович Дурново (управляющий Департаментом уделов, в будущем московский генерал-губернатор) и егермейстер, статский советник Павел Павлович Голенищев-Кутузов-Толстой (товарищ управляющего Дворянским банком). В духовной Павел Павлович просил их «не отказывать вдове и детям... в своих добрых советах и в просвещенном руководстве»²⁶.

Если судить по записи в журнале заседаний опекунов от 9 декабря 1885 г., для обсуждения дел они намеревались собираться раз в неделю. Само же «непосредственное заведование» делами наследников по-прежнему сохранялось за главноуполномоченным А.О. Жонес-Спонвилем. «Желая воспользоваться продолжительной опытностью Вашей в руководстве всеми делами покойного Павла Павловича... безграничное доверие которого к Вам вполне нам известно, и принимая во внимание то, что непосредственное наше управление обширными и сложными делами покойного при их разъединенности и отдаленности от центра управления представляется невозможным... – писали опекуны Анатолию Октавовичу, – доверяем Вам управлять всеми поступившими в ведение опеки именными с тем только, чтобы пре-

доставлять каждому из нас еженедельные ведомости, подробные месячные отчеты и годовые сметы»²⁷.

Сложные условия перехода наследства зафиксированы в завещании князя, составленном еще в 1884 г. при свидетелях обер-егермейстере князе Б.Ф. Голицыне, А.О. Жонес-Спонвиле и В.Д. Белове в доме № 22 по Дворцовой набережной, где тогда жил П.П. Демидов. В соответствии с этим актом, Нижнетагильские заводы с принадлежавшей к ним лесной дачей (543 391 дес. на праве посессионном и 17 567 дес. на праве полной собственности) и «василеостровские» дома в Петербурге переходили всем наследникам «в узаконенных частях» (вдове – $\frac{1}{7}$, сыновьям – по $\frac{3}{14}$, дочерям – по $\frac{1}{14}$). В «единственное» владение Елены Петровны предполагалось «благоприобретенное» заграничное имение Пратолино и $\frac{1}{4}$ часть Завадовщины (по $\frac{1}{8}$ части этого имения получали все дети). Прочие купленные Павлом Павловичем владения (включая Луньевские заводы) передавались вдове в пожизненное владение. Доходы с них делились поровну между вдовой и сыновьями, но до их совершеннолетия находились в полном распоряжении княгини, которая из этих денег могла выдать приданое дочерям. После ее кончины имения переходили сыновьям «в равных частях».

О главном своем достоянии – родовых Нижнетагильских заводах – Павел Павлович распорядился, чтобы они «всегда составляли одно нераздельное имение», поскольку «только при этом условии могли достигнуть нынешнего своего благоустройства». «Чтобы сохранить их в этом состоянии, развивать и совершенствовать их деятельность, – писал владелец, – необходимо, чтобы они и впредь оставались неразделенными, т. е. чтобы наследники мои не раздробляли на части Нижнетагильского заводского округа, а владели им сообща. Советую моим наследникам и прошу их следовать неукоснительно настоящему моему указанию. Но как исполнение его может сопровождаться полным успехом только при сохранении единства при управлении заводов, то я желаю, чтобы впредь до достижения всеми моими детьми 21 года, Нижнетагильские заводы находились под управлением лиц, которых я назначаю опекунами. Когда же самому младшему из моих детей исполнится 21 год, то желательно, чтобы управление заводами перешло к одному старшему моему сыну»²⁸.

Однако выяснилось, что духовная П.П. Демидова трудно выполнима, поскольку, как определили привлеченные юристы, «одни и те же лица в разных имущественных являлись наследниками то по закону, то по завещанию». Не менее сложной оказалась и ситуация с управлением общим имением. Уже в 1885 г. среди его «распорядителей» были вдова, опека и старший сын Елим Павлович. «Можно представить, какие затруднения неизбежно должны возникнуть из такого разноразличия», – заключал занявший должность «поверенного по делам и имениям наследников» В.Д. Белов. Считая, что «соединение управления в одних руках посредством выдачи доверенностей от всех одному» непрочно, он предлагал «устроить отношения посредством такой комбинации, основанной на формальном акте, при которой все имения, кроме Иллинецкого, были бы соединены в одних руках, а княгиня получала бы доход, который не был бы менее того, на какой она может рассчитывать в том случае, если оставить вещи при настоящем положении»²⁹. Этого можно было достичь «выделом» вдовы и организацией общего управления имением по образцу уже действовавших на Урале нескольких подобных управлений «многовладельческими» округами.

После «консультаций» наследники 21 февраля 1887 г. совершили раздельный акт (утвержденный 22 мая), в соответствии с которым Елена Петровна отказыва-

лась от участия во всех имениях мужа и уступала детям все завещанное ей движимое и недвижимое имущество. Взамен она получала «в полную и единственную собственность» виллу Пратолино во Флоренции, Иллинецкое имение на Украине и сверх того пожизненную ренту от всех сонаследников в 120 тыс. руб. в год, выплаты которых должна была начаться 15 января 1885 г.³⁰

Кроме 18-летнего Е.П. Демидова акт подписали опекуны П.П. Дурново, П.П. Голенищев-Кутузов-Толстой и сменивший А.С. Долгорукова егермейстер К.П. Линдер. После отказа П.П. Дурново от попечительства над Е.П. Демидовым 17 ноября 1887 г. (указ подписан 19 декабря) вместо него утвердили действительно-го статского советника Юрия Степановича Нечаева-Мальцова, владельца знаменитых Гусевского и Дятьковского хрустальных заводов, которому подопечный приходился дальним родственником (он был внуком двоюродной сестры Ю.С. Нечаева-Мальцова)³¹.

Отказавшись от владения заводами, Елена Петровна, тем не менее, отчасти сохраняла контроль над их деятельностью и бюджетом, из которого изымалась назначенная ей рента. Как следует из документов 1894–1895 гг., проживавшая тогда в Одессе княгиня каждый месяц получала отчет по всем конторам, сравнительные ведомости о продаже металлов Нижнетагильских и Луньевских заводов, свой личный счет и счета всех детей, обязанных по раздельному акту переводить ей ежемесячно по 10 тыс. руб. Из причитавшихся ей денег Е.П. Демидова выплачивала небольшие пенсии (по 200 или 500 руб. в месяц) своей сестре графине М.П. Бельской и брату князю А.П. Трубецкому³². Виллу Пратолино в 1903 г. она подарила любимой дочери Марии, вышедшей замуж за князя С.С. Абамелек-Лазарева, владельца соседних с демидовскими Чермозских заводов. Известно также, что в 1893 г. она купила виллу Сант-Андреа в Сан-Касьяно, но в 1903 г. продала ее³³.

В 1885 г. были урегулированы и имущественные отношения Елены Петровны с матерью, княгиней Елизаветой Эсперовной Трубецкой (урожденной княжной Белосельской-Белозерской), которая до 1861 г. оставалась совладелицей родовых Катав-Ивановских заводов на Южном Урале. Оказывается, еще в 1883 г. П.П. Демидов «принял на себя управление имениями княгини и приведение в порядок ее дел с оказанием ей при этом денежной помощи и с выдачей денег на содержание по бюджету». Взамен все доходы с имений тещи (села Елизаветино и Богородское в Рязанской губернии и имение Баки) должны были поступать зятю. Но, по мнению членов Петербургской конторы, он был поставлен в «ложное положение», поскольку, приняв на себя обязанности поверенного, не мог в этом качестве распоряжаться имениями. Поэтому Елизавета Эсперовна управляла ими самостоятельно, «употребляя средства имений на свои личные потребности», а П.П. Демидов «покрывал из своей кассы все расходы княгини, не получая обратно ни копейки». К началу 1885 г. эти расходы достигли 92 853 руб. Главное правление после смерти Павла Павловича решило «на законных основаниях» урегулировать отношения с княгиней Е.Э. Трубецкой. Ей предложили обеспечить долг Демидовым залогом рязанского имения, с. Елизаветино продать, имение Баки взять в аренду для рубки там леса и выдавать в год по 5 тыс. руб. «на квартиру» и по 20 тыс. руб. на домашние расходы³⁴.

Новая ситуация с владением, сложившаяся после заключения акта 1887 г., лишь отчасти упрощала управление общим имуществом (из него исключили только «вдовью» часть). Тем не менее оно сохранялось в руках шести совладельцев, уменьшить количество которых было невозможно до снятия опеки. Видимо, некоторые из них и не выражали готовности исполнить волю отца и передать управление и владение заводами старшему брату Елиму.

Беспокойство по поводу эффективности возможного «многочленного» управления, в котором, по мнению компетентного В.Д. Белова, «по естественному порядку вещей разногласия будут неизбежны», вскоре заставило обратиться ко второму, подсказанному тем же мудрым В.Д. Беловым этапу преобразования формы владения и управления по образцу уже утвержденных властями «положений» для Алапаевских, Невьянских и Пожевских заводов. Привлекательность подобных «положений» заключалась в том, что в них четко определялись пределы компетенции каждого совладельца в Общем собрании, зависевшие от его доли участия во владении, и избирался единый коллегиальный орган управления. Установленный порядок санкционировался самим императором и становился, поэтому, обязательным для всех совладельцев (такая форма владения называлась «семейно-паевым товариществом»).

В апреле 1896 г. наследники подали прошение министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову. «Разделенное на шесть неравных частей, – объясняли они, – все громадное горнозаводское имение благодаря малолетству наследников... в продолжение первых 10 лет после смерти П.П. Демидова... управлялось опекунами, назначенными в духовном завещании... Необходимые единство и стройность в управлении таким сложным и разнообразным горнозаводским делом, твердое и благоприятное направление всех торговых дел и предприятий Демидовых и, наконец, хозяйственное отношение к самим заводам, их управлениям и местному горнозаводскому населению достигались исключительно благодаря полному согласию и взаимному доверию, неизменно поддерживавшемуся все это время между опекунами, общая воля которых обращена была всецело на преуспевание заводов и охранение интересов малолетних владельцев». Но, констатировалось в прошении, «в настоящее время» из наследников П.П. Демидова трое уже достигли полного совершеннолетия, двое хотя еще и не достигли, но перешли уже 17-летний возраст и по закону сами могли управлять своими делами и имениями, и только одна малолетняя Елена Павловна Демидова состояла под опекой. «Наступил момент, когда кроме трех опекунов в управлении общим имением входят еще пять самостоятельных лиц, каждый со своими взглядами и воззрениями на дело, характер его управления и способы получения и расходов заводских доходов и прибылей, – сообщали совладельцы. – Разделенное теперь уже на шесть неравных частей в недалеком будущем общее имение должно подвергнуться еще большему раздроблению, и вот, сознавая вполне эту опасность, которая может грозить делу и общим интересам при малейшем несогласии между совладельцами, озабочиваясь сохранением и на будущее время в управлении общим имением необходимости единства и полного порядка... все наследники... пришли к единогласному решению учредить над горнозаводским имением... управление, на особых основаниях... соответствующих местным обстоятельствам и условиям наших заводов».

Рассмотрев подготовленный проект, чиновники министерства пришли к заключению, что «в управлении горнозаводскими имениями наследников П.П. Демидова до настоящего времени не происходило каких-либо замешательств благодаря полному согласию между совладельцами или их опекунами, но в этом обстоятельстве не содержится никакого ручательства в том, что и в будущем не возникнет никаких недоразумений». Поэтому, полагали они, «нельзя не сочувствовать единогласно выраженному совладельцами желанию предупредить всякую возможность возникновения в будущем каких-либо затруднений в управлении их имением вследствие случайного разногласия совладельцев». Проект представлялся им «согласованным как с подобными же положениями, так и с установившимся типом уставов акцио-

нерных обществ и товариществ на паях». Хотя в частностях он несколько отличался от других положений, но «установление таких отличий может, очевидно, зависеть главным образом от воли самих владельцев и по существу сих отличий со стороны министерства... не встречается никаких возражений». В октябре проект рассматривался в Комитете министров и был там поддержан³⁵.

«Положение об управлении имениями наследников П.П. Демидова князя Сан-Донато» было утверждено императором 2 октября 1896 г.³⁶ В состав подведомственного имущества вошли Нижнетагильский и Луньевский горнозаводские округа, две Усьвенские дачи и Левшинская пристань в Пермской губернии, «василеостровские» дома в Петербурге, лавки на Балчуге и «садовнический» дом в Москве, а также дома в Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону. Готовужское имение и Завадовщина в составе общего демидовского имущества уже не значились. «Для более удобного определения степени участия каждого из владельцев» оно было поделено на 1050 паев.

В соответствии с законом, по $\frac{3}{14}$ доли всего имущества (по 275 паев) принадлежали Елиму, Анатолию и Павлу Демидовым; по $\frac{1}{14}$ (по 75 паев) – Авроре (в 1892–1896 гг. была замужем за светлейшим князем Арсеном Карагеоргиевичем, братом сербского короля Петра I; с 1897 г. – за пфальцграфом Николо ди Ногера), Марии (с 1897 г. замужем за князем Семеном Семеновичем Абамелек-Лазаревым) и Елене (с 1903 г. замужем за графом Александром Павловичем Шуваловым, с 1909 г. – за Николаем Алексеевичем Павловым). «Положение...» предоставило совладельцам возможность свободно распоряжаться своими долями, продавать или завещать их, ограничив ее условием предоставления первоочередного права на покупку соучастникам в общем владении. Если желание купить доли выражали несколько совладельцев, то эти доли распределялись «пропорционально принадлежащему каждому из них к тому времени количеству долей в общем имении». В первые пять лет «первоначальные собственники имения» в порядке старшинства сохраняли право «преимущественного удержания за собою отчуждаемых одним из совладельцев долей по определенной ныне на все эти пять лет вперед цене, именно по 10 тыс. руб. сер. за каждую долю». Все имение, таким образом, оценивалось в 10,5 млн руб. и было одним из самых крупных в России.

Владельцы составляли Общее собрание, имея в нем право на количество голосов пропорционально доли каждого во владении. «Непременному ведению» Общего собрания, созываемому дважды в год, подлежали «рассмотрение и утверждение сметы на будущий год; утверждение плана эксплуатации принадлежащих совладельцам имений; ассигнование на эти предметы и на другие надобности по делам потребных для заводов сумм; разрешение вопросов о займах у частных лиц или в банковских и кредитных учреждениях... рассмотрение и утверждение отчетов за истекший год; рассмотрение и утверждение всех предположений относительно отчуждения принадлежащих совладельцам или же приобретения в общую собственность, или пользования совладельцами какими-либо новыми недвижимыми имениями, лесными дачами, рудниками, приисками и другими угодиями; рассмотрение и утверждение проектов, договоров и контрактов на сроки, более трех лет заключаемых; избрание членов Главного правления, кандидатов к ним и членов Ревизионных комиссий и утверждение всякого рода инструкций для руководства Главному правлению». Собрание считалось состоявшимся, если присутствовавшие на нем владельцы (или их поверенные) составляли не менее $\frac{3}{4}$ голосов (один голос приравнивался к одной «целой» доле владения). Решения принимались простым большинством голосов, за исключением вопросов о продажах, покупках и залогах, а также

расходования запасного капитала и переменах в тексте «Положения...», которые решались «большинством $\frac{2}{3}$ голосов».

Главное правление располагалось в Петербурге и состояло из трех членов и трех кандидатов, избираемых на Общем собрании «из среды самих владельцев или из их поверенных» сроком на три года. Избранный членами правления председатель созывал заседания правления «по мере надобности, но не менее одного раза в месяц». Правление ведало всеми делами имения и «как представитель всех владельцев» от их лица выступало «во всех присутственных местах и у начальствующих лиц без особой на то доверенности». Важнейшей функцией Главного правления считалось составление годовых отчетов для Общего собрания владельцев и рассмотрение споров между ними.

В «Положении...» также устанавливался порядок распределения прибыли, остающейся «за покрытием всех операционных расходов и убытков». Первоначально из нее отчислялось 10% «на образование оборотного капитала для заводского действия» (до составления суммы в 3 млн руб.), 10% – на образование запасного капитала, идущего «на покрытие непредвиденных расходов и убытков, а также на расширение и улучшение заводских предприятий и устройств и на введение новых производств» (до 2 млн руб.), и 5% – на вознаграждение членов Главного правления. Правлению разрешалось размещать свободный оборотный и запасной капиталы на счетах Государственного или частных банков и «обращать в процентные бумаги». Остаток, составлявший «чистый доход», подлежал выдаче владельцам в соответствии с количеством долей владения.

В Общем собрании голоса подопечных представляли опекуны, деятельность которых прекращалась по мере достижения совладельцами 21-летнего возраста или при выходе сестер замуж. В 1903 г., когда в свой первый брак вступила младшая из сестер Елена Павловна Демидова, опека завершилась. Но перехода владения или управления в руки старшего брата Елима не последовало в силу действовавшего «Положения...» В нем произошли лишь частичные изменения, санкционированные в 1899 (о сроках операционного года), 1906 (о распределении прибылей) и 1912 гг. (о количестве членов Главного правления)³⁷. Важным следствием осуществленного в 1903 г. крупного залога имения в Нижегородско-Самарском земельном банке (7,6 млн руб.) стало включение в параграф о распределении прибыли обязательства дополнительно к 20% на оборотный и запасной капиталы отчислять еще 25% или более (по постановлению Общего собрания) «на составление капитала погашения имуществ». Сумма «чистого дохода» сокращалась, как минимум, с 75 до 55%. Но если раньше она вся могла составить дивиденды совладельцев, то теперь из нее еще вычиталось не предусмотренное первой редакцией «Положения...» «особое вознаграждение» членам Ревизионной комиссии и кандидатам, временно заступавшим место членов Главного правления. Кроме того, отменялось 5%-е отчисление членам и кандидатам правления, которым вместо этого установили «определенное содержание». По решению Общего собрания, им назначалось еще нефиксированное «процентное из чистой прибыли вознаграждение» по итогам операционного года. В усложнившейся к тому времени финансовой ситуации владельцы вынуждены были согласиться на существенное сокращение своих дивидендов и создание дополнительных стимулов для членов Главного правления, на которых они полностью возложили свои административные функции.

Вместе с тем Общему собранию было предоставлено право «определять при рассмотрении ежегодной сметы размер предварительного дивиденда, подлежащего выдаче владельцам из кассовых средств предприятия в счет причитающегося им

чистого дохода». После подведения итогов года и утверждения суммы дивидендов эти «выдачи» удерживались, а в случае недостатка записывались долгом на владельцев «с начетом процентов по постановлению Общего собрания». Видимо, это была «цена» уступки Демидовых по снижению доли «чистого дохода». По подсчетам П.А. Пепеляева, поверенного М.П. Абамелек-Лазаревой, до завершившегося с убытком 1902/03 операционного года владельцы ежегодно забирали в среднем до 100 тыс. руб. сверх того, что им полагалось по «Положению...».

Эти изменения в порядке распределения доходов обуславливались, как можно предположить, происшедшими в начале XX в. переменами в составе владельцев и в соотношении долей между ними. Аврора Павловна Демидова скончалась в Италии 2 июня 1904 г. Ее наследниками остались муж – пфальцграф Николо-Джованни-Мария ди Ногера, малолетние дети – Альберт, Джованни, Амадео и Елена ди Ногера, а также малолетние сыновья от первого брака – князь Павел Карагеоргиевич (уже с 1893 г. ему отчислся капитал, оставленный Е.П. Демидовой)³⁸, а также близнецы Сергей и Николай (не признавались Арсеном Карагеоргиевичем своими детьми)³⁹.

По затянувшимся (видимо, в связи с малолетством большинства наследников) «определениям» Петербургского окружного суда от 20 января и 12 октября 1907 г. (в отношении ди Ногера), 15 октября 1911 г. (в отношении ди Ногера и Карагеоргиевичей) все они были утверждены в правах наследства. В результате часть общего имущества, принадлежавшая Авроре Павловне, оказалась в руках восьми новых владельцев, каждый из которых получил положенную по закону долю (муж – $\frac{1}{7}$, дочь – $\frac{1}{14}$, шесть сыновей поровну делили оставшиеся $\frac{11}{14}$ долей)⁴⁰. Имущество малолетних наследников находилось под опекой дяди С.С. Абамелек-Лазарева и Н. ди Ногеры⁴¹.

К моменту своей кончины Аврора Павловна числилась владелицей уже не 75, а 50 долей. Воспользовавшись условиями «Положения...», она успела продать совладельцам 25 своих паев; 20 паев продал и ее брат Анатолий Павлович. В недатированной записи «журнала опекунов» начала XX в. (в период между 1904 и 1909 гг.) значилось, что в результате этих продаж Елим владел 280 паями, Анатолий – 255, Павел – 300, Мария – 75, Елена – 90, наследники Авроры – 50 паями. В соответствии с этим расчетом, тогда распределялись и дивиденды. Их общая величина составила 210 тыс. руб., из них Елим должен был получить 56 тыс., Анатолий – 51, Павел – 60, Мария – 15, Елена – 18, наследники Авроры – 10 тыс. руб.⁴²

Возможно, в связи с претензиями наследников Авроры Павловны и ее сестер (которым по закону должна была принадлежать не только $\frac{1}{14}$ часть недвижимого, но и $\frac{1}{8}$ часть движимого имущества) в 1906 г. в «Положение...» внесли дополнение о том, что установленное в соответствии с правом наследования соотношение долей в недвижимом имуществе распространяется и на движимое имущество. Из новой редакции «Положения...» был полностью исключен параграф о спорах между владельцами, которые прежде решало Главное правление, и жалобах владельцев

на Главное правление, которые рассматривались на Общем собрании или «общим судебным порядком». Отсутствие этой статьи в «Положении...» выводило столь значимую для любого семейно-паевого товарищества сторону управления из компетенции как Главного правления, так и Общего собрания и передавало ее под юрисдикцию гражданского суда. Такая особенность в деятельности товарищества могла стать следствием либо отсутствия споров между его участниками и их полного согласия по всем вопросам владения и управления общим имуществом, либо, напротив, уже имевших место случаев невозможности решить конфликтные ситуации собственными силами. Выясняется, что среди владельцев сложились к началу XX в. две враждующие группировки. По-видимому, они возникли после окончания опеки, когда распределение голосов в Общем собрании позволяло создавать решающий перевес в пользу той или иной группировки при решении всех вопросов и выборе членов Главного правления. Скорее всего, формирование враждующих «альянсов» обуславливалось появлением в составе претендентов на участие в управлении такой влиятельной и амбициозной личности, как муж Марии Павловны Демидовой князь С.С. Абаменек-Лазарев.

Князь был владельцем соседнего с Луньевскими заводами богатейшего пермского горнозаводского имения Лазаревых и выступал конкурентом Демидовых на рынке железа, угля и платины. Он сам или председатель его Главного правления П.А. Пепеляев представляли интересы княгини М.П. Абаменек-Лазаревой и подопечных Карагеоргиевичей и ди Ногера в Общем собрании. По воспоминаниям жены Елима Павловича, Софьи Илларионовны Демидовой, князь «был хитер и не любил Елима». Впервые следы его влияния обнаруживаются в переписке Е.П. Демидова с председателем Главного правления Нижнетагильских и Луньевских заводов А.Н. Ратьковым-Рожновым (занявшим эту должность после снятия опеки) в сентябре 1906 г. Тогда Е.П. Демидов по поводу назначения управляющим заводами инженера В.А. Грамматчикова писал: «Мне казалось бы неуместным завербовать его против согласия Абаменека; отношения наши и без того сильно натянуты». В декабре 1913 г. Елим Павлович был обеспокоен «расколом в лоне правления» из-за управляющего Владыкина. «Чтобы солидарность правления, стоящая миллионы, не страдала! Чтобы из-за Владыкина не скомпрометировано было общее положение в руку Абаменек-Лазаревых. Вот что важно!» – подтверждал он наличие сохранявшихся и через семь лет противоречий между ними⁴³.

В «группу Абаменека», судя по всему, вошел позже и муж Елены Павловны, член Союза русского народа Н.А. Павлов, представлявший ее интересы в Общем собрании владельцев. В январе 1909 г. он даже ненадолго избирался председателем Главного правления. Участвовавшая в этих собраниях С.И. Демидова писала, что Н.А. Павлов был «путаник и мелочник, говорун и краснбай, ничего в делах не понимающий и ведомый Абаменек-Лазаревым за нос, а может и сам желающий воспользоваться; дурит бесконечно и, кажется, всей душой ненавидит Елима»⁴⁴. Сам Елим Павлович в июне 1910 г. спрашивал А.Н. Ратькова-Рожнова: «Как прошло у Вас Общее собрание? Надеюсь, Вы не встретили никаких затруднений в этой докучливой формальности... Я же прямо не могу и не в силах находиться в обществе Павловых и Пепеляевых...»⁴⁵ Раньше он был осторожнее и в своих высказываниях об Общем собрании, и в своем отношении к нему, поскольку не имел там гарантированного большинства голосов. Но заодно с ним до своей кончины выступал младший брат Павел Павлович, имевший самое значительное количество голосов (300). Не случайно еще в 1906 г. он составил завещание в пользу именно старшего брата.

Павел Павлович Демидов-мл. скончался 17 апреля 1909 г. в Париже от «злокачественной лихорадки», видимо заразившись ею во время охоты в Африке. «Не имея наследников в нисходящей линии», он передал все недвижимое имущество, доставшееся ему по наследству от отца, Елиму Павловичу. Из оставшегося движимого имущества он просил «выдать каждому из... дорогих сестер и братьев... что-либо на память» и похоронить его «ни в коем случае не в России, а на парижском кладбище *Père Lachaise* в фамильном склепе Демидовых»⁴⁶.

«Это завещание очень взбудоражило некоторых членов семьи, – писала тогда Софья Илларионовна. – Вообще... очень тяжело и грустно, что разлад полный и разлад с интригами, действиями исподтишка и всею гадостью, которую только можно вообразить. Анатолий, главный, который мог обидеться завещанием Павла, ведет себя лучше всех. Что Абамелек хочет, для нас непонятно, но он все тормозит и мешает. Дня три тому назад было Общее собрание владельцев, на котором должны были решаться очень важные принципиальные вопросы, до открытия заседания Елим обречался при всех к нашему юрисконсульту с вопросом, легально ли собрание, тот отвечает, что да, так как более $\frac{3}{4}$ пайщиков или представителей пайщиков налицо. Тут представитель Абамелека (сам он не явился) опротестовал это заявление, говоря, что так как Елим еще не утвержден в наследстве, то пай Павла не представлены и $\frac{3}{4}$ нет. Все возражения юриста на это замечание, что Елим как душеприказчик может и даже должен представлять пай Павла, ни к чему не привели, и заседание было сорвано. И это сделано было в момент серьезный, когда каждый день крупная потеря, сделано было, очевидно, нарочно». «Не принять во внимание протест поверенного Абамелека слишком опасно, – поясняла Софья Илларионовна, – так как Абамелек такой господин, что способен придаться и судом и чем угодно против всякого решения, принятого в этом Общем собрании»⁴⁷.

После утверждения завещания 10 июня 1909 г. Е.П. Демидов оказался владельцем самой значительной доли общего владения (580 из 1050 паев, или 55%). Понятно, что в такой ситуации враждебный «альянс» Абамелека – Павлова, представленный всего 215 голосами в Общем собрании, уже не мог влиять на текущие дела (решавшиеся простым большинством голосов) и мог что-либо значить при решении важнейших вопросов управления (требовавших $\frac{2}{3}$ голосов) или организации заседаний Общего собрания (требовавших наличия $\frac{3}{4}$ голосов) при условии поддержки Анатолия Павловича. Тот же предпочитал извлекать выгоду из такого удобного для него положения, добиваясь удовлетворения своих все возраставших запросов. Но, поскольку в Главном правлении доминировали представители Елима Павловича, Анатолий Павлович чаще всего соглашался с их мнением.

Так, в марте 1913 г. Е.П. Демидов убеждал А.Н. Ратькова-Рожнова: «...опасение относительно Анатолия не выдерживает... критики. Влияния на него Абамелека нечего бояться... Во всяком случае, я мог бы Анатолию написать и восстановить его колеблющееся настроение». «Анатолий усиленно домогается получения большего дивиденда, и... он навсегда удовлетворился бы 72 тыс. руб. в год, – объяснял «основной владелец» причины своей уверенности. – Я склонен думать, что следовало бы пойти ему навстречу, дабы отнять у него поводы к недовольству... Оно и не ляжет таким тяжелым бременем на нас». Когда в начале 1914 г. из Парижа, где жил Анатолий, пришло известие о его болезни и приезде туда четы Павловых, Елим Павлович ограничился лишь письмом «с выражением сочувствия и надежды скорого выздоровления». «Что же касается посещения Павловыми, – размышлял он, – то я не придаю этому обстоятельству особого значения, ибо у бедняжки во всяком случае наибольший интерес оставаться с нами. Вообще мне что-то кажется, что Пав-

лов несколько потерял прежний пыл и примирился с необходимостью». Хотя раньше он, по-видимому, доставлял неприятности А.Н. Ратькову-Рожнову на заседаниях Общего собрания. «Заявление Павлова, вероятно, не заслуживает никакого внимания, так как взыскивать с кого-либо судебным порядком за убытки, происшедшие вследствие постановления Общего собрания, ему никоим образом не удастся, как я понимаю, – отвечал Е.П. Демидов на жалобу председателя. – Это просто попытка запугивания некоторых членов правления, а также и меня»⁴⁸.

Таким образом, создание демидовского семейно-паевого товарищества не устранило в целом типичной для «многовладения» ситуации конфронтации между его участниками по некоторым важнейшим вопросам управления. Особенность возникших здесь в начале XX в. двух враждующих «альянсов» заключалась в кажущемся противостоянии братьев и сестер, голосами которых манипулировали их представители в Общем собрании. Из-за преобладающего количества голосов ведущее положение занимала группа Е.П. Демидова, к которой до своей кончины принадлежал и П.П. Демидов. Голоса А.П. Демидова, как можно предположить, «покупались» братьями за уступки в сумме дивидендов. Активно поддерживала Елима Павловича Демидова и его деятельная супруга Софья Илларионовна, дочь влиятельного министра Императорского двора и уделов (1881–1897 гг.) и наместника на Кавказе (1905–1915 гг.) графа И.И. Воронцова-Дашкова. Ее присутствие на заседаниях Е.П. Демидов даже считал полезным для сохранения «солидарности правления». «Жена, находящаяся теперь в Петербурге, может быть, несколько способствует примирению умов, – замечал Елим Павлович в письме, датированном апрелем 1913 г. – Женская атмосфера часто смягчающе действует не столько логичностью мысли, сколько врожденным чутьем и деликатностью чувства. Мне кажется, что присутствие иногда на заседаниях правления и Зинаиды Владимировны (жены А.Н. Ратькова-Рожнова, урожденной Философовой, кузины С.П. Дягилева. – Е.Н.) наладило бы много и устранило бы немало шероховатостей». В особенно сложных ситуациях Елим Павлович склонялся даже к возможности привлечь на свою сторону Елену Петровну Демидову, проживавшую в Одессе. В том же письме он давал согласие на уплату махехе просроченных платежей и предлагал написать ей «о желательности ее воздействия на двух наших анабаптистов» (имелись в виду ее дочери и их мужья). «Она теперь, пожалуй, удовлетворенная получением просроченных платежей, скорее нам симпатизирует», – размышлял он⁴⁹.

В результате доминирования «группы братьев» в Общем собрании членами Главного правления выбирались, как правило, их ставленники. Доверенным лицом Е.П. Демидова был фактически бессменный (в 1903–1918 гг.) председатель Главного правления действительный статский советник А.Н. Ратьков-Рожнов, бывший вице-директор Департамента железнодорожных дел, председатель правления синдикатов «Медь» и «Кровля»⁵⁰. На протяжении длительного времени в составе правления оставались директор Пермского лесопромышленного и торгового общества Н.В. Раевский и член правлений Торгово-промышленного банка, общества «Платина» и Донецко-Грушевского общества Н.С. Толмачев. Елим Павлович придавал особое значение сохранению единства членов Главного правления и старался предотвратить возникновение конфликтов между ними. «Вообще сознание солидарности правления должно остаться непоколебимым – а то мы играем в руки нашим противникам», – полагал он⁵¹.

Более других Е.П. Демидов ценил Александра Николаевича Ратькова-Рожнова, вел с ним деловую и личную переписку, свидетельствующую о доверительных отношениях между адресатами. «Сердечно присоединяюсь к Вам в эти трудные ми-

нуты, – писал он председателю Главного правления в сентябре 1906 г., – и слежу с благодарностью за неутомимой Вашей деятельностью, столь энергично направленной к восстановлению традиционного двухсотлетнего Тагильского дела. И это не фраза. Помимо извлечения нами материальных выгод от Ваших постоянных усилий зарождается у меня некоторое чувство приятного удивления при виде прилагаемой Вами энергии по сравнению с поразительной всеобщей апатией русского общества и с бездействием правительственных сфер. От души желаю Вам успеха не только для себя, но и для примера, данного Вами нашим дремлющим соотечественникам!»⁵² Когда в 1913 г. А.Н. Ратьков-Рожнов задумал приобрести «для обеспечения своих детей» несколько паев Нижнетагильских заводов, Е.П. Демидов воспринял это как «самое осязательное доказательство... твердой и глубокой... его веры» в их «предприятие». «Я, признаюсь, уже давно думал о том, чтобы Вам предоставить известное количество наших паев, – писал он, – и не только Вам, но и Спизарному (управляющему заводов. – Е.Н.), а может быть, и некоторым другим. Об этом я уже говорил с женой, но нас останавливает то обстоятельство, что устав требует... предварительного обращения на покупку паев ко всем настоящим владельцам. При таком обязательном предложении не купит ли вдруг Абамелек, что крайне нежелательно?»⁵³

В отличие от тактичного председателя, Николай Владимирович Раевский зачастую создавал в Главном правлении конфликтные ситуации. «Думаю, – писал Е.П. Демидов по поводу одного из таких случаев, – что в основании недоразумения лежит отчасти категоричность и не совсем парламентское обхождение к коллегам своим со стороны Раевского. Характера и воспитания людей не изменить – приходится с ними мириться и насколько возможно пользоваться их способностями»⁵⁴.

Непримиримые отношения установились у Н.В. Раевского, в частности, с управляющим заводами Н.А. Спизарным, решительным сторонником реконструкции заводов и оптимизации трудовых отношений. Посетив Нижний Тагил в 1915 г., А.Н. Ратьков-Рожнов был удручен «от совершенно ненормальных, вполне отрицательных взаимных отношений Спизарного и Раевского». «Последний находит и не скрывает того, что Спизарного надо сменить, и видит только худое, а тот, зная это, считает, что Николай Владимирович мало или ничего не понимает в заводском оборудовании с технической стороны, обращает свое внимание не на главные стороны дела, а на сравнительно мелочи. К тому же оба они не особенно воспитаны, а потому один (Раевский) говорит или резко, или просто молчит, другой (Спизарный) почти демонстративно игнорирует Раевского», – сообщал председатель Главного правления Елиму Павловичу. В такой ситуации Н.В. Раевский даже «просил его отпустить», на что А.Н. Ратьков-Рожнов, как он сам отмечал, «возражал, указывая ему, в какое трудное положение» он ставит Е.П. Демидова, «находящегося вот уже почти год так далеко от нас и вместе с тем от дела и всех его подробностей». «Мы оба находимся в одном положении, – передавал он свой разговор с Н.В. Раевским, – ни Вы, ни я не можем, по-моему, по совести оставить дело до возвращения в Петербург Елима Павловича, и оба должны друг другу помогать, делая взаимные уступки... так как дело поручено... нам обоим одинаково». Иногда в переписке проскальзывают упоминания и о разногласиях с Н.С. Толмачевым. «Николай Степанович относится, по-видимому, отрицательно к нашим предложениям...» – свидетельствовал Е.П. Демидов в апреле 1913 г. Но эти разногласия были, очевидно, не очень острыми⁵⁵.

Согласованности в управлении «основной владелец» желал не только для сохранения ее видимости. На протяжении многих лет он жил вне пределов России и

надеяться мог только на сплоченный состав единомышленников в Главном правлении. После окончания в 1890 г. Императорского Александровского лицея, Елим Павлович был принят в штат Министерства иностранных дел. С 1894 г. он состоял при посольстве России в Лондоне, в 1902 г. назначался первым секретарем посольства в Мадриде, в 1903 г. – в Копенгагене, в 1905 г. – в Вене; с 1908 г. служил чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел, с 1911 г. – в Париже. Вершиной его дипломатической карьеры стало назначение чрезвычайным посланником России в Афинах в 1912 г. с получением чина действительного статского советника⁵⁶.

«Живя далеко от дел, я не могу отдать себе ясный отчет об... управлении», – замечал Е.П. Демидов во время тяжелого для всей уральской промышленности кризиса начала XX в., когда Нижнетагильские заводы испытывали острую нужду в финансах. До назначения на пост посла в Греции Елим Павлович регулярно приезжал в Петербург, посещал он и свои уральские владения. Как свидетельствует инженер В.Е. Грум-Гржимайло, впервые он приехал туда в 17-летнем возрасте еще во времена опеки. Второй приезд состоялся в феврале 1891 г. Тогда «вся аристократия» отправилась в свои имения спасать население от разразившегося голода. «Елим Павлович выезжает в Тагил во вторник в сопровождении двух господ (сенатора Бонари и сына опекуна П.П. Толстого, своего товарища) и одной прислуги, – телеграфировал заводууправлению А.О. Жонес-Спонвиль. – Приготовьте в Златоусте две кибитки для пассажиров и один экипаж для багажа, теплые одеяла, подушки и все необходимое. Вышлите в Златоуст двух опытных провожатых, приготовьте в Тагиле все для приема. В Екатеринбурге – короткая остановка». Плата рабочим тогда была повышена, и «люди не голодали». В ту поездку молодой владелец вместе с управляющим В.А. Грамматчиковым посетил еще и Александровский завод⁵⁷. В третий приезд владельца сопровождали жена и опекун Ю.С. Нечаев-Мальцов. Особенно «восторженных отзывов» удостоилась тогда Софья Илларионовна, которая, по наблюдению В.Е. Грум-Гржимайло, одна только и интересовалась заводами⁵⁸.

Судя по всему, последующие приезды были необходимы прежде всего для сглаживания разногласий между членами Главного правления, вызванных набравшим силу рабочим движением, и стабилизации ситуации на заводах. «В Тагиле время прошло очень быстро... мы выдержали настойчивую борьбу... и отвоевали заводы... надежды на будущее хороши», – писала С.И. Демидова об одной из поездок с мужем на Урал в 1910 г. В следующем году она сообщала: «...в делах (тагильских) все, можно сказать, хорошо, если не считать теперешнюю забастовку на Салдинском рельсопрокатном заводе, она уже месяц как держится и, конечно, весьма не приятно, но мы хотим выдержать ее до конца и ничего не уступать. В денежном отношении эта забастовка весьма чувствительна, так как это значит 250 тыс. руб. в месяц потери для оборота, в особенности теперь она чувствительна, когда в заводы надо посылать массу денег для заготовок сгораемого»⁵⁹.

Непосредственное участие владельца в делах приобрело особое значение, когда в 1912 г. Елим Павлович поддержал план коренной реорганизации Нижнетагильских и Луньевских заводов, разработанный А.Н. Ратьковым-Рожновым, Н.А. Спижарным, известным металлургом М.А. Павловым и профессором геологии В.В. Никитиным. План предусматривал резкое увеличение производства чугуна и стали с концентрацией его на четырех крупнейших заводах (Нижнетагильский, Нижнесалдинский, Верхнесалдинский, Никитинский), где осуществлялась техническая модернизация на основе новейших для того времени достижений науки и техники. Крупные изменения намечались в энергетическом хозяйстве Нижнетагиль-

ских и Луньевских заводов, где электричество должно было заменить водяные и паровые двигатели, а также в железнодорожном транспорте⁶⁰.

«Вся цель преобразования, – разъясняло Главное правление свои планы, – заключается в развитии и улучшении деятельности Нижнетагильского округа с тем, чтобы довести производство чугуна в первые 3–4 года до 8,5–9 млн пуд. При этом оборудование заводов... путем увеличения количества и емкости доменных и мартеновских печей и бессемеровских реторт... будет совершаться таким образом, чтобы в зависимости от увеличения заготовки топлива можно было бы увеличить и производительность заводов до 12 млн пуд. ... В то время как выплавка чугуна в 1758 г. составляла 412 362 пуд., в 1858 г. – 1 657 636 пуд., ныне за последние до 1910 г. десять лет, чугуна выплавлено 38 100 776 пуд., что составляет среднюю годовую производительность около 4 млн пуд.»

План реорганизации предусматривал, что возросшая потребность в «лесном горючем» не превысит существовавших «планов рубки», рассчитанных на пользование посессионными лесными дачами «на вечные времена». Хотя Нижнетагильские заводы могли «располагать углем из собственных дач только до 170 тыс. коробов», было предложено «остальное количество топлива, необходимое для производства указанного количества чугуна, производить в принадлежащих наследникам П.П. Демидова на праве полной собственности дачах Луньевского округа, а также приобретать у частных владельцев и с нанимаемых казенных дач». Кроме того, как предполагали авторы, «с развитием путей сообщения явится возможность приобретения и подвоза кокса из Кузнецкого бассейна Алтайского горного округа». Наконец, «полное и непрерывное действие заводов обеспечивалось богатым содержанием Высокогорского и Лебяжинского рудников Нижнетагильского округа, которые, по вычислению профессора В.В. Никитина, давали полную возможность извлекать не менее 20 млн пуд. руды в год». «Цели удешевления производства и успешной конкуренции, а также возможно полного использования железорудных богатств Нижнетагильского округа, – обращалось Главное правление к горному начальству, – побудили Общее собрание владельцев имения... решить развить деятельность округа путем переоборудования горнозаводского, горнопромышленного и лесного хозяйства и ассигновать на это 5240 тыс. руб.»

Предполагавшееся переоборудование «имело в виду не только... усовершенствование заводов, но также и сосредоточение производства путем закрытия лишних заводов и перенесения всех их машин и устройств в Нижне- и Верхнесалдинские и Нижнетагильский заводы». «Для учета малейших факторов, могущих удешевить производство... – объясняли это намерение члены Главного правления, – выявлялась настоятельная необходимость избегать разбросанности отдельных производств по территории округа и сосредоточить отдельные цеха по возможности в большие центры, находящиеся на путях ширококолейной железной дороги... помимо избежания совершенно непроизводительных расходов по содержанию администрации и надзора по каждому отдельному заводу, являющемуся собственно не заводом, а цехом. Такое сосредоточение и развитие деятельности заводов диктуется современным состоянием техники производства, дающим возможность при этих условиях наиболее полно и экономично использовать все механические устройства, а также личный труд персонала служащих и рабочих». В этих целях правление просило разрешения «на увеличение производительности названных заводов и закрытие на неопределенное время Висимо-Шайтанского, Висимо-Уткинского, Лайского, Антоновского и Черноисточинского заводов, из коих два – Висимо-Уткинский и Лайский – уже в настоящее время закрыты, о чем

сообщено было окружному инженеру по первому заводу 29 июня 1911 г. и по второму – 9 апреля 1909 г.»

«Только при таком переоборудовании, – заверяло Главное правление Нижнетагильских и Луньевских заводов, – возможны успешная и отвечающая современным условиям производственная деятельность округа и устройство на будущее время такого положения, какое при пережитом в 1907–1909 гг. промышленном кризисе (в 1908 г. убыток составил 1416 тыс. руб., в 1909 г. – 1120 тыс. руб. – *Е.Н.*) не только поставило округ в невозможность выполнения перед казною обязательств к уплате горной подати, но привело само существование заводов в настолько критическое положение, что только правительственная субсидия помогла округу выйти из создавшегося положения». Эта субсидия в размере 747 434 руб. была выдана по решению Совета министров в 1909 г. Она должна была погашаться «равными ежегодными взносами в 6% годовых» с 1 октября 1915 г.⁶¹

По такому важному вопросу, как закрытие пяти предприятий посессионного округа, 26 июля 1913 г. было созвано особое совещание при Уральском горном управлении. Всесторонне обсудив ходатайство, его члены признали концентрацию производства «безусловно желательной и не противоречащей интересам казны», поскольку без нее было «не только невозможно развитие горнозаводской деятельности в округе, но даже и безубыточное существование его». Население закрывавшихся заводов обеспечивалось землей по закону от 19 мая 1893 г., «не допускающим никаких дальнейших дополнительных наделений землею». Лесные дачи этих заводов рекомендовалось не возвращать в казну, а «перечислить к заводам, остающимся в действии». В октябре 1914 г. эти решения были одобрены Горным департаментом⁶².

К тому времени реорганизация заводов уже началась. «Важно, – писал Е.П. Демидов из Афин в марте 1913 г., – чтобы общий план переоборудования не был приостановлен ни под каким видом». «Дело переоборудования заводов необходимо подвинуть вперед, не взирая на все протесты, – вновь настаивал он через месяц. – Можно бы, пожалуй, лишь несколько растянуть (хотя бы на пять лет вместо четырех) предположенный проект»⁶³.

Из переписки становится ясно, что упомянутые «протесты» исходили в первую очередь от «группы Абамелека» в Общем собрании, да и среди членов Главного правления отсутствовало единство в определении путей финансирования реконструкции. Еще в 1906 г., видимо, существовали планы привлечения к «тагильскому делу» «английских капиталистов» подобно тому, как в те же годы поступили владельцы Кыштымских, Сысертских, Катавских и некоторых других заводов. «Если мы решимся на такой важный шаг, доселе неслыханный в Тагиле, – писал Елим Павлович, – то английское общество наиболее гарантирует нам честность и исправность в выполнении договорных условий. Я бы решительно воспротивился соглашению с какими-нибудь немецкими, бельгийскими или даже французскими компаниями на условиях, по-видимому, более для нас выгодных... Лишь в Англии... действительно сознают необходимость полного доверия и добросовестности в делах»⁶⁴. Но финансовый кризис заставил Главное правление и «основного владельца» скорректировать свои взгляды и все-таки переориентироваться на французский капитал, который проявил интерес к самой доходной отрасли окружного хозяйства – добыче платины. В 1909 г. был заключен договор с Французской платино-промышленной компанией, согласно которому на длительный срок ей передавалось право на разработку всех платиновых приисков округа. Полученные авансы помогли тогда отчасти преодолеть финансовые затруднения. Тем не менее кабаль-

ные условия аренды заставили демидовское управление расторгнуть договор в 1912 г. и пустить доходы от все возрастающей добычи платины (в 1912 г. – 89 пуд., в 1915 г. – 121 пуд) на реконструкцию металлургических заводов⁶⁵.

Для дополнительного финансирования плана А.Н. Ратьков-Рожнов предложил вообще выделить из состава окружного хозяйства наиболее доходную платиновую отрасль и создать на ее основе акционерное общество из владельцев. Эту идею Елим Павлович поддержал безоговорочно, несмотря на то что она противоречила действовавшему принципу «нераздробимости» посессионных имений и была противозаконной. «Дело о промысловом налоге – пустячное, – убеждал он председателя правления в марте 1913 г. – Нам не с какими-нибудь 75 тыс. возиться, когда быстрое переустройство должно давать миллион больше дохода. Гораздо, по-моему, важнее, если вся цель образования нового общества – получение денег по мере надобности для переустройства – не окажется достаточной, т. е. если нельзя будет получать ссуды из банков под не котирующиеся на бирже акции. В этом вопросе надлежало бы объяснить программу нашу Коковцову и заручиться его разрешением и содействием закладывать эти акции в том или ином виде либо в Государственном, либо в частном банке. Он поймет, что акции эти чего-либо стоят, а для полной гарантии можно бы даже согласиться на присутствие какого-нибудь чиновника Министерства финансов в Совете нового общества. Вообще, мне кажется, что выход тут есть... В настоящее время, пока все это не выяснится, полагаю прекрасной мыслью создать, так сказать, “переходную ступень” по образованию общества путем особой комиссии по платиновому делу, решения которой будут вноситься на утверждение правления». «Не знаю, – вновь через месяц возвращался Е.П. Демидов к волновавшей его теме, – насколько Вы сочувствуете относительно к моему предложению обратиться непосредственно к Коковцову с просьбой, изложив ему все дело, гарантировать нам ссуду под акции нового платинового общества хотя бы в размере 60% их номинальной стоимости... В таком случае... денег на переустройство заводов хватило бы надолго»⁶⁶.

Успех прямого обращения к председателю Совета министров В.Н. Коковцову сопрягался в представлении Е.П. Демидова не только с важностью самого «тагильского дела», но и с его высоким положением посла. «Оказывается, мы стоим перед довольно острым конфликтом между дипломатическими обязанностями и личными делами, – размышлял он в письме к А.Н. Ратькову-Рожнову. – Я уже дал понять в Петербурге, что афинский пост для меня решительно слишком далек и в душе назначил май месяц как предел моего там пребывания. Мне вообще... совестно обременять Вас всей тяжестью наших громадных дел, несколько Вам не помогая и оставляя всю ответственность на Ваших плечах. Мне даже не удалось быть этим летом в Тагиле! Прошу очень на меня за это не слишком пенять; между нами, меня весьма отговаривали в министерстве бросать службу – Извольский (бывший министр иностранных дел, посол во Франции. – *Е.Н.*) в Париже даже взывал к моим патриотическим чувствам, когда я ему сказал, что дела, в конце концов, важнее карьеры. Быть может, нам оказалось бы полезно, чтобы меня назначили послом; на это назначение сам министр мне сделал недвусмысленный намек. Между тем перспектива эта меня несколько не опьяняет и я готов с величайшей легкостью от нее отказаться, если Вы мне скажите, что Вам необходимо мое присутствие в Петербурге или что отсутствие мое плохо отзывается на наших делах... Во всяком случае, у меня впечатление... от последнего пребывания в Петербурге, что первый освободившийся посольский пост в Европе мне будет предоставлен, а положение это, быть может, повлияет на отношения наши с упорствующими членами министерст-

ва. Я главным образом с такой утилитарной точки зрения смотрю на мое карьерное повышение. Все это пишу, конечно, исключительно для Вашего личного сведения. В моих глазах самое важное – Тагил. Раз он будет восстановлен и укреплен, согласно Вашего предположения, все пойдет легче и удобнее. Но вопрос: необходимо ли с этой главнейшей целью мое присутствие в каждую данную минуту в Петербурге или нет – он зависит от Вас. Повторяю, мне не столь жаль отказаться от предстоящих благ по службе, если бы не надежда: 1) на близость к Петербургу и 2) на благоприятное влияние на дела»⁶⁷.

Сложная политическая ситуация на Балканах так и не позволила российскому посланнику вырваться тогда в Петербург. «От Сазонова (министра иностранных дел. – *Е.Н.*) получил “милейшее письмо”, – уведомлял он А.Н. Ратькова-Рожнова, – предоставившее вопрос этот на мое усмотрение и совесть. Должен сказать, что пока положение такое, что едва ли могу добросовестно покинуть Афины». Его «эмиссаром» стала тогда Софья Илларионовна, которая, вернувшись из Петербурга в Афины в апреле 1913 г., рассказала мужу «про события в правлении». «Впечатление ее, что все идет хорошо, кроме капитального вопроса о новом обществе, вызвавшем разногласия, скорее раздвоение в точках зрения... – писал Елим Павлович, – между тем, как нами уже приняты все меры к переоборудованию в Тагиле, имея как раз в виду получить для сего средства из нового общества»⁶⁸.

Но плану председателя по отделению платиновой отрасли окружного хозяйства в самостоятельное акционерное общество не суждено было осуществиться. Формальными мотивами запрета, последовавшего в июле 1913 г. от министра торговли и промышленности, оказались принцип «нераздробимости» и нахождение округа под залогом. Сыграли свою роль и противники проекта из «группы сестер». Е.П. Павлова опротестовала состоявшуюся 1 декабря 1912 г. регистрацию общества. Общество, уверяла она, организовано в нарушение договора 1909 г. с Платино-промышленной анонимной компанией на поставку рудного концентрата с демидовских приисков. Нетрудно догадаться, полагают специалисты, что пером жалобщицы водил один из акционеров этой французской компании князь С.С. Абамелек-Лазарев⁶⁹.

В такой ситуации приходилось рассчитывать только на новые правительственные или частные займы, а также собственные капиталы. Переписка Е.П. Демидова с А.Н. Ратьковым-Рожновым дает некоторое представление о расходах владельцев в те годы. «Текущая жизнь здесь не очень дорога, – писал Е.П. Демидов в августе 1911 г. из Парижа, – она покрывается получаемыми мною деньгами от Юрия Степановича (Нечаева-Мальцова. – *Е.Н.*) и министерства». Если «текущая жизнь» дипломата покрывалась не заводскими доходами, то, по словам Е.П. Демидова, «первоначальное обзаведение» на новых местах службы, «конечно, довольно роскошное», обходилось очень дорого. «Обдумывая это положение, – писал он в том же 1911 г., – я считаю, что было бы вообще желательно увеличить к концу года, при исполнении сметы, выдачу владельцам хотя бы до размера 150 руб. на пай; моя доля могла бы покрыть названные расходы. Конечно, я не желал бы приносить какой-либо ущерб делу, но для Анатолия, например, такой жест явился бы в высшей степени полезным во всех отношениях, да и другим он бы рот заткнул. Я думаю, Вы против этого ничего не имеете, и вообще хотел бы знать Ваше мнение. Ведь, казалось бы, при доходе в 750 тыс. руб. не преувеличено выдать 150 тыс. всем владельцам, а это произвело бы самое хорошее впечатление на пайщиков. Со своей стороны я считал бы себя обеспеченным от всяких неприятностей»⁷⁰.

Хотя просьба увеличить дивиденды владельцев до 20% (имели право на 55%) не выглядела столь уж нескромной, председатель Главного правления согласился не

сразу. Е.П. Демидову пришлось напомнить о ней вновь: «Думаю, что было бы бесполезно несколько поощрить Анатолия и, в то же время, я был бы весьма благодарен облегчению моего положения, обещающего к концу года быть довольно тяжелым...» Но уже в следующем году, когда Анатолий Павлович вновь стал «усиленно домогаться получению большего дивиденда», Елим Павлович твердо заявил, «что пока переоборудование не будет закончено... ни на какие дальнейшие прибавки рассчитывать нельзя». Судя по тому, что в одном из писем он напомнил председателю о присылке в Афины с 1 января 1914 г. по 5 тыс. руб. ежемесячно, общий дивиденд владельцев тогда не превышал 110 тыс. руб.⁷¹

В 1913 г. у Е.П. Демидова появились дополнительные доходы после получения наследства скончавшегося 6 октября того же года бывшего его опекуна Ю.С. Нечаева-Мальцова. По завещанию Елиму Павловичу досталась «нечаевская часть» огромного наследства, на которую только он и мог претендовать. Она включала Сторожевское имение, расположенное в Тульской и Рязанской губерниях, дом в Петербурге на Сергиевской улице, почти 3 млн руб. во вкладах в Государственном и Волжско-Камском банках, а также драгоценности и серебро, находившиеся на хранении в Петербургской сохранный казне. Металлургические и стекольные заводы достались наследнику по другой, «мальцовой», линии – графу П.Н. Игнатьеву⁷².

Переписка с председателем проясняет вопрос о том, как Елим Павлович распорядился наследством. «Теперь, когда завещание утверждено... – сообщал он А.Н. Ратькову-Рожнову из Афин в декабре 1913 г., – можно приступить к некоторым неотложным, по моему мнению, мероприятиям. Во-первых, быть может, Вы дадите разрешение... продать ненужные мне ордена покойного и принять на мой счет в контору суммы, полученные от этой продажи. За сим открывается вопрос бриллиантов... Мне бы очень хотелось возможно скорее отделаться от долгов, на которые я плачу проценты... С этой целью я бы думал воспользоваться совершенно не нужными моей жене бриллиантами покойного, оставляя лишь некоторые, и массами серебра... Мой друг Кох, франкфуртский ювелир, предлагал купить все, что мы не хотели себе оставить. Однако надо бы сначала посмотреть и сделать выбор вещей, а для этого требуется наше присутствие в Петербурге – что для меня, по крайней мере, в настоящее время невозможно, да и вряд ли возможно до будущего лета». Сторожевское имение Е.П. Демидов также требовал продать, поскольку считал, что в случае его смерти оно перейдет «к каким-то Зариным и К° и не представит никакой помощи Тагилу»⁷³. В результате из полученного наследства у Демидовых остался только роскошный дом на Сергиевской улице, 30, где Елим Павлович и Софья Илларионовна останавливались во время своих приездов в Петербург⁷⁴.

Унаследованные капиталы, видимо, по совету председателя было решено потратить на скупку паев у совладельцев для получения решающего большинства в Общем собрании. В сложившейся ситуации продать паи Елиму Павловичу мог согласиться только Анатолий Павлович, который, судя по всему, представлял собой тип владельца-рантье, не стремившегося участвовать в управлении и заботившегося лишь о получении дивидендов. Владельцу 580 долей, Е.П. Демидову, достаточно было заполучить для полного господства еще 120 долей. «На мой взгляд, если решиться на покупку столь значительного количества паев, – писал он в декабре 1913 г., – то следует приступить к переговорам не теряя времени, до выяснения хотя бы первых результатов Тагильского переоборудования... Конечно, у меня иногда является сомнение относительно вложения всего моего состояния в одно дело – Тагильское. Ведь все же возможна какая-нибудь неожиданность, в особенности, если припомнить недавние еще времена ужасного кризиса. Что если, не дай Бог, пе-

реустройство не даст желаемых результатов и поглотит безгарантийно 2–3 млн, которые будут взяты у меня? Потребовать их обратно будет равносильно самоубийству, да и обеспечения никакого не окажется, так как мы по необходимости станем на последнем ряду кредиторов... Все это я говорю Вам конфиденциально, не с целью отказать в поддержке Тагилу, а для ясной отдачи себе отчета в наших действиях... Пусть Подменер переговорит об этом с Анатолием в Ницце. В сущности говоря, покупка нескольких паев больше или меньше не имеет особенного значения, лишь бы составилось двух-третье большинство. Можно в таком случае купить 155 паев, оставляя Анатолию 110 паев в деле, принимая во внимание его долг мне (7 паев приблизительно) и сделать между нами секретное соглашение о принадлежности Вам 20 паев... Полагал бы желательным, чтобы на первых порах переговоры между Подменером и Анатолием проходили неофициально, дабы сначала выяснить его отношение к вопросу»⁷⁵.

Очевидно, что на стороне Елима Павловича в этом деле выступал тесть Анатолия Павловича банкир К.Г. Подменер, который принял на себя эту миссию, скорее всего, ввиду болезненного состояния своего зятя. В недатированном письме А.Н. Ратьков-Рожнов сообщал об очередном ухудшении здоровья Анатолия Павловича. «Хотя теперь... ему лучше, – констатировал председатель, – но случай этот заставляет еще более признать покупку паев желательной... Подменер едет в Ниццу в середине декабря и будет говорить с Анатолием Павловичем». Тогда председатель рассчитывал перекупить 135 паев (включая 20 – для себя) по 5 тыс. руб. на общую сумму 675 тыс. руб.⁷⁶ Но, видимо, такое предложение не устроило совладельца, а начавшаяся в 1914 г. война на какое-то время отодвинула план покупки его паев.

Первая мировая война, с одной стороны, стимулировала динамичное развитие заводского производства, вызванное полученными военными заказами от Главного артиллерийского управления на поставку гаубичных снарядов и бомб, от Союза земств и городов на снарядные заготовки, от торгового дома «Вогау и К^о» – на медные заготовки для проволоки и от Управления казенных железных дорог – на рельсы и рельсовые принадлежности. В 1915 г. в Нижнем Тагиле началось строительство крупного Высокогорского снарядного завода. Оборонная продукция достигала 90% производства округа в те годы. Но, с другой стороны, война внесла коррективы в план реорганизации и потребовала значительного увеличения оборотного капитала, что осуществлялось за счет авансов по заказам и новым частным и правительственным ссудам. Комитет министров 16 марта 1915 г. разрешил дополнительный залог Нижнетагильского посессионного округа в Нижегородско-Самарском банке «с тем, чтобы общая сумма ссуды не превысила 5,5 млн руб.» Уральскому горному управлению было дано поручение осуществлять надзор за тем, «действительно ли заводы выполняют те работы, для производства коих испрошена дополнительная ссуда»⁷⁷. Общий же объем ссуд за 1909–1917 г., по подсчетам специалистов, достиг 10 млн руб.⁷⁸

Из-за невозможности выехать из Афин Елим Павлович Демидов не мог лично присутствовать в те годы на заседаниях Общего собрания владельцев и Главного правления. «Неудобства, связанные с моим пребыванием в столь далеких краях, как Греция, дают себя все более осязательно чувствовать», – писал он накануне войны. В собраниях военного времени его представлял, как правило, известный экономический деятель Н.Н. Кутлер, бывший в те годы председателем Совета съездов горнопромышленников Урала. Доверенными Анатолия Павловича выступали статский советник В.Ф. Будде и даже С.И. Демидова. Марию Павловну, как и прежде, представлял председатель правления пермского имени Абаменек-Лазаре-

вых П.А. Пепеляев, Елену Павловну – ее муж Н.А. Павлов. Наследники Авроры Павловны, видимо, редко присылали уполномоченных и передоверяли свои голоса представителю их опекуна С.С. Абамелек-Лазарева. Председателем правления бессменно оставался А.Н. Ратьков-Рожнов, а членами – Е.П. Демидов, Н.В. Раевский, Н.С. Толмачев. Кандидатами избирались Г.И. Нефедьев, Л.Я. Лозинский, А.Ф. Золотарев, М.В. Струве⁷⁹.

Финансовые проблемы стали нарастать с 1916 г., когда рабочие начали жаловаться на задержки заработной платы. «Причиной является отсутствие у заводоуправления свободных оборотных средств, – пояснял сложившуюся ситуацию управляющий округа Рулев. – Причина этого – несправедливое и неуравнительное обложение в текущем году Нижнетагильских заводов обязательной прокаткой рельсов и скреплений для Министерства путей сообщений по обязательным низким ценам. Необходимо... количество рельсов должно было быть разверстано пропорционально их количеству в мирное время, а между тем получилось, что Днепровский завод, катая не менее 20 млн пуд. в год, получил на 1916 г. заказ на 3 млн, Брянский завод, катавший 15 млн, – на 2,5 млн, Богословский завод вместо 3 млн пуд. не получил ничего, а Нижнетагильские заводы, катавшие не более 2,5 млн в год, получили на 1916 г. заказ на то же количество. Скреплений они были обязаны делать в размере почти полной производительности, а именно 700 тыс. пуд. Учитывая всю производительность заводов в 5 млн пуд., видим, что свыше 60% этой производительности как бы реквизировано по обязательным низким ценам (рельсы – по 2 руб. и скрепления – по 2,45 руб.), тогда как снарядная заготовка расценена была... в 4 руб. и сортовое железо – в 2,8 руб. Даже считая себестоимость, учитывая заготовку горючего, перешедшего из запасов прошлого года, и принимая во внимание подъем рабочих плат и покупок материалов, вышеупомянутые цены будут убыточны. Для переживаемого заводами времени характерно резкое повышение себестоимости вследствие бешеного увеличения цен заготовок, прекращения покупок в кредит и необходимости, в виду расстройств транспорта, иметь запасы не только материалов для производства в большем против прежнего количестве, но и предметов продовольствия, одежды и т. п., что раньше не имело места. В виду этого оборотные средства предприятия должны почти утроиться. Предприятия, работающие без принудительных нарядов на рельсы и скрепления, как например Богословск, или имея таковые в малом отношении к общей продукции, как например Днепровский и Брянский заводы, для которых, впрочем, увеличение оборотного капитала абсолютно меньше, ибо там капитал обращается быстрее, чем на Урале при древесном горючем, имеют возможность пополнять оборотные средства из высоких прибылей этого года. Демидовские же заводы, естественно, должны испытывать нужду в оборотных средствах, имея свыше 60% своей продукции убыточными заказами».

В декабре 1916 г. Горный департамент, видимо, не приняв всерьез объяснений управляющего, потребовал от Петроградского правления «заблаговременно к Рождеству перевести деньги тагильским рабочим» во избежание «возможных неприятных последствий». В представлении горных чиновников, основными причинами «отсутствия оборотных средств» были не объективные обстоятельства, на которые ссылался управляющий, а «несвоевременные переводы денег Петроградским правлением наследников П.П. Демидова», которые этим и были вызваны. Выдачи совладельцам в тяжелые военные годы, как представляется, не превышали довоенных. Сравнивая доходы Абамелек-Лазаревых с «заграничных капиталов» (450 тыс. руб.), компетентный П.А. Пепеляев утверждал в 1917 г., что «все Тагильское имение не дает столько всем наследникам вместе»⁸⁰.

Горный департамент 14 апреля 1917 г. дал санкцию на испрошенную Главным правлением продажу Нижнетагильских и Луньевских заводов акционерному обществу. В сложившейся ситуации, когда не оказалось денег не только на зарплату рабочим, но и на очередной взнос по государственной ссуде, что грозило срывом военных поставок и вполне возможной реквизицией округа, владельцы решились на этот неизбежный шаг. Даже представители «партии сестер» в Общем собрании согласились с ним. П.А. Пепеляев утверждал, что продать имение «было необходимо, так как заводы остались совсем без денег, а долгов было очень много». Одной из целей продажи заводов акционерному обществу было получение дополнительного финансирования в результате продажи части акций для преодоления трудностей военного времени с сохранением не только участия бывших владельцев, но и их доминирования в управлении общества. Для этого они должны были войти в состав акционеров, получив вместо денег акции в соразмерности с долей участия во владении. Е.П. Демидову, выступившему инициатором акционирования, необходимо было при этом максимально укрепить свою роль в будущем обществе и свести к минимуму влияние остальных совладельцев. Хотя после кончины в 1916 г. С.С. Абамелек-Лазарева позиции его «партии» значительно ослабли, тем не менее при сложившемся раскладе сил в акционерном обществе вполне могла повториться ситуация конфронтации, которой не удалось избежать при организации семейно-паевого товарищества. Достичь этой цели было возможно посредством реанимации плана покупки паев у Анатолия Павловича. Но теперь было принято решение скупить все принадлежавшие ему 275 паев. Помощь в этом Е.П. Демидову согласился предоставить крупнейший коммерческий Русский для внешней торговли банк ценой своего участия в акционерном обществе.

Видимо, это не было случайностью, поскольку в правление банка входили К.Г. Подменер и отец председателя Главного правления Нижнетагильских и Луньевских заводов вице-адмирал Н.А. Ратьков-Рожнов. Сам председатель активно участвовал в реализации плана еще и потому, что с учреждением акционерного общества он вполне мог рассчитывать на получение давно желаемого им участия в «тагильском деле». Еще в 1913 г. Елим Павлович писал ему по этому поводу: «Вопрос, понятно, был бы упрощен при создании акционерного общества, но до этого времени каким образом поступить? Опасаюсь, как бы не поднялся гвалт со стороны наших противников. Будь у меня средства для приобретения всех паев, я бы ни минуты не колебался в раздаче близким и полезным сотрудникам нашим долей в предприятии»⁸¹.

В соответствии с планом председателя правления и «основного владельца», предполагалось скупить пай не более чем по 10 тыс. руб. Смысл этой «финансовой операции», пояснял председатель Главного правления в одном из писем Е.П. Демидову, заключался в том, чтобы «дело осталось в Ваших руках». С банком было «условлено», что тот «увеличит кредит под акции, имеющие заменить пай Анатолия Павловича, с 70 до 80%».

Из писем А.Н. Ратькова-Рожнова Е.П. Демидову восстанавливается весь ход этой «операции». Для переговоров в Финляндию, где на даче в Териоки тогда находился младший брат Елима Павловича, направили члена правления Н.С. Толмачева. «Анатолий Павлович и его близкие вначале отнеслись к вопросу продажи паев и к намечаемым условиям благоприятно, – сообщал председатель в январе 1917 г. – Однако через некоторое время, а именно в начале декабря... Анатолий Павлович остановился на следующем: «Мне важно иметь постоянный доход, который позволил бы мне жить так, чтобы мне хватало; меня устроил бы такой

доход в размере 150 тыс. руб. в год. Вот я и желал бы получить за пай такую сумму, с которой получилось бы 150 тыс. руб.» Н.С. Толмачев передал председателю решение А.П. Демидова «как окончательное». Вместе они подсчитали, что покупная сумма окажется на 200 тыс. руб. больше, чем предполагалось, и составит 2750 тыс. руб. Тем не менее Н.С. Толмачев поручил своему адвокату «писать условия», а А.Н. Ратьков-Рожнов оставил ему доверенность «на подписание запродажной» и спокойно уехал на Урал.

Однако дело неожиданно «забуксовало»: «Анатолий Павлович стал колебаться, у него явилось опасение, что цена дешева». «Узнав об этом по возвращении, – извещал председатель Главного правления, – я решил тотчас же поехать к нему, чтобы прийти к какому-либо окончательному решению... Провели мы с Толмачевым у Анатолия Павловича более четырех часов; разговаривали в присутствии его жены, начали с 2750 тыс., затем он останавливался на цифре 2,9–3 млн руб., но все неокончательно. В это время пришли доложить, что *coiffeur* больше не может ждать, и Анатолий Павлович (с женой) пошел стричься, причем обещал нам подумать и по возвращении сказать свое окончательное решение. И вот, возвратившись, объявил цифру 3,1 млн руб.» Председатель отвечал, что должен посоветоваться с Елимом Павловичем. «Это было за 20 минут до времени, когда нам надо было уезжать, чтобы поспеть к поезду, – вспоминал он. – Десять минут меня уговаривали согласиться, а когда уговорили и когда Анатолию Павловичу надо было подписать доверенность, то он опять стал колебаться, просил оставить доверенность у него, говоря, что подпишет потом и пришлет ее Толмачеву, так что нам всем троим – Толмачеву, Евгении Клементьевне и мне – стоило немалого труда убедить его тут же доверенность подписать, чтобы мы могли ее увезти с собою. Но и после этого у Анатолия Павловича явились некоторые сомнения по поводу условной суммы, к счастью несущественные, и сегодня Толмачев опять поехал в Териоки дать ему для подписи желаемые им изменения редакции соглашения. Завтра или послезавтра договор должен быть подписан у нотариуса».

На телеграмму Е.П. Демидова о высокой цене А.Н. Ратьков-Рожнов отвечал, что «она все же ниже того, что выдают в обмен за пай акциями». Согласно его расчету, каждый пай оценивался акциями в 15,5 тыс. руб. так, что стоимость всех 255 покупаемых паев составляла сумму в 3952,5 тыс. руб. Правление посчитало «проще и выгоднее» уплатить Анатолию Павловичу всю сумму сразу, «как только будут выданы акции за пай». Предполагалось, что акции будут внесены в Русский банк, который выдаст под них ссуду размером 2550 тыс. руб. Эту сумму Елим Павлович рассчитывал выдать брату, а всю добавочную внести в банк⁸². Как можно предположить, эта операция была совершена после акционирования заводов, поскольку соотношение долей владения на тот момент сохранилось прежним, а изменилось уже во время распределения акций между совладельцами.

Судьбоносное Общее собрание, на котором решался вопрос об условиях продажи, состоялось 24 марта 1917 г. Из совладельцев лично на нем никто не присутствовал. Все они тогда пребывали за границей. Большинством голосов было принято постановление «поручить Главному правлению продать все недвижимое имущество, находящееся в составе имущества в пределах Пермской губернии акционерному Обществу Нижнетагильских и Луньевских горных и механических заводов», устав которого был утвержден 17 марта 1917 г. министром торговли и промышленности Временного правительства А.И. Коноваловым.

Сумма сделки составила 17 037 тыс. руб.; они уплачивались владельцам «частью акциями названного общества, частью переводом долга Нижегородско-Самар-

скому банку на покупателя». Этот перевод составлял 9296 тыс. руб. в счет залога Нижнетагильского и Луньевского округов, Галашкинской и обеих Усьвенских дач. На Общество переносилось и обязательство выплачивать пенсии рабочим и служащим, а также пожизненную ренту Е.П. Демидовой Сан-Донато. Еще в 1902 (после смерти А.К. Карамзиной) и в 1904 гг. (после кончины принцессы Матильды) прекратились выплаты умершим пожизненной ренты. По нашим подсчетам, с 1861 г. Аврора Карловна должна была получить примерно 2,4 млн руб., а Матильда Иеронимовна с 1846 г. – 2,8 млн руб. В 1902–1904 гг. 95 тыс. руб. израсходовали также «на исполнение завещания» Авроры Карловны. Елена Петровна Демидова, которой по разделу 1887 г. назначалась ежегодная рента в 120 тыс. руб., с 1885 по 1917 г. (умерла 28 июля 1917 г.) могла получить приблизительно 3,9 млн руб., но, судя по всему, переводы эти выполнялись нерегулярно и с задержками⁸³.

В решении Общего собрания также устанавливалось, что совладельцы получают акций на 7741 тыс. руб., которые распределятся между ними «соответственно уступленным ими долям участия в общем их имении». Хотя против продажи никто из участников собрания не выступил, условия продажи вызвали среди них неоднозначную реакцию. Как записано в постановлении, «на продажу на сказанных условиях не согласился Н.А. Павлов», особое мнение составили также П.А. Пепеляев, Н.В. Раевский, Г.И. Нефедьев и Н.С. Толмачев. «Тагильские заводы Елим Павлович продал и, по моему мнению, дешево», – отчитывался П.А. Пепеляев перед своей доверительницей М.П. Абамелек-Лазаревой. Именно этот вопрос и вызвал не только неоднозначное отношение к нему представителей «сестер», но и раскол в составе Главного правления. Тем не менее большинство голосов осталось за инициатором продажи Е.П. Демидовым, который значился и учредителем акционерного общества. Победа, одержанная в конце концов Елимом Павловичем, реализовалась в составе членов правления Общества, представленном людьми из его окружения. Председателем оставался А.Н. Ратьков-Рожнов, сам Е.П. Демидов и Н.В. Раевский значились директорами, А.Ф. Золотарев, Г.И. Нефедьев и М.Б. Струве – кандидатами. Еще два директора – В.Д. Сибилев и А.Ф. Шаров – представляли, видимо, спонсировавший сделку Русский для внешней торговли банк⁸⁴.

Крепостной акт между уполномоченным владельцев действительным статским советником М.Б. Струве и уполномоченным акционерного общества кандидатом коммерции губернским секретарем А.С. Недошивиным на утвержденных в марте условиях заключили в Екатеринбурге 17 мая 1917 г. Если судить по этому итоговому акту, все уральские имения Демидовых по вариантам раздела делились тогда на четыре части. В первую входили Нижнетагильские заводы (включая 455 049 дес. земли, оставшейся в посессионном владении после наделения ею горнозаводского населения). Сюда же причислялись частновладельческая Галашкинская лесная дача (17 567 дес.) и два дома в Нижнем Тагиле, приобретенные у местных жителей в 1882 и 1884 гг. Во вторую часть входили Луньевские заводы (145 417 дес.) с Усьвенской дачей (50 650 дес.). Третья часть включала другую Усьвенскую лесную и рудничную дачу (27 207 дес.) на левом берегу р. Усьвы, приобретенную у М.В. Всеволожского и его сестры С.В. Татариновой в 1893 г., а также дома и несколько усадебных участков, купленных у жителей Нижнего Тагила в 1892, 1902, 1906 и 1907 гг. под производственные нужды. В четвертую часть входили дома и участки усадебной, пахотной и сенокосной земли в Нижнетагильском (приобретенные в 1910, 1913–1916 гг.) и Нижнесалдинском (в 1914–1916 гг.) заводах, два деревянных дома в Верхотурье (в 1916 г.) и три участка каменноугольных копей (347 дес.) близ станции Кизел, купленные в 1915 г. за 12 тыс. руб. Известно также, что в 1915–1916 гг.

владельцы купили (или арендовали) крупную Туринскую лесную дачу (82 тыс. дес.) и часть Егоршинского антрацитового месторождения⁸⁵.

Согласно акту, каждая из четырех частей составляла 1050 паев, при разделе которых между владельцами учитывались не только условия акта 1887 г., но и некоторые установки завещания 1884 г. Нижнетагильский округ (в 1917 г. оцененный в 10 млн руб.) с Галашкинской дачей (500 тыс. руб.) и домами (10 тыс. руб.) делились на 12 долей. Изначально из них братья Елим, Анатолий и Павел получали по три доли (по 262,5 пая), сестры Аврора, Мария и Елена – по одной доле (по 87,5 паев). Луньевский округ (4300 тыс. руб.) с Усьвенской дачей (дачи оценивались в 2 млн руб.) разделялись поровну только между братьями (по 350 паев). Имения третьей (дома и усадьбы, входившие в эту часть оценивались примерно в 10 тыс. руб.) и четвертой (186 тыс. руб.) частей общего владения делились на 14 долей, из которых братья получали по $3\frac{2}{3}$ доли (по 275 паев), а сестры – по одной доле (по 75 паев)⁸⁶.

Ко времени акционирования в составе владельцев оставались Елим Павлович (2355 из 4200 паев, или 56,1% всех четырех частей общего владения), Анатолий Павлович (1142,5, или 27,2%), княгиня Мария Павловна Абамелек-Лазарева (237,5, или 5,7%), Елена Павловна Павлова (252,5, или 6%), а также семь наследников графини Авроры Павловны ди Ногера, всего 11 лиц. Из их состава выбыл скончавшийся, видимо, в 1912 г. Сергей Карагеоргиевич. Согласно определению Петербургского суда от 20 октября того же года, его доли в общем владении перешли поровну братьям Николаю и Павлу. В результате граф Николо ди Ногера стал владеть 30,3571 долями (или 0,7%), князя Павел и Николай Карагеоргиевичи получили по 41,7407 долей (по 1%), графы Альберт, Джованни и Амадео ди Ногера – по 27,8271 (по 0,6%) и графиня Елена ди Ногера – 15,1787 долей (0,4%). Причем Луньевский округ делили только Елим и Анатолий (700 и 350 паев соответственно); другие части наследства (включая Нижнетагильский округ) состояли в собственности всех владельцев⁸⁷.

Главное правление Нижнетагильских и Луньевских заводов известило бывших совладельцев, что «с 24 марта 1917 г. предприятие перешло в акционерную форму». Основной капитал общества был определен в 25 млн руб., разделенных на 250 тыс. акций. «Все означенное количество акций, – было записано в уставе акционерного общества, – распределяется между учредителем и приглашенными им к участию в обществе лицами по временным соглашениям». Такими же «временными соглашениями» определялось и количество акций, переданных владельцам «по нарицательной цене»⁸⁸. Если учесть, что они могли претендовать на 77 410 акций, начальная доля бывших владельцев в акционерном капитале составляла почти 31%.

По свидетельству исследователей, всего до национализации заводов в январе 1918 г. успели выпустить 63 тыс. акций на сумму 6,3 млн руб. Учитывая, что 800 акций из принадлежавших М.П. Абамелек-Лазаревой были сразу же проданы ее уполномоченным П.А. Пепеляевым за 256 тыс. руб., покупатели проявили к ним интерес, а рыночная стоимость превысила нарицательную в 3,2 раза⁸⁹. Согласно подсчетам Ю.А. Буранова, общее участие бывших владельцев в итоге ограничилось 24% (от числа выпущенных акций)⁹⁰. С таким результатом завершилось владение Демидовыми Нижнетагильскими и Луньевскими заводами ко времени их национализации в январе 1918 г.

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 176, 177, 186.

² Краснова Е.И. Такие разные Демидовы. СПб., 2007. С. 19–24.

³ Кузнецов С.О. Дворцы и дома Строгоновых. Три века истории. М., 2008. С. 209.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 5. Д. 3. Л. 87–89 об.; Оп. 6. Д. 204. Л. 12, 30–31.

- ⁵ Там же. Оп. 6. Д. 204. Л. 30–31.
- ⁶ Там же. Л. 1, 5.
- ⁷ Там же. Оп. 9. Д. 543. Л. 102–105; *Краснова Е.И.* Петербург и Демидовы // Альманах Меж-
дународного Демидовского фонда. Вып. 3. М., 2003. С. 21.
- ⁸ *Краснова Е.И.* Петербург и Демидовы. С. 22.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 14. Д. 334; *Прохогин Н.П.* Анатолий Демидов и семья Бонапар-
тов // Альманах Междунар. Демидовского фонда. Вып. 3. С. 94; *Талалай М.Г., Павлов-
ский Н.Г.* Демидовы князя Сан-Донато: Иностранная библиография. Екатеринбург,
2005. С. 75, 90.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 543. Л. 1–4.
- ¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 887. Л. 1–8.
- ¹² Там же. Л. 14–19, 22; Д. 1125.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 330. Л. 1–12.
- ¹⁴ Там же. Д. 393. Л. 1–8.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2139. Л. 1, 18.
- ¹⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 454. Л. 1–5, 21–25.
- ¹⁷ Там же. Д. 543. Л. 1–4.
- ¹⁸ *Демидов П.П.* Еврейский вопрос в России. СПб., 1883. 90 с.
- ¹⁹ Цит. по: *Краснова Е.И.* Петербург и Демидовы. С. 22.
- ²⁰ *Грум-Гржимайло В., Грум-Гржимайло С.* Секрет счастливой жизни. Екатеринбург, 2001.
С. 21.
- ²¹ *Гуськова Т.К.* Д.Н. Мамин-Сибиряк и Тагильский край. Нижний Тагил, 2003. 70 с.
- ²² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 432. Л. 4–5 об.
- ²³ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2001. Л. 1–4.
- ²⁴ Там же. Д. 2102. Л. 180–181.
- ²⁵ Там же. Д. 2092. Л. 2–2 об., 4.
- ²⁶ Там же. Л. 23–23 об., 29–31 об.; Ф. 24. Оп. 32. Д. 1097. Л. 4–4 об.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 543. Л. 10–12; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2092. Л. 33–35 об.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182. Л. 36–37 об.; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 543. Л. 1–4.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182. Л. 31 об. – 32.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 543. Л. 1–4.
- ³¹ Там же. Л. 81; *Краснова Е.И.* Петербург и Демидовы. С. 21–22.
- ³² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 785.
- ³³ *Мерендони С.* Русское наследство из Пратолино // Последняя из Сан-Донато: Княгиня
Абамелек-Лазарева, урожденная Демидова. М., 2010. С. 33; *Талалай М.Г., Павлов-
ский Н.Г.* Указ. соч. С. 61.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 445. Л. 1–5, 6, 9, 15.
- ³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2676. Л. 1–5 об., 48–54, 58–59.
- ³⁶ ПСЗ-III. Т. 16. № 13273.
- ³⁷ Там же. Т. 26. № 28121; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2676. Л. 72–78, 83; Д. 1661. Л. 2.
- ³⁸ РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 582. Л. 8–10; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 810. Л. 1–5; *Талалай М.Г.*
Генеалогия Демидовых князей Сан-Донато (по зарубежным источникам) // Альманах
Междунар. Демидовского фонда. Вып. 3. С. 113–119.
- ³⁹ Автор признателен Е.И. Красновой за сведения о детях А.П. Демидовой; *Инполитова Г.*
Аврора Демидова – графиня Ногера. СПб., 2009. 86 с.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3965. Л. 8 об. 9.
- ⁴¹ *Буранов Ю.А., Бугаева С.Я.* К истории акционирования горнозаводской промышленности
на Урале (на примере Нижнетагильского горного округа) // Вопросы истории Урала.
Свердловск, 1975. Сб. 13. С. 99–100.

- ⁴² РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2 об., 26–28. Автор признателен М.В. Друзину за указание на собрание этих писем.
- ⁴⁴ Цит. по: *Ипполитова Г.* Указ. соч. С. 50–51.
- ⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–6.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 74. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- ⁴⁷ Цит. по: *Ипполитова Г.* Указ. соч. С. 50–51.
- ⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12, 14–15, 17–18, 31–32.
- ⁴⁹ Там же. Л. 14–15.
- ⁵⁰ *Дубин А.С.* Ратьковы-Рожновы в С.-Петербурге и на Урале // *Сплетались времена, Сплетались страны...* Вып. 10. СПб., 2002. С. 69–71.
- ⁵¹ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12.
- ⁵² Там же. Л. 1–2 об.
- ⁵³ Там же. Л. 22–23.
- ⁵⁴ Там же. Л. 26–28.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–12; Д. 3. Л. 11–12.
- ⁵⁶ *Пак Н.Т.* Наследники династии стеклопромышленников Мальцовых // *Владими́ро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: Мат-лы иссл.-й.* Владимир, 1997. С. 34–36; *Макушев А.А.* Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII – начале XX в.: индустриальное наследие. Саранск, 2006. С. 100–101.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2223. Л. 1, 6, 21.
- ⁵⁸ *Грум-Гржимайло В., Грум-Гржимайло С.* Указ. соч. С. 23–26, 29–31.
- ⁵⁹ Цит. по: *Ипполитова Г.* Указ. соч. С. 60.
- ⁶⁰ *Гуськова Т.К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. С. 72–73.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 430. Л. 17–21; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1028. Л. 1–3 об.; Д. 1109. Л. 1–2.
- ⁶² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1028. Л. 9–10 об., 12.
- ⁶³ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2 об., 11–12.
- ⁶⁴ Там же. Л. 1–2 об.
- ⁶⁵ *Гуськова Т.К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых... С. 111.
- ⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12, 14–15.
- ⁶⁷ Там же. Л. 20–21.
- ⁶⁸ Там же. Л. 17–18.
- ⁶⁹ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 233; *Дмитриев А.В.* Французские инвестиции в платиновую промышленность Урала (конец XIX – начало XX в.) // *Альманах Междунар. Демидовского фонда.* Вып. 2. М., 2003. С. 14–16.
- ⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 9–10, 17–18, 29–30.
- ⁷² *Макушев А.А.* Указ. соч. С. 97–99.
- ⁷³ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–23, 29–30.
- ⁷⁴ *Краснова Е.И.* Петербург и Демидовы. С. 21–22; *Иванов А.А.* Дома и люди. Из истории петербургских особняков. М., 2009. С. 453–456.
- ⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–23.
- ⁷⁶ Там же. Д. 1. Л. 2–10.
- ⁷⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1109. Л. 1–2.
- ⁷⁸ *Гуськова Т.К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых... С. 80–81, 112–123.

- ⁷⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1109. Л. 8, 9.
⁸⁰ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 885. Л. 40–41.
⁸¹ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–23.
⁸² Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1506. Л. 34–36.
⁸³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 810. Л. 11; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3965. Л. 9 об.
⁸⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1945. Л. 20–21, 27; Ф. 880. Оп. 1. Д. 885. Л. 40–41; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3965. Л. 1, 3.
⁸⁵ Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых... С. 85, 102.
⁸⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3965. Л. 1–10 об.
⁸⁷ Там же. Л. 8 об. 9.
⁸⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1945. Л. 2–19.
⁸⁹ Там же. Ф. 880. Оп. 1. Д. 884. Л. 57.
⁹⁰ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 227–235; Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых... С. 123.

1.2. Казна и А.П. Демидов

Суксунский горнозаводский округ, принадлежавший двум правнукам Григория Акинфиевича Демидова – Петру Григорьевичу и Павлу Григорьевичу Демидовым, с 1848 г. из-за долгов владельцев находился в 12-летнем владении первой в истории уральской горнозаводской промышленности акционерной компании «Товарищества Суксунских заводов»¹. После ее банкротства и отказа Демидовых из-за отсутствия средств выкупить акции (как того требовал устав Товарищества), 31 мая 1863 г. по высочайшему повелению заводы были взяты в казенное управление «с назначением к продаже с публичных торгов на удовлетворение казенных и частных долгов». Управляющий от казны полковник И.А. Соваж 8 августа того же года официально принял заводы. По его словам, бывшие демидовские предприятия находились в таком «расстроеном положении», что, «несмотря на значительное со стороны правительства денежное пособие... не приносили никаких доходов», а потому не были в состоянии погашать казенные долги. В такой ситуации новому управлению оставалось лишь поддерживать заводы до их продажи, после чего только и можно было вернуть казенные ссуды.

К 1863 г. из восьми заводов округа уже остановился передельный Шаквинский, на грани закрытия находились Суксунский, Бымовский и Ашاپский заводы. Вскоре и их деятельность была свернута, но в 1864 г. она возобновилась на медеплавиль-

ных Ашапском и Бымовском заводах на один год «для выполнения условий указа от 3 декабря 1862 г. о мерах обеспечения горнозаводского населения». В соответствии с этим указом, любой частный завод можно было закрыть на срок до трех лет при условии заблаговременного (за год) уведомления рабочих. В течение года заводчик обязан был «или дать работу мастеровым, которые пожелают получить провиант из запасов заводских и работать для заводов по условленным ценам, или же продовольствовать оказавшихся излишними мастеровых безвозмездно»².

«Благодетельное распоряжение об открытии Бымовского завода, – писали в связи с этим рабочие, – избавило нас... от величайшего бедствия, тяготевшего над нами в продолжение двух лет, когда большая часть здешних мастеровых от неимения работ... пришли в крайнее разорение». «Хлебопашество у нас самое незначительное по случаю неимения в Бымовской даче доброкачественных земель, а занимаясь предложенным нам частным рудопрмышленничеством, требующим затраты капитала, мы не можем по случаю крайней нашей бедности», – жаловались они главному начальнику уральских заводов А.А. Иоссе. Мастеровые просили не закрывать завод и после истечения годичного срока: «...отмена крепостного права по закону святой правды и человеколюбия не должна изменить заботы Вашего Превосходительства о благосостоянии нашем, как она нисколько не ослабила нашу преданность... горнозаводскому начальству, которую мы вполне доказали исправным и честным исполнением... всех обязанностей».

В ответ Уральское горное правление объявило, что завод не закроют только в том случае, если «представится возможность продолжать действие без убытка... единственно для того, чтобы дать занятие мастеровым». И.А. Соваж, служивший управляющим еще при Товариществе и хорошо представлявший возможности заводов, считал, что медное производство округа бесперспективно вследствие истощения руд, «расстроенного» состояния лесов и ветхости оборудования. Тем не менее он согласился «не прекращать совершенно действие медных заводов, а продолжать его, соображаясь с наличием руд», для чего просил начальство выделять хотя бы по 3 тыс. руб. в год для геологических разведок. В случае открытия «более благонадежного месторождения» он предлагал «удержать из продажи» медные заводы Суксунского округа, поскольку, в отличие от железа, медь тогда пользовалась повышенным спросом на рынке³.

Предполагалось возобновить действие и Суксунского завода, но, по словам управляющего, «мастеровые сами отказались от предлагаемых им работ под предлогом недостаточности объявленных плат, хотя они были несравненно выше других заводов». Настоящая причина, полагал он, заключалась не в недостаточной оплате, а в том, что мастеровые этого завода (в сравнении с Бымовским) «не нуждались в заводских работах, имея возможность обеспечивать свой быт более выгодными способами». Еще в крепостное время, вспоминал И.А. Соваж, «наибольшая часть обязательных работ... исправлялась ими через наем государственных крестьян». Кроме того, препятствием к возобновлению работы завода служили «чрезвычайная дороговизна горючего материала по причине оскудения лесов» и отдаленность его от других заводов округа. Действие же Шаквинского завода, закрытого еще до издания указа от 3 декабря 1862 г., вообще не предполагалось восстанавливать как из-за невыгодности перевозки железа, так и по причине добровольного перехода мастеровых на оброк после подписания уставной грамоты. Деятельность Уткинского, Молебского, Тисовского и Камбарского заводов, по мнению управляющего, могла продолжаться в ограниченном виде. Вместе с тем он считал необходимым и по ним «сделать уведомление о закрытии действия» ввиду убыточности производ-

ства. В условиях, когда казна отказалась от субсидирования заводов и оказывала им минимальную поддержку только ради «предоставления народонаселению средств к существованию», управляющий не видел возможности продолжать без убытка действие заводов Суксунского округа.

Важнейшими общими причинами такого положения он называл «неблагоприятные естественные условия... вследствие разбросанности заводов, взаимной их зависимости и раздробленности в управлении, чрез что значительно увеличивались общие и накладные расходы». Сыграла свою роль и дороговизна магнитных руд, поставляемых из отдаленного Высокогорского месторождения, где Суксунские заводы имели не самый лучший участок добычи. Вследствие удаленности куреней и «непомерно высоких плат, требуемых рабочими», очень дорого обходился заводам и древесный уголь. Все это отражалось на себестоимости чугуна и железа. Из-за отсутствия оборотного капитала тяжелым бременем ложились на заводы податные и залоговые обязательства, выплаты по которым достигали 50 тыс. руб. в год. И.А. Соваж писал, что «с его стороны не упускалось и не упущено ничего для улучшения положения Суксунских заводов». В частности, выделка железа с 122 тыс. пуд. в 1863/64 г. была доведена в следующем заводском году до 235 тыс. пуд., а продажа чугуна казенным заводам достигла 97 тыс. пуд. «Достоинство суксунского железа, – похвалялся управляющий, – возвышено до такой степени, что покупатели ищут его, и если партии этого железа продаются с убытком, то единственно вследствие несоразмерно большого количества в них железа полосового; приготовление же в заводах железа исключительно сортового по наименованию в них... нужных на то устройств, оказывается невозможным»⁴.

В результате Суксунские заводы в период казенного управления не приносили никаких доходов, напротив, несмотря на полученные субсидии (только за 1863–1866 гг. они составили 263 тыс. руб.), каждый заводский год заканчивался со все возрастающими убытками. Так, если в 1863 г. они равнялись 25 374 руб., то в 1866 г. – уже 46 123 руб. Общая же сумма казенных долгов за взятые и не возвращенные еще с 1849 г. ссуды к 1880 г. включала 650,4 тыс. руб. Петербургскому опекунскому совету, 585,3 тыс. руб. – Петербургской казенной палате, 115 тыс. руб. – Екатеринбургскому уездному расходному отделению, 116 тыс. руб. – Уральскому горному правлению и 30 тыс. руб. – Пермской казенной палате. Кроме того, формально заводам следовало рассчитаться примерно со 120 индивидуальными и корпоративными пайщиками обанкротившегося Товарищества Суксунских заводов (среди которых были представители таких известных фамилий, как Нессельроде, Штиглицы, Борхи, Ротшильды, Бенардаки и др.). Согласно книгам правления компании, считалось, что им принадлежало 3543 пая на сумму 1 771 500 руб.; еще 97,5 тыс. руб. заводы задолжали кредиторам, не участвовавшим в Товариществе или не явившимся в свое время за дивидендами. Ни по одному из этих долгов, как уверял бывший управляющий статский советник Я.Н. Ляпунов, «при стеснительности денежных средств» платить «не представлялось никакой возможности»⁵.

В 1865 г. некоторые из крупных пайщиков (среди них вдова устранившегося от владения еще в 1833 г. А.Г. Демидова Ольга Александровна и вдова П.Г. Демидова Елизавета Николаевна) в очередной раз напомнили о себе. Они просили Александра II принять заводы в казну «с выдачею взамен оных выкупных свидетельств» на 875 тыс. руб. сер., остававшихся, по их подсчетам, от рыночной стоимости заводов (2,3 млн руб.) за вычетом всех казенных долгов (включая 260 тыс. руб., выделенных уже во время казенного управления). «Если принять в уважение, что с 1 мая 1857 по 1 мая 1858 г. на сих заводах выделано 14 447 пуд. меди и 387 860 пуд. желе-

за и что есть надежда на проведение через Пермскую губернию железной дороги для удобства передвижения металлов и местных продуктов, – убеждали царя бывшие пайщики, – то для казны предвидится со временем огромный доход от означенных заводов».

Однако министр финансов М.Х. Рейтерн не дал согласия на не слишком привлекательное, на его взгляд, предложение просителей. «В виду огромного долга и нахождения в упадке... а также по нахождению в казенном управлении и назначении в продажу с публичных торгов... ходатайство не может быть удовлетворено за совершенной ненадобностью заводов сих казне, имеющей и без того значительное число собственных горных заводов», – таково было окончательное решение власти в деле об обанкротившемся Товариществе Суксунских горных заводов⁶.

Но и казенное управление находилось в сложной ситуации. В условиях бездоходности имения необходимо было либо проводить коренную модернизацию всего заводского комплекса, либо как можно скорее продать заводы. Первый путь требовал значительных капиталовложений, на что казна не решалась, поскольку формально не владела, а лишь управляла заводами. Более приемлемой и вытекавшей из сути казенного управления являлась продажа, но первоначально она откладывалась из-за сложностей описи и оценки восьми заводов, затянувшихся на годы. Лишь к концу 1860-х гг. совместными усилиями горных и гражданских властей удалось составить описи имущества⁷. Первые публичные торги на Суксунское имение состоялись в 1870 г. Но, по свидетельству современников, они не привлекли покупателей. Основная причина этого крылась в масштабах хозяйства и сложной производственной структуре округа. Продать огромное, сложно организованное и дорогостоящее хозяйство, при этом еще и находившееся в критическом положении, было не просто.

В связи с этим в 1867 г. Министерство финансов запросило Уральское горное правление о возможности разделения округа на части «на тот случай, если продажа в целом составе всего имения признана будет затруднительной». Управляющий И.А. Саваж тогда же представил свои замечания. Он считал, что «железные» заводы округа могут составить либо один, либо два самостоятельных «участка». В первом случае сохранились бы между ними прежние производственные связи; во втором – потребовалась бы их перестройка и разделение общего участка Высокогорского рудника. Первый «участок» могли бы составить Молебский чугуноплавильный, Суксунский и Тисовский передельные заводы, находившиеся на р. Сосьве и имевшие удобное водное сообщение. Уткинский чугуноплавильный завод по рекам Чусовой и Каме был связан с железоделательным Камбарским, несмотря на то что по суше их разделяли 600 верст. Шаквинский завод, прежде передельывавший железо Тисовского и Суксунского заводов в сортовое, уже не принимался в расчет (был закрыт, бывшие мастеровые перешли на оброчную повинность). В особый участок могла быть выделена лишь принадлежавшая к этому заводу дер. Поздняка. Наконец, медеплавильные Бымовский и Ашапский заводы, как и «железные», могли бы образовать либо один, либо два «участка» в зависимости от того, сохранялись бы между ними прежние производственные связи (черновая «бымовская» медь очищалась на Ашапском заводе), или они разрывались; тогда каждый из заводов превращался в самостоятельное предприятие с законченным производственным циклом. На это, по мнению управляющего, потребовался бы «ничтожный денежный расход». Итак, заключал И.А. Саваж, округ можно было разделить на четыре или шесть частей, «основываясь на различии в производствах Суксунских заводов, на взаимных их отношениях и других местных условиях»⁸.

В 1869 г. Министерство финансов создало особую комиссию, в которую вошли горные инженеры и лесничие, «для исследования на месте способов к успешной продаже частных заводов, находившихся вследствие неблагоприятно сложившихся обстоятельств в казенном управлении и обремененных казенными и частными долгами в размере, далеко превышающем стоимость самих заводов». Среди них были и Суксунские заводы, отчет о состоянии которых был опубликован в следующем году в «Горном журнале». По мнению специалистов, «это описание, не заключавшее в себе никаких тенденциозных взглядов, на основании которых можно было бы прийти к ошибочному выводу о богатстве или бедности означенного округа», давало «ясное понятие о том, что при настоящем положении заводов, в особенности при том способе продажи, который до сего времени практиковался над ними, казна не только никогда не будет в состоянии продать Суксунские заводы со всевозможными льготами и рассрочками платежей, но едва ли найдутся покупатели, пожелавшие приобрести их совсем за бесценок»⁹.

О состоянии округа в 1873 г. свидетельствует безымянная записка управления соседних Верх-Исетских заводов. «Даже и без указанной выше статьи, – констатировал ее автор, – каждый, живущий на Урале и хотя сколько-нибудь интересующийся местной горной промышленностью, знает, что уже много лет Суксунские заводы почти только по названию можно считать горными заводами в буквальном значении этого слова, что под именем Суксунского округа следует разуместь местность густозаселенную бывшими мастеровыми и государственными крестьянами, причем как те, так и другие занимаются хлебопашеством, извозом, ремеслами и всякими отхожими промыслами, но только не работами на заводах, в которых обращается самая ничтожная часть местного населения». «Всем известно, что производительность большей части посессионных заводов на Урале с каждым годом прогрессивно возрастает, в особенности за последнее время, когда заводы, оправившись после крестьянской реформы, получили возможность проявлять свою деятельность при содействии вольного труда, хотя и дороже оплачиваемого, но зато и гораздо более производительного. Исключение в этом отношении составляют заводы Суксунского округа, и если теперь при огромном спросе на железо, установившем небывалые доселе цены на него, если теперь при самых благоприятных внешних условиях Суксунский округ не мог поправиться, не мог заплатить хотя части своих долгов, то смело можно сказать, что заводы сии никогда не поправятся, что они, взятые вместе как одно неделимое целое, останутся навсегда горными заводами по одному только названию, и чем более будет употреблено усилий для того, чтобы поддержать за ними значение горных заводов, тем результаты будут плачевнее», – прогнозировал автор¹⁰.

Аргументы Верх-Исетского заводоуправления подкреплялись и впечатлениями автора статьи, опубликованной в «Горном журнале». Он отмечал, что в составе Суксунского округа только один Уткинский чугуноплавильный завод мог считаться перспективным для дальнейшего развития, имея «рудники, леса и вполне достаточные заводские сооружения». Семь заводов округа «оставались горными только по названию»: Бымовский и Ашапский медеплавильные «вовсе не имели руд», Молебский чугуноплавильный также был «весьма беден рудниками», Шаквинский железодельный возведен «не на месте, и постройка его оправдывалась только крепостным трудом», Суксунский (вместе со вспомогательным Тисовским) и Камбарский железодельные заводы были «окружены преимущественно пришлым населением», которое занималось выгодным кустарным промыслом или работами на пристани «при набивке хлеба и погрузке его». Кроме того, здания и сооружения

в пределах всех этих заводов были «крайне ветхи, а на некоторых даже вовсе разрушились», везде «чувствовался и недостаток в лесном материале». Плохое техническое состояние заводов вело к тому, что «доход с одного Уткинского и отчасти Камбарского заводов поглощался убытками в остальных заводах, и поглощался не только весь без остатка, но даже образовывался хронический дефицит, увеличивающийся ежегодно и без того огромный долг на округе». «Конечно, при затрате капитала еще можно возобновить заводские фабрики, можно построить новые сооружения и машины, можно, наконец, возвышенной заработной платой снова привлечь рабочие руки, – считал автор аналитической записки, – но нельзя добыть руды из истощенного рудника, нельзя добыть горючий материал из заводской дачи с разоренными лесами. В этом отношении капитал бессилен и поэтому положение вышепоименованных семи заводов никогда не поправимо».

Специалисты видели единственный выход для округа в его «раздробительной» продаже, когда заводы, имевшие «горнозаводское будущее», были бы отделены от остальных и продавались как «действительно горнозаводские имения», а заводы, утратившие это качество, переводились бы в разряд «имений хлебопахотных» и продавались бы по ценам, основанным «на выгодах, которые можно извлечь из их земельных угодий и леса». Однако «раздробительная» продажа заводов противоречила базовому принципу посессии, накрепко связавшего заводы с предоставленными им «казенными пособиями» в землях, лесах и рудах. При этом закон позволял в отдельных случаях «из общей массы заводов выделять один и более заводов, но только таких, кои могут продолжать свое действие, независимо от прочих и без которых остальные из разделяемых заводов совершенно обойтись в состоянии». Опираясь на эту статью Горного устава, Верх-Исетское заводууправление находило вполне возможным выделить из состава Суксунского округа Уткинский завод с его лесной дачей и продать его как можно скорее ввиду того, что, «во-первых, при настоящем усиленном развитии горного дела на Урале, доказывающем его выгоду, легко можно было бы найти многих покупателей, многих конкурентов на одно и то же имущество и, во-вторых, потому, что пора, наконец, прекратить бесплодную деятельность Уткинского завода, расстраивающую его хозяйство настолько, что в непродолжительном времени завод этот делается настолько же безвыгодным, как и остальные заводы округа».

Настойчивость заводууправления объяснялась тем, что оно, оказывается, «имело виды» на Уткинский демидовский завод, граничивший с дачами Верх-Исетского округа. «С приобретением верх-исетской заводоуправления Уткинского завода, – обещал автор записки, – производительность его увеличится настолько, насколько позволят природные богатства заводской дачи, причем Верх-Исетский округ не пощадит капиталов на обустройство Уткинского завода устройствами и механизмами, соответствующими современным требованиям горного промысла, не пощадит капиталов на употребление с пользою горючих материалов из таких дальних окраин заводской дачи, где леса оставались до сего времени не тронутыми и портятся понапрасну вследствие невыгодной их эксплуатации при ничтожном обороте капитала Суксунского округа». Выгода от такой покупки обуславливалась возможностью ликвидации «чересположности владения», поскольку дача Уткинского завода располагалась между Шайтанской и Сылвинской дачами Верх-Исетского округа. Из-за этого в 1873 г. управление округа и ходатайствовало перед правительством о скорейшей продаже Уткинского завода, как писал автор, «продаже взаимно полезной и в то же время совершенно неизбежной для окончательного разрешения вопроса о Суксунском округе». По позднейшему сви-

детельству, это предложение не прошло, поскольку продажа «была обусловлена совокупностью всех Суксунских заводов»¹¹.

Правительство в течение еще 10 лет так и не смогло решиться на «раздробительную» продажу, предпочитая объявлять новые торги в ожидании того, кто купит бы весь округ. Безрезультатными оказались даже попытки распродажи имущества остановленных заводов, «несмотря на двукратные публикации о том в губернских ведомостях». Удостоверившись наконец в бесперспективности этого пути, власти пошли на практическую реализацию идеи «раздельной продажи» имения, основанием для чего стал «Проект условий для продажи состоящих в казенном управлении горнозаводских имений», одобренный Александром III 1 июля 1883 г.¹² Через два года была образована особая межведомственная комиссия для раздела Суксунского округа. В ее состав вошли управляющий заводами статский советник А.П. Кавадеров, горный инженер коллежский советник Воронов и старший ревизор Пермской контрольной палаты надворный советник Заволжский. Комиссия должна была приступить к работе в мае 1885 г. и завершить свою деятельность к осени, «чтобы к продаже имения в Санкт-Петербургской сохранный казне могло быть приступлено в начале будущего 1886 г.» На первом заседании, состоявшемся 10 июля 1885 г., были сформулированы главные задачи комиссии: «...разделить Суксунское имение на самостоятельные в хозяйственном отношении участки, доступные по ценности своей возможно большему числу покупателей», и определить «относительную стоимость сих участков», составив подробные описи каждого из них.

После оперативно проведенных 13 заседаний уже 1 августа 1885 г. комиссия предложила предварительный вариант раздела. «На основании свидетельств, собранных комиссией лично на месте и доставленных заводоуправлением», было предложено продать в 1886 г. «как имения горнозаводские» Молебский чугуноплавильный завод и его лесную дачу, Уткинский чугуноплавильный завод вместе с Камбарским железоделательным заводом и отдельную дачу сгоревшего еще в 1869 г. и так и не восстановленного Ашапского медеплавильного завода. Остальные «части» округа – Суксунский, Тисовский, Шаквинский железоделательные и Бымовский медеплавильный заводы, Поздьянскую дачу и дом в Екатеринбурге – предполагалось продать «как имения лесные, или сельскохозяйственные», ибо, как записано в отчете, «они не имели горнозаводской будущности и не могли существовать самостоятельно». Их дачи предполагалось разделить на мелкие участки и провести торги в Перми, чтобы привлечь «главнейших покупателей этих участков в лице крестьян и крестьянских обществ, отыскивающих вообще вследствие экономических условий новые уголки для применения своего земледельческого труда». Все имущество оценивалось комиссией в 2 090 765 руб. Тогда же, видимо, были несколько скорректированы и льготные условия продажи. Из суммы продажи предлагалось вычесть капитализированный оброк и лесной налог за надел, данный заводскому населению, а также выкупную сумму по деревням Поздьянке и Старковой (сделки совершены в 1874 и 1877 гг.). Из оставшейся суммы покупателю разрешалось заплатить наличными деньгами $\frac{1}{4}$ часть и все земские, казенные недоимки и расходы на деятельность комиссии. Погашение остальной суммы рассрочивалось на 24 года «из 5% интереса и 2 $\frac{1}{4}$ % погашения»¹³.

Выводы комиссии вызвали неоднозначные отклики. Так, опытный главный лесничий Суксунских заводов В.Н. Мылов утверждал, что «почтенный и солидный труд оценочной комиссии дает богатый материал для группировки предложенных участков в каком угодно виде». Он соглашался с предложением продать лесные дачи уже недействовавших и бесперспективных заводов «под поселения, разбив на не-

большие квадраты и места». Но вырученные деньги В.Н. Мылов предлагал «обратить на запасной и оборотный капитал, развитие и улучшение Молебского, Уткинского и Камбарского заводов», которые, как считал, «настолько еще находятся в хорошем состоянии, не утратив своей ценности, что более нуждаются в разумной поддержке, чем в продаже». Тем не менее Горный департамент одобрил проект комиссии, уточнив лишь, что продажа Камбарского, Суксунского и Тисовского заводов может последовать только после их остановки, для чего необходимо заблаговременно известить рабочих. В этих целях Министерство государственных имуществ приказало немедленно «сделать надлежащее распоряжение о предварении... относительно предполагаемого закрытия в 1887 г. действия сих трех заводов». При этом в распоряжении оговаривалось, что такое предварение «не отнимало у заводчика (т. е. казны, как «временного владельца». – *Е.Н.*) права оставить сие намерение без исполнения по изменившимся обстоятельствам»¹⁴.

Между тем, пока обсуждались и принимались непростые решения о судьбе Суксунских заводов (вследствие чего откладывались назначенные на начало 1886 г. торги), они, по оценке управляющего, «не имея заказов на железо и чугун... пришли к такому истощению денежных средств, что дальнейшее продолжение действия оказалось положительно невозможным и закрытие их стало вопросом времени». Тем не менее на предложения о порядке их закрытия горные власти согласия не давали. А.П. Кавадеров писал 30 октября 1886 г.: «За неполучением разрешения на постепенное закрытие заводов... расходы и работы производятся в том размере, как при полном действии, а денег нет и не предвидится источников на получение их, металлы не проданы и продать их теперь некому, займами же под залог железа потребность денег удовлетворится лишь наполовину»¹⁵. Положение Суксунских заводов в такой ситуации выглядело отчаянным. Именно в это время была получена телеграмма о продаже округа.

В роли должжного покупателя выступил старший сын умершего еще в 1858 г. бывшего владельца Павла Григорьевича Демидова титулярный советник Александр Павлович Демидов. Эта покупка имела свою предысторию. Видимо, к идее возвращения родового имения А.П. Демидова подтолкнуло решительное намерение казны выставить Суксунский округ на публичные торги в 1886 г. или на льготных условиях 1883 г., или по частям. До 1885 г. он никак не проявлял своего намерения, но ввиду реальности продажи предпочел вступить в борьбу за заводы. В этих целях им был предложен иной вариант решения «суксунской проблемы». С февраля 1885 г. Александр Павлович подал несколько прошений в Горный департамент и министру государственных имуществ, в которых предлагал «выслушать его предложения об уплате казенных долгов и войти с ним в соглашение, не прибегая к продаже с аукциона». Поскольку он хотел узнать общую сумму заводских долгов и «ту, которая будет безусловно исключена» из этой суммы на основании проекта 1883 г., суть предложений А.П. Демидова становится вполне ясной: он хотел воспользоваться льготными условиями продажи заводов за сумму казенных долгов, но без торгов.

Юридической основой этого А.П. Демидов считал свое наследственное право на владение Суксунскими заводами, статус которых в то время, действительно, выглядел не вполне определенным. Сам Александр Павлович и его стряпчий В.Н. Мамонтов уверяли власти, что в 1848 г. заводы поступили не во владение, а в срочное 12-летнее пользование Товарищества. После истечения «арендного срока» в 1860 г. оно не совершило никаких юридических актов на владение и в 1863 г. добровольно передало заводы в казенное управление, в результате чего «течение приобрета-

тельной давности для Товарищества прекратилось и более до сего времени не возобновлялось». «Следовательно, – резюмировали просители, – Товарищество Суксунских заводов права собственности не приобретало, а Демидовы не лишались по этой причине собственности на заводы». «По прошествии арендного срока Товарищество не пожелало приобрести означенные заводы в собственность и до сих пор, как от прежних владельцев, так и после смерти их от меня, единственного их наследника, заводов этих совершением купчей крепости не приобретало, – писал А.П. Демидов министру М.Н. Островскому, – а потому я прошу Ваше Высокопревосходительство считать эти заводы принадлежащими мне, а не Товариществу Суксунских заводов, которое в течение 25 лет уже не проявляет своего существования».

В.Н. Мамонтов в свою очередь пытался убедить министра в том, что «заводы не могут быть проданы, как неизвестно кому принадлежащие». «Если бы такие торги и состоялись, – полагал он, – то они не могли бы иметь никаких последствий, покушник не получит на них никакой крепости и результатом их будет лишь бесполезный крупный процесс с казною; то же самое будет и в том случае, если заводы будут продавать как принадлежащие Товариществу, которое по крепостным книгам и документам не значится собственником их и не имеет судебного решения о признании за ним права собственности на заводы по давности, и самое существование коего сомнительно, так как оно с 1863 г. ничем не проявилось и даже... не значится в числе торговых учреждений... Удовлетворение же ходатайства моего доверителя для него весьма существенно, так как при условии признания за ним права собственности он мог бы уплатить казенные недоимки разного рода, за которые заводы назначены в продажу, и, освободив их от казенного управления, заняться деятельною эксплуатацией их»¹⁶.

Ввиду важности дело было передано на заключение юрисконсульту Максимо-ву и в Министерство финансов, поскольку продажа проводилась по распоряжению подведомственной ему Петербургской сохранной казны. После рассмотрения, как сообщал юрисконсульт, «доставленных ему дел, заключающих в себе более 1000 листов», он не нашел возможным «прийти к несомненному убеждению, что за наследниками братьев Демидовых сохраняется право собственности на означенное имение», и «в ограждение всяких могущих возникнуть претензий к казне со стороны приобретающих пай Товарищества» предложил признать имущество «принадлежащим Суксунскому Товариществу», отказав А.П. Демидову в ходатайстве. Из Министерства финансов поступил еще менее утешительный отзыв. Вопрос о владельцах там вообще сочли не существенным. «Долги Санкт-Петербургской сохранной казне и Государственному казначейству состоят не на владельцах Суксунского округа, а на самом округе, – сообщалось в ответ, – а посему... взыскание казенных долгов обращено непосредственно на самый округ, причем продажа округа имеет быть произведена на основании Высочайше утвержденных 1 июля 1883 г. правил»¹⁷.

Тем не менее эти отказы не остановили А.П. Демидова. Им были получены и направлены в Горный департамент судебные удостоверения об отсутствии каких-либо крепостных актов «на отчуждение Суксунских заводов в собственность Товарищества», а также о его праве наследования после отца и дяди, которое у Александра Павловича никто из родственников не оспаривал. Он даже не побоялся просить разрешения о созыве «через публикацию в Правительственном Вестнике и в Ведомостях обеих столиц» чрезвычайного собрания владельцев паев акционерного общества «для обсуждения вопроса о том, кто собственник означенных заводов – Товарищество или бывшие владельцы оных Демидовы», в чем ему тоже было от-

казано. Адвокат В.Н. Мамонтов усилил аргументацию своих прошений напоминанием о том, что «Товарищество, учрежденное с целью устройства заводов, не только их не устроило, не уплатило лежащего на них долга, но даже обременило их новыми долгами», а после установления казенного управления «ничем не проявило своего существования и тем самым в силу давности утратило право на приобретение заводов». «Если и допустить, что Товарищество существует, несмотря на то, что со времени принятия заводов в казенное ведение самая цель и предмет Товарищества – лучшее устройство заводов – утратились, – полагал он, – то и в таком случае за Товариществом остается лишь право домогаться от собственников заводов или уступки ему этих заводов, или возмещения убытков вследствие отказа собственников продать эти заводы. Во всяком случае, если бы это не существующее ныне Товарищество вновь возродилось, то оно могло иметь претензии только к Демидовым, в силу контракта с которыми оно владело заводами. К казне же за передачу заводов собственникам таковых, уплативших при том казенные долги и тем устранивших причину нахождения заводов в казенном владении и продажу оных с публичного торга. Товарищество, очевидно, никаких претензий иметь не может. Веритель же мой, как наследник владельцев заводов, с принятием наследства в силу закона ответственен за своих наследодателей вообще и в частности по контракту, заключенному им с Товариществом»¹⁸.

Но никакие аргументы не смогли поколебать позицию Горного департамента, который в феврале 1886 г. вновь отказал просителям. Там сочли законным рассматривать нынешнее «фактическое владение со стороны казенного управления» в качестве преемника прав Товарищества, а не Демидовых, которые, как и Товарищество, «в течение более 20 лет... никакого отношения к заводам тоже не имели». Мало того, чиновники определили, что заявленная просителем претензия на владение Суксунскими заводами «является спором о праве гражданском, направленным к отысканию имущества из чужого владения», и подлежит решению «установленным судебным порядком». А.П. Демидову рекомендовали либо идти в суд, либо, «если желает, явиться на торгах соискателем продаваемого имущества», для чего не представлялось никакой надобности предварительно признавать его собственником этого имущества. Ему не преминули также напомнить, что он может «простираť свои права собственности» только на два завода, поскольку остальные шесть заводов Суксунского округа состояли на посессионном праве.

Получив этот отзыв, Александр Павлович решил обратиться к министру государственных имуществ М.Н. Островскому неофициально. В личном письме, датированном 28 февраля 1886 г., он объяснял этот свой поступок тем, что «только министр по званию своему облеченный особым доверием Государя Императора... может испросить Высочайшего соизволения правильно поставить дело; все же остальные чины министерства... едва ли решатся на это... и с большим спокойствием отошлют... решать этот вопрос судом». «Но с кем судиться? – вопрошал А.П. Демидов. – Никто моих прав не оспаривает, ответчика нет, да суд и не может отменить мнение Комитета министров, Высочайше утвержденное. Остается один путь выйти из созданного многими годами лабиринта: вызвать меня к соглашению об уплате долга казне и испросить Высочайшего повеления передать мне заводы, не доводя до продажи». Он вновь утверждал, что «никто не может указать, чтобы Товарищество с 1848 г. владело заводами на праве собственности хотя бы минуту, а с 1863 г. никто не может указать даже существования Товарищества, а между тем призрак этот в течение почти года мешает приступить к соглашению между Правительством и мною для покупки заводов».

Свое предложение Александр Павлович считал «совершенно совпадающим с интересами казны, ибо продажа с торгов Суксунских заводов, по имеющимся опытам, не может быть выгодна казне, так как заводы эти уже три раза продавались с торгов в 1870, 1873 и 1875 гг., но без всяких результатов». Разрешение «продать заводы участками, разбив их на мелкие крестьянские хозяйства», он также считал безнадежным «ввиду того, что за отграничением крестьянских наделов от тех же имений население не нуждается более ни в лесах, ни в землях». В то же время, писал он министру, «неполучение ответа, несомненно, может парализовать мое намерение погасить лежащие на заводах долги казне, ибо еще сегодня готовые на это дело капиталы не могут оставаться неопределенное время не помещенными в другое дело». А.П. Демидов настаивал на предоставлении ему сведений о долгах заводов и просил разрешения «ныне же осмотреть заводы лично или через доверенное лицо»¹⁹.

М.Н. Островский вынес дело на обсуждение Соединенного присутствия Совета министерства и Горного совета, которое 31 августа утвердило прежнее мнение Горного департамента. Вероятнее всего, высшие горные чины были уверены в том, что А.П. Демидов, несмотря на его уверения, не располагает необходимыми для возмещения долгов капиталами. По имеющимся в их распоряжении сведениям, казенный долг Суксунских заводов составлял почти 3,5 млн руб. (на 1 января 1885 г. по займу 1852 г. – 1 186 180 руб., включая проценты за просрочку – 344 833 руб.; по ссудам Государственного казначейства, выданным с 1848 по 1884 г. – 2 070 708 руб., включая проценты за просрочку – 239 622 руб.; недоимки по земским сборам – 116 168 руб.)²⁰. Даже по льготным условиям 1883 г. сумма продажи должна была составить не менее 2370 тыс. руб. Ожидать от одного покупателя (даже носившего знаковую фамилию Демидов) внесения такой огромной суммы казалось совершенно нереальным. Но, очевидно, в департаменте многого не учли.

Как оказалось, 31 августа, в тот же день, когда Соединенное присутствие подтвердило прежнее мнение Горного департамента, император утвердил положение Комитета министров о продаже Суксунских заводов А.П. Демидову без торгов на льготных условиях 1883 г. Министерство финансов 13 сентября 1886 г. предписало Петербургской сохранный казне продать А.П. Демидову заложенное имение за 1,5 млн руб. Было решено, что «казенные долги, не покрытые покупной суммой, каковые составляют около 2 млн руб., подлежат сложению со счетов». В соответствии с правилами 1883–1885 гг., из суммы продажи вычитались 571 159 руб. капитализированного оброка и 25 651 руб. выкупной ссуды по двум деревням. Из оставшихся 903 189 руб. определялась $\frac{1}{4}$ часть (225 797 руб.), к которой прибавлялись 2015 руб. расходов на комиссию, 155 736 руб. земских и 311 руб. государственных сборов. В итоге сумма, которую А.П. Демидов должен был единовременно внести в казну, составила всего 383 860 руб. Для погашения остальной суммы (519 329 руб.) была предоставлена рассрочка на 24 года (из 5% интереса и $2\frac{1}{4}\%$ погашения) с наложением на имущество «запрещения». Владелец брал обязательство вносить платежи по долгу «исправно и своевременно»; в противном случае имение у него «отбиралось» и вновь назначалось в публичную продажу²¹.

Александр Павлович внес деньги 22 ноября 1886 г., а 3 декабря в Петербурге подписал «данную» на Суксунские заводы. Более того, «по смыслу» положения Комитета министров, восемь заводов с рудниками (с учетом участков Высокогорского рудника, расположенного в даче Нижнетагильского завода, и Шишимского рудника – в даче Верхнетагильского завода), дер. Поздняка и деревянный на каменном

фундаменте дом в Екатеринбурге по ул. Метлинской (площадь имения составляла почти 475 тыс. дес.) переходили к А.П. Демидову «на праве полной собственности»²². Эта формулировка означала, что Суксунские заводы утрачивали свой посессионный статус и становились владельческими в полном составе.

Понятно, что столь льготные условия возвращения Суксунского имения демидовскому роду не были случайными. Списание большей части огромного долга казне не могло осуществиться только с благоволения царя. Скорее всего, в этом помогли высокие родственные связи А.П. Демидова. Его мать Софья Александровна была дочерью когда-то всесильного графа А.Х. Бенкендорфа. После смерти мужа П.Г. Демидова она в 1859 г. вышла замуж за князя С.В. Кочубея, сына председателя Государственного совета и Комитета министров. Женой самого Александра Павловича была племянница председателя Департамента государственной экономики Государственного совета Александра Александровна Абаза (ко времени передачи прав владения супруги уже находились в разводе). Вторым браком А.А. Демидова была замужем за П.Ф. Сумароковым-Эльстоном, а в период между своими браками родила двух детей от великого князя Николая Константиновича. Двоюродный брат А.П. Демидова Николай Петрович в 1873 г. унаследовал громкий титул и фамилию светлейших князей Лопухиных. Ему же отошло и богатейшее майоратное имение Лопухиных в Киевской губернии – Корсунь. Граф В.Н. Ламздорф вспоминал, что в 1895 г., когда это имение было доведено до разорения, жена Николая Петровича Лопухина-Демидова, урожденная Столыпина, выхлопотала через императрицу-мать списания огромного долга мужа казне. Именно по этому поводу будущий министр иностранных дел замечал, что «Его Величество нередко проявляет безмерную щедрость»²³.

Телеграмма от А.П. Демидова с текстом «Данную кончаю, деньги казне внес» была получена на заводах в конце ноября 1886 г. Управляющий немедленно предложил допустить нового владельца «к производству на его счет заводского действия, не ожидая формальной сдачи». Он полагал, что можно «при средствах Демидова оставить заводское хозяйство на существующей заводской администрации» или «допустить самого Демидова ныне же к хозяйствованию на заводах под контролем казенного управления для ограничения интересов казны». Но вместо ожидаемого облегчения покупка только запутала ситуацию с управлением заводами. Дело в том, что Александр Павлович вовсе не торопился вступать во владение, в то время как министр государственных имуществ предписал упразднить до того существовавшее казенное управление и прекратить финансирование Суксунских заводов. В случае отказа А.П. Демидова он приказал передать заводы в опекунское управление, а до тех пор назначить особого чиновника «с достаточным числом сторожей» для охраны имения.

Определенному на эту должность горному инженеру М.П. Деви не оставалось ничего иного как прекратить действие еще работавших Уткинского и Молебского чугуноплавильных заводов. Естественно, это повлекло за собой недовольство рабочих, требовавших расчета. Последовал протест и от губернского по крестьянским делам присутствия. «Демидовым до сих пор не сделано никакого распоряжения к продолжению действия заводов, – сообщали члены присутствия главному начальнику уральских заводов И.П. Иванову в конце марта 1887 г., – и мастеровые за неимением работ остаются без всяких средств к существованию, тем более что им не выданы из казны заработки за исполненные работы». Еще через месяц взволнованный министр финансов уведомил пермского губернатора о необходимости безотлагательного взятия Суксунского округа в опеку «как бесхозяйственного

имения» вследствие «отсутствия владельца». Однако Пермская дворянская опека отказывалась от обременительной обязанности содержать заводы, у которых не было денег даже на охрану. Не спас ситуацию и займ 42 тыс. руб., выделенный Горным департаментом на выплаты рабочим.

В то же время М.П. Деви получил телеграмму от А.П. Демидова, в которой тот сообщал, что закрытие заводов последовало «по недоразумению». «Прошу, – писал владелец, – продолжать действие домен и снаряжение каравана местными средствами». «Как прикажете поступить?» – в недоумении спрашивал у Горного правления временный управляющий²⁴. Пока власти в очередной раз искали выход из затруднительного положения, в ночь с 14 на 15 июня 1887 г. неожиданно в Суксун прибыл поверенный владельца «для приема заводов». Коллежский ассессор Л.А. Бенкендорф предъявил М.П. Деви доверенность от гвардии поручика князя В.С. Кочубея, которому А.П. Демидов в свою очередь доверил управление выкупленными заводами. Надо полагать, приезд доверенного лица с такой громкой фамилией произвел впечатление на заводах.

М.П. Деви вновь оказался в сложной ситуации, поскольку передать заводы он не мог из-за формального их состояния под опекунским управлением. Вскоре пришла телеграмма от губернатора В.В. Лукошкова, в которой сообщалось о приостановлении опеки. Другим, не сразу устраненным препятствием, явилась необходимость уплаты тех 42 тыс. казенных рублей, которые раздали рабочим. Л.А. Бенкендорф отказался сделать это немедленно, но гарантировал, что долг будет удержан из ссуды в 1 млн руб., которую А.П. Демидов должен был вскоре получить от Нижегородско-Самарского земельного банка под залог только что приобретенных заводов. Очевидно, именно получение этой ссуды и стало причиной промедления владельца. Наличных денег, которыми Александр Павлович рассчитывал погасить казенный долг, хватило, видимо, только на первоначальный взнос, но не на возобновление заводского производства. В июне 1887 г. дополнительно к прежним льготам ему разрешили заложить заводы в ипотечном банке, но «с обязательством полного погашения долга казне по покупке имения». Поручителем стал брат А.П. Демидова князь Василий Сергеевич Кочубей, который и прежде всячески поддерживал Демидова в намерении вернуть родовое имение. В счет залога банкирской конторой Гинцбурга 8 августа были переведены 373 623 руб. Государственному казначейству и 200 908 руб. Петербургской сохранный казне. «С уплатой Демидовым состоящих на имении казенных долгов, он, Демидов, становится полноправным владельцем Суксунского имения», – сообщалось в предписании Горного департамента. Передача заводов состоялась 11 августа 1887 г. Александр Павлович Демидов вступил во владение и управление Суксунским округом, где к этому времени все заложенные предприятия фактически бездействовали²⁵.

В ситуации, требовавшей значительных ассигнований на возобновление производства, ускорение его технической модернизации (вялотекущей в условиях 23-летнего казенного управления), а также на более рациональную организацию всего хозяйственного комплекса остатка банковской ссуды хватило ненадолго. Хотя уже осенью 1887 г. возобновилась работа двух домен (на Уткинском и Молебском заводах), а вслед за этим пущены железоделательные Суксунский и Камбарский заводы, производительность округа к 1890 г. не поднималась выше 165 тыс. пуд. чугуна, 50 тыс. пуд. железа и отличалась нестабильностью²⁶. Возникли также серьезные конфликты, вызванные проблемами трудоустройства населения закрытых или сокративших производство заводов.

При сохранявшейся убыточности заводов демидовское управление изыскивало любые средства для пополнения кассы, используя в частности новый владельческий статус округа. Известно, что в 1889 г. оно заключило «лесорубный договор» с яранским купцом И.Л. Бердниковым. В некоторых заводских дачах (Камбарской и др.) самим управлением была организована промышленная вырубка леса на продажу. По этому поводу обозревавший завод в 1892 г. окружной инженер Н.П. Коженков писал в своем отчете, что 490 чел. из заводских жителей (занимавшихся самовольной рубкой леса и сбытом его на камские пристани еще при казенном управлении) под более строгим надзором частного управления «обратились к работам по эксплуатации леса, производимым в течение нескольких лет владельцем Камбарского завода А.П. Демидовым».

Достаточно оригинально было организовано финансирование этого завода. По свидетельству того же Н.П. Коженкова, проживавшие там «более или менее состоятельные личности» (купцы Кондюрин, Волков, Вавилов и др.) приняли на свой счет покупку чугуна и железного лома и даже «выдавали заводоуправлению авансом деньги, из коих производились все вообще сопряженные с переработкой этих материалов в железо расходы». Они же затем «через посредство местных рабочих кустарей перерабатывали его в различные изделия, преимущественно в экипажи, и сбывали последние на ближайших ярмарках»²⁷.

Настоящий арендный договор на Бымовский завод был заключен 11 декабря 1889 г. с почетным гражданином В.А. Хлудовым. С того времени единственное оставшееся в структуре Суксунского округа медеплавильное предприятие возобновило свою деятельность, но в несравнимо меньшем, чем прежде, масштабе (в 1890 г. выплавлен всего 341 пуд). В аренду были переданы также мукомольные мельницы на р. Юркан (крестьянину Рогожникову) и у плотины Тисовского завода (мастеровой девице Черноголовой)²⁸.

После заключения первой закладной Александр Павлович получил еще дополнительную ссуду 300 тыс. руб. из того же банка, в 1888 г. совершил выгодный перезалог части имения в Ярославско-Костромском банке; брал он и частные ссуды. Но уже в 1889–1890 гг. А.П. Демидов не сумел вовремя расплатиться с кредиторами, закономерным следствием чего стало признание его несостоятельным должником по определению Московского окружного суда от 25 апреля 1890 г. Конкурсное управление по делам А.П. Демидова, которому было передано заводское имущество должника, было открыто 5 мая того же года в Москве²⁹. Председателем нового управления избрали присяжного поверенного С.А. Муромцева, будущего лидера партии кадетов и председателя I Государственной думы. Целью конкурса была «ликвидация дела несостоятельного должника Демидова в возможно краткий срок». Без промедления новое управление приступило к продаже того, что еще обладало рыночной ценностью и могло возместить вложенные кредиторами деньги. За основу было принято давнее решение казны продавать имущество по частям.

Первым из владения А.П. Демидова и управления конкурса вышел Бымовский завод, находившийся в аренде. Понятно, что его покупателем выступил сам арендатор В.А. Хлудов. По решению общего собрания кредиторов от 17 июля 1890 г. завод с дачей в 491 дес. достался ему всего за 15 тыс. руб. Купчая была совершена С.А. Муромцевым и В.А. Хлудовым в Москве 9 августа того же года³⁰.

Собрание кредиторов, состоявшееся 29 ноября 1890 г., санкционировало продажу другого, крупнейшего в Суксунском округе и наиболее перспективного завода, – Уткинского чугуноплавильного. В декабре слух о его продаже достиг давно

уже приглядывавшегося к нему Верх-Исетского заводууправления. Поскольку со времени первого ходатайства о покупке прошло почти 17 лет, оно запросило у конкурса новые сведения о состоянии завода, предложив его купить. Но 17 декабря управляющий Верх-Исетского округа А.И. Роджер получил известие о том, что Уткинский завод, вероятно, уже продан другому «соседственному владельцу» графу С.А. Строганову. «Очень убыточен был бы для наших заводов владелец граф Строганов относительно запорядков материалов и перевозок, – писал управляющему приказчик Сылвинского завода, – но еще будет хуже, если они вздумают перестроить этот завод на выделку листового железа, как это они сделали в большинстве своих заводов, то тогда потянут еще и наших верховых рабочих людей. Вот главная причина, почему я просил г-на Тилле (конкурсного управляющего Суксунским округом. – *Е.Н.*) побывать у Вас в Верх-Исетске и, может быть, если еще не поздно, Вы пожелаете принять меры к приобретению нашими владельцами Уткинского завода»³¹.

Но это известие пришло слишком поздно, и принять столь важное решение владельцы Верх-Исетского округа так и не успели. Всего через неделю, 24 декабря 1890 г., в Петербурге была подписана купчая куратором конкурсного управления присяжным поверенным Н.Л. Ясинским и коллежским ассессором Н.Н. Анцыферовым, выступавшим от лица отставного капитана второго ранга графа С.А. Строганова. Вместе с заводом и 65 870 дес. земли покупателю переходили участки Высокогорского и Шишимского рудников. Сумма сделки составляла 735 тыс. руб. сер., из которых 391 263 руб. переводились на С.А. Строганова в виде долга Нижегородско-Самарскому банку. Кроме того, граф выплачивал банку 31 693 руб. на погашение недоимки текущего года. Остальные 312 044 руб. частями поступили в распоряжение конкурса³².

«Окончательное» собрание кредиторов состоялось 10 октября 1891 г. Оно предоставило кураторам конкурсного управления право заключать сделки и на другие предприятия округа. В соответствии с этим решением через год состоялась продажа Камбарского железоделательного завода.

Сами мастеровые еще летом 1892 г. просили у Горного департамента взять этот завод в аренду при условии предоставления казенной ссуды. Такое необычное предложение было сделано ими, как сообщал расследовавший дело окружной инженер Н.П. Коженков, потому что «жизнь почти половины населения завода находилась в тесной зависимости от действия последнего». После того как этот завод поступил в конкурсное управление, его производительность уменьшилась с 37 тыс. пуд. (в 1890 г.) до 10 тыс. пуд. (в 1892 г.). Это повлекло за собой резкое сокращение штата рабочих (с 1130 до 300 чел.). По подсчетам окружного инженера, еще 340 чел. занимались кустарными промыслами, связанными с заводским производством. Остальные 490 работников были вынуждены «приступить к истреблению и сбыту на пристани поступившего им в надел, но еще окончательно не утвержденного за ними леса, а когда последнего уже не стало, то начали заниматься другими работами, а именно сплавом лесных произведений... и отхожими промыслами на ближайшие уральские горные заводы». Если бы деятельность завода прекратилась полностью, то большая часть его населения уже вряд ли нашла бы работу. Мастеровые, уверял инженер Горное правление, «до сих пор еще не приступили к обработке предоставленных им за оброк земельных участков» по причине «незнакомства... с этой отраслью промышленности, неимения на это денежных средств и неудовлетворительного размежевания пахотных участков между всеми членами камбарского сельского общества»³³.

В разговоре с окружным инженером управляющий Суксунскими заводами Э.А. Тилле согласился, что положение заводского населения было «действительно не особенно привлекательным». Но в этом, по его мнению, общество было виновато само, «вследствие присущих ему беспечности и лени». «Будучи в достаточном количестве наделенным землей и лесом, – утверждал Э.А. Тилле, – население со своей стороны не сделало решительно ничего для употребления с пользою предоставленных ему угодий». Он также объяснил инженеру, что в возобновлении работы завода заинтересованы не столько мастеровые, сколько те самые «более или менее состоятельные личности», которые занимались «помимо других торгово-промышленных предприятий еще и продажей с завода железа». Один из них, купец Г.С. Кондюрин, тогда же предложил купить или взять в аренду Камбарский завод. На оба предложения об аренде конкурсное управление ответило отказом. Оно «обязано по закону ликвидировать дела несостоятельного должника Демидова в возможно крайний срок... почему и вынуждено отказать, – объяснял окружной инженер, – ...так как не считало себя в праве обременять завод каким-либо долгосрочным арендным договором, существование которого послужило бы препятствием к его продаже». Это и было главной целью конкурса. На предложение же купца о покупке завода последовало согласие³⁴.

Купчая между куратором конкурсного управления Ф.М. Енько-Даровским и бирским купцом Г.С. Кондюриным была подписана в Москве 22 декабря 1892 г. Камбарский завод с дачей площадью 6131 дес. «со всеми лесами, водами, строениями... и с движимостью, составляющей необходимую принадлежность заводских строений», достались купцу за 65 тыс. руб. с учетом лежавшей на заводе части банковской ссуды в размере 30 тыс. руб.³⁵

Вскоре была заключена купчая и на оставшиеся заводы Суксунского округа. Уполномоченный конкурса Ф.М. Енько-Даровский 19 февраля 1893 г. продал промышленный комплекс Молебского, Суксунского и Тисовского заводов потомственным почетным гражданам Каменским. Три предприятия с 15 652 дес. земли ушли за 325 тыс. руб. сер., из которых 189 915 руб. переводились на покупателей долгом банку. Управление получило от этой сделки 135 085 руб. наличными. В тот же год дворянину Алексею Николаевичу Ганецкому продали сгоревший в 1869 г. и так и не восстановленный Ашапский завод. Это был известный владелец Сандуновских бань в Москве, который организовал в своем уральском имении лесное хозяйство, построив лесопильный завод. Дачу Шаквинского завода распродали крестьянам Сажинской и нескольких других волостей³⁶.

Таким образом, за проданные в течение 2,5 лет конкурсного управления шесть заводов Суксунского округа было получено почти полмиллиона рублей. Эта сумма (если не учитывать доходы конкурса от продажи леса из заводских дач) оказалась в 4 раза меньше той, в какую оценила заводы комиссия 1885 г. Вероятно, ею лишь отчасти покрыли убытки кредиторов. Выяснилось также, что конкурс должен еще рассчитаться с казной и за якобы неверно рассчитанную при продаже округа в 1886 г. сумму выкупных платежей. По подсчетам Кредитной канцелярии Министерства финансов, в действительности она составила не 571 159 руб., а 486 863 руб. (т. е. была на 84 296 руб. меньше). Небольшие суммы управление вносило в счет этого нового долга, когда в 1903 г. обнаружилось, что землеустройство горнозаводского населения Суксунских заводов производилось на основании не общих законов, а особой инструкции 1877 г., которая распространялась на частные округа, находившиеся в казенном управлении. В соответствии с ней, писал ревизор землеустройства, «выкуп за наделы население должно было платить казне, а не бывшим

или, тем более, будущим владельцам». Это ставило под сомнение саму законность льготных условий продажи округа. Видимо, власти «закрыли глаза» на это несоответствие законов, а обнаружившуюся разницу в сумме выкупных платежей перевели на новых владельцев частей бывшего Суксунского округа³⁷.

Сам же Александр Павлович Демидов, так неосторожно ввязавшийся в, надо полагать, рассматривавшуюся им как свой семейный долг операцию с выкупом заводов, остался и без денег, и без родового имения. Он скончался на 48-м году жизни 19 января 1893 г., незадолго до последнего торгового. Без сомнения, унижительная распродажа родового имущества не могла не повлиять на здоровье последнего владельца Суксунского горнозаводского округа из рода Демидовых.

---

¹ Подробнее см.: *Неклюдов Е.Г.* Первый опыт акционирования горнозаводских округов Урала в середине XIX в. // *Индустриальное наследие*. Саранск, 2007. С. 267–275.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6628. Л. 95.

³ Там же. Л. 214–215, 371–373, 380.

⁴ Там же. Л. 260–260 об., 1027 об.

⁵ Там же. Д. 5772. Л. 239 об. – 244 об.; Д. 5564. Л. 782, 891.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 397. Л. 1–11.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6628. Л. 1034, 1211, 1280–1281, 1329–1330.

⁸ Там же. Л. 882–892.

⁹ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4077. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1–12.

¹¹ Там же. Л. 1–12, 26.

¹² ПСЗ-III. Т. 3. № 1660.

¹³ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 81. Л. 1, 33, 35, 74–75, 139–140; Д. 8. Л. 2; Оп. 19. Д. 59. Л. 2–13.

¹⁴ Там же. Д. 81. Л. 29–30.

¹⁵ Там же. Оп. 21. Д. 81. Л. 91–94, 104.

¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 43. Л. 1, 5–6, 10, 35–45.

¹⁷ Там же. Л. 52–54, 60–61 об., 63–67 об.

¹⁸ Там же. Л. 50, 69–70, 71–75 об.

¹⁹ Там же. Л. 94–99.

²⁰ Там же. Л. 4–4 об.

²¹ Там же. Оп. 65. Д. 268. Л. 70–74, 77–87.

²² Там же. Л. 12; ГАСО. Оп. 19. Д. 59. Л. 2–14 об.

²³ *Краснова Е.И.* Такие разные Демидовы. СПб., 2007. С. 87, 131, 135; *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 314–315.

²⁴ ГАСО. Оп. 21. Д. 81. Л. 157, 162, 178, 180, 194, 206, 252, 263.

²⁵ Там же. Л. 280, 283, 329, 376, 556, 678.

²⁶ *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия*. Екатеринбург, 2001. С. 42, 96, 241, 326–327, 442, 445, 461, 517.

²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 445. Л. 4–9 об.

²⁸ Там же. Оп. 19. Д. 190. Л. 2–3 об.; Д. 253. Л. 2–3 об.

²⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 268. Л. 1–2, 153, 173, 219, 290; *Сук-Су, студеная вода*. Екатеринбург, 1999. 144 с.; *Металлургические заводы Урала...* С. 445.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 190. Л. 2–3 об.

³¹ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4077. Л. 25–26.

³² Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 104. Л. 8–10 об.

³³ Там же. Оп. 20. Д. 455. Л. 1, 4–9 об., 11.

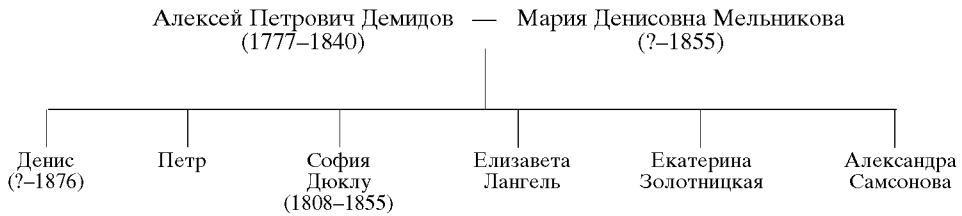
³⁴ Там же. Л. 10–10 об., 16–19.

³⁵ Там же. Оп. 19. Д. 280. Л. 5–8 об.

³⁶ Там же. Д. 253. Л. 2–3 об.; Д. 1104. Л. 10–11.

³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 268. Л. 219, 290, 333–333 об., 337–338, 340–342, 392.

1.3. П.А. Демидов

Другим представителям ветви Григория Акинфиевича Демидова (идущим от его сына Петра) принадлежали крупные Ревдинско-Рождественские заводы на Урале. После периода их временного нахождения во владении Зеленцовых в 1833 г. заводы были перекуплены на публичных торгах и утверждены за прежними владельцами. С 1855 г. ими владел правнук основателя ветви полковник в отставке Петр Алексеевич Демидов. Заводы перешли ему по выбору матери и по раздельному акту с братом и сестрами.

Еще его отец Алексей Петрович Демидов, владевший заводами в 1833–1839 гг., оставил завещание, в соответствии с которым родовое недвижимое имущество, включавшее нижегородское имение (с. Варганы с деревнями и 1087 рев. душ в Макарьевской округе), $\frac{1}{4}$ часть мыз Сиворицы и Елецкой (679 рев. душ в Царскосельском уезде Петербургской губернии) и каменный дом в Петербурге (во второй Адмиралтейской части, третьем квартале, № 65), переходили сыновьям: коллежскому регистратору Денису Алексеевичу и тогда еще малолетнему Петру Алексеевичу. Из этого же имущества выделялись указные части супруге Марии Денисовне (урожденной Мельниковой), дочерям Софье (позже вышедшей замуж за гвардии штаб-ротмистра Бориса Николаевича Дюклу), Екатерине (супруге генерал-лейтенанта Петра Дмитриевича Золотницкого), Александре (супруге генерала от инфантерии Гавриила Петровича Самсонова) и мужу уже умершей к тому времени старшей бездетной дочери Елизаветы генерал-лейтенанту Николаю Андреевичу Лангелю. На каждую из частей незамужних дочерей определялось в качестве приданого по 125 тыс. руб. асс. Кроме того, Алексей Петрович завещал выплатить жене, «буде пожелает», 500 тыс. руб., которые он взял у нее «по 10 заемным письмам» в 1828 г.

Все благоприобретенное имущество, в которое входили дом в Петербурге (во второй Адмиралтейской части, третьем квартале, № 164), $\frac{3}{4}$ части в мызах Сиворицы и Елецкой, а также Ревдинско-Рождественские заводы с 7201 рев. душой (по счету VIII ревизии 1834 г.), отдавалось в «полную собственность» Марии Денисовны. Видимо, она и должна была позже выбрать будущего владельца заводов. Ей же передавалось управление «всеми движимыми и недвижимыми имуществами», а также выплата долга Заемному банку, где в 1835 г. на 37 лет были заложены Ревдинские заводы на сумму в 425 160 руб. сер.¹

В 1843–1844 гг. М.Д. Демидова была введена во владение Ревдинского, Бисертского, Верхне- и Средне-рождественского заводов, а также выстроенного уже по ее распоряжению вспомогательного к Ревдинскому Мариинского и достраивавшегося тогда Нижне-рождественского заводов². При ее владении завершилось формирование окружного хозяйства, включавшего шесть заводов, хотя и расположенных на значительном расстоянии друг от друга (имение располагалось на территории четырех уездов Пермской губернии: Екатеринбургском, Красноуфимском, Оханском и Осинском), но действующих как единый производственный комплекс.

Мария Денисовна получила заводы в «стесненном» финансовом положении. К тому же во время смены владельцев Ревдинские заводы сотрясло крупное волнение углежогов, спровоцированное распоряжениями горных властей. Хорошо известно, что оно было жестоко подавлено, но прежним положение рабочих не осталось. В марте 1843 г. «по угольной операции» ввели «особое правило», утвержденное министром финансов³. Столкнувшись с многочисленными проблемами беспокойного заводского хозяйства, владелица предпочла отказаться от личного управления и доверила его своему зятю Б.Н. Дюклу. В течение 10 лет он успешно вел хозяйственные дела Ревдинско-Рождественских заводов. По свидетельству наследников, «уже в скором времени заводы не только выплатили все просроченные обязательства, но и заняли одно из первых мест между заводами Уральского горного хребта»⁴.

Взяв дело в свои руки, недостаток оборотных средств Б.Н. Дюклу восполнял обычным для заводчиков способом: неоднократными ссудами из Горного правления и Коммерческого банка под залог металлов. Это был во многом опасный, но в той ситуации неизбежный выход. Заслугой управления отставного штаб-ротмистра можно считать то, что, в отличие от многих заводчиков, эти ссуды возвращались вовремя, как своевременно выплачивался и долг по банковскому залогу. Ревдинско-Рождественские заводы действовали относительно стабильно, выделявая в год 300–350 тыс. пуд. высококачественного железа, несмотря на недостаток топлива. Особенно остро он ощущался на главном Ревдинском заводе, обеспечивавшем чугуном пять железоделательных предприятий округа. Еще в 1801 г. было предписано приграничить к нему три казенные дачи, из которых в результате отвели только одну. Топливная проблема обострилась в 1850-е гг., когда завод оказался на грани остановки. По настоянию владелицы, Уральскому горному правлению пришлось даже несколько урезать леса соседних частных Верх-Исетского и Сысертского округов в пользу Ревдинского завода⁵.

В 1852 г., «будучи в старых годах», Мария Денисовна подписала доверенность на управление заводами «или через конторы, или же через других лиц, от него уполномоченных», своему младшему сыну, тогда еще подполковнику, Петру Алексеевичу Демидову, состоявшему при Корпусе жандармов. Видимо, таким образом она пыталась приобщить его к заводским делам. Именно к нему по явленному Пермской гражданской палате 17 июля 1856 г. духовному завещанию матери, скончавшейся в Ревде 14 сентября 1855 г., перешли Ревдинско-Рождественские заводы с 8767 рев. душ крепостных (по IX ревизии 1850 г.), а также мызы и дом в Петербурге (дом № 164 был продан еще при жизни М.Д. Демидовой). Денис Алексеевич получил нижегородское имение, долги которого должен был уплатить Петр. Он же обязывался выдавать старшему брату и его наследникам по 12 тыс. руб. сер. в год, «если получит... чистого с заводов дохода не менее 70 тыс. руб.» Кроме того, Петр Алексеевич, будучи основным наследником, выплачивал трем сестрам по 200 тыс. руб. асс. «по возможности в ближайший срок», а до того времени должен был выдавать каждой из них ежегодно 15 тыс. руб. «независимо от означенного капитала»⁶.

В первый же год своего хозяйствования он заложил еще остававшиеся свободными от залога Рождественские заводы в Санкт-Петербургской сохранный казне за 552 750 руб. на 37 лет. Это случилось 9 марта 1853 г. На следующий год был заложен петербургский дом; в 1856 г. та же участь постигла царскосельские имения. Возможно, часть денег пошла на уплату долга сохранный казне по нижегородскому имению (в декабре 1856 г. «с общего согласия» вновь заложенное Денисом Алексеевичем в той же казне уже под его личную ответственность), а также на «выдел»

Н.А. Лангеля. К 1859 г. осуществлены частичные выплаты находившейся тогда в Париже Е.А. Золотницкой (22 тыс. руб.) и А.А. Самсоновой (5 тыс. руб.). Оставшиеся суммы брат обещал выплатить сестрам и детям умершей С.А. Дюклу в течение 10 лет. Все эти перемены во владении родовыми и благоприобретенными имениями были утверждены наследниками А.П. Демидова и М.Д. Демидовой «раздельным актом» 27 марта 1859 г.⁷

Экономист В.П. Безобразов, побывавший на Ревдинских заводах, именно к этому времени относил расстройство их финансового положения, вызванного большими затратами на «разное строительство» (не только промышленное, но и на «барские затеи» подолгу жившего в своем уральском имении владельца: содержание театра, оркестра и др.)⁸. Кроме долгосрочных ссуд Петр Алексеевич активно пользовался краткосрочными займами под залог металлов в Екатеринбургской конторе Государственного коммерческого банка. Он даже упрощил правление банка позволить ему брать новые займы еще до выплаты прежних ссуд. К тому же 137 318 руб. долга конторе в 1861 г. были переведены на Государственное казначейство⁹. Эти льготы позволили П.А. Демидову удержать заводы от банкротства в тяжелый для всех заводчиков период 1850–1860-х гг., резко увеличить производство чугуна и железа, начать производство меди. Но эти меры не улучшили финансового положения заводов, оцененное В.П. Безобразовым как «самое крайнее выражение недугов».

Денег не хватало даже на восстановление разрушенной наводнением плотины Бисертского завода, для чего в январе 1863 г. была испрашена помощь от Уральского горного правления в установленном размере 7,5 тыс. руб. По всеподданнейшему докладу 1 февраля 1863 г. из Государственного казначейства «для преподания способов выйти из настоящего затруднительного положения» П.А. Демидову предоставили еще одну ссуду в 100 тыс. руб. на три года с удержанием накопившейся недоимки Петербургской сохранной казне. Заводоуправление получило 89,6 тыс. руб., за расходом которых обязали присматривать заводского исправника. Но даже по меньшей из этих ссуд демидовское заводууправление не смогло расплатиться вовремя. Дважды разрешалась годовая отсрочка, но и на третий год доверенный владельца просил Горное правление повременить с выплатой «по неимению денежных средств» ввиду «бедственного положения заводов». Платеж по второй ссуде смогли внести только за 1864 г., в результате чего власти вновь вынуждены были оказать владельцу «снисхождение»: 11 июня 1865 г. император распорядился причислить эту ссуду к долгу Государственному казначейству, возросшему сразу с 137 318 до 242 900 руб., и рассрочить его на 37 лет. В Горном правлении подсчитали, что до 1902 г. Ревдинско-Рождественские заводы должны будут уплатить по этому казенному долгу 535 256 руб.¹⁰

Не улучшила общую ситуацию и временная остановка Рождественских заводов в мае 1864 г. «по случаю переговоров с рабочими насчет земельного пользования». Деятельность их возобновилась лишь после того, как приехавший владелец распорядился безвозмездно передать рабочим покосы, которыми прежде они пользовались «на одно лето». Вместе с тем подошли сроки очередных выплат (41,8 тыс. руб.) по залогу 1853 г. Петербургской сохранной казне. После того как они не были внесены, по требованию казны 23 октября 1865 г. Пермское губернское правление предписало местной полиции «немедленно взыскать означенную сумму, а в случае неплатежа... уездной дворянской опеке взять заводы в свое управление с воспрещением владельцу... въезда в имение на жительство, а равно и участия в распоряжениях и с доставлением в сохранную казну собираемых с оного доходов в уплату

долга». Как и следовало ожидать, уже через месяц, 29 ноября, Екатеринбургская дворянская опека учредила свое управление, определив отставного коллежского асессора Гессена опекуном над Ревдинско-Рождественским округом¹¹.

Приняв заводы «безо всяких средств», опекуну ничего не оставалось, как просить Горное правление об отсрочке всех долгов «впредь до продажи заводов или других каких-либо о них распоряжений» и о назначении исправника или горного чиновника в новое управление для «содействия опекуну к достижению цели, для которой назначена опека, т. е. уплаты хозяйственными средствами заводов лежащих на них казенных недоимок». Поскольку правление поначалу оставалось глухо к этим просьбам и вновь потребовало от исправника секвестировать железо в счет недоимок, к весне 1866 г. опекунское управление оказалось в столь отчаянном положении, что вынуждено было расплачиваться с рабочими «заводскими произведениями». Сам же Гессен, видимо, покинул вверенные ему заводы. «Покорнейше просим Ваше Превосходительство, – обращались к главному начальнику уральских заводов А.А. Иоссе заводские приказчики, – принять во внимание критическое положение опекунского управления и не отказать сделать зависящее распоряжение о приостановке требования уплаты срочных взносов...» «Если же Уральское горное правление приказывать будет секвестировать железо... – предупреждали они, – то решительно прекратится удовлетворение рабочих людей, от чего может возникнуть в них ропот и даже более важные последствия».

Прошение вместе с докладами заводского исправника, видимо, возымели действие. В апреле 1866 г. в Ревду были командированы чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел Е.В. Богданович, екатеринбургский уездный исправник Герасимов и мировой посредник Ильин, которые составили «постановление о предотвращении бедственного положения населения заводов». По свидетельству исправника, в нем было «выяснено убеждение полковника Богдановича в бедственном положении заводов и населения, беспорядке опекунского управления, хищничестве лиц, близких к нему, некоторых уже обличенных, а других заподозренных, общем ропоте и недовольстве народа, требующего перемены этого управления и в особенности смены управляющего Мызина». Следствием разбирательства стало назначение в июне 1866 г. в состав опекунского управления старшего чиновника Горного правления по особым поручениям коллежского асессора П.Н. Трубинова. Тогда же с Воткинского завода «взаимообразно» отпустили 40,5 тыс. пуд. чугуна на передел в железо «для поддержки действия Рождественских заводов» на сумму 22 734 руб., присоединенную к казенному долгу¹².

Не остался безучастным к судьбе заводов и отстраненный от управления владелец. Он договорился с одним из своих торговых партнеров купцом и потомственным почетным гражданином Семеном Ивановичем Кони, тогда активно включившимся в горнозаводское предпринимательство на Урале, о передаче ему заводов в 10-летнее управление. Еще до учреждения опеки П.А. Демидов заключил с ним контракт на продажу 160 тыс. пуд. железа за 187,2 тыс. руб. После перемен в управлении договор оказался на грани срыва. С.И. Кони было объявлено, что он «не прежде может получить железо, как по уплате всех казенных долгов заводов Демидова». Вероятно, это и подтолкнуло его к совершению более крупной сделки. Владелец и купец подали общее прошение императору об отмене опекунского управления и передаче его С.И. Кони, который брал на себя обязательство «восстановить заводское действие... и производить платежи текущих податей и повинностей» при условии отсрочки уплаты долга Петербургской сохранный казне и Государственному казначейству на три года. На основании доклада министра финансов «о

бедственном положении» заводов Александр II санкционировал сделку с условием ответственности С.И. Кони за взнос всех казенных платежей после трехлетней отсрочки. «И если за сим последует неисправность в своевременном взносе... – было записано в именном указе от 22 июля 1866 г., – то горнозаводское имение полковника Демидова, служащее обеспечением долгов, подвергнется немедленной продаже с публичных торгов»¹³.

Однако задуманному и даже уже утвержденному плану так и не суждено было осуществиться. Против него резко выступили сестры владельца, срок уплаты которым установленных раздельным актом сумм истекал в сентябре 1866 г. «Владелец заводов отставной полковник Петр Демидов не в состоянии не только выплатить должный капитал, но даже продолжать условленное ежегодное до полного расчета вознаграждение», – от лица сонаследников жаловалась А.А. Самсонова. «Только личное положение Демидова, ошибочно им понимаемое, могло довести его до заключения условий, клонящих, – как считала сестра, – ко вреду его самого, к нарушению прав сонаследников и к гибели заводов». В своем прошении императору она указала на замеченные «резоны», заставившие ее именно так оценить последствия заключенной арендной сделки. «По условиям договора, – писала А.А. Самсонова, – Кони обязывается не только сонаследникам заводовладельца, но и Правительству производить узаконенные взносы только в таком случае, если на заводах за издержками окажется чистый доход; самый же смысл условий убеждает, что доходов никаких и предвидеть невозможно, потому что цена, по которой предоставлено Кони в течение 10 лет покупать все приготовленное им железо, круглым счетом не превосходит уже в настоящее время стоимости его выделки. Не менее губельны для сонаследников и заводов и другие соглашения, – продолжала она, – а именно: Кони принимает на себя обязательство выделять только $\frac{1}{4}$ того количества железа, которое выделялось на заводах до сего времени; то, что $\frac{3}{4}$ заводского населения лишаются трудового хлеба, а заводы потеряют навсегда рабочие руки, без которых они существовать не могут. По истечению трех лет, когда наступит время срочных платежей процентов в сохранную казну и Горное правление, Кони в предвиденном случае недостатка доходов отклонен от всякой ответственности, а заводы принуждаются к продаже с публичного торга...» Вместе с тем Александра Алексеевна считала, что «...собственно же дела Ревдинских и Рождественских заводов при всех неправильностях и ошибках управления ими Демидова и в настоящее время не представляют окончательной безнадежности». «Заводы эти по выгоды расположения своего, богатству средств и с Высочайше дарованными льготами, при опытном и благонамеренном управлении могут вынести теперешние затруднения и достигнуть прежней состоятельности как в отношении казенных, так и частных долгов, так и по заводскому делу».

В полемику включился даже влиятельный генерал Г.П. Самсонов. Он полагал, что из-за нарушения Петром Демидовым обязательств сестрам они должны «вступить в права свои по заводам». Вслед за женой он просил «отстранить вредное вмешательство Кони в дела наследников Демидовых» и вновь передать заводы с дарованными льготами в 15-летнее «административное управление» отставному штаб-ротмистру Б.Н. Дюклу. «Дети Дюклу участвуют в наследуемых заводах, ответственность его в заводском деле известна Горному правлению и доказана долговременным и успешным управлением его теми же заводами», – утверждал генерал¹⁴.

Но столь желательному для сонаследников повороту событий помешали новые обстоятельства. Оказывалось, что Петр Алексеевич пытался «обмануть» не только сестер, но и самого купца С.И. Кони, скрыв от него точные расчеты казенных

недоимок, и желал утвердить в управлении заводов собственных доверенных лиц. Сразу после снятия опеки он выдал несколько доверенностей под предлогом того, что по условиям договора с С.И. Кони за ним сохранялись господский дом в Ревде, «особая» лесная дача за Камой и «право добычи в отдаленных заводских землях в свою пользу золота, хрома и никеля с использованием необходимых на то лесов». Купец же из Петербурга телеграфировал А.А. Иоссе о приостановке передачи заводов до его приезда. Видимо, он появился здесь в начале 1867 г. и поначалу даже выдал доверенность на управление инженер-технологу В.Ф. Грасману. Но, судя по донесениям опекуна Гессена, собиравшегося сдавать дела отмененной опеки новому управлению, в феврале С.И. Кони «от принятия заводов отказался» и выехал с Урала. «Управление, – писал растерявшийся опекун, – поставлено в затруднительное положение, так что вынуждено будет закрыть заводы или продолжать действие с крайним убытком»¹⁵.

Еще больше запутала ситуацию последовавшая вскоре смерть Гессена. На заводы срочно был вынужден приехать сам председатель Екатеринбургской дворянской опеки отставной полковник А.В. Вагнер и с 28 марта взять на себя обязанности опекуна. В то же время Горный департамент известил П.А. Демидова, что поскольку «за всеми облегчениями, оказанными доселе Ревдинским заводам с целью вывести заводское население из затруднительного положения, облегчения эти не привели к желаемым результатам, и... за отказом Кони от принятия в свое управление означенных заводов, рабочее население может оказаться без средств к существованию, – то независимо от переселения мастеровых на казенные земли Министерство финансов в видах ограждения казенных интересов поставлено в необходимость подвергнуть... заводы описи и продаже с публичного торга, если... не будут приняты немедленно надлежащие меры к отвращению столь затруднительного положения»¹⁶.

Тогда Петр Алексеевич неожиданно предложил в качестве арендатора сева-стопольского купца первой гильдии старшего караимского газзана (священно-служителя) Фирковича, который соглашался взять заводы в 24-летнее арендное содержание «с платежом немедленно казенных долгов». Остальные долги предполагалось рассрочить («некоторые на 10, а другие – на 37 лет») и «на пять лет отложить как платежи по сим последним, так и взнос горной подати». Арендатор гарантировал «значительное развитие в Ревдинских заводах горной производительности посредством введения новых отраслей оной, расширения круга заводского действия и сооружения многих заводских устройств». Ввиду сомнения, что при публичной продаже вряд ли удастся возместить все казенные долги, в сентябре 1867 г. Горный департамент разрешил аренду с рассрочкой долга¹⁷. Но по каким-то причинам сделка со столь необычным арендатором не состоялась. Известно недатированное свидетельство о том, что к Ревдинским заводам отставного полковника Петра Демидова (а также Сергинско-Уфалейским заводам Губиных) присматривались иностранные предприниматели. Министерство финансов и пермский губернатор получили несколько ходатайств (от стряпчего Станислава фон Глауэра, от британского подданного Герберта Дарри) о разрешении им «беспрепятственного осмотра на месте посылаемыми туда иностранными инженерами с целью знакомства с положением, средствами и условиями этих заводов для приобретения их покупкою»¹⁸.

Несостоятельность всех этих планов привела к необходимости в том же 1867 г. взять кредит у известного екатеринбургского предпринимателя надворного советника Н.И. Севастьянова (который раньше уже пытался заполучить Сысертские за-

воды, а позже ненадолго станет совладельцем Холуницких заводов), обязавшегося вносить горные подати с металлов, выплавленных «его средствами», а также «из сумм народного продовольствия». В 1869 г. 100 тыс. пуд. железа было запродаано опекой торговому дому Пастуховых «с получением задатка», в 1871 г. осуществлен залог железа в агентстве Волжско-Камского коммерческого банка¹⁹. Однако новые ссуды увеличили и без того значительную общую задолженность Ревдинско-Рождественских заводов. Вновь были открыты злоупотребления заводоуправления и «неправильные» действия Екатеринбургской дворянской опеки.

Еще в начале 1868 г. по распоряжению пермского губернатора Б.В. Струве разбираться в делах опекунского управления прибыл член Екатеринбургского, Красноуфимского и Шадринского мировых съездов коллежский советник Самарцев, который сразу стал требовать от Горного правления командировать ему в помощь горного чиновника. Такой специалист, считал Самарцев, был ему совершенно необходим «для контроля счетов по горному хозяйству главной конторы Ревдинских заводов», поскольку хозяйство это было доведено «до крайнего расстройства нерасчетливыми распоряжениями опекунского управления» и управляющего купца Козлова. В Ревду вновь прибыл П.Н. Трубинов, но провести ревизию счетов ему, видимо, помешал формально отстраненный управляющий, который имел доверенность от П.А. Демидова на прием и сдачу заводов. Он, жаловался П.Н. Трубинов, заявляет, что «скоро будет хозяином заводов», а заводское население ввиду такой перспективы «опасается показывать при следствии что-либо противное Козлову».

Вскоре Самарцев вновь оказался без помощи специалиста, поскольку П.Н. Трубинов «был уволен от этого дела». «Существо означенного дела, – опять жаловался он в Горное правление, – заключается почти все в раскрытии злоупотреблений по 24 различным предметам горнозаводского хозяйства, из коих каждый предмет должен быть обследован отдельно, при том же для следователя, не посвященного в особенности горного производства и заводской экономики, нет никакой возможности добраться до истины, обнаружить злоупотребления, как, например, по показаниям лишних угаров железа, чрезмерного употребления дров, угля и других материалов при том или другом способе выделки железа, при различных технических условиях горного дела». Так ничего и не добившись, в июле 1870 г. Самарцев «оставил свою должность». Вести следствие поручили старшему чиновнику особых поручений Трусову, в помощь которому Горное правление отрядило заводского исправника Семисалова²⁰. Новая расстановка сил еще больше обострила ситуацию.

К тому времени сменилось уже два опекуна. После А.В. Вагнера в октябре 1869 г. на эту должность был определен некто Квашнин; в мае 1871 г. его сменил инженер-технолог Степанов. Это последнее назначение особенно накалило атмосферу и вызвало полемику не только между опекунским управлением и заводским исправником, но и между губернским и Горным правлениями. Каждое из ведомств защищало своих чиновников и не собиралось уступать в сложном и запутанном деле по управлению Ревдинско-Рождественскими заводами.

Поводом для полемики стал конфликт между Семисаловым и Степановым при проверке исправником шнуровой книги для записи чугуна, которая оказалась незаполненной за пять дней из-за болезни конторщика. Повздорив, чиновники обвинили друг друга в разных должностных «упущениях». Семисалов жаловался, что Степанов «выписал себе непопложенное жалование», употребил значительную сумму на поездку в Петербург для передачи П.А. Демидову «денег на содержание и выда-

чи ему субсидии», «без всякой надобности» увеличил штат служащих и даже «содержал на службе» лиц, находившихся под судом, включая управляющего купца Ухова, члена управления Мызина и лесничего Видякина. Сам же опекун оказался не дворянином, а бывшим писарем конторы Екатеринбургских заводов. Степанов в свою очередь списал на «нерадение» исправника плохое состояние заводских лесов и в целях удаления Семисалова от должности обвинил его в незаконном съеме квартиры в Ревдинском заводе.

Губернское правление провело свое следствие, но не обнаружило злоупотреблений опекуна. Напротив, по его сведениям Степанов эффективнее вел хозяйство по сравнению со своими предшественниками и, в частности, за короткий срок увеличил доходы и оплатил часть казенного долга. Горное правление усомнилось в правильности этих выводов. По мнению его чиновников, железо было продано дороже «отнюдь не от усердия Ревдинского управления, а из-за общего возвышения цен на ярмарке». Уплата долга также не могла рассматриваться в качестве заслуги опекунского управления. «Без исследования положения заводов людьми сведущими и без основательной поверки действий и счетов заводоуправления, – считали в Горном правлении, – такая уплата не имеет ни малейшего значения, ибо ее весьма легко сделать в ущерб будущего положения заводов. Кроме того, Степанов заплатил лишь часть долга, а не всю сумму, как полагалось». Обследование лесов, проведенное по заданию Горного правления коллежским асессором Г.А. Тиме, показало, что «главное зло в лесоистреблении там происходит не от самовольных порубок, а от того, что само заводоуправление при ежегодных заготовках лесных материалов для заводского действия не соблюдало правил лесного хозяйства». Видимо, осознав, что оспорить специалистов не удастся, в июне 1872 г. Екатеринбургская дворянская опека отстранила Степанова и назначила нового опекуна на Ревдинские заводы²¹. Но ему недолго пришлось руководить округом.

Еще в конце 1868 г. Петербургская сохранный казна впервые объявила о назначении заводов П.А. Демидова в публичную продажу. Вероятно, в феврале 1870 г. это решение было утверждено властями. Торги были назначены на 9 февраля (с переторжкой 27 февраля) 1873 г.²² Скорее всего, они не состоялись, поскольку в апреле 1873 г. уже частным порядком совершилась предварительная «запродажная запись» на заводы между самим П.А. Демидовым и коллежским асессором Г.М. Пермикиным «с обязательством совершить купчую крепость не позже декабря сего года». Министерство финансов 20 апреля 1873 г. распорядилось освободить заводы от опеки и передать управление «покупщику». В соответствии с решением Пермского губернского правления, 23 мая очередной опекун Н.А. Кабрит передал заводы Г.М. Пермикину, но «не в собственность, а только в управление до условленной покупки». Чтобы «не упустить» перспективного покупателя и облегчить ему восстановление заводского действия, 30 ноября император согласился рассрочить основные казенные долги, «сколько таковых окажется», на 37 лет, «полагая для платежа ежегодно 5% интереса и 1% погашения со всей капитальной суммы... с обеспечением оной сверх Ревдинско-Рождественских заводов и собственными именными Пермикина»²³.

Купчая на заводы была совершена в срок, 12 декабря 1873 г., в Витебской судебной палате. Ревдинский, Бисертский и Мариинский посессионные и три Рождественских владельческих завода с деревнями, рудниками (включая участок Высокогорского месторождения) и землями общей площадью 226 729 дес. переходили Г.М. Пермикину за 800 тыс. руб. сер. В эту сумму вошли переведенные на покупателя долги Петербургской сохранный казне (552 750 руб. асс., из которых недоим-

ку в 163 385 руб. следовало уплатить к 15 ноября 1874 г., а остальные – в течение 37 лет), Государственному казначейству (242 900 руб., еще в 1865 г. рассроченных на 37 лет), а также долги Уральскому горному правлению и Пермской казенной палате (до 65 тыс. руб.). «Остальная за сим покупная сумма... – записано в купчей, – лично мною, Демидовым, сполна получена». Петр Алексеевич освобождался также от возможных претензий покупателя, который в случае их появления мог «отыскивать недостатки с тех лиц, которым вверено было управление сими именьями, заводами и заведывание имуществом оных», т. е. с упраздненной опеки²⁴. Ревдинское имение второй раз за XIX в. вышло из владения демидовского рода и на этот раз навсегда.

* * *

Таким образом, к 1917 г. род Демидовых утратил владение всеми своими горно-заводскими именьями на Урале. В 1873 г. П.А. Демидов продал находившийся под опекой Ревдинско-Рождественский округ. В 1890–1893 гг. по частям оказался распродан Суксунский округ, владелец которого, А.П. Демидов, был признан несостоятельным должником. Только представители одной ветви рода – наследники П.П. Демидова князя Сан-Донато, сохранили свое участие в качестве акционеров компании Нижнетагильских и Луньевских заводов, находившейся под контролем банковского капитала.

¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 173. Л. 1–24.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 702. Л. 1–2, 5–6, 9–12.

³ Рабочее движение в России. Т. 1. М., 1951. С. 610–636; *Шкерин В.А.* Генерал Глинка: личность и эпоха. Екатеринбург, 1998. С. 171–182; ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 84–118.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 173. Л. 29–30.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 702. Л. 9–12; *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России. М., 1973. С. 196–198; ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82. Л. 32–36.

⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 173. Л. 1–24; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5328. Л. 11–14; Д. 7208. Л. 64–65; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1918. Л. 1–4.

⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 173. Л. 1–24.

⁸ *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 194–203; *Костерина-Азарян А.Б.* Театральная старина Урала. Екатеринбург, 1998. С. 62–63; *Чухланцева Г.Н.* Демидовская усадьба в Ревде // Альманах Междунар. Демидовского фонда. Вып. 2. М., 2003. С. 96–98.

⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 190. Л. 35; Ф. 24. Оп. 5. Д. 2232. Л. 19, 22, 180.

¹⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2232. Л. 22, 180.

¹¹ Там же. Л. 2–3, 7; Оп. 32. Д. 584. Л. 1–2.

¹² Там же. Оп. 5. Д. 2232. Л. 31, 33 об., 35–36, 40, 180; Ф. 43. Оп. 1. Д. 774. Л. 31–32.

¹³ Там же. Л. 26 об., 44; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 173. Л. 27.

¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2232. Л. 25–26, 29–30.

¹⁵ Там же. Л. 56, 80, 107, 117.

¹⁶ Там же. Л. 106, 112, 145; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 173. Л. 27–28.

¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 194. Л. 1–4.

¹⁸ Там же. Д. 327. Л. 19, 20.

¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2232. Л. 210, 216; Ф. 43. Оп. 1. Д. 794. Л. 2–13.

²⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 2011. Л. 1, 3, 5, 11–15.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 774. Л. 4, 57; Д. 794. Л. 23–38.

²² Там же. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2232. Л. 170, 176, 197–198, 240; Оп. 6. Д. 3225. Л. 53.

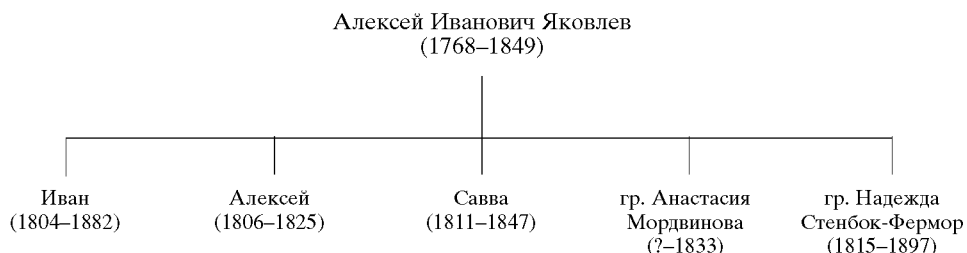
²³ Там же. Оп. 6. Д. 3225. Л. 1, 12 об., 17 об., 50 об.

²⁴ Там же. Л. 63–72; Ф. 43. Оп. 23. Д. 5328. Л. 11–14.

2. ПОТОМКИ С.Я. ЯКОВЛЕВА

Потомки ошастковскогo крестьянина С.Я. Яковлева ко времени крестьянской реформы владели тремя горнозаводскими округами на Урале. Верх-Исетский округ находился во владении представителей ветви рода, идущей от внука основателя, Алексея Ивановича Яковлева, Алапаевский – от сына, Сергея Саввича Яковлева, Невьянский округ состоял в общем владении двух названных ветвей рода и еще одной, «ярославской», идущей от Михаила Саввича Яковлева.

2.1. Наследники А.И. Яковлева

Крупнейшим владением рода Яковлевых на Урале в середине XIX в. был Верх-Исетский горнозаводский округ, включавший Верх-Исетский, Режевский, Верх-Нейвинский, Нижне-Верх-Нейвинский, Нейво-Рудянский, Верхнетагильский, Шуралинский, Уткинский, Шайтанский, Сылвенский, Нижнесылвенский, Саргинский, Нижнерудянский, Молебский и Вогульский заводы с Трекинской пристанью на Чусовой и домами (где, как правило, располагались торговые конторы) в Нижнем Новгороде, Перми и Лаишеве. Площадь округа составляла 701 273 дес. земли (еще 22 422 дес. находились в споре), включая 400 963 дес. леса. На заводах выплавлялось тогда до 727 тыс. пуд. чугуна и 7 тыс. пуд. меди, добывалось до 40 пуд. золота. По X ревизии (1857 г.) здесь числилось 4337 рев. душ казенных мастеровых, 2935 – непрременных работников и 8473 рев. душ заводских крепостных¹.

Получившие округ по наследству от отца в 1849 г. (завещание утверждено 20 февраля 1850 г.) Иван Алексеевич Яковлев и графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор заключили 1 августа 1852 г. «запись», в соответствии с которой сестра уступала брату свою часть имущества «в пожизненное полное владение и распоряжение» за годовой дивиденд в 50 тыс. руб. сер. Вскоре после крестьянской реформы, сопровождавшейся волнениями мастеровых, бездетный владелец Верх-Исетского округа статский советник и камергер И.А. Яковлев (у него была «воспитанница», вышедшая замуж за князя Д.П. Салтыкова)² решил изменить условия прежнего договора с сестрой. Новый раздельный акт был заключен между ними 1 марта 1862 г. в Петербурге.

В прошении министру финансов от лица брата, находившегося в то время в Париже, Н.А. Стенбок-Фермор удостоверяла, что по общему соглашению он, «не желая пользоваться предоставленным ему правом владения... отказался от права это-

го навсегда и потому предоставил ту часть обратно в полную ее собственность». Прежнюю «запись» 1852 г. уничтожили, вместо нее владельцы совершили раздел общего имущества, оцененного ими в 10 млн руб. сер. (в том числе 9,8 млн руб. – за заводы). Надежда Алексеевна получила Верх-Исетские заводы с пристанью, дома в Перми и Лайшеве и 15 741 рев. душ, а Иван Алексеевич – два дома в Петербурге, третью часть в Невьянских заводах с Мурзинской дачей и 2977 рев. душ. Горный департамент не нашел препятствий к совершению сделки, и раздел собственности между братом и сестрой состоялся. Единоличной владелицей Верх-Исетского округа, по мнению В.П. Безобразова, занимавшего «первостепенное положение в уральском горном хозяйстве», на долгие годы оказалась графиня Н.А. Стенбок-Фермор. Ей же после смерти в 1882 г. брата, не оставившего прямых потомков, досталась и часть Невьянских заводов³. Уполномоченным владелицы долгие годы выступал ее сын Алексей Александрович Стенбок-Фермор. В начале 1860-х гг. он, представляя интересы Верх-Исетских заводов в Горной комиссии при Министерстве финансов, отстаивал идею передачи посессионных заводов в собственность владельцев. В 1869 г., когда специалисты стали громко заявлять о необходимости приватизации казенных заводов, Алексей Александрович обращался к правительству с просьбой о продаже Миасской казенной дачи с золотыми промыслами за 120 тыс. руб. Тогда ему было отказано ввиду еще окончательно не решенного вопроса о «продаже вообще казенных горных заводов и золотых промыслов». Позже Миасские прииски будут переданы в аренду компании Н.В. Левашова, И.К. Дарагана, В.И. Асташева, П.А. Шувалова и И.И. Воронцова-Дашкова, преобразованную при участии банкиров Гинцбургов в Миасское золотопромышленное товарищество в 1879 г.⁴

Оборотный капитал, не растраченный бесцельно, и богатейшие природные ресурсы округа позволили Верх-Исетским заводам не только преодолеть трудности пореформенного времени, но и начать техническую модернизацию производства, которая потребовала упростить структуру заводского хозяйства с характерными для него сложными производственными связями между многочисленными предприятиями округа. «Одна из причин, заметно влияющих на величину расходов при выделке металлов... – сообщал управляющий инженер-технолог А.И. Роджер, – заключается в том, что заводская деятельность в округе раздроблена между несколькими мелкими, так называемыми “вспомогательными” заводиками, постройка которых в прежнее время обуславливалась необходимостью пользоваться каждым удачным скоплением вод для даровых водяных двигателей. С течением времени при более усовершенствованных устройствах, давших возможность утилизировать и теряющийся жар, и отходящие газы для отопления паровых двигателей и паровых молотов, заменивших водяные, потребность в отдельных вспомогательных заводах миновалась». Зачастую вокруг таких заводов, являвшихся, по сути, цехами находившихся рядом более крупных предприятий, могло и не сформироваться заводское поселение, поскольку рабочие здесь были приходящими.

Еще в 1860-е гг. отдельные вспомогательные заводы переоборудовали в основные, другие (в частности, вспомогательный к Нейво-Рудянскому Молебский и вспомогательный к Верхнетагильскому Вогульский заводы) закрылись «с введением в действие паровых кричных молотов». В 1873 г. приостановилась деятельность вспомогательного к Верх-Нейвинскому Нижнерудянского завода. В 1887 г. владелица предположила остановить действие последнего вспомогательного к Сылвин-

скому Саргинского завода, где работали всего только четыре водяных кричных молота. По словам А.И. Роджера, это было вызвано тем, что «продолжающийся уже несколько лет кризис в торговле уральским железом поставляет здешних заводчиков в необходимость озаботиться, сколько возможно, сокращением расходов для того, чтобы продавать заводские произведения без убытка». Деятельность же вспомогательного завода предполагала учреждение «отдельной администрации», требовавшей значительных расходов⁵. Подобные предложения, как правило, не вызывали отказа со стороны Горного правления, поскольку закрытие одного завода компенсировалось усилением производства на других предприятиях округа. Против зачастую выступали мастеровые, но им либо давали работу на новом месте, либо предоставляли землю.

Начавшаяся модернизация и рационализация производства позволяла округу достаточно эффективно функционировать, а его владельцы – получать высокие дивиденды. Согласно справке Главного Петербургского правления именными графини Н.А. Стенбок-Фермор, за 1890–1900 гг. общий доход округа составил 7 161 981 руб., из которого 5 274 588 руб. поступили владельцы. Значительные суммы Надежда Алексеевна вкладывала в ценные бумаги, в свою очередь служившие дополнительным источником дохода. Известно, что в 1872 г. графиня имела ценных бумаг на сумму 4631 тыс. руб., в 1888 г. – уже на 22 195 тыс. руб.⁶

По воспоминаниям жены внука заводчицы княгини М.С. Барятинской, когда она вышла замуж в 1894 г., Надежда Алексеевна «все еще здравствовала и проживала в том же доме вместе с дочерью и зятем». «У нее была своя половина из нескольких комнат... и она была одной из самых богатых женщин в Европе. Ей принадлежали огромные рудники на Урале и в Сибири, дома, деньги и другая собственность. Она была хрупкой женщиной, одевалась очень скромно, была очень религиозной и помогала многим монастырям. Однажды она позолотила за свой счет купола монастыря Святого Сергия недалеко от Санкт-Петербурга. Это стоило ей невероятных денег. Она была крайне консервативна во взглядах, не одобряла современных новшеств и никогда не ездила поездом, а также не допускала установки телефона у себя в доме. У нее был уникальный характер; ей был присущ исключительный ум, и своими делами она управляла с огромным искусством. В денежных вопросах она часто совершала неожиданные поступки. Как-то случилось, что ее старший сын Алексей, молодой офицер, влез в долги. Она отказалась уплатить их, и его мебель и другие вещи были объявлены к продаже. Лишь посредничество Его Величества Александра II вынудило ее уладить дела. В другой раз, однако, мой деверь, ее внук, Александр сообщил семье, что собирается признаться бабушке, что также серьезно задолжал. “Я попрошу сразу же, если она меня примет”, – заявил он. Мы думали, он шутит, но он пошел к бабушке, и, вероятно, его благосклонно выслушали, потому что через полчаса он вернулся, сияя, с чеком на 200 тыс. рублей. “Бабушке очень понравилось, что я был с ней откровенен”, – спокойно рассказал он нам. Но потом он по секрету признался мне, что, когда он вошел к старой даме и начал свою историю, его терзали сомнения. И все же приятные манеры и глубокий ум моего деверя компенсировали его непрактичность. Когда бабушка умерла в возрасте 83 лет, она оставила после себя огромное богатство в размере примерно 100 млн руб., и, хотя эта сумма была поделена среди очень большой семьи из нескольких поколений, каждому досталось очень прилично»⁷.

Надежда Алексеевна скончалась 3 октября 1897 г., на 47 лет пережив своего мужа графа Александра Ивановича Стенбок-Фермора. В их семье родилось пятеро детей: сыновья Алексей и Владимир и дочери Анастасия, Мария и Надежда. Граф Алексей Александрович состоял к тому времени шталмейстером высочайшего Двора и имел чин генерал-лейтенанта. По свидетельству современников, он был близким другом Александра III. Гвардии полковник граф Владимир Александрович скончался незадолго до смерти матери. Он был женат на фрейлине графине Марии Александровне Апраксиной, имел четырех детей: Александра, Евдокию, Надежду и Марию. Евдокия Владимировна, бывшая замужем за ротмистром (позже – полковником) Александром Афиногеновичем Орловым, к 1897 г. тоже уже скончалась, оставив малолетних сыновей Алексея и Ивана, пребывавших под опекой отца и бабушки Марии Александровны. Под попечительством Марии Александровны находились также ее несовершеннолетний сын Александр Владимирович и «умалишенная» дочь Мария Владимировна Стенбок-Фермор. Дочь Надежда Владимировна была замужем за полковником (позже – генералом от кавалерии и генерал-адъютантом, командующим гвардейскими войсками в 1916 г.) Владимиром Михайловичем Безобразовым.

Дочери владелицы Верх-Исетских заводов были выданы замуж за представителей российской аристократии. Надежда Александровна стала женой близкого к царской семье князя Владимира Анатольевича Барятинского, который сопровождал в кругосветном путешествии цесаревича Николая Александровича в 1890–1891 гг., а с 1906 г. состоял при вдовствующей императрице Марии Федоровне. «Моя свекровь, – писала М.С. Барятинская, – была очень добродетельной и набожной женщиной, чьим девизом в жизни был долг. Несмотря на большое сердце, она редко думала о себе, все свои силы она направляла на то, чтобы помочь окружающим»⁸. В 1914 г. княгиня Н.А. Барятинская станет статс-дамой и кавалером ордена Св. Екатерины. В декабре 1920 г. ее, находившуюся в своей летней резиденции в Ялте, арестуют и расстреляют сотрудники ЧК⁹. Мужем Анастасии Александровны стал князь Петр Дмитриевич Гагарин, а Марии Александровны – князь Виктор Васильевич Волконский.

На шесть лет раньше матери скончалась княгиня А.А. Гагарина, по словам хорошо ее знавшего государственного секретаря А.А. Половцова, «чрезвычайно милая, любезная, добрая женщина». Ее наследниками стали четверо детей: сыновья Александр и Дмитрий (умерший в 1895 г.), дочери – Софья (была замужем за обер-церемониймейстером графом Василием Александровичем Гендриковым) и Надежда (супруга петербургского губернского предводителя дворянства, члена ЦК партии октябристов, шталмейстера графа Василия Васильевича Гудовича)¹⁰.

Именно эти ближайшие родственники заводчицы и оказались основными претендентами на оставшееся после ее кончины громадное наследство. На его «благоприобретенную часть» (в основном в ценных бумагах на многомиллионную сумму) Надежда Алексеевна составила завещание, разделив ее между наследниками по своему усмотрению. Другая часть наследства, заключавшаяся в Верх-Исетском горнозаводском округе и представлявшая «родовое имущество», подлежала разделу по закону.

Наследники, жившие в Петербурге (кроме М.А. Волконской), не заставили себя ждать. Они «объявились» даже без обязательной в таком случае «публикации о вызове». Завещание было предоставлено в окружной суд и «исполнено» им 19 декабря 1897 г. В январе 1898 г. тот же суд разбирал дело об имуществе Н.А. Стенбок-Фермор, «оставшемся без завещательных распоряжений», т. е. о горнозаводском имении. «Согласно заявлению просителей», оно заключалось «в движимости, составляющей принадлежность промышленных заведений» на 2 004 126 руб., «в движимости, составляющей предмет торговли» на 890 595 руб., а также в домах в Нижнем Новгороде, Лаишеве и Екатеринбурге (36 330 руб.), торговой площади в Режевском заводе (3 тыс. руб.) и самом Верх-Исетском округе, оцененном (видимо, без стоимости земли, находившейся в посессионном владении) в 1 393 698 руб. Кроме причитавшихся с наследодательницы по день ее смерти горной подати (74 754 руб.), недоимок земского сбора (67 845 руб.), доказанных долгов «Пароходству Корнилова» и страховому обществу «Якорь» (12 719 руб.), общая стоимость всего имущества «по высшей законной оценке» была определена в 4 172 430 руб.¹¹

Как следовало по закону, 16 января 1898 г. суд утвердил в правах наследства сына Надежды Алексеевны графа А.А. Стенбок-Фермора (он получил $\frac{5}{16}$ частей движимого и $\frac{11}{28}$ – недвижимого имущества), дочь княгиню Н.А. Бятынскую ($\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{14}$ соответственно), внуков и внучек – графа А.В. Стенбок-Фермора ($\frac{25}{128}$ и $\frac{121}{392}$), Н.В. Безобразову ($\frac{5}{128}$ и $\frac{11}{392}$), князя А.П. Гагарина ($\frac{3}{32}$ и $\frac{3}{49}$), графинь С.П. Гендрикову и Н.П. Гудович (по $\frac{1}{64}$ и $\frac{1}{196}$), правнуков – А.А. Орлова и И.А. Орлова (по $\frac{5}{256}$ и $\frac{11}{784}$). Вдове В.А. Стенбок-Фермора Марии Александровне отказали в праве на «указную часть» имущества, поскольку наследство поступило от матери мужа¹². По ходатайству опекунов «душевнобольной» внучки графини М.В. Стенбок-Фермор, 22 мая 1898 г. тот же суд и ее утвердил в праве на $\frac{5}{128}$ частей движимого и $\frac{11}{392}$ – недвижимого имущества¹³. Видимо, позже равная для сестер доля наследства была утверждена и за княгиней М.А. Волконской.

Первоначально совладельцы доверили общее управление руководителю Петербургской конторы потомственному почетному гражданину С.Е. Тупикову, который от их лица и решал все наследственные вопросы. Но образовавшееся «многовладение», естественно, потребовало организационных перемен. Прямым его следствием стало создание семейно-пасового товарищества по образцу подобных уже действовавших на Урале управлений. В прошении, поданном министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову 25 ноября 1898 г., наследники сообщали, что «...разделенное теперь уже на 11 неравных частей, в будущем общее имение должно подвергнуться еще большему раздроблению, а между тем ни в одном деле значение единства и полного согласия в хозяйственном управлении не играет такой важной роли, как в управлении большими горнозаводскими имениями, состоящими в общем владении нескольких лиц». «Сознавая в настоящее время вполне ту опасность, которая может грозить делу и общим интересам при малейшем несогласии между совладельцами, озабочиваясь сохранением на будущее время в управлении общим имением... необходимого единства и полного порядка и не находя в общих узаконениях... точных указаний для достижения в общем управлении этих безусловно необходимых качеств, – писали совладельцы, – мы... пришли к убеждению о необходимости учредить над всеми принадлежащими нам на праве общего владения горнозаводскими имениями управление на особых основаниях... каковые в соответствии с местными обстоятельствами и условиями наших заводов мы признаем удобнейшими и наиболее полезными»¹⁴.

За образец взяли «Положение об управлении Нижнетагильскими заводами», введенное незадолго до этого. Как характеризовали чиновники Горного департамента подготовленный владельцами Верх-Исетского округа проект положения, «управление имениями принадлежало Общему собранию всех владельцев, созываемому периодически или по мере надобности, и Главному правлению, состоявшему из трех членов, избираемых Общим собранием по простому большинству голосов на три года и действовавшему постоянно». Степень участия каждого из совладельцев в делах управления устанавливалась «пропорционально размерам принадлежавшей ему части имения»; «для большего удобства определения сей части» все имение разделялось «раз и навсегда» на 1568 долей, причем каждая целая доля давала право на один голос, а «те из совладельцев, коим при дальнейшем дроблении имения будут принадлежать лишь части ныне установленных долей», могли соединять свои части для получения права на один голос (или большее их количество). Общее собрание, «признаваемое состоявшимся, если явившиеся на оное владельцы представляют не менее $\frac{3}{4}$ всего числа голосов», решало дела или простым большинством, или же большинством в $\frac{2}{3}$ голосов. Это последнее «большинство» устанавливалось для решения дел о продаже или залоге всего или части общего имения, кредитовании под долговые обязательства, покупке недвижимого имущества, расходе запасного капитала и об изменении «Положения об управлении...». Главное правление «решало все дела вверенного ему управления коллегиально, при наличности в заседании не менее трех членов». Правление получало право «избирать из своей среды или из сторонних лиц главноуполномоченного для ближайшего заведывания и управления текущими делами и заключать с ним письменный договор». Устанавливались также правила распределения доходов: из годовой чистой прибыли, «остающейся за покрытием всех операционных расходов и убытков», по 10% отчислялось на образование оборотного (до достижения суммы в 3 млн руб.) и запасного (до 2 млн руб.) капиталов и 5% – на вознаграждение членам Главного правления; остаток подлежал выдаче владельцам по постановлению Общего собрания.

Совладельцам предоставлялось «право на переуступку своих долей прямым своим наследникам в нисходящей линии, а равно и другим совладельцам без всякого ограничения». Посторонним же лицам доли могли отчуждаться «не иначе, как на точном основании законов гражданских».

Министр юстиции Н.В. Муравьев и министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, которым для заключения был отправлен проект «Положения...», обнаружили некоторые отступления от норм, установленных для демидовских заводов (в части наследования долей только по нисходящей линии, «перехода движимого имущества совокупно с правом на недвижимость» и времени созыва Общего собрания). В окончательном варианте была изменена лишь формулировка права передавать и продавать доли своим законным наследникам (независимо от линии родства). Другие «частные отличия, не подающие повода к возражениям по существу», были оставлены на усмотрение самих владельцев. Комитет министров рассмотрел 4 и 18 мая 1899 г. «Положение об управлении общим имением наследников графини Н.А. Стенбок-Фермор»; 15 мая оно было утверждено Николаем II.

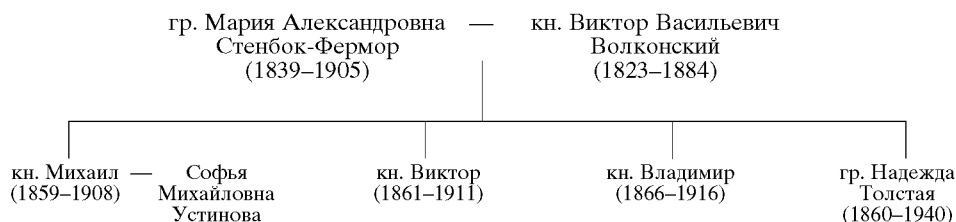
В соответствии с этим «Положением...», А.А. Стенбок-Фермор оказался владельцем 616 паев (39,3%), Н.А. Барятинская и М.А. Волконская получили по 112 (7,1%), А.В. Стенбок-Фермор – 484 пая (30,9%), Н.В. Безобразова и М.В. Стенбок-Фермор – по 44 (по 2,8%), А.П. Гагарин – 96 (6,1%), С.П. Гендрикова и Н.П. Гудович – по 8 (по 0,5%), А.А. Орлов и И.А. Орлов – по 22 (по 1,4%) пая. На первом Общем собрании, состоявшемся 30 июня 1899 г., владельцы избрали членами Главного правления на трехлетие 1899–1902 гг. графа А.А. Стенбок-Фермора, князя А.П. Гагарина и горного инженера В.Н. Липина. Кандидатами стали присяжные поверенные Ф.М. фон Крузе и В.О. Люстрих. Правление расположилось на Васильевском острове на Тучковой набережной, 18. Непосредственное управление заводами оно доверило инженер-технологу А.И. Фадееву¹⁵.

Сразу возникли проблемы с Екатеринбургской дворянской опекой, которая полагала, что должна получать ежегодные отчеты от опекунов над «душевнобольной» М.В. Стенбок-Фермор и малолетними Орловыми, поскольку «подопечное имение располагалось на подведомственной ей территории». На это опекунша графиня Мария Александровна в декабре 1900 г. отвечала, что «по прибытии из Крыма почти непрерывно болеет», а отчеты просила требовать от Главного правления. Оказывается, в «Положение об управлении...» был включен пункт, согласно которому опекуны неспособных владельцев не могли принимать непосредственного участия «в распоряжениях по имуществу, а подавали лишь голос на общих собраниях владельцев за те или иные меры». Члены правления В.О. Люстрих и В.Н. Липин разъяснили Екатеринбургской опеке, что «отчеты в употреблении причитающейся подопечным доли заводских доходов даются Санкт-Петербургской дворянской опеке по месту получения доходов, употребления их и жительства подопечных», и просили ее членов «ограничиться получением отчетов Главного правления по утверждению их владельцами». Видимо, на том и порешили, тем более что дивиденды за 1900 г. были отсрочены «до накопления в кассе свободных денежных сумм»¹⁶.

Если судить по данным о прибылях-убытках, начальный период общего экономического кризиса округ пережил, принося ежегодную прибыль от 743 тыс. руб. в 1899/1900 г. до 22,3 тыс. руб. в 1904/05 г. Кризис настиг его в 1905/06 заводском году, когда впервые был зафиксирован убыток в 73 тыс. руб. Но, оказывается, в течение этих лет прибыль достигалась за счет отчислений по разным статьям баланса, оборотные средства пополнялись лишь вследствие растущей задолженности

перед государством и частными банками по ссудам под залог металлов. Уже в 1902/03 г. долг достиг 1667 тыс. руб. Разделив в 1900 г. 557 227 руб. (т. е. по 355 руб. на пай), владельцы не получали дивидендов до 1905 г., когда им в последний раз было выдано 16 717 руб. (т. е. всего по 10,6 руб. на пай)¹⁷.

В составе совладельцев в это время произошли некоторые изменения. В 1903 г., не оставив прямых наследников, умер граф А.П. Гагарин. Его доли владения (96) перешли к сестрам Н.П. Гудович и С.П. Гендриковой; в результате этого каждая из них сосредоточила в своих руках по 56 долей (по 3,6%). В 1905 г. скончалась М.А. Волконская, доли которой перешли к ее наследникам: сыновьям Виктору (49) и Владимиру (50), вдове умершего старшего сына Михаила Софье Михайловне (5) и дочери Надежде (8), бывшей замужем за графом Сергеем Михайловичем Толстым¹⁸.

Один из главных владельцев, корнет лейб-гвардии Гусарского полка граф А.В. Стенбок-Фермор, оказался под опекой за долги. Ее учредили по высочайшему повелению 30 октября/1 ноября 1903 г. по просьбе его матери Марии Александровны в связи с романом сына с актрисой Ольгой Платоновной Ножиковой. «Сын мой... — писала графиня, — вступил в заведование своими делами и имуществом три года тому назад. Подпав под вредное влияние женщины, он неразумными действиями довел свое состояние до полного разорения. Из капитала в два миллиона у него осталось 200 тыс. руб. Заводы уже шесть лет не дают дохода, а имение Лахта (это имение под Петербургом досталось ему от отца, который построил там известный «Белый замок» Стенбок-Ферморов. — *Е.Н.*) почти ничего не приносит»¹⁹. Опекунами были определены генерал-адъютанты граф И.И. Воронцов-Дашков (10 июня 1905 г. его ненадолго сменил генерал-майор граф П.П. Шувалов, через несколько дней убитый эсерами) и барон Ф.Е. Мейендорф. В мае 1904 г. к ним прибавились еще два опекуна «по избранию кредиторов подопечного» и один от Петербургской дворянской опеки. Опекунов избирали на Общем собрании кредиторов, для чего последние были вызваны «троекратной публикацией» в сенатских ведомостях обеих столиц. «Заимодавцам, простирающим к графу А.В. Стенбок-Фермору претензии, основанные на личных обязательствах», предоставили право предъявлять требования об их удовлетворении исключительно в опекуновое управление. Александр Владимирович, в свою очередь, получил возможность «входить с кредиторами в добровольное соглашение о способе, размере и сроках погашения претензий, а равно производить продажу, залог и перезалог подопечного имущества, не испрашивая на сие каждый раз разрешения в порядке опекуновского надзора». На опекуновое управление возлагалась также обязанность все вырученные суммы и доход по имуществу «обращать, за исключением части, необходимой на содержание графа А.В. Стенбок-Фермора, на удовлетворение кредиторов».

По свидетельству А.А. Игнатьева, однополчанина А.В. Стенбок-Фермора, самого подопечного опекуны перевели в Приморский драгунский полк и отправили в

Манчжурию, где он участвовал в русско-японской войне. В Манчжурии он все-таки обвенчался со своей возлюбленной, после войны вышел в отставку, подолгу жил в Париже, получая доход от сдачи участков Лахты под дачное строительство²⁰. В 1906 г. опеку упразднили, но вместо нее образовали попечительство «над личностью и имуществом штаб-ротмистра графа А.В. Стенбок-Фермора» с возложением обязанностей попечителей на того же Ф.Е. Мейендорфа и егермейстера В.И. Мамонтова²¹.

По расчетам Ю.А. Буранова, ежегодные убытки и растущая задолженность перед Государственным, Сибирским торговым и Торгово-промышленными банками за ссуды под залог железа, золота и даже запасов сырья, за счет которых пополнялись оборотные средства предприятия, подтолкнули владельцев к решению акционировать Верх-Исетский округ. Как можно судить по уставу, утвержденному 8 июля 1908 г., акционерное общество создавалось «для эксплуатации входящего в состав общего имущества наследников графини Н.А. Стенбок-Фермор горных заводов и рудников в Пермской губернии, а равно для устройства и эксплуатации в этом имении металлургических, механических, химических и других заводов, приготовления изделий из металлов, минералов и дерева, а также для добыwania и обработки в этом же имении золота, платины, руд, торфа, каменного угля и иных минеральных естественных произведений и для торговли лесными материалами и предметами горной и фабрично-заводской промышленности, как в России, так и за границей». К тому времени в состав имения входили 11 заводов, Трекинская и Курьинская (в Уткинской даче Строгановых) пристани, участок Высокогорского рудника и железные рудники в нескольких казенных дачах, дома в Нижнем Новгороде, Петербурге и Екатеринбургe.

Учредителями объявили Н.А. Барятинскую, Н.В. Безобразову, Н.П. Гудович и А.В. Стенбок-Фермора. Основной капитал Общества составил 12 544 тыс. руб., исчисленный из оценки одного пая в 8 тыс. руб. На эту сумму выпускались 50 176 именных акций номиналом в 250 руб., так что каждая доля владения соответствовала 32 акциям. В этом соотношении все акции и распределялись между совладельцами «соразмерно и взамен принадлежавших им долей». В Общем собрании один голос приравнивался к 32 акциям, т. е. соотношение голосов оставалось прежним, но один акционер не мог иметь больше голосов, чем соответствовало $\frac{1}{10}$ доли капитала (максимально – 157 голосов)²².

Чрезвычайное Общее собрание владельцев 28 июля 1908 г. постановило «перекрепить принадлежащий им на посессионном праве Верх-Исетский горнозаводский округ вновь учрежденному акционерному обществу». В тот же день открылось и первое Общее собрание акционеров, на котором «состоялось соглашение о переуступке владельцами всего их общего имения названному обществу». Как следует из журнала первого и протокола второго собраний, на них присутствовало всего четыре человека: А.В. Стенбок-Фермор, Сергей Алексеевич Стенбок-Фермор (представлявший своего отца А.А. Стенбок-Фермора), а также поверенные своих жен В.А. Гендриков и В.М. Безобразов. Горный департамент сначала усомнился в правомерности принятия столь важного решения настолько узким составом участников. Но оказалось, что присутствовавшие представляли 1212 долей владения, что превышало необходимые для этого $\frac{3}{4}$ общего количества голосов (1568). «Ввиду доставленных сведений о выполнении необходимых требований» 19 декабря 1908 г. Горный департамент уведомил Уральское горное управление о согласии на преобразование семейно-паевого товарищества в акционерное общество с условием, что при этом не произойдет «раздробления» имения, будет полностью внесена горная

подать и завершено землеустройство населения. Согласно произведенной съемке, общая площадь имения составляла тогда 704 099 дес. (включая 56 790 дес. в пользовании горнозаводского населения, 141 527 дес. – в пользовании государственных крестьян и 2667 дес. – в частном владении в границах дачи). Площадь, оставшаяся в распоряжении заводууправления, таким образом, равнялась 503 114 дес.²³

Превращение семейно-паевого товарищества в акционерное общество с узким составом участников было, видимо, совершено без составления купчей крепости и, скорее всего, предпринято для облегчения управляемости, а также ввиду выраженного тогда намерения в сложной финансовой ситуации решить проблему долгов посредством залога посессионного имения в ипотечном банке. Такие ссуды давались на длительный срок и под более низкие проценты, поэтому были выгоднее, чем краткосрочные ссуды под залог металлов и высокие проценты. Банки же предпочитали выдавать ссуды уже акционированным горнозаводским имениям. Но пока залог не совершился, проведенное преобразование не могло дать финансовых результатов, поскольку предполагало кредитование лишь со стороны самих совладельцев. Последние же из-за убыточной работы заводов и отсутствия дивидендов такой возможностью не обладали.

В сентябре 1909 г. окружной инженер сообщал, что заводы по-прежнему не имеют оборотного капитала, Петербургское правление уже не может рассчитывать на кредиты, а с 1908 г. рабочие вовремя не получают заработную плату. При этом, писал он, «прочно установилось мнение, что некоторые из владельцев сами обладают очень крупными капиталами, приобретенными от громадных в былое время доходов с этих же заводов». «При таком положении едва ли можно рассчитывать на успех в поисках кредита, несмотря на огромные природные богатства Верх-Исетского округа. В нежелании владельцев помочь своему делу собственными деньгами одни усомнятся в безнадежности этого дела, другие не захотят принять в нем участие ввиду столь своеобразного отношения к делу самих хозяев. Если такое положение продолжится, – предупреждал инженер главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского, – Верх-Исетский округ и многотысячное заводское население должны прийти к окончательному разорению и упадку, а для казны неизбежно возникнет необходимость крупных, но, быть может, малопродуктивных и безвозвратных затрат на восполнение местному населению». Он просил «принять экстренные меры к устранению разлада в финансовом хозяйстве заводов и принудительные меры к установлению своевременного удовлетворения рабочих заработками». Но положение только ухудшалось, и в ноябре 1909 г. тот же инженер уже предлагал взять заводы во временное казенное управление «для расчета с рабочими». Задержки заработной платы (долг достигал уже полмиллиона рублей), считал он, зависели здесь не столько от «общего кризиса в железной промышленности», сколько от «деловой неподготовленности Петербургского правления заводов, претендующего тем не менее на заглазное руководство издали незнакомым им делом»²⁴.

Вопреки мнению окружного инженера в это время Главное правление акционерного общества настойчиво занималось поиском средств финансирования заводов. В частности, оно добивалось от правительства разрешения на залог округа в каком-либо коммерческом банке. Эту исключительную для посессионных имений меру поддерживал и главный начальник П.П. Боклевский, полагая, что лишь тогда «ход заводских дел примет нормальное течение». «В противном случае, – писал он в департамент, – Правительство не может оставаться безучастным зрителем разорения массы рабочего населения и должно принять соответствующие меры вплоть до отобрания

заводов в казенное управление»²⁵. Члены правления обращались за ссудой в несколько коммерческих банков. Международный банк согласился дать 1 млн руб. при условии уступки ему больше половины акций и перехода управления под контроль банка. «Отдавать родовое дело за бесценок, – сокрушался один из владельцев, – после того, когда в него было вложено столько труда и накануне полного его оздоровления, было бы ужасно обидно...»²⁶. В 1910 г. Главному правлению удалось склонить одну из учредительниц Общества Н.А. Барятинскую к вложению собственного капитала в общее дело. Чтобы предоставить заем в 1 млн руб. княгине пришлось заложить принадлежавший ей магазин «Пассаж» на Невском проспекте.

Разрешение на залог Верх-Исетского округа было получено от Совета министров 11 ноября 1909 г., а в марте–мае 1910 г. выдана ссуда 2,2 млн руб. из Нижегородско-Самарского земельного банка. Этим событием, скорее всего, и обусловливались последующие перемены в форме акционерного общества. Вторичное чрезвычайное Общее собрание владельцев было созвано 8 мая 1910 г. На его заседание прибыли граф Сергей Алексеевич Стенбок-Фермор (по доверенности отца А.А. Стенбок-Фермора), князь Павел Борисович Щербатов (по доверенности тещи, Н.А. Барятинской) и граф Василий Александрович Гендриков (по доверенности жены С.П. Гендриковой), представлявшие 784 доли владения. Они постановили поручить правлению «переукрепить» все недвижимое (оцененное в 1870 тыс. руб.) и движимое (10 874 тыс. руб.) имущество за вычетом ссуды Нижегородско-Самарского банка, переведенной на покупателя, на имя Общества Верх-Исетских горных и механических заводов «с совершением всех необходимых актов».

В 14 ч. того же дня состоялось и Общее собрание акционеров под председательством С.А. Стенбок-Фермора. На нем, судя по записи в журнале заседания, присутствовали десять акционеров, лично или по доверенности представлявших 1137 голосов (39 467 акций). Среди них были те же П.Б. Щербатов и В.А. Гендриков, поверенный О.П. Стенбок-Фермор, жены находившегося под попечительством А.В. Стенбок-Фермора. Были упомянуты также Д.Л. Рубинштейн (возможно, тот самый петербургский банкир, что позже прославился своими финансовыми махинациями и связью с Г.Е. Распутиным), Н. Капгер, В.Н. Липин и Р.А. Оцко, по доверенности – присяжный поверенный С. Богоявленский и К.Ф. Карнович²⁷. Список участников собрания свидетельствует, что к тому времени акции Верх-Исетского общества принадлежали уже не одним бывшим владельцам, хотя изменения в уставе, касавшиеся возможности выпуска не только именных акций, но и акций на предъявителя, а также облегчения условий их продажи, были утверждены лишь 2 июня 1910 г.²⁸ Этому, видимо, способствовала и сложившаяся после 1908 г. неопределенная ситуация, когда наследники Н.А. Стенбок-Фермор одновременно являлись и владельцами общего имущества и акционерами Общества, не принявшего имущество «крепостным порядком». Сохраняя свои пай, они вместе с тем могли продавать причитавшиеся им акции. По имеющимся сведениям, 19 июля 1909 г. П.Г. Солодовников (будущий владелец Ревдинских заводов) первым приобрел у С.П. Гендриковой 420 акций. В дальнейшем С.П. Гендрикова и Н.П. Гудович продали 1531 акцию на сумму 382 тыс. руб., что было вызвано финансовыми проблемами Невьянского округа, основными владельцами которого они оставались²⁹.

Дополнениями к уставу акционерного общества также снимались ограничения, стесняющие права иностранцев и лиц иудейского вероисповедания. «Как выяснилось из переговоров с представителями заграничных финансовых кругов, – сообщал министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, – прилив... капиталов возможен лишь при дозволении Обществу выпускать акции на предъявителя, с ис-

ключением из устава постановления, ограничивающего участие иностранцев в правлении Общества». Этот шаг, полагал министр, приведет к переходу крупного горнопромышленного предприятия иностранцам, что «едва ли представлялось бы соответствующим... общегосударственным интересам империи». Но поскольку Верх-Исетский округ, задолжавший к тому времени 4412 тыс. руб. банкам и частным лицам, находился в «крайне затруднительном положении», С.И. Тимашев счел возможным согласиться на изменения в уставе³⁰.

С разрешения министра 8 октября 1910 г. «состоялось переукрепление имущества за акционерным Обществом Верх-Исетского горного округа и с означенного числа Главное правление Общества вступило в управление делами предприятия». Председателем правления был избран граф С.А. Стенбок-Фермор, директорами – князь П.Б. Щербатов и В.Н. Липин, директором-распорядителем – Р.А. Оцко.

Уже в ноябре 1910 г. окружной инженер констатировал, что «расчеты рабочих производятся теперь полностью два раза в месяц», в то время как «в течение почти трехлетнего времени совершенно безнаказанно задерживалась зарплата не на неделю, а на месяцы». Полученные под залог деньги были потрачены не только на возврат долгов, но и на продолжавшуюся реконструкцию производства и его концентрацию. По свидетельству скептически настроенного по отношению к Главному правлению окружного инженера, не имея «никакого строго намеченного плана полной реорганизации заводов», правление беспорядочно то закрывало заводы, то возобновляло их производство. Он сообщал, что еще в 1904 г. были закрыты Шайтанский, в 1909 г. – Верхнетагильский, в 1910 г. – Сылвенский и Уткинский заводы. Тогда же остановили доменное производство в Верх-Исетском заводе. В 1911 г. закрылись все цеха Режевского завода кроме доменного, сохранявшегося «до израсходования угля», намечалось и закрытие Верх-Нейвинского завода. Но, по свидетельству инженера, «сознав неосновательность закрытия доменного производства на Уткинском заводе, правление... возобновило действие уткинской домны, как равно появляется уже намерение о пуске верх-исетской домны». Он замечал также, что выделку кровельного железа предполагалось сосредоточить на одном Верх-Исетском заводе «в надежде увеличить его производительность до миллиона пудов».

Критикуя заводоуправление, окружной инженер писал, что «неожиданное закрытие большинства заводов нельзя назвать их переоборудованием по строго намеченному плану, а сосредоточение железного производства на одном Верх-Исетском заводе при недостаточности Верх-Исетской дачи и вытекающей отсюда потребности заготовления лесных материалов в других дачах не может быть оправдываемо выгодами централизации». «Производимая в Верх-Исетском заводе некоторая частичная перестройка, – полагал он, – конечно, будет способствовать увеличению и удешевлению производства кровельного железа, но достигнутое удешевление является также в значительной мере результатом устранения продолжительных задержек в расчетах с рабочими, служащими, подрядчиками и поставщиками, что дало возможность местной администрации заводов упорядочить отчетность, достичь более производительного труда и удешевить заготовительные цены материалов, как то признает и само правление Общества. Вообще целесообразность закрытия заводов не может быть подтверждена удешевлением производства, ибо удешевление в не меньшей степени могло бы быть достигнуто и в других заводах при более внимательном к ним отношении правления». Инженер полагал, что Главное правление должно прекратить «усвоенную им систему постепенного закрытия заводов и немедленно приступить к действительному переоборудованию и возобновлению действия уже закрытых и закрываемых заводов»³¹.

Отмеченную этим специалистом некоторую беспорядочность действий правления акционерного общества в эти годы, вероятнее всего, следует оценивать как подготовку к кардинальной перестройке окружного хозяйства, которая, конечно, не могла осуществиться без четкого плана. По свидетельству управляющего Верх-Исетскими заводами В.С. Гаврилова, план реконструкции был подготовлен группой заводских специалистов в 1910 г. и предполагал специализацию округа на изготовлении сохранявшего конкурентоспособность кровельного железа. Уже к 1912 г. это производство предполагалось полностью сосредоточить на Верх-Исетском заводе, увеличив его производительность до 1,5–1,6 млн пуд. за счет распространения мартеновского способа. Это позволило бы округу занять ведущее положение в уральском синдикате «Кровля». Доменное производство сохранялось на модернизированных Уткинском, Режевском и Нейво-Рудянском заводах.

Большое значение придавалось развитию медеплавильного производства в связи с открытием богатого Калатинского месторождения. Возобновление еще в начале XX в. деятельности Пышминско-Ключевского завода планировалось дополнить строительством в 1914 г. нового крупного Калатинского завода (производительностью до 300 тыс. пуд. меди), что предполагало доминирование округа и в синдикате «Медь». Обнаружение золота в руде Белореченского рудника привело к решению возвести химический золотопромывательный завод, а открытие на том же руднике богатейших залежей серного колчедана – к постройке Надеждинского сернокислотного завода. В дальнейшем планировалось перестроить топливное хозяйство округа, которое тормозило динамичное развитие металлургической отрасли. Закрытие нерентабельных заводов ускорило процесс землеустройства населения. По данным за 1911 г., площадь посессионного владения после наделения населения землей сократилась до 392 450 дес. (54% дореформенной территории округа)³².

С 1911 г., когда начал реализовываться план реконструкции, заводы стали приносить прибыль (если в 1911 г. она составила всего 30 963 руб., то в 1912 г. – уже 903 088, в 1913 г. – 1 062 241 руб.)³³, акции Общества высоко ценились на бирже, что подогревало интерес к ним коммерческих банков. По сведениям Ю.А. Буранова, в 1912 г. владельцы предполагали передать контрольный пакет акций «в полное заведование» товарищества «П.О. Гукасов и К^о». Однако вместо этого договора, расторгнутого по инициативе товарищества, дважды совершались дополнительные выпуски акций (в 1913 и 1917 гг.), что закономерно привело к утрате бывшими владельцами контроля над Обществом. На Общем собрании 1915 г. группа бывших владельцев предъявила акций на сумму 4817 тыс. руб. (43%), товарищество «П.О. Гукасов и К^о» и Ю.М. Тищенко – на 4659 тыс. руб., Русский торгово-промышленный банк – на 1750 тыс. руб. Тогда же с поста директора-распорядителя ушел ставленник прежних владельцев Р.А. Оцко. В 1916 г. Торгово-промышленный банк продал свои акции Азовско-Донскому банку, который, став основным акционером Верх-Исетского общества (34 200 из 64 тыс. акций), оставался таковым до национализации округа в январе 1918 г.³⁴

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1050. Л. 1–5; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1303. Л. 13–14.

² Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1873. Т. 1. С. 356–359.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2806. Л. 5–10 об.; Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 187.

⁴ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1993. Ч. 2. С. 319–327.

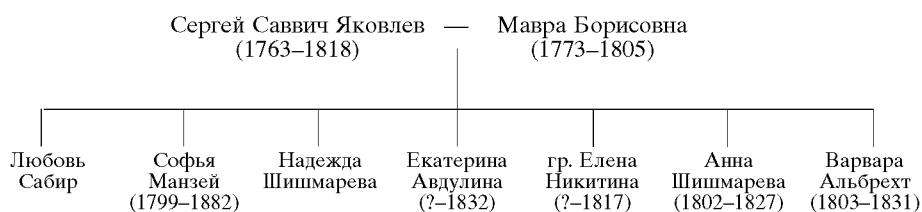
⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 183. Л. 1.

⁶ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 129.

- ⁷ Барятинская М.С. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918. М., 2006. С. 22–23.
- ⁸ Там же. С. 22.
- ⁹ Черниченко Л.Л. Князь В.В. Барятинский: писатель в России и эмиграции. М., 2006. С. 55–56.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 419. Л. 5–17; Ф. 72. Оп. 1. Д. 4640. Л. 5; Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. М., 2005. Т. 2. С. 421; Санкт-Петербургский альманах. Двор, свет, город. 1912. СПб., 1912. С. 238. Автор признателен С.В. Богданову за возможность воспользоваться этим источником.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4562. Л. 126.
- ¹² Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 419. Л. 22–23 об.
- ¹³ Там же. Л. 20–21.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2806. Л. 1–4.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 419. Л. 24, 25; Ф. 72. Оп. 1. Д. 4640. Л. 7, 23; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2806. Л. 12–32, 49–52, 61–62, 74.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4640. Л. 7, 23–24.
- ¹⁷ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 131–132.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15.
- ¹⁹ Богданов И.А. Лахта // Режим доступа: <http://www.lahta-olginio.tema24.ru/page11.php>.
- ²⁰ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 163–164.
- ²¹ ПСЗ-III. Т. 23. № 23481, 23483; 1904. № 24534; 1905. № 26394; 1906. № 27643.
- ²² СУиРП. 1908 г. Отд. 2. Ст. 477.
- ²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1303. Л. 3–5, 7, 13–14.
- ²⁴ Там же. Л. 28, 34–35, 47, 49.
- ²⁵ Там же. Л. 37.
- ²⁶ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 133.
- ²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1551. Л. 2–7, 20.
- ²⁸ ПСЗ-III. Т. 30. № 33656.
- ²⁹ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 133.
- ³⁰ Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 282–284.
- ³¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1303. Л. 44, 74, 76, 84, 102, 109–113.
- ³² Там же. Л. 129–131.
- ³³ Там же; Л. 141–144, 153.
- ³⁴ Вяткин М.П. Указ. соч. С. 288–292; Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 201–208.

2.2. Наследники С.С. Яковлева

Один из крупнейших на Урале Алапаевский горнозаводский округ принадлежал одной из ветвей рода Яковлевых, берущей начало от действительного статского советника Сергея Саввича Яковлева. После его смерти в 1818 г. право владения перешло наследникам, но на протяжении многих лет из-за споров оно не было официально разделено между ними. Лишь 6 мая 1847 г. Санкт-Петербургская палата гражданского суда утвердила раздельный акт, в соответствии с кото-

рым общее имущество (кроме Алапаевского округа в него входили еще Уинские заводы, треть Невьянских заводов, вотчинное с. Великое в Ярославской губернии, дома на Васильевском острове в Петербурге, в Лаишеве и Перми общей стоимостью 2856 тыс. руб.) делилось на семь условных частей по количеству дочерей Сергея Саввича.

Первая часть владения закреплялась за Любовью Сергеевной (бывшей замужем за генерал-майором Иосифом Иосифовичем Сабиром, внебрачным сыном знаменитого адмирала И.М. де Рибаса), вторая – за Софьей Сергеевной (супругой генерал-майора Николая Логгиновича Манзея), третья – за Надеждой Сергеевной (женой гвардии штабс-капитана Михаила Васильевича Шишмарева). Остальные части наследовали мужья и дети уже умерших к моменту заключения раздела дочерей Сергея Саввича. Так, четвертая часть владения принадлежала детям Екатерины Сергеевны (была замужем за генерал-майором Алексеем Николаевичем Авдулиным): сыну – коллежскому асессору Сергею и несовершеннолетним дочерям Варваре и Марии. Пятая – мужу Елены Сергеевны генералу от инфантерии графу Алексею Петровичу Никитину и их дочери Елизавете (была замужем за генерал-майором графом Федором Васильевичем Орловым-Денисовым, походным атаманом Донского казачьего войска); шестая часть после отказа от наследства мужа Анны Сергеевны штабс-капитана Афанасия Федоровича Шишмарева принадлежала их дочерям: Ольге (была замужем за полковником Александром Матвеевичем Олсуфьевым) и Александре (жене полковника Федора Сергеевича Чернышева); седьмую часть наследовали супруг Варвары Сергеевны генерал-майор Карл Иванович Альбрехт, а также их сыновья – паж Михаил, губернский секретарь Александр и дочери – Мария (была замужем за поручиком Николаем Карловичем фон Барановым) и девицы Екатерина, Ольга и Софья¹.

Такой «семичастный» порядок, по мнению владельцев, «был удобен, пока их число было незначительным и представляло семь родовых наследственных частей, равных между собою». Но по причине дробления и продаж, происшедших после 1847 г., «равенство» частей нарушилось. Совладельцы 10 июня 1857 г. отправили министру юстиции прошение, в котором сообщали, что, «испытывая неудобство существующим ныне порядком управления имением и предвидя, что впоследствии с увеличением числа владельцев увеличится и затруднение распоряжения оным», они решились «по взаимному соглашению» на изменение этого порядка.

Разработанный ими проект «Положения об общем управлении Алапаевскими заводами» был утвержден императором 8 ноября 1858 г. В соответствии с ним, все имение делилось на 1176 условных долей, распределенных между совладельцами на основе наследственного права. Главным органом управления становилось Общее собрание владельцев, в котором владелец трех долей получал право одного голоса, владелец 60 долей и более – двух, владелец 168 долей – трех голосов. Участник, имевший меньше трех долей, мог только присутствовать на собрании «без участия в решениях оного». Из владельцев или посторонних лиц, «имевших право на владение населенными имениями», на пять лет избиралось Главное правление, располагавшееся в Петербурге. В его состав входили пять членов и три кандидата «для временного замещения члена в случае его отлучки», которые занимались вопросами текущего управления, созывали Общее собрание и ежегодно отчитывались перед ним². Создание первого в истории уральской промышленности «правильного» семейно-паевого товарищества, действующего на основе утвержденного императором «Положения...», было осуществлено своевременно, поскольку не только упорядочило структуру владения, но и накануне сложного

периода в истории уральской промышленности на рубеже 1850–1860-х гг. создало эффективный механизм общего управления.

К этому времени в составе владельцев действительно произошли существенные перемены. В схеме, составленной в Главном правлении общим именем наследников С.С. Яковлева в феврале 1906 г., зафиксированы (без указания дат) переходы долей владения³. Как можно судить по обобщенной информации этого источника с известными нам частными актами, после смерти еще двух дочерей С.С. Яковлева принадлежавшие им доли владения перешли к наследникам. Согласно определению Петербургской палаты от 22 апреля 1855 г., доли Л.С. Сабир достались мужу И.И. Сабиру и трем их сыновьям – полковнику Михаилу, титулярному советнику Николаю и коллежскому регистратору Константину. Часть Н.С. Шишмаревой, по судебному определению от 3 февраля 1860 г., досталась ее дочери Екатерине Михайловне, жене генерал-майора князя Петра Григорьевича Волконского. К тому времени она, уже разведавшись с мужем, проживала в Париже и «из-за расточительности» находилась под опекой. Доли умершего бездетным чиновника Министерства иностранных дел С.А. Авдулина (по определению от 15 ноября 1855 г.) наследовали его вдова Мария Алексеевна (урожденная Милютинна, родная сестра генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютинна и сенатора Н.А. Милютинна; вскоре она вышла замуж за надворного советника Семена Александровича Мордвинова) и сестры Мария (замужем за гвардии ротмистром Дмитрием Васильевичем Богушевским) и В.А. Авдулина. Определением от 22 декабря 1858 г. доли умершего графа А.П. Никитина прибавлялись к части его дочери, графини Е.А. Орловой-Денисовой. После умершего А.К. Альбрехта его доли достались брату Михаилу⁴.

В 1850-е – начале 1860-х гг. перераспределение долей между совладельцами происходило также в результате продаж. Прежде всего это коснулось семьи Альбрехтов. Уволенный от службы в звании гвардии штаб-ротмистра М.К. Альбрехт, «находя общее владение неудобным», 13 ноября 1851 г. пожелал получить полный выдел. Поскольку, писал он, «имение заключается в домах и горных заводах, составляющих имение неделимое и не могущее быть раздробленным на части, то предоставляю следующую мне часть всем сонаследникам в вечное и потомственное владение за наличные деньги 170 тыс. руб. сер.» Исполняя купчую, суд вычел из суммы продажи 16 844 руб. долгов бывшего владельца. Это позволяет предположить, что основной причиной отказа Михаила Карловича от владения были именно его личные долги. Так же 20 февраля 1853 г. поступил и его отец, К.И. Альбрехт, продав принадлежавшую ему $\frac{1}{49}$ часть владения за 60 тыс. руб. всем своим родственникам по жене. Но до 1859 г. эти доли не были распределены между наследниками. С.К. Альбрехт, вышедшая замуж за отставного поручика Поливанова, 9 декабря 1853 г. продала свою $\frac{1}{65}$ часть А.П. Никитину за 42,5 тыс. руб.⁵

Граф Алексей Петрович Никитин до своей кончины в 1858 г. прикупил доли еще трех родственников. Так, 23 марта 1855 г. гвардии ротмистр Д.В. Богушевский совершил купчую на 170 тыс. руб. по доверенности своей жены М.А. Богушевской (проживала в Ржевском уезде Тверской губернии) и ее сестры В.А. Авдулиной (проживала в Оршанском уезде Могилевской губернии) на $\frac{3}{7}$ от доставшейся им части брата С.А. Авдулина. По купчей от 4 июля 1857 г. полковник М.И. Сабир уступил А.П. Никитину свою долю владения за 106 533 руб. сер.⁶

Другим приобретателем долей Алапаевских заводов стал в 1859 г. мензелинский купец первой гильдии и почетный гражданин Василий Никитич Рукавиш-

ников. Его правнук В.В. Набоков обращал внимание в автобиографических «Других берегах», что «сибирских Рукавишниковых... не должно смешивать с известными московскими купцами того же имени»⁷. Не принадлежавший к родственникам С.С. Яковлева, этот крупный торговец металлами, золотопромышленник и «старовер» вовсе не случайно оказался в составе совладельцев заводов в тяжелое для всей уральской промышленности предреформенное время, когда из-за неурожая значительно поднялась цена на хлеб и вместе с тем из-за снижения ввозных пошлин упала цена на уральское железо. Долги Алапаевских заводов к началу 1859 г. составляли 907 153 руб. Инициатором приглашения В.Н. Рукавишникова стал член Главного правления граф Ф.В. Орлов-Денисов. «Зная хорошо как трудное положение дел общего имения, так и то, что вступление в число владельцев капиталиста, хорошо знакомого с коммерческим ходом дела, может поддержать имение», он, как следует из записки Главного правления, «употребил все усилия, чтобы доли господ Альбрехт были куплены Василием Никитичем».

Сложность задуманной сделки заключалась в том, что в состав общего имения помимо заводов и домов входило еще вотчинное с. Великое, которое купцу не могло принадлежать по существующим тогда законам. Чтобы устранить это препятствие, граф Ф.В. Орлов-Денисов даже «принял на себя обязательство участвовать при известных обстоятельствах в покупке сих долей». По договору, заключенному 30 мая 1859 г., В.Н. Рукавишников платил за находившиеся в общей собственности владельцев 96 долей (из установленного к этому времени общего количества 1176 долей) К.И. Альбрехта и М.К. Альбрехта 200 тыс. руб. «Если до 1 января 1867 г. представится законом право почетным гражданам или купцам приобретать населенные имения, а купленные им 96 долей в заводском имении дадут прибыль не менее 12,6 тыс. руб. в течение 1859/60 г., – было записано в договоре, – то он обязан после 1 мая 1860 г. в течение полугода приобрести... 96 долей села Великого за 30 тыс. руб.». В случае если условия не состоятся, купец единовременно должен был внести 7,5 тыс. руб., а доли Великосельской вотчины приобретала бы Е.А. Орлова-Денисова за 22,5 тыс. руб. Купчую утвердили 7 августа 1859 г.⁸

Вопрос об исполнении этого договора обсуждался только через семь лет на Общем собрании владельцев 18 апреля 1866 г., когда финансовые трудности были в основном преодолены. «Предположение покойного графа Федора Васильевича (умер в 1865 г. – *Е.Н.*) вполне оправдалось, – отчитывались члены Главного правления. – Со времени вступления Василия Никитича Рукавишникова в число владельцев Алапаевских и Невьянских заводов он и словом, и делом не оставлял помогать общему имению, ссуда денег от него не прекращалась во все время, и по ссудам он никогда не брал более 6%; в противном случае одним возвышением процентов... он без затруднения покрыл бы убыток от покупки долей Великого села, не говоря уже о тех затратах, которые он ежегодно делает при поездках в заводы». Правление подсчитало, что исключительно за счет купеческих денег существенно сократился долг Алапаевских заводов и выданы дивиденды владельцам за 1859/60 г. на общую сумму 381 228 руб. (т. е. по 325 руб. за пай). Но тогда это настолько подорвало заводской бюджет, что Общее собрание 1 июня 1861 г. постановило приостановить выдачу доходов. По мнению членов правления, «только это и дало возможность выдержать убыточное действие заводов в 1861 и 1862 гг.» Тем не менее, несмотря на «очевидно убыточную затрату капитала по покупке долей господ Альбрехт, Василий Никитич не только не

заявлял претензий на эту покупку, но всегда заботился об улучшении хода дел». Учитывая все это, Главное правление сочло несправедливым как настаивать на покупке купцом-совладельцем долей с. Великого, «так равно и привлекать к этой покупке графиню Е.А. Орлову-Денисову». Условия договора 1859 г. были «уничтожены во всей их силе»⁹.

Эта история дает представление о причинах включения в состав только что утвержденного семейно-паевого товарищества постороннего участника – В.Н. Рукавишника и о предпринятых владельцами мерах по преодолению финансового кризиса на рубеже 1850–1860-х гг. Получив долю владения, предоставившую ему право всего на два голоса, богатый купец заключил до 1866 г. еще пять сделок с совладельцами, по-видимому, в целях усиления своей роли в управлении. По купчим от 16 декабря 1860 г. и 1 июля 1864 г. он приобрел оставшиеся доли ($75\frac{3}{7}$) сестер М.А. Богушевой и В.А. Авдулиной за 100,4 тыс. руб. За 142 тыс. руб. 7 февраля 1864 г. им были выкуплены 168 долей княгини Е.М. Волконской (без части Невьянских заводов), 3 мая 1865 г. – 84 доли О.А. Олсуфьевой (за 100 тыс. руб.), 20 ноября 1866 г. – 48 долей К.И. Сабира (за 50 тыс. руб.)¹⁰. В результате этих операций В.Н. Рукавишников стал крупнейшим совладельцем Алапаевского округа, сосредоточив в своих руках $471\frac{3}{7}$ долей (почти 40%). Тем не менее, по «Положению...», это давало ему право только на три голоса и не позволяло приобрести решающего значения в управлении заводами. Оно по-прежнему оставалось за девятью наследниками С.С. Яковлева, в совокупности имевшими в Общем собрании право на 14 голосов. В этом, очевидно, и заключался смысл неравного соотношения долей и голосов по принятому накануне приглашения В.Н. Рукавишника акту.

Среди потомков С.С. Яковлева в середине 1860-х гг. наиболее крупный пай (306 долей), доставшийся от матери (144) и предприимчивого отца (162), принадлежал графине Е.А. Орловой-Денисовой. С.С. Манзей владела 168 долями, 84 – принадлежали А.А. Чернышевой. За И.И. Сабиром, умершим 18 декабря 1864 г., числилось 24 доли, которые состояли под опекой, поскольку из-за долгов от них отказались наследники; его сын Н.И. Сабир имел 48 долей. Сестрам М.К. фон Барановой, О.К. фон Рейтерн (вышла замуж за генерал-лейтенанта Максима Максимовича фон Рейтерна), Е.К. Трувеллер (супруге генерал-майора Ричарда Трувеллера) принадлежало по 18 долей, М.А. Мордвиновой – $20\frac{4}{7}$ долей. Тогда владельцы проживали в основном в Петербурге и Царском Селе. В Петербурге на Васильевском острове (на углу Среднего проспекта и набережной Малой Невы) находилось и Главное правление имениями наследников С.С. Яковлева¹¹.

Членами правления, избранного после утверждения «Положения...» в 1858 г., стали граф Ф.В. Орлов-Денисов, Ф.С. Чернышев, С.А. Мордвинов, генерал-майор А.А. Одинцов (поверенный О.К. фон Рейтерн) и коллежский советник М.К. Линденбаум (поверенный Сабиров). Кандидатами избрали Н.К. фон Баранова, К.Н. Манзея (сына С.С. Манзей) и Д.В. Богушевского¹². Все они были ближайшими родственниками или доверенными лицами владельцев.

Через 15 лет после смерти И.И. Сабира его не принятые наследниками 24 доли владения Алапаевскими заводами продали с публичных торгов, состоявшихся 2 мая 1879 г. Покупателями выступили совладельцы, которые и уплатили за пай 84 тыс. руб. Суд 8 июня 1879 г. утвердил раздел возвращенных из опеки долей между всеми совладельцами: С.С. Манзей досталось тогда $3\frac{1}{2}$, Е.А. Орловой-Денисовой – $6\frac{3}{8}$, Рукавишниковым – $9\frac{23}{28}$, А.А. Дурасовой – $1\frac{3}{4}$, Н.И. Сабиру – 1, М.А. Мордвиновой – $\frac{3}{7}$, М.К. Барановой, Е.К. Трувеллер и О.К. Рейтерн – по $\frac{3}{8}$ ¹³.

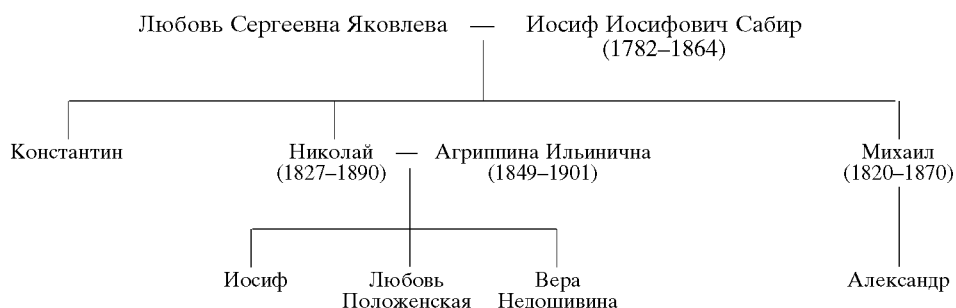

В 1882 г. умерла последняя из семи дочерей С.С. Яковлева Софья Сергеевна Манзей. Ее $17\frac{1}{2}$ доли унаследовали сыновья: военный историк генерал-адъютант Константин Николаевич и полковник лейб-гвардии Гусарского полка Николай Николаевич (по $7\frac{3}{2}$), дочь Елена Николаевна (вдова члена Военного совета генерала от инфантерии Сергея Ивановича Волкова, который в 1849–1865 гг. служил директором Горного института, затем – инспектором военных учебных заведений), получившая $12\frac{1}{4}$ доли, и внуки – дети еще одной уже умершей дочери Елизаветы (была замужем за нижегородским военным губернатором генералом от инфантерии Алексеем Алексеевичем Одинцовым): Николай ($10\frac{1}{2}$), Елизавета (впоследствии вышла замуж за барона Романа Романовича Розена, российского посланника в Сербии, Мексике, Японии, США, подписавшего в 1905 г. Портсмутский мир) и жена поручика Мария Окунева (по $\frac{7}{8}$). В 1884 г. Е.А. Розен и М.А. Окунева заключили купчую с братом, который продал им по $3\frac{5}{24}$ доли¹⁴. В результате у каждого из трех наследников Е.Н. Одинцовой оказались равные $4\frac{1}{12}$ доли Алапаевских заводов.

Когда в 1889 г. скончался Н.Н. Манзей, его доли перешли в пожизненное владение вдовы Александры Ивановны, но владелицами-собственницами считались дочери: Софья Николаевна (была замужем за своим двоюродным братом М.С. Волковым) и незамужняя Александра Николаевна Манзей, каждой из которых досталось по $36\frac{3}{4}$ долей. Первая прикупила еще 2 доли И.Н. Сабира и 14 – О.Н. Поповой.

Доли умершей 13 июня 1888 г. Е.Н. Волковой перешли ее детям: камергеру и действительному статскому советнику Михаилу Сергеевичу (мужу С.Н. Манзей), камергеру и статскому советнику Александру Сергеевичу (по $5\frac{1}{4}$), Ольге Сергеевне и Софье Сергеевне (по $\frac{7}{8}$). После смерти 11 февраля 1900 г. в Ницце ставшего к тому времени уже егермейстером М.С. Волкова его доля перешла в пожизненное владение вдовы (без права продажи). При этом собственником считался их четырехлетний сын Сергей. Ему же, как единственному наследнику, которому было разрешено именоваться Волковым-Манзеем, достались и доли двоюродного деда К.Н. Манзея ($7\frac{3}{2}$), скончавшегося в 1905 г. Доход от них до совершеннолетия владельца поступал в распоряжение его матери С.Н. Волковой. Известно, что в 1915 г. Сергей Михайлович поступил на юридический факультет Петроградского университета. После революции он преподавал в школе в своем бывшем вышневолоцком имении Боровно, где прежде снимали дачи многие выдающиеся русские художники. Он и его мать умерли во время блокады Ленинграда в 1942 г.¹⁵

Получивший звание гофмейстера А.С. Волков к своей доле прибавил покупкой еще $5\frac{1}{4}$ паев В.Н. Недошивиной в 1903 г. Он скончался 19 января 1905 г.; по завещанию (утвержденному 10 августа 1906 г.) все его $10\frac{1}{2}$ доли перешли к сестре Софии, которая купила еще 3 доли у О.Н. Поповой. София Сергеевна скончалась 20 ноября 1906 г.; ее доли владения унаследовала сестра О.С. Волкова.

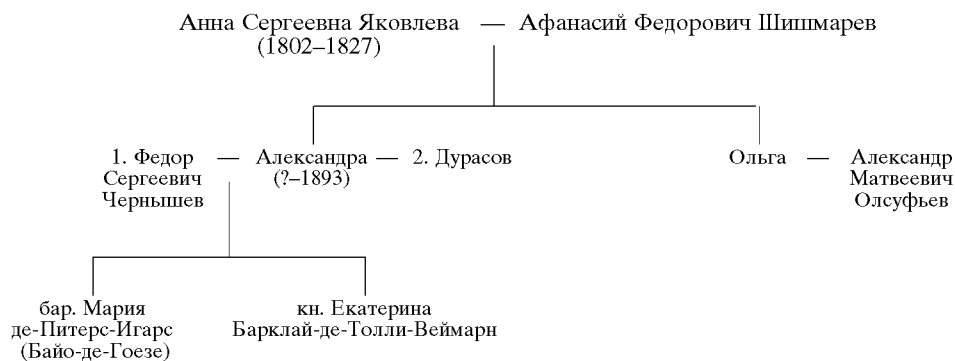
Единственный представитель линии Сабиров, коллежский советник Н.И. Сабир, владевший 49 долями, скончался 23 ноября 1890 г.¹⁶ Его доли перешли в пожизненное владение вдовы Агриппины Ильиничны, а владельцами-собственниками считались их сын – корнет (позже коллежский советник) Иосиф Николаевич (42) и дочери – жена сына священника (в начале XX в. будет уже называться женой дворянина) Любовь Николаевна Положенская и Вера Николаевна Недошивина, жена губернского секретаря Алексея Сергеевича Недошивина (по $3\frac{1}{2}$). Кандидат коммерции А.С. Недошивин был одним из активнейших деятелей Совета съездов уральских горнопромышленников, председателем его Посессионного бюро. В 1917 г. он выступал еще и уполномоченным акционерного общества Нижнетагильских заводов наследников П.П. Демидова¹⁷.

По раздельному акту, совершенному 2 декабря 1901 г. (утвержден 19 марта 1903 г.), И.Н. Сабир «уступил» сестрам по $1\frac{3}{4}$ пая. Жил он тогда в Царском Селе, в собственном доме на Малой улице. Несколько позже Иосиф Николаевич продал еще две свои доли С.Н. Волковой и по три – управляющему Алапаевским округом горному инженеру Владимиру Ефимовичу Грум-Гржимайло и титулярному советнику Петру Ивановичу Смирнову. Сразу после утверждения раздела в марте 1903 г. В.Н. Недошивина, проживавшая в Павловске, просила о залоге принадлежавших ей $5\frac{1}{4}$ долей К.В. Рукавишникову, А.С. Волкову и В.Д. Набокову, но вместо этого вскоре продала их двумя партиями А.С. Волкову¹⁸.

По линии Авдулиных до своей кончины 5 июня 1883 г. среди совладельцев оставалась Мария Алексеевна Мордвинова. К доставшимся ей после смерти первого мужа С.А. Авдулина $20\frac{4}{7}$ долям она прибавила $\frac{3}{7}$ доли от И.И. Сабира и $6\frac{3}{8}$ долей купила в 1880 г. у Е.А. Орловой-Денисовой. Все эти доли ($27\frac{3}{8}$) после ее кончины унаследовала дочь – несовершеннолетняя Александра Семеновна Мордвинова, находившаяся под опекой отца. К тому времени супруги уже разошлись, а потому С.А. Мордвинов и не получил доли наследства. В 1886 г. А.С. Мордвинова выйдет замуж за титулярного советника С.Ф. Салова, служившего «по судебному ведомству» (был товарищем председателя Московского окружного суда), а в 1906 г. будет носить уже фамилию своего следующего мужа – Кобзаренко. Сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник Семен Александрович Мордвинов все-таки войдет в состав совладельцев Алапаевских заводов, купив (до 1891 г.) четыре доли у О.К. Рейтерн. После его смерти 14 января 1900 г. они перейдут во владение рожденной еще до расторжения брака с Марией Алексеевной и позже узаконенной дочери (от его второй жены Е.И. Гудковой) Елизаветы Семеновны Кириаковой¹⁹.

По линии А.С. Шишмаревой (после продажи долей О.А. Олсуфьевой в 1865 г.) в составе совладельцев оставалась ее дочь А.А. Чернышева (во втором браке за действительным статским советником А.Ф. Дурасовым), которой достались также $1\frac{3}{4}$ доли И.И. Сабира и 9 – О.К. Рейтерн. По завещанию, утвержденному к исполнению Петербургским окружным судом 10 декабря 1893 г., они перешли дочерям Александры Афанасьевны от первого брака баронессе Марии Федоровне де-Питерс-Игарс (она же – баронесса Байо-де-Гоезе) и княгине Екатерине Федоровне Барклай-де-Толли-Веймарн, каждой из которых досталось по $47\frac{3}{8}$ доли.

Графиня Е.А. Орлова-Денисова скончалась в 1898 г. Поскольку доставшиеся ей в 1879 г. $6\frac{3}{8}$ долей И.И. Сабира она продала М.А. Мордвиновой, наследники графини получили «родовые» 306 долей. В семье Орловых-Денисовых родились два сына и две дочери. Граф Николай Федорович служил в лейб-гвардии Казачьем полку, участвовал в Польской кампании 1863 г. и войне с турками 1877–1878 гг., дослужившись до звания генерал-лейтенанта. Он умер раньше матери (в 1897 г.), не оставив потомства. О графе Алексее Федоровиче известно лишь, что он был инвалидом с детства и потомства тоже не оставил. После смерти матери ему было разрешено называться графом Орловым-Денисовым-Никитиным.

Младшая дочь Мария Федоровна была замужем дважды: за графом Николаем Ивановичем Мусиным-Пушкиным и генерал-адъютантом князем Григорием Сергеевичем Голицыным. Мужем старшей дочери Александры Федоровны стал генерал-лейтенант граф Николай Павлович Граббе, герой Кавказской войны, командир лейб-гвардии Конного полка, «когда-то блестящий кавалерийский офицер», по оценке А.А. Половцова, но промотавшийся и «перебивающийся довольно незавидными проделками для поддержания во что бы то ни стало столичного существования». К 1898 г. оба супруга уже скончались, оставив трех сыновей и дочь.

Из них граф Александр Николаевич Граббе ко времени получения наследства служил адъютантом великого князя Михаила Николаевича, в 1911 г. он станет командиром лейб-гвардии Казачьего полка, в 1914 г. – командиром Собственного Его Величества конвоя, получит звание генерал-майора Свиты. Михаил Николаевич Граббе в то время был адъютантом командующего Гвардейским корпусом, с 1902 г. служил адъютантом великого князя Владимира Александровича, с 1916 г. – последним наказным атаманом Войска Донского в звании генерал-лейтенанта. Его женой стала Софья Ивановна Всеволожская, дочь директора Эрмитажа И.А. Всеволожского, совладельца Пожевских заводов. О третьем сыне Николае Николаевиче Граббе сведений нет. Известно, что в 1901 г. и этим внукам А.П. Никитина было разрешено присоединить к своему имени его фамилию и именоваться графами Граббе-Никитиными. Их сестра Мария Николаевна Граббе вышла замуж за генерал-майора, командира 12-го Туркестанского стрелкового полка герцога Н.Н. Лейхтенбергского – князя Романовского.

По раздельному акту, совершенному между наследниками Е.А. Орловой-Денисовой и утвержденному петербургским нотариусом 29 июля 1899 г., камер-юнкер Алексей Федорович Орлов-Денисов-Никитин, получивший по наследству $262\frac{2}{7}$ долей, уступил $37\frac{2}{7}$ долей своим пятерым сонаследникам. В декабре 1900 г. и июле 1901 г. его поверенный просил о продаже этих долей, что вскоре и произошло. В результате сделки у Алексея Федоровича осталось 225 долей, часть княгини Марии Федоровны Голицыной увеличилась до 39, герцогини Марии Николаевны Лейхтенбергской – до 6, а графов Александра, Михаила и Николая Граббе – до

12 долей каждому²⁰. После смерти старшего наследника в 1907 г. его доли разделили поровну М.Ф. Голицына (увеличившая свою долю до $151\frac{1}{2}$ паев) и три племянника Граббе-Никитины (до $49\frac{1}{2}$ паев).

Каждая из трех оставшихся в составе владельцев дочерей В.С. Альбрехт получила по $18\frac{3}{8}$ долей, сложившихся из 12 долей матери, 6 – отца и $\frac{3}{8}$, перешедших от И.И. Сабира. После кончины Марии Карловны фон Барановой 23 ноября 1893 г. ее часть унаследовала единственная дочь – жена штабс-капитана Ольга Николаевна Попова. Согласно определению Петербургского окружного суда от 21 декабря 1893 г., кроме долей владения Алапаевскими (оцененных каждая по 5948 руб. на сумму 109 303 руб.) и Невьянскими (по 856 руб. на 4590 руб.) заводами ей досталось еще 13 860 руб. наличными деньгами, а также процентных бумаг на 260 350 руб.²¹ До 1906 г. она продала все свои «алапаевские» доли ($1\frac{3}{8}$ – Н.Р. Трувеллеру, 14 – С.Н. Волковой и 3 – С.С. Волковой).

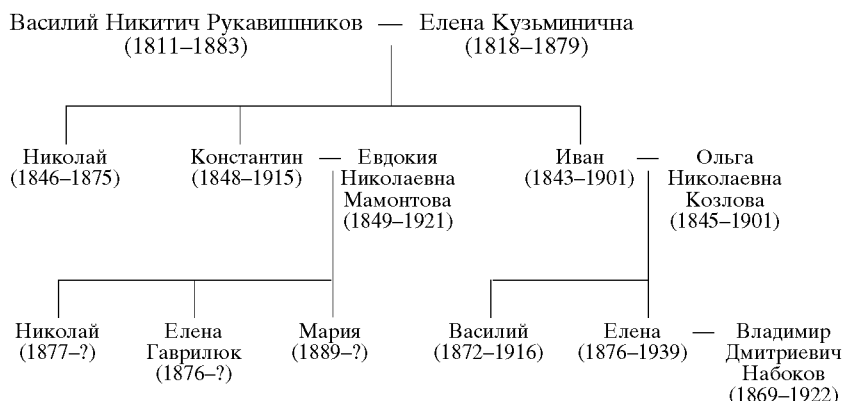
Екатерина Карловна Трувеллер в 1896 г. подарила все свои доли сыну – отставному капитану второго ранга (позже – генерал-майору) Николаю Ричардовичу Трувеллеру, который к доли матери прибавил еще $1\frac{3}{8}$ доли О.Н. Поповой. Ольга Карловна Рейтерн продала 4 доли С.А. Мордвинову и 9 – А.А. Дурасовой. Когда в 1898 г. она умерла, оставшиеся $5\frac{3}{8}$ долей унаследовала дочь – вдова действительного тайного советника баронесса Мария Максимовна Велио.

Усложненные переходы владения отмечаются и по ветви В.Н. Рукавишникова. Так, 6 сентября 1866 г. он совершил в Москве дарственную запись на 252 доли владения Алапаевскими заводами (купленные им у Е.М. Волконской и О.А. Олсуфьевой) в пользу своих сыновей: кандидата Московского университета Ивана и студентов Николая и Константина. Каждому из них досталось тогда по 84 доли, стоимость которых «по совести» была определена в 75 тыс. руб. Николай и Константин к тому времени еще не достигли совершеннолетия и находились под попечительством матери Елены Кузьминичны Рукавишниковой.

К такому шагу Василия Никитича могли подвигнуть, на наш взгляд, несколько причин. Путем дробления принадлежавших ему долей между тремя сыновьями он реально усиливал свою роль в управлении заводами. Отныне «клан» Рукавишниковых мог рассчитывать уже не на 3, а на 9 (из 22) голосов в Общем собрании, что при несогласованном голосовании других совладельцев или их отсутствии могло иметь решающее значение. Кроме того, получение сыновьями имущества, приносящего доход, укрепляло их материальное положение и помогало продвижению по службе. Уже в 1868 г. владение долями уральских заводов позволило Ивану Васильевичу

чу Рукавишникову преодолеть имущественный ценз при баллотировке в участковые мировые судьи, а затем стать почетным мировым судьей Санкт-Петербурга.

Дав сыновьям высшее образование, Василий Никитич, очевидно, возлагал на них большие надежды, которые вполне оправдались. Купеческие сыновья Иван и Константин стали потомственными дворянами, оба достигли высокого чина тайного советника, чему во многом способствовала их щедрая благотворительность. Николай после окончания университета по желанию отца поступил вольнослушателем в Петербургский Горный институт, но курса не закончил и в 1870 г. принял место директора Московского исправительного приюта, который поднял на свои деньги (впоследствии его назовут «Рукавишниковский приют для малолетних преступников»). В 1875 г. в 30-летнем возрасте он простудился и умер, не оставив потомства. Его «дарственная доля» по закону должна была возвратиться отцу. Василий Никитич просил Главное правление перевести ее на других сыновей. Тем не менее 21 июня 1876 г. 84 доли были ему возвращены. На следующий год он вновь просил подарить их сыновьям или хотя бы перечислять им следующий на эти доли доход.

Окончательно дело о дарственной урегулировалось уже после кончины Василия Никитича. По определению Московской судебной палаты от 8 ноября 1883 г., все наследство скончавшегося 6 июня того же года отца поровну разделили достигший к тому времени чина коллежского советника Иван Васильевич (в 1882 г. он был признан потомственным дворянином) и получивший чин коллежского асессора Константин Васильевич, каждому из которых досталось еще по $154\frac{7}{8}$ доли. В 1879 г. они получили по $1\frac{3}{4}$ доли И.И. Сабира²². Таким образом, каждый из братьев стал владельцем $240\frac{5}{8}$ долей.

Так же, как и отец, и, видимо, в тех же целях И.В. Рукавишников подарил по 60 паев своим детям – сыну Василию и дочери Елене, бывшей замужем за одним из лидеров партии кадетов Владимиром Дмитриевичем Набоковым, матери писателя В.В. Набокова. В автобиографической книге «Другие берега» Владимир Владимирович Набоков вспоминал, что в этой семье «умерло молодыми семеро из девяти детей» и оба родителя матери скончались от рака вскоре после ее свадьбы. Иван Васильевич, имел «странный, тяжелый, безжалостный» характер. «На старых снимках, – писал внук, – это был благообразный господин с цепью мирового судьи, а в жизни тревожно-размашистый чудака с дикой страстью к охоте, с разными зате-

ями, с собственной гимназией для сыновей, где преподавали лучшие петербургские профессора, с частным театром, на котором у него играли Варламов и Давыдов, с картинной галереей, на три четверти полной всякого темного вздора»²³. Иван Васильевич умер 23 февраля 1901 г. По его завещанию, утвержденному к исполнению 5 июля того же года, доля В.И. Рукавишникова увеличилась до $143\frac{7}{8}$, а часть Е.И. Набоковой – до $96\frac{6}{8}$ паев. Последняя, видимо, купила еще 3 пая у П.И. Смирнова. К.В. Рукавишников в 1900 г. тоже совершил дарственную, передав по 16 долей сначала дочерям Марии и Елене (жене лейтенанта Владимира Васильевича Гаврилюка), а затем и сыну Николаю²⁴.

Вследствие всех этих перемен к 1907 г. владение Алапаевским округом сосредоточилось в руках 21 потомка С.С. Яковлева. Часть Л.С. Сабир представляли двое ее внуков: И.Н. Сабир ($30\frac{1}{2}$) и Л.Н. Положенская ($5\frac{1}{4}$); часть С.С. Манзей – сноха, А.И. Манзей и шесть внуков: А.Н. Манзей ($36\frac{3}{4}$), С.Н. Волкова ($52\frac{3}{4}$), Н.А. Одинцов, баронесса Е.А. Розен, М.А. Окунева (по $4\frac{1}{12}$), О.С. Волкова ($15\frac{1}{4}$) и правнук С.М. Волков-Манзей ($78\frac{3}{4}$); часть Е.С. Авдулиной – наследники невестки М.А. Мордвиновой и ее мужа С.А. Мордвинова: А.С. Кобзаренко ($27\frac{3}{8}$) и Е.С. Кирякова (4); часть Е.С. Никитиной – внучка, княгиня М.Ф. Голицына ($151\frac{1}{2}$), и четверо правнуков: графы А.Н. Граббе, М.Н. Граббе и Н.Н. Граббе (по $49\frac{1}{2}$), герцогиня М.Н. Лейхтенбергская (6); часть А.С. Шишмаревой – две ее внучки: баронесса М.Ф. Байо-де-Гоезе и княгиня Е.Ф. Барклай-де-Толли-Веймарн (по $47\frac{3}{8}$); часть В.С. Альбрехт – двое ее внуков: Н.Р. Трувеллер ($19\frac{3}{4}$) и баронесса М.М. Велио ($5\frac{3}{8}$). Линия Н.С. Шишмаревой выбыла из состава совладельцев в результате продажи своей части. Всем наследникам принадлежало $688\frac{3}{4}$ долей, или 58,6% общего владения.

Остальные $484\frac{1}{4}$ долей, или 41,2% участия, распределялись между шестью потомками купца В.Н. Рукавишникова – его сыном К.В. Рукавишниковым ($192\frac{5}{8}$) и внуками – Н.К. Рукавишниковым и М.К. Рукавишниковым, Е.К. Гаврилюк (по 16), В.И. Рукавишниковым ($143\frac{7}{8}$) и Е.И. Набоковой ($99\frac{6}{8}$). Еще 3 доли принадлежали В.Е. Грум-Гржимайло. Ко времени акционирования округа общее число владельцев, таким образом, равнялось 28²⁵.

Горный инженер В.Е. Грум-Гржимайло был назначен управляющим Алапаевского округа в 1903 г. (до этого времени работал на Нижнетагильских заводах). Тогда же он вошел в состав совладельцев, купив, как уже упоминалось, небольшой пай у И.Н. Сабир. В то время, чтобы усилить связь управляющих с подведомственными им предприятиями, владельцы уральских заводов иногда так поступали. Его жена С.Г. Грум-Гржимайло вспоминала, что во главе Главного правления тогда стоял К.В. Рукавишников. «Это был человек дела, и с ним было приятно работать. Он понимал, что нельзя бесконечно брать деньги из дела, а потому владельцам уделял только часть, но Владимир Ефимович всегда говорил, что они слишком много тратят в ущерб делу. Алапаевские заводы в этом отношении все-таки были лучше поставлены, чем демидовские. Обычно владельцы на заводы приезжали летом. В нашу бытность там приезжали: два раза К.В. Рукавишников, граф К.В. Граббе, В.Д. Набоков, раза три – Гаврилюк и С.М. Волков – молодой человек, наследник А.И. Манзей и С.Н. Волковой. Владельцы, кроме К.В. Рукавишникова, не очень интересовались заводами, главная их забота была узнать доходность предприятий. Все владельцы были люди воспитанные, интересные, много видевшие, бывавшие за границей – с ними было приятно провести время, но в деловом отношении Владимир Ефимович всегда их бранил за невежество. Среди них был весьма неглупый человек и с большим именем – Владимир Дмитриевич Набоков». Софья Германов-

на утверждала, что у владельцев «не было стимула чего-нибудь добиваться, с одной стороны, а с другой – страх, что заводы перестанут давать доходы, и им нечем будет жить. Но чтобы чем-нибудь прославить свои имена, они все очень отзывчивы были на благотворительность»²⁶. По имеющимся сведениям, в 1891–1895 гг. совладельцы получали на «личные расходы» до 729,1 тыс. руб. (т. е. по 620 руб. за пай), а до 1903 г. имели постоянный доход в 588 тыс. руб. (по 500 руб.)²⁷.

Эти наблюдения мемуаристики не лишены основания. Понятно, что при таком большом количестве владельцев, принадлежавших к разным не только фамилиям, но и слоям общества, имевших разные интересы и жизненные позиции, ожидать от них иного было бессмысленно. Видимо, это хорошо понимали представители наиболее «ответственного» клана – Рукавишниковы, в первую очередь Константин Васильевич, который имел богатый административный опыт, приобретенный им во время участия в правлении Московско-Курской железной дороги (в 1870-х гг.), членства в советах Московского купеческого (1889–1900-е гг.) и Московского учетного (с 1902 г.) банков, а также на посту московского городского головы (в 1893–1897 гг.). По жене, Евдокии Николаевне Мамонтовой, он состоял в родстве со знаменитыми предпринимателями и меценатами Мамонтовыми и Третьяковыми. Его племянник и совладелец В.И. Рукавишников служил при посольстве России в Риме и, по словам В.В. Набокова, «вел праздную и беспокойную жизнь», приезжая в Россию «только летом, да и то не всякий год». «Осенью он возвращался за границу, в Рим, Париж, Биарриц, Лондон, Нью-Йорк; в свои южные имения – итальянскую виллу, пиренейский замок около Раи»²⁸.

В Алапаевском паевом товариществе Рукавишниковы, судя по всему, пытались законным путем добиться своего доминирования в Общем собрании и Главном правлении. Для этого, в отличие от других совладельцев, они и совершали, как упоминалось, дарения своих долей наследникам. Так, передав по 60 долей двум наследникам, И.В. Рукавишников увеличил количество голосов с трех до шести. То же вслед за братом проделал и К.В. Рукавишников, в результате чего общее количество голосов этой группы совладельцев в начале 1900-х гг. увеличилось до 12. Однако все остальные наследники С.С. Яковлева обладали тогда 26 голосами в Общем собрании, т. е. имели решающий перевес при консолидированном голосовании. Это позволяло им не заботиться о более выгодном с этой точки зрения распределении долей, а разделы долей в их семьях обуславливались, по всей видимости, иными мотивами. Так, после раздела между шестью наследниками Е.А. Орловой-Денисовой в 1899 г. соотношение их долей владения изменилось, однако количество голосов в Общем собрании осталось по-прежнему равным семи. Изменить зафиксированную в «Положении об управлении...» систему исчисления голосов Рукавишниковы не могли, поскольку для этого необходимо было собрать большинство в $\frac{2}{3}$ голосов. Владея почти 40% паев, они могли рассчитывать в лучшем случае на 30% голосов и для осуществления своей политики искать союзников среди нескольких кланов наследников С.С. Яковлева.

Вероятно, не по всем вопросам согласие между собой находили и сами наследники С.С. Яковлева, разделившиеся в ходе наследования на несколько групп, самыми влиятельными из которых были кланы Орловых-Денисовых-Никитиных (владевшие 306 паями) и Волковых-Манзей (почти 196). В 1890-е гг. членами Главного правления избирались в основном наиболее авторитетные представители потомков С.С. Яковлева: К.Н. Манзей, С.А. Мордвинов, Н.Ф. Орлов-Денисов, а также кто-либо из Рукавишниковых. В заседаниях Общего собрания, судя по всему, их представители старались участвовать или сами, или через доверенных

лиц. По имеющемуся в нашем распоряжении списку участников собрания 1898 г., из владельцев лично присутствовали А.Н. Граббе, И.Н. Сабир, Л.Н. Положенская и В.Н. Недошивина, А.С. Волков, Н.Р. Трувелер, А.С. Салова, К.В. Рукавишников, В.И. Рукавишников и Е.И. Набокова (т. е. 10 из 33 совладельцев). Кроме того, через доверителей заочно участвовали еще 16 лиц. В составе всех участников было 18 из 26 (69%) потомков С.С. Яковлева с 18 голосами и 6 из 7 (86%) потомков В.Н. Рукавишникова с 11 голосами (С.С. Волкова свой голос доверила тогда В.И. Рукавишникову)²⁹.

На судьбоносном Общем собрании 27 октября 1907 г. присутствовали О.С. Волкова, М.Ф. Голицына, С.Н. Волкова, А.С. Кобзаренко, М.Н. Граббе, И.Н. Сабир, Е.К. Гаврилюк и В.Е. Грум-Гржимайло (т. е. всего 8 из 28 совладельцев). Еще 13 лиц выдали доверенности на участие родственникам или поверенным, включая всех шестерых Рукавишниковых, имевших право на 11 (два голоса В.И. Рукавишникова были соединены с голосом М.Ф. Байо-де-Гоезе) из 26 голосов. Тогда в составе правления оказались уже два представителя клана Рукавишниковых: муж Е.И. Рукавишниковой В.Д. Набоков и муж Е.К. Рукавишниковой В.В. Гаврилюк. От потомков С.Я. Яковлева выступал М.Н. Граббе³⁰. Совсем, видимо, не стремились участвовать в Общем собрании М.Н. Лейхтенбергская, М.М. Велию, Н.А. Одинцов и М.А. Окунева, владевшие небольшим количеством паев.

Противопоставляя Рукавишниковых остальным совладельцам Алапаевских заводов, мы только предполагаем, опираясь на сторонние наблюдения, что они проводили осторожную финансовую политику. Это вовсе не означает, что наследники С.С. Яковлева заботились исключительно о получении высоких дивидендов в ущерб заводскому делу, что при сложившейся в тот период ситуации с распределением голосов в Общем собрании и мест в Главном управлении в пользу таких наследников привело бы к неизбежному и скорому банкротству предприятия. Если судить по количеству паев и переменам в составе членов Главного правления, группа Рукавишниковых, как правило, находила согласие с группой Орловых-Денисовых-Никитиных, в отличие от представителей группы Волковых-Манзей, видимо, составлявших, им оппозицию в вопросах управления заводами и распределения прибыли. Имевшиеся противоречия отразились и на составе учредителей акционерного общества: ими в 1907 г. стали К.В. Рукавишников, М.Н. Граббе и присоединившийся к ним И.Н. Сабир.

Образование Товарищества Алапаевских заводов совпало с серьезными финансовыми трудностями, которые охватили округ во время революции 1905–1907 гг., усилившей общий кризис отрасли. На Алапаевских заводах, специализировавшихся на кровельном железе, это почувствовали, когда резко снизились цены на их основную продукцию. Уже в 1905 г. заводоуправление было вынуждено пойти на значительное сокращение заработной платы рабочим, что привело к крупной забастовке, в ходе которой был создан первый на Урале Совет. Понятно, что подобные события не улучшали общую финансовую ситуацию в округе.

В 1907 г. 2 809 177 руб. дохода было получено в основном за счет продажи 1 361 778 пуд. разных сортов железа, в то время как расходы достигли 3 203 853 руб. Убыток составил почти 389 тыс. руб., хотя по смете предполагалось получить за год 192 тыс. руб. прибыли. Это стало результатом, как отчитывались члены Главного правления, увеличения «цеховой стоимости» кровельного железа на 147 тыс. руб., черной и белой жести – на 14 тыс. руб., а также накладных расходов на 159 тыс. руб. вследствие уменьшения выделки. Причина убытков крылась в «полной дезорганизации заводского действия из-за забастовок рабочих». «Ирбитский

завод был остановлен вследствие насильственных действий рабочих над управителем завода с 11 марта по 19 августа, Алапаевский и Верхнесинячихинский заводы бастовали с 14 августа по 7 октября, – информировало владельцев правление. – В результате железа кровельного выделано на 300 тыс. пуд. меньше, чем было по смете. Кроме того, расстройство заводского действия сказалось и на выходе сортов кровельного железа, а именно первого сорта получилось лишь около 20% вместо нормальных для Алапаевских заводов 50%. Такой плохой ассортимент отразился на выручке от продажи железа около 5 коп. на пуд, а всего около 62 тыс. руб. ... Затем по запродажам, заключенным до образования акционерного общества “Кровля”, понесен убыток около 60 тыс. руб. вследствие настойчивого требования покупателей сдать им запроданное железо. Кроме того, “Кровле” не удалось в 1907 г. повысить продажную цену сметных предположений примерно на 9 коп. на пуд, почему недовыручка по продаже выразилась примерно в 110 тыс. руб. Прибавляя, наконец, к сему увеличение расходов по процентам около 20 тыс., получаем общий недобор против сметы около 572 тыс. руб.».

По подсчетам членов Главного правления, в 1908 г. эти убытки должны были «уменьшиться примерно на 22 коп. на пуд, выход первого сорта благодаря принятым мерам и энергичным действиям нового управляющего заводами уже поднялся до 45–50%, что дает повышение выручки от продажи до 5 коп.» «Наконец, общество “Кровля” возвысило продажные цены на 7 коп. с пуда. Таким образом, – констатировало правление, – от уменьшения себестоимости железа, улучшения сортамента и увеличения продажных цен можно надеяться получить в 1908 г. более в общем на 34 коп. на пуд, что при продаже только 1,5 млн пуд. составит увеличение общей выручки против 1907 г. на 510 тыс. руб.». Убытки отчетного года было предложено «списать с оборотного капитала»³¹.

По-видимому, не столько представлявшие временными финансовые затруднения, сколько необходимость упрощения процедуры принятия непростых решений в столь сложной ситуации и стали причиной акционирования округа. Об этом свидетельствует и устав Товарищества, утвержденный 26 апреля 1907 г. Оно организовывалось «для приобретения и эксплуатации входящих в состав общего имущества наследников действительного статского советника С.С. Яковлева Алапаевских железоделательных заводов... со всеми землями, фабриками и строениями, домами в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде, земельным участком на реке Чусовой близ Левшинской станции Пермской железной дороги и лесной дачи в Ирбитском уезде, а равно для устройства и эксплуатации металлургических, механических, химических и других заводов, приготовляющих изделия из металлов, минералов и дерева, а также для добывания и обработки золота, платины, медных, свинцовых и других руд, торфа, каменного угля, асбеста и иных полезных ископаемых и для торговли продуктами горной, фабрично-заводской, лесной, сельскохозяйственной и иной промышленности, как в России, так и за границей». Но «приобретение» Алапаевского округа акционерной компанией имело лишь формальный смысл, поскольку акционерами становились сами же владельцы. Основной капитал общества, составлявший 5880 тыс. руб., делился на те же 1176 паев по 5 тыс. руб. каждый, которые «распределялись между владельцами общего имущества по взаимному согласию, соразмерно и взамен принадлежащей каждому из них доли участия в... имуществе». Таким образом, семейно-паевое товарищество, действовавшее на основе «Положения об управлении...» 1858 г., заменялось акционерной формой того же товарищества, действовавшего на основе устава 1907 г.

Управлялось созданное Товарищество правлением, состоящим из трех директоров, которые избирались пайщиками, имевшими не меньше трех паев. При этом существенно менялось исчисление голосов в Общем собрании акционеров: отныне один голос приравнивался к трем паям, но «один пайщик не мог иметь по своим паям более того числа голосов, на которые дает право владения $\frac{1}{10}$ частью всего основного капитала Товарищества». Количество голосов одного участника, таким образом, ограничивалось 39, что соответствовало 117 паям. Из состава пайщиков на 1907 г. это ограничение имело значение только для М.Ф. Голицыной (имевшей 152 пая), К.В. Рукавишникова (192) и В.И. Рукавишника (144) и было направлено, скорее всего, против концентрации единоличной власти в руках кого-либо из них. Тем не менее новый порядок исчисления голосов давал больше власти владельцам крупных паев, что шло на пользу семейным группам Рукавишниковых и Граббе.

Товарищество получало право увеличивать уставной капитал «посредством дополнительного выпуска паев»; они могли реализовываться по «публичной подписке» только, если «не будут разобраны владельцами паев предыдущих выпусков». При этом приобретатели новых паев, «сверх номинальной цены» должны были вносить еще «известную премию... с обращением ее на увеличение запасного капитала»³². Таким образом, устав Товарищества не исключал появления в составе пайщиков новых лиц не из числа владельцев общего имущества, но ориентировал прежде всего самих владельцев на покупку новых паев и вложение в дело собственных капиталов. Это условие было выгодно богатым Рукавишниковым, посредством скупки дополнительных паев получавшим возможность расширить долю участия в Товариществе, а значит, и усилить свое влияние в нем.

Приняв в октябре 1907 г. решение о формальном акционировании округа, совладельцы даже не сочли необходимым совершать купчие крепости, полагая, что «в данном случае изменяется только название общего дела и порядок управления таковым», что подтверждает наши предположения о мотивах акционирования. Главное правление 28 января 1908 г. просило Горный департамент «выдать удостоверение, что нет препятствий, и исходатайствовать отметки у старшего нотариуса Екатеринбургского окружного суда о перечислении общего имущества за Товариществом Алапаевских горных заводов». Разрешение было получено, и устав Товарищества вступил в силу. Такое положение продолжалось до 1913 г., когда все-таки потребовались «переукрепление» округа «крепостным порядком» и превращение товарищества с узким составом участников в открытое акционерное общество. Свое прежнее разрешение на продажу, затерявшееся в заводской канцелярии, Горный департамент подтвердил 5 ноября 1913 г.³³

К этому времени округ уже динамично развивался; проводились текущая реконструкция производства и железнодорожное строительство за счет ссуд коммерческих банков и значительных личных инвестиций К.В. Рукавишникова. Оборотный капитал складывался в основном из краткосрочных залогов металлов в Государственном банке, увеличенных в 1909 г. до 1 млн руб., а позже – и до 2 млн руб. Анализируя состояние и перспективы Алапаевского округа, учетно-ссудный комитет Екатеринбургского отделения этого банка отмечал тогда, что на заводах введен мартеновский способ производства железа, построена новая доменная печь и реконструированы две старые печи, оборудованы две электростанции и построена узкоколейная железная дорога длиной 92,5 версты. Было запланировано прокатывать до 2 млн пуд. кровельного железа. «Можно прийти к заключению, – констатировал комитет, – что Товарищество стало на правильный путь и заслуживает в своем стремлении возможной помощи». Однако кризис сбыта вновь обрек заводы на убытки³⁴.

Именно накапливавшиеся долги и потребовали преобразования формы товарищества. Это предполагалось прежде всего задуманным правлением долгосрочным залогом округа в Нижегородско-Самарский земельный банк, на который, как упоминалось, ипотечные банки легче соглашались при условии акционирования посессионных заводов. Не случайно этот залог, осуществленный в 1913 г. на сумму 2,5 млн руб., совпал с «переукреплением» Товарищества. Тогда же пайщики согласились на увеличение основного капитала в два раза до 11 760 тыс. руб. посредством выпуска новых паев и замены их на акции по 100 руб., с тем чтобы они были и именными, и на предъявителя. Так, очевидно, они намеревались рассчитаться по накопившимся до 3,9 млн руб. долгам коммерческим банкам и частным кредиторам, включив их в состав акционеров. В 1914 г. вносились соответствующие изменения в устав, но, как свидетельствуют специалисты, эмиссия не состоялась, что привело в скором времени к переходу округа к коммерческим банкам. В 1916 г. акции были скуплены Соединенным банком, в том же году их перекупил Русско-Азиатский банк А.И. Путилова. Историк М.П. Вяткин сообщает, что банками оказались скуплены все 1176 паев Товарищества. По сведениям Ю.А. Буранова, к 1917 г. у «старых владельцев» (Манзей, Волковы и др.) оставалось все-таки 8% основного капитала³⁵.

Продажа округа была сопряжена не только с общей неблагоприятной финансовой ситуацией, но, по всей видимости, и с прекращением борьбы за округ владельцев, из которых наибольшую активность, как упоминалось, проявлял К.В. Рукавишников. Когда он скончался в 1915 г., наследники потребовали возврата вложенных им личных капиталов в размере до 3410 тыс. руб., что свидетельствует об их желании прекратить активное участие в развитии округа³⁶. В 1916 г. «в мрачной лечебнице под Парижем» скончался от стенокардии и В.И. Рукавишников, оставивший «миллионное состояние» (включавшее пай уральских заводов) и петербургское имение Рождествено племяннику В.В. Набокову. Известно, что 10 октября 1914 г. умер генерал-майор Н.Р. Трувеллер, передав 12 оставшихся в его владении паев Алапаевских заводов своим наследникам: дочерям – вдове капитана второго ранга Ольге Николаевне Костенко, жене лейтенанта Елизавете Николаевне фон Веймарн, девицам Евгении и Екатерине Трувеллер, а также британскому подданному Николаю Трувеллеру³⁷. Остальные совладельцы, видимо, дожили до национализации округа в январе 1918 г., утратив доли своего участия во владении родовыми Алапаевскими заводами еще до этих событий.

¹ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10 об.

² Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 552. Л. 1, 3–10.

³ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 14.

⁴ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 11–15.

⁵ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–4, 9, 11–14, 23.

⁶ Там же. Л. 25–28, 29.

⁷ *Набоков В.В. Другие берега* // Владимир Набоков. Собр. соч. в 4-х т. М., 1990. Т. 4. С. 150.

⁸ РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 563. Л. 1–7; Д. 10. Л. 38.

⁹ Там же. Д. 563. Л. 1–7.

¹⁰ Там же. Д. 10. Л. 44, 48, 50, 54, 58; Ф. 37. Оп. 3. Д. 1160. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 552. Л. 1, 11.

¹² Там же. Л. 106.

¹³ Там же. Д. 10. Л. 80.

¹⁴ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1049. Л. 1, 5, 27.

- ¹⁵ Епатко Ю.Г. Художники на Академической даче и в имении Волковых-Манзей в Березках // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Вышний Волочек, 1999. № 3; Соколов Б.С. Записки с берегов Имоложья. СПб., 2006.
- ¹⁶ Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 2003. С. 142–143.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3965. Л. 1.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 46. Л. 21, 24, 26, 35.
- ¹⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 175; Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 512–514.
- ²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 46. Л. 8, 12; Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. М., 2005. Т. 2. С. 392.
- ²¹ РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 10. Л. 62.
- ²² Там же. Д. 564. Л. 1, 8, 20, 34–35, 38, 62–63, 99–100, 104.
- ²³ Набоков В.В. Указ. соч. С. 168.
- ²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 46. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Оп. 65. Д. 1433. Л. 2–3.
- ²⁶ Грум-Гржимайло В., Грум-Гржимайло С. Секрет счастливой жизни. Екатеринбург, 2001. С. 237.
- ²⁷ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 25; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 141.
- ²⁸ Набоков В.В. Указ. соч. С. 164–169.
- ²⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 487. Л. 5–6.
- ³⁰ Там же. Оп. 65. Д. 1433. Л. 2–3; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 642. Л. 1–14; Буранов Ю.А. Подготовка акционирования Алапаевского горного округа // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1976. Сб. 14. С. 34–49.
- ³¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 487. Л. 1–2 об.
- ³² Там же. Оп. 65. Д. 1433. Л. 4–16 об.
- ³³ Там же. Л. 20–20 об., 22, 32–32 об., 40.
- ³⁴ Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 147.
- ³⁵ Там же. С. 298–304; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала... С. 220–225.
- ³⁶ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала... С. 224.
- ³⁷ РГИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10. Л. 64–68.

2.3. Наследники П.С. Яковлева

После смерти в 1809 г. бездетного Петра Саввича Яковлева старейшие на Урале Невьянские заводы оказались во владении трех ветвей рода Яковлевых, идущих от его братьев: «ярославской» – наследников М.С. Яковлева, «верх-исетской» – наследников И.С. Яковлева и «алапаевской» – наследников С.С. Яковлева. В первой половине XIX в. ни одна из этих ветвей не утратила своей собственности на условную треть Невьянских заводов, несмотря на ясно обозначившиеся проблемы в их развитии, вызванные в первую очередь ограниченными лесными ресурсами округа. Еще одной особенностью этого владения было фактическое отсутствие разделов с выделом наследников при переходе от одного поколения владельцев к другому, в результате чего количество владельцев все увеличивалось и накануне крестьянской реформы составило уже 32 человека. Невьянский округ оказался самым «многовладельческим» на Урале. Тогда в его состав входили Невьянский, Быньговский и Петрокаменский заводы с 180 229 тыс. дес. земли «в одной окружной меже», где проживали 8682 рев. душ горнозаводского населения и 7492 рев. душ государст-

венных крестьян¹. Для облегчения расчетов владение разделили на 1050 долей, так что каждой из трех «частей» владения принадлежало 350 долей.

К первой – «ярославской» – группе в 1861 г. относились 15 наследников М.С. Яковлева, образовавшие пять ветвей по количеству наследовавших округ его сыновей. К ветви надворного советника Н.М. Яковлева принадлежали его дочь вдова генерал-майора Мария Николаевна Бистром, владевшая 65 долями, и уже скончавшаяся воспитанница ее матери Д.С. Яковлевой (урожденной княжны Баратовой) дворянка Александра Ивановна Казибек (урожденная Иванова), которой по завещанию, утвержденному 11 сентября 1852 г., достались 5 долей². Из-за отсутствия наследников эти 5 долей в течение длительного времени оставались неразделенными. Позже «за неявку наследников в установленные сроки» они будут признаны «имением выморочным». К ветви статского советника И.М. Яковлева относились его дети: коллежский ассессор Михаил Иванович (50 долей) и незамужние дочери Степанида и Александра (по 5), а также умершая его вдова Капитолина Ивановна, 10 паев которой состояли под опекой вследствие «непринятия наследниками из-за долгов».

Третья ветвь была представлена сыном надворного советника М.М. Яковлева генерал-майором Григорием Михайловичем, который владел 60 долями. Остальные 10 долей этой ветви рода поровну делили его сестры: вдова вице-директора Департамента государственного казначейства статского советника П.П. Янжул-Михайловского Мария Михайловна и незамужняя Анна Михайловна Яковлева. Из четвертой ветви надворного советника Г.М. Яковлева 60 долей принадлежали его сыну гвардии штаб-ротмистру Петру Григорьевичу и по 5 долей – дочери (жене действительного статского советника В.П. Петрова) Елизавете Григорьевне, и внучке (жене коллежского советника Н.И. Тимофеева) Анне Николаевне.

Наконец, 70 долей самой многочисленной пятой ветви надворного советника С.М. Яковлева распределялись между двумя (из 11) оставшимися к тому времени в живых его сыновьями надворным советником Михаилом Саввичем и коллежским секретарем Андреем Саввичем (по 21), а также вдовой корнета Алексея Саввича Надеждой Алексеевной, вдовой полковника Павла Саввича Ольгой Алексеевной и вдовой полковника Александра Саввича Серафимой Васильевной Яковлевыми. Доли умерших холостыми надворного советника Константина, поручиков Саввы, Дмитрия, а также оставшиеся за вычетом части вдов доли корнета Алексея и полковника Павла были уже распределены между Михаилом и Андреем. Но они к 1861 г. еще не вошли во владение долями поручика Владимира, коллежского регистратора Ивана и корнета Валериана, а также части доли корнета Алексея (в сумме составлявшие $22\frac{76}{231}$), поскольку те находились под арестом за долги бывших владельцев.

Вторая – «верх-исетская» – группа владельцев Невьянских заводов была представлена всего двумя наследниками гвардии корнета А.И. Яковлева: его сыном, статским советником и камергером Иваном Алексеевичем, и дочерью, графиней Надеждой Алексеевной Стенбок-Фермор. Как упоминалось ранее, в начале 1862 г. они заключили раздельный акт, в соответствии с которым единоличным собственником третьей части Невьянских заводов становился И.А. Яковлев, сосредоточивший в своих руках все 350 долей владения.

Третью – «алапаевскую» – группу владельцев составляли 14 наследников действительного статского советника С.С. Яковлева, принадлежавшие к семи женским линиям. Одна из линий была представлена единственной оставшейся в живых к 1861 г. дочерью С.С. Яковлева – вдовой генерал-майора Софьей Сергеевной Ман-

зей, которая владела всеми 50 долями этой линии рода. Дочери ее сестры Е.С. Никитиной графине Елизавете Алексеевне Орловой-Денисовой принадлежали $91\frac{1}{14}$ доли, 50 из которых достались ей от деда, $41\frac{1}{14}$ – от отца (по определению Петербургской судебной палаты от 22 декабря 1858 г.), графа А.П. Никитина, в 1850-е гг. скупившего доли у родственников: С.К. Поливановой (по купчей от 9 декабря 1853 г. на $5\frac{5}{14}$ долей), М.И. Сабир (14 $\frac{2}{7}$), В.А. Авдулиной и М.А. Богушевской (по купчей от 23 марта 1855 г. на $21\frac{21}{49}$ долю)³.

Унаследованные от Л.С. Сабир 50 долей распределялись между ее мужем генерал-майором Иосифом Иосифовичем Сабиром (7 $\frac{1}{7}$) и сыновьями Константином и Николаем (по 14 $\frac{2}{7}$). Доли Е.С. Авдулиной принадлежали ее дочерям, Марии Алексеевне Богушевской и Варваре Алексеевне Авдулиной (по 7 $\frac{32}{49}$), а также вдове сына, С.А. Авдулина, надворной советнице Марии Алексеевне Мордвиновой (6 $\frac{6}{49}$, по определению Петербургской судебной палаты от 15 ноября 1855 г.). Все 50 долей владения Н.С. Шишмаревой (по решению той же палаты от 3 февраля 1860 г.) сосредоточились в руках ее дочери, княгини Екатерины Михайловны Волконской. Доли А.С. Шишмаревой унаследовали две ее дочери – Александра Афанасьевна Чернышева и Ольга Афанасьевна Олсуфьева (по 25). Наконец, после В.С. Альбрехт унаследованные ею доли сосредоточились к 1861 г. у трех ее дочерей – Ольги Карловны фон Рейтерн, Екатерины Карловны Трувеллер и Марии Карловны фон Барановой (по 5 $\frac{5}{14}$).

Кроме того, к 1861 г. 35 $\frac{5}{7}$ долей «алапаевской части» были проданы мензелинскому кушцу и потомственному почетному гражданину Василию Никитичу Рукавишникову. Это были наследственные части М.А. Богушевской, В.А. Авдулиной (от каждой по 3 $\frac{4}{7}$) и М.К. Альбрехта (28 $\frac{5}{7}$). Еще несколько владельцев в ближайшие годы также собирались продать доли этому богатому кушцу, имевшему разрешение увеличить свою часть владения Невьянскими заводами до 96 долей.

Находящиеся в нашем распоряжении списки владельцев за 1864, 1874, 1881, 1895–1897, 1905 гг.⁴, акт продажи заводов 1906 г.⁵, а также сохранившиеся разрозненные завещания, утвердительные акты и вводные листы⁶, позволяют реконструировать дальнейшую историю владения Невьянскими заводами. Они свидетельствуют, что над некоторыми владельцами на рубеже 1850–1860-х гг. были учреждены опекунские управления. Так, 24 марта 1861 г. Сенат разбирал дело по долгам бывших владельцев Ярославской мануфактуры наследников М.С. Яковлева и предписал наложить арест на их доходы и обратить их «в общую долговую сумму» в Ярославском уездном суде, а «самое имущество Яковлевых впредь до окончания дела о долгах... взять в опекунское управление». Яковлевы попытались опротестовать уже вступившее в силу решение об опеке, мотивируя протест тем, что «вообще нет закона, который бы устанавливал опеку на имение за долги». Сенат 13 сентября 1864 г. пересмотрел свое прежнее решение и опеку снял, но оставил имущества должников «под запрещением»⁷. Позже доли нескольких из этих наследников все-таки оказались в опеке за частные долги.

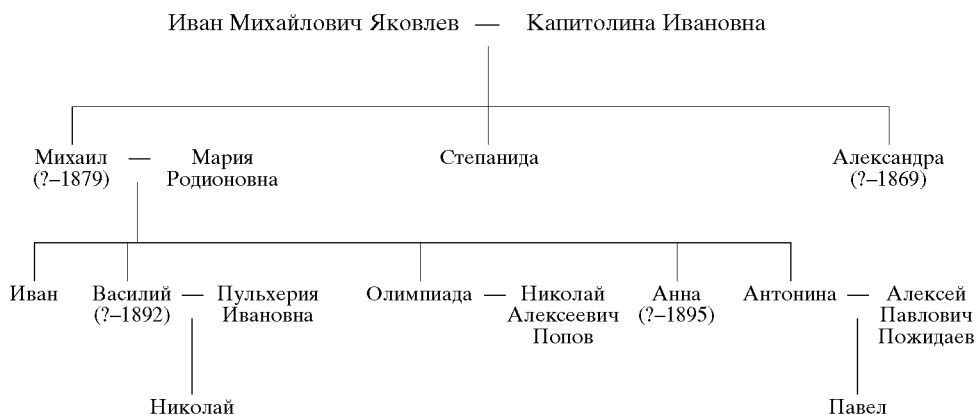
Та же участь постигла нераспределенные доли нескольких умерших владельцев. Так, под опеку коллежского советника В.В. Петрова, а затем – полковника М.Я. фон-дер-Вейде были переданы доли, принадлежавшие А.И. Казибек (5), К.И. Яковлевой (10), а также владельцев-должников из умерших сыновей С.М. Яковлева Алексея, Валериана, Ивана и Владимира (11 $\frac{38}{231}$). В 1860-е гг. опеку над «умалишенной» последней представительницей ветви Н.М. Яковлева Марией Николаевной Бистром осуществляли М.С. Яковлев, П.Г. Яковлев и А.Ф. Банковский. После смерти Марии Николаевны, случившейся 17 мая 1870 г.⁸, доставши-

еся ей от брата и отца 60 долей, свободные от долгов, определением суда от 12 февраля 1871 г. были разделены между оставшимися четырьмя родственными ветвями ее кузенов М.И. Яковлева, Г.М. Яковлева, П.Г. Яковлева (по 15), М.С. Яковлева и А.С. Яковлева (по 7½). Еще 5 долей наследства ее матери Д.С. Баратовой были взяты в опеку М.Я. фон-дер-Вейде под общей формулировкой «за неприятием наследниками», а 8 мая 1890 г. признаны «имением выморочным» и переданы в ведомство государственных имуществ. То же 24 мая 1885 г. произошло и с 5 долями А.И. Казибек⁹. Доли К.И. Яковлевой оставались в опекуновском управлении до акционирования заводов.

Под опекой титулярного советника Н.И. Балакирщикова оказались 7½/14 долей умершего 18 декабря 1864 г. генерал-майора И.И. Сабира, от владения которыми также отказались наследники. Еще одна опека была учреждена в Петербурге 11 августа 1864 г. над именем Е.М. Волконской «по причине ее расточительности». В начале 1870-х гг. в роли опекуна над ее 50 долями в Невьянских заводах выступал коллежский советник Ф.А. Кузьмин. Все остальные доли в начале пореформенного периода находились в «собственном владении».

До 1906 г., когда Невьянские заводы были акционированы, в составе «первой части» наследников М.С. Яковлева произошли следующие изменения. М.И. Яковлев к доставшимся ему от отца 50 долям прибавил 15 – от М.Н. Бистром и 5 – от сестры Александры Ивановны Яковлевой. Когда она 10 мая 1869 г. умерла, ходатайство о принятии наследства подал не только Михаил Иванович, но и его сестра Степанида (Стефанида). Однако Ярославский окружной суд, рассмотрев дело, определением от 27 апреля 1871 г. признал наследником только М.И. Яковлева, поскольку по закону «при живых братьях сестры не имели права на наследство»¹⁰.

По определению Петербургского суда от 21 сентября 1879 г., 70 долей после смерти М.И. Яковлева достались его вдове Марии Родионовне (10), сыновьям – доктору медицины Ивану и коллежскому советнику Василию (по $22\frac{1}{2}$), дочерям – Олимпиаде (жене старшего инженер-механика флота капитана Николая Алексеевича Попова) и Анне (по 5), а также внуку – Павлу Алексеевичу Пожидаеву, сыну умершей к этому времени дочери Антонины (5), который «по малолетству» состоял под опекой отца, губернского секретаря Алексея Павловича Пожидаева, и дяди – И.М. Яковлева. Вскоре вслед за мужем и братом скончались Мария Родионовна и бездетная Степанида Ивановна. Доли первой, по определению суда от 20 ноября 1879 г., распределились между всеми детьми и внуком, доли второй, по определению от 21 марта 1880 г., перешли племянникам Василию и Ивану. В итоге В.М. Яковлев и И.М. Яковлев получили по $28\frac{13}{14}$, О.М. Попова, А.М. Яковлева и П.А. Пожидаев – по $5\frac{10}{14}$ долей.

После смерти В.М. Яковлева 28 июля 1892 г. его доли (по решению суда от 2 октября того же года) достались вдове Пульхерии Ивановне ($4\frac{13}{98}$) и сыну – доктору медицины Николаю Васильевичу ($24\frac{39}{49}$)¹¹. Анна Михайловна Яковлева скончалась 15 ноября 1895 г.¹² Согласно определению Петербургского суда от 11 января 1900 г. и 6 сентября 1906 г., наследником умершей сестры был утвержден И.М. Яковлев, ставший сначала владельцем половины, а затем и всей ее доли (хотя ко времени акционирования во второй половине он утвержден еще не был). После кончины О.М. Поповой по завещанию, утвержденному 13 декабря 1902 г., ее $5\frac{10}{14}$ долей перешли мужу – коллежскому советнику Николаю Алексеевичу Попову.

Генерал-майор Г.М. Яковлев сосредоточил в своих руках 80 долей, доставшихся ему от отца (60), М.Н. Бистром (15) и сестры А.М. Яковлевой (5 долей, по определению суда от 16 июня 1872 г.). После его смерти эти доли находились в опекуном управлении «за неприятием наследниками», пока 25 сентября 1884 г. не перешли во владение сына – коллежского регистратора Александра Григорьевича Яковлева. Видимо, еще при жизни отца сын не пользовался его доверием, в отличие от снохи Каролины Федоровны, которой Григорий Михайлович выдавал доверенности от своего имени¹³. А.Г. Яковлев умер, будучи признан «несостоятельным должником». Конкурсное управление, образованное по его делам, на Общем собрании 12 ноября 1894 г. постановило продать 80 принадлежавших ему долей владения Невьянских заводов дальнему родственнику и совладельцу князю А.П. Гагарину¹⁴.

Еще 5 долей этой части, принадлежавшие М.М. Янжул-Михайловской, после ее смерти, по судебному решению от 29 сентября 1878 г., достались в равных частях (по $2\frac{1}{2}$) дочерям – жене действительного статского советника Марии Павловне Николаенко и вскоре умершей вдове надворного советника Ивана Александровича Насветевича Анне Павловне. По решению от 18 декабря 1879 г., долю матери унаследовал сын – Александр Иванович Насветевич, который через пять лет продал свою долю купцу Р.Ф. Гибнеру. После смерти М.П. Николаенко в 1881 г. ее долю распределили между пятью ее наследниками: сыновьями – надворным советником Павлом Петровичем, Иваном Петровичем и Петром Петровичем (по $\frac{20}{28}$) и дочерьми Марией Николаенко и Юлией Николаенко (по $\frac{5}{28}$). В 1886 г. Юлия уже не числилась в составе владельцев, ее доля перешла брату Павлу. Тогда же Николаенко продали свои доли А.Н. Салтыковой¹⁵.

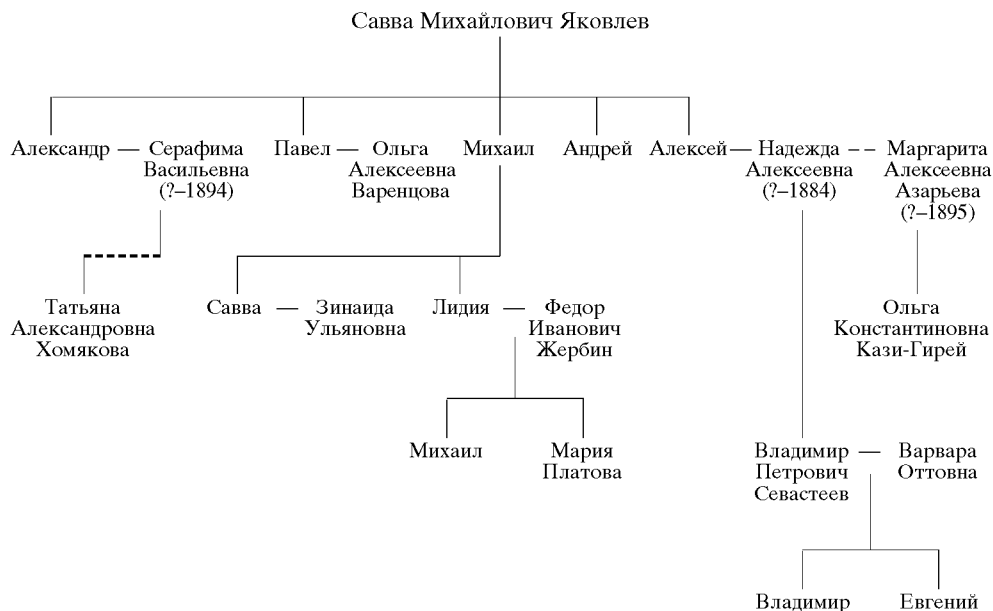

Гвардии штаб-ротмистр П.Г. Яковлев к своим 60 долям прибавил 15 долей М.Н. Бистром и, по завещанию, утвержденному к исполнению Петербургским судом 3 ноября 1872 г., передал их племяннику – действительному статскому советнику Василию Васильевичу Петрову, сыну сестры Е.Г. Петровой. Она скончалась 19 декабря 1867 г. вслед за своим мужем В.П. Петровым, умершим 11 октября 1867 г.¹⁶ По определению столичного окружного суда от 17 октября 1868 г., ее 5 долей унаследовали тот же В.В. Петров ($\frac{4}{7}$) и дочери – коллежская советница Анна Васильевна Часовникова и надворная советница Юлия Васильевна Слепцова (по $\frac{5}{14}$). После смерти последней ее доля досталась (по судебному определению от 24 января 1878 г.) мужу – Алексею Трофимовичу Слепцову ($\frac{10}{196}$), двум сыновьям – дворянину Алексею, несовершеннолетнему Василию (по $\frac{55}{392}$) и малолетней дочери Елизавете ($\frac{5}{196}$), находившимся под опекой отца. Он умер 23 апреля 1891 г., передав свою долю владения (по решению Петербургского суда от 17 декабря 1891/7 января 1892 г.) сыну Василию¹⁷. К нему же (по решению от 12 октября 1884 г.) перешли доли умершего 18 февраля 1881 г. брата Алексея и умершей 13 марта 1882 г. сестры Елизаветы¹⁸. В результате этого все доли семьи ($\frac{5}{14}$) сконцентрировались во владении ставшего уже капитаном гвардии Василия Алексеевича Слепцова (жил на Литейном проспекте, д. 55, кв. 10). После

смерти А.В. Часовниковой, по определению суда от 7 мая 1901 г., ее $\frac{5}{14}$ доли унаследовала дочь Юлия Алексеевна Часовникова.

В.В. Петров, владевший $\frac{79^2}{7}$ долями, скончался 23 марта 1902 г. в чине тайного советника. По завещанию, утвержденному Петербургским судом 13 сентября того же года, все его имущество (с учетом долей в Невьянских заводах, оцененное в 77 643 руб.) перешло в пожизненное владение вдовы – Софьи Антоновны Петровой (урожденной Дейер). Их дочь Елизавета Васильевна Стрижевская тоже пыталась утвердиться в качестве наследницы, но суд признал все имущество ее отца благоприобретенным и отказал в ходатайстве¹⁹.

Еще одна линия наследников надворного советника Г.М. Яковлева образовалась от его второй, рано умершей, дочери – подполковницы Анны Григорьевны Ивановой и внучки – действительной статской советницы Анны Николаевны Тимофеевой, которой в наследство от деда достались 5 долей. По ее завещанию, утвержденному к исполнению 5 июля 1879 г., эти доли были разделены между дочерьми – Марией Николаевной (впоследствии – Ячевской) и женой капитана Анной Николаевной Салтыковой (по $2\frac{1}{2}$). Последняя, купив 22 ноября 1886 г. (купчая утверждена 4 февраля 1887 г.) такую же долю у семьи Николаенко, завещала (утверждено 6 сентября 1894 г.) все свои 5 долей владения мужу – коллежскому советнику Евграфу Дмитриевичу Салтыкову. В 1902 г. он намеревался продать свои пай В.А. Слепцову, но тогда эта сделка не состоялась. После смерти Е.Д. Салтыкова, по завещанию, утвержденному 16 августа 1903 г., эти доли достались его сестре – вдове коллежского советника Надежде Дмитриевне Устиновой, проживавшей в Царском Селе. В октябре-ноябре того же года она предприняла попытку продать пай «одному из совладельцев г-ну Слепцову». Хотя разрешение было получено, сделка, очевидно, так и не была совершена до акционирования заводов²⁰.

В ветви наследников С.М. Яковлева в течение 40 последующих лет сохранялись те же пять ветвей рода, которые входили в состав совладельцев и в 1861 г. За это время к 70 унаследованным долям они прибавили 15 долей от М.Н. Бистром, которые распределились поровну между Михаилом Саввичем и Андреем Саввичем Яковлевыми. В 1866 г. закончился (установленный по решению Петербургской палаты гражданского суда от 17 января 1856 г.) 10-летний срок опеки над еще не разделенными долями их умерших братьев. Видимо, тогда осуществили и пересчет долей трех невесток, в результате которого Н.А. Яковлева получила $\frac{10}{11}$, О.А. Яковлева – $\frac{1}{7}$, С.В. Яковлева – $\frac{3}{3}$ доли. А.С. Яковлев принял свою половину наследства братьев, став в итоге владельцем $\frac{39^{307}}{462}$ доли. Оставшиеся $\frac{11^{38}}{231}$ доли вновь поступили в опеку «за неприятием» их М.С. Яковлевым. Судьба этих долей решилась уже после его смерти. По определению суда от 25 апреля 1872 г., наследство надворного советника М.С. Яковлева (находившееся под запрещением за частные долги) принял его сын – коллежский советник Савва Михайлович. Видимо, когда доли его дядей «очистились» от долгов, по определению суда от 21 декабря 1879 г., он принял во владение и их. Незадолго до этого по купчей от 6 октября 1879 г. (утверждена 9 февраля 1881 г.) он продал часть своих долей ($\frac{5}{11}$) Н.А. Яковлевой за 11 тыс. руб.²¹ В результате этих операций владение С.М. Яковлева увеличилось до $\frac{34^{2915}}{5082}$ доли, а Н.А. Яковлевой – до 6 долей.

Надежда Алексеевна Яковлева, последние годы проживавшая в Тверском Христорождественском женском монастыре, скончалась 16 мая 1884 г.²² По ее завещанию (утвержденному Тверским окружным судом 15 июня 1884 г.), купленные ею $\frac{5}{11}$ долей достались ее внуку – сыну статского советника Владимиру Петровичу Севастееву. Возможно, он был потомком Надежды Алексеевны от второго ее брака. Своей сестре, Маргарите Алексеевне Азарьевой, и племяннице (дочери Азарьевой), Ольге Константиновне Казии-Гирей, она выделила по 450 и 200 руб. в год соответственно, а также все движимое имущество и «капитал наличный». Как можно судить, в их совместное владение перешли и оставшиеся $\frac{10}{11}$ наследственных долей. После смерти вдовы губернского секретаря М.А. Азарьевой 18 июня 1895 г.²³ их единственной владелицей осталась вдова ротмистра О.К. Казии-Гирей (по определению суда от 2 октября 1896 г.).

В.П. Севастеев, числясь в составе владельцев Невьянских заводов, умер, будучи в чине статского советника, незадолго до их акционирования. По судебному определению от 21 января 1906 г., его доли передали вдове Варваре Оттовне ($\frac{8}{11}$) и сыновьям – Владимиру и Евгению (по $\frac{2}{11}$), которых, видимо, не успели до акционирования официально ввести во владение. Об этом наследники просили в 1914 г., когда суд посчитал бессмысленным вторичное утверждение их в наследственных правах²⁴.

По решению Ярославского окружного суда от 1 апреля 1886 г., $\frac{1}{7}$ доли Ольги Алексеевны Яковлевой (урожденной Варенцовой) поделили ее родственники – вдова генерал-майора княгиня Вера Алексеевна Урусова ($\frac{10}{21}$), статский советник Александр Петрович Варенцов, жена полковника Варвара Михайловна Гейне (урожденная Варенцова), сын полковника Евгений Александрович Варенцов (по $\frac{5}{21}$), дворянин Николай Дмитриевич Варенцов и титулярный советник Дмитрий Дмитриевич Варенцов (по $\frac{5}{42}$). После вступления в состав наследников еще одного претендента – дворянина Николая Петровича Дружинина (по определению суда от 8 мая 1887 г.) – доли всех родственников были пересчитаны: В.А. Урусовой и Н.П. Дружинину досталось по $\frac{5}{14}$, В.М. Гейне, А.П. Варенцову и Е.А. Варенцову – по $\frac{5}{28}$, Н.Д. Варенцову и Д.Д. Варенцову – по $\frac{5}{56}$ доли. Сложный состав наследни-

ков Ольги Алексеевны, вероятно, был вызван тем, что после смерти своего первого мужа она вновь вышла замуж и имела потомство от второго брака.

В Екатеринбурге 27 ноября 1896 г. была учреждена опека над имуществом умершей княгини В.А. Урусовой вследствие прошения дворянки Каринской, которой та задолжала деньги. В результате наложенного запрещения наследники княгини не могли вступить во владение, а причитавшиеся ей доходы переводились на депозит опеки для уплаты долгов²⁵. В списке владельцев 1897 г. умершим числился и А.П. Варенцов, а в списке 1905 г. – надворный советник Д.Д. Варенцов, доли которого, видимо, перешли брату. Тем не менее в «акте переукрепления» Невьянского округа за акционерной компанией в 1906 г. упоминались все семь наследников О.А. Яковлевой.

После кончины Серафимы Васильевны Яковлевой 3 апреля 1894 г. ее $3\frac{1}{3}$ доли унаследовала племянница – жена мещанина Татьяна Александровна Хомякова²⁶. Видимо, еще в конце 1870-х гг. скончался коллежский секретарь А.С. Яковлев, $39\frac{307}{462}$ долей которого состояли в опеке М.Я. фон-дер-Вейде до начала 1890-х гг., когда они прибавились к части племянника С.М. Яковлева, ставшего владельцем крупного пая ($74\frac{5}{21}$ доли). После его смерти в 1894 г. его доли достались в пожизненное владение вдове Зинаиде Ульяновне, но вскоре, по определению Петербургского окружного суда от 12 ноября 1896 г., перешли сестре бывшего их владельца – Лидии Михайловне Жербиной²⁷. Вскоре умерла и она; по определению того же суда от 28 апреля 1898 г., ее доли передали мужу – генерал-лейтенанту Федору Ивановичу Жербину ($10\frac{89}{147}$), сыну – штабс-капитану Михаилу Федоровичу ($58\frac{97}{294}$) и дочери – жене полковника Марии Федоровне Платовой ($5\frac{89}{294}$). К 1906 г. Ф.И. Жербин, видимо, тоже скончался. Его доли перешли детям, но еще не были утверждены за ними.

«Кожевенно-сапожного цеха мастер и Санкт-Петербургский временный второй гильдии купец» Эрнст-Рудольф Федорович Гибнер вошел в состав владельцев Невьянских заводов, приобретя по купчей от 18 января 1884 г. $2\frac{1}{2}$ доли у А.И. Насветевича за 3 тыс. руб.²⁸ В середине 1890-х гг. он, видимо, намеревался купить и выморочные доли К.И. Яковлевой (10), М.Н. Бистром (5) и А.И. Казибек (5), поскольку в списке 1896 г. они были записаны за ним. Но по какой-то причине эти доли так и остались или в опеке, или во владении Управления государственных имуществ Санкт-Петербургской и Псковской губерний.

Таким образом, к 1906 г. первую, «ярославскую», часть наследников М.С. Яковлева представляли 18 лиц, принадлежавших к трем ветвям этого рода (Ивана, Григория и Саввы Михайловичей). Доли семерых уже умерших к этому времени владельцев еще не были разделены между наследниками, за которыми сохранялись $257\frac{1}{2}$ из 350 долей владения Невьянскими заводами. В 1870 г. прервалась ветвь Николая Михайловича; ее 65 долей были распределены между представителями остальных ветвей «Михайловичей», а 10 «выморочных» долей А.И. Казибек с конца XIX в. состояли в ведении местных управлений государственных имуществ. Ветвь Михаила Михайловича полностью вышла из состава владельцев вследствие продажи своих долей. Купец Р.Ф. Гибнер купил у них $2\frac{1}{2}$ доли, столько же перешло к ветви Григория Михайловича, а 80 долей – во владение представителей второй части из рода князей Гагариных.

В этой второй, «верх-исетской», части владения наследников А.И. Яковлева перемены произошли после смерти Ивана Алексеевича Яковлева в Париже 31 марта 1882 г.²⁹ По завещанию, составленному в 1881 г., все его 350 паев Невьянских заводов достались племяннице – княгине Анастасии Александровне Гагариной, дочери

Н.А. Стенбок-Фермор. Ей же с детьми достался петербургский дом дяди (на Михайловской площади, 3) с «картинами, серебром, бронзой и мебелью». Капиталы, процентные бумаги и паи российских и иностранных компаний были внесены завещателем в Государственный банк на имя внука, светлейшего князя Алексея Дмитриевича Салтыкова, сына внебрачной дочери, княгини Елизаветы Ивановны Салтыковой, умершей в 1872 г.³⁰

Вдова отставного гвардии штабс-капитана княгиня А.А. Гагарина умерла 1 декабря 1891 г.³¹ По определению Петербургского окружного суда от 28 февраля 1892 г., ее доли разделили между собой сыновья – полковник лейб-гвардии Гусарского полка князь Александр Петрович Гагарин и ротмистр того же полка князь Дмитрий Петрович Гагарин (по 150 долей), а также дочери – жена церемониймейстера графиня Софья Петровна Гендрикова и княжна Надежда Петровна (позже – графиня Гудович) (по 25 долей).

По воспоминаниям В.Е. Грум-Гржимайло, князь Д.П. Гагарин был выслан Александром III из Петербурга «за какую-то проделку» в уральские имения. «Молодой, красивый, блестящий лейб-гусар, интересный собеседник, он нас очаровал, – писал Владимир Ефимович. – Потом я услышал, что он сильно пьет в Невьянске, потом он переехал в Екатеринбург как председатель земских начальников уезда и, наконец, умер, кажется, застрелился»³². Из некролога известно, что в 1892 г. князь «за болезнью был уволен в отставку с чином полковника и мундиром», а в июле 1893 г. назначен председателем Екатеринбургского уездного съезда. Он скончался 2 сентября 1895 г., а 19 января 1896 г. суд передал все доли Д.П. Гагарина его брату Александру³³. Незадолго до этого, 12 июня 1895 г., в Петербурге была заключена купчая крепость между уполномоченным конкурсного управления над имуществом несостоятельного должника А.Г. Яковлева присяжным поверенным Л.Д. Ляховецким и А.П. Гагариным: 80 паев А.Г. Яковлева в Невьянских заводах достались князю всего за 73 тыс. руб. В результате этой сделки Александр Петрович Гагарин оказался крупнейшим дольщиком Невьянских заводов (380 паев). Но 21 февраля 1903 г. генерал-майор Свиты князь А.П. Гагарин скончался³⁴. По постановлению суда от 26 апреля 1903 г., все его доли перешли к сестрам, каждая из которых стала владелицей крупного пая в 215 долей. Графини С.П. Гендрикова и Н.П. Гудович к 1906 г. и представляли вторую, «верх-исетскую», часть владения Невьянских заводов, сконцентрировав в своих руках 430 долей (или 41%).

Сложной оказалась история владения третьей, «алапаевской», части наследников С.С. Яковлева. Она лишь отчасти соотносится с уже рассмотренной историей владения ими Алапаевскими заводами. В 1882 г. умерла София Сергеевна Манзей; по определению Петербургского суда от 7 сентября того же года, ее 50 долей наследовали сыновья – Константин Николаевич и Николай Николаевич (по 21^{3/7}), дочь – Елена Николаевна Волкова (3^{4/7}) и внуки – Николай Алексеевич Одинцов (3^{3/49}), Елизавета Алексеевна (впоследствии – баронесса Розен) и Мария Алексеевна Окунева (по 2^{5/98}).

В 1889 г. скончались Н.Н. Манзей и Е.Н. Волкова. В октябре того же года доли Н.Н. Манзея поровну поделили его дочери – Софья Николаевна Волкова и Александра Николаевна Манзей (по 10^{5/7}). В списках они назывались «владелицами-собственницами», поскольку, по завещанию отца, их доли находились в пожизненном владении матери – Александры Ивановны Манзей³⁵. Доли Е.Н. Волковой после ее смерти, по судебному определению от 13 октября 1889 г., перешли к ее детям – Михаилу Сергеевичу (мужу С.Н. Манзей), Александру Сергеевичу (по 1^{26/49}), Ольге Сергеевне и Софье Сергеевне (по 2^{5/98}). После смерти М.С. Волкова, по оп-

ределению суда от 20 февраля 1901 г., его долю унаследовал сын Сергей Михайлович Волков-Манзей. По завещанию А.С. Волкова (утверждено 10 августа 1906 г.), его доля перешла к сестре Софии, ставшей владелицей $1^{77/98}$ доли.

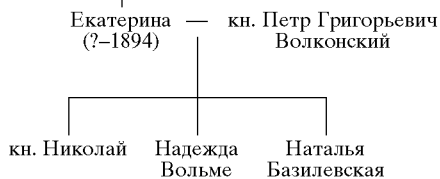
По линии Сабиров первые перемены во владении произошли вскоре после крестьянской реформы, когда по купчей от 25 ноября 1866 г. К.И. Сабир продал свои доли ($14^{2/7}$) В.Н. Рукавишникову. В соответствии с судебным определением от 7 июля 1880 г., $7^{1/7}$ долей умершего И.И. Сабира, с 1864 г. находившиеся в опеке, были переданы его внуку, Александру Михайловичу Сабиру, и из-за малолетства владельца взяты в опеку генерал-лейтенанта А.В. Фрейгата и герцога Н.М. Лейхтенбергского. Если судить по материалам постановления, у генерал-майора М.И. Сабира кроме законного сына была еще и приемная дочь Мария, которой по высочайшему повелению было предоставлено право пользоваться не только фамилией, но и правами состояния «за исключением права наследования родовым имуществом Сабири». Поэтому она не получила доли участия в уральских заводах³⁶.

По определению суда от 12 апреля 1891 г., утвердившего завещание скончавшегося коллежского советника Н.И. Сабира, его доли перешли сыну – Иосифу Николаевичу ($12^{12/49}$) и дочерям – Любви Николаевне Сабир (в замужестве – Положенской) и Вере Николаевне Недошивиной (по $1^{1/49}$). Но, как и в семье Манзей, согласно завещанию отца, все доли находились в пожизненном владении вдовы – Агриппины Ильиничны³⁷.

По линии Авдулиных М.А. Богушевская и В.А. Авдулина по двум купчим, совершенным 16 декабря 1860 г. и 1 июня 1864 г., продали остававшиеся у них доли (по $7^{32/49}$) В.Н. Рукавишникову. После смерти в 1883 г. тайной советницы Марии Алексеевны Мордвиновой наследство в $6^{6/49}$ долей перешло к ее дочери – малолетней Александре Семеновне Мордвиновой (позже – Саловой и Кобзаренко), находившейся под опекой отца.

По линии А.С. Шишмаревой от ее дочери О.А. Олсуфьевой 25 долей перешли В.Н. Рукавишникову по купчей от 3 мая 1865 г.³⁸ Ее сестра А.А. Чернышева (во втором браке – Дурасова) по завещанию, утвержденному к исполнению Петербургским окружным судом 10 декабря 1893 г., передала свои 25 долей дочерям от первого брака – баронессе Марии Федоровне де-Питерс-Игарс (она же – баронесса Байо-де-Гоезе) и княгине Екатерине Федоровне Барклай-де-Толли-Веймарн (по $12^{1/2}$), сохранившим свои доли вплоть до акционирования заводов.

Надежда Сергеевна Яковлева — Михаил Васильевич Шишмарев
(?–1859)

После кончины дочери Н.С. Шишмаревой княгини Е.М. Волконской (завещание утверждено к исполнению 13 сентября 1894 г.) все ее 50 долей достались дочери – жене камер-юнкера Наталье Петровне Базилевской. Из трех дочерей В.С. Альбрехт дольше других сохраняла в своих руках $5^{5/14}$ долей О.К. Рейтерн. После ее смерти в 1898 г. наследником стал сын – генерал-майор Александр Максимо-

вич Рейтерн, но в 1906 г. он еще не вступил в права наследования. От М.К. фон Барановой, по судебному определению от 21 декабря 1893 г., такую же ее долю унаследовала дочь – Ольга Николаевна Попова. Е.К. Трувеллер 2 марта 1896 г. совершила дарственную запись (утверждена 16 июля 1896 г.) на свои $5^{5/14}$ долей в пользу сына – Николая Ричардовича Трувеллера, который с этого времени и числился в списках владельцев Невьянских заводов вместо матери³⁹.

Графиня Е.А. Орлова-Денисова, овдовевшая еще в 1865 г., скончалась в 1898 г. Ее $91^{1/14}$ паев (по исполнительному листу от 17 декабря 1899 г.) перешли по наследству к сыну – камер-юнкеру графу Алексею Федоровичу Орлову-Денисову-Никитину ($78^{3/49}$), дочери – княгине Марии Федоровне Голицыной (в первом браке – графиня Мусина-Пушкина; $6^{99/196}$) и внукам – детям умершей дочери, графини Александры Федоровны Граббе – герцогине Марии Николаевне Лейхтенбергской ($12^{75/2744}$) и графам Александру, Михаилу и Николаю Граббе (по $2^{37/2744}$). Видимо, для того чтобы округлить доли, 24 июля 1901 г. они совершили раздельный акт, в соответствии с которым Алексей Федорович передал своим родственникам $12^{97/98}$ принадлежавших ему долей. Они были распределены между сонаследниками так, что М.Ф. Голицына стала владелицей 12, М.Н. Лейхтенбергская – 2 долей, а братья Граббе получили по 4 доли; у самого А.Ф. Орлова-Денисова-Никитина осталось $65^{1/14}$ доли⁴⁰.

Еще в 1860-е гг. В.Н. Рукавишников к уже имевшимся у него $35^{5/7}$ долям прибавил купленные им части М.А. Богушевской и В.А. Авдулиной ($15^{15/49}$), К.И. Сабирова ($14^{2/7}$) и О.А. Олсуфьевой (25), став в итоге владельцем $90^{15/49}$ долей. После его смерти, по определению Московской судебной палаты от 8 ноября 1883 г., их унаследовали сыновья купца – Иван Васильевич и Константин Васильевич (каждому из них досталось по $45^{15/98}$ долей). По завещанию, утвержденному к исполнению 5 июля 1901 г., доли И.В. Рукавишникова были переданы его сыну Василию ($41^{1273/1372}$) и дочери Елене Набоковой ($3^{309/1372}$).

Таким образом, 26 лиц всех семи линий потомков С.С. Яковлева к концу XIX в. имели отношение к третьей части общего владения Невьянских заводов, удерживая в своих руках $259^{34/49}$ доли. Три наследника купца В.Н. Рукавишникова владели $90^{15/49}$ долями этой части. В целом же в 1906 г. участниками Невьянского долевого товарищества числились 58 пайщиков (в том числе семь умерших и одно учреждение), а крупнейшими дольщиками выступали праправнучки И.С. Яковлева – графини С.П. Гендрикова и Н.П. Гудович. Первая из них, по свидетельству М.К. Детерихса, «была наибольшим и любимейшим другом Государыни Императрицы Александры Федоровны в течение всей ее жизни». «Их связывала глубокая религиозность и преданность учению Православной Церкви о беспредельной любви к ближнему и бесконечном милосердии и терпимости к людям». Дочь Софьи Петровны Гендриковой Анастасия оставалась до конца с царской семьей в память об отношениях императрицы и ее матери и была расстреляна в 1918 г. в Перми⁴¹.

При таком значительном количестве переходов владения «ввод» наследников оказывался не легкой юридической процедурой и, как правило, надолго отставал от перехода прав наследования. Как это зачастую происходило, иллюстрирует случай с О.Н. Поповой. После того как она осталась единственной наследницей своей скончавшейся матери М.К. фон Барановой, управляющий заводами Н.В. Коншин в июне 1894 г. получил предписание Главного правления о «вводе» ее во владение. Но нотариус С.Г. Нейман потребовал доказательств не только родственной связи матери и дочери, но и принадлежности долей самой Марии Карловне. «Это обстоятельство, – разъярялся он, – необходимо доказать при вводе во владение: именно

необходимо представить тот крепостной акт, по которому она сама владела означенными долями – купчую крепость, раздельный акт или хотя бы вводный лист». Управляющий отправил запрос в Главное правление, откуда только в мае 1895 г. поступили «подтвердительные» документы. Но в них оказалось «разноречье»: управляющий просил ввести О.Н. Попову во владение $5\frac{5}{14}$ долями, а присланные документы свидетельствовали, что М.К. фон Баранова получила в наследство от умершего брата М.К. Альбрехта всего $1\frac{11}{14}$ долей. Пришлось разъяснять и доказывать, что помимо доли брата Мария Карловна в свое время унаследовала еще $3\frac{8}{14}$ доли от матери (В.С. Альбрехт), что вместе и составило те самые $5\frac{5}{14}$ долей. На совершение всей этой формальной операции ушло два с лишним года, и это был вовсе не единичный случай. Порой из-за сложности «доказательной истории» на протяжении многих лет некоторые наследники официально не входили во владение, что затрудняло совершение Главным правлением оперативных действий, по закону требовавших согласия всех совладельцев⁴².

Случались между наследниками и споры, и неизбежные вследствие этого длительные судебные разбирательства. Примером тому может служить дело о наследстве полковницы О.А. Яковлевой. Видимо, она умерла бездетной, почему ее $1\frac{3}{7}$ доли владения в Невьянских заводах, доставшиеся от рано умершего мужа, по решению Ярославского суда в 1886 г., унаследовали родственники из нескольких ветвей дворянского рода Варенцовых, к которому по рождению принадлежала сама Ольга Алексеевна. Однако в следующем году ходатайство о признании его наследником подал дворянин Николай Петрович Дружинин, за которым 8 мая 1887 г. тем же судом было признано право на четвертую часть имущества О.А. Яковлевой. Он появился даже в списках совладельцев, однако вынесенное судебное решение опротестовали другие наследники. Суд 25 января 1888 г. основательнее разобрался в этом сложном деле и признал право Н.П. Дружинина только на четверть родового имения Ольги Алексеевны (пустошь Помоха и выкупная ссуда за дер. Тереховку) и денежного капитала в 13 282 руб. Невьянские же доли считались имуществом благоприобретенным и, как утверждали истцы, не могли им наследоваться. Дело затянулось, из-за чего ни Н.П. Дружинина, настаивавшего на своем праве владения, ни других наследников О.А. Яковлевой долго не решались официально ввести во владение⁴³. В 1890-е гг. Н.П. Дружинин все-таки добился своего включения в состав совладельцев (при мизерной – $\frac{5}{14}$ – доле).

В 1896 г. те же наследники О.А. Яковлевой (В.М. Гейне, Н.Д. Варенцов и Е.А. Варенцов) неожиданно через суд предприняли попытку хотя бы на несколько сотых увеличить свои «ничтожные» доли. Видимо, они ошибочно полагали, что у мужа О.А. Яковлевой, полковника Павла Саввича Яковлева, скончавшегося почти за полвека до того, было не 11, а семь братьев. По их расчетам, П.С. Яковлев должен был владеть $8\frac{3}{4}$ долями, а его вдова, имевшая право на седьмую часть наследства мужа, – $1\frac{1}{4}$, а не $1\frac{3}{7}$, как было в действительности. Понятно, что эта попытка успехом не увенчалась, а повлекла за собой лишь новое судебное разбирательство⁴⁴.

Несколько лет тянулась тяжба за наследство княгини Е.М. Волконской, завершившаяся прецедентом, значимым для всех уральских посессионеров. Незадолго до своей кончины в 1894 г. Екатерина Михайловна (прежде находившаяся под опекой из-за расточительности) проживала в купленном ею в 1884 г. в Гатчине за 15 тыс. руб. (как писала княгиня, «на сбережения от моих расходных денег») доме по Николаевской улице. У нее было трое детей (душевнобольной сын Николай Петрович Волконский и дочери Надежда и Наталья). В завещании 1888 г. Е.М. Волконская

оставила свои 50 долей Невьянских заводов, акции Петербургского водопровода и 30 тыс. руб. младшей дочери Наталье Петровне Базилевской; старшей Надежде Петровне Вольме мать оставила только 40 тыс. руб. Остальное свое движимое имущество (проценты с капитала в Государственном банке, от облигаций Санкт-Петербургского городского кредитного общества и Восточного займа на сумму 27,1 тыс. руб.) она передавала в пожизненное пользование статской советнице Марии Сергеевны фон Кубе, а после ее смерти – своей крестнице, дочери Кубе Нине Леонтьевне «по достижении совершеннолетия». В случае же ее смерти это имущество наследовали дети Н.П. Вольме. Гатчинский дом, «все золотые и бронзовые вещи, экипажи и пр.» передавались в полную собственность той же М.С. фон Кубе. Единственного своего сына мать оставила без наследства.

Будучи несогласны с решением суда, утвердившего завещание, опекуны над имуществом и личностью князя Н.П. Волконского Анатолий Курнаков и Петр Волконский подали в Сенат кассационную жалобу. Истцы требовали уничтожить завещание на том основании, что доли в Невьянских заводах являлись перешедшим к Е.М. Волконской от ее матери (племянницы П.С. Яковлева) родовым имуществом, которое закон не разрешал завещать. Пока длилось разбирательство, доли владения умершей княгини были взяты в опеку (по определению Петербургского суда от 30 сентября 1894 г. и решению опеки от 8 ноября того же года). Опекуном первоначально назначили управляющего заводами Н.В. Коншина, а после его увольнения в декабре 1896 г. – нового управляющего В.М. Башкевича (по указу Екатеринбургской опеки от 22 декабря 1897 г.)⁴⁵.

Кассационный департамент Сената 12 мая 1899 г. определил «оставить жалобу опекунов... без последствий». Родовым имуществом было признано только то, что принадлежало владельцу на праве собственности, а не на «особом, основанном на договорном соглашении с казной праве пользования», каковым Сенат счел посессионное владение⁴⁶. Владелицей 50 паяв Невьянских заводов в результате судебного разбирательства осталась одна камергерша Н.П. Базилевская.

Некоторые сложности сопровождали и случавшиеся продажи долей. Так, после смерти С.В. Яковлевой в 1894 г. ее часть унаследовала племянница Т.А. Хомякова. Жена ростовского мещанина решила тут же избавиться от наследства, не приносящего в то время никакого дохода. В 1899 г. между ней и управляющим Невьянским округом А.С. Левитским завязалась переписка об этом. Эмоциональная Татьяна Александровна «именем Бога» просила его «не отказать в содействии и совете», ибо думала, что управляющему «более каждого известно, кому удобнее предложить и кто даст более добросовестную цену». Она сообщала также, что «еще в истекшем году юрисконсульт правления предлагал продать через г-на фон Крузе (члена Главного правления. – *Е.Н.*) ее долю наследникам княгини Гагариной, но цену назначал лишь 1500 руб.» «А ведь это цена, – утверждала просительница, – лишь половина оценочной».

А.С. Левитский отвечал «ее высокоблагородию», что затрудняется определить стоимость пая, поскольку, как писал, «в последние годы получавшиеся прибыли поступали на возобновление заводов после пожара (случившегося в 1890 г. – *Е.Н.*), и впредь, по крайней мере, пять лет заводы будут требовать значительных средств на дальнейшее устройство их, а потому рассчитывать на получение прибылей и в последующие годы нельзя». Управляющий советовал Т.А. Хомяковой согласиться на предложенную ей цену по 1500 руб. за пай, полагая, что такая цена «вполне соответствует современному положению дел в округе». Вместе с тем он не советовал торопиться с продажей и предлагал переждать, «по крайней мере, в течение пяти

лет», пока не завершится проектировавшееся в то время землеустройство мастеровых, после чего стоимость долей владения должна была возрасти.

«Мне лучше было бы продать мои пай теперь, – настаивала в другом письме владелица, – и за ту цену, как Вы цените, и даже несколько уступить, но мне предлагают за все, т. е. за 3½ пая, всего 1500 руб., а ведь это просто безбожно. Если возможно и желаете, то возьмите Вы на себя мои доли. Вам, как человеку доброму, я лучше бы уступила, тем более что доли эти могут быть отчуждаемы». «Уведомляю, – оперативно ответил управляющий, – что принадлежащие Вам 3½ пая в Невьянских заводах я с удовольствием оставляю за собою за 3 тыс. руб.» В то время он как раз собирался по служебным делам в Петербург, где и предполагал получить разрешение в Главном правлении и совершить купчую крепость. Встреча покупателя и продавца, видимо, там и состоялась. Между ними была заключена предварительная «запродажная запись», по которой А.С. Левитский даже уплатил Т.А. Хомяковой 30 руб. задатка. Но в августе 1899 г. в Невьянск пришло сообщение, что купить пай Т.А. Хомяковой «изъявила желание владелица долей имени П.С. Яковлева г-жа Недошивина» за те же 3 тыс. руб. Поскольку по закону у нее было преимущество перед «посторонним покупателем», сделка с управляющим расстроилась. В августе несостоявшийся владелец просил взыскать с жены мещанина хотя бы задаток, не упоминая уже о неустойке в 50 руб., предусмотренной «запродажной записью»⁴⁷.

Однако Т.А. Хомякова, видимо, осталась верна данному слову и отказалась продавать пай В.Н. Недошивиной, поскольку через три года, заручившись согласием Уральского горного управления, все-таки заключила купчую с А.С. Левитским, хотя и всего на два пая по 900 руб. Но нотариус отказался утвердить сделку под тем предлогом, что на нее не было дано разрешения от Горного департамента, как того требовал закон. Когда же управляющий в марте 1904 г. обратился за таким разрешением, департамент потребовал от него «удостоверения о том, что прочие совладельцы Невьянских заводов согласны на продажу означенных долей»⁴⁸. Вряд ли в такой ситуации можно было рассчитывать на скорое согласие; Т.А. Хомякова так и оставалась в составе совладельцев до продажи заводов, а затем получила причитавшиеся ей за 3½ пая 12 акций.

С еще большими сложностями проходила передача назначенных в публичную продажу долей нескольких владельцев-должников, взятых в опеку. Очевидно, что найти покупателей на такие доли было проблематично. Так, по данным за 1860 г., всего лишь на 10 долях умершей статской советницы К.И. Яковлевой «висело» до 186 тыс. руб. частных долгов⁴⁹. Не случайно эти доли так и не нашли нового владельца вплоть до акционирования заводов. Известно, что в 1873 г. от покупки паев отказался опекун над не принятыми наследниками 7¼ долями умершего генерала И.И. Сабира адвокат Н.И. Балакирщиков. «Имею честь заявить, – решительно отвечал он на запрос членов Главного правления, – что означенных частей имущества Сабира оставить за собою по праву опекуна не желаю»⁵⁰. Только через 16 лет после смерти генерала эти пай нашли своего нового владельца в лице его малолетнего внука.

Реконструированная нами история самых «многовладельческих» на Урале Невьянских заводов свидетельствует, что важнейшей задачей, от решения которой зависело развитие округа, являлось создание эффективного механизма управления при значительном, разнородном и постоянно менявшемся составе совладельцев, тем более что ближайший опыт «общего управления» оказался явно неудачным. В конце 1850-х гг. в Петербурге находились два главных правления Невьянских за-

водов: одно действовало в интересах наследников М.С. Яковлева, другое – в интересах объединившихся наследников А.И. Яковлева и С.С. Яковлева. Хотя оба правления располагались в одном месте (в «яковлевских» домах на Васильевском острове по Тучковой наб. на углу Среднего проспекта), но «приказания» и «повеления» отправлялись на Урал каждый раз отдельно. На заводах тоже существовало «двойственное» управление, причем «ярославскую» часть представляли тогда сразу два управляющих от двух групп (должников и не-должников) наследников М.С. Яковлева. Виновниками такого «разлада» считались те же наследники М.С. Яковлева, которые пытались усилить свое влияние в делах Невьянских заводов в корыстных целях: чтобы рассчитаться как с личными долгами, так и с долгами по другому общему их владению – Большой Ярославской мануфактуре, доведенной до финансового краха, а затем и продажи в 1857 г.

Эти и некоторые другие события подтолкнули наиболее ответственных владельцев еще в 1859 г. представить властям проект общего управления, составленный по образцу введенного тогда «Положения...» для Алапаевских заводов. «Убеждены, что по утверждению сего Положения возможно будет устроить управление заводами на твердом основании», – писали члены Общего правления в Петербурге Ф.В. Орлов-Денисов, А.А. Одинцов, М.К. Линденбаум и И.А. Яковлев. «Положение...» было высочайше утверждено 19 января 1862 г.⁵¹ Оно облекло владение Невьянским округом в законную форму паевого товарищества. Механизм функционирования нового управления был в целом традиционен для подобного рода обществ. Особенностью его можно считать лишь трехчастную форму владения, что проявлялось в некоторых важных аспектах управления.

В состав общего имущества тогда были включены уральские заводы и золотые прииски, дома в Петербурге, Екатеринбурге, Перми и «денежный капитал». Вследствие большого количества наследников и «для удобнейшего определения участия каждого владельца в общем имении» оно и было разделено на условные 1050 долей; одна доля принималась «единожды и навсегда при распределении голосов владельцев за неделимую единицу». В Общем собрании владельцев – высшем органе управления имением – участнику, имевшему не более 20 долей, присваивался один голос, при 20–60 долях – два, выше 60 – три голоса.

Собрание созывалось в начале заводского года «для рассмотрения годового отчета и состояния всех сумм» и в ситуациях, «когда действия правления по существу своему должны быть основаны на общем решении владельцев» (при важных организационных переменах на заводах и приисках, продажах или залогах, для утверждения чрезвычайных расходов и др.). Оно признавалось легитимным, если после «троекратной публикации» в «Санкт-Петербургских ведомостях» собиралось не менее $\frac{2}{3}$ «суммы голосов всех владельцев». При том же соотношении голосов принимались и решения на Общем собрании, что позволяло в случае необходимости ограничить влияние какой-либо «части» владения.

Собрание выбирало на трехлетний срок членов и кандидатов в постоянно действующее Главное правление, состоявшее из трех лиц (по одному от каждой части владения), выбранных «из среды самих владельцев или из лиц посторонних». К обязанностям Главного правления «в общем его составе» относились устройство «местного» заводского управления (назначение управляющего и разрешение споров) и наблюдение за его действиями, в частности за «правильным употреблением отпускаемых сумм» и доставкой металлов «сухим путем» на Шайтанскую пристань на р. Чусовой, откуда сплав и продажа продукции осуществлялись уже поверенными владельцев каждой из частей.

В «Положении...» подчеркивалось, что важнейшая обязанность Главного правления – «неупустительное наблюдение, чтобы каждая первоначальная третья часть своевременно снабжала Главную Невьянскую контору следующими на действие заводов и приисков деньгами, согласно со сметным назначением», а в случае «замедления какай-либо частью отпуска таковых денег... делало на счет несправной части займы за указные проценты на всю недоплаченную сумму с обеспечением теми произведениями заводов и приисков, которые к следующей за тем навигации будут изготовлены на долю несправной части». При этом «продажею, залогом и доставкою металлов» задолжавшей части распоряжалось Главное правление «в общем его составе». Но «в обыкновенном порядке» все распоряжения по реализации продукции совершались «отдельно по каждой части посредством избранного ею члена Главного правления... без участия прочих». Вместе члены Главного правления могли заключать также «условия и контракты», «заведовать общим капиталом и всеми вообще делами для успешного и выгодного действия заводов», за что получали в свою пользу «по 4% из прибыли владельцев той части, которой они избраны».

Такие правила организации управления «продержались» шесть лет. Как можно судить по произошедшим в дальнейшем переменам, совершенствования потребовал в первую очередь порядок распределения голосов, поскольку в проигрыше оказались представители тех частей, где было меньше владельцев. Так, наследники М.С. Яковлева получили право на 29 голосов, С.С. Яковлева – на 22, а И.А. Яковлев, единолично владевший 350 долями второй части, приобрел право всего лишь трех голосов⁵². Он, видимо, и стал инициатором перемен.

Новое «Положение об управлении общим имением наследников П.С. Яковлева» с включенными в него изменениями Комитет министров утвердил 29 марта 1868 г. Отныне каждый из совладельцев «имел столько голосов в Общем собрании, сколько имел основных долей». Но для владельцев, при которых «Положение...» «восприняло свою законную силу», было сделано исключение: они получали право голоса, даже если не имели целой доли. В дальнейшем владельцы дробной доли могли получить право голоса, только объединившись с другими участниками. Это изменение уравнило значение всех трех частей владения в Общем собрании. Кроме того, теперь собрание владельцев должно было созываться дважды в год: весной (для рассмотрения и утверждения сметы на будущий операционный год, назначения срока высылки сумм на расходы от каждой из трех частей и разрешения крупных займов) и осенью (для рассмотрения и утверждения отчета за минувший год или дополнительной сметы на текущий год и выделение части прибыли в запасной и оборотный капиталы, на покрытие долгов и в качестве дивидендов владельцам). Частичные изменения, определявшие порядок созыва Общего собрания, были внесены в соответствии с положением Комитета министров от 29 декабря 1878 г.⁵³

Таким образом, новое «Положение...» упорядочило систему управления и сделало принятие управленческих решений легитимнее и оперативнее. Основными действующими лицами паевого товарищества выступали прежде всего выборные члены Главного правления. В текущей заводской документации часто встречаются имена Н.Н. Манзея, назначенного управляющим еще в 1858 г., его брата К.Н. Манзея, мужа их сестры Е.Н. Манзей генерала С.И. Волкова, позже – их сына А.С. Волкова. Скорее всего, это свидетельствует об авторитете среди владельцев Софьи Сергеевны Манзей – старшей представительницы «алапаевской части». В начале 1860-х гг., видимо, значительную роль в управлении играл В.Н. Рукавишников. В одном из конфиденциальных писем за 1863 г. сообщалось, в частности, что «Не-

вьянская контора... немало действует под влиянием г-на Рукавишникова»⁵⁴. Но, возможно, из-за болезни он вскоре отошел от личного участия в делах товарищества, доверив представлять свои пай С.А. Мордвинову, а позже – сыну Ивану. Владелец «верх-исетской части» И.А. Яковлев, прежде сам участвовавший в управлении, также, вероятно, по состоянию здоровья отошел от дел и удалился в Париж, доверив представлять свои интересы в Общем собрании сначала С.И. Волкову и графу Ф.В. Орлову-Денисову (также неоднократно выбирался в члены Главного правления), а позже – В.В. Петрову и купцу М.М. Фирсову. После смерти этого крупнейшего совладельца в правлении участвовали князья Гагарины, а с 1890-х гг. большое значение приобрел нанятый ими кандидат права Ф.М. фон Крузе; кандидатом и членом правления выступал также граф В.В. Гудович.

Фактически бессменным членом Главного правления как до вступления в состав владельцев, так и после него был В.В. Петров, пользовавшийся авторитетом и доверием большинства совладельцев. Когда в 1902 г. он умер, помимо долей владения Невьянскими заводами наследство тайного советника составили всего 455 руб. наличными деньгами и процентные бумаги на 40 707 руб.⁵⁵ Членом правления часто избирали и доктора медицины И.М. Яковлева, который помимо долей Невьянских заводов владел двумя домами в Петербурге (по Моховой ул., 8 и по Тучковой наб., 6). В доме на Моховой он держал квасоваренное заведение «Боярский квас». По сведениям столичного градоначальника за 1905 г., 60-летний Иван Михайлович Яковлев «суду и следствию не подвергался и ни в чем предосудительном замечен не был»⁵⁶.

Материалы нескольких сохранившихся журналов Общих собраний позволяют уточнить степень личного участия многочисленных владельцев Невьянских заводов в принятии решений, а значит, и высшем управлении. Так, на состоявшееся 29 апреля 1864 г. собрание явились всего четверо из 34 совладельцев: П.Г. Яковлев (три голоса), С.В. Яковлева (один голос), Н.И. Сабир (один голос) и О.А. Олсуфьева (два голоса). Никак не отреагировали на опубликованное в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление о собрании М.Н. Бистром, М.М. Янжул-Михайловская, А.С. Яковлев, Н.А. Яковлева, О.А. Яковлева, Е.М. Волконская, В.А. Авдулина и М.А. Богушевская. Остальные владельцы прислали своих уполномоченных из числа родственников (Н.И. Тимофеев выступал от имени жены, А.Н. Тимофеевой, В.В. Петров – от дяди Г.М. Яковлева, тетки А.М. Яковлевой и матери Е.Г. Петровой, С.М. Яковлев – от отца М.С. Яковлева, Ф.В. Орлов-Денисов – от И.А. Яковлева, Н.Ф. Орлов-Денисов – от матери Е.А. Орловой-Денисовой, К.Н. Манзей – от матери С.С. Манзей, Н.И. Сабир – от отца И.И. Сабир, С.А. Мордвинов – от жены М.А. Мордвиновой и В.Н. Рукавишникова, Ф.С. Чернышев – от жены А.А. Чернышевой, С.И. Волков – от теток О.К. фон Рейтерн, Е.К. Трувеллер и М.К. фон Барановой) или посторонних доверенных лиц (В.П. Володимиров – от лица М.И. Яковлева, С.И. Яковлевой и А.И. Яковлевой, М.К. Линденбаум – от К.И. Сабир), вместе имевших 30 голосов. Председателем собрания, на котором было представлено 37 голосов из 54 (или 69%), выбрали генерал-лейтенанта С.И. Волкова, а в состав Главного правления переизбрали действительного статского советника М.К. Линденбаума, наряду с генерал-адъютантом графом Ф.В. Орловым-Денисовым и коллежским советником В.В. Петровым⁵⁷.

Собрание 15 ноября 1871 г. лично посетили лишь В.В. Петров, С.В. Яковлева, Н.И. Сабир и А.А. Дурасова, представлявшие всего 42 голоса из 1050. Совладельцы в основном из первой части, имевшие 295 голосов, были представлены доверенными лицами из числа опекунов и юристов; 512 голосов представляли близкие род-

ственники владельцев (В.В. Петров, Н.И. Тимофеев, С.И. Волков, Н.Н. Манзей, Н.Ф. Орлов-Денисов). В итоге первая часть имела 271 голос, вторая – 350, третья – 186 голосов, что в целом составляло 807 голосов (77%). Собрание вел С.И. Волков; в состав Главного правления переизбрали В.В. Петрова и царскосельского купца М.М. Фирсова (от части И.А. Яковлева)⁵⁸.

На Общем собрании 28 сентября 1881 г. присутствовали В.В. Петров, И.М. Яковлев, В.М. Яковлев, С.В. Яковлева, П.П. Николаенко и Н.И. Сабир. П.П. Николаенко голосовал за себя и четверых своих братьев и сестер; Н.Н. Манзей и Н.Ф. Орлов-Денисов, как обычно, представляли доли своих матерей, Н.А. Попов выступил как доверенный жены и свояченицы. От имени А.А. Дурасовой выступал муж, А.Ф. Дурасов. Опекун М.Я. фон-дер-Вейде представлял 184 голоса Е.М. Волконской, а также еще четырех умерших подопечных, опекун А.В. Фрейгат – семь голосов малолетнего А.М. Сабира. Доверенный М.М. Фирсов имел право на все 350 голосов И.А. Яковлева, а Н.Н. Кафажеев – на два голоса А.И. Насветевича. В сумме 326 голосов первой, 350 – второй и 237 – третьей частей составляли 913 голосов (87%). Председателем этого собрания был Н.Н. Манзей⁵⁹.

Эти сведения, хотя и не полные, подтверждают, что большинство совладельцев лично не участвовали в управлении Невьянским округом, доверив свои голоса в Общем собрании своим представителям – близким родственникам, избранным посторонним лицам или назначенным опекунам. В 1864 г. таковых было 60%, в 1871 г. – 52,2, в 1881 г. – 40% (от общего количества здравствовавших владельцев). Сокращение на треть доли таких совладельцев произошло из-за увеличения количества как вовсе не проявлявших себя владельцев (в 1864 г. их было 26,7%, в 1871 г. – 30,4, в 1881 г. – 40%), так и лично присутствовавших на Общем собрании (в 1864 г. – 13,3%, в 1871 г. – 17,4, в 1881 г. – 20%). Тенденция к расширению состава этих двух групп скорее всего объясняется общим увеличением количества совладельцев в результате дробления долей. Пайщики, особенно мелкие, могли либо не знать о собрании, поскольку жили в провинции, куда не доходили извещения Главного правления (как, к примеру, не объявлявшиеся в течение всех этих лет Н.А. Яковлева и О.А. Яковлева), либо игнорировали собрание, не имея права голоса (как, в частности, четверо Слепцовых, наследовавших всего $\frac{5}{14}$ пая). Заметно, что группа отсутствовавших была представлена в основном женщинами, видимо, не интересовавшимися заводскими делами, хотя бывали и исключения. Так, постоянно являлась на собрание полковница С.В. Яковлева, несмотря на то что имела право всего на три голоса и вряд ли могла влиять на принятие решений.

Среди постоянных участников общих собраний 1860-х – начала 1880-х гг. следует отметить В.В. Петрова и Н.И. Сабира, а также поверенных Н.Н. Манзея и графа Н.Ф. Орлова-Денисова. Эти же лица зачастую представляли интересы и самого крупного пайщика – камергера И.А. Яковлева. Скорее всего, именно они, имея право распоряжаться значительным количеством голосов, и вершили дела по управлению Невьянскими заводами. Показательно, что единственный представитель «верх-исетской» части владения Иван Алексеевич Яковлев всегда проявлял большую ответственность и имел своего представителя на каждом собрании владельцев. Меньшим количеством голосов, как правило, была представлена третья, «алапаевская», часть. Видимо, знатные наследники С.С. Яковлева зачастую манкировали своими «обременительными обязанностями». Значительным было, как правило, представительство самой многочисленной «ярославской» части наследников М.С. Яковлева, которые, вероятно, пытались таким образом повлиять на принятие важных для них решений, обуславливающих распределение доходов. Для многих из

них доли владения Невьянскими заводами были, судя по всему, главным источником существования.

Серьезных перемен в характере управления общим имением не произошло и в начале XX в. Как и прежде, владельцы собирались в «яковлевских домах» на Васильевском острове, что было удобно прежде всего тем из них, кто проживал в столице. Не случайно все 10 совладельцев-учредителей акционерного общества Невьянских заводов были жителями Санкт-Петербурга и его ближайших окрестностей. Вместе с тем, например, Варенцовы совсем не проявляли себя даже посредством передоверения голосов. Известно, что тогда Е.А. Варенцов проживал в с. Бровцынском Путивльского уезда, неприменный член Олонецкого губернского присутствия Д.Д. Варенцов – в Петрозаводске, Н.Д. Варенцов – в Ярославле, а В.М. Гейне – во флигеле Потешного дворца в Кремле. Местом жительства М.Н. Ячевской было село Сергиевское Духовщинского уезда⁶⁰. Очевидно, что даже при желании участвовать в управлении они не могли этого сделать.

Именно поэтому судьбоносное Общее собрание 27 мая 1903 г., принявшее решение об акционировании заводов, посетили всего пять владельцев (К.В. Рукавишников, И.Н. Сабир, А.С. Волков, М.Н. Граббе, И.М. Яковлев), а на экстренное Общее собрание 19 июля 1905 г. удалось собрать всего трех владельцев (И.М. Яковлев, О.К. Кази-Гирей, Л.Н. Положенская), видимо, находившихся в то время в Петербурге. Часть владельцев, как и прежде, представляли их родственники. Так, С.А. Петрова доверяла свои паи дочери Е.В. Стрижевской, Е.И. Набокова – мужу В.Д. Набокову, В.Н. Недошивина – мужу А.С. Недошивину, Р.Ф. Гибнер – сыну Н.Р. Гибнеру. В те годы среди доверенных лиц часто встречались имена статского советника Ф.М. фон Крузе, присяжного поверенного П.Ф. Денике, голландца Г.Л. Схолл-Энгбертса, члена Совета министра путей сообщения тайного советника А.Н. Столпакова. Представляя большинство голосов, эти наемные лица, по всей видимости, и вершили дела Невьянских заводов: в 1903 г. они представляли 586 голосов из 887, а в 1905 г. – 613 из 736. Ф.М. фон Крузе, постоянный представитель сестер С.П. Гендриковой и Н.П. Гудович, совместно имевших право на 430 голосов, оставался в этот период фактически бессменным членом правления и от него в большей, чем от всех остальных, степени зависело принятие решений. Впоследствии несколько представителей владельцев вошли и в состав первых акционеров Общества Невьянских заводов. Так, Ф.М. фон Крузе получил от Н.П. Гудович право на 50 акций, что соответствовало 12½ паям⁶¹. Все это свидетельствует о снижении роли многочисленных совладельцев в управлении заводами и одновременном возрастании значения (и фактически – о доминировании) доверенных лиц нескольких наиболее «значительных» владельцев, проживавших в Петербурге.

Путь к акционированию Невьянского округа при таком составе владельцев был вполне закономерным, но не быстрым. Уже только создание в 1862 г. официально узаконенного общего управления имением наследников П.С. Яковлева сняло несколько острых проблем, предполагавшихся трехчастной структурой владения. Во-первых, «местное многочисленное управление», куда прежде назначались несколько управляющих, сменилось управлением более дееспособным, во главе которого стоял один управляющий, назначаемый общим решением членов Главного правления. О состоянии прежнего управления и насущной необходимости перемен свидетельствуют хотя бы впечатления первого общего управляющего Печатайшикова, который, «прибыв на заводы, нашел их оставленными прежними (тремя. – Е.Н.) управляющими, и никто не передал ему управления, как бы следовало, отчего он должен был все осматривать и узнавать сам непосредственно». Делопро-

изводство было найдено им «в большом беспорядке», отчего «при отсутствии в управлении благонадежных людей он был поставлен в крайне затруднительное положение в самом начале действий своих»⁶².

Важно было и то, что из полномочий общего управляющего попытались изъять все, что могло относиться к делам отдельной части владения, и оставить в его ведении лишь управление целым хозяйством. К сложностям приводил зачастую раздел и сбыт готовой продукции. Отголоски этого – в событии, инициированном графом А.А. Стенбок-Фермором, в тот период лично участвовавшим в управлении Верх-Исетским округом. В 1866 г. он жаловался Главному правлению, что железо марки «Старый соболя», вырабатываемое Невьянскими заводами на часть его дяди И.А. Яковлева, «посылается... значительно грубее, пленистее, короче, менее прямое и не такое ровное, сравнительно с полосами того же железа, которое выделяется другим частям».

Невьянский управляющий Д.В. Заморин на эту претензию не без сарказма отвечал, что для изготовления железа, «представляемого от графа Стенбока свойства», потребовались бы «материалы разного и дурного качества, а руда и чугун, используемые при выделке всего железа, совершенно одинаковы... да едва ли кто и решится на это». Мастера в кричных фабриках, писал он, «обязаны условием выковывать полосы не короче 3½ аршин, при том полосы не должны иметь искривленный вид, выпуклостей, впадин, выбоин выше и глубже одной линии, плен, седин, ребровин продольных, трещин поперечных, разседин на концах». «С такими недостатками, – продолжал Д.В. Заморин, – полосы поступают в брак, а также бракуется железо, не выдержавшее пробы. Брак заводоуправление в караван не отпускает, а употребляет на изделия и на удовлетворение заводских потребностей». «Старый соболя», по его мнению, «отличается превосходством пред железом других заводов... выделка его с каждым годом совершенствуется, покупатели им интересуются, и не было примера, чтобы кто из них... не был доволен своею покупкою». Подтверждением сказанному стала «малая золотая медаль», которой удостоился невянский металл на Московской промышленной выставке 1865 г.

Мнение Д.В. Заморина вполне разделял и В.Н. Рукавишников, которому хорошо была известна рыночная ценность «Старого соболя». «Жалоба графа Штенбока на отпуск на его часть будто бы дурного железа меня изумила, – писал он из Москвы. – Железо для всех трех частей готовится одинаково, и все три части невянского железа продаются одной ценой, одному и тому же Торговому дому Пастуховых, со стороны которого не только претензий на недоброкачественность железа, но и намека о том не было». Во избежание подобных случаев он предложил «во всех трех заводах... железо складывать на три стопы и во избежание напрасного укора предоставить графу Штенбоку любую стопу железа принимать на свою часть... и уже через своего поверенного из выбранной стопы отправлять железо к себе на пристань». После согласования это предложение одобрил И.А. Яковлев, и инцидент был исчерпан⁶³.

Такой «раздельный» порядок сбыта металлов, «издавна принятый» на Невьянских заводах, имел своим следствием финансирование заводов из трех источников, что раньше приводило к задержкам в поступлении денег и частому отсутствию достаточных операционных капиталов в распоряжении заводоуправления. После утверждения «Положения об управлении...» каждая часть по-прежнему самостоятельно снабжала Невьянскую контору такими средствами. Однако теперь Главное правление в Петербурге получило возможность не только следить за этим, но де-

лать займы и осуществлять взаимозачеты между тремя частями, что в целом повысило эффективность механизма финансирования заводов.

До 1862 г. управляющим строго запрещалось «входить в долговые сношения между различными частями» из-за опасения некоторых владельцев, что «подобные ссуды могут быть зачислены за прежние долги». В 1859 г. по просьбе управляющего К.Д. Шугаева такое разрешение было дано, но только для касс частей наследников С.С. Яковлева и И.А. Яковлева. Из-за недоверия к наследникам М.С. Яковлева на их счет было предписано «никаких оборотов по сему предмету не делать»⁶⁴. Но с 1862 г. такая практика распространилась на все части владения, что имело позитивное значение (особенно в тяжелые пореформенные годы).

«Долевое владение» несколько упорядочило и проведение важной для совладельцев операции по распределению доходов. Осеннее собрание владельцев, утвердив отчет за прошедший год, обычно определяло размер прибыли и ту ее часть, которая поступала владельцам. Вследствие «раздельной продажи» железа сумма прибыли для каждой части владения различалась. Так, общая прибыль за «тяжелый» 1862/63 г. в результате продажи железа, золота и сдачи внаем «обуховского дома» в Петербурге составила всего 40 435 руб. За исключением «расходов, отнесенных на счет прибыли» (содержание Главного правления), в доход наследникам М.С. Яковлева отчислили 7366 руб., С.С. Яковлева – 6119, И.А. Яковлеву – 14 218 руб. (в среднем по 26 руб. на одну долю). Тогда эти деньги получили владельцы второй и третьей частей, сумма же, причитавшаяся наследникам М.С. Яковлева, пошла на уплату их долгов⁶⁵.

Установленная в 1871 г. за прошедший заводский год прибыль составила уже 136 364 руб.; ее распределили между частями равномернее: наследникам М.С. Яковлева причиталось 43 490 руб., наследникам С.С. Яковлева – 41 095, И.А. Яковлеву – 51 779 руб. Из этих сумм вычли «вознаграждение» (5454 руб.) членам Главного правления и 11 364 руб. «на новые постройки». Видимо, по решению самого И.А. Яковлева, весь его «чистый доход» поступал в заводскую кассу «на пополнение оборотного капитала». В доход владельцам остальных частей в те годы назначалось, как правило, по 100 руб. за пай или всего по 35 тыс. руб.; остальные деньги поступили «в заводский капитал». Столько в 1871 г. и получили наследники С.С. Яковлева. Но, поскольку за некоторыми наследниками М.С. Яковлева все еще числилось более 40 тыс. руб. долга Ярославскому окружному суду и 7350 руб. – Главному правлению за выданные ссуды, «ввиду чего предвиделся уже недостаток в оборотном капитале», было принято решение «ограничить им выдачу дохода по 30 руб. на долю, всего 10 500 руб.». При этом доход на долю владельцев-должников перечислялся суду⁶⁶.

В 1881 г. Общее собрание определило прибыль в 151 911 руб. (с учетом 76 597 руб. прибыли от продажи железа и 62 765 руб. – от золота), которая после вычета «общих расходов» была распределена на части наследников М.С. Яковлева (54 881 руб.), С.С. Яковлева (44 470 руб.) и И.А. Яковлева (44 738 руб.). «Принимая в соображение полученную прибыль в 1880 г. и состояние кассы в текущем году», Общее собрание постановило «выдать в доход с части наследников С.С. Яковлева по 100 руб. на долю, или 35 тыс. руб., а с части наследников М.С. Яковлева – по 150 руб., или 52 500 руб.» Прибыль на часть И.А. Яковлева вновь «сполна поступала в его кассу». Как можно судить по сохранившимся распискам, на долю, в частности, Н.А. Яковлевой тогда пришлось 900 руб. Она 6 октября известила Главное правление, что уже получила деньги «за вычетом расходов по пересылке». Из Калязина тогда же поступило подобное извещение и от А.Н. Салтыковой. Совладельцы, про-

живавшие в Петербурге, видимо, получали дивиденды сами. В том же 1881 г. (по решению Общего собрания от 4 апреля 1877 г.) Главное правление продало не приносящий большого дохода «обуховский» дом в Петербурге за 245 тыс. руб. С.Л. Кроненбергу. Вырученная сумма была распределена «между всеми владельцами дома, сообразно их участия во владении»⁶⁷.

Тем не менее организация паевого товарищества, упорядочив управление, не стала панацеей от негативных последствий «многовладения». Поскольку каждый из его участников, как считалось, владел частью общего имущества, то какие-либо ограничения, накладывавшиеся на него, оказывались бременем для всего «нераздельного имения». Так, как упоминалось, в 1860–1870-е гг. из прибыли Невьянских заводов уплачивались частные долги наследников М.С. Яковлева. Всего насчитывалось 12 должников (это были наследники С.М. Яковлева, И.М. Яковлева и Г.М. Яковлева, доля которых составляла $138^{132}/_{231}$ паев); сумма долга достигала 324,5 тыс. руб. сер.⁶⁸ Механизм погашения долгов был очень неудобным. По предписанию Ярославского окружного суда, екатеринбургский исправник ежегодно секвестировал железо, принадлежавшее должникам. После продажи этого металла вся вырученная сумма вносилась поверенным в полицейскую часть того города, где состоялась продажа. Туда же отправлялся счет о расходах заводоуправления на следующий год с указанием суммы, причитавшейся на доли владельцев-должников. В соответствии с Горным уставом, из дохода в первую очередь вычиталась и перечислялась на заводы сумма запланированных расходов; остальные деньги переводились не владельцам, а в Ярославский суд для погашения их частных долгов.

По недоразумению, в 1871 г. остаток суммы в размере 5461 руб. был переведен в суд дважды. Просьбы о возврате действия не возымели. Тогда в Главной Невьянской конторе составили «счет расходов» на следующий год, в соответствии с которым сумма заводских расходов была завышена чуть ли не в два раза и превысила возможный доход. Это должно было вызвать перечисление всей суммы вырученных от продажи металлов денег на заводы в обход «несговорчивого» Ярославского суда. Однако исправник не решился без судебной санкции переслать всю сумму на заводы. На срочную депешу управляющего Н.А. Саларева об «экстренном недостатке» денег на заводах суд «ответствовал», что не может «входить в рассмотрение дела по телеграмме». Ни Главное правление, ни губернатор (а к ним за помощью обратился управляющий) не смогли повлиять на позицию суда, который, по отзывам, «по целым годам рассматривал дела». Тогда же член Главного правления В.В. Петров телеграфировал управляющему: «Имея в виду, что за удержанием неправильно свыше 58 тыс. руб. одних только процентов теряется до 300 руб. ежемесячно, не жалеете и не стесняетесь расходами при исходатайствовании о возвращении означенных денег»⁶⁹.

Некоторый резонанс возымело обращение за помощью к главному начальнику уральских заводов И.П. Иванову. «Я, будучи обязанным законом покровительствовать частным заводам во всех частях и отвращать все препятствия помешательству к затруднению заводского действия, – писал он, – считаю своим долгом покорнейше просить окружной суд о распоряжении к немедленной выдаче Невьянскому заводоуправлению сказанной суммы». Из Ярославля пришел наконец отзыв о том, что «суд не встречает препятствий к употреблению денег по назначению». Тем не менее Н.А. Саларев, по его словам, «сделал еще 500 поклонов», прежде чем ожидаемая сумма оказалась на заводах. Это произошло только к концу 1872 г. Нелестных слов удостоились, вероятно, от управляющего и владельцы-должники. Более того, в мае 1873 г. поверенный Н. Мокиевский сообщал, что на Сулемской при-

стани осталось не сплавленным «по случаю побега судорабочих и последовавшего затем обмеления Чусовой» все секвестированное на тот год железо тех же должников, что грозило заводууправлению новыми судебными тяжбами⁷⁰.

Эти частные долги постепенно погашались из заводских доходов, но и это порой сопровождалось казусами. Так, еще в 1868 г. Главное правление подняло вопрос о прекращении выплат по долгам штаб-ротмистра П.Г. Яковлева, поскольку их осталось всего лишь на «весьма незначительную сумму» в 13 719 руб. Но для ее обеспечения Ярославский суд описал все имущество П.Г. Яковлева (учтя и 60 долей в Невьянских заводах) и удержал все доходы с имущества за 1867 г. (24 871 руб.), что оказалось намного выше долговой суммы. Однако на требование вернуть переплату суд ответил, что, в соответствии с ранее принятым сенатским постановлением, присылаемые деньги зачислялись не на счет отдельных должников, а в «общую долговую массу» Яковлевых, откуда «были розданы кредиторам в уплату долгов... почему и возвращать в настоящее время суд в наличности денег не имеет». Отказал суд и в просьбе снять запрещение с имущества П.Г. Яковлева, так как счел, что до окончательного расчета по всем долговым претензиям «по чрезвычайно сложному и далеко не в порядке состоящему долговому делу Яковлевых, заключающемуся более чем из 100 томов», такое предписание сделать не может. Не помогло и обращение членов Главного правления в Горный департамент с просьбой прекратить удержание доходов, необходимых для заводской деятельности. Признав важность «поддержания капитального имения», в июне 1870 г. горные чиновники тем не менее порекомендовали Яковлевым или их Главному правлению «самим войти в соглашение с кредиторами» и урегулировать вопрос, «миновав сей суд»⁷¹.

Решающее значение в преобразовании паевого товарищества в акционерное общество имело во многом судьбоносное для заводов дело о залоге, к которому Главное правление попыталось прибегнуть в финансово трудный 1896 г. Именно тогда вполне проявились все недостатки «долевого владения».

Это был частный залог у графа Андрея Петровича Шувалова (генерала Свиты, сына бывшего начальника Третьего отделения и шефа жандармов графа П.А. Шувалова)⁷², который соглашался выделить Главному правлению 600 тыс. руб. сер. на пять лет на необычном для такого рода сделок условии 8%-го участия в прибыли. Нотариус, поверявший сделку, в этом предполагал даже «совмещение товарищеских отношений». В проекте закладной устанавливалось, что сумма залога распределяется между всеми совладельцами по количеству их долей, как это и следовало из принципа долевого участия. По мере уплаты процентов и основного капитала доли «выходили» из-под залога и сопровождавшего его запрещения на какие-либо операции с заложенным имуществом. В случае неуплаты процентов, граф был «волен сию закладную, где следует явить, и удовлетворение получить, как законы повелевают»⁷³.

Члены Главного правления В.В. Петров и Ф.М. фон Крузе намеревались совершить закладную у нотариуса в Екатеринбурге. Однако когда тот в мае 1896 г. ознакомился с проектом закладной, то отказался ее утвердить. Основные его аргументы заключались в том, что Общее собрание решение о залоге приняло 912 голосами, из которых в «реестре крепостных дел» были зафиксированы владельцы лишь 487 паев. Таким образом, констатировал нотариус, оказались проигнорированы голоса нескольких владельцев и не подтверждены права большинства из них. Он потребовал сначала установить законность прав всех совладельцев «с приложением подтверждающих актов», а также заявил, что закладная может быть утверждена лишь при условии, «если все доли свободны от запрещения».

Эти преграды оказались трудно преодолимыми для Главного правления, поскольку, во-первых, из-за частых перемен в составе владельцев оно не успевало проводить формальные процедуры их «ввода», периодически ограничиваясь составлением лишь общего списка владельцев, и, во-вторых, в то время на имущество некоторых совладельцев действительно было наложено запрещение на осуществление каких-либо сделок. Тем не менее, будучи уверенными, что форма паевого товарищества снимает эти препятствия, члены Главного правления приказали управляющему заводов Н.В. Коншину опротестовать в уездном суде требования главного нотариуса.

В отправленной в суд жалобе Н.В. Коншин пытался доказать, что наличие «Положения об управлении общим имением наследников П.С. Яковлева, имевшего Высочайшую санкцию и составлявшего специальный закон», изымает этих наследников «из-под действия общих законов о правах совладельцев общего имения», которые требовали согласия всех соучастников на совершение имущественного акта, на чем и настаивал нотариус. Управляющий полагал, что закрепленный в «Положении...» порядок принятия решений большинством голосов «делает излишним приведение в известность собственников долей имения и представления актов укрепления» при наличии законного решения Общего собрания. Рассматривая вопрос о роли запретов, Н.В. Коншин утверждал, что, согласно тому же «Положению...», «даже сам владелец доли не может препятствовать залогоу или продаже имения, определенным Общим собранием владельцев, следовательно, тем наипаче, не имеет права тому препятствовать и кредитор, наложивший запрещение на долю, поскольку он никак не может иметь прав на имущество больших, нежели какие самому владельцу присвоены были»⁷⁴.

Видимо, понимая слабость аргументации в отношении отсутствия документально подтвержденных прав многих совладельцев, Главное правление попыталось сначала утвердить полный их список подписью главного начальника уральских заводов. Но тот отказался, поскольку тоже не имел сведений о «вводе» владельцев Невьянских заводов. В такой ситуации не оставалось ничего, кроме как ускоренными темпами провести оформление прав владения «хотя бы для возможно большего числа долей». «Этот крайне длительный и хлопотливый путь... – писал управляющий, – доказывает необходимость изменения Положения об управлении в том смысле, чтобы владельцем имения было признано прямо Общее собрание, т. е. большинство сонаследников, и сонаследники имели бы лишь пай имущества». Член Главного правления Ф.М. фон Крузе сообщал Н.В. Коншину: «Заключение закладной с графом Шуваловым затянулось и... Бог знает, как далеко. Мы просто не знаем, что делать с теми убытками, которые происходят от неутверждения закладной. Каждый потерянный день – это сплошная для нас потеря денег»⁷⁵.

Срочность заставила членов Главного правления прибегнуть к помощи столичных юристов, «не исключая министра юстиции и всей при нем канцелярии», которые, по их собственным словам, были «поражены... взглядами, воззрениями и толкованиями нашего Положения екатеринбургским нотариусом». Подключенный к делу министр юстиции Н.В. Муравьев считал, в частности, что «всякое вообще постановление Общего собрания... если только представляется достоверным, что оно состоялось по указанному в Положении большинству голосов действительных владельцев имения, должно почитаться законно состоявшимся и подлежать приведению в исполнение, из чего, с другой стороны, следует, что препятствием к утверждению крепостного акта на основании такого постановления Общего собрания может служить только запрещение, лежащее на

всем имении по общим делам всех владельцев, но отнюдь не запрещение, наложенное на отдельные доли по личным к их владельцам притязаниям, не относящимся до общего имения»⁷⁶.

Опираясь на эту позицию главы юридического ведомства, поверенный Главного правления пытался доказать в суде, что Общее собрание владельцев помимо прав отдельных владельцев «имеет свои права, несет свои обязанности и в сфере разрешенной ему деятельности может вступать в сношения с третьими лицами через посредство Главного правления, делаясь их контрагентом». «Личность отдельного владельца в данном случае исчезает, – пояснял он, – ибо меньшинство обязано подчиниться большинству... За совокупностью владельцев, а не отдельных лиц должно быть признано значение юридического лица, действующего на основании своего устава самостоятельно и независимо от каждого владельца доли»⁷⁷.

Но последнее слово в этом неожиданно оказавшемся столь сложном деле осталось все-таки за Екатеринбургским окружным судом, даже несмотря на участие министра. К заседанию суда Главное правление смогло, хотя и с трудом, подтвердить законные права большинства совладельцев, принявших единогласное решение о залоге имения. Поэтому постановлением от 4 апреля 1897 г. суд согласился, что принятое большинством голосов решение Общего собрания владельцев, доказавших свои права на имение, имеет законную силу. Но в признании за Общим собранием прав юридического лица, что сняло бы мотив запрещения, истцам было отказано. «Собрание не является особым субъектом имущественных прав, отличным от физических лиц, его составляющих, – утверждал суд, – оно распоряжается общим имуществом владельцев не от своего имени, но как представитель всех совладельцев. Положение об управлении... не упразднило принадлежащих отдельным владельцам вещных прав на имение и не перенесло их всецело на Общее собрание... Отдельные физические лица, а не совокупность их считаются владельцами заводов. Физические лица уступают, продают свои доли, передают их по наследству, утверждают в правах собственности, вводятся во владение, словом, совершают все те действия, в которых проявляют самостоятельное, независимое от воли другого господство лица над вещью, т. е. право собственности. Таким образом, каждый владелец представляется самостоятельным субъектом всех прав, из которых складывается право собственности, а Общее собрание является не самостоятельным субъектом права, не юридическим лицом, а выразителем совокупной воли всех владельцев, их представителем». Проводя разграничение между паевым товариществом и акционерным обществом, суд констатировал, что «пока Главное правление не преобразовано в акционерную компанию, все совладельцы сохраняют вещное право на имение в размере принадлежащих им долей».

Но, полагали члены суда, если даже признать за Общим собранием право юридического лица, оно «не сможет умалить прав, принадлежащих по закону личным кредиторам владельцев» и, следовательно, «запрещение, наложенное на имение по претензиям личных кредиторов владельцев, обязательно и для совокупности владельцев». Отметим, что к тому времени на 74 долях умершего С.М. Яковлева «висели» претензии на 34 496 руб. Запрещение «в обеспечение вотчинных исков» было наложено также на 50 долей уже скончавшейся Е.М. Волконской. Первое взыскание суд предложил «устранять установленным порядком», а второе во внимание не принимать. Нотариусу предписали «утвердить закладную... по устранению запрещений, значащихся на владельцах, поименованных в той закладной, или по взносу Главным правлением денежного капитала на покрытие или обеспечение сих запрещений»⁷⁸.

Видимо, именно в целях покрытия крупного долга С.М. Яковлева его доли владения тогда были изъяты из пожизненного владения вдовы и переданы сестре – Л.М. Жербиной, которая рассчиталась и с другими «несемейными» долгами брата. Некоторые частные долги Главное правление внесло от своего имени, тем самым устранив оставшееся препятствие к заключению закладной. К тому времени, как сообщал Ф.М. фон Крузе, «чтобы несколько облегчить... положение, граф Шувалов согласился выдать впредь тысяч 300». Была составлена новая закладная, которую отправили в Екатеринбург. «О каждом шаге телеграфируйте, – настоятельно просило управляющего Главное правление, опасаясь новых претензий со стороны нотариуса, – так как дело это приняло совершенно необычайный поворот и мы о каждом шаге докладываем г-ну министру»⁷⁹. Получив текст новой закладной и документы, подтверждающие права совладельцев Невьянских заводов, нотариус, видимо, утвердил ее в конце 1897 г. Однако сопутствовавшие этому юридические сложности, имевшие широкий общественный резонанс, и неоднократно высказанное предположение о необходимости реорганизации паевого товарищества в акционерное общество не остались без внимания и владельцев, и Главного управления.

К акционированию владельцев подталкивала и финансово-экономическая ситуация в округе, на которую влияли не только общие для всей отрасли процессы, но и состояние природных ресурсов округа и некоторые драматические события тех лет. К ним можно отнести грандиозный пожар в Невьянске 23 мая 1890 г., уничтоживший более трети гражданских строений и $\frac{2}{3}$ заводских зданий. В критической ситуации, когда металлургическое производство в округе остановилось, заводовладельцы вынуждены были расходовать значительные суммы на восстановление завода и помощь погорельцам (от их имени выделялось от 100 до 300 руб. на семью)⁸⁰. Последствия пожара сказывались на деятельности заводов в течение целого десятилетия; в те годы владельцы вынуждены были отказаться от доходов. При этом возобновление работы завода, по их решению, было сопряжено с его технической модернизацией.

Однако увеличение выделки железа наталкивалось на ограниченные лесные ресурсы округа вследствие не только первоначальной хищнической их эксплуатации, но и многочисленных «переделов» территории округа во второй половине XVIII в. Поэтому еще в 1849 г. законодательно было ограничено производство железа в пределах 240 тыс. пуд. в год, действовавшее до конца XIX в. В 1863 г. из-за этого даже вовсе закрыли Быньговский завод, на землях которого стали разрабатывать золотые россыши⁸¹.

Уже упоминавшийся управляющий Печатальщикова, описывая в 1864 г. заводскую дачу, указывал, что «сплошных лесов там вовсе нет... годный на уголь лес очень разбросан, почему и думать нельзя о правильной его вырубке». «Вообще говоря, – резюмировал он, – Невьянская дача скорее похожа на большой луг, на котором только в некоторых местах попадаются оазы леса»⁸². Еще до крестьянской реформы владельцы просили Министерство финансов наделить заводы лесами, но получили отказ. В 1864 г. Главное правление вновь обратилось в министерство в надежде, что «новое горное начальство будет иметь другой взгляд на это дело и уважит просьбу». Предполагался и вариант аренды леса, подведомственного Министерству государственных имуществ. Так, видимо, и произошло. В 1874 г. это министерство разрешило Невьянским заводам заготавливать уголь в казенной Монетной лесной даче в течение 10 лет по 30 коп. за куб. сажень. Когда же этот срок прошел и Главное правление попыталось заключить новый договор с Лесным департаментом на 20 лет, ему было предложено отпускать из Монетной дачи только

3 тыс. бревен и валежник, якобы из-за необходимости обеспечивать топливом все возраставшее население Екатеринбурга, а уголь заготавливать в Илимской даче за 100 верст от заводов, к тому же еще и за плату в 77 коп.

Управляющий Н.А. Саларев рассчитал, что при этом себестоимость пуда железа поднимется до 1,9 руб., в то время как на Нижегородской ярмарке тот же пуд стоил 1,75 руб. «Предложение Лесного департамента не может быть принято, – сообщал он в Петербург. – Но, с другой стороны, в случае отказа в отпуске угля из Монетной дачи заводы должны быть закрыты». В сентябре 1881 г. Общее собрание владельцев даже приняло непростое решение «в случае отказа Лесного департамента донести министру государственных имуществ о закрытии заводов с 1884 г.» Но тогда этого удалось избежать. Члены Главного правления вместе с чиновниками нашли компромиссное решение топливной проблемы: по данным за 1897–1898 гг., заготовка угля продолжалась как из Невьянской и Монетной, так и частично из Илимской дач⁸³.

Вместе с тем начавшаяся после пожара масштабная реконструкция металлургического производства, позволившая увеличить его почти втрое, заставила искать новые горючие материалы и, в частности, перейти на использование торфа. Опытные плавки с добавлением каменного угля начались в округе только в 1900 г., хотя его разведка велась еще с 1883 г. Управляющий А.С. Левитский сообщал, что обнаруженные тогда копи оказались «мало благонадежными». Позже ему предлагали купить копь «Клара» у станции Богдановичи, но он решил, что заводам выгоднее покупать небольшое количество каменного угля для «прибавления его по два пуда на колошу» и продолжать ориентироваться на древесный уголь и торф⁸⁴.

Это было опрометчивое решение, поскольку покупать уголь «на стороне» оказалось дорого, а «лесопроизводительная» территория самого округа в результате землеустройства местного населения с течением времени все больше сокращалась. В начале XX в. в надел бывших государственных крестьян, издавна проживавших на территории округа, было уже отчуждено 78 017 дес. земли, 60 677 дес. проектировалось в надел горнозаводского населения. В итоге в посессионном владении Невьянских заводов оставалось всего 41 535 дес. земли, что было явно недостаточно не только для развития, но даже и для сохранения производства на прежнем уровне⁸⁵.

Не оправдались надежды и на масштабную продажу чугуна, которого на рубеже веков в Невьянском округе выплавлялось до 1 млн пуд. В декабре 1900 г. управляющий И.И. Тибо-Бриньоль сообщал, что цены на металл упали до 44–47 коп. за пуд, в результате чего продавать его стало невыгодно. «В виду такого угнетенного положения рынка» он советовал Главному правлению «воздержаться от продажи чугуна, если не навернется покупатель по сколько-нибудь сносной цене, хотя бы от 56 до 58 коп., до весны, когда, может быть, положение изменится к лучшему»⁸⁶. Но положение из-за общего кризиса в металлургии только ухудшилось, в результате чего в 1902 г. был остановлен Петрокаменский завод, на грани закрытия находился и доменное производство головного Невьянского завода.

Как сообщалось в записке Главного правления, в такой ситуации владельцам «пришлось ввести новые производства, которые дали бы возможность перерабатывать чугун в более дорогой фабрикат и тем самым покрывать полученные от производства его убытки». В этих целях оборудовали механический завод, где впервые на Урале стали изготавливать драги, первая из которых поступила на собственные прииски. В 1901 г. открыли первый на Урале «труболитейный отдел». Устройство новых производств заставило брать новые ссуды у банков и частных

лиц на сумму 1244 тыс. руб. Общая задолженность округа (с учетом долга А.П. Шувалову) возросла до 1844 тыс. руб. с ежегодным платежом почти 129 тыс. руб.⁸⁷

Однако вполне, казалось бы, разумная диверсификация производства не дала желаемого эффекта. Труболитейное производство существовало, по оценке главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского, в «таком незначительном размере, что действие и этого завода, по существу, должно считать прекратившимся». Видимо, не реализовались и проекты инженеров Н.А. Иоссы и Л. Иллера по производству листового железа. Не выдержала удара промышленного кризиса и механическая фабрика. Еще в 1900 г. А.С. Левитский отказывался от предложения Главного правления «приступить к изданию прейскуранта изделий для рекламы». «В настоящее время, – уверял он, – получаем такое количество заказов для механической фабрики, что едва ли можем справиться с выполнением таковых, и я считаю совершенно лишним нести расходы на рекламирование, когда мы и без рекламы сплошь и рядом находимся в затруднении назначить сроки для исполнения заказов»⁸⁸. Но и в этом управляющий ошибся, поскольку крупные заказы вскоре прекратились. Изготовление драг было тогда переориентировано на прииски Сибири, где В.А. Гендриков и В.В. Гудович предполагали создать крупное Федоровское золотопромышленное общество⁸⁹.

Вследствие этого, по свидетельству Главного правления, на складах скопилось до 1,3 млн пуд. чугуна. «Крайний недостаток в оборотных средствах не дал возможности употребить этот чугун для собственной дальнейшей переработки и, несмотря на сильное понижение цен на него и невыгодные условия продажи при современном застое в торговле и промышленности, владельцам пришлось продать весь остаток чугуна, что дало около 500 тыс. руб. убытка, который еще настолько уменьшил оборотные средства, что продолжать заводское действие даже в половинном размере их производительности без привлечения в дело нового паевого или ссудного капитала явилось чрезвычайно затруднительно, почти невозможно»⁹⁰. В условиях, когда на новые ссуды рассчитывать уже не приходилось, владельцы поспешили акционировать заводы.

На уже упоминавшемся заседании Общего собрания 27 мая 1903 г. под председательством К.В. Рукавишника был заслушан доклад Главного правления (в его состав тогда входили Ф.М. фон Крузе, А.С. Волков, И.М. Яковлев) «о передаче Невьянского горнозаводского имения путем отчуждения акционерному обществу», проект устава которого тогда же был внесен на обсуждение владельцев. Предполагалось продать имение обществу за 2175 тыс. руб., учитывая долг по залогу А.П. Шувалову в 600 тыс. руб., который полностью переводился на «покушника». Остальные 1575 тыс. руб. акционерного капитала разделялись на 6300 акций по 250 руб. и распределялись между всеми совладельцами (из расчета 6 акций на долю). Также было принято решение считать учредителями общества «всех владельцев, участвующих в настоящем постановлении»; остальным предоставлялось право вступить в число учредителей, «буде они пожелают»⁹¹.

Мотивация судьбоносного для Невьянских заводов постановления была изложена в прошении учредителей министру от 20 марта 1904 г. Поверенные С.П. Гендриковой, Н.П. Гудович, М.Н. Граббе, К.В. Рукавишника, И.Н. Сабира, А.С. Волкова, С.А. Петровой, Н.Р. Трувеллера и В.Н. Недошивиной (в 1905 г. в состав учредителей был включен и «пропущенный» в первом списке И.М. Яковлев) сообщали, что применение «Положения об управлении...» 1868 г. «представляет в настоящее время значительные неудобства», поскольку оно «при существующих условиях сбыта чугуна и железа» не дает возможности «обеспечения пред-

приятно правильного притока необходимых для него оборотных средств». Существовавшее «Положение...» «открывало к удовлетворению потребности в оборотных средствах только два пути... взносом их самими совладельцами... и использованием сторонним кредитом». «Если принять в расчет, – полагали учредители, – что паи на владение имением наследников П.С. Яковлева весьма раздроблены, что значительная часть этих паев состоит в собственности лиц, по тем или иным основаниям не имеющих возможности помещать свои денежные средства в обороты заводов, что упомянутые паи на бирже не котируются и что переход долей... из одних рук в другие... связан с исключительными затруднениями при малейших неблагоприятных колебаниях в настроении железного рынка, то необходимо признать такой порядок пополнения оборотных средств... совершенно не отвечающим нуждам промышленного дела». «Пользование кредитом на залоговом праве» также представляло «немалые затруднения по недостатку лиц, желающих поместить свои средства под залог заводов». «Поэтому для пользования этим кредитом приходится принимать как в отношении сроков, так и в отношении размера кредита и процентов условия крайне тяжелые для предприятия», – сообщали совладельцы. «Исходя из приведенных соображений и необходимости в ближайшее время приступить к реорганизации главных отраслей производства Невьянских заводов», Общее собрание 27 мая 1903 г. «пришло к единогласному заключению, что наилучшим способом решения указанного вопроса является переход к акционерной форме владения предприятием, подобно тому, как это было сделано для Кыштымского горнозаводского имения»⁹².

Одна из владелиц, В.Н. Недошивина, позже писала: «Эта сделка в то время представлялась возможной для обеих сторон: новое общество получало за свои 2962 тыс. руб. (1575 тыс. руб. с прибавлением суммы общего долга Невьянских заводов в 1387 тыс. руб. на 1 января 1903 г. – *Е.Н.*) столетнее дело с хорошей фирмой и с имуществом, оцененным в 2438 тыс. руб. (актив на 1 января 1903 г. – *Е.Н.*), что нельзя считать дорогой ценой; владельцы же получали за свои доли несколько выше балансовой оценки их имущества, что точно также представлялось не безвыгодным». Но в марте 1904 г. доверенный Н.П. Базилевской тайный советник А.Н. Столпак предложил, чтобы владельцы получили не по 6, а по 4 акции на долю. Оставшиеся 2100 акций на сумму 525 тыс. руб. предполагалось «реализовать путем подписки между лицами из желающих приобрести акции». «Эта комбинация, – писала В.Н. Недошивина, – еще более увеличивала выгоды акционерного общества, так как все предприятие оно приобретало бы за 2437 тыс. руб.» Новое собрание владельцев утвердило это решение, воспроизведенное затем как одно из положений устава акционерного Общества Невьянских горных и механических заводов наследников П.С. Яковлева, который был ратифицирован императором 19 ноября 1904 г. «Полученные за имущество акции распределяются между владельцами Невьянского горнозаводского имения соразмерно и взамен принадлежащей каждому из них доли участия в уступленном им Обществу имуществе», – констатировалось в уставе. Но «взамен передаваемого Обществу имущества» им же разрешалось «получить акции общества по нарицательной цене в числе, определяемом по взаимному их соглашению с первым Общим собранием акционеров, с оплатой этих акций взамен денег, упомянутым имуществом»⁹³.

Однако следующий шаг – «переукрепление» имущества между бывшими владельцами и Обществом посредством подписания купчей крепости – совершен не был. Этому воспрепятствовала та же В.Н. Недошивина, подавшая 3 февраля 1905 г. заявление в Главное правление (автором его, скорее всего, был ее опытный

в подобных делах муж А.С. Недошивин). «В последнее время дела Невьянских заводов сильно изменились к худшему... вследствие низкой цены на товары», – констатировала владелица. К 1 января 1905 г. заводский капитал сократился почти в два раза – до 580 тыс. руб. «Разрываясь между двумя своими ролями» – продавца и покупателя заводов, она сочла для себя более безопасным отказаться от акционирования. «С точки зрения покупателей, – писала Вера Николаевна, – согласиться даже на вторую комбинацию, предложенную доверенным г-жи Базилевской, не представляется возможным, так как это значило бы купить за 1000 руб. имущество, которое заведомо стоит всего 552 руб. ... Покупателям должно быть ясно, что предприятие, в два года потерявшее половину своего основного капитала, не может сулить особых выгод... в виду чего самое большее, что могут уплатить учредители, – это по две акции за долю, т. е. по 500 руб. ... Что касается владельцев заводов, то согласиться на продажу своего участия по 500 руб. на долю, да еще акциями, когда еще так недавно, менее двух лет тому назад, правление нас уверяло, что стоимость доли определена в 1500 руб., можно только в том случае, когда владелец может иметь полную уверенность в существенной выгоде от этого для предприятия. На самом же деле при настоящем положении вещей выгода эта представляется весьма сомнительной». «Как владелица», В.Н. Недошивина заявляла о несогласии на «продажу своего участия за акции общества», а «как учредительница», считала невозможным оценивать заводы дороже 525 тыс. руб. «К такому решению я пришла в виду той нравственной и юридической ответственности, которая лежит на учредителях пред будущими акционерами и самим делом», – утверждала она, требуя созвать экстренное заседание Общего собрания⁹⁴.

Собравшись 19 июля 1905 г., владельцы действительно признали невозможным переход к новой форме владения на прежних условиях. «Продолжающаяся война и затруднительное положение уральской промышленности, – было записано в постановлении, – устранили возможность найти капиталы для реализации акций на 525 тыс. руб. ... Между тем переход дела в акционерную форму представляется... крайне необходимым в видах упорядочения организации предприятия и владения его паями». Решение о денежной реализации акций отменялось, а за «переуступленное» имущество назначалась цена в 1050 тыс. руб. (с учетом 650 тыс. – за все недвижимое и 400 тыс. – за движимое имущество округа)⁹⁵.

Финансовое положение Невьянских заводов в это время казалось настолько безнадежным, что в начале 1906 г. участники «алапаевской» части владения решились совсем отказаться от своих прав в пользу С.П. Гендриковой и Н.П. Гудович. Гофмейстер В.А. Гендриков 12 января того года просил разрешения у Горного департамента на эту сделку. Уже на следующий день департамент ответил согласием, но купчая не была подписана до завершения акционирования, в результате чего все 26 представителей «алапаевской» части остались в составе последних владельцев и оказались среди первых акционеров⁹⁶.

Заключительное Общее собрание владельцев 12 апреля 1906 г. уполномочило членов Главного правления Ф.М. фон Крузе и И.М. Яковлева подписать купчую на предложенных условиях. Через две недели, 25 апреля 1906 г., состоялось первое Общее собрание нового акционерного общества, избравшее директорами правления коллежского советника Е.П. Сверчкова, Г.Л. Схолл-Энгбертса и титулярного советника Н.А. Столпакова. На совещании 18 июля они заключили окончательное соглашение, а 13 ноября 1906 г. подписали купчую крепость. Невьянские заводы были проданы за 1,1 млн руб. (с учетом 450 тыс. руб. оставшегося долга А.П. Шувалову). «Означенные заводы, фабрики и промыслы, – констатировалось в куп-

чей, – за последние 10 лет дохода за вычетом издержек... на содержание их и производство работ не приносили»⁹⁷. Последним актом в истории владения Яковлевыми старейшими на Урале заводами стало прошение о полугодовой отсрочке утверждения купчей «в виду большого числа совладельцев, из которых многие жили вне пределов империи, и трудностью вследствие этого собрать владельческие документы»⁹⁸. Характерное для Невьянского округа в XIX – начале XX в. «многовладение» в очередной раз напомнило о себе.

Как можно судить по списку, составленному к Общему собранию 28 декабря 1906 г., членами Общества оказались тогда 69 акционеров, включая Управление государственных имуществ Петербургской и Псковской губерний, за которым были закреплены 40 акций в счет «выморочных» паев А.И. Казибек. «Ярославскую» часть владения наследников М.С. Яковлева представляли 25 его потомков (были учтены и шестеро к тому времени уже скончавшихся). Среди них оказалась и Е.В. Стрижевская, которой ее мать С.А. Петрова передала одну акцию. Скорее всего она же передала одну акцию и Е.П. Сверчкову, а Н.В. Яковлев – 25 своих акций отдал (или продал) В.Л. Рогожникову. Всего этой группе наследников принадлежало 1013 акций. Николаю Рудольфовичу Гибнеру от отца перешли 10 акций. «Верх-исетской» части в лице сестер С.П. Гендриковой и Н.П. Гудович принадлежало 1604 акции. Часть своих акций Н.П. Гудович передала В.В. Гудовичу и И.Э. Муромцеву (по 25), а также ее постоянному представителю Ф.М. фон Крузе (100). За 26 наследниками С.С. Яковлева числились 1001 акция. Из них Н.П. Базилевская передала по 20 акций А.Н. Столпакову и Н.А. Столпакову, а В.Н. Недошивина по одной акции – мужу А.С. Недошивину, Г.Л. Схолл-Энгбертс и П.Ф. Денике. С.Н. Волкова передала одну акцию своему поверенному Н.П. Асееву. Трем представителям рода Рукавишниковых принадлежали 359 акций. Крупнейшими акционерами, таким образом, выступали С.П. Гендрикова (852 акции), Гудовичи (777), С.А. Петрова (316), А.Ф. Орлов-Денисов-Никитин (260), М.Ф. Жербин (234), К.В. Рукавишников (180), В.И. Рукавишников (167), Н.П. Базилевская (160) и И.М. Яковлев (128). Остальные акционеры владели небольшим количеством акций (от одной до 86)⁹⁹.

По данным Ю.А. Буранова, в 1909–1910 гг. С.П. Гендрикова и Гудовичи распоряжались уже 2350 акциями Невьянского общества, купив какое-то их количество, как и планировалось, у нескольких представителей «алапаевской» части. Не имея достаточных собственных средств для подъема горнозаводского хозяйства, главные акционеры поддерживали его деятельность в основном ссудами Государственного и коммерческих банков. По сведениям И.Ф. Гиндина, происходило это под давлением царского Двора, где граф В.А. Гендриков занимал высокую должность обер-церемониймейстера. Когда к 1911 г. долги достигли 4 млн руб., кредиторы инициировали учреждение Администрации по делам Общества Невьянских заводов наследников П.С. Яковлева. Антикризисное кредиторское управление «принимало в свое заведование и распоряжение все дела Общества, где бы таковые не находились и в чем бы они не заключались», и обязывалось «продолжать операции Общества сообразно цели, указанной в уставе, но в том размере, в каком... администраторы найдут это выгодным для дела». Акт уполномочия в марте 1911 г. подписали В.В. Гудович и В.А. Гендриков, а также представители Государственного и Петербургского частного коммерческого, Петербургского учетного и ссудного, Сибирского торгового, Варшавского коммерческого, Русско-Азиатского и Соединенного банков. Участвовал в подписании и представитель княгини Елизаветы Карловны Кантакузиной – графини Сперанской, также вовлеченной в частное спонсирование Общества. Семьям Гендриковых и Гудовичей гарантировалось по 40 тыс. руб. годового содержания¹⁰⁰.

В состав администраторов были избраны от Государственного банка барон П.А. Бер, от разных коммерческих банков – горные инженеры С.И. Литтауэр и С.Я. Виткинд, присяжные поверенные Н.Б. Глазберг, Л.С. Каган, И.М. Эйзен, инженер Л.П. Марк. Председателем стал граф В.А. Гендриков. Новые ассигнования позволили уже в декабре 1911 г. пустить остановленные в 1905 г. домны Невьянского завода. Для погашения долгов администрация с помощью Государственного банка осуществила финансовую реорганизацию Невьянского общества, заключавшуюся в выпуске новых акций на сумму 6,5 млн руб., за счет которых и оплачивались долги. На чрезвычайное заседание Общего собрания акционеров 28 мая 1913 г., где было принято решение одобрить реорганизацию и прекратить деятельность администрации, из бывших совладельцев явились Н.В. Яковлев (имел пакет в 100 акций) и М.Ф. Жербин (234 акции). Е.В. Стрижевская выступала за себя (27 акций) и мать, С.А. Петрову (291 акция), И.М. Яковлев – за себя (128 акций), К.И. Яковлеву (40 акций) и по доверенности П.А. Пожидаева (23 акции). Семьи Гендриковых и Гудовичей были представлены 1265 акциями. Их родственник князь П.Б. Щербатов владел 420 акциями, еще 100 акций находились под его опекой.

«Акционеры со вниманием следили за деятельностью Администрации и в настоящее время полагают, – было записано в постановлении, – что благодаря ее трудам дело выяснилось настолько в техническом и торговом отношениях, что, по-видимому, настало время дать Обществу возможность вновь возвратиться к нормальной деятельности и снять Администрацию». Петербургский коммерческий суд 14 июня 1913 г. предписал закрыть кредиторское управление «ввиду восстановления дел Общества»; на следующий день прежнее Главное правление приняло округ «в свое распоряжение». Его председатель П.Б. Щербатов уступил свое место представителю Варшавского банка Г.С. Шампаньеру. Директорами правления избрали в основном бывших же администраторов В.Д. Ильина, И.М. Эйзена, С.Я. Виткинда, С.И. Литтауэра, который был назначен директором-распорядителем¹⁰¹. В составе правления, таким образом, не оказалось ни одного лица из бывших владельцев. Тогда же изменилось и название Общества (из него было изъято упоминание о наследниках П.С. Яковлева).

По данным за 1917 г., из 65 тыс. новых акций Гендриковым принадлежало 5758 шт. (8,9%), Гудовичам – 6378 (9,8%). Крупнейшие пакеты акций были закреплены за Сибирским торговым (11 993 акции) и Государственным (11 442 акции) банками. Поскольку числившиеся за двумя графскими семьями долги не покрывались их акциями, банки-кредиторы предполагали изъять их в свою пользу, но дали акционерам очередную отсрочку до 9 марта 1919 г.¹⁰² В декабре 1917 г. округ, где тогда функционировали Невьянский чугуноплавильный завод, а также построенный в 1914 г. цементный и возведенный в 1917 г. снарядный заводы, был национализирован.

* * *

Итогом владения многочисленными наследниками С.Я. Яковлева тремя горно-заводскими округами на Урале стало их акционирование в начале XX в. по образцу закрытых обществ, участниками которых становились сами бывшие владельцы. Но постепенно в акционерных обществах Верх-Исетских, Алапаевских и Невьянских заводов главенствовать стали крупные коммерческие банки. Такова оказалась цена развития заводов в новых экономических условиях.

¹ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 823. Л. 12.

² Там же. Д. 524. Л. 167–170 об.

³ Там же. Л. 224–225.

- ⁴ Там же. Д. 125. Л. 59–60; Д. 64. Л. 192–193 об., Л. 233–234, 240; Д. 823. Л. Л. 6–12, 28–32, 39–40; Ф. 24. Оп. 19. Д. 402. Л. 16–19; РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 161–165.
- ⁵ Там же. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 24–30.
- ⁶ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4.
- ⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4090. Л. 58–61.
- ⁸ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 67–68.
- ⁹ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 524. Л. 167–170 об.; РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 11–15.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 29–30 об.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 850. Л. 18; Д. 524. Л. 77–80.
- ¹² РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 166.
- ¹³ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 166. Л. 160.
- ¹⁴ Там же. Д. 524. Л. 77–80; РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 82–83.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 524. Л. 218–219; Д. 229. Л. 57–58 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 524. Л. 18.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 98–99.
- ¹⁸ Там же. Л. 112, 113.
- ¹⁹ Там же. Л. 151–152.
- ²⁰ Там же. Л. 161–165; Ф. 37. Оп. 68. Д. 46. Л. 17, 37.
- ²¹ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 229. Л. 79; Д. 524. Л. 77–80.
- ²² РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 79–81.
- ²³ Там же. Л. 132.
- ²⁴ Там же. Л. 170.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 822. Л. 11–12.
- ²⁶ Там же. Д. 850. Л. 39, 42.
- ²⁷ Там же. Д. 524. Л. 152, 167–170 об.
- ²⁸ Там же. Л. 218–219.
- ²⁹ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 172–173.
- ³⁰ *Губастов К.А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 2003. С. 177.
- ³¹ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 102–103.
- ³² *Грум-Гржимайло В., Грум-Гржимайло С.* Секрет счастливой жизни. Екатеринбург, 2001. С. 32.
- ³³ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 109–110; Екатеринбургская неделя, 1895. № 36 (10 сентября). С. 697. Автор признателен В.П. Микитюку за возможность воспользоваться этим источником.
- ³⁴ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 159.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 524. Л. 77–80.
- ³⁶ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 57–58.
- ³⁷ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 524. Л. 77–80.
- ³⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1160. Л. 1.
- ³⁹ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1055. Л. 2; РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 128–129.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 161–165.
- ⁴¹ Цит. по: *Друзин М.В.* Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX в.: опыт типологии отношений // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. СПб., 2008. Вып. 4. С. 148.
- ⁴² ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1046. Л. 1, 5–6, 8, 19, 146–147.
- ⁴³ Там же. Д. 1045. Л. 1, 2, 5, 20, 37–38.
- ⁴⁴ Там же. Д. 524. Л. 195–196.
- ⁴⁵ Там же. Д. 822. Л. 9–10, 13.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 145, 149; Ф. 37. Оп. 67. Д. 394. Л. 1–2.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 850. Л. 29, 31–34, 42–43.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1235. Л. 2, 3, 5.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 206. Л. 5.

- ⁵⁰ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 64. Л. 183, 189.
- ⁵¹ ПСЗ-П. Т. 37. № 37882.
- ⁵² ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 524. Л. 37–39.
- ⁵³ ПСЗ-П. Т. 43. № 45662; ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 524. Л. 172.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 64. Л. 53–54.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 151–152.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 23. Оп. 25. Д. 419. Л. 129.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 125. Л. 59–60, 61, 65–74 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 166. Л. 167–168.
- ⁵⁹ Там же. Д. 229. Л. 60.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 4. Л. 114, 119, 121, 124, 126.
- ⁶¹ Там же. Ф. 23. Оп. 25. Д. 419. Л. 39–40, 85, 228–230 об.
- ⁶² ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 125. Л. 23.
- ⁶³ Там же. Д. 142. Л., 1–2, 5–6, 8–9, 11.
- ⁶⁴ Там же. Д. 83. Л. 1–2, 12–13, 16–16 об.
- ⁶⁵ Там же. Д. 125. Л. 9–16.
- ⁶⁶ Там же. Д. 166. Л. 15.
- ⁶⁷ Там же. Д. 229. Л. 48, 56, 64–65, 79, 84, 85.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 206. Л. 5–6; Ф. 78. Оп. 1. Д. 169. Л. 1–2, 10.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 169. Л. 10, 31, 67, 79 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 96–97, 100, 109.
- ⁷¹ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4090. Л. 1–6 об., 23–24 об., 44–45 об.
- ⁷² *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 763.
- ⁷³ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 823. Л. 6–12.
- ⁷⁴ Там же. Л. 35–36; Д. 524. Л. 82–84 об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 823. Л. 1, 3, 13–14, 35–36; Д. 524. Л. 210–211.
- ⁷⁶ Там же. Д. 524. Л. 188–189.
- ⁷⁷ Там же. Л. 130, 188–189.
- ⁷⁸ Там же. Л. 152, 164–170.
- ⁷⁹ Там же. Л. 210–211, 212–213.
- ⁸⁰ *Белобородов С.А.* «Шумел-горел пожар...» Невьянский (невьянские «огненные разорения» и большой пожар 1890 г.) // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы. Екатеринбург, 2001. С. 225–235.
- ⁸¹ *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 97.
- ⁸² ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 125. Л. 23–32 об.
- ⁸³ Там же. Д. 229. Л. 54–55, 69; Д. 710. Л. 209–210.
- ⁸⁴ Там же. Д. 850. Л. 166–167, 174–175.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1282. Л. 63.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 850. Л. 210–211.
- ⁸⁷ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1906. Ч. I; СПб., 1907. Ч. II. С. 3–11.
- ⁸⁸ ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 850. Л. 101, 115.
- ⁸⁹ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 135, 138.
- ⁹⁰ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1. С. 3–11.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 419. Л. 39–40.
- ⁹² Там же. Л. 1–3.
- ⁹³ СУиРП. 1905. Отд. 2. Ст. 7.
- ⁹⁴ РГИА. Ф. 73. Оп. 1. Д. 71.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 23. Оп. 25. Д. 419. Л. 84, 85, 134.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1348. Л. 1, 6.
- ⁹⁷ Там же. Д. 1518. Л. 21 об.–30.

⁹⁸ Там же. Ф. 23. Оп. 25. Д. 419. Л. 212.

⁹⁹ Там же. Л. 228–230 об.

¹⁰⁰ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 138–139; Гиндин И.Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX – начала XX в. // Исторические записки, 1968. № 82. С. 146; РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 487. Л. 8–11.

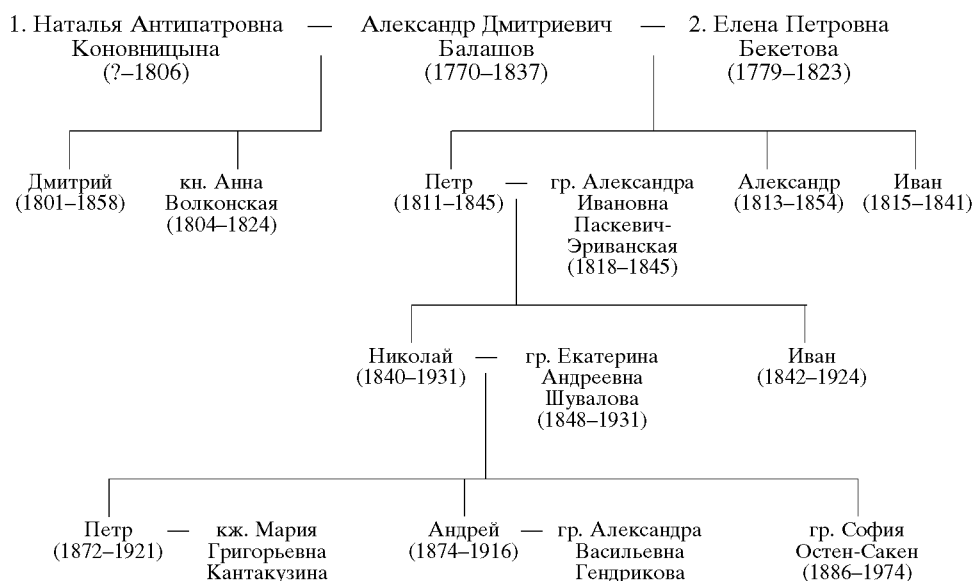
¹⁰¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 419. Л. 263, 292, 293, 304.

¹⁰² Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 218–220.

3. ПОТОМКИ И.С. МЯСНИКОВА

Многочисленные потомки симбирского купца И.С. Мясникова, принадлежавшие к трем женским линиям, к 1861 г. владели родовыми железоделательными и медеплавильными заводами на Южном Урале. Линию И.И. Бекетовой представляли наследники ее зятя А.Д. Балашова, владельцы Симских заводов, линию Д.И. Пашковой – две мужские ветви Пашковых, владельцев Белорецких, Воскресенского, Верхоторского, Богоявленского и Преображенского заводов, а также женская линия Дашковых – владельцы Благовещенского завода. Линию Е.И. Козицкой представляли ее потомки по двум женским же линиям: Коссаковские, Сухожанеты и Белосельские-Белозерские, владельцы Архангельского, Юрюзанских и Катавских заводов.

3.1. Балашовы

Симский горнозаводский округ в составе Симского чугуноплавильного и Минь-ярского железоделательного заводов в 1830 г. был куплен экс-министром полиции А.Д. Балашовым у свояка И.П. Бекетова и с тех пор находился во владении этого известного дворянского рода. После смерти отца его сыновья – подполковник Дмитрий, поручик Петр, капитан Александр, поручик Иван – 25 ноября 1837 г. совершили раздельный акт, в соответствии с которым уральское имение с 3240 рев. душами досталось трем сыновьям, родившимся во втором браке А.Д. Балашова с Е.П. Бекетовой. На них же был переведен долг Государственному банку по залогу Симского округа, осуществленному еще до его покупки в 1828 г. После гибели на Кавказе в 1841 г. бездетного Ивана его третья доля владения должна была перейти к Петру и Александру в равных частях. Однако еще при жизни Ивана между братьями был заключен «домашний акт», по которому $\frac{2}{3}$ всего нераздельного имения доставались Александру и только $\frac{1}{3}$ часть – Петру. Это условие, вызванное, судя по всему, долгами старшего брата, было включено в завещание И.А. Балашова (засвидетельствовано 9 сентября 1841 г.) и подтверждено завещанием П.А. Балашова, составленным еще до раздела наследства в январе 1843 г. в Риме.

Проходя там лечение, камергер Петр Александрович Балашов писал: «Хотя все мое родовое и благоприобретенное имение принадлежит мне обще с братом моим Министерством иностранных дел титулярным советником Александром Александровичем Балашовым и хотя мы до сих пор законного раздела не учинили, однако между нами положено с общего согласия, кому какая часть должна принадлежать и на каком основании раздел должен быть совершен, а потому во всякое время совершение раздельного акта может быть приведено в исполнение без всякого замедления... Я считаю по совести такой раздел совершенно справедливым, законным и основанным на расчетах, бывших у меня с братом и посредством сего раздела совершенно конченных. Если бы неожиданный и скорый отъезд мой за границу не поставил нас в невозможность его исполнить немедленно, раздел сей был бы уже совершен; но необходимость заставила нас отложить его до возвращения моего. А как Господу Богу одному известен предел жизни нашей, то на всякий случай написал я сие завещание, исполнив тем священный долг, и я умоляю и заклинаю любовью ко мне жены моей и брата моего не тревожить прах мой какими-либо несогласиями по сему предмету и, не доводя ни до судебных, ни до каких-либо других разбирательств, привести или просить Правительство с общего согласия привести раздел сей в исполнение без всяких изменений».

В соответствии с этим согласованным проектом раздела, Петру Александровичу доставались дома в Петербурге и Саратове, имения в Аткарском уезде Саратовской (с. Еленино), Арзамасском уезде Нижегородской (с. Хирино) и Уфимском уезде Оренбургской (с. Подгубово, или Рождественское, и дер. Бекетовка) губерний. Александр Александрович становился владельцем дома в Уфе, а также горнозаводского Симского имения (с с. Илекским) и имений в Шлиссельбургском уезде Петербургской (с. Покровское, или Шапки), Зарайского уезда Рязанской (с. Пальное) и Белевского уезда Тульской (с. Фурлово) губерний. Завещатель распорядился в случае своей кончины передать предназначавшуюся ему долю имений «по равной части» двум своим сыновьям Николаю и Ивану. Жене Александре Ивановне – дочери фельдмаршала князя Варшавского графа И.Ф. Паскевич-Эриванского – в счет $\frac{1}{7}$ «вдовьей» части передавался петербургский дом, оцененный в 500 тыс. руб. асс. (заложенный за 200 тыс. руб.). Ей же завещалось все недвижимое имущество «в серебре, сервизах, мебели всякого рода, лошадях, экипажах и т. п., за исключением лишь некоторых предметов», оцененное в 300 тыс. руб. (включая 100 тыс.

руб., полученных от жены «вскоре после женитьбы»). Из 10 паев Алтайско-Саянского золотопромышленного товарищества по два пая передавались тестю князю Варшавскому и брату Александру, по три – сыновьям. Участие в другом, начатом им самим золотопромышленном предприятии в Восточной Сибири П.А. Балашов делил между женой ($\frac{2}{8}$), братом ($\frac{3}{8}$) и сыновьями ($\frac{3}{8}$). «По случаю промена Ярославского имения жены моей на принадлежащий ей ныне Новгородской губернии Белозерского уезда Никольский железоделательный завод с деревнями, – сообщал завещатель об еще одном крупном семейном владении, – приплачено мною из собственных денег 70 тыс. руб. сер., каковую сумму жена должна детям своим с расчетом по 5% в год со дня кончины моей по день уплаты долга».

Оставляя жене все движимое имущество, Петр Александрович просил ее «сие принять в виде памяти от друга и мужа, горячо ее любившего». Передаваемые брату некоторые «родительские вещи» должны были «служить изображением бывших между ними отношений, кои по милости Божией ни на одну минуту и ни в каком случае никогда ни малейшее не помрачали свыше посланный дар истинной братской любви, друг друга нас утешавший в сей жизни». Сыновьям была завещана библиотека; по причине их малолетства назначены опекуны в составе матери, деда – фельдмаршала И.Ф. Паскевич-Эриванского и дяди – А.А. Балашова. «Если по подании братом прошения, которое, я уверен, будет совершено согласно с изображением последней моей воли, Правительство затруднится привести в исполнение сего раздела, то я душеприказчиков прошу моих просить Государя Императора о Всемиловейшем утверждении сего духовного завещания во всей полноте», – написал П.А. Балашов в своей духовной¹.

«Если бы до смерти Петра Александровича раздел имений не был совершен... – свидетельствовал В.Е. Самарский-Быховец, в то время полковник Корпуса горных инженеров и доверенное лицо Балашовых, – то его надлежало бы сделать на основании духовного завещания 1843 г., и тогда по действительной стоимости имений на часть Александра Александровича поступило бы оных на 6 840 тыс. руб., а на часть наследников Петра Александровича – на 2 050 тыс. руб.». Однако уже в апреле 1843 г. было решено пересмотреть прежние договоренности и разыграть Симское имение по жребию.

«При совершении раздела, произведенного в 1844 г. за границей, куда Александр Александрович по болезненному положению своего брата должен был отправиться, – сообщал В.Е. Самарский-Быховец, – принята в основание оценка имения по 10-летней сложности дохода, и как Симские заводы составляли почти $\frac{2}{3}$ ценности общего имения, то положено было тому из братьев, которому по жребию достанутся заводы, доплатить другому известную сумму денег. Жребий благоприятствовал Александру Александровичу, но как Петр Александрович особенно желал получить их, то и были они ему уступлены в июне 1844 г. в Женеве, где находилась тогда и Ее Светлость княгиня Варшавская. Петр Александрович, получив заводы, обязался выдать для уравнивания частей 325 тыс. пуд. железа (на 1,3 млн руб. асс.) в 10 лет, начиная с 1844 г. Но как по прежним счетам он был должен Александру Александровичу и при том на действие заводов нужен был значительный денежный капитал, которого у него не было, то по обоюдному братьев соглашению Петр Александрович взял из кассы Александра Александровича до 160 тыс. руб. сер. Взамен этой суммы и помянутого добавочного платежа для уравнивания частей Петр Александрович обязался (по раздельному акту) выдать в течение 13 лет 547 тыс. пуд. железа на 2188 тыс. руб. асс. и сверх того передал Александру Александровичу собственный свой дом ценою в 120 тыс. руб. Это последнее изменение в разделе

ле, последовавшее в декабре 1844 г. в Риме, за два месяца до смерти Петра Александровича было крайне невыгодно для Александра Александровича. Оно лишало его наличных денежных капиталов, передало ему по высокой цене дом, не приносящий дохода, а получение следующих ему для уравнивания частей платежей рассрочило на 13 лет. Но крайне опасное положение Петра Александровича, его болезненная раздражительность, не допускавшая ни малейшего противоречия, не позволяли ни оспаривать, ни отлагать совершение раздела, особенно Александру Александровичу, не желавшему воспользоваться важным по семейным обстоятельствам предоставленным ему правом... получения $\frac{2}{3}$ всего имения»². Эти сведения позволяют заключить, что новые условия раздела, противоречившие прежним договоренностям, были инициированы больным П.А. Балашовым и, судя по всему, не без участия его влиятельных родственников со стороны жены. А.А. Балашов до конца сохранил «истинную братскую любовь», согласившись на получение неза заводских вотчин.

В Риме 4 декабря 1844 г. братья подписали договор, согласно которому Симское имение с двумя заводами и 3903 рев. душами, два дома в Уфе и Лаишеве и 184 499 руб. сер. банковского долга перешли камергеру Двора Его Императорского Величества коллежскому советнику П.А. Балашову. Все остальные имения в Петербургской, Рязанской, Тульской, Нижегородской, Саратовской и Оренбургской губерниях с 3727 рев. душами достались состоявшему в ведомстве Министерства иностранных дел титулярному советнику А.А. Балашову. Утверждение акта Петербургской палатой гражданского суда состоялось 6 февраля 1845 г. в присутствии церемониймейстера графа А.М. Борха, генерал-майора князя Э.А. Белосельского-Белозерского, генерал-адъютанта И.О. Сухозанета и сенатора Е.П. Ковалевского. Отказ А.А. Балашова от владения заводами, по мнению Е.П. Ковалевского, был обусловлен не только желанием угодить брату, но еще и пониманием того, что «владение заводами представляет несколько более страха, чем владение вотчинами или землями»³.

Вскоре после раздела имущества Петр Александрович скончался. В том же 1845 г. умерла и его жена Александра Ивановна. Заводы оказались во владении их сыновей, в один год оставшихся сиротами – пятилетнего Николая и трехлетнего Ивана. Малолетние владельцы были взяты на воспитание дедом И.Ф. Паскевич-Эриванским в свой дом на Английской набережной. Впоследствии Николай поступил на юридический факультет Петербургского университета, а Иван был отдан в Пажеский корпус. После смерти деда Ивана Федоровича (в 1856 г.) и дяди Александра Александровича (в 1854 г.) по завещанию первого опекуном Балашовых стал статс-секретарь, действительный тайный советник и камергер князь Александр Федорович Голицын, по завещанию второго – к тому времени уже начальник штаба Корпуса горных инженеров генерал-майор Василий Евграфович Самарский-Быховец. Под руководством столь опытных опекунов Симские заводы в 1840–1850-е гг. динамично развивались, их производительность поднялась до 335 тыс. пуд. чугуна и до 200 тыс. пуд. железа «в немногих сортах, но лучшего качества». По оценке Уральского горного правления, они входили тогда в «первый разряд» горнозаводских округов Урала⁴.

Санкт-Петербургская дворянская опека, контролировавшая действия опекунов, в 1857 г. нашла, что «доходы с имения весьма удовлетворительны и даже повышены против прежних лет по тому случаю, что господа опекуны, заметив выгоду цен на проволоку, своевременно распорядились усилением производства оной (на Никольском заводе в Новгородской губернии, который достался сыновьям

ям от матери и находился в кооперации с уральскими предприятиями. – Е.Н.)». «Что касается до расходов оной, то, судя по положению и потребностям имений, они производились с должной бережливостью... – полагала опека, – издержки по воспитанию и содержанию малолетних в том возрасте, которого достигли они, и по тому состоянию, которое получили в наследство, довольно умеренны и подтверждены документами». Опекунам была выражена благодарность, а достигшему в том году 17-летнего возраста Николаю Балашову объявлено, что он может избрать себе попечителей и «под руководством их вступить в управление своим имением». Подопечный избрал тех же опекунов, которые, по его словам, «с истинно отеческою заботливостью старались о сохранении и приращении наследственного имения нашего». То же самое через два года сделал и Иван. «Достигли мы того возраста, в котором мы сами могли бы вступить в управление своими имениями, но мы, однако, не можем заниматься этим по продолжению наших учебных занятий», – объясняли свои намерения Балашовы: студент Николай и кандидат Пажеского корпуса Иван. Стоит отметить, что в 1858 г. старший из них уже давал первые поручения опекунам, намереваясь свои доходы, переводившиеся в Государственный банк «для приращения процентов», передать «в другое, более выгодное против банковских процентов предприятие»⁵.

В 1859 г. братья приняли одно из первых своих совместных решений о двух смоленских имениях (села Хмелиты и Котлино) из наследства бабки – княгини Е.А. Варшавской (кузины А.С. Грибоедова), которая, завещав их дочерям А.И. Волконской и Н.И. Лобановой-Ростовской, не успела оформить передачу «крепостным порядком». «Считая волю бабушки... святою и неприкосновенною», Балашовы, которые по закону могли претендовать на это наследство, «решительно отказались» от всякого права на имения, предназначавшиеся их теткам⁶.

Становление молодых владельцев Симских заводов ускорила реформа 1861 г. Летом того года, вероятнее всего, для подписания уставных грамот Николай Петрович впервые посетил свое уральское заводское имение. «По осмотре моем в минувшем лете я нашел имение в наилучшем положении... – сообщал он попечителям, – и в настоящее время желаю принять личное участие в управлении вместе с Вами... с тем, чтобы заведенный порядок оставался до совершеннолетия брата моего по возможности безо всякого изменения». Попечители и подопечный 31 октября 1861 г. составили «условия», характеризовавшие уже 15 лет действовавшее опекуновское управление. В соответствии с ними, «внутренний порядок управления заводами Симскими и Никольским, по Санкт-Петербургской конторе и по прочим имениям, равно делопроизводство и отчетность» было предложено оставить прежним. «На сем основании местные управляющие и конторы обязаны доставлять свои донесения на имя Главного управления заводами и имениями... – было записано в «условиях». – Для соблюдения же единства в управлении Николай Петрович уполномочивает попечителей доверенностью продолжать управление делами с соблюдением прежних порядков». Новым было то, что «все бумаги и счета... по записке их в Петербургской конторе во входящий реестр» предоставлялись сначала старшему владельцу, который «давал на них свою резолюцию, согласие или несогласие, подписью на самой бумаге или счете», затем попечители «рассматривали дело» и «по окончательному соглашению оно» подписывали «прежним порядком или оба, или один из них».

В марте 1863 г., когда и Ивану Петровичу исполнился 21 год, он тоже «вступил в управление», вследствие чего в «условия» были внесены некоторые уточнения. Отныне любой из братьев мог поставить свою резолюцию, а «окончательное рассмотрение и разрешение дел» предоставлялось одному В.Е. Самарскому-Быховцу,

который получил от совладельцев «полную доверенность продолжать управление делами с соблюдением прежних порядков». «Просим Ваше Превосходительство, – писали Балашовы попечителю, – принять на себя труд продолжить управление и распоряжение по-прежнему всеми принадлежащими нам как недвижимыми именьями, состоящими в Оренбургской губернии Уфимском уезде в Симском и Миньярском железоделательных заводах с деревнями, землями и рудниками, Новгородской губернии Устюжского и Белозерского уездов в Николаевском железоделательном заводе с деревнями, в Новгородской же губернии Крестецкого уезда в мызе Коломна с деревнями, в городе Уфе в деревянном доме, так и находящимися в общем владении с двоюродными нашими братьями Петром и Александром Александровичами и матерью их Александрю Васильевною (дочери председателя Государственного совета графа В.В. Левашова. – *Е.Н.*) Балашовыми: Московской губернии и уезда в селе Борисовском с деревнями и Нижегородской губернии Сергачьского уезда в селе Смирновском с деревнями... принять на себя заведование всякого рода делами, одним словом, действовать без ограничений во всех случаях по Вашему усмотрению так, как бы мы сами»⁷.

Видимо, такое управление продолжалось до конца 1864 г., когда братья Балашовы, полностью принявшие на себя управление, задумали провести раздел общего имения по примеру их отца и дяди. В последний день того года они составили записку, в которой извещали, что, «переговорив между собой о предстоящем... разделе доставшихся по наследству имений и капиталов, положили окончательный раздел общего имущества отложить до времени, а между тем ныне же... совершить... предварительный по разделу приступ». Отныне в Петербургской конторе следовало вести две «книги приходно-расходного счета для каждого совладельца отдельно». Николай принимал «на свою часть» Крестецкое имение и усадьбу Коломна, оцененные в 42 тыс. руб.; Ивану переходило Никольское имение с железоделательным заводом, стоившее 400 тыс. руб. Но, поскольку Никольский завод без чугуна Симских заводов не мог действовать «с выгодой», было заключено «непременное условие» с 1865 г. отпускать ему от 60 до 80 тыс. пуд. симского чугуна по заводской цене «с перевозом до Нижнего или Рыбинска и с наложением на эту цену 8%». Уральские заводы оставались пока в общем владении, а существенная разница в стоимости разделенного имущества компенсировалась большим количеством перешедших к Николаю «денежных капиталов, государственных пятипроцентных билетов, облигаций, акций и долговых по общему счету обязательств». В результате раздела каждому из братьев досталось имущества на 744,5 тыс. руб. Были учтены и «личные расходы» Балашовых за последнее десятилетие: у Николая они составили 104 686, у Ивана – 115 329 руб.⁸

Но вскоре, так же как в свое время случилось с условиями предварительного раздела между П.А. Балашовым и А.А. Балашовым, пришлось корректировать и условия «предварительного приступа» Н.П. Балашова и И.П. Балашова. В 1878 г. «вследствие возбужденного вопроса о том, чтобы Никольский завод из владения одного Ивана Петровича поступил опять в общее владение с Николаем Петровичем», эти условия оказались пересмотрены. Хотя на протяжении всех этих лет, как сообщалось в объяснительной записке, Никольский завод «фактически и не переставал быть в прежнем положении», он вновь возвращался в общее владение. Николай Петрович был обязан вернуть за это брату 142 тыс. руб., отложенных уплатой до 1883 г. С мая 1878 г. финансирование новгородского завода (он вскоре был реорганизован в лесопильный и, видимо, продан в начале XX в., когда леса оказались вырублены) вновь стало производиться «из обеих касс»⁹.

За время общего владения уральскими заводами братья предпринимали меры к развитию металлургического производства и сбережению рабочей силы. Заводы успешно перенесли пореформенные трудности, о чем свидетельствовал посетивший Урал в 1869 г. В.П. Безобразов. Вследствие «бережливости владельцев» (полагаем, и их опытных опекунов) Симские заводы были отнесены им «к самым благоустроенным в хозяйственном отношении горнозаводским имениям Урала»¹⁰.

Летом 1866 г. Балашovy вместе приезжали на Урал, будучи озабочены массовым переселением бывших крепостных, организованным Уфимским губернским по крестьянским делам присутствием. «С 1861 г. мы неотступно заботимся об увеличении заводского производства, – писали они в присутствии, – с каковою целью распространяем действие Миньярского завода и отстраиваем новый завод в селе Илеке»¹¹. В том же 1866 г. в округе был заложен новый Илекский (Николаевский) чугуноплавильный завод, названный, по признанию самих владельцев, в честь присутствовавшего при этом событии герцога Н.М. Лейхтенбергского. Строительство завода было, видимо, инициировано И.П. Балашовым в тот период, когда Симские заводы не могли справиться с предусмотренным разделом снабжением чугуном его Никольского завода. На новом заводе 19 февраля 1869 г. была «задута доменная печь, возведенная по системе Рашета». Однако просьба о предоставлении предусмотренной законом 10-летней льготы от платежа горной подати вызвала у высшего горного начальства сомнения в ее правомерности.

В своей записке Иван Петрович объяснял, что к возведению этого завода он приступил «отнюдь не в тех видах, чтобы уменьшить производительность старых заводов, а напротив, с целью обеспечить их действие, а равно содействовать развитию проволочного завода, находящегося в Новгородской губернии, потребность коего в чугуне... удовлетворяется только при помощи продававшегося по особому разрешению чугуна с Златоустовского завода». «Новый завод, – сообщал он, – отстоит верст на 50 от старых заводов, и к нему отведена лесная дача в 20 тыс. дес., не могущая по дальности расстояния снабжать топливом старые заводы; кроме того, по своему положению он дает возможность пользоваться новыми рудными месторождениями. Устройство его не только не уменьшит производительности прежних заводов, – уверял владелец, – но, напротив, увеличит ее, чему служит подтверждением то, что к прошлогоднему каравану, когда старые заводы еще не пользовались чугуном с нового завода, железа было приготовлено всего только 140 тыс. пуд., а в этом году до 180 тыс. пуд., и кроме того явилась возможность ныне обеспечить материалом мой проволочный завод».

Однако по расчетам получалось, что из-за поставки чугуна на не относившийся к Симскому округу Никольский завод железоделательное производство в округе вовсе не увеличилось, как того требовал закон. Иван Петрович был вынужден на Илекском заводе дополнительно ввести пудлинговое производство. Новые расчеты больше соответствовали требованиям горных законов. «При жестком применении Горного устава едва ли какой-либо вновь выстроенный завод в округе может рассчитывать на льготу, – постановили в 1870 г. члены Горного совета, – а между тем цель закона не в том, чтобы лишать льгот завод, устроенный вновь только для выделки чугуна, а единственно в том, чтобы даруемая... льгота относилась лишь к той производительности, которая составляет излишек сравнительно с производительностью прежних заводов, дабы и при дарованной льготе новому заводу количество оплаченного податью в заводском округе чугуна не уменьшалось». Приняв во внимание «крайний недостаток чугуна вообще и то, что производительность

Симского округа увеличилась», Горный совет признал возможным предоставить льготу, но лишь за то количество чугуна, которое «составило излишек во всем округе против выплавленного по сложности 10 предшествующих лет». Среднегодовая производительность округа была исчислена в 268 129 пуд. чугуна, а «излишек» – в 21 970 пуд. На него с того времени и распространялась льгота. Срок льготы истек в 1880 г., когда выплавка чугуна на Симских заводах увеличилась уже до 620 тыс. пуд.¹²

В 1868 г. Балашovy намеревались арендовать соседствующие с Симскими Юрюзанские заводы А.И. Сухозанета, когда те были остановлены. Хорошо осведомленный инженер Н.А. Грамматчиков счел, что выгодней и полезней была бы не аренда, а покупка этих заводов. «Юрюзанский завод, – писал он, – может выплавлять более чугуна, чем переделывать, следовательно, его можно доставлять в Симский или в Никольский завод. В первом случае будет выгода потому, что дешевле перевозить не руду, а чугун, во втором случае юрюзанский чугун должен быть дешевле симского по местному положению. С покупкой Юрюзанского завода вопрос об Илекском заводе примет совсем другой вид – или в нем не будет надобности, или, если окажется надобность, то Юрюзань поможет и в этом случае, но без особенного направления людей в работы на Илек (где трудилось много юрюзанцев. – *Е.Н.*) едва ли они сами станут там работать». Рабочие расположенных поблизости бездействующих заводов уже поставляли уголь, руду и дрова для Симских заводов, здесь же работали «более половины юрюзанских пудлинговых мастеров и три четверти гвоздарных». «Одним словом, – констатировал управляющий, – юрюзанские мастеровые Симским заводам очень много помогают и, если их не будет, то производство заметно пострадает». Он полагал, что пригодились бы и служащие соседних заводов, «далеко выправленные и знающие симских служителей». «Многое очень говорит о приобретении Юрюзани в видах улучшения положения Симских заводов, – заключал Н.А. Грамматчиков, – но многое также зависит и оттого, за какую сумму можно приобрести Юрюзань... Затратить 250 или 300 тыс. руб., не более – выгодно, более давать не следует. Если будут торги, может быть, купится и дешевле, чего, разумеется, надо желать»¹³. Однако торги тогда были отменены; заводы А.И. Сухозанета оказались под опекой. В 1871 г. И.П. Балашов предлагал взять эти заводы в продолжительную аренду, но его опередил К.Э. Белосельский-Белозерский.

Деятельность же Илекского завода оказалась недолгой. В период кризиса начала XX в., затронувшего в первую очередь чугуноплавильное производство, завод стал нерентабельным. В 1901 г. его остановили, а оборудование перевезли на Аша-Балашовский завод, основанный в 1900 г. Это предприятие было построено в более удобном месте на линии Самаро-Златоустовской железной дороги, дополнительная ветка которой соединила завод с богатейшим Бакальским рудником. Оборудование завода действовало исключительно на паровой силе, а лес сплавлялся по р. Аше, пережигался в уголь в специальных печах и поставлялся по узкоколейной железной дороге. Передовое предприятие, построенное по проекту управляющего Симских заводов А.И. Умова и инженера С.Ю. Вериги, стало крупнейшим в округе; ко времени акционирования оно давало до 1,8–2,1 млн пуд. чугуна и 2,4 млн пуд. марте-новской стали¹⁴.

По имеющимся сведениям, на торжественной закладке завода в июле 1898 г. присутствовал ставший к тому времени егермейстером и вице-президентом Императорского общества поощрения художеств И.П. Балашов. Затем он побывал на Урале в июне 1905 г. (проездом на Дальний Восток). Ашинский социал-демократ

С.М. Туманов вспоминал впоследствии: «Балашов... был встречен церковным колокольным звоном и благодарственным... молебном, где он молился с целой свитой начальства округа. После молебна, выйдя из церкви, он натолкнулся на толпу, стоявшую на коленях, а впереди стояла делегация рабочих с прошением в руках, как петербургские рабочие в дни Кровавого воскресенья, верившие в царя. Многие из ашинских рабочих тоже наивно верили в своего хозяина-барина, а потому просили за плату в свою собственность оседлые места под рабочие домики. Но Балашов под суфлера, управляющего округом Умова... категорически отказал, сел на тройку и ухарски ускакал на квартиру местного управителя завода, чтобы “перекусить”... Вера в своего барина была потрясена, и хозяин поехал с завода без торжественных проводов, – без обычного “ура”»¹⁵. Эпизод этот представляется любопытным, поскольку, как выясняется, И.П. Балашов в то время уже не был совладельцем Симского округа и потому не мог решить поднятого рабочими вопроса.

Братья Балашовы 25 апреля 1886 г. совершили давно планировавшийся раздел всех своих имений, хотя и осуществленный неформально. Согласно условиям этого раздела, Симские заводы оставались во владении одного лишь Николая Петровича, а Иван Петрович получал половину от его стоимости, составившей тогда 750 тыс. руб. Но между братьями было заключено соглашение, что в случае продажи имения и его возросшей оценки доля Ивана Петровича будет дополнена до половины новой суммы. Это условие впоследствии станет причиной спора между братьями. «Когда я продал ему (Николаю. – *Е.Н.*) свою половину, – вспоминал И.П. Балашов в 1915 г., – то получил от него лишь задаток в 750 тыс. руб., сохранив за собой право дополнить при продаже имения, причем это условие мотивировалось тем, что предвиделось увеличение стоимости его вследствие постройки железной дороги. Значит, все тут было обсуждено и ясно определено... Брат мой, по-видимому, никак не может усвоить себе мысль, что, пока он не уплатил сполна следующие мне за мою половину Сима деньги, самое имение ему еще не принадлежит окончательно, ибо нельзя купить предмет, не уплатив за него все согласно условиям продажи. Условия эти были такие, что я получил в 1886 г. задаток в 750 тыс. руб. и имею получить еще впоследствии половину перевыручки при новой оценке имения. Брат же мой за свой задаток получил от меня право владения (т. е., собственно говоря, пользования, но еще не собственности) моею половиною, начиная уже с 1886 г.»¹⁶

Спор этот возник через 26 лет после раздела, в течение которых Иван Петрович сосредоточивался преимущественно на собственных предпринимательских делах. После банкротства в 1875 г. организованного им в 1872 г. совместно с К.Э. Белосельским-Белозерским и наследниками Д.Е. Бенардаки акционерного общества «Сормово», И.П. Балашов в 1877 г. участвовал (с графом Ф.И. Паскевичем-Эриванским и И. Вернадским) в уже более удачном предприятии – учрежденном ими Товариществом Добрушской писчебумажной фабрики в Гомельском уезде Могилевской губернии. В 1866 г. вместе с братом и другими аристократами он вошел в состав Общества взаимного поземельного кредита¹⁷.

В 1880-е гг. Иван Петрович, по-видимому, перенес свои промышленные дела на юг России. С 1883 г. (сначала на правах аренды) в Крыму ему принадлежал богатейший Сакский соляной промысел, он владел несколькими земельными участками близ Гагр, а также по р. Нижний Мацест (в восьми верстах от Сочи); в польском городе Влоцлавске ему принадлежали солемольные паровые мельницы, также он был собственником половины Дыбунского рыбозаводного товарищества на вереве. Все это, писал Иван Петрович, было «создано» им самим или «благоприобретено».

В июне 1915 г., перечислив эти имения в завещании, он распорядится после своей кончины включить их в состав «Балашовского благотворительного капитала». До 19 февраля 1942 г. этим капиталом должны были распоряжаться назначенные им душеприказчики: друг и родственник князь А.Б. Куракин или племянники (своих детей у Ивана Петровича не было) П.Н. Балашов и А.Н. Балашов – сыновья брата Николая и его жены Екатерины Андреевны (дочь графа А.П. Шувалова, совладелица Юго-Камского завода и владелица Соликамских промыслов). Они должны были превратить имения «в государственные процентные бумаги, самые по возможности доходные, которые вносились для хранения в Государственный банк с целью приращения сложными процентами». «Когда истекнут сроки существования моих промышленных и иных доходных дел, – писал Иван Петрович, – что произойдет, вероятно, к 1942 г., причем определится и размер означенного “Балашовского капитала”, то последний оставить по-прежнему в Государственном банке в том же неприкосновенном состоянии сроком до 1992 г. По истечении же этого первого 50-летия “Балашовский капитал” продолжить хранить в той же неприкосновенности в Государственном банке, но проценты с него делить пополам, причем одна половина присоединяется к капиталу для дальнейшего его роста до 19 февраля 2042 г. ...под наблюдением особого попечительства, а другая половина расходуется... на благотворительность. С того времени все проценты... переходят в распоряжение старшего в роде Балашовых и расходуются исключительно на дела благотворительности или общественной пользы, как-то: Красный Крест, больницы и здравницы (санатории), приюты, школы, церкви и т. п., то есть на дела, имеющие своей целью заботу о здравии или воспитании народа, а также на помощь нуждающимся».

В завещании Иван Петрович сделал также распоряжения о передаче Эрмитажу принадлежавших ему византийских икон и 20 картин «старых школ». Коллекцию минералов он предполагал передать музею Екатеринбургского горного института, когда тот откроется, а один из камней под названием «Кастор» завещал музею Петроградского горного института, как он писал, «согласно желания дорогого моего учителя Николая Александровича Кулибина (профессор Горного института, директор Горного департамента. – *Е.Н.*)». Брату и его сыновьям доставались все «семейные вещи: иконы, портреты, бюсты, медальоны... книги, картины, альбомы с акварелями, рисунками и карикатурами И.А. Всеволожского (директор Императорских театров и Эрмитажа, художник и совладелец Пожевских заводов. – *Е.Н.*) и друга и доброго знакомого А.Н. Алфераки (городской голова Таганрога, директор Российского телеграфного агентства, композитор и карикатурист. – *Е.Н.*)»¹⁸. Таким достойным способом хотел оставить добрую память о себе и своем роде совладелец Симских заводов.

Николай Петрович Балашов, окончив Петербургский университет, сделал карьеру по Министерству внутренних дел, став членом Совета министерства; в придворной службе, как и брат, он получил чин обер-егермейстера. В 1880-е – начале 1890-х гг. он был постоянным участником игры в вист в кругу высших российских чиновников (А.А. Половцов, И.И. Воронцов-Дашков, А.А. Абаза, И.Н. Дурново и др.), членов императорской семьи и самого Александра III. В 1906–1917 гг. избирался членом Государственного совета, где участвовал во многих комиссиях и был одним из руководителей группы Центра. Будучи старшим внуком И.Ф. Паскевич-Эриванского, Н.П. Балашов мог претендовать на его родовые имения и громкие титулы, поскольку его дядя Ф.И. Паскевич-Эриванский был бездетен. «Не имея своих наследников, – писал М.С. Кантакузин-Сперанский в «саге» о роде и родственниках, – Федор Иванович обратился к императору с просьбой разрешить заве-

щать имущество в Гомеле и свои титулы племяннику, Николаю Петровичу Балашову, старшему сыну сестры Александры. Этот вопрос так и не решился, с ним тянули аж до самой мировой войны... Презируя материальные блага, Балашовы всегда давали понять, что им абсолютно ни к чему новые титулы и богатство от чело века, которого они считали жестоким солдафоном. Однако, прими Николай II тогда решение о майорате, Балашовы не отказались бы, ибо земля и деньги ценятся всегда, к тому же – шесть сыновей, о которых нужно было думать»¹⁹.

Будучи владельцем Симского округа, именно Николай Петрович, как можно предположить, принимал принципиальные решения о путях его развития (особенно в кризисные годы начала XX в.). Управление имением на время своего отсутствия в Петербурге он передавал или брату Ивану Петровичу, или старшему сыну Петру Николаевичу. По свидетельству специалистов, во время кризиса сократилась выделка сортового железа и увеличилась выделка мартеповской стали. Для преодоления финансовых трудностей округ заложили в Государственном банке. Кроме того, было решено специализировать производство на изготовлении сельскохозяйственных машин. Управляющий Петербургской конторой М.М. Крыжановский доказывал министерским чиновникам, что необходимо избавить крестьянство «от ежегодной миллионной подати, уплачиваемой им иностранной промышленности на сельскохозяйственных орудиях», для чего желательно «устроить большую фабрику земледельческих орудий на центральном этапе великого переселенческого пути, т. е. на Южном Урале», а Симский округ «является для такой задачи природой предназначенным пунктом».

Для привлечения капиталов и задумывалась финансовая реорганизация округа посредством учреждения акционерной компании. Устав «Симского общества горных заводов и первой на Урале фабрики сельскохозяйственных машин и орудий», утвержденный 19 сентября 1910 г., предусматривал не только сооружение фабрики, но также и «расширение деятельности горных заводов... устройство и эксплуатацию новых металлургических, механических, химических и других заводов, торговлю продуктами горной и фабрично-заводской промышленности в России и за границей». Уставной капитал был определен в 12 млн руб., поделенных на 12 тыс. акций, часть которых предполагалось распространять не только среди российских банков, но и за границей, в частности во Франции²⁰.

Продажа заводов акционерному обществу состоялась 15 ноября 1912 г. К Николаю Петровичу, вступавшему в Общество «своим имуществом», переходили 64% акций на сумму 7680 тыс. руб. Эта сумма и считалась ценой. Иван Петрович, видимо, не участвовал в заключении сделки, а, в соответствии с условиями раздела 1886 г., получил от брата лишь расчет причитающейся ему дополнительной суммы. По этому «фальшивому», как полагал И.П. Балашов, расчету выходило, что ему следовало получить всего 1460 тыс. руб., исключив из причитавшейся ему половины суммы, полученной при новой оценке имения, 750 тыс. руб. задатка, 540 тыс. руб. долга (долг конторе Н.П. Балашова, принявшей на себя управление имением И.П. Балашова в Орловской губернии и платившей по его долгам с 1886 г.), а также 2180 тыс. руб. ипотечного долга. С этим последним вычетом Иван Петрович и не мог смириться. Получив расчет, он писал: «Я тогда же возразил брату, что ипотечный долг меня не касается, так как он взял ссуду в Государственном банке уже после заключения договора со мною и все деньги взял себе, а потому они составляют его личный долг... Но он утверждал, что самая ценность имения уменьшилась вследствие этой ипотеки. Я настаивал в таком случае на третейском разбирательстве этого несогласия в наших взглядах и на бухгал-

терской экспертизе... Спорить с ним я не мог из-за его болезненной раздражительности, опасаясь прямо за его жизнь»²¹.

Как можно судить по прошению поверенного Н.П. Балашова, поданному только в феврале 1913 г. в Горный департамент, несмотря на разногласия, формальный раздельный акт был все-таки совершен одновременно с продажей имения. Поверенный владельцем просил тогда «выдать удостоверение о неимении препятствий к совершению раздельного акта на Симское горнозаводское имение... между обер-егермейстерами Высочайшего Двора Иваном Петровичем и Николаем Петровичем Балашовыми и... о продаже означенного имения с заводами Симскому обществу горных заводов и первой на Урале фабрики сельскохозяйственных машин и орудий»²².

Но требуемое Иваном Петровичем «разбирательство», вероятно, так и не состоялось. И через три года он вновь поднимал вопрос о перерасчете. «Я никак не могу согласиться, – писал он, – чтобы на меня пала ответственность хотя бы в одной копейке за ипотечный долг, заключенный братом в свою исключительную пользу, притом уже после нашего договора, определившего мои права относительно Симского имения, а тем менее еще, чтобы этот его долг служил поводом к уменьшению его ценности (и потому моей доли), ибо мне принадлежит по договору половина всей ценности Сима (без всякого вычета), не имеющая ничего общего от долгов моего брата». Исключив ипотечный долг из расчета, он, как полагал, должен был дополнительно получить еще значительную сумму. В завещании 1915 г. он тем не менее великодушно передавал лично Николаю Петровичу «часть тех денег», на которые раньше заявлял свои права («вследствие незаконченных еще между нами расчетов по состоявшейся 15 ноября 1912 г. продаже акционерному Обществу Симского горнозаводского округа»). «Заявленной мною претензию в общей сумме 3,5 млн руб. ...и 1 098 848 руб., составлявшими половину числившегося на 15 ноября 1912 г. ипотечного долга по полученной братом моим банковской ссуде, каковой половины я от него еще не получил, – распоряжался Иван Петрович, – предполагаю направить на погашение своих долговых обязательств и производство завещательных денежных выдач... родственникам и знакомым»²³.

Первое Общее собрание акционеров Общества Симских заводов состоялось 5 марта 1913 г. Как следует из их списка, в состав Общества в результате раздела акций вошли не только Н.П. Балашов и И.П. Балашов, но и дети Николая Петровича: действительный статский советник в должности егермейстера Петр (он был крупным политическим деятелем, депутатом III и IV Государственной думы, руководил фракцией русских националистов; его женой была совладелица Лысьвенских заводов княжна М.Г. Кантакузина), Андрей (женатый на дочери совладелицы Невьянских и Верх-Исетских заводов графине С.П. Гендриковой) и Софья (была замужем за полковником Генерального штаба графом Николаем Владимировичем Остен-Сакеном). Всего за ними числилось 8200 акций (68%). Русско-Азиатский, Сибирский торговый, Петербургский частный коммерческий, Русский торгово-промышленный, Московский торгово-промышленный коммерческий банки приобрели 3200 акций. Пост председателя правления занял А.Н. Балашов, а банки представляли С.И. Литтауэр и М.Л. Лунц. Директором-распорядителем был назначен А.И. Умов.

Акционировав округ, бывшие владельцы стремились сохранить свои ведущие позиции в Обществе, почему и не торопились с технической реорганизацией заводов, ведущей к усилению роли банков. Известно, что С.И. Литтауэр разработал

план строительства в Симском округе нового чугуноплавильного завода на кузнечном коксе производительностью до 10 млн пуд., а также цементного завода и уже спроектированной фабрики сельскохозяйственных машин. Проект оценили в 6 млн руб.; банки давали их в счет увеличения доли своего участия в акционерном обществе. Но Н.П. Балашов, от которого в первую очередь зависело, по словам С.И. Литтауэра, «то или иное решение», не поддержал проект. До начала Первой мировой войны в округе провели лишь переоборудование рудников, построили электростанцию, начали возводить новую доменную печь на Аша-Балашовском заводе. Под фабрику сельскохозяйственных машин на Симском заводе переоборудовали старую литейную мастерскую, где выпускали простейшие крестьянские орудия – бороны и ходы. В годы войны заводы округа выделяли снарядную сталь и сортовое железо для изготовления предметов вооружения. По мнению специалистов, ни до, ни после осуществленного в 1916–1917 гг. выпуска новых акций, бывшие владельцы не утратили своего контроля над обществом, по всей видимости, сохранив его до национализации в декабре 1917 г.²⁴

¹ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–9 об.

² Там же. Д. 1. Л. 2–8 об., 111–112, 136–142 об.

³ Там же. Л. 31–32 об., 132–135 об., 250.

⁴ Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 196–198.

⁵ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–16.

⁶ Там же. Д. 16. Л. 2, 16.

⁷ Там же. Д. 13. Л. 18–24.

⁸ Там же. Д. 17. Л. 1–3.

⁹ Там же. Л. 7–8 об.; Никулин В.Н. Имение «Никольское» Балашовых в конце XIX – начале XX в. // Российское предпринимательство в XIX – первой трети XX в.: личности, фирмы, институциональная среда. СПб., 2007. С. 264–266.

¹⁰ Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 262.

¹¹ Цит. по: Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв.: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 165.

¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1220. Л. 1–3, 11–12, 13–25 об., 29–30 об., 33.

¹³ Там же. Ф. 892. Оп. 1. Д. 876. Л. 41–63 об.

¹⁴ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 41.

¹⁵ Цит. по: Шкерин В.А. Хроника одной семьи и двух революций // Урал. исторический вестн., 2010. № 4(29). С. 64.

¹⁶ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 22. Л. 31–36 об.

¹⁷ ПСЗ-III. Т. 47. № 50511; Т. 52. № 57797; Т. 41. № 43361; Кохнович В.А. Княгиня Ирина Ивановна Паскевич – меценат, просветительница, христианка // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Кострома, 2010.

¹⁸ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–13.

¹⁹ Кантакузин-Сперанский М.С. Сага о Кантакузинных-Сперанских, написанная князем Михаилом Кантакузиным, графом Сперанским / Пер. с англ. М., 2004. С. 186–187. Автор признателен С.В. Богданову за возможность воспользоваться этим источником.

²⁰ ПСЗ-III. Т. 30. № 34238; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 160–162, 322–323.

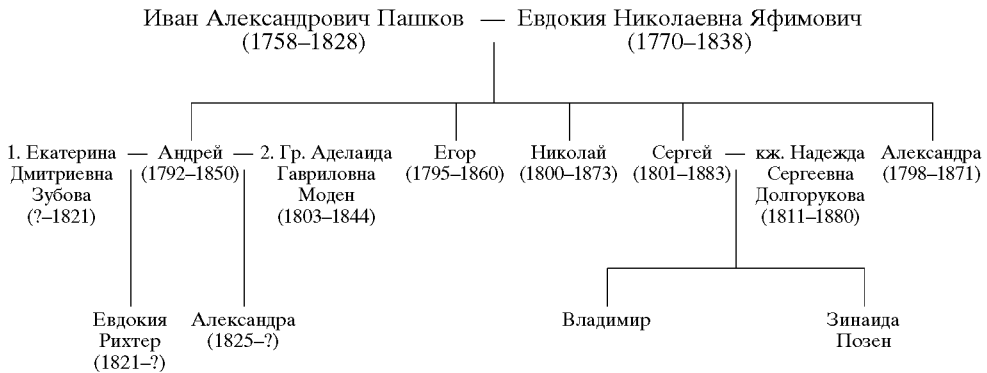
²¹ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 22. Л. 31–36 об.

²² Там же. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1678. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 892. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–13, 31–36 об., 46–47.

²⁴ Вяткин М.Н. Указ. соч. С. 322–325; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 188–192.

3.2. Пашковы

Белорецкий округ с Белорецким и Тирлянским чугуноплавильными и железоделательными заводами принадлежал старшей ветви рода Пашковых, идущей от подполковника И.А. Пашкова. После его смерти в 1828 г. имение перешло во владение многочисленных наследников. Барон М.А. Корф свидетельствовал: «Старший из них, Андрей, умный, даровитый, тогда прекрасный музыкант, а впоследствии стяжавший себе большую известность своими магнетическими лечениями, оставил себя вместе большой наклонностью к ябеде и разным действиям, малосвойственным благородному человеку. Служив до генеральского чина в лейб-гусарах, а потом, быв назначен в егермейстерскую должность ко Двору, он здесь вскоре поссорился с товарищем обер-егермейстером Нарышкиным, подал на него донос, который не оправдался, и принужден был оставить службу. Два другие его брата, отставные коллежский советник Николай (получивший известность как певец и композитор. – *Е.Н.*) и штаб-ротмистр Сергей, издавна жили в Москве, где прежде вели большую игру и были замешаны в разных неприятных историях... Венцом всех этих нечистых дел была многолетняя тяжба между братьями о разделе наследственного после отца имения. С одной стороны, Андрей, с другой стороны, Николай и Сергей (видимо, их брат, генерал-майор Егор, и сестры устранились от тяжбы. – *Е.Н.*) взаимно выставляли себя с крайним ожесточением, в самых черных красках. Сперва предложен им был мировой разбор, который, однако, ничем не кончился; потом они приступили было к семейной сделке, но Андрей, добровольно на нее согласившийся, потом отказался ее признать под предлогом, что она написана на гербовой бумаге ниже узаконенного достоинства! Впоследствии и мать, жившая в Москве с обоими младшими сыновьями, принесла Государю письменно самые жесткие жалобы на Андрея. Наконец, после ее смерти взаимная ненависть братьев дошла до крайних пределов, и не только все присутственные места, но и сам Государь многократно обременяемы были обоюдными их притязаниями и совсем не родственными ругательствами». В 1840 г., когда дело о разделе вторично рассматривалось в Государственном совете, было решено взять спорные имения, включая и Белорецкие заводы, в опеку, а А.И. Пашкову Николай I лично предписал «не показываться в благородном обществе, доколе ясно не докажет свою совершенную невинность»¹.

Даже несмотря на вмешательство императора, тяжба завершилась только со смертью Андрея Ивановича в 1850 г. В соответствии с раздельным актом 4 декабря 1851 г. (с братом Егором, сестрой Александрой и племянницами Евдокией и

Александрой), Белорецкий округ оказался в общем владении Николая Ивановича и Сергея Ивановича Пашковых. После утверждения раздела в 1854 г. опека была снята. Как сообщал заводский исправник, за время ее действия «все фабрики и устройства... не были ни возобновляемы, ни достаточно поддерживаемы»².

Со времени, когда были устранены распри между совладельцами, дела двух Белорецких заводов стали понемногу улучшаться. Существенно помогла в этом полученная в 1860 г. ссуда из Петербургской сохранный казны в 499 тыс. руб. под залог имущества. По свидетельству исправника В.К. Чупина, к 1861 г. были отремонтированы 12 кричных горнов и молотов и начата «фундаментальная перестройка» Тирлянского завода. Производительность заводов достигла 300 тыс. пуд. чугуна и 150 тыс. пуд. железа. Владельцы стремились разными способами «успокоить» заводское население, разочарованное прежним управлением. Но все принятые меры оказались недостаточными: «в запасы рудой и углем войти не успели и оборотный капитал не приобрели». Поэтому реформа 1861 г. застала Белорецкие заводы «совершенно не приготовленными свободно вынести всю тягость ее». Уже в марте 1861 г. крестьяне подали жалобу «на неудовлетворение их платами за произведенные работы и недостаток заготовленного провианта». Заводоуправление сослалось на неполучение «денежных средств от проживавших в Москве заводовладельцев... и обратилось к займу в Екатеринбургской конторе Государственного банка». Исправник пытался было сам «понудить заводчика к безотлагательной высылке денег», но его письма остались без ответа.

В апреле 1861 г. к делу подключился главный начальник уральских заводов Ф.И. Фелькнер. «Считаю обязанностью моею предупредить Вас, милостивые государи, – обращался он к Пашковым, – о том, что... в случае возобновления жалоб Правительство должно будет обратиться к указанным в законах мерам». Он настаивал «на немедленном изыскании средств к удовлетворению рабочих причитающимися им платами непременно по истечению каждого месяца». В майском письме главный начальник предупредил Пашковых, что «если вскоре не будет выслано денег в заводы, то белорецкие крестьяне могут допустить себя до самовольства и беспорядков, от которых произошли бы весьма неприятные последствия».

В ответ заводчики сослались на утвержденное еще в 1817 г. для их заводов положение о платах, которому они беспрекословно следовали с того давнего времени, но «в виду дороговизны припасов» все-таки распорядились несколько повысить заработную плату. «Не только положение, написанное 35 лет тому назад, но и сделанные вами небольшие прибавки к платам не удовлетворяют потребностей настоящего времени, когда все предметы первой необходимости и вольные платы за труд сделались в несколько раз дороже», – разъяснил Ф.И. Фелькнер сложившееся положение и предупредил, что копию письма направил министру финансов А.М. Княжевичу³.

Сергей Иванович вынужден был объясняться и с главным начальником, и с министром. Первому он сообщил, что уже перевел на заводы 21 тыс. руб., «кои с занятыми в Екатеринбургской конторе 15 тыс. руб. достаточно обеспечивают требования заводууправления», а в конце мая пообещал лично прибыть на заводы. Недостаток хлеба, объяснял он, произошел не столько от неурожая, сколько «от вины самих крестьян, кои с намерением учинили посев онного... в весьма малом количестве». «Защищать в сем случае крестьян, – писал он, – все равно, что желать обвинять заводовладельцев, что нахожу я несправедливо. Могу заверить Ваше Превосходительство, что все, что можно будет сделать для обеспечения заводов, будет мною исполнено, а в случае крайности прибегну к Вам, уверен будучи, что Вы не

откажете в Вашем справедливом покровительстве». Министру он дополнительно сообщал, что уже утвердил «новое увеличение задельных плат по работам», присо-вокупив, что на Белорецких заводах «денежные платы рабочим не могут быть сравнены с другими заводами, так как здесь мастеровые и крестьяне без исключения занимаются хлебопашеством в значительных размерах, чего нет ни на одном из заводов России»⁴.

Между тем в субботу 15 мая рабочие кричного цеха Тирлянского завода «остановили работы в 17 часов, не выработав полностью недельного урока». При этом они сослались на то, что «по закону и вновь изданному положению в воскресные и табельные дни работать не положено, а урок в 85 пуд. они не могут выполнить ранее воскресного утра». Вместо владельца на Белорецкие заводы тогда прибыл горный инженер В.М. Окладных, для того чтобы «сравнить положение мастеровых». Он установил, что «неповиновение» исходило от рабочих «старокричного цеха», где «уроки» были равны с теми, которые вырабатывались «более выгодным и удобным мало-кричным, или контуазским способом», но требовали больше времени. «В прошении рабочих нет особенного непослушания, – констатировал он, – их обращение к начальству есть следствие необходимости... На уменьшение урока и прибавку платы рабочие смотрят как на неизбежность к прокормлению себя с семейством при высокой цене хлеба».

Главный начальник «признал заключение офицера о необходимости уменьшения урока по выковке железа старо-кричным способом до 75 пуд. в седмицу вполне основательным» и попросил С.И. Пашкова в бытность его в заводах «вникнуть в это дело и сделать к удовлетворению справедливых просьб крестьян окончательное распоряжение». Заводчик приехал на Урал в сентябре 1861 г., видимо, для подписания уставных грамот. Он сообщил Ф.И. Фелькнеру, что «уменьшил уроки до 74 пуд. 15 фунтов и за передел назначил вместо 43 по 60 коп.», но при этом он увеличил штрафы за «недодел урочного железа», поскольку заметил, что многие рабочие «вздумали не выполнять и сего малого урока». Было увеличено жалованье и «по всем прочим производствам... и всем должностным лицам». «Я полагаю, что такового положения ни на одном заводе не существует», – уверял он, отметив, что «накопец надобно уже сделать и границу сим прибавлениям»⁵.

Последнее было, очевидно, не следствием скупости заводчика, а результатом сложившихся обстоятельств, которые пояснял тот же заводский исправник В.К. Чупин. «Предоставляя сведения о причинах упадка Белорецких заводов, – писал он главному начальнику в апреле 1862 г., – я имел честь объяснить Вашему Превосходительству о недостатке оборотного капитала для действия заводов, но не совсем подробно изложил причины затруднения для заводоуправления приобретать денежные средства». «К вящему затруднению заводских дел, без того сильно расстроенных неурожаями предшествующих годов, дороговизною провианта и всех заготовительных припасов, – сообщал исправник, – караван, отправленный с выработанным металлом весной 1861 г., обмелел вблизи заводов» (в результате этого товар не был продан). Почти то же самое произошло и на следующий год. «Белорецкие крестьяне, – продолжал В.К. Чупин, – назначили себе платы выше тех, которые получали прежде, а потому... взамен крестьян были наняты на караваны башкирцы Стерлитамакского уезда... Получив задаток, забрав весь хлеб, крупу и соль... они бежали с каравана... едва только успел караван дойти до Кагинского завода, отстоящего в 80 верстах от Белорецкого, а с обмелевшего в минувшем году – сбежали, как только спустили барки на воду... Побег башкир окончательно бы разорил заводовладельцев и заводы. Вынуждены были... выдать трой-

ную плату против башкир кагинским и узьянским крестьянам, которые взялись сопровождать барки до пристани Табынской... Башкир бежало до 180 чел. с верхнего каравана и до 100 – с нижнего. Из этого можно видеть как велики убытки заводов и какие управление должно понести расходы, чтобы пополнить число судорабочих». Исправник предупреждал, что «не одни башкирцы склонны избегать выполнения обязательств, таких же поступков можно ожидать и от заводских крестьян по прекращению обязательных отношений, тем более что выполнение работ в переходное время при сохранении обязательного труда без крепостного права портит рабочее население»⁶.

По оценке исправника, все эти обстоятельства «окончательно подорвали заводский капитал и заводы тогда же должны были закрыться, но пособие, дарованное по Высочайшему соизволению, позволило продолжать их действие». «Пособие» заключалось в трехгодичной рассрочке казенных долгов. Как свидетельствовал В.К. Чупин, «совершенная поправка дел заводских зависела от перестройки фабричных устройств и постепенного приобретения оборотного капитала». Для этого «заводоуправление с 1861 г. употребляло все свои силы, истощив на этот предмет последние денежные средства». «Его старания увенчались успехом, дав возможность в 1863 г. пустить в Тирлянском заводе новую фабрику, позволившую производить ежегодно до 150 тыс. пуд. сортового железа; кроме сего там же построены два сильных меха, две вагранки, оканчиваются возведением стальные и отражательные печи, приобретены две новые паровые машины до 100 лошадиных сил и производится установка прокатных машин в новой Белорецкой фабрике». Но по этой причине, а «отчасти по обстоятельствам, относящимся до самих владельцев», Белорецкие заводы «оказались не исправными в платеже долга сохранной казне».

Не будучи непосредственно виновными в бедах своих заводов, владельцы тем не менее подвели кредиторов, предоставивших им ссуды под металлы. Уже в 1861 г. на них были поданы жалобы от имени известного оптового торговца металлами купца С.И. Кони. Его пасынок, коллежский советник И.И. Кони, утверждал, в частности, что Пашковы «постоянно под залог имеющего выковаться у них железа берут задаточные деньги, часть коих только употребляют на горнозаводское дело, выкованное железо на взятые впредь деньги у одних лиц распродают другим, остальное закладывают в Екатеринбургскую банковскую контору и, таким образом, ссылаясь на маловодье и неурожай, доставляют законтрактованное железо в город Лайшев далеко не в полном количестве, несвоевременно и обремененное различными сторонними долгами».

В качестве примера он описал случай со своим отчимом, который по контрактам, заключенным с Пашковыми, должен был получить весной 1861 г. в Лайшеве 130 350 пуд. железа, но «в срок не поступило ни одного пуда». Выкованные на деньги купца 130 тыс. пуд., по утверждению И.И. Кони, были «распроданы на месте в заводах и в Троицкую ярмарку посторонним лицам», а 79 тыс. пуд. «за позднюю отправкою» не дошли в Лайшев ни в 1861, ни в 1862 гг. Для того чтобы получить их, купец должен был заплатить более 33 тыс. руб. «собственно на удовлетворение долгов Пашковых, которые решились поставить это себе в заслугу и утверждали перед Правительством, что они погасили некоторые долги». Проситель уверял, что «у Пашковых кроме долгов ничего нет», настаивал на изъятии заводов из управления владельцев, передаче их опеке и продаже с публичных торгов⁷.

Хорошо представляя положение уральских заводов в пореформенные годы, главный начальник Ф.И. Фелькнер тоже склонялся к учреждению опеки. По его сведениям, на Белорецких заводах числилось в долгах Петербургской сохранной

казне 524 004 руб., рассроченных банковских и казенных ссуд – на 73 тыс. руб., частных долгов владельцев – 447 272 руб. (всего на 1 044 277 руб. сер.). Доход же имения за два года составил всего 11 566 руб. Большая часть долгов (с учетом поданных ко взысканию через суд значительных карточных долгов) падала на Н.И. Пашкова, долю которого во владении заводами и предполагалось взять в опекуновское управление. Видимо, после всех «разоблачений» главный начальник уже не доверял Пашковым, полагая, что «в настоящее положение кризиса всех вообще заводов, уплата долгов может останавливаться на неопределенное время, поскольку... полицейским порядком взыскание может производиться не иначе как за обеспечением заводского действия, а это... доставляет заводчику возможность уклоняться от удовлетворения претензий кредиторов».

«До какой степени справедлив подобный вывод Горного правления, я говорить не стану, потому что оно говорит само за себя, – отвечал С.И. Пашков, – но для меня удивительно только то, почему правление полагает более удобным и выгодным в настоящий период времени стеснять заводовладельца и брать половину его имения в опеку во вред Правительству и на явную гибель заводчика». На обвинения С.И. Кони он реагировал еще более резко, утверждая, что тот уже вовсе не состоит их кредитором, поскольку «передал другим лицам все заемные письма... и о них производится спорное и апелляционное дело, по которому письма эти, быть может, будут еще уничтожены». «Не скрою от Вашего Высокопревосходительства, – признавался Сергей Иванович министру финансов М.Х. Рейтерну, – я имею частные долги, происшедшие вследствие семейного процесса, продолжавшегося почти 20 лет (по разделу наследства отца. – *Е.Н.*). Ныне вследствие всеобщего кризиса в деньгах кредиторы не довольствуются получением процентов, но требуют уплаты капиталов... Оставаться нам в этом критическом положении невозможно. Кредиторы, конечно, все начнут преследовать нас требованиями своими, и тогда неминуемо последует продажа заводов, а с тем вместе и наше разорение». Он просил предоставить ссуду Белорецким заводам в 150 тыс. руб. или учредить попечительство над ними. «При ссуде денег я буду иметь возможность удовлетворить значительную часть кредиторов и иметь оборотный капитал для действия заводов; при учреждении попечительства за отделением необходимой ограниченной суммы на содержание наше всю остальную сумму от доходов попечительство употребит на удовлетворение кредиторов», – обещал он. Но оба варианта не устроили министра: в ссуде было отказано, поскольку и без того на заводах «висели» значительные и уже рассроченные долги, а просьбы о попечительстве, «на каких бы они не предполагались правах», не принимались по особому царскому распоряжению⁸.

Еще один вариант решения проблемы с долгами Пашковых предложил их племянник, надворный советник Д.П. Сушков, которому Николай Иванович тоже был должен 30 тыс. руб. Этого родственника, вероятно, задело то, что в одном из многочисленных прошений, поданном впервые тогда явившимся в качестве доверенного лица сыном одного из владельцев гвардии ротмистром Владимиром Сергеевичем Пашковым, его долг был указан в меньшем размере. «Я представил документы мои по миновании срока за неплатеж ни капитала, ни процентов, – писал Д.П. Сушков, – о чем у нас с ним были неоднократные разговоры, и это обстоятельство дает ясное понятие о чистосердечии объяснений его и открывает вполне неблагоприятную изворотливость их». Он также доносил, что якобы сооруженная на Белорецком заводе «новая фабрика», которой С.И. Пашков очень гордился, «начата только постройкою... и окончена быть не может по неимению денег». Это, на

его взгляд, «только служило новым доказательством упадка заводов, потому что, не платя третий год процентов ни казне, ни частным кредиторам, заводы не имели даже достаточных средств на постройку необходимых зданий для производства железа». Дополнительно он сообщил, что ни ему одному задолжали владельцы из ближайших своих родственников, а в целом сумма всех долгов приближалась к 2 млн руб. Племянник предлагал не учреждать опеку, а «сформировать администрацию, которая бы занялась установлением точной цифры долгов посредством вызова кредиторов и продажей имущества»⁹.

После всех этих «разбирательств» почти одновременно было принято сразу несколько властных решений. Указом Сената от 28 августа 1863 г. предписывалось взять часть Н.И. Пашкова в Белорецких заводах в опекуновское управление «с тем, чтобы из доходов с означенных заводов преимущественно пополняема была половинная часть следующих с Николая Пашкова платежей сохранной казне, горных податей и других казенных повинностей и взысканий». В ноябре Петербургская сохранная казна инициировала передачу Белорецких заводов в казенный присмотр и их продажу за накопившуюся недоимку в 96 506 руб. Как обычно в таких ситуациях, присмотр был возложен на заводского исправника.

Однако ни опека, ни присмотр, как свидетельствовал кредитор И.И. Кони, «по неизвестной причине не составляли ни описи, ни оценки помянутых заводов, чрез что Пашковы, пользуясь доходами от имения и делая новые долги», вели «заводы свои к окончательному разорению». Видимо, одновременность двух видов контроля были причиной медлительности в исполнении решений властей. Казенный контроль, как оказалось, должен был распространиться на опеку, что было нелогично и не имело санкции. Только в 1864 г. Оренбургское губернское правление распорядилось об описи заводов и сдаче их в заведование Оренбургской дворянской опеке. Горное правление полагало, что «подчиненность Белорецких заводов одному казенному присмотру или опеке предоставляла бы более ручательства в успешном исполнении требования с них недоимок и взысканий».

Не бездействовали и Пашковы, добившись новой отсрочки платежей. Император 5 февраля 1865 г. повелел не подвергать пока Белорецкие заводы продаже, а накопившуюся недоимку сохранной казне «причислить к капитальному долгу» и вновь рассрочить долг на 37 лет «с тем, чтобы если и за сим последует малейшая неисправность в своевременном взыскании следующих казне платежей, то рассрочка будет считаться отмененной и заводы подвергнуты немедленной продаже». Губернскому правлению, в ведении которого находилась опись имения должников, в марте было сообщено об отмене описи. Вскоре последовало и распоряжение Горного департамента о снятии казенного присмотра¹⁰. Но сенатский указ об опеке над имуществом Н.И. Пашкова, включая и его половину владения Белорецкими заводами, не был отменен. Опекуном выступал тогда Н.В. Ренев.

За деятельностью опекуна пристально следили кредиторы, чья надежда на возвращение своих ссуд была утрачена после отмены продажи имущества. «Заводы, если и находятся в действии, то не приносят никакой пользы, – констатировали они в очередном прошении в Горный департамент. – Из отчета опекуна за 1865 г. видно, что заводы своими действиями причиняют убыток, так, например, заняв в Государственном банке под залог железа в 1865 г. 101 859 руб., они смогли уплатить только 59 870 руб., употребив на производство 137 тыс. руб., выручили всего 128 тыс. руб., а если к этому прибавить еще вновь образовавшийся долг 30 тыс. руб. не уплаченной крестьянам задельной платы, то весь убыток за 1865 г. превзойдет 50 тыс. руб.»

По требованию кредиторов, 14 марта 1866 г. Московское губернское правление объявило Пашковых несостоятельными должниками и учредило конкурсное управление, председателем которого стал коллежский ассессор П.Г. Степура-Сердюков. Но конкурсу предстояло еще получить имущество должников в свое распоряжение для его последующей реализации, что, поскольку оно находилось в опекуном управлении, было сложно. «Г-да Пашковы, – доказывало конкурсное управление, – признаны уже несостоятельными должниками на огромную сумму так, что всего их имущества далеко не достаточно на покрытие всех долгов, и если горные заводы Пашковых вместо продажи были оставлены в опекуном управлении, то опека будет вечно продолжаться, а кредиторы устранены будут не только от распоряжения, но и от пользования заводами Пашковых... Если действие заводов состоит в том, что они приносят убыток, то по крайнему убеждению конкурсного управления таковые заводы следует прямо отнести к находящимся в упадке... и подлежащим продаже»¹¹.

В отличие от своего расточительного брата Николая Ивановича, и прежде не особенно проявлявшего себя в управлении заводами, Сергей Иванович энергично отстаивал их общие права на главное семейное достояние. Несколькими прошением в Сенат и Министерство финансов он пытался воспрепятствовать передаче заводов в распоряжение конкурса. В одном из них он доказывал, что конкурсное управление настаивает на продаже «в видах одного купца Семена Кони», который якобы и был тайным организатором кампании против братьев. Он, по уверению С.И. Пашкова, «скупил за 64 тыс. руб. все обязательства брата Николая, выданные разным лицам по карточной игре на сумму 298 875 руб. и передал их своей жене Александре Ермиловне, сыну Николаю, пасынку Ивану, падчерице генерал-майорше Ушаковой (совладелице Сергинско-Уфалейских заводов. – *Е.Н.*) и подполковнику Бергу (совладельцу Шайтанских заводов. – *Е.Н.*)». «И эти-то лица собрались и избрали в члены конкурсного управления поверенного Кони – коллежского ассессора Степуру – бывшего секретаря Московского губернского правления и близких ему чиновников... губернского секретаря Богдановского – бывшего экзекутора Второго департамента гражданской палаты и титулярного советника Виноградова – столоначальника Первого департамента палаты. О составленном Кони плане наступления за 64 тыс. руб. обязательств моего брата... купить за бесценок наши горные заводы известно из формального сведения поверенного Кони – надворного советника Фридмана».

В другом прошении С.И. Пашков сообщал, что дело о карточных долгах брата передано «на рассмотрение судебных мест», а потому они не могут до решения суда входить в «долговую сумму». Утверждая, что Московское губернское правление, учредив конкурсное управление, превысило свои полномочия, он ходатайствовал о недопущении продажи заводов. В марте 1867 г. откликнулся на угрозу потери имения и прежде молчавший Н.И. Пашков. Он просил министра финансов оставить заводы в опекуном управлении, поскольку считал, что «продать значительное имение за настоящую сумму невозможно, ибо всякий покупатель с деньгами ищет купить имение за половину его настоящей ценности и даже менее еще, а продажа нашего значительного имения за бесценок приведет нас в совершенное разорение и нищету»¹².

Противостояние владельцев и кредиторов продолжалось в течение нескольких лет. За это время Пашковы сделали еще не одно предложение по ликвидации казенных долгов, которые в первую очередь заботили власти. Братья просили о разрешении вновь заложить заводы «в одном из кредитных установлений или в частные ру-

ки». Когда в этом было отказано по причине того, что заводы находились в залоге у Петербургской сохранный казны, то в июне 1868 г. они обратились в Министерство внутренних дел «об оказании им пособия от Правительства к поддержанию заводского действия из крестьянского капитала с целью предупреждения неизбежных с закрытием заводов расходов из этого же капитала на переселение мастеровых на казенные земли». Была предпринята попытка погасить долги из выкупной суммы, хотя, как оказалось, все крепостное население округа (4904 рев. души) было в свое время зачислено в разряд мастеровых и, «получив в дар усадебную оседлость, отказалось от принятия в надел прочих бывших в его пользовании земель», что исключало выкуп. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев, усмотрев в таком порядке зачисления крепостных несомненную ошибку, полагал, что исправить ее невозможно, потому что «пришлось бы отменять вошедшую в силу уставную грамоту и обращать вновь в обязательные отношения к заводовладельцам людей, прекративших уже эти отношения». Вместе с тем, писал он министру финансов М.Х. Рейтерну, «нельзя не признать, что участь заводовладельцев, лишившихся вследствие помянутой ошибки даровой рабочей силы без всякого вознаграждения и пришедших главнейше вследствие сего в упадок, заслуживает внимания Правительства». Такая двойственность позиции объяснялась, вероятно, тем, что министр, будучи оренбургским помещиком и родственником Пашковых (его жена, Е.А. Пашкова, была двоюродной племянницей братьев Пашковых и совладелицей Богоявленского завода), пытался помочь им выбраться из финансовых трудностей. Однако выяснилось, что в случае пересмотра уставных грамот и наделения мастеровых земель выкупная сумма составит всего 735 750 руб., а при обязательном выкупе – 588 600 руб., что вовсе не покрывало всех обнаружившихся долгов владельцев.

При объявлении Пашковых несостоятельными должниками на Николая Ивановича были предъявлены частные взыскания на 872 320 руб., на Сергея Ивановича – на 432 908 руб., на обоих вместе – 77 301 руб., что в совокупности с казенными долгами (выросшими с процентами до 749 567 руб.), невыданной задельной платой крестьянам (30 тыс. руб.) и поземельной недоимкой (6817 руб.) составило огромную сумму – более 2 млн руб. сер. Выяснилось также, что, как признал Московский окружной суд, все частные долги подлежали удовлетворению, включая и спорные карточные. Имения же Пашковых были оценены всего в 1 014 123 руб. Жалобы Пашковых на неправильную оценку могли рассматриваться, согласно закону, в Московском губернском правлении, при котором и было создано конкурсное управление. Результатом такого расклада, явно свидетельствовавшего не в пользу владельцев, стало постановление Сената от 19 декабря 1870 г.: прошения Пашковых «оставить без последствий» и передать их имущество конкурсному управлению. Другим своим указом 9 сентября 1871 г. Сенат разъяснил, что признал «несовместимость существования опеки с действиями конкурса по продаже заводов, состоявших под опекой», о чем были извещены Московское и Оренбургское губернские правления «для руководства»¹³.

Получив в 1872 г. в свое распоряжение Белорецкие заводы, конкурсное управление вовсе не занялось осуществлением «плана» С.И. Кони посредством скупки долгов приобрести имение Пашковых за бесценок (если таковой действительно существовал не только в воображении С.И. Пашкова), поскольку еще в 1868 г. купец сам был объявлен несостоятельным должником по делам Сергинско-Уфалейских заводов. Видимо, в такой ситуации в конкурсном управлении решающее влияние приобрели не представители дискредитировавшей себя «группы Кони», а кредиторы из числа родственников Пашковых, которые объединились с самими обанкро-

тившимися владельцами для поиска выгодного им покупателя. Это следует из того факта, что одним из двух учредителей акционерного общества, которому будут затем проданы заводы, оказался сын Сергея Ивановича – отставной гвардии ротмистр Владимир Пашков. Другим учредителем выступил торговый дом «Вогау и К^о», принадлежавший известной в предпринимательской среде России семье немецкого происхождения.

Устав акционерного Общества Белорецких железоделательных заводов Пашковых был утвержден 15 февраля 1874 г. Целью его создания стало «приобретение Белорецкого и Тирлянского заводов коллежского советника Николая и отставного гвардии ротмистра Сергея Пашковых, развитие производящейся разработки руд и добывание других минералов, находящихся в землях, подлежащих заводской эксплуатации, выплавка чугуна, выделка железа и стали, превращение их в изделия и сбыт произведений».

Приобретая «в полную собственность» у конкурсного управления Белорецкий округ, Общество обещало уплатить казенные долги «в том количестве, какое указано будет Министерством финансов». Акционерный капитал в 1,1 млн руб. разделялся на 8,5 тыс. акций «первого разряда» по 100 руб., которые «передавались кредиторам Пашковых в уплату их претензий, согласно договора», и погашались из доходов Общества в течение 28 лет. Тысяча акций «второго разряда» по 250 руб. распределялась между учредителями и приглашенными участниками и оплачивалась «в полной их нарицательной цене» для составления оборотного капитала. Обществу разрешалось «приобретать в собственность и устраивать вновь или арендовать и другие заводы... залежи руд, земли и леса»¹⁴. В дальнейшем это послужит Белорецкому обществу основанием для покупки соседних Кагинских и Катав-Юрюзанских заводов.

Вогау, видимо, решились участвовать в этой операции в расчете на льготы, которые, как правило, предоставлялись покупателям горных заводов со значительными казенными долгами. Только образовавшись, Общество немедленно попросило у Министерства финансов «уступок и льгот» и беспрепятственно получило их. Комитет министров постановил в случае уплаты Обществом «капитальной суммы» сохранной казне суммировать накопившиеся проценты за просрочку платежей и не требовать на протяжении двух лет выплаты процентов по образовавшемуся долгу по двум ссудам из Государственного казначейства, после чего эти проценты причислить к капитальному долгу и рассрочить на 37 лет «по банковским правилам». Император 28 июня 1874 г. утвердил это положение Комитета министров.

В Киевской палате гражданского суда 2 декабря 1874 г. была подписана купчая на Белорецкие заводы. На основе протокола Общего собрания кредиторов, состоявшегося 22 марта 1874 г., конкурсное управление продавало акционерному обществу Белорецкий и Тирлянский заводы с с. Березовка и дер. Ломовка с 209 850 дес. земли с учетом 172 580 дес. «в округе Главной заводской дачи», трех небольших участков, «прирезанных к Главной даче от земель башкир Кубеляцкой волости», и 30 610 дес. «в отхожей даче, именуемой Кубовская, в общем владении состоявшей», а также три рудника «за рекою Уралом близ Магнитной станицы в горе Атаче, называемой также Магнитной... и с правом иска о собственности на прочие местности горы Атачи», данным Пашковым еще 26 мая 1869 г.

Конкурсное управление получало за это имущество 999 238 руб. сер., включая 632 958 руб. долга Петербургской сохранной казне и 37 328 руб. капитала по ссудам из Государственного казначейства. Оставшиеся 328 951 руб. достались конкурсу наличными для распределения между кредиторами. На Общество переводились так-

же 86 031 руб. долга Екатеринбургской банковской конторе (сумма, выданная под залог железа) и «все обязательства... по день совершения купчей крепости на приобретаемое им имение». Иные долговые обязательства покрывались, в соответствии с уставом Общества, его акциями «первого разряда»¹⁵.

Младшей ветви рода Пашковых, идущей от обер-егермейстера В.А. Пашкова, принадлежали на Южном Урале несколько имений с действующими медеплавильными заводами. Воскресенский, Верхоторский и Богоявленский заводы находились в общем владении трех братьев: отставного генерал-майора Александра Васильевича, генерал-лейтенанта Михаила Васильевича и отставного гвардии штаб-ротмистра Ивана Васильевича Пашковых. По предварительному соглашению 1836 г. братья поделили между собой три заводских имения: Верхоторский завод должен был поступить Ивану, Воскресенский – Михаилу, Богоявленский – Александру. Этот раздел не был оформлен законным образом, и все три завода формально остались в общем владении братьев, но, видимо, управлялись ими отдельно, как того и требовало «предварительное соглашение»¹⁶.

Предпринимательские способности ярче всего проявились у управляющего Департаментом внешней торговли Министерства финансов Михаила Васильевича Пашкова, не случайно в 1859 г. избранного председателем Комитета заводладельцев Оренбургской губернии для составления проекта крестьянской реформы. Кроме того, в 1838 г. он стал единоличным владельцем купленного у Гусятниковых Преображенского медеплавильного завода, расположенного в 200 верстах от Воскресенского. Для получения дополнительных ассигнований в 1852 г. М.В. Пашков заложил этот завод у своих родственников Белосельских-Белозерских. Закладная была продлена 2 апреля 1859 г. Тогда из капитала, принадлежавшего несовершеннолетнему князю К.Э. Белосельскому-Белозерскому, с разрешения опекунов – княгини Е.П. Кочубей и графа Э.К. Сиверса – он занял 350 тыс. руб. сер. под залог Преображенского имения. «А буде я, Пашков, тех в заем данных мне денег на означенный срок не заплачу, то вольно им сию закладную, где следует явить и удовлетворение получить, как законы повелевают», – отмечалось в закладной. При жизни заводчик вовремя расплачивался по долгам, внося вперед «указанные проценты». Одним из последних своих распоряжений он возвратил 150 тыс. руб. и уплатил проценты до 1865 г.¹⁷

Михаил Васильевич скончался в Париже в июне 1863 г.¹⁸ Наследниками стали его вдова Мария Трофимовна (урожденная фон Баранова) и дети: Николай, Юлия

(была замужем за гвардии штаб-ротмистром Иосифом Михайловичем Судьенко), Мария (супруга генерал-адъютанта князя Владимира Дмитриевича Голицына), Александра (жена камергера, действительного статского советника Виктора Владимировича Апраксина) и фрейлины Екатерина, Леонилла и Ольга Пашковы. Им и пришлось нести ответственность за находившееся под залогом имущество, что оказалось сделать нелегко из-за общего упадка металлургического производства на Урале, а также отсутствия у совладельцев какого-либо опыта управления заводами.

Заводский исправник С.А. Вандышев сообщал в связи с этим, что «благосостояние Воскресенского и Преображенского заводов независимо от причин увольнения от крепостной зависимости заметно расстроилось в 1865, 1866 и в начале 1867 г.» «Причиной такого упадка... служило то, что заводы в этот период не только не имели оборотного капитала, но даже не могли располагать всею выручаемою от продажи произведений суммой. Единственным источником к поддержанию их производства была только ссуда кредитных учреждений, выдаваемая под залог выделываемых металлов, которой, не говоря уже о расширении заводского действия, недостаточно было даже для обыкновенного действия заводов. Между тем особенно в это же скудное средствами время, заводы обременены были огромными накладными расходами, далеко не соответствовавшими их производительности: управление как самими заводами и рудниками, так и частями их, размноженными до большого излишества, поручено было новым служащим, незнакомым с местными обстоятельствами и не отличавшимся, как оказалось на деле, достаточной опытностью. Само собой разумеется, – констатировал исправник, – что такое положение дел не могло не иметь тяжелого влияния на действие заводов, имевших сверх того еще и долги»¹⁹.

По справке Горного департамента, к 1867 г. производительность Воскресенского завода сократилась с 17 тыс. до 4 тыс. пуд., а Преображенского – с 16 тыс. до 1329 пуд., в то время как долги служащим и рабочим, а также поставщикам припасов выросли до 145 тыс. и 187 тыс. руб. соответственно. «Истощение запасов при недостатке оборотного капитала» вместе с «неподготовленностью заводов к освобождению заводских людей, заставшее их врасплох», не могли, по мнению чиновников, не привести к подобным результатам. Более того, на Воскресенском заводе с 1862 г. стала накапливаться податная недоимка по залогу в бывшем Государственном банке, сделанному еще в 1838 г. В январе 1864 г. эта задолженность в размере 6355 руб. привела к распоряжению Уральского горного правления взять завод в казенный присмотр «для сбора доходов и пополнения недоимки». Заводская контора опротестовала это решение на основании сенатского указа от 30 июля 1863 г., в соответствии с которым на погашение накопившихся казенных долгов и податных недоимок направлялись выкупные платежи. В то время как раз завершалось определение выкупной суммы по Воскресенскому заводу, и контора намеревалась погасить долги «удержкою из означенной суммы». В связи с этим Горный департамент тогда же отменил казенный присмотр²⁰. Однако в отношении частного залога по Преображенскому заводу он не был уполномочен принимать подобные спасительные для владельцев решения.

Накопившаяся по этому залогу задолженность в сентябре 1866 г. стала причиной подачи закладной ко взысканию и принятию Оренбургской судебной палатой 28 сентября решения о передаче Преображенского завода во временное владение залогодержателя К.Э. Белосельского-Белозерского «по описи с отображением от него подписки в том, чтобы он до окончательного утверждения имения сохранил оное

в том виде, в каком примет». По закону владельцу давался один год для погашения долга до окончательной передачи имения залогодержателю. Поверенный князя 11 ноября 1867 г. сообщал, что годовой срок на выкуп имущества прошел, и просил судебную палату сделать распоряжение об оценке Преображенского завода «для препровождения в Петербургское губернское правление для производства публичной продажи».

Но продажа имения в целях погашения частного долга не была одобрена начальством. Уральское горное правление хотя и распорядилось о составлении необходимых в таком случае описи и оценки, выразило сомнение в законности судебного решения, поскольку за частные долги заводы не выставлялись на продажу, а поступали в опекуновое управление²¹. В столь сложной ситуации, грозившей в случае публичной продажи утратой значительной собственности за бесценюк, и сами совладельцы сочли учреждение опекуновского управления единственно возможным выходом.

По их ходатайству 15 мая 1867 г. была высочайше учреждена опека над общим имением, включавшим «два медеплавильных завода в Оренбургской и Уфимской губерниях и 993 дес. земли в Тульской губернии». Совладельцам предоставлялось право «самим избрать по большинству голосов одного или нескольких опекунов для управления принадлежащими им имениями с подчинением этого опекуновского управления... одной из дворянских опеку по выбору Пашковых»²². Таковой, что понятно, стала Санкт-Петербургская дворянская опека, которая утвердила и избранных опекунов: товарища министра юстиции тайного советника графа Константина Ивановича Палена (уже осенью 1867 г. он будет назначен министром) и действительного статского советника и камергера Матвея Ивановича Рейнгардта. Только поддержка этих влиятельных лиц и могла, по мнению владельцев, помочь им «перенести этот неожиданный кризис». С их помощью, видимо, предполагалось получить или новую ссуду, или рассрочку долгов.

Не случайно в декабре 1867 г. министр финансов М.Х. Рейтерн обратился к главному начальнику уральских заводов А.А. Иоссе с конфиденциальной просьбой сообщить ему сведения, которые помогли бы «составить верное понятие о настоящем положении дел господ Пашковых и их заводов». Вряд ли главному начальнику было известно «положение дел» самих владельцев, но состояние и перспективы развития их заводов он вполне мог оценить. В ответной записке А.А. Иосса описал министру «тягостное положение заводов, обремененных большими долгами и почти не действующих», но положение их он не счел «неисправимым». «По собранному на месте сведениям, – сообщал главный начальник, – естественные средства заводов так еще значительны, что могут вывести их из этого положения при достаточных денежных средствах и надлежащем управлении. Множество рудников... обещают еще значительные запасы руд, и большая часть их не разрабатывается не по причине истощения, а вследствие разных затруднений и неправильной разработки, которые могут быть устранены, если заводы получают достаточные средства на восстановление производства... Леса Воскресенского завода (30 807 из 41 357 дес.), хотя не обильны и в неисправном состоянии, но при надлежащем охранении их и правильном хозяйстве могут снабжать завод горючим материалом на выплавку 15 тыс. пуд. меди, тем более что завод имеет возможность приобретать часть леса от соседних владельцев. Зато Преображенский завод изобилует лесами (69 692 из 100 299 дес.) и может значительно увеличить выплавку меди, усилив разработку правильным образом своего коренного месторождения – Уваряжского (крупное месторождение золото-колчеданных руд. – *Е.Н.*). К сожалению, нельзя сказать того же о медных

рудниках, на западном склоне лежащих – Каргалинских (в 40 верстах к северо-западу от Оренбурга). Находясь в степи, где леса большей частью выжжены, они с трудом приобретают бревна для крепления рудничной выработки. Поэтому особо важно сохранение небольших остатков леса в этих местах от порубок и пожаров. Дрова и уголь обходятся на обоих заводах очень дешево сравнительно с другими уральскими заводами. В рабочих нет недостатка: население обоих заводов довольно значительно и по причине дурной и неудобной для хлебопашества почвы, особенно в заводе Преображенском, лежащем близ самого хребта Урала, нуждается в заводских и рудничных работах и вследствие прекращения действия на заводах вынуждено уходить на работы в другие местности или переселяться вовсе. Рабочие платы в заводах очень умеренные, но если будет поощряемо переселение заводских людей, то естественно, что цены на рабочих повысятся значительно и восстановит заводское производство в размерах наиболее выгодных будет затруднено недостатком людей».

«Соображая все сведения, собранные о заводах наследников генерал-лейтенанта Пашкова, – резюмировал Ф.И. Фелькнер свои размышления, – я заключаю, что положение заводов может быть улучшено и что они заслуживают поддержки по выгодам, которые обещают естественные богатства их, если только те будут извлекаться с благоразумием и знанием дела. Чем долее будут они оставаться в настоящем положении бездействия и упадка, тем более будут упадать еще и истощать свои богатства, и тем труднее будет потом восстановить их для выгодного, по возможности, производства. Фабричные устройства разрушаются, рудники обваливаются и затапливаются, леса истребляются порубками и пожарами, а долги по невозможности уплачивать их при бездействии заводов будут возрастать, тогда как заводы с каждым годом бездействия теряют свою цену. Поэтому весьма желательно для поддержания горного промысла, заведенного здесь с таким трудом и пожертвованиями, и для пользы края, развившегося и существующего большей частью этим промыслом, чтобы владельцы или другие лица нашли в ближайшее время капитал, достаточный для восстановления производства в прежнем и даже большем размере»²³.

Пока на высшем уровне обсуждались решения, опекунское управление принимало меры к сокращению расходов по поступившему в его ведение имуществу. Как свидетельствовал исправник, к февралю 1868 г. «излишние расходы до возможности были сокращены, что служит достаточным облегчением заводского действия, и вследствие этого надобно ожидать, что производство Воскресенского завода, изобильно обеспеченного лесами и рудниками, пополнивши истощенные запасы, к чему, как я заметил, уже приступлено, с настоящего года будет увеличиваться». В 1870 г. этот завод выплавил 5808 пуд. меди; действие же Преображенского завода было полностью остановлено. Причиной тому стала необычная ситуация, когда заводское имущество одновременно оказалось и под опекунским управлением, и во власти частного залогодержателя.

Предположительно, «разблокировать» такое положение помогли решения, принятые совладельцами и их опекунами: 2 сентября 1869 г. они совершили раздельный акт, 17 октября утвержденный нижегородским нотариусом. Это действие, как можно судить, было совершено в отношении родовых имений, формально еще не разделенных между тремя ветвями клана Пашковых. Событие произошло всего за три месяца до кончины старшего в роду – отставного гвардии штаб-ротмистра И.В. Пашкова, владельца Верхотурского завода. Он умер бездетным 9 декабря 1869 г. Наследниками Ивана Васильевича 23 октября 1870 г. Петербургский окруж-

ной суд утвердил двух его племянников – представителей оставшихся ветвей рода: полковника в отставке Василия Александровича и отставного коллежского асессора Николая Михайловича Пашковых. Раздел доставшегося им от дяди немалого родового и благоприобретенного имущества они совершили 1 декабря 1870 г. Вероятно, не случайно в той сложной финансовой ситуации, в какой оказались наследники М.В. Пашкова, Николай Михайлович предпочел получить наличными половину стоимости всех имений (750 тыс. руб.), процентные бумаги («капитал в разных русских и иностранных процентных бумагах и наличных деньгах, русских и французских кредитных билетах и французской золотой монете») и долговые обязательства «от разных лиц» на общую сумму 1 628 975 руб. Среди этих обязательств оказались и шесть векселей князя К.Э. Белосельского-Белозерского на 100 тыс. руб., которые, видимо, и позволили погасить остаток ссуды и освободить Преображенский завод от залога²⁴.

Как можно судить по рапорту доверенного служителя Бисярина, 8 июля 1870 г. он получил из Петербурга предписание Главного правления имениями князя К.Э. Белосельского-Белозерского сдать Преображенский завод «по случаю уплаты господами Пашковыми долга». Завод 9 сентября был передан управляющему Пашковых М.И. Крысину, а «управление Преображенским заводом со стороны князя Белосельского-Белозерского упразднено»²⁵. Это событие «развязало руки» совладельцам и опекунам, к тому времени уже решившихся полностью освободиться от обременительного уральского имения.

Установлено, что еще в апреле 1870 г. министр юстиции К.И. Пален испросил высочайшего разрешения на продажу подопечных ему имений британским подданным Александру Бродену и Вильяму Рекстер-Вагстафу за 850 тыс. руб. «с тем, чтобы вырученная от продажи сумма прежде всего обращена была на равномерное распределение кредиторов». Купчая была совершена 7 августа 1870 г. в Витебской судебной палате. Отправляясь в Витебск всего за три дня до продажи, М.И. Рейнгардт, действовавший как опекун и доверенное лицо Пашковых, просил Горный департамент «для выигрывания времени немедленно телеграфировать... о неимении со стороны горного ведомства препятствий к продаже Бродену и Вагстафу». Но как ни торопился опекун, ему пришлось скорректировать свои прежние планы. Воскресенский и Преображенский заводы он действительно продал за условленную ранее сумму, но не А. Бродену и В. Рекстеру-Вагстафу, а А. Бродену и Д. Ланкастеру. Барон Рекстер-Вагстаф, видимо, уклонился от столь поспешного совершения сделки; в том же году он купил другое горнозаводское имение на Урале – Холуницкий округ А.Д. Пономарева.

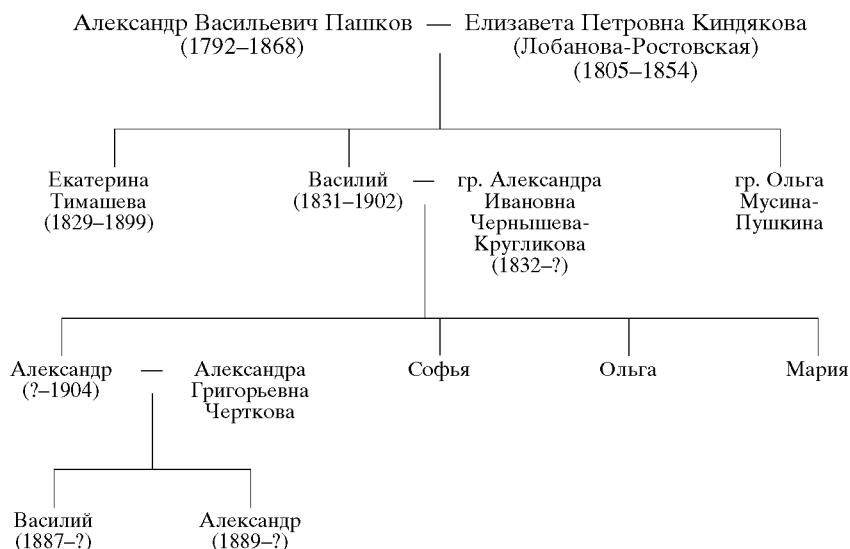
Предъявленные опекуном М.И. Рейнгардтом доверенности от совладельцев свидетельствовали о том, где Пашковы в то время находились. Большинство из них проживали в своих имениях: Мария Трофимовна Пашкова и ее дочери Леонилла и Екатерина, а также А.М. Апраксина – в Севском уезде Орловской губернии, М.М. Голицына – в Дмитровском уезде Московской губернии, Ю.М. Судненко – в Новгород-Северском. Ольга Михайловна, к тому времени вышедшая замуж за подполковника Николая Николаевича Бутурлина, жила в Петербурге, а Николай Михайлович Пашков засвидетельствовал свою доверенность в генеральном консульстве России в Египте²⁶. Для наследников М.В. Пашкова, утративших всякий интерес к «родовому заводскому делу», продажа заводов, вероятнее всего, стала наилучшим выходом из сложившейся ситуации.

«Компания российской меди», как стали называть себя британские собственники Воскресенского и Преображенского заводов, владела бывшими имениями Паш-

ковых недолго. В 1890 г. Воскресенский завод вернулся посредством его покупки во владение другой ветви рода Пашковых, а Преображенский в 1896 г. был куплен действительным статским советником Владимиром Николаевичем Охотниковым. Известно, что 23 марта 1896 г. поверенные британцев Д. Спелл и Д. Вайт просили у Горного департамента разрешения «на продажу имения под названием “Завод Преображенский” с находившимся в том имении бездействующим медеплавильным заводом» и в апреле его получили²⁷.

Эта покупка, скорее всего, не была случайной. Новый владелец был женат на княжне Александре Петровне Трубецкой (она тоже была потомком И.С. Мясникова), племяннице владельца Катав-Юрюзанских заводов князя К.Э. Белосельского-Белозерского. В 1905–1909 гг. Владимир Николаевич Охотников, уже став тайным советником и сенатором, участвовал в опекуновском управлении заводами своего родственника. Таким образом, с его помощью родовое Преображенское имение как бы «возвращалось» после 26-летнего владения британской компанией к потомкам И.С. Мясникова, так же, впрочем, как и Воскресенский завод (после 20-летнего перерыва).

В 1906–1908 гг. новый владелец ненадолго возобновил медеплавильное производство (вырабатывалось от 0,2 до 1,8 тыс. пуд.), а затем Преображенский завод был окончательно закрыт²⁸. Сам В.Н. Охотников на несколько сроков избирался предводителем дворянства Пензенской губернии, к 1916 г. дослужился до чина действительного тайного советника, был избран членом Государственного совета. Первым мужем его дочери Елены стал граф А.А. Игнатьев, автор известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю», вторым – П.А. Половцов, сын владелицы Богословских заводов Н.М. Половцовой²⁹.

В составе уральских заводчиков к началу XX в. остались представители еще одной ветви рода Пашковых, по разделу 1869 г. сохранившие в своем владении Богоявленский медеплавильный завод. Это были наследники генерал-майора Александра Васильевича Пашкова, скончавшегося в 1868 г. Уральский завод (с 60,3 тыс. дес. земли, включая 45 тыс. дес. лесов), как и другие горнозаводские имения Пашковых, в 1860-е гг. испытывал серьезные трудности, вызванные переходом от крепостного

труда к наемному, сопровождавшимся отказом мастеровых от выполнения тяжелых работ, в первую очередь рудничных. Производительность Богоявленского завода с 19 тыс. пуд. меди перед реформой 1861 г. снизилась до 3570 пуд. в 1868 г.

После кончины владельца имение перешло к его сыну – гвардии полковнику в отставке Василию Александровичу Пашкову и дочерям – Екатерине (супруге генерала от кавалерии Александра Егоровича Тимашева, бывшего в 1868–1878 гг. министром внутренних дел) и Ольге (супруге генерала от кавалерии графа Александра Ивановича Мусина-Пушкина). Но оставалось это имущество в их общей собственности недолго³⁰. Решение о разделе, видимо, было принято под влиянием уже известных событий, вызванных разделом наследства их дяди, И.В. Пашкова. Согласно акту от 1 декабря 1870 г., Василию Александровичу досталось все недвижимое имущество дяди. В его составе были родовой Верхоторский завод (с земельной дачей размером 47 110 дес.), «отхожая дача» в Каргалинской степи (2587 дес.), части Кубовской, Кармалинской и Карталинской дач «общего владения» с рудниками, три нижегородских имения (15 751 дес.) и деревянный дом в Нижнем Новгороде («на Покровке в Болотовом переулке»). Стоимость этого имущества составляла 575 тыс. руб., в том числе 300 тыс. руб. за завод.

Благоприобретенное имущество включало имения в Нижегородской и Тамбовской губерниях и деревянный дом в Стерлитамаке (на Разночинской ул.), купленные в период 1837–1858 гг., общей стоимостью 925 тыс. руб. Немалую ценность представляло движимое имущество «в серебряных вещах, картинах, мраморных статуях... находившихся частью в Париже и частью в Санкт-Петербурге в квартире и в конторе И.В. Пашкова». Василию Александровичу достались также 12 акций Тамбовско-Козловской и 23 временных свидетельства Ковно-Любавской железных дорог, 30 акций Первого российского страхового от огня общества и другие «процентные бумаги и долговые обязательства за разными лицами». Он брал обязательство выделить кузену Николаю Михайловичу «немедленно по утверждению сего акта половину стоимости тех имений, т. е. 750 тыс. руб. наличными деньгами или полученными по разделу процентными бумагами», за вычетом которых его часть наследства составила 1 628 975 руб. Раздел был утвержден столичным нотариусом 17 декабря 1870 г., а 11 декабря 1871 г. В.А. Пашков был введен во владение Верхоторским заводом, дела которого обстояли не лучшим образом: если в 1860 г. здесь было выплавлено 11 209 пуд. меди, то в 1868 г. завод был совсем остановлен и бездействовал уже три года³¹.

Вслед за состоявшимся 12 октября 1871 г. разделом (утвержден нижегородским нотариусом 7 декабря 1871 г.) последовал новый, в соответствии с которым сестры передали в единоличное владение брата и унаследованный от отца родовой Богоявленский завод, вероятнее всего, за предоставленную им денежную компенсацию³². При новом владельце медеплавильное производство на Богоявленском заводе постепенно сокращалось, концентрируясь на возобновленном Верхоторском, расположенном ближе к Каргалинским рудникам. В условиях падения цен на медь в 1880-е гг. и повышения расценок на доставку руды рентабельность производства снижалась. В августе 1887 г. управляющий имениями и заводами В.А. Пашкова английский инженер Я.Е. Гильтон уведомил Управление горной частью на Урале, что «по желанию доверителя медеплавильное производство при Богоявленском заводе прекращено» в целях «уменьшения расходов на управление и перевозку руды». При этом, как сообщал управляющий, владелец планировал, «не уменьшая работу на рудниках, производить выплавку меди на одном Верхоторском заводе». Я.Е. Гильтон докладывал, что на Богоявленском заводе будет производиться «вы-

делка разных лесных изделий, как-то: поташа, бочарных досок, мочала, корпия, дегтя и т. п.», что позволит заводскому населению «заниматься разнообразными работами, несмотря на то, что крестьяне наделены $\frac{1}{4}$ частью надела и производят промыслы хлебопашеством, скотоводством и пчеловодством».

По сведениям окружного инженера, на заводе тогда числилось всего 26 чел. на основных работах и 51 – на вспомогательных. Помимо «дарственного надела» они пользовались полевыми угодьями и топливом из владельческой дачи, арендовали землю под пашни и покосы, «нанимались ежегодно по условиям на срок около половины года производить работы по вольной плате, а остальное время проводили за собственными хозяйственными работами». После остановки завода В.А. Пашков «открыл выработку в его Богоявленской лесной даче разного рода изделий, устроил поташный и дегтярный заводы, английскую пильную и заведение для выработки и приема разного рода лесных изделий». Кроме того, бывшие заводские рабочие могли «отвозить из Богоявленска на рудники лесные материалы, а в обратный путь доставлять руду в Верхоторский завод и... оттуда доставлять выплавленную медь на Табынскую пристань». «В виду настоящих наличных данных, – заключал инженер, – крестьяне, в том числе и фабричные, имеют работ вполне достаточно для обеспечения и существования». Обнадеженный этим заявлением, главный начальник уральских заводов И.П. Иванов 10 декабря 1887 г. уведомил Горный департамент, что «исключил принадлежавший на праве собственности полковнику В.А. Пашкову Богоявленский завод... из числа действующих уральских горных заводов»³³. Вместо него вскоре было основано стекольное производство.

В 1890 г. Василий Александрович принял еще одно важное решение, как представляется, вызванное желанием расширить медеплавильное производство посредством покупки одного из родовых имений, проданного его родственниками англичанам в 1870 г. Воскресенский завод, как и Верхоторский, расположенный вблизи рудников, в период владения английской компанией был основательно модернизирован, но к концу 1880-х гг. из-за финансовых трудностей его производительность вновь снизилась с 17–19 тыс. до 3–6 тыс. пуд. В июле 1890 г. управляющий Д. Вайт просил разрешения «запродать Воскресенский медеплавильный завод с состоящими при нем землями и лесом и всей землей на Каргалинских рудниках, принадлежавших Воскресенскому и Преображенскому заводам, отставному полковнику В.А. Пашкову». В октябре окружной инженер уже констатировал факт продажи завода³⁴.

Однако эта сделка не принесла В.А. Пашкову ожидавшейся им выгоды. По свидетельству специалистов, прежде всего из-за истощения рудников выплавка меди на Воскресенском заводе прекратилась в 1896 г. В том же году на заводской площадке запустили в действие небольшую доменную печь, «работавшую» на найденных в 10 верстах от завода залежах бурого железняка. Владелец рассчитывал, вероятно, на увеличившийся в тот период спрос на чугун, рынок которого внезапно обрушился в 1900 г. в связи с начавшимся промышленным кризисом. Последним в истории Воскресенского чугуноплавильного завода стал 1902 г.

Так совпало, что в том же году (17 февраля 1902 г.) скончался и сам заводовладелец. Как свидетельствуют биографы, к этому времени он уже давно не жил в России. Получив известность как один из организаторов баптистского общества последователей учения английского проповедника лорда Гренвиля Редстока, из-за официальных гонений он был вынужден покинуть родину, в 1884 г. эмигрировав в Западную Европу. Показательно, что последователей евангелического учения в России называли «пашковцами». Наследниками его российских имений (включая Вос-

кресенское и Богоявленское, утратившие свой горнозаводской статус, а также еще действовавший Верхотровский завод) стали его вдова Александра Ивановна (урожденная графиня Чернышева-Кругликова), сын – корнет Александр и дочери – Софья, Ольга и Мария. В 1904 г. сын умер, оставив наследниками вдову Александру Григорьевну и двух сыновей – Василия и Александра. По свидетельству С.Р. Минцлова, в том же 1904 г. они приезжали на Урал. Внуки В.А. Пашкова обучались в Кембридже. Их мать происходила из рода Муравьевых-Карских. «Небольшой, худенькой, в очках и с папироской во рту» запомнилась мемуаристу «владелица одного из крупнейших состояний России»³⁵. Александра Григорьевна – внучка знаменитого военачальника и путешественника Н.Н. Муравьева-Карского, была дочерью его зятя Г.А. Черткова, публиковавшего дневники генерала³⁶.

Во владении наследников Верхотровский завод продержался до 1913 г., когда из-за истощения Каргалинских рудников и «за недостатком рабочих рук» тоже прекратил свое существование. Еще в 1908 г. крестьяне бывшего Воскресенского завода жаловались, что владелица (они считали таковой вдову А.И. Пашкову) «оставила их без всякого попечения на будущее... и, имея более чем 200 тыс. дес. полевой и лесной земли, не производит никакой промышленности в настоящее время». От этого, уверяли крестьяне, они «пришли в крайнее разорение и при том уже второй год пострадали от неурожая хлебов». Бывшие мастеровые просили министра торговли и промышленности «предложить заводчице г-же Пашковой... при таком громадном имении изыскать какую-либо промышленность и дать населению от заработка существование».

Главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский в своем отзыве объяснял, что завод невозможно восстановить из-за «отсутствия путей сообщения при расстоянии между рудниками и заводами в 170–180 верст и недостаточной провозоспособности окрестного населения». «При упавших ценах на медь» это обстоятельство «не только препятствовало возобновлению действия Воскресенского завода или образованию новых производств, но и являлось серьезной угрозой существованию Верхотурского завода». Кроме того, напоминал П.П. Боклевский, «по закону собственник недвижимого имущества может распоряжаться принадлежащими ему заводами и рудниками по своему усмотрению, а потому только от владельцев и зависит удовлетворение ходатайства крестьян»³⁷. Таким образом, во владении наследников В.А. Пашкова горнозаводские имущества или утратили свой изначальный промышленный характер, или были перепрофилированы; сдавались они частями и в аренду местному населению.

¹ Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 128–131.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 79 об.–80; Д. 7344. Л. 10–11.

³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 339. Л. 1, 3–4, 16–17.

⁴ Там же. Л. 30–31, 41.

⁵ Там же. Л. 57–58, 63, 86, 106, 119.

⁶ Там же. Л. 127–129.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1044. Л. 37–40 об.

⁸ Там же. Л. 14–15 об., 37–40 об.; Оп. 4. Д. 292. Л. 1–6 об.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 1044. Л. 35–36 об.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 330. Л. 1–2, 4–5, 8–8 об., 14–14 об., 17–18; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7344. Л. 2 об.–4.

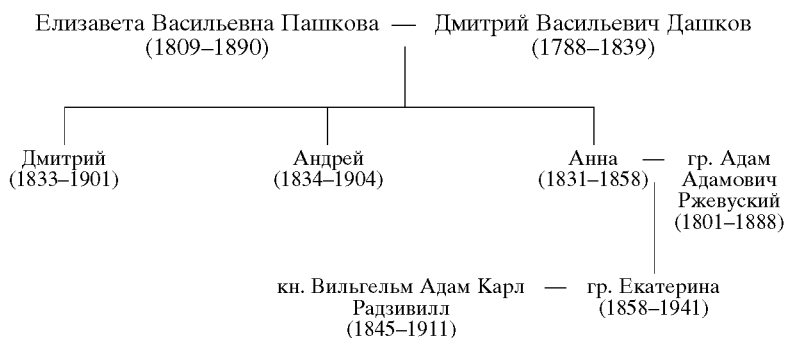
¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1178. Л. 1, 11–12.

¹² Там же. Л. 2–3, 21–22, 53–53 об.

¹³ Там же. Л. 61–63, 91–93, 98–99.

- ¹⁴ ПСЗ-П. Т. 49. № 53159.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1280. Л. 7–8, 12–14 об., ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7344. Л. 121; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв.: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 142.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7238. Л. 26, 100.
- ¹⁷ Там же. Оп. 32. Д. 2346. Л. 7–9.
- ¹⁸ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. 1865–1876 гг. / Под ред. Н.А. Зайончковского. М., 1961. Т. 1. С. 231.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 612. Л. 4–5.
- ²⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4475. Л. 14–17.
- ²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1217. Л. 1–2, 7–8 об.
- ²² ПСЗ-П. Т. 42. № 44588.
- ²³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 612. Л. 25–28.
- ²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1270. Л. 7–35.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1607. Л. 15–16; Д. 2346. Л. 65.
- ²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1217. Л. 38–41 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1607. Л. 1, 15–16.
- ²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 622. Л. 1–8.
- ²⁸ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 262–264; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 393.
- ²⁹ <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:400439>.
- ³⁰ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 100–101.
- ³¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1270. Л. 7–35, 37; Металлургические заводы Урала... С. 91–92, 144.
- ³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 614. Л. 93–98.
- ³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 56. Л. 3, 6–7, 8–10.
- ³⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 141. Л. 4, 8.
- ³⁵ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 106; Ч. 2. С. 465–467.
- ³⁶ Санкт-Петербургский альманах. Двор, свет, город. 1912. СПб., 1912. С. 388. Автор признателен С.В. Богданову за возможность воспользоваться этим источником.
- ³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1442. Л. 1, 5–5 об., 7.

3.3. Дашковы

Младшая сестра братьев Пашковых Елизавета Васильевна была замужем за известным в литературных кругах (был членом Вольного общества любителей русской словесности и общества «Арзамас») Дмитрием Васильевичем Дашковым – действительным тайным советником, в 1832–1839 гг. министром юстиции, председателем Департамента законов и главноуправляющим Вторым отделением императорской канцелярии в 1839 г. Не участвуя со своими сестрами (княгиней Т.В. Ва-

сильчиковой и графиней Е.В. Левашовой) в разделе родительского наследства, она тем не менее оказалась в составе уральских заводчиков, когда в 1835 г. приобрела у А.П. Полторацкой Благовещенский завод в Уфимском уезде Оренбургской губернии с 22 287 дес. земли.

Вероятно, сначала общее руководство заводом осуществлял муж владелицы. После его ранней кончины Елизавета Васильевна больше замуж не выходила, пережив супруга на полвека. В его память в 1854 г. она передала 11 250 руб. сер. в Училище правоведения на обучение «одного из сыновей достойных чиновников, служащих или служивших по Министерству юстиции, недостаточного состояния»¹. Вплоть до своей смерти в 1890 г. Е.В. Дашкова считалась единственной владелицей Благовещенского завода. В конце 1830-х гг. она приобрела рудники закрытого еще в XVIII в. казенного Вознесенского завода, а в 1844 г. купила у наследников А.А. Вражского имение в Оренбургской губернии (9214 дес.) с несколькими медными рудниками. Эти и другие меры владелицы позволили Благовещенскому заводу достаточно эффективно развиваться и увеличивать свою производительность (в 1860 г. было выплавлено 13 880 пуд. меди)².

Производство резко сократилось после крестьянской реформы, сопровождавшейся переселением бывших крепостных крестьян в Томскую губернию и некоторые другие регионы. Хотя многие из них впоследствии возвратились, восстановить на прежнем уровне добычу руды и выплавку металла уже не удалось. До 1890 г. она составляла 2,2–4,3 тыс. пуд.

В пореформенные годы заводские дела вершили сыновья Елизаветы Васильевны. Известно, что она после смерти мужа подолгу жила за границей (в частности, в Италии, Франции, Польше). Ее дочь Анна в 1852 г. была выдана замуж за генерал-адъютанта графа А.А. Ржевуского (его родная сестра Э.А. Ганская была женой Оноре де Бальзака) и умерла после родов в 1858 г.³ Сыновья Е.В. Дашковой Дмитрий и Андрей получили образование в Петербургском университете и, по воспоминаниям доктора С.Я. Елпатьевского, служившего в Благовещенском заводе в 1880–1884 гг., «дали друг другу клятву никогда не служить на правительственной службе». Во время своего пребывания в Уфе они «держались особняком, не бывали у мундирных и фрачных людей – оба ходили в поддевках – и не принимали их к себе: не принимали участия в дворянских делах, не посещали дворянских собраний и вели знакомство только с людьми, принимавшими деятельное участие в земской работе». Это описание подсказывает, что братья Дашковы, скорее всего, в университете «заразились» народническими идеями, особенно популярными в 1860-е гг.

В 1850-е гг. Дмитрий Дмитриевич несколько лет прожил в Париже, где встречался в кругу литераторов и художников, собиравшихся в доме Бальзака, занимался изучением Французской революции. После окончания университета он с 1868 г. избирался на несколько сроков подряд гласным в земских собраниях Рязанской губернии, где у Дашковых находилось родовое имение. Д.Д. Дашков был инициатором устройства в России земских учительских курсов для подготовки сельских учителей. Позже, как и брат, поселился в Уфе, в 40 верстах от которой находился Благовещенский завод. Известно, что когда в 1875 г. в Уфимской губернии появилось земское самоуправление, Андрея Дмитриевича Дашкова избрали первым председателем губернской земской управы. В том же году вместе с купцом А.С. Софроновым он купил Лемезинский участок находящейся вблизи его родового завода Инзерской дачи, где, видимо, планировал начать собственное горнозаводское дело⁴. Но, как можно судить, вскоре продал свою долю со-

владельцу. Как и брат, А.Д. Дашков прославился в деле организации народного образования, достиг чина действительного статского советника, был одним из основателей Уфимского общества взаимного кредита, Уфимского детского приюта и Благовещенской учительской семинарии. В 1903 г. он передал Уфе богатую родовую библиотеку.

В беседах с С.Я. Елпатьевским Дмитрий Дмитриевич доказывал, что «русское дворянство, если желает сохранить свою позицию высшего сословия, должно взять на себя обязанность... устройства народной жизни». «Я раз предложил ему вопрос, – писал мемуарист, – почему он не закроет завод, дающий убыток. Дашков ответил: “А что же будут делать рабочие, особенно старики, отвыкшие от крестьянского труда?”»⁵ О причинах упадка не только Благовещенского, но и других южно-уральских медеплавильных заводов А.Д. Дашков поведал в своей записке, составленной 1867 г. «Просвещенное понимание автором промышленных интересов совершенно освободило его труд от того узкого эгоистического взгляда, различающего только личные барыши одного дня и теряющего из виду связанные с этими барышами ущербы дела в будущем, каким отличаются иногда, к сожалению, заявления некоторых заводчиков», – комментировал ее содержание академик В.П. Безобразов.

«Главная характеристическая черта» медеплавильного производства в Оренбургском крае, по мнению заводчика, заключалась в сложности организации рудной отрасли. Он отмечал гнездовое залегание руд, разбросанность рудников, чересполосность отводов, мешавшие правильно организовать разработку и перевозку руды, а также наличие «неприятных отношений... управлений разных заводов между собой... старавшихся друг другу вредить, вместо того чтобы общими силами преодолевать естественные затруднения, на каждом шагу встречающиеся». Себестоимость руды возрастала из-за больших расстояний (от 200 до 350 верст), отдаленности рудников не только от заводов, но и от сельских поселений, откуда приходилось нанимать работников, а также низкого процентного содержания меди в руде.

Благовещенский завод занимал «самое невыгодное место по своему отдалению от рудников (от центра Каргалинской степи до завода было 325 верст) и по зажиточности населения, которое издавна обратилось к промышленности и мастерствам и никогда не выставляло на заводские и рудничные работы более $\frac{1}{2}$ своих наличных рабочих». Для перевозки руды нанимались башкиры и чуваша Белебеевского и Стерлитамакского уездов, «отчего завод находился в постоянной зависимости от этого населения, от урожая кормов и от состояния дорог и погоды». Во многом поэтому для выплавки 10 тыс. пуд. меди требовалось до 90 тыс. руб. оборотного капитала, целиком восполнявшегося только через три года. При самой благоприятной конъюнктуре «барыш» от продажи меди в Москве составлял не более 20,7 тыс. руб., шедших «на покрытие процентов на основной капитал (стоимость дачи, построек и устройств) и могущих случиться расстройств в производстве, несчастий и экстренных расходов». «Результат не блестящий (если принять в расчет значительность затраченных материалов), выведенный при высокой продажной цене на медь и при 6% содержания меди в руде, – резюмировал А.Д. Дашков свои подсчеты. – Ясно из этого, что медеплавильное производство далеко не прибыльно, и что заводчики не даром жалуются на свое положение и на обременительность подати с меди. Производство падает почти ежегодно и если действие заводов продолжается, то единственной к тому причиной служат надежда на удешевление рабочей силы (при заселении края и водворении порядка и спокойствия,

сильно нарушенных крестьянским вопросом), а главное, нежелание отстать от промысла, существовавшего более столетия. Прекратить совершенно производство никто не решается, и всякий сознает, что при временном закрытии рабочие обратятся на другие занятия, имеющиеся запасы пропадут, рудники завалятся или залются водой, вновь приняться за дело через несколько лет будет если не невозможно, то крайне затруднительно!»⁶

По свидетельству специалистов, в 1880-е гг. на Благовещенском заводе сохранялась лишь перечистка черновой меди, а руда проплавлялась, вероятно по договору с Пашковыми, на Воскресенском заводе. В 1860-е гг. получило распространение чугунолитейное производство; была открыта механическая мастерская, где изготавливались плуги, веялки, молотилки и другой сельскохозяйственный инвентарь. Как вспоминал С.Я. Елпатьевский, владельцы постепенно переходили «на выделку сельскохозяйственных машин для крестьянского обихода», был основан конный завод «для улучшения крестьянской рабочей лошади», производились «ягодные вина», развивалась деревообработка. Доход владельцам приносили также сдача земли в аренду местным крестьянам и рубка леса на продажу.

После кончины Е.В. Дашковой в 1890 г. имения официально перешли во владение сыновей. Несмотря на все их старания, медное производство пришлось вскоре закрыть. В начале 1899 г. Уральское горное управление получило рапорт конторы Благовещенского завода, в котором сообщалось, что «за неимением руд» выплавка меди с 1 января прекращена, но «остаются в действии механическое и литейное производства». Распоряжением главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского эти производства передавались из горного ведомства «в ведение фабричной инспекции»⁷. Благовещенский медеплавильный завод перестал существовать.

Вскоре скончались и последние владельцы этого завода – Дмитрий Дмитриевич Дашков (в 1901 г.) и Андрей Дмитриевич Дашков (в 1904 г.). Семьями они не обзавелись, поэтому все принадлежавшие им имения (включая и бывший Благовещенский завод) достались их единственной племяннице – княгине Екатерине Адамовне Радзивилл, дочери Анны Дмитриевны Ржевуской. Новая владелица, по свидетельству краеведов, приезжала в свои уральские имения. Она сдала заводские здания уфимскому земству, которое сначала организовало там производство веялок «Уфимка», а во время Первой мировой войны выпускало фургоны, двуколки и артиллерийские сани⁸.

¹ ПСЗ-І. Т. 29. № 28619.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2942. Л. 1, 31; Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 198; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 77.

³ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 232; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв.: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 372, 386.

⁴ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 341.

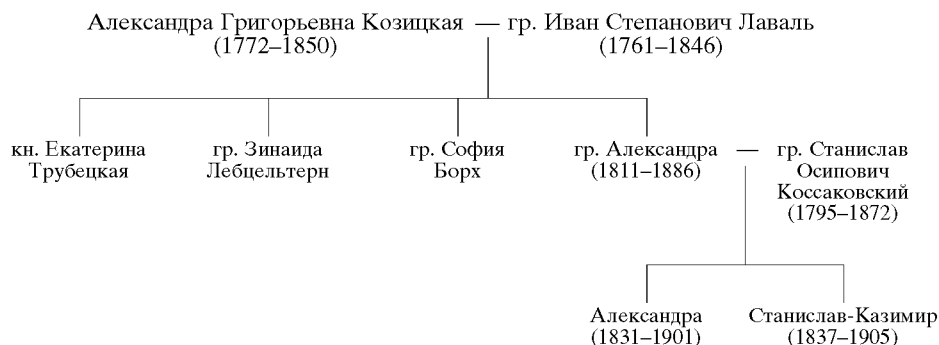
⁵ Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. Цит. по: Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 382–386.

⁶ Дашков А.Д. Взгляд на медеплавильное производство в Уфимской губернии вообще и на Благовещенском заводе (гг. Дашковых) в особенности // Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. Прил. X. С. 149–162.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 781. Л. 1, 2.

⁸ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 389.

3.4. Коссаковские

Архангельский медеплавильный завод с дачей (50 594 дес., включая 41 561 дес. леса) по разделу 1851 г. достался младшей дочери графини А.Г. Лаваль Александре, бывшей замужем за церемониймейстером, сенатором и председателем Герольдии Царства Польского графом Станиславом Осиповичем Коссаковским. Обычно семья проживала в литовском имении Вайткушкес; они были хорошо известны в культурных кругах России и Польши. Граф Станислав Осипович занимался литературой и живописью; графиня Александра Ивановна, будучи признана одной из самых образованных женщин своего времени, в 1848–1858 гг. вела дружескую переписку с выдающимся французским поэтом Альфредом де Виньи¹.

Положение Архангельского завода, как и других южно-уральских медеплавильных предприятий, ухудшилось после крестьянской реформы из-за отказа рабочих выполнять тяжелые работы на отдаленных Каргалинских рудниках. Графиня 31 октября 1862 г. заложила имение в Петербургской сохранный казне за 148 220 руб. Видимо, ссуда помогла преодолеть трудности переходного периода, хотя производительность завода все-таки снизилась более чем вдвое и никогда уже не превышала 3–5 тыс. пуд. меди².

После смерти графини в 1886 г. уральское имение перешло во владение ее сына – камергера, известного польского герольдика графа Станислава-Казимира Коссаковского³. Дочь Александра, видимо, получила выдел. В переходный период между двумя владениями возникла угроза продажи Архангельского завода с публичных торгов за накопившуюся недоимку в 14 440 руб. по залогу в сохранный казне. В ноябре 1888 г. Уфимское губернское правление предписало уездному исправнику «немедленно потребовать от графини Коссаковской или от управления имением уплаты просроченной недоимки... а если она деньги эти не уплатит, то описать заложенное ею имение». Судя по всему, даже через два года после смерти владелицы на Урале об этом известно не стало. В феврале 1889 г., когда выяснилось, что у заложенного имения есть новый владелец, дело было «оставлено без исполнения», вероятно, ввиду выраженного самим им намерения освободиться от обременительного горнозаводского имения.

В январе 1891 г. управляющий «вошел с заявлением, что владелец завода граф Коссаковский желает продать Архангельский завод с принадлежащей ему землей в количестве 37 302 дес., но без Каргалинских и других рудников». Первоначально у горного начальства возникли сомнения в возможности такой «раздельной продажи». Проведенное окружным инженером разбирательство выявило, что выплавка меди на заводе из каргалинских руд была «весьма ничтожна и вследствие дальнос-

ти расстояния рудников... и бедности руд в скором времени должна вовсе прекратиться за невыгодностью операции вследствие дороговизны перевозки». Оказываясь, С.С. Коссаковский «за последнее время почти все количество руды, добытой на Каргалинских рудниках, проплавлял на ближайшем к ним Воскресенском заводе Английской компании». Но с продажей этого завода в 1890 г. В.А. Пашкову, свидетелемствовал окружной инженер, «владелец Архангельского завода должен будет прекратить эту операцию, как и добычу руды на своих Каргалинских рудниках». Ввиду этого он полагал, что завод возможно продать отдельно от рудников. Заводоуправление тогда же упомянуло, что деятельность завода сможет продолжаться в случае разработки месторождений медной руды в Белебеевском уезде «в тех же местах, где работает и г-н Дашков (владелец Благовещенского завода. – *Е.Н.*)». Но эти рудники еще следовало изучить.

Заводоуправлению 27 февраля 1891 г. было объявлено, что от горного начальства вообще не требуется давать разрешение на продажу Архангельского завода, поскольку он принадлежит владельцу на праве собственности. Но при осуществлении сделки следовало уплатить отсроченную недоимку в пользу сохранный казны и 161 руб. горной подати за выплавленную в 1890 г. медь⁴. Вероятно, не имея горнозаводской перспективы, это уральское имение представляло интерес лишь как лесопромышленное; в таком качестве его намеревалось приобрести Удельное ведомство, которому незачем были еще и отведенные заводу отдаленные рудники. Сделка уже подготавливалась, когда 6 ноября 1892 г. на заводе случился пожар, в котором «фабричное здание... вместе с воздуходувной машиной... сгорело до основания от неизвестной причины». «Хотя управляющий в сообщении своем ничего не упоминает о возобновлении завода, – извещал окружной инженер, – но я считаю нужным высказать свое предположение, что едва ли завод этот будет возобновлен, так как он за последние годы по неимению оборотного капитала и по неимению вблизи благонадежных рудников почти бездействовал».

Пожар, наверное, лишь ускорил продажу имения. Тот же инженер сообщал, что летом 1893 г. «завод со всей лесной дачей владельцем графом Коссаковским был продан Департаменту уделов» и к 31 августа «уже поступил совершенно в распоряжение Удельного ведомства». «В виду сказанного, – заключал инженер, – с настоящего года Архангельский завод с дачей необходимо исключить из числа горнозаводских имений Уральской горной области». Следуя этому совету, 6 сентября 1893 г. Управление горной частью на Урале известило, что «с настоящего года Архангельский завод из числа горнозаводских имений... исключается»⁵.

Через шесть лет, в 1899 г., московские текстильные фабриканты В.А. Горбунов, С.И. Щегляев и А.Ф. Моргунов, образовавшие Уфимское горнопромышленное общество (устав утвержден 10 декабря 1898 г.), предприняли попытку восстановить на месте закрытого медеплавильного завода чугуноплавильное производство на основе принадлежавшего Обществу железорудного месторождения в Стерлитамакском уезде. Планировалось построить мощный завод производительностью до 7–8 млн пуд. чугуна. В 1903 г. в связи с начавшимся вскоре после пуска завода промышленным кризисом, Уфимское общество было признано несостоятельным, а Архангельский чугуноплавильный завод закрыт⁶.

¹ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв.: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 241–242.

² Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 38.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7208. Л. 56 об.–57; Оп. 20. Д. 614. Л. 93–98.

⁴ Там же. Оп. 19. Д. 248. Л. 1–2, 4–5, 7.

⁵ Там же. Л. 9–11.

⁶ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 100; Металлургические заводы Урала... С. 39.

3.5. Сухозанеты

Еще одной линии рода, идущей от А.Г. Белосельской-Белозерской, достались во владение Юрюзанские и Катавские железоделательные заводы. Первые с 1815 г. принадлежали ее старшей дочери Екатерине Александровне Сухозанет. После ее кончины 1 мая 1861 г., заводы предполагалось взять в опеку по требованию губернского гражданского начальства, которое усмотрело в действиях заводууправления, возглавляемого прежде мужем владелицы – генералом от кавалерии И.О. Сухозанетом, «систему мучительного угнетения, долженствующего привести крестьян к бунту»¹. Переход заводов к наследникам позволял предполагать, что они примут действенные меры к «успокоению населения» в сложный пореформенный период. Наследниками Е.А. Сухозанет стали ее сын – отставной поручик Александр и дочь – Анна, бывшая замужем за действительным статским советником Михаилом Александровичем Безобразовым. В 1861 г. между ними в Петербурге была совершена «раздельная запись» (засвидетельствована 31 июля), в соответствии с которой Юрюзанские заводы поступили в единоличное владение А.И. Сухозанета².

Однако надежды начальства на нового владельца не оправдались. Свободные средства на поддержание заводов были уже потрачены прежним управлением; кроме того, приходилось вносить платежи по займу 1848 г., переведенному в мае 1862 г. от закрытого Заемного банка на Петербургскую сохранныю казну в сумме 191 530 руб. Катастрофическое наводнение и прорыв плотины в Юрюзанском заводе в июне 1862 г. довершили развал заводов. Выплавка чугуна, в лучшие времена достигавшая 300–400 тыс. пуд., сократилась более чем в половину. По сведениям, полученным от заводского исправника, выплавив в 1865 г. 143 321 пуд. чугуна и выковав 23 785 пуд. кричного и 96 920 пуд. пудлингового железа, Юрюзанские заводы

уже в июне 1866 г. были остановлены «по неимению денег и недостатку угля». Наличие металла к тому же невозможно было продать, поскольку он находился под арестом уездного исправника «на уплату долгов крестьянам, в обеспечение недоимки горных податей и за частные долги».

Обеспокоенный бездействием крупного горнозаводского округа, в 1867 г. оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский в конфиденциальном письме министру финансов М.Х. Рейтерну сообщал: «Заводские устройства находятся в полуразрушенном состоянии, давнишние и существенные повреждения плотины остаются без исправления... На заводах, независимо от личных долгов владельца, лежит более 100 тыс. руб. долгу, в том числе около 20 тыс. руб. мастеровым за неоплаченные работы прежних лет. Средств для восстановления заводского действия и уплаты долгов заводы никаких не имеют, а владелец Александр Иванович Сухозанет в течение нескольких лет не только не принял существенных мер к поддержке заводов и уплате долгов населению, но даже, как видно, не обратил и внимания на положение заводских дел, предоставляя полный простор произволу и недобросовестности лиц, имевших эти дела в своем заведывании. Естественно, что при таком положении дел заводское население оставлено без работ, разорено и озлоблено...». «Из объясненного оказывается, – заключал генерал-губернатор, – насколько печально настоящее положение Юрюзанских заводов, бывших прежде по своему устройству и достоинству вырабатываемого ими железа одними из лучших в крае, и насколько настоятельна потребность в принятии решительных мер к улучшению бедственного положения заводского населения»³.

В целом верно оценивая положение заводов, генерал-губернатор, видимо, не знал всего о действиях заводчика; тот же всячески пытался помочь своим заводам. «Долго боролся я со всеми препятствиями, стремясь собственными средствами победить их и перенести то кризисное время, которое в течение последних лет над горной промышленностью тяготеет. Теперь убедился я, что эта задача мои силы превышает», – оправдывался А.И. Сухозанет перед Александром II в феврале 1867 г. В другом прошении он уже гораздо обстоятельнее описывал свою «борьбу» за заводы. «В то время как рука благодетельного монарха призвала к новой жизни миллионы людей, на Урале три года не прекращались повсеместные неурожаи, требовавшие усиленных попечений и материальных трат от заводовладельцев, поставленных в необходимость... продовольствовать народонаселение из владельческих магазинов по весьма низким и убыточным ценам. Такое положение дел не могло не отозваться чрезвычайно вредно на моих капиталах, – извещал заводчик, – и принесло мне ущерба до 200 тыс. руб. сер. Эту значительную потерю я понес, не утруждая Правительство ходатайством о пособии и ссудах, потому что в то время мои экономические средства позволяли мне вынести такое потрясение. Но не успели еще изгладиться его следы, как новое несчастье, грознее первого, постигло мои заводы: наводнение в небывалых размерах уничтожило заводскую плотину и совершенно разрушило многие фабричные здания и механизмы. Для восстановления завода и исправления опустошений я должен был затратить вновь более 200 тыс. руб. Это новое бедствие окончательно истощило мои средства и лишило меня оборотного капитала, без которого стройное движение заводского дела невозможно».

А.И. Сухозанет также сообщал, что в 1864 г. просил рассрочить взнос за заложенные в Екатеринбургской банковской конторе металлы на 60 тыс. руб. на три года «с освобождением заложенного железа от секвестра», но министр финансов М.Х. Рейтерн отказал ему в этом. В 1866 г. владелец вновь просил о рассрочке занятых в той же конторе 40 тыс. руб., но опять получил отказ, поскольку «по бан-

ковским правилам никаких отсрочек в платеже по ссудам не допускалось». В том же 1866 г. Александр Иванович добился заключения выгодного контракта с Обуховским сталелитейным заводом на поставку 300 тыс. пуд. чугуна. Морское министерство пошло на эту сделку, как сообщал управляющий министерством Н.К. Краббе, ввиду «превосходного качества юрюзанского чугуна», а возможно, и в память о бывшем военном министре – родном дяде заводчика. Но, как известно, летом 1866 г. заводы встали. Заводчик стал просить ссуду в 80 тыс. руб. сначала у министра финансов, а после его отказа «по неимению в виду источника, на который испрашиваемая ссуда могла бы быть отнесена» – у царя. «Ныне на испрошение ссуды я вынужден крайнюю необходимостью, – писал он Александру II в феврале 1867 г., – и только эта милость может восстановить и дать прочную жизнь и действие заводам, существующим около полутора лет».

Но переадресованные министру финансов М.Х. Рейтерну прошения А.И. Сухоzanета «на высочайшее имя» были вновь отклонены. Не помогло и ходатайство управляющего Морским министерством, который не без оснований был обеспокоен «исправным выполнением со стороны Сухоzanета его контрактных обязательств». Обосновывая новый отказ, директор Горного департамента В.К. Рашет сообщал, что «оказанные Правительством в прежние времена пришедшим в упадок частным горным заводам денежные ссуды... не принесли ни заводам, ни горной промышленности никакой пользы, а послужили только обременением горнозаводских имений почти неоплатными казенными долгами, а потому на будущее время подобные ссуды следовало бы вовсе прекратить, тем более что владельцы расстроенных или пришедших в упадок заводов, надеясь на бывшие прежде ссуды от Правительства, не ищут и не принимают своевременно других мер и способов вывести заводы свои из затруднительного положения».

Размышляя о возможных мерах со своей стороны, Уральское горное правление полагало, что «казенный присмотр при бездействии заводов не имел бы никакого значения, казенное управление повлекло бы значительный расход казны, возмещение которого было бы не совсем благонадежно; учреждение же... опеки при полном недостатке заводских средств не восстановило бы их действие, а оказание пособия заводскому населению разрешением переселения мастеровых на казенные земли... с определенными законом льготами и пособиями зависит от губернского начальства и присутствия по крестьянским делам»⁴.

Вслед за горным начальством и оренбургский генерал-губернатор, ссылаясь на мнение уфимского губернатора С.П. Ушакова, предположил, что оставлять заводы в распоряжении А.И. Сухоzanета уже невозможно, как нецелесообразно и передавать их в опекуновское управление «при отсутствии всяких средств к их поддержке и восстановлению» у местной дворянской опеки. Это, по его мнению, не только не принесло бы никакой пользы, но и неминуемо привело бы к расхищению заводского имущества, окончательному прекращению работ и закрытию заводов. Продажа заводов с публичных торгов «в виду очень значительных затрат, связанных с их покупкою и восстановлением, и ощущаемого в крае недостатка капиталов и предприимчивости» также едва ли могла состояться «в непродолжительном времени» и вряд ли привела бы «к скорому и прочному устройству заводского дела и обеспечению населения».

Выход из затруднительного положения подсказал при личном свидании с уфимским губернатором главноуправляющий Катавским округом А.А. Перетц. Он намекнул, что помощь А.И. Сухоzanету могли бы оказать его близкие родственники Белосельские-Белозерские – владельцы Катавских заводов, взяв Юрюзанские за-

воды «на известных условиях» в аренду. «Осуществление этой мысли, – полагал генерал-губернатор, – не противоречит обоюдным выгодам заводовладельцев, потому что, с одной стороны, господин Сухозанет, получая определенную арендную плату, вместе с тем удержал бы заводы за собою, а с другой, господа Белосельские, будучи владельцами соседних заводов, рационально устроенных, конечно, поняли бы всю выгоду сосредоточить в своих руках целый горнозаводский район, привести в устроенный вид такие заводы, как Юрюзанские и воспользоваться для собственных выгод их замечательными экономическими удобствами. Можно надеяться, – замечал Н.А. Крыжановский, – что арендаторы, имея достаточные денежные средства и располагая знающими и надежными техниками, найдут средства скоро исправить положение Юрюзанских заводов, рассчитаться с мастеровыми, обеспечить им будущие заработки и тем самым вывести их из грустного положения, в котором они находятся»⁵.

Главный начальник уральских заводов А.А. Иосса счел это предложение полезным «при неудовлетворительности других способов к поддержанию Юрюзанских заводов». Тогда В.К. Рашет решился прояснить намерения К.Э. Белосельского-Белозерского, а заодно и других соседей – владельцев Симских заводов Балашиховых и направил им запросы в феврале 1868 г. Ответы были получены оперативно. Из отзыва Главного правления имениями Белосельских-Белозерских следовало, что князь, «желая помочь родственнику своему г-ну Сухозанету, действительно располагал взять в арендное содержание Юрюзанские заводы, но впоследствии, получив положительные сведения о совершенном расстройстве сих заводов, не имевших даже возможности действовать, и о весьма значительной цифре подлежащих уплате долгов, принужден был отказаться от своего намерения, не имея в настоящее время достаточных денежных средств к выполнению тех обязательств, которые упали бы на него с принятием аренды». Но, поскольку другого выхода не представлялось ни гражданскому, ни горному начальству, Главное правление выражало готовность помочь казне на определенных условиях.

Подсчитав возможные расходы арендатора на заготовку припасов и достройку разрушенной плотины (100 тыс. руб.), уплату долга сохранной казне (190 тыс. руб.), неустойку по сорванному контракту с Обуховским заводом (60 тыс. руб.) и частные долги А.И. Сухозанета (до 900 тыс. руб.), главноуправляющий А.А. Перетц пришел к выводу, что «столь громадная затрата наличных денег никому не будет под силу без некоторого пожертвования со стороны государства». Морское министерство, по его предположению, должно было «сложить» долг за неустойку Обуховскому заводу; казна предоставляла 500 тыс. руб., чтобы расплатиться с частными кредиторами по срочным долгам, и 110 тыс. руб. – «на возобновление заводских устройств и заготовку материалов». Причислив еще 190 тыс. руб. долга сохранной казне, всю затребованную сумму в 800 тыс. руб. предлагалось рассрочить на 30 лет без процентов для выплаты равными частями и начать платежи через год. «На этих основаниях, надеюсь, князь Белозерский-Белосельский согласен будет принять в 30-летнее ведение Юрюзанские заводы с обязательством уплаты числящихся ныне на сих заводах долгов казне и частным лицам... под обеспечение Катавских заводов, нигде и никому не заложенных», – сообщал главноуправляющий, в последних строках своего отзыва проговорившись, что «соединение в одно управление Юрюзанских и Катавских заводов» было бы выгодно арендатору, поскольку позволило бы «усилить и усовершенствовать производительность обоих горнозаводских округов и поставить их в возможность заняться приготовлением рельсов»⁶.

С не меньшим интересом отнеслись к предложению В.К. Рапета и Балашovy. «По важности сего предложения, – писал Н.П. Балашов, – я счел необходимым поручить управляющему Симских заводов подполковнику Ольховскому собрать на месте возможно более полные сведения о настоящем положении Юрюзанских заводов». Дополнительно стало известно не только о долгах; выяснилось, что заводские устройства уже шесть лет как «не поправлялись, а потому пришли в ветхость и требовали большого ремонта», для восстановления разрушенной плотины был вырублен лес вблизи Юрюзанского завода, но из него сделана лишь «временная перемычка», которая могла в любое время разрушиться. По подсчету управляющего, для поправления завода требовалось от 80 тыс. до 100 тыс. руб., на заготовку материалов – еще столько же. Кроме того, было необходимо составить оборотный капитал в течение 3–4 лет. «Я и брат мой (совладелец И.П. Балашов. – *Е.Н.*), – сообщал заводчик, – находим взять заводы в арендное содержание лишь на следующих главных основаниях: а) никаких долгов мы на себя не принимаем, все эти долги должны быть покрываемы из арендной платы, б) заводы передаются нам в 30-летнее арендное содержание, в) арендную плату назначаем в 20 тыс. руб. в год по истечении трех лет со дня заключения контракта, г) исправную уплату арендной платы мы обеспечиваем взносом государственных процентных бумаг или нашими Симскими заводами, нигде не заложенными, д) если последует расторжение контракта другой стороной ранее срока, то следует возратить нам вдвое больше нашей затраты в 200 тыс. руб., е) сдать заводы обязываемся в положении, не хуже того, в каком они будут находиться за три года до окончания контракта»⁷.

Таким образом, оба потенциальных арендатора, хорошо осведомленные о положении заводов своего родственника А.И. Сухозанета, проявили интерес к предложению горного начальства и, видимо, не только из благородных побуждений. Юрюзанский округ, по словам заводского исправника, «при изобилии руд и лесов... по имеющимся в них заводским устройствам и механизмам, находился в более выгодном положении, чем соседственные с ним Катавский и Симский округа». Он полагал, что вложенные средства для составления оборотного капитала при «благодарном и умеренном управлении весьма скоро бы возвратились».

Однако оба процитированных отзыва содержали условия, на которые Министерство финансов не могло согласиться. Управлявший министерством С.А. Грейг в апреле 1868 г. «изволил найти, что принятие означенных условий... не может последовать и что вообще Министерство финансов могло бы войти в обсуждение таких только облегчений... кои касаются состоявшихся на заводах казенных долгов и притом подлежащих по сборам своим ведению Министерства финансов, но ни в коем случае частных долгов г-на Сухозанета и долгов другим ведомствам, отсрочка или сложение которых от Министерства финансов не зависит»⁸. Следовательно, рассрочка могла коснуться только ссуды Петербургской сохранный казны, составлявшей не самую значительную часть общего долга Юрюзанских заводов и их владельца. Даже желание воспользоваться возможностями соседнего округа со столь «скромным облегчением» не сподвигло в то время потенциальных арендаторов к активным действиям.

Попутно властями было отклонено и еще одно предложение «подать руку помощи бедствующим заводам», поступившее от самого владельца А.И. Сухозанета и его зятя М.А. Безобразова. Еще в декабре 1867 г. они подали прошение министру путей сообщения о предоставлении Юрюзанским заводам заказа по поставкам до 150 тыс. пуд. рельсов и 15 тыс. пуд. чугунного литья «с выдачею им задатка до половины подрядной суммы». «Вырисовывалась» очередная авантюра «отчаявшие-

гося владельца». В дело вновь вмешался Горный департамент, уведомивший министерство, что на заводах А.И. Сухозанета «отсутствуют приспособления, необходимые для рельсового производства», и что, по «конфиденциальным сведениям», заводы эти «доведены до крайнего расстройства и почти совершенно прекратили действие». Возможность выполнения заказа виделась В.К. Рашету «более чем сомнительной», а выдача задатков, по его мнению, «могла бы иметь прямым последствием своим только безвозвратную потерю этих задатков для казны». Были наведены справки и о финансовой состоятельности М.А. Безобразова, который, как выяснилось, «предполагал участие капиталом своим с принятием в арендное содержание Юрюзанских горных заводов». Оказалось, что он имел золотые прииски в Восточной Сибири, однако добыча золота там была «не очень значительной», а присланное на Петербургский монетный двор золото было арестовано «по разного рода предъявленным к нему долгам как на разработку приисков, так и по частным к нему претензиям»⁹.

Между тем заводская контора сообщала, что в 1868 г. на Юрюзанском заводе «производились только некоторые работы временно и в малом размере собственнo для извлечения средств на окарауливание заводов, содержание администрации, лесной стражи и на самонужнейший ремонт заводских устройств». Контора, как утверждалось, «не имела никаких средств к восстановлению и открытию заводского действия, а что делает заводовладелец Сухозанет по этому предмету, ей ничего не было известно, но из предписаний его видно, что он принимает меры к отдаче заводов в арендное содержание». Такое положение, наряду с очередной неуплатой долга, 5 июля вызвало распоряжение Горного департамента об установлении казенного присмотра и составлении описи имения для продажи с публичных торгов. Присмотр был возложен на исправников Симских заводов: сначала – С.П. Степанова, затем – А.Х. фон Зигеля.

В декабре 1868 г. последний из них докладывал, что с 1 ноября заводы поступили в арендное содержание известного екатеринбургского дельца – надворного советника Николая Ивановича Севастьянова «по предварительному условию, заключенному им с заводовладельцем». В Юрюзани уже находился брат арендатора А.И. Севастьянов, который, как доверенное лицо, «принимал все меры к восстановлению заводов и заготовке материалов, и за все работы рассчитывался от себя». Исправник осведомлялся, продолжать ли ему присмотр сданных в аренду заводов, так как они «восстанавливаются на капитал г-на Севастьянова» и спрашивал, должны ли «выделанные на его средства металлы» принадлежать уже арендатору. Горное правление приказало продолжать присмотр и составлять опись заводского имущества, поскольку не имело никаких сведений об утверждении высшим начальством сделки А.И. Сухозанета с Н.И. Севастьяновым¹⁰.

В мае 1869 г. сам арендатор в прошении в Горный департамент раскрыл условия этой ставшей неожиданной для горного начальства сделки. По договору, заключенному 17 октября 1868 г., он обязался возобновить на свои средства деятельность заводов в период 1 ноября 1868 г. – 1 мая 1869 г., с тем чтобы «вся выделка металла в течение этого времени поступала в его собственность и не подлежала секвестру за долги сохранной казне». По словам А.Х. фон Зигеля, сделка была заключена в целях «предварительного собрания на месте сведений о потребностях, местных условиях и средствах заводов для взятия их г-ном Севастьяновым в арендное содержание, если после полугодичного в виде опыта действия заводов, он изъяснит на то согласие». В случае, если бы это произошло, Н.И. Севастьянов и А.И. Сухозанет брали на себя обязательство «с предварительного согласия Прави-

тельства и кредиторов и по взаимному между собой соглашению совершить в продолжение мая на этот предмет формальный акт, и затем все отношения по заводам и по долгам... переходили бы уже на обязанность г-на Севастьянова с личной ответственностью перед Правительством».

Исправник однако не был уверен, продолжится ли аренда, поскольку, по его сведениям, за истекший срок аренды на заводах было приготовлено 37 672 пуд. железа на сумму 56 680 руб., а расход составил 68 126 руб., т. е. арендатор понес убытки. Сам же Н.И. Севастьянов в своем прошении уверял, что кроме денег на выделку металлов «задолжал еще значительный капитал на исправление заводских устройств, на выкуп из-под секвестра оставшихся металлов, а также уплату недоимки банку и в горной подати». В начале августа 1869 г. исправник сообщал в Горное правление, что после окончания срока аренды «все работы при заводах по распоряжению надворного советника Севастьянова были прекращены, сам он выехал из Екатеринбурга в Казань для свидания с г-ном Сухозанетом, а в настоящее время находится на Кавказе, а от заводовладельца... никаких распоряжений не получено и не известно, заключена ли дальнейшая аренда»¹¹.

Несмотря на уверения арендатора об уплате недоимки, Петербургская сохранявшая казна в мае, когда срок платежа по долгу прошел, в очередной раз известило местное начальство, что денег не поступило, и просила уже не о казенном присмотре, а о взятии заложенного имения в опекуновское управление. Уфимское губернское правление в июле 1869 г. предписало златоустовскому уездному исправнику «по составлению описи сдать имение в ведение Бирской дворянской опеки и той немедленно назначить опекуна». Опекуном был определен коллежский ассессор Александр Тимофеевич Тельбуков, который, по свидетельству губернатора С.П. Ушакова, в июле же «лично и с подробностью осматривал заводы и машины и нашел, что они... довольно прочны, но заводы по неимению капитала находятся в бездействии, плотина требует немедленного исправления, но доходов по имению никаких нет, потому что земля состоит из гор, лесов и болот, пахотных и луговых мест весьма немного, да и те отдаются заводским крестьянам бесплатно». А.Т. Тельбуков не представлял иного пути для сохранения производства, кроме отдачи заводов в аренду «на срочное время». О своем желании получить их в аренду в бирскую опеку заявил все тот же екатеринбургский купец Н.И. Севастьянов. Видимо, вложив капиталы, но не получив дохода во время первой аренды, он все-таки решился ее продлить.

«В виду того, что дальнейшее бездействие заводов... поведет к неизбежному расстройству имения в течение года», опека просила исправника быстрее составить опись и по ней передать имение в ведение А.Т. Тельбукова, а тому «при сдаче заводов в арендное содержание войти с Севастьяновым в предварительные условия». К концу октября опись опекой была составлена, однако в отсутствие владельца или его представителя, как то требовалось по закону. Опекун тем не менее «принял имение» и немедленно (акт составлен 17 ноября) отдал его в аренду Н.И. Севастьянову до 15 ноября 1870 г., т. е. всего на один год. В декабре исправник А.Х. фон Зигель доносил, что арендатор «приступил уже к заготовлению нужных для заводского действия материалов и по вывозке в заводы угля откроет доменную плавку». Н.И. Севастьянов предъявил Горному правлению договор с опекуном, из которого следовало, что он «купил всю выделку металлов, каковая будет на Юрюзанских заводах в продолжение года... с задолжением собственного капитала на всю операцию по приготовлению металлов и на ремонтровку заводских устройств... с тем, что опекуновское управление, не отвечая за выгодность заготов-

лений и стоимость металлов, получает от покупателя по 7 коп. сер. с пуда железа... и что выделанные металлы за долги прежних лет секвестру не подлежат»¹². Видимо, расчет Н.И. Севастьянова основывался на том, что при столь низкой арендной плате и условии покупки металла без ответственности за долги заводов, на что вынуждена была согласиться не имевшая никаких средств опека, даже непродолжительная аренда может принести весомый доход и окупить вложенные им деньги.

Получив эти сведения, Горное правление признало заключенный контракт «не обеспечивающим уплаты казенного долга» и предписало заводскому исправнику, одновременно с опекой осуществлявшему казенный надзор, секвестировать выплавленный во время аренды металл. Сам министр М.Х. Рейтерн, на благоусмотрение которого был направлен контракт, нашел его «для казны неудобным и невыгодным». В такой ситуации, грозившей неприятностями опеке, а арендатору – потерей не только дохода, но и всех вложенных денег, те, пытаясь оправдаться, приняли превентивные меры. «Подписанный с Севастьяновым контракт совпадает с заключенным им в подобном же случае в 1868 г. с опекуном Ревдинских заводов Вагнером... – сообщал уфимский губернатор, отвечавший за действия опеки. – Принимая во внимание, с одной стороны, просьбу мастеровых Юрюзанской волости разных обществ о скорейшем введении опекунского управления для открытия заводских работ... а с другой, что опека как учреждение, не знакомое с заводским производством, не могла судить о степени выгоды для заводов предложенных Севастьяновым условий и вынуждена была... предоставить Тельбукову заключить с Севастьяновым контракт». Губернатор заручился мнением местного предводителя дворянства, который «присовокупил, что если арендную платую и не может покрыться состоящий на имении долг, то... по всей вероятности, будут оплачены проценты и другие денежные повинности, которых накопилось около 15 тыс. руб., и, следовательно, заключение горного начальства о дефиците долгов преждевременно, а... требование секвестировать металл незаконно». Кроме того, губернатор извещил, что описи уже отосланы в Петербургское губернское правление, которое назначило торги Юрюзанских заводов на 11 мая 1870 г.

Все эти события не остались без внимания А.И. Сухозанета. После заключения без его участия договора о второй аренде он подал жалобу на «не вызов его к описи имения» и несогласие на аренду. Прошение поверенного к министру финансов предваряла записка его зятя – М.А. Безобразова. «Обращаюсь к защите Вашего Высокопревосходительства по делу свояка моего Александра Сухозанета, – извещал тот министра. – Под именем Правительства и казенного интереса подведена интрига, чтобы захватить в руки г-на Севастьянова, промышленяющего краткосрочными арендами... крупное имение. Предлог взят – недоимка в 47 тыс. руб., и для того на шесть лет отдадут в аренду ценность в 3 млн руб. без описи и какого-либо охранения имущества и интересов других кредиторов в то время, когда проводится соглашение, чтобы все дела Сухозанета привести в порядок, и сестра его от себя делает значительные пожертвования».

Поверенный Шавров тоже настаивал на «неблагонадежности» арендатора, который «обязывался взять заводы формальным договором на 24 года с уплатой казенных и частных долгов, но... от заключения договора уклонился... и, не заплатив никому из кредиторов, оставил заводы в таком крайне расстроеном состоянии, что после полугода его аренды требуется до 150 тыс. руб. ремонта». Поверенный протестовал и против учреждения опеки «по взысканию, едва ли составляющему 5% суммы частных долгов», что, по его мнению, означало «вопиющее нарушение законных прав собственника и кредиторов». «В настоящее время, – извещал он, –

при участии нескольких капиталистов составляется солидное товарищество, готовое взять заводы в аренду на 36 лет с обязательством уплатить казенные и частные долги... и единственным препятствием к взносу недоимки и снятию опеки служит неокончание формального соглашения с некоторыми кредиторами»¹³. Очевидно, не договорившись о сроках и условиях аренды, Александр Иванович и Николай Иванович рассорились. Но опытный купец переиграл отставного поручика и получил аренду от опеки. «Солидное товарищество», судя по всему, так и не организовалось. Заинтересованное же участие в этом деле М.А. Безобразова, вероятно, объясняется долгом А.И. Сухозанета сестре (по разделу 1861 г.), которой позже будет передано от брата 140 тыс. руб. Только тогда она снимет все свои «претензии», а ее муж больше не проявит себя в делах Юрюзанских заводов.

Назначение торгов активизировало действия заводовладельца. Он обратился в Министерство финансов с просьбой отменить их вместе с опекой, пообещав «внести в уплату числившейся по займу его из Санкт-Петербургской сохранной казны недоимки 20 тыс. руб. с рассрочкой остальной суммы (32 163 руб.) на пять лет. Всего за неделю до торгов, 2 мая 1870 г., последовало высочайшее повеление об отмене продажи на предложенных условиях, но только в том случае, если частные кредиторы изъявят на это согласие. Поэтому Сенат только приостановил продажу, приняв во внимание, что опись выставляемого на торги имущества составлялась без участия владельца, т. е. с нарушением процедуры. Для окончательной отмены торгов требовалось получить согласие кредиторов на аренду. В сентябре и октябре 1870 г. министр получил прошения А.И. Сухозанета разрешить «передать Юрюзанские заводы в арендное содержание на 30 лет». При этом владелец сообщал, что «частные его долги значительно изменились, так что до настоящего времени скуплено их всего на сумму 413 240 руб. и что затем осталась весьма небольшая цифра сих долгов, уплату которых арендатор принимает на себя»¹⁴.

На заводах между тем сложилось неопределенное положение. Уральское горное правление запрашивало А.Т. Тельбукова о том, «какими средствами будут действовать заводы» после того, как закончится срок годичной аренды. «Не имея возможности скупить остатки заводских припасов у г-на Севастьянова и не имея в виду других желающих взять на себя производство заводов, но по взаимному с г-ном Севастьяновым соглашению действие условия с ним продолжены до 15 мая 1871 г., т. е. до окончания отправки металлов», – извещал опекун. Поступило прошение и от арендатора, сообщавшего, что «по взаимному соглашению с кредиторами и должником» именно он, оказывается, скупил более чем на 370 тыс. руб. долгов А.И. Сухозанета «по векселям, маклерским договорам и другого рода документам», которые «за неимением у должника никакого имущества, кроме Юрюзанских заводов, были на них обращены». «Соединив в лице своем права кредиторов», Н.И. Севастьянов тоже просил отменить продажу и освободить заводы от опекунского управления. В департамент были представлены и все расписки бывших кредиторов, среди которых встречаются имена купцов Роберта Миллера и Германа Молво, графа Бориса Шереметева и мануфактур-советника Михаила Рукавишников, сестры владельца Анны Безобразовой и др. Становится понятно, что Александр Иванович, оказавшись в положении должника Н.И. Севастьянова, помирился с ним и вновь намеревался заключить договор, на этот раз уже долговременный.

Хотя некоторые фамилии кредиторов и суммы взысканий оказались при проверке расписок «не вполне сходными между собой», чиновники департамента решили, что это можно объяснить «передачею документов от одного кредитора к другому». Рассрочка недоимки сохранной казне и «удовлетворение сполна всех

кредиторов» послужили весомым аргументом к снятию казенного присмотра, отмене опекунского управления и публичной продаже имения А.И. Сухозанета. В апреле 1872 г. он получил уведомление об этом от министра финансов, а в мае уже подал прошение об открытии аренды¹⁵.

«Погашение долгов, равно приведение в порядок устройств в заводах потребовало больших капиталов, поэтому, – писал владелец, – я вошел в соглашение с на-дворным советником, первой гильдии купцом Николаем Ивановичем Севастьяновым, чтобы за капитал, употребленный уже им на погашение заводских долгов и вообще на заводы, предоставить их ему в арендное содержание на 30 лет с обязательством окончательного погашения всех долгов, как казенных, так и частных, с приведением действия заводов в полное устройство». Предполагая, что горное начальство бдительно следит за использованием лесов, он сообщил, что в арендном договоре «ежегодная вырубка лесов ограничена определенным количеством по правилам лесного хозяйства с воспрещением отпуска их в продажу, чтобы сохранить их исключительно для металлического... производства». Представляя себя как «полноправного владельца», от которого зависит распоряжение заводами, Александр Иванович тем не менее считал своей обязанностью получить от Горного департамента как «высшего специального учреждения» разрешение на аренду «для изложенных выше целей, соединенных с двойною гарантией погашения долгов – как залогом самих заводов, так и обязательством арендатора». В департаменте усомнились не столько в возможности аренды, сколько в ее сроке, так как по общим законам он не должен был превышать 12 лет. Хотя законом предусматривались некоторые исключения, они не относились к горнозаводским имениям. Второе отделение императорской канцелярии разъяснило, что долгосрочная аренда таких имений возможна лишь «в видах изъятия из общего закона по особому постановлению Комитета министров»¹⁶.

Но, вероятнее всего, не эта юридическая формальность воспрепятствовала заключению сделки с Н.И. Севастьяновым. Пока шли эти переговоры, опекун А.Т. Тельбуков, которому надо было обеспечить деятельность заводов, успел заключить договор с другими арендаторами. Он 10 июня 1871 г. передал Юрюзанские заводы в двухгодичную аренду екатеринбургским купцам первой гильдии Петру, Федору и Николаю Злоказовым (в 1903 г. Злоказовы купят чугуноплавильный Никольский завод и войдут в состав уральских заводчиков) и надворному советнику Петру Ивановичу Сысоеву. Условием передачи была выделка не менее 100 тыс. пуд. железа в год за плату в 12 коп. с пуда. Арендаторы обязывались «сделать необходимые исправления заводской плотины... и стараться приспособлять заводы к тому, чтобы они могли выделывать более металлов, чем производилось до настоящего времени»¹⁷.

Этот и прежние краткосрочные договоры вызвали критику со стороны И.П. Балашова, прибывшего тогда на собственные Симские заводы. В записке, направленной уфимскому губернатору С.П. Ушакову, он обратился к причинам положения, сложившегося в соседнем округе, который сам считал возможным взять в аренду. «Юрюзанские заводы, бывшие в прямом заведовании и распоряжении генерала Сухозанета до 1860 г., представляли собой один из лучших частных округов Южного Урала по своей производительности и устройству... – писал он. – Со смертью генерала Сухозанета обстоятельства заводов вдруг переменялись. Владелец... стал его сын, человек, чуждый горному делу и не принимавший никакого участия в поддержании своих заводов. Ясно, что по инерции данный еще старым владельцем толчок поддерживал заводы еще несколько времени и при сыне, но

вскоре стесненные денежные обстоятельства, самоуправные распоряжения служащих и другие действия, ускользавшие от глаза владельца, начали вести заводы шаг за шагом к упадку и, наконец, заставили владельца совсем их отдать в распоряжение служащих для того, чтобы хоть сколько-нибудь выручать от имения на удовлетворение необходимых платежей. Само собой разумеется, что такая система управления не могла долго продержаться. При этом порядке заводы не ремонтировались, фабрики не поправлялись, материалы брались от ближайших мест без всякого хозяйственного расчета, лес оставался без присмотра и употреблялся неправильно, и всякий из служащих, думая только о себе, не заботился уже об общем благосостоянии заводов, вследствие чего заводы остановились».

Справедливо рассуждая, что «успех заводского действия обуславливается осторожностью пользования естественными богатствами имения», И.П. Балашов видел «одно из главных условий для достижения этой цели в избегании краткосрочной отдачи заводов в арендное содержание». «При коротких сроках, – убеждал он, – арендатор не может сделать необходимых затрат, на покрытие которых требуется всегда время, напротив, он будет скорее склонен выжимать из заводов по возможности больше, не имея впереди интереса к их сбережению... Точно также в высшей степени опасно бывает отдать подобный сложный механизм, как заводское производство, в руки не специалиста, а тем более предоставить его в распоряжение афериста. В его руках не только нечего ожидать улучшений, так как он не сумеет даже их делать, а прямо должно ожидать хищнического хозяйства с целью выручить возможно большую выгоду всегда в ущерб будущности дела... К сожалению, Юрюзанские заводы находились в последнее время именно в таком положении и о последствиях распространяться нечего. Можно только сказать утвердительно, что если настоящее состояние продлится еще некоторое время, то всякая надежда на будущее их исправление должна исчезнуть». И.П. Балашов просил губернатора о содействии в получении в аренду Юрюзанских заводов «на возможно продолжительный срок».

В июле 1871 г. председатель Бирской дворянской опеки Шестаков ответил просителю, что «не считает себя вправе разрушить совершенно законно заключенный уже контракт», тем более что Петербургская сохранный казна, «более всех заинтересованная этим имением... не имела со своей стороны ни малейших препятствий». В декабре 1871 г. пришел отзыв и от губернского правления, предложившего «иметь в виду заявление... камер-юнкера Балашова при новой отдаче заводов в арендное содержание»¹⁸.

Но на этом «неожиданности» в судьбе Юрюзанских заводов не закончились. После истечения срока очередной аренды ни И.П. Балашов, ни Н.И. Севастьянов не возобновили свои ходатайства, отказавшись от прежних намерений. Видимо, предприимчивый купец уже извлек всю возможную выгоду, на которую рассчитывал (в 1873 г. Н.И. Севастьянов купит вместе с А.Ф. Поклевским-Козелл Холуницкие заводы, но вскоре продаст свою долю компаньону), а Балашовы передумали. Но А.И. Сухозанет от спасительной идеи аренды не отказался. В феврале 1873 г. он подал новое ходатайство вместе с другим своим соседом по имению и родственником князем К.Э. Белосельским-Белозерским. К этому времени положение Юрюзанских заводов было, несомненно, лучше, чем в 1868 г., когда впервые прозвучало предложение князя об аренде. В 1869 г. было «обложено податью» 78 379 пуд., в 1870 г. – 238 987, а в 1871 г. – 296 956 пуд. выплавленного на Юрюзанских заводах чугуна; их производительность почти достигла дореформенного уровня. «Катавские заводы, лежащие еще ближе к Юрюзанским, чем Симские, – писал управ-

ляющий заводами Балашовых в 1868 г., – несравненно более пользуются средствами этих заводов». Для князя аренда, а в перспективе и покупка соседнего округа были более выгодны.

«Войдя в соглашение о передаче Юрюзанских горных заводов в аренду», А.И. Сухозанет и К.Э. Белосельский-Белозерский просили Горный департамент и ее разрешить на длительный срок – 29 лет, поскольку считали, что «12-летняя аренда, дозволяемая законом, не может удовлетворить ни требованиям горнозаводского хозяйства вообще, ни целям арендатора, желающего завести в заводах новые устройства и производства по части горной промышленности». По проекту договора, приложенному к ходатайству, князю предоставлялось право «изменять технические устройства заводов и по своему усмотрению заменять нынешние фабричные здания и машины другими, открывать и разрабатывать новые руды, ввести выделку других металлов, устраивать плавильные печи и вообще выработку металлов там, где найдет выгодным, хотя бы в посторонних землях с употреблением материалов из Юрюзанских дач». Он обязывался «окончить устройством заводскую плотину, а если... не окажется возможным придать ей прочность... то заменить ее паровыми двигателями, достаточными для заводского действия». Единственными ограничителями служили расход «лесного материала», который не должен был превышать 18 тыс. куб. саж., и запрет на продажу леса. На арендатора переходила и «вся личная и имущественная ответственность перед законом, Правительством и частными лицами за все распоряжения по заводам и их управление без всякой ответственности владельца».

В соответствии с проектом, князь обязывался «уплачивать все долги, лежащие на заводах и их владельце, казне и частным лицам по особому списку, переданному владельцем заводов... кроме новых долгов г-на Сухозанета, сверх показанных в списке». Право аренды сохранялось даже в случае продажи имения самим владельцем (или с публичных торгов) и было «обязательно для обеих сторон не только лично, но и для наследников их». Плата за аренду составляла 8 тыс. руб. ежегодно в первые пять лет, 10 тыс. руб. – в последующие 14 лет и 12 тыс. руб. – в последнее десятилетие. Кроме того, князь К.Э. Белосельский-Белозерский должен был выдавать сыну владельца «по окончании им курса в Пажеском корпусе, при вступлении в службу, одновременно 6 тыс. руб. и ежегодно 2 тыс. руб., а при вступлении его в брак – одновременно 6 тыс. руб.». После окончания срока аренды заводы следовало передать владельцу «с устройствами, готовыми к действию на выделку 200 тыс. пуд. железа», а поводами к прекращению сделки могли быть признаны либо просрочка платежей сохранной казне, либо задержка арендной платы в три срока, либо случай запрещенной продажи заводских лесов¹⁹.

На этот раз Горный департамент все-таки решился отстаивать возможность долгосрочной аренды, даже несмотря на сомнения министра юстиции и Второго отделения императорской канцелярии в ее законности. «Состояние заводов Сухозанета во время управления самого владельца не представляло успешного хозяйства, – поясняли свою позицию горные чиновники. – Заводы эти неоднократно останавливались в своем действии (по недостатку оборотного капитала), подвергались казенному присмотру, опеке и даже продаже за неплатеж долгов и были освобождены от опеки лишь в прошлом 1872 г. во время управления постороннего лица... Имея в виду, что помещичьи имения, не представляющие столь сложного хозяйства, дозволяется законом передавать в аренду даже на 36 лет и что с передачею заводов Сухозанета в аренду князю Белосельскому-Белозерскому они могли бы возвыситься в своем состоянии к выгодам казны и владельца, Горный департамент полагал бы

полезным предоставить Сухозанету право передачи заводов в аренду на 29 лет... и испросить на это Высочайшее разрешение через Комитет министров». Передача заводов в аренду «состоятельному и ближайшему владельцу» была признана выгодной и самим министром финансов М.Х. Рейтерном, который настоял на ее решении Комитетом министров на заседании 3 апреля 1873 г.

Договор на 29-летнюю аренду Юрюзанских заводов 1 мая 1873 г. был уже подписан самим А.И. Сухозанетом (проживавшим тогда в Петербурге на Бол. Морской, 18) и представителем князя С.А. Графом. Заводы переходили в управление к К.Э. Белосельскому-Белозерскому с 15 июня 1873 г. по 15 июня 1902 г., но условия аренды, касавшиеся в первую очередь размера арендной платы и ответственности по долгам, были скорректированы. Плату увеличили на 4 тыс. руб. по всем периодам опеки, князь обязывался расплачиваться по казенному залогу «всегда своевременно и полностью», но не принимал на себя никакой ответственности за долги А.И. Сухозанета частным лицам. Без изменений остались условия платежей сыну владельца. Однако было уточнено, что выплаты осуществляются только при жизни отца, поскольку «со смертью Александра Ивановича Сухозанета права его по сему контракту переходят в силу закона всецело к сыну его Ивану Александровичу и платежи в его пользу... прекращаются навсегда». Цена арендованного имения определялась приблизительно в 876 тыс. руб.²⁰

Заклученный договор с кузеном и «состоятельным владельцем», по-видимому, позволил Александру Ивановичу вполне сносно существовать на арендные платежи, а его сыну – окончить Пажеский корпус и поступить на военную службу. Сам же арендатор извлек выгоду из пользования богатыми природными ресурсами соседнего округа, отведя ему особое место в реализации своего плана перепрофилирования Катавских и Юрюзанских заводов на выгодное в то время производство железнодорожных рельсов. Минский завод с устаревшим оборудованием был сразу же закрыт, а на Юрюзанском осуществлялось масштабное переоборудование, позволившее повысить его производительность к рубежу 1880–1890-х гг. до 670–750 тыс. пуд. железа. Будучи расположен вблизи крупного Бакальского железорудного месторождения, завод был обеспечен сырьем на много лет вперед, имел большой запас «водной силы», хотя и был несколько ограничен в ресурсах древесного топлива из-за «нерасчетливого истребления хвойного леса» в прежние годы. По территории округа пролегла строившаяся тогда железнодорожная ветка Уфа–Златоуст. По оценке специалистов, Юрюзанский завод находился тогда «в весьма счастливом положении сравнительно с другими заводами Уфимской губернии»²¹. Он органично вписался в объединенное Катав-Юрюзанское горнозаводское хозяйство, что, видимо, и послужило одной из причин того, что Белосельские-Белозерские приняли решение приобрести соседний округ в собственность еще до срока окончания аренды. Однако заключать договор им пришлось уже с другим владельцем.

Новый владелец появился у Юрюзанского округа в 1881 г. Судя по всему, отставной поручик Александр Иванович Сухозанет в том году (или в 1880 г.) скончался. По определению Петербургского окружного суда от 15 мая 1881 г., в правах наследства был утвержден его сын Иван. Жена А.И. Сухозанета Екатерина Алексеевна Игнатьева и другой его сын Алексей, видимо, не пережили своего супруга и отца. Известно, что в конце 1860-х гг. Иван Александрович Сухозанет обучался в одном из частных пансионов Женевы (его родители здесь подолгу жили), затем, как упоминалось, был отдан в Пажеский корпус, служил в армии в звании штаб-ротмистра²². Через 10 лет после получения наследства, уже выйдя в отставку, владелец решил на продажу своего уральского имения, находившегося все это время в аренде.

Летом 1891 г. была составлена запродажная запись и обговорены условия новой сделки. Они были не совсем обычны. Во-первых, покупателем выступал не сам К.Э. Белосельский-Белозерский, а его жена Надежда Дмитриевна. Во-вторых, все имение, площадью 165 092 дес., оцененное тогда в 1 195 364 руб., продавалось за 682,5 тыс. руб. сер. Хотя покупательница принимала на себя уплату остававшегося Петербургской сохранной казне долга (71 707 руб.) и все расходы по совершению купчей (47 829 руб.), но из покупной суммы при запродаже И.А. Сухозанет получал всего 25 тыс. руб. аванса, а на остаток в 657,5 тыс. руб. давал закладную на продаваемое имение. По условиям закладной, 300 тыс. руб. как бы «занимались» у него на год, а 357,5 тыс. руб. – на пять лет при 7% годовых за первый год, 6% – за два последующих года и 8% – за последние два года «с обязательством платежа процентов за каждое полугодие вперед». Все это однозначно подтверждает, что владелец желал как можно скорее избавиться от своего уральского имения. Купчая была совершена 4 октября 1891 г. доверенными лицами продавца (кандидатом прав В.Д. Беловым) и покупательницы (присяжным поверенным А.П. Коломниным). Одновременно с этим на обговоренных условиях подписывалась закладная. Горный департамент «не встретил препятствий» к совершению сделки, а Петербургская сохранная казна разрешила княгине Н.Д. Белосельской-Белозерской совершить закладную «по правилам второй ипотеки» с условием уплаты накопившейся недоимки по первому залогу сохранной казне в 6702 руб.²³

Как следует из содержания этих актов, Иван Александрович Сухозанет проживал в то время в Петербурге (в Эртелевом переулке, 11), но, видимо, собирался покинуть Россию. Известно, что в начале XX в. он окончательно обосновался за границей (жил то в Швейцарии, то на Лазурном берегу). Бывший владелец Юрюзанских заводов скончался в 1929 г. в Монако, завещав «неприкосновенный капитал» в 60 тыс. франков на обучение «нуждающимся русским студентам православного исповедания, записанным в Женевский университет». Эти стипендии выдаются и сегодня²⁴.

¹ Рабочее движение в России. М., 1951. Т. 1. С. 862–863.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1026. Л. 1–1 об., 2, 8.

³ Цит. по: *Мукомолов А.Ф.* На южно-уральских заводах. М., 2004. Кн. 4. С. 230; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1195. Л. 11–13.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1195. Л. 1, 3, 5, 7–9 об., 18–19, 26 об.

⁵ Цит. по: *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. С. 229–231, 242, 294.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1195. Л. 30–31, 34–39.

⁷ Там же. Л. 40–53.

⁸ Там же. Л. 57–60.

⁹ Там же. Л. 20–23 об.

¹⁰ Там же. Л. 61, 65, 69, 72–75, 78–80.

¹¹ Там же. Л. 100–105.

¹² Там же. Л. 110–111.

¹³ Там же. Л. 95–98.

¹⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1195. Л. 126–128, 131–133.

¹⁵ Там же. Л. 136–140, 147–147 об.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 899. Л. 1–1 об, 4–4 об., 6–7 об.

¹⁷ Там же. Ф. 892. Оп. 1. Д. 876. Л. 90–93, 96–97 об.

¹⁸ Там же. Л. 86–89, 111, 196–196 об.

¹⁹ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 899. Л. 10–19.

²⁰ Там же. Л. 23–28 об., 35–39.

²¹ Мукомолов А.Ф. Указ. соч. С. 241–244.

²² Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв.: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 214.

²³ Мукомолов А.Ф. Указ. соч. С. 286–296; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 353. Л. 1–6.

²⁴ Грезин И. Русская стипендия Женевского университета // Режим доступа: <http://www.nashagazeta.ch/news/11427>.

3.6. Белосельские-Белозерские

Юрюзанский горнозаводский округ в 1891 г. оказался вновь в собственности представителей рода князей Белосельских-Белозерских. Во владении княгини Надежды Дмитриевны (урожденной Скобелевой, сестры знаменитого генерала М.Д. Скобелева) он находился до 28 февраля 1901 г., когда была утверждена ее «дарственная запись» в пользу мужа¹. С этого времени Юрюзанский и Катавский округа обрели не только общее управление, но и одного владельца – князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского. Судя по послужному списку, он получил домашнее образование, в 1861 г. поступил вольноопределяющимся унтер-офицером в лейб-гвардии Конный полк, откуда через пять лет вышел в звании поручика с назначением адъютантом к шефу жандармов П.А. Шувалову. В мае 1868 г. был уволен «за болезнью» в чине штаб-ротмистра. Министр внутренних дел П.А. Валуев, присутствовавший на великосветском балу у матери князя Елены Павловны (во втором браке – княгини Кочубей) в ноябре 1866 г., записал в своем дневнике, что ее сын, «вообще во всем неуклюжий и неприветливый», отказался тогда танцевать с цесаревной «по неумению». Он был готов даже броситься из окна на улицу. «Не знаю, было ли это просто проявлением его дикости или желанием досадить матери», – размышлял министр. Наблюдавший этот инцидент герцог Мекленбургский произнес тогда: «Какого будущего для этой семьи можно ожидать от подобного хозяина. Он будет долго ждать, пока ему придется вторично отказаться от приглашения российской цесаревны». Через 10 лет, снова встретив князя на обеде у его матери, П.А. Валуев отметил, что тот «пообтесался и хорошо и правильно говорит о предметах, ему известных». Влиятельный генерал Н.А. Епанчин впоследствии называл князя К.Э. Белосельского-Белозерского «лицом, имевшим значение в “сферах”»². Это влияние князь приобрел после своего возвращения на службу.

В начале русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Константин Эсперович был назначен ординарцем к начальнику штаба Гвардейского корпуса, участвовал в военных действиях. В феврале 1881 г. он стал адъютантом цесаревича Александра Александровича, а 2 марта 1881 г. после вступления наследника на престол – флигель-адъютантом императора и членом Совета Главного управления государственного коннозаводства. С этого времени К.Э. Белосельский-Белозерский неизменно сопровождал Александра III в его поездках в Варшаву (1884 г.), Финляндию (1885 г.), Брест-Литовск (1886 г.), Елисаветград (1888 г.), выполнял другие поручения (сопровождал герцога Эдинбургского в 1888 г., принца Греческого – в 1889 г.). «За отличия по службе» в 1884 г. получил чин полковника, в 1894 г. – генерал-майора, числясь все это время «по армейской кавалерии»³. Он сохранил свою близость ко Двору и при Николае II. В 1906 г. князь Белосельский-Белозерский стал генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом.

Владельцем родовых Катавских заводов он оказался еще в трехлетнем возрасте после ранней смерти своего отца. Когда Константину Эсперовичу исполнилось 18 лет, его совладелицы – мать Елена Павловна (урожденная Бибикова, падчерица А.Х. Бенкендорфа) и сестры Елизавета (была замужем за надворным советником князем Петром Никитичем Трубецким) и Ольга (супруга флигель-адъютанта полковника графа Павла Андреевича Шувалова) – совершили раздел. По акту от 7 ноября 1861 г., «желая оставить владение в роде князей Белосельских-Белозерских», они передали уральские и все остальные родовые имения Константину Эсперовичу, получив вместо следующих им по закону указных частей «выдел деньгами». В соответствии с установленными долями владения, матери достались 810 тыс. руб., уплата которых рассрочивалась на 10 лет, сестрам – «к прежде выданным им 155 301 руб. ...еще по 350 тыс. руб. сер. каждой в течение семи лет со дня совершения записи». Кроме того, матери предоставлялось право жить в великолепном петербургском дворце Белосельских-Белозерских на Невском проспекте и на даче, возведенной на купленном еще в 1803 г. Крестовском острове, который тогда считался отдаленной окраиной столицы. «Раздельная запись» была утверждена Санкт-Петербургской палатой гражданского суда 18 декабря 1861 г.⁴

Однако финансовые неурядицы пореформенного времени, усугубленные трудностями найма рабочих и последствиями катастрофического наводнения 1862 г., затронувшего и Катавские заводы, заставили владельца, который не справлялся с денежными выплатами родственникам, пересмотреть условия уже совершенного раздела. В Петербурге 9 апреля 1869 г. был составлен новый раздельный акт. От имени Константина Эсперовича и Елены Павловны, находившихся тогда на отдыхе в баденском городке Карлсруэ, выступали главноуправляющий имениями генерал-майор А.А. Перетц и титулярный советник С.А. Граф, позже сменивший первого в этой должности. «По неудобству к выполнению той записи со стороны князя Константина Эсперовича» наследники произвели «натуральный раздел» родового имущества. Княгиня Е.П. Кочубей получала «в вечное и потомственное владение» дачу на Крестовском острове (оцененную в 100 тыс. руб.), каменный дом в Москве в Тверской «части» (150 тыс. руб.) и остававшиеся после уплаты части выдела 200 тыс. руб. сер. (до 18 декабря 1871 г. под 5% годовых). Княгиня Е.Э. Трубецкая, уже получившая от брата 50 тыс. руб., становилась владелицей имения в Даненбургском уезде Рязанской губернии, оцененного тогда в 300 тыс. руб. Графиня О.Э. Шувалова, которой уже было выплачено 65 тыс. руб., стала владелицей имения в Рязском уезде той же губернии (175 тыс. руб.) и «выкупных свидетельств» на 110 тыс. руб. Остальное имущество, включая дворец на Невском про-

спекте и Крестовский остров в Петербурге, имения в Петербургской, Ярославской, Владимирской, Московской, Нижегородской, Саратовской и Оренбургской губерниях (3275 тыс. руб., включая 1325 тыс. руб. за Катавские заводы), переходили в единоличную собственность князя К.Э. Белосельского-Белозерского. Акт был утвержден 18 декабря 1869 г.⁵

Освободившись таким образом от части обременительных выплат бывшим совладельцам, Константин Эсперович смог сосредоточиться на развитии горнозаводского дела в своем уральском имении, которое после разрушений начала 1860-х гг. было им восстановлено «с затратой значительного капитала». Будучи тогда в отставке, князь, видимо, увлекся предпринимательской деятельностью и оказался участником нескольких крупных коммерческих акций. В 1872 г. он вместе с другими уральскими горнозаводчиками (наследниками Д.Е. Бенардаки и И.П. Балашовым) стал учредителем акционерного общества «Сормово» с капиталом в 2550 тыс. руб. Целью общества было развитие крупного нижегородского металлургического и механического завода и «построение машин, судов, подвижного состава для железных дорог, рельсов и пр.»⁶. В 1872 г. К.Э. Белосельский-Белозерский (вместе с П.П. Демидовым и др.) стал организатором Уральского горнозаводского товарищества (с капиталом в 2,5 млн руб.), на следующий год взявшего в 80-летнюю аренду Никитинские заводы и Луньевские каменноугольные копи Всеволожских в Прикамье⁷. В 1873 г. он получил в 29-летнюю аренду Юрюзанские заводы А.И. Сухожанета с перспективными Бакальскими рудниками, о чем упоминалось выше.

Совпадение во времени этих инициатив князя представляется не случайным. Скорее всего, они были частью общего плана развития металлургического производства в нескольких крупнейших горнозаводских округах Урала, ориентированного на развернувшееся в стране железнодорожное строительство, которое требовало масштабных поставок рельсов, разнообразного оборудования, техники, а также каменного угля. Особенно привлекательным для уральских горнозаводчиков было намеченное сооружение Оренбургской и Пермской (с Луньевской веткой) линий железной дороги, концессии на строительство которых они и пытались получить. Не все из этих начинаний увенчались успехом вследствие сложности плана, недостатка опыта и отсутствия значительных свободных капиталов у его инициаторов, включая и 30-летнего Константина Эсперовича. В 1875 г. обанкротилось Сормовское общество, затем неудача постигла Уральское горнозаводское товарищество, так и не добившееся концессии на строительство Горнозаводской железной дороги. Вместе с тем собственные Катавские и арендованные Юрюзанские заводы князь сумел серьезно реорганизовать, что вывело это объединенное хозяйство в ряд крупнейших на Урале.

Еще в 1868 г. А.А. Перетц ходатайствовал перед Министерством финансов о предоставлении Катавским заводам права на поставку стальных рельсов. «В Англии, Австрии и Пруссии большая часть заводов изготовляет рельсы из бессемеровской стали в том уважении, что рельсы эти, представляющие сплошную массу, выдерживают на $2\frac{1}{2}$ раза более сопротивления, чем железные, – писал он. – Руды, находящиеся в дачах Катавских заводов, принадлежащих князю Белосельскому-Белозерскому, особенно способны для приготовления из них бессемеровской стали. Чугун этих заводов был отправлен в Бельгию на завод *Jeraing*. Из сообщения агента... видно, какими отличными свойствами обладает бессемеровский металл, приготовленный из чугуна Катавских заводов... Князь желает устроить завод для приготовления бессемеровской стали и прокатки из нее рельсов ежегодно до 300 тыс. пуд. ... Но предварительно князь желал бы обеспечить сбыт своих произведений и

получить субсидию от Правительства в 100 тыс. руб. и разрешение... перевести машины из заграницы беспопынно». «В случае соизволения» главноуправляющий обещал начать поставку рельсов в 1871 г.⁸ Однако тогда в министерстве имелись более привлекательные предложения (от британца Д. Мурфи и Н.И. Путилова), которым в конце концов было отдано предпочтение.

Потерпев неудачу в конкурентной борьбе за выгодные железнодорожные заказы, в 1876 г. князь вновь обратился к министру государственных имуществ П.А. Валуеву с «почтительнейшей просьбой» о предоставлении казенного заказа на изготовление рельсов объемом 600 тыс. пуд. в год на три года «с выдачей задаточных денег». «В принадлежащих мне дачах... в последнее время открыты превосходного качества марганцовистые железные руды, необходимые для приготовления стали, – сообщал он. – Вследствие сего, а также того, что... заводские округа располагают и всеми прочими условиями для прочного и успешного развития сталелитейного дела в больших размерах, я решился возвести там завод для приготовления стальных рельсов в количестве 600 тыс. пуд. в год». П.А. Валуев поддержал просьбу, добавив в письме к министру финансов М.Х. Рейтерну, что князь уже заказал в Бельгии «все нужные для будущего его бессемеровского завода машины и устройства, которые и должны быть доставлены в Кронштадт будущим летом».

Не полагаясь на одно лишь это ходатайство, чиновники Горного департамента составили справку, из содержания которой следовало, что Катавский и Юрюзанский округа действительно обладали достаточными «лесными средствами» (в первом – 163 700, во втором – 123 289 дес.) и в 1870-е гг. выделяли от 800 тыс. до 1 млн пуд. чугуна и от 550 тыс. до 750 тыс. пуд. железа и стали. Это, по мнению горных чиновников, свидетельствовало о том, что «заводы, состоящие во владении князя Белосельского-Белозерского, обладают достаточными естественными средствами для принятия на себя правительственного заказа рельсов». В результате такой поддержки в апреле 1877 г. Константин Эсперович заключил контракт с Департаментом железных дорог на поставку 1 млн пуд. стальных рельсов, получив под залог Катав-Ивановского завода аванс в 463 тыс. руб. В сентябре того же года под залог Усть-Катавского завода им была получена на год еще одна ссуда в 500 тыс. руб. у наследников мануфактур-советника М.Г. Рукавишников⁹.

Производство рельсов началось в мае 1879 г. после открытия на Катав-Ивановском заводе бессемеровской фабрики (второй – на Урале и третьей – в России) и цеха прокатки рельсов, оборудованного бельгийскими станами. Выполнение заказа дало основание казне предоставлять князю новые заказы на рельсы, а также давать займы. В марте 1880 г. под залог Катавского округа он получил из «железнодорожного фонда» огромную ссуду (2,5 млн руб. на 10 лет), направленную на масштабную реконструкцию заводов. Но, способствовал развитию металлургического производства, эта же ссуда послужила причиной возникших вскоре финансовых проблем.

Необходимость ежегодных платежей по ссуде, предоставленной под высокие 13,5%, уже в 1882 г. заставила князя просить об увеличении периода ее погашения. Император 16 октября утвердил положение Комитета министров о рассрочке ссуды на 20 лет «с уплатой интереса в размере 6% в год и соответствующего погашения». «По случаю бывшего в Катав-Ивановском заводе пожара» годовые платежи за 1886 и 1887 гг., согласно высочайшему повелению от 21 февраля 1886 г., разрешили уплатить «в одной капитальной сумме, а проценты за те же два года разделить для уплаты по равной части на остальные сроки погашения ссуды с причислением 6% интереса». Годовой платеж вследствие этого увеличился до 239 876 руб. Но совместить с

ним реконструкцию владельцу Катав-Юрюзанских заводов оказалось не под силу. Уже в следующем году князь вновь был вынужден ходатайствовать о рассрочке казенного долга. По положению Комитета министров, утвержденному 27 декабря 1887 г., уплата ссуды была рассрочена до 1 января 1908 г. «с тем, чтобы был внесен 21 ежегодный платеж... по 198 036 руб. в каждый из сих сроков»¹⁰.

Но даже понижение платежа не спасло заводчика. Как сообщало Министерство финансов, князь «не производил никаких по означенному долгу уплат», в результате чего в июле 1889 г. в счет казенной ссуды была удержана «попудная премия» в размере 174 тыс. руб., т. е. заводчик перестал получать деньги за изготовленные по государственному заказу рельсы. Заводы оказались на грани банкротства. Не случайно в том же месяце князь решился на сдачу их в аренду, вспомнив, очевидно, о подобной же операции, совершенной десятилетие назад между владельцем Нытвенского округа С.М. Голицыным и французским Обществом железных и стальных заводов в Сент-Этьене. Он просил министра финансов о разрешении совершить арендный договор также с французскими предпринимателями: директором Батиньонского строительного общества Э. Фуке и главным директором-распорядителем чугуноплавильных и сталелитейных заводов в Денене и Анзене Мартеле, которые соглашались составить акционерное общество с капиталом в размере 4 млн франков для 30-летней аренды уральских заводов. Вместе с тем К.Э. Белосельский-Белозерский вновь ходатайствовал о продлении срока ссуды на один год и понижении процентов (с 6 до 5%), что, по мнению министра, было сопряжено с «весьма не малыми новыми пожертвованиями со стороны казны».

Тем не менее И.А. Вышнеградский признал возможным удовлетворить и эту просьбу князя, принимая во внимание, по его словам, «действительно затруднительное в настоящее время положение заводов, вызванное стечением многих неблагоприятных обстоятельств, как-то: упадок цен на рельсы и железо, незначительность частных заказов рельсов со стороны железнодорожных обществ и усиленных издержек на продовольствие фабричных рабочих по случаю бывших в том крае неурожаев». Однако министр соглашался на это при условии перехода управления от князя К.Э. Белосельского-Белозерского, «не располагающего достаточными оборотными средствами для надлежащего ведения столь крупного предприятия... в солидные, опытные руки с привлечением крупных оборотных средств, которые должны обеспечить успешный ход заводского дела». Батиньонское общество, известное как крупнейшее предприятие по строительству мостов (в 1903 г. в Петербурге им возведен Троицкий мост через Неву), и Общество заводов в Денене и Анзене виделись министру именно такими «солидными предприятиями», передача которым в аренду Катав-Юрюзанских заводов была, по его мнению, желательной.

Сложность ситуации состояла в том, что заключенный еще в мае 1889 г. в Париже контракт князя с французскими предпринимателями сохранял силу только в течение пяти месяцев. За это время было невозможно пройти сложную процедуру утверждения акционерного общества в России, где, в отличие от Франции, еще с 1836 г. действовала разрешительная система, в соответствии с которой устав общества долго согласовывался в правительственных инстанциях и утверждался самим императором. «В видах ускорения дела» министр признавал возможным в порядке исключения «испросить Высочайшего через Комитет министров соизволения на предоставление названным иностранным предпринимателям права образовать акционерное общество на основании французских законов, но с тем условием, чтобы действия его в России могли быть открыты не ранее как по одобрению устава министерствами финансов и государственных имуществ». Согласие на долгосрочную

аренду поступило и от Министерства государственных имуществ. «Настоящая производительность Катавских заводов, благодаря их денежной необеспеченности далеко не достигает размера, соответствующего благоприятным условиям, в которые эти заводы поставлены богатством своих руд и достаточностью запаса топлива, – констатировал товарищ министра В.И. Вешняков, – и в интересах нашего горного дела на Урале было бы весьма желательно, чтобы названные заводы развили свое действие до размера, допускаемого естественными их данными». Не терпящее отлагательства дело по разрешению Александра III тогда же, в июле 1889 г., вне очереди поступило на рассмотрение Комитета министров¹¹.

В августе 1889 г. дело было рассмотрено. Вероятно, условия заключенного князем арендного договора показались министрам чрезмерно сложными. В договоре, на основе которого составлялся устав акционерного общества, К.Э. Белосельский-Белозерский получал от Общества ежегодную арендную плату, взимаемую с валового дохода, половину чистой прибыли и право на половину активов Общества при его закрытии по истечении 30-летнего срока аренды. «Из ежегодного валового дохода, остающегося за вычетом расходов по эксплуатации и за покрытием общих расходов, – было записано в проекте устава Общества, – на ежегодную арендную плату за имения и заводы, пользование которыми составляет взнос князя, отчисляются: 1) проценты на всю сумму или часть ипотечного или иных долгов, лежащих на заводах в настоящее время, и на долг, подлежащий заключению для покупки Юрюзанского имения, 2) 5% на часть акционерного капитала, употребляемого на уплату долгов, 3) 5% на возобновление, улучшение или расширение заводов, 4) сумма в 60 тыс. руб. в видах дополнения к арендной плате за заводы... которая будет соразмерно уменьшаться в те годы, когда продажи будут менее 1,5 млн пуд.» Из оставшейся «чистой прибыли» 20% «обращалось в запас», 80% «делилось пополам между Обществом и князем». Из доли князя производилось погашение ипотечных и прочих долгов, а также сумм, израсходованных «на расширение и улучшение производства заводов», и авансов, «сделанных обществом на уплату полностью или частью одного или нескольких ипотечных или иных долгов, числившихся за заводами». Общество брало «на свой счет» арендную плату за Юрюзанское имение и обязывалось уплачивать по 2 коп. с пуда юрюзанского чугуна «в пользу г-на Графа» (видимо, за управление заводом). Батиньонское общество предполагало под свою ответственность устроить в округе «мастерскую для сооружения металлических мостов». Сам же владелец «не подлежал ответственности по делам Общества» и отстранялся от управления. К.Э. Белосельскому-Белозерскому предоставлялось лишь право ревизовать годовой отчет, чтобы убедиться в верности начисленных на его долю сумм. Но эта проверка «касалась исключительно правильности отчетов и ни в коем случае не распространялась на коммерческое или промышленное управление заводами, относительно которых Общество сохраняло полнейшую свободу действий».

Комитет министров обязал Константина Эсперовича «в виду возможности возникновения недоразумений по исполнению сложных условий арендного договора... совершить таковой договор в России» и объявил ему, что «новые льготы будут иметь силу лишь в случае действительного перехода эксплуатации его заводов в руки французских предпринимателей». Обществу же разрешалось приступить к производству своих операций в России «по предварительному рассмотрению самого устава в Комитете министров»¹². Александр III 22 августа 1889 г. утвердил это положение, но последствий оно не имело. Через год сообщалось, что «означенное Общество, по имеющимся в Министерстве финансов сведениям, не учредилось». Не

были поэтому предоставлены и новые льготы, что в свою очередь привело к быстрому увеличению суммы недоимки, которая уже не могла погашаться даже за счет «попудной премии» за рельсы.

В ноябре 1890 г. министр финансов И.А. Вышнеградский извещал, что «в видах продолжающейся несколько лет неисправности князя Белосельского-Белозерского в платеже казенных долгов», он не может допустить дальнейшего накопления недоимки и «полагал бы принять указанные законом меры взыскания таковых». Однако ни одна из этих мер напрямую не подходила к Катавским заводам. По данным Горного департамента, не было никакого резона «относить неисправность заводов в уплате казенного долга к дурному их хозяйственному положению», поскольку производство железа и стали там не уменьшалось. Учреждать опекунов или казенное управление в такой ситуации сочли «преждевременным». «Железнодорожный заем», полученный князем в 1880 г. из «особого источника» (и к тому же по царскому повелению), не «вписывался» ни в какие из предусмотренных законом правила установления казенного присмотра. Министр государственных имуществ М.Н. Островский предложил в такой ситуации добиться или высочайшего повеления, или согласия должника на введение на заводах казенного присмотра «для обеспечения поступления выручаемых заводами денег в казну». В противном случае должник подвергался взысканию долга «на основании залогового права казны» (т. е. публичной продаже заложенного имущества).

Но этого князю вновь удалось избежать. Дело о ссуде рассматривалось на заседании Комитета министров 7 мая 1891 г. «Грейг, будучи министром финансов, выдал Белосельскому ссуду в 2½ млн под его железные заводы на Урале с тем, чтобы ссуда эта была уплачена в течение 10 лет, – комментировал ход обсуждения этого дела государственный секретарь А.А. Половцов, который был невысокого мнения о князе. – Сегодня, по истечении 12 лет, ссуда не только не погашена, но возросла до 2800 тыс. руб. и Белосельский просит, во-первых, о сложении 300 тыс., умножающих капитальный долг, и о рассрочке остающегося долга на более льготных условиях. Вышнеградский поддерживает эту просьбу Белосельского такими аргументами: что деньги, выданные Белосельскому во всяком случае нужно считать пропавшими потому, что если в случае неисправности Белосельского взять его заводы в казенное управление, то казне придется... платить владельцу вознаграждение сверх выданного ему займа капитала. Абаза указывает на то, что Белосельский, получая доходы со своего завода, тратит из них ежегодно 100 тыс. руб. на себя, 90 тыс. на уплату процентов по залогов принадлежащего ему Крестовского острова, 40 тыс. на содержание какой-то главной конторы; что если брать в казенное управление заводы опасно, то, по крайней мере, следует предварить Белосельского, что в случае неисправности платежей он будет отдан под опеку, которая сократит его расходы. Комитет принимает это мнение»¹³.

Очередное высочайшее повеление было дано 30 июня 1891 г.; в соответствии с ним, долг, к тому времени увеличившийся до 2 823 416 руб., был рассрочен на 36 с половиной лет «с платежом 5% интереса и соответствующего погашения». Однако новая льгота предоставлялась на жестких условиях: при первой же «неисправности» казна имела право «пополнение недоимки произвести на счет сумм, могущих причестся заемщику за казенные заказы рельсов, а в случае неимения таковых – немедленно отобрать от князя залоговое имущество и затем приступить ко взысканию всего долга на основании залогового права». Князю также запрещалось вступать в любые синдикаты «в видах ли повышения цен на железо, или вообще для какой-либо цели образованных»¹⁴. В таком сложном положении, как упоминалось,

была совершена, видимо, давно уже запланированная покупка Юрюзанского имения у А.И. Сухозанета. Очевидно, что она (чтобы не оказаться под запретом) могла осуществиться только под залог и не на имя Константина Эсперовича.

В результате объединения двух округов не только усиливался ресурсный и производственный потенциал хозяйства, но и существенно повышалась его ценность. По сведениям Министерства финансов, в Катав-Юрюзанском округе насчитывалось отныне 369 287 дес. земли, в том числе почти 300 тыс. дес. леса, 60 тыс. дес. земли – под сенокосами, пашнями и выгонами, 9 тыс. дес. неудобной земли и 200 дес. земли под рудниками. Легкоплавкая руда знаменитого Бакальского месторождения, к которому относились заводские рудники, содержала до 66% железа и могла обеспечить работу заводов «не менее как на 25 лет». Объем вырубki «дровяной массы» достигал 120 тыс. куб. саж., из которых $\frac{2}{3}$ потребляли заводы и $\frac{1}{3}$ – заводское население. Стоимость имения составила 11 млн руб.¹⁵

Расчет на повышение ценности объединенного имения оправдался. Это позволило привлечь к нему внимание частных ипотечных банков, предоставлявших долгосрочные и более выгодные ссуды, чем казна. Навстречу князю пошел Нижегородско-Самарский земельный банк, где тот получил два займа в размере 2 549 700 руб. сроком на 51 год и 9 месяцев и 500 тыс. руб. – на 20 лет и 7 месяцев под невысокие проценты¹⁶. Именно так заводы освободились от большей части прежних долгов и смогли продолжить переоборудование. Устаревшая техника была заменена, построены новые домны, бессемеры, мартеновская печь, по территории округа прошли Самаро-Златоустовская железная дорога и ее заводская ветка, что значительно облегчило перевозки. Все это позволило в 1890-е гг. стабильно производить в среднем 1720 тыс. пуд. чугуна, 530 тыс. пуд. железа и 1350 тыс. пуд. стали в год¹⁷. «Группа Катавских заводов с проведением железной дороги специализировалась на производстве железнодорожных принадлежностей, главным образом рельсов, – свидетельствовал инженер Владимирский. – Громадное количество их, потребное как для ремонта действующей линии, так и для постройки Западно-Сибирской железной дороги, заставило заводы резко повысить выплавку чугуна, притом чугуна специального. Взяв заказ на рельсы, Катавские заводы ввели бессемеровское производство, для которого потребен чугун с большим содержанием марганца... Занявшись специально рельсовым производством, Катавские заводы весь свой чугун переделывают в бессемеровский металл, а для прочих производств покупают чугун на стороне... Увеличить выплавку своего чугуна Катавские заводы не могут без риска совершенно истребить свои леса... Мартенование введено с целью утилизации остатков и обрезков рельсового производства». По отчетам заводоуправления, доходность округа в середине 1890-х гг. достигала 700 тыс. руб., что позволило полностью расплатиться по казенному и частному залога¹⁸.

Будущее округа, ориентированного на изготовление железнодорожной продукции, связывалось владельцем не только с развитием рельсопрокатного производства, но и с организацией не менее перспективного вагоностроения. В конце 1890-х гг. Константин Эсперович получил заказ на 2 тыс. железнодорожных вагонов; при этом он предпочел доверить строительство нового завода бельгийским специалистам. Для этого Усть-Катавский завод был продан Южно-Уральскому анонимному металлургическому обществу, главным акционером которого стал сам князь.

Устав Общества был утвержден 10 декабря 1898 г. Оно «открывало свои действия в империи по эксплуатации приобретаемого им от князя К.Э. Белосельского-Белозерского Усть-Катавского железодельного завода, находящегося в Уфимской губернии и уезде, а также по устройству и эксплуатации в той же местности

завода для изготовления подвижного состава и других железнодорожных принадлежностей». Капитал составлял 6 млн франков, разделенных на 12 тыс. акций. Из них 2,8 тыс. акций (на 1,4 млн руб.) были переданы князю в уплату за завод и за предоставление Обществу заказа на вагоны. Сверх того князь подписался еще на 2,2 тыс. акций, для оплаты которых в Петербургско-Тульском банке им была взята ссуда в размере 850 тыс. руб. под залог Крестовского острова. Купчая на Усть-Катавский завод вместе с 40 дес. земли под заводом, прудом и поселком для иностранных специалистов была совершена в Петербурге 13 января 1899 г. (утверждена 2 марта 1899 г.). Как можно судить по этому акту, бельгийское Общество заплатило князю еще и 412,5 тыс. руб. наличными¹⁹.

Представление о дальнейших событиях дает справка Министерства финансов. «В виду значительного количества выданных учредителям акций, – отмечалось там, – капитал Общества оказался недостаточным для переустройства небольшого железнодорожного Усть-Катавского завода в крупный вагоностроительный, не говоря уже о необходимости оборотных средств, и Общество немедленно же должно было прибегнуть к частному кредиту в 750 тыс. руб. При таком положении дел Южно-Уральское общество и князь Белозерский-Белосельский пришли к мысли о расширении предприятия путем объединения в одном управлении как приобретенного Обществом Усть-Катавского завода, так и принадлежавших князю Катавского и Юрюзанского заводов с увеличением капитала Общества на 8 млн франков, из коих 6 млн – в акциях и 2 млн – в облигациях». Это «объединение управления» выразилось в передаче Обществу заводов в аренду на 60 лет.

Высочайшее разрешение получили 5 февраля 1900 г.; тогда же внесли соответствующие изменения в условия деятельности бельгийского Общества в России. Отныне оно действовало еще и «для разработки в недрах... имения, за исключением золота, серебра и платины, полезных ископаемых и устройства необходимых для обработки означенных ископаемых заводов, а равно для эксплуатации находящихся в имении заводов»²⁰. По сообщению окружного инженера, передача заводов в аренду должна была произойти в августе-сентябре 1901 г. Вскоре после этого Константин Эсперович передал Обществу еще и право на разведку и разработку участка Сунженского каменноугольного месторождения в Томской губернии (полученного им от Горного департамента 10 июля 1900 г.). В названии Южно-Уральского общества 15 февраля 1902 г. прибавились слова «арендатор заводов князя Белосельского-Белозерского»²¹.

Как следует из арендного договора, заключенного 19 ноября 1900 г., князь «обеспечивал арендатору топливо отводом лесных участков», а Общество принимало на себя платежи Нижегородского-Самарскому банку (приблизительно 160 тыс. руб. в год) и страхование заводов. Арендная плата определялась в 250 тыс. руб., кроме того, арендатор выплачивал князю 30% «с лишка чистой прибыли», если она превышала 300 тыс. руб. в год. Один из членов семьи владельца входил в правление Общества. Вместе с бельгийскими кредиторами и Петербургским учетным и ссудным банком К.Э. Белосельский-Белозерский вошел и в состав акционеров (имел 5500 акций на 1 018 518 руб.), передав Обществу под соло-векселя полученную им в июле 1900 г. у Государственного банка «внеуставную промышленную ссуду в 1 млн руб. сроком на пять лет из 6% годовых с ежегодным погашением равными частями». В 1902 г. Константин Эсперович даже числился председателем Совета правления Южно-Уральского общества, а одним из членов Совета правления выступал его сын Сергей Константинович. Однако уже в следующем году председателем стал Александр де Таскин. Управление Общества располагалось в бель-

гийском городе Люттих, в Петербурге находилось Главное представительство, а в Катав-Ивановске – Техническое и коммерческое управление Общества²².

Заслугой Южно-Уральского общества стало открытие в Усть-Катаве вагоностроительного завода, продукция которого пользовалась спросом. Как следует из отчетного доклада Совета правления за 1902 г., этот завод принес тогда более 220 тыс. руб. чистой прибыли, в отличие от Катавского и Юрюзанского заводов, которые в первый год аренды оказались убыточными (820 тыс. руб., включая выплаты банковской ссуды и признанной «непосильной» арендной платы собственнику). По свидетельству чиновников министерства финансов, на заводах «были обнаружены недостатки залогов по ссудам под металлы на сумму 360 тыс. руб.», следствием чего стало «причисление» этих денег к промышленной ссуде, увеличившейся до 1360 тыс. руб., из которых 260 тыс. были погашены Обществом, а платежи по оставшейся сумме в августе 1902 г. отсрочены высочайшим повелением до сентября 1908 г. под предлогом «падения цен на железо и сокращения требований на него на рынке, а также ввиду необходимости... произвести безотлагательное переустройство некоторых частей арендованных Обществом заводов».

Несмотря на новые льготы, неутешительные результаты 1902 г. привели к тому, что дальнейшая аренда была признана «губительной для компании». «Этот контракт, – докладывали члены Совета, – был единогласно принят... когда условия металлургического рынка на Урале давали возможность надеяться на самые благоприятные результаты от его заключения. Теперь же вследствие кризиса, так внезапно разразившегося над русской промышленностью, было бы чересчур смело ожидать положительных результатов в течение нескольких лет». Совет рассчитывал на то, что вагонные мастерские благодаря уже заключенным контрактам «будут в состоянии продолжать производство» за счет собственной выплавки железа на Усть-Катавском заводе. Расторжение арендного соглашения 1900 г. было признано «настоятельной необходимостью»²³.

К такому же решению пришло не только правление бельгийского Общества. Доверенные лица Константина Эсперовича – его сын С.К. Белосельский-Белозерский и зять В.Н. Орлов – писали министру финансов о том, что, «придя совместно с представителями Южно-Уральского общества к сознанию невозможности при современном положении металлургической промышленности дальнейшего продолжения арендного договора, они решили нарушить договор на условиях добровольного соглашения с Обществом и разделить числящуюся на имени промышленную ссуду (с процентами около 1,2 млн руб.) так, что на долю князя причлось бы 700 тыс. и на долю Общества – 500 тыс. руб.». «В виду отсутствия средств у князя» они просили также выдать новую промышленную ссуду в 2150 тыс. руб. под обеспечение тем же имуществом, включая 700 тыс. руб. для уплаты Южно-Уральскому обществу «за принятое от него имущество», 450 тыс. руб. – «на переустройство заводов», 1 млн руб. – «на оборотные средства». Однако Комитет министров в феврале 1903 г. разрешил всего лишь 200-тысячный кредит из Государственного банка «для предупреждения убыточности заводов»²⁴.

В ситуации, когда сорвалась и очередная аренда, и крупная ссуда, Константин Эсперович сам «вошел с ходатайством к Государю Императору об учреждении особого, вне общего порядка, опекунского управления для уплаты долгов». По замыслу князя, это управление должно было предотвратить публичную распродажу его имущества за банковские и казенные долги. Николай II 20 февраля 1903 г. утвердил просьбу князя, пользовавшегося неизменным царским покровительством. Опека учреждалась «над всем имуществом свиты Его Императорского Величества ге-

нерал-майора князя Константина Эсперовича Белосельского-Белозерского». Первоначально в состав опекунов вошли сын 60-летнего подопечного – полковник Сергей Константинович Белосельский-Белозерский, его зять – флигель-адъютант граф Владимир Николаевич Орлов и «лицо по назначению Министерства финансов», которым стал инженер путей сообщения статский советник Григорий Михайлович Романов.

В 1905 г. в состав опеки были введены другой зять Константина Эсперовича – генерал-майор свиты князь Виктор Сергеевич Кочубей и муж племянницы княжны А.П. Трубецкой сенатор и тайный советник Владимир Николаевич Охотников (уволен от должности в 1909 г.). Им поручили «заведывание всеми делами по имуществу... а также все распоряжения, касающиеся достояния подопечного». Князь Константин Эсперович на все время опеки отстранялся от управления своим имуществом и лишался права «совершать отчуждение, залог или перезалог оного, а равно выдавать какие бы то ни было долговые обязательства». «Все суммы, вырученные от продажи, залога и перезалога имущества, а также получаемые в виде чистого дохода», обращались на уплату процентов и погашение долгов; «лишь в случае образования остатка по производству указанных платежей» он мог отчисляться на содержание князя и его семьи. В 1904 г. было разрешено делать и «предварительное отчисление» в пользу князя из поступлений и прибыли по его негорнозаводским имениям²⁵.

Прежде всего опекунское управление возобновило ходатайство о новой ссуде. Разбор дела в правительственных инстанциях сначала не удовлетворил просителей. Министр внутренних дел В.К. Плеве и министр финансов С.Ю. Витте признали причиной тяжелого финансового положения заводов «нехозяйственный способ ведения дела князем Белосельским-Белозерским» и предлагали взять имение в казенное управление. Несмотря на понимание того, что «отказ в просимой ссуде почти неизбежно приведет князя если не к полному разорению, то к утрате им большей части состояния», Комитет финансов в ссуде отказал. «При отсутствии уверенности, что опеке удастся поставить заводское дело в условия, позволяющие своевременно оплачивать проценты по долгам... – было записано в постановлении, – есть полная оснований опасность, что выдачею ссуды Государственный банк будет вовлечен в значительные убытки и затраты».

Но 1 марта 1903 г., когда это решение поступило на утверждение Николая II, он написал: «Разделяя соображения Комитета, нахожу тем не менее желательным, чтобы им были изысканы меры к поддержанию уральских горных заводов». «В силу такой Высочайшей резолюции и полученных статс-секретарем Витте дополнительных Его Императорского Величества указаний в том смысле, что целью рассматриваемого ходатайства... должно служить изыскание мер для поддержания уральских заводов, а следовательно, и оказание этим путем помощи семейству князя», вопрос о ссуде направили на новое рассмотрение в заседании Комитета финансов 17 марта 1903 г.

Оперативно было получено заключение горного инженера А.В. Белова, командированного Государственным банком на Урал; по материалам этого документа Катавские заводы признавались «находящимися в очень хороших природных условиях». «При надлежащем упорядочении заводского хозяйства с затратой около 500 тыс. руб., – полагал эксперт, – появится возможность не только погасить ссуду в продолжительный, конечно, срок, но и получить... некоторый чистый доход, и что стоимость имущества вполне обеспечивает просроченную ссуду». Эти выводы, как свидетельствует составленная в Министерстве финансов записка, «несколько

видоизменили постановку этого дела и облегчили исполнение воли Его Величества об оказании помощи семейству князя Белосельского-Белозерского». Во внимание было принято также и то, что «ни отчуждение имений из владения князя... ни передача их в казенное управление не могли в достаточной мере обеспечить достижение поставленной цели». «Условия отчуждения и продажная цена, установленная хотя бы по взаимному соглашению, но в момент испытываемых затруднений, – убеждали себя члены комитета, – будет всегда казаться продавцу недостаточно выгодной, а эксплуатация заводов с полным устранением владельца и его представителей почти неизбежно вызовет нарекания на ее малоуспешность». Комитет финансов 21 марта 1903 г. поручил Государственному банку «в отступление от устава» выдать опекунскому управлению еще 1450 тыс. руб. дополнительно к прежней ссуде. Причем в течение первых трех лет платежи не должны были превышать 5%, а с 1 апреля 1906 г. «означенный долг подлежал погашению в течение 17 лет с уплатой по истечению года 8,9% роста и погашения с первоначальной суммы долга». Опека обязывалась до 1 июля 1903 г. расторгнуть арендный контракт с Южно-Уральским обществом и привлечь в свой состав «лицо, обремененное надлежащей деловой опытностью»²⁶.

Получив благодаря содействию Николая II средства для выхода из критической ситуации, опекунское управление поторопилось выполнить главное условие. С 1 мая 1903 г. аренда прекращалась, в связи с чем из состава членов Совета на собрании акционеров 4 декабря 1903 г. был выведен С.К. Белосельский-Белозерский. Опека и правление занялись составлением «счета ликвидации отношений князя с акционерным обществом». Собрание кредиторов с участием опекунов состоялось 23 апреля 1904 г., на нем стороны пришли к соглашению о расчетах. Южно-Уральское общество признало себя должным князю 1237 тыс. руб., Петербургскому учетному и ссудному банку – 960 тыс., «бельгийским промышленникам из Льежа» – 604 тыс. руб. «По обсуждению состояния дел Общества и способов обеспечения интересов собравшихся кредиторов последние единогласно постановили допустить отсрочку в удовлетворении Обществом вышеперечисленных его долгов до 15 августа 1908 г.» На Усть-Катавский завод составлялась закладная на 2 млн руб. (включая 900 тыс. руб. в пользу князя), а «в покрытие остальной части долга» кредиторам выдавались векселя. Для контроля выплаты процентов в состав правления Общества входил один из членов опекунского управления²⁷. Обществу 25 декабря 1904 г. было возвращено его прежнее название (без упоминания об аренде). Его целями оставались только эксплуатация завода, разведка и разработка угленосного участка на Алтае²⁸. С этого времени Белосельских-Белозерских связывали с Южно-Уральским обществом лишь расчеты по неудавшейся аренде и участие в деле акциями Усть-Катавского вагоностроительного и железодельного завода.

Полученная ссуда, как сообщали опекуны, «всецело была израсходована на заработную плату местному населению». В дальнейшем их действия были направлены на сокращение заводских расходов и экономию средств. Достигалось это разными путями, в частности упорядочением управления, сокращением штатов, совершенствованием организации производства и обновлением заводского оборудования. Так, согласно отчету заводоуправления за 1903/04 г., в лесном хозяйстве округа «произошли изменения в штате, имевшие целью сокращение накладных расходов и сосредоточение всего хозяйства в одних руках, была отремонтирована часть печей, выработаны и опубликованы более строгие правила для углежогов и дроворубов, начата кампания против недобросовестной доставки в завод возчиками дров и угля». В первую очередь было решено заняться таксацией лесов и упорядочении

ем «крайне запутанных земельных отношений с жителями». В металлургическом производстве перешли на выплавку более «дешевых» сортов чугуна, что снизило расходы на его «передел» в бессемеровских и мартеновских печах; перестроили рельсопрокатный стан. Накопившиеся вследствие кризиса сбыта запасы железа на складе искусственно задерживали от поступления на рынок. Сокращение заработной платы рабочим вызвало протесты с их стороны, перешедшие в экономические забастовки.

В течение первого года деятельности опекунского управления общий доход имения достиг немалой суммы – 2 510 683 руб., но расход оказался больше нее на 213 тыс. руб. В следующем году убыток вырос уже до 303 тыс., а затем увеличился до 410 тыс. руб. и не снижался в 1906–1907 гг. Вместе с тем к началу 1907 г. долги достигли 7 млн руб. (с учетом долга Нижегородско-Самарскому банку – 2 725 870 руб., Государственному банку – 3 554 712 руб., ему же по ссуде под залог металлов – 344 387 руб., а также текущих обязательств по заводскому хозяйству – 358 тыс. и налоговой недоимки – 107 182 руб.) и продолжали расти, поскольку из-за убытков никаких ежегодных выплат не производилось²⁹.

Управление тогда доказывало, что причиной нерентабельности производства «не могли быть расходы владельца, поскольку никакие расходы такого рода опекон на счет заводов не относились». Не могла считаться причиной и «большая или меньшая степень хозяйственного ведения дела, так как опекунское управление прилагало в этом направлении все усилия и к делу были привлечены лица, зарекомендовавшие себя в делах даже гораздо более крупных с отличной стороны». «Остаются еще низкие цены на металлическом рынке, – размышляли опекуны. – Но заводы Юга России, как оказалось, если и не получают крупных барышей, тем не менее... в состоянии по крайней мере в большинстве покрывать свои обязательства, и ни один из них не нес убытка, составлявшего 27,5% от валового дохода... Если оборудование заводов и оставляло желать лучшего, то во всяком случае оно далеко не так плохо... и необходимые улучшения могли бы быть в благоразумных пределах осуществлены без крупных затрат. В настоящее время опекунским управлением... перестраиваются доменные печи и железопрокатная, вводится центральное паровое хозяйство, улучшается углежжение, значительно удешевлено бессемерование и даже построена новая мартеновская печь в Юрюзанском заводе».

В 1907 г. опекуны пришли к заключению, что причина убыточности заключалась в «чрезмерно высоком числе рабочих в каждой смене, превышающем норму вдвое и втрое». Но «рассчитать лишних рабочих, уничтожить “заводные” (дополнительные. – Е.Н.) смены и постепенно выработать кадры хороших и опытных рабочих» оказалось не так просто. Этому мешала земельная неустроенность горнозаводского населения. «С момента проведения в жизнь обязательства для заводов давать населению работу вне зависимости от потребности в таковой, – полагали опекуны, – заводы потеряли характер предприятия промышленного... и превратились в благотворительные учреждения». Неудачная «бельгийская комбинация» только усугубила положение, положив начало крупной задолженности заводов. «Бельгийцы, на которых возлагались такие надежды, – сокрушались опекуны, – в то время вложили большие деньги в заводы Юга России, причем заводы эти, как возникшие после 1861 г., не имели никаких обязательных отношений к окружающему их населению. Возникла немедленно между этими заводами конкуренция, и цены на металл упали до неслыханных ранее размеров. Очевидно, что благотворительные учреждения на Урале, по чистому недоразумению считающиеся торгово-промышленными предприятиями, оказались в крайне печальном положении. Число содержа-

мых пенсионеров достигает громадной цифры (для заводов князя Белосельского-Белозерского свыше 40 тыс. чел.), а получения с заводов упали чуть ли не вдвое... и задолженность заводов неминуемо стала расти. В последнее время присоединилась к этому смута (революция 1905–1907 гг. – *Е.Н.*), нанеся тяжелый удар всей торгово-промышленной жизни страны и, в частности, по отношению к заводам понизившая до крайних пределов работоспособность населения. Пенсионеры, исправно получающие зарплату, не желают работать. Поступления с заводов сильно уменьшились по этой причине одновременно с затруднением получений по векселям и по счетам даже казенных учреждений»³⁰.

Когда летом 1905 г. рабочие потребовали увеличения заработной платы, опекунское управление телеграфировало на заводы «о невозможности пока каких бы ни было увеличений... тем более таких огульных и необоснованных, как затребованные мастеровыми за страду». «Передайте рабочим... – просили управляющего опекуны, – что, затрудняя требованиями и неуместными угрозами и без того крайне сложную задачу опекунского управления поддержать действие заводов в настоящее трудное время до наделения населения землей, они вредят больше всего и прежде всего своим товарищам. Еще раз советуем рабочим продолжать для общей пользы спокойную работу на прежних основаниях». Увещевания, незначительные уступки и вызов воинской команды привели к возобновлению работ³¹.

После такого «анализа» причин убыточности заводов опекунское управление увидело «единственное средство, которое могло действительно улучшить положение заводов, не нарушая существенно благосостояния населения», в «полном разделении заводов и населения» посредством обязательного наделения его землей. Тогда предполагалось отвести под наделы примерно 70 тыс. дес. земли. Таким способом, как надеялись опекуны, достигалось «разделение» и появлялась возможность погасить казенные долги, «не прибегая к ликвидации имений князя». Предусмотренная законом выкупная операция могла принести до 2 млн руб., которые и предлагалось зачесть в счет промышленной ссуды. Остальные долги, рассчитывали опекуны, «будут легко покрыты из доходов по имуществу, раз с последнего будут сняты обязательства по предоставлению заработков населению». Даже при прекращении деятельности заводов, прогнозировали они, «открывалась возможность вырубать до 120 тыс. куб. саж. дровяной массы, расходовавшейся доньше на топливо, что при наличии в имении двух сплавных рек и двух железнодорожных линий дало бы до 500 тыс. руб. в год дохода, который с избытком мог покрыть все лежащие на имуществе обязательства». Но до срока отмены выкупных платежей (1 января 1907 г.) опекуны не торопились организовывать, казалось бы, выгодное для них землеустройство, поскольку, как сами писали, «не имели надежды на то, что население примет в надел с обязательством платить выкуп часть бывших уже в его фактическом бесплатном пользовании земель». «Всякая же в этом направлении настойчивость, – предвидели они, – привела бы к серьезным беспорядкам и вынудила бы Правительство к затрате крупных сумм на продовольствие населения»³².

Совет министров, в марте 1907 г. обсудивший положение Катав-Юрюзанских заводов, в целом согласился с выводами опекунского управления. «Осуществление землеустройства населения чрезвычайно запаздывает, – было записано в журнале Совета, – но эта необходимая мера даст возможность поставить эксплуатацию заводов в экономически правильные условия или же вовсе закрыть их и перейти на лесное хозяйство». Однако министры посчитали, что «означенная реформа не может быть проведена в одних имениях князя Белосельского-Белозерского», по-

скольку и все остальные заводы Урала находились в подобных же условиях. «Причины, вызвавшие задолженность заводов князя... не представляются явлением единичным и случайным, – констатировали министры. – Они действуют с не меньшей силой на всех уральских заводах – частных, посессионных и казенных... Долго продолжаться такое положение не может. Несмотря ни на какие ссуды и льготы, заводы принуждены будут закрыться и на Правительство ляжет тяжелая задача озаботиться устройством многотысячного населения, лишившегося всяких средств к существованию». В связи с этим было решено «поручить особой заботливости главноуправляющего земледелия и землеустройства ускорить производящуюся во вверенном ему учреждении законоподготовительную работу»³³.

Но опекуновое управление не могло ждать: заводы работали, но не приносили дохода; долги накапливались; приближался срок уплаты первых аннуитетов по промышленной ссуде, отложенных по просьбе опекунов до 1908 и 1909 гг. Когда денег для своевременного расчета с рабочими даже при заниженных зарплатах не оказалось и заводоуправление вместо денег было вынуждено выписывать им «купоны», уже сама опека приняла решение о полном прекращении работ. Управление 14 июля 1907 г. предупредило рабочих и горное начальство, что заводы «при существующих неблагоприятных условиях», когда они приносят лишь убытки и новых заказов на рельсы не предвидится, придется закрыть через год.

Это решение вызвало нешуточное беспокойство у губернского и горного начальства, в Министерстве финансов и Министерстве внутренних дел. В Совет министров поступил запрос 34 депутатов Государственной думы. «С закрытием... заводов население их, всего около 40 тыс. душ, должно очутиться в крайне бедственном положении, предотвращение которого лежит в прямой обязанности Правительства... – писали депутаты. – Если бы наделение было начато своевременно... то можно думать, что оно было бы закончено теперь. С весны крестьяне и рабочие были бы с землей, могли бы произвести посевы и по прекращению заводских работ прокормились собранным урожаем». Реальнее представлял себе положение дел окружной инженер Н.Т. Евглевский, который полагал, что результаты начато-го наделения «в смысле обеспечения существования населения» могли бы сказаться лишь через 2–3 года. «Между тем, – сообщал он, – во время действия заводов население зарабатывало ежегодно свыше 1670 тыс. руб. Следует ожидать массовой безработицы и разорения, голодания и, как результат этого, болезни тифа, цинги и общее недовольство и, наконец, насильственные действия и грабежи. Таким положением населения, судя по разбрасываемым прокламациям, не преминут воспользоваться элементы, враждебные миру и порядку в нашем Отечестве». По его подсчетам, «прокормление» населения в течение трех лет составило бы 2160 тыс. руб., «считая только по 5 коп. в день на душу», и оказалось бы «явно непроизводительным». «Предлагаемый мною способ, – писал он, – заключается в том, чтобы вместо кормления населения за счет Правительства предоставить безотлагательно тому же населению правильно организованную работу. В данном случае можно дать эту работу только путем возобновления действия заводов». Министр финансов В.Н. Коковцов придерживался того же мнения. Он обратился к председателю Комитета по распределению железнодорожных заказов Н.К. Шауфусу с просьбой предоставить такой заказ для Катав-Юрюзанских заводов хотя бы на период до предполагаемого их закрытия. Полагая, что рабочие «могут быть удовлетворены наделами не ранее четырех лет», министр внутренних дел П.А. Столыпин просил обеспечить заводы «заказами на рельсы, стрелки, сортовое железо и котельные работы» на весь этот срок³⁴.

В результате этого ходатайства опека получила заказ на рельсы «с расчетом, что разрешенного количества хватило бы до срока закрытия заводов». Деньги для выплаты рабочим поступили на заводы в последний момент. Для предотвращения волнений заводоуправлению пришлось даже занять 17 тыс. руб. у местных купцов и раздать их рабочим (по 4 руб.). Присутствовавший при закрытии Катавского завода окружной инженер сообщал, что «только ссуда купцов спасла положение дела, дав заводоуправлению возможность подкрепить рабочих в столь важные дни годовой ярмарки», во время которой они покупали «необходимые для наступившей страды орудия». Уже перед закрытием заводов 11 июля 1908 г. из Петербурга были получены 200 тыс. руб. Инженер констатировал: «12-го числа закончен расчет и выдача денег полностью за июль по обоим заводам, которые в тот же день и закрылись... Факт закрытия совершился в чрезвычайно мирно-религиозной и трогательной форме... Лишь только вынесли из завода образа, народ обратился к управляющему с выражением своего горя и усерднейшим ходатайством о наивозможно скорейшем возобновлении работ, хотя бы по заготовке лесных материалов для будущего действия». Окружной инженер предполагал, что это «возобновление» возможно не раньше января или февраля 1909 г., поскольку не было заготовлено «основных материалов». «Населения округов закрывшихся заводов числится более 40 тыс. душ. Из этого количества едва ли 5–7% могут прожить сказанный срок без натуральной голодовки, а из остальных 93–95% часть – 15–50% – начнет терпеть голод уже с половины августа... – прогнозировал он. – Таковы последствия закрытия в год 150-летнего юбилея существования Катав- и Юрюзань-Ивановских заводов князя Белосельского»³⁵.

Нельзя утверждать, что опека бросила рабочих на произвол судьбы. Закрытие заводов позволило управлению начать землеустройство в соответствии с действовавшими тогда законами, не дожидаясь издания нового общего закона, как предполагал Совет министров в 1907 г. По дополнениям к уставным грамотам, подписанным в том же 1908 г., в наделы бывшим мастеровым было отведено из княжеских владений 32 428 дес. земли, что увеличило их размер до 4,5 дес. на ревизскую душу. Но передать им еще больше земли, как то планировалось, не удалось, поскольку не все рабочие согласились платить выкуп по 28 руб. за дес. К тому же, по свидетельству податного инспектора Петровского, население было «твердо уверено в том, что заводское действие... обязательно должно возобновиться от владельца ли, или за счет казны», и рассматривало получение дополнительного надела как препятствие к «возврату к прежнему, обозначенному заводскими заработками, времени». Более того, из-за климатических условий и невысокой плодородности почвы земледельческие занятия в принципе не могли полностью обеспечить продовольствием население округа. По оценке уфимского земства, оно «весьма скептически» смотрело на дополнительное наделение, полагая, что «надел не может быть менее 5 дес. на наличную душу при условии открытия завода и 15 дес. на наличную же душу в случае окончательного закрытия его». В округе, экономическая жизнь которого держалась на горнозаводском производстве, не были широко развиты ни ремесленные занятия, ни кустарные промыслы³⁶.

В августе 1908 г. опекуновское управление после года бездействия уведомило окружного инженера, что «предполагает привести в действие заводы после наделения населения землей при реорганизации заводского управления», видимо, рассчитывая на новые правительственные кредиты. Но когда в марте 1909 г. директор Горного департамента Н.Н. Курмаков попытался прояснить намерения опекунов, то получил неутешительный ответ. Теперь они гораздо реалистичнее смотрели на перспективы заводов; изменили они и многие прежние свои мнения.

«Катав-Ивановский и Юрюзань-Ивановский заводы закрыты вследствие крайней их убыточности и одно лишь сокращение количества рабочих до фактически необходимого их числа не может обеспечить... возможность продолжать действие заводов, – писали опекуны. – Упомянутые заводы, главный предмет производства которых составляли рельсы, в прежние годы давали хороший доход владельцу, пока цены на рельсы стояли высокие. Затем после развития рельсового производства на Юге России и быстрого понижения Правительством цен на рельсы доход этот с каждым годом уменьшался и заменялся убытком... Конкуренция с южными заводами невозможна из-за каменного угля и нового там оборудования. Старинные заводы князя Белосельского-Белозерского оборудованы примитивно и никакими оборотными средствами не располагают. Согласно заключению экспертов, главная причина убыточности заводов кроется именно в несовременности их оборудования, исключаящей возможность конкуренции с другими заводами. Передел чугуна производится здесь по способу Бессемера. Во всей России этот способ сохранился только на двух заводах. Все остальные уже перешли к способу Мартена. Столь же несовершенно прокатное оборудование... вследствие чего прокатывание рельса длится слишком долго, рельс остывает и его приходится нагревать вместо одного два раза».

Как полагали опекуны, «горнозаводские имения князя... заключают в себе громадные естественные богатства». «В них имеется железная руда прекрасного качества и большие запасы древесного топлива. Эти богатства дали бы возможность и дальнейшего существования заводов, однако лишь при условии затраты большого капитала для замены устаревшего оборудования и для создания оборотных средств. Самый характер производства должен быть изменен. Производство рельсов в силу указанных условий вообще едва ли возможно в имениях князя Белосельского-Белозерского без убытка, какой бы ни был затрачен капитал. При мартеновском производстве можно было бы, вероятно, не без выгоды производить кровельное железо. Но для этого, по самому скромному подсчету, нужно затратить... не менее 1,2 млн руб., не считая необходимого оборотного капитала, а вместе с последним – от 3 до 4 млн руб. Между тем в распоряжении опекунского управления не имеется никаких средств для осуществления такой реформы производства и оборудования. Выкупная ссуда, которая причитается... за наделы мастеровых в размере до 1,7 млн руб., не дает для этой цели ни копейки, так как полностью пойдет на уплату казенной, дворянской и земской недоимок (до 300 тыс. руб.), погашение части долга Нижегородско-Самарскому банку (2,6 млн руб.) и покрытие части долга Государственному банку по промышленной ссуде (до 4 млн руб.)».

Опекуны считали, что все их оказавшиеся безрезультатными попытки «приискать нужные для деятельности заводов средства» не могли быть поставлены им в упрек, поскольку «привлечь капиталистов к уральским горнопромышленным делам» в то время было трудно. Правительству это было известно, напоминали они, «по опыту в деле с Холуницкими заводами, для которых в течение семи лет до настоящего времени не мог быть найден нужный им капитал всего в 500 тыс. руб.» В те годы подобное удалось сделать только Кыштымскому горному округу, где «английские капиталисты заинтересовались главным образом наличием богатой медной руды», которой в имениях князя Белосельского-Белозерского не имелось. «Не предвидя возможности в ближайшем будущем найти необходимые денежные средства для современного оборудования заводов», опекунское управление предполагало «в предстоящее время извлекать необходимые для уплаты процентов по долгам суммы путем ведения правильного лесного хозяйства». В первые годы пла-

нировалось «ограничиться продажей лесопромышленникам отдельных лесосек, а впоследствии, быть может, явилась бы возможность наиболее прибыльной эксплуатации лесных богатств». «Опекунское управление, конечно, считает своим долгом продолжить усилия к изысканию средств, необходимых для обеспечения возможности возобновить действие закрытых заводов, но пока оно не имеет решительно никаких данных для того, чтобы сказать, приведут ли вообще эти старания к положительным результатам и когда именно. Это обстоятельство и вынуждает... рассматривать закрытие заводов как окончательное», – резюмировали опекуны свои намерения³⁷.

В такой ситуации помощь населению пыталось оказать губернское земство, считавшее необходимым «в качестве временной меры... организовать общественные дорожные работы». «Сознавая вред развращающей население выдачи продовольственных пайков... при определении способа восполнения», оно в итоге «остановилось на трудовой помощи, избрав для сего лесорубочные работы». Был создан Комитет общественных работ Катавского горного округа, который по договору с опекунским управлением занялся организацией «исключительно рубки, подвозки и укладки в штабеля дров для Самаро-Златоустовской железной дороги... а равно ремонта дорог для перевозки этих дров на склады, сплава их по рекам Катаву и Юрюзани». «Число нуждавшихся людей» значительно сократилось и благодаря открытию «частных работ» при строящейся железнодорожной ветке от Катава до Тирлянского завода, а также «усиленным работам» по заготовке куренных дров для соседних Симских, Белорецких и Златоустовских заводов. Вместе с тем члены комитета констатировали, что в течение затянувшейся почти на шесть лет остановки «мастера металлурго-технических работ закрытых Катав-Юрюзанских заводов почти все разъехались по заводам Урала»³⁸.

Учитывая прошения опекунов, и правительство пыталось найти «способ помочь заводам». Так, в октябре 1909 г. опекуны – бывший наказной атаман Уральского и Донского казачьих войск и варшавский генерал-губернатор К.К. Максимович, начальник Главного управления уделов князь В.С. Кочубей и товарищ председателя III Государственной думы князь В.М. Волконский – просили царя «обсудить вопрос о ликвидации долга Государственному банку в капитальной его сумме 2883 тыс. руб. со сложением всех начисленных процентов» ввиду того, что эта ссуда, по их мнению, «как бы заменила собою те затраты, которые легли бы на Правительство... по продовольствию заводского населения». Высочайшая резолюция на прошении вновь не оставила за правительством права отказать просителям. «Совету министров теперь же рассмотреть это дело, – указал Николай II. – Принимая во внимание, что князь Белосельский-Белозерский в течение более двух лет поддерживал местное население в ущерб себе, было бы справедливым оказать ему помощь»³⁹.

Размышлять над вариантами исполнения царского повеления пришлось министру финансов В.Н. Коковцову и министру внутренних дел П.А. Столыпину. Оба признали бесперспективным предоставление новой ссуды Катав-Юрюзанским заводам. «Печальный опыт Холуницких заводов Поклевского-Козелл в достаточной мере доказал невозможность поддерживать за счет казны экономически слабое и сильно задолженное горнопромышленное предприятие... – полагал П.А. Столыпин. – Поэтому затрату казною на заводы Белосельского-Белозерского еще 2,7 млн руб. нельзя не считать весьма рискованной». Оставалось пойти на дальнейшую распродажу имущества князя, которая была начата им самим еще в 1880-е гг. Так, в 1884 г. казне был продан роскошный дворец Белосельских-Белозерских на

Невском проспекте у Аничкова моста. К 1909 г. для удовлетворения долговых претензий у Константина Эсперовича оставались закрытые заводы, уфимское имение площадью 310 тыс. дес., разрешенная правительством выкупная ссуда, векселя Южно-Уральского общества на сумму 1317 тыс. руб. и 3200 акций номиналом 500 руб., Крестовский остров, закладные листы Петербургско-Тульского банка на 638 тыс. руб., а также закладные крепостные акты на проданные участки Крестовского острова на 482 тыс. руб.

Рассчитывать на продажу уфимского имения было невозможно из-за лежащих на нем долгов, увеличившихся до 8 млн руб. «Холуницкая лесная дача, расположенная на лучших сплавных реках Волжской системы и заключающая в себе 300 тыс. дес., тем не менее уже семь лет безуспешно предлагается к продаже за 1,2 млн руб.», – информировал П.А. Столыпин. Он полагал, что ни Государственный, ни Нижегородско-Самарский банки, в залоге у которых находилось имение, не выставят его на торги, поскольку это было бы для них разорительно. Задолженность имения будет только увеличиваться не меньше чем на 500 тыс. руб. в год. В.Н. Коковцов предполагал, что «за неимением у членов семьи князя Белосельского-Белозерского каких-либо собственных средств, за исключением недвижимых имений», одним из источников погашения долгов мог бы явиться принадлежавший им Крестовский остров. К началу XX в. остров стал одним из популярных мест отдыха петербургской аристократии, где можно было заняться спортом (и в частности, модным тогда лаун-теннисом). Цена квадратной сажени там варьировалась от 35 до 45 руб., что повышало стоимость острова до 30 млн руб., а сумма долга по его залoгу в Петербургско-Тульском банке составляла всего 1581 тыс. руб.

Но условия распоряжения этим ценнейшим имуществом не были простыми. При учреждении опекунского управления и получении «промышленной ссуды» в 1903 г., как сообщали опекуны, «не было известно истинное положение вещей и предполагалось, что печальное положение заводов являлось результатом непомерных личных расходов владельца». Тогда в качестве «дополнительного обеспечения» по ссуде С.Ю. Витте потребовал выдачи соло-векселей на все имущество К.Э. Белосельского-Белозерского, включая и Крестовский остров. Хотя в 1904 г. было разрешено делать отчисления в пользу князя из поступлений от его имений, не являющихся горнозаводскими (т. е. Крестовского острова), это имущество по-прежнему считалось в залоге по ссуде и доходы от него должны были поступать в казну, а не в пользу владельца.

На «тягостность этого беспримерного условия», не позволявшего князю и его семье получать средства для жизни от своего имущества, родственники-опекуны неоднократно жаловались во всевозможные инстанции. Но, по постановлению Совета министров от 27 апреля 1907 г., решение о снятии ответственности с острова было отложено до выяснения доходности заводов после землеустройства населения. Этот мотив сыграл, конечно, свою немаловажную роль в ускорении процесса наделения мастеровых, начатого опекунским управлением, как упоминалось, еще до издания нового закона (который, кстати, так и не был принят). Неопределенность прав на Крестовский остров, по мнению В.Н. Коковцова, представляла «существенное неудобство как для Государственного банка, лишенного свободы действий по отношению к неисправному должнику, так и для опекунского управления, несшего ответственность за несоблюдение условий, на которых была учреждена опека и выдана из банка промышленная ссуда».

Кроме того, даже выведение острова из-под залоговой ответственности не могло стать гарантией его быстрой и выгодной продажи. По сведениям министра вну-

трених дел, за четыре года там было продано небольшими участками всего 64 тыс. (из 753 тыс.) кв. саж. с переводом соответствующих частей ипотечного долга на покупателей, а закладные листы уже были заложены князем в Варшавском коммерческом банке. В 1909 г. участков было продано на 420 тыс. руб., но получено только 60 тыс. руб., а остальная сумма рассрочена. «Изложенный баланс, – на поминал П.А. Столыпин, – делает понятным, почему осуществленная до Японской войны в 1902 г. попытка продать Крестовский остров за 2 млн руб. не увенчалась успехом». Реализовать это имущество, по его мнению, можно было «лишь постепенно». Не представляли особой ценности и являлись «мертвым капиталом минимальной стоимости» и принадлежавшие К.Э. Белосельскому-Белозерскому 3200 акций убыточного тогда Южно-Уральского общества. Однако сам Усть-Катавский вагоностроительный завод, «стоивший до 3 млн руб. и оборудованный на изготовление 3 тыс. вагонов», безусловно, представлял ценность для казны и мог использоваться «для нужд казенных железных дорог».

Несмотря на эти ограниченные возможности, 4 мая 1910 г. Совет министров все-таки принял решение, выполнив поручение императора. Долг К.Э. Белосельского-Белозерского ликвидировали сложным образом. Все накопленные проценты по казенному долгу с 1901 г. (1237 тыс. руб.) списывались на «особый счет» и в дальнейшем 4% начислялись лишь на капитальную сумму (2883 тыс. руб.). На погашение этой суммы обращались претензии по закладной, векселя и акции Южно-Уральского общества, которые реализовывались самим опекунским управлением, а также «потребные на покрытие остальной суммы земли из горнозаводских имений должника» (их было предложено продать через Крестьянский земельный банк). Подчеркивалось, что «обеспечением служили исключительно горнозаводские имения в Уфимской губернии, а все остальные имения освобождались от ответственности по сему долгу». При этом Крестовский остров поступал в полное распоряжение опекунского управления, чего оно давно добивалось, а доходы от продажи участков могли беспрепятственно направляться на содержание семьи князя К.Э. Белосельского-Белозерского⁴⁰.

Через два года опекуны все-таки нашли покупателя на остров. Судя по проекту запродажного акта от 6 сентября 1912 г., им выступило английское общество «Русский трест». «Для покупки недвижимого имущества, его дальнейшей распродажи по участкам и для всякой иной эксплуатации» эта организация обязывалась учредить Русское акционерное общество с правлением в Петербурге и капиталом в 5 млн руб. Именно за эту сумму и предполагалось купить остров. Из нее 3 млн руб. выплачивались князю вкладными билетами Русско-Английского банка, а 2 млн руб. – акциями учреждаемого общества по номинальной цене. Считалось, что банк принимал от Константина Эсперовича вклад в размере 3 млн руб. на пятилетний срок под 5% годовых с правом получить деньги «полностью или по частям... в любой момент еще до истечения пятилетнего срока». Остальные акции поступали на реализацию «с таким расчетом, чтобы получить не менее 1 млн руб. для образования капитала, потребного для... проведения на острове дорог, устройства канализации, водопровода и пр.». В собственности бывшего владельца оставалась часть территории с небольшой дачей, где он, как правило, и проживал после продажи дворца на Невском проспекте. Изъята из продажи была и организованная там князем богадельня⁴¹. Возможно, условия продажи, осуществленной в 1914 г., были несколько изменены, поскольку 2 августа 1913 г. по просьбе Константина Эсперовича остров был изъят из ведения опекунского управления и предоставлен в его «полное распоряжение»⁴². Эта сделка, совершенная вопреки протесту Государственно-

го банка, свидетельствовала о начале нового витка событий в истории ликвидации имущества князя Белосельского-Белозерского: следующим шагом могла стать продажа горнозаводского имения.

По сообщению лесничего Д. Лаптева и заведующего лесоустройством Ф. Блумберга, даже получив наделы, в 1910-е гг. население Катав-Юрюзанского округа «не имело возможности продолжать сносное существование без заводских работ», поскольку «приспособление наделов, составлявших исключительно лесную площадь, под сельскохозяйственную культуру требовало громадных затрат труда и капитала». Опекунское управление, «выхлопав капитал от Комитета общественных работ», как уже упоминалось, организовало лесные заготовки на продажу. Но из-за кризиса цена на уголь и дрова была настолько низкая, что «платой за эту работу население могло только кое-как поддерживать свое существование». По мере преодоления кризиса стоимость лесных материалов увеличивалась; именно тогда «явилась мысль о возможности пуска Катавского завода». «Но, не имея свободного капитала, осуществление этой идеи сделалось возможным при условии добыть капитал для постройки и ремонта из самого имения, т. е. из леса, – сообщали служащие. – Вполне сознавая, как важно для безбедного существования жителей округа открытие завода, и не видя других источников достать капитал на это дело, и было приступлено к усиленной эксплуатации строевого леса, доходы от коей дали возможность возобновить действие завода и построить новый цементный завод так, что к началу войны Катавский завод уже мог приносить солидную помощь делу обороны государства»⁴³.

Действительно, в 1912 г. началось строительство Катавского цементного завода на основе открытых залежей мергеля. Для этого были возобновлены работы в литейном, кузнечно-котельном и механическом цехах. В январе 1914 г. вновь пустили домны Катавского завода, в апреле того же года вступил в строй цементный завод, в 1915 г. возобновилась деятельность мартеновского цеха. По сообщению «морского ведомства», поднимался и вопрос о «желательности использовать бездействующий Юрюзанский чугуноплавильный завод... с целью разгрузки Петрограда как от излишка заводов, так и по стратегическим соображениям». В частности, в Юрюзань с Ижорского завода предполагалось перенести трубное производство⁴⁴.

В июле 1915 г. Министерство торговли и промышленности получило ходатайство Константина Эсперовича «об учреждении для эксплуатации Катав-Ивановского и Юрюзань-Ивановского имений семейного товарищества, а также об изъятии названных имений из ведения особого, вне общего порядка, опекунского управления и утверждения Положения об управлении Катавским горнозаводским округом»⁴⁵. Учитывая, что директор Горного департамента В.И. Арандаренко затребовал в качестве образца проект особого управления имениями князя С.С. Абамелек-Лазарева, который еще в 1905 г. пожелал организовать такое управление, можно предполагать, что Константин Эсперович тоже задумывался о будущем своего единственного и, по-видимому, уже выходявшего из кризиса имения, которое после его кончины перешло бы в общую собственность многочисленного семейства: жены, двух сыновей и трех дочерей. Скорее всего, официально организовать «семейное товарищество» не удалось, но опеку с уральского имения князя сняли. Катавские железный и цементный заводы действовали и, по свидетельству служащих, «вполне обеспечивали выгодными работами население» вплоть до революционных событий 1917 г.

Присущая той эпохе высокая демократизация общественной жизни вполне проявилась в стремлении и местного населения, и новых, рожденных Февральской

революцией организаций активно участвовать в судьбе частных предприятий. По инициативе местного волостного комитета во все еще недействующем Юрюзанском заводе 22 и 23 апреля 1917 г. была организована комиссия, к участию в которой пригласили представителей Союза инженеров и техников и делегатов Совета солдатских и рабочих депутатов Златоустовского округа. Комиссия обсудила вопрос «о непринятии мер владельцем Юрюзани князем Белосельским-Белозерским к оборудованию и открытию для работы завода, о расхищении и разломке заводских сооружений и о расхищении запасов древесины чрезмерной рубкой лесной дачи настолько, что запасов леса оставалось только на 3–4 года». «Юрюзань может воскреснуть только при условии изъятия ее из владения князя... и передачи завода и лесной дачи казенному Златоустовскому округу», – постановили члены комиссии, предложив назначить особых комиссаров для наблюдения за действиями администрации округа.

Узнав о намерениях юрюзанцев, «общее собрание граждан» Катавского завода 7 мая 1917 г. приняло резолюцию о поддержке соседей, «отобрании Катавского и Юрюзанского заводов в казну и образовании из них самостоятельного округа или о причислении их... к Златоустовскому горному округу». В совместном постановлении местного волостного комитета и Совета рабочих депутатов деятельность заводской администрации последних лет характеризовалась как «бесшабашная ликвидация» всего, что еще оставалось от заводов, сопровождавшаяся «хищническим истреблением лесов». «Состояние лесного хозяйства, обесцененного, по словам специалистов, на 100 лет, состояние рудников, состояние самого завода достаточно убедительно говорят о характере и направлении инициативы, – сообщалось в постановлении. – Эта бесшабашность, характеризующаяся словами “после нас хоть потоп”, “хоть один день, да наш”, неминуемо должна была довести завод до новой остановки, а население заставить снова испытать последствия безработицы, тем более что для рабочих и служащих нет никакого запасного фонда, нет даже богадельни или приюта».

В документе приводились статистические данные, которые, по мнению авторов, подтверждали их оценку и служили обоснованием передачи заводов казенному округу. Но статистика свидетельствовала скорее об обратном. Если в 1912–1914 гг. «лесные операции», все возрастаая, составляли основной доход хозяйства (200 тыс. – 732 тыс. руб.), то в 1915 г. доля дохода восстановленных доменного (140 тыс. руб.), мартеновского (41 тыс. руб.) и нового цементного (39 тыс. руб.) производств достигла трети общего дохода, а в 1916 г. составила уже 777 тыс. руб., значительно опередив резко снизившиеся к тому времени доходы от продажи леса (164 тыс. руб.). Очевидно, действительно интенсивная в течение нескольких лет эксплуатация лесных богатств округа позволила восстановить заводское производство, которое стало динамично развиваться (при одновременно сокращавшейся продаже леса). Именно об этом и сообщали уже упоминавшиеся служащие лесного хозяйства округа в своем отзыве на решение «юрюзанской комиссии» и «общего собрания граждан» Катавского завода. «На основании цифровых данных... засвидетельствованных известным профессором лесоустроителем Г.М. Турским, – писали они, – заключение комиссии без исследования и даже поверхностного осмотра дач округа, что дачи совершенно истощены хищническими рубками, и при нежелании считаться с представленным таксационным материалом и планами лесонасаждений можно считать предвзятым, так как оно совершенно в целом не соответствует действительности. Резолюцию о передаче заводов Златоустовскому округу единственно с целью предохранения дачи от хищнических рубок и назначение особых комиссаров следует считать

недостаточно обоснованными... Следует желать не передачи... а стремиться к созданию одного целого самостоятельного предприятия и привлечения... капиталов, что даст возможность значительно увеличить заработок населения».

Отказалось от предложения юрюзанцев и управление Златоустовского округа. Оно сообщило, что «вопрос о приобретении в казну заводов князя Белосельского-Белозерского... возникал уже несколько раз в связи с необходимостью обеспечить Златоустовский округ горючим». Но даже при этом условии восстанавливать Юрюзанский завод, «оборудованный примитивно и требовавший полного переустройства», признали нерациональным⁴⁶.

Однако желающие приобрести Катав-Юрюзанский округ в такое неопределенное время все-таки нашлись. Находившийся в Выборге К.Э. Белосельский-Белозерский 24 октября 1917 г. доверил мануфактур-советнику Н.Р. Шляпужникову продать имения «на известных условиях». Покупателем выступило Общество Белорецких железоделательных заводов, владевшее этими южно-уральскими заводами с 1874 г. К 1917 г. торговый дом «Вогану и К^о», прежде контролировавший Общество, уступил его Петербургскому международному банку, который включил округ в объединение «Коломна–Сормово». Планируя масштабное развитие производства, Общество, по-видимому, рассчитывало с помощью покупки соседнего и вполне перспективного хозяйства укрепить свои позиции на российском рынке. На чрезвычайном Общем собрании 30 ноября 1917 г. акционеры уполномочили заключить сделку с князем присяжного поверенного Н.К. Либина. Признав, что «слияние Белорецкого округа с Катав- и Юрюзань-Ивановским горнозаводским округом... для объединения и расширения горного дела... даст при занятии важными производствами обеспеченный заработок местному населению», народный комиссар торговли и промышленности А.Г. Шляпников 11 декабря 1917 г. дал разрешение на продажу. Запродажная была подписана в Петрограде 2 декабря, а еще через 10 дней – купчая.

В соответствии с ней, округ общей площадью 280 тыс. дес. со всеми заводами переходил к Белорецкому обществу за 11 899 991 руб., включая 2 912 983 руб. долга Нижегородско-Самарскому банку. Как следует из запродажной, движимое имущество округа, также переходившее покупателю, было оценено в 3 млн руб. Общество обязывалось уплатить еще 1 493 176 руб. по промышленной ссуде Петроградской конторе Государственного банка и 221 828 руб. по залогу металлов в Уфимской конторе того же банка. В течение двух недель со дня совершения купчей князю выплачивались 500 тыс. руб. наличными деньгами, 3 947 004 руб. после утверждения купчей крепости вносились в Петроградский международный коммерческий банк, а 625 тыс. руб. передавались князю «в тот же срок правлением Общества». На оставшуюся сумму в размере 5,2 млн руб. владельцу выдавались акции Белорецкого общества «из дополнительного выпуска»⁴⁷.

Слияние двух уральских округов потребовало санкции не только А.Г. Шляпникова, но и народного комиссара финансов В.Р. Менжинского, директора Кредитной канцелярии А.Е. Аксельрода, управляющего Государственным банком Г.Л. Пятакова и других членов революционного правительства, что затянуло принятие решения до апреля 1918 г. За это время по объективным причинам прежний владелец прекратил финансирование заводов, и Белорецкому обществу, по сообщению его правления, ничего не оставалось, как «войти в деловые сношения с присоединенными заводами, оказать рабочим необходимые кредиты и дать заводам заказы». Однако утверждение заводов за новым владельцем застопорилось из-за уфимского комиссара по делам юстиции Благина, потребовавшего пересмотра дела из-за того,

что законы, на основании которых в декабре 1917 г. заключалась сделка были уже «частью изменены, а частью совсем отменены».

Правление Белорецкого общества в апреле 1918 г. известило Народный комиссариат торговли и промышленности, что новая задержка «поставит общество в безвыходное положение, а присоединяемые заводы... обречет на верную гибель». «Снабжение тогда заводов Катав-Ивановского округа денежными знаками и заказами мы принуждены будем остановить, – предупреждали члены правления. – Весь технический персонал, посланный нами в этот округ, мы принуждены будем отозвать обратно... и вернуть... округ в свое первобытное состояние со всеми теми последствиями, которые, безусловно, вызовут местный бунт в населении и целый ряд эксцессов как политического, так и экономического характера... Мы не беремся судить, насколько в планы нашего Правительства входит развитие отечественной промышленности, но должны указать, что, лишившись Юга, заводы на Урале – единственные источники для получения сырья и металлов, поэтому даже ничтожная заминка в производстве этих заводов роковым образом отразится на нашей промышленности». Московские власти подтвердили разрешение на совершение купчей, и 11 июня 1918 г. она была утверждена. Белорецкие и Катав-Юрюзанские заводы оставались в собственности акционерного общества и не были национализированы вплоть до отступления колчаковской армии с Урала в июле 1919 г.⁴⁸ Произошло это, скорее всего, в результате умелого взаимодействия руководства Белорецкого общества с новой властью и заводскими рабочими.

Последние распоряжения бывшего владельца, князя К.Э. Белосельского-Белозерского, касались распределения полученных в марте 1918 г. от Белорецкого общества векселей и акций. В то время он находился в отошедшем к независимой Финляндии Выборге, где тогда служил в штабе Маннергейма его сын – генерал-лейтенант С.К. Белосельский-Белозерский. В Петрограде интересы князя представлял его внук Сергей Сергеевич, которому еще в феврале 1917 г. Константин Эсперович доверил «управление, заведование и распоряжение всеми вообще недвижимыми имениями и другим имуществом». Известно, что в 1916 г. князь С.С. Белосельский-Белозерский женился на дочери одного из совладельцев Невьянских и Алапаевских заводов графине Е.Н. Граббе.

В ратуше Выборга 75-летний Константин Эсперович сделал «передаточные записи» на выданные Белорецким обществом 65 векселей на 1960 тыс. руб. и 38 850 акций в пользу членов своей семьи. Их получили сыновья Сергей и Эспер, дочери Елена Кочубей, Ольга Орлова и Мария Гартман, а также жена Эспера Ольга Александровна (урожденная Базилевская) и их дочь Елена. Еще 63 соло-векселя на сумму 2 105 602 руб. С.С. Белосельский-Белозерский просил возвратить из Петроградской конторы Народного (бывшего Государственного) банка уже после утверждения купчей⁴⁹. Вряд ли Советское правительство оплатило эти векселя. Вскоре стали недействительными и акции Белорецкого общества. В связи с этим вспоминаются оказавшиеся пророческими слова герцога Мекленбургского: «Какого будущего для этой семьи можно ожидать от подобного хозяина». Они были произнесены в адрес князя К.Э. Белосельского-Белозерского вскоре после его вступления в права владения одним из крупнейших в России состояний.

* * *

Итогом развития горнозаводских имений наследников И.С. Мясникова во второй половине XIX – начале XX в. стало закрытие Архангельского завода Коссаковских, Воскресенского, Преображенского, Богоявленского и Верхоторского заво-

дов Пашковых, Благовещенского завода Дашковых, продажа Белорецких заводов Пашковых и Юрюзанских заводов Сухозанетов. Лишь Балашovy остались в уральской промышленности в качестве акционеров Компании Симских заводов, а Бело-сельские-Белозерские – в качестве акционеров Белорецкого общества.

- ¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 987. Л. 1.
- ² Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. 1865–1876 гг. / Под ред. Н.А. Зайончковского. М., 1961. Т. 2. С. 167, 358; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 386.
- ³ РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–6.
- ⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1039. Л. 1; *Мукомолов А.Ф.* На южно-уральских заводах. М., 2004. Кн. 4. С. 187.
- ⁵ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. С. 184–193.
- ⁶ ПСЗ-II. Т. 47. № 50511.
- ⁷ Там же. № 51217, 51359.
- ⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1189. Л. 24–25.
- ⁹ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 4. С. 233–240; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1001. Л. 1, 2.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2333. Л. 1–14.
- ¹¹ Там же. Л. 1–14, 41–54.
- ¹² Там же. Л. 19–27.
- ¹³ *Половцов А.А.* Дневник Государственного секретаря. М., 2005. Т. 2. С. 88, 395–396.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2333. Л. 77–90.
- ¹⁵ Там же. Д. 1402. Л. 33–37.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 168. Л. 8–9.
- ¹⁷ Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. С. 182; *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 263, 479, 529.
- ¹⁸ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 4. С. 246–248; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 5–10.
- ¹⁹ ПСЗ-III. Т. 18. № 16184; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 33–37; *Мукомолов А.Ф.* На южно-уральских заводах. М., 2004. Кн. 5. С. 28–31.
- ²⁰ ПСЗ-III. Т. 20. № 18110.
- ²¹ Там же. Т. 21. № 20725; Т. 22. № 21094.
- ²² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 33–37; *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 97–98; *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 9.
- ²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 33–37; *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 10–17.
- ²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 33–37.
- ²⁵ ПСЗ-III. Т. 23. № 22560; Т. 24. № 24220; Т. 25. № 26175; Т. 29. № 31784; Т. 31. № 35648.
- ²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 24, 33–37.
- ²⁷ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 20–24.
- ²⁸ ПСЗ-III. Т. 24. № 25573.
- ²⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 5; Д. 1907. Л. 22.
- ³⁰ Там же. Л. 4–10.
- ³¹ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 43–49, 105, 117–118.
- ³² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 4–10, 17–21.
- ³³ Там же. Л. 17–21.
- ³⁴ Там же. Д. 1427. Л. 2–3, 8–9, 13–14.
- ³⁵ Цит. по: *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 126–127, 130–132.
- ³⁶ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 138–140, 144, 157.
- ³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1427. Л. 22–23 об.
- ³⁸ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 174–175.
- ³⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1402. Л. 23–27.
- ⁴⁰ Там же. Л. 27–33, 47–47 об., 94–101.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 168. Л. 2–5; *Штерн Л.Н.* Острова моего детства // Режим доступа: http://www.pchela.ru/podshiv/28_29/ostrova.htm.

⁴² ПСЗ-III. Т. 33. № 40036.

⁴³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1960. Л. 86–8ж.

⁴⁴ Металлургические заводы Урала... С. 264; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1960. Л. 25–26.

⁴⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1804. Л. 1.

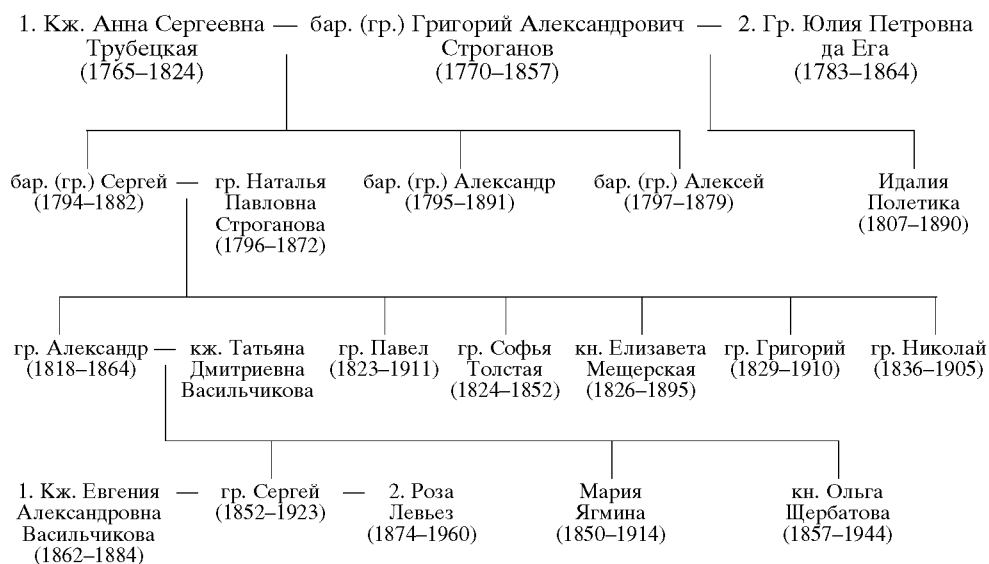
⁴⁶ Там же. Д. 1960. Л. 1–4 об., 86–8ж, 23–23 об.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 168. Л. 8–9; *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 302–307, 313–315.

⁴⁸ *Мукомолов А.Ф.* Указ. соч. Кн. 5. С. 343–345, 347–348; РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 168. Л. 16.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 168. Л. 12–17; *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 167, 238–240, 242.

4. СТРОГАНОВЫ

В пореформенный период в развитии двух строгановских хозяйств на Урале произошли существенные структурные изменения, приведшие к их объединению. В первую очередь перемены коснулись имений «баронской» (ставшей к тому времени уже второй «графской») ветви рода, представленной наследниками графа Григория Александровича Строганова.

Г.А. Строганов скончался в 1857 г., оставив вдове и трем сыновьям пермское имение с Кыновским чугуноплавильным и железоделательным заводом, с принадлежавшими к нему Баранчинскими рудниками, Огурдинским и Волимским лесопильными заводами, а также селами и деревнями в Соликамском, Верхотурском, Чердынском и Оханском уездах Пермской губернии. Площадь уральского имения составляла 475 546 дес., а крепостное население – 14 465 рев. душ. Граф владел

двумя каменными домами в Петербурге (в Литейной части) и одним домом с деревянными магазинами в Нижнем Новгороде, дер. Монастыркой и канатной фабрикой (1482 дес.; 219 рев. душ) в Балахнинском уезде Нижегородской губернии и «пустопорожними» землями в Тотемском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии. Кроме того, в общем владении Г.А. Строганова и Н.П. Строгановой, В.П. Бутеро-Родали, Голицыных, Всеволожских и Лазаревых находились часть Новоусольских и Ленвенских соляных промыслов с селами и деревнями в Соликамском уезде (69 668 дес.; 2370 рев. душ), населенные дачи в Чердынском (69 668 дес.; 37 рев. душ) и Пермском (10 997 дес.; 386 рев. душ) уездах, а также 2650 дес. земли в Слободском уезде Вятской губернии. Недвижимое имущество составляло 630 075 дес. земли и 17 477 рев. душ в четырех губерниях России и Петербурге; оно оценивалось самим владельцем в 2,1 млн руб. сер.¹

Старший сын Сергей Григорьевич Строганов, хотя и имел высшие военные звания и чины (генерал-адъютант и генерал от кавалерии), был известен в первую очередь как видный деятель российского просвещения, один из авторов устава средних и низших училищ и университетских уставов. С 1835 по 1847 г. он исполнял обязанности попечителя Московского учебного округа, по оценке современников, «идеально» подходя для этой должности. Время его управления считается эпохой процветания Московского университета. Вследствие разлада с министром просвещения С.С. Уваровым граф вышел в отставку, был назначен членом Государственного совета и сенатором, жил в Москве, увлеченно занимаясь археологией, нумизматикой, историей архитектуры и иконописи, коллекционированием произведений искусства. На протяжении многих лет (1837–1874 гг.) он возглавлял Общество истории и древностей Российских, основал Императорскую археологическую комиссию, на его средства издавались «Древности Российского государства». В 1825 г. Сергей Григорьевич организовал в Москве первую в России рисовальную школу (с 1860 г. – Строгановское училище технического рисования), щедро снабжал ее всем необходимым. Высшим признанием заслуг станет для графа приглашение в 1860 г. воспитателем наследника престола Николая Александровича. Сергей Григорьевич исполнял эти обязанности до смерти цесаревича в 1865 г.²

В 1818 г. С.Г. Строганов женился на своей дальней родственнице графине Н.П. Строгановой, наследнице другого крупнейшего имения этого рода на Урале – строгановского майората с Билимбаевскими заводами. Получив образование в Институте Корпуса инженеров путей сообщений, Сергей Григорьевич с 1845 г. (когда его жена стала владелицей майората) осуществлял высшее управление заводами и соляными промыслами жены, неоднократно посещал их, заезжая, вероятно, и в отцовские владения³.

Граф Александр Григорьевич Строганов сделал не менее успешную карьеру в другой сфере государственной деятельности. Так же, как и старший брат, он участвовал в войнах с Наполеоном, в 1856 г. получил звание генерала от инфантерии. В царствования Николая I и Александра II назначался председателем и членом многих комитетов (в частности, Мануфактур-совета при Министерстве финансов – в 1829 г., Правительственного комитета внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского – в 1832 г., Комитета попечительства детских приютов, Комитета об устройстве Закавказского края и Секретного комитета по крестьянскому делу – в 1839 г., Центрального комитета для принятия мер против холеры – в 1847 г., Особого комитета для рассмотрения действий цензуры – в 1848 г., Комитета о раненых – в 1853 г.). В 1839–1841 гг. Александр Сергеевич управлял Министерством внутренних дел, в 1849 г. был назначен членом Государственного

совета, а в 1855–1862 гг. – новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. За вклад в культурное развитие Одессы (содействовал преобразованию Ришельевского лицея в Новороссийский университет; в 1856–1877 гг. возглавлял Одесское общество истории и древностей) уже после своей отставки граф А.Г. Строганов был избран первым почетным гражданином города, в котором и провел последние годы жизни.

Вероятно, его блестящей (но, по свидетельству С.М. Соловьева, вовсе не заслуженной) карьере способствовало родство с министром внутренних дел, председателем Государственного совета князем В.П. Кочубеем, на дочери которого он был женат. Его старший сын Григорий Александрович в 1854 г. стал мужем великой княгини Марии Николаевны (дочери Николая I и вдовы герцога М. Лейхтенбергского)⁴. Известно, что в 1826 г. графа А.Г. Строганова командировали с особым поручением императора в Пермскую и Оренбургскую губернии. Его инспекция касалась в основном выяснения настроений уральской общественности после вступления на престол Николая I и надела много шума. Скорее всего, именно тогда он посетил пермские владения своего отца (вероятно, всего лишь однажды).

Совладельцем двух своих братьев ненадолго стал и тайный советник граф Алексей Григорьевич Строганов, пошедший в своей профессиональной деятельности по стопам отца. Известно, что в 1845–1848 гг. он был российским посланником в Португалии, а ко времени получения наследства проживал в Париже. Именно там в 1859 г. была засвидетельствована присланная им старшему брату доверенность на управление имениями. Из Одессы поступила такая же доверенность от Александра Григорьевича.

Графиня Юлия Петровна (вторая жена Г.А. Строганова, урожденная графиня д'Ойенгаузен), как и его сыновья, могла рассчитывать по закону на часть движимого и недвижимого имущества. Но 14 марта 1857 г. она подала прошение об «отречении от всякого участия» в наследстве мужа. «По уважению к памяти покойного супруга моего, всегда изъявлявшего желание сохранить все свое недвижимое имение без раздела во владении детей своих, а равно и по собственному моему к ним благорасположению... – писала графиня, – отказываюсь навсегда как собственно за себя, так и за наследников моих от принадлежащей мне по закону к выделу из всего недвижимого имения седьмой части, предоставляя оную всю без изъятия в вечное и потомственное их, графов Строгановых, владение». Относительно причитавшейся ей $\frac{1}{4}$ части движимого имущества Юлия Петровна решила, что «получила уже оную сполна», и чувствовала себя «вполне удовлетворенною»⁵.

По инициативе младшего брата, проживавшего тогда в Париже, через два года был осуществлен денежный выдел его части из общего имения. «По неудобству раздела в натуре, – записано в акте от 20 мая 1859 г., – граф Алексей Григорьевич желает получить от братьев своих вместо следовавшей ему по закону третьей части... деньгами 700 тыс. руб. сер. и довольствоваться этим вознаграждением». Сумму выделял Алексей Григорьевич получал «не вдруг, а по частям»: 1 января 1860 г. – 100 тыс., 1 января 1865 г. – 200 тыс., 1 января 1870 г. – 200 тыс. и 1 января 1875 г. – последние 200 тыс. руб. с начислением 4% «с каждого рубля невыплаченного капитала». Соглашаясь на предложенные условия, братья договорились «этой записью довольствоваться навсегда и о переделе нигде, никогда и ни под каким предлогом не просить и тяжб об этом никаких не заводить». Раздельный акт был подписан Сергеем Григорьевичем Строгановым по доверенности отсутствовавших в Петербурге братьев⁶.

По оценке С.Г. Строганова, выдел части Алексея Григорьевича, хотя и расстроенный на 16 лет, «обременил» и без того сложное финансовое положение имения,

особенно в условиях начавшейся в стране крестьянской реформы. «Если бы они, оба брата графа, знали столь быстрый переход быта и состава недвижимых имений, – сообщал близко общавшийся тогда с С.Г. Строгановым Х.Е. Лазарев, – тогда не предложили бы третьему брату 700 тыс. руб. за третью часть... и тогда меньше бы оценили в капитале ее покупке»⁷. Видимо, в результате переговоров вскоре общая сумма выдела была уменьшена на 100 тыс. руб., но установленный порядок ее выдачи сохранился. Поэтому, чтобы расплачиваться по долгам и развивать заводское производство, Сергей Григорьевич был вынужден «обращаться к помощи майората», которым управлял по доверенности жены. До 1861 г. он «значительно облегчил» крестьян в повинностях, уплатил часть неотложных долгов, пополнил «необходимые запасы» и даже начал техническую перестройку Кыновского завода в целях развития производства дорогого кровельного железа. В 1863 г. разрушительный прорыв заводской плотины потребовал вложения новых капиталов на ее восстановление, а в 1865 г. подошел второй срок выплаты денег Алексею Григорьевичу. Получив от братьев уже 300 тыс. руб., ввиду мрачной перспективы финансового банкротства заводов он в 1868 г. «нашел справедливым отказаться от остальных 300 тыс. руб. с тем, чтобы Сергей и Александр уплачивали ему пожизненного дохода по 63 тыс. франков, или 18 тыс. руб., ежегодно... считая с 1 января 1870 г.»⁸

Осуществив таким образом «выдел» младшего брата, Строгановы «признали необходимым провести раздел состоящих в общем их владении наследственных имений». Проект был подготовлен, видимо, по инициативе Сергея Григорьевича 14 сентября 1870 г. В соответствии с ним, старший брат получал Нердвинский и Кыновский вотчинные округа с Кыновским и Елизавето-Нердвинским заводами, а также нижегородское имение и дом в Петербурге (по Саперному переулку, 17). На него возлагалась обязанность выплатить долги всех наследников Петербургской сохранной казне (частично переведенные из закрытого Заемного банка) по займам 1842, 1853, 1856 и 1862 гг. (570 528 руб.), а также частные долги в размере 267 500 руб. (включая 136 тыс. руб. долга Н.П. Строгановой). В единоличное владение Александра Григорьевича переходили Усольский округ с Ленвенскими соляными промыслами и дом в Нижнем Новгороде. Он принимал на себя обязательство выплачивать долг сродной сестре И.Г. Полетике (28 571 руб.) и пожизненную ренту младшему брату А.Г. Строганову. «Братский» раздел был утвержден Петербургским окружным судом 8 января 1871 г.⁹

На первый взгляд, предпринятый раздел не усиливал, а, напротив, ослаблял строгановское хозяйство, прежде действовавшее как единый производственный комплекс разных, но финансово взаимосвязанных промышленных отраслей. Отделение заводов от промыслов разрывало эту связь, позволявшую ранее существовать строгановскому хозяйству. Возможно, в пореформенный период, когда с трудом развивались обе отрасли, такая связь уже мешала преодолевать все возрастающие трудности. Дополнительным стимулом к совершению раздела стала необходимость упорядочения сложной пространственной организации строгановских владений, раздробленных еще со времени разделов и продаж второй половины XVIII в. Эта дробность имения не только усложняла транспортные связи между отдельными его частями, но и препятствовала начавшемуся после реформы 1861 г. землеустройству огромного количества бывших строгановских крепостных.

Изучение истории разделившихся имений подтверждает, что либо Сергеем Григорьевичем, либо обоими братьями был задуман перспективный план по преодолению ситуации, сложившейся в начале 1860-х гг. Выход из нее виделся в объединении обремененных долгами имений «баронской» ветви рода с более доход-

ным «графским» майоратом. Но это было возможно только в случае, если бы имущество принадлежало не обоим братьям, а одному Сергею Григорьевичу, который с 1847 г. был утвержден наследником строгановского майората в случае смерти жены Натальи Павловны. Для этого можно было осуществить или по примеру младшего брата денежный «выдел» Александра Григорьевича (видимо, маловероятный из-за финансовых проблем), или «натуральный раздел», передав старшему брату Сергею Григорьевичу самую проблемную «заводскую часть», нуждавшуюся в первоочередной финансовой помощи. Для экономического обоснования проекта были проведены расчеты доходности майората за 10 прошедших лет. Они показали, что среднегодовой доход в 1859–1868 гг. составлял 1 752 247, а расход – 1 193 671 руб. «Чистый доход», таким образом, достигал 558,6 тыс. руб. и мог отчасти использоваться для поддержки присоединенного имения¹⁰.

Следующим шагом графа Сергея Григорьевича вполне закономерно стало присоединение доставшегося ему заводского имения к майорату. В ноябре 1871 г., всего через несколько месяцев после раздела, С.Г. Строганов уже просил об этом правительством, обосновывая свое решение (принятое им, по-видимому, с согласия жены) несколькими причинами. «Большая часть земель наследственного моего имения, – писал он, – находится среди земель майората и по выкупу крестьянами их земельных угодий будет представлять такие отдельные лесные клочки, которые могут иметь хозяйственное значение... только по присоединению оных к землям майората». «Существование Кыновского завода, – утверждал граф, – может быть обеспечено только тесною связью оного с заводами нераздельного имения... Первоначальные обследования дачи Кыновского завода убеждают, что завод этот имеет значительные залежи каменного угля... Только майорат имеет все средства для развития каменноугольного промысла, столь необходимого для горной нашей промышленности и для пароходства по Каме и Волге». Опасаясь, что власти могут отказать ему в просьбе, поскольку территория майората была уже достаточно велика, Сергей Григорьевич доказывал, что после наделения землей 80-тысячного населения площадь майората сократится примерно на то же, что и присоединенное имение, количество десятин.

«Дело Строгановых» слушалось на заседании Общего собрания Государственного совета 25 сентября 1872 г.; оно было представлено управляющим Министерством юстиции графом К.И. Паленом. Согласившись с доводами владельца, Совет одобрил объединение имений. Александр II 15 октября 1872 г. подписал указ, разрешавший генерал-адъютанту и генералу от кавалерии графу Сергею Григорьевичу Строганову «во внимание к заслугам его Престолу и Отечеству» присоединить наследственное имение к майорату жены¹¹.

Получение этого известия совпало со смертью Натальи Павловны, случившейся 7 октября 1872 г. В соответствии с сенатским указом от 22 апреля 1847 г., строгановский майорат переходил в пожизненное владение Сергея Григорьевича. Он и осуществил задуманное слияние двух родовых имений, в результате чего объединились Билимбаевский и Кыновский горнозаводские округа.

Через пять лет был сделан заключительный шаг к полному объединению строгановских имений на Урале. Царь 18 января 1877 г. разрешил присоединить Усольский округ А.Г. Строганова к майорату брата¹². Инициатива этого принадлежала сыну владельца – шталмейстеру Григорию Александровичу Строганову, уполномоченному отцом для заключения акта. «В вознаграждение» за присоединенное имение бывшему владельцу «немедленно» выдавался 1 млн руб. сер., хотя и не наличными деньгами, а государственными пятипроцентными билетами «из

хранящегося в Государственном банке неприкосновенного капитала заповедного имения». На Сергея Григорьевича переводилось также обязательство выплачивать брату Алексею пожизненную ренту на основании «раздельной записи» 1868 г.¹³ В результате этой трехэтапной операции было восстановлено прежнее единство разделившихся еще в середине XVIII в. строгановских вотчин на Урале, которые оказались в итоге в руках представителя средней («баронской», или второй «графской») ветви рода.

Общая площадь объединенного имения составила, по подсчетам С.Г. Шустова, 2 200 449 дес. земли. После слияния в майорате провели административную реформу. Крупнейшее в России частное имение было разделено тогда на семь административных округов (Ильинский, Усольский, Иньвенско-Кувинский, Очерский, Добрянский, Кыновский и Билимбаевский), находившихся под общим руководством Главного правления майората в с. Ильинском, которое в свою очередь подчинялось Главной Петербургской конторе (располагалась в знаменитом Строгановском дворце на Невском проспекте, входившим в состав нераздельного имения). Каждый из округов специализировался на одной или нескольких отраслях комплексного хозяйства майората (металлургии, солепромышленности, сельском хозяйстве)¹⁴.

В период своего 37-летнего управления майоратом и 10-летнего владения им Сергей Григорьевич Строганов активно занимался его делами; его высокий статус позволял участвовать во многих правительственных комиссиях и совещаниях по проблемам развития уральской промышленности. Вместе с главным начальником уральских заводов Ф.И. Фелькнером он отстаивал интересы отечественной промышленности, когда в Тарифном комитете рассматривался вопрос о снижении ввозных пошлин на металлы; пытался повлиять на ход реформы горнозаводского законодательства, подготавливавшей в Горной комиссии, созданной в 1852 г. при Министерстве финансов; вместе с братом Александром Григорьевичем и некоторыми горнозаводчиками (А.П. Шуваловым, И.А. Яковлевым, В.П. Шелашниковым и др.) в 1858 г. вошел в состав Уральского комитета для составления проекта освобождения от крепостной зависимости мастеровых и рабочих людей частных горных заводов; был соавтором проекта «Положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян Пермской губернии», составленного в 1859 г. для Пермского дворянского комитета. В Уральском комитете позиции братьев Строгановых разошлись: Александр Григорьевич возглавил «либеральную» группу участников, Сергей Григорьевич отстаивал консервативную точку зрения относительно «устройства быта» горнозаводского населения. Скорее всего, его позиция объяснялась более детальным представлением сложной социальной организации многоотраслевого хозяйства майората и стремлением сохранить его жизнеспособность в новых социально-экономических условиях. Землеустройство этого населения предполагало обязательную его работу на заводах и промыслах, сохранение традиционной общины, круговой поруки и контроля вотчинного начальства.

На многие годы вперед эти проблемы станут важнейшими для управления пермского майората и лично графа С.Г. Строганова. Так, еще в 1859 г. он направил в Главное Ильинское управление варианты выработанных проектов, приказывая «принять заблаговременно на каждом заводе соответственные местным обстоятельствам меры для постепенного перехода от принудительной работы к вольнонаемной». «Чем скорее и добровольнее совершится эта перемена, тем лучше, – полагал он, – но для осуществления этой цели нужно принять основательно продуманные меры с тем, чтобы заводууправления составили свои замечания о способах и постепенности перехода к вольнонаемному труду»¹⁵.

Позиция графа, как и других заводовладельцев, при реализации «положений» и «дополнительных правил» 1861 г. основывалась на двух взаимосвязанных принципах: желании сохранить, с одной стороны, рабочую силу для заводов и промыслов, с другой – сырьевые и энергетические ресурсы многоотраслевого хозяйства. Первое условие достигалось посредством предоставления работающим мастеровым значительных льгот в пользовании законом установленными наделами. Предлагалось бесплатно передать им покосы и выгоны, разрешить безвозмездно получать дрова и предоставить усадьбы в собственность. Второе условие достигалось передачей вотчинным крестьянам и приравненным к ним сельским работникам «земель фактического пользования» (которые уже были введены в сельскохозяйственный оборот) за пониженный оброк, но без прирезок в случае, если душевой надел был меньше размера высшего надела для данной местности. Обязательный переход со смешанного на денежный оброк предполагал также, что бывшие подзаводские крестьяне будут вынуждены ради заработка продолжать выполнять вспомогательные работы. Это во многом сохраняло на протяжении переходного периода прежний порядок работ и позволяло вотчинному хозяйству слаженно функционировать в это непростое время.

В 76 уставных грамот, составленных по двум тогда еще не слившимся строгановским имениям, были включены 84 857 рев. душ вотчинных, подзаводских и промысловых крестьян, а также 7990 рев. душ мастеровых. Из всех актов только девять были добровольно подписаны бывшими крепостными; остальные пришлось вводить мировым посредникам без согласия сельских обществ. Причиной тому послужил главным образом высокий размер оброчной повинности, достигавший 7,5 руб. сер. с души. В соответствии с законом от 15 июня 1865 г., оброки сокращались в среднем до 5,54 руб., в результате чего общая экономия денежных средств крестьян составила почти 2,25 млн руб.

С.Г. Строганов стал первым землевладельцем, начавшим исправление уставных грамот. По воспоминаниям пермского губернатора Б.В. Струве, весной 1866 г. граф несколько раз встречался с ним, чтобы убедиться в необходимости уступок крестьянам; это помимо успокоения ситуации позволяло получить из казны выкупную ссуду в полном размере. «Граф прислал мне, через своего поверенного Анцыферова, в кратких словах свое согласие, – писал губернатор 6 июня того года, – а 17 июня утром совершенно для меня неожиданно маститый старец сам поднялся ко мне на четвертый этаж, где я жил, в форменном генерал-адъютантском сюртуке, между... пуговицами которого... была вдета копия с доверенности, посланная им моему главноуправляющему Шарину». В этой доверенности граф, в частности, писал: «Все земли сверх высшего размера надела, предназначенные по уставным грамотам к отрезке, оставляются за крестьянами, а равно и весь излишек, который после инструментальной съемки окажется, против значащегося по уставным грамотам надела, не может быть взят в пользу моей доверительницы (владелицы майората Н.П. Строгановой. – *Е.Н.*) и не должен служить поводом к возвышению оброка». Сергей Григорьевич разрешил также «делать некоторые пожертвования» крестьянам при разверстке помещичьих и крестьянских земель для уничтожения чересполосицы. Строгановский опыт по пересмотру уставных грамот в пользу крестьян был затем использован в имениях других «пермских владельцев» (Х.Е. Лазаревым, В.П. Бутеро-Родали, С.М. Голицыным)¹⁶.

Поскольку большинство обществ мастеровых (исключение составили лишь рабочие Кувинского завода) и промысловых работников, как и крестьяне, не согласились с условиями уставных грамот, проблему их землеустройства пришлось ре-

пать на основе особых трудовых соглашений. В 1865 г. Н.П. Строганова передала им в дар усадьбы; остальные земли, находившиеся в пользовании мастеровых до реформы, по-прежнему остались у них, причем работавшие мастеровые пользовались покосами бесплатно, а не работавшие – за арендную плату. По особым приложениям к уставным грамотам графиня оставила на своем попечении некоторые учебные заведения и больницы, передав церкви и причт на содержание волостных правлений.

Выкупная операция в имении проводилась в 1872–1886 гг. По подсчетам специалистов, размер среднего душевого надела крестьян и приравненных к ним сельских работников в майорате составил 7,93 дес., что оказалось на 0,71 дес. больше среднего надела в Пермской губернии. Всего Строгановы передали крестьянам 700 897 дес. земли и получили при этом 7505 тыс. руб. выкупной ссуды, что позволило им сохранить за заводами и промыслами почти 1,5 млн дес. земли и леса, расплатиться по казенным и частным долгам и оставить в своем распоряжении значительные суммы для поддержания интенсивной хозяйственной жизни майората в течение нескольких десятилетий. При осуществлении выкупной операции был решен, в частности, и вопрос о дореформенных залогах отдельных частей строгановских имений в Петербургской сохранной казне, суммы которых достигали по майорату 954,8 тыс. руб. В январе 1865 г. эти долги были объединены под залог выкупной суммы по Иньвенскому округу¹⁷.

Решение сложных проблем землеустройства и перехода к наемному труду не заслонили от владельцев задачу технической реконструкции заводов и промыслов. По свидетельству специалистов, техническое обновление в 1860–1870-е гг. затронуло все семь металлургических заводов объединенного майората. Но оно, как правило, носило текущий характер и сохраняло прежние производственные связи между рассредоточенными по огромной территории предприятиями. Особенно значимой оказалась тогда роль Добрянского железоделательного завода, имевшего самое выгодное расположение. Важнейшим процессом пореформенного времени стало также встраивание в производственный комплекс майората Кыновского завода из состава присоединенного «наследственного имения», который принял на себя функцию нового, хотя и не слишком крупного поставщика чугуна на близлежащие передельные заводы. Нововведения по «баварскому» образцу были осуществлены и на строгановских солеварнях, что позволило в 1877 г. поднять производительность варниц до 3650 тыс. пуд., сократив при этом расход древесного топлива¹⁸.

Владелец майората граф Сергей Григорьевич Строганов скончался 27 марта 1882 г. Поскольку его и Натальи Павловны старший сын Александр (который по акту от 11 августа 1817 г. должен был наследовать майорат) умер еще в 1864 г., новым владельцем оказался их старший внук граф Сергей Александрович Строганов.

Он оставил не столь заметный, как его дед, след в истории рода, хотя владел Пермским нераздельным имением до 1918 г., т. е. в течение 36 лет. Возможно, пишет Т.И. Меттерних, «он слишком долго находился в тени своего деда» и потому «для потомков остался скорее бесцветной фигурой»¹⁹. Рано потеряв отца, наследник майората, действительно, пребывал под сильным влиянием Сергея Григорьевича. После окончания Петербургского университета С.А. Строганов избрал карьеру морского офицера, учился в Морском корпусе, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., командуя миноносным катером.

В 1882 г. лейтенант флота С.А. Строганов женился на 19-летней фрейлине Евгении Александровне Васильчиковой, дочери церемониймейстера князя А.И. Васильчикова, но через два года овдовел. «Я потерял веру в земное счастье», – так

оценивал он свое состояние после кончины любимой жены. Эта трагедия, по мнению биографов, оказала решающее влияние на образ жизни графа. Средством утешения и забвения стали охота, лошади и яхты. В 1885 г. Сергей Александрович вышел в отставку, подолгу жил за границей, путешествовал или вел уединенный образ жизни в своем псковском имении Вольшово, занимаясь охотой и коневодством. Он был членом Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты, одним из организаторов и издателей журнала «Охота». В 1889 г. неподалеку от Пятигорска им был основан Терский конный завод «Графский хутор». Все увлечения Сергея Александровича оказались взаимосвязаны. По мнению С.О. Кузнецова, в центре интересов графа находились борзые собаки. Ради охоты с ними он стал заниматься улучшением кабардинской породы лошадей, а путешествия позволяли ему добывать породистых арабских скакунов.

Из благотворительных акций С.А. Строганова известность получило пожертвование 1,85 млн руб. на нужды флота в начале русско-японской войны. Купленный тогда в Германии пассажирский пароход переоборудовали в корабль-разведчик, оснащенный аэростатами. Однако он так ни разу и не был использован по прямому назначению, а превращен в учебное судно и продан. Вырученную сумму в размере 125 тыс. руб. граф превратил в «неприкосновенный капитал», на проценты с него издавались сочинения патриотического характера. Во время Первой мировой войны Сергей Александрович участвовал в деятельности Красного Креста, взяв на себя расходы по оснащении двух санитарных поездов и полевого госпиталя.

В октябре 1905 г. граф С.А. Строганов покинул Россию и обосновался в Париже. Управление всеми поместьями было передано под присмотр зятя – князя А.Г. Щербатова. В 1911 г. для своей второй жены, французской дворянки Розы Левьез, граф купил на Лазурном берегу между Ниццей и Монако виллу *Cap Estel*. По свидетельству биографов, в 1907 г. он приезжал в Россию на охоту, организованную сестрой О.А. Щербатовой, а в 1915 г. – чтобы поддержать ее после кончины мужа и сына. В покинутом владельцем Строгановском дворце управляющим был открыт общедоступный художественно-исторический музей²⁰.

Неоднократные поездки Сергея Александровича на Урал были познавательными, что соответствовало, вероятно, его характеру. Он появился здесь сразу после вступления во владение летом 1882 г. «Мне пришлось встречать графа на железнодорожной станции Тарасково, что находилась в 27 верстах от Билимбаевского завода... – вспоминал окружной лесничий Ф.В. Гилев. – Граф был тогда холостой, и его сопровождали три спутника. Приезжие живо интересовались подробностями, а я давал объяснения. Среди прочего предупредил, что недалеко от дороги находится большой Чернореченский рудник. Граф пожелал заехать туда и даже спускался в шахту». На следующий день состоялась поездка на Караульную гору, откуда открывался вид не только на Билимбаевский, но и на соседние Ревдинский и Шайтанский заводы. Обрато возвращались на лодке по Чусовой. Тогда-то граф и задумал совершить по этой реке путешествие, повторяющее путь заводских караванов от Билимбая до пристани Добрянского завода на Каме. Для этого специально был построен полубарок с несколькими каютами, на котором гости отправились в путь.

В 1884 г. С.А. Строганов вновь посетил имение, на сей раз уже вместе с молодой женой. «К вечеру граф послал за мной, – писал Ф.В. Гилев, – так как пожелал побывать у нас на шишкосушилке. Однако ее устройством интересовался не столько граф, сколько графиня. На другой день вызывают меня опять к графу, оказывается, графиня узнала об искусственном лесоразведении и пожелала осмотреть пи-

томник... Тем же вечером граф опять позвал меня к себе. Пригласил сесть и ознакомиться с особенностями лотового сплава. Я рассказал об особенностях сплава на лотах и устройстве такой барки, а за одним описал картину гибели барок, разбившихся на моих глазах у камня Косого. Рассказал и о том, с какой самоотверженностью спасал барку и людей помощник лоцмана В. Черепанов. Граф спросил меня, как наградили Черепанова. Я на это ответил, что представил его к награде в 25 рублей, а заводоуправление дало только три рубля. Выслушав, граф сказал: Хорошо, что Вы рассказали мне об этом, оставлять такой случай без внимания не следует... Перед отъездом из Билимбая позвал меня граф, отдал 25 рублей и письменную благодарность для передачи лоцману Черепанову, сказав управляющему, чтобы Черепанова повысили по службе. Я проводил экипаж до границы с Шайтанской дачей, где Их Сиятельства любезно со мной распрощались...» Конечно, Сергей Александрович не упустил и возможности поохотиться в местных лесах. Больше он в Билимбаевский завод не приезжал, хотя, по свидетельству того же Ф.В. Гилева, по несколько месяцев жил в Кувинском заводе. Слишком многое здесь напоминало ему об умершей графине, считал лесничий²¹.

Но, вероятно, для этого были и иные причины. Владельцу хотелось увидеть все свои заводы, для того чтобы составить себе полное представление о них и вместе с опытными инженерами выработать план развития горнозаводского хозяйства. При всем ресурсном богатстве майората выявились факторы, сдерживавшие его развитие: рассредоточенность заводов, сложность производственных связей между ними, неэффективность транспортных коммуникаций, отсутствие крупных рудных месторождений и запасов каменного угля, недостаток лесов в некоторых давно эксплуатировавшихся частях имения. Окружной инженер М.Д. Белоусов в связи с этим считал даже строгановские заводы коммерчески невыгодными предприятиями. «Обладая обширными лесными площадями хорошо сохраненного леса, – констатировал он, – заводы эти лишены минеральных богатств – руд и, несмотря на обилие лесов, крайне стеснены в расширении своего, притом дорогого производства». Это, вероятно, понимали и владелец, и его компетентные управляющие. В имении провели геологические изыскания, усовершенствовали лесное хозяйство, считавшееся образцовым. В 1883 г., когда на торги был выставлен соседний Ревдинский округ, строгановским служащим поручили его обследование. Но крупные казенные долги и скудность лесных дач тогда оттолкнули покупателей этого имения, включая и С.А. Строганова²².

По свидетельству специалистов, новый этап в развитии горнозаводского дела в майорате начался со времени пуска мартена на Добрянском заводе в 1885 г., что в свою очередь вызвало необходимость расширения чугуноплавильного производства. В этих целях 24 декабря 1890 г. С.А. Строганов купил у конкурсного управления Суксунским имением разорившегося А.П. Демидова Уткинский чугуноплавильный завод, расположенный вблизи Билимбая. Вместе с заводом и 65 870 дес. земли покупателю переходили и участки Высокогорского и Шишимского железных рудников. Сумма сделки составляла 735 тыс. руб. сер., из которых 391 263 руб. переводились на нового владельца в виде долга Нижегородско-Самарскому банку²³.

В 1892 г. главноуправляющий Н.С. Конюхов представил владельцу развернутый план развития металлургического производства. В результате технического обновления заводов и рационализации производственных связей выплавка чугуна должна была увеличиться к 1895 г. до 1860 тыс. пуд и сконцентрироваться в основном на Уткинском и Билимбаевском заводах. Выделка железа и стали постепенно переводилась на Добрянский завод. Остальные заводы не закрывались, но произ-

водство на них или сокращалось, или перепрофилировалось. Так, на Очерском и Павловском заводах из-за высоких транспортных расходов предполагалось осуществлять только текущий ремонт оборудования. Начавшаяся реорганизация потребовала огромных затрат (только на обновление Уткинского и Добрянского заводов ушло почти 1,1 млн руб.), но в результате нее четыре доменных завода майората выплавляли в 1901 г. 2525,5 тыс. пуд. чугуна и показали лучшую за все время своего действия производительность. Руда поставлялась не столько из собственных рудников, сколько из отдаленных, расположенных на территории Гороблагодатского и Нижнетагильского округов, что при отсутствии удобных транспортных коммуникаций существенно увеличивало себестоимость продукции.

Кризис начала XX в. не только привел к сокращению работ, но и вызвал закрытие нескольких предприятий, производство на которых оказалось нерентабельным. Так, 12 октября 1909 г. был остановлен Кувинский завод, после чего главной отраслью Иньвенско-Кувинского округа стали заготовка и слав по Каме и Волге товарного леса, приносявшие очевидную выгоду. В том же октябре 1909 г. С.А. Строганов официально объявил о грядущем в 1910 г. закрытии Очерского, Павловского и Кыновского заводов. Главноуправляющий Петербургской конторой С.А. Римский-Корсаков в письме к пермскому губернатору объяснял, что причиной этого оказалось падение цен на кровельное железо и постоянный рост расходов. Себестоимость кыновского чугуна, в частности, достигала тогда 70 коп. за пуд. и была самой дорогой на Урале. После выработки остатков чугуна и топлива Очерский завод был остановлен 22 мая, Павловский – 11 июня, Кыновский – 23 июня 1911 г. Позже здания Павловского завода были проданы Оханскому земству, перепрофилировавшему предприятие на выпуск кос²⁴. В эти же годы закрыли и устаревшие черные варницы на Усольско-Ленвенских промыслах, поэтому выварка соли сократилась в два раза (с 4,5 млн в 1896 г. до 2,1 млн пуд. в 1910 г.). Непоправимый урон этой отрасли хозяйства нанес сильный пожар 1909 г., уничтоживший многие варницы и склады²⁵.

В связи с остановкой заводов вновь обострился земельный вопрос, поскольку после предупреждения о закрытии мастеравые повысили свои требования по землеустройству. Оно же могло осуществиться лишь на основе давно устаревшего закона от 3 декабря 1862 г., согласно которому наделение землей проводилось в зависимости от размера высшего надела для этого региона на ревизскую душу, т. е. по количеству мужчин, включенных в «сказки» X ревизии 1858 г. В такой ситуации сельский сход в Кыновском заводе в ноябре 1909 г. постановил ходатайствовать перед С.А. Строгановым «о продлении действия завода и обеспечении рабочих». «Вполне понимая положение кыновского населения, я не решался приступить к прекращению действия завода, несмотря на крупный ежегодный убыток, – ответил граф письмом из Парижа. – Но в настоящее время положение значительно обострилось тем, что рынок начинает отказываться от пудлингового железа, предпочитая ему мартеновское. Следовательно, продолжение действия Кыновского завода было бы равносильно производству товара, на который нет спроса. При таких условиях я, к глубокому моему сожалению, не могу удовлетворить ходатайство кыновских мастеровых».

Недовольные ответом, мастеравые выбрали двух представителей для личной встречи с графом, чтобы вновь просить его о продлении работы завода на 3–4 года, а в случае невозможности этого – о наделении мастеровых не по 6 дес. земли на ревизскую душу, как полагалось по закону, а по 9 дес. на «наличную душу». В июне 1910 г. поверенные отчитались перед сходом. «По принятии прошения, – писали

они, – граф заявил, что о положении Кыновского завода ему все известно и что о продлении действия завода на несколько лет не может быть и речи, но продолжить работы до весны будущего года он согласен, если для этого хватит материалов. Граф приказал пустить в действие пудлинговый цех, доменную печь не останавливать с 1 сентября, произвести надел не только из участков, расположенных вблизи Кыновского завода, но и вообще в пределах Кыновской дачи, обеспечить стариков и безработных, выдать 100 тыс. руб. на переселение в Сибирь и в другие места, а также для приобретения сельскохозяйственного инвентаря, предоставить после закрытия все здания в распоряжение общества мастеровых»²⁶.

Успокоенные обещаниями мастеровые согласились на предложенный надел по 6 дес. земли на ревизскую душу, но вскоре поняли, что полностью прокормить свои семьи с его помощью они не могут, поскольку отводились земли в основном в мелколесье и на вырубках. Как и мастеровые многих других закрывавшихся в те годы заводов, они подали жалобу в Сенат, который буквально тонул в их рассмотрении. Между тем рабочие Очерского и Павловского заводов не согласились на надел по количеству ревизских душ. «Наделение землею павловских и очерских мастеровых по числу наличных душ, – прогнозировал пермский губернатор во всеподданнейшем отчете за 1910 г., – неминуемо должно вызвать предъявление аналогичных же требований мастеровых и других заводов, хотя и получивших уже установленный надел по числу ревизских душ. Конечно, такие требования будут оставлены без удовлетворения, но известное нежелательное брожение будет от того не меньше. Для наделения по числу наличных душ потребуется земли чуть ли не вдвое больше, чем для наделения по числу ревизских, и очень может быть, что на некоторых заводах для такого наделения или совсем не хватит требующегося количества земли, или завод должен будет прекратить свое существование, так как остаток земли не будет обеспечивать его ни рудой, ни топливом». Эти размышления не были лишены смысла, но они не относились к строгановским заводам, уже назначенным к закрытию.

Несмотря на такие перспективы, Сенат все-таки встал на сторону рабочих и утвердил исчисление дополнительного надела по количеству «наличных душ», приписанных к заводским обществам. Но тяжбы между мастеровыми и строгановской администрацией тем не закончились. Спорными оставались, в частности, вопросы о времени исчисления этих душ, о размерах участков, о структуре надела, что препятствовало процессу землеустройства и предопределило его незавершенность даже к осени 1917 г. Тем не менее, как свидетельствуют специалисты, мастеровые закрытых заводов фактически пользовались земельными угодьями и лесами, невзирая на отсутствие утвержденных наделных актов²⁷.

Однако все эти перемены в майорате являлись симптомами не распада, а начала кардинального обновления структуры и организации обширного строгановского хозяйства в соответствии с требованиями времени. Желание владельца сохранить за собой как можно больше земель и лесов объяснялось, скорее, не скупостью графа, но его опасениями лишиться природных ресурсов ввиду задуманной перестройки.

Инженер Добрянского завода А.Н. Мальцев, вскоре ставший главноуправляющим Пермского нераздельного имения, в 1912–1913 гг. разработал план индустриальной модернизации, одобренный владельцем. В соответствии с ним предполагалось закрыть оставшиеся предприятия и построить на базе Добрянского завода огромный металлургический комбинат с доменным, сталелитейным и машиностроительным производствами. Планировалось возвести шесть доменных и шесть марте-

новских печей, организовать централизованный «печной выжиг» древесного угля из леса, сплавляемого из верховьев Камы и Косьвы, построить железнодорожную ветку от Добрянки до станции Левшино. В с. Дивья возводились лесопильный завод и целлюлозно-бумажная фабрика, из отходов сырья вырабатывались смола, канифоль, спирты и другие химические продукты. Причем все это осуществлялось за счет доходов имения, собственных капиталов графа или незначительных банковских ссуд. В целом специалисты оценивают финансовое положение майората в 1905–1917 гг. как достаточно устойчивое. В 1911 г. чистая прибыль имения достигала 1818 тыс. руб. Обладая такими капиталами, С.А. Строганов не стал рисковать ими для обновления уже архаичного производства, предпочтя этому строительство нового предприятия индустриального типа. Этот план скорректировала Первая мировая война, когда Добрянский завод получил казенный заказ на изготовление 220 тыс. артиллерийских снарядов в год и переключился на его выполнение.

По данным С.Г. Шустова, ко времени национализации пермского майората его площадь составляла 1 444 889 дес. бесспорной земли, оставшейся в собственности С.А. Строганова после землеустройства населения. Более 94% всей территории занимали леса, что предопределило главенствующее положение лесной промышленности в структуре доходов имения. В 1917 г. Главным правлением планировалась продажа не менее 206 тыс. м³ деловой древесины (на 4 млн руб.), заготовленной в Весляно-Лологском, Усольском, Кувинском и Кыновском административных округах майората. На втором по значимости месте находилась металлургия, сконцентрированная на Билимбаевском, Уткинском и Добрянском заводах. В 1917 г. там было выплавлено 1116 тыс. пуд. чугуна и выделано 1231 тыс. пуд. стали. Общий объем разведанных рудных месторождений в Билимбаевской, Уткинской и Лологской дачах оценивался в 184 820 тыс. пуд. Среднегодовая выварка соли в Усольском округе составляла тогда в среднем 3,39 млн пуд. Заметное место отводилось развивавшейся в Ильинском, Очерском и Инвенском округах мукомольной промышленности, а также добыче торфа в Билимбаевском, Добрянском и Очерском округах. Источником оборотных средств в каждом округе являлся совокупный доход всего многоотраслевого хозяйства строгановского майората.

Проблемы начались, видимо, в 1917 г. Есть сведения, что в октябре 1917 г. даже был подготовлен договор о передаче строгановских заводов в аренду Франко-Русскому обществу (бывшему обществу «Берд и К^о») на 15 лет с уплатой графу С.А. Строганову ежегодно по 300 тыс. руб.²⁸ Управляющий Билимбаевского округа Я.Ф. Бушуев 30 ноября 1917 г. сообщал в Главную контору в Петрограде: «Хлеба нет, подвоз ничтожен... Что делать, телеграфируйте срочно. Положение чрезвычайное»²⁹. В то время рабочие пытались перехватить управление у строгановской администрации и установить свой контроль над производством. В ответ на это Сергей Александрович объявил о закрытии завода с 31 декабря 1917 г. Тогда общее собрание рабочих и граждан Билимбаевской волости постановило «действие завода не прекращать и завод со всем живым и мертвым инвентарем взять в руки народа»³⁰. В начале 1918 г. крупнейшее на Урале строгановское хозяйство было национализировано.

Недавно обнаружена расписка графа С.А. Строганова в том, что в октябре 1919 г. за несколько миллионов франков он якобы передал право на владение пермским майоратом известному спекулянту В.И. Ярошинскому с условием содержания 12 фамильных храмов³¹. Однако трудно поверить, что, воспитанный своим дедом в традициях почитания законов и заветов предков, Сергей Александрович мог решиться на такой шаг, нарушавший условия майоратного акта. Хотя у графа

не было детей, у принадлежавшего ему родового «нераздельного имения» оставались законные наследники. На этот случай тем же актом предусматривался переход майората во владение наследников по женской линии его сестры – княгини Ольги Александровны Щербатовой. У нее родились два сына Александр и Георгий и дочь Елена. В 1915 г. после смерти Александра право наследования перешло к Георгию, который, по примеру дяди, стал офицером флота. Но стать владельцем крупнейшего в России имения по понятным причинам ему все-таки не пришлось. В 1919 г. он эмигрировал из России, жил во Франции и США, в годы Второй мировой войны служил в группе связи и коммуникаций военно-морского ведомства США, участвовал как переводчик в Ялтинской конференции глав антигитлеровской коалиции. Г.А. Щербатов погиб в 1976 г. в автомобильной катастрофе.

Сам же последний владелец Пермского нераздельного имения граф Сергей Александрович Строганов скончался 18 апреля 1923 г. во французском городке *Eze*. Он похоронен на кладбище *Caucade* в Ницце³².

¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 274. Л. 39–40; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1637. Л. 7–13.

² Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворин. М., 1999. С. 523–530; *Шульгина Е.Н., Пронина И.А.* История Строгановского училища. М., 2002. 336 с.

³ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4614.

⁴ Русский биографический словарь. Т. Смеловский – Суворин. С. 484–485; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 623–626.

⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 274. Л. 8.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1637. Л. 7–13.

⁷ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1774. Л. 74.

⁸ Там же. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 300. Л. 173; Оп. 2. Д. 275. Л. 72.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 275. Л. 72; Д. 291. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 275. Л. 35–39.

¹¹ Там же. Л. 151–152, 167; Д. 291. Л. 8.

¹² ПСЗ-П. Т. 52. № 56853.

¹³ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 291. Л. 2.

¹⁴ *Шустов С.Г.* Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX. в. Пермь, 2008. С. 54, 158.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 138–139, 148.

¹⁷ Там же. С. 118–120.

¹⁸ Там же. С. 230–237.

¹⁹ *Меттерних Т.И.* Строгановы: история рода. СПб., 2003. С. 272.

²⁰ *Гавлин М.Л.* Из истории российского предпринимательства: династия Строгановых (Аналитический обзор). М., 2003; *Кузнецов С.О.* Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М., 2012. 557 с.

²¹ Цит. по: *Акифьева Н.* Билимбаевские встречи графа С.А. Строганова // *Веси*, 2011. № 4. С. 20–22.

²² *Шустов С.Г.* Указ. соч. С. 237–238.

²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 104. Л. 8–10 об.

²⁴ *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 375.

²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1278. Л. 158, 168–172 об.

²⁶ *Шустов С.Г.* Указ. соч. С. 283–285.

²⁷ Там же. С. 287–289.

²⁸ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 252.

²⁹ ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 291. Л. 72 об.

³⁰ Металлургические заводы Урала... С. 72.

³¹ Кузнецов С.О. Указ. соч. С. 345–346.

³² Там же. С. 402–403; Меттерних Т.И. Указ. соч. С. 312–359; Куцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005. С. 146–147.

5. С.М. ГОЛИЦЫН И НАСЛЕДНИКИ

В канун реформы 1861 г. пермское имение князей Голицыных с Нытвенскими заводами приобрело новых владельцев в лице наследников скончавшегося 17 марта 1860 г. во французском городе Монпелье чрезвычайного посланника и полномочного министра при Дворе королевы Испанской действительного статского советника и камергера Михаила Александровича Голицына. Московская палата гражданского суда 18 октября 1860 г. утвердила законными наследниками князя его единственного сына Сергея (он получал $\frac{6}{7}$ недвижимого и $\frac{3}{4}$ движимого имущества) и вдову княгиню Марью Ильиничну ($\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{4}$ соответственно). Поскольку основному наследнику исполнилось всего 17 лет, он, в соответствии с законом, избрал себе попечителем сенатора и тайного советника Николая Алексеевича Муханова¹.

Вскоре владельцы приняли решение провести раздел доставшихся им вотчин, что обуславливалось, скорее всего, намерением княгини вступить в новый брак. Крупнейшей из родовых вотчин было пермское имение (площадью более 570 тыс. дес. земли). В его состав входили Архангело-Пашийский и Кусье-Александровский заводы в Пермском и Нытвенский завод в Оханском уездах, Сергиевские золотые прииски, соляные промыслы и села в Соликамском, Оханском, Осинском, Чердынском и Кунгурском уездах Пермской губернии с населением 22 214 рев. душ. В центральной России Голицыным принадлежали вотчины в Московской (села Влахернское, или Кузьминки, и Пересветово; 1399 рев. душ), Нижегородской (деревни Костырева и Княжиха; 360 рев. душ), Симбирской (с. Рождественское; 904 рев. душ),

Тульской (села Покровское-Голунь и Михайловское; 1432 рев. душ), Владимирской (с. Позняково; 969 рев. душ), Ярославской (села Сулоть, Никольское, Кирилицыно, Пужболы, Ивакино; 1266 рев. душ), Костромской (с. Здезино; 437 рев. душ) и лесные дачи в Самарской, Вологодской и Вятской губерниях. Они также владели двумя домами в Москве (каменным домом № 48 в первом квартале Тверской части и деревянным – № 49 в первом квартале Пречистенской части), огородными землями с постройками в Петербурге и Выборге (куплены крестьянами на имя владельцев), двумя домами в Нижнем Новгороде, пристанями в Орловской и Выборгской губерниях².

К движимому имуществу наследников М.А. Голицына были отнесены ценные бумаги Московской сохранной казны, Государственного коммерческого банка и Государственного казначейства на общую сумму 228 250 руб. сер., 250 тыс. руб. «в заграничных капиталах», а также запасы выплавленного железа на 840 тыс. руб. Заводы, промыслы и сельскохозяйственные вотчины с населением 28 981 рев. душ приносили 327 509 руб. годового дохода. На них к тому времени числился долг Московской сохранной казне, составивший 460 052 руб.³

Для заключения раздельного акта были уполномочены Н.А. Муханов (от С.М. Голицына) и генерал от кавалерии князь В.А. Долгоруков (от своей племянницы М.И. Голицыной, урожденной княжны Долгоруковой), которые 17 марта 1861 г. и совершили его в Петербургской гражданской палате. В акте было записано, что, «желая владеть каждый отдельно своей частью имения», мать и сын «полюбовно» разделили его между собой. Марье Ильиничне достались имения в Симбирской, Владимирской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях (3906 рев. душ) с общим годовым доходом в размере 31 252 руб. Сын обязывался ежегодно выплачивать ей еще 15 535 руб. «из доходов горных заводов в течение 10 лет со дня совершеннолетия». Ему переходили все владения в Пермской губернии (включая металлургические заводы и соляные промыслы), а также имения в Московской и Тульской губерниях с крепостным населением в 24 624 рев. души.

Из движимого имущества, оцененного в 1 319 503 руб. сер., были исключены 113 100 руб., назначенные М.А. Голицыным «в раздачу», а также 350 тыс. руб., «предположенные к обращению в запасной или оборотный капитал по горным заводам и соляным промыслам». В результате раздела княгине (в 1862 г. вступившей в брак с графом Н.Д. Остен-Сакеном) досталось 214 100 руб., а князю – 642 302 руб. Пропорционально был разделен и долг сохранной казне⁴. Горный департамент и Уральское горное правление не возражали против передачи заводов несовершеннолетнему Сергею Михайловичу, который с 17 марта 1861 г. стал единоличным владельцем Нытвенских заводов, находившихся в то время на подъеме (здесь производилось до 373 тыс. пуд. чугуна и 336 тыс. пуд. кричного и пудлингового железа)⁵.

Его владение уральскими заводами оказалось не только одним из самых длительных (55 лет), но, пожалуй, и одним из самых необычных для того времени. Заводы были сданы князем в аренду иностранной компании. Эта аренда относится к числу немногих примеров успешного управления уральскими заводами. Но прежде, чем это произошло, князь попытался урегулировать запутанные земельные отношения в своем пермском имении как с бывшим крепостным населением, так и с «соседними владельцами», в чересполосном владении с которыми находились его земли после сложных разделов строгановских вотчин в XVIII в. В общем владении с Шуваловыми у Голицыных с тех времен находился даже Кусье-Александровский завод.

Процесс размежевания занял чуть ли не десятилетие: первый «полюбовный договор» о заводских землях заключили в 1869 г., последний – о землях сельско-

хозяйственного назначения – был согласован к 1877 г. Сергей Михайлович поступился своей половиной завода и приписанных к нему лесных дач в пользу Шуваловых, получив взамен земли и леса, обеспечивавшие бесперебойную работу его Архангело-Пашийского завода. В 1873 г. Уральское горное правление было уведовлено, что с 1 апреля того же года Кусье-Александровский завод перешел во владение Шуваловых. Почти 400 тыс. дес. земли «общего владения» размежевали при этом сложном разделе⁶. Возможно, именно в результате длительных согласований князь получил в единоличное владение тот участок земли, где в будущем начнется строительство Чусовского завода. Очевидно, что компактное и хорошо обеспеченное природными ресурсами и, кроме того, состоявшее в единоличном владении имение выглядело весьма привлекательным для потенциальных арендаторов.

Первый арендный договор князь заключил в 1879 г., что, судя по всему, стало следствием стечения ряда обстоятельств. Не исключено, что к концу 1870-х гг. князь пребывал не в лучшем финансовом положении, расстроеном после его напумевшей женитьбы. В 1866 г. княгиней Голицыной стала цыганская певица Александра Иосифовна (Саша) Гладкова. Любопытным представляется в этой связи записка буфетчика Семена Шкурова, составленная через два года после женитьбы: «Потрудитесь выслать для княгини наливки вишневой одну бутылку самой хорошей лутшей, по приказу князя взять напротив Челнокова пива баварского 50 бутылок хорошева, где и прежде брали напротив Челнокова, а это пиво, которое после прислано, не нравится княгине, где вы ево брали?»⁷ Письмо красноречиво свидетельствует о неизжитых привычках княгини Голицыной, с которой князю все-таки вскоре пришлось расстаться.

Однако Сергею Михайловичу, часто бывавшему за границей, несмотря на отсутствие у него специального образования, было понятно, что уральским заводам требовалась масштабная реконструкция и перепрофилирование производства для того, чтобы удержаться на рынке в условиях все возрастающей конкуренции. Необходимость реконструкции при отсутствии достаточных для этого средств и могла подтолкнуть его к решению сдать заводы в аренду. Однако опыт показывал, что во многих случаях следствием подобного шага была окончательная утрата разоренных арендатором заводов (пример Всеволожских). Если судить по условиям аренды, князь хорошо это понимал и принял превентивные меры.

Вполне солидными были найденные им арендаторы в лице французских предпринимателей из крупного Сент-Этьенского общества железодельных и сталенных заводов во Франции при участии Лионского банка, которые обладали финансовыми возможностями не только для поддержания слабеющих уральских заводов, но и для их модернизации по новейшим западноевропейским образцам. В условия договора вошло обязательство арендаторов возвести во владениях князя крупное металлургическое предприятие для производства новых, востребованных рынком сортов металлов.

«Общество имеет целью не только разработку минеральных и лесных богатств в имениях князя Голицына (пространством около 485 тыс. дес.) и развитие деятельности существующих там горных заводов (Архангело-Пашийского чугуноплавильного, Нытвенского железодельного и Михайловского железодельного, ныне не действующего), но также устройство нового завода близ станции Чусовой Уральской горнозаводской железной дороги для выделки рельсов, бандажей, колес, рессор и т. п. изделий, – комментировали чиновники Горного департамента условия договора с французами. – Всеми лесными материалами, же-

лезными рудами и другими веществами, нужными для плавки чугуна, Общество пользуется безвозмездно, за каменный же уголь, который будет Обществом найден и отпускаем в продажу, оно уплачивает по $\frac{3}{8}$ коп. с пуда князю Голицыну, причем сей последний сохраняет за собой исключительное право на разработку месторождения таких ископаемых, которые не могли употребляться в железоделательном производстве. Основной капитал Общества составляет 8 млн франков в 16 тыс. акциях (именных или на предъявителя) по 500 франков каждая; из них 12 тыс. акций уделаются князю Голицыну взамен его взносов, остальные же оплачиваются звонкой монетой, причем 25% вносятся при подписке (уже состоявшейся), а 75% впоследствии по мере надобности по постановлениям Совета управления Общества. Сверх сего Общество совершает заем посредством выпуска 10 тыс. облигаций в 500 франков каждая, дающих 6% ежегодного дохода и погашаемых по нарицательной цене в течение 10 лет. Если Совет управления не поместит этого займа в течение трех месяцев со времени учреждения Общества, то существование Общества прекращается»⁸.

Это последнее условие и вызвало сомнения в Министерстве финансов, поскольку просьба от поверенного о признании Франко-Русского Уральского общества российскими властями была подана только в октябре 1879 г., т. е. по истечению оговоренного срока. В доверенности князь С.М. Голицын (находившийся в то время в своем тульском имении Голунь) извещал, что «компания французских капиталистов... уже состоялась окончательно и устав ее, подтвержденный двумя общими собраниями акционеров 28 июня и 12 июля, подлежащий только нотариальному засвидетельствованию, вступил в силу во Франции... и мною одобрен и утвержден 19 мая 1879 г.». В Лионе и Париже 28 и 31 мая 1879 г. акт между князем и «главным директором акционерного общества Сент-Этьенских железоделательных и стальных заводов, бывшим главным директором и инженером заводов Петен Годе, кавалером Почетного легиона и ордена Итальянской короны Шарлем Барруеном, жительствоющим в Сент-Этьене», был официально засвидетельствован. Чиновникам Министерства финансов потребовалось еще и удостоверение от акционеров, которое вскоре также было получено из Лиона. Члены правления Ш. Барруен, А. де-Ламот, Э. Нейран, Бенуа Шарве, Ж. Римоз де-ла Рошет, Ермолов, А. Буденгот и А. Гарель («за исключением князя Голицына и Клеманса, находившихся в России») заявляли, что «вся сумма займа в 10 тыс. облигаций... сполна по их распоряжению помещена в сроки, определенные в... акте о товариществе и что, следовательно, условие... о прекращении Общества стало недействительным и уничтоженным». «Принимая во внимание, что французские анонимные акционерные общества с ограниченной ответственностью могут по действующему у нас закону пользоваться в России всеми их правами, и находя, что предприятие Франко-Русского Уральского общества может в случае успешного своего хода способствовать развитию нашего горного дела», 11 января 1880 г. император санкционировал постановление Комитета министров о разрешении деятельности общества на территории России⁹.

Особенность договора С.М. Голицына с «французскими капиталистами» заключалась в том, что князь не продавал принадлежавшее ему уральское имение Обществу, а сдавал его в долгосрочную аренду на 36 лет. Поэтому он сохранял за собой владельческие права на заводы и в то же время становился крупнейшим акционером компании, т. е., войдя в состав правления, мог контролировать деятельность Общества.

Как свидетельствовало Уральское горное правление, уже в декабре 1879 г. директор Общества инженер Николай де Ришмон «заявил о своем намерении построить новый рельсовый завод близ станции Чусовой... в Калининской даче князя Голицына... и объяснил, что постройка завода начнется с марта 1880 г., а материалы для постройки и действия завода предполагается заготавливать в Усвинской, Калининской и Пашийской дачах». Уже в октябре 1880 г. должно было начаться производство рельсов, а достраивать завод планировалось затем «по мере надобности». Он предоставил в Горное правление устав Общества и план Чусовского завода «с показанием его селения и устройств». Когда строительство уже началось, пермский губернатор неожиданно заявил, что не давал на это разрешения. Горный департамент напомнил ему, что, согласно закону, такое разрешение требуется, если «предприятие строится в губернских или уездных городах и их округах, которые нельзя, конечно, смешивать с губерниями и уездами», а тем более с частными владениями. Горный совет признал ненужным и разрешение горного начальства, необходимое «только при устройстве новых горных посессионных заводов», но заметил, что требуемые законом в таком случае от владельца заводской дачи «на полном праве собственности» сведения о вновь устроенном заводе следует понимать «не только в смысле доставления статистических сведений, но главным образом для того, чтобы горное начальство, которому предоставляются планы проектируемых заводских устройств, могло в случае необходимости своевременно войти в ближайшее рассмотрение последних в отношении их безопасности»¹⁰.

У горных чиновников не возникло сомнений и в ускоренных сроках строительства нового предприятия потому, видимо, что там не предусматривалось возведения обычной для уральских заводов плотины, перекрывавшей реку в целях обеспечения завода энергией воды. Агрегаты Чусовского завода должны были действовать исключительно на паровой силе, что существенно облегчало строительство. Но, как свидетельствуют специалисты, открытие завода все-таки затянулось и только в 1881 г. удалось выпустить первые 67 205 пуд. пудлингового железа для проката на Нытвенском заводе¹¹.

Завод еще достраивался, когда 16 декабря 1882 г. Общее собрание акционеров внезапно постановило прекратить деятельность Общества из-за «недостатка средств». Причиной этого оказались непредвиденные обстоятельства. Тогда под давлением Ротшильдов обанкротился Лионский банк, где акционеры держали капиталы, собранные за счет выпуска облигаций. В результате Франко-Русское Уральское общество не смогло выполнить своих обязательств в первую очередь перед владельцами облигаций и принуждено было в такой ситуации «распродать свои права и имущество». Понятно, что основной акционер и владелец С.М. Голицын приложил все усилия к тому, чтобы достичь соглашения с держателями облигаций, и это ему удалось.

Устав нового Камского акционерного общества, организованного «из собственников выпущенных акций» в целях «приобретения с аукциона или полюбовно по ценам... которые будут признаны подходящими, всего или части имущества и прав, зависящих от ликвидации... Франко-Русского Уральского общества», был утвержден для действия в России 15 июня 1884 г. Продажи тем не менее не потребовалось. Новое Общество стало восприимчиком всех прав, уступленных С.М. Голицыным Франко-Русскому обществу на аренду его пермского имения с лесными дачами, рудниками и заводами, а также «участком земли на пункте соединения двух железных дорог – Пермь-Екатеринбургской и Луньевско-Чусовской близ вокзала

станции Чусовая в размере от 80 до 300 дес., где Франко-Русское Уральское общество выстроило завод с его принадлежностями».

Как следует из устава Камского общества, оно намеревалось «плавить и продавать чугун, выделывать и сбывать железо, сталь, железнодорожные, кораблестроительные и артиллерийские материалы и вообще все изделия, прямо или косвенно к этим отраслям промышленности и торговли относящимся, без всякого исключения или ограничения». Для этого предполагалось «привести в действие все заводы, доменные печи, литейные, кузницы и мастерские... окончить и устроить в течение первых 25 лет всякие другие заведения, которые будут признаны необходимыми или полезными для предприятия для выработки не менее 20 тыс. тонн (т. е. 1250 тыс. пуд. железа. – *Е.Н.*)... устраивать в имении князя Голицына каменоломни, горные и лесные заводы, добывать и продавать каменный уголь и лес» с условием вырубать не более 8 тыс. дес. его в год для металлургического производства.

Этого соглашения удалось достичь ценой немалых уступок со стороны князя. В соответствии с новым договором, «собственник, жительствующий в Лионе», Жан Боннардель и лионские инженеры Мари-Анн-Эжен-Луи Нейрах, Этьен-Александр-Арну Локар, Иосиф Ламезьер и Камилл-Александр Астье передавали новому Обществу имевшиеся у них облигации Франко-Русского Уральского общества и приобретали право на нераздельное владение 18 тыс. учредительских или прибыльных паев. Основной капитал общества уменьшался до 1 млн франков, разделенных на 2 тыс. акций. Из них только 400 акций (или 20%), «именуемых взносом», передавались С.М. Голицыну, а остальные «оплачивались звонкой монетой»; 10% прибыли распределялось между акционерами «в виде дивиденда», 5% следовало Совету правления; князь дополнительно получал 10% «из остатка прибыли... не превышая 50 тыс. франков в год» и еще 10% «без ограничения взамен взносов». Оставшаяся сумма передавалась владельцам «прибыльных паев», которые так возвращали свои капиталы, вложенные прежде в облигации¹².

Сергей Михайлович, таким образом, утратил главенство в новом Обществе, продолжившем аренду его уральского имения, но сохранил частичный контроль в виде права назначать «лицо, которое присутствует на заседаниях Совета правления». Он также освобождался от уплаты всех налогов и податей, но оставлял за собой «оброки и подати, причитающиеся с крестьян», а также право продажи леса из имения, чем и не преминул воспользоваться. Так же, впрочем, поступило и Камское общество. В условиях падения спроса на железо в 1880-е гг. оно не спешило достраивать Чусовской завод, оборудование которого было законсервировано, а ограничилось эксплуатацией старых заводов и продажей леса.

В отличие от владельца, с помощью специалистов сумевшего организовать «правильную заготовку и успешный сбыт лесных товаров», Камское общество, как оказалось, вело хищническую вырубку леса из арендованных дач. «Приняв в 1888 г. управление вотчинным имением, – сообщал лесничий П.П. Сувейсдис, – первою моею заботой было составить общую картину того опустошительного лесного хозяйства, которое велось Камским акционерным обществом». Было установлено, что «практикуемые Обществом способы эксплуатации дач Нытвенского округа совершенно не соответствовали правилам лесохозяйства». Лесными дачами «воспользовались, превысив их производительную способность, и тем самым извлекли из них единовременный и почтенный размер дохода, нарушив возможность площадям вырубок прийти в их первоначальный вид». В 1890 г. Обществом была произведена «неправильная рубка» в Вашкортской даче. Тогда лионскому

правлению пришлось платить «за часть вырубленного леса». Но в 1893 г. ситуация повторилась в Кусьинской даче, вызвав очередной иск от Московской вотчинной конторы князя С.М. Голицына (располагавшейся по месту жительства князя на Волхонке в «собственном доме»).

Сам же П.П. Сувейсдис, только поступив на службу к князю после окончания Петербургского земледельческого и лесного института, попытался организовать в имении «правильное лесохозяйство» и сбыт продукции. Он, в частности, составил «проект организации заготовки лесных материалов счетом владельца, который сам исполнил на практике», в 1879–1880 гг. произвел «первый опыт сплава теса на Дон... и образовал постоянную торговлю лесными материалами в Ростове-на-Дону, Калуге и Царицыне», открыл заготовку ивовой коры для дубления кож, в 1881 г. «поставил сбыт лесных товаров на Юг России», в 1882 г. «подал проект о современном устройстве пермских лесов князя... и устроил Беляевскую дачу», в 1885 г. «открыл постоянную торговлю дровами в Перми и обеспечил сбыт дров на 20 тыс. саж. ежегодно, заключив контракт с братьями Тупицыными», в 1886–1887 гг. «составил проект на эксплуатацию мертвого леса в Осинском округе и на эксплуатацию липовых насаждений», в 1887–1888 гг. был «командирован на Волгу, где в Саратове организовал постоянную лесную торговлю, а также улучшил лесопильный завод»¹³. Эти данные свидетельствуют о размахе лесного дела в имении С.М. Голицына.

В середине 1890-х гг. главноуправляющий Е.Ф. Федоров озаботился и «правильной организацией лесного делопроизводства», создав особый «лесной стол», за образец которого по распоряжению князя было принято подобное же учреждение в Строгановском майорате. Но вместо «чрезмерно усложненных форм, их количества и спутанности статистических и бухгалтерских цифр» было решено «воспользоваться временно лишь некоторыми формами от управления графа Строганова». За основу был взят «принцип статистики, для чего лесничество и смотритель все необходимые данные проводили главным образом по бухгалтерским отчетам, откуда заведующий выбирал данные и заносил в особые формы, а затем – в главную книгу лесного стола, чем дело значительно упростилось и являлась возможность иметь полную картину способа ведения лесного хозяйства»¹⁴.

Солепромышленность, развивавшаяся в имении еще со времен его владения Строгановыми, тоже, по-видимому, оставалась в руках князя. Еще в 1826 г. все пятеро владельцев Усольских и Ленвенских промыслов, создав компанию по сбыту соли, договорились о разделе продукции. Голицыны тогда получили право на 11 из 60 условных частей всей выварки пермской соли, составлявшей 5050 тыс. пуд. Хотя с того времени в результате отмены казенных поставок, а также острой конкуренции между старыми и новыми солепромысловыми районами, выварка соли-пермянки значительно сократилась, она все-таки сохраняла роль третьей по значению (после металлургии и лесопромышленности) отрасли хозяйства С.М. Голицына. В 1868 г. Е.Ф. Федоров сообщал князю: «В промыслах Вашего Сиятельства с подведомственными местами, благодарению Бога, обстоит во всем благополучно. Варниц на действии находится 13»¹⁵.

Из форм вотчинного делопроизводства «по адресу князя» отправлялись только отчеты, а «остальная корреспонденция шла исключительно через центральную Московскую контору». Лишь в критической ситуации управляющий пермской вотчиной мог обращаться непосредственно к владельцу. Так, когда в 1896 г. между ним и Московской конторой возник спор по поводу «сметных назначений», что «грозило убытками», управляющий, как сам писал, «позволил себе непосредственно обра-

таться к Его Сиятельству за разрешением означенного недоразумения». Судя по входящим номерам документов, С.М. Голицын достаточно часто давал конторе свои распоряжения, вел активную переписку, был в курсе всех административных решений¹⁶.

Роль металлургии в хозяйственном комплексе имения существенно возросла, когда после 10-летнего перерыва сложилась благоприятная рыночная конъюнктура и возобновилось строительство Чусовского завода. В 1892 г. Камское общество решилось на возведение крупного предприятия с полным металлургическим циклом. Были введены современные доменное, мартеновское и прокатное производства, построены электростанция и подъездные железнодорожные пути. Чусовской завод стал одним из крупнейших металлургических предприятий на Урале, сохранив отчасти производственные связи с другими заводами округа – Нытвенским и Архангело-Пашийским, оборудование которых тоже было обновлено и дополнено за счет возведения «подливных» заводов-цехов для изготовления кровельного железа.

Ввиду столь существенных успехов 21 августа 1898 г. в Париже между князем и правлением Камского общества был составлен новый договор о продлении срока аренды еще на 14 лет. В пояснении оговаривалось, что «оставшихся 22 лет пользования... было недостаточно для осуществления всех целей Общества», вследствие чего аренда и продлевалась до 1 февраля 1935 г. В 1902 г. это изменение было внесено в устав. За «второй взнос князя» Камское общество уплатило ему 1125 тыс. франков или 281 250 руб. зол. В 1898 г. С.М. Голицын получил также 18 750 руб. «на взносные акции» и 33 598 руб. из общей прибыли Общества размером 582 131 руб. В 1899 г. прибыль составила уже 951 172 руб., а доля князя выросла до 68 932 руб. Получив чин шталмейстера, С.М. Голицын жил тогда в Петербурге (на Михайловской площади, 1)¹⁷.

По свидетельству специалистов, Камское общество благополучно перенесло кризис начала XX в., увеличив выплавку чугуна с 2555 тыс. пуд. в 1900 г. до 3209 тыс. пуд. в 1910 г. Существенно выросла и выплавка стали: в 1910 г. один только Чусовской завод произвел 2158 тыс. пуд. Но «чистая прибыль» за эти кризисные годы закономерно снизилась: по отчету за 1908/09 г. она составила 271 331 руб., а С.М. Голицыну было отчислено всего 25 764 руб. Выйти из сложного положения акционерному обществу помогло вступление в 1909 г. в крупнейший российский синдикат «Продамета», через который был организован сбыт основной продукции заводов. Вследствие недостатка собственной руды был арендован «ревдинский» участок Высокогорского месторождения. Во время Первой мировой войны вместо рельсов и балок на Чусовских (Нытвенских) заводах наладили производство «стаканов» для артиллерийских снарядов. Общество тогда приносило устойчивую и высокую прибыль¹⁸. Тогда же, видимо, был приобретен действующий Камбарский завод купца Г.С. Кондюрина¹⁹. Скорее всего, «Каму» заинтересовала лесная дача этого небольшого железоделательного предприятия с устаревшим оборудованием.

Князь Сергей Михайлович Голицын, «полковник Императорской Российской гвардии, кавалер и командор разных орденов, промышленник и купец первой гильдии», умер в Лозанне 9 июня 1915 г. Известно, что в течение многих лет он исполнял обязанности почетного попечителя и главного директора Московской Голицынской больницы, был президентом Комиссии по строительству кафедрального собора Св. Николая в Ницце. На его средства в 1898 г. у Чертова моста в Швейцарии был сооружен памятник суворовским солдатам.

Князь не отличался постоянством в семейной жизни. После развода с А.И. Гладковой, в 1883 г. он женился на Елизавете Владимировне Никитиной; этот брак, впрочем, был аннулирован. Третьей женой князя стала баронесса Вера Леонардовна Штейнгель (Штайнхайль), с которой он развелся в 1906 г. В том же году Сергей Михайлович женился в четвертый и последний раз на княжне Анне Александровне Кугушевой. От первого брака осталось четверо детей: Сергей, Марья (была замужем за обер-прокурором Святейшего синода, гофмейстером Петром Петровичем Извольским, братом министра иностранных дел А.П. Извольского), Александра (замужем за Степаном Сергеевичем Перфильевым) и Надежда (замужем за Дмитрием Александровичем Поповым); от третьего – 13-летняя дочь Ирина²⁰.

По завещанию, вдова получала все недвижимые имущества князя в пожизненное владение, а собственниками становились только его дочери и внуки (дети умершей Н.С. Поповой). Между тем, дальний родственник князь А.Д. Голицын вспоминал, что «беспутный сын богатейшего земельного магната» Сергей Сергеевич «унаследовал вместе со своими тремя сестрами: Извольской, Перфильевой и Поповой, – огромные земельные латифундии на севере России и под Москвою» и очень быстро промотал наследство. В частности, Лологская дача и лесопильный завод в Царицыне достались дельцу Гликману, который создал Лологское лесопромышленное общество, приносившее значительный доход²¹. Чусовские заводы подобная участь миновала. Их спасла долговременная аренда французским акционерным обществом, выведшим заурядный уральский округ в ряд крупнейших промышленных хозяйств региона.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1972. Л. 4, 9; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1018. Л. 6–7.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1018. Л. 1–2.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1972. Л. 9–11.

⁴ Там же. Л. 9–11.

⁵ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 37, 361.

⁶ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 322. Л. 1–3, 9, 111, 117; РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 715. Л. 66–67 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1608. Л. 1, 5–9.

⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 10. Д. 446. Л. 46.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1040. Л. 20–24 об.

⁹ Там же. Л. 1–9, 12–13, 25–25 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1091. Л. 1–4, 8–12.

¹¹ Металлургические заводы Урала... С. 508–509.

¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1223. Л. 8–28; ПСЗ-III. Т. 4. № 2319.

¹³ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 5. Д. 159. Л. 5–8, 20–23.

¹⁴ Там же. Оп. 5. Д. 159. Л. 33, 44.

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 308. Л. 1–3 об.; Оп. 10. Д. 2041. Л. 1.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 159. Л. 47–48, 52.

¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1223. Л. 29, 33–36, 59, 64, 124.

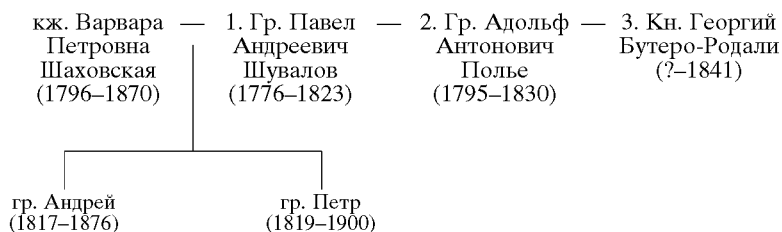
¹⁸ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 165, 241.

¹⁹ Металлургические заводы Урала... С. 241.

²⁰ Нарбут А.Н. Князя Голицыны: четвертая ветвь // Родословные росписи. М., 2002. Вып. 18. С. 22–23, 27–28.

²¹ РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 588. Л. 1–2 об.; Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 351.

6. В.П. БУТЕРО-РОДАЛИ И НАСЛЕДНИКИ

Единоличной владелицей еще одного «осколка» строгановских владений в Приуралье (Лысьвенский округ) с 1823 г. была княгиня Варвара Петровна Бутеро-Родали (урожденная княжна Шаховская). Еще с 1840-х гг. она постоянно проживала за границей, доверив управление вотчиной опытному в заводских делах действительному статскому советнику А.Ф. Веймарну. В 1850-е гг. к делам по имению княгиня стала привлекать своих повзрослевших сыновей, рожденных в первом браке с графом П.А. Шуваловым. Именно они должны были наследовать ее обширные имения, поскольку «от второго мужа княгини графа Полье, умершего 10 марта 1830 г., и третьего – князя Бутеро-Родали, умершего 24 августа 1841 г., детей не осталось»¹.

Следя из Баден-Бадена за событиями на родине, в июне 1858 г. Варвара Петровна поручила старшему своему сыну, флигель-адъютанту графу Андрею Павловичу Шувалову, вместо нее участвовать в деятельности губернских комитетов по крестьянским делам, «соблюдая пользы мои в мере, допускаемой законом и обстоятельствами». В апреле и декабре 1859 г. уже из Парижа княгиня доверила ему же «в случае надобности давать крепостным людям моим Пермской губернии от имени моего освобождение вечно на волю». Примерно тогда же младший сын, камер-юнкер граф Петр Павлович Шувалов, получил от нее доверенность на управление российскими вотчинами «в случае смерти Веймарна». «Находясь за границей, – писала «любящая мать», – я нужным сочла просить Вас... заступить по делам и имениям моим его место». Она обещала принятым сыном или его доверенным лицом решениям «ни в чем не прекословить»².

Финансовые трудности переходного периода от крепостного к свободному труду не миновали пермского имения княгини. Чтобы их преодолеть, владелица воспользовалась займами в Петербургской сохранный казне. От ее имени 20 августа 1862 г. были совершены два залога: «вотчинный» (на 355 740 руб.) и «горнозаводский» (на 307 910 руб.). Оба, видимо, были истрачены на пополнение оборотного капитала многоотраслевого хозяйства. К началу 1866 г. по этим займам накопилась недоимка в 64 тыс. руб. Обнаружив это, сохранный казна пригрозила «взять горнозаводское имение, займы сии обеспечивающее, в опекуновское управление». Но до конца 1866 г. недоимка не уменьшилась, несмотря на сделанное Горным департаментом «побуждение» владелицы к этому. Пермское губернское правление 17 февраля 1867 г. докладывало, что «вследствие неплатежа недоимки... имение княгини Бутеро-Родали взято в ведение Пермской дворянской опеки и опекуном назначен статский советник Васильев». Видимо, это подтолкнуло владелицу и ее управление к активным действиям: «взыскание долга было приостановлено и опека снята»³.

Хотя кризисная ситуация была преодолена, случившееся, скорее всего, окончательно убедило владелицу отказаться от единоличного владения в пользу своих сыновей. Вполне закономерными шагами в более чем 40-летней и все более «отстра-

ненной» истории владения В.П. Бутеро-Родали уральскими заводами и промыслами стали «предварительный домашний акт» 1864 г. и завещание, составленное княгиней 1 июня 1865 г. в Париже. Первым актом она передавала «в дар» сыновьям пермское родовое имение «в полное и вечнопотомственное владение». В составленном годом позже завещании Варвара Петровна подтвердила условия «домашнего акта»: ее сыновья получали и все движимое имущество, заключавшееся в наличных деньгах, российских и заграничных «государственных бумагах», «билетах» разных банков и банкирских домов и долгах от разных лиц. В «равный раздел» сыновей был также отдан дом княгини в Париже (в предместье Сент-Оноре, 45). Невесткам она завещала свои драгоценности и кружева, а многочисленным внукам – «французские трехпроцентные ренты». Ценные бумаги, крупные суммы денег и пенсии были назначены нескольким близким к княгине лицам через посредничество маркиза Спедалотто в Палермо и банкирский дом барона Ротшильда в Париже⁴.

Получив в дар от матери пермское имение, сыновья тут же пожелали разделить его между собой. В соответствии с составленным 26 апреля 1864 г. «раздельным актом», в часть, доставшуюся Андрею Павловичу, вошли Юго-Камский завод и Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы с земельными дачами площадью 440 400 дес. (с учетом «земли единственного и общего владения» и исключая наделенные земли временнообязанных крестьян). В часть Петра Павловича вошли Лысьвенский, Бисерский и половина Кусье-Александровского завода, а также Крестовоздвиженские золотые и платиновые прииски и 496 156 дес. земли⁵.

Вероятно, раздел был предпринят братьями для предотвращения негативных последствий «многовладения», возможных при вполне очевидном в будущем расширении количества совладельцев. В семье А.П. Шувалова было тогда пятеро детей, в семье П.П. Шувалова – шестеро. Возможно также, что между ними возникли какие-то разногласия по вопросам владения общим имуществом. Раздел распространялся не только на территории, но и на все отрасли сложного и обширного вотчинного хозяйства с учетом их доходности. В результате раздела в оказавшуюся меньшей часть А.П. Шувалова вошли соляные промыслы (в 1861 г. они принесли приблизительно 40% дохода), в то время как прииски (всего 2,5% дохода) достались П.П. Шувалову⁶. Главное достояние пермского имения – металлургические заводы – пришлось делить согласно территориальному принципу. Далеко отстоявший от остальных предприятий Юго-Камский завод отделили от расположенных поблизости друг от друга остальных трех заводов округа (их иногда называли Лысьвенско-Койвенскими). Оказалось, что большая по площади часть Павла Павловича была сбалансирована более высоким доходом в части Андрея Павловича. Однако необходимость деления заводского хозяйства привела к тому, что Юго-Камский железоделательный завод был оторван от Бисерского и Кусье-Александровского заводов, снабжавших его чугуном. По-видимому, Андрея Павловича это не смущало, он рассчитывал либо найти рудные месторождения вблизи завода и построить там домну, либо покупать чугун у других заводчиков или казны. Уже с 1865 г., как сообщалось в записке Горного департамента, Юго-Камский завод «действовал чугуном, приобретенным покупкой с казенных и частных заводов, а не с тех заводов, к составу которых он прежде принадлежал»⁷.

Однако раздел пермского имения в 1864 г. состоялся «по частному предназначению владельцев, без постановления в законном виде раздельного акта». Не была официально оформлена и дарственная сыновьям от матери. Формально все имение по-прежнему считалось ее собственностью. Вероятно, передача имения сыновьям и его раздел не были оформлены законным порядком из-за подготавливавшегося

тогда же другого раздела общих владений между В.П. Бутеро-Родали и соседними владельцами, в первую очередь князем С.М. Голицыным, в общем владении с которым еще со времени разделов строгановской вотчины в XVIII в. находились значительные территории и Кусье-Александровский завод. Урегулирование границ такого «чересполосного владения» признавалось всеми «пермскими владельцами» чрезвычайно важным делом, которое существенно облегчило бы управление пространственно сложноорганизованными многоотраслевыми вотчинами. «Имея в Пермском уезде несколько дач в общем владении и испытывая все неудобства чересполосности, решились мы впредь к спокойному и бесспорному между нами и нашими наследниками владению сделать раздел и размен этих дач на основании фамильных актовых прав», – писали Шуваловы и С.М. Голицын в одном из прошений о разделе⁸. От имени матери, проживавшей за границей, переговоры о размене проводили ее сыновья и их поверенные.

Первый раздел касался общих земель, отведенных к заводам. В апреле и мае 1866 г. были проведены переговоры с С.М. Голицыным, составлены «полюбовные постановления», но князь – сосед по имению и дальний родственник – заявил о некоторых «неудобствах» их исполнения. Представлявшийся тогда как уполномоченный матери П.П. Шувалов «выразил готовность содействовать к устранению тех неудобств допущением возможных со стороны княгини отступлений от первоначальных условий... к устранению чересполосности и сосредоточению владения к одним местам», в результате чего 16 октября 1869 г. в Петербурге был составлен и подписан раздельный акт.

В соответствии с ним, Кусье-Александровский завод с дачей площадью 43 535 дес. земли полностью переходил к В.П. Бутеро-Родали. Князь же получал земельную дачу по р. Усьве (72 611 дес. земли) и часть заводской дачи (23 166 дес. земли), расположенную вблизи его Архангело-Папийского завода. К Лысьвенскому заводу была «отграничена» часть вотчинной дачи сел Калинское и Камасинское на Чусовой в 30 887 дес. земли. За переходящие княгине заводские строения она должна была выплатить 15 тыс. руб. Передача завода осуществлялась в течение трех лет, хотя С.М. Голицын «не стеснялся исполнить таковую передачу, если пожелает, и ранее того срока, во всякое время и тогда же получить от княгини следующее денежное удовлетворение». Договор подписали главноуправляющий именными С.М. Голицына титулярный советник Н.Ф. Шнейдер и доверенный П.П. Шувалова царскосельский купец Г.В. Казаринов⁹.

В ноябре 1870 г. доверенный А.П. Шувалова граф А.Р. Варгас-де-Бодемар начал подготовку к подобному же разделу с С.М. Голицыным «по прочим землям вотчинной категории», поскольку по договору 1864 г. старшему из братьев Шуваловых доставалась большая их часть. «В основание этой задачи, – сообщал уполномоченный, – я имел целью положить, с одной стороны (и это самое важное), сосредоточение владений для удобства охранения и развития источников дохода имения, а с другой, сохранение равенства между делимыми частями и право, в силу которого было бы возможно отстаивать предложенный князю Голицыну проект раздела»¹⁰. Однако разработка условий раздела была отложена в связи с трагическими семейными обстоятельствами.

Владелица пермского имения княгиня В.П. Бутеро-Родали скончалась в Швейцарии 24 декабря 1870 г. Ее обширное наследство официально перешло в род Шуваловых, который через поколение вновь оказался в составе уральских заводчиков. Еще в середине XVIII в. братья Александр Иванович и Петр Иванович Шуваловы участвовали в основании Покровского (Иковского) и Авзяно-Петровских заводов

на Урале. В 1754 г. будущий генерал-фельдмаршал граф П.И. Шувалов получил во владение казенные Гороблагодатские заводы, начал строительство Камско-Воткинского и Ижевского заводов. Но его сыну и наследнику Андрею Петровичу Шувалову в 1763 г. пришлось возвратить все заводы в казну за так и не выплаченные Шуваловыми долги. Почти через сто лет после этих событий внуки А.П. Шувалова стали совладельцами Лысьвенских заводов, доставшихся им от матери.

В то время они были известны как крупные общественные деятели. Вспоминая о друге юности графе Андрее Павловиче Шувалове, П.А. Валуев, писал: «В 1834–1835 гг. – юноша, из-за границы привезенный, родного языка не знавший, мягкий, податливый, без определенного колорита; в 1835–1836 гг. – юнкер Нижегородского драгунского полка, бойкий, храбрый, с раною и Георгиевским крестом (графа считали одним из прототипов Печорина. – *Е.Н.*); в 1836–1838 гг. – офицер того же полка, возвращающийся в петербургскую жизнь и прикомандированный к лейб-гвардии Гусарскому полку. В 1838–1839, 1840 – связь с Браницким, Столыпиным, Долгоруковым, Паскевичем, Лермонтовым и пр. (*les seize* (“Кружок 16-ти”. – *Е.Н.*), к которым и я принадлежал). Затем в отставке, фашинобельная эпоха салона графини Воронцовой и пр. Потом адъютантство у князя Паскевича, венгерская кампания, кавалергардский мундир, опять отставка и, наконец, оппозиционная деятельность в дворянских, земских и городских собраниях с разнообразными эпизодами высылки на жительство в Париж (будучи гласным Петербургского губернского земского собрания, граф призывал к созыву «русского земства», за что в 1867 г. был выслан на три года за границу. – *Е.Н.*), губернское предводительство в Петербурге и пр. и пр.». Дворянин «с аристократическими притязаниями и демагогическими приемами», как характеризовал А.П. Шувалова П.А. Валуев, в 1844 г. женился на дочери наместника на Кавказе графа (с 1852 г. – светлейшего князя) М.С. Воронцова Софии Михайловне¹¹.

Петр Павлович Шувалов дослужился до чина действительного статского советника и звания камергера. Как и старший брат, избирался санкт-петербургским губернским предводителем, был членом Редакционных комиссий, разрабатывавших проект реформы 1861 г. В отличие от брата, имел ультраконсервативные взгляды, в 1881–1883 гг. был одним из организаторов (вместе с И.И. Воронцовым-Дашковым, П.П. Демидовым и др.) «Священной дружины». В 1846 г. женился на Софии Львовне Нарышкиной.

После смерти матери Шуваловы должны были соблюсти все необходимые формальности при получении наследства и утвердить законным порядком подписанные ими условия предварительного раздела имущества, которое к тому же находилось в процессе размежевания общих владений с С.М. Голицыным. Пермская судебная палата 12 января 1872 г. ввела Шуваловых во владение пермским имением «в равных частях». Предварительно братья договорились (по акту от 8 мая 1871 г.) выплачивать банковский долг «в равных частях за счет выкупных ссуд за крестьянские наделы». Эти ссуды были поделены между ними в соответствии с условиями раздела 1864 г.

В мае 1871 г. Шуваловы уполномочили своих представителей, полковника корпуса лесничих А.Р. Варгас-де-Бодемара и действительного статского советника Р.И. Ленца, на совершение «окончательного акта» на основе предварительного раздела 1864 г. Однако в этом деле возникли некоторые затруднения, вызванные сопряженностью раздела и размежевания владений с соседями. По прошению уполномоченных, 16 марта 1873 г. Пермский уездный суд утвердил «полюбовный договор» Шуваловых с С.М. Голицыным от 16 октября 1869 г., «разрешив все встретившиеся

по поводу этого договора недоразумения». Целью раздела, как следует из постановления суда, было обеспечение для Шуваловых возможности работы Кусье-Александровского завода и охранение месторождения Куртымских рудников, а для С.М. Голицына – приобретение к Архангело-Пашийскому заводу близлежащих частей Кузьинской дачи. Указ Пермского губернского правления о начале размежевания заводских дач последовал 31 мая, а Уральское горное правление было уведомлено, что с 1 апреля Кусье-Александровский завод перешел во владение Шуваловых¹².

Следующим шагом должен был стать размен «вотчинных земель», вариант которого был предложен А.П. Шуваловым незадолго до кончины В.П. Бутеро-Родали. Сам Андрей Павлович полагал, что необходимо «сгруппировать владения к одним местам большими, по возможности, районами или площадями... и чтоб при этом совершенно была уже упразднена всякая чересполосность или въезжее право одного владельца в дачу другого, а именно чтоб взаимно были уступлены господские пашни, покосы, мельницы и другие экономические заведения с расчетом по доходности, а также чтоб одновременно разделены были и открытые залежи в недрах общих дач каменного угля и белой глины». Но С.М. Голицын выдвинул такие требования при размене вотчинными дачами, что они могли быть удовлетворены только за счет уже размежеванных дач «заводской категории». Поверенный Г.В. Казаринов предупреждал, что это «может повлечь за собой даже вовсе распадение раздела 1869 г.», который уже вступил в силу, а также задержку раздела между самими Шуваловыми¹³.

Некоторые затруднения возникли и в связи с необходимостью иметь формальное разрешение на раздел заводов от Уральского горного правления. Уполномоченные просили вотчинную контору получить от горного начальства «определенное законом засвидетельствование в отношении Юго-Камского и Койвенских заводов, доказав отдельное существование таковых опытами прошедшего времени». Понятно, что ничем иным, кроме таких «опытов», нельзя было доказать возможность работы Юго-Камского завода, не имевшего, в отличие от Лысьвенских заводов, полного цикла металлургического производства. Эти «опыты» свидетельствовали, что завод А.П. Шувалова в 1865–1867 гг. приобретал чугун из заводов графини Н.П. Строгановой и «покупкою с воли», в 1868–1871 гг. – из Кусье-Александровского завода, в 1872 г. – из казенных Пермских, Камско-Воткинских и Екатеринбургских заводов. Горные чиновники сначала выразили сомнение в том, что «безостановочное действие Юго-Камского завода может служить ручательством, что и на будущее время он не встретит препятствий в приобретении постороннего чугуна», и потому решили, что просителям следовало бы отказать. Но, приняв во внимание, что «уменьшение или увеличение размера действия завода, состоящего на владельческом праве, зависит вполне от усмотрения самого владельца... который распоряжается им во всем пространстве прав полной собственности и может даже вовсе закрыть его, известив лишь о том Горное правление», 19 мая 1873 г. чиновники дали разрешение на раздел «на основании общего законодательства о неограниченности права полной собственности»¹⁴.

Хотя, добиваясь этого согласия, Андрей Павлович и его доверенные лица оптимистично заверяли власти, что Юго-Камский завод может действовать самостоятельно, специалисты предупреждали Шуваловых о негативных последствиях предложенного ими раздела и «экономической слабости» той части имения, которая переходила старшему брату. В 1874 г. об этом, в частности, писал поверенный Г.В. Казаринов. «В настоящем положении обстоятельств, – сообщал он, – относясь по прямому долгу службы к пользам Ваших Сиятельств одинаково сочувственно,

не могу скрыть... сожаления за судьбу вотчинной части вообще и Юго-Камского завода в особенности. Завод этот при всех попытках на поиски для него руд даже в других посторонних частях губернии по настоящее время остается совершенно без обеспечения для будущности. Теперь он пользуется чугуном, лишь приобретаемым с воли по самой дорогой цене и притом иногда неудобными путями... Тогда как завод этот, находясь в благоприятных местных условиях в отношении рабочих рук и продовольствия, обеспечения горючим материалом, мог бы при рудах давать удовлетворительный доход».

«В вотчинной части, – размышлял поверенный, – при бывшей связи ее с сельским населением главнейший доход мог давать расположенный по уставным грамотам оброк с крестьян до 96 тыс. руб. По разделу между Вашими Сиятельствами в 1864 г. было принято к расчету и отчислено в надел крестьян 78 тыс. дес. ... Тогда предполагалось за покрытием вотчинного и заводского долга казне (663 тыс. руб.) получить из выкупных ссуд от правительства (рассчитанных по первоначальному оброку в 1,5 млн руб.) до 837 тыс. руб. Но впоследствии в силу случившихся по крестьянскому делу обстоятельств оброки понижены значительно, а самый надел почти всюду увеличен... до пределов действительного владения крестьян с предоставлением им сверх того в дар лесов на постоянное пользование безвозмездно. Таким образом, как свидетельствует полученное от мирового посредника удостоверение, поступило крестьянам в надел и дар со счета вотчинной части 107 854 дес., т. е. более 29 854 дес. Между тем долг казне и недоимки по платежу с 1866 г. возросли по имениям: вотчинному – с 355 740 до 451 205 руб., заводскому – с 307 910 до 396 146 руб., всего с 633 910 до 847 352 руб. Происшедшее же понижение оброка низводит выкупную ссуду до 1 205 427 руб., так что за покрытием из этой суммы означенного долга казне и графине Строгановой (по закладной в 50 тыс. руб.) в распоряжении Ваших Сиятельств может быть получено только 223 тыс. руб. По совершению же выкупной операции в вотчинной части имения останутся главнейшие производства необработанные, с растроченным повсюду лесным хозяйством и притом в общем чересполосном владении с князем Голицыным и с другими господами владельцами, отнимающим всякую возможность и разумную деятельность на открытие и осуществление каких-либо отраслей промышленности. Доход от такого имения в виду расходов настоящего времени а) на управление и межевание работ по крестьянскому делу; б) на лесную стражу, необходимую в усиленном составе при разбросанности дач, изрезанных всюду крестьянскими наделами... и в) на земство крайне незначителен и может получить развитие разве только в будущем и не прежде как по разделу с другими совладельцами общих дач. Затем остаются в виду соляные промыслы. В последние годы при конкуренции господ солезаводчиков в продаже соли доход от промыслов в высшей степени колебался и давал самую ограниченную прибыль и то только по счастливой деятельности известного покупателя нашей соли г-на Блинова. Ныне в виду развития торговли другими солями, например элтоновскою, если удастся осуществить мысль о заготовлении солеваренных дров совокупными мерами всех управлений (чего, однако, еще не достигнуто), то есть надежда рассчитывать на более благоприятный доход, но во всяком случае не свыше 40 тыс. руб. в год». «Выяснив истинное положение вотчинной части», Г.В. Казаринов настаивал на необходимости «обеспечить Юго-Камский завод рудниками... и разрешить все обстоятельства, имеющие связь и влияние на успех исполнения раздела имения с князем Голицыным»¹⁵.

Эти «обстоятельства» постоянно возникали в хозяйственной практике смежных имений, препятствуя скорейшему заключению «вотчинного раздела». Так, в

ноябре 1875 г. между управлениями Шуваловых и С.М. Голицына возник спор о мельничном месте в селе Верхнемуллинском. А.Р. Варгас-де-Бодемар потребовал «уладить это дело, не нарушая благоприятных отношений центральных управлений». «После прекращения миром всех даже важнейших судебных процессов о поземельной собственности пермских имений и продолжавшегося более 20 лет спокойствия, – писал он управляющему П.В. Давыдову, – спор ныне, а тем более открытие дела по суду о столь ничтожном предмете были бы прямым нарушением благоприятных отношений и поводом к большей неприязни во вред интересам владельцев, что допустить крайне неблагоприятно и нежелательно»¹⁶. При всем желании владельцев не обострять отношений и проявлять осторожность земельные споры так и не позволили завершить столь необходимый раздел с С.М. Голицыным до кончины А.П. Шувалова, случившейся в Петербурге 14 апреля 1876 г. на 60-м году его жизни.

Последовавшие затем перемены в составе владельцев пермского имения задержали разделы как с князем С.М. Голицыным, так и между двумя ветвями рода Шуваловых. Наследниками графа Андрея Павловича были признаны шесть лиц: вдова София Михайловна, сыновья Павел и Михаил, дочь Мария (впоследствии вышла замуж за Николая Ивановича Булычева) и две замужние дочери – Екатерина (супруга коллежского советника, позже – обер-егермейстера Николая Петровича Балашова, совладельца Симских заводов) и Елизавета (супруга генерал-адъютанта, впоследствии – генерала от кавалерии, в 1881–1897 гг. – министра Императорского двора и уделов, в 1905–1915 гг. – наместника на Кавказе графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова). Графиня София Михайловна заявила об «отречении от причитающихся ей указных частей из имущества мужа в пользу детей». Вследствие этого 18 августа 1876 г. Петербургский окружной суд утвердил в правах наследства А.П. Шувалова трех его дочерей (каждую – в $\frac{1}{8}$ части движимого и $\frac{1}{14}$ части недвижимого имущества) и двух сыновей (каждого – в $\frac{5}{16}$ и $\frac{11}{28}$ частей соответственно).

Однако Пермский окружной суд, который должен был ввести наследников во владение, потребовал точно указать, какое имущество они унаследовали, и представить «акты укрепления». Наследники были удивлены подобным требованием провинциального суда. «Хотя ни одно из судебных мест... не было столь строго требовательно к исполнению буквы закона... – писали они, – но, чтобы за противоречиями не отдалить ввода, признано за лучшее покориться требованию». В новом прошении перечислялись все владения в пяти уездах Пермской губернии общей площадью 942 768 дес. Попутно было заявлено, что размежевания дач между ветвями рода Шуваловых, а также и с другими «пермскими владельцами», вероятно, «доведется ожидать еще многие годы». В марте 1878 г. Верхнемуллинское вотчинное правление донесло в Главную Петербургскую контору Шуваловых, что «после всех мытарств по делу о вводе во владение» 14 февраля окружной суд дал на него свое разрешение¹⁷. Пятеро наследников А.П. Шувалова вступили во владение половиной общего пермского имения, другая половина которого принадлежала их дяде П.П. Шувалову. Хотя уже более 10 лет эти части фактически существовали как самостоятельные под управлением двух местных правлений (лысьвенского и верхнемуллинского), но формально они не были разделены. Общей оставалась и Главная контора графа П.П. Шувалова и наследников графа А.П. Шувалова в Санкт-Петербурге.

Не дожидаясь судебного решения, новые владельцы уполномочили управлять своей половиной имущества родственника – тайного советника и сенатора графа Петра Григорьевича Шувалова. Еще в июне 1876 г. он сообщал вотчинному прав-

лению, что, «вступив... в высшее и полновластное управление и распоряжение всеми делами и именными... и рассмотрев положение таковых... пришел к полному убеждению, что для ведения правильного хозяйства, для развития, усовершенствования и открытия вновь источников дохода, вообще для свободной и разумной деятельности по столь обширным именным, согласно требованиям науки и времени, необходимо прежде всего устранить чресполосность владения с другими совладельцами общих дач». Вновь вернулись к незавершенному проекту раздела с С.М. Голицыным 1870 г.; Верхнемуллинскому правлению было приказано «в виду полной готовности уполномоченного по именным князя барона К.Н. Корфа к совершению раздела... войти в совещание с правлением князя Голицына и по обмену прениями и мнениями составить общий проект и представить в Санкт-Петербург не далее как в ноябре сего года».

Хотя правление приложило все усилия к выполнению приказа и обсуждало проект раздела «в трехкратном собрании управляющих», но в срок все-таки не уложилось. Разделить предстояло 407 156 дес. «чресполосного владения», к тому же, как требовали владельцы, «целыми дачами», чтобы «совершенно было устранено въездное право одного владельца в дачу другого». Поверенный Г.В. Казаринов 30 декабря «с отрадным чувством» докладывал, что «проект местным управлением составлен по обоюдному соглашению и в главных частях соответствует тем основаниям, какие были предложены здесь и одобрены покойным графом А.П. Шуваловым». Однако окончательное согласование произошло только к июню 1877 г. Шуваловым отошло примерно 207 тыс. дес. «в единственное владение». Юго-Камский завод, по свидетельству Верхнемуллинского правления, при этом разделе «обеспечивался в горных материалах и ставился в такое прочное положение, при котором только остается гарантировать этот завод в средствах на приобретение чугуна»¹⁸.

Раздел с князем С.М. Голицыным подготовил почву и для заключения формального раздела между племянниками и дядей. Но и этот раздел задержался, видимо, из-за семейных обстоятельств: 15 августа 1879 г. скончалась графиня София Михайловна Шувалова. Наследникам пришлось заняться разделом оставшегося после нее наследства, в которое помимо пермской и нижегородской вотчин входили еще дом в Петербурге (ул. Моховая, 8), майоратное имение Парголово (Шувалово) в Санкт-Петербургском уезде, имения Алабуха – в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии, Нижний Шкафт – в Городищенском, Мокшанском и Инсарском уездах, Исса – в Инсарском и Наровчатовском уездах Пензенской губернии, Широкий Уступ – в Аткарском и Сердобском уездах Саратовской губернии. Незаводские имения общей площадью 94 723 дес. были оценены в 4 192 326 руб., включая 1 137 326 руб. долгов по ним. Как записано в одном из документов, «трем особам женского пола» достались Исса и Широкий Уступ, а «двум особам мужского пола» перешли остальные имения. Пермское горнозаводское и связанное с ним нижегородское имения остались в нераздельном владении всех пяти наследников¹⁹.

Другим важным событием стало случившееся вскоре учреждение опеки по делам и именным Павла и Михаила Шуваловых. Император 22 мая 1881 г. утвердил постановление Комитета министров об опекуном управлении, назначив опекунами генерал-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова (позже – сенатора, тайного советника Д.Г. фон Дервиза) и статского советника Н.Э. Герстфельда. В соответствии с этим постановлением, учреждение опеки не должно было «ни в чем стеснять права казны, а равно частных кредитных установлений и частных кредиторов на получение удовлетворения их претензий из имущества графов Шуваловых порядком, для взыскания долгов установленных»²⁰. Но, вероятно, не только долги сы-

новой А.П. Шувалова стали причиной опеки над нами. По свидетельству Д.А. Милютина, она стала следствием происков ближайших родственников Шуваловых, которые «выдавали их за идиотов, не способных не только управлять обширными имениями, но даже иметь потомство». «Этих несчастных братьев держат под опекой на положении слабоумных, – писал в своем дневнике бывший военный министр, – тогда как в действительности они очень далеки от этой категории больных. По всей справедливости они могут быть причислены разве только к неврастеникам»²¹.

«Ближайшее заведывание» имениями подопечных 30 сентября 1881 г. принял Н.Э. Герстфельд. Отныне «главноуправляющим пермским и нижегородским имениями, Главной конторе и всем лицам» было предложено «относиться по всем делам» к опекунам Павла и Михаила. Полномочия П.Г. Шувалова сохранялись лишь по отношению к их сестрам-совладелицам²².

Во время опеки произошло окончательное разделение двух шуваловских имений на Урале. Поверенные владельцев (от Петра Павловича выступал его сын флигель-адъютант Павел Петрович Шувалов, от наследников Андрея Павловича – опекун Н.Э. Герстфельд) 22 марта 1883 г. согласились «окончательно определить и установить все условия совершившегося раздела имений Пермской губернии, доставшихся от княгини В.П. Бутеро-Родали, и тех взаимных отношений и обязательств, которые проистекали из бывшего общего владения и на время должны еще существовать». «Полубовной сказкой», подписанной в тот день, были утверждены все прежние разделы с князем С.М. Голицыным, а земли, остававшиеся еще в общем владении Шуваловых с другими соседями (Строгановыми, Абамелек-Лазаревыми), Петр Павлович уступил наследникам брата. Таким путем «фактически прекращались» его права на совместное владение, и «лысьвенская» часть пермского имения полностью отделялась от «юго-камской». Только месторождение белых глин в Кипертской даче и Вороновские каменоломни оставались еще в общем владении. Кроме того, общей и равной была признана ответственность за долги Петербургской сохранной казне. Они составляли к тому времени 232 125 руб. и должны были покрываться по условиям договора 1871 г. за счет выкупных ссуд, сумма которых составляла 435 468 руб. Прежние общие правления (как некоторые местные, так и центральное) окончательно разделялись. «Настоящим соглашением, – зафиксировано в акте, – исчерпываются все вопросы, касающиеся бывшего общего владения имениями и будущие отношения о взаимных обязанностях... поэтому им заменяются окончательно все состоявшиеся до сего соглашения и договоры и никаких требований на основании тех договоров, помимо настоящего, более возбуждаемо быть не может»²³. Юридически разделы были оформлены 12 июля 1886 г. (утвержден 27 августа 1886 г.) и 28 сентября 1888 г. (утвержден 18 апреля 1889 г.)²⁴.

¹ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 715. Л. 6–7 об.

² РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 228. Л. 1, 3, 5.

³ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 719. Л. 3–11 об.; Ф. 37. Оп. 4. Д. 456. Л. 1–5.

⁴ Там же. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 712. Л. 4–9 об.; Д. 719. Л. 3–11 об.

⁵ Там же. Д. 696. Л. 1–4 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 215. Л. 81–84 об.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1266. Л. 8.

⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1608. Л. 5–8 об.

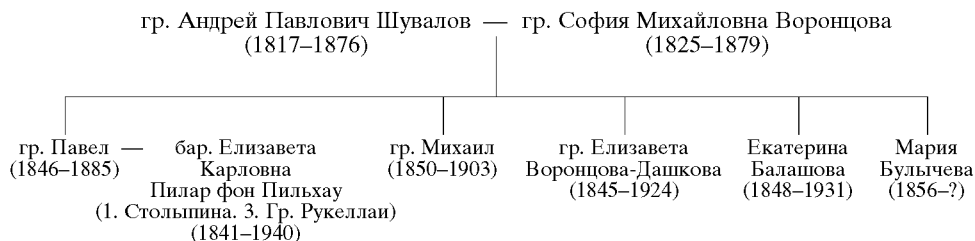
⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 5. Д. 139. Л. 1–12 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 268. Л. 31–32.

- ¹¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. 1865–1876 гг. / Под ред. Н.А. Зайончковского. М., 1961. Т. 2. С. 118, 355.
- ¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1608. Л. 1, 5–9.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 268. Л. 220–223, 274; Д. 322. Л. 1–3.
- ¹⁴ Там же. Д. 268. Л. 64–71, 161, 167–169.
- ¹⁵ Там же. Л. 220–223.
- ¹⁶ Там же. Л. 268–268 об.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 715. Л. 1–7 об., 11–17, 38.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 322. Л. 1–3, 9, 111, 117; РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 715. Л. 66–67 об.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–2.
- ²⁰ ПСЗ-III. Т. 1. № 193.
- ²¹ Милютин Д.А. Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 152.
- ²² РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 1052. Л. 1, 2.
- ²³ Там же. Д. 719. Л. 3–11 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–4; СУиРП. 1910. 29 апреля. Отд. 2. С. 292.

6.1. Наследники А.П. Шувалова

В руках наследников А.П. Шувалова пермское имение было поделено на три правления: вотчинное, солепромышленное и заводское. По данным за 1890 г., доход первого составляли продажа леса (90 635 руб.), «арендные статьи» (27 879 руб.), оброк с крестьян (4760 руб.), продажа глины и других «ископаемых материалов» (1086 руб.), мельницы и заготовка дров (887 руб.). За вычетом расходов на местное управление и повинности чистый доход составил 78 586 руб. Вотчинное правление заготавливало также лес для Юго-Камского завода и соляных промыслов. Стоимость земель, лесов и строений составляла тогда почти 1170 тыс. руб.

На промыслах в 1885–1890 гг. вываривалось от 1307 тыс. до 1908 тыс. пуд. соли в год, причем ее себестоимость год от года сокращалась: с 12,7 коп. в 1885 г. до 7,8 коп. в 1890 г. Снижались и торговые расходы. Если в 1885–1887 гг. промыслы не приносили дохода, то с 1888 г. он регулярно составлял уже 2,8–3,7 коп. с пуда. В 1890 г. «чистый доход» возрос до 57 677 руб. Стоимость промыслов вместе со складами в Перми, Сарапуле, Нижнем Новгороде, Ярославле, Рыбинске и Москве составляла почти 720 тыс. руб.

Юго-Камский завод выделял от 139 тыс. пуд. в 1885 г. до 170 тыс. пуд. сортового и листового железа в 1890 г. Тогда была получена выручка в размере 27 927 руб. Основные продажи состоялись при заводе и на пристани, а также из пермской, сарапульской, елабужской, усольской и нижегородской лавок. Небольшие партии металла были проданы в Мензелинске, Москве и Петербурге. Капитальная стоимость недвижимого имущества заводского хозяйства имения составляла 278 тыс. руб.

Представленные в отчете 1890 г. сведения показывают, что основную ценность имения составляли тогда леса, затем – солепромыслы и только уже потом – заводское хозяйство. В той же последовательности распределялись и доходы многоотраслевого имения. Общий доход составил 164 190 руб. Вознаграждение опекунам и содержание Главной Петербургской конторы обошлось в 17 203 руб., на пенсии и пособия ушло 5422 руб., на уплату процентов по займам – 32 638 руб. На покрытие долгов владельцев направили 56 351 руб., а оставшиеся 51 376 руб. зачислили «на погашение части расходов по новым постройкам»¹.

Владельцы дивидендов, видимо, не получили, покрывая отчислениями лишь свои долги. В 1878 г. главноуполномоченный П.Г. Шувалов, в частности, заявлял, что Е.А. Балашова «со дня смерти отца... ничего не получает и сохраняет вполне все свои права на общее наследство». В первые годы после кончины А.П. Шувалова заботы наследников и их управления были направлены главным образом на погашение доставшихся им от отца долгов, составлявших более 1,7 млн руб., включая 211 571 руб. краткосрочных долгов по пермскому имению. Всего за три года были уплачены почти все эти долги за счет как отчислений из доходов, так и реализации имущества. Так, Товариществу для устройства дач были проданы до 150 дес. земли в Парголово за 250 тыс. руб., почти за полмиллиона франков продан дом в Париже, на 114 тыс. франков были реализованы «трехпроцентные французские ренты», на 80 тыс. руб. – «инвентарь» пермского имения. К началу 1880-х гг. за наследниками оставались в основном долгосрочные долги Обществу взаимного поземельного кредита, где были заложены Парголово, Нижний Шкафт и Исса, и Санкт-Петербургскому городскому кредиту за дом на Моховой².

К этому времени в составе наследников произошли изменения. Так, 4 апреля 1885 г. скончался Павел Андреевич Шувалов, которому 7 июля 1882 г. перешел от дяди титул светлейшего князя Воронцова вместе с богатейшим майоратным имением Воронцовых в Крыму. Наследником титула (12 февраля 1886 г.) и основной доли владения бездетного Павла стал его младший брат Михаил Андреевич. «Указная часть» должна была перейти вдове – графине Елизавете Карловне Шуваловой, урожденной баронессе Пилар фон Пильхау (правнучке М.И. Кутузова, в первом браке – Столыпиной). Она стала женой Павла Андреевича всего за три месяца до его кончины. По свидетельству соседа по крымскому имению Д.А. Милютин, «брак этот совершился не совсем в обыкновенном порядке: свадьба разыграна экспромтом, пока не успели расстроить ее добрые родственники жениха (граф и графиня Воронцовы-Дашковы и Балашовы), весьма не желающие, чтобы владетель Алуки и прочих наследий светлейшего князя Воронцова обзавелся потомством». В апреле тот же информатор сообщал, что из Парижа, куда новобрачные отправились в свадебное путешествие, было получено известие «о скоропостижной смерти князя Воронцова – графа Шувалова, по-видимому, от разрыва сердца». «Трагический конец для новобрачных!» – размышлял он³.

По договору от 15 марта 1886 г. вдова передала свою долю владения общим имением, полагающуюся ей по закону ($\frac{1}{7}$) и оцененную в 140 266 руб., Михаилу Андреевичу Шувалову. За 1890 г. ей назначили к уплате 9018 руб. в качестве процентов на сумму выдела. К этому времени светлейшая княгиня Воронцова – графиня Шувалова уже в третий раз вышла замуж, на сей раз – за графа Джулио Рукеллаи. Судя по всему, к 1890 г. из состава владельцев вышла и Мария Андреевна Булычева, получив «выдел» из общего имения. Расходы по этому выделу тоже числились за М.А. Шуваловым, долг которого в целом составлял тогда 262 589 руб. В роли опекуна светлейшего князя и графа выступал член Государ-

ственного совета тайный советник Н.С. Абаза, на долю которого было отчислено 4991 руб.⁴

Решая финансовые проблемы имения Шуваловых, опекунское управление изыскивало средства из внешних источников. В 1886–1887 гг. оно пыталось получить новый заем в Петербургском обществе взаимного поземельного кредита. Но там под залог всего пермского имения давали только 300 тыс. руб. Ходатайство об увеличении размера ссуды было «категорически отклонено» из-за того, что имение показалось комиссии от Общества «совершенно обезображенным крестьянскими наделами». «Комиссия с трудом остановилась и на этой цифре, – сообщалось опеке, – а многие члены склонялись совершенно отказать и не принимать имения к залогу»⁵. В такой ситуации опека искала возможности заложить имение в Дворянском или Московском земельном банке, но, судя по отчету 1890 г., смогла получить ссуду в 400 тыс. руб. в Учетно-ссудном банке и 90 тыс. руб. у фирмы «Э.М. Мейер и К^о» под векселя. Были использованы и краткосрочные ссуды из Екатеринбургской банковской конторы под залог металлолов⁶.

Инвестиции, которые в 1890-е гг. направлялись в отстававшее от других отраслей заводское хозяйство, существенно увеличили выделку железа (до 300–400 тыс. пуд.). «За десятилетие производство на Юго-Камском заводе постоянно улучшалось как в отношении уменьшения прямых и накладных расходов по выделке железа, так и в отношении расходов по торговле железом», – сообщалось в одной из аналитических записок за 1900 г. Это происходило в условиях, когда приходилось покупать «по дорожной цене» чугун Невьянских или Кизеловских заводов. «Тем не менее, – свидетельствовал К.Н. Егоров, член научной экспедиции, направленной в 1899 г. на Урал, – завод работает вполне успешно, расширяется и может служить ясным указанием на возможность выгоды даже при гораздо более тяжелых условиях, чем те, в каких находится большинство уральских заводов». По его наблюдениям, секрет успеха крылся в «небольшой, но очень разнообразной производительности завода», что и позволяло «давать барыши на дорогих сырых материалах». «Ассортимент готовых продуктов достигает тут более 200 номеров, и достаточно поименовать некоторые только, чтобы видеть все разнообразие работ завода, – писал К.Н. Егоров. – Так, помимо обычных номеров сортового, полосового, круглого и проч. железа завод выделяет: втулки для телег, слесарные тиски, гвозди разных сортов, якорные цепи, каталку, проволоку, полуовальное экипажное железо, квадратное катаное, резное всяких размеров, шинное, шинно-каретное, сварочную болванку и, наконец, железные бутылки для ртути (в количестве 20 тыс. ежегодно для ртутных рудников Ауэрбаха и К^о)».

Такой ассортимент позволял «вести продажу круглый год как в местных центрах, так и непосредственно с завода окрестным кустарям», не зависеть от Нижегородской ярмарки и устанавливаемых ею цен. Завод не произвел на ученого впечатления такого предприятия, «где практикуется щегольская, грандиозная постановка печей, машин и станков, где отброшено все старое и т. д.». Но вместе с тем завод отличался «в высокой степени практичной, экономной, технической постановкой, которая и ставила его в первые ряды в техническом отношении». Давно сгоревший вспомогательный Варваринский завод перестраивался в расчете «на гораздо большее производство». На нем предполагалось сосредоточить прокатку листового железа. Заслужило похвалы ученого и лесное хозяйство имения. Оно было отделено от заводского и организовывалось вотчинным правлением, которое «играло роль поставщика леса на заводы и промыслы». В отличие от прошлых лет, когда осуществлялась хищническая вырубка леса на продажу, теперь лесное хозяйство «велось правильно, с лесосеками и разделением на участки»⁷.

Управление имением полагало, что большего внимания требуют соляные промыслы. После падения цен в 1892–1896 г., когда средняя цена соли доходила до 14,69 коп. за пуд, она вновь поднялась до 18 коп. «с дробями». «Можно, однако, сказать, – сознавались представители опеки, – что мы не воспользовались всей прибылью, ибо часть ее пошла на возвышение издержек по выварке соли. Себестоимость соли в 1895 г. была 8 коп., а в 1898 г. достигла 9,13 коп. При выварке 1,5 млн пуд. такое увеличение себестоимости равносильно потере более 16 тыс. руб. Теперь мы снова увеличиваем выварку, что может привести к упадку цены... да и железнодорожными тарифами на пермскую соль не предоставлено новых облегчений, тогда как донецкая и крымская соль пользуются некоторыми преимуществами, что может понизить цену пермской соли на главных рынках – в Рыбинске и Нижнем Новгороде. Тарифный комитет учел, что с постройкой Сибирской и Пермь-Котласской линий нашей соли открываются новые естественные рынки сбыта. Нам чрезвычайно важно воспользоваться этими рынками... и усилить сбыт соли на месте».

Такое положение соляной отрасли «весьма озабочивало опекунское управление к стремлению найти из него выход». Оно «решилось на новые затраты по организации заготовки дров счетом вотчинных имений, по постройке барж, по покупке пароходов и приспособлений для сплава дров, по заготовке полукулья и т. п.». На все это «потребовалась в течение последних лет затрата из оборотных средств других имений, а при недостатке их приходилось прибегать к кредиту под соло-векселя под залог чугуна и т. п.». Вследствие этого «счет процентов по займам постоянно возрастал и задолженность пермского имения за последние пять лет увеличилась до 435 718 руб.». «Хотя принятыми мерами при заботливом отношении к делу местных правлений удалось устранить крупные убытки, понесенные в 1893–1895 гг., и в последние три года имения стали приносить некоторый доход (в среднем менее 4 тыс. руб. в год), но его едва ли правильно считать достаточным по сравнению с размерами имений и вложенных в них капиталов». «Положение имения далеко нельзя считать вполне благоприятным, и нужна особая заботливость в изыскании мер к усилению его доходности», – полагала опека⁸.

Поставив хозяйство на ноги, опекунское управление действовало до кончины 23 декабря 1903 г. Михаила Андреевича Шувалова, кроме громких титулов не имевшего ни чинов, ни званий, ни должностей. Не будучи женатым, он не оставил и прямых наследников. Право владения воронцовским майоратом по закону перешло его старшей сестре статс-даме Елизавете Андреевне Воронцовой-Дашковой. Остальные имения достались ей в равных долях с сестрой Екатериной Андреевной Балашовой. «Добрые родственники» братьев Шуваловых, получив право владения и управления обширными родовыми имениями, в 1905 г. решились на их раздел.

«Желая разделить поровну между собою недвижимые имения, нами наследованные и по владению коими мы утверждены решением Санкт-Петербургского окружного суда от 1 мая 1904 г., – писали совладелицы, – поручили проект сего раздела составить нашим поверенным: действительному статскому советнику горному инженеру Л.Л. Мартини и титулярному советнику агроному М.Е. Филиппенко». Раздел остававшихся к тому времени общих петербургских и пензенских вотчинных имений не вызвал особых трудностей: их поделили поровну на основе оценки (Парголово оценивалось в 847,6 тыс. руб., Нижний Шкафт и Казачья Пелетьга – в 2 853 372 руб.). Затем сестры тянули жребий. Елизавете Андреевне достались северная часть Парголово «с парком и усадьбой» и восточная часть Шкафта. Екатерина Андреевна «по обоюдному желанию» уступила сестре доставшуюся ей южную часть Парголово взамен «лесов из восточной части Шкафтского имения».

В результате каждой из сестер досталось имущества на 1484 тыс. руб. с залоговыми долгами Дворянскому банку по 367 тыс. каждой. Дом в Петербурге (на Моховой, 10) остался «впредь до продажи» в общем владении.

Пермские имения «по своей сложности, разнообразному составу и обширности» тоже привели поверенных «к мысли разделить их на две части, причем первую – Северную – сгруппировали по преимуществу около Соликамского соляного промысла, добавив к этой части три имения Пермского и Оханского уездов... вторую – Южную – как бы сосредоточили около Юго-Камского железоделательного завода». Однако поверенные не сошлись в «единообразной оценке» отдельных частей пермской вотчины. Так, Л.Л. Мартини предлагал в первую часть включить Соликамские промыслы (оцененные им в 750 тыс. руб.), Кельтминскую (129 тыс. дес.; 400 тыс. руб.), Соликамскую промысловую (75 129 дес.; 700 тыс. руб.) и Пашийскую (45 269 дес.; 900 тыс. руб.) дачи, Насадское (16 784 дес.; 260 тыс. дес.) и Муллинское (10 911 дес.; 260 тыс. руб.) имения (общей стоимостью 3270 тыс. руб.). Во вторую часть вошли Юго-Камский завод (1,1 млн. руб.), Юго-Камская (42 283 дес.; 1,3 млн руб.) и Чусовская (56 345 дес.; 750 тыс. руб.) дачи, а также Сергинское имение (8607 дес.; 170 тыс. руб.) (общей стоимостью 3320 тыс. руб.). В своем варианте раздела М.Е. Филипченко исключил из «промысловой» части Муллинское имение, предложив «оставить его в общем владении, продать и разделить деньги», и оценил Кельтминскую дачу в 500 тыс., а Юго-Камскую – в 1,1 млн руб.

«Для разрешения этого разногласия в интересах наиболее справедливого раздела» владелицы обратились «за указаниями возможного соглашения» к гофмейстеру А.Х. Стевену. «Благодаря любезному отношению к нашему желанию, – сообщали они, – по рассмотрению всех данных, относящихся до двух имений, Кельтминского и Юго-Камского, в оценках которых не сходились наши поверенные», посредник оценил первую в 400 тыс., а вторую – в 1,2 млн руб. В результате переоценки Северная (промысловая) часть пермской вотчины была оценена в 3270 тыс. руб., а Южная (заводская) – в 3220 тыс. руб. Разница в 50 тыс. руб. «регулировалась при разделе на каждую часть ипотечного долга». «Взяв жребий», Е.А. Воронцова-Дашкова получила «в единоличное владение» заводскую часть, а Е.А. Балашова – промысловую, «в чем они и согласились». Акт был подписан владелицами и главным управляющим М.Е. Филипченко в Петербурге 2 апреля 1905 г., но не вполне ясно, был ли он утвержден «формальным порядком»⁹.

Других перемен во владении уральскими имениями наследников А.П. Шувалова не зафиксировано. Юго-Камский завод состоял во владении Е.А. Воронцовой-Дашковой до его национализации в 1918 г. По свидетельству специалистов, и в 1910-е гг. он «принадлежал к числу тех еще немногих вполне самостоятельных железоделательных заводов Приуралья, которые работают на покупном чугуне». «Весьма разнообразная железопередельная работа Юго-Камского завода» по-прежнему состояла тогда «в выработке кроме всевозможных сортов кровельного и сортового железа, якорей, цепей, железных бутылей для ртути, проволоки, гвоздей, болтов, гаек и проч.». Выпуск такой специфической продукции, не встречавшей большой конкуренции на рынках сбыта, позволил Юго-Камскому заводу без серьезных проблем пережить кризис, производя от 400 до 600 тыс. пуд. разнообразных изделий из железа¹⁰.

⁹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 349. Л. 1–150.

¹⁰ РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 697. Л. 1–3.

³ Милютин Д.А. Дневник. 1882–1890. М., 2010. С.151–152, 155.

пателя для своего собственного пермского имения с Луньевскими копиями. Ознакомившись с планом преобразований, он отметил, что «правильное ведение горнозаводского дела не должно было допускать продажу сырого материала – чугуна уже по той простой причине, что материал этот при переделе в железо выигрывал значительно в цене». Расчет показывал, что продажа предполагаемых 760 тыс. пуд. чугуна принесла бы «недовыручку» в пределах 250 тыс. руб. Учитывая, что во владениях П.П. Шувалова располагалась гора Качканар, «изобилующая магнитными железняками», и ему же принадлежала делянка Малоблагодатского рудника, а богатые лесные дачи «при столетнем обороте рубки» были способны поставлять от 369 тыс. до 422 тыс. коробов угля, он доказывал, что производительность заводов могла бы быть доведена до 6,15–7 млн пуд. чугуна в год. Для этого требовалось «построить не менее 18 домен и водворить рельсовое производство». «Соображая площадь, которую занимает имение, а также направление в нем Уральской горнозаводской железной дороги и удобства для снабжения чугуноплавильных заводов топливом, – писал Н.Н. Всеволожский, – нельзя не прийти к тому заключению, что заводы эти должны быть устроены группами, по три домны в каждой, а всего шесть групп, таким образом, чтобы между группами расстояние не превышало 20 верст. В виду этого они могут быть расположены: 1 – на Качканаре, 2 – между Качканаром и Теплою Горой, 3 – на Теплой Горе, 4 – Бисерская, 5 – Кузье-Александровская и 6 – Калино-Камасинская. Заводы рельсопрокатные и железная дорога должны быть построены на реке Чусовой». Рабочих предполагалось нанимать «с реки Туры и из местностей по ту сторону Урала и даже более отдаленных мест в виду той нужды в заработках, которая усиливается с каждым годом вследствие невозможности существовать крестьянам в этой полосе России без отхожих промыслов». Прибыль от продажи 2,5 млн пуд. рельсов, 500 тыс. пуд. листового и 500 тыс. пуд. сортового железа могла возрасти до 1687 тыс. руб., а имение – занять «в ряду прочих горнозаводских имений одно из первых мест не только в отношении нормы промышленности, но и в отношении доходности».

В пользу заводов П.П. Шувалова свидетельствовало и сравнение их с крупнейшими Нижнетагильскими заводами П.П. Демидова «вследствие их близости к Луньевским копиям». «Заводы Демидова находятся в расстоянии 349 верст, т. е. 216 верстами далее, чем имение графа Шувалова, – рассчитывал автор проекта. – При устройстве графом Шуваловым железоделательных заводов у Чусовской станции придется перевозить уголь те же 133 версты; между тем Демидов имеет возможность построить передельный завод не ближе Усьвенской дачи, т. е. в расстоянии от каменноугольных копей на 79 верст и доставлять на этот завод чугун за 270 верст. Среднее расстояние доставки чугуна с заводов графа Шувалова на его же передельный завод будет 70 верст. Следовательно, имение графа Шувалова выигрывает сравнительно с имением Демидова в перевозке чугуна 200 верст, хотя проигрывает в перевозке угля 54 версты, но проигрыш этот восполняется с избытком от обратного провоза готовых произведений к местам сбыта». На устройство доменных заводов требовалось затратить 1,2 млн руб., на рельсопрокатный и бессемеровский завод – до 700 тыс., на железную дорогу – 400 тыс. руб. Ценность имения, включая оборотный капитал (4,5 млн руб.), расходы на строительство (2,3 млн руб.), перевозку готовой продукции (600 тыс. руб.), а также стоимость земель (4,6 млн руб.) после реализации этого плана должна была возрасти до 12 млн руб. На эту сумму «эксперт» предлагал выпустить акции, сохранив за владельцем их количество на сумму стоимости имения, что позволило бы получать в год до 760 тыс. руб. дивидендов².

На первый взгляд этот грандиозный перспективный план был весьма привлекательным, но вряд ли реалистичным с экономической точки зрения. Затратить такую огромную сумму было в то время не под силу владельцу, а решиться на акционирование он тогда не смог. Тем не менее в 1880-е гг. преобразования в заводском хозяйстве графа П.П. Шувалова начались. В 1884 г. в Бисерской даче был пущен новый Теплогорский чугуноплавильный завод, стимулировавший развитие железоделательного производства в Лысьвенском округе. Постепенно выплавку чугуна в округе довели до 1,6 млн пуд., что превысило и без того высокие параметры реконструкции, запланированные владельцем. На большее, видимо, у него не хватило ни сил, ни средств. Овдовев в 1894 г., граф перебрался в Ниццу и подыскивал себе замену в качестве управляющего делами всех своих обширных имений. Такое предложение было сделано родственнику – владельцу Симского горнозаводского округа Н.П. Балашову. Но, приняв участие в решении некоторых семейных вопросов, от управления делами «в тесном смысле слова» он отказался, как сам писал, «за неимением на то решительно ни времени, ни возможности»³.

В 1895 г. 76-летний П.П. Шувалов передал управление имениями сыну – генерал-майору Павлу Петровичу Шувалову. Из Ниццы, где проживал владелец, тогда была получена доверенность. Сын становился главноуполномоченным владельца, ему поручалось, как писал отец, «управлять, заведовать и распоряжаться всеми личными делами моими и принадлежащими мне движимыми и недвижимыми имуществами, где бы таковые не находились и в чем бы не заключались»⁴.

По сведениям биографов, Павел Шувалов, получив образование в Петербургском и Гейдельбергском университетах, предпочел военную службу и в 1868 г. поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Гусарский полк. Участвовал в Хивинской экспедиции 1873 г. и турецкой войне 1877–1878 гг., дослужился до генеральского чина и должности командира лейб-гвардии Егерского полка. Круг его интересов был широк: он коллекционировал произведения прикладного искусства, увлекался химией, занимался писательским трудом, много путешествовал. По свидетельству сослуживца, генерала Н.А. Епанчина, он был «воспитанным, образованным и приятным в сношениях человеком», держал себя «с большим достоинством и самостоятельностью»⁵. Женился граф на княжне Елизавете Владимировне Барятинской, известной в свете как Бетси Шувалова.

Главной заботой уполномоченного оказалась финансовая сторона масштабно-го дела. «Приняв в октябре текущего года управление имениями моего отца и покойной матери... – сообщал Павел Шувалов после получения доверенности, – я успел убедиться, что означенные имения находятся в крайне затруднительном положении вследствие значительной их задолженности различным кредитным учреждениям и главным образом за неимением свободных оборотных средств». Долги достигали 850 тыс. руб., на 150 тыс. руб. необходимо было срочно пополнить оборотный капитал.

Ситуация обострилась еще и вследствие вынужденного отказа от практиковавшегося прежде «технического объединения» оборотных капиталов пермского имения и майоратного имения этой ветви рода Шуваловых Тальное (Тальновский Ключ), расположенного в Киевской губернии, где было организовано крупное свеклосахарное производство. Вместе с крымским имением Мисхор после смерти матери в 1894 г. оно перешло по старшинству во владение Павла Петровича⁶. «Другим источником денежных позаймствований является Тальновское имение, – разъяснял он сложившееся положение. – Издавна установился взгляд, будто бы Лысьвенские заводы и Тальновское свеклосахарное предприятие могут пользоваться од-

ним и тем же оборотным капиталом, Лысьва – в осенние и зимние месяцы, Тальное – во время полевых работ. Предполагалось, что Тальное, запродав свой сахар осенью, снабжает заводы деньгами, а заводы возвращают деньги Тальному после продажи чугуна и железа. Этот взгляд, разделяемый и Лысьвенским заводоуправлением, проповедовался в свое время Главной конторой и приводился в исполнение не без натяжки. Прямым результатом был ряд несвоевременных и убыточных продаж как сахара, так и металлов. Практика последних двух лет доказала, что указанный взгляд должен быть признан ошибочным и совершенно неприемлемым к настоящим обстоятельствам. Тальновское имение не располагает свободными денежными средствами ранее продажи главного своего продукта – сахара, а продавать сахар ранее 1 января прямо убыточно. В 1895/96 г. убыток выразился в 48 тыс. руб.»⁷.

«В виду временных затруднений» на семейном совете с участием Н.П. Балашова было решено «безотлагательно приступить к ликвидации дел в таком размере, чтобы продажу части недвижимого имущества покрыть долги по векселям, внести просроченные банковские платежи и обеспечить за имением необходимые оборотные средства». Для этого наметили продать одно из заводских имений (Завьяловское в Саратовской губернии; 61,3 тыс. дес. земли) и из вырученных средств (предполагалось получить 2,5 млн руб.) покрыть все долги. В покупке этого имения было заинтересовано удельное ведомство, однако совершить сделку оно обещало не раньше лета 1896 г. До того времени П.П. Шувалов вынужден был просить Государственный банк предоставить кредит в размере 1 млн руб. под условием пополнения его после продажи Завьяловского имения»⁸.

«В течение года мы занимались совместно с тобой и Сенди... почти исключительно приисканием денежных средств для ведения дел, если могу так выразиться – изо дня в день... – писал Н.П. Балашов Павлу Шувалову 1 декабря 1895 г. – Выяснилась неотложная необходимость немедленной продажи Завьяловского имения и петербургского дома... К величайшему несчастью ни одна из этих мер не могла быть приведена в исполнение до настоящего дня, так что в настоящее время состояние имущества сравнительно с прошедшим годом находится в следующем положении: 1) общее количество долгов значительно увеличилось как вследствие обнаружившихся некоторых сумм, нам неизвестных в прошлом году, так, в особенности, вследствие вновь сделанных долгов в течение года; 2) смета будущего операционного года... сводится со значительным дефицитом, так что к концу настоящего конторского года, т. е. к 1 октября 1896 г., можно уже теперь безошибочно предвидеть еще новое и притом значительное увеличение общей суммы долговых обязательств. Наконец, при настоящем положении дел следует опасаться, что это безотрадное положение не улучшится и в ближайшем будущем»⁹.

С Лазурного берега беспокоился о судьбе родового заводского дела и «старый граф» Петр Шувалов. В феврале 1896 г. он писал сыну, что «при неблагоприятном исходе... некоторых предпринимаемых ныне мер... представляется необходимость озаботиться о продаже пермского имения частному лицу или благонадежной компании, что при выяснении естественных богатств имения и ограниченности капиталов, необходимых для их правильной разработки, представляется вероятно возможным на удовлетворительных условиях». В случае же удачной продажи заводских имений он предлагал вложить сумму, «не многим превышающую 300 тыс. руб., на капитальное устройство пермского имения», что, по его мнению, позволило бы «возвысить доход имения приблизительно на 150 тыс. руб.». «Исполнение подобной операции мне кажется весьма вероятным, – предполагал владелец, – так как после ликвидации большей части векселей можно надеяться, что Министерст-

во финансов не откажет в ссуде чисто промышленного характера». Он обратился к пользовавшемуся его доверием управляющему Петербургской конторой В.Я. Евдокимову с просьбой «при свободном времени ознакомиться с вышеизложенными моими личными взглядами и обсудить возможность принять их за исходящую точку дальнейших соображений и мероприятий»¹⁰.

Но последующие события оказались благоприятными для Шуваловых. Продать Завьяловское имение, как и петербургский дом, а тем более заводы, не пришлось. «На пополнение оборотных средств горных заводов» было продано недвижимое имущество в Ямбургском уезде. В 1897 г. удалось получить под залог пермского имения в Ярославско-Костромском земельном банке значительную ссуду в 2,6 млн руб. сроком на 60 лет¹¹.

Однако проблемы крупного многоотраслевого хозяйства, рассредоточенного на территории страны от Урала до Украины, заставили Павла Петровича изменить личные планы. Первые годы управления он пытался сочетать свои новые обязанности с военной службой, но вынужден был предпочесть ей «семейные интересы». В письме к отцу от 6 сентября 1898 г. он сообщал о своем намерении «подать в запас». «В противном случае, – предполагал он, – я получу назначение, от которого мне придется отказаться. Строевая служба не вяжется с деловыми занятиями. Пермское дело, хотя и налажено, но далеко еще не доведено до конца. Оно требует постоянного и зоркого наблюдения, а главное, частых поездок на заводы»¹².

По собственному признанию Павла Петровича, последняя его ознакомительная поездка на Урал состоялась в 1880 г. В конце августа – середине сентября 1897 г. он посетил пермское имение уже в своем новом качестве главноуполномоченного. Поводом к поездке стало нарушение сметных обязательств Лысьвенским правлением. «В мае, – жаловался П.П. Шувалов, – управление дает слово выполнить годовую смету... т. е. выслать в определенный срок 110 тыс. руб. процентов по ипотечному долгу и 40 тыс. руб. на надобности Главной конторы. Проходит два месяца, и мы получаем внезапное требование 90 тыс. руб. и убеждаемся, что дело идет о полном недостатке оборотных средств, и, скрепя сердце, высылаем требуемые деньги». «Если такой случай может иметь место в течение вполне успешного заводского года, то чего можно ожидать в случае менее благоприятных обстоятельств?» – вопрошал он¹³.

Как можно судить по сохранившемуся личному дневнику, Павел Петрович с полной ответственностью и по-деловому исполнял свои обязанности, пытался вникать в новую для него горнозаводскую сферу. Личный дневник графа наполнен записями технического характера, статистическими данными, денежными вычислениями. Целью поездки было не только знакомство непосредственно с хозяйственной деятельностью имения и порядком его управления. Будущему владельцу представлялось необходимым составить собственное мнение о состоянии и перспективах развития округа, убедиться в целесообразности разработанного Петербургской конторой плана реорганизации и при необходимости откорректировать его в соответствии с имеющимися финансовыми возможностями.

В первую очередь владелец посетил новый Теплогорский завод, чугун которого, по замечанию графа, «считался лучшим в округе и продавался Юго-Камскому и Пожевским заводам», Усть-Койвенские платиновые прииски, «техническое устройство» которых было признано «вполне совершенным», и Бисерский завод, который, напротив, представился уполномоченному «характерным памятником безрасчетливого швыряния чужими деньгами и бесшабашного мошенничества, практиковавшегося прежним правлением». Были осмотрены старинные Куртымский и

Гаревознесенский железные рудники, которые оказались настолько истощены многолетними разработками, что инспектировавший их незадолго до П.П. Шувалова инженер А.А. Ауэрбах «признал заводы не обеспеченными рудой, вследствие чего советовал продать весь округ за миллион рублей». Но горный инженер Н.О. Шамарин посредством тщательной разведки «успел выработать предварительное определение общего характера и простирания железорудных залежей и наметил дальнейшие директивы для развития рудного дела, включая начало разработки магнитных руд горы Качканар».

По пути Павел Петрович заехал на Чусовской завод Камского общества, где внимательно осмотрел две доменные печи, мартеновскую фабрику и ознакомился с прокаткой листовой болванки. Затем он посетил Усть-Долговскую пристань и железнодорожную станцию Лысьва. Здесь граф узнал о новом железнодорожном тарифе, введенном 1 сентября 1897 г. Он, по словам заводчика, «дает нам возможность пользоваться Екатеринбург-Челябинской соединительной веткой для доставки железа через Челябинск на многие центральные рынки по цене более дешевой, нежели через Нижний». «Становятся выгодными такие рынки как Воронеж, Курск, Орел, Тамбов, Смоленск, Пенза и др. Москва и ее ближайшие окрестности не подходят вследствие особого (пониженного) тарифа между Москвой и Нижним. Киев, Вильно и весь западный край подходили бы, но туда не допустит нас силезское железо, также пользующееся льготами дифференциального тарифа». Высказавшись насчет новых возможностей, граф в то же время отметил, что «не следует забывать, что торговля, в особенности русская, неохотно меняет свои привычки и... нам не сразу следует бросать насиженное место в Нижнем».

Лишь к концу путешествия он прибыл в центр имения – Лысьвенский завод. «Неожиданно для меня многолюдная и оживленная встреча, – записал он в дневнике. – При въезде в селение – большая триумфальная арка. Хлеб-соль на серебряном блюде. Адрес волостного старшины. На улицах целые тысячи народа. Дома разукрашены флагами. В старой церкви встреча духовенства с крестом и святой водою. Чудотворная икона Святого Николая Чудотворца, обретенная в деревне Б. Лысьвенский. В новой церкви встреча и адрес строительного комитета. Меня осыпают цветами. Дамы местного благотворительного общества дарят мне рукоделия». Растерявшийся гость, «привыкший лишь к военным почестям», был ошеломлен. «Неподдельные приветствия многотысячной толпы» были восприняты им как «доказательство дружелюбного настроения рабочих и хорошего их отношения с заводоуправлением».

«Выслушав просьбы мастеровых и крестьян... – писал Павел Петрович, – я пришел к убеждению, что желательно во что бы то ни стало поскорее окончить земельные с ними отношения и наделить их землей на льготных условиях с тем, чтобы они с этой стороны были бы совершенно спокойны и довольны. Я не могу считать землю в здешнем крае товаром; она сама по себе ничего не стоит и ценится лишь в силу вложенного в нее труда. Кроме того, не связаны ли мы некоторыми нравственными обязательствами, принятыми на себя нашими предками, при подневольном переводе крепостных людей из хлебородных губерний на негостеприимный Урал? Но и помимо этого я не сомневаюсь в том, что мы прямо заинтересованы наделить землей и покосами всех наших мастеровых и рабочих, независимо от того, принадлежат ли они к местному крестьянскому обществу, или же пришли на заводы со стороны... Чем меньше мы будем нуждаться в пришлых рабочих, чем лучше мы обставим наших – тем дешевле обойдется нам производство рабочими платами». Он тут же посоветовался с управляющим округа А.С. Левитским и «зна-

ющим и неутомимым» старшим лесничим Г.К. Готшалком о «некоторых определениях и предложениях по наделению», в частности, о составлении из выкупных сумм «особого капитала, из процентов коего назначались бы пособия увечным и составившимся мастерским, вдовам и сиротам». По некоторым данным, в начале XX в. землевладение населения Лысьвенского округа увеличилось дополнительно на 7,5 дес. на наличную душу¹⁴.

Остальные три дня своего пребывания на Урале граф провел в совещаниях с управителями, рассмотрении планов и смет; по утрам он работал над бухгалтерскими книгами. Павел Петрович «постоянно старался выяснить в разговорах... наивыгоднейшие меры к поднятию доходности заводов», убеждал управляющих «принять на свою ответственность денежное положение округа... при обязательстве уплачивать ежегодно Ярославско-Костромскому банку процентов на сумму 150 тыс. руб. и при уверенности, что они не могут рассчитывать впредь на денежное содействие со стороны Главной конторы». На совещаниях были разработаны «основные директивы» плана реконструкции заводов. Они предусматривали увеличение оборотного капитала именина на 300 тыс. руб. «с тем, чтобы заменить этой единовременной ассигновкою ежегодные переводы денег из Главной конторы»; 380 тыс. руб. предполагалось затратить «на рудничное и доменное дело», чтобы поднять последнее с 1,6 млн до 1,9 млн пуд. за счет строительства новой доменной печи в Кусе и перестройки печи в Бисере с переводом их на горячее дутье; 250 тыс. руб. направлялись на строительство Лысьвенской железнодорожной ветки. Наконец, планировалось увеличить с 50 до 80 пуд. добычу платины. Граф (видимо, с согласия своего отца) соглашался на три года отказаться от получения дивидендов в расчете на то, что «к концу этого периода, заводы будут реорганизованы и оборотный капитал увеличится на 400 тыс. руб.».

На обратном пути в Петербург Павел Петрович посетил Нижний Новгород, где ознакомился с условиями торговли железом. «Я обошел все балаганы на песках и осмотрел железо многих заводов... – писал он в дневнике. – Заводы вообще не торгуют, но ограничиваются выгрузкой, сдачей и принятием новых заказов». Его порадовало, что купцы заметили повышение качества «нашего железа» без увеличения цены. Граф отметил, что в этом случае «покупатель становится веселее и товар выигрывает в популярности». «Нам лучше не гнаться за повышением цен... но постараться увеличить нашу прибыль некоторыми изменениями в условиях оказываемого нам кредита, – делал он вывод из своих наблюдений. – Решиться на изменение цен можно лишь при совершенно очевидном и всеми признанном улучшении товара. В противном случае мы рискуем остаться со значительной партией товара на руках»¹⁵.

Когда П.П. Шувалов вернулся из поездки, он, «относясь к делу рассудительно», провел дополнительные расчеты. «Ближайшее ознакомление с денежным оборотом именина и не безосновательное, на мой взгляд, опасение быть вовлеченным против воли в сверхсметные расходы, – сообщал он в обширной записке заводоуправлению, – коренным образом видоизменили мой взгляд не столько на сущность, сколько на порядок и последовательность выполнения первоначально выработанного плана». «При сложных экономических условиях, в которые поставлен наш округ, всякое увеличение выплавки чугуна как на холодном, так и на горячем дутье должно быть признано крайне нежелательным, – решил он. – Сделанное в последние годы увеличение на 200 тыс. пуд. было крупным финансовым промахом со стороны заводоуправления... План управления таков, что если только дать волю управлению, то мы рискуем затратить значительную часть нашего неприкосновенно-

го капитала на безвыгодное развитие чугунного дела... Я не специалист и говорю о деле, в котором совершенно не сведущ. Тем не менее мне кажется очевидным, что увеличение объема доменных печей влечет за собою если не неизбежное, то во всяком случае возможное увеличение потребления угля – и одна эта возможность грозит нам серьезными убытками... Как я не люблю возвращаться к однажды принятым решениям, но не могу однако указать на то, что план, выработанный нами в Лысьве, представляется мне несколько опрометчивым».

Он предложил отказаться от строительства новой домны и ограничиться лишь переводом действующих домен на горячее дутье, что могло «поднять выход чугуна без увеличения расхода топлива». «Все старое останется на месте; перестраивается только существенное, – пояснял он. – Лучшим доказательством служит старая бисерская домна. Перестройка ее стоила 20 тыс. руб., между тем она работает не в пример лучше новой домны, которую вогнали в 300 тыс. руб. Правда, что грабили без зазора». «Отдавая полное преимущество переходу на горячее дутье при постоянном количестве угля над тою же операцией при постоянном количестве руды», он предлагал «еще более выгодный средний путь, а именно переход на горячее дутье при постоянном оборотном капитале».

«Надо думать и о скором преобразовании переделочных производств, без которых все предприятие будет покоиться на самых шатких основаниях, – размышлял граф. – Высказавшись в Лысьве за отсрочку мартенования, я никогда не имел в виду, что мы можем вовсе обойтись без его применения». Но его смущало то, что «предлагая приступить к постановке мартеновских печей... не подумали о необходимости соответствующего преобразования сварочного производства». Сложности, сопутствовавшие внедрению мартеновского способа получения стали, он заметил еще при посещении Чусовского завода. «Опасно сразу переходить с пудлингования на мартенование, – отметил он тогда, – так как первоначальное введение мартеновского способа всегда сопряжено с продолжительным рядом неудачных опытов... и ведет к целому ряду преобразований дальнейших переделов, в том числе прокатных станов». «Ошибкой было бы не подготовиться в ближайшем будущем к фундаментальному переустройству Лысьвенского завода», – считал уполномоченный. Для этого он даже предлагал вернуться к заимствованию средств из Тальновского имения.

В отношении платины, добыча которой, в отличие от золота, имела серьезные перспективы, Павел Петрович ратовал за расширение старательских работ, поскольку подсчитал, что добытый таким образом пуд платины обходится дешевле, чем «выработанный хозяйственным способом». Он полагал, что возросшие доходы от платиновой отрасли позволят «не только обеспечить округ необходимыми оборотными средствами, но и дадут недостающие капиталы на переустройство Лысьвенского завода». Граф предлагал «садить старателей на пески хорошего содержания, не приберегая этих песков для грядущих хозяйственных работ». «Старателей не следует душить сложной полицейской регламентацией, которая поведет единственно к незаконным поборам со стороны низшего аппарата служащих, – рекомендовал он. – Во всем должна быть соблюдена мера, и если я постоянно возвращаюсь к этому вопросу, то имею к тому достаточную и, если могу так выразиться, психологическую причину в привередничестве, подмеченном мною среди местных деятелей по отношению к старательским работам. Я вполне понимаю, что технику приятнее добывать платину с помощью насосов Вардингтона, нежели караулить отпеченных сквалыжников, какими является большинство старателей. К сожалению, эта психология пахнет сотнями тысяч убытка».

Вполне осознавая ограниченный характер своей компетентности в сложном горнозаводском деле, требующем специальных знаний, генерал тем не менее умел хорошо считать деньги. В этом, пожалуй, и заключался смысл его участия в управлении и составлении реалистичных с финансовой точки зрения планов, что, как правило, упускали из внимания наемные служащие. «Я твердо стою на своем мнении, – пояснял он, – при том, однако, неременном условии, что мои вычисления окажутся приблизительно верными и что мои аргументы не основаны на крупных технических ошибках. Полагал бы целесообразным передать настоящие мои мысли на обсуждение управляющего И.Н. Павловского... человека, как мне кажется, сведущего и рассудительного, который не будет защищать ту или иную постройку единственно ради постройки и который, в отличие от большинства наших горных инженеров, не гнушается вникать в экономическую сторону предприятия и в имущественную пользу владельца»¹⁶.

Проверку на здравый смысл и умение считать деньги Павел Петрович выдержал. Инженер И.Н. Павловский одобрил почти все его предложения, но все-таки советовал строить новую домну в Кусье-Александровском заводе, где в целях сокращения расходов можно было «воспользоваться для размещения вспомогательных устройств уже существующими зданиями»¹⁷. «На основании последних сведений из Лысьвы, – писал граф отцу в сентябре 1898 г., – я составил новое сметное соображение предстоящим до 1900 г. преобразованиям... По моему убеждению, мы смело можем двигаться по пути осуществления такого плана в полном его составе... причем я думаю, что у нас останется к 1900 г. излишек в 100 тыс. руб. Присоединив прибыли имения с третьего года преобразовательного периода, я надеюсь, что мы сможем окончить все наши постройки и сверх того усилить наш оборотный капитал по крайней мере на 250 тыс. руб.»¹⁸.

Время подтвердило целесообразность проявленной им осторожности в плане избыточного расширения чугуноплавильного производства. Разразившийся в начале XX в. промышленный кризис привел к резкому снижению спроса на чугун. Уже в августе 1901 г. окружное правление вынуждено было заявить, что «по хозяйственным соображениям выплавку чугуна в Бисерском заводе предполагается остановить летом 1902 г. на неопределенное время». «Вследствие изменившихся обстоятельств и явившейся возможности продолжить чугуноплавильное производство» оно тогда не прекратилось полностью, хотя и было сокращено более чем на треть¹⁹.

Тогда же произошли важные изменения во владении пермским имением. В Ницце 30 апреля 1900 г. скончался граф Петр Павлович Шувалов. Кроме сына у него было еще пятеро дочерей: Ольга (супруга обер-гофмейстера князя Александра Сергеевича Долгорукова), София (супруга посла в Дании и Великобритании, гофмейстера графа Александра Константиновича Бенкендорфа), Варвара (жена генерал-лейтенанта Давыда Ивановича Орлова), Мария (жена посла в США князя Григория Львовича Кантакузина) и Елена (жена камергера, графа Андрея Александровича Бобринского). В 1872 г. скончалась Варвара Орлова, в 1884 г. – Мария Кантакузина. У первой остались сын Иван и дочь Варвара, в 1891 г. вышедшая замуж за графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова (погиб в 1897 г. во время охоты); у второй – дочь Мария, вышедшая замуж за крупного политика, будущего лидера Националистической партии Петра Николаевича Балашова. Судя по тому, что обе внучки П.П. Шувалова выбрали себе в мужья внуков его брата А.П. Шувалова, можно предполагать, что между двумя ветвями рода сохранялись крепкие семейные связи.

Наличие большого семейства и обширных владений обострило проблему наследия, о решении которой Петр Павлович и София Львовна Шуваловы задумыва-

лись еще в 1868 г. Как свидетельствовал Павел Петрович, родители, «желая облегчить будущий раздел их имущества, составили... 4 мая того года по проведенному совещанию со мной – единственным их сыном и главным наследником семейный акт». Из имущества, подлежащего разделу, были исключены заповедные имения Тальное и Мисхор, по закону достававшиеся старшему наследнику. В долю сестер были определены тамбовское и часть саратовского имения, в долю сына – петербургский дом (известный дворец Нарышкиных – Шуваловых по набережной Фонтанки, 21), Лысьвенский горнозаводский округ с нижегородскими имениями, а также московские, калужские, петербургские и часть саратовского имения «с переводом на означенное имущество всех долгов»²⁰.

В 1877 г. «отдельной записью» от 23 сентября получила выдел старшая дочь Ольга Петровна Долгорукова. Ей досталась Замятчинская вотчина в Тамбовской губернии «с сахарным заводом и базарной площадью» (стоимостью около 750 тыс. руб.), а также было назначено имение Орианда около Ялты, которое окончательно отошло ей по «раздельной записи» от 4 марта 1898 г. Считалось, что вследствие этого «она и наследники ее не могли иметь никаких претензий на остальное имущество»²¹.

В кризисный для вотчинных владений Шуваловых период середины 1890-х гг. предпринимались попытки «выделить» и остальных дочерей и их наследников. К составлению проекта раздела тогда привлекли опытного в таких делах Н.П. Балашова. Целью предпринимаемых мер было стремление посредством продажи отдельных частей имущества погасить значительные вексельные долги и передать наследникам «причитающиеся им доли общего состояния свободными от всяких долгов, за исключением лежащей на каждом имении ипотечной ссуды». Деятельно участвовал в составлении проекта раздела и Павел Петрович, в то время еще не принявший на себя управление всеми делами. Поскольку детей у него не было, то, по свидетельству Н.П. Балашова, он «объявил о своем желании, чтобы после него племянник Иван Орлов получил пермское имение и заводы». Это намерение оказалось зафиксировано в одном из проектов раздела, в соответствии с которым все имущество разделялось на пять частей, из которых две части составляло пермское имение. Н.П. Балашов предлагал передать его в состав доли Павла Петровича и его «покойной сестры Вареньки Орловой», для того чтобы «сестры Софи Бенкендорф, Мина Бобринская и племянница Мери Кантакузина», получив неуральские вотчины, не могли уже претендовать на долю участия в заводском имении.

В сентябре 1894 г. в Тальном был «словесно» составлен новый проект раздела, в соответствии с которым только $\frac{2}{3}$ пермского имения должны были перейти к Павлу Петровичу. Но в начале 1896 г. он передумал и пожелал вообще отказаться «от всякого участия в предстоящем выделе». «Отказ мой, – объяснял граф свое решение, – сопряжен с предоставлением моей жене необходимого обеспечения, состоящего а) в праве пользоваться Тальновской усадьбой, парком и угодьями и б) в ежегодной ренте из доходов Тальновского имения, размер коей имеет быть определен по времени между мною и сестрою моею княгиней Долгоруковой соглашением»²². Такое намерение должна была не только подтвердить наследница шуваловского майората О.П. Долгорукова, необходимо было получить и санкцию верховной власти. Видимо, это и произошло, поскольку уже «выделенная» старшая сестра вскоре вновь была включена в состав наследников своего отца, а пожизненной владелицей майората «в половине доходов» оказалась Е.В. Шувалова.

Сам же «старый граф» Петр Павлович склонялся к предложению Н.П. Балашова учредить «семейное товарищество» по пермскому имению. В феврале 1895 г.

он сообщал из Ниццы: «Акционерное устройство пермского имения мне кажется действительно лучшим способом разрешения этого трудного вопроса. Этим путем будут, вероятно, сокращены те прибыли, которые могли бы получиться при умелом управлении имения самими владельцами, но зато будут устранены могущие быть непреодолимыми затруднения и значительные риски. Устройство акционерной компании наподобие Половцовской, т. е. с удержанием акций в руках владельцев и выпуском облигаций (примерно в 1 млн руб.), мне кажется наиболее желательным. Что же касается до выпуска посторонних акций и привлечения таким образом значительных капиталов, то я полагаю это предложение менее полезным, так как при предусматриваемой конкуренции внутренней и заграничной заводы, действующие на древесном топливе, могут ожидать более вероятных прибылей от возможного усовершенствования произведений и удержания за собою монополии высших сортов, чем от значительного расширения предприятия».

«Из удерживаемых владельцами акций, — писал заводчик, — я полагал бы прежде всего отложить потребную часть на ликвидацию семейных расчетов... остальные же акции разделить на пять частей, из которых одну я желаю удерживать за собой». Он соглашался отказаться «от права пожизненного владения», передать «на долю сына» петербургский дом и часть Завьяловского имения, деньгами от продажи которых тогда предполагалось погасить вексельные долги, остальные «земледельческие имения» разделить на четыре части для «невыделенных дочерей и их наследников», а в случае неравенства частей «вознаградить их при разделении пермских акций между теми же наследниками»²³. Показательно, что 14 июня 1896 г. был даже утвержден устав Лысьвенского горнозаводского общества с основным капиталом в 2,7 млн руб. зол., разделенным на 21,6 тыс. акций²⁴. При предварительном расчете долей владения акционерами становились все дочери графа (включая и О.П. Долгорукову), внуки (И.Д. Орлов и В.Д. Воронцова-Дашкова) и сноха (Е.В. Шувалова). В состав владельцев не вошли сын Павел и внучка М.Г. Балашова. Но с организацией компании решили повременить, возможно, из-за изменившейся позиции владельца²⁵.

Если судить по проекту духовной Петра Павловича Шувалова, составленному в Ницце в 1898 г., он отказался от предоставленного ему покойной супругой права пожизненного владения всеми ее имениями, которые делились между наследниками. Как записано в этом акте, сын «сверх принадлежащего ему заповедного имения Тальновский Ключ и Мисхор оставил за собой из сего наследства дом в Петербурге и участок земли при селе Мисхор; остальные имения своей покойной матери предоставил на уплату наследственных долгов и в раздел между... его сестрами и их наследниками, давая им возможность довести наследственные их доли до предположенного в раздельном акте 4 мая 1868 г. размера». Собственно же пермское имение «старый граф» оставлял «в течение жизни в полном своем распоряжении», особым актом оговорив, что передает отставному инженер-подпоручику Василию Яковлевичу Евдокимову долю владения за «изъявленное им согласие принять участие в управлении имениями, в особенности Лысьвенским горным округом, без истребования какого-либо за то платежа». Эта доля была определена им в семь паев из 127, на которые он условно делил владение заводами, что, по словам завещателя, «составляло полный эквивалент оказанной им... услуги». По 20 паев поступали «каждой из четырех невыделенных дочерей, причем доли умерших получали их наследники», а 40 паев переходили к сыну, но при этом оставались в пожизненном распоряжении отца. Было также установлено, что все наследники могли воспользоваться доходами от имения только с 1 января 1902 г. и лишь с разрешения вла-

дельца. «Доходы тех лет, когда я не найду возможным выделить на паи дивиденды, – записал он в духовной, – причисляются к активу заводского имущества». Душеприказчиком (в части передачи паев В.Я. Евдокимову) был назначен Павел Петрович Шувалов²⁶.

Однако после кончины Петра Павловича его завещание не было заявлено в суд, в результате чего пермское имение оказалось разделено в соответствии с законом между всеми законом же признанными семьей наследниками. Определением от 8(11) августа 1900 г. Петербургский окружной суд передал П.П. Шувалову $\frac{9}{14}$ частей, О.П. Долгоруковой, С.П. Бенкендорф, Е.П. Бобринской и М.Г. Балашовой – по $\frac{1}{14}$ части, И.Д. Орлову – $\frac{13}{196}$ частей, В.Д. Воронцовой-Дашковой – $\frac{1}{196}$ часть из состава общего недвижимого имущества. До конца 1900 г. все они были введены во владение Лысьвенскими заводами и нижегородским имением, на которых тогда числился ипотечный долг в 2 566 776 руб.²⁷

Совладельцы осуществили раздел доставшихся им от отца и деда имений 21 марта 1901 г. Недвижимость, не являвшаяся заводской, в составе трехэтажного каменного дома и дворового места в Нижнем Новгороде, участка земли у дер. Ратманиха (529 дес.) в Балахнинском уезде Нижегородской губернии, имения при селах Набережная слободка и Кутменево (3864 дес.) в Вере́йском уезде и при с. Агафитово (598 дес.) в Богородском уезде Московской губернии, имения при с. Кузовы (3296 дес.) в Медынском уезде и селении Истинский завод (1745 дес.) в Боровском уезде Калужской губернии переходили «в исключительную собственность» П.П. Шувалова с переводом на него числящихся на тех имениях долгов Государственному дворянскому заемному банку (всего почти 20 тыс. руб.). Оценка этой части имущества составила 226 820 руб.

Лысьвенский горный округ оставался в общей собственности всех владельцев. В составе Лысьвенского железоделательного завода (56 343 дес. земли), двух участков земли в даче сел Калинское и Камасинское (26 993 дес.), участка каменоломен по р. Васькор (344 дес.) и участка под залежами каменного угля (250 дес.) в Калино-Камасинской даче, Бисерского чугуноплавильного завода, Крестовоздвиженских золотоплатиновых промыслов, Теплогорского чугуноплавильного завода (309 737 дес.), Чусовской пустоши (45 463 дес.), Усть-Долговской пристани в даче сел Верхние и Нижние Чусовские городки (4 дес.), Кусье-Александровского чугуноплавильного завода с судовой пристанью на р. Койва (43 211 дес.) и с учетом права на $\frac{1}{4}$ Вороновских каменоломен (38 дес.) и на $\frac{1}{2}$ присков белой глины в даче с. Кишертское (3 дес.) округ был оценен в 4340 тыс. руб. (включая 1,6 млн руб. за заводы «из расчета 10-летней сложности чистого дохода»). На округе к тому времени состояли долги Ярославско-Костромскому земельному банку (2 571 857 руб.), Пермскому отделению Государственного банка за ссуду под залог металлов (513 тыс. руб.) и «разным лицам по вексям и другим основаниям» (1 589 854 руб.).

«Для более удобного определения степени участия каждого из совладельцев» пермское имение условно было разделено на 1548 долей, из которых П.П. Шувалову досталось 504 доли, С.П. Бенкендорф, Е.П. Бобринской и М.Г. Балашовой – по 240, О.П. Долгорукой – 84, И.Д. Орлову – 200 долей и В.Д. Воронцовой-Дашковой – 40. Такое распределение долей владения не полностью соответствовало тому, что было установлено судом в августе 1900 г. Очевидно, оно стало результатом общей «миролюбивой договоренности», учитывавшей всю совокупность доставшегося владельцам от П.П. Шувалова и С.Л. Шуваловой наследства, а также разнообразных, как «посторонних», так и внутрисемейных долгов. На всех совладельцев (в соответствии с долей участия) возлагался только ипотечный долг («как составляющий

неотъемлемую часть имения»). Заключенным разделом «делящиеся остались довольны» и обязались «о переделе и о доходах за прежнее время нигде не просить»²⁸.

В тот же день, 21 марта 1901 г., одновременно с «раздельным актом» оказалась подписана и купчая на часть долей П.П. Шувалова. Согласившись быть душеприказчиком отца о передаче $\frac{7}{127}$ долей Лысьвенского имения В.Я. Евдокимову, граф передал ему 84 доли из своей части владения. Оба акта – «раздельный» и купчая – были утверждены Нижегородским и Пермским окружными судами 5 мая и 20 июля 1901 г.²⁹

Через полгода произошло еще одно важное и вполне закономерное в условиях «многовладения» событие в истории шуваловского владения уральскими заводами: 27 декабря 1901 г. было утверждено «Положение об управлении Лысьвенским горным округом наследников графа П.П. Шувалова и их правопреемников». В нем закреплялось предложенное в раздельном акте 1900 г. деление владения на 1548 паев с прежним их распределением между совладельцами. Но с учетом купчей Павел Петрович сохранил за собой только 420 паев, в состав владельцев вошел отставной инженер-подпоручик В.Я. Евдокимов (84 пая). Цена пая была определена в 2,5 тыс. руб. сер. Между совладельцами допускались передача и продажа паев «без всяких ограничений», а «посторонним лицам» – по установленным в законах правилам. Подобно другим «положениям об управлении» создавалось Общее собрание владельцев, созывавшееся дважды в год, и постоянно действовавшее Главное правление в Петербурге. Оно избиралось в составе трех членов и трех кандидатов «из среды самих владельцев или из их поверенных», которые получали в вознаграждение 5% «чистой прибыли». Оговаривалось и распределение этой прибыли «за покрытием всех операционных расходов и убытков»: 15% отчислялось на образование оборотного (до суммы в 3 млн руб.) и 5% на образование запасного (до суммы в 500 тыс. руб.) капиталов, затем определялась сумма на дополнительное вознаграждение служащим, и только остаток, составлявший «чистый доход», подлежал выдаче владельцам «по постановлению Общего собрания»³⁰.

Вероятнее всего, именно Павел Петрович возглавил новое Главное правление, но выполнял свои обязанности недолго. П.П. Шувалов скоропостижно скончался 13 октября 1902 г. в возрасте 55 лет в полюбившемся ему Тальном. Петербургский окружной суд 28 июня 1903 г. утвердил к исполнению завещание графа, по которому он предоставил все «родовые имения» в Петербурге, Нижнем Новгороде, в Нижегородской, Московской, Калужской и Таврической губерниях, перешедшие ему по раздельному акту 1901 г., в пожизненное владение своей жены Е.В. Шуваловой. В ходе судебного разбирательства, состоявшегося в тот же день, заповедные имения Тальное (20 336 дес. земли с сахарным заводом и четырьмя мельницами; стоимость 1659 тыс. руб.) и Мисхор (115 дес. земли; стоимость 116 тыс. руб.) было утверждено за княгиней О.П. Долгоруковой как старшей сестрой бездетного П.П. Шувалова. Его «родовые имения» перешли «в равной части» пяти наследникам: О.П. Долгоруковой, С.П. Бенкендорф, Е.П. Бобринской, М.Г. Балашовой, И.Д. Орлову. Племянница В.Д. Воронцова-Дашкова была признана «не имеющей права на наследование после своего дяди при наличии брата ее И.Д. Орлова». При исключении долгов общая стоимость этого имущества составляла 631 904 руб. Вдова Е.В. Шувалова вплоть до своей смерти пользовалась всеми доходами с этих имений и половиной доходов майората, после чего в полное владение ими вступали сестры и племянники ее мужа. Суд постановил также «ввести наследников во владение в $\frac{1}{5}$ части каждого» домом в Санкт-Петербурге «с сохранением пожизненного владения таковым за графиней Елизаветой Владимировной Шуваловой»³¹.

Отдельно в завещании Павла Петровича была выражена его воля относительно части владения Лысьвенским округом. Все принадлежавшие ему 420 паев граф передавал племяннику И.Д. Орлову, исполнив тем самым свое давнее намерение. Но происходило это, видимо, не сразу, а после достижения И.Д. Орловым определенного возраста. До этого времени паями продолжала владеть Е.В. Шувалова. В результате всех этих перемен пермское имение младшей ветви Шуваловых переходило к нескольким близкородственным семействам. Через год, после смерти М.А. Шувалова-Воронцова, то же произойдет и с пермским имением старшей ветви рода Шуваловых.

В руках восьми владельцев Лысьвенские заводы динамично развивались, увеличив производство своего основного товара – кровельного железа с 322 733 пуд. в 1895 г. до 2 245 446 пуд. в 1907 г. Кассовые операции за то же время выросли в 6,8 раза, достигнув 13,6 млн руб. Смета на последний полный операционный 1911/12 г., утвержденная Общим собранием владельцев 19 декабря 1911 г., составила 15 928 тыс. руб.; она включала расходы «на новые постройки и устройства» в размере 744 146 руб., на капитальный ремонт – 41 989 руб., на поиск и разведку платины и золота – 44 тыс. руб.³² За счет немалых капиталовложений Лысьвенский завод с 1902 г. стал специализироваться на выплавке мартеновской стали, получая чугун с Бисерского, Теплогорского и Кусье-Александровского заводов. Были расширены крупносортовый прокатный и листокатальный цеха, построены жестекатальный, лудильный и цинковальный цеха, начала действовать крупная электростанция. В 1908 г. устроили фабрику для производства бытовых предметов из железа. По оценке специалистов, к 1912 г. Лысьвенский и Теплогорский заводы вошли в число «наиболее доходных из всех уральских предприятий»³³.

Если судить по списку участников Общего собрания 1911 г., из владельцев на нем присутствовали лишь В.Я. Евдокимов, единогласно избранный председателем, и И.Д. Орлов. Дамы-совладелицы передоверили свои голоса уполномоченным: от Е.В. Шуваловой выступал тот же В.Я. Евдокимов, от Е.П. Бобринской – муж А.А. Бобринский, от О.П. Долгорукой – сын Сергей, которому дали доверенность С.П. Бенкендорф и М.Г. Балашова; В.Д. Воронцову-Дашкову представлял присяжный поверенный В.О. Люстрих. Постановление совладельцев об источниках финансирования заводов на новый операционный год свидетельствует о том, что в значительной своей части капиталы заимствовались, как и прежде, в счет кредитов на общую сумму 6 млн руб. Главному правлению тогда разрешили закладывать металлы (до 2,9 млн руб.), выдавать векселя поставщикам (до 1 млн руб.), вести учет покупательских векселей (на 1,6 млн руб.) и возобновить соло-вексельные кредиты (до 0,5 млн руб.)³⁴. Видимо, увеличивавшимися при этих операциях краткосрочными долгами и необходимостью получить дополнительные кредиты из коммерческих банков и было обусловлено решение об акционировании округа³⁵.

Устав акционерного общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П. Шувалова» был утвержден 5 февраля 1910 г. Учредителем Общества выступил граф А.А. Бобринский, что вместе с приведенными выше данными об участниках Общего собрания свидетельствует об инициативной роли старшего поколения владельцев в управлении. Основной капитал составлял 12 млн руб., разделенных на 48 тыс. акций (с учетом 10 тыс. привилегированных акций на 2,5 млн руб.). Все количество простых акций (38 тыс.) предполагалось распределить между совладельцами «соразмерно и взамен принадлежащей каждому из них доли участия в уступленном ими Обществу имуществе». Это имущество включало пермское имение «в полном составе» с четырьмя заводами, двумя пристанями, лесными дачами, золо-

тыми приисками, рудниками и каменоломнями (общей площадью 482 348 дес. земли). Привилегированные акции предназначались «взамен уплаты по долговым требованиям отдельных владельцев, а также взамен требованиям других кредиторов округа, изъявивших на то свое согласие». Предполагалось также выпустить облигации на 9 млн руб. и разместить их за границей в целях «избавиться от краткосрочных долгов, обременяющих предприятие, и заменить их долгосрочным займом»³⁶.

Но реализовать «облигационный план» не удалось из-за разгоревшегося в 1911 г. марокканского кризиса, поставившего европейские страны на грань войны. Разместить акции и облигации в Англии и Франции в такой ситуации оказалось проблематичным. В 1912 г. был совершен дополнительный залог заводов в Ярославско-Костромском банке; долг банку в результате этой операции вырос до 7333 тыс. руб. (с рассрочкой на 66 лет). Несмотря на это, 10 апреля 1913 г. Общее собрание владельцев поручило Главному правлению «вновь озаботиться учреждением акционерного общества на основе измененного устава». Из него исключили статьи об образовании облигационного капитала, а акционерный капитал увеличили до 16 млн руб., разделенных на 160 тыс. акций.

Приобрести акции дававшего стабильную прибыль крупного горнозаводского округа вызвались несколько коммерческих банков. Уже 30 апреля 1913 г. владельцы подписали «добровольный договор» с Азово-Донским и Русско-Английским банком об образовании акционерного общества с условием, что за владельцами останутся акции только на 1 млн руб. Купчая крепость, в соответствии с которой наследники графа П.П. Шувалова продавали округ за 5 млн руб. «сверх переводимого на покупателя... долга Ярославско-Костромскому банку», была совершена 28 октября 1913 г. Из этой суммы 4 млн руб. выплачивались бывшим владельцам наличными деньгами, а 1 млн руб. – акциями нового общества. В результате этой операции владельцами крупнейшего Лысьвенского горнозаводского округа оказались Азово-Донской, Русско-Английский, Соединенный и некоторые другие банки, а также частные русские и иностранные финансисты³⁷. У «старых владельцев» в совокупности осталось только 6,25% акций.

Как следует из акта продажи, состав совладельцев и принадлежность долей владения к этому времени несколько изменились. Полковник И.Д. Орлов считался уже владельцем 620 паев, перешедших от П.П. Шувалова и Е.В. Шуваловой. В августе 1912 г. М.Г. Балашова решила избавиться от своей доли наследства. Она получила разрешение от Горного департамента на продажу всех имевшихся у нее 240 паев. Из них 60 паев пожелала приобрести жена И.Д. Орлова Елена Кирилловна (дочь пошла в Японию, США, Нидерландах К.В. Струве), на что дали согласие все совладельцы. Купчую совершили 17 августа (утверждена 12 ноября) 1912 г. в Петербурге. Оставшиеся паи были распределены между другими совладельцами в соответствии с их долями владения: по 60 паев перешло Е.П. Бобринской и С.П. Бенкендорф, 48 – О.П. Долгорукой, 12 – В.Я. Евдокимову. За перешедшие совладельцам паи Мария Григорьевна получила 600 тыс. руб.³⁸ В результате этих перемен к моменту продажи округа в составе паевого товарищества остались семь человек, владевших паями Лысьвенского горнозаводского округа: И.Д. Орлов – 620 (40%), С.П. Бенкендорф и Е.П. Бобринская – по 300 (по 19,4%), О.П. Долгорукая – 132 (8,5%), В.Я. Евдокимов – 96 (6,2%), Е.К. Орлова – 60 (3,9%), В.Д. Воронцова-Дашкова – 40 (2,6%)³⁹.

В соответствии с этими долями, вероятно, и распределялись между ними незначительное количество акций и деньги, что были заплачены банками за родовые шуваловские заводы. В качестве «прощального жеста» бывшие владельцы передали 350 тыс. руб. на строительство Народного дома, открытие ремесленного

училища и создание неделимого денежного фонда, доходы с которого в виде пособий следовали вдовам и сиротам в Лысьвенском округе. Но это доброе дело привело к трагедии, в июле 1914 г. послужив поводом к кровавому бунту мобилизованных рабочих, которые потребовали от заводоуправления раздать благотворительные деньги⁴⁰.

***

Во владении двух ветвей рода графов Шуваловых во второй половине XIX – начале XX в. пермское имение подверглось разделу, в результате чего образовались два новых горнозаводских округа – Юго-Камский и Лысьвенско-Теплогорский. Первый, став небольшого размера хозяйством, сохранился во владении наследников А.П. Шувалова; второй, оказавшись среди лидеров уральской промышленности, вышел из владения наследников П.П. Шувалова, которые стали акционерами компании, находившейся под контролем банковского капитала.

¹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 811.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 381. Л. 5–7 об.

⁴ Там же. Д. 1077. Л. 1–4 об.

⁵ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 192–193; *Шкерин В.А.* Князь Голицын и граф Шувалов (сравнительная характеристика уральских заводчиков рубежа XIX–XX вв.) // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Екатеринбург, 2001. С. 76–87.

⁶ ПСЗ-И. Т. 34. № 34338.

⁷ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 1089. Л. 1–9 об.

⁸ Там же. Д. 1077. Л. 5–7.

⁹ Там же. Д. 381. Л. 5–7 об.

¹⁰ Там же. Л. 10–12.

¹¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–4.

¹² РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 381. Л. 21–23 об.

¹³ Там же. Д. 1088. Л. 1–19.

¹⁴ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 183–184.

¹⁵ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1–19.

¹⁶ Там же. Д. 1089. Л. 1–18 об.

¹⁷ Там же. Л. 35–43 об.

¹⁸ Там же. Д. 381. Л. 21–23 об.

¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2246. Л. 1, 6.

²⁰ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 381. Л. 30–31.

²¹ Там же. Л. 30–31; Д. 383. Л. 1–2.

²² Там же. Д. 381. Л. 26.

²³ Там же. Л. 18–19 об.

²⁴ ПСЗ-III. Т. 16. № 13061; *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 185.

²⁵ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 381. Л. 36.

²⁶ Там же. Д. 383. Л. 1–7 об.

²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 489. Л. 2–3, 5–6 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–4.

²⁹ ПСЗ-III. Т. 21. № 20919.

³⁰ Там же.

³¹ РГАДА. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 367. Л. 1–2.

³² *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 184; РГИА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–3.

- ³³ Вяткин М.П. Горнозаводский Урала в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 154–155; Иванов П.А. Горные богатства и горнопромышленность Пермского Урала. М., 1912. С. 70.
- ³⁴ РГИА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–3, 4.
- ³⁵ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 184–186.
- ³⁶ ПСЗ-III. Т. 30. № 33030; СУиРП. 1910. 29 апреля. Отд. 2. С. 292; Вяткин М.П. Указ. соч. С. 156.
- ³⁷ Вяткин М.П. Указ. соч. С. 314–315; Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 186–187.
- ³⁸ РГИА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–4; Ф. 37. Оп. 65. Д. 1664. Л. 1–8.
- ³⁹ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 185.
- ⁴⁰ Дмитриев А.В., Павловский Н.Г. На Урале // Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914). Екатеринбург, 2007. С. 276–310.

7. ВСЕВОЛОЖСКИЕ

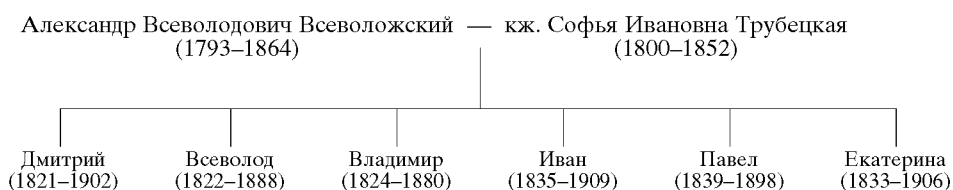

Известный дворянский род Всеволожских владел в Прикамье крупным горнозаводским имением, купленным у Строгановых еще в XVIII в. и разделившимся в 1848–1849 гг. на две части. Одна – с тремя Пожевскими заводами – принадлежала церемониймейстеру и действительному статскому советнику Александру Всеволодовичу, другая – с двумя Никитинскими заводами – его младшему брату егермейстеру и действительному статскому советнику Никите Всеволодовичу. В молодости братья были известными представителями петербургской «богеми», любителями литературы, музыки, театра. Александр Всеволодович с детства дружил с А.С. Грибоедовым. А.С. Пушкин называл Никиту Всеволодовича «лучшим из минутных друзей моей минутной молодости», посвятил ему несколько произведений и даже хотел написать о роде Всеволожских роман «Русский Пельгам». В 1819 г. братья основали литературно-театральное общество «Зеленая лампа», некоторые участники которого являлись членами «Союза благоденствия». Александр служил в армии, затем в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел и Почтовом департаменте. Никита после окончания университета служил сначала в Коллегии иностранных дел, потом при тифлисском и виленском военных губернаторах и в Главном штабе. В 1836–1837 гг. оба перешли на службу при дворе Николая I¹.

Всеволожские управляли уральскими заводами не очень успешно. Частные долги стали основной проблемой еще при жизни их отца Всеволода Андреевича, которого в свете называли «русским Крезом». Из-за значительных долгов еще в 1833 г. над имениями (не только уральскими вотчинами, но и рыбными промыслами в Астраханской и Ставропольской губерниях) учредили попечительство. Но еще «до очищения имений от долгов для возобновления оборотного капитала и доставления способа продолжать с успехом действие на горных заводах и промыслах» в 1843 г. из Петербургской сохранной казны Всеволожским «вне правил» предоста-

вили беспрецедентную ссуду в размере 3,5 млн руб. сер. под «совокупный залог» всего недвижимого имущества. Долги, которые могли в дальнейшем сделать Александр и Никита Всеволожские, уже не должны были обеспечиваться заложенным в сохранную казну имуществом и оплачивались «ими самими из остатков дохода, в распоряжение их поступить имеющих». При просрочке платежей по ссуде казне предоставлялось право продавать заложенное имущество по частям. После раздела наследственных имений между братьями правило «общей ответственности» по ссуде было «оставлено в своей силе». Согласно указу от 22 мая 1849 г., они обязывались с 1 октября того года ежегодно выплачивать 210 тыс. руб. сер. за ссуду в 3,5 млн руб. и с 31 декабря – по 60 305 руб. за набежавшие с 1843 г. проценты в сумме 415 897 руб. Ссуда, назначавшаяся на покрытие долгов, в свое время спасла Всеволожских от банкротства, но впоследствии она негативно повлияла на развитие как Пожевских, так и Никитинских заводов.

7.1. А.В. Всеволожский и наследники

Старший брат Александр Всеволодович после смерти жены в 1852 г. постоянно проживал в своем уральском имении². При нем здесь происходили существенные перемены в целях рационализации производственных связей. На Всеволодовильненском заводе, находившемся вблизи рудников, построили доменную печь, Пожевский завод стал специализироваться на выделке железа. Однако доходов имения оказалось недостаточно для погашения платежей по ссуде. К 1855 г. Александр Всеволодович задолжал 269 628 руб. сер. В июне того года его заводы поступили в казенный присмотр. Поскольку в 1856 г. предполагалось с Пожевских заводов (золотые промыслы тогда состояли в аренде купца Юхнева) получить всего 4225 руб. дохода, Горное правление сочло казенный присмотр недостаточным и рекомендовало учредить опеку, как это уже было сделано с вотчинными имениями А.В. Всеволожского, взятыми в заведывание Соликамской дворянской опекой 9 августа 1855 г. Но опекунский совет Петербургской сохранной казны настоял на продаже заводов, для чего требовалось составить опись имущества и оценить его³.

Оценка имения Горным правлением возмутила Александра Всеволодовича. Оказалось, что его золотые рудники с лесами и крепостными людьми стоили «по правилам 10-летней сложности дохода» всего 610 640 руб., а заводы, заложенные в сохранной казне из расчета 9 379 971 руб. асс. – в 243 253 руб. «Этим, – писал А.В. Всеволожский главному начальнику уральских заводов, – наносится мне огромный убыток ничтожною оценкой имения». Однако оценка была признана законной, а потому правильной⁴.

Угроза продажи за бесценек богатейшего имения подтолкнула владельца к решительным действиям. В 1857 г. братья Всеволожские добились уступки казне их астраханских и ставропольских рыбных промыслов за 1870 тыс. руб. «в число долга по займу из Санкт-Петербургской сохранной казны». Продажа заводов с

публичных торгов, таким образом, была предотвращена, предполагалось снять и казенный присмотр⁵.

Однако к концу 1858 г. этого так и не произошло, поскольку вновь не были своевременно внесены выплаты по ссуде. Главный начальник Ф.И. Фелькнер считал, что «казенный присмотр не дает Горному правлению достаточной власти делать какие-либо существенные в заводском хозяйстве изменения, так как распоряжение имением остается в руках владельцев и избранных ими управляющих, а деятельность надзора должна ограничиваться пределами, предоставленными ему контрольным только, так сказать, наблюдением за действиями заводоуправлений». «В таком положении обстоятельств сохранение и впредь казенного... присмотра не может привести к удовлетворительному результату... и необходимо... подвергнуть заводы и промыслы Всеволожских публичной продаже... или взять их в полное казенное управление с устранением владельцев от всяких распоряжений», – предлагал он министру финансов в августе 1859 г.⁶

В ближайшие годы этого предполагалось избежать, видимо, в расчете на начавшуюся крестьянскую реформу и следующие владельцу оброки и выкупные платежи временно-обязанных крестьян. Но и эта надежда была достаточно призрачной, свидетельством чему может служить пример Всеволодоблагодатских золотых промыслов. Эти прииски с конца 1850-х гг., как правило, сдавались в аренду и приносили некоторый доход. С 1 марта по 1 декабря 1862 г. их арендовал заводчик Д.Е. Бенардаки. Тогда добыли 3 пуда 26 фунтов золота, что, видимо, не смогло окупить возросших затрат. Аренда была прекращена и, как сообщало Пермское губернское по крестьянским делам присутствие, «владелец не может и не будет продолжать действие на промыслах». В такой ситуации большинство рабочих (420 из 479 рев. душ) выразили намерение переселиться на казенные земли. «При месте жительства их нет ни пахотной земли и никаких других угодий, – сообщало присутствие, – и как золотые прииски окончательно закрыты, то мастеровые, получавшие до сего времени продовольствие от заводовладельца, с прекращением работ пришли в бедственное состояние и большая часть их разошлась для приискания вольных работ». На переселение бывших крепостных был вынужден согласиться и владелец, хотя это и вело к потере спасительных выкупных платежей⁷.

В расчете на 1 октября 1863 г. на А.В. Всеволожском числилось уже 1 017 500 руб. долга и состояло 115 603 руб. недоимки. Безвыходное положение владельца заставило казну дать согласие погашать долги за счет отчуждения и реализации отдельных частей его обширного имения. Положение Комитета министров об этом было утверждено 27 декабря 1863 г., но воспользоваться им Александр Всеволодович не успел. Он скончался 1 апреля 1864 г., оставив имущество со всеми долгами пятерым своим сыновьям – коллежским асессорам Дмитрию и Ивану, отставному поручику Всеволоду, коллежскому секретарю Владимиру, действительному студенту Павлу и дочери Екатерине. Наследники немедленно договорились передать заводы «в полное хозяйственное управление» младшему брату Павлу Александровичу, проживавшему тогда в Перми. Его прошение, поданное министру финансов в марте 1865 г., дает представление о положении поступивших в его ведение заводов. «При всем желании своем улучшить горнозаводское производство... – писал «уполномоченный» П.А. Всеволожский, – лишены мы всякой возможности действовать с выгодой для себя, так как большая часть денег, выручаемых через продажу металлов, должна идти на уплату казенного долга, чрез что заводы остаются почти постоянно без оборотного капитала, а мы по необходимости вынуждены прибегать к частному займу, по всей очевидности, невыгодному для заводского хозяйства»⁸.

Чтобы выбраться из этого положения, владельцы предложили провести обязательный выкуп наделов временнообязанных крестьян в некоторых своих имениях и продавать отдельные участки «свободных земель в посторонние руки», в частности, уже выразившему желание купить 4,8 тыс. дес. пермскому купцу первой гильдии Е.В. Поносову. Когда и в том, и в другом им было отказано, П.А. Всеволожский предложил уступить казне эти земли в счет погашения долга. «Так как за выделом освобождаемых крестьян... остается принадлежащее заводам значительное количество до 400 тыс. дес. совершенно свободной, впусе лежащей и почти не приносящей нам никакого дохода земли, – писал он в прошении от 19 марта 1865 г., – то в видах скорейшего погашения сделанного отцом под залог имений в 1843 г. в Санкт-Петербургской сохранный казне займа... желаем продать Зукайскую и Кизвенскую лесные дачи до 113 тыс. дес. в Оханском уезде по примеру уступки ставропольских и астраханских рыбных промыслов». Дачи находились поблизости от сплавной р. Обва, впадавшей в Каму, и, по уверению «уполномоченного», могли принести и Министерству государственных имуществ, и Министерству финансов «неисчислимыя выгоды».

Но оказалось, что в этом предложении наследников А.В. Всеволожского опередили их родственники – наследники Н.В. Всеволожского, заявившие о подобной же операции. Вопрос о переводе принадлежавшей им Майкорской лесной даче в состав округа Пермских казенных заводов в целях обеспечения их «горючим материалом» уже рассматривался тогда особой комиссией. Сочтя, что предложенные новые земли «отстояли на дальнем расстоянии от Пермского сталепушечного завода», горные власти отказались принимать их в казну. Поэтому 17 августа 1868 г. последовало решение Уральского горного правления о передаче имений наследников А.В. Всеволожского в опекуновское управление из-за образовавшейся в том же году недоимки в горных податях⁹.

Вероятно, небольшая по размеру недоимка была все-таки выплачена – опека тогда не состоялась, но критическое финансовое положение подтолкнуло владельцев к разделу имения. В мае 1869 г. Иван и Павел Всеволожские составили проект раздельного акта, в соответствии с которым все их недвижимое имущество разделялось на горнозаводское и вотчинное. К первому отнесли Пожевский, Elizaveto-Пожевский и Всеволодовильвенский заводы с принадлежавшими им дачами, Кизеловскими и Губахинскими рудниками и Косьвинскими каменоломнями в Соликамском уезде Пермской губернии; ко второму – каменный дом в Перми, лесные дачи Чусовскую, Калино-Камасинскую, Лысьвенскую и Усьвенскую в Пермском уезде, Романовскую, Разимскую и Рождественскую в Соликамском, Кизвенско-Зукайскую и Паинскую в Оханском, Всеволодоблагodatскую в Верхотурском уездах Пермской губернии, а также мызу Рябово в Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии. Все имения были оценены в 3 095 918 руб. (с учетом 2 005 942 руб. за заводы). Долгов сохранный казне числилось тогда приблизительно 1,4 млн руб., частным лицам – до 400 тыс. руб.

«Для удобства раздела» имущество делилось на 70 условных долей, из которых каждому из пяти братьев причиталось по 13 долей (или по 574 956 руб.), сестре – 5 (или 221 137 руб.). «Соображаясь с целостью имения и принимая во внимание, что горные заводы не могут быть делимы», младшие наследники Иван, Павел и Екатерина «по совести» решили уступить горнозаводскую часть имения трем старшим братьям Дмитрию, Владимиру и Всеволоду «в общую собственность». «Для уравнивания» на них переводилась большая часть казенных и частных долгов. Вотчинные имения предполагалось разделить на две равные по ценности части и передать Ива-

ну и Павлу. Первому доставались Всеволодоблагодатская и Рождественская дачи, все «малые дачи», кроме Чусовской, и мыза Рябово (на общую сумму 545 759 руб.); второму оставались Усьвенская, Чусовская, Кизвенско-Зукайская дачи и дом в Перми (547 309 руб.). В счет причитающейся Екатерине доли владения она должна была получать от братьев по 6 тыс. руб. ежегодной ренты «по смерти ее».

Раздельный акт был совершен 29 декабря 1870 г. (утвержден 4 января 1871 г.), но в него оказались внесены некоторые изменения. Старшие братья, как и предполагалось, закрепили за собой Пожевское горнозаводское имение, младшие же наследники получили оставшиеся имения, видимо, тоже в общую собственность (без предполагавшегося в проекте раздела между ними). Лишь 14 сентября 1872 г. министр финансов разрешил Всеволожским разделиться в «долгах и имениях» по ранее предложенному ими варианту. Мыза Рябово досталась титулярному советнику Павлу Александровичу, а пермские и орловские (унаследованные, по-видимому, от матери) негорнозаводские имения остались во владении камер-юнкера и статского советника Ивана Александровича и девицы Екатерины Александровны. Условием этого раздела становилась «взаимная ответственность как за исправную уплату переведенного на них долга сохранной казне, так и за долг, переведенный на основании раздела 1870 г. на братьев Дмитрия, Всеволода и Владимира». Акт был утвержден 15 января 1873 г.¹⁰

Это условие, видимо, через четыре года привело к учреждению опекунского управления над имениями Ивана Александровича и Екатерины Александровны (под наблюдением Петербургской дворянской опеки) для «заведывания и управления» ими и «уплаты обременяющих оные казенных и частных долгов». Опеке 9 января 1876 г. было разрешено продавать «по вольной цене без испрошения от Правительствующего Сената разрешения, Пермских имений просителей не далее того срока, который назначен уже для публичной их продажи, в 1876 г., по распоряжению Министерства финансов, а остальных их имений – в течение двух месяцев со дня открытия действия сего управления». Срок продажи 12 ноября 1876 г. увеличили до года «с тем, чтобы сделки по Пермскому имению производились с согласия Министерства финансов и чтобы не останавливалась назначенная Министерством продажа сих имений с публичного торга в январе 1877 г.»¹¹.

Вероятно, опеке удалось реализовать только неуральские имения Всеволожских, поскольку продажа частей пермского имения состоялась много позже назначенного срока. До продажи оно, видимо, сдавалось в аренду. Купчая была совершена 29 ноября 1883 г. (утверждена 3 декабря 1883 г.) с представителями Николо-Заозерско-Камско-Уральского золотопромышленного товарищества тюменскими купцами первой гильдии Л.Б. Хотимским, П.И. Подаруевым, П.И. Трусовым, енисейским купцом первой гильдии А.С. Баландиным и царскосельским купцом А.А. Кобычевым. Ставший к тому времени камергером И.А. Всеволожский и его сестра Е.А. Всеволожская продали им Южно-Заозерскую, или Всеволодоблагодатскую (120 437 дес.), Чусовскую, Лысьвенскую и Калино-Камасинскую (общей площадью 4975 дес.), Рождественскую (11 128 дес.), Кизвенско-Зукайскую и Паинскую (общей площадью 106 030 дес.) земельные дачи за 854 300 руб. сер. Покупатели принимали на себя уплату долга Петербургской сохранной казне в размере 374 300 руб.¹²

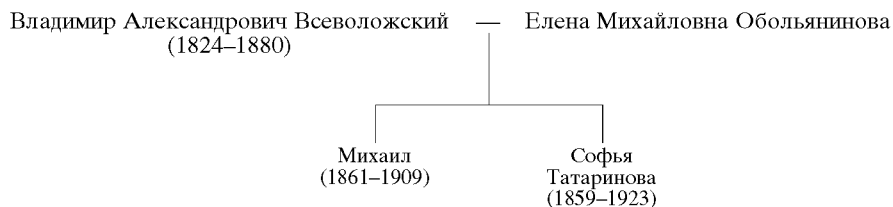
Очевидно, никто из младших детей А.В. Всеволожского не захотел продолжить предпринимательские традиции рода; все они постарались освободиться от обременительных уральских имений. Известно, что Иван Александрович увлекался искусством, писал пьесы, рисовал, в 1881 г. стал директором Императорских театров

(П.И. Чайковский посвятил ему балет «Спящая красавица», либретто которого написали И.А. Всеволожский и М. Петипа), а в 1899 г. – директором Эрмитажа. Павел Александрович после окончания Петербургского университета служил в Пермском губернском правлении; получив по разделу имение Рябово под Петербургом (ныне – г. Всеволожск), переселился туда, избирался почетным мировым судьей и предводителем дворянства Шлиссельбургского уезда.

Николо-Заозерско-Камско-Уральское товарищество на вере, организованное на основании договора от 16 октября 1883 г., «руководствуясь архивными данными, оставленными 130 лет назад от первого открывателя минеральных богатств в Северном Урале верхотурского купца Походяшина и его преемника Всеволода Алексеевича Всеволожского», в 1885 г. приступило к восстановлению затопленных медных рудников около Всеволодоблагodatского селения и строительству там медеплавильного завода. Управляющий Екатеринбургской конторы Товарищества В.В. Бентхен уведомлял Горное правление, что завод «окончательно устроен» и на 5 сентября 1889 г. намечена пробная выплавка меди. К тому времени «полными товарищами» общества остались лишь Леонтий Борисович Хотимский (190 паев из 200) и его жена Берта Ивановна (10 паев), проживавшие в Петербурге (Бол. Морская ул., 350). Но к промышленной выплавке Всеволодоблагodatский завод, видимо, так и не приступил. Еще в 1887 г. управляющий сообщал, что «ввиду стесненного положения в финансовом отношении... участниками товарищества не вносятся на дело денег, а от операций в дачах далеко недостаточно средств для поддержки дела». Скорее всего, положение оставалось таким же и спустя два года. Над Южно-Заозерским имением 11 февраля 1891 г. была учреждена местная опека, которая через четыре года передала управление новому владельцу. Им стал потомственный почетный гражданин Иван Матвеевич Полежаев, купивший имение на торгах в Петербургской сохранный казне 16 января 1895 г. Но восстанавливать медный завод он, очевидно, не стал¹³.

Разделы и ликвидация собственности характерны и для истории владения трех старших сыновей А.В. Всеволожского, которым в 1870 г. достались Пожевские заводы. Доменное производство на Всеволодовильвенском заводе тогда едва действовало, а к 1880 г. и вовсе было прекращено из-за нерентабельности. Еще раньше перестали выплавлять чугун на Пожевском заводе. В округе на привозном чугуне функционировало лишь железоделательное производство в объеме не более 150 тыс. пуд.¹⁴

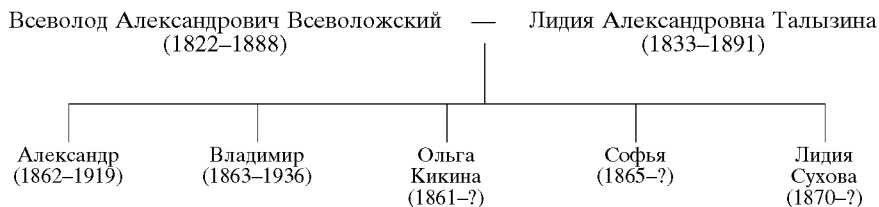
Совместное владение братьев, основанное «на общем согласии», продолжалось 10 лет до смерти младшего из них, коллежского советника Владимира Александровича Всеволожского, 7 июня 1880 г. По судебному определению от 7 августа 1881 г. наследниками были признаны его дети Михаил и Софья, проживавшие в Новоторжском уезде Тверской губернии. Жена – Елена Михайловна Оболянинова – к тому времени или уже скончалась, или отказалась от наследства в пользу детей.

Следствием этого наследования, увеличившего количество совладельцев, стало «Положение об управлении Пожевским горнозаводским имением», утвержденное 20 августа 1882 г. Образцом для него, по-видимому, послужило сходное «Положение...» для Невьянских заводов 1868 г., где тоже сложилась «трехчастная» форма владения. «Так как число соучастников во владении имением с течением времени увеличится, – было записано в акте, – то для удобнейшего определения степени участия каждого из них все имение разделяется на 210 долей (так, чтобы каждая из трех первоначальных частей состояла из 70 долей)». В Общем собрании каждому владельцу предоставлялось количество голосов в соответствии с тем, «сколько он имеет основных долей». Все вопросы решались большинством не менее $\frac{2}{3}$ голосов присутствовавших членов Общего собрания. Главное правление в Петербурге состояло из трех членов, избираемых на три года по одному от владельцев каждой из трех «первоначальных частей». Владельцы имения, «при коих положение восприняло законную силу», могли без выборов стать членами Главного правления. Они также имели право и самостоятельно «по ближайшему своему усмотрению» увольнять и замещать избранных ими членов и кандидатов в члены Главного правления. «Для делопроизводства по всем делам» создавалась Главная контора во главе с управляющим. «Во всех случаях Главное правление должно было действовать по долгу совести, единогласно или по большинству голосов», получая за это вознаграждение «по 4% от чистой прибыли избравших их владельцев»¹⁵. Согласно расчету, статский советник в звании камергера Дмитрий Александрович и отставной гвардии поручик Всеволод Александрович получили по 70, Михаил Владимирович – 65 и Софья Владимировна – 5 долей.

Важным шагом нового управления стала сдача Всеволодовильевского завода в аренду Уральскому горнозаводскому товариществу в том же 1882 г. Там была возобновлена в небольшом количестве выплавка пудлингового и сварочного железа, вновь остановленная в 1884 г. В 1888 г. этот завод был окончательно закрыт¹⁶. Тогда же произошел новый раздел общего имущества.

Он был связан с кончиной 3 марта 1888 г. Всеволода Александровича Всеволожского. По определению Пермского суда от 26 мая 1888 г. его наследниками стали вдова Лидия Александровна (урожденная Талызина) и дети – Александр, Владимир, Ольга, Софья и несовершеннолетняя Лидия. В соответствии с законом, они разделили между собой часть владения, принадлежавшую их отцу: вдове досталось 10, сыновьям – по $22\frac{1}{2}$ доли, дочерям – по 5 условных долей.

Раздельный акт был подписан в Петербурге 9 июля 1888 г. «Находя общее владение неудобным в видах приведения оного в лучшее состояние и устройство и стеснительным в свободном распоряжении своими долями», совладельцы согласились тогда поделить Пожевское горнозаводское имение, «не раздробляя, однако, заводов и не отрезая от них лесных дач». Раздел проводился с учетом количества десятин земли, приходящегося на каждую из трех частей владения. Поскольку общая площадь имения составляла к тому времени 198 706 дес., на каждую часть приходи-

лось по 66 235 дес. В «отдельную собственность и в общее владение» Софьи Владимировны и Михаила Владимировича отдавались недействующий Всеволодовильвенский завод (38 209 дес.), Кизеловская (244 дес.) и Косьвинская (471 дес.) рудничные делянки, Губахинская делянка с каменноугольными копиями (102 дес.) и часть Усьвенской лесной дачи (27 207 дес.). Пожевский и Елизавето-Пожевский заводы (109 648 дес.), Романовская лесная дача (862 дес.), юго-западная часть Усьвенской дачи (21 959 дес.), где проходила Уральская железная дорога, оставались «в общем нераздельном владении» Дмитрия Александровича и шестерых наследников Всеволода Александровича. По состоянию на 1 июля 1888 г., имение состояло в залоге у Петербургской сохранный казны на сумму 954 204 руб., включая недоимку за 1884–1887 гг. в размере 156 630 руб., платеж которой был рассрочен в 1886 г. на пять лет без начисления процентов. Цена делимого имущества была определена в 1640 тыс. руб. Нотариус утвердил акт 1 сентября 1888 г.¹⁷

«По случаю выдела в натуре Михаила и Софьи Всеволожских» владельцы оставшегося Пожевского имения в августе 1888 г. согласились «в виду очевидной целесообразности из пятилетнего опыта продолжить действие Положения» и просили министра государственных имуществ оставить его «в прежнем виде несмотря на то, что в числе долей первоначального участия... произошло изменение... и оставить третьего члена в Главном правлении».

Еще один раздел совладельцы Пожевского имения совершили 26 февраля 1889 г. По «полюбовному согласию» оно полностью перешло «в единственную собственность» шести наследников В.А. Всеволожского вместе с долгами и недоимками. Их совладелец камергер Дмитрий Александрович Всеволожский удовлетворился получением 250 тыс. руб. Уплачивались также его частные долги (жене Е.Н. Всеволожской, урожденной княжне Трубецкой, торговому дому «П.М. Журавлева сыновья» и др.). По расчету, Александр и Владимир получили по 9 долей, Лидия Александровна – 4 доли, Ольга, Софья и Лидия – по 2 доли общего владения. Следствием этого раздела стали ликвидация 14 декабря 1889 г. бывшего Главного правления и отмена «Положения об управлении Пожевским горнозаводским имением», санкционированная 31 января 1890 г.¹⁸

В начале 1890-х г. решилась судьба и отделившегося от Пожевского Всеволодовильвенского имения. В 1890 г. недействующий завод и лесную дачу купил известный текстильный фабрикант Савва Тимофеевич Морозов, организовавший там лесохимическое производство¹⁹. Часть Усьвенской лесной дачи М.В. Всеволожский и его сестра С.В. Татаринова в 1893 г. продали наследникам П.П. Демидова, владельцам Нижнетагильских и Луньевских заводов²⁰.

Пожевские заводы, после раздела 1888 г. оставшиеся без рудников, специализировались в дальнейшем на выплавке железа из привозного чугуна. В 1899 г. было произведено 345 тыс. пуд. железа. На Елизавето-Пожевском заводе развивалось механическое производство, в небольшом количестве изготавливались машинное оборудование и пароходы. В 1900 г. они были проданы управляющему заводами князю С.Е. Львову. К тому времени скончалась Л.А. Всеволожская, а другие четверо совладельцев, возможно, получили выдел, поскольку прошение разрешить продажу было сделано только от лица потомственного дворянина Александра Всеволодовича Всеволожского²¹.

¹ Вересаев В.В. Спутники Пушкина. М., 1937. Т. 2. С. 160; Всеволожская Л.Б. Всеволожи: исторический очерк. Рязань, 2002. С. 6.

² Нарбут А.Н. Всеволожские: Родословная роспись. М., 2000.

- ³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 152. Л. 201–206, 211; Ф. 24. Оп. 23. Д. 4737. Л. 328–336, 935.
⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4082. Л. 328–329, 484–494.
⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 152. Л. 230–240.
⁶ Там же. Л. 248, 255–257.
⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 722. Л. 11–17 об.
⁸ Там же. Оп. 4. Д. 403. Л. 1–2, 20.
⁹ Там же. Л. 24–25, 32 об., 38.
¹⁰ Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 988. Л. 1–2 об, 9.
¹¹ ПСЗ-П. Т. 51. № 55466, 55717, 56583.
¹² РГИА. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1035. Л. 1–5.
¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 293. Л. 1–3 об., 10–10 об., 17–18 об., 25, 30–30 об.
¹⁴ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 163, 197, 385.
¹⁵ ПСЗ-Ш. Т. 2. № 1070.
¹⁶ Металлургические заводы Урала... С. 163.
¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2281. Л. 5–16.
¹⁸ Там же. Л. 1–2, 4, 17, 36, 70; ПСЗ-Ш. Т. 10. № 6565.
¹⁹ Металлургические заводы Урала... С. 163.
²⁰ Ларионова М.Б. Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 109.
²¹ Металлургические заводы Урала... С. 197, 385; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 976. Л. 1.

7.2. Н.В. Всеволожский и наследники

Те же проблемы с выплатой долга Петербургской сохранный казне, но в еще более острой форме, проявились и в хозяйстве Никиты Всеволодовича Всеволожского. В 1852 г. его заводы взяли в казенный присмотр, а уже в следующем году началась частичная распродажа имущества владельца (так, был продан петербургский дом). К 1856 г. накопилась недоимка в размере 286 647 руб., а доход составил всего 111 917 руб. В такой ситуации сохранный казна настояла на продаже заводов. По решению министра финансов, на 14–21 февраля 1857 г. были назначены публичные торги уже описанных Никитинских заводов, рудников и промыслов¹.

Как упоминалось, уступкой астраханских рыбных промыслов тогда удалось отсрочить невыгодную распродажу горнозаводского имущества, но это не спасло заводы от накопившихся недоимок. В целях предотвращения нового назначения к публичной продаже Н.В. Всеволожский заключил в 1857 г. выгодный контракт с Главным управлением путей сообщения на поставку рельсов. Заозерскую золото-промышленную дачу сдали в аренду Ивдельскому товариществу, принадлежавшему «компания Бибикова»². В 1860 г. владелец решил на более серьезный шаг –

установил контакты с представителями Дармштадтского банка для выработки условий акционирования своих заводов. В банке серьезно отнеслись к этому предложению, составили экспертный отчет, опубликованный в «Горном журнале» в 1860 г. Причиной упадка Никитинского округа (помимо причин, общих для всех горнозаводских хозяйств Урала) была названа бесхозяйственность заводчика, «проживавшего в столицах капиталы» и не спешившего «применить у себя готовых усовершенствований». Тем не менее округ, оцененный в 6,2–7 млн руб., был признан экспертами перспективным для развития. Но, видимо, из-за неблагоприятного финансового состояния, необходимости немедленной выплаты недоимок и не вполне ясного будущего положения имения в связи с предстоящей крестьянской реформой, Дармштадский банк отказался от заключения контракта³.

Поиски новых контрагентов привели к заключению соглашения с французским банкиром Жюлем Пиком и созданию в августе 1861 г. в Париже Общества Камского каменноугольного и железодельного производства Никиты Всеволожского. Общество заключило с владельцем соглашение о сдаче округа в аренду. В сентябре 1861 г., находясь в Дармштадте, Н.В. Всеволожский выдал доверенность на проведение этой операции сыну Андрею. «По случаю заключения мною контракта на отдачу иностранной компании на акциях пермских моих имений и заводов в арендное содержание на 37-летний срок, – писал владелец, – обязался я на утверждение сего контракта... сдать как заводы... так и пространство лесов и земель... а потому, не имея возможности в настоящее время прибыть сам на место, выдал законную доверенность комиссару вновь учрежденного Общества Иосифу Луэсту на время переходного управления заводов моих под ведение Общества, но... комиссару необходимо владельческое посредничество. Предоставляю Вам... заступить мое место»⁴.

В январе 1862 г. Андрей Никитич обратился к Александру II с ходатайством об утверждении сделки с парижской компанией. Направленное вместе с уставом Общества (составленным Н.В. Всеволожским и Ж. Пиком) в Министерство финансов, оно было рассмотрено действительным статским советником Роденбаденем. Ознакомившись с уставом, эксперт пришел к выводу, что в нем не только допущены «важные недомолвки», но и, что главное, «не обеспечены ни казенные, ни частные долги». Компанией предполагалось выпустить 24 или 25 тыс. акций, из которых только 3 или 4 тыс. предоставлялись «сторонним капиталистам». Таким образом, вносимые деньги составляли «складочный капитал» в сумме всего 300 или 400 тыс. руб. Этой суммы, по мнению Роденбадена, хватило бы лишь на возмещение текущих недоимок сохранной казне и выплату «новейших» ссуд, полученных для поддержания заводов. Остальные 21 тыс. акций по уставу предоставлялись владельцу с правом передачи.

Эксперту удалось выяснить, что помимо казенных долгов в Уральское горное правление на Н.В. Всеволожского к тому времени было предъявлено 30 исков на сумму более 840 тыс. руб.; кроме того, в Петербургском надворном суде на нем числилось в долгу 998 268 руб., 85 наполеондоров, 16 тыс. франков и 1340 полуимпериалов. «В стеснительном своем положении, – не без оснований полагал Роденбаден, – Всеволожский не преминет воспользоваться правом передачи своих паев ко вреду казны и частных кредиторов». Последние, полагал он, в таком случае были бы вынуждены принять вместо наличных денег «свидетельства», погашаемые в течение 37 лет, «что в случае неблагоприятного хода дел компании возбудило бы со стороны кредиторов справедливый ропот». Это мнение эксперта учел министр финансов М.Х. Рейтерн, который отклонил ходатайство А.Н. Всеволожского.

Вскоре к императору обратился сам Н.В. Всеволожский. Высочайше утвержденная комиссия вновь рассмотрела устав компании, но пришла к прежнему выводу. «Условия в существенных своих частях не могут быть приняты... – сообщалось в ее заключении, – а безденежное получение акций, предположенное для самого Никиты Всеволожского и его семейства, несоразмерно велико с положением его заводов и долгов». К тому же, констатировали члены комиссии, «ходатайство не может быть удовлетворено уже потому, что передача заложенных в сохранной казне имений, по правилам оной, не иначе допускается, как по уплате накопившихся недоимок, т. е. по приведении займа в исправное положение». Предварительно еще следовало получить согласие А.В. Всеволожского на предложенный братом проект акционирования Никитинского округа, который, как и Пожевский округ, выступал залогом по ссуде из сохранной казны⁵. В итоге ходатайство было отклонено. Однако бедственное положение заводов все-таки вынудило правительство предоставить им 100 тыс. руб. из Государственного казначейства и поставить вопрос об учреждении опеки над горнозаводским имением Н.В. Всеволожского.

Но серьезно болевший владелец и сам до конца своих дней искал выход из критического финансового положения. В последний год жизни он сделал несколько важных распоряжений. В июне 1862 г. Никита Всеволодович поручил брату Александру и сыну Андрею «сделать выкупную операцию, т. е. заплатить ссуду сохранной казне и наросшую недоимку посредством уставных грамот и тем освободить имение от угрозы опекунского управления». Еще в 1861 г. он доверил управление уральскими имениями старшему сыну Всеволоду, но тот «по случаю отъезда» передоверил эти полномочия брату Андрею, находившемуся в Перми. Незадолго до кончины в апреле 1862 г. сам Никита Всеволодович поручил Андрею «сделать полную ревизию всех пермских заводов и имений с правом смены управляющих». «В случае, буде за выгодное и нужное сочтется, – предлагал он, – приступить к продаже движимого и недвижимого имущества, как-то: лесов Обвенских моих вотчин... или Заозерской дачи... на сруб, вывоз или иначе желающим покупателям»⁶.

По-видимому, это были последние распоряжения егермейстера и действительного статского советника Никиты Всеволодовича Всеволожского, скончавшегося в Бонне 28 июля 1862 г. Его наследниками оказались вдова Екатерина Арсеньевна (урожденная Жеребцова) и дети – надворный советник в звании камер-юнкера Всеволод, губернский секретарь Андрей, юнкер лейб-гвардии Конного полка Никита и Елизавета (позже вышедшая замуж за гвардии полковника Михаила Александровича Сатина). Над еще несовершеннолетними Никитой и Елизаветой учредили опеку в лице матери и ее брата – действительного статского советника Николая Арсеньевича Жеребцова.

Состояние полученного наследства требовало принятия скорых и решительных мер. Прежде всего совладельцы озаботились учреждением Главного правления в Петербурге. Видимо, не надеясь утвердить положение о нем законодательно, они ограничились составлением «домашнего акта», в котором сформулировали основные правила нового порядка управления своими обширными имениями. В правление вошли «все пять членов семейства, каждый с правом голоса, рассчитанным по той части наследства, на которую он имел право». Вдова получала 6 голосов, дочь – 3 голоса, сыновья – по 11 голосов. Все вопросы решались большинством голосов, причем члены правления могли передавать свои полномочия доверенным лицам. В случае если «один брат соглашался с мнением

матери и сестры», т. е. голоса разделялись поровну, избирался «общим согласием» посредник, который и принимал окончательное решение. Петербургская Главная контора была призвана выполнять постановления Главного правления, а ее управляющий – присутствовать на собраниях, «вести журнал и докладывать все дела, поступившие в контору». «Местные управляющие и поверенные составлялись в непосредственное подчинение Главного правления и были обязаны исполнять единственно приказания его». Исключительно правлению принадлежало право распоряжаться «всеми расходами и оборотами». Его собрания предполагалось назначать «по крайней мере два раза в месяц в квартире Главной конторы в определенные общим согласием часы, а также в экстренных случаях по приглашению, сделанному заблаговременно управляющим конторой». «Приняв вышеизложенный образ правления их делами», совладельцы согласились, что отныне «не имели права на непосредственное распоряжение делами и управление имениями без разрешения и доверенности Главного правления». Все они 20 апреля 1863 г. подписали «домашний акт» в Москве в присутствии опекуна и свидетелей: флигель-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова, обер-гофмейстера князя Н.И. Трубецкого и Д.А. Всеволожского.

На первом собрании Главного правления, состоявшемся в тот же день, совладельцы выработали план насущных действий. Через опекунский совет Петербургской сохранной казны они решили добиваться зачисления выкупных платежей для погашения накопившейся недоимки по залогу 1843 г., а посредничеством влиятельного И.М. Толстого – утверждения Комитетом министров договора с французской компанией на аренду пермского имения. Для последнего требовалось устранить те препятствия, которые за год до того послужили причиной отклонения договора правительственной комиссией: получить согласие А.В. Всеволожского, продолжить переговоры с частными кредиторами и «свести их до соглашения с представителями Общества», наконец, изменить сами условия договора. Для этого на собрание был приглашен Иосиф Луэст, с которым обсуждались условия арендного контракта, причем «на все сделанные изменения он изъявил свое согласие». На одно предложение: «определить для семейства вместо дивиденда по акциям ежегодный взнос по копейке с каждого проданного пуда угля» – поверенный Общества «сделал несколько встречных предложений, которые он обязался представить письменно на следующее заседание»⁷.

В июле 1863 г. совладельцы уполномочили А.Н. Всеволожского «немедленно отправиться на места заводские и вотчинные имения, принять их в свое непосредственное управление и распоряжаться оными с тщательной хозяйственной заботливостью и попечением к пользам наследников». Екатерина Арсеньевна Всеволожская и ее подопечные объясняли, что «должны постоянно проживать в одной из столиц для продолжения образования», и потому не могут сами выехать на Урал. Видимо, позже вдова все-таки переселилась на Урал. Известно, что вплоть до своей кончины она проживала в Александровском заводе, где в 1867 г. и была похоронена при Спасо-Преображенской церкви⁸.

Получив доверенность от совладельцев, Андрей Никитич Всеволожский долго задержался на Урале. В 1864 г. он женился на дочери владельца Сысертских заводов Наталье Павловне Соломирской, от лица которой в 1865 г. был заключен с наследниками 12-летний арендный договор на принадлежавшее им Сивинское имение в Оханском уезде. Там, в старинном «господском доме», или в Перми (на углу Монастырской и Соликамской улиц) они и проживали, пока Андрей Никитич служил членом губернского присутствия по крестьянским делам или

занимался общественной деятельностью, возглавляя одно время Пермское губернское земское собрание. Он интересовался горнозаводским производством, железнодорожным строительством, изучал потребительский рынок, что нашло отражение в его публикациях в «Пермских губернских ведомостях»⁹. Позже он получил известность и как генеалог, впервые описав историю своего рода, который он возводил к смоленским князьям¹⁰. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Андрей Никитич состоял уполномоченным общества «Красного Креста». После войны его назначили нижегородским вице-губернатором, а в 1881 г. – таврическим губернатором¹¹.

В своих действиях наследники были решительны и оперативны. Вместе с бывшими парижскими компаньонами отца – банкирским домом «Жюль Пик и К°», Иосифом Луэстом и Арманом Дюпорталем – они вновь обратились с отклоненным в 1862 г. ходатайством об акционировании заводов. Как следует из записки Горного департамента, уже летом 1863 г. поверенный И. Луэст предъявил туда письменное согласие А.В. Всеволожского и «таковое же согласие некоторых кредиторов (на сумму 1060 тыс. руб.) ...а равно определение Пермского губернского по крестьянским делам присутствия об утверждении выкупного крестьянского надела и... обращении выкупной суммы, простирающейся до 365 тыс. руб., на пополнение банковского долга». Сохранная казна удовлетворилась этим предложением, полагая, что в счет выкупной суммы будет погашена не только недоимка в размере 235 031 руб., но и отпущенная заводам в 1862 г. новая казенная ссуда.

Вновь рассмотрев условия договора, горные чиновники нашли, что они «устраняют всякое опасение на счет безостановочного в будущем заводского действия и в то же время обеспечивают как исправный взнос ежегодных казенных платежей, так и предоставляют возможность к удовлетворению частных кредиторов». Капитал, собранный за счет реализации 4 тыс. акций (номиналом по 100 руб.) и пущенный исключительно на «заводское дело», казался теперь вполне «обеспечивающим безостановочное действие заводов», а выпуск облигаций на 1,5 млн руб., переданных кредиторам, с предполагаемым их погашением в течение 37 лет, представлялся «самым простым способом удовлетворения частных претензий». Но во избежание какого-либо несогласия со стороны кредиторов И. Луэст предложил иное решение проблемы частных долгов. Общество было согласно вносить для их погашения ежегодные платежи в течение первых пяти лет по 60 тыс. руб., с шестого года до полного погашения долга сохранной казне – по 70 тыс. руб. и затем до окончания всех выплат по частным претензиям – по 100 тыс. руб. «Мера эта весьма удобоисполнимая и устраняет всякую зависимость и столкновение Общества с кредиторами Всеволожских», – полагали чиновники. «На сих главных основаниях и имея в виду избавить заводы наследников Н.В. Всеволожского от тягостного и совершенно бесплодного для них и сохранной казны опекунского управления и вместе с тем доставить учредителям акционерной компании возможность принять благоприятно некоторые не терпящие отлагательства меры к предварительным устройствам для успешнейшего действия заводов в следующем году, к чему сами наследники Всеволожского по недостатку денежных средств приступить не могут, – сообщалось в записке Горного департамента, – министр финансов входил с представлением в Комитет министров, который постановил... выкупную ссуду всю обратить на покрытие казенных долгов, не дожидаясь утверждения выкупных сделок, опекунское управление ныне же упразднить, предоставить имение в 37-летнее пользование Компании и заключить договор на определенных условиях». Александр II 23 августа 1863 г. утвердил это положение¹².

Уже в октябре 1863 г. А.Н. Всеволожский передал И. Луэсту доверенность «на управление им заводами до дня подписания контракта с акционерной компанией», а в декабре того же года сам получил доверенность от остальных совладельцев на заключение этого «контракта». Устав Товарищества горных заводов наследников Н.В. Всеволожского утвердили только 16 марта 1865 г. В нем было записано, что акционерное общество создавалось «для разработки рудников, каменноугольных копей и лесов, а также содержания горных заводов и имений» в Пермской губернии. На 37 лет ему передавались «в полное пользование» волости Майкорская, «простиравшаяся по обоим берегам реки Камы, по правому берегу около 80 верст, а по левому 14 верст», и Александровская «со всеми к ним принадлежностями»: Александровским и Никитинским заводами, Кизеловским рудником, «разделенным на три части или полосы, шириною в 125 сажень», Всеволодовильвенской пристанью на р. Вильва в девяти верстах от Александровского завода, землями по р. Косьва близ Лазаревских каменноугольных копей и железных рудников А.В. Всеволожского, Косьвенскими землями «в 14 верстах выше предыдущих по реке Косье, содержащими кварцевый песчаник, огнепостоянную глину, железную руду и пр.»

За пользование этими предприятиями и ресурсами Товарищество обязывалось уплачивать все подати, обеспеченный имением долг Петербургской сохранный казне, а также вносить ежегодные платежи в Петербургский надворный суд для удовлетворения частных кредиторов «под опасением за невыполнение оных потери прав на дальнейшее управление горнозаводскими имениями». Капитал составлялся из всего имущества и оборотного фонда в 400 тыс. руб. Он разделялся на 24 тыс. акций по 100 руб., из них 20 тыс. акций передавались наследникам, а 4 тыс. составляли оборотный капитал и «выдавались подписчикам взамен денежных их вкладов». Заведывание делами Товарищества вверялось Правлению, находившемуся в России; оно состояло из 5–7 членов, из которых один всегда избирался от наследников. На основе уже состоявшегося соглашения «первоначальными» членами Правления становились старший наследник В.Н. Всеволожский, иностранцы барон Ансель де-Барант, Ганри-Пелиго, Франсуа Монжино, Мари-Казимир Деламар, Жюль Пик и Луи Лапарелье. На заводы назначались два управляющих «из лиц сведущих по технической и торговой части». Ими стали соучредители Товарищества И. Луэст и А. Дюпорталь. Годичное Общее собрание акционеров проводилось в Петербурге, Перми или Париже, «если Правление признает то более удобным»; десять акций давали право на один голос в этом собрании, но более пяти голосов никто иметь не мог.

Общие расходы, кроме расходов на устройство Товарищества и собственно управление, составляли сумму ежегодного платежа по долгу сохранный казне, ежегодный взнос в надворный суд на погашение частных долгов, отчисление 7% от всего оборотного капитала для погашения стоимости «вкладочных акций», расходы на всякого рода постройки и улучшения. «Избыток прихода» составлял прибыль Товарищества, из которой предполагалось отчислять 10% в целях образования запасного капитала (до 200 тыс. руб.), 4% в пользу управляющих, 3,5% – членам Правления, 1% – уполномоченному управляющих, 2% – инженеру и 4,5% – управляющим «разными частями». Остальные 75% прибыли составляли дивиденды акционеров. По истечении 37-летнего срока существования Товарищества наследники Н.В. Всеволожского должны были вступить во владение имениями «со всеми улучшениями, безо всякого с их стороны вознаграждения»¹³.

Однако это произошло гораздо раньше. Всего через несколько месяцев со времени утверждения устава Петербургская сохранный казна сообщила Главному

правлению о неполучении в срок очередных платежей, и 14 августа 1865 г. совладельцы рассмотрели «положение дел, требующих сосредоточия в одних руках и вместе с тем быстрого и полновластного по ним хождения», фактически отказавшись в пользу Андрея Никитича от своих прежних полномочий. «Мы единогласно решили передать Вам раз навсегда полную и неограниченную общую нашу доверенность для защиты наших интересов и прав», – сообщали они¹⁴.

Обеспокоенность совладельцев оказалась небезосновательной. А.Н. Всеволожский 10 и 29 сентября 1865 г. просил у пермского губернатора командировать на заводы особого чиновника «для тщательного дознания о разорительных для... сонаследников и бедственных для заводского народонаселения действиях управляющего от компании на правах аренды французского подданного И. Луэста и приведения его к законной ответственности». «Положение заводов и населения требуют скорых, решительных и радикальных мер к устранению столь тягостных неурядиц настоящего управления, – извещал он. – Прекратите неурядицы легко: стоит только устранить г-на Луэста от дальнейшего управления... Ни одно из постановленных в Высочайшем повелении условий не исполнено, т. е. не составлен оборотный капитал, не внесено срочных по ссуде из сохранной казны платежей и нисколько не уплачено в погашение частного кредита. Кроме того, сданное ему по инвентарям имущество наше, состоящее в припасах и материалах, на сумму до 150 тыс. руб. истреблено, вновь ничего не заготовлено и приступлено даже к разрушению самых необходимых устройств для заводского действия». Полагая, что после удаления арендного управляющего ему самому придется принимать «расстроенные заводы», Андрей Никитич просил содействия губернатора в том, чтобы арендаторы предварительно «привели заводы в то же положение, в каком их получили», или в выдаче ему пособия, «по крайней мере, равняющегося стоимости растрченного заводского имущества». Он сообщал также, что предложил министру финансов принять в казну часть Майкорской лесной дачи для снабжения Пермского сталепушечного завода лесными материалами, «чтобы получить ныне же 150 тыс. руб., а остальные деньги за земли почислить в погашение долга сохранной казне»¹⁵.

Очевидно, что помочь устранить арендное управление губернатор мог лишь после признания Товарищества несостоявшимся. На это потребовалось время. Только через год, 18 ноября 1866 г., Министерство финансов убедилось, что Товарищество не выполнило ни одного из принятых им на себя обязательств, «не составило оборотного капитала для продолжения действия заводов, не произвело следовавших казне срочных платежей и не удовлетворило частных кредиторов, и, наконец, сам поверенный Товарищества Иосиф Луэст, заявив о невозможности Товарищества составить оборотный капитал, отказался от порученного ему Товариществом управления заводами». Сенат 9 декабря 1866 г. признал Товарищество горных заводов наследников Н.В. Всеволожского несостоявшимся и лишил учредителей «права на дальнейшее управление помянутыми заводами». Мастеровые остановленного Александровского завода, оставшиеся без какого-либо заработка, выразили тогда намерение переселиться на казенные земли¹⁶.

В сложившейся ситуации в Перми было образовано опекунское управление в ведении Соликамской дворянской опеки с назначением «раздробительной продажи» имения. Опекунами назначили двоюродного брата владельцев П.А. Всеволожского и г-на Фока. В 1867 г. Андрей Никитич за себя и совладельцев выражал доверие кузену, сообщая, что, как опекуном, он «совершенно им доволен и никаких претензий на него не имеет и иметь не должен». В сентябре 1867 г. и сам губерна-

тор Б.В. Струве «во время личного проезда через заводы» мог убедиться, что они «после разорительного положения... в котором были приняты в опеку из управления Компании, приходят в лучшее положение и дают надежду к благоприятному исходу дел Всеволожских». Это, а также вскоре последовавшее утверждение выкупных сделок, которые направлялись на погашение казенных долгов, позволяло владельцам и опекуну ходатайствовать об отмене назначения заводов к продаже. Вместе с тем Всеволожские просили «о допущении раздела заложенного в Петербургской сохранный казне наследственного имения с переводом на каждого из наследников соответствующей части долга»¹⁷.

Но это, видимо, так и осталось всего лишь намерением. В погашение же долга было разрешено принять от Всеволожских часть их недвижимого имущества. В октябре 1869 г. опекун получил доверенность на уступку казне лесного участка из Майкорской дачи и часть поступившего владельцам (вместе с наследниками А.В. Всеволожского) в 1865 г. участка Таманской дачи Строгановых (общая площадь 55 тыс. дес.). Из чиновников Министерства финансов, как упоминалось, создали «оценочную комиссию», которая к тому времени окончила свою работу. «При решении нашем уступить казне столь значительную часть лесов... близлежащих к сплавной реке Каме, – писали владельцы, – мы руководствовались преимущественно целью скорейшего погашения недоимки по долгу сохранный казне, переданному нам вместе с наследственным имением нашим»¹⁸. Но кроме казенного долга наследники имели еще и значительные частные долги, которые по указу 1843 г. не могли обеспечиваться заложенным в сохранный казне имуществом. Неуплата по этим долгам была чревата признанием совладельцев несостоятельными должниками и учреждением из кредиторов конкурсного управления, которое создавалось в подобных случаях в целях реализации имущества должников.

На Александровском и Никитинском заводах во время опекунского управления ограничивались выделкой небольшого количества железа, продажа которого едва удовлетворяла лишь потребности самих заводов. Оно, как правило, продавалось на условиях, согласованных опекунами с Соликамской опекой. Но в 1870 г. эта опека «не только не утвердила новых условий на запродажу будущей выделки железа, но и удалила самого Фока от управления заводами» из-за того, что эти условия не были подписаны П.А. Всеволожским, как оказалось, выехавшим на жительство в Петербург. Это обстоятельство не осталось без внимания ревизовавшего тогда Пермскую губернию сенатора, который распорядился сделать «решительное и ясное указание Соликамской опеке для принятия мер к обеспечению действия заводов и продовольствия населения... в виду неизбежного прекращения от сего дальнейшего действия заводов». Поскольку отъезд одного из опекунов «не мог не иметь вредных последствий для опекаемого имения... тем более в виду постепенного возрастания на имении долгов», в ноябре 1870 г. губернское правление решило отстранить П.А. Всеволожского от управления и «возложить обязанности опекуна на одного, определенного уже опекой... Фока»¹⁹.

Это событие вместе с так и не устраненной угрозой конкурсного управления в мае 1872 г. привело владельцев к мысли об учреждении над их имениями «особой опеки... имея в виду бывшие в последнее время примеры Всемилостивейшего соизволения... на учреждение над имениями некоторых совершеннолетних лиц таких опекунских управлений, кои бы не нарушали законных прав их кредиторов». Основанием для такой «исключительной» меры было согласие наследников на новую аренду их пермского имения Уральским горнозаводским товариществом, в кото-

ром выразили желание участвовать крупнейшие заводчики. Хотя в 1872 г. была получена новая ссуда из Государственного казначейства, а заводы якобы сданы в краткосрочную аренду «частному лицу», эти меры не могли решить всех проблем обремененного долгами хозяйства. Только посредством длительной аренды финансово состоятельной компанией, полагали горные чиновники, «представится возможность не только обеспечить интересы казны, частных кредиторов Всеволожских и их самих, но и установить правильную разработку содержащегося в их имениях богатого запаса минералов». Вероятно, хозяйскую инициативу в это время перехватил у выбравшего служебную карьеру Андрея Никитича его брат Никита Никитич, вышедший в отставку и занявшийся семейными делами.

Опекунское управление предполагалось составить из трех лиц: одно – по выбору от наследников (им и стал Н.Н. Всеволожский), второе – от казны (был назначен действительный статский советник Н.А. Казин), третье – от частных кредиторов (им выбрали коллежского секретаря Ф.С. Попова). Они должны были «привести в точную известность все имущество наследников», заключить в шестимесячный срок арендный договор с Товариществом «на предложенных Министерством финансов основаниях» и управлять остальными имениями наследников для «постепенного погашения долгов». Опекунское управление 16 августа 1872 г. было санкционировано Александром II, а 27 января 1873 г. оно заключило договор аренды.

Компания предпринимателей во главе с князем К.Э. Белосельским-Белозерским (владельцем Катавского округа) заинтересовалась Никитинским округом еще в 1870 г., когда пыталась получить концессию на строительство первой на Урале железной дороги от Екатеринбурга до Перми. Луньевские каменноугольные копи округа Всеволожских могли снабжать дорогу качественным и недорогим топливом, а заводы – стальными рельсами. К 1873 г. в состав компании вошел владелец Нижнетагильских заводов П.П. Демидов, привлечший в нее таких известных людей, как Г.А. Строганов, П.П. Дурново, П.П. Голенищев-Кутузов-Толстой, Е.А. Перетц, В.К. Рашет и др.²⁰ «Для эксплуатации горнозаводского имения Всеволожских» образовавшееся таким путем Уральское горнозаводское товарищество составило значительный уставной капитал в размере 2,5 млн руб. и внесло в Государственный банк залог в 500 тыс. руб., что предполагало долгосрочную аренду. Ее условием было погашение казенных и частных долгов Всеволожских ежегодными взносами «попудной платы» за проданные каменный уголь, чугун и железо. Министерство финансов устанавливало размер платы и предоставляло Товариществу некоторые «облегчения по возмещению числящегося на имении Всеволожских казенного долга». В сентябре и октябре 1872 г. эти условия были согласованы и вскоре подписан контракт между опекунским управлением и Товариществом²¹.

Горнозаводское имение Всеволожских «в полном составе и со всеми правами, принадлежащими самим владельцам», передавалось Товариществу на 80-летний срок с правом пользоваться лесом, открывать новые рудники, прииски и копи, строить заводы и другие «промышленные заведения», а также прокладывать железные дороги «для различных надобностей». Товариществу разрешалось «водворять рабочих» на территорию округа, получать «все причитающиеся по имениям сборы, повинности и доходы, за исключением оброка с крестьян до совершения выкупных сделок», и даже «отдавать от себя посторонним лицам в арендное содержание по частям земли, оброчные статьи, копи, рудники, заводы и другие заведения».

За каждый пуд проданного угля Товарищество платило по 1 коп. при добыче до 10 млн пуд. в год, по 2¹/₂ коп. – за пуд чугуна, по 5 коп. – за пуд железа. В течение

первых трех лет вся попудная плата «обращалась на возмещение капитала казенного долга», с четвертого года следовало «бездоимочно» вносить попудную плату, из которой не менее ежегодного платежа в размере 103 685 руб. передавалось казне; на удовлетворение частных долгов шло по 30 тыс. руб. в течение первых трех лет, а затем, «увеличивая каждые три года сию последнюю сумму на 10 тыс. руб., пока ежегодный платеж не достигнет 60 тыс. руб.». Наименьший размер платежа становился обязательным «с окончанием устройства по Высочайше утвержденному проекту участка Уральской железной дороги от верховьев реки Камы до Уральского хребта через каменноугольный бассейн» (так называемая Луньевская ветка, которую «товарищи» собирались построить сами). После уплаты всех казенных и частных долгов попудная плата поступала в пользу владельцев и их наследников до окончания 80-летнего срока аренды.

В качестве «облегчения по возмещению казенного долга» приостанавливалось на три года начисление по нему процентов, вся выкупная сумма по имениям Всеволожских в Пермской губернии использовалась для его погашения; после уплаты всего долга списывалась штрафная недоимка в 283 тыс. руб. При неисправности в платежах «подлежащая взносу сумма» заимствовалась из предоставленного залога в 500 тыс. руб. и должна была пополняться Товариществом в течение полугода. Если это не было бы сделано, действие Товарищества приостанавливалось, равно как и при истощении каменноугольных залежей. Во время аренды опекунское управление и владельцы не имели права отчуждать или продавать имение. Лишь в случае, если было бы признано взаимно полезным, разрешалось «отчудить часть Майкорской лесной дачи... но не иначе, как с обращением покупной суммы сполна в уплату долга казне». Кроме того, вместо «товарищества на вере» можно было образовывать «компанию на акциях» в целях эксплуатации имения, «но не иначе как на буквальном содержании настоящего договора», а также передать его для выполнения другим лицам или компаниям с согласия опекунского управления и Министерства финансов.

О деятельности этого Товарищества нет исчерпывающих сведений, но понятно, что она не была вполне успешной. «Ни Павел Павлович, ни его администрация не принимали участия в составлении договора 27 января 1873 г., – уточнял управляющий Петербургской конторой П.П. Демидова В.Д. Белов через 10 лет после его утверждения. – В силу обстоятельств, вызванных частью личным отношением к товарищам, частью тем, что все они, за исключением нашего доверителя и П.П. Дурново, не были достаточно состоятельны для ведения дела... вся тяжесть этого предприятия легла на одного Павла Павловича, которому пришлось унаследовать дело, основанное на готовом и не подлежащем изменению договоре». К 1880 г. П.П. Демидов был вынужден сосредоточить в своих руках все пай и стал единоличным владельцем дела. Поскольку производительность заводов не превышала тогда 80 тыс. пуд. чугуна и 200 тыс. пуд. железа, попудные отчисления были незначительными (до 12 тыс. руб. за металлы) и их не хватало для расчета по долгам. В 1881 г. П.П. Демидов добился рассрочки платежей. Вместо них была назначена небольшая арендная плата за пользование заводами для покрытия расходов опекунского управления. Владельцы, видимо, получив от П.П. Демидова ссуды под векселя, дали согласие на изменение условий аренды. «Вообще договоры с опекой... до такой степени темны и неопределенны, что при каждом их чтении открывается что-нибудь новое; это ящик с сюрпризом, – размышлял компетентный В.Д. Белов. – Самые существенные невыгоды контракта 1873 г. связаны с риском платить в продолжении всего арендного срока не менее 163 тыс. руб. в год независимо от того, бу-

дут или не будут эти имения эксплуатируемы, давать доход или убыток... Кроме того... не определены ограничения права контроля опекунского управления и владельцев над деятельностью Товарищества, что может существенно стеснять его распорядительность»²².

Сложившееся положение превратило Товарищество для П.П. Демидова в бессмысленное предприятие. «Одно – вести дело на праве собственности, совсем другое – на арендном праве, – писал тот же В.Д. Белов. – Нет никакого сомнения в том, что право собственности всегда вносит в дело спокойствие и определенность, отражающиеся наилучшим образом на ходе дела». Уже в 1880 г. в демидовском управлении созрело предложение прекратить аренду и купить горнозаводское имение Всеволожских. «Мы занимались этим делом три года, в продолжение которых нужно было преодолеть множество различных затруднений... – сообщал управляющий. – Павел Павлович слишком дорожит своим именем в известном мире для того, чтобы не стараться потушить неблагоприятных о себе слухов, которые могут быть освещены Всеволожскими с самой неблагоприятной для нас стороны. Они будут утверждать, что Демидов... хотел только сделать выгодную спекуляцию, а именно при посредстве Всеволожских приобрести от казны льготы по уплате казенного долга, что ему дало до 600 тыс. руб. выгоды, и затем задешево скупить претензии Всеволожских с целью... уменьшения платимой им опеке попудной платы и пользоваться вполне правом сильнейшего кредитора. Далее Всеволожские будут утверждать, что Демидов желал обещанием покупки лишить их участия в Товариществе и выдворить из него другого хозяина, князя Белосельского-Белозерского, и выставят себя как жертву ловкой махинации. Тем более что за 10 лет Товарищество уплатило опеке только 90 тыс. руб. арендной платы и погасило казенного долга лишь на 97 322 руб., т. е. пользовалось их имуществом задаром, а их самих окончательно разорило. Общественное положение Всеволожских благодаря их хорошему отношению к графу Воронцову-Дашкову (к тому времени ставшему министром Императорского двора. – *Е.Н.*) выгоднее, чем когда-либо, тем более что он уже выступил посредником между Всеволожскими и Демидовым... В результате придется или кормить Всеволожских до их смерти, или выдавать им ссуды на разные предприятия с целью устроить их положение... Как ни велики средства Павла Павловича, тем не менее наплатить досыта... такие обширные четыре желудка, какими наделены Всеволожские, возможности не будет», – образно выражался демидовский управляющий²³.

В обсуждении возможности покупки имения участвовали не только опека, владельцы и П.П. Демидов, но и Министерство финансов, озабоченное возвращением казенных долгов. Положение Комитета министров о разрешении на сделку не ранее 1 января 1883 г. «при сохранении условий относительно обеспечения казенных долгов» было утверждено 5 марта и 22 октября 1882 г. В силу этих требований покупная сумма не могла быть ниже суммы всех признанных казенных и частных претензий, известных опекунскому управлению и зафиксированных в особом списке. С подписанием купчей арендный договор с Уральским горнозаводским товариществом должен был утратить силу, а выкупленное имение выйти из-под опеки. Выработанные в министерстве условия были дополнены частными договоренностями П.П. Демидова со Всеволожскими и Е.Н. Сатиной, в том числе о возвращении векселей на выданные им 285 302 руб., выкупе наложенных на имения запрещений на сумму 86 644 руб. и учреждении пожизненной ренты В.Н. Всеволожскому в 5 тыс. руб. сер. Все эти условия нашли отражение в подписанных 22 марта 1884 г. купчей и сопровождающих ее актах.

Как можно судить по купчей, в продажу поступали две «населенные дачи» Соликамского уезда: Александровская – с одноименным чугуноплавильным заводом, Луньевскими копиями, пристанью на р. Вильва (общая площадь 40 485 дес.) и Майкорская – с Никитинским железоделательным заводом, с. Майкорское с деревнями (113 478 дес.) и делянками Кизеловского рудника (208 дес.), а также «ненаселенные имения»: Усьвенская дача (Северные Усьвенские рудники), перешедшая владельцам по раздельному акту с наследниками А.В. Всеволожского, утвержденному 2 ноября 1881 г. (50 650 дес.), в Пермском уезде, дача на р. Косьва с Косьвенским жерновым прииском (468 дес.) и делянкой Губахинского рудника (104 дес.) в Соликамском уезде. Площадь всего продаваемого имения составляла 205 395 дес. (с учетом 198 дес. церковной земли, 8678 дес. надельной и 831 дес. земли во временном пользовании населения). Доходность всего имения «по 10-летней сложности» составляла 101 тыс. руб., а движимое имущество оценивалось в 20 тыс. руб. Но покупной была не эта мизерная сумма, а 3 276 445 руб., куда зачили долги Санкт-Петербургской сохранной казне (2 174 259 руб.) и Государственному казначейству (188 268 руб.). Правда, эти долги еще 1 августа 1881 г. были рассрочены на 37 лет П.П. Демидову как единственному в то время участнику Уральского горнозаводского товарищества. Эта льгота сохранялась и после продажи. Остальная сумма (913 918 руб.) состояла из частных долгов Всеволожских. Покупатель также переводил их на себя, но, видимо, должен был заплатить сразу. Кроме того, Министерство финансов удержало из хранившегося с 1873 г. в Государственном банке 500-тысячного залога Товарищества 365 040 руб., что примерно соответствовало сумме выкупных платежей с имения, которые прежде уже были предназначены для выплаты казенного долга. Купчую утвердили 4 июня 1884 г.

Условием сделки, продиктованным властью, было сохранение ответственности за рассроченные долги за всеми, а не только за проданными имениями Всеволожских в Пермской губернии, следствием чего стали подписанные в тот же день две закладные на эти имения. По первой Всеволожские как бы занимали у П.П. Демидова 300 тыс. руб. сер. за 7,5% на два года под залог выкупных платежей с крестьян своих негорнозаводских имений, по второй – 120 тыс. руб. под такие же проценты на шесть лет под залог самих этих имений. Поверенный П.П. Демидова 7 июня 1884 г. подписал от его имени и заранее обговоренное обязательство уплачивать В.Н. Всеволожскому с 1 января 1884 г. «пожизненный доход, или ренту, ежегодно в 5 тыс. руб.»²⁴. Так, пожертвовав родовым горнозаводским имением, которым, судя по всему, они уже не очень дорожили, наследники Н.В. Всеволожского смогли рассчитаться со своими огромными долгами.

Осуществив эту выгодную операцию, спасшую их от банкротства, Всеволожские «разделились» и между собой. Они подписали 6 апреля 1884 г. раздельный акт на остававшиеся в их общей собственности уральские негорнозаводские имения. Проект раздела был составлен еще в феврале 1884 г.; он предполагал раздел не только недвижимого имущества, но и денег, которые планировалось получить от П.П. Демидова. «Официальный раздел», как свидетельствовали сами владельцы, «существенно разнился от первого вследствие исключения из состава делимых имений наличных сумм, ожидаемых к получению от П.П. Демидова князя Сан-Донато, и от других изменений в редакции акта, что хотя и сделано с общего нашего согласия, но вовсе не в изменение существа наших соглашений, выраженных в первом нашем проекте, а по особым причинам».

Разделу подлежали части Зукайской и Кизвенской дач под общим названием «Сивинское имение» (139 437 дес., включая 21 300 дес. надельной земли) в Охан-

ском уезде, Северо-Заозерская дача с с. Никито-Ивдельское и золотыми приисками (115 014 дес., «свободных от крестьянского надела») в Верхотурском уезде, Чусовская дача в общем владении со Строгановыми и Лазаревыми (6428 дес., включая 1112 дес. надела) в Пермском уезде и Романовская дача также в общем владении (862 дес., включая 224 дес. наделов) в Соликамском уезде Пермской губернии. Цена «по совести» была заявлена на оханские земли в 475 тыс. руб., верхотурские – 350 тыс., пермские – 20 тыс. и соликамские – 2 тыс. (всего 847 тыс. руб.). В Астрахани у Всеволожских оставались после передачи рыбных промыслов казне еще «ветхие деревянные дома с пустопорожними местами». Но, поскольку во владение ими наследники не были введены, они исключались из раздела. Предполагалось в случае принятия их в казну получить «вознаграждение от Правительства свыше 500 тыс. руб.» и тогда совершить особый раздельный акт.

Из всего этого недвижимого имущества Елизавета Никитична Сатина (проживала тогда в Петербурге на набережной Крюкова канала, 9) получала часть Сивинского имения (Усть-Бубинскую волость, Лысьвенскую мельницу, Боронятские луга на Обве и часть Екатерининской волости) площадью 36 999 дес., а также Чусовскую и Романовскую дачи. Ей полагались еще 14 тыс. руб. от брата Никиты; она, в свою очередь, обязывалась передать брату Андрею 16 тыс. руб. В звании камергера Двора Его Императорского Величества действительный статский советник Андрей Никитич Всеволожский получал денежную компенсацию за свою часть владения: 100 тыс. руб. ему передавалось от брата Никиты и 16 тыс. руб. – от сестры Елизаветы. Поскольку Андрей Никитич в те годы служил таврическим губернатором и лично не участвовал в заключении актов, во всех сделках его по доверенности представлял брат Всеволод.

В должности егермейстера Двора действительный статский советник Всеволод Никитич Всеволожский (проживал в Петербурге по Бол. Морской, 30) получал в пожизненное владение 30 тыс. дес. земли в Екатерининской волости (часть Сивинского имения) и освобождался от необходимости платить личные долги, которые уплачивал за него брат Никита. Наконец, отставной гвардии ротмистр Никита Никитич Всеволожский (в Петербурге проживал по Николаевской улице, 80) становился собственником оставшейся части Сивинского имения, включая ту, что была передана в пожизненное владение брата Всеволода. Он получал также Северо-Заозерскую дачу, возможные выкупные платежи и суммы, которые могли остаться у опекунского управления после сложения частных долгов. Вместе с тем он обязывался выплатить в рассрочку деньги сестре и брату Андрею, произвести все расходы по выкупу крестьянских наделов и платить по двум закладным П.П. Демидову. Раздельный акт был утвержден старшим нотариусом Пермского окружного суда 5 июня 1884 г.²⁵

А.Н. Всеволожский 23 июня 1884 г. в Симферополе уже выдал подписку о получении с сонаследников «полного удовлетворения» в виде векселей и обязался не иметь к ним никаких претензий. В.Н. Всеволожский 28 июня передал перешедшую в его пожизненное владение часть Сивинского имения брату Никите в аренду на 12 лет с правом продления. Известно, что Всеволод Никитич управлял тогда Варшавскими театрами и находился вдали от Урала. Согласно особому договору между ними, ежегодная арендная плата составляла 15 тыс. руб., «не стесняя прав казны... и залогодержателя». Договор уничтожался в случае продажи имения за долги Н.Н. Всеволожского. Никита Никитич должен был «в рубке леса на сем участке... подчиняться правилам лесного хозяйства в казенных лесах» и более ничем не стеснялся «в получении доходов всеми способами»²⁶.

После заключения всех этих договоров Никита Никитич в том же 1884 г. издал их сборником. На последней странице собственного экземпляра он сделал запись: «XI-я наша заповедь», тем самым определив значение этих судьбоносных для младшей ветви рода уральских заводчиков Всеволожских актов. Но исполнить эту «заповедь» лично ему не удалось.

Причиной тому стали свойственные Всеволожским беспечность и невоздержанность в финансовых делах, черты, ярко воплотившиеся и в его характере. По свидетельству старожилов Сивы, Никита Никитич был «человек добрый, но ограниченный и даже пустой». Он жил в своем уральском имении наездами, но подолгу. «Все его время уходило на охоту, кутежи и забавы, очень неостроумные... Разумеется, как хозяин имения – он никуда не годился. Все его хозяйственные мероприятия сводились только к постоянным переоблидизированиям (облагораживанию. – *Е.Н.*) своих охотников, музыкантов и вообще прислуги – и только. Между прочим, он раздарил значительное количество земель из Сивинского имения людям, которые сумели ему понравиться или чем-нибудь услужить»²⁷. В 1882 г. здесь был заключен его «скандальный брак» со знаменитой драматической актрисой Марией Гавриловной Савиной, расторгнутый через девять лет.

Авторы некролога (Никита Никитич скончался в 1896 г.) нашли и добрые слова в его адрес. Они отметили остроумие и «значительный сатирический талант» этого яркого и во многом типичного представителя петербургской аристократии, принадлежавшего «к числу тех даровитых натур, которые как-то поневоле размениваются на мелкую монету благодаря и состоянию своему и той рассеянной жизни, которую они ведут с самых юных лет. Но дарование сохраняет им отзывчивое сердце и ту общительность, которая не только в нашем, вообще довольно скучном и вялом обществе, но и во всяком другом обществе высоко ценится»²⁸.

Отмечаемая всеми современниками расточительность владельца Сивы подтверждается фактами. К 1887 г. на Н.Н. Всеволожском накопилось множество вексельных долгов. Как можно судить по их списку, 18,5 тыс. руб. он задолжал герцогу Е.М. Лейхтенбергскому, 45 тыс. руб. – графу П.П. Шувалову, 25 тыс. руб. – барону А.Л. Нилль-Врангелю, более 30 тыс. руб. – драматургу А.Х. Мозеру, 4 тыс. руб. – французскому оружейному мастеру И.И. Ландере. Не оказались вовремя выплаченными и долги сестре Елизавете и брату Андрею по разделу 1884 г. В октябре 1887 г. последний заявил о накопившемся с того времени долге в размере 110 тыс. руб., отметив «крайне расстроенное положение дел брата и возможное в самое непродолжительное время назначение над ним, его делами и имуществом Высочайшей опеки или объявление его несостоятельным должником, о чем уже некоторые кредиторы возбудили ходатайство в Санкт-Петербургском окружном суде». Так вскоре и случилось.

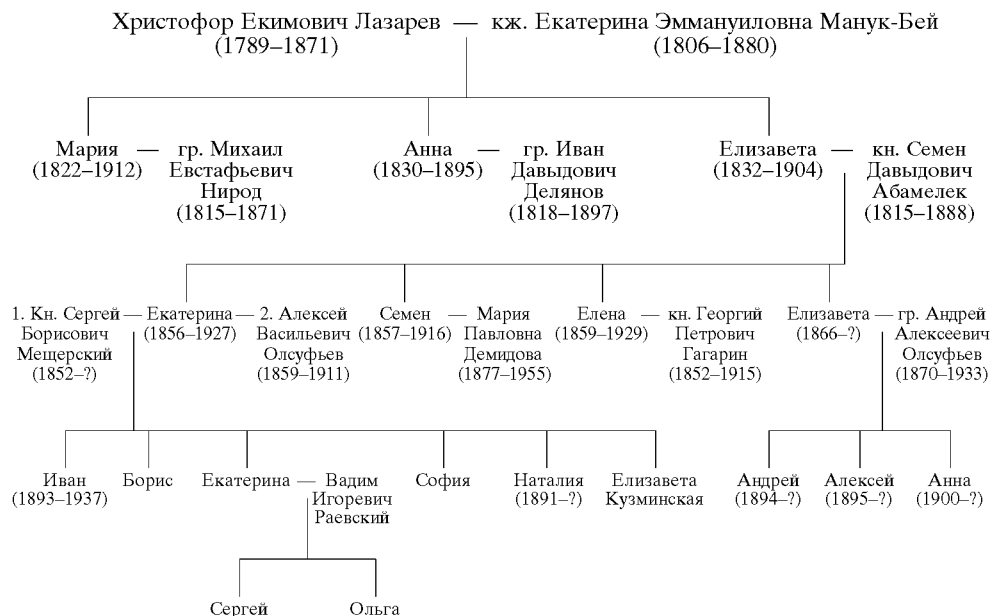
Первоначально конкурсное управление было учреждено в 1888 г. Тверским окружным судом под председательством Ф.М. Енько-Даровского. В следующем году это тверское управление было закрыто, а вместо него Петербургским коммерческим судом открыто другое конкурсное управление. Его председателем стал присяжный поверенный А.П. Коломнин. Имущество «несостоятельного должника» Н.Н. Всеволожского в Оханском и Верхотурском уездах подверглось описи. Самой ценной его частью были признаны Северо-Заозерские золотые промыслы, дававшие прежде до 200 тыс. руб. дохода. Их оценили в 956,5 тыс. руб.²⁹

Судя по всему, имения были распроданы. Известно, что Сивинское имение приобрел Крестьянский поземельный банк, вероятно, вместе с арендованной частью В.Н. Всеволожского. Позже была учреждена опека и над уральским имением

Е.Н. Сатиной, которая к началу XX в. распродала его по частям³⁰. К этому времени обе ветви рода Всеволожских, по-видимому, окончательно вышли из состава не только уральских заводчиков, но и уральских землевладельцев. История их владения заводами оказалась одной из самых драматичных в XIX в.

-
- ¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 152. Л. 201–206, 211, Ф. 24. Оп. 23. Д. 4737. Л. 328–336, 935.
- ² РГИА. Ф. 652. Оп. 1. Д. 994. Л. 4.
- ³ Описание заводов и рудников г. Никиты Всеволожского // Горный журн., 1862. Ч. 2. С. 329; *Мухин В.В.* Из истории начального этапа проникновения иностранного капитала в горнозаводскую промышленность Урала // Исследования по истории Урала. Пермь, 1870. Вып. 1. С. 125–126.
- ⁴ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 66–67; РГИА. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1038. Л. 1–2.
- ⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 157. Л. 1–23; Ф. 652. Оп. 1. Д. 1039. Л. 1–4 об.
- ⁶ Там же. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1038. Л. 3–5.
- ⁷ Там же. Д. 993. Л. 1–4.
- ⁸ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» вел. кн. Николая Михайловича (по документам РГИА) / Публикация Д.Н. Шиловой. СПб., 2003. Вып. 1. Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии. С. 29.
- ⁹ *Всеволожский А.Н.* Таблица средним ценам одной кубической сажени дров по Каме, Волге и Нижегородской железной дороге до Москвы включительно, за 1867 г. // Пермские губернские ведомости, 1868. № 38; *Он же.* Значение уральской производительности в отношении возрастающей потребности в железе // Пермские губернские ведомости, 1867. № 75, 76; *Он же.* Несколько слов о каменно-угольных копях Александровской дачи наследников Всеволожских // Пермские губернские ведомости, 1868. № 38; *Он же.* О предполагаемой Камско-Уральской железной дороге // Пермские губернские ведомости, 1867. № 98; *Он же.* Об Уральской железной дороге // Пермские губернские ведомости, 1868. № 4; *Он же.* Разбор брошюры полковника Богдановича: «Проект Сибирско-Уральской железной дороги» // Пермские губернские ведомости, 1868. № 50–54.
- ¹⁰ *Всеволожский А.Н.* Род Всеволожских. Севастополь, 1886.
- ¹¹ *Нарбут А.Н.* Всеволожские: Родословная роспись. М., 2000; *Ларионова М.Б.* Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 162–163.
- ¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 157. Л. 1–23; Ф. 652. Оп. 1. Д. 1039. Л. 1–4 об.
- ¹³ ПСЗ-П. Т. 40. № 41927.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 652. Оп. 1. Д. 994. Л. 19–20 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 1040. Л. 1–2.
- ¹⁶ ПСЗ-П. Т. 41. № 43966; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 722. Л. 18.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 652. Оп. 1. Д. 987. Л. 2, 6; Д. 1033. Л. 1–6.
- ¹⁸ Там же. Д. 987. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Д. 1040. Л. 3–5 об.
- ²⁰ *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 68–69.
- ²¹ ПСЗ-П. Т. 47. № 51217, 51359; Документы по реализации имений, оставшихся после действительного статского советника Никиты Всеволодовича Всеволожского, собранные наследником отставным гвардии ротмистром Никитою Никитичем Всеволожским. СПб., 1884. С. 13–28.
- ²² *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 69–70; РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 330. Л. 1.
- ²³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Д. 330. Л. 12.
- ²⁴ Документы по реализации имений... С. 29–34, 45–107.
- ²⁵ Там же. С. 35–44, 79–88, 89, 90.
- ²⁶ Там же. С. 108–111.
- ²⁷ *Ларионова М.Б.* Указ. соч. С. 196.
- ²⁸ Новое Время, 1896. № 721.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 196. Л. 1, 5–13, 32, 57, 61.
- ³⁰ *Ларионова М.Б.* Указ. соч. С. 111.

8. Х.Е. ЛАЗАРЕВ И НАСЛЕДНИКИ

Еще один крупный «осколок» строгановских вотчин с конца XVIII в. находился во владении известного дворянского рода Лазаревых, имевшего армянские корни. По раздельному акту между братьями Христофором и Лазарем от 16 июня 1860 г. их пермское имение перешло в единоличное владение тайного советника и камергера Христофора Екимовича Лазарева. В состав имения входили тогда четыре Чермозских завода, Ленвенские и Усольские соляные промыслы, села и деревни с 20 139 крепостными душами. Огромное, со сложной пространственной организацией имение, занимавшее площадь 830 тыс. дес., было разделено на административно-территориальные округа, подчинявшиеся Главному правлению в Чермозе. На его владельце числились огромные казенные и частные долги в размере более 1 млн руб., часть имущества находилась в залоге. Но эти долги являлись преимущественно внутрисемейными и включали выплаты основанному на средства владельцев в 1815 г. Лазаревскому институту восточных языков¹.

Обессиленный многолетней борьбой с братом Лазарем за право единоличного владения, 6 декабря 1862 г. Христофор Екимович передал управление пермским имением своему зятю генерал-майору в отставке князю Семену Давыдовичу Абамелеку. Позже тот вспоминал, что, приняв на себя управление заводами, просил у тестя «неограниченной власти и полного доверия», в чем ему не было отказано. Сам же Христофор Екимович удалился в подмосковное имение Плещеево, откуда осуществлял общий контроль за своим обширным хозяйством.

В переписке владельца с местными управлениями предстает его образ как расчетливого и строгого хозяина дореформенной поры, с высоты своего положения не вдававшегося в детали управления, а ограничивавшегося лишь общими наставлятельными указаниями. «Вообще о делах с наблюдением, с осторожностью, с пользою и по устройству всегда без утраты времени и без упущений, и еще без отлагательства распорядиться и действовать сообразно необходимости и благоустройства

по всем частям и предметам... – наставлял он приказчиков. – Доставлять и сообщать все то, что окажется надлежащим для сведения и хозяйственного распоряжения... Предупреждать деятельностью и наблюдением всякого рода растраты и ущербы. Водворять хозяйство в правильности и в расчетах». Его предписания, как правило, начинались словами «повторяется и подтверждается о разных предметах, о которых часто и всегда сообщалось для сугубой исправности и верности и преданности, также относительно действий и успехов, более заботливых и осторожных по наблюдениям и по распоряжениям». В августе 1870 г. он, в частности, сообщал, что «князь Семен Давыдович с семейством на днях сюда в Плещеево будет, потом князь отправится в Пермь и в заводы по-прежнему для обзора»².

Успешное управление князя заводами, вероятно, предопределило решение Христофора Екимовича сохранить сложившееся в последние годы его владения положение и после своей смерти. В составленном 18 ноября 1871 г. завещании заводчик выражал «искреннее желание», чтобы пермским имением управлял «любимый и достойный зять и друг» С.Д. Абамелек как «вполне ознакомленный уже с делами имения в течение 10-летнего его трудолюбивого управления». Своих наследниц – «нежных супругу и дочерей» – он убедительно просил «никак не подвергать разделу пермское имение и ни под каким видом не допускать выдела из него каких-либо частей в отдельное их пользование, но оставить его в общем владении навсегда и делить по закону между собой справедливо только доходы». Во взгляде на этот вопрос Христофор Екимович остался верен себе до конца, стремясь к «нераздельному владению» все предшествующие годы. Движимое имущество – «картины, вазы, статуи, бриллиантовые, золотые, серебряные, бронзовые, фарфоровые, хрустальные и другие вещи, равно столовое, чайное серебро, белье, мебель, экипажи и все прочее» – передавалось им жене Екатерине Эммануиловне (урожденной княжне Манук-Бей). Родственникам и близким знакомым следовало 57 150 руб., служащим – 14 950 руб. По 500 руб. получали Императорская публичная библиотека, Санкт-Петербургское главное попечительское общество и Комитет о тюрьмах, членом которых состоял Христофор Екимович, 10 тыс. руб. завещалось Управлению армяно-грегорианских церквей, 2,5 тыс. руб. – армянским церквям России и 500 руб. – церкви Чермозского завода. Лазаревскому институту доставалось 6 тыс. руб. «для присоединения к неприкосновенному его капиталу», ему же предназначалось 200 тыс. руб. из ожидавшихся выкупных платежей³.

Всего через несколько дней, 9 декабря 1871 г., достигший 82-летнего возраста действительный тайный советник и камергер Христофор Екимович Лазарев скончался. Наследниками всего его имущества остались вдова и дочери – Мария (была замужем за генерал-лейтенантом графом Михаилом Евстафьевичем Ниродом), Анна (супруга действительного тайного советника, сенатора, члена Государственного совета, министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова) и княгиня Елизавета Абамелек. После утверждения в правах наследства они совершили раздел имущества.

Возможно, к такому решению наследниц склонила записка, представленная в начале того года князем Семеном Давыдовичем «для ознакомления владелиц с трудностями по заводским делам». «Заводы, к сожалению, самой природой поставлены в затруднительное положение, – признавался «главный распорядитель». – Чермозский, Полознинский и Хохловский находятся на Каме и не имеют рудных залежей; Кизеловский – обладает ископаемыми богатствами – рудами, каменным углем, камнем разных родов, песком и глиной, но удален от Камы на 120 и 160 верст. Между тем он один только может снабжать прикамские заводы чугуном, а Чермоз-

ский завод еще и рудами и даже камнем. Заготовка затруднена по малому населению Кизеловского завода и требует заподрядка крестьян, живущих за Камой. При крепостном времени этих затрат не существовало: наряжали тысячи человек, когда нужно было, и они шли за 150 верст на работу в Кизеловский завод... Ныне из-за того, что крестьяне неохотно туда идут, завод может прекратить свое существование за недостатком руд». Вместе с тем князь подчеркивал, что заводы находятся «в самом лучшем состоянии и, можно сказать, превосходят как в техническом, так и в материальном отношении окружающие их заводы других владельцев». «Фабрики, домны, плотины содержатся в самом строгом порядке», – отмечал он и добавлял, что недавно были открыты два новых железных рудника «с прекрасной и мягкой рудой», три каменноугольные копи давали уголь «хорошего качества», на котором с 1869 г. действовал Кизеловский завод «за исключением доменных печей».

По свидетельству князя, выплавка чугуна в округе составляла 350–400 тыс. пуд., руды заготавливалось в объеме от 800 тыс. до 1 млн пуд., каменного угля – 300–600 тыс. пуд., древесного угля – 42 тыс. коробов, железа выделялось от 225 тыс. до 280 тыс. пуд., соли вываривалось до 1 млн пуд. В 1870 г. общий доход имения составил 739 тыс. руб. Из него требовалось отчислить на возросшую с 364 тыс. в 1864 г. до 429 тыс. в 1870 г. заработную плату рабочим и служащим и на другие операционные и попечительские расходы всего 527 тыс. руб. Остатком суммы погашались выплаты по долгам Московской (65 065 руб.) и Петербургской (189 983 руб.) сохранным казнам и частным лицам, достигшие к тому времени 532 154 руб. Частные долги «были произведены большей частью с 1855 г. для беспрестанного пожертвования Институту и для раздела с Лазарем Екимовичем». Они делались в основном за счет займов у обширной и богатой родни Лазаревых «с ведома владельца и содействия любезной матушки Екатерины Эммануиловны», которая сама отдала на развитие заводов почти 300 тыс. руб. Примерно 60 тыс. руб. было необходимо выплатить по завещаниям владельцев, 258 тыс. руб. – Лазаревскому институту. Общая сумма задолженности, таким образом, составляла 1 045 098 руб. Хотя С.Д. Абамелек утверждал, что «кредит нашего дома до того тверд, что я всегда в состоянии занять до 100 тыс. руб. и более у наших железопокупателей в счет нового железа», необходимость расплачиваться со значительными долгами подрывала бюджет имения и сокращала доходы владельцев. Если «во время крепостного права» заводы приносили «чистый» доход в 200–300 тыс. руб. сер., то с 1861 г. он стал постепенно уменьшаться, «между тем как требование капитала на действие заводов ежегодно чрезвычайно увеличивалось».

Главной проблемой развития заводов С.Д. Абамелек считал отсутствие запасного капитала. «Если бы владельцы, – писал князь, – откладывали ежегодно, начиная хотя бы с 1840 г., когда все прежние частные долги были уплачены, по 50 тыс. руб., то к 1861-му критическому году запасной капитал у них простирался бы слишком за миллион рублей». Но, поскольку этого не произошло, «ныне заводы поглощали $\frac{3}{4}$ всей выручки». Поняв это, еще Христофор Екимович в последние годы жизни «ограничил собственные свои расходы и благодаря этой благоразумной мере удержал свои дела в балансе и успел произвести платежи по некоторым долговым обязательствам». «Главный распорядитель по делам пермского имения» полагал, что и ему удастся «поддержать кредит Лазаревского дома», но рассчитывал при этом в основном на выкупные платежи более 20 тыс. временнообязанных крестьян. Они тем не менее вовсе не торопились с выкупом земли, несмотря на то что в 1867 г. Христофор Екимович «простил крестьянам долга до 305 тыс. руб., сбавил цифру оброка с 9 руб. до 5 руб. 45 коп., разрешил безвозмездный отпуск топлива за

умеренную плату». «При нынешнем вольном и, можно сказать, беспорядочном и недобросовестном труде никакие энергичные попытки не могут предотвратить неустойчивость и недоработки», – делал заключение «распорядитель» и просил у владелиц «морального доверия», которое одно только и могло, по его словам, дать ему «необходимую энергию» и дальше руководить имением⁴. Видимо, эта необычная просьба и общий тон записки князя С.Д. Абамелека склонили владелиц отказаться от имения в столь опасной для них ситуации, сложить с себя всякую ответственность и ограничиться получением небольшого, но гарантированного дохода.

В соответствии с «раздельной записью» от 11 ноября 1872 г., все недвижимое имущество поступало в единоличную собственность жены князя Елизаветы Христофоровны Абамелек с переводом на нее еще полностью не выплаченного долга Петербургской и Московской сохранным казнам (тогда составлявшим 241 448 руб. сер.) и других долгов (институту – 200 тыс., частным лицам – 275 153 руб. и выдач по завещанию – 65,3 тыс. руб.). «Взамен отданного имущества» матери выделялся капитал в размере 362 784 руб., сестрам – по 568 435 руб., которые исчислялись из общей оценки имения (2850 тыс. руб.) за вычетом долгов. С Екатериной Эммануиловной, видимо, расчет был произведен сразу, а сестрам Елизавета Христофоровна выплачивала по 7% (всего по 79 580 руб.) в течение 26 лет (до 1898 г.). При таком порядке расчета «выделенные» наследницы должны были получить 2 431 864 руб. сер., т. е. почти полную стоимость имения⁵. Как и прежде, лазаревское хозяйство обременялось огромными долгами, но взамен приобретало единственного владельца. В глазах заводчиков это, видимо, вполне уравнивало негативные последствия раздела.

Таким образом, в 1872 г. пермское имение Лазаревых перешло во владение рода князей Абамелек. В связи с пресечением мужской ветви Лазаревых 6 января 1873 г. Государственный совет разрешил супругам Абамелек и их потомкам именоваться князьями Абамелек-Лазаревыми. Получив доверенность от владелицы, Семен Давыдович продолжал управлять вотчинами своей жены в течение еще 13 лет до своей кончины в 1888 г. В Петербурге находилась Главная контора всех имений Абамелек-Лазаревых (Невский проспект, 40/42); там же, в домах, построенных предками, проживала семья владелицы.

Семен Давыдович контролировал заводы и промыслы по давно отработанной схеме дистанционного управления, ежемесячно получая доклады главноуправляющего пермского имения, а раз в две недели – донесения от Чермозского главного правления. В Петербургской конторе составлялись черновики предписаний князя, которые он внимательно просматривал и выправлял. Стиль этих черновиков почти не отличался от типичных «повелений», которые составлялись в конторах заводчиков дореформенного периода. Предположительно, это свидетельствовало о том, что в центральном управлении все еще работали представители «старой школы» крепостных служителей. Сам же Семен Давыдович переходил уже к более деловой манере изложения.

О характере его правки свидетельствует, в частности, письмо от 13 января 1881 г. «На представление мне годового отчета по вотчинному хозяйству назначен срок, к коему должны быть подготовлены все необходимые сведения... а как небрежное представление конторами в Правление позволяется уже не в первый раз вопреки моим предупреждениям, вследствие чего невольно отлагается и представление отчета мне... – было начертано в наброске предписания. – Доменное действие в Кизеловском заводе... в течение ноября крайне неудовлетворительное... Видя подобное положение дела, я вправе задать вопрос управляющему: до-

статочно ли он знаком с доменным производством, чтобы принять на себя ответственность за дурное ведение дела, от коего постоянно несет убытки владельца имения? В ноябре выплавлено чугуна на обоих горнах всего только 25 467 пуд. и выполнено поденщин по доменному и литейному цехам 3180, следовательно, на каждую поденщину приходится полученного по выплавке металла около 8 пуд.! Да разве подобную безурядицу в хозяйстве можно называть хозяйством? При таком ведении дела, на которое обращается внимание только по форме, как на заведенную машину, во что же будет обходиться чугун и оправдывается ли поденщина подобною ничтожною выплавкой? ... Имея все это в виду, как лишнее бремя на достояние владелицы, предоставляющей все средства к тому, чтобы заводское производство в ее имении и правильное хозяйство велись на разумных началах, а не произвольно, я не могу найти никаких извинений для местного Кизеловского правления, которому давно уже время подумать о более правильном исполнении принятой на себя обязанности...»

Князь зачеркнул весь этот текст и вместо него по-военному четко написал: «Вследствие небрежного оставления конторами в Чермозское правление сведений по вотчинному хозяйству вновь подтвердить к точному исполнению. При Чермозском правлении составление годового отчета окончить и передать ко мне через мою контору к 15 декабря. Если из какой-либо конторы не будет представлено сведений к определенному сроку или сведения представятся без должной проверки, то об этом мне донести... Новиков должен следить за исполнением». Разнос заводоуправлению о выплавке чугуна, объем которой мог периодически меняться по разным причинам, был полностью исключен. От первоначального текста остались лишь пункт об утверждении бывшего помощника караванного приказчика Баканина на место писаря и благодарность доктору А.С. Шраму «за утешное пользование больных». Князь также предписал уведомить его, «улучшилась ли в переделках полазнинская болванка и какие выводы оказываются при сортировке готового железа»⁶.

Все это свидетельствует о смешении старых и новых принципов в управлении вотчинным хозяйством и о переходе заводчика от прежних наставлений и угроз крепостным служителям дореформенного периода к более деловому стилю общения с наемными и образованными управляющими. Но патриархальные отношения изживались постепенно, что подтверждается сохранявшимся с прежних времен правилом утверждения владельцем назначений даже на мелкие служительские должности, а также, к примеру, распоряжением почтить на заводах по давно заведенной традиции кончину Екатерины Эммануиловны в 1880 г. Мастерские тогда были «угощены чаркою вина с булкою, а для служащих и духовенства по совершению панихиды по усопшей приготовлены были... в квартире г-на Пивинского, за болезнью г-на главноуправляющего, закуска и завтрак»⁷.

В последних предписаниях князя сквозит усталость от долголетнего управления сложным и обширным горнозаводским имением, требовавшим постоянного внимания и забот. Весной и летом 1884 г. в переписке с управляющим Петербургской конторой С.Ф. Ипановым жалобы Семена Давыдовича становятся постоянными. «Прошу тебя никаких писем ни по чьему велению ко мне не присылать, – приказывал он из Нишцы. – После 22-летних мучений имею право дней хоть 20 отдохнуть здесь летом. Ничего не радует». «Здоровье мое отлично: силы есть, – сообщал он, – но малейшая забота производит трясение, легкое, правда, что означает либо нервное раздражение, либо старость». Князь ворчит и по поводу замеченного им европейского «могущества науки и просвещения», в отличие от отечественного «могущества невежества и бедности».

Вернувшись в Россию, он вновь окунулся в нервирующие его хозяйственные заботы. Так, 14 июля князь сообщал, что «обедали у знаменитого графа Толстого» (имение Абамелеков Голощапово находилось поблизости от Ясной Поляны) и одновременно с этим беспокоился о необходимости перевода денег на заводы. «Критиковать меня легко, – вновь жаловался он, – а выворачиваться должен один я». Его неприятно удивляют «необузданные расходы» пермского правления: «По уменьшенной исправленной смете на май, июнь и июль требовалось 242 тыс. руб. и такая сумма мною исполнена с 14 апреля по 2 июля включительно. А выходит, что такой суммы хватило только до 12 июля и требуется еще 25 тыс. Просто посрамление».

Вместе с Елизаветой Христофоровной в августе князь едет на Нижегородскую ярмарку. «Ярмарка не радует, – делится он своими впечатлениями, – по 13 августа сумма за железо вышла равная прошлогодней, но с той разницей, что ныне на 25 тыс. пуд. железа более, а сумма равна прошлогодней от убавки цены. Другое горе, что на железо есть жалобы и что воды так мало, что 40 тыс. пуд. железа привезено в шести барках, тогда как одна барка поднимает в посредственную воду 40 и 50 тыс. пуд. На счет уплаты банкам не думаю, что могут быть опасения. А как мы пробьемся этот год, вот горький вопрос!» «И соль, и железо запродали на три года, хотя с уменьшением в цене, но все лучше, чем остаться без покупателей и продавать за бесценок железо», – замечает он в следующем письме. Сообщая, что княгиня выезжает в Петербург, Семен Давыдович не забывает напомнить управляющему «доставлять ей всякое утро к утреннему чаю “Новое время”», а по окончании ремонта в квартире «с большой осторожностью» обращаться с дорогими его сердцу (он сам увлекался живописью) картинами Айвазовского и Зарянко. Сам же князь из Нижнего отправляется на заводы. «Смерть как не хочется ехать в Пермь», – заключает он одно из своих последних писем⁸.

«Князь Семен Давыдович, посещая ежегодно в течение 22 лет заводы, знал всех и каждого и был искренно любим народом», – писал инженер Н.Н. Новокрепленных⁹. Еще до кончины мужа Елизавета Христофоровна доверила сыну и главному наследнику Семену Семеновичу Абамелек-Лазареву в мае 1886 г. «заведование и управление всеми каменноугольными копиями», через два года – «всеми без исключения недвижимыми и движимыми имуществами, в том числе находящимися в Пермской и Вятской губерниях железоделательными, чугуноплавильными и другими заводами и каменноугольными копиями», а в 1892 г. – также и «получать из Государственного банка процентные бумаги, фонды, акции, облигации и вексельные закладные листы». К тому времени он уже окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, организовал научную экспедицию на Ближний Восток, в ходе которой был найден знаменитый Пальмирский таможенный тариф, подаренный Эрмитажу. Он имел чины титулярного советника и камер-юнкера. Облаченный полным доверием матери, 30-летний князь в свою очередь в 1887 г. выдал доверенность на управление технологу первого разряда Н.Н. Новокрепленных, а в 1891 г. – горным инженерам М.М. Севостьянову и Н.А. Пивинскому, исполнявшим по очереди обязанности главноуправляющего пермского имения¹⁰.

Не оставляя придворной службы (в 1895 г. ему пожалован чин шталмейстера), Семен Семенович основательно втягивается в заботы по управлению горнозаводским имением, набирается опыта, изучает российское и европейское горное законодательство, в начале XX в. даже публикует свои сочинения о принципах организации горнозаводской промышленности, о таможенных пошлинах на металлы; в 1895 г. становится членом Горного совета при Министерстве земледелия и государ-

ственных имуществ. Он основательно готовится к роли не только управляющего, но и владельца родового пермского имения, которое после смерти матери по установившейся традиции должно было достаться именно ему как единственному наследнику мужского пола. Сестры еще при жизни матери были выделены «рядными записями». Екатерина (с 24 января 1879 г.) была замужем за поручиком лейб-гвардии Казачьего полка князем Сергеем Борисовичем Мещерским. Этот брак был расторгнут решениями Рижского епархиального начальства от 22 августа и Синода от 11 сентября 1906 г. «с дозволением С.Б. Мещерскому вступить в новое супружество, разрешив таковое и Екатерине Семеновне по выполнению ею церковной епитимии». Она вышла замуж 4 ноября 1906 г. за надворного советника в отставке Алексея Васильевича Олсуфьева. Сестра Елена была замужем за князем Георгием Петровичем Гагариным, а Елизавета (с 27 января 1893 г.) – за чиновником особых поручений при военном министре корнетом лейб-гвардии Кирасирского полка графом Андреем Алексеевичем Олсуфьевым¹¹.

Поэтому, когда 8 ноября 1904 г. Елизавета Христофоровна скончалась, суду не потребовалось даже «публикации о вызове наследников», поскольку «к ее наследственному имуществу права по закону были предъявлены только состоящим в должности шталмейстера действительным статским советником князем Семеном Семеновичем Абамелек-Лазаревым». В оценочную сумму наследства (2 701 260 руб.) вошли 174 703 руб. наличными, процентные бумаги на 571 615 руб., недвижимое имущество в городах (717 570 руб.) и уездах, «носящих промышленный характер» (1 237 372 руб.), и, кроме того, «в неподлежащих оплате наследственной пошлиной землях в уездах и долговом имуществе на 650 855 руб.»¹².

Семен Семенович вступил во владение пермским имением (по распоряжению Петербургского окружного суда от 11 декабря 1904 г.) в кризисный период, когда уже обанкротились или находились на грани банкротства многие уральские заводо-владельцы. Но, по признанию специалистов, он сумел успешно преодолеть финансовые трудности и показать один из немногочисленных примеров «успешного и динамичного развития крупного промышленного хозяйства в постфеодальном рынке»¹³. Можно уверенно говорить, что в первую очередь это удалось в результате рационального ведения многоотраслевого хозяйства и умелого лавирования в зависимости от динамично менявшейся рыночной конъюнктуры между металлургической, каменноугольной, лесной, платиновой и соляной отраслями промышленности, получившими развитие в его пермском имении. Такую возможность князю давали неограниченные владельческие права на богатейшие природные ресурсы имения, а также, безусловно, свойственный ему талант предпринимателя¹⁴. Кроме того, по признанию пермского губернатора И.Ф. Кошко, С.С. Абамелек-Лазарев «обладал даром находить способных людей, которым доверял управление на месте». На протяжении многих лет главноуправляющим был горный инженер Н.А. Пивинский. После его смерти в 1913 г. управление пермским имением принял бывший директор Горного департамента Н.Н. Курмаков. Талантливейший, по оценке того же губернатора, горный инженер В.Н. Грамматчиков руководил Кизеловскими каменноугольными копиями, дававшими в отдельные кризисные годы 70–90% бюджета имения. Сам Семен Семенович остался в памяти губернатора 50-летним. «Высокого роста смуглый брюнет с огненными глазами, – вспоминал И.Ф. Кошко, – князь был положительно красив и по типу своему напоминал итальянца. Скандированная речь, какая бывает у русских, в детстве начинающих не на родном языке, а по-английски, плавность движения, необыкновенная, может быть, даже несколько аффектированная любезность – все это оставляло в общем симпатичное впечатление.

Большую часть года князь жил или за границей или в одном из имений Средней России. На Урале он обязательно бывал ежегодно и проживал там один-два месяца, лично направляя свои предприятия»¹⁵.

По данным Горного департамента, за 25 лет (1880–1905 гг.), из которых 20 лет заводами руководил С.С. Абамелек-Лазарев, в пермском имении было затрачено «из доходов предприятия» на новые постройки и сооружения 2 874 664 руб., отчислено на увеличение оборотного капитала 8 439 776 руб., выплачено по долгам и обязательствам по разделу между наследниками 2 400 498 руб., т. е. всего 13 894 082 руб. «За все 25 лет, таким образом, все доходы шли на улучшения, усовершенствования, расширение и обеспечение предприятия, – констатировали чиновники. – Рост добычи и производства был непрерывным: каменного угля с 1550 тыс. до 20 857 тыс. пуд., соли с 1322 тыс. до 1,5 млн пуд., железной руды – с 1549 тыс. до 2273 тыс. пуд., чугуна – с 339 тыс. до 1103 тыс., всего железа – с 303 тыс. до 1039 тыс. пуд.» «Далеко не в таком положении, – добавляли они, – находятся другие горнозаводские предприятия Урала, которые, за исключением двух-трех, все задолжены, едва сводят концы с концами, третьи работают в убыток, и их владельцы кончают тем, что стремятся навязать их казне»¹⁶.

Успешно решая производственные и финансовые проблемы, заводчик не мог не думать и о дальнейшей судьбе пермского имения. Если вступление князя во владение в 1904 г. не вызвало никаких осложнений, то после его кончины могли возобновиться негативные процессы, которые сопровождали владение пермским имением при деде Христофоре Екимовиче и его братьях в 1820–1850-е гг. Тогда из-за распри между совладельцами заводы оказались на грани банкротства. Семен Семенович 20 апреля 1897 г. в Гельсингфорсе женился на совладелице Нижнетагильских заводов Марии Павловне Демидовой; детей в семье не было. В такой ситуации по закону наследниками становились его сестры и их потомки. Уже в 1905 г. князь стал задумываться о будущем своего имения, что отразилось в ходатайстве, поданном тогда в Министерство торговли и промышленности. Князь просил «об учреждении после его смерти особого управления принадлежащим ему горнозаводским имением по примеру Высочайше утвержденных положений об управлении имениями наследников С.С. и П.С. Яковлевых, П.П. Демидова и графа П.П. Шувалова».

Представляя проект положения, князь пояснял, что «ходатайство его об устройстве особого, в изъятие из общих законов, порядка управления вызвано желанием избежать дробления между многочисленными наследниками крупного горного имения, свыше 800 тыс. дес. в Пермской губернии, с находившимися на нем заводами, каменноугольными копиями, приисками и соляными промыслами, что повлекло бы за собой полное расстройство дела, а с тем вместе и ущерб для государства». Предполагалось все принадлежавшее ему движимое и недвижимое имущество, находящееся в России («соляные магазины в Сарапуле Вятской губернии, дом с землей и со складами для железа и леса и соляные магазины в Перми на берегу Камы, дом с конторой на Нижнем базаре в Нижнем Новгороде, все движимое имущество, товары, материалы, пароходы и пр.»), «равно как и всякие капиталы, относительно которых не будет сделано завещательного распоряжения и которые останутся после его смерти», присоединить к пермскому имению. Управление передавалось дважды в год созывавшемуся Общему собранию владельцев и постоянно действовавшему Главному правлению из трех избираемых на три года членов. «Для более удобного владения и распределения степени участия в имении каждого из совладельцев» на первом собрании определялось «общее число нераздробимых долей». За основу расчета бралась «та дробная часть имения, которая придется на-

следнику, получившему право на наименьшую часть в имении, и число, изображающее эту часть, помноженное на 10, представляло бы все количество нераздробимых долей имения». Каждая такая доля давала право на один голос в Общем собрании владельцев.

На случай «оставления по духовному завещанию чистого дохода с того имения кому-либо в пожизненное пользование», Семен Семенович ходатайствовал, «дабы узаконено было, что проектируемое положение... вступает в полную силу только по смерти этих пожизненных владельцев имения, а во время пожизненного владения они пользуются правами общих собраний и назначения членов Главного правления, законные же наследники в этом имении, его вотчинники, доли коих будут распределены тотчас после его смерти, должны во время упомянутого пожизненного владения иметь право контроля над Главным правлением имения и установленных проектируемым положением жалоб на него».

Изучая правомочность и целесообразность столь необычного ходатайства заводовладельца, чиновники Горного департамента отмечали «ту особенность, что оно касается установления особого порядка управления имуществом, ныне лично одному просителю принадлежащего, по переходе сего достояния после смерти просителя к его наследникам... озабочиваясь будущей судьбой созданного трудами предков и самого просителя крупного предприятия и видя только в учреждении такого управления залог процветания имения». «Министр торговли и промышленности, – писали они, – не может не принять в соображение того обстоятельства, что раздробление столь значительного горнозаводского имения, приносящего и ныне, несмотря на неблагоприятные условия промышленной жизни, крупные доходы собственнику его, дающего заработок многочисленному рабочему населению и имеющего все природные и экономические условия для дальнейшего роста и процветания, уплачивающего исправно все государственные и земские повинности и до сих пор не обращавшегося к казне за какими-нибудь субсидиями, явилось бы нежелательным уже даже с общегосударственной точки зрения».

Подвергся изучению и сам факт нераздробимости имения. «Три железодельных завода пермского имения: Чермозский, Кизеловский и Полазнинский обслуживаются лесной площадью, обеспечивающей выплавку чугуна на древесном угле (на Урале нет месторождений каменного угля, дающего кокс, пригодный для выплавки чугуна) при правильном обороте рубки на вечные времена, – констатировали чиновники. – Отделение части лесной площади, неизбежное при разделе имения, от этих заводов может повести к их закрытию. Если же разделить дачу между владельцами и затратить крупные капиталы на постройку новых заводов, то заводы эти останутся либо без достаточного количества топлива, либо без руды, которая не по всей площади имения открыта и добывается пока только в Кизеловском округе, либо, наконец, окажутся расположенными вдали от путей сообщения, между тем как ныне действующие заводы обеспечены и в том, и в другом, и в третьем отношении. Равным образом, платина добывается в определенных местах имения по протокам реки Косью и другим мелким речкам; соль – в одном месте по берегам реки Камы, уголь – в другом около Кизела и пр. Засим сами заводы оборудованы так, что в Кизеловском округе добывается руда и выплавляется чугун, в Полазнинском же и Чермозском, являющимися округами исключительно железодельными, руды нет и выплавки чугуна не производится, и с отделением от имения, например, Кизеловского округа, два других округа вынуждены будут закрыться».

В итоге рассмотрения проект признавался департаментом «в общих чертах согласованным как с подобными же положениями об управлении... так и с установив-

шимся типом уставов акционерных обществ и товариществ на паях». Хотя он имел некоторые отличия «второстепенного характера», но они зависели «от воли самого владельца» и не вызывали возражений «по существу». Все это, по мнению горных чиновников, позволяло надеяться, что «Правительство окажет содействие к обеспечению имения от раздробления и разорения». В феврале 1907 г. с этим мнением согласился и министр торговли и промышленности Д.А. Философов¹⁷.

Переданный министру финансов В.Н. Коковцову проект также «не встретил принципиальных возражений» с его стороны. Министр, конечно, уловил, в чем основное отличие проекта от ему подобных, но считал это «изъятие из общих законов не нарушающим ни интересов казны, ни чьих-либо частных интересов и в то же время обеспечивающим успешное ведение одного из крупнейших в России горнозаводских предприятий». Однако противозаконным нашло проект Министерство юстиции. Он, определили там, все-таки «отступает от действующих законов», в частности, от мнения Государственного совета 11 июля 1855 г., в соответствии с которым просить об учреждении общего управления могли лишь сами будущие владельцы. В принятии за наследников С.С. Абамелек-Лазарева решения казенные юристы усмотрели нарушение их «законных прав». Кроме того, они заметили, что проситель «домогался учреждения особого управления не только означенными предприятиями, но и всем его достоянием в пределах Российской империи».

Поверенному князя гофмейстеру П.Н. Семенову пришлось объяснять, что «устройство нового порядка управления, обеспечивая нераздробимость пермского имения, направлено на достижение той же цели, которая, по-видимому, положена в основание закона 11 июля 1855 г., и что осуществление изъясненного намерения просителя, казалось бы, соответствовало бы и интересам его наследников». Присоединенное к имению имущество, пояснял он, обеспечивает сбыт продукции заводов и промыслов и потому непосредственно с ним связано. Все капиталы предполагалось «оставить в пользу горнозаводского имения», для того чтобы «обеспечить его оборотными средствами». Другие «дома и имения», принадлежавшие С.С. Абамелек-Лазареву, объяснял поверенный, в состав пермского горнозаводского имения не войдут, и в отношении их уже сделаны князем «завещательные распоряжения».

Для большей убедительности был представлен список всех наследников князя. В него вошли жена М.П. Абамелек-Лазарева, сестры Е.С. Олсуфьева, Е.С. Гагарина, Е.С. Олсуфьева, племянники Борис, Иван, София, Наталия, Елизавета Мещерские и Екатерина Раевская, Андрей, Алексей, Анна Олсуфьевы и внучатые племянники Сергей и Ольга Раевские – всего 15 человек, которые могли претендовать на имущество князя.

Горному департаменту вновь пришлось «войти в рассмотрение дела». В составленной справке указывалось на опасные последствия многовладения, когда после смерти князя в свои права вступят наследники. «Каждый из них пришлет своего управляющего в имение, – прогнозировали чиновники, – после чего произойдет неизбежное разделение или повторение ходатайства князя Абамелек-Лазарева». «В предотвращение распада крупного, прекрасно поставленного дела, созданного трудами целых поколений, и могущего процветать только в целом составе, и возбуждено ходатайство», – утверждали они. Убеждая принципиальных юристов, чиновники заявили, что «законы принимаются не только по букве, но и по разуму их» и поэтому «по духу закон 1855 г. может вполне быть применен и к данному делу». В противном случае, предупреждали они, князь может «продать в другие руки имение и лишить наследников и государство прочно устроенного и обеспеченного на много лет крупнейшего горнозаводского предприятия, около которого кормят-

ся десятки тысяч горнозаводского населения». Видимо, чтобы избежать излишних затруднений, было предложено даже утвердить проект «в порядке Верховного управления» без санкции уже действовавшей в то время Государственной думы.

Вопрос обсуждался в Совете министров 24 февраля 1909 г. Несмотря на то что Министерство юстиции к этому времени сняло свои возражения, Совет все-таки не решился утвердить его. «Рассмотренный проект, как содержащий в себе постановления, затрагивающие интересы третьих лиц и находящиеся в противоречии с некоторыми правилами действующего законодательства, – было записано в постановлении, – не может... быть утвержден в порядке Верховного управления, а должен быть представлен на уважение законодательных учреждений, буде к такому направлению настоящего дела не встретится препятствий со стороны просителя». В Горный департамент 23 июля 1909 г. поступило заявление князя: «Прошу... дальнейшего направления моему делу не давать и на уважение законодательных учреждений его не представлять»¹⁸.

Поступок князя, четыре года терпеливо дожидавшегося утверждения составленного им проекта, объясняется, как представляется, тем, что к этому времени он нашел другое решение волновавшей его проблемы. Именной указ об учреждении заповедного имения С.С. Абамелек-Лазарева вышел 30 мая 1909 г. В его состав были включены села Рождествено («Голощапово тож») и Лукино в Крапивенском уезде, Страхово («Знаменское тож») и Быхово в Алексинском уезде Тульской губернии, местечко Крутые Балтского уезда Подольской губернии (общая площадь 6911 дес.). К заповедному имению присоединялись также два участка в Петербурге (по Итальянской ул., 11 и между Миллионной ул. и набережной Мойки). Вторым участком был приобретен князем в 1904 г., после того как родовые дома Лазаревых на Невском проспекте, где он проживал прежде, перешли во владение армянской общины. На Миллионной и набережной Мойки для проживания семейства князя были перестроены и соединены в единый комплекс роскошно обставленные дома. В здании, выходившем на Мойку, был сооружен даже особый зал для увлекательнейшей танцами княгини Марии Павловны.

Как и полагалось при учреждении майората, в указе назывались имена его последующих владельцев. После смерти Семена Семеновича имение должно было перейти к старшему наследнику мужского пола и его потомкам. Таковым был признан племянник князь Иван Сергеевич Мещерский. В случае его «бездетной кончины или пресечения потомства» владельцем становился другой племянник – граф Андрей Андреевич Олсуфьев и его потомки. Условием такого порядка наследования было пожизненное владение М.П. Абамелек-Лазаревой петербургскими особняками¹⁹. Хотя основную территорию майората составили полубившиеся князю с детства тульские имения, его учреждение сыграло свою роль и при назначении наследников главного достояния рода Абамелек-Лазаревых – пермского имения на Урале.

В 1904, 1912 и 1913 гг. Семен Семенович составил несколько завещательных актов и дополнений к ним. Сначала он распорядился своими «заграничными капиталами, составленными многолетним трудом». Их происхождение объяснил после кончины князя близкий ему управляющий Главной петербургской конторы П.А. Пепеляев. «За последние десятилетия доходы пермского имения достигали до 1,5 млн руб. в год, но брать из них можно было не более половины, чего незабвенный князь и придерживался строго. Но, беря эту половину, князь расходовал из нее на прожиток не более 150 тыс. руб. в год вместе с содержанием здешнего дома. Остальную же сумму помещал в процентные бумаги за границей... Мудрая предумо-

трительность незабвенного князя дала возможность составить такой заграничный капитал, доходы с которого... дают такую сумму, как 450 тыс. руб., о которой князь только думал как о пожизненной ренте (но никогда не проживал)²⁰.

Доходы от этих «заграничных капиталов» в первом своем завещании князь передавал тульскому дворянству после пожизненного пользования женой. «В память незабвенных моих родителей... желая сделать доброе и полезное дело для населения Тульской губернии, в которой я провел лучшие годы моей жизни и где с XVIII столетия мои предки владели родовыми имениями», он предназначил их для учреждения стипендий «на образование детей, преимущественно сирот потомственных дворян», и для организации «врачебно-санитарных пунктов и нескольких заразных барачков». В 1913 г. князь определил проценты от 1 млн франков из тех же капиталов тратить на содержание приобретенной им в 1904 г. римской виллы «Абамелек». После пожизненного владения Марией Павловной эта роскошная вилла, граничившая с Ватиканом, завещалась Санкт-Петербургской академии художеств «для жительствова в ней пенсионеров Академии, изучающих в Риме живопись, скульптуру и архитектуру». Если Академия не принимала этот дар, то вилла переходила к Академии наук для организации «исторического института», которому присваивалось имя владельца.

Князь 20 января 1912 г. сделал распоряжения и о своих российских имениях. Княгине Елене Гагариной доставались дома в Петербурге по ул. Сергиевской, 77, по ул. Моховой, 17 и половина дома на ул. Николаевской, 55. Графиня Елизавета Олсуфьева получала имение «Полюстровские минеральные воды» под Петербургом, приобретенное в 1892 г. Сестры (включая и Екатерину Олсуфьеву, которой не было завещано никакой недвижимости) получали также по 36 тыс. руб. пожизненной годовой ренты. Восемью племянникам и племянницам князя (за исключением наследника майората И.С. Мещерского) следовало по 110 тыс. руб., другим родственникам (С.Б. Мещерский, А.Я. Трубецкая, А.М. Толстая, А.М. Абамелек) – по 60 тыс., управляющим Н.А. Пивинскому и Н.Н. Курмакову – по 30 тыс. руб. Московский дом (Армянский пер., 7) поступал в собственность Лазаревского института восточных языков, находившегося под попечением князя с 1888 г. Петербургским армянским церквям жертвовалось 20 тыс. руб. «на заупокойные обедни и панихиды». Двухгодичное жалование получали служащие при петербургском доме и конторе.

«Все сверх заповедного моего имения остающееся в России после меня имущество, не упомянутое выше в сем завещании, в имениях, заводах, рудниках, копиях, постройках и во всей движимости, в них находящейся, заключающееся, равно в баржах, пароходах, – писал Семен Семенович, – завещаю в голую собственность моему наследнику, которому достанется заповедное мое имение». Но доходы от всего этого имущества оставались в пожизненном пользовании женой в случае, «если она откажется от своей вдовьей части». Таким образом, владельцем-собственником пермского имения после смерти князя должен был стать наследник тульского майората, а пожизненной владелицей – княгиня Мария Павловна.

«Ввиду крайней сложности управления обширными имениями» князь просил наследников в течение трех лет после его смерти не увольнять «заведующих конторами или округами и учредить... для общего руководства всеми делами и имениями Главное управление в Санкт-Петербурге, состоящее из трех лиц – одного по выбору Марии Павловны, другого по выбору голого собственника, а третьего – председателя правления, если не будет в живых Петра Александровича Пепеляева или если он не будет на службе... выбрать сообща». Были предложены и кандида-

туры Н.А. Пивинского, Н.Н. Курмакова, В.Н. Грамматчикова и полазнинского управляющего И.М. Васильева на места членов правления²¹.

Семен Семенович Абаменек-Лазарев скончался от инфаркта 19 сентября 1916 г. в Кисловодске. Ему было всего 59 лет. «Новое время» проинформировало общество «о тяжелой утрате... одного из самых богатых людей в России», крупнейшего мецената и благотворителя. Откликнулась и иностранная пресса. Флорентийские газетчики писали: «Скончался великий аристократ, игравший значительную роль в итальянском обществе: высокий, всегда моложавый, южного типа (его предки были хозяевами Курдистана), любитель искусств и нашей истории вплоть до того, что, будучи влеком латинской цивилизацией, он нередко чувствовал себя итальянцем... скончавшийся князь проводил здесь шесть месяцев в году – три весной и три осенью. В последний раз он был среди нас в мае 1914 г. Когда вспыхнула Первая мировая война, князь вернулся в Россию, где щедро раздавал свои огромные богатства Красному Кресту, авиации, морскому флоту, на Урале способствовал подъему металлургии. Беспокойная жизнь подорвала его здоровье... княгиня находится в состоянии глубокого потрясения»²².

После похорон князя на Смоленском армянском кладбище его завещания 7 октября были вскрыты и препровождены в Петроградский окружной суд «для зависящих распоряжений». Мария Павловна писала из Флоренции, где в последние годы постоянно жила на доставшейся ей от матери (Е.П. Демидова княгиня Сан-Донато) вилле Пратолино: «Я всегда знала, какой высокий человек мой муж и какая у него хрустальная душа». В начале ноября 1916 г. она прислала в суд свое заявление о том, что, «желая воспользоваться в полной мере правом пожизненного владения всеми завещанными... имениями и капиталами», отказывается от «права на указную вдовью часть». Княгиня, без сомнения, разделяла намерение мужа оставить ей пермское и другие имения вместе с капиталами в пожизненное пользование не столько потому, что это полностью обеспечивало ей безбедное существование, сколько, думается, для ограничения прав еще достаточно молодого наследника, не имевшего опыта владения и управления столь сложным хозяйством. Вместе с тем это накладывало на нее серьезные обязательства по финансированию предприятий, в чем Марии Павловне и должны были помочь опытные и надежные члены Главного правления, названные в завещании князя. Управляющему Петербургской конторой П.А. Пепеляеву княгиня поручила «в такой ужасный момент думать и делать все, что возможно, для блага Родины и не думать о доходах» лично для нее²³.

Уже в Петрограде 12 января 1917 г. Мария Павловна и прибывший с фронта штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка князь Иван Сергеевич Мещерский сделали совместные распоряжения об управлении доставшимся им наследством. Они договорились считать «оборотными средствами по эксплуатации имений» все наличные капиталы, за исключением «сумм на выдачу по духовному завещанию и уплату наследственных пошлин». Сестрам умершего князя предписывалось «производить пожизненные выдачи по 36 тыс. руб. в год». На личные расходы вдове полагалась сумма «в счет чистого от имения дохода, определяемая ежегодно Главным управлением в зависимости от общей доходности имения». Была исполнена воля покойного князя и в отношении организации управления. «В целях объединения заведывания и управления» учреждалось Главное правление по делам пермского имения в Петербурге. Его председателем становился П.А. Пепеляев, членами – Н.Н. Курмаков и В.Н. Грамматчиков. Как записано в договоре, они «вели дело по доверенности от пожизненной владелицы и собственника». Вопросы отчуждения земельной собственности решались правлением вместе с собственником или осо-

бым его представителем. Владелица и собственник утверждали еще трех кандидатов в члены Главного правления (одного – в Петербург, двух других – в имение). Правление представляло им ежегодный отчет, «во всем заменяло владельцев» и назначало управляющих административными округами, на которые делилось обширное пермское имение. Так, без законодательного утверждения, по согласию между двумя владельцами, фактически создавалось то общее управление пермским имением наследников С.С. Абамелек-Лазарева, проект которого был разработан им еще в 1905 г.

Суд рассчитал, что наследственную пошлину следовало брать с наличных денег (2 784 051 руб.) и процентных бумаг, хранящихся «в русских кредитных учреждениях» (на 1 787 463 руб.) и в заграничных банках (на 266 700 руб., включая 400 тыс. лир и 4% ренты Рязанско-Уральской железной дороги и объединенного Египетского займа), с домов в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и Перми (3 453 477 руб.), имений в Петербургской, Подольской и Тульской губерниях (1 429 441 руб.), Кизеловского, Чермозского, Полазнинского заводов и Усольских соляных промыслов (2 173 835 руб.), а также с 810 772 дес. земли пермского имения, стоивших 15 313 234 руб. Ценность всего наследственного имущества С.С. Абамелек-Лазарева, таким образом, превышала 27 208 тыс. руб., исключая «домашнюю бездоходную движимость», не облагаемую пошлиной²⁴.

Утверждение завещаний совпало с революционными событиями в Петрограде, во время которых предоставленные в суд подлинные акты сгорели вместе со зданием суда. «Придется ждать нового утверждения завещания... – сообщал П.А. Пепеляев Марии Павловне в апреле 1917 г. – Восстановление этого дела ожидаю со дня на день, но судопроизводство во всех странах мира не торопится». Под запретом оказались и «заграничные капиталы» С.С. Абамелек-Лазарева. «Причина, почему Ваше Сиятельство не может до окончания войны получить доходы по заграничным капиталам, – пояснял он, – полностью заключается в том, что часть бумаг находится в Бельгии, а часть – в венгерских, австрийских, баварских и прусских бумагах, по которым проценты не уплачиваются подданным воюющих с ними стран». В такой ситуации председатель предлагал продать часть наследства, доставшегося княгине после смерти отца Павла Павловича Демидова. «Есть расчет, – писал он, – продать даже и те акции, которые Ваше Сиятельство получили за свою долю участия в Нижнетагильском деле. Если Вы ничего не будете иметь против, то можно было бы продать хотя бы половину их, оставив другую половину в деле. За какую же цену можно продать, сказать пока трудно, так как биржа теперь у нас не функционирует»²⁵.

Невозможность использовать капиталы до судебного утверждения завещания поставило управление в критическую ситуацию, которую П.А. Пепеляев подробно описал владелице в конце августа 1917 г. «Ныне... нам необходимо прибегнуть к займу в размере до 10 млн руб. для увеличения наших оборотных средств, так как производство чрезмерно вздорожало и повысились цены на приобретаемые нами припасы и материалы... Необходимо пережить кризис хотя бы путем жертв и спасти свои предприятия от гибели, а имущество от реквизиций», – полагал председатель.

Чтобы санкционировать залог на такую громадную сумму, владелица должна была представлять себе, в каком состоянии находится залоговое имущество. «Всего (в единственном и общем владении), – сообщал П.А. Пепеляев, – Вы имеете 823 341 дес. почти исключительно лесов, прекрасно сохранных, между которыми есть очень ценные лесные площади. Из ископаемых огромную стоимость представ-

ляют запасы каменного угля. Только в одной полосе, в которой располагаются разрабатываемые копи между рекой Косью и границей соседней Александровской дачи Тагильских заводов, до глубины технически доступной для добычи – исчислено 15 млрд пуд. Запасы железных руд находятся на Троицком руднике в 45 верстах от Кизела, здесь месторождение разведано мало и пока обнаружено 300 млн пуд. руды. Неиссякаемые запасы рассолов находятся на промыслах Ленвенских и Усольских, в Ростесской даче – платиновые прииски. Огромные запасы угля позволяют развивать производительность каменноугольных копей до желаемых размеров. Спрос на уголь ныне определяется не менее 100 млн пуд. в год... но спрос на наш уголь быстро возрастает до 150 и 200 млн пуд. Значительно увеличить железное производство возможно лишь с применением сибирского кокса, к чему готовятся некоторые уральские заводы, или если нам удастся изготовить пригодный для металлургических целей кокс из собственного угля. Не считая других производств, только каменноугольное и железное дело может дать огромные доходы, которые с избытком покроют делаемые ныне нами затраты, конечно, если месторождения полезных ископаемых, леса и заводы останутся за владельцами. В настоящее время трудно говорить о будущем, но нет, по-видимому, и оснований опасаться, что собственность будет уничтожена как право, а заводы и копи социализированы. Действующие горные предприятия будут, надо надеяться, сохранены за владельцами, но вот на недра – ископаемые богатства – ввиду вырабатываемого ныне закона о горной свободе может быть предоставлено право желающим на основании особых правил. Вследствие этого мы должны продолжать разработки наших месторождений и даже начать ныне же разработку там, где до сих пор она не производилась. Если бы мы не развивали добычи, то наши копи, снабжающие топливом железные дороги большого стратегического значения... были бы взяты в казенное управление. Наши железные заводы и соляные промыслы также работают на оборону, и поэтому сократить их действие тоже нельзя, да это было бы и очень невыгодно ввиду страшно выросших накладных расходов. Условия перехода бездействующих предприятий во временное казенное управление крайне неопределенны, как равно и время, когда они могут быть возвращены владельцу, а введением новых ограничительных законов, надо полагать, действующие уральские металлургические заводы будут обеспечены соответствующим количеством леса из их заводских дач, так как в противном случае заводы должны прекратить свое существование, а заводское население остаться без работы и уйти из своих оседлостей. Не нужные же для заводского действия леса могут быть на тех или иных условиях отобраны в казну».

Для выполнения всех этих мероприятий требовалось увеличить оборотный капитал. «Ныне себестоимость железа, соли и угля увеличилась от 5 до 7,8 раз, соответственно и даже больше должен быть увеличен и оборотный капитал, – пояснял председатель. – Вот почему я и считаю нужным заем, который предвидел еще год тому назад, но до сего обходились своими средствами... Всего до конца операционного года будет переведено из столицы заводам 12,3 млн руб., которые покрываются вырученными от продаваемых в течение года железа и соли государству приблизительно на 8,5 млн руб., от продажи платины – 1,2 млн руб. и уменьшением нашей кассовой наличности на 2,5 млн руб. Но предстоит еще уплата подоходного налога в 1,3 млн руб., исчисленного приблизительно по доходу прошлого года. Против такого неправильного исчисления нами поданы возражения, но результат их неизвестен». «Увеличение оборотного капитала... другие предприятия уже сделали, – добавлял П.А. Пепеляев, – причем многие акционерные общества осуществили это

более легким способом выпуска дополнительных акций, нам же придется прибегнуть к займу»²⁶.

Но получить большой заем во время революции было не менее сложно, чем сформировать оборотный капитал громадного горнозаводского имения. Выясняется, что одновременно Главное правление разрабатывало проект акционирования заводов с участием английских банкиров. Это позволяло в случае успеха получить деньги, не прибегая к обременительной ссуде. Кроме того, было решено отложить до лучших времен выдачи денег по завещанию, которое повторно утвердил Петроградский окружной суд 21 октября 1917 г. Вскоре после этого состоялось заседание душеприказчиков, назначенных покойным князем для исполнения его воли. Собравшиеся 7 ноября 1917 г. А.Б. Мещерский, М.Л. Оболенский, А.А. Буксгевден, П.А. Пепеляев и Н.Н. Курмаков выслушали доклад председателя Главного правления «о состоянии кассы и вообще о положении дел на заводах» и постановили «выдать теперь же в первую очередь завещательные суммы личным служителям покойного князя и служителям в его домах, во вторую очередь – служащим Петроградской конторы и имения, посторонним лицам и церквям». Выдачи родственникам «ввиду значительности суммы» решили временно отложить. «Уведомить господ наследников-родственников о выяснившейся необходимости просить их согласиться на отсрочку получения завещательных сумм до улучшения кассового состояния предприятия», – было записано в протоколе заседания. «Ввиду того, что в настоящее время заводское дело совершенно расстроено и идет в убыток на неопределенное время, к постановлению сего протокола вполне присоединяюсь», – начертал свою резолюцию на документе приехавший в декабре с фронта И.С. Мещерский.

Однако не все «наследники-родственники» проявили такое же здравомыслие. В ноябре вердикт душеприказчиков опротестовала племянница наследодателя Елизавета Сергеевна Кузминская (сестра И.С. Мещерского). «В виду текущего момента, связанного с ежедневным падением рубля, а также не считая себя обязанной при настоящих тяжелых условиях хотя бы и временно отказаться от... наследственной доли», она потребовала в течение трех дней выплатить ей деньги, поскольку собиралась уезжать в Сибирь²⁷.

М.П. Абамелек-Лазарева из Пратолино тоже просила у председателя денег и документов для их получения через российское консульство. Он сообщил княгине 15 декабря 1917 г., что хотя завещание утверждено, но для отправки копии «требовалось засвидетельствование таковой Министерством юстиции и Министерством иностранных дел, которые, однако, закрыты, так как министры сидят под арестом». «Положение у нас, как вообще, так и в частности на заводах, тяжелое, вследствие распространения революционного движения, ежедневных декретов о национализации – то земли, то капиталов, что лишает возможности правильно работать... – извещал он владелицу. – Акционерное общество для эксплуатации заводов Вашего Сиятельства было мной совсем налажено, дело было только за подписью соглашения, но декрет о национализации капиталов остановил пока это дело. Из демидовских акций я успел продать только 800 штук на 256 тыс. руб., но декрет о национализации банков заставляет опасаться за целостность капитала, находящегося в банке. Что будет дальше, трудно сказать. Живем, только надеясь на милость Божию»²⁸.

В феврале и марте 1918 г. последовали акты о национализации заводов. Тогда же была утрачена и еще сохранявшаяся надежда на возвращение капиталов из российских банков. «Банки у нас... положительно замерли, – сообщал бывшему председателю П.А. Пепеляеву его корреспондент из Москвы. – Теперь хотят образо-

вать... один общий Народный банк... куда и должны быть перечислены все остатки с тех счетов частных банков, а также и из Государственного. Неразбериха полная, чему верить, право, и не знаешь. Голова идет кругом от всяких декретов, сегодня одно, а завтра совершенно другое»²⁹.

Надежда на получение российских капиталов оказалась призрачной. Вероятнее всего, в распоряжении владельцев остались только «заграничные капиталы», созданные предусмотрительным С.С. Абамелек-Лазаревым, которыми они могли воспользоваться после окончания Первой мировой войны. По-видимому, на них, занимаясь благотворительностью, Мария Павловна и проживала в Пратолино до своей кончины в 1955 г. Ее наследником стал племянник принц Павел Югославский, сын давно умершей сестры Авроры Павловны Демидовой. Принадлежавшая М.П. Абамелек-Лазаревой римская вилла «Абамелек» в 1946 г. была переведена в собственность итальянского государства и передана СССР. В ней ныне располагается российское посольство³⁰.

О «голом собственнике» горнозаводских имений Абамелек-Лазаревых князе Иване Сергеевиче Мещерском известно, что после революции он остался в России, был сотрудником Красного Креста, а позже поселился в г. Сергиев Московской губернии, где занимался переплетным ремеслом. Там в 1925 г. его арестовали за участие в политико-философском кружке. И.С. Мещерский проходил по «делу митрополита Петра (Полянского)» как «пособник и укрыватель монархическо-церковной группы, ставившей своей задачей использование церкви для нанесения ущерба совласти путем концентрации антисоветского элемента, ведения монархической агитации...». В 1926 г. он был освобожден из Бутырской тюрьмы «за отсутствием состава преступления». Перебравшись в Орел, работал счетоводом-статистом. В 1934 г. его вновь обвинили в «контрреволюционной деятельности» и осудили на пять лет лагерей. По приговору тройки НКВД 8 декабря 1937 г. князь И.С. Мещерский был расстрелян³¹.

Имеются также сведения, что в 1918 г. по инициативе британских подданных Э.И. Шеперда и Ф.Ф. Лича был составлен проект договора о продаже пермского имения английской акционерной компании за 38 250 тыс. руб.³² Если это так, становится понятно, что наследники С.С. Абамелек-Лазарева уже не надеялись сохранить за собой родовое уральское имение.

¹ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 1899. Л. 1–6; Д. 1969. Л. 1–18.

² Там же. Д. 522. Л. 12, 22–24.

³ Там же. Д. 1966. Л. 1–5 об.

⁴ Там же. Д. 1969. Л. 1–18.

⁵ Там же. Д. 1966. Л. 6–10, 13, 16.

⁶ Там же. Д. 581. Л. 45–50.

⁷ Там же. Л. 35.

⁸ Там же. Д. 597. Л. 5, 7, 20–23, 25, 40, 52, 54–55.

⁹ *Новокрещенных Н.Н.* Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889. С. 15.

¹⁰ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 616. Л. 1, 3–7.

¹¹ Там же. Д. 884. Л. 1–16.

¹² Там же. Д. 798. Л. 1–1 об.

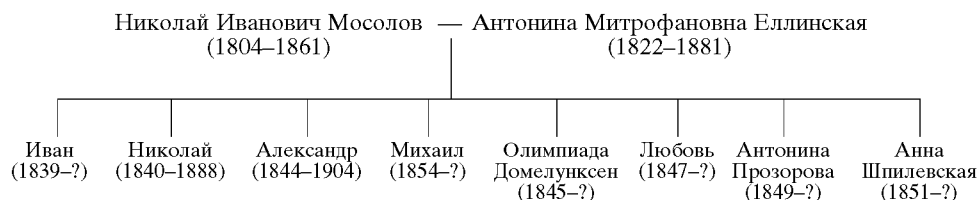
¹³ *Сапоговская Л.В.* Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // Три столетия уральской металлургии. Екатеринбург, 2001. С. 85; *Друзин М.В.* Князь С.С. Абамелек-Лазарев: во власти и в обществе // Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchdpu/ist/2011_87/Druzin.pdf.

- ¹⁴ Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009. 503 с.
- ¹⁵ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Екатеринбург, 2007. С. 51–53.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 801. Л. 56–75 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 56–75 об.; Ф. 37. Оп. 67. Д. 457. Л. 24–28 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 801. Л. 43, 144–145, 155, 166, 168; Ф. 37. Оп. 67. Д. 457. Л. 46–51 об.
- ¹⁹ ПСЗ-III. Т. 29. № 31962.
- ²⁰ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 885. Л. 40–41.
- ²¹ Инполитова Г., Гасперович В. Владельцы виллы «Абамелек». СПб., 2005. С. 59–68; РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 885. Л. 13–17.
- ²² Цит. по: Инполитова Г., Гасперович В. Указ. соч. С. 56–57.
- ²³ РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 902. Л. 1 об.; Д. 899. Л. 1–1 об.
- ²⁴ Там же. Д. 900. Л. 33–37, 40–41.
- ²⁵ Там же. Д. 885. Л. 26–26 об., 40–41, 46, 72, 78–79 об.
- ²⁶ Там же. Д. 902. Л. 1–3.
- ²⁷ Там же. Д. 885. Л. 53, 56–56 об.
- ²⁸ Там же. Д. 884. Л. 57.
- ²⁹ Там же. Д. 904. Л. 5 об.
- ³⁰ Последняя из Сан-Донато: Княгиня Абамелек-Лазарева, урожденная Демидова. М., 2010. С. 35, 55, 59.
- ³¹ Реквием: Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Орел, 1995. Т. 2. С. 267; <http://kuz3.pstbi.ccas.ru>. Автор признателен Е.Г. Поповой-Яцкевич за предоставленную информацию.
- ³² Вяткин М.П. Горнозаводский Урала в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 343.

9. МОСОЛОВЫ

Представители рода тульского происхождения Мосоловых к 1861 г. владели на Урале двумя горнозаводскими имениями – Шурминско-Залазнинским и Каноникольским округами, принадлежавшими двум давно разошедшимся ветвям.

9.1. Мосоловские заводы под управлением казны

Шурминско-Залазнинский округ отставного майора Николая Ивановича Мосолова в середине XIX в. состоял из двух частей, находившихся в 330 верстах друг от друга. Залазнинские заводы (Верхний, Нижний и Залазнинско-Белорецкий) в Глазовском уезде Вятской губернии выплавляли чугун из бурых железняков и переделывали его в полосное железо кричным способом. Шурминские заводы (Верхний,

Средний, Нижний и Буйский), расположенные в Уржумском уезде той же губернии, выплавляли чугун из болотных руд и, смешивая его с чугуном Залазнинских заводов, тоже выделяли кричное полосное железо. По свидетельству специалистов, из-за недоброкачественных руд это железо «имело почти неисправимые дурные свойства». Производительность мосоловских заводов в 1860/61 г. составила 190 335 пуд. чугуна¹. К этому времени они подошли, будучи под залогом в Петербургской сохранный казне, без оборотного и запасного капиталов, что и послужило основной причиной финансового кризиса. Он выразился не только в неуплате казенных податей, но и в прекращении заготовки заводских припасов и продовольствия для мастеровых.

В день обнародования царского манифеста 16 марта 1861 г. вместо благодарности за дарованную свободу мастеровые Залазнинского завода подали исправнику И. Розенквисту жалобу «о несвоевременном удовлетворении их заработными платами». Но заводоуправление «не только не обратило ни малейшего внимания на справедливые требования мастеровых», но, по словам исправника, даже не сочло нужным отвечать и на его «бумаги». Повторное прошение от 244 человек было подано в начале апреля. Рабочие сообщали, что с декабря 1860 г. им задолжали 24 706 руб., которые они и просили исправника «истребовать от заводоуправления к наступающему празднику Воскресения Христова». На запрос И. Розенквиста Залазнинская контора отозвалась, что «бывшие крепостные, а ныне временнообязанные заводские люди... сделались грубы и непокорны... и большей частью вышли из повиновения, не слушают никаких убеждений, поступают по своему волю и останавливают уже действие доменной печи». К владельцу, который жил в Буйском заводе в 300 верстах от Залазны, был отправлен «нарочный служитель» за деньгами. После рапорта исправника главный начальник уральских заводов также обратился к Н.И. Мосолову «с убедительной просьбой» принять действенные меры к снабжению заводов деньгами и провиантом. «Надеюсь, – писал Ф.И. Фелькнер, – что Вы, милостивый государь, вполне сознаете эту необходимость... и избавите начальство от неприятности прибегать к другим, более решительным мерам»².

Но вопреки желанию властей и рабочих заводчик объявил, что «совершенно не может продолжать хозяйственное управление без содействия Правительства, что заводоуправление потеряло все моральное влияние на народ, расстроилось во всех расчетах и не имеет средств к составлению сумм, потребных для заводского производства». По его мнению, причиной такого положения явились «стеснительные для него действия» исправника и Уральского горного правления, предпринявших секвестр металлов его заводов за неуплату казенных податей. Кроме того, заводчик возложил ответственность на Горное правление за «настоятельные распоряжения об уплате рабочим заработанных ими денег». «Рабочие, – писал он в свое оправдание, – и в прежнее время никогда своевременно не получали задельных плат и, оставаясь неудовлетворенными в продолжение пяти и даже восьми месяцев, подчинялись безропотно такому издавна принятому порядку». По мнению владельца, своим вмешательством чиновники «нарушили законные отношения помещика к его крестьянам».

На такое «изобличительное для самого Мосолова оправдание» горные чиновники ответили, что их действия как раз и были направлены на поддержание порядка, а нарушение его «происходит вследствие неисполнения Мосоловым собственных обязанностей к своим крестьянам»³. К тому же, как было ясно, вовсе не «безропотно» прореагировали на задержки плат сами рабочие, подавшие жалобы на своего заводчика. В такой ситуации, грозившей не только остановкой заводов, но и

замедлением крестьянской реформы, не оставалось ничего иного, кроме как спешно выделить из казны необходимые средства.

Озабоченный неутешительными результатами «удостоверения о положении заводского населения майора Мосолова числом до 3674 рев. душ», министр финансов А.М. Княжевич одобрил «экстренную ссуду» в 14 тыс. руб. из средств Горного правления и распорядился выделить еще 100 тыс. из фондов министерства. «Рабочие Залазнинских заводов, – в начале июля 1861 г. сообщал проводивший следствие полковник П.М. Бурнашев, – были чрезвычайно тронуты как оказанным им пособием деньгами, так и благодетельным вообще вниманием к бедственному их положению и все, собравшись перед отъездом моим... выразили мне в простых, но самых искренних выражениях чувство благодарности, которым они исполнены, и при этом поднесли мне от всего общества благодарственный адрес с убедительной просьбой принять его, несмотря на то, что по неумению они не могли выразить в адресе всего того, чего бы желали»⁴.

Из всех вариантов дальнейших действий при фактическом отказе Н.И. Мосолова от управления своими заводами Горное правление посчитало возможным учредить опеку. Но Вятское по крестьянским делам присутствие, лучше представлявшее ограниченные возможности уездных опек губернии, «пришло к убеждению» о необходимости учреждения над Шурминско-Залазнинскими заводами казенного управления. С этим предложением 29 сентября 1861 г. согласился и император. Горное правление направило на заводы Мосолова инженер-подполковника Н.Д. Романовского, прежде служившего управляющим Артинским казенным заводом⁵.

Это событие совпало с кончиной Николая Ивановича Мосолова 2 октября 1861 г. Его наследниками остались вдова Антонина Митрофановна Еллинская, дочь лейб-хирурга, и дети. В генеалогии рода имеются сведения о четырех сыновьях (Иван, Николай, Александр, Михаил) и четырех дочерях заводчика (Олимпиада, Любовь, Антонина, Анна). Только старшие сыновья Иван и Николай достигли к моменту кончины отца совершеннолетия. Видимо, замужем была и старшая дочь Олимпиада Домелунксен. Известно, что Николай Николаевич Мосолов окончил Николаевскую военную академию, в 1872 г. получил чин генерал-майора Генерального штаба, служил начальником штаба Восточно-Сибирского военного округа и 6-го армейского корпуса. Его младший брат Александр Николаевич впоследствии дослужится до чина тайного советника и камергера, станет вологодским и новгородским губернатором, директором Департамента духовных дел и иностранных исповеданий, членом Государственного совета. Он получит известность и как публицист, историк (автор очерка «Курляндия под управлением Екатерины Великой») и драматург (автор драмы «Вокруг пылающей Москвы» и др.), основатель первой в Прибалтике русской газеты «Рижский вестник». Михаил Николаевич был записан капитаном. Мужем Антонины Николаевны назван помещик Вятской губернии Алексей Яковлевич Прозоров, мужем Анны Николаевны – профессор Казанского университета, директор Демидовского лицея в Ярославле, тайный советник Сергей Михайлович Шпилевский⁶.

Над несовершеннолетними наследниками была учреждена опека в лице матери и зятя коллежского асессора Федора Николаевича Домелунксена, который принял на себя и обязанности уполномоченного всех наследников. Но до 1864 г. ни он, ни наследники не вмешивались в дела казенного управления, пока со всей очевидностью не проявилась его неэффективность.

Уже после года казенного управления министр финансов М.Х. Рейтерн констатировал, что заводы наследников Н.И. Мосолова «не только не обещают выйти из

затруднительного своего положения, но и не в состоянии продолжить свое действие без пособия со стороны Правительства». «По случаю неисправного взноса платежа» в Петербургскую сохранную казну высочайшим повелением 1 февраля 1863 г. заводы были назначены в публичную продажу с ассигнованием 65 тыс. руб. сер. «с тем, чтобы сумма эта вместе с отпущенными прежде 100 тыс. руб. и другими казенными долгами была возмещена при продаже заводов преимущественно перед прочими долгами». В октябре 1863 г. «во избежание нового со стороны казны отпуска денег на действие заводов Мосолова» было разрешено также отсрочить взыскание всех «податей и повинностей» до публичных торгов⁷.

Н.Д. Романовский вынужден был оправдываться за свои неудачи. «Тотчас по приезде, – образно описывал он свои впечатления главному начальнику уральских заводов А.А. Иоссе, – я был осажден законным ропотом рабочих на неудовлетворение их платами за два и даже шесть месяцев; к этому должно присоединить... деревянные постройки и устройства заводов, кидающиеся в глаза по их ветхости и старой конструкции... С первых моих вопросов и собираемых сведений я увидел, что правильность тут ни в чем не существует. Произвол со стороны рабочих и приставников, безучетность в материалах и уроках, лихоимство старших лиц, гнет еще не остывшего крепостничества – все это вместе взятое подействовало бы весьма тяжело на всякого постороннего. На меня подобная обстановка действовала еще тяжелее, как на человека, привыкшего к правильности и такту казенных работ, к мерке и положению. Да, наконец, получая требуемые сведения от служащих, я увидел, что имею и буду иметь дело с полуграмотными и подчас дерзкими плутами, заинтересованными в ложном указании мне дела из-за своих корыстных видов... Они очень хорошо видели, начиная с владельца и кончая самым последним поденщиком, что я... буду противодействовать их лихоимству и бесконтрольности». «Выбрав эту дорогу, – с пафосом заявлял управляющий, – я вооружил против себя всех: и владельцев, и служащих и других разных местных лиц, более менее влиявших на заводские дела. В некоторых я прямо видел личных своих врагов, и причина мне открыта, что на мою долю выпала участь стать преградой грабежу заводов и своеволию полуграмотников».

Впечатлительный управляющий жаловался, что оказался совершенно один «среди людей, явно нерасположенных к казенному управлению», что ему пришлось «целые ночи проводить над донесениями и отписываниями», так что «письменность и отчетность просто задавили... и решительно поглотили весь труд и все время». В такой ситуации, по его же словам, он «успевал только направлять действие заводов в общих чертах», а «подробно вникнуть в техническую часть» ему «не доставало времени». Сначала Н.Д. Романовский попросил прислать помощника, которого собирался отправить на отдаленные от Шурминских Залазинские заводы, что было выполнено Горным правлением. Но после трех лет управления, «получив множество незаслуженных замечаний и видя нареkania от начальников», он просил уже о присылке «по крайней мере четырех человек, чтобы они помогли направить заводские конторы». «Два-три года управления этими заводами унесли много годов моей жизни. Здоровье мое, и без того не крепкое, принесено в дар заводам, на которых имею честь служить», – завершал он очередное оправдательное послание главному начальнику, явно намекая на желание поскорее расстаться с должностью, чреватой столь опасными последствиями⁸.

К этому решению подтолкнули горные власти и действия заявивших в это время о себе заводовладельцев. В июле 1864 г. в Горный департамент поступило прошение одного из них – подполковника Генерального штаба Н.Н. Мосолова. «После

установления казенного управления...— писал он, — наследники умершего владельца устранены от всякого к заводским делам прикосновения или вмешательства. С тех пор в продолжение почти трех лет положение заводов нисколько не улучшилось, так как кредиторы не получили даже процентов по предъявленным обязательствам, наследники также не получили ни копейки, а казенные недоимки и заимообразно взятые ссуды не только не пополнены, но еще выросли». Поскольку следствием такого положения дел стало назначение заводов к продаже с публичных торгов, Н.Н. Мосолов «от имени прочих наследников» попросил «не отказывать ему в доставлении копий с подробных отчетов за все время казенного управления заводами покойного отца»⁹. С той же просьбой в Горное правление обратился и опекун Ф.Н. Домелунксен. Хотя, решили горные чиновники, «нет законов о предоставлении отчетов опеке», но желание владельцев посчитали уместным, «согласно бывших уже примеров». Оказалось, что владельцы могли даже иметь при казенном управлении доверенных от них «агентов» с полномочиями проверять «все конторские книги, дела и отчеты с тем только, чтобы агенты эти отнюдь не вмешивались ни в какие распоряжения по управлению заводами».

Тогда-то и выяснилось, что, вопреки жалобам Н.Д. Романовского о его якобы загруженности «письменной работой», в Горном правлении «за всеми настояниями» не обнаружилось отчетов за все время его управления. Более того, по свидетельству опекуна, помощник управляющего жил вместе с ним на Шурминском заводе, а на Залазнинских заводах, куда должен был отправиться, ни разу не бывал. Сам Н.Д. Романовский посещал эти заводы не более двух раз в год, все управление ими было передано приказчику Алфимову, «который давно уже ослеп». Таким образом, эти заводы, «более важные по значению своему и требующие главного надзора», оказались без должного присмотра. Да и Шурминские заводы, где расположились управляющий и его помощник, по сведениям опекуна, «тоже не пользовались особенным присмотром, судя по лесоистреблению, производимому крестьянами соседних деревень». Ф.Н. Домелунксен жаловался также на низкие цены продажи железа и высокие цены покупки провианта для рабочих¹⁰.

Видимо, несколько смущенный этими обвинениями в адрес казенного управления А.А. Иосса отправил письмо А.М. Мосоловой в Вятку. В ответной депеше она поблагодарила главного начальника «за участие, принимаемое в делах наших заводов и за обещание содействовать в поправлении оных». Она предложила заменить Н.Д. Романовского, вместо него «избрать человека известного своими познаниями, опытностью и честностью». Доверяя «словам зятя и всеобщим отголоскам», вдова просила назначить управляющим инженер-подполковника В.М. Малахова, служившего управителем Нижнеисетского завода с повышенным против обычного окладом в 3 тыс. руб. Кроме того, она предлагала допустить «доверенное лицо со стороны наследников», чтобы «следить и наблюдать» за действиями управляющего. Не получив скорого ответа, в августе 1864 г. Антонина Митрофановна вместе с Ф.Н. Домелунксеном вновь писала А.А. Иоссе о необходимости принять решительные меры и «остановить вовремя злоупотребления... которые делаются к явному лишь ущербу и разорению». «А действия Романовского, — настаивали опекуны, — именно таковы, особенно в настоящее время, когда ему сделались известны наши жалобы и просьба о смене его. В настоящее время он, отзываясь, будто бы рабочие не хотят работать, с целью, вероятно, не давать им продовольствия, не делает никаких починок даже в таких необходимых инструментах, как, например, молотах, наковальнях и проч., без которых работать нельзя, и потому работы большей частью встали». «Не желая переносить дело это выше, когда оно может быть удовле-

творено ближайшим своим начальством, – предупреждали опекуны, – мы вновь обращаемся с убедительной просьбой настоять... о немедленном разрешении иметь доверенное лицо, назначении нового управляющего и войти ныне же с ходатайством в Горный департамент об отпуске вновь суммы по примеру прошлых лет в пособие на действие заводов в том уважении, что в случае закрытия заводов по неотпуску денег впредь до продажи оных должна быть все равно отпущена от казны сумма для годичного продовольствия заводского населения»¹¹.

Медлительность главного начальника при смене управляющего была вызвана, видимо, ожиданием продажи Шурминско-Залазнинских заводов. Но вскоре стало известно, что торги откладываются на неопределенный срок в связи с «пересмотром» составленных уездным исправником описей заводов, в которых Петербургской сохранный казной были обнаружены многочисленные недостатки. Тогда А.А. Иосса и решился на предложенные опекунами меры. В ноябре 1864 г. он составил докладную записку министру, в которой представил компромиссное объяснение сложившейся ситуации. «Заводы наследников Мосолова, – сообщал он, – приняты были в казенное управление в самом расстроенном виде, производство их было в крайнем упадке и вся техническая часть совершенно запущена. Вообще положение, в которое они были приведены разными невыгодными обстоятельствами таково, что при нынешней дороговизне рабочих рук и первых потребностей нельзя надеяться на выгодное действие заводов. В таком положении кроме денежного пособия заводам необходим был управляющий энергический, опытный как в технической, так и в хозяйственной части управления, чтобы продолжать действие по возможности с меньшей невыгодой, тем более что по отдаленности сих заводов невозможно постоянно следить за производством их и действиями управляющего. К сожалению, подполковник Романовский, который мог управлять благоустроенным заводом казенным под руководством Горного начальства, оказался недостаточно опытным для управления отдаленными частными заводами, до крайности расстроенными, где он должен был действовать самостоятельно и не имел возможности ни совещаться с кем-либо, ни испрашивать постоянно разрешений действиям своим. Конечно, и более опытный управляющий едва был бы в состоянии вести без убытка действие заводов... но за всем тем я нахожу подполковника Романовского недостаточно опытным для управления заводами... и потому полагал бы полезным, согласно с желанием опекунов, назначить к управлению впредь до продажи заводов подполковника Малахова, как офицера опытного и распорядительного». Главный начальник ходатайствовал и о повышенном окладе В.М. Малахову, поскольку считал, что, «имея значительное семейство, офицер этот будет очень стеснен перемещением в отдаленные заводы при незначительной прибавке до 572 руб., полагаемой в подобном случае, и это может побудить его оставить вовсе горную службу».

Размышляя о будущем Шурминско-Залазнинских заводов, А.А. Иосса писал, что «по невыгодности действия заводов... следовало бы их закрыть, чтобы избежать ежегодного убытка, но, имея в виду продажу оных и то обстоятельство, что закрытые однажды заводы требуют значительных расходов на возобновление действия, что может иметь влияние на продажу их». Поэтому он полагал «менее убыточным продолжить действие заводов до продажи, приняв все меры к сокращению по возможности расходов и увеличению выделки для удешевления металлов... а также поспешить продажей заводов»¹².

Н.Д. Романовский был уволен в вожденную им отставку с нелестной для него формулировкой: «вследствие неопытного и для Мосоловых не выгодного управления». Он составил 100-страничную записку с опровержением обвинений вла-

дельцев, уверяя, что «общее фразерство с их стороны не подкрепляется никакими фактами, а только выражается голословными обвинениями, не выдерживающими самого легкого разбирательства». Дело тянулось до декабря 1876 г., когда было закрыто как ввиду «прекращения со стороны заводовладельцев и опекунов всякого преследования, так и за смертью Романовского»¹³. Управление заводами наследников Н.И. Мосолова 9 марта 1865 г. принял инженер-подполковник В.М. Малахов, незадолго до этого утвержденный в должности министром финансов М.Х. Рейтерном.

В отличие от своего предшественника в одном из первых рапортов В.М. Малахов писал, что «по ближайшему ознакомлению с положением заводов... и кругом их действия» он «положительно убедился... что не встретит никакого затруднения в управлении оными и вся техническая и хозяйственная часть их без всякого упущения может быть исправляема... без помощи другого лица». Вместо помощника он просил «нанять одного-двух опытных счетоводов, поскольку счетная часть здешних заводов... находилась в самом младенческом состоянии». В первый год энергичный управляющий действительно удачно запродавал железо Пастуховым, выгодно продавал его и по пути следования каравана в Вятке, Котельниче, Лаишеве и Саратове, а также обнаружил перспективные месторождения глины и бурого угля возле Залазнинского завода. Вместо намерения бывшего управляющего закрыть заводы, В.М. Малахов в смете на 1865/66 заводский год заложил чистую прибыль до 88 тыс. руб., из которых 40 тыс. руб. предназначались на уплату казенного долга, а 48 тыс. руб. – на составление запасного капитала «для обеспечения заводских оборотов». Он даже пришел к заключению, что «предположение Горного правления о закрытии заводов может быть отменено»¹⁴.

За столь оптимистичным прогнозом нового управляющего последовало ходатайство опекунов об отмене назначенной продажи и рассрочке казенных долгов на 37 лет. Они просили пока оставить заводы в казенном управлении «впредь до прискания ими средств к принятию оных в свое распоряжение». Император 29 октября 1865 г. принял эти предложения, предупредив, что «при первой неисправности в уплате рассроченных долгов заводы будут подвергнуты немедленной продаже». Ежегодно в Государственное казначейство за ссуду 165 тыс. руб. заводы должны были платить 11 937 руб., а по залогу имения в Петербургской сохранный казне на сумму 248 170 руб. – 14 890 руб.¹⁵

Последующие события позволяют предполагать, что именно в отсрочке продажи и заключался тайный смысл настойчивости опекунов при назначении «энергического» В.М. Малахова. Он же (вольно или невольно) содействовал осуществлению их плана. Уже в следующем году железо сумели продать только по заниженной цене, и заводы остались вовсе без прибыли. Управляющий телеграфировал главному начальнику: «Железа покупателей нет. Хлебом помогло земство». Он просил также о ссуде 7,5 тыс. руб. и залоге металлов в Екатеринбургской конторе Государственного банка.

Памятуя о прежних обещаниях, чиновники Горного правления писали в октябре 1868 г., что «вправе были ожидать в последующие годы если не прогрессивного возрастания благосостояния заводов Мосоловых, то сохранения по крайней мере того положения их, в каком они, по удостоверению Малахова, находились в 1865 г.». «Между тем в настоящее время финансовое положение заводов достигло такой степени кризиса, что рабочие в течение девяти месяцев остаются неудовлетворенными заработной платой, и заводоуправление находит, очевидно, совершенно невозможным обойтись без пособия от казны». Действительно, производительность

заводов упала тогда почти вдвое, а В.М. Малахов «не только не внес назначенные платежи, но и не представил объяснений»¹⁶.

В мае 1869 г. М.Х. Рейтерн «обратил особое внимание на небрежение исполнения коллежским советником Малаховым обязанностей, на него возложенных», и приказал «строго рассмотреть его действия». Через год «в дополнение о проверке» он предложил главному начальнику «сделать немедленно распоряжение об устранении Малахова от управления заводами». Назначение новым управляющим Шурминско-Залазинскими заводами бывшего управителя Нижнетуруинского завода надворного советника В.А. Латынина последовало 24 мая 1870 г.; 4 августа он уже «вступил в должность». Одновременно заводы вновь были назначены в публичную продажу¹⁷.

В 1871 г. А.М. Мосолова, проживавшая «в Казани на Булаке в доме Титова», обратилась к горному начальству с просьбой, «приняв во внимание пятилетнюю честную службу на наших заводах г-на Малахова... разрешить выдать ему в вознаграждение из заводских сумм годовой оклад жалования, т. е. 3 тыс. руб.». «Назначение вознаграждения бывшему управляющему Малахову зависит непосредственно от учрежденной опеки», – последовал категоричный ответ из Уральского горного правления. Горный департамент вообще «не признал возможным входить в рассмотрение упомянутого ходатайства опекунского управления». Но владельцы, видимо, не утратили еще надежды на возвращение родовых заводов, поскольку ни в 1871, ни в 1872 гг. торги успехом не увенчались. Известно, что по их ходатайству В.А. Латынин в феврале 1872 г. выезжал в Петербург «по делам управления». Каких-либо существенных решений на совещании тогда, по-видимому, принято не было, поскольку «историей» с В.М. Малаховым владельцы и опекуны окончательно дискредитировали себя в глазах властей. Производительность заводов поддерживалась в те годы на минимальном уровне лишь в целях «дотянуть заводы до продажи». Управляющий сообщал, что даже при сокращении расходов вполнину денег по-прежнему недостаточно. Чугун он предполагал продавать Уральскому горнозаводскому товариществу, а железо, как это уже давно было принято, «в задаток при запродаже последующего года». В 1875 г. на Залазинском заводе возникли «затруднения от недостатка денежных средств при заподряде рудопоставщиков и неуплате податей за них... так, что земская полиция сделала распоряжение согнать рабочих с заводских рудников»¹⁸.

В сентябре 1875 г. вместо В.А. Латынина управляющим назначили горного инженера коллежского советника Н.В. Романова. Свою деятельность он начал с выяснения положения и перспектив развития Шурминско-Залазинских заводов, которые изложил в обстоятельной докладной записке министру государственных имуществ. По смете на 1875 г. здесь предполагалось выплавить 142 тыс. пуд. чугуна, приготовить 41,3 тыс. пуд. чугунных отливок и выделать 100 тыс. пуд. кричного железа. Управляющий рассчитал, что на это потребуется оборотный капитал в размере 148 470 руб., включая 42 676 руб. накладных расходов (29%). При максимально возможной цене железа (1,4 руб.) убыток мог составить 8470 руб. По его мнению, этот убыток «происходит частью от цены выделяемого сорта, выходящего из спроса, частью от качества железа, не пользующегося уважением рынка, и частью от малой величины выделки металла и технических несовершенств его производства». Поэтому «коренное устранение убытка», как считал Н.В. Романов, возможно «только направлением деятельности заводов, частью или вполне, на другие сорта железа, более ценные, чем полосное». Но это требовало «серьезных пожертвований, на которые заводы... не имели никаких средств».

«Практикуемыми ныне средствами для покрытия малоодоходности, а в большинстве случаев убыточности железного производства Мосоловских заводов, – объяснял он, – служат продажа чугуна и местная продажа железа и чугунного литья. Паллиативность этих средств ясна сама по себе, но значение их неодинаково. Выгодная продажа чугуна на нашем железном рынке есть дело едва ли не случайное. Так, в настоящем и прошлых годах Лаишевский рынок совершенно не имел спроса на чугун, а до этого времени за пуд чугуна давали 56 коп. – цену, дающую Мосоловским заводам ничтожный барыш в 1 коп. с пуда. Только Уральское Товарищество поддерживает, но, разумеется, тоже временно, спрос на этот металл и предлагает за него цены благодарные. Кроме того, продажа чугуна предполагает заготовку значительно большего против нынешнего количества руд и угля. Не говоря уже о том, что именно эти операции составляют труднейшую часть управления Мосоловскими заводами, они требуют прежде всего свободного капитала, а заводы эти не имеют не только свободного, но и никакого. Продавать же чугун из имеющихся запасов его, как это делалось в прошлом году и предполагается по смете на настоящий, значит обессиливать самого себя. Средством для покрытия убытков, заслуживающим гораздо большего внимания, является сбыт железа и чугуна на ближайший местный рынок. К сожалению, сбыт этот не гарантируется ни спросом настоящего размера, ни правильно организованными путями сбыта».

Обратившись к анализу финансового состояния подведомственных ему заводов, Н.В. Романов определил общую сумму долга в размере 897 435 руб., в том числе 646 014 руб. казенного, рассроченного в 1865 г. на 37 лет; 18 180 руб. долга рабочим, не выплаченного еще со времени «владельческого управления», а также 233 240 руб. долга, накопленного уже за период казенного управления. Причем только долг рабочим имел, по его словам, «некоторое попятное движение», сократившись за 14 лет всего на 800 руб. Остальные долги «имели движение только поступательное, совершаемое с быстротой вражеского натиска». Так, рассроченный долг ежегодно увеличивался на 23 тыс. руб., а долг казенного управления «по сложности 14 лет» рос на 16,6 тыс. руб. Общий прирост этих долгов, таким образом, составлял более $\frac{1}{4}$ всего заводского оборотного капитала. Но кроме них на заводах накапливались и так называемые «долги, подлежащие немедленной уплате», включавшие до 126 тыс. руб., которые составляли $\frac{5}{6}$ оборотного капитала. Поскольку заводы действовали «посредством запродажи и залога металлов», то эти долги, по расчетам управляющего, «не могли быть уплачены иначе, как за счет образования другого долга, ему равного или еще большего». «Из сказанного следует, – делал он неутешительный вывод, – что заводы наследников Мосолова действуют единственно потому, что могут делать долги, находя для них помещение в правительственных учреждениях – по их долготерпению, у частных лиц – за приличное вознаграждение и даром у бесконечно выносливых рабочих людей. Подобное положение дел заводских до того ненормальное, что вместо положительности, присущей управлению делом столь капитальным, как заводы, и уважением, которым оно должно пользоваться как управление казенное, оно почти предполагает в нем особую финансовую изворотливость, ловкость рискованного коммерсанта, успевающего своевременно помещать свои невозможные обязательства в такие неопытные руки, которые до времени прикрывают его давно упавшие фонды». Если продолжить действие заводов «по принятой системе запродаж и залогов», полагал управляющий, то в начавшемся 1875/76 г. убыток составит 15 163 руб. и «количество долга, подлежащего немедленной уплате... делается почти равным всему оборотному капиталу». «Это полное банкротство, далее которого идти нельзя», – резюмировал он свои рассуждения.

Н.В. Романов предлагал либо дать заводам казенную субсидию в 300 тыс. руб. и после уплаты «текущих долгов» открыть новые производства, «вполне способные сделать их заводами прибыльными», либо заменить субсидию разрешением вырубить и продать 50 дес. леса из отведенной к Шурминскому заводу лесной Козьмодемьянской дачи. Еще одним вариантом могла стать передача заводов «в бесплатную аренду» с принятием долгов, оставшихся со времен казенного управления, но это управляющий считал «весьма сомнительным». «Если ни один из этих трех выходов не будет признан за возможный, – полагал Н.В. Романов, – то ничего не остается более, как закрыть заводы, додержав имеющиеся запасы и продав как наличный, так и имеющий выплавиться из запасов чугуна на посильное удовлетворение кредитов и рабочих людей»¹⁹.

По предписанию главного начальника И.П. Иванова в сентябре 1875 г. на заводы прибыл горный начальник Камско-Воткинского округа статский советник В.И. Тимофеев, которому было поручено не только дать заключение на предложения Н.В. Романова, но и помочь временно остановленным тогда Шурминским заводам, где не оказалось запасов провианта. Об этом известил главного начальника опекун Ф.Н. Домелунксен, дослужившийся к тому времени до чина статского советника и должности вятского вице-губернатора.

«Настоящее положение заводов не есть явление случайное, – рапортовал В.И. Тимофеев. – Оно подготовлено еще самими владельцами благодаря их расточительности и нерациональному ведению дела, приведшему заводы к значительным долгам казне». Казенное управление, по его мнению, «при всем стремлении» оказалось неспособным поправить положение заводов, поскольку те «встали уже силою обстоятельств в аномальное положение к современным требованиям железного рынка». Это не могло не привести к неизбежному кризису, со всей очевидностью обнаружившемуся в 1875 г. из-за того, что сорвалась ставшая уже обязательной запродажа выплавленного чугуна. Обсудив с Н.В. Романовым сложившееся положение, он согласился с его предложениями, подробнее рассмотрев вариант закрытия заводов, хотя считал, что они (особенно Залазнинские) еще достаточно перспективны «относительно естественных богатств и рабочих рук». Для закрытия заводов, решил горный начальник, «не представится особенных затруднений со стороны обеспечения продовольствием народонаселения», поскольку на Шурминских заводах оно могло быть наделено землей, «хлебобороднейшей в Вятской губернии», и сверх того имело возможность «иметь заработки у местных лесопромышленников». Население Залазнинских заводов также могло заниматься хлебопашеством, а «в случае скудости урожаев» всегда имело возможность найти работу в окрестных заводах, «которые весьма нуждались в рабочих руках». «С финансовой точки зрения» закрытие заводов могло обойтись казне, по его подсчетам, в 174 тыс. руб. «безвозвратного расхода» и 50 тыс. руб., данных в долг на два года. При этом, естественно, «пропадали» 400 тыс. руб. долга сохранной казне. Поэтому более экономичным вариантом виделась В.И. Тимофееву правительственная субсидия в 300 тыс. руб., которая «при переустройстве заводов на более выгодные производства сортового железа» позволяла уплатить казенные долги в течение 15 лет²⁰.

В обсуждении судьбы родовых заводов не мог не вмешаться опекун Ф.Н. Домелунксен, служивший тогда в должности вятского губернатора. Видимо, при встрече с ним управляющий Н.В. Романов откровенно высказался о «совершенной бесполезности» Шурминских заводов, что вызвало возмущение опекуна. Действуя через Горный департамент, он пожаловался на управляющего и предложил

увеличить заводские доходы «посредством отдачи в аренду отдельных земельных участков и производства на Шурминских заводах взамен выделки железа чугунного литья в обширных размерах». Н.В. Романов вынужден был оправдываться перед начальством. Он сообщал, что «съемка пашен и покосов» не проведена, а потому «возможная, но незначительная доходность заводов от земли еще не определена». О развитии же «литейного дела» Н.В. Романов утверждал, что это предложение было высказано им самим и впоследствии присвоено опекуном. «Я полагал видеть в нем только опекуна г-д наследников Мосолова и не предвидел возможности столь гласного распространения моих предположений на счет сомнительного будущего управляемых мною заводов», – констатировал обиженный управляющий²¹.

Но ни он, ни опекун-губернатор, ни даже местное горное начальство не могли решить участь разоренных заводов. Этим занялась особая комиссия Министерства государственных имуществ, заслушавшая Н.В. Романова в Петербурге в январе 1876 г. Из рапорта управляющего становится ясно, что комиссия основательно «рассмотрела вопрос со стороны естественных средств заводов, со стороны технический и со стороны хозяйственной». «По приблизительному исчислению запаса лесов оказывается, что размер правильного пользования ими не соответствует тому размеру железного производства, который позволял бы надеяться на доход, обеспечивающий уплату состоящих на заводе долгов. Рудники по характеру своему не могут считаться благонадежными в отдельности и представляют некоторое обеспечение для действия заводов только числом своим. Существующие на заводах технические устройства, равно как и самый способ приготовления железа, весьма устарели и совершенно не соответствуют требованиям современной техники заводского хозяйства. Продолжение действия заводов в том виде и теми способами, как это было до настоящего времени, ничего не обещает в будущем, кроме убытка. Поднятие же существующего производства... потребует не только времени, но и значительных денежных пожертвований со стороны казны. В виду же сомнительного состояния естественных средств заводов, особенно лесов, задолжение значительных сумм не имеет для себя достаточных оснований», – констатировала комиссия.

Вердикт, таким образом, был предрешен: «Заводы наследников Мосолова не заслуживают дальнейшей поддержки их на казенные средства и должны быть закрыты после додержания наличных запасов их и проданы для возмещения состоящих на них казенных долгов». Было предложено «взять заводы в казну за сумму стоимости наличного имущества по инвентарям, с исключением из нее казенных долгов», Залазнинские заводы продать «как горнозаводское имение со всеми принадлежавшими ему землями и лесами на правах полной собственности», а Шурминские заводы, как не имевшие «никаких задатков для прочного и самостоятельного существования» продать как «имение, представлявшее возможность извлечения дохода из запаса состоящей при них рабочей воды». Заводские мастерские наделались землей и лесом «в размере и на правах окрестных крестьян». Комиссия определила также, что на расчет «по текущим долгам» и на закрытие заводов потребуется 115 тыс. руб., которые выделялись под залог Козьмодемьянской лесной дачи. Ее же предполагалось «подвергнуть эксплуатации» для покрытия вложенных казенных денег.

Однако против принятия заводов в казенное владение выступило Министерство финансов, которое «выставило основания, отклоняющие его до употребления всех возможных средств к продаже заводов с торгов». В итоге обсуждения 6 февраля 1876 г. Александр II санкционировал закрытие Шурминско-Залазнинских заво-

дов «по додержанию наличных запасов» и предписал их содержание до публичной продажи «покрывать эксплуатацией заводских лесов». Власть все еще рассчитывала на торги, хотя они безуспешно проводились Петербургской сохранный казной в январе-феврале каждого года²².

Вернувшись на заводы, Н.В. Романов распорядился, в соответствии с полученной им инструкцией, «расположить заводское действие так, чтобы целью его было... додержать имеющиеся уже запасы угля и других материалов и приступить к подготовительным мерам для начатия в возможно непродолжительное время эксплуатации посредством сплошной рубки делянок Козьмодемьянского участка Шурминской дачи». Государственное казначейство выделило назначенную для закрытия заводов сумму. Вскоре было остановлено действие Буйского завода; Залазнинские заводы вырабатывали последнее сырье. Разрешение ежегодно назначать лесосеки на продажу «в спелых насаждениях одним или несколькими участками на 200 десятин» последовало 30 апреля 1876 г. Были даже проведены первые торги, но никто тогда лес не купил. Вместе с тем закрытие заводов сопровождалось чередой почти мистических событий.

В декабре 1876 г. Н.В. Романов неожиданно был признан «умопомешанным». Причем о «расстройстве умственных способностей» управляющего Горный департамент известил вятский губернатор(!). Н.В. Романов немедленно был уволен от должности «по болезни», а вместо него назначен коллежский асессор Н.Л. Никольский, вступивший в должность 24 января 1877 г. Он сообщал, что только на двух мосоловских заводах (Залазнинском и Залазнинско-Белорецком) тогда «производилось одно доменное действие». Но 17 апреля 1877 г. и оно было прекращено. Драматические следствия этого в очередной раз не заставили себя ждать. Новый управляющий отправился в Воткинск для переговоров о сбыте чугуна, но на обратном пути был «разбит параличом так, что левая рука и нога оказались без всякого движения и повредило частию язык». Н.Л. Никольскому был дан отпуск «на излечение» в Казани, но, вернувшись оттуда, 12 августа 1877 г. он внезапно скончался²³.

При проверке заводской кассы оказалась недостача в 736 руб. Лакей Пестов и сторож Чугуев указали прибывшим следователям, что деньги были похищены братом умершего управляющего Леонидом Лукичем Никольским и заводским исправником И.Г. Шаньгиным. Пестов, подслушивавший их разговор в соседней комнате, утверждал, что «на этот поступок» склонил Л.Л. Никольского исправник, доказывая это и участием Шаньгина «в сокрытии имущества Никольского, которого в первый раз было описано на 16 руб., а во второй, при содействии полиции, на 650 руб.» Чугуев в свою очередь сообщил, что когда пытался остановить «заговорщиков», то исправник «сказал ему, что это не его дело». Допрошенный исправник сначала не признавал обвинений: «От каких причин образовался недостаток кассы, объяснить невозможно». Но затем стал утверждать, что именно Л.Л. Никольский просил его «войти в шкаф», чтобы взять деньги на похороны управляющего, но он якобы не знал, что там хранится касса. Когда же пришел секретарь Бирюков, то он вернул 200 руб. Эта кража осталась нераскрытой, а недостающие деньги внес другой брат бывшего управляющего Лука Лукич Никольский²⁴.

Новым казенным управляющим был назначен надворный советник А.В. Андреевский, вступивший в должность 9 сентября 1877 г. Главной его заботой стали охрана имущества закрытых заводов, а также распродажа лесных участков, неудачно начавшаяся еще при Н.В. Романове. Тот полагал, что причиной срыва торгов было «противодействие представителей местных лесопромышленников вновь открывающейся торговой фирме». А.В. Андреевский объяснял ее «чересчур дорогой

оценкой, ни на чем не основанной, а также слишком тяжелыми условиями уплаты денег». Надо, считал он, «оценить делянки по таксам Вятской губернии и условиями продажи не отягощать покупателей, а напротив, привлекать их, давая льготы». «Чем скорее Залазнинские заводы будут проданы или присоединены к управлению Вятских казенных заводов, а Шурминские – переданы в Управление государственных имуществ или проданы как лесные хозяйства, тем менее понесет Правительство затрат и убытков», – убеждал он Горное правление.

Обнаружив убыток в содержании Шурминско-Залазнинских заводов в размере 23 тыс. руб. в течение первого года после их закрытия, Горный департамент в декабре 1877 г. разрешил продажу валежника, вершинника и бурелома, а в октябре 1878 г. и сентябре 1880 г. позволил вести смолокурение «в видах очистки дач от пней и колодняка». В 1878 г. были пересмотрены условия продажи леса и началась успешная распродажа отдельными мелкими участками Козьмодемьянской лесной дачи. Всего до 1882 г. управляющий продал 1156 дес. леса, что позволило ему даже сформировать «свободный капитал», который был положен в банк «для приращення процентов»²⁵.

Видимо, поэтому 11 марта 1883 г. А.В. Андреевский был переведен на должность горного начальника Гороблагодатских заводов, а на его место назначен надворный советник П.П. Боклевский, до этого преподававший минералогию в Межевом институте и участвовавший от казны в деятельности Товарищества Березовского золотопромышленного дела и Комиссии по строительству Самаро-Уфимской железной дороги²⁶. В сентябре 1883 г. он представил в Горный департамент записку, в которой ходатайствовал «в видах интересов казны восстановить действие Залазнинского завода, ввести в Шурминском заводе плавку сырого чугуна, устроить при среднешурминской плотине лесопильную мельницу, а в Буйском заводе устроить писчебумажную фабрику и ввести эксплуатацию лесной дачи этого завода». Все это предполагалось исполнить «средствами заводов», для того чтобы «поднять ценность их в глазах покупателей». Но высшее начальство ответило решительным отказом «в виду очередного назначения этих заводов в продажу на январь или февраль будущего года»²⁷.

К новым торгам власть подготовилась основательнее, составив «Правила о продаже Мосоловского имения», утвержденные императором 1 июля 1883 г. одновременно с «Проектом условий для продажи» других частных заводов, состоявших тогда в казенном управлении. Имение было первоначально разделено на девять частей. Отдельные части составили Залазнинские заводы и Козьмодемьянская лесная дача. Дача Буйского завода была разделена на четыре участка, дача Шурминских заводов – на три. Предполагалось организовать торги по продаже разных частей в январе-феврале, апреле-мае и августе-сентябре 1884 г. Была также организована комиссия для описи всех частей, в которую от горного ведомства вошел управляющий П.П. Боклевский. Однако в конце того же 1883 г. «по изменившемуся у Министерства финансов взгляду на порядок продажи отдельных частей Мосоловского имения» последовало новое соглашение о назначении продаж «не в три срока, как полагалось прежде, а в один, именно 28 февраля 1884 г.»²⁸.

По-видимому, пришлось пересмотреть и количество выделенных частей, и сроки торгов, поскольку реальные продажи начались только в 1885 г. Так, на торгах того года три лесных участка общей площадью 2512 дес., выделенных из Буйской и Шурминской дач, были проданы жене коллежского ассессора Марии Игнатьевне Терминской. Три участка размером 11 985 дес. из тех же дач купили крестьяне дер. Турека Теребиловской волости Уржумского уезда Никандр Степанович и

Миней Степанович Бушуевы, а также Иван Никифорович и Климент Никифорович Бушуевы, названные в документах лесопромышленниками.

Оставшиеся участки, включавшие бывшие заводы, были проданы в 1886 г. объявившимся тогда покупателям без торгов и в рассрочку. Буйское имение с 42 222 дес. земли и домом в Уржуме за 30 тыс. руб. купили все те же лесопромышленники Никандр, Миней и Иван Бушуевы. Участок «Залазнинские заводы» за 95 тыс. руб. приобрел флигель-адъютант полковник Антон Егорович Ризенкамф. «Шурминские заводы» были утверждены за купцом Иваном Бердинским за 11 025 руб. Покупатели обязались также уплатить казенные и земские недоимки²⁹.

В том же году все проданные участки были переданы новым владельцам, ни один из которых, впрочем, не собирался восстанавливать металлургическое производство. Не настаивали на этом и горные власти. В начале 1887 г. А.Е. Ризенкамф уже перепродал свою Залазнинскую часть имения А.Ф. Поклевскому-Козелл. Оставшаяся непроданной Козьмодемьянская дача выставлась на продажу несколько раз, пока в 1889 г. «из-за безуспешности торгов» не была «обращена в собственность казны». Ее передали Управлению государственных имуществ в счет остававшихся казенных долгов (439 735 руб.), которые тогда же были «списаны со счета». Казенное управление бывшими Шурминско-Залазнинскими заводами 1 ноября 1886 г. закрылось, а последний (к тому времени уже седьмой) управляющий П.П. Боклевский был переведен на должность окружного инженера 1-го Вятского округа (впоследствии он станет главным начальником уральских заводов)³⁰. Наследники Н.И. Мосолова в этих делах казны не принимали уже никакого участия.

¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 901. Л. 75–81.

² Там же. Д. 333. Л. 1, 11.

³ Там же. Л. 25.

⁴ Там же. Л. 31–36, 46.

⁵ Там же. Л. 30, 40.

⁶ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Незаконченная повесть С.Т. Аксакова «Наташа». Уфа, 1988. С. 115–116; Казанское дворянство 1785–1917 гг.: Генеалогический словарь / Сост. Г.А. Двоеносова. Казань, 2001. С. 384; <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=2381.html>; Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 гг.: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 518–520.

⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 333. Л. 63–64, 86; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 721. Л. 1–2 об., 12.

⁸ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 333. Л. 102–109.

⁹ Там же. Л. 112–116.

¹⁰ Там же. Л. 124.

¹¹ Там же. Л. 117–120 об.

¹² Там же. Л. 138–140.

¹³ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6133. Л. 3, 48–142, 389.

¹⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 333. Л. 146, 168, 173, 210, 231, 328.

¹⁵ Там же. Л. 225, 251.

¹⁶ Там же. Л. 231–233, 236, 251.

¹⁷ Там же. Л. 242, 263–264, 268.

¹⁸ Там же. Л. 287, 288, 290, 292, 344–345.

¹⁹ Там же. Д. 901. Л. 75–81.

²⁰ Там же. Л. 87–101.

²¹ Там же. Л. 106, 161.

²² Там же. Л. 174, 190–195 об., 567; Ф. 24. Оп. 32. Д. 2075. Л. 1, 28.

²³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 901. Л. 235, 249, 295; Ф. 24. Оп. 32. Д. 2076. Л. 35, 106, 110.

²⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 901. Л. 317–318, 324, 327, 340, 353.

²⁵ Там же. Л. 371, 378–384, 567–570

²⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 13. Д. 739. Л. 1, 2.

²⁷ Там же. Л. 535–556, 559.

²⁸ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1992. Л. 5, 9.

²⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 56. Л. 3–5, 14, 49, 85, 115,

³⁰ Там же. Л. 135, 153, 177, 184 об.

9.2. Е.И. Шешукова и А.П. Загряжский

Небольшой Каноникольский медеплавильный завод, расположенный в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии, в 1861 г. принадлежал Елизавете Ивановне Шешуковой (урожденной Мосоловой). Она дважды была замужем: сначала за генерал-майором Петром Ивановичем Загряжским, затем за сенатором и вице-адмиралом Николаем Ивановичем Шешуковым. От первого брака у нее был сын и единственный наследник камер-юнкер Александр Петрович Загряжский, которому Е.И. Шешукова и доверила управление заводским имением, доставшимся в ее единоличное владение от умершего брата Ф.И. Мосолова и его вдовы в 1848 г. В доверенности, выданной сыну, владелица просила его «всех заводских крестьян иметь в полном повиновении и послушании, сменять и определять управляющих, непослушных крестьян посредством Правительства наказывать, отдавать в рекруты и не исправляющихся отсылать через Правительство на поселение. Одним словом, управлять моим Каноникольским заводом за отсутствием моим так точно, как я бы могла по праву единственной наследницы-владелицы и по закону сама действовать»¹.

Поначалу «уполномоченный» (как именовался А.П. Загряжский в документах) активно занимался делами, в частности поиском новых рудных месторождений. Но их разработка в отдаленной Зауральской степи в 210 верстах от завода в 1859 г. вызвала волнения среди крепостных работников, жаловавшихся на тяжелые условия труда. Подключившиеся к следствию представители военного, гражданского и горного начальства единодушно решили, что главной причиной «беспорядков» является отсутствие надежного управления как со стороны самого уполномоченного, так и назначенных им приказчиков. «По управлению заводом Загряжского существуют давно известные беспорядки, бывшие и прежде причинами неустройства, известного уже начальству», – сообщалось в предписании министра внутренних дел главному начальнику уральских заводов Ф.И. Фелькнеру. Пришлось учредить казенный присмотр чиновника, который, «не вмешиваясь в хозяйственное распоряжение заводом, должен был строго следить, чтобы в отношении содержания заводских людей... соблюдались установленные законом правила». Но этого оказалось

недостаточно. И в 1860 г. чиновники констатировали, что «беспорядки на заводе не устранены и поныне, положение крестьян не улучшено... и для положения конца беспорядкам необходимо учредить над Каноникольским заводом опеку с устранением Загряжского от участия в управлении». На отзыв уполномоченного, что «наложение опеки на завод приведет его в самое гибельное положение», главный начальник ответил, что уже распорядился об учреждении опеки. Он выразил сожаление, что обстоятельства заставили его «обратиться к этой, конечно, не приятной для владельца крайности». «Но что же было делать, – намекал он А.П. Загряжскому, – когда лица, которым вверено Вами управление заводом, вовсе не заботились об удовлетворении нужд крестьян»².

Последним аргументом в пользу устранения владельца от управления явилось известие наблюдавшего за заводом чиновника Н.Д. Романовского об изъятии уполномоченным во время последнего своего приезда на завод 6,5 тыс. руб. из заводской кассы. Этот факт чиновник расценил как свидетельство не только лицемерия А.П. Загряжского, уверявшего, что он принял «все надлежащие меры», но и отсутствия у него капитала, необходимого для поддержания работы завода. В результате следствия 4 января 1861 г. оренбургский губернатор Е.И. Барановский издал указ об учреждении над Каноникольским заводом местной дворянской опеки с унижительной для А.П. Загряжского формулировкой «за допущенные в оном беспорядки со стороны владельца и умышленный захват им денег», а 30 января 1861 г. опекун – коллежский советник Ф.М. Соболев «вступил в отправление возложенной на него обязанности». Немного раньше, 5 декабря 1860 г., для облегчения участи завода Александр II санкционировал отсрочку невыплаченной еще суммы банковского займа 1846 г. (составлявшей 114 250 руб.) на 37 лет³.

Добиваясь устранения опеки, А.П. Загряжский вскоре после объявления крестьянской реформы ходатайствовал перед министром финансов вообще о закрытии завода, выплачивавшего в те годы 4,5–5,8 тыс. пуд. меди⁴. Он писал, что в продолжение трех последних лет «понес огромные убытки», а в настоящее время, «когда цена на труд еще более возвысилась», вовсе «не имел возможности продолжать производство завода». Он утверждал, что «теперь же наделит крестьян землей по Положению 1861 г., и те сами найдут средства для жизни вольным наймом или сельскохозяйственными занятиями».

На запрос министра о последствиях закрытия завода поручили ответить предводителю уездного дворянства Циолковскому, хорошо знакомому с местными условиями. Он утверждал, что в вотчинных землях адмиральши Е.И. Шешуковой нет удобной для хлебопашества земли, что Каноникольский завод «лежит в стране глухой и малонаселенной, вдали от всех значительных рынков», а потому его жители не смогут найти поблизости «способа заработать средства для пропитания». Сомневаясь, что рабочие смогут устроиться на другие заводы, как предполагал А.П. Загряжский, наблюдательный предводитель с горькой иронией писал, что «везде почти благодаря современному состоянию науки умные и дельные владельцы стараются вводить разные улучшения в производство горнозаводского дела, так что механизмы все более и более начинают вытеснять живые рабочие силы». «Если, как говорит Загряжский, он понес огромные убытки, что, впрочем, еще довольно сомнительно, – размышлял Циолковский, – то в этом он сам виноват, ибо едва ли на каком-либо другом, даже очень посредственно устроенном заводе можно встретить такое негодное устройство, беспорядок и запущение по всем частям горного дела и общего в имении хозяйства». Каноникольский завод мог бы, по его мнению, «при хорошем управлении» приносить доход казне от 6 до 10 тыс. руб. «И, наконец, – за-

ключал проницательный уездный предводитель, – если вникнуть поглубже в намерение Загряжского... нельзя не заметить в этом задней мысли его, скрывавшей желание устранить от своего имения опеку, а потом посредством прекращения заводского дела снова забрать в свои руки разоренное им имение»⁵.

В течение непродолжительного времени между министром финансов А.М. Княжевичем и министром внутренних дел П.А. Валуевым даже разгорелась полемика по поводу предложения А.П. Загряжского. Ссылаясь на то, что «по закону заводчику, владеющему заводом в полной собственности, предоставлено право приостанавливать действие завода», А.М. Княжевич «не встречал препятствий» к закрытию Каноникольского завода. П.А. Валуев, принимая во внимание, что с закрытием завода крестьяне «лишились бы последнего средства к существованию», считал «неудобным до окончательного решения вопроса об устройстве крестьян и составления уставной грамоты прекращать заводское действие». Император 4 июля 1862 г. утвердил компромиссное положение Комитета министров о снятии опеки с Каноникольского завода «со времени введения в действие уставной грамоты». Комитет принял такое решение ввиду останова к тому времени завода под управлением опеки, так и не сумевшей обеспечить стабильного поступления денежных средств⁶.

Однако со снятием обанкротившейся опеки возникли некоторые затруднения. Уставная грамота, по свидетельству Оренбургского по крестьянским делам присутствия, была составлена без участия мастеровых. Когда же они ознакомились с ней, то отказались принять за оброк в 1080 руб. предлагаемые им 180 дес. под усадями, так как «не имея ни хлебопашества, ни заработков, были не в состоянии приобрести деньги для уплаты казенных и помещичьих повинностей и на пропитание своих семейств». Вопреки своему прежнему намерению, заводчик не сумел наделить крестьян пашенной землей, поскольку из принадлежавших заводу 114 549 дес. 108 003 дес. земли находилось под лесом⁷.

Сложилась, по сути, безвыходная ситуация, когда завод, будучи под управлением опеки, бездействовал, опека же не могла быть снята до введения уставной грамоты, которую не подписывали рабочие, опасавшиеся, что при отсутствии пахотных наделов и недействующем заводе они не найдут «иных способов прокормить свои семейства». В таких условиях единственным выходом становилось скорейшее возобновление работы завода, но капитала для этого не было ни у опеки, ни у владелицы и ее сына. Тогда А.П. Загряжский обратился к властям с просьбой о выделении из казны 30 тыс. руб. на два года «для возобновления заводского действия».

Оренбургский генерал-губернатор рекомендовал выдать пособие, поскольку остановка завода, по его мнению, привела бы к тому, что «без средств к заработке осталось не только многочисленное население завода, но и смежные с ним башкирские селения». В Уральском горном правлении также нашли просьбу уполномоченного «заслуживающей уважения». Там подсчитали, что требуемая сумма может быть легко выручена и в более короткий срок, если завод возобновит действие даже в прежнем масштабе (5 тыс. пуд. меди в год). Однако министр финансов М.Х. Рейтерн точнее рассчитал возможности завода и его владельцев. Согласно его сведениям, на заводах числились долги по банковскому займу – 122 915 руб., Горному правлению – 7376 руб., 2085 руб. «ссудной недоимки за перевод из Рязанского имения Шешуковой 300 крестьян» и 1351 руб. казенных недоимок (всего почти 134 тыс. руб. сер.). Оказалось также, что за отсутствие платежа нескольким частным лицам по заемным письмам 1845, 1846 и 1848 гг. на сумму 9 тыс. руб. на имение Е.И. Шешуковой уже давно было наложено запрещение. «Сообразив выше-

приведенное и имея в виду, что Высочайшим указом 1 сентября 1859 г. производство ссуд из кредитных установлений под залог недвижимого имущества окончательно прекращено (в связи с реформой банковского дела. – *Е.Н.*), а из Государственного казначейства ссуды производятся только в крайних случаях по уважению потерь от пожаров, наводнений и тому подобных бедствий», министр не признал возможным удовлетворить просьбу А.П. Загряжского⁸.

Но каким-то образом Александру Петровичу все-таки удалось найти средства «на возобновление заводского действия» и тем самым урегулировать отношения с мастеровыми и снять опеку. Возможно, он получил наследство после скончавшейся к этому времени матери и что-то из него сумел реализовать. Тем не менее справиться со всеми долгами владелец не смог. В июле 1864 г. Петербургская сохранный казна просила министра финансов взять Каноникольский завод в казенный присмотр «за накопление банковской недоимки 12 077 руб.».

Уже 4 июля 1864 г. Горное правление распорядилось учредить присмотр в лице исправника С.А. Вандышева. Однако А.П. Загряжский, находившийся тогда на заводе, пообещал через год уплатить в счет долга 5 тыс. руб. из заводских доходов, а остальную сумму – за счет выкупных платежей бывших крепостных его рязанского имения. В установленный срок владелец выплатил только 4 тыс. руб., но по распоряжению министра взыскание с него недоимки было все-таки отсрочено еще на год. В связи с этим 1 июня 1865 г. Горное правление сняло свой присмотр⁹. Но, когда истекло время отсрочки, новых платежей на пополнение долга не поступило. В июле 1866 г. сохранный казна вновь потребовала учредить присмотр и начать составление описи заводского имущества.

«По тягостным обстоятельствам, в каких находятся теперь все заводы, а в особенности я по неимению денежных средств к производству работ, – писал А.П. Загряжский директору Горного департамента Ф.И. Раселли, – сделался я неисправным плательщиком процентов сохранный казне. Завод, имеющий 115 тыс. дес. лесов при 1700 душ народности, стоящий по крайней мере миллион рублей и приносящий чистого дохода более 70 тыс. руб., не покрывает в настоящее время даже расходов». Он жаловался, что не «воспользовался дарованным для всех владельцев правом на получение выкупной суммы до 240 тыс. руб.», поскольку мастеровые отказались от земли, а часть их выразила желание переселиться на казенные земли. «Лишен будучи выкупа и лишаясь местных работников при безденежных средствах, – извещал он, – я нахожусь принужденным закрыть завод и, следовательно, не имею никакой возможности уплатить проценты сохранный казне». Чтобы не допустить этого, он просил накопившуюся недоимку казне (21 тыс. руб.) и Горному правлению (7 тыс. руб., полученных в 1861 г. на покупку провианта рабочим) «причислить к сумме займа под залог завода», который обещал тут же совершить в каком-либо ипотечном банке, как только появится такая возможность. Кроме того, владелец сообщал, что в Оренбургской губернии у него «еще имеется в хлебопашотном имении около 300 душ, назначенных к обязательному выкупу». Выкупную сумму он тоже обещал направить на погашение казенных долгов. Обанкротившемуся владельцу Каноникольского завода 12 августа 1866 г. вновь было дано «послабление»: недоимку Петербургской сохранный казне, накопившуюся за 1862–1865 гг. присоединили к «капитальному долгу для уплаты в остальной срок», а долг в 7 тыс. руб. отсрочили на три года¹⁰.

Через год, когда подошел срок нового платежа ситуация повторилась, и исправник С.А. Вандышев в сентябре 1867 г. вновь вынужден был установить казенный присмотр. Вскоре ему пришлось секвестировать выплавленную на заводе медь

за образовавшийся долг Екатеринбургской банковской конторе, откуда владелец получал краткосрочные ссуды под залог металла. В августе 1868 г. исправник прибыл на завод и произвел секвестр 800 пуд. меди, но «не поместил медь в магазин, как следовало, а передал только под расписку и печати заводовладельца и управляющего Н. Золотова». Воспользовавшись этой оплошностью исправника, А.П. Загряжский продал медь, «не стесняясь наложенными печатями». Наказанием за это и другие нарушения (новые недоимки по банковским долгам и горным податям) стало учреждение опеки с назначением имения к публичной продаже. Сам же заводчик и его управляющий подлежали «преследованию в уголовном порядке». В такой безнадежной ситуации в сентябре 1868 г. Каноникольский завод был оставлен и, по признанию чиновников Горного правления, был «совершенно безнадёжен на возобновление в нем действия».

Через год восстановленный в своем звании опекун Ф.М. Соболев отозвался, что «имение дохода никакого не приносит, а медеплавильный завод находится в совершенном бездействии». К концу 1869 г. составили описи и направили их в Оренбургское губернское правление для организации торгов, по результатам которых и предполагалось возместить казенные долги. Торги назначили на 9 октября 1871 г. Угроза потери «миллионного состояния» за бесценок заставила владельца обратиться к самому царю с ходатайством о приостановлении продажи и «учреждении над имением администрации с предоставлением ей права в течение двух или трех лет рубить лес и выручаемые суммы вносить в уплату казенных и частных долгов». По высочайшему повелению торги были приостановлены «впредь до доклада министра юстиции по прошению коллежского советника Загряжского об установлении администрации». В ноябре 1872 г. министр финансов М.Х. Рейтерн распорядился приостановить и свое распоряжение «о передаче дела о незаконной продаже секвестированной меди в судебное ведомство» ввиду «новых обстоятельств».

Министр юстиции К.И. Пален предложил установить над имениями А.П. Загряжского особое опекунское управление, подобное тому, какое тогда же планировалось учредить над имениями Всеволожских, но Комитет министров отклонил такую форму помощи обанкротившемуся владельцу. Следствием отказа стало назначение новых торгов на 20 сентября 1874 г. Исправнику было поручено «прибыть к торгам и возместить долги из вырученных денег». Но сделать этого вновь не удалось. А.П. Загряжский внес большую часть ссуды под залог меди и тем отвел от себя «уголовное преследование», а в ноябре ему было высочайше разрешено заложить Каноникольский завод в Саратовско-Симбирском земельном банке «с тем, чтобы при этом были погашены все казенные долги»¹¹.

Как можно судить по документации Горного департамента, именно из этого банка после залога поступили платежи по долгам Каноникольского завода, а проценты и штрафы были прощены после очередной просьбы владельца. «Не имея возможности приискать покупателя на столь громадное имение, – объяснялся А.П. Загряжский с министром государственных имуществ П.А. Валуевым в октябре 1874 г. – я принужден был для удовлетворения частных и казенных долгов заложить его в Саратовско-Симбирском банке. Но полученная мною ссуда едва достаточна на покрытие всех долгов с процентами». Желая оправдаться в глазах начальства, от которого зависело списание долгов, заводчик вспомнил события 15-летней давности и, по сути, возложил вину за свои собственные поступки на бывших крепостных. «Неисправность моя в платеже долгов была следствием не беспечности или расточительности, – объяснял он, – а единственно от стеснения причин, от меня не зависящих: 1) мною употреблен был на перевод крестьян из рязанского име-

ния в Оренбургскую губернию для усиления заводского производства значительный капитал, который затрачен без всякой пользы с наступлением эмансипации; 2) крестьяне эти вследствие предоставленного им права отказались от надела, лишили меня возможности получить около 300 тыс. руб. выкупной ссуды; 3) дальнейшая забота об увеличении рабочей силы предоставлением крестьянам даром усадебной земли не имела успеха вследствие разрешения крестьянам селиться на казенные земли с предоставлением им разных льгот. Эти все обстоятельства поставили меня в безвыходное положение, ибо я остался без денежных средств, без работников и с долгом на имении 120 тыс. руб. сохранной казне и по совершенной необходимости стал делаться неисправным плательщиком»¹².

Залог и списание части долгов послужили основанием для снятия всех запрещений с имения. «Многоуважаемый Франц Иванович! – подал записку директору Горного департамента воспрянувший духом заводчик 13 июня 1875 г., – Соболаговолите сегодня приказать написать из департамента бумагу, что все горные взыскания... уплачены вполне. По сие время Горное правление не уведомило Оренбургское губернское правление, и потому запрещение не снимается. Я зайду около двух часов в Горный департамент». Торопливость владельца объяснялась, вероятно, тем, что на имение нашелся-таки покупатель. По-видимому, заложенное имение было продано банком за неуплату владельцем платежей. Покупателем стал крупный лесоторговец, поставщик высочайшего Двора, царскосельский купец первой гильдии и потомственный почетный гражданин Михаил Яковлевич Томасов. Понятно, что купец вовсе не собирался восстанавливать остановленное уже много лет назад заводское производство. Он желал воспользоваться данным еще бывшему владельцу разрешением рубить лес в богатых заводских дачах на продажу, чем, вероятно, и занялся, купив бывшее горнозаводское имение.

Через пять лет, в марте 1880 г., на запрос исправника А.П. Фетисова, в каком состоянии находится медеплавильный завод, Каноникольская контора лесных операций купца М.Я. Томасова сообщила, что «завод упразднен и все заводские здания оного разобраны». Вместо них предполагалось устроить механическую мукомольную мельницу. Горное правление отрапортовало в департамент, что на этом основании «исключило Каноникольский завод из числа горных заводов Урала». Бывший владелец А.П. Загряжский напомнил о себе незадолго до этого. В 1879 г. он обратился в Горный департамент за подтверждением своих владельческих прав на заводские рудники, которые, по его утверждению, не входили в состав купчей крепости. Видимо, он рассчитывал получить какой-либо доход хотя бы от продажи этих рудников. Проживал он тогда в Петербурге в гостинице «Виктория», расположенной на Бол. Конюшенной улице¹³.

* * *

С продажей за долги Каноникольского завода в 1875 г. и находившегося в казенном управлении Шурминско-Залазнинского округа в 1885–1886 гг. завершилось представительство известного предпринимательского рода Мосоловых в составе уральских заводчиков, длившееся более 150 лет.

¹ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 290.

² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 242. Л. 43, 130–131, 144, 229, 233, 254, 259, 263–265.

³ Там же. Л. 270–272, 402.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 40. Л. 9.

- ⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 242. Л. 297–300.
⁶ Там же. Л. 308, 338, 350, 370, 378.
⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 4. Д. 31. Л. 2–3.
⁸ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 242. Л. 402–403.
⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4475. Л. 1–2, 8, 27.
¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1124. Л. 18–19 об., 20, 22.
¹¹ Там же. Оп. 5. Д. 870. Л. 1–3 об., 5–7, 17, 22; Оп. 3. Д. 1204. Л. 4, 9, 12–13, 16, 25–27.
¹² Там же. Оп. 3. Д. 1281. Л. 1–2, 20.
¹³ Там же. Л. 24–24 об., 50–51, 53–53 об.

10. ПОТОМКИ А.Ф. ТУРЧАНИНОВА

Сысертские заводы, пережив в первой половине XIX в. «раздоры и распри» своих владельцев – многочисленных наследников А.Ф. Турчанинова¹, в 1840–1850-е гг. под управлением инженер-подполковника Ф.А. Хвоцинского и инженер-капитана К.И. Кокшарова существенно подняли производительность и, по оценке специалистов, стали «считаться одними из первоклассных уральских заводов». На рубеже 1850–1860-х гг. недвижимое имущество округа, в состав которого входили тогда Сысертский, Верх-Сысертский, Ильинский, Северский железные и Полевской медный заводы, оценивалось суммой в 3 480 740 руб. с земельной дачей в 251 348 дес., включая 220 тыс. дес. леса, богатым Гумешевским медным рудником, Уткинской пристанью на Чусовой и 11 777 рев. душ (в том числе 6624 души казенных мастеровых, 4886 – непременных работников, 62 – заводских и 205 – владельческих крепостных крестьян). В самый удачный 1859 г. здесь произвели 23 тыс. пуд. меди, более 914 тыс. пуд. чугуна и 457 тыс. пуд. железа на 1340 тыс. руб.²

К этому времени общее имение для облегчения расчетов было разделено на 126 паев, которые распределялись между четырьмя «участниками», представлявшими четыре ветви рода, основателем которого был Алексей Федорович Турчанинов. Крупнейшей долей в 70 паев владел Павел Дмитриевич Соломирский (внебрачный сын Н.А. Колтовской), 34 пая принадлежало Алексею Александровичу Турчанинову (внуку А.А. Турчанинова), 13 – Марку Петровичу Турчанинову (сыну П.А. Турчанинова) и девять паев – графу Николаю Марковичу Ивеличу (сыну Н.А. Ивелич; по раздельному акту, утвержденному Петербургской гражданской палатой 15 декабря 1852 г.). Основной владелец – камергер и генерал-майор в отставке П.Д. Соломирский с 1839 г. за частные долги находился под попечительством и не мог принимать личного участия в управлении заводами, хотя и проживал в своем уральском имении или в уездном Екатеринбурге (в собственном доме по Вознесенскому пр., 59). В живописной Сысерти еще с конца XVIII в. обосновалась

также семья другого владельца заводов – отставного шихтмейстера М.П. Турчанинова. Граф Н.М. Ивелич проживал в Петербурге, а семья А.А. Турчанинова – в своем нижегородском имении Катунки. Совладельцы не стремились вмешиваться в управление, доверив его наемным специалистам и ограничиваясь лишь получением немалых доходов.

Несмотря на очевидные успехи, к концу 1850-х гг. на заводах стали накапливаться значительные казенные и частные долги. По сведениям Уральского горного правления, в 1850–1860 гг. владельцы получили 2 225 048 руб., в то время как долг на заводах возрос с 130 593 до 1 471 981 руб.³ Оборотные средства приобретались в эти годы в основном за счет залога металла в Екатеринбургской конторе Государственного банка. Оправдываясь, владельцы называли ответственным за финансовое положение округа управляющего К.И. Кокшарова, которому, по условиям заключенного с ним в 1853 г. контракта, вместо жалования был назначен «известный процент с доходного рубля». «Это условие и погубило заводы, – считали они. – Кокшаров вошел в несоразмерные со средствами заводов предприятия, делал на счет заводов долги, замаскировал настоящее положение заводов, выдавал владельцам значительные дивиденды для увеличения своей в них части и тем оставил заводы со значительными казенными и частными взысканиями без оборотного капитала»⁴. Поскольку К.И. Кокшаров был нанят Попечительством, совладельцы считали именно его представителей виновными в сложившемся положении.

Того же мнения придерживался и главный начальник уральских заводов генерал-лейтенант Ф.И. Фелькнер. «25-летняя деятельность Попечительства, – писал он в 1861 г., – ознаменовалась результатом диаметрально противоположным цели его назначения: заводы, удрученные бременем накопленных в этот период громадных казенных и частных долгов, дошли наконец до невозможности продолжать свою деятельность, а между тем масса личных долгов Соломирского уменьшилась весьма незначительно». Следует отметить, что часть ответственности главный начальник возложил и на совладельцев, которые, по его словам, «находили, быть может, свой расчет в том, чтобы не разоблачать шаткое положение заводов»⁵. К тому времени на имении числилось уже 509 030 руб. казенных и 1 235 505 руб. частных долгов, особенно резко увеличившихся в 1859–1861 гг. в связи с трехкратным ростом хлебных цен и снижением цен на металлы. «Для Сысертских заводов, – доносил Ф.И. Фелькнер, – этот общий кризис был еще труднее, чем для других, потому что они затратили ранее большие суммы на разные устройства для расширения и усовершенствования заводского действия и, лишившись через то оборотного капитала, вынуждены были в последние дорогие годы делать заготовления в кредит на весьма тягостных для них условиях»⁶.

Во главе управления встали Алексей Иванович Кронеберг (зять П.Д. Соломирского, муж его дочери Ольги), выступавший от имени Попечительства, и Петр Маркович Турчанинов (сын М.П. Турчанинова) – от лица других совладельцев. Но в сложной ситуации, усугубленной общим кризисом, они не могли предотвратить фактического банкротства заводов. Уже в 1861 г. заводоуправление вовремя не расплатилось с банковской конторой за взятую под залог металлов ссуду в размере 288 363 руб. По просьбе попечителей император разрешил зачислить эту ссуду в качестве долга Государственному казначейству и рассрочить его на четыре года с обязательством владельцев не просить «ни о дальнейшей рассрочке долга, ни о сложении оногo»⁷. Тем не менее к концу 1861 г. в заводской кассе оставалось всего 24 коп. наличных денег. Сознывая всю безнадежность предпринятых «облегчительных мер», главный начальник предложил единственное, на его взгляд, средств-

во «для отвращения угрожающих гибельных последствий» – продать Сысертские заводы с публичных торгов.

«Вследствие крайне беспорядочной администрации и при содействии общих неблагоприятных условий заводы пришли в конце 1861 г. в такое положение, что не имели никакой возможности вести заводское действие своими средствами, – писал Ф.И. Фелькнер. – У них оставалось провианта только на три дня, а денег в кассе не было нисколько. При этом выделанные металлы были все заложены, рабочие не удовлетворены платами на значительную сумму, горные и общие государственные подати не заплачены, частный кредит утрачен совершенно... долги достигали 1660 тыс. руб. Среди таких обстоятельств управляющие... Кронеберг и Турчанинов объявили мне письменно, что по случаю отказа им в новой рассрочке горных податей они находятся в невозможности удовлетворить жалованием мастеровых и рабочих и сделать все нужные заготовления для безостановочного действия заводов, причем просили меня заблаговременно принять меры против могущих возникнуть чрез то беспорядков и волнений в населении». Лишь «с поступлением во владение лица, обладающего достаточным капиталом, заводы эти при хорошем хозяйстве могли бы действовать не без успеха», – полагал главный начальник. Но поскольку соблюдение всех формальностей «заняло бы не менее года», он просил «исходатайствовать Высочайшего разрешения на безотлагательное взятие заводов впредь до продажи их в казенное управление с ассигнованием от казны необходимой денежной суммы в 200 тыс. руб. для продовольствия населения»⁸.

Не терпящее отлагательства дело обсуждалось посредством нового вида связи: 23 декабря 1861 г. министр финансов А.М. Княжевич телеграфировал на Урал о решении взять Сысертские заводы («как пришедшие в упадок») в казенное управление и назначить их к публичной продаже. Временным управляющим от казны был назван инженер-подполковник Д.И. Планер⁹.

Н.М. Ивелич и А.А. Турчанинов подали министру и главному начальнику несколько жалостливых просьб об отсрочке продажи заводов, обязуясь прислать деньги, которые они намеревались изыскать, заложив заводы в банке. «Умоляю Вас, не откажите помочь мне, – писал граф Н.М. Ивелич Ф.И. Фелькнеру из Петербурга. – От Вашего ответа министру зависит все мое состояние». Не устранилось от участия в решении судьбы заводов и Попечительство, которое в лице тайного советника и сенатора М.М. Корниолин-Пинского и генерал-адъютанта графа И.К. Ламберта не только просило отменить продажу заводов и отложить выплату казенных податей до 1863 г., но даже назначить содержание обанкротившимся владельцам из заводских сумм¹⁰.

Понятно, что все эти просьбы не могли найти отклика у главного начальника. Более того, в марте 1862 г. он получил секретное предписание, чтобы «вверенные казенному надзору частные заводы, соображая действия свои со средствами владельцев, не были поставлены в положение, требующее поддержания их от Правительства». Вместе с тем Д.И. Планер представил смету на следующий заводский год, в которой «предполагалось испросить у Правительства 200 тыс. руб. и с помощью их получить прибыли 135 671 руб.» «Не желая решить этот вопрос по одному личному моему убеждению, – объяснял свои действия Ф.И. Фелькнер, – я передал его на ближайшее обсуждение особого горного совета, составленного не только из лиц, знакомых с заводским делом, но и обладающих другими специальными сведениями, требующимися для выяснения настоящего предмета со всех его сторон, причем сделано было распоряжение, чтобы в состав совета допущены были те из находившихся в Сысерти владельцев, которые пожелают лично или через доверен-

ных участвовать в совещаниях, а равно и живущие вблизи от Сысерти некоторые главные кредиторы заводов. Этим только способом можно было, по моему мнению, устранить всякую односторонность взгляда на подвигнутый рассмотрению вопрос и прийти к правильным заключениям»¹¹.

В состав судьбоносного совета от Уральского горного правления вошли управляющий Д.И. Планер, его помощник П.Н. Трубинов, управитель Нижнеисетского завода капитан В.М. Малахов и чиновник особых поручений Я.С. Стахийев, от частных кредиторов – горный инженер И.Н. Деханов и отставной коллежский асессор Н.И. Севастьянов, от владельцев – П.Д. Соломирский и П.М. Турчанинов. Главный начальник позже вспоминал, что «проживавшим в Сысерти владельцам послано было приглашение прибыть на совет». «Из них генерал-майор Соломирский пожелал находиться лично при совещании, а другой участник во владении заводов шихтмейстер Марко Турчанинов от этого отказался. Почему доверенный от Попечительства Кронеберг не был в совете – по отбытию ли куда из Сысерти, или по нежеланию – мне неизвестно. Но если бы он захотел прибыть в совет и заявить свое мнение, то оно, конечно, было бы выслушано. Приглашать же к рассмотрению смет отсутствовавших заводчиков, которые живут в Петербурге и Нижегородской губернии, не было никакой возможности, потому что в ожидании их прибытия пришлось бы отложить на слишком продолжительное время разрешение вопроса, не терпящего замедления... Имел ли право генерал-майор Соломирский участвовать в суждениях горного совета, это лучше всех было известно ему самому, но когда он прибыл в совет, то нельзя было из одного уже приличия воспретить ему находиться там. Наконец, младший сын шихтмейстера Турчанинова поручик Турчанинов, явившись в совет, сказал, что он прислан отцом, но как он не имел официального к тому полномочия, то ему и не было предложено к подписи постановление совета»¹².

Когда 3 мая 1862 г. Д.И. Планер представил совету составленную им смету на 1862/63 г., выяснилось, что на предложенные в ней объемы производства (350 тыс. пуд. железа, 25 тыс. пуд. меди и 10 пуд. золота) еще не заготовлено необходимого количества сырья и топлива, а расчет дохода был произведен по «фантастическим» рыночным ценам. Горный совет постановил «вместо того, чтобы совершенно остановить производство, как бы следовало по безвыгодности его, уменьшить его до 250 тыс. пуд. железа и 18 тыс. пуд. меди с целью сведения к минимуму убытка и просить от казны 150 тыс. руб.». Была определена и причина убыточности заводов. Как записано в журнале совета, она «крылась в отсутствии учета и определенности в назначении расходования материалов, что издавна допущено было прежним управлением и требует прекращения, чтобы хотя несколько достигнуть уменьшения убытков». «При должном наблюдении и при установлении правил учета во всех частях расходов, – полагали члены совета, – если не будет прибылей, то не должно быть и убытков, и расход главных материалов – дров и угля – не будет превышать употребления в казенных заводах». Предлагалось также значительно сократить штат служащих¹³.

После этого в Горный департамент поступили многочисленные прошения владельцев и анонимные записки, «дополнения и опровержения», составленные, вероятно, по инициативе попечителей. В них последовательно отводились все доводы главного начальника и решения состоявшегося горного совета. Сомнению было подвергнуто даже высочайшее решение о продаже имения. Авторы утверждали, что ко времени, когда главный начальник испрашивал разрешения на нее у попечительства, недоимки в горных податях на заводах не было, жалование мастеровым

исправно выплачивалось, по казенному долгу «никакой несостоятельности не представлялось, так как у ней есть свой срок», а долг банковской конторе «совершенно обеспечивался заложенными металлами». За недоимку же в государственных податях в размере 25 тыс. руб. брать заводы в казенное управление было незаконным. «Это явление единственное в своем роде и доселе неслыханное в летописях горной промышленности», – констатировали авторы одной из записок. Подвергся критике и состав горного совета. По мнению попечителей, временный управляющий Д.И. Планер не должен был принимать участия в заседаниях, чиновник Я.С. Стахивев «как будущий продавец металлов не мог быть беспристрастным», а находившийся под попечительством П.Д. Соломирский не имел права решать судьбу заводов, как и П.М. Турчанинов, не предоставивший законной доверенности. Особенно нежелательным было участие в совете кредиторов Н.И. Севастьянова и И.Н. Деханова, которые, как уверяли авторы записки, «по слухам, сами желали приобрести заводы покупкой за пониженную цену»¹⁴. Подобные «разоблачения» требовались, чтобы убедить высшие горные власти в опрометчивости уже принятых решений и заставить их согласиться с новым предложением: передать Сысертские заводы в аренду.

Министру финансов М.Х. Рейтерну 24 января 1863 г. было направлено официальное прошение всех совладельцев, в котором они убеждали, что казенное управление, «как мера временная», никак не сможет изменить положение заводов, поскольку, «по принятому правилу, вспомоществованию от казны должны быть даны такие размеры, при которых... производство было бы уменьшено до крайних пределов». По их подсчетам, чистая прибыль округа в первый год казенного управления достигла всего 35 258 руб., что «не покрывало даже процентов с суммы лежащих на заводах долгов». В таких условиях, полагали владельцы, «заводы неизбежно будут доведены до необходимости или быть проданными за бесценок, тем более в настоящее время еще не усовершенствованного переходного состояния заводских рабочих людей от обязательного на вольный труд... или быть окончательно разоренными». Они также утверждали, что в этом непосредственно заинтересованы некоторые из крупных частных кредиторов, «образовавшихся еще по милости Кокшарова». «Господа Севастьянов и Деханов, – писали совладельцы, – не довольствуясь своим кредиторством... для личных своих интересов не щадят никаких усилий во что бы то ни стало достигнуть продажи заводов с публичных торгов, надеясь при настоящем положении крестьянского дела встретить не многих конкурентов и приобрести эти заводы себе за ничтожную сумму». «Владельцы заводов, – сообщалось в приложении к прошению, – при виде пропасти, куда влекут их происки Севастьянова и Деханова, стали искать помощи извне и в настоящее время приискали двух лиц из желающих взять аренду заводов на 20 лет».

Этими «лицами» оказались титулярный советник Григорий Маркиянович Пермикин и екатеринбургский купец второй гильдии Еремей Прокофьевич Трофимов. В соответствии с проектом договора, арендаторы обязывались платить «из доходов заводских» в течение первых трех лет по 120 тыс., на протяжении следующих 10 лет – по 150 тыс. и в последние семь лет – по 200 тыс. руб., т. е. в течение 20 лет должны были уплатить 3 260 тыс. руб., что более чем покрывало все казенные и частные долги с процентами. Не оставались без дохода и совладельцы. Они, как предполагалось, получали бы от арендаторов в первые два года по 12,6 тыс., в течение следующих восьми лет – по 25,2 тыс., на протяжении последних 10 лет – по 37,8 тыс. руб. «Личный опыт с горным инженером Кокшаровым заставляет нас ценить все значение, которое имеет личное достоинство арендатора, – уверяли совла-

дельцы. – Поэтому мы видим в г-не Пермикине, пользующемся известностью по технической и заводской части и имеющем значительное состояние, который будет иметь возможность противостоять случайностям, могущим возникнуть от освождения заводского народонаселения от обязательного труда. Господин Пермикин хорошо знаком с местными средствами заводов... он продолжительное время управлял Мраморным заводом, находившимся смежно с нашими заводами. Трофимов же родился на заводах и 15 лет изучал заводы, будучи на них приказчиком. Оба арендатора сжились с заводскими людьми и изучили их нужды». Сами арендаторы дополняли в другом прошении, что с их стороны «предприятие обдуманно зрело и соображено с местными обстоятельствами». На него они «жертвовали огромный капитал и представляли в залог собственную недвижимость»¹⁵.

Позже стало известно, что еще в феврале 1862 г. Е.П. Трофимов обращался в Горный департамент с просьбой передать ему в аренду Сысертские заводы, но получил отказ, так как «округ был Высочайше назначен в продажу и проситель не предоставил обеспечения в исправном платеже арендной суммы». Подключившийся тогда к перспективной сделке крупный золотопромышленник Г.М. Пермикин не только согласился участвовать в аренде, но и предоставил в залог два принадлежавших ему каменных дома в Петербурге ценностью 330 тыс. руб. Но оказалось, что на этих домах числился долг Государственному банку в 123 тыс. руб., так что реальный залог составлял всего 207 тыс. руб.

Вслед за этим прошением в Горный департамент поступило следующее – на сей раз от «личных кредиторов» П.Д. Соломирского (петербургских купцов Великанова, Исакова и Яковлева, почетного гражданина Рязанова, академика Брюлло, артистки Эммы Редер и др.), которые напоминали об истечении сроков уплаты им давних долгов генерал-майора, по которым с 1860 г. они не получали выплат от Попечительства. Департамент потребовал подтвердить согласие кредиторов на аренду.

Вскоре попечители сообщили, что «вошли в соглашение с арендаторами о погашении частных долгов Соломирского и те обязались независимо от уплаты заводских долгов внести в Попечительство 50 тыс. руб., коими претензии будут покрыты». Но в Горном департаменте резонно предположили, что одного лишь этого согласия недостаточно. «Вполне известно, – было записано в докладе министру финансов М.Х. Рейтерну от 27 марта 1863 г., – что главная масса (именно до 1 млн руб.) долгов сих заводов принадлежит лицам, проживающим на Урале – чиновникам Дехановым, Ильину, Севастьянову, купцам Попову, Клушину, Стахееву и многим другим. Если Попечительство считает нужным получить согласие петербургских кредиторов, т. е. лиц, дававших деньги на личный прожиток владельца, то почему же оно не считает нужным согласие уральских, т. е. лиц, дававших жизнь заводам и кормивших заводских людей?» Министр, которому уже пришлось в 1862 г. дополнительно выделить Сысертским заводам 150 тыс., а в 1863 г. – 127 тыс. руб., потребовал как можно быстрее получить согласие «уральских кредиторов». За них-то и развернулась нешуточная борьба, от исхода которой зависела судьба Сысертских заводов.

Однозначно за продажу заводов и против их аренды высказались в своих прошениях в Горный департамент основные кредиторы Н.И. Севастьянов (ему заводы должны были 322 151 руб.), И.Н. Деханов и Л.Н. Деханов (89 тыс. руб.), Н.П. Ильин (42 562 руб.). Хотя они признавались, что условия предполагаемой аренды им «в подробностях неизвестны», тем не менее, она безоговорочно воспринималась ими как «желание владельцев уклониться от платежа следующих им денег... и лишить их всего... достоинства, которым заводы доведены до отлич-

ного технического устройства». Но одновременно кредиторы демонстрировали и свою осведомленность, обращая внимание департамента на величину предложенного арендаторами обеспечения, которое они оценивали как «ничтожное и совершенно не соответствующее тем огромным интересам – казенным и частным, какие состоят на Сысертских заводах». «Мы не имеем также ручательства за специальность сведений арендаторов в горнозаводских делах при управлении такими огромными заводами с разнообразными их произведениями и признаем аренду неблагонадежной и нарушающей права по удовлетворению наших претензий», – заключали они¹⁶.

«Из частных кредиторов добиваются безотлагательной продажи Севастьянов, два брата Дехановых и Ильин, – сообщало в ответ Попечительство, – все эти люди были влиятельными чиновниками Уральского горного правления, а именно Севастьянов – смотрителем караванов, один Деханов – советником Горного правления, другой – заводским исправником, Ильин – правителем канцелярии главного начальника». «Не оттуда ли происходят и все препятствия, составленные Уральским горным правлением к спасению Сысертских заводов», – замечал М.М. Корниолин-Пинский, намекая на сговор кредиторов с главным начальником Ф.И. Фелькнером, как главой Горного правления. «Публичная продажа заводов в том положении, в каком поставлены заводы Уральским горным правлением, – доказывал он, – вряд ли покроет казенные долги, вовсе не удовлетворит кредиторов и совершенно разорит владельцев. На торги никто не явится, следовательно, заводы достанутся за бесценок заклятым врагам заводовладельцев, которые содействовали к нынешнему упадку Сысертских заводов, или иностранцам, столь жадным заводить в России свои колонии. Умоляю отдать в аренду»¹⁷.

Обвинения в адрес Горного правления вызвали вполне прогнозируемую реакцию главного начальника. В июне 1863 г. в департаменте был получен его обстоятельный рапорт, в котором утверждалось, что владельцы Сысертских заводов «хотели в ложном свете выставить его административные действия, приписывая им характер неблагонамеренности, но у них не достало решимости принять на себя ответственность, которой закон подвергает виновных в клевете». «Желание заводчиков заключить условия с Пермикиным и Трофимовым... объясняется очень легко, – разъяснял Ф.И. Фелькнер. – На Сысертских заводах состоит всех казенных и частных долгов свыше 2 млн руб. Столь огромная масса долгов едва ли не превышает стоимость имения, и владельцы, вероятно, не надеются, чтобы после продажи заводов и по удовлетворению долгов останется в их пользу какая-либо сумма. А как кредиторы обязуются выдавать им суммы... то предложение это не может не нравиться заводовладельцам, которые теперь ничего не получают от заводов и которым терять нечего. Казна же должна отложить выручку своей принадлежности на неопределенное время, тем более... если заводы поступили бы в распоряжение не предоставляющих обеспечения арендаторов. Желание отдать Сысертские заводы в аренду... раздается также и от Высочайше учрежденного Попечительства над генерал-майором Соломирским. Мне не известно официальным путем, какие причины побуждают Попечительство соглашаться на столь неверное, шаткое и в высшей степени опасное для заводского имения предприятие. Дошедшие же до меня частные сведения гласят, что контрагенты Пермикин и Трофимов... особым условием обещают уплачивать и частные долги Соломирского. Не знаю, насколько справедливы эти сведения, но во всяком случае голос Попечительства в настоящем деле не может считаться авторитетным, потому что оно... явило совершенную несостоятельность свою к выполнению своих обязанностей».

Причиной всех бед заводов главный начальник считал «беспечность сысертской администрации» в лице владельцев и прежде всего Попечительства. «Они видят в Пермике и Трофимове нравственные достоинства, – писал он. – Но ни тот, ни другой не имеют на Урале такой известности, которая бы заставляла предполагать в них сведущих в горнозаводском деле техников или опытных в управлении заводов администраторов... Аренда не погашает теперь же казенный долг, а без этого отмена продажи состояться не может, и не представляет полного ручательства, а предложенная в залог сумма обеспечения вполне обнаруживает их, владельцев, непрактичность... Что касается убеждения, что Севастьянов и Деханов задумали завладеть заводами... то такое убеждение могло возникнуть только вследствие незнания законов, определяющих порядок публичной продажи имущества. Каким образом можно сказать, что заводы будут куплены именно такими-то лицами, когда они будут продаваться с аукциона, на который может явиться всякий, имеющий возможность купить их!»¹⁸

Аргументы главного начальника не могли не повлиять на позицию центральной власти в отношении опеки. Однако чиновников Горного департамента задел намек на заинтересованность местных властей в смене «беспечных» владельцев Сысертских заводов, которые доставляли им столько хлопот. Сомнения вызвали у них и справки, полученные от пермского губернатора А.Г. Лашкарева. Он, в частности, сообщал, что «до него дошло, что оценка Сысертских заводов делается возможно ниже вследствие происков одного из кредиторов, коллежского асессора Севастьянова, известного своими спекуляциями и пользующегося по своей состоятельности значительным влиянием, с целью приобрести заводы покупкою за бесценок»¹⁹. Известные сведения о владельце роскошного дома в центре Екатеринбурга чиновнике Н.И. Севастьянове скорее подтверждают эту репутацию. Еще будучи горным чиновником, а также после своей отставки в 1858 г. он действительно проявил себя во многих сферах предпринимательской деятельности, делая, по мнению специалистов, ставку на операции, приносящие «быстрые деньги». В конце 1860-х гг. он кредитовал Ревдинские и арендовал Юрюзанские заводы, 1873 г. стал совладельцем Холуницких заводов, но через год продал свою долю А.Ф. Поклевскому-Козелл. Имелись у него и личные коммерческие отношения с бывшим управляющим Сысертских заводов К.И. Кокшаровым. В 1859 г. Н.И. Севастьянов продал Кокшаровым принадлежавшую ему часть Метлинского имения в Екатеринбургском уезде²⁰. Надеясь на его связь с управляющим, Попечительство оспаривало сумму заводского долга Н.И. Севастьянову, полагая, что К.И. Кокшаров в свое время выдал ему «общую квитанцию в превышающей против прежних квитанций сумме».

Неоднозначно к Н.И. Севастьянову относились и другие кредиторы. В июле 1863 г. министр финансов получил несколько прошений от 27 крестьян Полевской волости, которым сысертское заводоуправление задолжало за поставку припасов. «Каково же было наше удивление, – писали крестьяне по поводу совещания годичной давности, – когда в горном совете совместились все, что мы только подозревали: присутствовал и управлял советом г-н Севастьянов с затаенной мыслью – купить заводы, тут же находился совместник его г-н Деханов, чем и объяснилась прежде необъяснимая цель: отнятием у заводов всего прекрасного, всего, что должно было их возвысить в глазах покупателей – все это отнято, а оставлено у них только несправедливое нареkanie – безвыгодные заводы». Крестьяне жаловались, что за последний год производство сократилось наполовину, в то время как предложенная аренда «встречает препятствия не только со стороны некоторых крупных кредиторов, но и местного горного начальства». Оно, считали просители, «видит в Пермике и

Трофимове людей, не пользующихся известностью, а склонность владельцев к аренде относит только к стремлению их пользоваться деньгами». «Поистине доложим, что, зная арендаторов лично, в делах их, мы вполне признаем, что только они, даже в пример другим, восстановят Сысертские заводы в блестящее положение, чрез что спасут оные от пагубной, незаслуженной публичной продажи, спасут и нас, кредиторов, от разорения, так равно доставят насущное пропитание тем из мастеровых, которые остались без дела по случаю половинного действия заводов и каковые, находясь в бедном положении, просят уже Правительство переместить их на хлебопахотные места, тогда как подобные люди, приобретшие временем навык в заводских рукоделиях, должны быть хранимы как драгоценность заводов; казенное же управление очень просто соглашается на перемещение».

Оспаривая мнение главного начальника относительно арендаторов, эти кредиторы вместе с тем вполне соглашались, что владельцы стремятся «удержать в руках имение и, конечно, из главных условий пользы своей», но, в отличие от Ф.И. Фелькнера, считали это вполне «естественным». «Цель же сопротивления главного начальника ясно доказывает, – поясняли они, – что утверждение аренды за Пермикиным и Трофимовым обнаружит его неприязненное направление, а между тем утверждение аренды будет благодатным примером другим заводам. Г-н Фелькнер, поставляя заводы мнимо в упадшие, не боится Бога затмить истину перед Вашим Высокопревосходительством». «Все наличные кредиторы в Сысертских заводах», утверждали крестьяне, согласны с учреждением аренды. Их позицию разъяснил в одной из записок сам Г.М. Пермикин. «При продаже заводов кредиторы не получают более 10 коп. на рубль, – пояснял он. – Это ясно поняли другие кредиторы и сделанное нами предложение считают для себя благодетельным, рассчитывая получить не менее 10 коп. на рубль не одновременно, а ежегодно до погашения капитальной суммы и процентов на оную»²¹.

Попечительству о действиях «сысертских кредиторов», даже если они и не были инспирированы его агентами, было, безусловно, известно. В Петербург к сенатору М.М. Корниолин-Пинскому поступали телеграммы, по содержанию которых можно судить о том, что события на заводах он контролировал. Так, в одной из них сообщалось: «Фелькнер объяснение подал фальшивое. Принято опровержение. Остальные кредиторы послали и посылают разные просьбы. Просят утвердить аренду»²².

Но не бездействовали и противники аренды. Летом и осенью 1863 г. министр финансов получил и от них не одно прошение, где обращалось внимание на то, что согласие на аренду дали кредиторы, участие которых составляет «едва $\frac{1}{10}$ долю всех частных претензий». Их согласие объяснялось тем, что они «не вникли в смысл аренды... или вошли с арендаторами в какие-либо частные соглашения». С учетом уже ставших известными условий аренды крупные кредиторы высчитали, что «из первоначального взноса в 120 тыс. руб. 50 тыс. пойдет Попечительству, 50 тыс. – на проценты в уплату казенного долга, остальные 20 тыс. должны разделиться между заводскими кредиторами, т. е. на рубль они получают по $1\frac{3}{4}$ коп.», что, по мнению сторонников продажи, свидетельствовало о «неимении желания и намерения арендаторов рассчитаться с кредиторами». «Публичная продажа, – доказывали они, – представляется в гораздо более выгодном свете. Гораздо выгоднее будет для кредиторов за раз получить при продаже по несколько копеек, а может даже и рубль за рубль, чем получать ежегодно по копейке с дробью».

Но, видимо, под напором обвинений в свой адрес, эти кредиторы не исключили и возможности аренды «на условиях, благоприятных для арендаторов и кредито-

ров». К тому же продажа Сысертского округа по произведенной оценке в размере 500 тыс. руб. не сулила им возвращения вложенных капиталов, поскольку не покрывала даже первостепенный казенный долг заводов. В такой ситуации острие своей критики они направили на личности самих потенциальных арендаторов. «Не в таком виде представляется нам предлагаемая аренда, не имеющая обеспечения. Убеждены, – писали они, – что и кроме Пермикина и Трофимова найдется много подобных арендаторов, которые, не затрачивая ни копейки, согласились бы получить в аренду миллионное имущество и управлять им на таких условиях, чтобы большая часть доходов поступала в их пользу». В своих требованиях кредиторы открыто уже не настаивали на продаже. Они лишь просили министра оказать им содействие «в получении затраченных капиталов» и не отдавать Сысертские заводы в аренду на объявленных условиях. Явно намекая на себя, они предлагали, «если бы явились арендаторы с подходящими условиями, оказать содействие в заключении с ними договора»²³.

М.Х. Рейтерн оказался в весьма щекотливой ситуации, из которой необходимо было срочно найти выход, который устроил бы и казну, и владельцев, и всех кредиторов. Он сообщил М.М. Корниолин-Пинскому о своем решении 30 ноября 1863 г.: «Поскольку частные претензии судебным порядком не признаны, а по закону горные заводы за частные долги не продаются, то состоявшееся в 1861 г. распоряжение о продаже... могло быть отменено в том внимании, что за произведенными во время казенного управления уплатами весь казенный долг, не превышающий 623 тыс. руб., может при дальнейшем казенном управлении покрываться в продолжение четырех лет, после чего самые заводы могли бы быть возвращены владельцам и Попечительству, от коих зависеть будет удовлетворение частных кредиторов. Что касается аренды, то предложение это, встретившее сопротивление со стороны весьма многих кредиторов... не может быть принято еще и потому, что в подобном случае казна должна будет вместо четырех лет ожидать возмещения своего долга в продолжение 20 лет, не имея вполне достаточного со стороны арендаторов обеспечения в исправном платеже следующих ей денег». «Полагаю за сим, – заключил министр, – что публичная продажа Сысертских заводов может быть отменена, но лишь под условием оставления заводов в казенном управлении до полной уплаты казенного долга, и что в настоящем положении дела нет другой меры, которая могла быть принята для сохранения владельцам их собственности без нарушения прав и интересов других лиц, т. е. частных кредиторов»²⁴.

Но оказалось, что и мнение высшего руководителя горного ведомства не стало окончательным. Правительство, видимо, усомнилось в возможности компенсировать затраченные казенные деньги всего за четыре года и продолжить казенное управление еще одним уральским горнозаводским округом наряду с Мосоловскими, Суксунскими и Кнауфскими заводами, которые уже состояли в казенном управлении безо всякой надежды на его скорое прекращение. В случае же с Сысертскими заводами у высших горных властей еще сохранялась надежда на владельцев и их деятельных покровителей. Вдохновленные словами министра о вполне возможном возвращении заводов в управление владельцев и Попечительства, они, по-видимому, просили об этом после отклонения аренды. В итоге 9 июня 1864 г. император утвердил положение Комитета министров об отмене публичной продажи Сысертских заводов и о передаче их из казенного управления в распоряжение владельцев с рассрочкой долга (752 344 руб.) на 26 лет. Владельцы и попечители брали на себя обязательство «уплатить долги, не требуя от Правительства никаких более пособий»²⁵.

Д.И. Планер 8 сентября 1864 г. передал управление заводами уполномоченным от владельцев. После трехлетнего казенного управления новое «собственное» управление наследников А.Ф. Турчанинова начиналось в очень тяжелых условиях: за заводами числились огромные казенные и частные долги (по некоторым данным, на момент передачи они составляли 2 387 239 руб.); выделка железа упала до 235,7 тыс. пуд., выплавка меди – до 9,5 тыс. пуд., добыча золота – до 3 пуд. 34 фунтов²⁶. На всех уральских заводах тогда совершался переход к вольнонаемному труду в связи с отменой крепостного права. Хотя в Сысертском округе крепостной труд и до реформы 1861 г. почти не использовался, поскольку заводское население составляли казенные мастеровые и непременные работники, тем не менее расходы на оплату труда рабочих тоже должны были возрасти. М.М. Корниолин-Пинский жаловался М.Х. Рейтерну, что после передачи управления владельцам Горное правление не прекратило «вредить» заводам, распорядившись «об удержании долга по ссудам из банковской конторы, что лишало владельцев последнего средства и возможности продолжать заводское действие». «В таком положении, – утверждал он, – Высочайше дарованная милость, имевшая целью устранить публичную продажу заводов... совершенно теряет свой облегчительный характер». Срок погашения всего казенного долга был продлен до 37 лет с установлением «присмотра со стороны казны»²⁷.

Один из «биографов» Сысертских заводов В.Д. Черкасов сообщал, что после возвращения их из казенного управления «некоторые владельцы, подавляемые тяжестью лежащих на заводах обязательств», склонялись к передаче их в аренду на 36 лет компании частных кредиторов во главе с «неким Севастьяновым». Вероятно, крупные кредиторы все-таки решились предложить владельцам аренду заводов. Но вряд ли владельцев и попечителей могло заинтересовать предложение от лиц, которых они еще недавно представляли «врагами заводов». Однако в той сложной финансовой ситуации Попечительство могло воспользоваться и этим предложением. Тот же В.Д. Черкасов утверждал, что только «основательные доводы и расчеты» П.М. Турчанинова убедили всех в «возможности полного, хотя и постепенного удовлетворения всех кредиторов собственными силами заводов». Отметим, что незадолго до этих событий Петр Маркович Турчанинов окончил физико-математический факультет Казанского университета, а в 1864 г. уволился в отставку в чине коллежского секретаря для того, чтобы сосредоточиться на управлении заводами в столь ответственный и сложный для них период. К тому же он нашел поддержку своим замыслам у «давно и заслуженно пользовавшегося доверием владельцев и большинства заводских кредиторов» бывшего крестьянина Сысертской волости ученика Ф.А. Хвоцинского Михаила Егоровича Семенова²⁸. Если учесть, что обращения к горным властям в эти годы вновь подписывали А.И. Кронеберг и П.М. Турчанинов, можно предполагать сохранявшееся тогда «двойственное управление» заводами, в котором главное место занял записавшийся в екатеринбургское купечество М.Е. Семенов²⁹.

«В это время положение заводов было отчаянное, но Семенов обладал необыкновенным умом и железной волей и деятельность его не один раз вызывала похвалы в отзывах печати, – вспоминал управляющий делами округа А.Е. Гузеев. – Для начала Семенов вошел в сделки с кредиторами и в течение двух или трех лет сумел склонить всех займодавцев к миролюбивому соглашению, причем по настоянию его кредиторы согласились рассрочить долги и уменьшить свои претензии на 300 тыс. руб. Одновременно с тем Семенов уговорился с владельцами заводов отчислять им в доход самую ничтожную долю по миновании трех лет от начала уплаты кредиторам. Таким образом, с 1867 г. П.Д. Соломирский получал на свои 70 из 126 паев всего

3 тыс. руб., между тем как в уплату кредиторам поступало ежегодно около 200 тыс. руб. Этим способом удалось восстановить кредит, так как в 1870 г. было уже погашено за пять лет около миллиона частного долга». Кроме того, М.Е. Семенов заключил договоры с обществами мастеровых о взаимовыгодном размере заработной платы, чем предотвратил всплеск социальной напряженности, характерный для большинства уральских горнозаводских округов того времени. Много полезного он привнес и в техническое обеспечение предприятий округа, за что был удостоен ордена св. Станислава третьей степени и пенсии от заводовладельцев³⁰.

По уточненным данным Горного департамента, к 1869 г. было уплачено казне 206 345 руб., частным кредиторам – 476 729 руб., на содержание владельцев ушло 57 056 руб., на развитие заводов затрачено 150 тыс. руб. Как свидетельствовал академик В.П. Безобразов, посетивший в 1869 г. уральские заводы, Сысертский округ удалось вывести из состава «самых расстроенных на Урале». На этом примере, писал он, «можно убедиться, какими блистательными результатами сопровождаются энергические и добросовестные усилия в горнозаводском деле, когда оно производится хозяйскими руками и под глазом самого владельца»³¹.

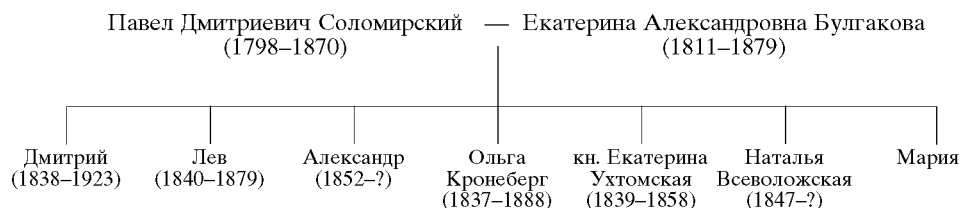
В 1874 г. Горный департамент получил сведения о доходах от П.М. Турчанинова, который уже 10 лет «управлял заводами по доверенности владельцев». Эти материалы отчасти подтверждают, отчасти корректируют данные А.Е. Гузеева. Как можно судить по ним, в 1865 г. всем владельцам было выдано 21 056 руб., в течение следующих трех лет – только по 18 тыс. руб. В 1869 г. сумма дивидендов увеличилась до 30,6 тыс. руб., в 1870 г. – до 65 411, в 1871 г. – до 80 254 руб. В 1872 г. они сразу выросли до 241 тыс. руб. и оставались таковыми до 1874 г.³² Вероятно, дела заводов к началу 1870-х гг. действительно улучшились, хотя Министерству финансов все-таки приходилось иногда помогать Сысерти вопреки условию высочайшего повеления 1864 г. Через четыре года после возвращения округа владельцам Попечительство в лице капитана Генерального штаба Г.Д. Корибут-Кубитовича ходатайствовало об отсрочке на пять лет платежа казенного долга. Она испрашивалась «для приобретения возможности произвести на рассрочиваемую сумму многие капитальные улучшения и разведки в медных рудниках с целью упрочения и удешевления на Полевском заводе медного производства».

«Железное дело на Сысертских заводах благодаря затратам и заботам нового заводоуправления владельческого пришло в весьма хорошее положение, – сообщали попечители министру финансов в декабре 1868 г. – Качество железа улучшилось, сортамент его сделался разнообразнее, особенно тонкие сорта железа приобрели себе большую известность на Нижегородской ярмарке. Кроме того, на заводах начали выделывать листовое железо, качество которого с года на год улучшается. Медное же дело, несмотря на все старания и затраты заводоуправления, не принесло такого же благотворного результата. Хотя качество меди улучшилось, ценность и обработка ее уменьшились, но производство меди не только не окупается, но приносит ежегодно значительный убыток, что особенно тягостно Сысертским заводам, должным платить ежегодно казне и частным кредиторам значительные суммы». Убыток этот за четыре года составил более 140 тыс. руб., и предполагалось его увеличение из-за снижения цен на ярмарке по случаю «значительного привоза меди из заграницы». «Для возможности конкуренции меди сысертской с заграничной необходимо сделать много улучшений на заводах и новых изысканий на Гумешевском руднике... – уверяли просители. – Для осуществления этой крайне необходимой мысли при отсутствии запасных капиталов нужны затраты значительной денежной суммы».

Главный начальник уральских заводов А.А. Иосса и горные инженеры, состоявшие при заводах для присмотра со стороны казны, поддерживали «настоятельную необходимость предлагаемых заводоуправлением работ и признали ходатайство... заслуживающим уважения». «В разработке Гумешевского рудника представляются два крайне неблагоприятных естественных условия: чрезвычайный приток воды и залегание руд в слабых тальковых глинах, — сообщали они. — Осуществление же предложений заводоуправления о соединении отдельных выработок штреками, о сосредоточении водоотливов, уменьшении числа шахт, о введении других технических улучшений... и разыскание новых рудных запасов... дадут много содействия удешевлению меди». Горный совет при Министерстве финансов согласился предоставить новую льготу «под непременною условием производства разведок и улучшений на отсроченную сумму 220 тыс. руб. и с тем, чтобы наблюдение за выполнением сего условия возложено было на того же горного инженера». Отсрочка была предоставлена 2 января 1870 г.³³

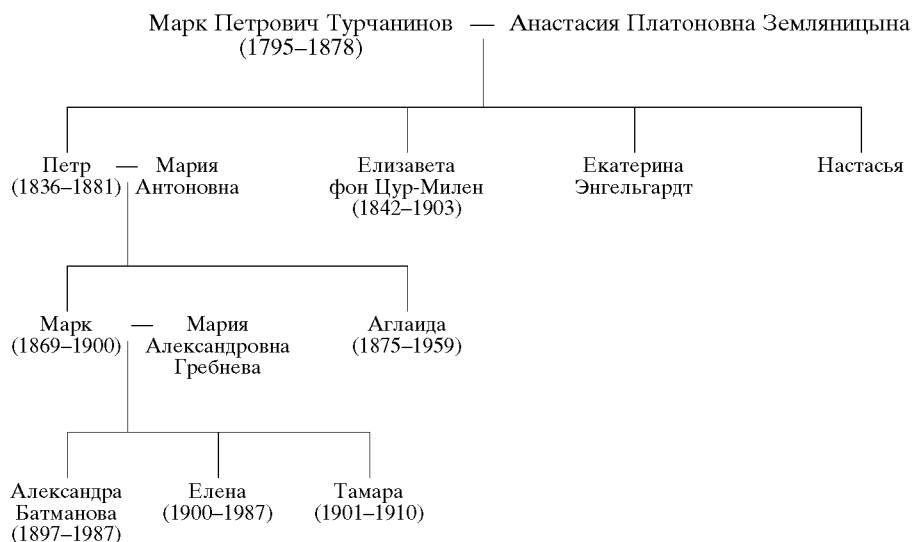
Однако, по свидетельству инженера А.Г. Померанцева, новые разведки «ничего благонадежного к дальнейшему существованию и упрочению медеплавильного производства не предоставили». Поэтому заводоуправление уже в 1870 г. приступило к перепрофилированию Полевского завода на выделку железа до 200 тыс. пуд. в год, затратив деньги на устройство пудлинговых и сварочных печей и других механизмов. Через пять лет, когда закончилась отсрочка, наблюдатель констатировал, что, окончательно убедившись в безнадежности попыток улучшить добычу медной руды и затратив на это до 150 тыс. руб., заводоуправление «упразднило водоотливы и остановило внутренние работы на Гумешевском руднике... и только на поверхности производился выбор руд из старых отвалов, которые по мере накопления проплавлились в Полевском заводе, где для этого был оставлен один корпус с двумя медеплавильными и одной шплейзоффеной печами»³⁴.

Несколько затрудняли управление наметившимся поступательным развитием Сысертского округа перемены в составе владельцев, начавшиеся с 1870 г., когда скончался П.Д. Соломирский. При восьми наследниках его доля владения перешла в единоличную собственность старшего сына Дмитрия. Такой порядок наследования был установлен Павлом Дмитриевичем в завещании, составленном еще 9 апреля 1860 г. Распорядиться своим именем по собственной воле он имел право, поскольку все свои 70 долей не наследовал, а приобрел покупкой у матери и ее родственников. От владения заводами, таким образом, устранялись вдова и шестеро детей генерал-майора, что, очевидно, было следствием его вполне осознанного желания не дробить с таким трудом составленную и удержанную в одних руках часть владения, позволявшую иметь перевес при принятии управленческих решений. Титулярный советник Дмитрий Павлович Соломирский был введен во владение доставшихся ему долей в Сысертских заводах 30 декабря 1870 г.³⁵ Вскоре, видимо, было отменено и Попечительство.

В 1872 г. во владение был введен коллежский секретарь П.М. Турчанинов. Это произошло за шесть лет до смерти его отца по раздельному акту, совершенному 28 августа 1871 г. (утвержден в Екатеринбургском уездном суде 31 августа того же года). В соответствии с ним, шихтмейстер М.П. Турчанинов передавал свое «участие в Сысертских заводах без раздробления на сумму 200 тыс. руб.», а также дом в Сысерти и отдельное место на сысертском базаре единственному сыну Петру Марковичу. Другим наследникам – дочерям Елизавете (была замужем за курляндским дворянином полковником В.А. фон Цур-Милен), Екатерине (супруге гвардии поручика Павла Николаевича Энгельгардта) и девице Настасье (попечителем которой выступал губернский секретарь Иван Алексеевич Сысоев) – достались, по-видимому, капиталы отца и благоприобретенное имение – с. Щербаковка в Екатеринбургском уезде.

В октябре 1872 г. отец сделал новое объявление, что «по опрометчивости своей он подписал раздельный акт... на родовое и благоприобретенное движимое и недвижимое его имение... тогда как благоприобретенное его имение в состав раздела не входит». Он писал, что не признает акт действительным и вместо него в двухгодичный срок собирается составить другой, более справедливый. Тогда же и жена Марка Петровича Анастасия Платоновна (урожденная Земляницына) объявила, что «имущество частью благоприобретенное мужем ее, частью родовое и частью доставшееся по праву наследства» по раздельному акту было предоставлено, «вследствие недоразумения», в собственность сына Петра. Но право на родовое имущество, считала мать, имеет и дочь Настасья, «не достигшая еще возраста полного совершеннолетия». Она уведомляла, что опекун И.А. Сысоев «лишен права быть избираемым в таковые» и не мог участвовать в разделе от имени своей подопечной. Эта запутанная история тем не менее не помешала Екатеринбургскому уездному полицейскому управлению 10 ноября 1872 г. ввести П.М. Турчанинова во владение. Раздельный акт и сделанные отцом и матерью объявления были переданы на рассмотрение суда³⁶. Был ли пересмотрен раздел, неясно, но известно, что в составе владельцев другие члены семьи М.П. Турчанинова, кроме сына Петра, не числились.

В 1874 г. скончался действительный статский советник А.А. Турчанинов, а в следующем году – граф Н.М. Ивелич, части имущества которых наследовались уже по закону. Доля Н.М. Ивелича досталась его сыну штабс-капитану Марку Николаевичу ($8\frac{5}{14}$) и племяннице Надежде Сергеевне Языковой ($\frac{9}{14}$), дочери сестры графа Александры Марковны.

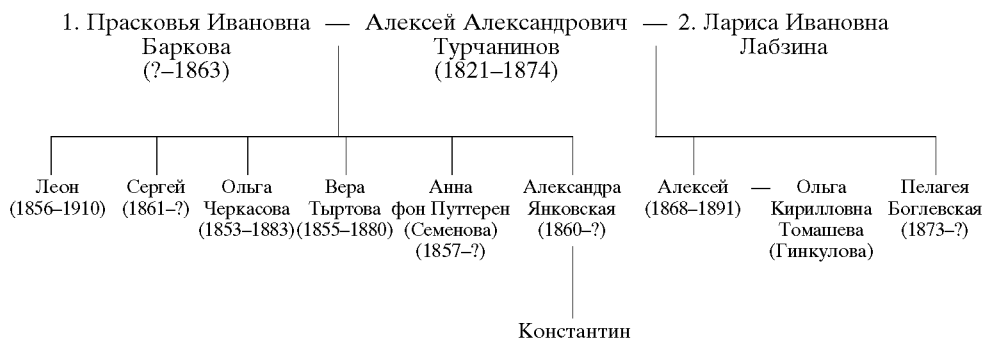

Доля А.А. Турчанинова 18 февраля 1875 г. перешла к его вдове Ларисе Ивановне Лабзиной ($4\frac{6}{7}$ паев общего владения), трем сыновьям Леону, Сергею и Алексею (по $5\frac{2}{3}$ каждому) и пятерым дочерям Ольге (была замужем за капитан-лейтенантом Нилом Васильевичем Черкасовым), Вере (супруге лейтенанта флота Александра Петровича Тыртова, вероятно, брата адмирала П.П. Тыртова), Анне (позже вышла замуж за М.Д. фон Путтерен, затем за Семенова), Александре (в будущем выйдет замуж за В. Янковского) и Пелагее (выйдет замуж за М.А. Боглевского) (по $2\frac{3}{7}$ каждой). У несовершеннолетнего Леона попечителем тогда был губернский секретарь Николай Николаевич Бологовский, у Анны – Н.В. Черкасов. Опекунами малолетних Александры, Сергея, Алексея и Пелагеи числились мать, П.М. Турчанинов, Н.В. Черкасов и титулярный советник Николай Никитович Жадовский. Доверенным лицом при введении наследников во владение в те годы выступал, как правило, управляющий П.М. Карпинский. На Сысертские заводы в 1875 г. перевели выплату долга умершего А.А. Турчанинова за акцизную соляную недоимку по Саратовской губернии под залог принадлежавших ему земель в Балахнинском уезде Нижегородской губернии, оцененную в 66 074 руб.³⁷

В 1879 г. опекун Н.В. Черкасов просил о рассрочке этой недоимки на девять лет, объясняя, что «в последние два года цены на железо, добываемое на уральских Сысертских заводах и составляющее единственный источник дохода малолетних наследников Алексея Турчанинова, значительно упали и одновременно с тем вздорожала его разработка». Следствие, проведенное Уральским горным правлением, подтвердило обоснованность просьбы. «Увеличение стоимости материалов произошло не в одном Сысертском округе, – констатировали чиновники, – равным образом затруднения по отправке весеннего каравана 1877 г. (когда караван задержался из-за слишком большой воды в Чусовой) и недостаток воды для действия заводов в 1878 г. (когда заводы были вынуждены действовать помощью паровой силы, более дорогой сравнительно с водяною) были испытаны и другими уральскими заводами. Низкие продажные цены железа... также

достаточно известны и происходят... от слишком чрезмерного и беспоплиного привоза дешевого и недоброкачественного иностранного железа». Отсрочку дали, и наследники А.А. Турчанинова были спасены от разорения³⁸.

К началу 1880-х гг., таким образом, заводы состояли во владении уже 12 лиц, принадлежавших к тем же четырем ветвям рода. В 1880 г. после кончины В.А. Тыртовой их количество возросло до 15 (тогда во владение ее долей вступили муж – капитан второго ранга Александр Петрович и дети – Константин, Елена и Надежда). В следующем году владельцев стало уже 17 за счет наследников умершего П.М. Турчанинова: его вдовы Марии Антоновны (1 пай), сына Марка (5^{1/2}) и дочери Аглаиды (1/2).

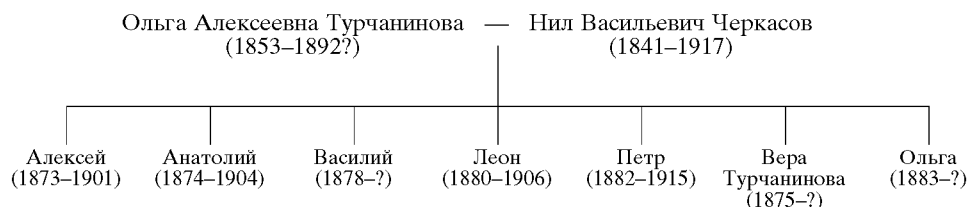
Видимо, с дроблением владения нарушилось и прежнее «согласное» общее управление заводами, что не могло не отразиться на их производительности, которая несколько снизилась в этот период. Вспоминая о том времени, главный начальник уральских заводов И.П. Иванов писал, что «по милости неприязненных отношений между несколькими владельцами возникали затруднения в управлении Сысертских заводов». «При подобном положении, – считал он, – заводы, несомненно, должны клониться к полному расстройству и упадку, что, конечно, нежелательно и может быть устранено учреждением по взаимному согласию владельцев общего управления»³⁹. Но, вероятнее всего, Д.П. Соломирскому представлялся вполне осуществимым иной вариант решения проблемы. В условиях значительной дробности владения и трудного материального положения многих его участников при первом же удобном случае Дмитрий Павлович начал скупать их пай. В 1880-е гг. в этом с ним соперничали некоторые наследники А.А. Турчанинова, что свидетельствует о непростых отношениях между ними.

В 1881 г. (по купчей, утвержденной 14 января) П.М. Турчанинов продал пять из 13 паев Д.П. Соломирскому, П.А. Боглевской, А.А. Семеновой и детям В.А. Тыртовой. Еще один пай Петр Маркович продал, видимо, А.А. Турчанинову. Следую-

щая крупная покупка произошла 22 декабря 1886 г., когда граф М.Н. Ивелич продал тем же лицам (включая А.П. Тыртова) шесть паев из доставшейся ему от отца доли. Леон и Сергей Турчаниновы 16 июня 1889 г. продали большую часть своих паев Д.П. Соломирскому и сестрам П.А. Боглевской, А.А. Семеновой, О.А. Черкасовой и А.А. Янковской. В результате этих семейных «переделов» доля владения Д.П. Соломирского увеличилась на 19 паев, а часть наследников А.А. Турчанинова – уменьшилась на шесть. Стало ясно, что Дмитрий Павлович выигрывал в борьбе за право единоличного владения. Управление вновь сосредоточилось в руках поверенных Д.П. Соломирского, и дальнейшие продажи паев осуществлялись почти исключительно в его пользу.

В 1891–1896 гг. он совершил шесть купчих, в результате чего приобрел у своих родственников еще девять паев. Среди продавших были, в частности, оба представителя ветви графов Ивеличей, которая таким образом вышла из состава владельцев Сысертских заводов. Н.С. Языкова продала Д.П. Соломирскому 2 сентября 1891 г. всю свою долю, а 14 февраля 1896 г. подполковник М.Н. Ивелич продал ему же остававшиеся в его владении $\frac{5}{14}$ пая. Еще два пая М.Н. Ивелич, видимо, продал кому-то из Черкасовых, а те перепродали их своему родственнику (или знакомому) по Нижегородскому дворянскому институту потомственному дворянину Владимиру Федоровичу Киришбауму. Расстались со всеми своими паями также М.А. Турчанинова (13 мая 1894 г.), Л.И. Турчанинова (16 июня 1891 г.), А.А. Янковская (26 марта 1893 г.) и Л.А. Турчанинов (11 ноября 1896 г.). Причем в случае с А.А. Янковской, М.А. Турчаниновой, М.Н. Ивеличем и Л.А. Турчаниновым Д.П. Соломирский воспользовался продажей их паев с публичных торгов, что, как правило, было вызвано частными долгами владельцев.

Вместе с тем в эти годы в состав владельцев вошли наследники умерших О.А. Черкасовой и А.А. Турчанинова. После смерти Ольги Алексеевны (по определению Нижегородского суда от 18 февраля 1892 г.) ее долю унаследовали муж генерал-майор флота Нил Васильевич, сыновья Алексей, Василий, Анатолий, Леон и Петр и дочери Вера и Ольга. В соответствии с определением Нижегородского суда от 19 ноября 1891 г., вдова Алексея Алексеевича Турчанинова Ольга Кирилловна Томашева (во втором браке Гинкулова, жена врача) и его родная сестра П.А. Боглевская унаследовали его небольшую долю владения. В результате наследований и продаж совладельцами Сысертских заводов к началу XX в. оказались 14 лиц. Доля Д.П. Соломирского составляла немногим более 98 паев (примерно 78% всего владения).

В начале XX в. умерли М.П. Турчанинов (1900 г.) и Л.И. Турчанинова (около 1902 г.), завещавшая свою долю родной дочери П.А. Боглевской (вступила в права наследования по определению Нижегородского суда от 8 февраля 1902 г.). Часть Марка Петровича унаследовали его вдова Мария Александровна ($\frac{11}{14}$ пая) и малолетние дочери Елена, Александра и Тамара (по $\frac{1}{7}$ паев каждой), находившиеся под

опекой матери и Д.П. Соломирского. В 1910 г. скончалась малолетняя Тамара Турчанинова, доля которой перешла к сестрам. В начале XX в. скончался и С.А. Турчанинов, опекуней над имуществом которого была А.А. Семенова. В 1910 г. умер Л.А. Турчанинов, доля владения которого досталась по закону его сестрам П.А. Боглевской и А.А. Семеновой, а также племянникам К.А. Тыртову, П.Н. Черкасову, В.Н. Черкасову и К.В. Янковскому. В роду Черкасовых скончались Алексей (1901 г.), чья доля была передана сестрам Вере и Ольге, а также Анатолий (1904 г.) и Леон (1906 г.), доли которых унаследовали братья Василий и Петр. Д.П. Соломирский в эти же годы заключил девять сделок с совладельцами, купив доли О.К. Гинкуловой (11 января 1900 г. и 24 октября 1907 г.), В.Ф. Киришаума (1 февраля 1906 г.; жил в Петербурге на 1-ой линии Васильевского острова, 6), А.П. Турчаниновой (1 февраля 1906 г. и 18 декабря 1907 г.; жила в г. Троицке Оренбургской губернии), скончавшегося А.П. Тыртова (доля приобретена на публичных торгах 19 июня 1909 г.), Н.А. Окуновой (13 июля 1911 г.) и К.В. Янковского (7 декабря 1911 г.), а также часть доли П.А. Боглевской (8 января 1900 г.). Как можно судить по условиям некоторых сделок, цена одного пая равнялась тогда 20 тыс. руб.⁴⁰

Все эти перемены сформировали окончательный облик владения Сысертскими заводами ко времени их продажи в 1912 г. В тот год по актам значилось 13 совладельцев, представлявших три ветви рода А.Ф. Турчанинова: внук Н.А. Колтовской действительный статский советник в должности егермейстера Д.П. Соломирский владел $103^{4331}_{/9800}$ паями (82,1%); потомки П.А. Турчанинова малолетние дворянки Елена Марковна и Александра Марковна Турчаниновы (по $2^5_{/14}$ долей) и их мать и опекунша Мария Александровна Турчанинова ($1^1_{/14}$) вместе имели $5^{1/2}$ долей (4,4%); потомки А.А. Турчанинова дворянка Пелагея Алексеевна Боглевская ($7^{607}_{/1225}$), надворная советница Анна Алексеевна Семенова ($3^{2253}_{/4900}$), лейтенант запаса флота Константин Александрович Тыртов ($2^{4057}_{/19600}$), его сестра Елена Александровна Тыртова ($1^{709}_{/3920}$), а также генерал-майор Нил Васильевич Черкасов ($3^{553}_{/7840}$), его сыновья лейтенанты флота Василий Нилович и Петр Нилович Черкасовы (по $1^{1221}_{/19600}$) и дочери надворная советница Вера Ниловна Турчанинова и Ольга Ниловна Черкасова (по $1^{543}_{/3136}$) в совокупности владели $17^{569}_{/9800}$ долями (13,5%)⁴¹.

Безусловное старшинство (по возрасту и доле участия) среди владельцев принадлежало тогда Д.П. Соломирскому. Вероятно, посредством скупки паев родственников Дмитрий Павлович пытался сгладить неизбежные негативные последствия «многовладения», которые уже неоднократно проявлялись в судьбе Сысертского округа. В частности, владение и контроль за подавляющим количеством паев позволяли ему сдерживать покушение совладельцев на получение завышенных дивидендов. Известно, к примеру, что бережливостью не отличалась жена П.М. Турчанинова Мария Антоновна – «Турчаниниха» бажовских сказов. Скорее всего, именно поэтому Петру Марковичу и пришлось в конце жизни расстаться с частью своих с таким трудом сохраненных паев. Сам Д.П. Соломирский жил достаточно скромно в родной Сысерти, занимаясь преимущественно общественными делами, благотворительностью и наукой.

В результате скупки паев ему удалось добиться того, что совладельцы почти не вмешивались в управление заводами, ограничиваясь получением «скромных дивидендов». Заводы динамично развивались, выделявая в 1880–1890-е гг. до 1,4 млн пуд. железа. По свидетельству управляющего А.М. Мокроносова, только за последнее десятилетие XIX в. «благодаря существованию хороших цен на железо сысертское заводууправление имело возможность затратить капитала свыше полутора миллиона рублей на техническое усовершенствование заводов, стремясь к

возможному удешевлению производства и наиболее экономическому пользованию древесным топливом». За это же время было выплачено в счет рассроченного в 1864 г. казенного долга почти 800 тыс. руб. Таким образом, после выплаты с процентами 1 980 171 руб., в 1901 г. этот долг владельцами оказался «сполна погашен».

Но, направив основные усилия на обновление производства и погашение долгов, «заводоуправление, естественно, не могло обеспечить себя запасным капиталом». Вследствие этого, как объяснял управляющий, «наступивший в 1900 г. металлургический кризис, почти совершенно прекративший спрос на сортовое железо, поставил заводы в крайне тяжелое положение». «Вырабатывая до наступления кризиса ежегодно около 1 млн пуд. сортового железа и не имея возможности поместить выработанное в прошлом 1902 г. железо на рынок, несмотря на понижение цен до своей стоимости, заводууправление поставлено было в необходимость отпускать железо в кредит и пользоваться ссудой Государственного банка под залог всех наличных металлов. Такой ход заводского дела вконец истощил оборотные средства заводов и, чтобы не уронить дело, пришлось прибегнуть к кратковременным займам у частных лиц. Состоя в настоящее время должником Государственного банка по залогом металлов 370 тыс. руб. и частным лицам 621 395 руб., а всего 991 395 руб., имея со своей стороны дебиторов на 1 декабря 1903 г. на сумму 770 169 руб., заводы, будучи вполне обеспеченными горючими материалами и рудой с наличным железом на руках в количестве более 400 тыс. пуд., тем не менее могут быть вынуждены прекратить действие за недостатком оборотных средств», – отмечал управляющий.

В кризисной ситуации, «не усматривая причин, могущих повлиять благоприятно на улучшение железного рынка и озабочиваясь в то же время положением 32-тысячного заводского населения, которое до сего времени удавалось поддерживать», заводууправление нашло выход в «изыскании какого-либо иного вида труда, могущего заменить падающую производительность железоделательных заводов». Таковым могла стать разработка золотоносных жил, залегающих в пределах Сысертского округа. В этих целях «заводоуправление в течение двух лет производило разведки Крылатовского и Благовещенского месторождений кварцевого золота, причем получило весьма благоприятные результаты». Расчет показал, что «при надлежащем оборудовании месторождений толчейными фабриками округ в состоянии будет давать только из этих двух жильных месторождений до 35 пуд. золота ежегодно, задолжая при этом не менее 3 тыс. рабочих», которые освобождались от заводских работ из-за спада металлургического производства. «К разработке этих месторождений уже приступлено, – сообщал управляющий, – но на постановку дела в более крупных размерах, обеспечивающих выгодность эксплуатации, необходимо вложить в дело значительный капитал. Помимо этого при разработке россыпного золота во многих местах округа остались обширные площади с небольшим содержанием золота, достаточного для выгодной эксплуатации только при помощи драг, устройство которых тоже потребует задолжения капитала».

Другим способом преодоления кризиса могло стать перепрофилирование железного производства. «Исходя из того, что настоящее тяжелое положение железного рынка на Урале несомненно отчасти обязано крайней однородности изготавливаемых предметов и отсутствию предметов, имеющих непосредственный спрос как в заводской технике, так и в общепитии, – размышлял А.М. Мокронос, – заводууправление имеет в виду изготовлять мелкое стальное литье, устроив для этого специальную сталелитейную мастерскую. Принимая во внимание, что в настоящее время при заводах имеется обширная механическая мастерская, но недостаточно оборудованная, заводууправление задалось целью обставить ее надлежащими стан-

ками и таким путем создать фабрику, которая могла бы выполнять заказы по обстановке рудников и приисковых работ, выполняя при этом приборы, уже испытанные на промыслах округа и гарантирующие успешность их действия»⁴². Также было возобновлено медеплавильное производство.

По расчетам управляющего, на новые производства и погашение уже сделанных займов требовалось почти 1,5 млн руб. «Так как, с одной стороны, владельцы Сысертских заводов не имеют возможности составить такой капитал из своих личных средств, – констатировал он, – а с другой стороны, заем у частных лиц в виду значительности суммы и высоких процентов слишком обременителен, то единственным исходом представляется залог Сысертских заводов в одном из частных земельных банков, что по незначительности взимаемых земельными банками процентов и постепенного погашения самого долга представляется в данное время наиболее выгодным». В залог предлагалось передать недвижимое имущество округа «в виде пяти заводов» на 2 533 075 руб. и движимое имущество «в виде руд, горючих материалов, железа и пр.» на 2 574 297 руб. по балансу на 1 декабря 1903 г. В июле 1904 г. было получено разрешение на залог, но из-за формальностей, обусловленных особой процедурой залога посессионных имений, эта операция затянулась до января 1906 г. Тогда Сысертский округ получил ссуду в Нижегородско-Самарском земельном банке в размере всего 675 тыс. руб. сроком на 66 лет. Вместе с заводами в залог было принято 220 316 дес. земли, включая 17,5 тыс. дес., переходящих во владение горнозаводского населения»⁴³.

Этой суммы было явно недостаточно не только для развития «новых видов труда», но и для поддержания на прежнем уровне металлургического производства и погашения накопившихся долговых обязательств. Известно, что Сысертский округ имел финансовые связи с Сибирским торговым, Русско-Азиатским и Северным коммерческими банками, одалживал деньги и в Государственном банке. В 1907 г. тот же управляющий А.М. Мокроносов вновь обращал внимание горного начальства на бедственное положение заводов. «В виду отсутствия за последние годы спроса на железо и благодаря продолжающемуся до сих пор промышленному кризису вообще и в частности металлургическому, проявившемуся за последнее время еще в более резкой форме, чем три года тому назад, – жаловался он, – Сысертские заводы вынуждены были почти всю наличную выработку железа прежних лет держать на складах непроданной, продолжая в то же время затрачивать из оборотных средств... громадные суммы на дальнейшее действие заводов для обеспечения народонаселения, и эти безвозвратные затраты... естественно, не могли не истощить последних оборотных средств заводов и не повлиять на аккуратные платежи казенных и земских сборов и горной подати»⁴⁴. В 1905 и 1907 гг. недоимка по горной подати была рассрочена по положению Комитета министров.

Тем не менее в 1908 г., когда заводы выплавляли всего 551 308 пуд. чугуна и 19 670 пуд. меди, горная подать вновь не была уплачена. Новую просьбу управляющего об отсрочке поддержал главный начальник П.П. Боклевский. «В виду бывшего застоя в торговле металлами, истощившего оборотные средства заводов, в связи с забастовками и волнениями рабочих, – заявлял он, – положение Сысертских заводов в настоящее время является действительно тяжелым». К 1912 г. общая задолженность округа составляла 1 519 175 руб., включая залоговую сумму и долги Государственному казначейству (175 369 руб.), Государственному банку (241 850 руб.) и Русско-Азиатскому банку (около 50 тыс. руб.)⁴⁵.

Из прошения Д.П. Соломирского, поданного Николаю II в марте 1906 г., следует, что уже тогда из-за недостатка оборотных средств управление пыталось «при-

влечь к финансированию заводов... русских и иностранных капиталистов», но те «опасались вкладывать свои средства, пока существует посессионное право». Владелец ходатайствовал о «государевом повелении зачислить в ближайшее по возможности время Сысертский горнозаводский округ в разряд владельческих с выкупом по справедливой оценке». Тогда ему было отказано, из-за того что, по мнению горного начальства, это еще «не вызывалось какими-либо особыми условиями современного положения сих заводов»⁴⁶. В 1907 г. П.П. Боклевский упоминал об «английских капиталистах, которые прислали... доверенных лиц для осмотра Невьянских и Сысертских округов с целью их приобретения»⁴⁷. Все это свидетельствует о том, что, опасаясь довести заводы до полного финансового банкротства и потерять их, Д.П. Соломирский и заводоуправление самым разумным выходом сочли продажу округа. Но первые их попытки, предпринятые еще в 1906–1907 гг., оказались безрезультатными.

Ходатайство о продаже округа было получено Горным департаментом в январе 1909 г. Покупателем тогда выступил шведский подданный Альфред Петер Персон, «принимавший на себя все обязательства владельцев по отношению к казне». На запрос департамента главный начальник уральских заводов ответил, что «препятствий для продажи не встречается», но разрешение на нее обусловил выполнением нескольких обычных в таком случае требований. Продажа должна была совершиться в соответствии с Горным уставом «без раздробления имения», при совершении купчей необходимо было погасить «все платежи горной подати и другие казенные недоимки», покупатель обязывался завершить поземельное устройство населения округа, «продовольствовать» мастеровых и сельских работников лесными материалами, а также «вознаградить рабочих и их семейства, имеющих право на пенсию или пособие». Возможно, эти требования к покупателю и стали причиной расстройства сделки. Не менее вероятно, что и изменившаяся в те годы к лучшему рыночная конъюнктура заставила самих владельцев повременить с продажей. В 1910 г. даже созрел план устройства на Гумешевском руднике нового медеплавильного завода производительностью 70–80 тыс. пуд. для выплавки пиритов вместо колчеданов. Но, скорее всего, денег на реализацию этого плана не хватило⁴⁸.

В январе 1911 г., через два года после первой попытки, владельцы вновь обратились в Горный департамент за разрешением продать заводы на прежних условиях Русской горнопромышленной корпорации. Однако в октябре 1911 г. Д.П. Соломирский уже ходатайствовал о продаже «принадлежавших ему с совладельцами павев Сысертского округа Русско-Английскому акционерному обществу под наименованием Общество Сысертского горного округа». По свидетельству Ю.А. Буранова, это общество было образовано специально для покупки округа 6 января 1912 г. и финансировалось Русско-Английским совместно с еще двумя английскими («*Lloyds Bank Limited*» и «*Boulton Bros and Co*») банками. Представители покупателей хорошо изучили состояние перспективного хозяйства. Заключить сделку, видимо, их убедили результаты 1911 г., завершившегося с прибылью в размере 331 тыс. руб. Основной капитал округа оценивался тогда в 2 955 928 руб.⁴⁹ Хотя покупная сумма была почти на 300 тыс. руб. ниже оценочной стоимости, владельцы согласились продать округ именно этому акционерному обществу. Еще в августе 1911 г. Д.П. Соломирский получил «по запродажной записи» от директоров Русско-Английского банка Г.И. Бененсона и Г.М. Оркина 60 тыс. руб. и еще 100 тыс. руб. по «дополнительному акту», подписанному в феврале 1912 г.

По воспоминаниям князя А.Д. Голицына, Д.П. Соломирский, «бездетный и не имевший ни близких наследников, ни нужных капиталов, охотно пошел на предло-

жение продать округ»⁵⁰. Именно он 9 марта 1912 г. от своего лица и по доверенности совладельцев (кроме Черкасовых, от имени которых выступал Василий Нилович) совершил купчую. Согласно ее условиям, общая сумма сделки составила 2 678 421 руб., из которой вычитался и переводился на покупателя долг Нижегородско-Самарскому банку (662 421 руб.). Таким образом, Сысертские заводы были проданы за 2016 тыс. руб., а каждый пай оценен в 16 тыс. руб.

С учетом этого рассчитывались выплаты каждому совладельцу. Д.П. Соломирский получал 1 655 071 руб., малолетние Е.М. Турчанинова и А.М. Турчанинова – по 75 429 руб., их мать М.А. Турчанинова – 12 571 руб., П.А. Боглевская – 119 929 руб., А.А. Семенова – 55 357 руб., Е.А. Тыртова – 6976 руб., К.А. Тыртов – 35 312 руб., Н.В. Черкасов – 7251 руб., В.Н. Черкасов и П.Н. Черкасов – по 16 180 руб., В.Н. Турчанинова и О.Н. Черкасова – по 7872 руб. «Немедленно по утверждению купчей крепости» Дмитрий Павлович получал 539 071 руб. наличными; на 156 тыс. руб. ему по номинальной стоимости передавались акции Общества. Выплата еще 800 тыс. руб. была отложена на один год до 9 марта 1913 г. «из 4% годовых». В качестве гарантии этой отсрочки одновременно с купчей заключалась «закладная крепость»⁵¹.

По свидетельству А.Д. Голицына, «на английском рынке были выпущены одонофунтовые акции Сысертского горного общества, которыми была оплачена стоимость покупаемого у Соломирского имущества». «Затем по уставу этого Общества было учреждено Русское правление, ему принадлежали все функции собственника. В его руках сосредоточивались управление округом, представительство и сношения с государственными и общественными учреждениями и ответственность перед законом. С другой стороны, учреждалось Правление в Лондоне, которому принадлежали контроль за коммерческой и хозяйственной деятельностью Русского правления и верховное управление финансовой стороной дела с утверждением испрашиваемых кредитов на производство и расширение производительности». Князь А.Д. Голицын, будучи одним из учредителей Русско-Английского банка, стал председателем Русского правления, членами которого избрали Д.П. Соломирского и Л.А. Зиновьева⁵².

Но, по сведениям Ю.А. Буранова, в списке акционеров в последующие годы Д.П. Соломирского уже не было. Это позволяет предположить, что все «старые» владельцы Сысертского округа «ликвидировали свою собственность». Поскольку закладная не объявлялась, можно также заключить, что английское акционерное Общество Сысертского горного округа полностью расплатилось с Д.П. Соломирским, а он, видимо, погасил оставшиеся долги. Можно считать, что в результате этой сделки наследники А.Ф. Турчанинова окончательно расстались с Сысертскими заводами, которыми род владел более полутора сотен лет.

¹ Подробнее о роде см.: *Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б.* Род Турчаниновых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2008. 352 с.

² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 23, 25, 78, 630–639; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 646. Л. 3.

³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 108, 205; Рабочее движение в России в XIX в. Т. 1. С. 831; *Чуманов А.Н. и др.* Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001. С. 194–195.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 704. Л. 1–2 об.

⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 204.

⁶ Там же. Л. 12–20, 594.

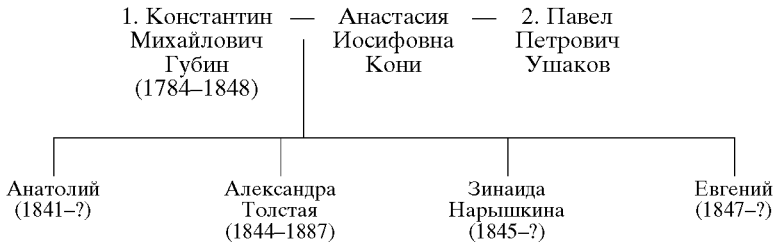
⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 646. Л. 3–5.

⁸ Там же. Л. 4–5; Д. 704. Л. 127–135; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 20.

- ⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 23, 25, 78, 630–639; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 646. Л. 3.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 61–62, 101, 108–109, 166, 172, 183.
- ¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 704. Л. 135–150.
- ¹² Там же. Л. 135–150. (Как можно судить по восстановленной генеалогии рода Турчаниновых, единственный сын М.П. Турчанинова подпоручик Петр Маркович в источнике ошибочно назван Алексеем.)
- ¹³ Там же. Л. 9–12.
- ¹⁴ Там же. Л. 13, 84–90.
- ¹⁵ Там же. Л. 1–8, 24 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 112–116.
- ¹⁷ Там же. Л. 46, 83.
- ¹⁸ Там же. Л. 127–150.
- ¹⁹ Там же. Л. 73–75.
- ²⁰ *Микитюк В.П.* Винокуренный заводчик Николай Севастьянов // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2011. Т. 1. С. 295–302.
- ²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 704. Л. 179–182, 24 об.
- ²² Там же. Л. 207.
- ²³ Там же. Л. 198–203.
- ²⁴ Там же. Л. 224.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 446, 470.
- ²⁶ Там же. Л. 437–438, 446, 470, 479; Ф. 24. Оп. 19. Д. 294. Л. 2; *Гузев А.Е.* Сысертские горные заводы, их прошлое, настоящее и летопись событий (1702–1896 гг.). Пермь, 1896. С. 96, 106, 108.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 479.
- ²⁸ *Черкасов В.Д.* Сысертские горные заводы. СПб., 1882. С. 21–24.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 4. Д. 33. Л. 206.
- ³⁰ *Гузев А.Е.* Указ. соч. С. 27–28.
- ³¹ *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 190.
- ³² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1279. Л. 13.
- ³³ Там же. Оп. 67. Д. 190. Л. 1–5 об.; Оп. 3. Д. 1218. Л. 1–2 об., 18–22, 25–33, 56–57 об., 63.
- ³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1218. Л. 69–79.
- ³⁵ Там же. Д. 1279. Л. 20–21.
- ³⁶ Там же. Л. 28–29 об.
- ³⁷ Там же. Л. 1–2, 35–36.
- ³⁸ Там же. Оп. 65. Д. 59. Л. 3–4 об.
- ³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 270. Л. 2–3.
- ⁴⁰ Там же. Д. 790. Л. 1, 3; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1256. Л. 1, 3, 11, 15–16.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1415. Л. 20–27 об. По материалам содержащейся в этом деле купчей крепости 1912 г. нами проведена реконструкция наследований и продаж долей владения Сысертскими заводами в 1870–1912 гг.
- ⁴² РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 190. Л. 17–20 об.
- ⁴³ Там же. Л. 33;
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1331. Л. 6.
- ⁴⁵ Там же. Л. 39; *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 194.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1366. Л. 2–3, 5–6 об.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 72–95 об.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 636. Л. 2.
- ⁴⁹ *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 195–196.
- ⁵⁰ *Голицын А.Д.* Воспоминания. М., 2008. С. 313.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1415. Л. 20–27 об.
- ⁵² *Голицын А.Д.* Указ. соч. С. 314–315.

11. ГУБИНЫ

Одни из крупнейших на Урале Сергинско-Уфалейские заводы, расположенные в Красноуфимском и Екатеринбургском уездах Пермской губернии, географически представляли собой две отдельные группы заводов, «разделенных на пространстве 105 верст чересполосным владением Кыштымских заводов». Дача Сергинских заводов занимала 234 315 дес., дача Уфалейских – 183 985 дес. земли. Оба округа составляли одно хозяйство, с 1848 г. принадлежавшее пятерым наследникам почетного гражданина Константина Михайловича Губина – его вдове Анастасии Иосифовне (во втором браке генерал-майорше Ушаковой) и их детям Анатолию, Евгению, Зинаиде и Александре. Из-за малолетства детей заводами управляла опека, в состав которой входили их мать, ее отчим купец Семен Иванович Кони, а после их ссоры – муж Павел Петрович Ушаков и двое назначенных опекунов – действительный статский советник Лонгинов и отставной полковник Зарембо¹. Не сумев договориться с властями (а возможно, и между собой) о создании семейно-паевого товарищества, в 1859 г. они вместе с вышедшим по возрасту из-под опеки Анатолием Константиновичем Губиным образовали Общее правление в Петербурге (в доме Ушаковой по Московской ул., 31).

В сложных для всех уральских заводов условиях пореформенного времени, требовавшего значительных расходов в связи с подорожанием провианта и переходом на наемный труд, окончательно был растрочен и без того ограниченный оборотный капитал заводов. Больших расходов потребовала выдача замуж Зинаиды и Александры Губиных. Потомственные почетные гражданки были вполне удачно «пристроены». Мужем первой стал отставной подпоручик Павел Константинович Нарышкин, а супругом второй – камер-юнкер Алексей Николаевич Толстой.

При отсутствии оборотного капитала Сергинско-Уфалейские заводы балансировали на грани банкротства только благодаря ежегодному краткосрочному залoгу железа в Екатеринбургской конторе Государственного коммерческого банка. Но уже в начале 1861 г. возникли проблемы с уплатой ссуды в размере 325 650 руб. сер. Как и некоторым другим заводчикам, не сумевшим в положенный срок расплатиться по этим ссудам, 27 января Александр II повелел рассрочить их на три года в качестве долга Государственному казначейству. В августе 1861 г. владельцы взяли ссуду в размере 7,5 тыс. руб. в Уральском горном правлении, но дела на заводах были настолько плохи, что управляющий заводами инженер-подполковник И.П. Котляревский выплату даже этой небольшой ссуды просил отсрочить до ярмарки 1862 г. По просьбе опекунов и наследников 13 сентября 1862 г. еще на 37 лет был осуществлен перезалог Сергинских заводов на 144 750 руб. сер. На тех же «37-летних банковских правилах» 13 декабря 1863 г. были рассрочены и выплаты казначейству по займу 1861 г.²

Однако полученные льготы не достигли своей цели. В 1862 г. владельцы и опекуны предприняли единственно возможный, на их взгляд, шаг для спасения заводов, отправив туда «уполномоченное лицо, которое, зная все местные условия, самостоятельной и быстрой деятельностью могло бы... установить заводское хозяйство на новых основаниях». Таковым «лицом» оказался П.П. Ушаков, избранный всеми владельцами (кроме А.К. Толстой и руководившим ее действиями мужем). В докладной записке министру финансов М.Х. Рейтерну «уполномоченный» сообщал, что сделанные государством «облегчения» не достигли цели, поскольку из-за повышения цен на «главные заводские потребности» с начала 1860 г. по конец 1863 г. владельцы израсходовали на действие заводов на 829 тыс. руб. больше прежнего». Эти-то «излишние траты, не вознаграждаемые сбытом металлов», и составили, по мнению П.П. Ушакова, «истощение оборотного капитала»; «восстановление нормального состояния заводов» могло «совершиться только постепенно в продолжение немалого времени и при самой рациональной хозяйственной системе»³.

В основу этой системы были положены самые доступные, но опасные по своим возможным последствиям меры: запродажа железа до его выделки и опять-таки краткосрочный залог металла в Екатеринбургской банковской конторе. К выгодным спекуляциям были привлечены С.И. Кони, занимавшийся в то время крупными операциями по продаже металлов многих уральских заводов, и даже новые родственники Губиных. Так, супруга камергера С.П. Нарышкина и прапорщик П.К. Нарышкин передали Ушакову 290 тыс. руб., но так и не дождались обещанного железа. Не помогли, видимо, и доходы от приобретенных П.П. Ушаковым на свое имя паев в Гороблагодатских золотых приисках, а также передача в аренду в 1864 г. на пять лет Нижнесергинской механической фабрики британцу В.Е. Ятесу с правом покупки металлов (после окончания аренды В.Е. Ятес остался должен значительную сумму)⁴.

В августе 1864 г. вступивший в должность управляющего вместо перешедшего на службу в Петербург И.П. Котляревского купец Д. Тезяков сообщал, что на Сергинско-Уфалейских заводах имеется «достаточное количество материалов, и выработка металла производится в большом размере... и еженедельно выделяется разных сортов железа на 18 тыс. руб.». Но долг по заработной плате рабочим тогда достиг уже 100 тыс. руб., и «из них некоторые более бедные удовлетворяются платами и провиантом через продажу при заводах железа по низким ценам с большим для заводов убытком». Управляющий полагал, что с Нижегородской ярмарки «денег нельзя ожидать нисколько» не только вследствие «недоставки металла из-за маловодья», но и потому, что предстояло расплатиться с Екатеринбургской банковской конторой (до 300 тыс. руб.) и казной по рассроченным долгам (до 80 тыс. руб.), а частным лицам за поставки провианта и материалов передать до 500 тыс. руб. сер. «Следственно, – заключал Д. Тезяков, – заводы останутся без средств к продолжению действия... что угрожает дурными последствиями для 30-тысячного населения». Он просил главного начальника уральских заводов А.А. Иоссу и правительство «снизойти на поданные владельцами просьбы» и не только отсрочить банковский долг на семь лет, но и выдать новую ссуду под залог заводов, поскольку считал, что ценность всего округа значительно превышает сумму казенного долга. А.А. Иосса поддержал предложения управляющего и рекомендовал «снабдить заводы под залог... необходимыми на продолжение действия деньгами хотя до 400 тыс. руб.» при условии «строгого казенного присмотра», что, по его мнению, «вывело бы их из затруднительного и угрожающего совершенным расстройством

положения»⁵. Но такому желательному для всех исходу дела помешали неожиданно открывшиеся обстоятельства.

Из уведомления управляющего Екатеринбургской банковской конторой А.П. Афонасьева стало известно, что вместо находившихся в залоге 610 613 пуд. железа на Нижегородскую пристань было отправлено к октябрю 1864 г. всего 249 750 пуд. Уполномоченный П.П. Ушаков объяснял это тем, что «часть металла потонула и часть обмелела на реках Уфе и Белой», а 109 460 пуд. было отправлено для продажи в Симбирск, Самару, Саратов и Астрахань. Он также объявил, что платеж 175 тыс. руб. уже якобы отсрочен и «еще имеется надежное ходатайство об отсрочке остального долга». Поэтому, продав железо, П.П. Ушаков «деньги получил» и уехал в Петербург, но долгов никаких не заплатил.

Банковская контора усомнилась в доводах главноуполномоченного, считая, что он отправкой металла на разные рынки специально лишил ее возможности «наблюдать за поступлением денег». Кроме того, А.П. Афонасьев выяснил, что «никакой отсрочки не существовало и не существует». «Такой непозволительный поступок со стороны его доказывает самовольство, недобросовестность и, по всей вероятности, обман», – констатировал чиновник, уведомив столичного обер-полицеймейстера о необходимости «безотлагательно истребовать от Ушакова деньги... или в противном случае поступить с личностью Ушакова за такое непозволительное самовольство по законам»⁶.

«Важность настоящего дела» вместе с опасениями за судьбу Сергинско-Уфалейских заводов заставила главного начальника командировать туда чиновника для особых поручений титулярного советника П.Н. Трубинова. Тот выяснил, что на протяжении полугода заводууправление не платило рабочим, а количество выделанного железа не покрывало задолженности банку. Видимо, чтобы хотя бы на время успокоить мастеровых, чиновник, по свидетельству Нижнеуфалейского волостного управления, объявил, что «здешние заводы Правительство принимает под свое покровительство и мастеровые будут рассчитываться заработками не-удержно». Начальству он рапортовал, что «должны быть приняты меры как к обеспечению интересов банка, так и к удовлетворению платами рабочих, дабы предупредить могущие возникнуть при их крайне стеснительном положении беспорядки». Он также сделал заключение «относительно неправильных действий заводского исправника при выдаче им свидетельств на залог металлов в количестве, превышающем годовую производительность заводов».

Вместе с тем в поисках денег для заводов А.А. Иосса вел переписку не только с Горным департаментом, но и с губернатором в надежде, что тот поможет «продолговольствовать людям». Но денег, видимо, нашлось немного. «В ожидании объявленной милости, – информировало то же волостное правление, – мастеровые, переноса чрезвычайные лишения и голод, ожидали чиновника (П.Н. Трубинова. – *Е.Н.*) до 26 октября, который хотя и приехал в завод, но выдал обществу всего только по 1 руб. сер. на каждый дом или семейство, что составляет сумму до 450 руб. вместо заработанных 20 тыс. руб. ...и объявил, что дальнейшая выдача отработанных плат будет производиться только с 20 сентября, а заработанные до того деньги выдаваться не будут». «Такая, по справедливости, ничтожная выдача и последний отзыв господина чиновника не только не облегчили общество в страданиях от голода, но еще более усугубили отчаянное при том положение, что завод от действия закрыт со стороны заводууправления», – констатировало волостное начальство⁷.

О критическом положении заводов 12 ноября 1864 г. телеграфировал и мировой посредник А.И. Кронеберг: «Нельзя ручаться за спокойствие, если не будут

тотчас приняты меры; денег, хлеба, запасов свободного от залога железа вовсе нет... Михайловский завод закрыт, люди голодают. Жду ответа, могущего успокоить на время мастеровых». Ответ пришел через несколько дней. Министр финансов М.Х. Рейтерн извещал, что по результатам его доклада «о нехозяйственном управлении Сергинско-Уфалейскими заводами и в предупреждение могущих возникнуть беспорядков со стороны рабочих, не получающих за труды их задельных плат, а равно и в ограждение значительных интересов Государственного банка по залогу теми заводами в Екатеринбургской банковской конторе металлов» 13 ноября Александр II повелел взять их в казенное управление «с отпуском 100 тыс. руб.»

Заводы Губиных поступили в управление казны, когда за ними числилось 2 283 778 руб. долга, в том числе 1 629 835 руб. казне (включая 938 287 руб. банковской конторе)⁸. Берг-инспектору А.П. Строльману поручили на месте изучить обстоятельства залога металлов П.П. Ушаковым. Только в марте 1865 г., когда после многочисленных требований «уполномоченный» прибыл на заводы, ситуация стала проясняться. Так, было установлено, что П.П. Ушаков вместе с бывшим управляющим И.П. Котляревским, заводским исправником П.П. Владимировым и членами заводской конторы «усовершенствовал» залоговую практику до того, что передавал банковской конторе по документам железо, которое даже еще и не было выделано. С мая 1863 по июль 1864 г. было заложено 805 994 пуд. металла, в то время как «годного к залогу» оказалось только 420 059 пуд. Таким образом, заводам было переплачено под несуществующий залог более 500 тыс. руб.⁹

Уведомленное об этих нарушениях высшее горное начальство сочло, что первое из них (просрочка платежа) «само по себе не составляет преступления уголовного, подлежащего судебному преследованию» и наказывается наложением установленного штрафа; второе же (подлог) «подвергает обвиняемых уголовному суду». Однако у всех виновных нашлись «веские» оправдания. Служащие ссылались на приказание П.П. Ушакова, а 45-летний генерал в отставке, прежде состоявший, как сам писал, «по особым поручениям» при генерал-фельдцейхмейстере и имевший «знак беспорочной службы за 15 лет», орден Святой Анны третьей степени и медаль за участие в Крымской войне, показывал на допросе, что «в непосредственном управлении заводами никогда не участвовал и лично не поверял количества закладываемых металлов». Обвинения служащих он квалифицировал как «бездоказательную ложь», считая, что для опровержения ее может служить ручательством его «беспорочная, более 20 лет продолжавшаяся служба Государю Императору». Как можно судить по материалам следствия, обвинения управляющему И.П. Котляревскому вообще не предъявлялись. Тогда он уже служил начальником отделения Горного департамента¹⁰.

Предваряя дальнейшее изложение, отметим, что в 1869 г. военный суд признал виновным по этому делу бывшего «своекоштного» заводского исправника П.П. Владимирова, поскольку тот выдал свидетельство, не взвесив все количество представленного к залогу металла. У следователей на этот счет сформировалось особое мнение. Оплачиваемый заводчиком исправник, справедливо полагали они, «поступает в совершенную от него зависимость в материальном отношении и лишен возможности добросовестно наблюдать за заводским действием». «Горное правление знает это зло и не только не принимает мер к искоренению его, напротив, содействует ему... в случае подобного злоупотребления имея причину отпереться и взвалить всю вину на заводского исправника». В том же духе высказался и Д. Тезяков. «Не понимаю, – говорил он на допросе, – почему Горное правление... не остановило своего подчиненного и блюстителя порядка заводского исправника

выдавать неправильные свидетельства отчаянным владельцам»¹¹. По свидетельству Д.Н. Мамина-Сибиряка, интересовавшегося историей разорения Сергинско-Уфалейских заводов, был наказан и «уполномоченный наблюдатель» П.П. Ушаков. Еще в 1865 г. Государственный банк, пострадавший от действий генерала, просил министра финансов «сделать распоряжение о предании его суду». Дело тянулось без малого 10 лет, пока в 1874 г. П.П. Ушаков был лишен прав состояния и подлежал ссылке в Сибирь. Убытки, нанесенные им казне, оценивались в 930 тыс. руб.¹² Все эти события явно не способствовали повышению престижа Сергинско-Уфалейских заводов и их владельцев.

Между тем после решения об учреждении казенного управления состоялось назначение нового управляющего. В.К. Рашет телеграфировал А.А. Иоссе, что министр одобрил на этот ответственный пост кандидатуру инженер-капитана Иоссы 4-го, «если Вы признаете его благонадежным». Естественно, что главный начальник не мог поступить иначе по отношению к своему брату Григорию Андреевичу. «Имея в виду, – писал уже сам М.Х. Рейтерн, – что Сергинские и Уфалейские заводы Губинных, обладающие богатыми естественными средствами, при хорошем техническом устройстве представляют все данные к успешному действию, считаю нужным обратить особое внимание Вашего Превосходительства на то, чтобы означенные заводы заблаговременно обеспечены были всеми необходимыми припасами и материалами для продолжения заводского действия. При этом я вполне надеюсь, что при назначении управляющим от казны вашего брата, по засвидетельствованию директора Горного департамента, искусного и опытного инженера и при предоставлении ныне со стороны казны денежного пособия круг заводской деятельности... не только не сократится... но, напротив, казенное управление своими последствиями докажет всю важность и пользу для казны и владельцев принимаемой в отношении заводов Губинных меры». Как видим, от казенного управляющего, вступившего в должность 26 ноября 1864 г., ожидали многого.

Но, потратив деньги, отпущенные на выплату заработной платы и покупку провианта, он стал просить новых казенных субсидий. Понимая, что это только увеличит задолженность Сергинско-Уфалейских заводов, Министерство финансов уже в декабре 1864 г. «возбудило вопрос о мерах к успешной уплате лежащих на заводах долгов».

Первым откликом на него стала обстоятельная «записка» статского советника А.Н. Толстого, которую министр получил 19 декабря. «Для восстановления железнодорожных заводов наследников почетного гражданина Губина, приведенных... в крайне бедственное положение дурным управлением господина Ушакова, и для ограждения интересов как казны, так и частных кредиторов этих заводов, – писал муж совладелицы Александры Константиновны, находившийся, как можно судить, в оппозиции к прежнему управлению, – представляются различные комбинации, имеющие каждая свои выгоды и невыгоды, но требующие в то же время, которая бы из них не была принята, рассрочки лежащего на заводах долга на возможно большие сроки; без этого условия никакая комбинация немыслима». После этого вступления А.Н. Толстой изложил представлявшиеся ему возможными варианты управления Сергинско-Уфалейскими заводами, что свидетельствовало о его знакомстве не только с общими принципами государственного администрирования, но и с заводскими делами.

«Прежде всего должно остановиться на той комбинации, которая считается выгоднейшею в промышленном отношении, – размышлял А.Н. Толстой. – Она состоит в возвращении заводов в управление их владельцев с тем, чтобы они или отдали

заводы в аренду какому-либо капиталисту или чтобы управляли ими сами. Комбинация сия имеет за собой то огромное преимущество, что избавляет Правительство от тяжелой обязанности управлять частным имением, слагает с него всякую ответственность за неудачный ход дел, не требует от него лишних новых затрат капиталов и вместе с тем поддерживает кредит владельцев, которые и будут таким образом иметь полную возможность уплатить понемногу все как казенные, так и частные долги, на заводах лежащие... Нужно, чтобы лицо, которое возьмет на себя управление заводами, будет ли это один из владельцев или лицо постороннее, имело весьма значительный, вполне свободный капитал; необходимо, чтобы лицо сие было вполне благонадежно, чтобы оно пользовалось заслуженным доверием как всех наследников Губина, так и в особенности Правительства и частных кредиторов... Отыскание такого лица, которое соединило бы в себе все эти условия, особенно в настоящее время, более чем затруднительно. Но, допустив даже, что требуемое лицо найдется, Правительство не может возвратить заводы владельцам, не обеспечив себя в правильном получении должных ему сумм; в противном случае оно рискует, что управляющий злоупотребит полученным доверием и, извлекая из заводов все, что только возможно, бросит их, и они опять попадут в казенное управление уже окончательно разоренными и не представляющими никакой ценности... Закон обеспечением в этом случае определяет казенный за управлением завода присмотр. Присмотр этот, как известно, никогда не достигает цели своего установления, в существовании его ясно определяются два различных фазиса: или казенный присмотр вмешивается в управление заводов, и тогда между им и управляющим произойдут пререкания, разбирать которые Правительство вынуждено будет наряжать целые следствия, и хлопот будет более, чем при казенном управлении, или, что гораздо вероятнее, между присмотром и присматриваемым произойдет соглашение, и тогда уже присмотр плохо будет гарантировать и казенные, и владельческие, и кредиторские интересы. Избегнуть одной из этих крайностей, как показывает опыт, едва ли возможно, поэтому, очевидно, что сия комбинация, имея на своей стороне весьма большие преимущества, может быть принята только с соблюдением таких условий, соблюдения которые бывает часто очень затруднительно».

«Вторая комбинация, – продолжал А.Н. Толстой, – состоит в оставлении заводов в казенном управлении с рассрочкой или без рассрочки долга, но в сем последнем случае – с продажей заводов с публичного торга. Эта комбинация, основанная на началах чисто теоретических, но уже никак не практических, представляет наименее шансов как к изведению заводов из теперешнего их затруднительного положения, так и в ограждении выгод всех заинтересованных в сем деле сторон. Недостатки казенного управления известны Министерству финансов лучше, чем кому-либо: бездна ненужных формальностей, лишаящих даже добросовестного деятеля возможности соблюсти выгоду заводов; невозможность основательного контроля в случае злоупотреблений, поощряющая эти злоупотребления; наконец, невозможность не только с выгодой, но даже без убытка продать привезенное на ярмарку железо, так как по закону железо должно быть продано на наличные деньги, а не на векселя и т. д. От всех этих причин произойдут, само собою разумеется, уменьшение заводских доходов, а следовательно, и затраты новых казенных сумм и увеличение чрез то долгов, обременяющих заводы! Вот результаты ныне существующего казенного управления, неминуемым следствием которого бывает окончательное разорение и продажа заводов с публичного торга. Но продать такие заводы, как Губинские, оцененные в 4 млн руб., обремененные долгами, и продать в такое безденежное время, как нынешнее, – положительно невозможно; не найдется

ни одного капиталиста, который, если бы даже и имел достаточный для покупки заводов капитал, рискнул бы их купить даже за бесценок, зная, что на один оборотный капитал ему пришлось бы употребить не менее 500 тыс. руб. Что же остается делать с этими заводами, если их никто не приобретает – прекратить их действие, продав всю движимость их для покрытия долга; но, во-первых, долг этим далеко не покроется; во-вторых, прекратить действие этих заводов, которые благодаря своим природным средствам и устройству механизмов – одни из сильнейших в России, положительно невозможно».

Анализ ситуации приводил автора записки к заключению, что «ни одна из упомянутых мер не достигает своей цели и нужно найти такую меру, которая бы той цели достигала». «Подобной цели может, как кажется, служить только нижеследующая комбинация, основанная на устранении тех недостатков, которые неразлучны с каждой из упомянутых, – размышлял А.Н. Толстой. – Недостатки предыдущих комбинаций заключаются в том, что при владельческом управлении казенный долг худо обеспечен, несмотря на казенный надзор, а при казенном управлении главнейшим недостатком служит то, что управление коммерческим делом производится некоммерческим образом, а административно-бюрократическим, очень может быть хорошим для канцелярского порядка, но способным подорвать всякое торговое предприятие, в каком бы оно до него цветущем положении не находилось. Цель может быть достигнута, если Правительству угодно будет принять нижеследующие предложения. Все казенные долги рассрочиваются на 37 лет, но для верного обеспечения Правительства... для управления заводами в виде опыта учреждается новое управление на следующих основаниях: 1) назначается Министерством финансов главноуправляющий с правом полного хозяина. Он считается на государственной службе, но содержание получает из заводских доходов; 2) для ограждения интересов владельцев им предоставляется право личного или через своих поверенных постоянного и полнейшего контроля над всеми действиями главноуправляющего. Для сего они обязаны или жить лично на заводах, или иметь там одного от всех или разных поверенных. Как владельцам, так и их поверенным запрещается, кроме контроля, всякое вмешательство в распоряжения главноуправляющего. Им предоставляется только право письменно заявлять ему о тех из мер, которые могут, по их мнению, принести убытки заводам, и жаловаться Горному правлению и Министерству финансов; 3) управляющий ведет дело порядком, вообще принятым в торговых предприятиях... Так, ему предоставляется право закладывать железо в банк, продавать и запродавать как на чистые деньги, так и на благонадежные векселя. Он предоставляет Министерству финансов ежегодный отчет за скрепою владельцев или их поверенных; 4) доходы распределяются так: прежде всего удовлетворяется казенный долг в причитающемся по рассрочке размере; затем отчисляется сумма на действие и обороты заводов; остальная сумма делится на 14 частей и выдается владельцам по принадлежности... причитающихся им частей. Все эти правила устанавливаются в виде опыта на пять лет. В случае если оный оказался бы несостоятельным, то Министерству финансов предоставляется право изменить или уничтожить сии правила по его усмотрению».

По мнению А.Н. Толстого, в результате такого управления «уплата как казенных, так и частных долгов будет обеспечена правильным употреблением доходов согласно назначению; содержание управления Правительству не будет ничего стоить; через придание управлению характера коммерческого дела само дело пойдет успешнее; владельцы будут совершенно обеспечены, ибо будут иметь возможность следить за правильностью управления, не рискуя быть обманутыми каким-либо ча-

ственным управляющим, который может забрать управление в свои руки и окончательно разорить заводы – результат подобного доверия у Вас перед глазами в виде управления господина Ушакова, который еще имел доверенность не от всех владельцев, а только от $13/14$ частей. С принятием же сего проекта подобный случай не может иметь места, ибо над заводским управлением будут два контроля – правительственный и владельческий и поэтому злоупотребления, не замеченные одним, наверно будут открыты другим, и наоборот»¹³.

Предложения А.Н. Толстого, видимо, заинтересовали министра финансов. М.Х. Рейтерн переслал записку главному начальнику уральских заводов с просьбой «сделать заключение». Вместе с тем А.А. Иосса получил прошение от остальных заводовладельцев. В нем они заявляли, что «предложения Толстого не являются общим мнением всех владельцев». Разногласия между совладельцами, проявившиеся еще при назначении П.П. Ушакова главноуполномоченным, очевидно, все еще не были преодолены. «Право жены господина Толстого простирается только на 14-ю часть в заводах, тогда как нам принадлежит 13 таких частей», – писали А.И. Ушакова, ее сыновья Анатолий, Евгений и дочь Зинаида Нарышкина. Они решительно протестовали против сохранения казенного управления, поскольку считали, что «казенная администрация в коммерческом деле, по неизбежным формальностям ее, до крайности затруднит как производство на заводах, так и продажу железа и отторгнет заводы от торговой среды, связь с которой для заводских оборотов всегда необходима». В своем мнении они опирались на пример Сысертских заводов, где казенное управление «в полтора года поглотило до 500 тыс. руб. сер. казенных сумм, а между тем заводы не уплатили ни копейки долга».

«Надзор со стороны заводчиков за действием чиновников казенного управления, – заявляли владельцы, – представляет одну ничего не значащую проформу, ведущую лишь к нескончаемым жалобам и протестам... Продажа железа нашего казенною, в кредит, под векселя повела бы к неминуемым потерям, в которых безвинно пострадали бы одни мы... а отделение заводской суммы ежегодно на наше содержание тогда только возможно, когда бы сумма эта могла оставаться за уплатою срочных долговых платежей, но как на заводах числится казенных и частных долгов до 2800 тыс. руб. и ежегодные проценты на них составляют сумму до 160 тыс. руб., то при казенном управлении едва ли все доходы заводов могут превысить одни проценты... Таким образом, – резюмировали они свои размышления, – нельзя не убедиться, что ходатайство господина Толстого ни в какой части своей не может быть выполнимо и доказывает лишь совершенное незнание его как заводов, так и вообще коммерческого дела. По нашему крайнему убеждению, единственное средство к сохранению заводов и верной уплате казенных долгов заключается в безотложном снятии казенного управления и в передаче заводов под казенным присмотром в распоряжение родственника нашего почетного гражданина Кони, человека опытного в заводском деле и известного в коммерческом мире значительной торговлей железом. Почему имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство при изложении мнения Вашего по ходатайству господина Толстого не оставить принять во внимание настоящее наше прошение и довести об этом до сведения министра финансов»¹⁴.

Тон и стиль прошения, на наш взгляд, свидетельствуют, что рукой владельцев, проживавших в Петербурге и уже далеких от понимания складывавшейся на заводах ситуации, водил опытный игрок, вероятнее всего, сам С.И. Кони, под влиянием которого из-за долгов оказались тогда «отчаянные владельцы». Возможно, поэтому А.А. Иосса никак не прореагировал на столь резкий выпад владельцев против

казенного управления, к тому же возглавлявшегося его родным братом. В рапорте министру А.А. Иосса ограничился только мнением о записке А.Н. Толстого, отметив основное, что, на его взгляд, объединяло все предложенные «комбинации»: «главный предмет предложений статского советника Толстого составляет рассрочка всех долгов заводов... на 37 лет». Главный начальник полагал, что можно обойтись и без этого, заимствуя ежегодно суммы из Государственного казначейства на действие заводов, либо позволив заводам вновь закладывать железо в банковской конторе и функционировать за счет этих ссуд, погашая долги из прибыли. «Все три способа, в сущности, почти одинаковы, – писал он, – а выбор того или другого зависит от видов Правительства». Главный начальник был убежден, что в первую очередь «успех погашения будет зависеть от более или менее выгодного действия заводов, к чему и должны быть устремлены все старания управляющего». Ради этого он соглашался со многими предложениями А.Н. Толстого. В частности, А.А. Иосса считал, что «управляющему должна быть дана свобода в действиях без стеснения ненужных формальностей и обрядов, но под ближайшим надзором главного начальника и Горного правления». Он принимал предложение и о наблюдении со стороны владельцев, и о содержании «всех лиц казенного управления» за счет заводов и даже предлагал «назначить в пользу служащих несколько процентов с доходов, приносимых заводами»¹⁵.

Изю всех предложений высшее горное начальство одобрило лишь последнее, предоставив управляющему самому сделать выбор: получать вознаграждение в виде процентов от прибыли или «особую плату, выводимую из успеха производительности заводов». Г.А. Иосса склонился ко второму варианту. Он высчитал, что в течение последних трех лет Сергинско-Уфалейские заводы приносили 170–210 тыс. руб. убытка, а в период 1859–1862 гг. убытки достигали 829 тыс. руб. «Конечно, – размышлял он, – убыток этот происходил от переворота при уничтожении обязательного труда, а также и от неимения в заводах оборотного капитала. Какой же результат будет впредь, пока определить нельзя, в особенности в нынешний год». Но щедрое казенное финансирование уже к середине 1865 г. изменило настрой управляющего. К этому времени Сергинско-Уфалейские заводы получили из государственного бюджета 720 тыс. руб., потраченных кроме очередных долговых выплат на первейшие нужды заводов и полное восстановление их работы. Так, в июньском рапорте Г.А. Иосса сообщал, что предполагает выделывать до 525,5 тыс. пуд. железа, которые могли бы вырасти до 600 тыс. пуд. «с окончанием устройства Верхнесергинского парового завода и с приведением в дальнейший порядок механизмов в других заводах». Если бы, полагал он, заводам было разрешено вновь закладывать железо в Екатеринбургской банковской конторе, то дальнейшего отпуска казенных денег уже бы не потребовалось.

Об этом же просил и главный начальник А.А. Иосса. «Справедливо, – отвечал он на упреки финансового ведомства в большом расходе денег, – что ни одни из частных заводов, взятых в казенное управление, не получили такого значительного денежного пособия, как Сергинские; но они имели возможность закладывать выделанное железо в банковской конторе и действовать на эти деньги. Сергинским же заводам этот путь к приобретению необходимых оборотных капиталов прегражден запрещением закладывать железо до уплаты долга банку, сделанного частным управлением. По нашему мнению, смешивать казенное управление заводами с бывшим частным и делать первое ответственным за действия последнего несправедливо»¹⁶.

Но, решая первостепенные финансовые и технические проблемы заводов, казенное управление упустило из внимания положение рабочих. Об этом напомнило

Верхнесергинское волостное правление в июле 1865 г. В его рапорте сообщалось, что «мастеровые... постоянно являются в присутствие многочисленными толпами с жалобами на нерасчет их... конторой отработанными платами, от чего они претерпевают сильный голод». Это обстоятельство в совокупности с большими расходами казенного управления заставило директора Горного департамента командировать на заводы для расследования чиновника для особых поручений генерал-майора Г.В. Лизеля. Видимо, следствием этой инспекции стало решение министра о назначении с 18 сентября 1865 г. временным управляющим заводов вместо капитана Г.А. Иоссы советника Уральского горного правления полковника Ф.М. Ботышева.

Вскоре Ф.М. Ботышев сообщил: «В главной кассе имеется в наличности всего только 3556 руб., в кассах же заводских контор... денег вовсе нет. А между тем предстоит безотлагательная надобность ныне же выдать мастеровым, поставщикам и другим местам и лицам невыполненных плат и долгов до 130 тыс. руб. и сверх того иметь в распоряжении такую же сумму на продолжение и поддержку в надлежащем размере заводского действия впредь до приведения в известность настоящей потребности в сумме, которая по приблизительным соображениям должна простираться от 800 до 900 тыс. руб.» «При этом обязанностью считаю объяснить, – завершал свой первый рапорт новый управляющий, – что в случае несвоевременности или задержки в расчете рабочие угрожают немедленно оставить свои работы, а поставщики остановят свои поставки»¹⁷.

Высшие власти вовсе не этого ждали от нового управляющего, фактически объявившего им, что положение Сергинско-Уфалейских заводов осталось прежним и что огромные деньги, отпущенные из государственного бюджета, нисколько не улучшили ситуацию. Видимо, тогда и было принято решение о продаже заводов с публичных торгов, вновь вызвавшее негативную реакцию владельцев.

В январе 1866 г. группа во главе с А.И. Ушаковой возобновила свое прошение о возвращении заводов в частное управление С.И. Кони, обещая уплатить казенные долги в течение 37 лет. Вместе с владельцами он брал на себя обязательство в случае неуплаты в срок долгов не только немедленно передать заводы в опекуновское управление для продажи, но и «подвергнуть себя личной ответственности».

Министр финансов М.Х. Рейтерн рассудил, что это выгоднее, чем продолжать казенное управление, которое увеличит и без того огромную сумму долга и доведет заводы «до совершенной неоплатности». Тогда даже продажа их «по недостатку капиталистов для приобретения столь ценного имения» едва ли сможет состояться. Министр рекомендовал отменить продажу и передать управление владельцам под казенным присмотром. Это мнение было утверждено императором 26 января 1866 г. К тому времени на Сергинско-Уфалейских заводах числилось 938 287 руб. долга Екатеринбургской банковской конторе по залогам П.П. Ушакова в 1863 и 1864 гг. и 135 841 руб. по все-таки разрешенному залогу металлов в 1865 г., а также 159 153 руб. Петербургской сохранный казне по перезалогу 1862 г. и 720 тыс. руб. Государственному казначейству, отпущенных за год казенного управления¹⁸.

Условием возвращения заводов владельцам была выплата этих долгов, причем долг банковской конторе был рассрочен на 8, казначейству – на 28, а сохранный казне – на 37 лет. Ни владельцы, «ни то лицо, коему заводы передадутся в управление», не должны были просить о списании долгов или дальнейшей их рассрочке. В случае нарушения этих условий заводы немедленно у них изымались и назначались к продаже. Со стороны казны сохранялся лишь «особый надзор горного ведомства для наблюдения за исполнением принятой на себя как владельцами, так и почетным гражданином Кони ответственности».

Это решение властей привело к тому, что несогласная с ним А.К. Толстая отказалась от участия во владении, продав свою долю братьям. Она 29 января 1866 г. подала прошение в Горный департамент о разрешении на продажу принадлежавшей ей $\frac{1}{14}$ части владения Анатолию и Евгению Губиным с освобождением от ответственности за долг Сергинско-Уфалейских заводов Государственному казначейству. Департамент не возражал, оговорив, что запрещение, наложенное за этот долг в 1861 г., «остается по прежнему на самом имении и не может служить препятствием к дозволению статской советнице Толстой уступить часть ее... другим наследникам с освобождением за сим ее от ответственности по тому запрещению»¹⁹. Отныне вместо пяти у Сергинско-Уфалейских заводов осталось четыре владельца: Анастасии Иосифовне принадлежала $\frac{1}{7}$ «вдовья» часть, Анатолию и Евгению – по $\frac{1}{28}$, Зинаиде Нарышкиной – $\frac{1}{14}$.

Уже в феврале 1866 г. организовали новое управление во главе с «уполномоченным» почетным гражданином Семеном Ивановичем Кони, проживавшим обычно в Петербурге или Нижнем Новгороде. По его просьбе на заводы был возвращен в качестве управляющего Г.А. Иосса, а интересы владельцев представлял их поверенный Д. Тезяков.

Как можно судить по предписаниям С.И. Кони, улучшать заводское действие он намеревался простейшими административными мерами по «наведению порядка». Видимо, это было действительно необходимо на давно оставленных без «хозяйского присмотра» заводах Губиных. Так, в феврале 1867 г. С.И. Кони предлагал «к неперменному исполнению... делать сколь возможно чаще заверку употребления дров и готовому товару при отправке караванов», а «каждодневную выделку чугуна записывать по книгам тем количеством, какое в действительности принимается». Он поручал конторе и управляющему «строжайше наблюдать» за сдачей добытого золота и выполнением подрядов по поставке руды, заключенных с некими Мейером и Газенвинкелем, а «в случае срыва сроков сообщать ему в Петербург телеграммой». Есть сведения, что с коллежским ассессором Газенвинкелем он заключил договор на добычу золота в дачах Уфалейских заводов на восьмилетний срок. Арендатор обязывался с каждого сданного в казну золотника оставлять себе 2,1 руб., «а остальную сумму отдавать в пользу заводов». Ежегодно таким способом в округе добывалось до 4 пуд. драгоценного металла, а доход составлял 15–18 тыс. руб. сер.²⁰ По предписанию С.И. Кони, Главная контора должна была «стараться сколь возможно счетную часть довести до ближайшего учета и ни под каким видом не допускать текущих счетов, как это делалось до сих пор, которые и тянулись по три и четыре года». Были также проведены кадровые перестановки (в частности, смещены с должностей приемщики дров «за недостатку» и бухгалтер «за выдачу неправильно денег и пропажу документов») и увеличено жалование заводским приказчиком²¹.

Однако для поправки финансового положения заводов вряд ли можно было ограничиться только такими мерами. Они могли дать временный эффект, но не устраняли главной причины заводских бед – отсутствия оборотного капитала. Сам С.И. Кони, видимо, не имел достаточно личных средств или не хотел их вкладывать в заводы, на что рассчитывали власти. Доказательством тому служат его просьбы, поданные уже в самом начале его управления, о разрешении вновь закладывать металл в банковской конторе. Но правление Государственного банка напомнило ему условия передачи заводов и по вполне понятным причинам отказало²².

Тем не менее первый год управления С.И. Кони оказался на удивление результативным: было получено до миллиона руб. общего дохода. По данным Горного

правления, помимо казенных долгов и податей из этой суммы было удержано 10 тыс. руб. в пользу управляющего, 24 250 руб. распределено между владельцами «на их содержание» и уплачено 296 тыс. руб. частных долгов. Уверовавший в собственные силы Семен Иванович писал, что его «программа» заключалась в том, чтобы «выполнить принятые обязательства перед Правительством по уплате долгов и привести заводы в нормальное положение, возвышая по возможности производительную их деятельность... в недалеком будущем до 550 тыс. пуд.». «Но для этого нужно, – самоуверенно рассуждал он, намекая на установленный над заводами казенный присмотр, – чтобы в мои хозяйственные распоряжения не вмешивались посторонние наблюдатели от нечего делать; они, исключая вреда, пользы принести никогда не могут»²³.

Однако на первый взгляд утешительные для властей перспективы омрачились письмом пермского губернатора Б.В. Струве, «совершенно конфиденциально» посланным М.Х. Рейтерну в марте 1867 г. «Неблаговидный» отказ С.И. Кони принять в управление еще и находившиеся в аналогичном положении Ревдинские заводы Демидова (о чем была договоренность) побудил губернатора «внимательно проследить его образ действия по управлению Сергинскими и Уфалейскими заводами Губинских». Он заметил там «неудовлетворение рабочих заработной платой, незаготовление достаточного количества хлеба и отсутствие деятельных распоряжений для своевременного снабжения заводов рудой и топливом на предстоящий заводский год». Все это, сообщал Б.В. Струве, «не без основания возбудило опасения рабочего населения и невольно наводит на подозрение, что Кони, по-видимому, преследует только свой личный интерес: получив из вырученных в 1866 г. на Нижегородской ярмарке за металлы Губинских заводов, добытые на казенные деньги, более 200 тыс. руб., на эти деньги как можно более выручить в нынешнем году и потом бросить и заводы, и владельцев, и казенные и частные долги на произвол обстоятельств». «Вдобавок к этому здесь ходят еще чрезвычайно неблагоприятные слухи о господине Кони: будто он во избежание могущей пасть на него ответственности перед приемом заводов в управление перевел все свое состояние на своего сына Николая и невестку – вдову родного брата, будучи сам 42 лет от роду. Подозревают, что Кони может в Лаишеве все железо, добытое ныне на Губинских заводах, по крайней мере, лучшие сорта, перевести на своего сына под предлогом продажи за низкую цену из нужды будто бы в деньгах, а потом то же железо продать уже в Нижнем по наибольшему ценам со значительной прибылью, которая поступит исключительно в пользу его сына». «От души желаю, – писал бдительный губернатор, – чтобы все эти слухи были ложны, но тем не менее я счел своей обязанностью довести о них до сведения Вашего Превосходительства, чтобы Вы приняли необходимые предохранительные меры»²⁴.

По просьбе министра финансов главному начальнику уральских заводов поручили провести «секретное дознание» через капитана К.В. Лонгинова, осуществлявшего казенный присмотр. «Так как господин Кони, видимо, не имеет собственных средств, или не желает их употребить на поддержание деятельности заводов, а, напротив того, в весьма короткий срок сократил уже собственный оборотный капитал заводов, – сообщал чиновник, – то предотвратить упадок промышленности Сергинско-Уфалейских заводов со всеми последствиями относительно 30 тыс. мужского населения, существующих исключительно деятельностью оных заводов, и во избежание больших закупок и потерь со стороны Правительства возможно лишь при отсрочке лежащих на заводах казенных платежей более чем на 37-летний срок, причем с настоящей ярмарки впредь на три года необходимо вовсе освободить за-

воды от таковых платежей, дабы предоставить им возможность усилиться собственными надлежащими средствами и полным оборотным капиталом». Неутешительно выглядела и ведомость о долгах, составленная Г.А. Иоссою в июле 1867 г. Если судить по ней, казенные долги к тому времени выросли до 2 748 479 руб., а частные достигли 1 059 079 руб. (включая 61 364 руб. мастеровым)²⁵.

Озаботившись сложившейся ситуацией главный начальник выехал на Сергинско-Уфалейские заводы. «Я осмотрел заводы и, вникнув в положение их, нахожу, что опасения за будущность заводов не лишены основания, так как оборотный капитал их, образованный значительным пособием Правительства, истощается», – сообщил он в Горный департамент 26 августа 1867 г. И уже в сентябре того года Екатеринбургская банковская контора уведомила Горное правление и министра финансов, что С.И. Кони не сделал в срок положенных выплат по долгу. Тогда же пришло сообщение о том, что он, «принявши в свое распоряжение все железо на ярмарке, не выслал в заводы несколько денег».

Реакция правительства не заставила себя ждать. М.Х. Рейтерн 29 сентября 1867 г. распорядился «отобрать» заводы у владельцев и передать их в опеку для продажи с публичных торгов. «Управляли» Сергинско-Уфалейскими заводами владельцы, таким образом, всего один год и восемь месяцев. Вскоре выяснилось, что С.И. Кони бежал за границу с 270 тыс. руб., но был пойман, его имущество арестовано, а 25 апреля 1868 г. открытое конкурсное управление объявило его «несостоятельным должником»²⁶. От этого шумевшего банкротства пострадали не одни только губинские заводы. Почти 445 тыс. руб. безвозвратно потерял имевший дело с С.И. Кони князь С.Д. Абамелек, который тогда управлял Чермозскими заводами своего тестя Х.Е. Лазарева. Главной причиной банкротства купца князь считал действия банка, который «вместо того, чтобы рассрочить Кони его долг, начал его преследовать и тем лишил сам себя надежды на получение с него долга, подорвал его кредит и подверг других той же потере»²⁷.

Приняв обусловленное «обязательствами» 1866 г. решение о передаче управления заводами опеке, власть, видимо, руководствовалась желанием не накапливать больше долгов в случае учреждения казенного управления, а также надеждой на скорую продажу округа. В этих целях требовалось лишь поддерживать действие заводов на минимальном уровне, с чем, как считали горные власти, могла справиться и уездная опека. Пермский губернатор, в чьем ведении находились дворянские опеки, предписал Екатеринбургской опеке взять в свое управление Уфалейские, а Красноуфимской – Сергинские заводы «с воспрещением въезда владельцев в оные на жительство и участие в распоряжениях». Но Екатеринбургская опека рапортовала, что «встречает затруднение в исполнении этого предписания», поскольку Сергинские и Уфалейские заводы составляли один горнозаводский округ с центром в Нижних Сергах Красноуфимского уезда. Поэтому, справедливо считали там, «два опекуна не могут управлять отдельно этими заводами» и предлагали назначить одного под ведением какой-либо из опеки.

По именному указу от 24 октября 1867 г. одна Красноуфимская дворянская опека учредила свое управление над Сергинско-Уфалейскими заводами и назначила опекуном отставного коллежского секретаря Николая Федоровича Петрова. В ноябре главный начальник уральских заводов получил ходатайство доверенного Е.К. Губина присяжного поверенного Нарановича и попечительницы З.К. Нарышкиной о введении с состав опеки «лица, знакомого с горным производством и местными условиями заводов». В сложившейся ситуации это было все, на что могли рассчитывать владельцы, утратившие доверие властей. С санкции министра фи-

нансов наиболее подходившим для этой роли был признан все тот же Г.А. Иосса, «как управлявший сими заводами, а потому хорошо знакомый с положением и обстоятельствами их»²⁸.

Рапорты инженера не вызывают сомнения в том, что он действительно хорошо представлял состояние заводских дел и ясно видел перспективы. «Имею честь уведомить, что положение... заводов сделалось опять столь же затруднительным, как было до поступления их в казенное управление, при котором благодаря большому пособию со стороны Правительства заводы были поставлены в возможность продолжать действие с выгодой и погашать понемногу обременяющие их огромные долги, – писал с его слов главный начальник А.А. Иосса в феврале 1868 г. в Горный департамент. – В такое состояние они приведены действиями господина Кони, который вместо того, чтобы затратить свой капитал на усиление производства, удерживал у себя часть денег, выручаемых за проданное железо и долженствовавших поступить в заводы на пополнение оборотного капитала. Так, с ярмарки 1866 г. он задержал более 60 тыс. руб., следовавших заводам, а в 1867 г. более 250 тыс. руб. и не выслал в заводы нисколько денег, чем остановил многие работы и все почти заготовления».

Тем не менее в некоторых действиях, инициированных, вероятнее всего, им самим, бывший управляющий оправдывал С.И. Кони. Тот, считал Г.А. Иосса, «мог сократить действие Сергинских заводов, которое не имеет быть так выгодно, как Уфалейских, и не делать заготовки в полном объеме» из-за «недостатка и дороговизны руд, отчего чугун этих заводов обходится дороже Уфалейских». На этой основе еще возглавлявшееся им казенное управление сокращало доменное производство в Сергинских заводах, усиливая его в Уфалейских. Инженер считал нужным и во время опеки продолжать эту практику и возражал против требований властей «заготавливать припасы в полном объеме» для всех губинских заводов. Вместе с тем «совершенный недостаток денег» в оставшихся без какой-либо поддержки заводах, писал Г.А. Иосса, «заставили опекунское управление начать заготавливать материалы в долг по ценам невыгодным, чтобы только поддержать действие и избавить заводы от еще больших убытков». «При таких распоряжениях, – полагал он, – хотя действие заводов может быть полное и довольно выгодное, но на уплату расстроенного долга рассчитывать никак нельзя. Задержание Кони более 300 тыс. руб. ...сильно истощило оборотный капитал их и для пополнения его необходимо будет отсрочить платеж не менее как на три года, чтобы увеличить выработку железа до 600 тыс. пуд. При таком производстве и достаточном оборотном капитале заводы в состоянии будут давать прибыль от 100 до 150 тыс. руб.»²⁹.

Об отсрочке платежей по долгам просил и опекун Н.Ф. Петров, видимо, подерживавший мнение «присматривающего» горного чиновника. «Заводы, – писал он, – действуют без оборотного капитала исключительно за счет залога металла в банковской конторе и запродажи выделанного железа». Ситуация в начале опекунского управления, таким образом, повторяла ту, которая сложилась еще в период управления П.П. Ушакова. Усилия казны и владельцев на протяжении почти четырех лет фактически оказались безрезультатными, и Сергинско-Уфалейские заводы вновь стояли на грани финансового банкротства. К тому же в просьбе отсрочить платежи министр финансов отказал. Не способствовала улучшению ситуации и беспрецедентно частая смена опекунов, сопровождавшая весь дальнейший 14-летний период опекунского управления.

Уже в октябре 1868 г. Н.Ф. Петров ходатайствовал об увольнении его от должности «в виду занятия места управляющего заводами князя Голицына» и

предлагал вместо себя кандидатуру Г.А. Иоссы. Тот соглашался, но, видимо, назначение не состоялось; весьма осведомленный в заводских делах горный инженер был переведен на другую должность и покинул заводы. Вместо него осуществлять присмотр определили управляющего от казны Кнауфскими заводами коллежского советника Н.А. Грамматчикова, а новым опекуном по предписанию Пермского губернского правления назначили инженера-технолога Василия Федоровича Грасмана³⁰.

Это назначение сопровождалось ревизией заводов, что уже само по себе свидетельствовало о степени эффективности прежнего управления. Суховязский завод к этому времени находился «в бездействии». Вступивший в должность В.Ф. Грасман рапортовал о «значительном уменьшении в хозяйственной экономии по многим отраслям в сравнении прежних расходов». Первым своим распоряжением он предписал «сократить еще многое и многое, так, например, в ремонтных, угарах, поденщиках, караулах, материалах и т. д.»³¹.

Назначение Н.А. Грамматчикова, сохранившего свою прежнюю должность, существенно затруднило оперативное получение от него разрешений на залог металлов, поскольку Кнауфские заводы находились в 300 верстах от Сергинско-Уфалейских. «Здесьние заводы, оставаясь ныне без всякого от казны пособия, действуют исключительно одними... залогами, которые от того и бывают частовременными, сообразно выделке металлов. Опекунское управление, – писал В.Ф. Грасман, – не может обойти молчанием о тех неудобствах и довольно крупных расходах от этого». Но, видимо, другой кандидатуры не нашлось, и Н.А. Грамматчиков выполнял свои обязанности до окончания казенного присмотра, неоднократно создавая опекунам сложные ситуации³².

В управление В.Ф. Грасмана завершилось дело о перечислении Сергинских заводов в разряд владельческих, что автоматически избавляло их от выплаты повышенной горной подати. Решение об этом принял Государственный совет 25 октября 1869 г. Во «мнении» Совета сообщалось, что Верхнесергинский, Нижнесергинский, Атигский и Михайловский заводы «перечисляются в разряд владельческих как относительно размера подати с добываемых металлов, так и всех прав по владению и распоряжению с тем, чтобы сокращением... размера подати заводы эти воспользовались со времени окончания льготного... периода по правилам 3 декабря 1862 г., т. е. с 1865 г.»³³.

Это «перечисление» привело к тому, что заводы стали вынуждены платить $\frac{1}{4}$ коп. с пуда руды, которую им разрешено было добывать в дачах казенных Гороблагодатского и Екатеринбургского округов. Будучи посессионными, этот сбор они не платили. Чтобы в очередной раз сэкономить, опека попыталась уклониться от платежа под предлогом того, что часть руд добывалась не заводоуправлением, а покупалась у «рудоподрядчиков», которые и должны были оплачивать сбор. Однако власти не согласились с опекунским управлением. «Рудопромышленники... – утверждалось в записке Горного правления, – не могли предвидеть, что впоследствии Сергинские заводы будут перечислены во владельческие, почему и ни в коем случае не могут быть привлечены к уплате за доставленную туда руду, тогда как заводы воспользовались чрез то более дешевою рудою и за выплавкой из нее чугуна уплатили уже подать по размеру заводов владельческих... и потому обязаны вносить подать и за руду, добытую в казенных дачах, как бы эта руда не была добыта, а не за ту только, которую они добыли сами, как понимает заводоуправление»³⁴. Результатом этого стал отказ от использования казенной руды, обходившейся заводам слишком дорого.

Еще одним шагом опеки, рассчитанным на сокращение расходов, стала передача Нижнеуфалейского завода в аренду екатеринбургскому купцу первой гильдии Степану Степановичу Зудову. Изготовив с мая по ноябрь 1870 г. 100 тыс. пуд. железа, он обязался «производить расчет с рабочими и подрядчиками сам без всяких на заводууправление жалоб»³⁵.

Тем не менее «тотальная» экономия на всем, видимо, не принесла большой выгоды, поскольку 24 ноября 1870 г., всего через полтора года после назначения, В.Ф. Грасман был отстранен от управления. Такое решение Красноуфимской опеки стало для него полной неожиданностью. Но только через три месяца он получил уведомление о том, что вновь назначенный опекун коллежский ассессор Николай Андреевич Кабрит «намерен ныне же приступить к приему всего заводского имущества» по описям. «Никакую передачу я на себя не принимаю, – отвечал обескураженный В.Ф. Грасман, – потому что, во-первых, я был из заводов и от управления ими неожиданно устранин; во-вторых, всякая власть и влияние мое на денежный, имущественный и кредитный капитал, как и на доверенных, служащих и рабочих было непредупредительно и мгновенно уничтожены и, в-третьих, нету человеческого возможности мне одному производить передачу громадного заводского округа или принимать на себя чего-либо ответственного в этом отношении после прошествия более трех месяцев вполне самостоятельного управления этим имением другими лицами... Если же требуется одна формальность в подписи передачи заводов от моего управления другому лицу, то на основании указа Красноуфимской дворянской опеки это немедленно исполню»³⁶.

В то время, в частности, заводы Уфалейской группы «для производительности» передавались арендаторам. Среди них были не только С.С. Зудов, но и «контрагенты Злоказова и К^о» купцы Трутнев, Белинсков и Бронин³⁷, из-за чего долго не присылались описи заводского имущества, а во главе заводууправления вновь оказался Д. Тезяков, защищавший интересы владельцев. Но даже когда описи были получены, обе стороны еще долго не могли прийти к согласию даже в вопросе о времени формальной передачи заводов. Срочно выехавший в Нижний Новгород в начале августа 1871 г. Н.А. Кабрит сообщал, что В.Ф. Грасман «в свое время был приглашаем... для сдачи имущества, но ему почему-то было угодно отказать, когда и для меня было время свободное», и обещал после возвращения подписать описи. Но только 7 октября В.Ф. Грасман был приглашен в контору, хотя, по его словам, оказавшись там в 10 ч., «не имел удовольствия застать ни опекуна, ни управляющего и ни помощника последнего, так как они изволили быть в отъездах». От другого предписания прийти в контору к 20 ч. он уклонился уже сам, сочтя для себя невозможным «заниматься делами в ночное время». «Предписать Грасману один раз навсегда, – ответил «сердитой» припиской на письме бывшего опекуна управляющий Д. Тезяков, – чтобы он без комментариев сдал свои дела, о которых столько бесполовой переписки, как будто управление Грасмана до чрезвычайности поправило Сергинские заводы, а не нанесло лишь убытков»³⁸.

Об этих же упущениях писал и опекун Н.А. Кабрит, когда 17 декабря 1871 г., спустя год после вступления в управление, извещал Красноуфимскую опеку о том, что согласен принять «с полной ответственностью» только то заводское имущество, которое можно было «проверить и перевесить в натуре». «Что же относится до задолженных при разных цехах и строениях чугуна, медных и железных вещей, а также долгов, считающихся на разных местах и лицах в пользу заводов в количестве 840 тыс. руб., то как задолженные вещи, так и долги я принять на свою ответственность не могу, первые потому, что как ныне оказалось, на задолженных вещах

по заводским книгам считается громадный неправильный вес, почти вдвое более того, что действительно есть в натуре, а последние потому, что Грасманом на взывание долгов не передано мне никаких документов, а также неизвестно, когда именно и за что долги эти образовались, почему я не имею ни надежды, ни даже каких-либо оснований требовать уплаты долгов, тем более что некоторые долги считаются совершенно неправильно, как это обнаружилось в последнее время...» «Нужно составить комиссию», – потребовал он³⁹.

Окончание этой «темной» истории не зафиксировано в источниках, но она, безусловно, свидетельствовала о серьезных недостатках опекунского управления и конкретных опекунов, вольно или невольно усугублявших и без того крайне тяжелое положение заводов. При опекуне Н.А. Кабрите (он же, оказывается, был и опекуном Ревдинских заводов), продержавшемся на этой должности в течение «рекординного» срока – более четырех лет, дела заводов как будто улучшились. После длительного перерыва даже появилась возможность часть заводских доходов перечислять владельцам.

В июле 1871 г., еще до подведения финансовых итогов текущего заводского года, Н.А. Кабрит отослал Е.К. Губину в Ярославль 425 руб. Видимо, Красноуфимская опека потребовала объяснений этому поступку. Вооружившись законами, Н.А. Кабрит сообщил: «В обязанности опекуна входит... наблюдение, чтобы владелец получал, между прочим, и “пристойное воспитание и содержание”. Если возраст господ Губиных избавляет опекуна над их имением от попечения о воспитании их, то отнюдь не избавляет от обязанности выдавать Губиным пристойное содержание, которое они имеют полное право на основании статей закона требовать от опекунского управления над их имением. Так как за опекунским управлением... до принятия мною дел дивидендов получаемое не было, то и требование от владельцев выдачи им “пристойного содержания” было бы неосновательно. Но в виду дивиденда, который от управления мною заводов я надеюсь получить, – считаю уже своей обязанностью в исполнение вышеприведенного требования закона выдавать госпоже Ушаковой и детям Константина Губина... пристойное содержание, именно в размере 6 тыс. руб. в год»⁴⁰.

Но опека колебалась в принятии столь ответственного решения. Тогда Н.А. Кабрит «добил» ее новыми ссылками на законодательство и «экономическими расчетами». В своем ноябрьском рапорте он напомнил еще об одной статье гражданских законов, которой предписывалось обеспечивать содержание владельца описанных и переданных в опеку имений в случае, если у него не оказывалось «ни другого имения, в которое мог бы он переехать, ни потребного на содержание дома количества жизненных припасов и фуража». Поскольку, писал Н.А. Кабрит, владельцы Сергинско-Уфалейских заводов «никакого другого, кроме этих заводов, имения не имеют, следовательно... обязаны содержать их в заводах, но содержание здесь всех наследников в числе пяти человек с их семействами стоило бы очень дорого и обременительно для заводов в настоящем их положении, почему я признал более рациональным и удобным выдавать им всем вместе 6 тыс. руб. в год»⁴¹.

Настойчивость, с которой действовал опекун, дает основание предполагать его личные связи с некоторыми из владельцев. Вероятно, это был «вступивший в возраст полного совершеннолетия» Евгений Константинович Губин, пытавшийся через опекуна негласно участвовать в управлении наследственными заводами в целях получения хотя бы небольшого содержания. Наконец, 9 декабря 1871 г. вышел указ опеки, разрешавший выплачивать владельцам дивиденды в случае, если заводы бу-

дуг приносить доход не менее 100 тыс. руб. сер. в год. «Главным аргументом», убедившим опеку, стал взнос Н.А. Кабритом 30 тыс. руб. в счет заводского долга, который он впервые сделал с момента учреждения опекунского управления.

Сразу же после этого были отосланы в Петербург деньги для Анастасии Иосифовны Ушаковой. Анатолий Константинович отказался от них в пользу матери, в доме которой жил из-за своего нездоровья. Получившая дивиденды Зинаида Константиновна Нарышкина сдержанно поблагодарила опеку за столь неожиданную помощь. Александра Константиновна Толстая, как отказавшаяся от владения (об этом, видимо, опекун тогда еще не знал), не могла рассчитывать на выплаты. Евгений Константинович Губин не только получил причитавшиеся деньги; ему продолжали отправлять по 50 руб. сер. в месяц даже после того, как в мае 1874 г. Н.А. Кабрит распорядился приостановить выплаты остальным совладельцам «впредь до особого разрешения»⁴².

В январе 1873 г. опекун попросил увеличить выплаты владельцам уже до 10 тыс. руб. в связи с тем, что за 1871 г. заводы дали чистого дохода 189 тыс. руб., а в 1872/73 г. предполагалось получить «далеко более 200 тыс. руб.». «Эта сумма дивидендов, – утверждал Н.А. Кабрит, – для заводов не может быть обременительной, а наследникам в числе четырех частей дает возможность содержать себя более безбедно». Красноуфимская опека разрешила выдавать им по 5% с рубля прибыли, но не более 10 тыс. руб., поскольку «сверх казенного долга, уплата которого предстоящими доходами хотя и обеспечивается, имелись долги частным лицам»⁴³.

Явный и, видимо, неожиданный успех опекунского управления вызвал даже просьбу губернатора о награждении Н.А. Кабрита и Д. Тезякова «за устройство заводов и приведение их в отличное состояние: первого орденом Святой Анны второй степени, последнего – золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте». Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов одобрил это намерение, подтвердив, что «положение Сергинско-Уфалейских заводов действительно во многом улучшилось опекой Кабрита... рабочим уплачиваются не выданные в предыдущие годы платы и заводы продолжают действие безостановочно, имея достаточные запасы минералов»⁴⁴.

Несмотря на это, в ноябре 1874 г. министр финансов принял очередное решение назначить Сергинско-Уфалейские заводы за казенные долги в продажу «в скорейшее по возможности время». Находившиеся в залоге Сергинские заводы вместе с 236 107 дес. земли и 47 рудниками впервые были назначены в продажу еще в январе 1870 г., но тогда никто не выразил желания купить их. В следующем году для привлечения покупателей вместе с Сергинскими на торги были выставлены и свободные от залога Уфалейские заводы (с принадлежавшими к ним 184 375 дес. земли, 19 рудниками и восемью золотыми приисками), но и эта продажа не состоялась «за неявкой желающих торговаться»⁴⁵. Возможно, надежда на долгожданную продажу успешно функционировавших заводов оказалась сильнее неопределенной перспективы рассроченного на длительный срок погашения огромных казенных долгов. Но и эта попытка завершилась безрезультатно.

Опекунское управление продолжало действовать, но по какой-то причине было передано в ведение Екатеринбургской опеки, которая назначила своего опекуна Турчанинова (возможно, это был довольно опытный в заводских делах Петр Маркович Турчанинов, совладелец Сысертского округа). Ему немедленно пришлось столкнуться с незавершенным делом по выплатам владельцам. В феврале 1875 г. опекун получил от Е.К. Губина «заявление», в котором тот просил «назначенное опекой содержание всем владельцам... выдавать не по равной части, как это про-

изводилось до настоящего времени, а по количеству участия каждого в заводах». Учитывая, что «между всеми владельцами не существует ни формально засвидетельствованного договора, ни словесного условия» по разделу заводов, опека «исчислила» условные доли каждого владельца и распорядилась выдавать им дивиденды «по соразмерности частей»⁴⁶.

В соответствии с этим расчетом, Евгений и Анатолий Губины из 10 тыс. руб. должны были получать по 3928 руб., Анастасия Иосифовна – 1428 руб., Зинаида Нарышкина – 714 руб. в год, которые и были переданы опекуном владельцам. Эта история, вероятно, послужила предлогом для увольнения Турчанинова. Как свидетельствовал Д.Н. Мамин-Сибиряк, в 1876 г. он был смещен в результате интриг⁴⁷.

Новый опекун отставной гвардии ротмистр В.В. Иловайский имел на счет дивидендов свое мнение и настоял на их пересмотре на основе прежнего «уравнительного расчета». «Имея в виду, что владельцы Сергинско-Уфалейских заводов, имение которых находится в опеке, получают от заводов не доход, а лишь сумму, необходимую им на личное содержание, – писал он в губернскую опеку, – я нахожу, что содержание это должно быть им выдаваемо не по соразмерности частей, а по равной части». Пересчет показал, что Е.К. Губин получил больше, чем ему полагалось на 7561 руб. Это было представлено как вина Турчанинова, хотя тот действовал по указу Екатеринбургской опеки. Кроме того, переплата начала формироваться еще при опекуне Н.А. Кабрите, когда тот не остановил выплаты Е.К. Губину в 1874 г. «Передачу опекуном Турчаниновым денег... – указала Пермская губернская опека 25 октября 1876 г., – обратить на его... ответственность, а переплаченную сумму считать за Губиным в долгу». Сам Евгений Константинович попытался оправдаться, сообщив опеке, что деньги расходовал на «некоторые заводские надобности», в частности на наем адвокатов и поверенных. Но он многозначительно промолчал, когда его попросили «доставить сведения, на какие именно потребности нанимал он адвокатов»⁴⁸.

Вместо этого Е.К. Губин подал Пермской губернской опеке жалобу на В.В. Иловайского. Опекун попытался оправдаться. «Губин, – докладывал он главному начальнику И.П. Иванову в июле 1878 г., – не имеет права не только принимать участия в управлении заводами, но даже въезжать и жить в них... По всем этим соображениям, казалось бы, что господин Губин не должен вмешиваться в мое управление и брать на себя не принадлежащее ему право защищать интересы казны и местных рабочих, на что он указывает в своих доносах. Но господину Губину необходимо мое устранение, так как при... господине Турчанинове или господине Вердеревском, о назначении которых опекунами он хлопочет, будет управлять заводами Тезяков... выдавший Евгению Губину в счет содержания сумму гораздо большую, чем следовало по распоряжениям дворянской опеки и, не выдавая при этом другим наследникам ничего, как это было раньше. Ныне за Евгением Губиным считаются по конторе как излишне выданные в счет содержания более 6 тыс. руб.». Хотя, писал опекун, им и представлены в Пермскую дворянскую опеку «подробные, основанные на документах, опровержения на ложный донос господина Губина», он просил И.П. Иванова «для окончательного опровержения и прекращения дальнейших доносов, каковые Губин продолжает подавать... командировать двух специалистов по горному делу для подробного осмотра нынешнего состояния заводов и для собрания справок» о его управлении. Однако, несмотря на обещание, главный начальник отказал в инспекции под предлогом того, что Горное правление «не вмешивается в дела опеки»⁴⁹.

Видимо, жалобы Е.К. Губина не остались без последствий. В.В. Иловайский, который по свидетельству Д.Н. Мамина-Сибиряка, был к тому же и поверенным

конкурсного управления, назначенного еще 16 мая 1876 г. над старшим наследником Анатолием Губиным (он, как в свое время его отец, «по своему слабоумию объявил себя несостоятельным»), был уволен или сам отказался от должности опекуна.

В течение некоторого времени в конце 1878 г. опекуном числился некто Пузырев, настаивавший, чтобы до его приезда на заводы не выдавались свидетельства «на заклад металлов». Но, видимо, он так и не явился к месту своего назначения. Поэтому в ноябре 1878 г. управляющий Д. Тезяков телеграммой пригласил самого главного начальника лично приехать в Нижние Серги. «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство не оставить дело анархическому положению», – писал он, видимо, опасаясь волнений рабочих, не получавших в такой ситуации заработной платы. Но, как и на просьбу бывшего опекуна, И.П. Иванов ответил отказом, посоветовав «в случае необходимости полицейских мер» обращаться к губернатору⁵⁰.

В начале 1879 г. должность опекуна занимал уже статский советник Н.К. Берг. И он также продолжал просить главного начальника разрешить хотя бы заводскому исправнику выдавать свидетельства. Дело, таким образом, не сдвигалось с места. Тем не менее даже в это тяжелое время Главная Нижнесергинская контора пересылала небольшие суммы (по 828 руб.) А.И. Ушаковой и З.К. Нарышкиной в Петербург через Волжско-Камский банк⁵¹.

В том году Уральское горное правление подсчитало, что за Сергинско-Уфалейскими заводами числились 17 492 руб. недоимки по податям горному ведомству, 680 289 руб. долга Государственному казначейству, 1 196 605 руб. – Екатеринбургской конторе Государственного банка, 71 805 руб. – Петербургской сохранный казне. Вся долговая сумма достигала 1 966 133 руб. и была крупнейшей среди долгов частных горнозаводских округов Урала⁵². Косвенным следствием такого безнадёжного опекунского управления явилось учреждение 11 мая 1879 г. уже над обоими основными владельцами Анатолием и Евгением Губиными конкурсного управления как над «несостоятельными должниками» под председательством Н.В. Граве. Именно в этих условиях, когда, по свидетельству Д.Н. Мамина-Сибирика, доходы заводов резко упали и вполне дееспособное горнозаводское хозяйство оказалось на грани окончательного разорения, наконец-то объявился на него достойный покупатель.

В Петербурге 6 ноября 1881 г. торговыми домами Э.М. Мейера и И.Е. Гинцбурга было учреждено Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов⁵³. Правление общества находилось по Галерной ул., 20 и состояло тогда из председателя В.А. Половцова, членов – К.Ф. Винберга, барона Г.О. Гинцбурга, Д.И. Петрокино, барона К.К. Фелейзена, а также трех кандидатов – барона Г.Г. Гинцбурга, П.П. Скараманги и А.А. Шварца. Именно этому Товариществу с разрешения Горного департамента 5 декабря 1881 г. конкурсное управление над потомственными почетными гражданами А.К. Губиным и Е.К. Губиным, а также жена подпоручика З.К. Нарышкина и уже вдова генерал-майора А.И. Ушакова продали Сергинско-Уфалейские заводы с 357 394 дес. земли, «не оставляя ничего за собою», за 4150 тыс. руб. сер. Купчая была утверждена 30 января 1882 г.⁵⁴

Как следует из отзыва Кредитной канцелярии, полученные немалые средства были распределены между совладельцами в соответствии с их долями во владении. Деньги, причитавшиеся Анатолию и Евгению Губиным, поступили в распоряжение конкурса «для распределения между казной, Государственным банком и другими кредиторами». Часть заводских долгов, «упадавшая» на долю А.И. Ушаковой, была полностью погашена из ее доли, а 266 785 руб., следовавших З.К. Нарышкиной,

были «удержаны нотариусом в полной сумме и подлежали отсылке в Петербургский окружной суд для распределения между казной и другими кредиторами Нарышкиной». «В виду состоявшегося перехода Сергинско-Уфалейских заводов к новым владельцам и удержания всех вырученных при продаже денег на пополнение бывших на заводах долгов» казенный присмотр был снят в марте 1882 г.⁵⁵

Драматичная история Сергинско-Уфалейских заводов и их владельцев – наследников К.М. Губина, – по словам Д.Н. Мамина-Сибиряка, легла в основу сюжета его известного романа «Приваловские миллионы».

---

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 294. Л. 5.

² Там же. Оп. 5. Д. 635. Л. 5–7, 8, 20.

³ Там же. Л. 9–17.

⁴ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 128–134, 381–386, 505, 521.

⁵ Там же. Л. 3–7 об.

⁶ Там же. Л. 20–22 об.

⁷ Там же. Л. 18, 23, 25.

⁸ Там же. Л. 48, 52, 56; Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 218–219, 382.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 79. Д. 122. Л. 1–5, 73–75.

¹⁰ Там же. Л. 90–93, 151–164 об.

¹¹ Там же. Л. 34–35, 76–78, 184.

¹² *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 377–378; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 122 об.

¹³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 99–106 об.

¹⁴ Там же. Л. 107–108.

¹⁵ Там же. Л. 112–113 об.

¹⁶ Там же. Л. 172–173, 201–203, 218–220, 238.

¹⁷ Там же. Л. 227, 230, 248, 251.

¹⁸ Там же. Л. 212, 287.

¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1187. Л. 1–4 об.

²⁰ Там же. Оп. 67. Д. 219. Л. 57–57 об.

²¹ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2257. Л. 1–2 об.

²² Там же. Л. 23–24, 45; Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 281–285, 287.

²³ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 229.

²⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 330–331.

²⁵ Там же. Л. 332, 341, 360.

²⁶ Там же. Л. 376, 378; Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 229, 306, 400.

²⁷ РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1969. Л. 1–18.

²⁸ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 389–390, 396, 397.

²⁹ Там же. Л. 399–401.

³⁰ Там же. Л. 402, 412, 422–423, 427.

³¹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 181.

³² Там же. Л. 437, 501, 533.

³³ Там же. Ф. 24. Оп. 4. Д. 38. Л. 1–4.

³⁴ Там же. Л. 51, 153.

³⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 452, 457.

³⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 188. Л. 15, 16.

³⁷ Там же. Л. 32; *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 140.

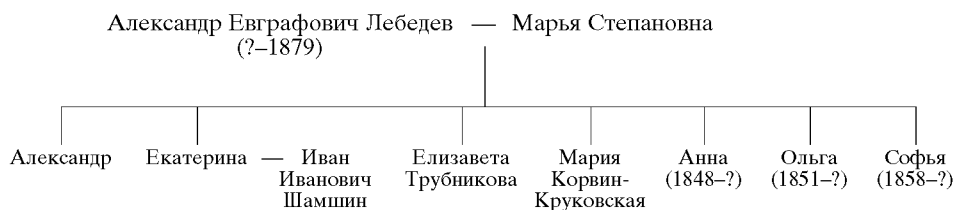
³⁸ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 188. Л. 42–46.

³⁹ Там же. Л. 90–91.

⁴⁰ Там же. Д. 192. Л. 1, 5.

- ⁴¹ Там же. Л. 7.
⁴² Там же. Л. 12–13, 21, 30–33.
⁴³ Там же. Л. 22, 24.
⁴⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 485, 486.
⁴⁵ Там же. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5254. Л. 301, 332, 683–685.
⁴⁶ Там же. Д. 192. Л. 34.
⁴⁷ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 377–378.
⁴⁸ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 192. Л. 49, 53–54.
⁴⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 551–553.
⁵⁰ Там же. Л. 557, 559, 560.
⁵¹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 192. Л. 66, 71.
⁵² Там же. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2960. Л. 173–191.
⁵³ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала. С. 74–75.
⁵⁴ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 696; *Черных В.А.* Завод на речке Уфалей. Время. Жизнь. Челябинск, 2006. Ч. 1. С. 106–107.
⁵⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 473. Л. 570–573.

12. А.Е. ЛЕБЕДЕВ И НАСЛЕДНИЦЫ

Дворяне Лебедевы с 1777 г. владели небольшим Бемышевским медеплавильным заводом в Елабужском уезде Вятской губернии, доставшимся им по наследству от родственников Осокиных. С 1838 г. завод находился во владении майора Александра Евграфовича Лебедева – представителя третьего поколения рода. Округ считался посессионным из-за приграничных в 1772 и 1795 гг. 15 765 дес. казенных лесов. «По убогости руд» еще в начале XIX в. Бемышевский завод стал убыточным и сократил свою производительность с 1,5 тыс. до 620 пуд. меди. С 1820-х гг. там периодически возникали волнения мастеровых, оставшихся без работы. В 1840–1850-е гг. владелец добился перевода части крепостных на Гороблагодатские заводы, обновил оборудование и поднял производительность до 1,2–2,6 тыс. пуд.

Во время крестьянской реформы в Бемышевском имении, единственном среди посессионных округов Урала, были составлены уставные грамоты в соответствии с буквой закона. Заводские крестьяне получили значительные земельные угодья (по 4,5 дес. на рев. душу) за денежный оброк. Рассчитывая таким образом как можно скорее покончить с затянувшимся во многих других округах процессом землеустройства, майор А.Е. Лебедев не учел всех возможных последствий такого надения. Получив земли, крестьяне отказались заключать договоры найма с заводоуправлением на тяжелые цеховые и рудничные работы, оброк же выплачивали не-

регулярно. В 1864 г. владелец вынужден был остановить предприятие. По сведениям Горного департамента, после того, как прошел установленный законом трехгодичный срок такой остановки, Бемышевский завод назначили к публичной продаже. Но она была приостановлена «вследствие обещания владельца восстановить заводское действие в полной норме, определенной в 1900 пуд.» Наследники майора позже отмечали, что в той ситуации он возлагал надежды на «привлечение крестьян других местностей» и даже возобновил выплавку меди с 1 марта 1867 г., но «от постоянных затруднений в приискании рабочих и их малоопытности заводское дело шло уже весьма неуспешно». Достичь установленной нормы не удалось.

Видя усилия заводчика, главный начальник уральских заводов А.А. Иосса в 1868 г. исходатайствовал «новую льготу», по которой норма выплавки была уменьшена до 860 пуд. Однако и это не дало «удовлетворительных результатов»: заводское действие упало в 1876 г. до 293 пуд. Решив, что «постоянное уменьшение действия Бемышевского завода обнаруживает полную несостоятельность владельца к поддержанию заводского действия в норме, соответствующей пожертвованию казны лесами», Горный совет при Горном департаменте тогда признал «единственным исходом для возмещения потерь от бездействия завода – продажу его с торгов с обязательством восстановить на нем выплавку меди в норме 1900 пуд.». В случае «неуспешности торгов» предполагалось заводскую дачу «отобрать в казну». Но перед продажей было решено изучить состояние дачи в целях «сообразовать норму вырубки леса с количеством обязательной выплавки меди»¹.

В таком неутешительном положении находился Бемышевский завод, когда в 1879 г. его владелец скончался. По родословным росписям, у А.Е. Лебедева были сын и шесть дочерей². Сын Александр имел чин действительного статского советника и звание камергера, как и отец, избирался лаишевским уездным предводителем дворянства. Видимо, по разделу с сестрами он получил имение в Казанской губернии. Бемышевский завод оказался в общей собственности трех дочерей майора: тайной советницы Екатерины Александровны Шамшиной, вдовы тайного советника Елизаветы Александровны Трубниковой и вдовы коллежского советника Марии Александровны Корвин-Круковской.

Известно, что муж Екатерины Лебедевой Иван Иванович Шамшин в начале 1860-х гг. был членом «Земли и воли», затем отошел от народнического движения и стал видным государственным деятелем. В 1880 г. он входил в Верховную распорядительную комиссию графа М.Т. Лорис-Меликова, в 1881–1885 гг. – в Кахановскую комиссию по составлению проектов местного управления, был председателем Петербургского окружного суда, в 1884–1894 гг. управлял Межевым департаментом Сената, разрабатывал проект Межевого устава и проводил реорганизацию Межевого института и землемерных училищ, после чего, получив высший чин действительного тайного советника, был назначен в Государственный совет. Он также принимал самое деятельное участие в имущественных делах своей жены.

В 1860-е гг. И.И. Шамшин посещал известный петербургский салон М.В. Трубниковой, завсегдатаями которого были братья А.А. Серно-Соловьевич и Н.А. Серно-Соловьевич, А.М. Унковский, Д.В. Стасов, К.Д. Кавелин³. Вероятно, этот салон, куда были вхожи эмансипированные женщины-дворянки, посещали и сестры Лебедевы.

Наследство им досталось незавидное: Бемышевский завод выплавлял не более 100 пуд. меди в год и не приносил никакого дохода; на нем к тому же обнаружилась земская недоимка в 12 тыс. руб. Не рассчитывая взыскать недоимку с завода «за отсутствием в последнем каких-либо доходных статей», Вятское земство стало доби-

ваться ее возмещения посредством продажи имения. После неоднократных ходатайств 1 июля 1883 г. министр государственных имуществ М.Н. Островский одобрил это предложение, к которому присоединился и Горный департамент. Было предписано «продать имение на посессионном праве с обязательством для покупателя довести выплавку в течение пяти лет до 1 тыс. пуд. под опасением в противном случае отобрать от заводов части лесной дачи в размере, составляющем разность между указанной нормой и действительной выплавкой». В случае неудачи торгов завод должен был «остаться за настоящими владельцами на тех же условиях, на каких предложено продавать его»⁴.

Но дело приобрело неожиданный поворот. Оказалось, что бывшие заводские крестьяне накопили долг перед владельцами «за пользование пахотными и сенокосными землями в течение 20 лет до 24 тыс. руб., ко взысканию которых были приняты должные меры». Вятское земство «не нашло надобности приступить к продаже за недоимку, уже устраненную за счет крестьянских оброков». Не стал настаивать на продаже и Горный департамент, когда выяснилось, что еще в сентябре 1882 г. завод сгорел «до основания». Судьбу Бемышевского имения в такой ситуации должны были решить владельцы, которым, по постановлению 1883 г., для этого был назначен срок пять лет. Дальнейшее развитие событий оказалось достаточно типичным для отношений между властями и владельцами посессионных имений на Урале.

По-видимому, возобновлять выплавку металла владельцы не решились. К этому подталкивал простой расчет, в соответствии с которым за последние 10 лет на выплавку 3983 пуд. меди было затрачено 81 291 руб., тогда как от ее продажи выручено всего 45 848 руб. «В этом убытке, – заявляли владельцы, – наглядно выразились те неблагоприятные условия, в которых находится Бемышевский завод вследствие ценности рабочего труда в самом Елабужском уезде, а также отдаленности рудников, из коих ближайший отстоит от завода далее 60 верст». Управляющий Беляев добавлял от себя, что «деньги от владельцев поступали в распоряжение заводоуправления в продолжение каждого года разновременно и различными суммами, в разном каждый год количестве, большей частью по мере оказывавшейся настоящей нужды в наличных средствах», но согласился с тем, что завод работал в убыток не только по этой причине⁵.

Вероятно, чтобы подстраховаться, в 1888 г. владельцы организовали «научные разведки руд и исследование экономического положения завода», которые показали, что его восстановление «ни в коем случае не может быть выгодным промышленным предприятием». Более того, оказалось, что и количество леса «не позволяло развивать заводское производство в таких размерах, кои бы окупили затраты». Эти заключения были важны владельцам, задумавшим осуществить непростой план в целях сохранения за собой родового имения, которое в случае прекращения заводского действия должно было отойти казне. В ходатайстве, поданном министру государственных имуществ в 1890 г., они просили «о допущении выкупа сего имения из посессионного владения в их собственность в качестве имения негорнозаводского». Поскольку такое предложение шло в разрез с намерением властей осуществить выкуп всех посессионных имений на общих основаниях, владельцы запаслись рядом дополнительных «соображений», подсказанных, видимо, компетентным сенатором И.И. Шамшиным. Помимо главного аргумента – экономической бесперспективности заводского дела – в ходатайстве обращалось внимание на «исключительность положения Бемышевского завода, делающего возможным как отдельный его выкуп из посессии, так и упразднение горнозаводского его характера».

Завод, оказывается, был единственным посессионным предприятием в той местности, что, по мнению владельцев, давало возможность «принять относительно его меры без связи с... прочими посессионными заводами». Кроме того, уже проведенное здесь наделение бывших крепостных земель исключало его из состава тех, на которые должны были распространиться разрабатывавшиеся в то время правила об окончательном устройстве населения посессионных заводов. В ходатайстве также упоминался уже имевший место прецедент с Мосоловскими заводами, проданными казной в 1885–1886 гг. частным лицам «без обязательства производить добычу руды и плавку металлов и с рассрочкой платежа». Владелицы не сомневались, что у них имелись и «нравственные основания на сохранение за собой Бемышевского имения». В изложении Горного департамента, эти основания звучали так: «Создавшееся положение... не зависело от воли и действий заводоладельцев и не могло быть ими предотвращено. Оставить всю тяжесть... неблагоприятных условий... на настоящих владельцах завода без всякого внимания к их родовому праву и значительным капиталам, употребленным на завод, едва ли было бы соответственно с достоинством Правительства. Ущерб, который им это причинило бы, будет для заводоладельцев крайне чувствительным, между тем выгоды казны от горной подати... могут быть обеспечены иным способом». Владелицы предлагали выкупить остававшиеся после наделения крестьян земли округа «по правилам выкупа посессионных земель», но «на условиях, на коих проданы Мосоловские заводы», т. е. без сохранения их горнозаводского характера⁶.

Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов поддержал просьбу владельцев округа, не имевшего «горнозаводской будущности». Он считал, что как для казны, так и для владельцев «наилучшим исходом было бы допущение выкупа посессии на тех же основаниях, какие будут выработаны для всех уральских посессионных заводов». Однако директор Горного департамента Н.А. Кулибин рассудил иначе. Выкуп, полагал он, «не противоречит той цели, с которой Правительство сначала жертвовало свои земли частным лицам в посессионное владение, а засим предоставило им выкупать на льготных условиях, т. е. цели развития горной промышленности, потому что по естественным условиям сих имений, богатых ископаемыми и лесом, наивыгоднейший способ извлечения из них дохода заключался бы все-таки в горнопромышленной их эксплуатации, а принадлежность имения владельцу на праве собственности побуждала бы последнего к более хозяйственному и бережливому отношению к горным богатствам». «Таким образом, основанием к предоставлению льготного права выкупа являлась уверенность в том, что горнозаводское имение, и будучи выкуплено, не утратит своего полезного значения для горной промышленности, а усугубит его. Само собой разумеется, что такая уверенность по отношению к каждому имению прежде всего требует наличности в нем благоприятных естественных для горного промысла данных и что имение, у которого эти данные отсутствуют, не дает и основания к допущению льготного выкупа». В департаменте рассчитали, что выкупная сумма Бемышевского округа по выработанным правилам для посессионных заводов составила бы приблизительно 8375 руб., в то время как стоимость этого имения в случае продажи его как лесного – почти 93 тыс. руб. Для окончательного решения дело о «бемышевской посессии» было передано на рассмотрение Горного совета⁷.

Совет 6 июня 1890 г. вынес постановление, которое не совсем отвечало желанию владельцев. С одной стороны, он не нашел «достаточных оснований настаивать на восстановлении заводского действия» и согласился с тем, что имение может быть продано в частную собственность «без всякого ущерба для горного промыс-

ла». Но, поскольку такой выкуп существующими законоположениями не предусматривался, удовлетворение ходатайства владельцев возможно было «лишь на путях Монаршего милосердия». С другой стороны, Горный совет счел, что предложенный владельцами способ выкупа «не может иметь места», поскольку выкупу подлежало «не горнозаводское имение и не посессионное право, а казенная лесная дача», по отношению к которой не было оснований допускать льготную оценку, а надлежало руководствоваться тем общим порядком, который принят при продаже казенных недвижимых имуществ⁸.

Владельцы уведомили, что делу будет дан ход в случае их согласия на предложение Горного совета. Около года им потребовалось, чтобы определить свою позицию. В апреле и мае 1891 г. они направили Александру III и министру государственных имуществ М.Н. Островскому новые свои прошения, настаивая на льготном выкупе. Дело о «Бемышевской посессии» вернулось в Горный департамент и было на этот раз поручено тайному советнику А.А. Штофу как специалисту, «занимавшемуся составлением предположений о выкупе всех посессионных заводов». Ориентируясь на предложенный им еще в 1878 г. вариант определения выкупной суммы «по величине добавочной подати с нормального количества выплавки», он рассчитал, что выкуп Бемышевского завода должен составить 10 тыс. руб. «с допущением рассрочки». Директор департамента К.А. Скалковский согласился с этим мнением, но ему воспротивился министр финансов И.А. Вышнеградский. «Приобретение Бемышевской дачи как лесохозяйственной, – писал он в своем отзыве, – желательно для владельцев в видах эксплуатации оной, и определенная Министерством государственных имуществ сумма в 10 тыс. руб. едва ли может быть признана соответствующей действительной ее стоимости... и не отвечает интересам казны». Не принимая во внимание никаких «нравственных оснований» для льготного выкупа, министр предложил провести публичную продажу дачи «без возложения обязательства возобновить действие завода», что, по его мнению, и дало бы владельцам возможность приобрести имение «через соревнование на торгах»⁹.

В пик министру владельцы указали на имевшееся в законах положение от 16 марта 1798 г., в соответствии с которым при возвращении в казну посессионных имений из-за прекращения заводского производства владельцы должны были получить вознаграждение «по оценке». «В видах возможного соглашения с министерством финансов в существующем разногласии по оценке завода... – писали они в очередном прошении министру государственных имуществ, – просим... сообщить ему наше ходатайство о благосклонном отношении к нашим родовым правам... и сделанным нами же денежным затратам... для ограждения нас от окончательного разорения по упомянутому заводу». Тогда к спорному делу было привлечено Министерство юстиции. В отзыве министра Н.В. Муравьева признавалось право посессионера «возбудить ходатайство о вознаграждении его за произведенные затраты или оставленные здания завода», но и за казной оставлялось право при определении цены руководствоваться «общими для всех правилами без всякого исключения в пользу владельцев».

«Неполнота и неясность существующих законов о посессионном праве при оказавшейся невозможности продолжать заводское действие... – писала от лица сестер Е.А. Шамшина в мае 1895 г., – не открывают для выхода из этого затруднительного положения иного пути, как тот, который указывает министр юстиции... Полагая, что мы имеем нравственное право на сохранение за собою нашего родового по закону посессионного имения, сбереженного в ущерб собственным имениям, мы ходатайствуем не о выдаче нам в вознаграждение за потерю посессионного права

какой-либо суммы, а о разрешении нам приобрести в собственность состоявшую слишком 140 лет в родовом нашем владении посессионную дачу на тех условиях, какие Правительство найдет возможными». Однако в случае, «если Министерство земледелия и государственных имуществ полагало бы более целесообразным и справедливым определить следующее нам вознаграждение известной суммой», владелицы соглашались и на такой исход дела, но затруднялись в определении этой суммы «не потому, что не сознавали тяжести понесенной потери, а по совершенной невозможности добросовестно выразить ее точною бесспорною цифрою»¹⁰.

Пока дело обсуждалось в разных министерствах прошло несколько лет. Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов в 1895 г. сообщал: «Бемьшевское имение с каждым годом все более и более расстраивается, обременяется долгами и не приносит дохода ни казне, ни владельцам, так как незначительный доход, выручаемый от отдачи угодий в кортом и мельниц, далеко не покрывает расходов на необходимые прсмотр и заведование делами имения. Вполне ненормальное положение дела продолжается и поныне, ухудшаясь плохим составом правления, которое... в последнее время стало особенно... апатично относиться к своим обязанностям». Это правление, как оказалось, состояло всего из трех лиц, «получавших нищенскую плату и выбранных из местных крестьян». Кроме того, управляющий проживал «в собственном имении сенатора Шампина, находившемся смежно с Бемьшевскою дачей, и в заводе не бывал». И.П. Иванов полагал, что «оставлять дело в подобном положении было бы весьма вредно и нежелательно тем более, что Бемьшевская лесная дача представляет по отличным запасам сохранившихся в ней лесов... весьма ценное имение в отношении лесном и сельскохозяйственном», несмотря на то что местное население продолжало захват земель под угодья. Он просил Горный департамент либо потребовать от владельцев установить «компетентное управление... для охранения казенного имущества», либо поскорее взять имение в казну¹¹.

Ввиду неотложности дела и выявившихся в ходе многолетнего обсуждения разногласий в декабре 1896 г. министр государственных имуществ А.С. Ермолов предложил образовать межведомственную комиссию «для всестороннего рассмотрения условий выкупа Бемьшевского завода, а равно и определения дохода, какой можно было извлекать из имения в случае казенной эксплуатации». Комиссия создавалась при Горном департаменте под председательством А.А. Штофа с участием членов Горного совета тайных советников А.М. Афросимова и В.В. Веселовского, ревизора Лесного департамента действительного статского советника А.Ф. Тура, управляющего гражданским отделением Министерства юстиции статского советника И.М. Арцыбушева, столоначальника Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов титулярного советника В.П. Муравьева и младшего ревизора Департамента гражданской отчетности Государственного контроля коллежского асессора М.А. Калинина. Извещенные о комиссии владелицы избрали своим представителем присяжного поверенного Д.С. Ивашина.

Заседания комиссии по вопросу о Бемьшевской посессии состоялись 4 и 18 октября, 1 и 8 ноября 1897 г. Как можно судить по журналам, члены комиссии пришли к общему заключению о том, что «с юридической точки зрения казна имеет несомненное право потребовать возвращения себе Бемьшевской дачи, в которой невозможно возобновление заводского действия», но должна возместить владельцам «ценность строений и за лишение права на получение оброка с населения». Они склонялись и к тому, что следует учитывать «нравственные поводы к более милостивому отношению Правительства к владельцам дачи, заключающиеся в заслугах

рода Лебедевых-Осокиных по водворению и ведению в течение более века горного промысла». Однако мнения о размере вознаграждения разделились. Представитель Министерства юстиции считал, что владельцам необходимо компенсировать расходы по охране лесов с того времени, когда «просители оказались фактически в положении хранителей имения, обязанных в надлежащей целости сдать оное казне», а представитель Министерства финансов полагал, что на счет казны должны быть отнесены повинности, лежавшие на имении «с того времени, как посессионное право на него прекратилось». Прочие участники высказались категорически против каких-либо компенсаций, обвиняя самих владельцев в том, что они «не отказались своевременно от убыточного имения». Прозвучало предложение безвозмездно оставить владельцам примерно 300 дес. земли под постройками, но их представитель «доказал по плану, что такой выдел не удовлетворяет желанию владельцев и неудобосполним в виду значительной чересполосицы землепользования в даче».

Передачу Бемышевской дачи владельцам «с вознаграждением казны» большинство членов комиссии признало нежелательной «в виду того, что ценность лесного имения постоянно возрастала». Тем не менее на этот случай представитель Лесного департамента предложил расчет выкупной суммы с учетом капитализации лесного налога, в соответствии с которым эта сумма определялась в 88 660 руб. с рассрочкой выплаты на 37 лет. «Наиболее желательным исходом» Комиссия сочла возврат дачи казне с вознаграждением владельцам в размере капитализированного из 4% крестьянского оброка (772 руб. в год) и с учетом стоимости построек. Однако поверенный владельца настаивал, что предложенные условия не удовлетворят их и не могут быть добровольно ими приняты. В этот решающий момент наследницы майора А.Е. Лебедева, забыв о своем прежнем обещании беспрекословно подчиниться решению властей, настаивали на продаже им дачи и просили о предоставлении «больших льгот в виде уменьшенной покупной суммы по капитализации чистого дохода или уменьшении при рассрочке платежа процентов роста и увеличении рассрочки до 48–66 лет». В такой ситуации, «не находя... возможности достигнуть соглашения с владельцами Бемышевского имения, комиссия положила представить о сем на благоусмотрение министра земледелия и государственных имуществ» и закрыла свои заседания¹².

Дело вновь приостановилось. Вместе с тем ревизия Уральского горного управления выявила «неудовлетворительное управление лесами» в Бемышевском имении. Через год, в декабре 1898 г., владельцы напомнили о себе, сделав новое предложение «купить часть дачи с тем, чтобы остальная часть поступила в казну». Главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский поддержал этот вариант. Он признал, что леса Мосоловских заводов были проданы в свое время казной по 7,1 руб., а Кнауфских – по 5 руб. за дес. «лицам совершенно посторонним». По той же цене, полагал он, можно «уступить собственные леса и посессионному владельцу, которому, по мнению комиссии и Горного ведомства, надлежит оказать некоторую льготу как прекратившему действие не по своей воле, а по истощению руд». Но в Министерстве земледелия и государственных имуществ не торопились решать дело о «бемышевской посессии». Только вследствие постоянных сообщений Горного управления о все новых порубках и «неправильной постановке лесного хозяйства» в Бемышевской даче в 1904 г. А.С. Ермолов «приказал дать делу дальнейшее движение».

В ситуации, когда «с 1898 г. протекли уже безрезультатно шесть лет и успеха не предвидится», Горный департамент предложил образовать новую комиссию «в связи с возражениями владельцев», но на этот раз исключительно из представите-

лей Министерства земледелия и государственных имуществ, поскольку «мнение других ведомств было известно». Возглавить ее сначала предложили председательствующему в Горном совете Н.А. Денисову, но из-за его занятости руководство комиссией вновь передали А.А. Штофу. Кроме него в состав комиссии «по делу о дальнейшем назначении Бемышевской посессионной дачи» вошли члены совета В.В. Веселовский, Е.В. Васильев, В.А. Вольский, А.А. Сорокин, юриконсульт министерства Г.И. Лисенков и поверенный от владельцев. Им на этот раз стал сам И.И. Шамшин, бывший по своему статусу выше всех членов комиссии. Ему, сообщала жена, «все обстоятельства дела хорошо известны» и он может «предоставить за владельцев требуемые от них отзывы». Это назначение, видимо, сыграло свою роль.

Заседания новой комиссии прошли 27, 31 мая и 4 июня 1904 г. Поверенный владельцев сумел доказать, что Бемышевское имение может легко быть поделено на две части: «населенную» (11 531 дес.) и «лесную» (4233 дес.). Владельцы отказывались от первой части, которая передавалась казне, и «удовлетворялись покушкой второго участка в полном его объеме». На том и порешили. Цена десятины была определена в 7,1 руб. «по примеру Мосоловских заводов», а покупная сумма – «круглой цифрой» в 30 тыс. руб. и с рассрочкой на 48 лет. Недоимки оставались на владельцах «с обязательством уплаты их до совершения купного акта». Владельцы согласились с принятыми решениями, и комиссия, выполнив свое предназначение, была распущена¹³.

Процедура утверждения несколько затянулась в связи с тем, что Государственный контролер, на отзыв которого поступило заключение комиссии, нашел заниженной цену десятины и завышенным срок рассрочки. Он предложил первую увеличить до 9,5 руб., а второй уменьшить до обычных 37 лет. В ответ на это владельцы «указали на стеснительность такой продажи и ходатайствовали о неувеличении суммы». Согласования длились почти год. Наконец, 22 марта и 6 апреля 1905 г. дело о «бемышевской посессии» было заслушано в Комитете министров. Предложение министерской комиссии было утверждено с сокращением рассрочки платежа покупной суммы до 37 лет.

Первый участок бывшей Бемышевской посессионной дачи поступил в заведение Управления земледелия и государственных имуществ Вятской губернии 30 мая 1905 г. При приемке было замечено «огромное лесоистребление на сумму от 150 тыс. до 200 тыс. руб.» Следствие обвинило в злоупотреблениях управляющего Бемышевского имения Попова и конторщика Кашеварова, осуществивших порубки в течение зим 1903–1905 гг. Однако это не отразилось на положении бывших владельцев. Купчую крепость на второй участок дачи они заключили 28 сентября 1905 г. и, не воспользовавшись льготой по отсрочке, поторопились выплатить всю покупную сумму к июню 1906 г. По некоторым сведениям, 9 октября 1906 г. ими был совершен раздельный акт, по которому остатки Бемышевского имения перешли в собственность Е.А. Шамшиной и оказались объединены с принадлежавшими ей же смежными Гурьевской и Пустошинской дачами¹⁴. О возобновлении деятельности Бемышевского завода после всех этих преобразований даже не вспоминали.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2376. Л. 1–10, 39–43 об., 262–306.

² <http://baza.vgd.ru/1/18697/>.

³ Женщина, с которой писался роман «Что делать?» // Режим доступа: <http://taiohara.livejournal.com/38697.html>.

- ⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2376. Л. 1–10.
- ⁵ Там же; Оп. 81. Д. 11.
- ⁶ Там же. Оп. 65. Д. 2376. Л. 1–10.
- ⁷ Там же. Л. 10–13.
- ⁸ Там же. Л. 14–34.
- ⁹ Там же. Л. 80–83.
- ¹⁰ Там же. Л. 94–99 об., 150, 152–155, 169–172 об.
- ¹¹ Там же. Л. 149, 173.
- ¹² Там же. Л. 195–195 об., 221, 254, 269–306.
- ¹³ Там же. Л. 343, 354, 368–372, 379, 407–409, 413–419.
- ¹⁴ Там же. Л. 429, 453, 536, 574, 587, 615, 627.

Сергей Григорьевич Строганов
К.Е. Маковский. 1882 г.

Александр Григорьевич Строганов
Н.Д. Никитин. 1891 г.

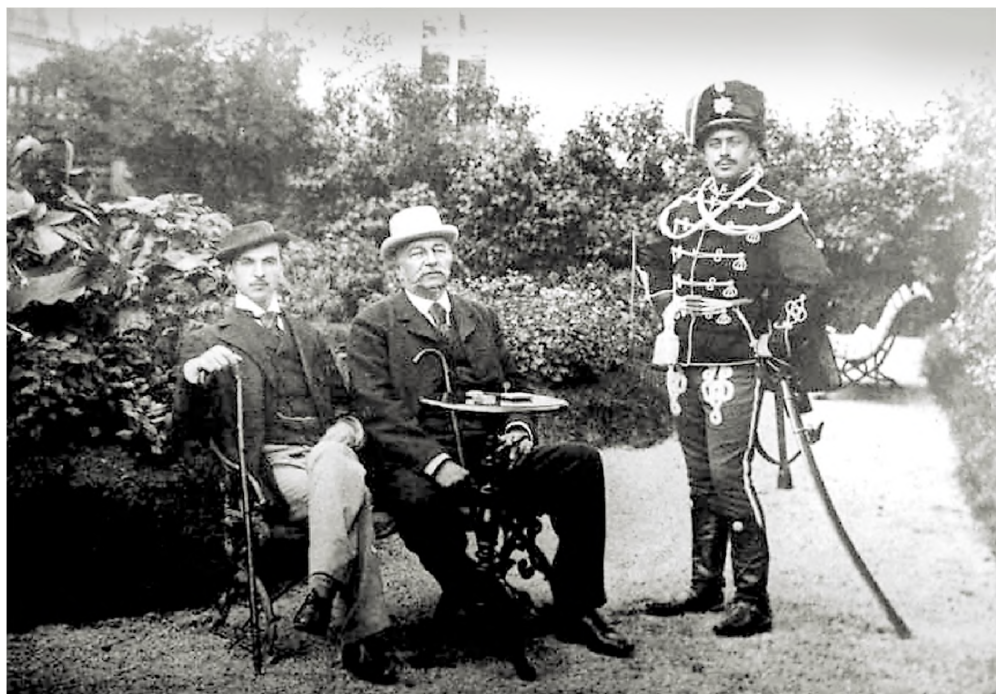

**Сергей
Александрович
Строганов**
на охоте в имении
Вольшево
Фото конца XIX в.

**Павел Павлович
Демидов,
князь Сан-Донато**
Фото 1870-х гг.

**Елим Павлович Демидов, главноуполномоченный Нижнетагильских заводов
Анатолий Октавович Жонес-Спювиль и Анатолий Павлович Демидов**
Фото конца XIX в.

Аврора Павловна Демидова
Фото конца XIX в.

Павел Арсеньевич Карагеоргиевич

Вилла Демидовых «Пратолино» во Флоренции
Современное фото

Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор
Фото середины XIX в.

**Надежда Петровна
Гудович**
Фото 1913 г.

Замок Стенбок-Ферморов в Лахте
Фото рубежа XIX–XX вв.

**Елизавета Алексеевна
Орлова-Денисова**
Фото конца XIX в.

**Мария Николаевна
Лейхтенбергская**
Фото 1913 г.

Александр Николаевич Граббе (слева), император Николай II и др.
Фото 1914 г.

**Александра Афанасьевна
и Ольга Афанасьевна
Шишмаревы**
К.П. Брюллов. 1839 г.

**Софья Николаевна,
Михаил Сергеевич Волковы
и их сын Сергей
Волков-Манзей**
К.Е. Маковский. 1898 г.

Константин Васильевич Рукавишников
Фото конца XIX в.

Иван Васильевич Рукавишников
Фото конца XIX в.

**Елена Ивановна,
Владимир Дмитриевич
и их сын Владимир
Набоковы**
Фото 1910-х гг.

Николай Петрович Балашов
Фото 1915 г.

Василий Александрович Пашков
Фото конца XIX в.

Иван Александрович Сухозанет
Фото 1880-х гг.

Андрей Дмитриевич Дашков
Фото 1880-х гг.

**Константин Эсперович
Белосельский-Белозерский**

**Надежда Дмитриевна
Белосельская-Белозерская**
Фото 1913 г.

Дача Белосельских-Белозерских на Крестовском острове
Фото 1910-х гг.

Варвара Петровна Шувалова
Росси. 1826 г.

Андрей Павлович Шувалов
Литография Э. Демезона. 1860-е гг.

**Елизавета Андреевна
Воронцова-Дашкова**
К.Е. Маковский. 1885 г.

**Дворец Воронцовых – Шуваловых
в Алушке**
Литография В. Тимма. 1855 г.

Петр Павлович Шувалов
Ф.-Х. Винтерхалтер. 1850 г.

Софья Петровна Бенкендорф
Фото 1902 г.

**Варвара Давыдовна
Воронцова-Дашкова**
Фото 1913 г.

**Дворец Нарышкиных – Шуваловых
в Петербурге**
Фото начала XX в.

Екатерина Эммануиловна Лазарева
С.К. Зарянко. 1855 г.

Христофор Екимович Лазарев
С.К. Зарянко. 1851 г.

Елизавета Христофоровна Абамелек
С.К. Зарянко. 1854 г.

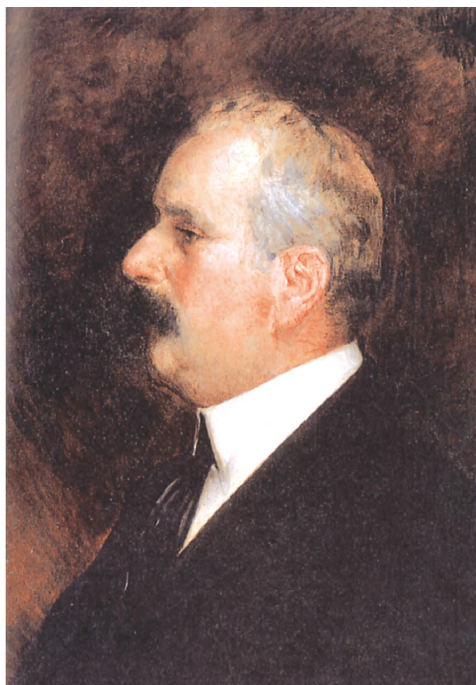

Семён Давыдович Абамелек
С.К. Зарянко. 1853 г.

**Мария Павловна
Абамелек-Лазарева**
Н.П. Богданов-Бельский

**Семен Семенович
Абамелек-Лазарев**

Лазаревский институт восточных языков в Москве
Фото начала XX в.

Павел Дмитриевич Соломирский

Дмитрий Павлович Соломирский
Фото около 1890 г.

Усадьба Соломирских в Сысертском заводе
Фото конца XIX в.

**Петр Маркович и Мария Антоновна
Турчаниновы**
Фото 1880-х гг.

**Марк Петрович и Мария Александровна
Турчаниновы**
Фото начала XX в.

Дом Турчаниновых в Сысертском заводе
Фото рубежа XIX–XX вв.

**Семья
Алексея Александровича Турчанинова
в нижегородском имении Катунки**
Фото 1902 г.

Никита Всеволодович Всеволожский
Дж. Доу. 1824 г.

Александр Всеволодович Всеволожский
В.А. Тропинин. 1830 г.

Иван Александрович Всеволожский
Фото 1913 г.

Мария Гавриловна Савица
К.Е. Маковский

Дмитрий Егорович Бенардаки
К. фон Штейбен. 1844 г.

Мария Августовна Бенардаки
Фото 1893 г.

**Греческая церковь
Св. вмч. Дмитрия
Солунского
в Петербурге**
Фото начала
XX в.

Мария Львовна Харитонова

**Владимир Владимирович
Меллер-Закомельский**
Фото 1890-х гг.

Дом Расторгуевых–Харитоновых в Екатеринбурге
Современное фото

Григорий Васильевич Дружинин
Фото 1880-х гг.

Василий Григорьевич Дружинин
Фото начала XX в.

**Фрагмент Каслинского
чугунного павильона
и скульптура Дон Кихота**
Современное фото

**Николай Петрович
Пастухов**
Фото начала XX в.

Техническое училище Н.П. Пастухова в Ярославле
Фото начала XX в.

**Александр
Броден**
Гравюра 1880-х гг.

**Александр Дмитриевич
Пonomарев**
К.С. Зарянко. 1855 г.

**Альфонс Фомич
Поклевский-Козелл**
Фото 1880-х гг.

Дом Поклевских в Талице
Современное фото

Александр Александрович Половцов
Б.М. Кустодиев. 1902–1903 гг.

Надежда Михайловна Половцова
М. Гордигиани. 1869 г.

Сергей Евгеньевич Львов с сыновьями Юрием и Сергеем
Фото 1920 г.

**Сергей Павлович
фон Дервиз**
К.Е. Маковский?

Алексей Григорьевич и Василий Михайлович Каменские
Фото 1900 г.

**Василий Алексеевич Хлудов
(крайний справа) с братьями
Иваном, Егором и Михаилом
Фото 1860-х гг.**

Памятник В.А. Хлудову в Сочи
Современное фото

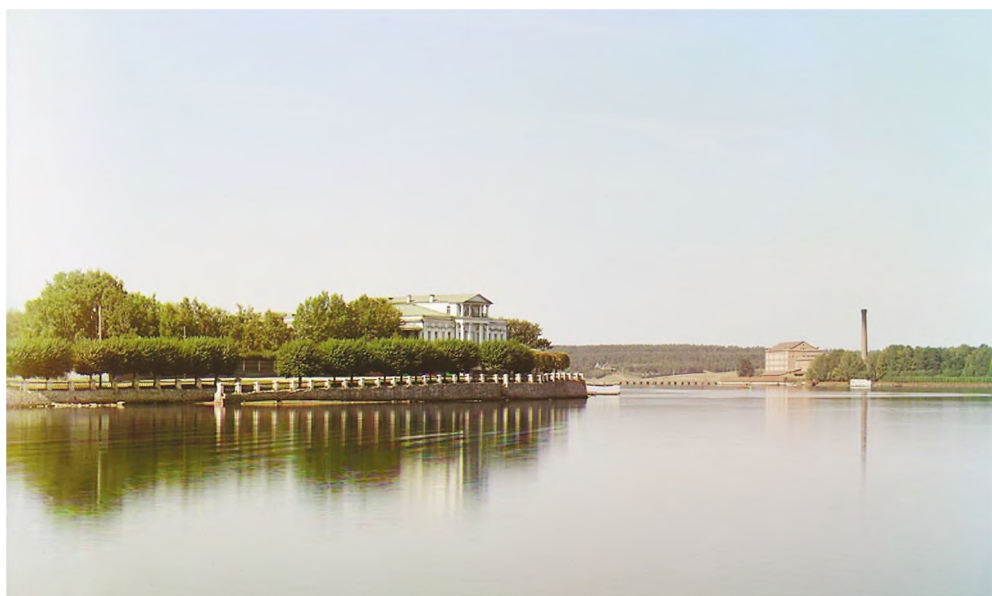
**Николай Федорович
Злоказов**
Фото рубежа XIX–XX вв.

Сергей Федорович и Мария Степановна Злоказовы
Фото начала XX в.

Уральское горное управление. Екатеринбург
Фото начала XX в.

Дом главного начальника уральских заводов. Екатеринбург
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Невьянский завод
Фото пачала XX в.

Верх-Исетский завод
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Нижнетагильский завод и памятник Н.Н. Демидову
Фото начала XX в.

Лысьвенский завод
Фото начала XX в.

Билимбасовский завод
Фото конца XIX в.

Закрытый Кышовский завод
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1912 г.

Катав-Ивановский завод
 Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

Каслинский завод
 Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Чусовской завод
 Фото С.М. Прокудина-Горского. 1912 г.

Зигагинский завод
 Фото начала XX в.

Электрометаллургический завод «Пороги»
Современное фото

Дровяной полигон Катав-Ивановского завода
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

Тагильский участок Высокогорского рудника
Фото 1890 г.

Шахта Меднорудянского рудника
Фото начала XX в.

«Спишка» барки в Уткинском заводе
 Фото конца XIX в.

Станция Симская Самаро-Златоустовской железной дороги
 Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Часть II

ПРАКТИКИ ВЛАДЕНИЯ: «НОВЫЕ» ЗАВОДЧИКИ

1. КНАУФСКИЕ ЗАВОДЫ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ КАЗНЫ

Юго-Кнауфские заводы, получившие наименование по имени своего владельца, немца по национальности, московского купца первой гильдии Андрея Андреевича Кнауфа, из-за его банкротства в начале XIX в. пережили ряд административных преобразований (кредиторское управление Ралля и Доути в 1818–1828 гг., казенное управление в 1828–1853 гг.), пока не были в 1853 г. акционированы. Новыми владельцами заводов стали многочисленные иностранные и российские кредиторы уже скончавшегося к тому времени А.А. Кнауфа; им предстояло не только вернуть свои вложения, но и долг казне по залогу имения в Государственном банке на сумму 341 600 руб.¹ В управлении акционеров оказались медеплавильные Юговский, Курашимский, Бизярский и железоделательные Нижний и Верхний Иргинские, Нижний и Верхний Саранинские заводы, по сметам компании за 1862 г. оцененные в 1 258 349 руб. (включая «строений и машин» на 169 287 руб.). По стечению обстоятельств 13-й год (1861/62) деятельности Компании Кнауфских заводов оказался поистине несчастливим для ее акционеров. «Полный» убыток составил тогда 137 690 руб., что при отсутствии оборотного и запасного капиталов свидетельствовало о полном банкротстве компании.

Особенно затратным оказалось в округе медное производство. «Медь обходится дороже продажной ее цены и, следовательно, приносит постоянный убыток, который был до того велик, что не мог быть покрыт прибылью от железа», – сообщал главному начальнику уральских заводов Ф.И. Фелькнеру один из директоров компании Е.П. Ковалевский. «Истощив все средства на открытие в... заводских дачах новых, более богатых медных рудников», он просил разрешить приостановить деятельность медеплавильных заводов «впредь до отыскания таких рудных месторождений, разработка которых не приносила бы... явного ущерба». Ф.И. Фелькнер заверил его «в совершенной готовности содействовать в этом деле к удовлетворению желания Компании Кнауфских заводов», насколько это будет от него зависеть, но прежде запросил мнение заводского исправника К.Л. Брусницына². Тот подтвердил обоснованность просьбы. Исправник сообщал: «Из 18 рудников и разведок (принадлежавших, в частности, особо убыточному Курашимскому заводу) более или менее действовавшими в последних двух годах, 1861 и 1862-м, остаются с рудами, не окончательно выработанными... четыре; все же прочие или окончательно выработаны или с бедным содержанием в 20 и 30 фунтов. При таких данных... завод с какой-либо пользой для заводоладельцев существовать совершенно не может... Вновь разведок в течение лета 1862 г. производимо нигде не было; в настоящую же пору начаты поиски одной небольшой партией из курашимских же крестьян своим счетом, и в одном месте

замечены посредством бурения порядочные знаки, но еще не известно, сколько тут залегает руд и будут ли они стоить работ»³.

В апреле 1862 г. акционерная компания получила от правительства очередную помощь в сумме 60 тыс. руб., из которых вычли текущие долги банку в 18 788 руб. Сожалее, что оставшихся денег явно недостаточно для заводских расходов, управляющий Б.И. Кениг просил главного начальника передать их «единовременно» и «в снисхождение к затруднительному положению заводов, подвергшихся тому вследствие неотразимых и не зависящих от них общих причин», рассчитать их возврат «на возможно продолжительные сроки и небольшими суммами»⁴.

В ноябре 1862 г. директора Правления компании: действительный тайный советник Е.П. Ковалевский, действительный статский советник Г.В. Лерхе и петербургский купец первой гильдии А.А. Гитшов – как будто нашли выход из создавшегося положения. «Высвободиться из петли натурально можно было бы через продажу заводов, – писали они министру финансов М.Х. Рейтерну, – но горный промысел в общем мнении упал до крайних размеров и все убеждены, что он восстановится в возможной степени только тогда, когда раздробится и будет в руках таких людей, которые заменят собою управляющих, механиков и мастеров, и тогда, когда уральские горнозаводские рабочие ознакомятся со свободным трудом и с попечением о себе и своих семействах». Директора сообщали, что «в настоящее несозревшее время успели склонить... купца Татаринова принадлежащие Компании Иргинские и Саранинские железоделательные заводы взять в арендное содержание на 12 лет». По их мнению, А.В. Татаринов, который сочетал в себе все названные им качества, был наиболее подходящей кандидатурой на роль арендатора, а впоследствии и владельца заводов. Он вышел из мастеровых, служил управляющим, недолго владел Кагинскими заводами, купленными в компании с Ф.П. Никифоровым, и обещал не только арендовать заводы, но и купить их у Компании. Был даже составлен проект контракта, в соответствии с которым с 1 января 1863 г. купец брал железоделательные заводы Кнауфского округа в 12-летнюю аренду и обещал «не позже как в последние месяцы 12-го арендного года внести покупную сумму 200 тыс. руб. сер., а равно и все прочие обязанности исполнить». Кроме того, ежегодно он намеревался передавать Правлению по 10 тыс. руб. в качестве арендной платы. В обеспечение условий договора арендатор предоставлял «предполагаемые им ценные улучшения в заводах, заключающиеся главнейше в паровых и других машинах и разных печах», к устройству которых он собирался приступить после приема заводов. Стоимость этих «улучшений» в 1863–1865 гг. должна была простираться до 80 тыс. руб., в залог чего он передавал директорам шесть векселей на общую сумму 24,5 тыс. руб.

Найти в столь тяжелое время такого арендатора было большой удачей для обанкротившейся акционерной компании. «Этой сделкой, – сообщали директора, – дело Компании положительно ограждается от совершенной гибели тем, что Татаринов будет исправно вносить в Государственный банк капитал и проценты за Иргинские и Саранинские заводы... а уплата долга на медеплавильных Юговском, Бизярском и Курашимском заводах, остающихся в руках Компании, будет исправно производиться из 10 тыс. руб., ежегодно получаемых от Татаринова в аренду за железные заводы, а потом, по взносе за них покупной суммы 200 тыс. руб., обеспечится этой суммой, даже в случае, если бы эти медеплавильные заводы сами собой не приносили никаких выгод и не составляли ценности».

Единственным условием арендатора было причисление полученной в 1862 г. казенной ссуды в размере 60 тыс. руб. к сумме «капитального долга» Кнауфских за-

водов. В противном случае он был бы принужден отказаться от аренды. «Если упомянутые 60 тыс. руб. потребуются в первые два или три года, – писал А.В. Татаринов, – мне платить будет крайне затруднительно по случаю не терпящих отлагательства построек и скорейшей необходимости заготовки материалов, которых там совсем нет»⁵.

В марте 1863 г. Петербургская сохранныя казна, куда после закрытия Заемного банка был переведен долг Кнауфских заводов, рассмотрела просьбу директоров и арендатора, найдя ее «не совсем согласной с общим порядком», но тем не менее согласилась допустить отдачу заложенных заводов в аренду на предложенных условиях; 8 марта 1863 г. Александр II санкционировал рассрочку последней ссуды на 37 лет «по банковским правилам». Все складывалось как будто удачно, но аренда так и не состоялась. Поскольку заключение арендного договора не входило в полномочия директоров Компании, они планировали созвать Общее собрание акционеров для рассмотрения и утверждения условий договора с А.В. Татариновым. «В случае неизъявления согласия Общим собранием или Департаментом горных и соляных дел или Государственным банком, само собою разумеется, что контракт совершен быть не может», – констатировали директора⁶. Поскольку ни департамент, ни сохранныя казна не запретили сделку, остается предположить, что с ней не согласились сами акционеры, что и привело заводы к закрытию.

Об этом уже в 1862 г. стал просить управляющий Б.И. Кениг. Он предлагал закрыть заводы на пять лет с предоставлением мастеровым земельных наделов, от которых они отказались при подписании уставных грамот. Решение было принято уже после указа от 3 декабря 1862 г., в соответствии с которым заводчикам разрешалось закрывать заводы на три года с соблюдением особых правил «по обеспечению заводского населения». Горный департамент 26 января 1863 г. с санкции министра финансов разрешил закрыть Курашимский и Бизярский заводы «на законных основаниях». Еще одним «послаблением» стало разрешение приостановить взнос в 1864–1866 гг. долга по залогу заводов в бывшем Заемном банке⁷.

Но все эти меры уже не могли спасти Кнауфские заводы. Ситуация обострилась до предела, когда к финансовым проблемам Компании, целью которой был не столько подъем заводов, сколько возврат долгов акционерам, добавились и вовсе непредвиденные «несчастья». О положении заводов обстоятельно доложил главному начальнику уральских заводов назначенный управляющим вместо Б.И. Кенига инженер-подполковник П.П. Дорошин. Он сообщил 13 августа 1864 г., что «слишком памятные уральским заводам последние пять лет непомерной дороговизны хлеба истощили не только запасной, но и операционный капитал Кнауфской компании». «По освобождению же мастеровых в 1861 г. от обязательного труда все они отказались от поземельного надела, удержав, однакож, в пользовании своем обширные покосные и пахотные земли, не платя за них ничего заводам. К этому же времени последовал упадок цен на металлы вообще, а убогость медных руд Кнауфского округа повлекла за собой закрытие двух медеплавильных заводов – Бизярского и Курашимского. Наконец, в июне 1862 г. сильное наводнение разрушило до основания плотины в двух главных железоделательных Саранинских заводах и с тем вместе уничтожило многие заводские строения с большим запасом материалов, вследствие чего годовая производительность железа не может с того времени до нынешнего 1864 г. достигнуть и половины прежнего размера... Следовательно, действие заводов не только не могло уже приносить никакого барыша, но получался значительный убыток, который увеличился еще более от меди, выплавляемой от убогих руд на одном лишь из трех медеплавильных заводов – Юговском».

«Несмотря на все эти несчастья, – оправдывался управляющий, – Правление Кнауфской компании усиленным старанием и бережливостью при пособии полученной в два раза ссуды от Государственного казначейства в 100 тыс. руб., из которой, однакож, около половины немедленно поступило обратно в казну на уплату Государственному банку процентов, продолжало заводское действие и оставалось исправным не только по прежнему долгу 341 600 руб., но и по новой ссуде 60 тыс. руб., полученной в 1862 г. Но несчастья для Кнауфских заводов не прекратились. 25 апреля нынешнего года в обширных лесах Саранинской дачи вспыхнул вдруг в четырех местах сильный пожар, продолжавшийся по 6 мая, который уничтожил большое пространство леса и до 1360 куренных сажень дров с запасом угля. Вслед за тем 29 апреля при сильном порыве ветра начался в середине селения Нижнесаранинского завода пожар, истребивший 440 обывательских домов, заводские строения и магазины с имуществом, две церкви, два госпиталя и 3746 коробов угля, приготовленного для выковки железа. От такого нового несчастья заводы подверглись еще большему стеснению, приготовление железа уменьшилось, и убытки увеличились до крайних размеров... Между тем, второй караван с металлом отошел от Саранинской пристани только верст на 60 и далее двигаться не может по случаю необычайного мелководья реки Уфы, а первый караван, хотя доставлен на Нижегородскую ярмарку, но от продажи с него металла заводы не получают ни копейки, напротив, из заводов нужно бы еще послать 9731 руб. для того, чтобы покончить расчеты с покупателями металла за полученные от них в прошлом году задаточные деньги и с Государственным банком по залогу этих металлов в Екатеринбургской конторе, тогда как в заводах нет ни денег, ни запасов главных материалов. Правление же Компании не имеет в своем распоряжении решительно никаких средств не только продолжать заводскую деятельность, но и производить какую бы то ни было уплату процентов по казенным долгам, а также горных и всяких других казенных податей и повинностей». В такой безвыходной ситуации Правление акционерной компании вновь обратилось к властям с просьбой об очередной финансовой помощи. Когда же в ней было отказано, Правление стало просить о восстановлении на Кнауфских заводах казенного управления «за неимением в распоряжении Компании никаких средств продолжать заводское действие»⁸.

Такое решение было санкционировано императором 31 августа 1864 г. Одновременно Кнауфские заводы назначались в публичную продажу «на удовлетворение казенного долга». Но ни крупным, ни мелким акционерам не стоило надеяться на возможную продажу заводов, поскольку вырученной суммы, по мнению директоров, вряд ли хватило, чтобы рассчитаться с казенным долгом. Они просили министра финансов М.Х. Рейтерна после закрытия Компании передать ее документы на хранение «в надлежащее место», а также «удовлетворить разных акционеров» в случае требования ими не выданных в предыдущие годы дивидендов (5849 руб.), «составляющих неотъемлемую их собственность». Министр приказал управляющему П.П. Дорошину принять дела Компании «для хранения и на случай могущих потребоваться справок», но не разрешил платить частных долгов «по обязательствам прежнего управления». Слово в насмешку, он лишь предписал Пермскому губернскому правлению составить список акционеров «на случай удовлетворения их оставшейся суммой из вырученных от продажи заводов денег за удовлетворением казенных долгов»⁹.

Управление заводами возложили на того же П.П. Дорошина. Горное начальство составило для него особую инструкцию из 21 пункта, подготовленную советником П.М. Бурнашевым и отразившую намерения казны. П.П. Дорошину предлага-

лось принять заводы и провести их опись с помощью горного инженера подполковника В.С. Лалетина и исправника К.Л. Брусницына. «Тотчас по принятии заводов» он должен был «вникнуть в настоящее их положение и, соображаясь с естественными их средствами и с наличными запасами денег, провианта, фуража, главных заводских материалов и выделанными металлами, начертать план будущему действию заводов... и как можно скорее представить его в Горное правление». На первое время П.П. Дорошину ассигновали 70 тыс. руб., с помощью которых следовало «за удовлетворением необходимых текущих расчетов» приступить к заготовке припасов. Дальнейшее финансирование работ предлагалось осуществлять уже не за счет казны, а посредством залога металлов в Екатеринбургской банковской конторе. «Можете приобретать деньги, когда будете иметь в них надобность, залогом металлов по мере выделки их, – было записано в инструкции, – но с условием выкупить металлы в определенные сроки». Управляющий должен был «изыскивать меры к сколь можно успешному и выгодному действию заводов», но при этом «избегать коренных преобразований в технике и администрации, стараясь лишь поддерживать в улучшенном виде прежний по действию заводов порядок... без явного для заводов убытка, в особенности же ни мало не останавливать приготовление всех изделий, какие выделялись обыкновенно для вольной продажи и по заказам, а преимущественно тех, на которые заключены заводами контракты».

П.П. Дорошину предписывалось также «действовать посредством существующих ныне заводских контор и заводских служителей, стараясь по возможности сохранить прежнюю административную систему и даже прежний состав лиц». Один из пунктов инструкции обязывал управляющего от казны «иметь особое попечение о том, чтобы рабочие и служащие... были удовлетворены следующими им платами и жалованием всегда своевременно, равно и заготовлять в течение зимы годовой запас хлеба». «Познания Ваши в горнозаводском деле и приобретенная Вами опытность позволяют надеяться, – писал советник, – что Вы можете управлять Кнауфскими заводами одни, только при содействии нынешних приказчиков и других служителей». В заключение Горное правление сочло нужным присовокупить к сказанному, что, «полагаясь сполна на... усердие, деятельность и распорядительность» управляющего, оно надеется, что тот «употребит все возможные старания, чтобы привести Кнауфские заводы в совершенно удовлетворительное положение по количеству, совершенству и сходной цене изделий»¹⁰.

Создается впечатление, будто горное начальство ожидало от П.П. Дорошина чуда. Но его взгляд на будущность Кнауфских заводов, сформировавшийся ко времени окончания бесперспективного акционерного управления, был пессимистичным. Еще не вступив в управление, он уже просил главного начальника А.А. Иоссу (как, писал он, тому «угодно было разрешить словесно во время приезда моего в Екатеринбург» в начале октября 1864 г.) позволить ему заявить о намерении прекратить через год действие всех заводов в соответствии с правилами 3 декабря 1862 г. «Во исполнение сего, – сообщал предусмотрительный управляющий, – я 6 октября предварил об этом мировых посредников и население заводов через волостные правления». На такое решение его подвигли не только неутешительные расчеты производительности заводов, но и «несчастные события», случившиеся уже во время его управления: прорывы заводских плотин, караван, севший на мель с 20 тыс. пуд. железа и потому не успевавший к открытию Нижегородской ярмарки, отказ от работ погоревших саранинцев, которые «пропустили самое удобное для кладки дров в кучи, дернения их, осыпки и выжига осеннее время и теперь не соглашались принять на себя не только эти работы, но и ковку железа». Вследст-

вие их «упорства» кричная фабрика вскоре остановилась на неопределенное время из-за отсутствия запасов угля¹¹.

Однако через полгода казенного управления, видимо, «вникнув в настоящее положение заводов», П.П. Дорошин скорректировал программу их дальнейшего развития. В своей обстоятельной записке от 17 февраля 1865 г. он предлагал: 1) несмотря на «исчисленный по смете» убыток в 8187 руб., продолжать действие медеплавильного Юговского завода, поскольку в случае закрытия на содержание надзора и уплату податей потребовалось бы больше денег (9 тыс. руб.), а заводское население, «живущее почти исключительно заводскими работами, осталось бы без средств к пропитанию»; 2) действие остановленных на три года Бизярского и Курашимского заводов вообще не возобновлять «по причине совершенного истощения в них руд и безнадёжности на новое их открытие»; 3) действие Иргинских заводов продолжать, так как «оно не обещает убытка и к тому же в даче этих заводов находится превосходная огнепостоянная глина, которая может давать в год до 4 тыс. руб. оброка»; 4) учитывая, что чугуны Нижнеиргинского завода переделывались и на Нижнесаранинском заводе, деятельность последнего также не следовало прекращать, тем более что «дача этого завода по изобилию лесов могла доставлять горючий материал гораздо дешевле». Управляющий предлагал ограничить железоделательное производство округа 70 тыс. пуд. металла, но предупреждал, что при этом заводы будут действовать «только что не в убыток». По его подсчетам, выгоднее было увеличить действие до 110 тыс. пуд. железа, но для этого требовалось не только возобновить кричное производство на разрушенном наводнением Верхнеиргинском заводе, но и ввести там пудлингование, для чего управляющий по инструкции не имел полномочий. Наконец, он предлагал списать прежние долги заводов, чтобы освободиться от обременительной выплаты процентов. «Если же на совершенное уничтожение или хотя на незначительное уменьшение долга, давящего заводы, нет надежды, – размышлял П.П. Дорошин, – то, не найдя покупателей, необходимо скорее сдать земли и леса в ведение Министерства государственных имуществ, чтобы избежать непроизводительной затраты денег на управление, на присмотр за заводским имуществом и лесами, на мировые учреждения и на земельный сбор»¹².

Основываясь на этой программе, казенный управляющий предполагал возможность изготовления в 1865/66 заводском году 2 тыс. пуд. меди и 70 430 пуд. разносортного железа. За вычетом дохода от «оброчных статей» (т. е. аренды заводских мельниц и продажи глины) прогнозируемый убыток должен был составить примерно 17 тыс. руб., что тем не менее оказывалось меньше затрат на закрытие заводов. Но исполнить намеченное П.П. Дорошину не пришлось, поскольку в июле 1865 г. его назначили окружным инженером по надзору за частными заводами в Замосковном районе, а его место занял переведенный из Сысертских заводов инженер-капитан (ставший вскоре подполковником) Н.А. Грамматчиков¹³.

Мнения о Кнауфских заводах нового управляющего от казны и П.П. Дорошина совпадали. Н.А. Грамматчиков также считал, что в сложившейся ситуации выгоднее продолжать даже убыточную деятельность предприятий, стараясь при этом сокращать убытки. Так, поясняя смету на 1866/67 г. с прогнозируемым убытком в 11 тыс. руб., он писал, что если «взглянуть на этой убыток со стороны вопроса о том, следует ли продолжать заводское действие... то в случае таковой остановки казна лишится горных податей до 8451 руб., также должна будет вносить налоги на мировые учреждения до 1464 руб. и употребить на управление пяти заводов, не считая Бизярского и Курашимского, расход на которых стоит отдельно от указанных убытков, равно на надзор за лесами и т. п. до 11,5 тыс. руб., а всего, за исклю-

чением 2 тыс. руб. оброку, ежегодно получаемого за отпуск глины из Иргинской дачи в Сталепушечный и Камско-Воткинский заводы, 19 415 руб.»¹⁴.

Главной причиной убыточности медеплавильного производства новый управляющий также счел «истощенное состояние медных рудников, небогатое содержание добываемых из оных медных руд, отчего приготавливаемая медь и обходилась дорого». Он предложил усилить «разведочные работы», для чего добился ассигнования 1,5 тыс. руб. по распоряжению министра финансов. Другая причина убытков заключалась в «несвоевременном отправлении заводскими людьми заводских и горных работ» для Юговского завода вследствие того, что «в течение летнего и большей части осеннего времени они занимались своим хлебопашеством, так что все работы производились главным образом только в зимнее время». Убыточность железоделательного производства, по его мнению, также крылась в «бедном содержании» железа (35–38%) в разрабатываемых в округе гнездовых рудных месторождениях и малоэффективной организации рудничных работ. «Только $\frac{1}{5}$ часть всей потребной руды, – констатировал Н.А. Грамматчиков, – добывается заводскими рабочими, прочие же $\frac{4}{5}$ добываются и привозятся посторонними без всяких условий, по согласию на то самих крестьян, отчего заводууправление находится постоянно в затруднении как относительно полного выполнения по заготовке руд, так и по браковке при приеме оных». Управляющий дополнительно сообщал, что лесная дача Иргинских заводов «находится в крайне расстроенном состоянии, так что часть угля для этих заводов заготавливается в Саранинской даче, отчего уголь обходится значительно дороже». Недостаточным он считал и количество собственных заводских рабочих, отчего приходилось нанимать даже в кричные и пудлинговые цехи «посторонних» работников. Кроме того, в «ветхом состоянии» находились «механизмы» железных заводов округа. Это не позволяло увеличить объемы производства чугуна и железа, что в свою очередь вело к повышению себестоимости металлов. «Несмотря на то что приготовительные цеховые цены на них невысоки, – писал Н.А. Грамматчиков, – но накладными расходами, хотя также весьма умеренными, раскладываемыми на таковое небольшое количество металлов, значительно удорожается общая их ценность»¹⁵.

В 1867 г. управляющий поднял вопрос о статусе Саранинских заводов, в отличие от остальных, считавшихся посессионными. Перевод их во владельческие в 1,5 раза мог снизить размер горной подати, которую платили заводы. Двойственность ситуации тем не менее не помешала Горному правлению все-таки изменить статус заводов. «Они, – объясняли чиновники, – называются посессионными только потому, что владельцы оных получили позволение владеть заводами и при оных крепостными людьми, не имея прав дворянства, а одно это... не считается существенным от казны пособием»¹⁶.

Тогда же возник вопрос о возобновлении работы Курашимского и Бизярского заводов, остановленных на три года. Его удалось достаточно быстро решить под предлогом того, что указ от 3 декабря 1862 г. не распространялся на заводы, взятые в казенное управление. Но на защиту заводского населения встали мировой посредник П.Д. Соломирский и Красноуфимский уездный исправник, потребовавшие заготавливать провиант для мастеровых. Летом 1867 г. во время пребывания на Урале великого князя Владимира Александровича «неспособные и увечные» работники подали ему прошение, желая «продолжения содержания их провиантом от заводов». Однако им было отказано, поскольку по документам они считались «бывшими крепостными, а не данными от казны». Вместе с тем казенное управление оказало значительную практическую помощь саранинцам, оставшимся без жилья по-

сле пожара 1864 г. Им были «безденежно» отпущены лес на новое строительство и топливо «в продолжение трех с половиной лет»¹⁷.

Тяжелое положение Кнауфских заводов усугублялось и все накапливавшимися долгами, начисление процентов на сумму которых по-прежнему не было отменено. В конце 1866 г. долги, по подсчетам управляющего, составляли уже 466 349 руб. Сохранная казна ежегодно настойчиво напоминала о росте недоимки и предписывала «в случае получения с заводов каких-либо доходов доставить оные в казну на пополнение недоимки». Продолжение казенного управления, таким образом, только усугубляло тяжелое финансовое положение заводов, что могло негативно отразиться на результативности торгов. Следовало поторопиться с продажей заводов, которая тем не менее все не назначалась по обычной для такого случая причине – сложности составления описи заводов и их оценки.

В ноябре 1866 г. министр М.Х. Рейтерн «заметил медленность в составлении описей», что подвигло местные гражданские власти к скорейшему их завершению. Но Петербургская сохранная казна, которая выступала посредником при продаже задолжавших ей заводов, «нашла, что описи составлены с отступлением от нормы» и дважды возвращала их для доработки. В апреле 1869 г., когда по итогам прошедшего года убыток составил уже более 15 тыс. руб., Н.А. Грамматчиков пожаловался главному начальнику уральских заводов А.А. Иоссе, что взятые в казенное управление Кнауфские заводы не получают денежной поддержки от властей. При этом, писал он, «от медленного составления описей, несмотря на многократные настояния Горного правления, от двукратной переделки их, заводы остаются в казенном управлении уже шестой год и не только не было торгов, но даже и публикации о продаже, и когда состоится продажа, весьма сомнительная по состоянию заводов, неизвестно»¹⁸.

А.А. Иосса поддержал жалобу управляющего, известив Горный департамент, что «со стороны управляющих были принимаемы во время казенного управления все меры для поддержания по возможности действия и сокращения убытков от производства, но, не имея средств предпринимать что-либо основательное для улучшения заводов, они не могли довести их до возможности действовать без убытка, тем более что были обременены некоторыми посторонними расходами, которые вместе с убытком от производства содействовали истощению оборотного капитала». Главный начальник писал, что «для усиления средств, необходимых на действие заводов, Н.А. Грамматчиков просил в 1867 г. разрешения продавать в небольшом количестве лес из дач Саранинского завода, излишний для завода и пропадающий теперь без всякой пользы для кого-нибудь». «Вырубка его, допущенная в умеренном количестве, могла бы поддержать заводы и избавить Правительство от новых денежных затрат и увеличения долгов на заводах, но на нее не последовало разрешения как на отчуждение частной собственности», – констатировал А.А. Иосса. Другим средством «не умножать убытков и сберегать оборотный капитал» он видел прекращение «содержания духовенства в заводах недействующих, население которых в работах не обращается, пользы заводам никакой не приносит, но само между тем пользуется лесом, землей и другими угодьями от заводов бесплатно и потому обязано бы содержать духовенство на свой счет». В заключение А.А. Иосса просил министра финансов о скорейшей продаже заводов, а до того времени предлагал «или снабдить заводы средствами для продолжения действия, или дать разрешение на закрытие оного во всех заводах»¹⁹.

На основе доклада министра финансов 30 мая 1869 г. император повелел отпустить Кнауфским заводам 25 тыс. руб. «на поддержание с возмещением при прода-

же». Уральскому горному начальству предложили «постепенно сократить убыточное действие заводов и сосредоточить производство на тех только из них, где оно может быть продолжаемо без убытка и без новых для казны пособий». Но этому совету, конечно, следовать было невозможно. В такой ситуации 1 июля 1869 г. с разрешения главного начальника Н.А. Грамматчиков «предварил» мировых посредников и работающих мастеровых о закрытии через год всех Кнауфских заводов, предупредив что, «не имеет возможности держать запас провианта». Горному правлению он напомнил, что «оставшиеся без работы мастеровые... имеют право требовать полный душевой надел, отвод которого будет сопряжен с большими затратами по причине значительного числа государственных крестьян, населяющих заводские дачи и также пользующихся правом на вымежевание из этих дач, равно по недостатку земель в большей части дач заводских». «Но даже в этом случае, – считал он, – нельзя надеяться, что мера эта вполне обеспечит существование мастеровых, так как значительная часть земель удалена от жительства, а потому и не представляет полного удобства для хлебопашества». Управляющий предлагал перечислить недействующие заводы с земельными дачами в ведомство Министерства государственных имуществ и ускорить их продажу, а для начала закрыл заводские школы, предоставив право содержать их «местным обществам»²⁰.

Видимо, решительные действия казенного управляющего, чреватые осложнениями при продаже бездействующих заводов, заставили высшие горные власти внимательнее отнестись к судьбе оказавшихся в их ведении предприятий. Были предусмотрены меры, во-первых, для ускорения продажи заводов и, во-вторых, для поддержания действия некоторых из них. В августе 1870 г. на Кнауфские заводы направили советника Горного правления полковника В.И. Давидовича-Нащинского «для проверки на месте смет и соображения по действию заводов». В подготовленном им отчете среди причин «невыгодности заводского действия» вновь значились «руды бедного содержания», отсутствие оборотного капитала, не позволявшее «иметь годовой запас куренных дров», отчего выжженный из недостаточно просохших дров уголь «вредил успеху плавки», а также возросшие накладные расходы по содержанию двух закрытых медеплавильных заводов. Хотя расходы на заготовку припасов и оплату труда рабочих были невысоки, но «изъясненные причины», по мнению советника, делали убыток «совершенно неизбежным». Для его уменьшения он предлагал прекратить медное производство на Юговском заводе и остановить выковку там железа как «по незначительности ее», так и «по отдаленности этого завода от Иргинского, из которого он получал чугун для передела». «Покуда не произошла продажа, действие железных заводов должно быть продолжено», – резюмировал свои наблюдения В.И. Давидович-Нащинский²¹.

Видимо, его предложения начальство одобрило, поскольку в том же году была остановлена добыча руд для Юговского завода, а с 1871 г. из сумм Государственного казначейства стали выделять по 17 тыс. руб. «на продолжение действия Кнауфских заводов». Даже когда 27 ноября 1870 г. сгорели кирпичная фабрика и меха на Нижнесаранинском заводе иковка железа там была «совершенно остановлена», в следующем году производство возобновилось на выделенные из казны деньги. Железо Кнауфских заводов охотно покупали Торговый дом Пастуховых, а также нижегородский купец М.Г. Рукавишников²².

Активизировалась и работа по продаже заводов. Еще в 1867 г. директор Горного департамента В.К. Рашет предписал Уральского горному правлению «представить соображения о том, каким образом округ Кнауфских заводов мог бы быть разделен на части... на тот случай, если бы продажа тех заводов в целом составе

всего имения признана была затруднительной». Запрошенный об этом Н.А. Грамматчиков предложил разделить округ на четыре самостоятельные части в соответствии с правилами, разрешенными Горным уставом. Отдельно, считал управляющий, мог действовать, а значит, и быть продан Юговский завод. Закрытые Бизарский и Курашимский заводы, «если бы впоследствии явилась возможность возобновить в них работы», могли быть также проданы отдельно. Нижнеиргинский завод, «имея в своем распоряжении рудники, леса, равно доменное и кричное производство», тем не менее «не мог действовать с выгодой самостоятельно, без пособия других заводов», поскольку «почти половинное количество выплавляемого на заводе чугуна переплавлялось в железо на Верхнеиргинском и Саранинских заводах». Саранинские же заводы, «как связанные между собой общей лесной дачей и общим заводским производством», не могли быть проданы не только один отдельно от другого, но и от Иргинских заводов, поскольку не имели «собственных железных рудников и доменного действия»²³. Эти рекомендации, тогда же отправленные в Петербург, последствий не имели.

В 1871 г. это стало причиной отказа известному екатеринбургскому купцу П.А. Злоказову в ответ на его обращение в Горный департамент с просьбой уступить ему Юговский завод «для перевода на винокуренное производство или отдачи в арендное содержание». Министр финансов М.Х. Рейтерн ответил, что прошение купца «не может подлежать ныне рассмотрению... за нерешением вообще вопроса о раздробительной продаже частных горных заводов»²⁴.

С 1870 г. начались ежегодные публичные продажи Кнауфского округа в полном его составе через Петербургскую сохранную казну²⁵. Для этого неоднократно проверялись и уточнялись наконец составленные описи. Но все торги оканчивались безрезультатно: никто не решался купить убыточные заводы, задолжавшие казне на январь 1874 г. уже 695 417 руб. (с учетом 79 тыс. руб. по долгам казенного управления). Безнадежность торгов и возраставшая из-за снижения цен на железо убыточность заводов заставили правительство все-таки принять решение об их закрытии. В феврале 1877 г. последовало министерское распоряжение: «Действие Кнауфских заводов... расположить так, чтобы целью его было додержать имеющиеся запасы угля и других материалов и затем закрыть оные». В результате 1878/79 операционный год стал последним в истории Кнауфского округа. Тогда на Нижнеиргинском и Нижнесаранинском заводах было выделано всего 1199 пуд. железа²⁶.

Но даже при закрытых заводах требовались значительные средства для охраны лесов и зданий, уплаты земских и других податей. По подсчетам Н.А. Грамматчикова, на это уходило не менее 20 тыс. руб., которые горные власти вовсе не собирались выдавать управляющему. Ему приходилось рассчитывать лишь на ограниченные внутренние ресурсы округа – сдавать в аренду заводские мельницы и месторождения «огнепостоянной глины», а также угодья, оставшиеся после наделения земель крестьян. С 1878 г. началась еще и продажа леса из богатой Саранинской дачи. Сложные расчеты показали, что двум заводам, которым принадлежала эта дача, при «полном действии» хватило бы растущего в ней леса на 419 лет. После этого Н.А. Грамматчикову разрешили вырубку «в ограниченном размере». Но эти меры продлили существование округа ненадолго.

В июле 1884 г. заводский исправник С.И. Черепанов рапортовал о новом бедствии. «Незавидное или, вернее сказать, грустное положение заводов по бездействию их, в особенности Юго-Кнауфского, славившегося до последних времен своим блестящим при действии положением, ныне вызывает сострадательные и неприятные для слуха разговоры о совершающихся в нем и окрестностях его приключениях с

ущербом для жителей от огня, вспыхнувшего ныне около заводского поселения в некоторых лесных местностях, когда жители находились на полевых работах». Впечатлительный исправник просил главного начальника уральских заводов И.П. Иванова «об удержании одуревших от свободы... жителей, считавших по своему дикому или безрассудному убеждению заводские земли с лесами своими, без сомнения, не понимая... гибельной причины от истребления по своему произволу лесов как необходимого и неоценимого материала в жизни нашей для всех». Пожар, по его предположению, возник «от неосторожного обращения с огнем кого-либо из заводских жителей во время собирания в лесу ягод земляники с табачными папиросами или трубками». С.И. Черепанов доносил, что лесообъездчики из-за скудного жалования отказываются от службы, хотя, по его сведениям, управляющий выручал от продажи леса до 7 тыс. руб. в год. «Грамматчиков проживает в Красноуфимске, – описывал исправник ситуацию в округе, – поэтому идет ропот о безначалии на Юговском заводе, в коем хотя и находятся на службе несколько человек из местных жителей, но из них приходится в контору только один, считающийся бухгалтером, да и тот уклоняется от выслушивания претензий сторожей, говоря, что это не относится до его обязанностей»²⁷.

В ответ на запрос начальства управляющий предоставил сводку доходов и расходов за 1882/83 г., из которой следовало, что «от оброчных статей» выручено 3292 руб., от продажи «лесных материалов» – 5478 руб., а арендная плата за добычу глины составила 120 руб. Итого «в доходе» оказалось всего 8891 руб. Вместе с тем «на содержание заводоуправления» требовалось 14 606 руб., на уплату разных сборов – 9950 руб.; кроме того, следовало заплатить долг, «накопленный от неполной выдачи служащим содержания», в размере 21 303 руб. Расход, таким образом, превышал доход в 5 раз. «Увеличить поступления, – писал Н.А. Грамматчиков, – нет никакой возможности, так как единственный для этого источник – продажа леса из Саранинской дачи – едва может дать показанную в смете сумму 5478 руб., и то лишь при благоприятных обстоятельствах»²⁸. Откладывать продажу, таким образом, было уже невозможно.

В 1883 г. в Петербурге прошло заседание комиссии, состоявшей из представителей Министерства государственных имуществ, Министерства финансов и Государственного контроля, которая рассматривала вопрос о продаже находившихся в то время в казенном управлении трех горнозаводских округов Урала – Суксунского, Мосоловского и Кнауфского. Она и одобрила давно обсуждаемый вариант «раздробления» этих округов и их последующей продажи по частям «на погашение казенных долгов». Александр III 1 июля 1883 г. одобрил «Проект условий для продажи состоящих в казенном управлении горнозаводских имений»²⁹. Известно, что Кнауфский округ разделили на девять частей, но, видимо, и такое «облегчение продажи» не помогло. После неудачи на очередных торгах, организованных в 1889 г. в Петербурге, Горный департамент решился на необычный шаг. Он обратился к Пермскому губернскому земству с предложением «о посредничестве при продаже Кнауфского горнозаводского имения населению Пермской губернии», где оно и располагалось. Главному начальнику И.П. Иванову разъяснили, что это предложение «подлежит осуществлению лишь в случае, если выработанные земством порядок и условия продажи... будут признаны со стороны министерств государственных имуществ и финансов удовлетворительными». Поскольку департамент желал получить «категорический ответ по возможности в непродолжительное время», земство пообещало рассмотреть предложение на своей чрезвычайной сессии³⁰.

Сначала Пермское губернское земское собрание избрало особую комиссию для изучения положения на Кнауфских заводах и выработки условий их продажи. В ее состав вошли лесной ревизор В.А. Вольский, представлявший горное ведомство, губернские гласные (председатель Красноуфимской уездной земской управы И.А. Шевелин, А.Я. Невзоров) и кандидаты (Н.Н. Агров, И.А. Рогов). «Администратором» был выбран В.А. Вольский «как лицо, хорошо знакомое с лесным хозяйством и положением дел в Кнауфском имении». Приступив к работе, комиссия получила «замечания» нового казенного управляющего имением Л.С. Воинова, который просил «во избежание чреполюсицы во владениях частных лиц с казною» продажу начинать с малоодоходных дач Иргинской, Юговской, Бизярской и Курашимской, которые «не покрывают полученными с них доходами расходов, потребных на присмотр их», и лишь затем приступить к продаже Саранинской дачи, поскольку «от находящихся в ней оброчных статей и продажи леса она в состоянии не только удовлетворить собственные расходы, но и пополнять расходы других дач и даже уплачивать текущие земские сборы»³¹. Были также получены сведения о долгах Кнауфских заводов. Оказалось, что долг Петербургской сохранный казне по залогу 1853 г. увеличился к этому времени до 817 143 руб. Ссуды, полученные казенным управлением с 1864 г., равнялись 185 тыс. руб. Вместе с долгами Компании Кнауфских заводов, другими частными долгами и податными недоимками с начисленными процентами общая сумма долгов достигала 1 896 719 руб.³²

По сведениям комиссии, площадь всего имения составляла 135 022 дес., включая 129 936 дес. леса. По оценке, произведенной еще правительственной комиссией, стоимость «земельного и лесного имущества», а также «оброчных статей» (в частности, 11 «раструсных мельниц» и торговых лавок в Иргинском заводе) равнялась 354 800 руб., а недвижимого и движимого заводского имущества – 155 904 руб. Но за шесть истекших лет состояние этого имущества ухудшилось. «Все здания крайне ветхи, находятся в полуразрушенном состоянии, – сообщалось в документах комиссии, члены которой посетили заводы, – сооружения в том же положении, если не в худшем: машины и горны представляют из себя материал, пригодный на лом, и груды кирпичей и камня, и, наконец, громадное большинство материалов не только не имеют никакой ценности, но еще требуют некоторых расходов на очистку от них занятых помещений, как, например, аптекарские материалы, давно заготовленные и хранящиеся в несоответствующем помещении». В результате комиссия оценила заводское имущество всего в 62 тыс. руб., но подняло до 412 тыс. руб. оценку земель и лесов округа. В целом же сумма, за которую земство бралось продать Кнауфское имение, оказалась на 36,7 тыс. руб. меньше той, что она составила в оценке казны.

Более того, земство потребовало передать управление заводами своим уполномоченным, с тем чтобы «с этого момента участие горного ведомства в заведовании заводским имуществом прекратилось, а равно и отчетность перед Государственным контролем». Принципиальная позиция земства заключалась в том, что передаваемое ему имение следовало признать не горнозаводским, а «исключительно как пригодное для лесного и сельскохозяйственного использования». Оно также настаивало на отмене правил продажи, выработанных в 1883 г., и предлагало нарезать участки в соответствии с желанием покупателей. «При раздробительной продаже, не стесняемой формальностями, соблюдение которых обязательно для агентов казны», земство ожидало «запроса на покупку участков со стороны крестьян и вообще земледельцев и мелких промышленников». Оно бралось в течение семи лет «сделать с Правительством окончательный расчет», в соответствии с которым каз-

не доставалось всего 284 296 тыс. руб. Остальная сумма предполагалась на «удовлетворение служащих в администрации заводов», на уплату прежних долгов тем же служащим и рабочим, а также земских недоимок и податей.

В августе 1889 г. состоялась чрезвычайная сессия губернского земского собрания, которая одобрила доклад комиссии. «Скорейшая, по возможности, продажа имущества Юго-Кнауфских заводов крайне необходима как для Правительства, так и земства, – констатировалось в том докладе. – Первое, как надо думать, убедилось горьким многолетним опытом, что только путем продажи представляется возможность избавиться от имущества, долг казне на котором из года в год увеличивается, причем в такой же мере уменьшается способность имущества к уплате хотя бы первоначального долга вследствие постоянного разрушения заводских зданий и сооружений и ухудшения состояния лесов, даже значительного уменьшения их в количестве вследствие расчисток под сельскохозяйственное пользование, незаконность каковых доказать вообще очень трудно, а при средствах администрации заводов и невозможно. Второе, т. е. земство, с продаж заводов избавиться от одного из крупных земских неплательщиков, получит накопленные недоимки, приобретя в покупателях новых плательщиков земских налогов и, наконец, не будет вынуждено докучать Правительству своими ходатайствами о взносе хотя бы части земского налога казною за Юго-Кнауфские заводы». В заключение для большей убедительности земцы напомнили правительству, которому в первую очередь адресовался отпечатанный типографским способом доклад, «о пользе экономического развития промышленности вследствие приложения труда и капитала к имуществу, которое ныне эксплуатируется не сполна и самым примитивным способом»³³.

Но ни эти слова, ни расчеты не убедили горное начальство. Видимо, обещанная земством перспектива вернуть сумму, которая была почти в 4 раза меньше казенного долга и даже не достигала его «первоначального размера» (341 600 руб.), не показалась властям заманчивой. Предложения земства были отвергнуты, вероятно, к неудовольствию главного начальника уральских заводов, которому вновь предстояло в течение неопределенного времени заботиться о фактически уже навсегда утратившем горнозаводскую ценность Кнауфском имении.

На протяжении следующих шести лет в судьбе округа и его казенного управления ничего нового не происходило. «Вырученные от продажи леса и оброчных статей суммы, – сообщал Л.С. Воинов в 1894 г., – употребляются на содержание тех же заводов: на жалование служащим, лесной страже, караулу и другим лицам и на прочие расходы... требующие до 12 тыс. руб., кроме земских и тому подобных налогов». Управляющий жаловался, что «экипажи все разрушились, а бурый мерин от старости лет и болезни... лежит без движения и для дальнейших работ совершенно не годен». В это время Горный департамент сообщал «о безуспешности производившихся неоднократно торгов на продажу Кнауфского имения»³⁴. Известно, в частности, о таком окончании торгов в феврале 1892 г., начавшихся «с суммы долга». Тогда Министерство финансов вошло в Комитет министров с представлением «о предъявлении имения к торгам в январе или феврале 1893 г., но уже не с суммы долга, а с предложенной цены», на что и получило разрешение³⁵. Видимо, это и привело к желаемому результату.

В сентябре 1894 г. Горный департамент известил главного начальника о том, что генерал-лейтенант Антонин Федорович Павлов, «предлагая купить Кнауфское горнозаводское имение и желая предварительно осмотреть оное, возбудил... ходатайство о допущении его или его поверенного к осмотру названного имения». Но, как можно судить, состоявшийся осмотр заставил генерала отказаться от сво-

его намерения. Прошел без малого год, когда пришло известие о том, что 30 июня 1895 г. все девять участков имения, определенные «правилами 1883 г.», наконец, проданы «со всеми находящимися в сих участках сооружениями и устройствами в полную собственность полковника Бобянского». В соответствии с этими правилами, «уплата покупной суммы производилась без начисления процентов в течение года, ранее чего покупатель не имел права приступить к эксплуатации приобретенных участков»³⁶.

«Вследствие скорого прекращения казенного управления» Л.С. Воинову тогда было отказано в ремонте прореза плотины и мукомольной мельницы, провалившейся крыши запасного магазина и проезжего моста в Иргинском заводе. Но передача управления имением затянулась, хотя надзор за Бизярской лесной дачей был снят уже 4 сентября 1896 г. Для реализации оставшегося в округе движимого имущества создали ликвидационную комиссию под председательством инженера И.Н. Крыжановского, которая не особенно торопилась с окончанием работ. «Если ликвидационной комиссией не будет закончено дело по приведению возложенного на нее поручения к 1 января 1899 г., – предупреждал Л.С. Воинов, – то я поставлен буду в крайне невыгодное положение... по недостатку денег». Видимо, И.Н. Крыжановский закончил распродажу участков к февралю 1899 г. Тогда он привез и сдал в Пермское отделение Государственного банка вырученные им 46 546 руб. Но в связи с этим возникли недоразумения, что привело к созданию при Уральском горном управлении новой комиссии для проверки действия ликвидационной комиссии в составе того же Л.С. Воинова и лесничего А.И. Шминке, назначенного «заведующим Кнауфского имения». Хотя в конце 1899 г. (или в начале 1900 г.) казенное управление упразднили, А.И. Шминке было поручено реализовать «оставшуюся непроданной часть имущества и оброчных статей»³⁷. Вместе с прекращением казенного управления завершилась и история остановленных еще в 1863–1879 гг. и распроданных как негорнозаводские имения семи заводов Кнауфского округа.

В финале этой затянувшейся драмы неожиданно напомнили о себе акционеры Компании Кнауфских заводов. Через 35 лет после ее ликвидации, в апреле 1899 г., Сергей Павлович и Василий Павлович Берги, которым по наследству от отца П.В. Берга достались 33 акции, просили уведомить их, «не нужна ли подача какого-либо официального заявления в Комиссию, а равно есть ли у нее какое-либо имущество, и на что могут в конце концов рассчитывать владельцы акций»³⁸. Поскольку рассчитывать им было явно не на что, ответа акционеры не получили.

¹ См. подробнее: *Неклюдов Е.Г.* Первый опыт акционирования горнозаводских округов Урала в середине XIX в. // *Индустриальное наследие*. Саранск, 2007. С. 267–275.

² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–2, 20–21, 75–76.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 145. Л. 22.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 60–61 об., 62; Оп. 21. Д. 2. Л. 90.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1073. Л. 1–2 об., 3–7, 9–12 об.

⁶ Там же. Л. 25, 26–28.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 145. Л. 7–8, 24, 26 об.

⁸ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 363. Л. 86.

⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 28, 30–31, 32–35; Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1128. Л. 1–4, 12, 16.

¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 5–10 об.

¹¹ Там же. Л. 25, 35, 55, 57–58.

¹² Там же. Л. 79–87.

¹³ Там же. Л. 136, 153.

- ¹⁴ Там же. Л. 262.
¹⁵ Там же. Л. 539–540 об.
¹⁶ Там же. Л. 512, 580.
¹⁷ Там же. Л. 251, 640–641; Ф. 43. Оп. 1. Д. 363. Л. 229.
¹⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 316, 606 об., 666, 773.
¹⁹ Там же. Л. 773–778.
²⁰ Там же. Л. 770, 809–811, 1039.
²¹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 363. Л. 450–455 об.
²² Там же. Л. 461, 462, 506–508; Ф. 24. Оп. 21. Д. 51. Л. 28, 41, 94.
²³ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 507, 508, 511.
²⁴ Там же. Оп. 21. Д. 51. Л. 25.
²⁵ Там же. Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8.
²⁶ Там же. Оп. 21. Д. 51. Л. 110, 157, 207, 318, 322–324 об., 392, 416, 518, 711–712.
²⁷ Там же. Л. 725–730.
²⁸ Там же. Л. 734, 755, 756.
²⁹ ПСЗ-III. Т. 3. № 1660.
³⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1992. Л. 5; Ф. 24. Оп. 19. Д. 561. Л. 80; Ф. 24. Оп. 21. Д. 45. Л. 1–2, 25.
³¹ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 45. Л. 10–11 об., 29–34.
³² Там же. Л. 17–17 об., 22.
³³ Там же. Л. 35–44.
³⁴ Там же. Оп. 19. Д. 561. Л. 30–32, 36, 40, 76.
³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 268. Л. 287.
³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 561. Л. 9, 80.
³⁷ Там же. Л. 81, 129, 234, 239, 276, 277, 298, 320.
³⁸ Там же. Л. 291.

2. М.Л. ХАРИТОНОВА, Е.Л. ЗОТОВА И НАСЛЕДНИКИ

Кыштымский горнозаводский округ – один из крупнейших и богатейших на Урале – с 1826 г. после кончины вольского купца первой гильдии и видного екатеринбургского старообрядца Льва Ивановича Расторгуева и затем его вдовы Анны Федотовны Коробковой находился во владении двух их дочерей Марии Львовны Харитоновой и Екатерины Львовны Зотовой. Владелицы проживали в Петербурге, предоставив доверенности на управление заводами своим мужьям. После ссылки и смерти в 1838 г. мужа первой из них, П.Я. Харитонов, между совладельцами начались разногласия по поводу распределения доходов. В начале 1840-х гг. это привело фактически к прекращению финансирования заводов, которые при отсутствии оборотного и запасного капиталов оказались на грани банкротства. Положе-

ние усугублялось тем, что для каждой из двух частей владения был назначен свой управляющий заводами. В 1843 г. округ взяли в полный казенный присмотр, устранивший владельца от распоряжения заводскими финансами. Управляющим предписывалось все металлы продавать с ведома Горного правления, а вырученные деньги отдавать «не продавцу, а Горному правлению, и обращать полностью на продолжение заводского действия и на уплату казенных долгов»¹.

В условиях такого жесткого контроля дела Кыштымских заводов стали быстро улучшаться. Видимо, этому способствовало и назначение по настоянию горных властей общего управляющего. Им стал Ф.Е. Петров, имевший специальное образование и опыт административной работы на заводах Белосельских-Белозерских. Именно при нем с 1843/44 г. на Каслинском заводе начинается производство художественного чугунного литья, впоследствии принесшего всемирную славу Кыштымским заводам².

Уже в 1847 г. Попечительство над демидовским Суксунским округом просило взять их в присмотр по образцу Кыштымских заводов, которые «при попечении Главного горного начальства в непродолжительное время пришли в цветущее состояние». Вероятно, это утверждение относилось к финансовому положению округа, возобновившего выплаты по казенным долгам. В 1852 г. присмотр над заводами был снят, тогда как еще в 1851 г. Уральское горное правление констатировало, что на заводах наследниц Л.И. Расторгуева «от недостатка оборотного капитала платы людям не выдаются своевременно и от несогласия владельцев технических усовершенствований не делается». Это утверждение не совсем точно отражало положение на заводах, где в то время выплавлялось до 300 тыс. пуд. железа «порядочного качества». По оценке того же Горного правления, они входили в число десяти лучших округов Урала³. В одном горное начальство было совершенно право: продолжавшиеся «несогласия» владелец по-прежнему негативно отражались на работе предприятий.

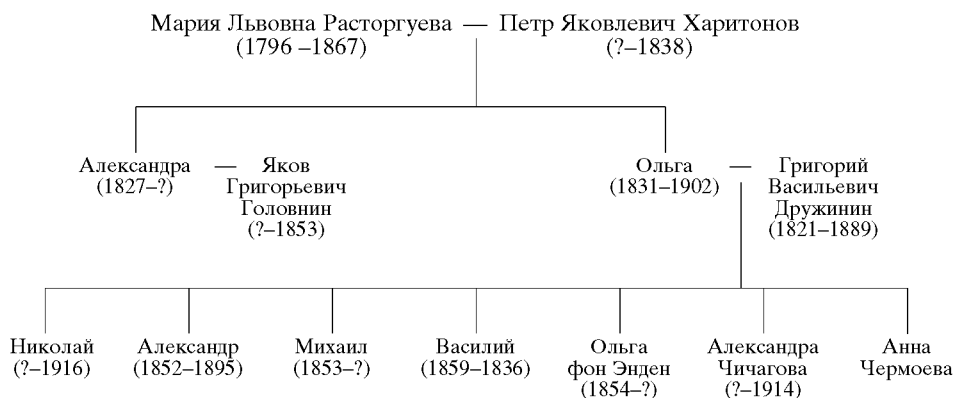
Их взаимные претензии переросли в судебные тяжбы, когда суды то обвиняли М.Л. Харитонову в уклонении от прямых ответов по иску сестры, то предоставляли Е.Л. Зотовой право требовать отчетов по общему управлению не от М.Л. Харитоновой, а, «буде пожелает, от мужа своего». Затянувшиеся споры в конце концов заставили министра юстиции объединить все иски в одно производство и рассматривать его не в третейском, как того желали заводчицы, а в Петербургском коммерческом суде. Это решение было утверждено указом Сената от 14 декабря 1850 г.; Е.Л. Зотова и М.Л. Харитонova должны были избрать «от себя» по одному доверенному лицу и поручить им при посредстве Кыштымского заводоуправления «произвести по актам и конторским книгам счет о металлах и капиталах» за время совместного владения⁴.

Поверенным от Марии Львовны стал муж ее старшей дочери Александры капитан-лейтенант Яков Григорьевич Головнин, а после его кончины 21 августа 1853 г. – муж младшей дочери Ольги, полковник лейб-гвардии Преображенского полка Григорий Васильевич Дружинин. Выйдя в отставку в 1856 г. в чине генерал-майора, он в течение 30 лет «служил делу наследниц Расторгуева». По воспоминаниям его внуки, А.Н. Энден, Григорий Васильевич «был страстным любителем картин, старинного фарфора, бронзы и, получив возможность, стал приобретать всевозможные прекрасные вещи, так что коллекции его стали известны...». «Маленький особняк на Сергиевской (дом Дружининых располагался в престижном районе Петербурга по ул. Сергиевской, 45. – Е.Н.) стал походить на музей. Между прочим, в приобретении многих картин, мраморных фигур и других вещей ему мно-

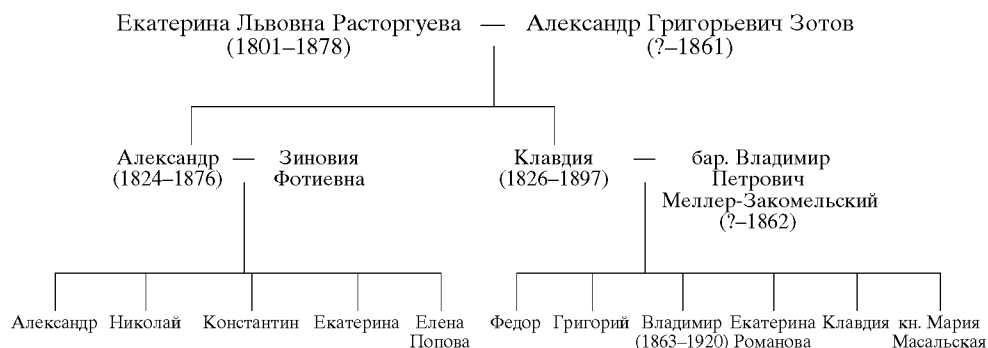
го помогал писатель Григорович, большой знаток в старинных предметах искусства и друг семьи Дружининых»⁵. Страсть поверенного к коллекционированию способствовала развитию каслинского чугунного литья. Ему же приписывают инициативу создания художественной школы в Каслях. Брат Г.В. Дружинина Александр Васильевич был в свое время популярным писателем и литературным критиком круга В.Г. Белинского, членом редколлегии журналов «Современник», «Библиотека для чтения», «Век». Поверенным от Елизаветы Львовны выступал ее сын Александр Александрович Зотов.

Уполномоченные проживали в Петербурге, бывали на заводах лишь изредка, но именно они назначали управляющего от каждой из частей владения Кыштымского округа. Со стороны Е.Л. Зотовой это был титулярный советник Л.Н. Деханов, со стороны М.Л. Харитоновой – надворный советник Д.Ф. Аверьянов. Форма усложненного управления не изменилась и после перехода владения к наследникам рассорившихся сестер Расторгуевых.

Первой в 1867 г. скончалась М.Л. Харитоновна, ее половина владения Кыштымским округом была передана двум дочерям – Александре Петровне Головиной и Ольге Петровне Дружининой (с нее, как считалось в семье, был написан образ невесты на знаменитой картине П.А. Федотова «Сватовство майора»). Каждой из наследниц досталось по $\frac{1}{4}$ части общего имущества. Видимо, после смерти Марии Львовны Г.В. Дружинин продолжал какое-то время представлять интересы обеих ее наследниц. В 1868 г. он определил титулярного советника А.Д. Одинцова, выпускника Петербургской горной школы, на должность управляющего, пытаясь оттеснить от управления ставленника Е.Л. Зотовой Л.Н. Деханова. Как будто затухший конфликт разгорелся с новой силой. Екатерина Львовна, добившись восстановления «двойственного» управления, не смогла достичь согласия между управляющими. В 1872–1873 гг. горные и губернские власти жаловались на «беспорядок в управлении и финансах» округа. Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов докладывал, что «пререкания» управляющих дошли до того, что на многие важные должности в заводской администрации ставят двух служителей, а распоряжения владельцев и управляющих противоречат друг другу. В такой ситуации он просил Горный департамент назначить на заводы особого посредника «с правом решения всех вопросов»⁶. Видимо, в этот раз высшее горное начальство благоразумно решило не вмешиваться в дела частного управления.

Е.Л. Зотова пережила сестру на 11 лет. После ее кончины в 1878 г. половина владения перешла в равных частях к дочери – овдовевшей еще в 1862 г. баронессе Клавдии Александровне Меллер-Закомельской и малолетним внукам – детям умершего в 1876 г. сына Александра Александровича Зотова: потомственным почетным гражданам Александру, Николаю, Константину, Екатерине и Елене. Екатеринбургская опека 14 июня 1878 г. утвердила над имением малолетних наследников опекуновское управление в лице их матери Зиновии Фотиевны Зотовой и Якова Ивановича Расторгуева⁷.

В следующем году О.П. Дружинина и А.П. Головнина подали в Горный департамент прошение о разделе между ними наследственного «движимого и недвижимого имения». «Мы постановили отныне и впредь, – писали сестры-совладелицы, – все участие в Кыштымских заводах предоставить одной из нас – именно жене генерал-майора Ольге Петровне Дружининой»⁸. Но это намерение не реализовалось, видимо, из-за возникших разногласий о варианте выдела А.П. Головниной. Отголоском этих новых семейных распрей стало учреждение уже не «двойственного», а «тройственного» управления на заводах. А.Д. Одинцов выполнял свои обязанности по доверенности Г.В. Дружинина, представлявшего теперь интересы только своей жены. Опекунша З.Ф. Зотова уполномочила на управление частью своих детей статского советника А.Х. Деви. Общим доверенным от А.П. Головниной и К.А. Меллер-Закомельской выступал А.И. Фадеев. Негативные последствия такого усложненного управления со всей очевидностью вновь проявились в заводских делах.

В том же 1879 г. А.Д. Одинцов и А.Х. Деви жаловались главному начальнику И.П. Иванову на А.И. Фадеева, который, в отличие от них, назначал на управленческие должности не инженеров и технологов, а «кыштымских мастеровых, не получивших никакого технического образования и обучившихся лишь только грамоте в заводских школах». «Все наши предложения, – жаловались управляющие, – под разным предлогом отклоняются в видах удержания всего заводского дела в руках служащих из местных мастеровых. На что мы со своей стороны согласиться не можем ввиду их крайней отсталости во всех устройствах заводских и по причине больших злоупотреблений по хозяйственной части». В отчаянии они просили главного начальника «принять участие в водворении должного порядка в заводском управлении и тем оказать нам содействие к ограждению интересов наших доверительниц». Эту просьбу поддержал и заводский исправник, сообщивший, что «совместные распоряжения управителей-техников и мастеровых положительно невоз-

можны, между тем как все расходы по улучшению техники падают на двух только совладельцев».

И.П. Иванов поручил исправнику призвать всех управляющих «вникнуть в последствия происходящих споров между ними и войти в соглашение об устранении угрожающего рабочим вреда, в особенности от лиц, назначаемых на должности, которым они не соответствуют по своим знаниям и способностям, а если соглашение не состоится, то обратиться к владельцам частей имения, которые могут устранить встречаемые неудобства своими коллективными распоряжениями»⁹. Но именно этого и трудно было ожидать от совладельцев. Разногласия управляющих были прежде всего отголосками споров между ними. Любопытно, что эти споры привели к казалось бы неожиданным изменениям в отношениях между родственниками. Как можно предполагать, теперь между собой конфликтовали уже не столько кланы Харитоновых и Зотовых, сколько Зотовы и Дружинины с Головинными и Меллер-Закомельскими, причем последние «сдружились» настолько, что впоследствии объединили свои части владения. В 1881 г. А.П. Головина продала свою $\frac{1}{4}$ долю не родной сестре, а кузине К.А. Меллер-Закомельской, ставшей таким образом владелицей условной половины Кыштымского горнозаводского округа¹⁰. Это, естественно, только укрепило позиции ее ставленника А.И. Фадеева и вряд ли способствовало достижению согласия в «тройственном» управлении заводами.

Ситуация на заводах комментировалась осведомленными авторами публикаций в местной газете «Екатеринбургская неделя». В 1880 г. они отмечали: «В то время как одни из совладельцев начинают сознавать, что конечная цель эксплуатации их богатств заключается вовсе не в том, чтобы получить только возможно больший дивиденд, а в том, чтобы получать этот дивиденд путем наибольшего удешевления... и усовершенствования способов производства путем применения к заводскому делу техники», другие из владельцев «крепко держатся рутинных порядков... которые являются анахронизмом в горнозаводском производстве». В 1886 г. в той же газете констатировалось, что положение дел в округе только ухудшилось¹¹.

В 1889 г. скончался Г.В. Дружинин. Как можно судить по ближайшим последствиям этого события, именно его принципиальная и авторитетная позиция прежде не позволяла достичь компромисса между совладельцами со столь разными представлениями о назначении заводов и роли владельцев. Новым поверенным в делах О.П. Дружининой стал ее сын Василий Григорьевич Дружинин. По воспоминаниям его племянницы, А.Н. Энден, «он закончил университет и пошел по ученой дороге, занимался археологией, историей, был знатоком по старообрядческим делам». «Он жил в маленькой квартире в нижнем этаже (имеется в виду уже упоминавшийся петербургский дом Дружининых. – *Е.Н.*), где у него был прекрасный кабинет с массой чуждых книг, коллекциями старинных предметов, картинами, с большими папками с гравюрами и акварелями... Дядя Вася вел все финансовые дела бабушки, она ему полностью доверяла и сама ни во что не вмешивалась»¹². В историю российской культуры В.Г. Дружинин вошел как крупный историк, выдающийся археограф, библиограф, собиратель старообрядческих рукописных книг. Вместе с С.Ф. Платоновым, А.С. Лаппо-Данилевским, А.А. Шахматовым и другими учеными он организовал Археографическую комиссию, занимавшуюся изданием летописных и литературных памятников старины¹³. Благотворную роль сыграло и его участие в управлении Кыштымскими заводами на Урале. Видимо, его отношение к родственникам и совместному вла-

дению было более спокойным, чем у отца. Не случайно уже в следующем году все совладельцы решили упорядочить свои права и установить общее управление заводами.

В декабре 1890 г. они представили министру государственных имуществ на рассмотрение проект «Положения об управлении общим имением...», подобный тем, которые уже действовали в некоторых уральских многовладельческих округах (Алапаевский, Невьянский, Пожевский). Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов охотно поддержал намерение владельцев. «Когда ранее при постоянно возникавших между владельцами Кыштымских заводов несогласиях, на заводах было тройственное управление, – сообщал он в Горный департамент, – то, не говоря уже о напрасных расходах, сопряженных с содержанием такого управления, происходил значительный убыток от многих распоряжений двух или трех управляющих, обыкновенно между собою не согласных, а иногда и враждующих... При подобном положении заводы несомненно должны клониться к полному расстройству и упадку, что, конечно, нежелательно и может быть устранено лишь учреждением по взаимному согласию владельцев общего управления»¹⁴.

«Положение...» утвердили 14 ноября 1891 г.¹⁵ Оно, во-первых, определило «степень участия в общем имении каждого владельца» и тем самым упорядочило имущественные отношения между ними. «Для избежания чрезмерного дробления имения и для удобнейшего определения степени участия в общем имении каждого владельца» оно было поделено на 3360 условных частей, распределенных между совладельцами в соответствии с правами наследования и приобретения. Согласно этим расчетам, вдова генерал-майора баронесса К.А. Меллер-Закомельская получила право на 1680, вдова генерал-майора О.П. Дружинина – на 840 долей, потомственные почетные граждане Александр, Николай и Константин Александровичи Зотовы приобрели по 240, их сестры – потомственная почетная гражданка Екатерина Александровна Зотова и жена потомственного дворянина Елена Александровна Попова – по 60 долей. В соответствии с этими пропорциями впоследствии и должны были распределяться доходы совладельцев.

Во-вторых, «Положение...» 1891 г. оформило новый порядок управления общим имением. В Петербурге, где проживали совладельцы, ежегодно созывалось Общее собрание, на котором подводились итоги работы округа, решались важнейшие вопросы и разбирались споры. Право голоса на Общем собрании получал владелец 10 долей, владелец 840 долей мог рассчитывать на два, владелец 1680 – на предельные три голоса. Общее собрание выбирало на три года Главное правление (располагавшееся в доме Дружининых на Сергиевской ул., 45) из трех членов и трех кандидатов «из среды самих владельцев или из лиц посторонних». Важнейшей обязанностью Главного правления было «устройство местного управления в общем имении», надзор за его деятельностью и «разрешение возникших недоразумений», а также «приглашение главного управляющего всеми заводами». На первом собрании владельцев 27 февраля 1892 г. членами Главного правления были избраны Н.А. Зотов, отставной гвардии корнет барон В.В. Меллер-Закомельский (сын К.А. Меллер-Закомельской) и титулярный советник В.Г. Дружинин. Главноуправляющим Кыштымскими заводами по доверенности всех совладельцев стал горный инженер П.М. Карпинский¹⁶.

По мнению специалистов, с этого времени в округе начался «период обновления». Был разработан перспективный план реорганизации предприятий округа, требовавшей значительных капиталовложений. Вернейшим способом привлече-

ния внимания и капиталов «со стороны» стало активное участие Кыштымских заводов на всероссийских и всемирных промышленных выставках, где каслинское чугунное литье оказалось вне конкуренции. Считается, что среди представителей заводоладельцев ведущую роль в этом сыграл В.Г. Дружинин, курировавший в Главном правлении выставочную деятельность¹⁷. Наиболее значимой оказалась Всемирная выставка в Париже 1900 г., где от Кыштымских заводов выставлялся потрясающий по красоте и исполнительскому мастерству чугунный павильон. Полученные награды, свидетельствовавшие об огромном производственном потенциале заводов потомков купца Л.И. Расторгуева, послужили основанием как для отечественных банков, так и для иностранных (в частности, английских) финансистов оказать поддержку перспективному уральскому округу. В то время здесь выплавлялось до 1530 тыс. пуд. чугуна и 193 тыс. пуд. чугунных изделий, выдвигалось до 980 тыс. пуд. железа и 34 тыс. пуд. железных и медных изделий¹⁸. Но иностранным инвестициям препятствовала семейно-пашенная форма владения заводами. Не случайно в том же 1900 г. состоялась реорганизация товарищества в акционерное общество.

Как следует из устава, утвержденного 3 июля 1900 г., Общество учреждалось «для продолжения и расширения деятельности горных заводов, входящих в состав Кыштымского горнозаводского имения наследников Л.И. Расторгуева в Пермской и Уфимской губерниях, а равно для устройства и эксплуатации новых механических, металлургических, химических и других заводов, приготовляющих изделия и продукты из металлов, минералов и дерева, а также для добывания и обработки золота, платины, руды, торфа, каменного угля и иных минералов, и для торговли продуктами горной и фабрично-заводской промышленности, как в России, так и за границей», т. е. для обновления всего окружного хозяйства. Учредителями Общества Кыштымских горных заводов выступили его владельцы О.П. Дружинина, Н.А. Зотов, К.А. Зотов, Е.А. Зотова и Е.А. Попова (А.А. Зотов в уставе не упоминался), а также наследники скончавшейся в 1897 г. К.А. Меллер-Закомельской: ее сыновья – отставной полковник барон Федор Владимирович, состоявший в запасе гвардейской кавалерии корнет барон Владимир Владимирович, надворный советник барон Григорий Владимирович Меллер-Закомельские и дочери – вдова коллежского советника Екатерина Владимировна Романова, вдова надворного советника княгиня Мария Владимировна Масальская и баронесса Клавдия Владимировна Меллер-Закомельская. Основной капитал общества был тогда определен в сумме 8610 тыс. руб., разделенных на 34 440 акций¹⁹. С этого времени бывшие совладельцы формально утратили свой прежний статус и превратились в держателей акций. Если учитывать доли владения, клан Меллер-Закомельских мог рассчитывать на 17 120 акций, а клан Зотовых и О.П. Дружинина – на 8610.

Когда в 1902 г. Ольга Петровна скончалась, ее акции перешли к наследникам. Известно, что в семье Дружининых родилось девять детей, трое из которых умерли раньше, чем их мать. Наследство разделили, по-видимому, сыновья Николай (предводитель дворянства и почетный мировой судья Гдовского уезда), Михаил и Василий и дочери Ольга (была замужем за генерал-лейтенантом Петром Петровичем фон Энденом), Александра (супруга генерал-губернатора Приморья и наказного атамана Уссурийского казачьего войска Николая Михайловича Чичагова) и Анна (была замужем за Чермоевым). А.Н. Энден вспоминала, что на проходивших после смерти Ольги Петровны «заседаниях» наследников В.Г. Дружинин, «который занимался всеми финансовыми делами, должен был поставить всех в известность о

доходах и расходах, о делах на Кыштымском заводе и т. д.». «Затем приступили к разделу всего, что осталось после бабушки: картины, бронзовые и фарфоровые старинные вещи, мебель, мраморные фигуры, бриллианты». Не обошлось и без «некоторых стычек», но сестры «были убеждены в лояльности» братьев. Только впоследствии они поняли, что братья «не были бескорыстны и что лучшие вещи достались им», в первую очередь Василию Григорьевичу, «который хорошо знал цену вещам»²⁰. Вместе с В.В. Меллер-Закомельским и Н.А. Зотовым он вошел и в состав директоров акционерного общества.

Займ от Ярославско-Костромского земельного банка в том же 1900 г. на сумму 3473 тыс. руб. под залог заводов и начавшийся вскоре экономический кризис, видимо, заставили отложить план подключения к финансированию округа английского капитала. Он реализовался только в 1907–1908 гг., когда под угрозой финансового банкротства акционерное общество бывших владельцев округа уступило свои акции английской Кыштымской корпорации во главе с Лесли Урквартом. Ведущую роль в этих событиях сыграл барон В.В. Меллер-Закомельский, бывший в то время председателем Петербургской губернской земской управы. Вскоре он стал членом ЦК партии кадетов, был избран в Государственный совет и руководство Прогрессивного блока. После революции он возглавит Совет государственного объединения России – самое представительное объединение антибольшевистских сил, а затем эмигрирует за границу.

Английские эксперты признали в целом удовлетворительным положение Кыштымского округа под управлением акционерного общества. «Вообще все заводы находятся в порядочном состоянии, кроме Нижнекыштымского и доменных печей в Каслинском и Нязе-Петровском заводах, – указывал в своей записке инженер Гаррисон, – но вследствие недостатка технического познания со стороны администрации Общество не извлекает тех выгод по отношению к стоимости производства и оборота, как это следовало бы... Единственно, чего недостает, – это английского технического руководства с практической опытностью и тактом, вместе с русским посредствующим и вполне понимающим русских рабочих»²¹. С участием английских специалистов в последующие годы в округе были проведены геологоразведочные и лесоустроительные работы, некоторые заводы перешли на электролизную плавку меди, развивалось производство кровельного железа, чугунное литье. Кыштымский округ стал участником монополистических объединений «Медь» и «Кровля», его акции охотно покупали многие столичные коммерческие банки (Петербургский международный, Петербургский учетный и ссудный, Русский для внешней торговли, Сибирский торговый). По расчетам специалистов, с точки зрения реализованного экономического потенциала к 1913 г. округ вошел в группу наиболее перспективных горнозаводских хозяйств Урала²².

Но, как можно судить по отрывочным сведениям, конфликты между владельцами акций не прекратились. Известно, к примеру, о судебном разбирательстве между В.Г. Дружининым и В.В. Меллер-Закомельским в 1911 г. по поводу продажи акций Общества Кыштымских заводов английской Кыштымской корпорации. В соответствии с предварительным договором с англичанами, заключенным при посредничестве В.В. Меллер-Закомельского, одна «старая» акция приравнивалась к 11,6 акциям нового Общества. Но Василий Григорьевич за свои 1500 акций получил всего 13 006 акций Кыштымской корпорации (т. е. из расчета 1:8,7). Из них ему передавалось 8700 акций, а за остальные выдавалось 45 195 руб. Это и вызвало недовольство акционера, потребовавшего пересмотра

условий договора²³. Видимо, тогда он уже отошел от участия в управлении, хотя известно, что в составе директоров английского общества был его младший брат Михаил Григорьевич.

Известно также, что член Правления Общества Кыштымских заводов В.В. Меллер-Закомельский и директор Правления В.В. Романов, а также директор Кыштымской корпорации Л. Уркварт в 1912 г. учредили Южно-Уральское горно-промышленное акционерное общество для эксплуатации Таналыкского медного месторождения. На 70 лет были перекуплены арендные права на рудники и лесную дачу в 110 тыс. дес. По данным Ю.А. Буранова, в 1913 г. барон В.В. Меллер-Закомельский держал 900, а Л. Уркварт – 2760 из 4740 выпущенных акций этого Общества. После осуществленной в том же году финансовой реорганизации большая часть акций была куплена английской Таналыкской корпорацией. Через год ввели в строй Таналык-Баймакский медеплавильный завод, продукцию которого отправляли на электролиз в Кыштымский округ²⁴.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 611. Л. 150; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1858. Л. 38, 77, 348.

² Свистунов В.М. История Каслинского завода. 1745–1900 г. Челябинск, 1997. С. 61–64.

³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1909. Л. 61–62; Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 196–198.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2081. Л. 3–23, 28; Д. 67. Л. 4–7, 58–61.

⁵ Гдовские усадьбы и их обитатели (из дневника гдовского помещика) // Режим доступа: <http://www.gdovuezd.ru/usadjba-a-v-drudjinina.html>.

⁶ Линник О.В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск, 2003. С. 72.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4347. Л. 1. Даты жизни владельцев (точные или предположительные) взяты из: Петербургский некрополь / Сост. В. Сайтов. СПб., 1912. Т. 2. С. 222; Т. 4. С. 405. Автор признателен Е.Г. Поповой-Яцкевич за указание на этот источник.

⁸ Цит. по: Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1993. Ч. 2. С. 131–132.

⁹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 991. Л. 1–2, 12–13 об., 19–20.

¹⁰ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С. 132.

¹¹ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 102–103.

¹² Гдовские усадьбы и их обитатели (из дневника гдовского помещика) // Режим доступа: <http://www.gdovuezd.ru/usadjba-a-v-drudjinina.html>.

¹³ Подробнее см.: Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): Мат-лы науч. чтений. СПб., 2010. 184 с.

¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 270. Л. 2–3.

¹⁵ ПСЗ-III. Т. 11. № 8061.

¹⁶ Свистунов В.М. Указ. соч. С. 74–75.

¹⁷ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 104; Свистунов В.М. Указ. соч. С. 75–84.

¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 402. Л. 36–37.

¹⁹ ПСЗ-III. Т. 20. № 19003; РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 419. Л. 91–111.

²⁰ Гдовские усадьбы и их обитатели (из дневника гдовского помещика) // Режим доступа: <http://www.gdovuezd.ru/usadjba-a-v-drudjinina.html>.

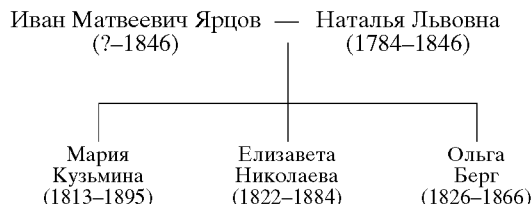
²¹ Свистунов В.М. Указ. соч. С. 90.

²² Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 158–159; Сапоговская Л.В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 2007. С. 37, 70–78, 182–189.

²³ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 158–159.

²⁴ Там же. С. 199–201.

3. М.И. КУЗЬМИНА, О.И. БЕРГ И НАСЛЕДНИКИ

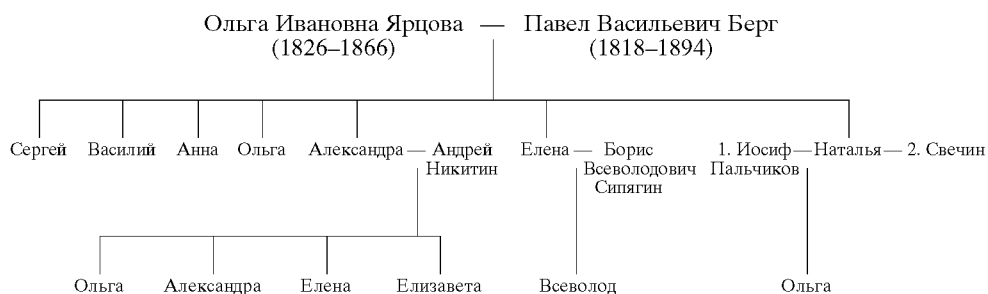
К середине XIX в. небольшие Нижний и Верхний Шайтанские заводы, представлявшие собой самостоятельный металлургический комплекс, принадлежали внукам первостатейного московского купца М.Ф. Ярцова. После длительной семейной тяжбы по поводу обширного наследства эти уральские заводы достались в общее владение двух из них – вдове генерал-майора Марии Ивановне Кузьминой и подполковнице Ольге Ивановне Берг. В соответствии с раздельным актом, утвержденным 14 ноября 1856 г., им перешли Шайтанские заводы с с. Богословское (Тюбук), 35 751 дес. земли в Екатеринбургском уезде, 2617 рев. душ заводских крепостных, а также дом в Екатеринбурге. Все имущество было оценено в 457 142 руб. За полтора года до этого его заложили в Государственном заемном банке за ссуду в 156 780 руб. сер. на 37 лет, переписанную после закрытия банка на Петербургскую сохранную казну¹. Возможно, именно эта ссуда помогла пережить критический для многих уральских заводов рубеж 1850–1860-х гг. без особых потрясений и значительного сокращения производства (оно находилось тогда в пределах 102–158 тыс. пуд. чугуна и 52–103 тыс. пуд. железа в год)².

Другим условием успешного развития Шайтанского округа оказалось вполне компетентное управление, направляемое, вероятнее всего, мужем одной из совладелиц Павлом Васильевичем Бергом. Еще до раздела он от имени жены участвовал в решении судьбы доставшегося ей горнозаводского имения. В то время он находился на военной службе, но, видимо, вскоре вышел в отставку и сосредоточился на предпринимательской деятельности. В 1858 г. при его участии в Москве была организована Компания для торговли металлами и минералами, намеревавшаяся «приобретать земли, леса, рудники и существующие заводы, устраивать вновь фабрики и заводы для добывания металлов и минералов и выработки изделий». О масштабы замысла свидетельствует предполагавшийся уставной капитал в 3 млн руб. сер. Товарищами отставного подполковника выступали потомственные почетные граждане Николай Золотарев и Семен Кони. Последний был известен на Урале как крупный торговец железом и родственник владельцев Сергинско-Уфалейских заводов. Однако это предприятие успехом не увенчалось. Как сообщали учредители, в течение двух лет была «разобрана только десятая часть акций... и все усилия Правления приобрести чугуноплавильные и железоделательные заводы с платежом за них вместо наличных денег акциями остались безуспешными». В 1860 г. было объявлено о прекращении деятельности компании³. Имя П.В. Берга значилось и в составе акционеров Компании Кнауфских заводов, обанкротившейся в 1864 г.

Более удачно развернулись дела у образованного в 1859 г. Товарищества Даниловского парового сахарорафинадного завода, в соучредителях которого также значился П.В. Берг. Уставной капитал этого общества составлял 400 тыс. руб., разделенных на 100 паев, 30 из которых изначально принадлежали Павлу Васильевичу.

чу. Впоследствии он владел уже 80 паями, оценивавшимися на сумму 400 тыс. руб.⁴ В 1880 и 1889 гг. отставной подполковник учредил Товарищество Рождественской бумагопрядильной мануфактуры вблизи Твери со складочным капиталом 1 млн руб.⁵ В 1870–1880-е гг. он станет совладельцем успешной Зейской золотопромышленной компании, владельцем ценных бумаг и активов нескольких коммерческих и ипотечных банков, железных дорог и промышленных предприятий и превратится в одного из крупнейших предпринимателей России.

После кончины Ольги Ивановны 8 мая 1866 г. П.В. Берг войдет и в состав совладельцев Шайтанских заводов. В семье Бергов было два сына (Сергей и Василий) и пять дочерей (Анна, Ольга, Александра, Елена и Наталья). «Половинная часть» имущества перешла ко всем наследникам в соответствии с «законными долями»: Павел Васильевич получил $\frac{1}{14}$, сыновья – по $\frac{21}{56}$, дочери – по $\frac{1}{28}$ доли. Малолетние дети остались под опекой отца. Вводный акт был подписан в Екатеринбурге 27 ноября 1868 г.

В августе того же года генеральша Мария Ивановна Кузьмина, с 1856 г. владевшая «половинной частью заводов и имений», пожелала «уступить... ее соучастнику с нею во владении подполковнику Бергу». Купчую крепость оформили 27 июня 1869 г. За свою долю общего владения М.И. Кузьмина получила 81 тыс. руб. сер. с принятием П.В. Бергом «сверх сего платежа половинного ссудного долга в количестве 60 615 руб.»⁶. Берги, таким образом, становились единоличными владельцами, по оценке В.П. Безобразова, «самого мелкого, но находившегося в цветущем положении» горнозаводского имения на Урале⁷. Во владении Павла Васильевича оказались тогда $\frac{4}{7}$ части Шайтанского округа, остальные $\frac{3}{7}$ части принадлежали его детям.

Исследователи констатируют в это время подъем производительности округа в результате существенного обновления заводского оборудования и энергетических устройств, возведения механической мастерской и вспомогательного Павловского листопрокатного завода, что стало следствием умелых действий управляющего И.В. Журавлева. Ко времени кончины П.В. Берга в 1894 г. выплавка чугуна достигала уже 350 тыс. пуд., а выделка железа – 300 тыс. пуд.⁸ В Тюбуке в 1871 г. был построен винокуренный завод.

К 1894 г. изменился состав владельцев Шайтанских заводов. Поскольку в завещании отца, составленном в 1890 г., уже не упоминались дочери Анна и Ольга, можно предположить, что их к тому времени уже не было в живых.

К 1890 г. относится дело о публичной продаже долей владения Елены Павловны, которая в завещании П.В. Берга упомянута как скончавшаяся. Она была замужем, предположительно, за гвардейским ротмистром Борисом Всеволодовичем Сипягиным, сыном генерал-лейтенанта В.Н. Сипягина и кузеном министра внут-

ренных дел Д.С. Сипягина. Оказывается, еще в 1884 г. муж совладелицы занял у сослуживца А.И. Яковлева 2889 руб. и не отдал этого долга. В 1890 г. кредитор предъявил претензию, и на 12 декабря того года Шайтанское волостное правление назначило продажу $\frac{1}{28}$ доли участия Е.П. Сипягиной во владении заводами. Торг должен был начаться с оценочной суммы 6320 руб.

Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов, узнав об этом, ходатайствовал об отмене публичной продажи, обусловив свое прошение тем, что заводы находились «в хорошем состоянии и в полном действии», а предъявленная претензия, «по незначительности оной», могла быть удовлетворена «из полученных на часть Сипягиной доходов». Горный департамент, рассматривавший ходатайство, согласился с тем, что мнение главного начальника «заслуживает уважения как по приводимым им соображениям, так и в видах предупреждения того вреда, какой может быть причинен трудному делу управления многовладельческими горными заводами от вступления в число совладельцев новых лиц, совершенно не известных прочим совладельцам и совершенно не знакомых с условиями управления многовладельческими именьями»⁹. Инцидент был исчерпан, но доля Е.П. Сипягиной, вероятнее всего, оказалась в опеке и так и не перешла во владение ее малолетнего сына Всеволода Борисовича Сипягина, а была перекуплена его дядьями.

Павел Васильевич Берг скончался 11 февраля 1894 г. в Москве в своем доме на Пречистенке. Как следует из завещания, владение Шайтанскими заводами перешло от отца к сыновьям: Сергею Павловичу достались $\frac{6}{13}$, Василию Павловичу – $\frac{7}{13}$ частей его доли владения. В такой же пропорции дети разделили и остальное движимое и недвижимое имущество отца: девять домов в Москве (в Пречистенской, Мясницкой, Сretenской, Басманной, Рогожской и Хамовнической частях), крупное имение со свеклосахарным заводом и паровой мельницей в Харьковской губернии Богодуховского уезда при с. Константиново (3868 дес.), приобретенное в 1883 г., а также имение в Тамбовской губернии и одноименном уезде при селах Преображенское и Александровка, купленное в 1881 г. (1707 дес.). Стоимость недвижимого имущества составляла 1 773 821 руб. (без заводов). «Наличный денежный капитал» состоял из множества счетов, кредитных билетов, заемных листов, облигаций и закладных. Особенно значительные суммы были вложены в Московское купеческое общество взаимного кредита, Волжско-Камский коммерческий банк, Дворянский, Петербургско-Тульский, Нижегородско-Самарский, Московский и Волжско-Камский земельные банки. Павлу Васильевичу принадлежали также 32 облигации Общества Юго-Западных железных дорог и 331 акция Киево-Воронежской дороги, 4 акции Общества железодельных заводов Пашковых и 33 акции Компании Кнауфских заводов на Урале, 80 паев Товарищества Даниловского сахарорафинадного завода (на 400 тыс. руб.), 140 паев Рождественской мануфактуры (на 700 тыс. руб.), 660 паев Голубовского горнопромышленного товарищества (на 330 тыс. руб.) и доля участия в золотопромышленной компании в Сибири (на 371 тыс. руб.). Все движимое, недвижимое и долговое имущество оценивалось астрономической суммой 9 285 725 руб.

Не желая дробить состояние, дочерям и их детям он оставил только денежный капитал, который должен был обеспечить их безбедное, но вовсе не роскошное существование. Внучкам Ольге Андреевне, Александре Андреевне, Елене Андреевне и Елизавете Андреевне Никитиным он оставил по 60 тыс. руб. «с тем, чтобы капитал этот оставался неприкосновенным до достижения каждой из них 35-летнего возраста, за исключением 10 тыс. руб., которые могли быть выданы каждой в случае выхода замуж». По 4% от этой суммы выдавались их матери и опекунше Александре Павловне Никитиной «для употребления на их содержание и образование».

Сама Александра Павловна получала в пожизненное распоряжение 100 тыс. руб. с правом получения ежегодной 4%-й ренты. На тех же условиях было дано обеспечение внучке Ольге Иосифовне Пальчиковой. Дочери Наталье Павловне Пальчиковой выделялось 150 тыс. руб. с выдачей по 4% до достижения ею 35-летнего возраста. Внуку Всеволоду Борисовичу Сипягину следовал «неприкосновенный капитал» в 150 тыс. руб. По 4% с этого капитала выдавалось его опекунам или ему самому (после совершеннолетия), а в 35 лет он мог распоряжаться всеми деньгами. «Все эти суммы, – было записано в духовной П.В. Берга, – должны отчисляться из доходов со всего моего имущества за погашением необходимых расходов на поддержание и ведение оставляемых мною промышленно-коммерческих дел и имений, требующих неотложно значительного капитала, и затем по мере отчисления все таковые суммы должны вноситься пропорционально к завещанным суммам на имена тех, кому завещаны, в какое-либо кредитное учреждение на хранение процентными бумагами».

Два процента «из общей оценочной суммы» (составившие 185 714 руб.) передавались «на добрые общественные и благотворительные дела» в память владельца и его жены. Петровское имение в Орловской губернии было завещано «на поминовение души» Московскому Донскому монастырю. Сыну Василию Павловичу, получившему большую часть наследства, поручалось построить в с. Преображенское храм «с затратою до 50 тыс. руб.». Душеприказчиком был назван генерал-майор А.Л. Шанявский, завоевавший у своего друга и компаньона «полное доверие и глубокое уважение к его испытанному бескорыстию». Вскоре душеприказчик заявил, что завещанные «на добрые дела» деньги переданы с согласия министра народного просвещения на устройство женского медицинского института. Вклад П.В. Берга вместе с капиталами Нобелей и Шанявских послужил открытию этого вуза в 1897 г. в Санкт-Петербурге (ныне это Петербургский государственный медицинский университет им. И.П. Павлова).

Таким образом, за исключением расходов по исполнению завещания (общая их сумма составила 885 714 руб.), 8,4 млн руб. с долговыми обязательствами всего в 819 611 руб. достались сыновьям¹⁰. Сергей Павлович и Василий Павлович Берги сосредоточились на управлении доставшимися им промышленными и коммерческими делами, организовав Торговый дом наследников П.В. Берга (Москва, Варварка, дом Купеческого общества). Но Шайтанское горнозаводское имение на Урале осталось в общей собственности всех наследников: сестры Александра Павловна Никитина и Наталья Павловна Пальчикова, очевидно, сохранили за собой по $\frac{1}{28}$ доле, остальные $\frac{13}{14}$ долей делили между собой их братья.

Управление уральскими заводами было доверено немецкому инженеру Б.Э. Бабелю, который «с согласия господ заводоладельцев» в 1895 г. начал новый этап реконструкции предприятий, вызванный обострившейся в округе топливной проблемой, которая в свою очередь стала следствием землеустройства горнозаводского населения на небольшой территории округа. Недостаток лесных площадей заставили управляющего сократить ваграночное производство, требовавшее большого количества древесного топлива, и заменить его «устройством сталелитейной печи системы Сименса–Мартена». Для ознакомления с новым оборудованием Б.Э. Бабель планировал «отправить несколько рабочих на другие заводы», использовать в качестве топлива торф (его залежи в заводской даче «имелись в изобилии»), а также «мертвый мелкий лес»¹¹. В результате этих действий в 1898 г. производство в округе оказалось самым высоким за весь XIX в.: было выплавлено 598 тыс. пуд. чугуна, выделано 328 тыс. пуд. железа и 60 тыс. пуд. чугунного литья.

По сведениям заводууправления, $\frac{1}{3}$ горючего «в виде хвороста, пней, дров, торфа и угля» заготавливалась тогда в самой заводской даче, а $\frac{2}{3}$ – в Уткинской и других казенных дачах и на крестьянских наделах. Из рудников, расположенных на территории заводской дачи, добывалась $\frac{1}{4}$ часть всей руды (бурый и отчасти магнитный железняк), остальное количество поступало из Синарского рудника в Камышловском уезде, Королевского и Шиловского рудников – в Нижнеисетской и Шипимского рудника – в Верх-Нейвинской дачах. В небольших количествах велась добыча золота старательским способом. В заводской даче также имелись крупные залежи хромистого железняка Гологорского и Пахоткинского месторождений, серного колчедана, марганцовых руд, известняка, мягкого огнеупорного камня, торфа и др. Продукцию реализовывали на Нижегородской ярмарке, со складов в Екатеринбурге и при заводе. До ближайшей железнодорожной станции Тарасково от заводов вела конно-железная дорога протяженностью 23 версты¹².

На рубеже XIX–XX вв. произошли новые перемены в составе владельцев. К 1901 г., вероятно, скончалась А.П. Никитина, оставив дочерям свою долю владения Шайтанскими заводами. Но, скорее всего, будучи малолетними, они не вступили во владение. В сентябре 1901 г. поверенный братьев В.П. Берга и С.П. Берга просил разрешения у Горного департамента на совершение раздельного акта, «по коему $\frac{1}{28}$ часть, принадлежащая наследникам Александры Павловны Никитиной, приобреталась в собственность Бергов». Екатеринбургский окружной суд утвердил этот раздел 4 октября 1901 г.¹³ Таким образом, совладельцами заводов оставались Василий и Сергей Берги и их сестра Наталья Павловна (в новом браке – Свечина). В 1907 г. эти совладельцы стали учредителями акционерного Общества Шайтанских горных заводов.

В период промышленного кризиса начала XX в. заводское производство сократилось и даже в течение некоторого времени было убыточным. Но, как считают специалисты, из-за значительных капиталов, находившихся в распоряжении основных владельцев, и в целом небольших масштабов производства кризис удалось преодолеть без серьезных потерь¹⁴. Тем не менее владельцы отреагировали на возникшие трудности и предложили план развития округа, предполагавший полноценное использование минеральных богатств. Целью создания акционерного общества, как было записано в уставе, становилось «восстановление медеплавильного завода и устройство завода для добычи хромпика». Видимо, предполагалось также добиться разрешения на продажу медной и марганцевой руд и серного колчедана, чему препятствовали посессионные ограничения. В этом акционерам мог оказать поддержку председатель Посессионного бюро Совета съездов горнопромышленников Урала А.С. Недошивин, которому совладельцы предоставили доверенность. Планировалось также вести переговоры «о положении Шайтанских заводов» лично с главным начальником П.П. Боклевским.

Устав Общества был утвержден 23 октября 1907 г.; его учредителями выступили потомственные дворяне С.П. Берг и В.П. Берг, потомственный почетный гражданин К.Ф. Зегер и надворный советник И.И. Сергеев. Основной капитал 1,5 млн руб. состоял из имущества Шайтанского горнозаводского округа. Он был разделен на 6 тыс. акций, которые «распределялись между владельцами общего имения наследников П.В. Берга по взаимному согласию соразмерно и взамен принадлежавшей каждому из них доли участия в уступаемом ими Обществу имуществе». Общество имело право увеличивать свой основной капитал «посредством дополнительного выпуска акций... по постановлению Общего собрания акционеров и с особого... разрешения Правительства»¹⁵. Директорами Правления в первые годы выступали

братья Берги, И.И. Иванов, М. Тимофеев и Н.В. Ломоносов. Непосредственное управление заводами осуществлял екатеринбургский мещанин Ф.П. Злоказов.

Как следует из имеющихся документов, достичь предположенных целей Правлению акционерного общества полностью не удалось, не были отменены и посессионные ограничения. На протяжении первых пяти лет его деятельности в отчетах Правления фиксировался постоянный убыток, общая сумма которого к 1913 г. достигла 718 694 руб. и подлежала покрытию взносами акционеров, т. е. Торгового дома Бергов¹⁶. Акции Шайтанских заводов на бирже не котировались; не установлена и связь общества с банками. В период Первой мировой войны для выполнения военных заказов был построен штамповочный цех по изготовлению артиллерийских снарядов, налажено перспективное производство цельнокатаных труб мелкого диаметра. Был построен, как и планировалось, хромпиковый завод «Железняк», вырабатывавший хром и серную кислоту. Но в условиях войны он функционировал с перебоями и был закрыт в 1917 г. Революционные события в стране вызвали не только упадок производства в округе, но и эмиграцию акционеров Общества Шайтанских заводов – наследников П.В. Берга, лишившихся в России своей собственности¹⁷.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 91. Л. 1, 6, 10.

² *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 515.

³ ПСЗ-II. Т. 33. № 32836; Т. 35. № 35991.

⁴ Там же. Т. 34. № 35255.

⁵ Там же. Т. 54. № 60366; ПСЗ-III. Т. 9. № 6063.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4177. Л. 2–8, 10–11, 12–13, 20–21.

⁷ *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 203.

⁸ *Металлургические заводы Урала...* С. 515–516; *Акифьева Н.В.* История Первоуральска от Демидовых до Бергов (1732–1918 гг.). Екатеринбург, 2005. С. 77–81.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 310. Л. 1–3.

¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 311. Л. 2–3 об.

¹¹ Там же. Л. 5–6.

¹² Горные заводы Сергея и Василия Павловичей Берг. Екатеринбург, 1902. С. 1–6.

¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 102. Л. 1; Оп. 65. Д. 1451. Л. 1.

¹⁴ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 139–141.

¹⁵ СУиРП. 1908. Отд. 2. № 145; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1451. Л. 9–16.

¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1454. Л. 7–20.

¹⁷ *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 139–141, 242; *Металлургические заводы Урала...* С. 515–516; *Акифьева Н.В.* Указ. соч. С. 85–90.

4. Ф.П. НИКИФОРОВ И А.В. ТАТАРИНОВ. ВОГАУ и К°

Компания петербургского купца первой гильдии потомственного почетного гражданина Федора Петровича Никифорова и стерлитамакского купца второй гильдии Агафа (Асафа) Васильевича Татарина 30 сентября 1860 г. купила у М.Ф. Гротена Кагинские заводы. В купчей заводы были оценены суммой в разме-

ре 175 907 руб., за которую, видимо, и были проданы. Накануне сделки из-за отсутствия запасов провианта и несвоевременной выплаты рабочим заработной платы, заводы взяли в казенный присмотр¹.

Оба новых владельца проживали в Петербурге (Ф.П. Никифоров – в IV квартале Московской части в собственном доме, А.В. Татаринов – на даче за Нарвской заставой). О последнем известно со слов директоров Компании Кнауфских заводов, которые пытались в 1862–1863 гг. сдать ему в аренду Иргинские и Саранинские заводы, что Агаф Васильевич был «горнозаводским уроженцем, бывшим некогда мастером, приказчиком и управляющим», т. е. имел опыт управления, вероятно, теми же Кагинскими заводами. Его широко образованный сын Иван, родившийся в Каге, позже станет управляющим и оставит заметный след в местной истории².

После покупки купец А.В. Татаринов прибыл на Кагинские заводы и лично убедился в их «жалком состоянии», но, как свидетельствовал исправник, «не имел средств ни к уплате денег рабочим (к этому времени долг по заработной плате составлял три месяца. – *Е.Н.*), ни к заготовлению провианта». Отправленных же Ф.П. Никифоровым из Петербурга 15 тыс. руб. оказалось недостаточно. Описывая положение заводов, исправник предостерегал Министерство внутренних дел, что «все вообще заводские крестьяне дурно развиты нравственно, а вследствие недовольства своим управлением и от недостатка средств большего числа их к безбедному существованию в них давно уже поселился дух своеволия и сильного нерасположения к своему управлению». По его мнению, этот «дух до сих пор не проявился гласно» только потому, что «крестьян сдерживает нетерпеливое ожидание объявления воли, как они говорят, понимая это в смысле безусловного прекращения всякой зависимости от владельцев». «Прекращение могущих возникнуть беспорядков, – заключал исправник, – невозможно будет достичь путем только одних миролюбивых внушений и убеждений, не слишком доступных для понимания заводских крестьян»³.

Напуганное ростом народного движения, правительство в это время шло на рассрочку долгов и выдачу ссуд многим заводчикам, тем спасая их от разорения. Так случилось и с новыми владельцами Кагинских заводов. Из Заемного банка им выдали ссуду в размере 104 700 руб., из Государственного казначейства – 58 909 руб. По высочайшему повелению от 30 июля 1861 г. были рассрочены на четыре года долги по ссуде из Екатеринбургской банковской конторы под залог металлов и ссуда в размере 15 тыс. руб. из Уральского горного правления. В марте 1862 г. купец Ф.П. Никифоров уже ходатайствовал о снятии с заводов казенного присмотра, «признаваемого им для заводов стеснительным и убыточным». Сенат дал на это разрешение, и в мае 1862 г. Кагинские заводы перешли в совместное управление новых владельцев⁴.

Однако той же весной 1862 г. произошло сильное наводнение, парализовавшее действие Узянского завода, где случился еще и пожар в доменном цехе. Наводнением Кагинскому заводу тоже был нанесен серьезный ущерб, который для двух заводов оценивался в 100 тыс. руб. сер. Заводское действие было приостановлено⁵. В августе 1862 г. А.В. Татаринов предпочел продать свою «половинную часть» заводов компаньону. «По обоюдному соглашению» с переводом на Ф.П. Никифорова казенного долга Кагинские заводы за 99 797 руб. переходили в его единоличную собственность. Горный департамент «не встретил препятствий» к совершению сделки, которая и была утверждена Петербургской гражданской палатой 11 октября 1862 г.⁶

Вскоре А.В. Татаринов отправил недавно назначенному министром финансов М.Х. Рейтерну письмо, которое свидетельствует, что покупка заводов, а затем и бы-

страя их продажа были вовсе не спекуляцией купца, а вполне обдуманым шагом, основанным на непосредственном знакомстве с заводами. «Лет семь тому назад я имел счастье пользоваться вниманием Вашего Превосходительства и разговаривать о делах заводских, – писал он. – Все добрые люди, опечаленные упадком уральских заводов, обрадованы настоящим назначением Вашего Превосходительства; мне также приятно было лично засвидетельствовать Вам почтение, но Вы были нездоровы, а потому при непрерывном занятии Вашего Превосходительства я не осмелился более беспокоить. Между тем по продаже половины своей в Кагинских заводах товарищу моему Никифорову, привычка к заводскому делу увлекла меня в намерение взять Кнауфские железоделательные заводы, которые приготавливают ныне к каравану железа много менее половины прежнего и потом должны закрыться, не оставя ни одной пылинки никаких запасов, и Государственный банк вряд ли когда-либо получит свой долг сполна с этих заводов; а если у меня дело с Кнауфской компанией состоится, то банк будет обеспечен и компания не все потеряет»⁷. Эти строки свидетельствуют, что продажа доли Кагинских заводов связывалась А.В. Татионовым с возможной арендой Кнауфского округа и его последующей покупкой. Когда аренда, в обеспечение которой купец намеревался отдать векселя своего бывшего компаньона, не состоялась, Кнауфские заводы закрыли, казенный долг не был заплачен, как и предполагал дальновидный стерлитамакский купец.

В единоличном владении Ф.П. Никифорова состояние Кагинских заводов еще долго не улучшалось. «Со времени разрушения в Узянском заводе плотины и повреждения таковой же в Кагинском заводе истекает уже другой год, и к восстановлению в сих заводах производительности требуется возобновить в первом – плотину и в обоих – все устройства, разрушенные наводнением, и на все это задолжать весьма значительный капитал; заводовладелец же купец Никифоров не принимает по сему никаких решительных мер», – жаловался исправник в начале 1864 г. Он сообщал, что на пополнение накопившейся недоимки невозможно даже секвестировать металл, поскольку остановленные заводы его не выплавляли. На владельца поступила жалоба и от Оренбургского губернского правления, озабоченного отсутствием платежей земских податей и «крайне бедственным положением заводских крестьян», оставшихся без работы и заработка. Они, по оценке мирового посредника Шмакина, «не только не могли уплатить денежные сборы, но даже лишены средств на пропитание себя». Он предлагал накопившиеся недоимки «обратить на заводовладельца, который остался должен крестьянам за прежние заводские работы». Посредника поддерживали и сами крестьяне. Они «отозвались, что по непроизводству работ и неполучению от заводовладельца заработанных денег (по Кагинскому заводу до 5 тыс., по Узянскому – 20 553 руб.) не имеют средств для взноса повинностей, присовокупляя, что купец Никифоров, ведя в Санкт-Петербурге торговлю и имея дома, в состоянии уплатить те деньги».

Однако заводчику ситуация представлялась иной. Он решительно протестовал против обвинений в неплатеже земских повинностей, полагая, что Кагинские заводы, как посессионные, и не должны были их платить. Он также сообщал, что уже отправил 10 тыс. руб. «для расплаты с рабочими». «Что же до восстановления заводского действия, – писал он, – несмотря на значительность расходов, мною употребляются все усилия, и заводское действие будет непременно восстановлено, и произошедшие от пожара и наводнения повреждения исправляются и в непродолжительное время будут окончены». Между тем мировой посредник сообщал, что «отзыв Никифорова был несправедливым», так как его поверенный «удов-

летворил рабочих только по 20 коп. на 1 руб., всего на сумму несколько свыше 4 тыс. руб., и на восстановление заводского действия со стороны заводовладельца не было принято никаких мер, не заготовлены материалы и не поправлены механизмы». В результате разбирательства губернское правление в марте 1864 г. определило, «не входя в дальнейшую переписку, служащую лишь напрасной проволочкой времени», подвергнуть заводы уклонявшегося от своих обязанностей Ф.П. Никифорова описи и публичной продаже в целях погашения недоимки, а также взыскать с него накопившиеся земские долги «с тем, чтобы в случае недостатка вырученной от продажи суммы пополнить таковую из прочего имения Никифорова, нахотившегося в Санкт-Петербургской губернии»⁸.

Под давлением таких обстоятельств Федор Петрович обратился к министру финансов с просьбой еще на два года отсрочить долги «с принятием в обеспечение принадлежащего ему в Петербурге дома». Как писали чиновники, он «объяснил причины, по коим был поставлен в невозможность по настоящее время восстановить заводское действие, уведомив, что для ускорения, насколько будет возможно, медленности в этом деле он в марте лично отлучается на заводы и употребит все зависящие от него меры». Поверив владельцу, М.Х. Рейтерн разрешил новую отсрочку, «не приступая к продаже заводов».

Через год, в июне 1865 г., исправник П.В. Пономарев рапортовал, что несмотря на обещания владельца никаких перемен на заводах не произошло. «Со времени смерти доверенного на управление сими заводами торгующего крестьянина Николаева (в апреле) и по настоящее время в них нет ни одного уполномоченного лица от Никифорова для составления заводууправления или наблюдения за сохранением заводского имущества, а наименование заводских контор остается в одном лишь неодушевленном строении с документами под охранением сторожей, – сообщал он. – В таком положении Кагинский и Узянский заводы остаются в бездействии более трех лет по нерадению самого владельца Никифорова к возобновлению на них производительности». «По невозстановлению в Кагинском и Узянском заводах действия... они с мая 1862 г. не приносят никаких доходов, посредством которых могло бы быть сделано погашение долга сохранной казне (недоимка тогда достигла 12 тыс. руб. – *Е.Н.*), – констатировало Уральское горное правление. – Крайне критическое положение заводов и населения оных не только донныне не устранено, но время от времени становится хуже, так что нет надежды на восстановление их заводчиком, и к взысканию имеющихся на тех заводах казенных долгов не представляется другой меры, кроме немедленной их продажи»⁹.

Истечение трехлетнего срока остановки предприятий и угроза публичных торгов действовали, и Федор Петрович наконец появился на Урале. «Владелец Никифоров по прибытии в июле 1865 г. в заводы сделал распоряжения о приведении в должный порядок для возобновления действия их всего поврежденного наводнением и к постройке вновь доменных мехов в Узянском заводе, – извещал исправник. – Вследствие этих распоряжений с сентября... пудлинговые и сварочные печи в Узянском заводе, обрабатывавшие бывший остаток чугуна в железо посредством прокатной машины, приведены в действие силою паровых машин, а в Кагинском – одного кричного молота, чрез каковые работы получено железа в Узянском заводе – сортового более 15 тыс. пуд., а в Кагинском – кричного полового до 3 тыс. пуд., и есть надежда, что в ближайшее время будут окончены постройкою для действия доменных горнов воздуходувные машины, приводившиеся в движение силой пара»¹⁰.

Заводское производство стало постепенно нарастать, хотя все еще не достигало дореформенного уровня. По оценке Горного правления, Кагинские заводы находились «в неполном действии». Владелец просил о предоставлении ему отсрочки в уплате горных податей с учетом дарованных им льгот мастерам в пользовании провиантом и дровами. В 1868 г. горные чиновники пришли к заключению, что нельзя лишать Кагинские заводы податных льгот, поскольку их «действие было остановлено не по прихоти владельца, а по стечению несчастных обстоятельств, подвергших его весьма значительному убытку», и рекомендовали разрешить льготы в 1867–1869 гг. Горный департамент и министр финансов в феврале 1869 г. согласились с этим мнением, но с условием, чтобы «льготы не распространялись на металлы, выплавленные свыше того, что было выплавлено в предшествовавшее льготному периоду время, и чтоб в счет льгот была зачислена податная недоимка за 1862 и 1866 гг.»

Вместе с тем у горных властей возникло предположение о махинациях купца с залогом металлов в Екатеринбургской банковской конторе. В 1868 г. на заводы направили чиновника особых поручений П.Н. Трубинова «для производства удостоверения по совершенному залогу». При обнаружении подлога ему предписывалось «приступить к описи, оценке и продаже заводского имущества». В ходе следствия выяснилось, что заложенные 13 750 пуд. железа все-таки были выделаны и «состояли при заводах налицо ко времени залога», но затем большая часть железа была израсходована «на устройство плотины в Узянском заводе, доменных мехов и на другие надобности», а оставшаяся продана «разным лицам в удовлетворение безотлагательной надобности в деньгах на восстановление заводского действия по случаю постоянных настояний о том со стороны горного и гражданского начальства». Хотя П.Н. Трубинов убедился, что заводоуправление вполне может пополнить недостаток в секвестированном железе, обнаруженное нарушение не могло остаться без последствий. Кагинские заводы подверглись штрафу в размере 3076 руб., но, поскольку не могли его уплатить, исправнику С.А. Вандышеву было предписано «брать в секвестр все выделанное железо впредь до полного обеспечения долга». Уже в мае 1869 г., когда на продажу под присмотром исправника было отправлено секвестированное железо, инцидент был исчерпан, но в тот год Кагинские заводы вновь остановились¹¹.

На основе косвенных данных можно предположить, что это в первую очередь объяснялось кончиной Ф.П. Никифорова и следовавшими за этим осложнениями. Долги уральского имения петербургского купца послужили, видимо, причиной того, что его наследники отказались принимать обремененное долгами наследство. Заводы, состоявшие в залоге у Петербургской сохранный казны, за накопившуюся недоимку были взяты в опеку и выставлены на продажу. По сообщению мирового посредника, в 1875 г. заводское население все еще продолжало пользоваться предоставленными ему прежним владельцем льготами, но бедствовало без земли и заработка. В следующем году заводы были переведены в разряд владельческих, что, видимо, облегчило их продажу. Купчая на Кагинские заводы между московским торговым домом «Воган и К^о» и Петербургской сохранный казней была подписана 2 сентября 1882 г. Предприятия с выкупленными 17 сентября того же года у башкир-вотчинников 22 545 дес. земли ушли «без торгов» за 130 тыс. руб. при условии восстановления «заводского действия»¹².

Богатейшая семейная фирма Воган (ее главным распорядителем был тогда Максимилиан Гуго Воган – сын основателя торгового дома московского купца первой гильдии, немца по происхождению М.М. Воган) к этому времени уже со-

стояла мажоритарным акционером Белорецкого общества, владевшего одноименными заводами. В 1874 г. они были куплены обществом у конкурсного управления над имениями Н.И. Пашкова и С.И. Пашкова. Кагинский округ граничил с Белорецким; он был приобретен фирмой *Boгау*, видимо, в расчете на развитие ее уральского горнозаводского хозяйства, усиленного объединением ресурсов двух смежных округов. Но прежде чем в 1897 г. это случилось, прошло 15 лет. В течение этого времени после длительной остановки был пущен в 1884 г. Кагинский завод, построены доменная печь, проволочно-волочильная, гвоздору́бная фабрики и механическая мастерская. После прошений оставшихся без заработка мастеровых в 1894 г. началось строительство домны на Узянском заводе, пущенной через два года. Окружной инженер 27 февраля 1896 г. доложил, что «печь постройкою окончена и завод пущен в действие». Рядом были возведены 50 «углесадных печей». Заводские жители жаловались, что от печей «распространялась масса дыма» и им «приходится в летнее время окна в домах не открывать и помещений не проветривать, от чего бывают различные заболевания». Инженер же утверждал, что дым не мог причинить им «какого-либо особого вреда как по своей малой густоте, так равно и в силу своего дезинфицирующего действия»¹³.

В Белорецке 20 февраля 1897 г. поверенный акционерного общества московский купец второй гильдии В.А. Кузнецов (управляющий Белорецким округом) и поверенный торгового дома «*Boгау и К^о*» Л.С. Ленчовский «совершили акт купчей крепости». «Два чугуноплавильных и гвоздарно-волочильных завода под названием Кагинский и Узянский» с дачей в 22 126 дес. земли перешли в собственность Общества за 160 тыс. руб. сер., «каковые деньги Торговым домом были сполна получены»¹⁴. В результате этой сделки Кагинский округ оказался частью объединенного хозяйства и стал снабжать чугуном Белорецкие заводы.

Но начавшийся вскоре промышленный кризис привел к остановке в 1902 г. доменного производства на Кагинском заводе; в 1911 г. пожар уничтожил проволочно-гвоздарную фабрику. Узянский завод продолжал действовать до национализации. Во время Первой мировой войны акции торгового дома «*Boгау и К^о*» под давлением правительства были скуплены Петербургским международным банком, включившим Белорецкое общество в объединение «Коломна–Сормово». В 1917 г. это объединение купило также Катав-Юрюзанский округ князя К.Э. Белосельского-Белозерского, рассчитывая создать на Южном Урале крупнейшее горнозаводское хозяйство на основе Магнитогорского месторождения железной руды (которое было утверждено за Белорецким обществом)¹⁵.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1635. Л. 1, 3–6; Ф. 43. Оп. 1. Д. 246. Л. 40–51; Д. 331. Л. 1.

² Рассказ одного путешественника о с. Кара // Режим доступа: <http://www.uraltour.ru/?page=cont&id=1039263259&sub=read&item=770450855>.

³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 331. Л. 19–22, 44.

⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1635. Л. 130; Д. 475. Л. 3; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1066. Л. 7.

⁵ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1993. Ч. 2. С. 71–72.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1066. Л. 1–2, 5, 8.

⁷ Там же. Д. 1073. Л. 7.

⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 475. Л. 26–29, 32–32 об., 35–42.

⁹ Там же. Л. 72–73; РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 331. Л. 11–12.

¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 475. Л. 51, 66, 72–73, 81.

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 555. Л. 1–3, 6–8.

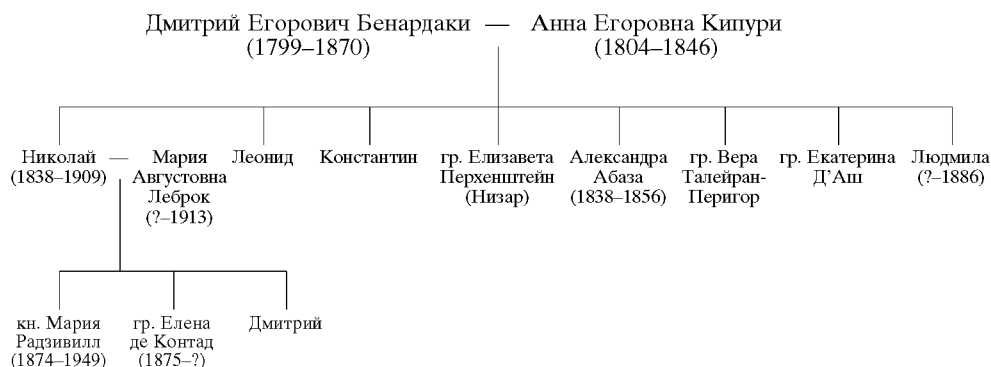
¹² Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С. 73; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 386. Л. 4–6.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 363. Л. 10, 17, 19.

¹⁴ Там же. Д. 386. Л. 4–6, 7.

¹⁵ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 71–73, 238–240; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 239–240, 467–468.

5. Д.Е. БЕНАРДАКИ И НАСЛЕДНИКИ

Отставной поручик и потомственный российский дворянин (представление Сената от 28 ноября 1850 г. было утверждено 6 сентября 1861 г.)¹ греческого происхождения Дмитрий Егорович Бенардаки был крупным винным откупщиком, вследствие чего разбогател, вложил деньги во многие промышленные и торговые предприятия и стал одним из крупнейших в России предпринимателей. Самым значительным его делом была организация в 1848 г. Товарищества Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного пароходства (переименованного в 1854 г. в Камско-Волжское акционерное пароходное общество), построившего знаменитый Сормовский механический завод. В 1857 г. Д.Е. Бенардаки вошел в состав акционеров Главного общества Российских железных дорог. В 1857–1859 гг. он создал золотопромышленную компанию на Ангаре, в 1867 г. – крупнейшую в России Верхнеамурскую золотопромышленную компанию, вместе с купцом В.Н. Рукавишниковым в 1858 г. – Амурскую компанию «для развития деятельности торговой и промышленной», а в 1859 г. – Товарищество Протвинской бумагопрядильной мануфактуры в Можайском уезде Московской губернии². В 1861 г. Д.Е. Бенардаки участвовал в организации акционерной компании «цепного пароходства» по рекам Волга, Ока, Шексна и Москва, а также общества «Сельский хозяин» для «приготовления животных продовольственных веществ и торговли ими» (об этой крупной афере как характерном примере «акционерной деятельности нашего отечества» рассказал Н.А. Добролюбов на страницах сатирического журнала «Свисток»)³. По свидетельству биографов, Дмитрий Егорович владел также кожевенным заводом в Петербурге и медно-чугунным заводом Берда на Гутуевском острове, суконной фабрикой в Белебеевском уезде Оренбургской губернии, Песоченским и Серенским

металлургическими заводами, стеклянным заводом и парусно-полотняной фабрикой в Калужской губернии и др.

На Урале Дмитрий Егорович приобрел три горнозаводских округа. В 1837 г. он купил у Г.И. Осокина владельческий Троицкий округ в Оренбургской губернии с тремя медеплавильными заводами, в 1857 г. – у А.И. Маликова посессионные Кирсинско-Кажимские железоделательные заводы в Вятской и Вологодской губерниях, и в 1859 г. – у Н.Е. Тимашева посессионный же Авзяно-Петровский округ в составе двух железоделательных заводов в Оренбургской губернии.

В своих уральских имениях владелец попытался провести модернизацию металлургического производства, заменив устаревший кричный способ выделки железа пудлингованием. Особенно интенсивно техническая перестройка шла на Авзяно-Петровских заводах; на Кирсинско-Кажимских новую технологию успели внедрить на одном только Кирсинском заводе. Кризис и начавшиеся в стране реформы не позволили Д.Е. Бенардаки осуществить все свои планы. По мнению управляющего Кирсинско-Кажимского округа Н.Е. Могула, это было вызвано «затруднениями, встреченными в найме опытных рабочих после отмены крепостного труда... а также упадком цен на Нижегородской ярмарке на железо, выделанного кричным способом». Главным же препятствием в развитии заводов стала отмена винных откупов в 1862 г., в результате чего Д.Е. Бенардаки понес крупные убытки и остался должен казне многомиллионную откупную сумму за содержание питейных сборов в Восточной Сибири и Новороссийском крае.

Поскольку его капиталы были предпринимательскими, расплатиться с казной Дмитрий Егорович мог только с помощью своих многочисленных имений. Так, он просил «в облегчение платежа состоящей на нем откупной недоимки» по Восточной Сибири принять в казну Кирсинско-Кажимские заводы. Расписывая, в частности, достоинства Кирсинского и Песковского заводов, составлявших самостоятельный производственный комплекс, он сообщал, что там выплавляется до 360 тыс. пуд. чугуна и 200 тыс. пуд. сортового железа высшего качества, «повсюду находятся пласты весьма чистых руд... средним содержанием до 40% железа», земельные дачи включают 209 тыс. дес., в том числе 176 тыс. дес. леса. По территории округа протекала сплавная р. Вятка, на которой были устроены две пристани. Оценив десятину в 5 руб. (по средней цене за землю в Слободском уезде), владелец высчитал, что стоимость округа вместе с заводами и заготовленными припасами составляет 1 954 292 руб. Он полагал, что «в виду намерения Правительства устроить при Воткинском заводе выделку броневоего железа» его предприятия, взятые в казну, «могут с особенною пользой содействовать к скорейшему и выгоднейшему достижению этой цели»⁴.

Министр финансов М.Х. Рейтерн с участием отнесся к этому предложению, но попросил главного начальника уральских заводов А.А. Иоссу проверить сведения, поступившие от владельца, и представить свое мнение о возможности принятия заводов в казну. Дело ускорило повеление Александра II от 1 мая 1864 г. «предоставить министру финансов провести оценку чугуноплавильных и железоделательных заводов Бенардаки... если таковые могут быть полезны для казны, и окончить оную в течение текущего года». Министр должен был не только определить, «какие из тех имений могут быть приняты в уплату откупной недоимки», но и решить «каким способом пополнить остальную недоимку, если таковая окажется за обращением имений в казну».

В продолжение 1864 г. вопрос обсуждался как на Урале, так и в Петербурге, где рассматривались записки инженер-капитана В.И. Мёллера, знакомого с положени-

ем Кирсинско-Кажимских заводов, и специального командированного туда инженер-капитана В.И. Тимофеева. Поступил также отзыв от А.А. Иоссы и, наконец, «для ближайшего и самого точного удостоверения в положении и стоимости предлагаемых казне заводов» сам директор Горного департамента В.К. Рашет осмотрел их во время поездки на Урал. Эксперты пришли к общему мнению, что три вологодских (Кажимские) завода Д.Е. Бенардаки «по отдаленности, невыгодному положению и дурному устройству не могут действовать с выгодой... и всякая затрата на них капитала будет бесполезна». Два вятских (Кирсинские) завода выглядели привлекательнее. Их дачи были богаты рудами, «хотя и невысокого качества, но весьма чистыми», чугун «отличного качества... без остатка переделывался в прекрасное железо», хотя количество печей и прокатных устройств оставалось недостаточным. Выяснилось, что еще во время пожара 1850 г. Песковский чугуноплавильный завод лишился почти всех своих лесов, но их утрату можно было легко восполнить за счет окружавших его казенных дач. Отвод лесов в перспективе позволял поднимать производительность завода до 500 тыс. пуд. чугуна.

В связи с этим В.И. Мёллер полагал возможным приобрести в казну Песковский завод, выплавлявший чугун, «годный для отливок орудий». Кирсинский завод, специализировавшийся на выделке товарных сортов железа, по его мнению, был бесполезен для казны или требовал значительного переустройства. А.А. Иосса считал, что снабжение песковским чугуном Камско-Воткинского завода, как предлагал Д.Е. Бенардаки, не будет удобно из-за дороговизны перевозки и не сможет устранить уже запланированное казной строительство доменного завода возле с. Кай в северо-восточной части Слободского уезда. Некоторые перспективы имело, на его взгляд, изготовление рельсов на вятских заводах. «Но, имея в виду, что приготовленное на сих заводах железо очень мягко, – сообщал он министру, – я опасаясь, что оно не будет давать прочных рельсов. В таком случае можно будет в Кирсинском заводе готовить железо для потребностей флота и артиллерии, на выделку же рельсов обратить Воткинский завод или же испытать обработку чугуна Песковского завода на сталь способом Бессемера и из нее готовить рельсы, которые... будут дороже, но гораздо прочнее железных». При назначении цены он полагал необходимым учесть, что земли посессионных заводов «суть казенные... и потому принять их в уплату казенного долга будет несправедливо». С учетом этих соображений, главный начальник полагал возможным «взять заводы Бенардаки, если он согласен будет отдать их за 400, но не более 500 тыс. руб.»

Основанное на отзыве В.И. Тимофеева, мнение В.К. Рашета также было не в пользу покупки заводов Д.Е. Бенардаки. «Железные руды, – докладывал он министру, – не представляют коренных месторождений и неблагонадежны... увеличение казенных горнозаводских дач, без того уже огромных... еще более усложнит администрацию казенных заводов, и едва ли возможно ожидать той пользы, которую должен приносить затраченный капитал на эту покупку и на приведение заводов в надлежащее положение с обеспечением их всеми необходимыми материалами». Директор департамента считал «более выгодным и скорее осуществимым ввиду оказывающегося недостатка в чугуне для удовлетворения потребностей казенных заводов возведение нескольких доменных печей в горнозаводских округах, уже принадлежавших казне»⁵.

В ноябре 1864 г. В.К. Рашет получил письмо от Д.Е. Бенардаки, видимо, следившего за обсуждением важного для него вопроса. «Предлагая Правительству принять от меня в уплату откупной недоимки заводы в Вологодской и Вятской губерниях, – извещал он, – я означил стоимость их мне с лишком в 1,5 млн руб., но до се-

го времени не имел случая заявить, за какую сумму я согласен уступить их казне. Ныне, получив сведения от заводууправления, что все материалы о заводах собраны и доставлены в Министерство, я нахожу благовременным назначить цену, за которую могу отдать их в пополнение недоимки... Желая добросовестно рассчитаться с казной... я готов отдать все пять заводов за сумму 1 млн руб. ... Полагаю, что назначенная мною цена при самом выгодном положении заводов, огромном количестве земли и неистощимости рудников более, нежели умеренная. При том же принятие в казну моих имений при совершенном истощении моих средств Всемилоостивейше разрешено в видах доставления мне облегчения в расчетах моих с казной за откупные недоимки... образовавшиеся от таких случайных обстоятельств, которые нисколько не зависели от моей вины, а тем менее от опрометчивости. Но, если бы Правительство признало эту цифру не соответствующей своим видам, в таком случае при некоторых облегчениях по другим расчетам моим я готов сделать некоторую уступку даже и из миллиона рублей»⁶.

Уступка в цене, вероятно, обусловливалась все ухудшавшимся положением заводов. Незадолго до этого владелец даже решился на остановку на три года Кажимского, Ньючасского и Ньючимского заводов, о чем заводууправление 14 октября 1864 г. просило разрешения Уральского горного правления. В январе 1865 г. на этих заводах прекратилась выплавка чугуна, в октябре – выделка железа. Д.Е. Бенардаки 24 марта того же года предписал закрыть еще действовавшие Кирсинский и Песковский заводы. Несмотря на то что владелец обещал обеспечить рабочих годовым запасом провианта (как требовалось в таком случае законом), Горное правление получило ходатайство от крестьян «о продолжении заводского действия», что подтолкнуло власти к принятию долгожданного решения⁷.

Оно, очевидно, стало компромиссом, достигнутым между владельцем и казной, которая, окончательно отказавшись от вологодского округа, согласилась принять вятский округ (даже при отрицательных отзывах специалистов). Видимо, было учтено, что недоимка, действительно, образовалась не по вине откупщика, а вследствие государственной реформы, и другого пути к скорейшему погашению долга не предвидится. Комитет министров 22 июня 1865 г. рассмотрел «дело об откупных расчетах», а 2 июля было утверждено положение о передаче в казну Песковского и Кирсинского заводов Д.Е. Бенардаки за условную сумму 500 тыс. руб. «в уплату состоявшей на нем недоимки по откупам Восточной Сибири». Бывший владелец обязывался «сдачу заводов горному ведомству произвести в шестимесячный срок». В противном случае соглашение признавалось несостоявшимся, что вело ко взысканию недоимки «на общем основании». Купчая крепость была совершена 20 мая 1866 г.; два теперь уже бывших завода Д.Е. Бенардаки с принадлежавшими им лесными дачами и рудниками поступили в ведение Министерства финансов⁸. За весь XIX в. это был единственный случай перевода частного горнозаводского округа на Урале во владение казны, вызванный не государственными потребностями, а особыми причинами.

Роль Вятского округа (как стали официально называться Кирсинские заводы) в уральском казенном хозяйстве, а также его состояние в течение 13 лет казенного владения проясняют несколько записок горных чиновников. После принятия заводов в казну им дали пособие в 40 тыс. руб. Но, по расчетам назначенного управляющим инженера А.Г. Шкларевица, для составления оборотного капитала необходимо было дополнительно выделить еще более 202 тыс. руб. Департамент экономики Государственного совета в апреле 1866 г. одобрил «экстраординарный кредит» для Вятских заводов, но потребовал «при общей невыгодности сих заводов для каз-

ны... в управлении и содержании их соблюсти возможную бережливость, дабы вместо прибылей... казна не понесла бы от них убытков». Было предложено сократить расходы до 174 тыс. руб. за счет приведения расходов по управлению, на содержание больных и медицинский персонал, а также на покупку провианта в соответствии со штатами Камско-Воткинского завода⁹.

Соотнесение расходов по Вятским заводам с расходами по Воткинскому заводу, с середины XVIII в. находившемуся во владении казны, не было случайным. Старый и новый казенные округа не только располагались поблизости друг от друга в пределах одной губернии, но и, согласно плану Горного департамента, должны были отчасти кооперировать свое производство. «Пока на Кирсинском и Песковском заводах существовало одно кричное производство, – сообщал чиновник Г.Г. фон Панневиц, – до тех пор железо этих заводов было известно своею доброкачественностью и, славя на ярмарках под названием маликовского, по имени владельца, от которого эти заводы перешли Бенардаки, пользовалось значительным спросом. При владельце Бенардаки... было введено в Кирсинском заводе пудлингование и тогда же обнаружилось вредное влияние серы на качество железа, приготовленного пудлингово-сварочным процессом. Репутация кирсинского железа быстро упала на рынках, и управление завода не сумело восстановить ее. Только с поступлением заводов в собственность казны... была достигнута возможность получить доброкачественное железо как кричным, так и пудлинговым процессом безразлично». Инженеры провели тщательный химический анализ всех добываемых в округе руд, что позволило рассортировать их «на чистые и нечистые, т. е. с примесью серы». Первые из них стали использоваться при выплавке литейного чугуна, который в количестве 60–80 тыс. пуд. ежегодно отправлялся на Воткинский завод или «прямо для Морского ведомства в Кронштадтский порт на приготовление чугунных вещей». Песковский чугун, выплавленный из «нечистых» руд, поступал на Кирсинский завод «на приготовление железа кричным процессом и давал металл весьма доброкачественный». Пудлингование же велось на чугуне, «совершенно свободном от примеси серы»¹⁰.

Как и при Д.Е. Бенардаки, действие заводов ограничивалось возможностями вырубки приграничных к ним лесов, большая часть которых выгорела еще в 1850 г. Особенно пострадала дача Песковского завода: ее лесная площадь сократилась с 90 958 до 17 940 дес. Управляющий А.Г. Шкларевич сообщал, что «нехозяйственное пользование лесами имело весьма неблагоприятные результаты: ближайшие насаждения вокруг завода вырублены... образовавшиеся груды валежника на выгоревших местах сгнили и оказались негодными для углежжения». Топливо приходилось заготавливать в соседней даче Кирсинского завода из горелого леса, который тоже быстро вырубили. В 1872 г., когда Вятские заводы были уже назначены к продаже в частные руки, главный начальник И.П. Иванов доказывал министру финансов, что наделенные лесами заводы «получат в глазах покупателей значительно большую ценность» и вместе с управляющим просил передать им соседнюю Таволжанскую дачу. Однако Министерство государственных имуществ разрешило Песковскому заводу лишь заготавливать лес из этой дачи, да и то «не безденежно, а за плату по действующей таксе». Управлявший министерством князь Д.А. Оболенский ссылался при этом на то, что «на безденежный отпуск леса для действия казенных горных заводов не имелось законного основания». Установленные при казенном владении условия пользования лесами Таволжанской дачи были унаследованы новыми владельцами Пастуховыми, которым в 1879 г. были проданы Вятские заводы¹¹.

В 1865 г. Комитет министров рассмотрел вопрос о приобретении не только Кирсинских заводов, но и других имений Д.Е. Бенардаки в счет откупной недоимки. По договоренности с ним решилась и судьба владельческого Троицкого округа, ценность которого для казны заключалась не в медеплавильных заводах, а в земельных дачах площадью 111 120 дес. Вместе с приобретенными Д.Е. Бенардаки в 1858 и 1859 гг. имением Сычовка в Одесском уезде (9481 дес.) и хутором в Анапском уезде (3118 дес.) они поступили в ведомство Министерства государственных имуществ за 912 582 руб. В соответствии с купчей, заключенной 20 декабря 1865 г., «сумма сия не выдавалась ему, Бенардаки, а, согласно утвержденному 2 июля 1865 г. положению Комитета министров, зачитывалась в уплату состоящей на нем недоимки по откупам Восточной Сибири с освобождением его от уплаты крепостных пошлин».

Когда 19 марта 1866 г. казна вступила во владение приобретенными землями и лесами, производство на Верхнетроицком и Усень-Ивановском заводах было оставлено (Нижнетроицкий завод закрыли еще в 1862 г.). В сентябре 1868 г. на запрос Министерства финансов, будет ли возобновлена работа, Д.Е. Бенардаки сообщил, что один из двух еще не разрушенных Троицких заводов («деревянный») он намерен сломать, а другой («каменный») оставить на прежнем месте и земли под ним приобрести в собственность, что, вероятно, не было осуществлено¹².

Остановка заводов вызвала полемику между Министерством государственных имуществ и владельцем по поводу «обеспечения временнообязанных мастеровых», которых по закону 3 декабря 1862 г. следовало предупредить об этом за год до закрытия заводов, а затем еще и «продовольствовать» в течение года. В дополнение к требованию местного гражданского начальства взыскать с заводчика деньги в этих целях в октябре 1868 г. в Горный департамент поступило письмо из Синода. В нем сообщалось, что священник единоверческой церкви Верхнетроицкого завода вот уже более двух лет не получал «ни жалования от казны, ни дохода от прихожан, которые по прекращению горнозаводских работ разошлись по разным местам, ни от бывшего заводчика, прежде обязавшегося платить ему жалование», и потому «дошел до крайней нищеты». Отделение земель от заводов, состоявшееся в Троицком округе, всех поставило в весьма сложное положение.

Ведомство государственных имуществ настаивало на том, что приняло «лишь земельные угодья и леса, а также некоторые постройки, но не заводы, как не вошедшие в оценку». Они, утверждали чиновники, «доселе составляют собственность г-на Бенардаки» и, стало быть, претензии мастеровых и церковного причта «касаются до самого заводовладельца, а не до ведомства государственных имуществ, которое не принимало никакой ответственности за г-на Бенардаки по производству или прекращению действия заводов». Но Дмитрий Егорович и управляющий его делами Кайгородов не признавали за собой этой ответственности. Последний пытался доказать, что «фабричное строение не было введено в общую опись и оценку совершенно случайно, иначе сохранение за г-ном Бенардаки одной фабрики без плотины и пруда и даже без земли под фабрикой не могло бы дать ему возможность продолжать заводское действие». «Продав всю заводскую дачу и землю под фабричное строение, – уверял он, – г-н Бенардаки уже не может считаться владельцем завода, прекратившим его производство, и поэтому ответственность за закрытие завода должна упасть на нового владельца, т. е. на казну». Хотя Д.Е. Бенардаки, действительно, не сделал «формального заявления» о продаже заводов, как это полагалось по закону, но и рабочим, и мировому посреднику было известно о его намерениях еще в 1863 г., когда он предложил правительству приобрести заводы в

счет откупной недоимки. «Все лето следующего года, – писал управляющий, – работала на месте оценочная комиссия и, наконец, сам г-н Бенардаки лично говорил о том в 1864 г. на сходке крестьян Верхнетроицкого завода» (когда, видимо, в последний раз посетил эти свои заводы)¹³.

Министерским чиновникам, конечно, трудно было поверить, что столь существенная ошибка не была замечена заводчиком при заключении купчей, где было записано, что «движимое имущество, не вошедшее в оценочную ведомость Министерства государственных имуществ... остается во владении Бенардаки». Дополнительно они обратились к сохранившейся переписке с владельцем, из которой следовало, что он не отказывался даже и от права на рудники и собирался выкупить заводскую территорию. Это, полагали чиновники, доказывало его намерение возобновить производство. Но неожиданно бывшего владельца поддержал главный начальник уральских заводов А.А. Иосса, который к уже сообщенным аргументам добавил, что заводское население вовсе не нуждалось в дополнительной помощи, поскольку уже «получило от Бенардаки большое пособие и обратилось до закрытия еще заводского производства к хлебопашеству и промыслам». «Такое положение рабочих, освобожденных притом от податей и повинностей, – полагал главный начальник, – никак нельзя назвать необеспеченным и требовать еще дарового пособия хлебом».

Рассудить сложный спор поручили Горному совету. В ноябре 1870 г. он признал, что «заводчик Бенардаки в обыкновенных обстоятельствах дела... был бы обязан исполнить установленное законом правило о продовольствии населения... но при особых обстоятельствах, когда он не мог продолжать заводское действие, ибо от него отошли плотина и пруд, а казна не имела в виду продолжать действие завода, вследствие чего и заводские строения были исключены из оценки и оставлены заводчику на взнос», правила 3 декабря 1862 г. «к настоящему случаю не могут применяться». Более того, совет вообще высказался за пересмотр этих правил. «Они уже устарели и только затрудняют необходимую для частной промышленности свободу действий», – решили либерально настроенные «горные генералы». Но, как оказалось, постановление местного начальства о взыскании с Д.Е. Бенардаки 10 тыс. руб. «взамен безвозмездного отпуска провианта и дров» к тому времени уже вступило в силу, и заключение Горного совета запоздало. Министр финансов М.Х. Рейтерн решил в данном случае «остановиться на буквальном смысле закона» и заняться пересмотром правил его применения в будущем¹⁴.

В такой ситуации Д.Е. Бенардаки, видимо, предпочел заплатить бывшим крепостным, нежели настаивать на своих правах и восстанавливать деятельность хотя бы одного из Троицких заводов. Оставшееся имущество, наверное, было распродано. В 1876 г. на запрос Горного правления учрежденная тогда опека над наследниками уже умершего Д.Е. Бенардаки ответила, что Троицкие заводы в ее ведение не поступали и «в состав подлежащего имущества наследников отставного поручика Бенардаки не входили». «Не представлялось более надобности» и в заявленных рудниках на башкирских землях¹⁵. Таким образом, за счет двух горнозаводских имений была оплачена недоимка по восточносибирским откупам.

Тем же положением Комитета министров, а также дополнительным указом от 14 января 1866 г. недоимка по Херсонской губернии в размере 1 млн руб. была рассрочена Д.Е. Бенардаки на 25 лет. В состав залогового имущества вошли и оставшиеся у него уральские имения – Авзяно-Петровский и Кажимский округа. Переведенные на puddингование Авзяно-Петровские заводы на протяжении этих лет не останавливались; они были кооперированы владельцем с принадлежавшим ему в

Нижнем Новгороде Сормовским механическим и железоделательным заводом, где в 1870 г. был пущен первый в России мартен. За счет доходов этого промышленного комплекса, а также сибирских и амурских золотых промыслов в основном, видимо, и погашалась откупная недоимка. Владение же вологодскими Кажимскими заводами оставалось проблематичным.

Когда в 1868 г. истек срок их временной остановки, исправник доложил в Горное правление, что «смотритель этих заводов временнообязанный крестьянин И.М. Ефимов ни от Главной конторы, ни от заводовладельца не имел никаких распоряжений о принятии мер к восстановлению заводского действия». Когда дело дошло до министра финансов, тот получил прошение от Д.Е. Бенардаки, в котором «объяснил причины, вынудившие его временно приостановить действие означенных заводов, прося о продлении срока для их восстановления еще на два года, т. е. по 1 января 1871 г.» Дело об отсрочке еще не завершилось, когда повод к нему как будто отпал: Уральское горное правление уведомило, что в 1870 г. действие заводов возобновилось¹⁶. Но, как сообщал безымянный автор исторической записки о заводах Д.Е. Бенардаки, это было лишь временное возобновление работы одной кричной фабрики Ньючимского завода, которую «смотритель Ефимов время от времени пускал, чтобы из остатков чугуна наковать железа якобы на покрытие расходов по заводу». На самом деле к этому времени оставшиеся без работы мастеровые уже «разбрелись кто куда, больше всего в Вятскую и Пермскую губернии», оставив семьи, которые «кое-как влачили нищенское существование»¹⁷.

Эти события совпали с кончиной Дмитрия Егоровича Бенардаки 28 мая 1870 г. Как свидетельствуют биографы, тело умершего в Висбадене потомственного российского дворянина и почетного гражданина Греции, одного из крупнейших предпринимателей и благотворителей встречал в Петербурге сам Александр II. Оно было захоронено в возведенной на пожертвования Д.Е. Бенардаки греческой церкви св. Дмитрия Солунского в Петербурге (она была разрушена во время Великой Отечественной войны), а сердце должно было упокоиться в родной ему Греции. В 2011 г. на месте перезахоронения Дмитрия Егоровича в некрополе Александроневской лавры ему был установлен памятник. Еще одним напоминанием о заводчике стал образ помещика Костанжогло во втором томе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, прототипом которого послужил Д.Е. Бенардаки¹⁸.

В соответствии с завещанием, уральские заводы перешли «в равное и нераздельное владение» трех сыновей Дмитрия Егоровича: статского советника в должности церемониймейстера Николая, коллежского асессора Леонида и губернского секретаря Константина. Дочери заводчика Елизавета, Александра, Вера, Екатерина и Людмила, видимо, получили выдел в качестве приданого или были наделены за счет других имений отца. Известно, к примеру, что две из них – графиня Елизавета Дмитриевна Перхенштейн и графиня Вера Дмитриевна Талейран-Перигор – состояли пайщиками Верхнеамурской золотопромышленной компании. Полученное за женой – Александрой Дмитриевной Бенардаки – большое приданое, по воспоминаниям В.П. Мещерского, помогло будущему министру финансов А.А. Абазе начать свою блестящую служебную карьеру¹⁹.

Став владельцами промышленных предприятий отца, в 1872 г. сыновья организовали (вместе с К.Э. Белосельским-Белозерским и И.П. Балашовым) акционерное общество «Сормово», в состав которого вошли и Авзяно-Петровские заводы на Урале. Цель общества заключалась в «выплавке чугуна, выделке железа и стали, построении машин, судов, подвижного состава для железных дорог, рельсов и прочего, а равно самой добыче всякого рода металлов и минералов»²⁰.

В том же году они нашли способ возобновить и работу Кажимских заводов, с тем чтобы предотвратить возможное назначение публичных торгов. По договору, подписанному 18 февраля 1872 г., округ был сдан в аренду екатеринбургскому купцу первой гильдии Еремею Прокопьевичу Трофимову, уже пытавшемуся прежде арендовать Сысертский округ на Урале. Как сообщало Уральское горное правление, заводы были переданы купцу на 12 лет «на правах владельца с обязанностью исполнять все законоположения, относящиеся к посессионным заводам». Но этим-то он и не занимался. В частности, не вносил горные подати за выплавленный в небольшом количестве чугун. По «розыску», учиненному Горным правлением в начале 1875 г., «в заводах не только никаких изделий и имущества не оказалось, но даже и хлеба, потребного для продовольствия рабочих людей не находилось». «Выделка железа и изделий... не производится, – констатировали следователи, – и вообще заводы находятся в самом плохом положении». Сам же арендатор «выбыл с заводов в Петербург для составления компании на приобретение их покупкой». Понятно, что восстановить работу бездействовавших на протяжении семи лет заводов было не просто даже первогильдейскому купцу. Возможно, он и не слишком стремился к этому, решив недорого приобрести находившийся в упадке крупный горный округ, для чего и подыскивал компаньона в столице. Вероятнее всего, к этому шагу его подтолкнуло учреждение опеки над арендодателями.

Как записано в положении Комитета министров от 11 апреля 1875 г., опеку учредили по ходатайству самих сыновей Д.Е. Бенардаки в связи с банкротством Камско-Волжского пароходства и общества «Сормово» и для того, чтобы разобраться с запутанными долговыми обязательствами их владельцев. В течение двух месяцев опекуны должны были привести «в точную известность как ценность имущества, так и общую сумму долгов наследников». Управление составлялось из трех опекунов: «одного по выбору наследников Бенардаки, одного по выбору его кредиторов и одного по избранию двух первых опекунов». Петербургская дворянская опека, в ведении которой создавалось это управление, указом от 5 июня 1875 г. утвердила опекунами действительного тайного советника Н.А. Гернгросса (председателя Общества Орловско-Витебской железной дороги и вице-президента Совета Главного общества российских железных дорог), действительного статского советника К.М. Сементовского-Курило и почетного гражданина М.Н. Журавлева.

Когда первоначальное назначение опеки было исполнено, 12 августа 1875 г. ей было разрешено два месяца продавать «по вольной цене» имения Бенердаки «под условием полного удовлетворения претензий, залогом сих имений обеспеченных». Видимо, установленного срока оказалось недостаточно для реализации всех долгов. Поэтому 19 марта 1876 г. было утверждено новое положение Комитета министров «о продолжении действий опекунского управления». На него возложили как уплату долгов наследников, так и управление их имуществом и «приведение в порядок и окончание дел их». Опекуны могли выступать от имени подопечных в судах, «входить с кредиторами и должниками в добровольные соглашения» и «совершать продажу, залог и перезалог имений... с тем, чтобы при этом не служили препятствием лежащие на них общие запрещения по претензиям». Вырученные суммы предписывалось «обращать исключительно на удовлетворение кредиторов... за предварительным покрытием сполна как долгов, залогом сих имуществ обеспеченных, так и тех претензий, по коим наложены по настоящее время и в установленном порядке специальные запрещения на определенные имения». Указ о том, чтобы все претензии к наследникам Д.Е. Бенардаки, «залогом их имений не обеспеченные», тоже подавались в опекунское управление был издан 1 июня 1876 г.²¹

Опекунам пришлось отвечать и на запросы Уральского горного правления и Горного департамента о неуплаченных податях, сумма которых из-за незначительности выплавки чугуна во время аренды Кажимских заводов составляла всего 2,5 тыс. руб. «В видах предупреждения убыточной для владельцев продажи заводов с публичного торга за столь незначительную недоимку в податях» Горный департамент предложил опекунскому управлению «принять надлежащие меры», т. е. уплатить подати. Но опекуны обещали «пополнить означенную горную недоимку из тех денег, какие будут выручены по продаже одного из имений наследников Бенардаки по вольной цене», и просили приостановить распоряжение о торгах на заводы. Уральское горное правление тем временем предлагало «ограничиться продажей хотя бы одного Нювчимского завода вместе с отведенными дачами». Но и с этим было решено повременить, поскольку опекунское управление уже сделало «предварительное распоряжение» о продаже Кажимских заводов «с переходом на покупателей обязательства уплачивать все долги, лежащие на имении». Тогда же стали известны и имена возможных покупателей (это свидетельствовало о том, кто инициировал продажу заводов): ими оказались сам купец Е.П. Трофимов, нашедший в Петербурге компаньона в лице полковника Емельянова.

Опасаясь, что на торгах «может случиться недовыручка всего откупного долга по Херсонской губернии», обеспечением которого (200 тыс. руб.) служили Кажимские заводы, министр финансов М.Х. Рейтерн отменил уже данное им распоряжение об описи заводов на случай публичной продажи и разрешил купить их появившимся претендентам «с обеспечением уплаты долга не только заводским имуществом, но и прочим своим достоянием». Видимо, именно это условие и оттолкнуло покупателей. В мае 1876 г. опека просила о продаже заводов уже новой компании Е.П. Трофимова и коллежского секретаря П.М. Турчанинова – одного из владельцев Сысертских заводов. Но и эта сделка не состоялась. В 1877 г. опекунское управление сообщало, что Е.П. Трофимов «отказался от участия в приобретении Кажимских заводов», и ходатайствовало о разрешении совершить купчую «на имя одного коллежского секретаря Турчанинова». Это разрешение 3 сентября 1877 г. было дано императором, но Витебская судебная палата, где предполагалось совершить сделку, отказала «на том основании, что горные заводы могут быть продаваемы не иначе как с ведома и дозволения Горного департамента». В январе 1878 г. было получено и это разрешение с условием, что «при покупке сполна будет пополнена горная подать и чтоб переведенная на Турчанинова недоимка, числящаяся на наследниках Бенардаки по Херсонскому откупу, была уплачиваема в установленные для нее сроки». Покупателю разрешалось владеть округом «на том же посессионном праве».

Прошло еще полтора года, но, как докладывали чиновники Горного департамента, «предполагаемая продажа заводов купцу Трофимову и полковнику Емельянову, а впоследствии коллежскому секретарю Турчанинову до сего времени не состоялась; арендатор же заводов Трофимов не уплатил не только недоимки, но и текущие горные подати с добытого во время аренды чугуна», выросшие до 4692 руб. Вологодский губернатор М.П. Дараган сообщал, что до 18 тыс. руб. накопилась недоимка и по государственному поземельному и земскому сборам. «С окончанием аренды и... отъездом арендатора уже около пяти лет тому назад... – извещало Уральское горное правление в октябре 1879 г., – заводы прекратили свое действие и остались без всякого надзора со стороны владельцев, заводские строения разрушаются, плотина подвергается опасности быть разрушенной в предстоящее половодье, приграничные леса при отсутствии строгой охраны могут подвергнуться

расхищению». Коллежский же секретарь Турчанинов, констатировали чиновники, «к покупке заводов не приступает»²².

Видимо, к 1879 г. и опекуновское управление утратило надежду на продажу отдаленного и проблемного североуральского имения и стало предпринимать действия по сохранению его за братьями Бенардаки. В начале 1880 г. оно уведомило горное начальство, что «предвидимая опасность окончательного разорения заводов вполне устраняется принятыми ныне мерами, заключающимися в посылке на заводы опытного управляющего, на коего возлагается приведения дела в порядок... в видах начатия работ по выделке чугуна и железных материалов». Вместе с тем опекуны вовсе «не встречали со своей стороны препятствий к продаже Кажимских заводов или принятию их в казну под условием окончательного погашения таким путем откупной недоимки, горных податей, государственных и земских сборов». Однако министр финансов С.А. Грейг счел более выгодным «предложить опекуновскому управлению уплатить недоимки», чем вновь назначать заводы к публичной продаже, поскольку был уверен, что «вырученная сумма окажется меньше лежащих на заводах долгов». Сделать такой вывод ему позволило то обстоятельство, что за время своего действия опека сполна и вовремя вносила платежи по откупам, так что их осталось лишь 143 тыс. руб. (в части, возложенной на Кажимские заводы). В марте 1880 г. опекуновское управление внесло еще 5 тыс. руб., чтобы покрыть недоимку по горной подати, чем освободило себя от претензий со стороны хотя бы горного начальства²³.

Принятые опекунами меры имели благоприятные для владельцев последствия. Назначенный управляющим «умный, энергичный и расчетливый» В.С. Косолапов сумел поднять «заводское дело и... оно постепенно пошло к лучшему». В рекламном издании опекуновского управления за 1896 г. утверждалось, что «при постепенно усиливающейся производительности заводов на... работы охотно поступают крестьяне из ближайших селений, преимущественно зыряне. А так как они – народ довольно смысленный и расторопный, то скоро привыкают к своему делу и в этом отношении заводы должны считаться обеспеченными»²⁴.

Опека была отменена 27 июня 1897 г.; имения перешли «в непосредственное владение наследников Д.Е. Бенардаки», но остались «в заведовании» бывшего опекуна К.М. Сементовского-Курило, возглавившего Главную контору наследников в Петербурге (ул. Фурштатская, 81)²⁵. Ликвидация опекуновского управления дала свободу действий владельцам, в составе которых в то время произошли изменения в связи со смертью Леонида Дмитриевича Бенардаки. Своим завещанием он передал «третью часть общего имения» сестре Елизавете Дмитриевне Перхенштейн. По данным за 1899 г., графиня проживала в Париже, где находился и ее брат Николай Дмитриевич. В Петербурге (Невский проспект, 77) жил в те годы Константин Дмитриевич Бенардаки. Как помещик Самарской губернии, в 1872 г. он участвовал в организации Самарского земельного банка и числился членом Совета Российского золотопромышленного общества, в 1896 г. состоял учредителем Урало-Волжского металлургического общества, а в 1900 г. – Общества Комаровских железорудных месторождений; в начале XX в. входил в состав акционеров Санкт-Петербургского международного коммерческого банка²⁶.

Среди сыновей Д.Е. Бенардаки наибольшую предпринимательскую активность проявил Николай Дмитриевич (хотя лишь в течение относительно короткого периода). В 1868–1873 гг. Н.Д. Бенардаки принял участие в организации Киевского частного коммерческого и Петербургского международного коммерческого банков, Общества Московско-Курской железной дороги, Киевского промышленного бан-

ка, Товарищества Гутуевской железной дороги, Общества срочного пароходства по рекам Амурского бассейна, Сибирского торгового банка, Нижегородского, Виленского и Донского земельных банков, а также в объединении Самарского и Нижегородского земельных банков, учреждении Бессарабско-Таврического земельного банка, Александровского товарищества сахарных заводов и Северного общества для разработки железных и медных месторождений в Олонецкой губернии²⁷. Он был знатоком литературы и искусства, в частности, перевел на английский язык комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума», сам сочинил несколько комедий и юмористических альбомов, проиллюстрированных карикатуристом Эммануэлем Пуаре, известным под псевдонимом *Caran d'Ache*. Уже будучи статским советником и церемониймейстером, в июле 1873 г. Николай Дмитриевич женился на известной салонной певице Марии Леброк (*Leybrock*) и уехал с ней в Париж. Известно, что салон Николая и Мари де Бенардаки в их доме № 65 на Рю де Шайо был одним из центров парижской богемной жизни²⁸. Хотя, по свидетельству биографов, Н.Д. Бенардаки появлялся в Петербурге ежегодно на два-три месяца, его активная предпринимательская деятельность в России, вероятно, была свернута (осталось лишь владение ценными бумагами) вместе с окончанием и блестящей придворной карьеры: в 1881 г. он лишился звания церемониймейстера. В акте о прекращении концессии Н.Д. Бенардаки на сооружение Гутуевской дороги в 1876 г. отмечалось, что это произошло «в виду обстоятельств, поставивших статского советника Бенардаки в затруднение осуществить предприятие»²⁹. Видимо, речь шла об учреждении опеки над ним и его братьями.

Отмена опеки привела к решительным переменам в отношении уральских владений наследников. В 1897 г. франко-русскому Урало-Волжскому металлургическому обществу, где главную роль играл Парижский международный банк, были проданы Авзяно-Петровские заводы (с дачей площадью 29 688 дес. и правом на аренду 44 тыс. дес.) за 623 256 руб., участок Инзерской дачи и участок «железный» в Уфимской губернии общей площадью 12 228 дес.³⁰ В качестве одного из учредителей этого общества выступал К.Д. Бенардаки. Дальнейшая судьба бывших заводов Бенардаки оказалась незавидной. Как сообщалось в записке Уральского горного правления за 1909 г., «построив громадный по последнему слову техники переделочный завод в Царицыне и оборудовав в Верхне-Авзяно-Петровском заводе доменное производство постройкою двух домен с прекрасными паровыми воздуходувными машинами, паровыми котлами, кауперами и механическими подъемными устройствами, означенное Общество решило упразднить местные устаревшие пудлинговые и кричные переделы и прокатку на... слабых и малопроизводительных машинах». «При этом Нижне-Авзяно-Петровский завод был совершенно упразднен. Для увеличения выплавки чугуна, потребного для Царицынского завода, Урало-Волжское общество построило еще в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии новый доменный завод – Лемезинский, щедро оборудовав его техническими приспособлениями и хозяйственными сооружениями, но по изменившимся экономическим условиям, а главнейше – за неосуществлением проектированной железной дороги Уфа–Магнитная, завод этот после колоссальных убытков был закрыт. В 1902 г. Авзяно-Петровские заводы вместе с лесными дачами и богатейшими Комаровскими рудниками перешли во владение нового Общества Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов с участием в этом обществе и прежних владельцев. Но финансовая сторона этого общества была настолько слаба, что производительность одного Верхне-Авзяно-Петровского завода не могла уже оправдать расходов по

эксплуатации всего предприятия Комаровского общества, а потому в 1903 г. было объявлено населению об остановке через год этого завода. Однако благодаря комбинациям административного характера и в связи с лесными операциями в богатых лесных дачах Общества решено было продлить, сколь возможно, действие домны в означенном заводе, и завод продолжал работать до 8 ноября 1908 г., когда и был закрыт окончательно». Оставшись без средств к существованию, население занялось рубкой леса из заводских дач, добычей руды на продажу и работой на золотых приисках. В феврале 1909 г. рабочие просили министра торговли и промышленности разрешить им создать товарищество на паях для эксплуатации завода или принять его в казну. Последнее оказалось невозможным, поскольку еще в 1865 г. Авзяно-Петровские заводы были перечислены из посессионных во владельческие и владельцы получили право распоряжаться ими по своему усмотрению. К тому же за заводами не числилось долгов, а значит, не было и формальных причин для перевода в казну. Рабочим позволили учредить товарищество, «подходящее под тип трудовых артелей», но главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский сообщал министру, что «надеяться на успех дела при передаче завода артели рабочих достаточных оснований не имеется»³¹. Деятельность Авзяно-Петровского завода ненадолго возобновилась только в годы Первой мировой войны.

Неудачи заставили наследников Д.Е. Бенардаки обратить внимание на единственные оставшиеся в их владении Кажимские заводы на Урале, которые в 1899 г. были присоединены к Северной горной области, находившейся непосредственно в ведении Горного департамента³². В феврале 1899 г. управляющий В.С. Косолапов от лица владельцев (статский советник Н.Д. Бенардаки, коллежский советник К.Д. Бенардаки, графиня Е.Д. Перхенштейн) обратился в Государственный банк с просьбой о ссуде в размере 80 тыс. руб. «на снабжение заводов оборотными средствами». «Заводы владеют на посессионном праве 123 тыс. дес. лесной земли, – сообщало Вологодское отделение банка в расчете на залог по ссуде. – Владение столь значительным количеством топлива есть самое существенное представление ценности всего предприятия, и в случае неуспешности дальнейшего ведения дела наследники Бенардаки... будут принуждены к продаже заводов»³³. Горный департамент не нашел препятствий для займа столь небольшой суммы, которая, по-видимому, имела существенное значение для владельцев. В округе провели реконструкцию, в частности, на Кажимском заводе построили домну новейшего типа, в результате чего выплавка чугуна к 1911 г. достигла 600 тыс. пуд. Ньючасский и Ньючимский заводы специализировались в основном «на отливке чугунного опочного литья в посуде и разных вещах». «Из всего сказанного видно, – заключал автор статьи об этих заводах в Уральском торгово-промышленном адрес-календаре, – что не истощение природных богатств рудами, лесами, не недостаток в рабочих руках служили прежде причиной упадка заводской промышленности, а были иные причины, почему заводы не могли развить в достаточной степени свою работоспособность, и если иметь достаточные оборотные средства, т. е. возможность и в настоящее время вести заводы к развитию и процветанию... Вообще все три Кажимских завода имеют в своем распоряжении богатые запасы руды и леса и могут при достаточных оборотных средствах значительно повысить производительность, а если бы вблизи их прошла железная дорога, тогда можно было бы вполне согласиться с мнением гостившего когда-то в Ньючиме писателя Засодимского, предсказывавшего... о Ньючимском заводе, что это “будущий Чикаго”»³⁴.

Несмотря на столь завидные перспективы, в 1912 г. Кажимские заводы были проданы. Вероятно, в этом сыграла свою роль кончина уже ставшего действительным статским советником Николая Дмитриевича Бенардаки 17 сентября 1909 г. Как можно судить по доверенности, выданной наследниками Ф.И. Репнину на заключение этой сделки, в общее их имущество помимо трех Кажимских заводов в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии тогда еще входили Лемская лесная дача («Козьмины Ручьи тож») и пожня Пурты в том же уезде, земельный участок при дер. Щелкановка Балахнинского уезда Нижегородской губернии и участок городской земли в г. Енисейск. По завещанию, утвержденному Санкт-Петербургским окружным судом 13(17) февраля 1910 г., третья доля Николая Дмитриевича в общем имении перешла к его сыну Дмитрию и в пожизненное владение вдовы Марии Августовны (Павловны) Бенардаки. В соответствии с указом Петербургской дворянской опеки от 14 января 1910 г., опекуном малолетнего наследника назначили генерал-майора Э.А. фон Пистолькорса. Дочери умершего заводчика – княгиня Мария Радзивилл (известная как прототип героини романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» Жильберты Сван) и виконтесса Елен (Нелли) де Контад, – видимо, получили свои доли наследства в качестве приданого.

В апреле 1912 г. Ф.И. Репнин от лица своих доверителей: коллежского советника К.Д. Бенардаки, Е.Д. Низар (бывшей графини Перхенштейн, вышедшей замуж за «французского гражданина» Армана Низара), М.А. Бенардаки и Д.Н. Бенардаки (с согласия опекуна) – просил у Горного департамента разрешения продать их общее имущество. «В виду такого изменения состава совладельцев, проживавших к тому же постоянно за границей, и происходящих отсюда серьезных неудобств в сношениях с ними независимо от объединения их интересов в Санкт-Петербургской Главной конторе, – сообщал поверенный, – поименованные совладельцы пришли к единогласному решению продать заводы для раздела между собою»³⁵.

Перед продажей они попытались изменить статус имения на том основании, что в 1911 г. в округе было завершено землеустройство населения. Понятно, что имение, состоявшее на владельческом праве, можно было продать легче и дороже, чем посессионное. Но ходатайство не было удовлетворено, и Кажимские заводы перешли к новому владельцу на том же посессионном праве, на каком они состояли во владении Бенардаки³⁶. После получения разрешения на продажу заводов 19 декабря 1912 г. в Петербурге была совершена купчая на имя В.А. Бутлерова. Так известный род Бенардаки утратил последнее заводское имение, находившееся в его владении на Урале. Отметим, что в этот последний год каждый из совладельцев получил от заводов по 11,5 тыс. руб. дивидендов.

Известно, что М.А. Бенардаки скончалась в Париже в 1913 г. Согласно завещанию, она оставила по 100 тыс. руб., помещенных в Государственный банк, своим внукам – князю Антонию (Алексису) Михайловичу и княжне Леонтине Михайловне Радзивилл. Годовые проценты пожизненно передавались дочери М.Н. Радзивилл. Четыре пая Верхнеамурской золотопромышленной компании достались обеим дочерям, а остальной капитал был завещан сыну Дмитрию, который должен был выдавать по 7,5 тыс. руб. пожизненной ренты двум своим сестрам. Вскоре скончался и бездетный К.Д. Бенардаки, наследство которого, по сведениям Главной конторы, включало недвижимость (на 123 659 руб.), процентные бумаги (на 630 476 руб.) и наличные деньги (98 808 руб.). Большая часть этого состояния в виде ценных бумаг, наличных денег и квартиры в Петрограде (общей стоимостью 394 928 руб.) по завещанию досталась его «другу» Елизавете-Юлии Дейч. Ценные бумаги на 123 573 руб. получила сестра Е.Д. Низар, жившая тогда во Фло-

ренции. Племяннику Д.Н. Бенардаки перешли ценности на сумму 162 377 руб. и по 41 191 руб. досталось племянницам Е.Н. де Контад и М.Н. Радзивилл, проживавшим в Париже. По 24 208 руб. получили Греческая посольская церковь в Петрограде, Петроградское Английское собрание и Петроградская городская дума. Дмитрий Николаевич Бенардаки, по некоторым сведениям, погиб во время Первой мировой войны, не оставив прямых наследников³⁷.

- ¹ Кессиди И.Х. Дмитрий Егорович Бенардаки. Судьбы человека и его захоронения // Режим доступа: http://www.greek.ru/news/diaspora/65290/?sphrase_id=62025.
- ² ПСЗ-П. Т. 33. № 32668; Т. 34. № 34313.
- ³ Там же. Т. 36. № 36506; 37212; «Свисток». Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863 гг. М., 1982. С. 65–76.
- ⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1100. Л. 3–6.
- ⁵ Там же. Л. 14–22 об., 26–29, 34–35, 37–83, 86–87.
- ⁶ Там же. Л. 84–85.
- ⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 139. Л. 3–6, 10, 21.
- ⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1100. Л. 95–96; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 392. Л. 1, 8; Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. 1865–1876 гг. / Под ред. Н.А. Зайончковского. М., 1961. Т. 2. С. 52, 451.
- ⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1200. Л. 9–16.
- ¹⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 754. Л. 20–32.
- ¹¹ Там же. Л. 55, 61–62, 73–74, 77–80; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 216. Л. 2–5.
- ¹² ГАСО. Оп. 24. Д. 8238. Л. 28; Оп. 32. Д. 4403. Л. 1–4, 6–9, 14–15.
- ¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 830. Л. 7–8 об., 11, 14–14 об., 19–26 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 19–26 об., 28, 37–52 об.
- ¹⁵ ГАСО. Оп. 32. Д. 4403. Л. 15 об., 20.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 528. Л. 1, 7–14, 17; ГАСО. Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8.
- ¹⁷ Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г. Пермь, 1911. С. 486. Автор признателен Е.Ю. Рукосуеву за возможность воспользоваться этим источником.
- ¹⁸ Григорькин В.А. Д.Е. Бенардаки: заводчик, золотопромышленник, благотворитель // Индустриальное наследие. Саранск, 2005. С. 223–229; Афанасьев П.Ю. Дмитрий Бенардаки // Режим доступа: <http://www.greek.ru/all/men/149/11397/>.
- ¹⁹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 551.
- ²⁰ ПСЗ-П. Т. 47. № 50511.
- ²¹ Там же. Т. 50. № 54578, 54991; Т. 51. № 55721, 56039; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 632. Л. 2–3.
- ²² РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 750. Л. 6–8, 14, 16, 22–23, 40, 49 об., 51, 58, 69, 71.
- ²³ Там же. Л. 74 об.–75, 84, 89.
- ²⁴ Кажимские заводы наследников Д.Е. Бенардаки в Усольском уезде Вологодской губернии. СПб., 1896. С. 6.
- ²⁵ ПСЗ-П. Т. 17. № 14365.
- ²⁶ ПСЗ-П. Т. 47. № 51063; 51228; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 84, 86; Лебедев С.К. Аристократическое лицо Санкт-Петербургского международного коммерческого банка: от Строгановых до Бенардаки // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 77.
- ²⁷ ПСЗ-П. Т. 43. № 45999; Т. 46. № 49634, 49730, 49842; 49971; Т. 47. № 51064, 51065, 51227, 51228, 51294, 51328, 52489; Т. 48. № 52894; Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 171.
- ²⁸ http://www.tchaikovsky-research.net/en/people/benardaky_nicolas.html.
- ²⁹ ПСЗ-П. Т. 51. № 56584.
- ³⁰ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 85.
- ³¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1473. Л. 7–11 об., 15.
- ³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1314. Л. 80.
- ³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 845. Л. 1–1 об., 4.

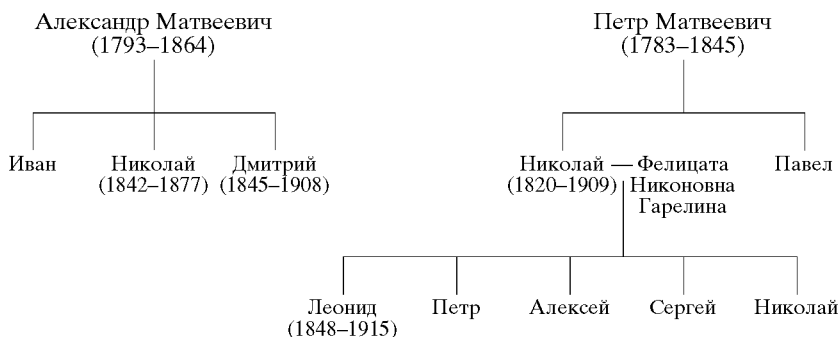
³⁴ Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г. С. 483–488.

³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1651. Л. 1–8.

³⁶ Там же. Д. 1670.

³⁷ Каганович Б.С. Вокруг Бенардаки. Из комментариев к Гоголю и Марселю Прусту // Звезда, 1996. № 12. С. 191–200; Лебедев С.К. Указ. соч. С. 79–80.

6. ПАСТУХОВЫ

Знаменитые ярославские купцы и почетные граждане Пастуховы, крупнейшие торговцы уральским железом на внутреннем рынке, в 1848 г. вложили накопленные капиталы в горнозаводское предпринимательство, купив у А.Г. Осокина посессионный Омутнинский округ в Вятской губернии. В соответствии с купчей крепостью, заключенной 26 ноября 1848 г., владельцами заводов тогда стали коммерции советник и кавалер Александр Матвеевич ($\frac{1}{2}$ часть общего владения) и его «неотделимые» племянники Николай Петрович и Павел Петрович (по $\frac{1}{4}$ части) Пастуховы. В округ входили два завода – Омутнинский и Пудемский – с 72 624 дес. земли, 296 рудниками (с учетом 34 спорных с Залазнинскими и Песковскими заводами) и 1348 рев. душами заводских крепостных¹. Благодаря, по словам В.П. Безобразова, «коммерческим рукам и денежной состоятельности» новых владельцев округ быстро развивался, производя в 1861 г. до 220 тыс. пуд. чугуна и 110 тыс. пуд. железа².

Дальнейшая история горнозаводского предпринимательства Пастуховых оказалась историей дробления имущества и постепенного «затухания» деятельности. Семейная фирма и образованный на ее основе в начале 1860-х гг. Торговый дом Пастуховых распался, как можно предположить, после кончины Александра Матвеевича 18 ноября 1864 г. К этому времени из состава владельцев Омутнинского округа выбыл Павел Петрович, видимо, получив выдел деньгами и передав свою долю брату Николаю³.

Наследниками «половинной части» А.М. Пастухова стали три его сына – Иван, Николай и Дмитрий. По завещанию, утвержденному Ярославской судебной палатой 14 апреля 1865 г., каждому из них досталось по $\frac{1}{6}$ части Омутнинского округа. От отца к ним же перешло право участия в компании (с действительным статским советником М.П. Погодиным, генерал-майором П.П. Ушаковым и горным инженером А.В. Вагнером), 19 октября 1861 г. заключившей арендный договор с Горным

департаментом. В соответствии с ним, компания брала обязательство восстановить не действовавший с 1837 г. Николае-Павдинский казенный завод с лесной дачей в 78,2 тыс. дес., 24 железными и 84 медными рудниками в Верхотурском уезде Пермской губернии. Компаньоны намеревались через пять лет возобновить заводское действие, но с задачей не справились из-за отдаленности завода и неразвитости местной инфраструктуры. Видимо, после смерти Александра Матвеевича и эта компания распалась. Сыновья-наследники попытались возобновить работы; им удалось в 1869 и 1870 гг. выплавить на заводе небольшое количество меди, но из-за нерентабельности производство было прекращено⁴.

Это неудачное дело получило столь же неудачное продолжение. В 1872 г. Иван Александрович Пастухов решился на покупку Николае-Павдинской дачи с одноименным заводом, а также западной части соседней Вагранской дачи на условиях, утвержденных Комитетом министров 29 мая того же года. Каждая десятина уступалась казной за 75 коп. При совершении «акта на уступку» И.А. Пастухов платил «единовременным взносом» $\frac{1}{6}$ часть общей суммы, остальная рассрочивалась на 10 лет без взимания процентов. Он брал на себя обязательство в течение пяти лет устроить в границах приобретенных дач чугуноплавильный завод «в размере ежегодной выплавки чугуна не менее 240 тыс. пуд.» При неисполнении этого условия уплачивалась неустойка в размере единовременного взноса, ее взимание повторялось через каждые пять лет до тех пор, «пока завод в означенном размере не будет построен». При заключении сделки И.А. Пастухов отказывался от всяких претензий к казне по арендному контракту 1861 г. и соглашался, что «все отведенные и заявленные частными лицами золотые прииски, месторождения металлов и минералов» в покупаемых дачах поступят в его собственность «не прежде, как по потере права на разработку их нынешними владельцами»⁵. Предполагалось, что выплавленный чугун будет перерабатываться на восстановленном железоделательном Николае-Павдинском заводе. В Верхотурском крае должен был появиться новый частновладельческий горнозаводский округ.

Потребовалось почти три года на урегулирование вопроса о границах Николае-Павдинской и части Вагранской дач, прежде чем была заключена купчая крепость. В Екатеринбурге 22 августа 1875 г. ее подписали горный начальник Богословских заводов статский советник Н.В. Кузнецов (от Уральского горного правления) и коллежский регистратор Г.В. Буслов (по доверенности от И.А. Пастухова). В купчей указывалось, что Николае-Павдинская дача Богословского горного округа передается в размере 77 510 дес. без установленных межевых столбов. Часть большой Вагранской дачи (887 347 дес.), находившейся в споре между Пермским управлением государственных имуществ и несколькими наследниками Строгановых, передавалась новому владельцу площадью 255 038 дес. под названием Сухогорской. В течение двух лет он должен был «войти с прошением» об окончательном ее межевании. Общая площадь переходившей в собственность Ивана Александровича земли составляла 332 048 дес., что определило и полную стоимость покупки в размере 249 450 руб., и первоначальный платеж, равный $\frac{1}{6}$ ее части, – 41 575 руб. Выплата остальных 207 875 руб. рассрочивалась на 10 лет (по 20 787 руб. в год)⁶.

Купчую утвердили 25 августа 1875 г., когда уже дал первый чугун возведенный в Вагранской даче Сухогорский доменный завод, действовавший с помощью энергии пара. Завод был пущен 20 июня 1875 г.; по 16 мая 1876 г. на нем выплавляли 205 784 пуд., а с 30 августа 1876 г. по 4 июня 1877 г. – 184 007 пуд. чугуна. Затем производство было остановлено. Исправник расположенных поблизости Нижнетагильских заводов в сентябре 1877 г. докладывал, что во время осмотра нового заво-

да он не заметил там никаких работ «по неимению руды, которой хотя и находилось много на площади, но она оказалась с серою или малопроцентною». «Видно, – констатировал исправник, – что владелец теперь только обратил внимание на розыски руд и на надлежащую разработку существующих рудников... При этих работах находится более 100 чел. На золотых приисках занимаются старатели и золота с 1 января добыто до 32 фунтов». В Павдинском заводе дела обстояли тоже не блестяще. «В передельной фабрике ставят только на место два паровых котла и собирают паровую машину, рабочих при этом 6 чел., – сообщал исправник. – В этой фабрике ни печей и никаких горнов нет. Под одной же кровлей за стеной поставлено две вагранки и отражательная печь, но они находятся в разрушенном состоянии, рядом с фабрикой в деревянном здании устроены четыре кузнечных горна, на которых работают 7 чел.»

Выплавка чугуна на Сухогорском заводе возобновилась в октябре 1879 г., в последующие годы она колебалась в пределах 100–182 тыс. пуд. Одновременно сооружались сварочные и пудлинговые печи на Николае-Павдинском заводе, где в 1880–1881 гг. из сухогорского чугуна произвели до 130 тыс. пуд. железа и 13,8 тыс. пуд. чугунного литья. Но в апреле–мае 1882 г. оба завода остановились, как сообщало заводоуправление, из-за «недостатка руд для проплавки»⁷.

Понятно, что доходов своему владельцу заводы не приносили, хотя он и осуществлял ежегодные платежи по условиям купчей после напоминаний горных властей. Вероятно, небольшой доход приносила лишь золотодобыча. В 1886 г. истек срок платежей и 10-летней льготы в уплате горных податей. Горный департамент запросил сведения о «выполнении Пастуховым обязательств своих перед Правительством». Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов полагал, что «условие по заводу» нельзя было считать выполненным, поскольку предприятие так и не достигло установленной производительности в 240 тыс. пуд. чугуна в год., а об исполнении «условия по межеванию» он не имел сведений, поскольку этим занималось другое ведомство. Горный департамент решил не усугублять ситуацию. «Норма в 240 тыс. пуд. относилась не к размеру обязательной выплавки чугуна, а к размеру завода, – разъяснял директор департамента Н.А. Кулибин, – причем договор не имел в виду обязать Пастухова производить эту выплавку непременно в размере, не меньшем 240 тыс. пуд., хотя бы (как и было на деле) таковая оказалась, по свойствам руды, невыгодною».

Расчеты показали, что в первый год работы на Сухогорском заводе ежедневно выплавлялось по 662 пуд. чугуна, что равнялось годовой выплавке в 248 250 пуд. Поэтому Горный департамент полагал, что «означенное условие должно бы считаться Пастуховым выполненным». Главный начальник на полях полученного документа записал: «Значит, можно было построить доменную печь, способную давать в год 240 тыс. пуд. чугуна, и затем вовсе не пустить ее в действие, а между тем воспользоваться купленными дачами для эксплуатации, совершенно чуждой целям продажи их Правительством». Однако настаивать на своем он тем не менее не стал. Второе условие о межевании дач, за что заводчик заплатил в казну 1570 руб., тоже оказалось выполненным. Когда все это наконец проявилось, в июле 1889 г. «запрещение на имении в письме купчих» было снято, что, видимо, устранило и препятствия к его продаже⁸.

Между И.А. Пастуховым и графиней Екатериной Леонидовной Игнатьевой 4 октября 1893 г. была совершена «задаточная запись» на Николае-Павдинский округ, заключить купчую предполагалось в течение года. Но, поскольку графиня сразу же пожелала «приступить к эксплуатации приобретаемого имения в своих инте-

ресах как будущей его собственницы», в тот же день она подписала годичный арендный договор. Графине предоставлялось право «производить... все возможные изыскания и расследования, разрабатывать и добывать металлы и минералы как на заводах, так и на рудниках, золотых и платиновых приисках, возводить новые постройки и ремонтировать старые, пользоваться для сего и вообще для надобностей имения растущим на нем лесом, пролагать новые пути и дороги и вообще производить в нем все, что она признает нужным». Вместо арендной платы графиня обязывалась платить все государственные и земские подати за владельца, которые составляли приблизительно 16 тыс. руб. Владелец тогда проживал в Петербурге в доме по Тихвинской улице, 2, а арендаторша – по Миллионной, 22.

После окончания срока аренды 18 ноября 1894 г. договор был продлен еще на полгода на тех же условиях, а заключение купчей отложено до 2 марта 1895 г.⁹ Оформление сделки, как можно предполагать, задержалось по вине горного начальства, которое потребовало вновь подтвердить, были ли выполнены владельцем условия покупки у казны Николае-Павдинского имения. Об этом в январе 1895 г. сообщал петербургский нотариус Тимофеев. В марте того же года И.А. Пастухов просил Горный департамент удостоверить, что в приобретенных дачах он выстроил чугуноплавильный Сухогорский завод, способный выплавлять 240 тыс. пуд. чугуна в год, и тем самым выполнил возложенные на него обязательства. Покупательнице, видимо, важно было убедиться и в том, нет ли в этих дачах «отводов посторонним лицам месторождений металлов и минералов... и сохранили ли свою силу до ныне какие-либо из заявок и отводов на золотые прииски в тех дачах, до совершения продажи существовавшие». Судя по всему, графиню и ее известного своими финансовыми аферами мужа – генерал-адъютанта, бывшего министра внутренних дел, члена Государственного совета Н.П. Игнатьева интересовали не имевшиеся в округе заводы, а минеральные богатства в недрах земли. Департамент успокоил владельца, сообщив, что тот может беспрепятственно совершить сделку¹⁰.

Во владении Е.Л. Игнатьевой Николае-Павдинское горнозаводское имение находилось до 14 октября 1898 г., когда в Петербурге оно было вновь продано. За это время заводы не восстанавливались, а земли были заложены в Ярославско-Костромском банке. В 1895 г. владелица получила от банка 650 тыс. руб. с рассрочкой на 61 год. По купчей, утвержденной 27 октября 1898 г., имение перешло во владение к потомственному дворянину Юрию Васильевичу Попову. Новый владелец проживал в своем имении Тавель Симферопольского уезда. Покупка далекого уральского имения, видимо, была ему важна из-за возможности перезалога и затем более выгодной продажи. В 1901 г. этот владелец получил дополнительную ссуду в 96 900 руб., а 21 июня 1902 г. уже перепродал имение, так и не возобновив там горнозаводскую деятельность. Предварительно поверенный потомственного дворянина просил у Уральского горного управления справку о том, чего, видимо, не смог узнать у своего доверителя. «С какого времени находятся в бездействии состоящие в принадлежащей Попову земельной даче Николае-Павдинский и Сухогорский заводы, а также, с какого времени не разрабатываются находящиеся на этой земле медные и железные рудники, и вообще, разрабатывались ли какие-либо... рудники в даче, а равно, имеются ли в указанной даче какие-либо заводские действия?» – задавал он вопрос. Горные власти ответили, что металлургические Павдинские заводы, а также добыча руд остановлены еще в 1882 г., а о работе пущенного И.А. Пастуховым в 1888 г. «перегонного завода небольших размеров, где древесные пни путем сухой перегонки превращались в смолу, корабельный вар, скипидар, смазочное масло и прочее, сведений не имелось».

Это не помешало 21 июня 1902 г. заключить сделку в Симферополе: Ю.В. Попов продал астраханскому купцу Константину Петровичу Воробьеву, проживавшему в собственном доме в Астрахани, уральское имение площадью 329 290 дес. за 2,1 млн руб. По сравнению с полученной казной по договору с И.А. Пастуховым суммой в 249 450 руб. стоимость имения возросла за четверть века почти на порядок. Новый владелец принимал на себя и выплату ипотечного долга Ярославско-Костромскому банку в капитальной сумме 730 038 руб. (платежи по нему были отсрочены на пять лет)¹¹.

Очередной владелец тоже не собирался возобновлять заводское производство, признанное нерентабельным еще при И.А. Пастухове. Но, в отличие от своих предшественников, он основательно занялся добычей золота и платины, построил Павдинскую узкоколейную железную дорогу, соединив ее с Богословской веткой Уральской дороги, основал крупные Лобвинский и Лялинский лесопильные заводы. В 1912 г. уже наследники К.П. Воробьева учредили в Петербурге акционерное Общество Николае-Павдинского горного округа с капиталом в размере 15 млн руб. Оно стало одним из крупнейших в лесообрабатывающей промышленности России. Из горнозаводских отраслей здесь развивалась только добыча золота и платины¹².

На рубеже 1860–1870-х гг. началась и самостоятельная горнозаводская деятельность Дмитрия Александровича Пастухова, но не на Урале, а на перспективном Юге России. В 1869–1874 гг. он построил первый в Донской области чугуноплавильный и железоделательный Сулинский завод, использовавший местный антрацит. Ему принадлежал механический завод в Ростове-на-Дону и первая на р. Дон судостроительная верфь. В 1876 г. было образовано Общество антрацито-чугуноплавильного и железоделательного завода Д.А. Пастухова, ликвидированное в 1892 г., когда завод был продан Н.П. Пастухову¹³.

Работавший на Сулинском заводе в 1896–1900 гг. знаменитый металлург М.А. Павлов писал, что Д.А. Пастухов отличался «вспыльчивым и даже вздорным характером», но был «очень умным и предприимчивым человеком». «Ему первому пришла мысль построить механический завод в Ростове... Пустив в ход этот завод, он задумал где-либо неподалеку от Ростова основать металлургический завод с тем, чтобы иметь собственный металл для машиностроения. Ближе всего к Ростову расположены богатые месторождения антрацита. Услышав, что в Америке выплавляют чугун на антраците, Пастухов поехал туда, лично видел антрацитовые доменные печи и вернулся с убеждением, что плавку чугуна можно вести и на донецком антраците. Он приобрел антрацитовые копи в Сулине и выстроил там доменную печь». Однако владелец вскоре осознал, что «металлургический завод, особенно с плавкой на антраците, сложное и хлопотливое дело». «Он понял, что нельзя одновременно управлять и металлургическим заводом в Сулине, и механическим в Ростове, а главное, что нужно иметь гораздо больший оборотный капитал, чем тот, которым он располагал. Решив оставить себе Ростовский завод, он предложил Сулинский своему двоюродному брату Николаю Петровичу Пастухову. Тот купил завод (в 1892 г.) за бесценок, но должен был потратить много денег, чтобы привести его в такое состояние, в котором он мог бы давать доход»¹⁴.

Третий сын А.М. Пастухова, Николай Александрович, помимо участия во владении Омутнинским округом был известен и как петербургский домовладелец. По купчей от 13 февраля 1875 г. (утверждена 28 апреля 1875 г.) у потомственных почетных граждан Котоминых он купил большой доходный дом на Невском проспекте между Бол. Морской и набережной Мойки. Дом находился в залоге у Петербургского кредитного общества и братьев Г.П. Елисеева и С.П. Елисеева. Но домовла-

дельцем Н.А. Пастухов оставался недолго: 1 декабря 1877 г. он скончался, не оставив, видимо, прямых наследников. Согласно определению Петербургского окружного суда от 3 февраля 1878 г., его дом и доля участия в Омутнинских заводах перешла «в равных частях» к братьям Ивану и Дмитрию¹⁵.

Последним совместным делом Пастуховых стало приобретение на Урале еще одного горнозаводского округа, располагавшегося неподалеку от Омутнинского. В соответствии с предложениями Министерства финансов, Податная комиссия в 1867 г. разработала проект правил о продаже казенных заводов, к которым был отнесен и Вятский (Кирсинский) округ, перешедший во владение казны в 1865 г. за долги бывшего владельца Д.Е. Бенардаки. Правила были опубликованы 18 октября 1871 г., затем началась подготовка к торгам. Но первые торги окончились безрезультатно.

В 1879 г. Н.П. Пастухов и И.А. Пастухов обратились к министру государственных имуществ П.А. Валуеву с ходатайством о продаже им этих заводов без торгов. По-видимому, так ярославские почетные граждане пытались добиться льготных условий покупки. Эти условия были согласованы министром с покупателями и представлены на рассмотрение Комитета министров. Заводы с лесными дачами, рудниками и устройствами продавались Пастуховым за 270 тыс. руб. Им предоставлялась возможность приобрести и «главнейшие запасы и материалы», имевшиеся при заводах «по ценам, в какие запасы эти обошлись казне». Третья часть покупной суммы вносилась при утверждении купчей крепости, а на оставшиеся $\frac{2}{3}$ суммы была получена рассрочка на шесть лет со дня приема заводов без начисления процентов. Стоимость припасов «по желанию покупателей» могла также быть рассрочена на три года. «Исправность уплаты должных за заводы с их дачами и всем имуществом сумм» обеспечивалась «как самими покупаемыми заводами», так и принадлежавшим Пастуховым Омутнинским округом. На оба округа налагалось запрещение и совершался «закладной акт». В случае несвоевременных выплат взыскание сумм обращалось на заложенное имущество. Передача совершалась «в ближайший срок... в продолжение текущего года без перерыва работ на заводах» с переводом на покупателей «всех прав и обязательств заводоуправления, вытекающих из заключенных не далее как в последние два года... договоров с подрядчиками, поставщиками и рабочими». Казенное управление должно было «удовлетворить служащих жалованием, мастеровых и рабочих людей платами сполна по день окончательной сдачи заводов».

Пастуховы также были обязаны сохранить за населением предоставленные ему в пользование земли и подчиниться «без всякого за то вознаграждения... всем мерам по окончательному устройству быта сего населения, какие будут приняты Правительством». Отчуждение заводов до уплаты покупных сумм допускалось не иначе, как с сохранением прежнего залога или предоставлением новых залогов «на должную сумму». Наконец, по желанию Пастуховых, им было разрешено в течение 15 лет пользоваться лесом «по низшей горнозаводской таксе» из той части Таволжанской казенной дачи, которая разделяла Кирсинский и Омутнинский округа. Комитет министров решил «означенные предположения утвердить с тем, чтобы купчая крепость... была совершена не позже года со дня Высочайшего утверждения настоящего положения», которое и состоялось 20 июля 1879 г.¹⁶

Вскоре Горный департамент дал распоряжение управляющему Вятских заводов И.А. Спиридовичу «приготовиться к сдаче заводов покупателям, имеющей начаться в октябре месяце». Но уже в августе «по словесному предложению» департамента Пастуховы согласились перечислить 15 тыс. руб. «на выработку железа на тех заводах до их приема, чтобы деньги эти были зачтены в первый платеж за при-

нятые материалы». Управляющий 8 декабря 1879 г. доложил, что порученная ему передача заводов уполномоченному Пастуховых И.Ф. Лузину завершена, и уже с 1 ноября они действуют «на средства новых владельцев». Пастуховым было передано имущество «по заводской стоимости» на 191 451 руб., лесная стража уволена; служащие «увольнялись постепенно по минованию в них надобности». Между ними и заводоуправлением возникли споры о размере жалованья и вознаграждения, до 1891 г. продолжался разбор долгов между рабочими и заводами. Пастуховы согласились «принять на себя выдачу богадельного провианта и пенсий... тем из числа рабочих, коим эти выдачи производились до передачи заводов в частные руки». Пермская контрольная палата, проводившая тогда ревизию, просила разъяснить, «какими правами пользуются Пастуховы в приобретенных заводах, т. е. правом полной собственности... или правом владельцев посессионных заводов?» «Вятские казенные заводы, – значилось в ответе Горного департамента, – проданы г-дам Пастуховым в полную собственность»¹⁷.

Чтобы эти намерения были законным образом оформлены, требовалось заключить купчую крепость. Пастуховы просили в дополнение к условиям продажи освободить их от уплаты пошлины на сумму принятых ими припасов и материалов, а главное, включить в состав покупателей их брата Дмитрия Александровича Пастухова. Проект купчей согласовали 5 июля 1880 г., и уже через три дня она была подписана у петербургского нотариуса. От имени Министерства государственных имуществ выступал действительный статский советник Я.П. Лебедев; новые владельцы сами подписали купчую. В ней значилось, что Николай Петрович становится владельцем «в одной половине», а Иван Александрович и Дмитрий Александрович – «в другой половине» Кирсинского железоделательного и Песковского чугуноплавильного заводов в границах дач, перешедших казне от бывшего владельца Д.Е. Бенардаки (209 468 дес.). Пастуховы выплачивали $\frac{1}{3}$ покупной суммы до 20 июля 1880 г., остаток ее – в рассрочку на шесть лет с 1 ноября 1879 г. С этого же срока на три года предполагалась рассрочка суммы принятых припасов и материалов. Вятский нотариус утвердил акт продажи 11 декабря 1879 г., а на следующий день составил закладную на заводы. Одна половина долга казне (210 725 руб.) обеспечивалась залогом Омутнинского округа, другая – Кирсинским округом. На оба округа было наложено запрещение на совершение каких-либо сделок¹⁸.

Уже в ноябре 1885 г. Н.П. Пастухов просил Горный департамент снять запрещение, поскольку «расчет по покупке был окончен и закладная оплачена сполна». Просьба была удовлетворена 9 апреля 1886 г. В результате этой покупки в 1880 г. Николай Петрович Пастухов стал владельцем половины Кирсинского округа и оставался владельцем половины же Омутнинского округа. Оставшаяся половина общего владения разделялась поровну между его двоюродными братьями И.А. Пастуховым и Д.А. Пастуховым.

В Петербурге 9 июня 1884 г. между совладельцами был заключен отдельный акт. «Находя дальнейшее общее владение... неудобным», Иван Александрович и Дмитрий Александрович разделили их общее имущество на две части. Дмитрию достался доходный дом на Невском проспекте, Иван «получал половину во всех четырех горных заводах в Вятской губернии». С 1 мая 1884 г. «производство в означенной половине» шло уже за счет одного И.А. Пастухова. «Оставаясь этим разделом навсегда довольными», братья постановили «о переделе имений никогда и нигде не просить и претензий друг к другу не иметь». Петербургский дом был оценен в 760 тыс. руб., половина посессионного Омутнинского округа «в полном составе дохода в последние 10 лет средним числом по 35 тыс. руб. в год» – в 220 тыс. руб.,

половина владельческого Кирсинского округа с доходом по 30 тыс. руб. – в 270 тыс. руб. Разрешение на раздел от Горного департамента было получено 21 июня; 7 июля нотариус двумя актами на каждый из уральских округов (утверждены Вятским окружным судом 22 августа 1884 г.) закрепил владение Ивана Александровича Пастухова. В результате совершенного раздела уральские округа оказались во владении уже двух представителей рода Пастуховых. Но на этом они не остановились.

В Горный департамент 22 февраля 1885 г. поступило прошение от И.А. Пастухова. «Ныне я желаю уступить совладельцу моему в этих заводах Николаю Петровичу Пастухову из принадлежащей мне половины заводов $\frac{1}{4}$ часть, – писал Иван Александрович, – почему он будет собственником в $\frac{3}{4}$ частях, а я в $\frac{1}{4}$ части». В другом прошении 30 мая того же года он выразил желание продать Н.П. Пастухову и оставшуюся в его владении $\frac{1}{4}$ часть заводского имения «с тем, чтобы Николай Петрович был бы уже единственным владельцем заводов»¹⁹.

Дав разрешение на раздел, чиновники департамента тем не менее не знали, когда он совершился. По данным Уральского горного правления за тот же 1885 г., владельцем Омутнинского и Кирсинского округов значился уже один Н.П. Пастухов. Под единым управлением заводы произвели тогда 613 788 пуд. чугуна, 81 974 пуд. кричного, 245 849 пуд. пудлингового сортового и 97 688 пуд. листового и котельного железа. «Развитию большей производительности, – сообщало заводоуправление, – препятствуют бедное залегание руд, недостаток воды в прудах и неудобство сплава металлов по вершинам рек Омутной и Вятки»²⁰.

Став единоличным владельцем уральских заводов, Николай Петрович Пастухов по-прежнему жил в Ярославле; управление объединенным хозяйством он доверил П.М. Карпинскому. Прибывший в 1885 г. на Омутнинские заводы инженер М.А. Павлов вспоминал, что 65-летний владелец тогда «делами уже не занимался, а передал управление ими старшему сыну Леониду». «Этот Леонид был главой фирмы. Старик догадался дать ему приличное образование, даже посылал учиться в Англию, ибо настоящими деловыми людьми признавал только англичан и для приобретения деловых качеств считал необходимым поработать в какой-либо английской конторе». Сыновья Сергей и Петр, по свидетельству того же М.А. Павлова, «постоянно жили в Сулине на правах владельцев», но «оба, будучи холостяками, постоянно отлучались развлекаться, сменяя друг друга», и в сложных ситуациях обращались в Ярославль к старшему брату Леониду. «Старик Пастухов имел много сыновей, но остальные вышли менее удачными, чем Леонид, – вспоминал инженер. – Последний сын, Николай, оказался самым неудачным – он не сумел окончить даже средней школы. К нам (в Омутнинский завод. – *Е.Н.*) приехал этот самый Николай с братом Петром. Оба были молодыми людьми и ничем, что называется, не блистали. Карпинский показывал им заводы, возил на рудники, старался втянуть их в деловую жизнь. Но было видно, что они ничего не понимают. Присутствие этих представителей семьи Пастуховых тяготило Карпинского, отвлекало его от дела, и он с нетерпением ждал, когда они уедут. Пробыв недели две, они уехали, оставив о себе впечатление очень недалеких людей»²¹.

В отличие от передового Сулинского завода, который быстро развивался, на уральских заводах Н.П. Пастухова сохранялась в основном устаревшая техника. «До 1912 г. работа заводов... велась по однообразной программе и в одном неизменном в течение долгих лет масштабе, – сообщалось в одной из записок заводоуправления. – Это создало полное равновесие всех отдельных частей хозяйства... но вместе с тем это же привело к полной технической отсталости заводов». Попытка усилить железоделательное производство в начале XX в. была проведена «без

предварительного обеспечения заводов соответствующим увеличением добычи сырых материалов, что сразу нарушило установившееся равновесие отдельных частей и естественные условия работы заводов»²². Необходимость привлечения дополнительных капиталов «со стороны» для дальнейшей модернизации заводов подтолкнула владельцев к учреждению в 1913 г. акционерного общества.

К тому времени заводы уже перешли во владение к наследникам Николая Петровича Пастухова, скончавшегося в Ярославле 5 декабря 1909 г. Он оставил о себе добрую память не только как крупнейший предприниматель, но и как общественный деятель: неоднократно избирался почетным мировым судьей в уезде и гласным Ярославской городской думы, вместе с родственниками учредил «Пастуховскую богадельню» и оставался ее попечителем, жертвовал деньги на другие благотворительные цели. В 1900 г. Н.П. Пастухов основал Ярославское низшее механико-техническое училище с ремесленной школой на 240 учащихся. Оно считалось одним из лучших в России учебных заведений такого профиля. Почетный попечитель училища потомственный почетный гражданин и купец первой гильдии Н.П. Пастухов вместе с детьми был возведен в потомственное дворянство 26 мая 1904 г. По его ходатайству 7 марта 1908 г. «означенное достоинство» было распространено и на его внуков – детей Леонида и Петра Пастуховых²³. В завещании он просил своих детей: «...жить в мире и согласии, не заводить никаких между собою ссор и тем не оскорблять моей памяти, о чем молю Господа, надеюсь на добрую нравственность каждого из них. Еще прошу детей моих не допускать в своем образе жизни излишней роскоши, а быть бережливыми».

В семье Николая Петровича и его жены Фелицаты Никоновны, дочери текстильного фабриканта Н.М. Гарелина, было восемь дочерей и пять сыновей. По разделу Вятские заводы достались в наследство Леониду и Сергею. В 1912 г. совладельцы вступили в предварительное соглашение с Сибирским торговым банком об учреждении акционерного Общества Северных заводов наследников Н.П. Пастухова. На основе этого соглашения и по разрешению Горного департамента от 4 июля 1912 г. Общество принимало на себя «все коммерческие и торговые операции Омутнинских заводов, а также все долговые обязательства», которые тогда составляли 2 125 048 руб. (с учетом 626 649 руб. долга за выдел сонаследников). Учреждение акционерного общества состоялось в Санкт-Петербурге 10 июня 1913 г., его устав утвердили 1 декабря того же года. В Правление, располагавшееся на Фонтанке, 51, входили представители банка А.П. Матвеев, М.С. Маргулис и В.С. Субботнин²⁴. Из основного капитала Общества, составлявшего 9 млн руб., Пастуховы получили акции на 5 млн руб., первоначально оставив за собой контрольный пакет. Но, перекупив акции, Сибирский торговый банк к февралю 1915 г. окончательно лишил бывших владельцев возможности контроля над уральскими заводами. В июне того же года «в связи с выходом Пастуховых из состава акционеров» их фамилия была исключена из названия Общества Северных заводов²⁵.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 216. Л. 2–5.

² Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. 254 с.

³ Обнорская Н.В. Пастуховы // Режим доступа: <http://www.yaroslavskiy-kray.com/429/pastukhoviy.html>.

⁴ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 356.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4291. Л. 1.

⁶ Там же. Оп. 19. Д. 500. Л. 23–25, 100–103, 133.

- ⁷ Там же. Л. 199, 240–242 об.; Metallургические заводы Урала... С. 356, 449.
- ⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 500. Л. 254–255 об., 261, 263, 267.
- ⁹ Там же. Д. 286. Л. 2–3, 5–6 об.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 489. Л. 1, 6, 9, 11, 13, 18.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 520. Л. 4–7, 8, 10, 12.
- ¹² Там же. Д. 1485. Л. 2–4. Автор признателен Е.Ю. Рукосуеву за информацию о Николае-Павдинском имении.
- ¹³ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2009. Т. 2. С. 824–825; *Мякинченко В.* Дмитрий Пастухов и его дело // Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/192/21293.php>.
- ¹⁴ *Павлов М.А.* Воспоминания металлурга. Киров, 1992. С. 184, 185.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 216. Л. 2–5.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 981. Л. 27–30.
- ¹⁷ Там же. Л. 51, 53, 57–58, 61–64, 317; Ф. 24. Оп. 19. Д. 121.
- ¹⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2978. Л. 45–51 об.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 216. Л. 2–5, 7–8, 11–11.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 4078. Л. 2–5.
- ²¹ *Павлов М.А.* Указ. соч. С. 106, 186.
- ²² *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 179.
- ²³ Режим доступа: <http://forum.yar-genealogy.ru/lofiversion/index.php?t5673.html>.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1547. Л. 8–10.
- ²⁵ *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 180–181.

7. Н.Н. ПОДЪЯЧЕВ

Небольшой медеплавильный Шильвинский завод и вспомогательная Александровская «фабрика», в лучшие времена вырабатывавшие до 1,5 тыс. пуд. меди, располагались в Оренбургской губернии; с 1822 г. они принадлежали представителю третьего поколения рода владельцев мензелинскому купцу второй гильдии Николаю Николаевичу Подъячеву. О личности владельца у горных властей сложилось нелестное представление, особенно когда в конце 1840-х и 1850-х гг. в его владениях возникли волнения мастеровых. В обоих случаях следователи признавали положение заводских и прежде всего рудничных рабочих особенно «отяготительным и притеснительным» по сравнению с положением рабочих на других частных заводах. Виновником этого называли самого владельца, который, в отличие от большинства уральских заводчиков, постоянно жил в своем имении и «лично производил все учеты и обороты заводские».

В 1847 г. исправник предупреждал Горное правление, что, «покуда Подъячев будет хозяином завода при настоящем его положении дел, в заводе не сотворится не только достаток заводских крестьян, но и самое их спокойствие, а Правительству всегда будет обременено лишнею перепискою (без которой Подъячев существовать не может)». Грозный главный начальник уральских заводов В.А. Глинка уже тогда предлагал наказать Н.Н. Подъячева розгами и отдать «в арестантские роты», а завод взять в казенный присмотр. Но в присутствии чиновника Горного правления и заводского исправника Н.Н. Подъячев обещал ис-

править «упущения» и впредь содержать рабочих в соответствии со штатами Пермских казенных заводов.

В 1859 г. следователь Л.А. Соколовский, прибывший на Шильвинский завод во время очередного выступления рабочих, обнаружил, что за прошедшие годы на заводе фактически ничего не изменилось. Как и десятилетие назад, он признал, что владелец «по своей недобросовестности и изворотливости всегда найдет средства притеснять крестьян». «Вообще, – утверждал Л.А. Соколовский в докладе министру финансов А.М. Княжевичу, – можно сказать, что с его беспокойным характером и склонностью к ябедничеству он не только не может и не должен управлять судьбою подчиненных ему людей, но и сам должен быть подвергнут строгому и постоянному наблюдению со стороны установленных законом властей и общества»¹.

Если в 1847 г. Н.Н. Подъячев «отделался легким испугом» (его завод был назначен в публичную продажу за казенные долги, но в следующем году торги отменили, а долги рассрочили на 10 лет), то в 1859 г. по отношению к нему было принято беспрецедентное решение. В связи с тем, что «злоупотребления Подъячева достигли крайних пределов и, опасаясь, чтобы дальнейшее его пребывание на заводах не было поводом к притеснениям и даже истязанию лиц, обжаловавших его действия», А.М. Княжевич распорядился не только взять Шильвинский завод в опекуновское управление, но и самого заводчика сослать в Архангельскую губернию и установить за ним «строгий полицейский надзор».

Николай Николаевич подавал жалобы, в которых акцентировал внимание на том, что ему казалось основной причиной всех бед принадлежавшего ему завода. Этой причиной он считал, конечно, не собственную неспособность управлять и личную жестокость, а отсутствие у Шильвинского завода приграничных лесных площадей, что, действительно, было особым для заводской практики случаем. Так, из записки Горного правления следует, что еще при генеральном межевании в 1800 г. заводу было отведено всего 7974 дес., из которых 5351 дес. лучших лесов тогда же оказались «вырезаны в корабельную засеку». В отношении остальной земли между заводом и государственными крестьянами возник спор, «по которому выведено было, что будто бы завод вместо 7974 дес. имеет лесов более 48 тыс. дес.» В 1822–1823 гг. спор решился в пользу крестьян и завод остался вообще без лесов. Только тогда «горным ведомством было обнаружено, что через таковое отсуждение спорной площади от завода взяты не излишние, а остальные леса». В Межевом департаменте Сената возбудили дело о возвращении лесов, но разбирательство его все длилось, пока в 1833 г. министр финансов не предписал «впредь до решения» отпускать лес Шильвинскому заводу из казенных дач «по одной необходимости».

Когда в 1837 г. казенные леса передали в ведение Министерства государственных имуществ, для Н.Н. Подъячева наступило тяжелое время. Ему разрешили «довольствоваться тем только количеством леса, какое за удовлетворением местных поселян будет оставаться за попенные и посаженные деньги». Это решение противоречило горному законодательству, согласно которому посессионные заводы могли пользоваться казенными лесами бесплатно, выплачивая лишь повышенную горную подать. В 1843 г. жалобы заводчика были услышаны. Сенат постановил наделить Шильвинский завод лесами, а до того времени разрешил отпускать лес из близлежащей Боровецкой дачи без взыскания лесных податей. Но с того времени, несмотря на ряд новых правительственных указов, завод лесами не наделялся из-за позиции Министерства государственных имуществ, которое не могло найти подходящей лесной площади и «создавало трудности в отпуске лесных материалов из дач своего ведомства». Самому заводчику не раз приходилось отказываться от предла-

гавшихся ему вариантов наделения, поскольку, как писал Н.Н. Подъячев, участки для вырубki дров находились то далеко от завода, то содержали один осиновый лес, то назначались только «в зимнюю рубку»².

Эти трудности, очевидно, и заставляли владельца выкручиваться из сложившейся ситуации любыми способами, в том числе и противозаконными, что, видимо, и способствовало формированию тех особых качеств, которые подмечали все, кто общался с ним. Сам Н.Н. Подъячев образно описывал драматическую историю своего владения так: «Посессионный Шильвинский завод, имея законные основания на право пользования лесами, 40 лет с 1822 г. не имел совершенно лесов. Мастерские на одних усадьбах не имели не только угодий или лугов, но даже и выгона. Дома рушились. Завод бедствовал. Лес не отпускался и даже не продавался для завода. Все это было причиною крайнего разорения. Но не упал и не уничтожился завод в эти годы только потому, что его поддерживали энергические меры заводчика, поддерживаемого в свою очередь надеждою, что рано или поздно его найдет справедливая защита и вознаграждение Правительства». Для обеспечения завода топливом им «скупались старые ветхие строения... покупался лес за деньги в отдаленных от завода местах у частных владельцев (заводчик также приворачивал лес из казенных дач. – *Е.Н.*)... Тяжкий труд мастеровых вознаграждался скудными платами и наймом, подчиненность их поддерживалась, натурально, строгими мерами». В результате этого «население возмущалось... а стеснительное положение мастеровых подало повод к удалению с завода самого владельца». С ноября 1859 г. эта ссылка продолжалась более трех лет.

Между тем под управлением неопытного опекуна Белоновского Шильвинский завод все больше приходил в упадок, несмотря на то что Александр II повелел отсрочить взывание казенных податей на 10 лет, «начиная с того времени, когда начнется постоянный отпуск леса». Но для отграничения лесов за время опеки ничего не было сделано. Из-за постоянно накапливавшихся недоимок Горное правление уже в 1860 г. предложило продать Шильвинский завод с публичных торгов³. К прежним проблемам добавилась еще и необходимость наделения горнозаводского населения земель в соответствии с «Дополнительными правилами» 1861 г. После рассмотрения настоятельных прошений рабочих Сенат 16 мая 1861 г. принял решение о нарезке им земли и леса из принадлежавших казне участков. Но 15 июля по высочайшему повелению оно было приостановлено «впредь до рассмотрения дела в Государственном совете». Все эти обстоятельства вызвали поток прошений от разных лиц о пересмотре прежних правительственных решений о Шильвинском заводе и его владельце.

Первыми подали свой голос кредиторы Н.Н. Подъячева – елабужские купцы Д.И. Стахеев и И.В. Шишкин, которым тот задолжал 29 750 руб. В апреле 1860 г. они впервые просили о передаче завода в управление кредиторам «по образцу Кнауфской компании». Они не видели другой возможности вернуть свои деньги, пока завод находился «под управлением не знающего заводских дел опекуна и под распоряжением неблагонадежных заводских крестьян». Но Сенат, «приняв во внимание неимение в законах разрешения на отдачу частных горных заводов в управление кредиторов для уплаты долгов», отказал купцам в этой просьбе.

Все ухудшавшееся положение Шильвинского завода подтолкнуло кредиторов в феврале 1862 г. повторно обратиться к министру финансов. «В продолжение сего времени, – свидетельствовали они, – завод приходит не только в расстройство, но и совершенно клонится к уничтожению». Опекун Белоновский растратил все запасы и увеличил долг на 2 тыс. руб., за что был удален от управления и даже состоял под

следствием. «Но от сего какая польза заводу?» – вопрошали купцы. Новый опекун Юферов тоже не был знаком с заводским делом и окончательно довел завод «до совершенного расстройства». «Провианту нисколько не имеется, жалованье крестьянам за несколько месяцев не плачено, все казенные подати и повинности тоже не заплачены и сверх этого опекун задолжал частным людям до 3 тыс. руб., казенные же долги и на них проценты и штрафы значительно умножаются на заводе. Вот плоды опекунского управления!» – подводили итог кредиторы. «Главной ценностью» они называли отведенные к заводу рудники, которые «без всякого правильного их ведения, наблюдения и смотрения до того могут быть доведены, что совершенно обрушатся и стоимость их значительно изменится». «Кроме их завод никакой ценности не имеет, строения ни к чему не пригодны, крестьяне получают свободу и делаются необязательными, земель никаких нет, лесов тоже». Продажа такого завода, предупреждали купцы, не позволит рассчитаться не только с частными, но и с казенными долгами. Предложение кредиторов о передаче им заводоуправления поддержал сам Н.Н. Подъячев, но всем им вновь было отказано⁴.

Из Пинеги Николай Николаевич неоднократно обращался в разные инстанции и даже к царю с просьбой «возвратить его бедному семейству, повергнутому горести и несчастью», но жалобы его оставались без внимания. Тогда за Н.Н. Подъячева вступился статс-секретарь князь А.Ф. Голицын, которого заводчик называл «другом истины». В ноябре 1861 г. князь просил перевести Н.Н. Подъячева «на жительство по званию его в город Елабугу», но министр финансов решительно отказал, сославшись на то, что пребывание там владельца будет иметь «весьма дурное влияние» как на опеку, так и на население расположенного поблизости Шильвинского завода. На другое письмо А.Ф. Голицына сменивший А.М. Княжевича М.Х. Рейтерн отреагировал благосклоннее. «Я не встречаю препятствий, – ответил он в феврале 1862 г., – к разрешению ему (Н.Н. Подъячеву. – *Е.Н.*) временной отлучки в Москву, если только Вы изволите признать возможным испросить Высочайшее на то соизволение»⁵.

Но не прошения и протекции, а реформы в стране привели к желаемому для заводчика результату. В августе 1862 г. Сенат признал, что «в связи с прекращением обязательных отношений заводских людей к владельцам устраняется сама возможность подобных злоупотреблений», и на основании мнения Государственного совета от 4 июня 1862 г. отменил все опеки, учрежденные «за злоупотребления помещичьей властью... после окончательного введения в имения уставных грамот»⁶.

Грамоты Шильвинского завода были подписаны 19 сентября 1862 г., а 30 ноября по распоряжению губернатора заводоуправление передали доверенному лицу владельца – его сыну Михаилу Николаевичу Подъячеву. Оказывается, еще в 1860 г. он вышел в отставку из Корпуса жандармов, как писал его отец, «для престарелой матери своей», оставшейся с многочисленным семейством «без всяких средств и поддержки». В начале 1863 г. управляющий сообщил местному исправнику, что «принял от опеки 30 пуд. ржаной муки, наличной меди в крохах только 30 фунтов, материалов, перевезенных уже в завод, некоторых достало только до января... а других вовсе не было, денег тоже нисколько не было получено от опекуна, и рудники запущены». «От бесхозяйственности опекунского управления», полагал Михаил Николаевич, завод придет в упадок, если не рассрочить взнос накопившихся с 1859 г. недоимок на год, а прежних казенных долгов – на пять лет. Но в Горном правлении сочли, что отсрочки «не предоставят Подъячеву способов к погашению... долгов», и настояли на скорейшей продаже завода. В июне 1863 г. уже сам министр М.Х. Рейтерн санкционировал эту продажу «без всякого отлагательства»⁷.

Одновременно с судьбой завода решилась и участь его владельца. В начале 1863 г. на запрос Сената оренбургский генерал-губернатор А.П. Безак ответил, что «возвращение в настоящее время Подъячева... не только не может уже иметь вредных для мастеровых завода последствий, но, напротив, должно служить к восстановлению правильного действия завода и тем самым подать надежду к уплате состоящих на заводе долгов». В апреле 1863 г. воспрянувший духом Николай Николаевич и его сыновья Михаил и Николай просили Сенат о возвращении его из ссылки. В мае М.Х. Рейтерн получил от М.Н. Подъячева прошение о скорейшем возвращении отца и передаче в его управление завода⁸. Видимо, лишь сам Николай Николаевич с присущей ему энергией мог «разрулить» сложившуюся ситуацию.

Император 4 апреля 1863 г. освободил Н.Н. Подъячева от полицейского надзора и позволил вернуться в Оренбургскую губернию. «По Высочайшему повелению возвратившись в полуразрушенный завод, – писал владелец в очередном прошении в Горное правление в декабре 1863 г., – я с великим трудом приобрел питаемое ко мне некоторыми из прежних кредиторов доверие и, получивши от них под доставку металла более 10 тыс. руб. сер., принял деятельные меры к устройству развалившихся фабрик и прочих заведений, приступил к расчистке и разработке заваленных опекою шахт и штолен». Подробное описание своих «благотетельных мер» было необходимо Н.Н. Подъячеву, чтобы доказать: продавать завод в период, когда он еще не выведен из «бедственного состояния», нецелесообразно. Соглашаясь в принципе с необходимостью этого шага, он считал, что сделать это нужно «с выгодой для владельца и пользою казне, но не в таком положении как ныне». Заводчик просил сложить долги завода и приостановить его продажу⁹.

«Все дела по Шильвинскому заводу... свидетельствуют, что завод под управлением самого Подъячева не был никогда в положении удовлетворительном, – высказало свое мнение Горное правление. – К улучшению положения крестьян... и к устранению открытых беспорядков и злоупотреблений в управлении Подъячева были принимаемы со стороны горного начальства зависящие от него меры, которые состояли в побуждениях к улучшению, в денежных пособиях и ходатайствах об отсрочке платежей и податей в казну. Но все эти меры оказывались безуспешными, а между тем долги накапливались, и Правительство нашлось вынужденным взять завод в опеку с устранением из него Подъячева. Из этого следует, что нет основания доверять объяснению Подъячева, будто бы он употребил весь свой капитал и даже самые ссуды на продовольствие рабочих; напротив, труд их должен был доставить Подъячеву значительные выгоды, потому что платы, рабочими получаемые, худо вознаграждали труд их. Неимение отводных лесов могло, без сомнения, оказать некоторое неблагоприятное влияние на благосостояние Шильвинского завода, но влияние это слишком уж преувеличено Подъячевым в просьбах его: лес был ежегодно отпускаем из ближайшей дачи ведомства государственных имуществ в мере действительной в нем надобности, а потому нельзя согласиться с Подъячевым, будто бы он употребил весь свой капитал и даже входил в долги на приобретение для завода леса»¹⁰. Прямым следствием такой оценки стал отказ в просьбе, подкрепленный в феврале 1864 г. постановлением Горного департамента.

На это решение горных властей Николай Николаевич отреагировал в присущей ему манере новым и, пожалуй, самым прочувствованным своим прошением к министру финансов. «Оренбургское губернское начальство приступило к собранию сведений на опись и оценку, а правительство горное стеснило меня, и без того уже разоренного, до последней крайности. Меры, принятые мною к исправлению разграбленного опекунами завода, распоряжениями своими уничтожило, а также и

всякое частное доверие... и последним своим предписанием исправнику приказало секвестировать за долги медь. Итак, два действия в одно время: публичная продажа лишила частного доверия, а секвестр меди отнял средства и к малейшему поддержанию действия, и последний кусок хлеба. Я бедствую 40 лет, вопреки распоряжений Правительства (о наделении лесами. – *Е.Н.*)... вместо вознаграждения по закону, меня удалили от семейства и заведения... а опекуны... разорили меня вконец и оставили только в том состоянии, в чем рожден я на свет». «Уничтоженный безвинно до последней крайности, разоренный до постыдности неслыханными распоряжениями... стесненный и поставленный в какое-то иступление и, видя семейство 17 человек сирот и увечных, приготовленных скитаться по миру, чувствуя безвинность... и последнее безбожное разорение опекунами», заводчик жаловался не только на «горное начальство»; он писал о «лесном начальстве», которое так и не наделило завод лесами, несмотря на пять сенатских указов и вышедшее в 1862 г. постановление Государственного совета, согласно которому Шильвинскому заводу должны были срочно отвести 11 тыс. дес. земли¹¹.

Но не эта и другие жалобы заводчика склонили высшее начальство к новому «снисхождению». В принятии решения об очередной отсрочке продажи сыграло свою роль то, что в Петербурге, куда Н.Н. Подъячев приехал хлопотать о деле, он нашел компаньона, согласившегося ему помочь. Им оказался титулярный советник Владимир Петрович Гусятников (принадлежавший к известному московскому купеческому роду, представители которого до 1838 г. владели на Урале Преображенским медеплавильным заводом). Как можно судить по договору от 25 января 1865 г., В.П. Гусятников «входил в участие по... Шильвинскому заводу и... употреблял свой капитал для увеличения производства до 2 тыс. пуд.». Компаньон сразу вносил 1,5 тыс. руб. сер. для выплавки 200 пуд. меди, которые должны были служить «обеспечением исправного платежа горных податей». «Дальнейшую сумму денег не свыше 1,5 тыс. руб. сер.» В.П. Гусятников, как следовало из договора, передавал Подъячеву «со времени, как только будет назначен для заводского действия особый отвод для вырубki леса». Но если бы Н.Н. Подъячев «приискал из... соседних заводу владельцев, купцов или родственников» других компаньонов и заключил с ними более выгодный контракт, «как с местными обывателями», В.П. Гусятников обещал владельцу в этом не препятствовать при условии возвращения ему вложенных денег «по обоюдному соглашению». Именно это соглашение и стало причиной принятого 29 января 1865 г. решения отменить продажу завода и рассрочить казенные долги на 37 лет «с платежом ежегодно 5% интереса и 1% погашения», если завод будет выплавлять не менее 2 тыс. пуд. меди в год. К этому времени казенные долги Шильвинского завода достигли уже 45 147 руб., а с процентами их сумма составила 94 229 руб.¹²

Уже через месяц Н.Н. Подъячев воспользовался последним условием договора с В.П. Гусятниковым, найдя после возвращения из Петербурга другого («более выгодного») компаньона именно из «местных обывателей». «Поскольку расстроенное состояние Шильвинского завода, – писал он в прошении Александру II, – требует капиталу до 15 тыс. руб., а г-н Гусятников только выдавал 1,5 тыс. руб. ...заключил я новое условие». Этот договор был подписан 23 февраля 1865 г. с давним кредитором Н.Н. Подъячева елабужским кушом первой гильдии Дмитрием Ивановичем Стахеевым. В соответствии с его условиями, владелец продал Д.И. Стахееву «всю долженствовавшую выплавиться на Шильвинском и равно Александровском или имеющемся выстроиться вновь на речке Зае на отведенном месте завода красную штыковую медь хорошей доброты до 1,5 тыс. пуд.» в течение 18 ме-

сяцев. За это купец давал взаймы 12 тыс. руб. Вместо неустойки ему предоставлялось «право на приобретение всего достояния Подъячева», включая Шильвинский завод, а также назначенный на май 1865 г. отвод 11 тыс. дес. леса, все «отделения завода, должествующие устроиться с отводом заводу дач, все рудники и всю частную, какая имеется или приобретется Подъячевым собственность»¹³.

Вскоре Михаил Подъячев по поручению отца отправился в Петербург для «объяснений с Гусятниковым» по поводу новой сделки, «касающейся единственно запродажи меди, не подлежащей казне, не относящейся к аренде завода и не к нарушению обязательств, на которых основана Высочайше дарованная отсрочка». Сам Николай Николаевич остался на заводе, чтобы, как он писал, «исполнить Высочайшую волю с начатием выплавки меди в июне... и иметь из первой же выплавки 200 пуд. на обеспечение казенного долга». Он сообщал также, что «усиленными мерами снискал возможность заготовить и частью купить уголь, нужный для плавки 200 пуд., и заготовил 50 тыс. пуд. руды, необходимых для 2 тыс. пуд. меди».

Очевидно, что у владельца были далеко идущие планы, предполагавшие не только восстановление Шильвинского завода, но и подъем производительности до обещанных 2 тыс. пуд. Поскольку истек срок аренды земли под Александровской фабрикой (эта земля принадлежала дочери купца чиновнице Анфисе Курбатовой, которая настаивала на прекращении аренды), потребовалось возвести новый завод – Заинский. Еще в 1856 г. Николай Николаевич просил разрешения открыть его, но тогда из-за отсутствия лесов ему было отказано. Начавшееся в 1864 г. наделение Шильвинского завода лесными площадями реанимировало прежние замыслы, однако им не суждено было осуществиться: между владельцем и землемерами вновь возникли разногласия.

Как следует из записки Горного правления, в октябре 1864 г. на завод «съехались» два землемера и исправник. Поверенный Н.Н. Подъячева заявил им, что «если леса будут отводимы не согласно с желанием заводовладельца, то он будет просить Правительство взять от него самый завод». После этого отзыва «землемер палаты не приступил вовсе к передаче лесов, и видно было, что Подъячев стал от приема уклоняться». Горное правление предписало, чтобы горный землемер и исправник «принимали леса немедленно по той нарезке, как утверждено Министерством, хотя бы то было и без поверенного от заводчика». Но Н.Н. Подъячев решительно отказался от приема лесов по последнему проекту и направил в Сенат жалобу, в которой просил нарезать леса по проекту 1854 г. Землемеры уехали, и нарезку лесов пришлось вновь отложить на неопределенное время. «Подъячев, – размышляли горные чиновники, – без сомнения, знает, что с постоянным отводом лесов от него потребуется и соблюдение правил лесного хозяйства, потребуются и платежи долгов и участие в поземельном устройстве крестьян, а теперь, не платя долгов и не заботясь о положении крестьян, он все-таки пользуется казенными лесами безденежно; ему, конечно, выгодно уклоняться от приграничения лесов и опять повсюду рассылать просьбы и жалобы». «Чтобы положить такому препятствию предел и дать делу должное движение», Уральское горное правление 14 декабря 1864 г. предписало «послать горного землемера весной 1865 г. в Шильвинский завод со строгим наставлением, чтобы он, несмотря на отзывы Подъячева, принял непременно то, что будет сдавать землемер палаты... с изменениями, какие по просьбе Подъячева возможно будет сделать без важных затруднений»¹⁴.

Неясно, были ли справедливыми эти предположения чиновников, которые и сами сознавались, что Н.Н. Подъячев просил «отвести леса в ближайшей даче, а ему отводили за 18 верст от завода». К тому же он полагал, что отведенных трех

участков, в которых «не видится мелкой поросли, могущей обеспечить будущее», хватит всего на 10 лет эксплуатации и просил увеличить нарезку с 11 тыс. до 15 415 дес. В такой ситуации становится понятна принципиальная позиция заводчика, добивавшегося отвода более подходящих для эксплуатации лесов. Но откладывать наделение в столь неблагоприятное для завода время, при столь жестких условиях рассрочки казенных долгов и, по сути, двойной аренде было опророчено, поскольку действовать следовало быстро, особенно при обычной неторопливости и непредсказуемости действий чиновников лесного ведомства, с чем заводчику прежде неоднократно приходилось сталкиваться.

Последующие события в интерпретации Николая Николаевича были таковы: в мае–ноябре 1865 г. осуществлены межевые работы и приграничные к заводу леса «сданы в горное ведомство», но в 1866 г. ревизор Палаты государственных имуществ «взял отвод заводу обратно в лесное ведомство, водворенную горную стражу выгнал, заготовленный в участках лес и уголь секвестировал и частью продал с публичного торга, остальное было расхищено». «Распоряжением этим, – писал Н.Н. Подъячев, – я окончательно разорен, затраченный капитал, добытый с большим трудом и лишениями, потерян, о частном кредите после такого распоряжения нечего было и мыслить. Действие Александровского завода по неимению горючего материала прекратилось». В другой жалобе, написанной в 1867 г., он дополнительно сообщал, что «произведенный отвод четырех участков Заинской дачи... за неотчислением оных из одного ведомства в другое вместо ожидаемого облегчения еще более усугубил положение Шильвинского завода: за неопределенностью права на леса той и другой сторон остановился даже и прежний посаженный отпуск».

«Отчаянное положение» вынудило заводчика вновь отправиться в Петербург. «По телеграммам Министерства назначались отпуска леса», но лучшее для заготовки угля время в 1865–1866 гг. было упущено. «Отвод лесов до сих пор не закончен, – писал Н.Н. Подъячев. – Мастерские расходятся в разные стороны на скудные заработки. Дома их рушатся, семейства бедствуют. Частный заем, вверенный заводчику... до сих пор остался непогашенным, а частным пособием внесена даже часть процентов за 1865 г. в Государственный банк (в том году единственный раз за все время Н.Н. Подъячев внес 1700 руб. на погашение казенного долга. – *Е.Н.*). К цифре долга казенного прибыло на завод частного долга 15 тыс. руб. сер.» Поэтому в 1866 г. вместо 2 тыс. пуд. завод смог выплавить только 800 пуд., и владелец «понес одни убытки». «Не имею возможности где прислонить голову и приобрести себе насущного пропитания, повергнутый страху и отчаянию при летах престарелых от стыда и поношения», – жаловался заводчик министру финансов. Он предупреждал, что в такой ситуации ему ничего не остается, как заявить о закрытии завода, и просил для того, чтобы не допустить этого и «восстановить частное доверие», сложить начеты процентов по казенному долгу, которые составляли уже более его половины¹⁵.

Заводский исправник А.Х. фон Зигель тогда поддержал Н.Н. Подъячева. По его сведениям, 6 июня 1867 г. Н.Н. Подъячеву были сданы отведенные за два года до этого 9251 дес. из Заинской дачи, а 13 сентября из той же дачи – дополнительно почти 396 дес. Общая площадь отводных лесов составила, таким образом, 9648 дес. «Четыре лесные участка, – рапортовал исправник в конце сентября 1867 г., – отведены, но поздно для заготовок и вследствие этого выплавлено с 1 мая по 1 октября только 154 пуд. меди, которых не только не хватило на обеспечение платежа долгов, но и на покрытие расходов и поддержание существования завода и заводских строений, доведенных до крайнего упадка от неотпуска в прежнее время лесов.

Подъячев уже не может ничего сделать и заявляет о том, что Правительство должно решиться взять завод в казенное управление или продать с публичных торгов». «По личному моему удостоверению, – констатировал исправник, – Шильвинский завод имеет в настоящее время самые ничтожные запасы готоводобытых руд и угля, из которых можно будет выплавить не более 80–90 пуд., а оборотного капитала вовсе не имеется».

Главный начальник уральских заводов А.А. Иосса дополнил это сообщение: «Самый необходимый для завода участок разрешен лесным ведомством к отдаче только в последнее время из дачи Боровецкой взамен прежде назначенного Ильбухтинского участка, но до сих пор лесным ведомством не отведен; остальные же четыре Заинские участка, хотя в Горное ведомство и приняты, но ныне Лесной департамент распорядился снова поверить пространство участков и произвести спрямление границ их». Он утверждал, что такие распоряжения тормозят окончание явно затянувшегося дела в ущерб казне и заводчику. Вместе с тем в Лесном департаменте заявляли, что Н.Н. Подъячев «под разными предложениями сам старается отсрочить окончательный прием участков»¹⁶. Оба ведомства в такой ситуации склонялись к необходимости публичной продажи завода.

Но как только это решение было подготовлено, заводчик выступил с новым предложением, обстоятельно изложенным им в докладной записке 21 ноября 1867 г. «Примите во внимание, – обращался он к министру финансов М.Х. Рейтерну, – что Правительство не только может брать частные заводы, но казенные заводы сдает в частные руки, а частного покупателя, кроме иностранцев, найти на крайне расстроенный Шильвинский завод невозможно, хотя он имеет богатые данные... Наконец, если завод продается за цифру казенного долга, как надо полагать, судя по обыкновению аукционных торгов, тогда кредиторы купец Стахеев, титулярный советник Гусятников и прочие, имеющие за заводом более 15 тыс. руб., должны потерять свою собственность, да и мне 45 лет выносившему действия и лишившемуся всего, чего имею, предстоит остаться не при чем и притом банкротом пред людьми, к обществу коих принадлежу. Не вправе ли я, Ваше Высокопревосходительство, искать вознаграждения, хотя трудно думать, чтобы я был вознагражден за мои лишения и страдания... Чтобы не обременять ни Правительство, ни Государя просьбами от лица горнозаводчика, и без того уже много раз обременявшего оными по делам своего несчастного Шильвинского завода... я умоляю Ваше Высокопревосходительство, снизойдя к тому соображению, что Шильвинский завод без лесов был оценен в 1849 г. в 123 тыс. руб. сер. (хотя с обязательными мастеровыми и наготовленными рудами), оценить оный ныне (без наличия руд и обязательных мастеровых) только в зданиях с открытыми разработкой обильными рудниками, с удобством имеющегося рабочего населения и с лесами, приграниченными к заводу... в ту же сумму... если не дороже, и употребить это на предмет единовременного погашения казенного долга, долгов частным лицам, вспомоществовать бедствующему населению мастеровых и в вознаграждение за понесенные убытки мои в продолжение 45-летнего процесса, испросить Высочайшего разрешения на лотерею с тем, чтобы на предмет поддержки и ремонт завода, на сбережение лесов и прочее, чтобы без надзора и средств не упал интерес государственный, ассигновать под вычет из этой же суммы с процентами по день розыгрыша или передачи новому владельцу». «Мера эта, Ваше Высокопревосходительство, – заключал Н.Н. Подъячев, – хотя кажется выходящею из ряда обыкновенных, но тем не менее единственная как средство к восстановлению завода, для которого только что дано такое значительное пространство лесов, у которого стоят разработанные руд-

ники и шахты, могущие разрушиться при продолжении настоящего положения... Умоляю, Ваше Высочайшее Превосходительство, так или иначе спасите меня, мое семейство, мастеровых и завод или интерес государства от позорного результата и банкротства и горькой вопиющей бедности»¹⁷.

Когда министр отклонил эту просьбу «по известному вреду от лотерей», то 1 января 1868 г. владелец прекратил производство на заводе и вновь попросил взять его в казенное управление с назначением в публичную продажу или сдать в аренду «с обязательством восстановить заводское действие». Возможно, это предложил ему тот же Д.И. Стахеев, намереваясь хотя бы так вернуть столь неосторожно вложенные в предприятие Подъячевых свои немалые средства. Положение Шильвинского завода рассмотрел Горный совет, который учел, что Н.Н. Подъячевым «не выполнено ни одного из тех условий, на которых Шильвинский завод по повелению 29 января 1865 г. освобожден был от публичной продажи... а также ввиду собственного заявления Подъячева о несостоятельности относительно погашения долга, неимения средств к продолжению заводского действия», и предложил «в предупреждение окончательного расстройтва Шильвинского завода и для возмещения всех состоящих на нем недоимок и взысканий, подвергнуть оный безотлагательно продаже с публичных торгов». Министр финансов 10 марта 1868 г. утвердил это решение. Через год составили опись завода и отправили ее в Петербургское губернское правление для организации торгов.

В течение всего этого времени Н.Н. Подъячев жаловался в Сенат «на неправильное назначение завода его в продажу и на притеснения лесного ведомства» и подавал прошения министру финансов о сокращении суммы казенного долга. Он просил простить ему казенные недоимки и прежде всего накопившиеся проценты (как это практиковалось по царским манифестам), а частные долги сложить «по непредставлению исков в установленном порядке». Вряд ли министра беспокоили частные долги обанкротившегося заводчика, в отличие от казенных, о сумме которых тогда был сделан запрос в Уральское горное правление.

В июле 1871 г. главный начальник уральских заводов И.П. Иванов отправил в Горный департамент рапорт, в котором указывал на возможность сокращения долга с 96 513 руб. до 28 066 руб. В связи с этим он даже предположил, что «по незначительности цифры долга... следовало бы самому Подъячеву изыскать средства к уплате залогом завода в частные руки или же отдачею в аренду с тем, чтобы в обоих этих случаях неотложно был покрыт казенный долг». «Самому же Подъячеву, — полагал он, — при неимении им состояния, поддерживать завод, пришедший уже в разрушение... совершенно невозможно, и потому оставление завода в его распоряжении, как бы ни были облегчены платежи, может повлечь к тем же затруднениям и нескончаемой переписке, какие существовали доньше». Для окончательного решения потребовались дополнительные сведения, которые тем не менее не были представлены в Петербург.

На прошения заводчика 9 сентября 1871 г. откликнулся и Сенат, который, получив сведения о наделении Шильвинского завода лесами, установил, что владелец был «совершенно обеспечен в пользовании лесом... а его жалобы на неправильность и невыгодность отводов не подтверждаются обстоятельствами дела и доказывают только желание его под этим предлогом уклониться от принятого на себя обязательства по выплавке меди». Эти жалобы были безоговорочно «оставлены без последствий», а 15 января 1872 г. М.Х. Рейтерн подтвердил решение о продаже завода. Но на протяжении еще четырех лет никакие действия не предпринимались, как объясняли чиновники Горного департамента, «за непредставлением Горным

правлением достаточного количества сведений о казенных долгах». В 1876 г. долги были пересчитаны и уменьшены, но лишь на 1716 руб.¹⁸

В течение всех этих лет Николай Николаевич единолично распоряжался своим горнозаводским имением, оказавшимся в таком неопределенном положении. Он, вероятно, уже не надеялся на возрождение завода, но пытался извлечь хоть какой-нибудь доход, конечно, не для оплаты долгов, а для обеспечения своего большого семейства. Так, в 1875 г. ревизор Ольшевский докладывал, что на отведенных Н.Н. Подъячеву лесосеках «лес вырубался вполне, но на заводские нужды не употреблялся, а частью был сплавлен заводчиком в Челны к купцу Рыболовову, частью продан крестьянам села Боровецкого и для строящейся в этом селе церкви».

Горный департамент предписал навести порядок и не допускать самовольной рубки леса, предназначенного исключительно для завода. Но только в следующем году исправнику А.Х. фон Зигелю поручили установить казенный надзор. В своем рапорте он тогда описал и состояние бывшего завода. Оказывается, еще в 1873 г. половодьем прорвало заводскую плотину. Поток воды и льда «бил в медеплавильную фабрику и прорыл более 2,5 сажень, уронил угол фабрики, подмыл водяное колесо, фундамент мехового отделения и размыл горные медеплавильные печи, и все это разнесло, одним словом, привело все в разрушение и остались только три стены фабрики». Остатки зданий владелец «разломал и кирпич весь распродал». Он также сломал нежилой каменный дом (видимо, заводскую контору), у которого «по ветхости крышу размывло дождями и потолки от гнилости провалились», а кирпич частично продал, частично использовал для перекладки печей в собственном доме. Действовавшая на заводе деревянная мукомольная мельница «от неизвестной причины» сгорела в 1875 г. Заводские рудники «от неразработки их и от неподдержки в подземных выработках крепей обвалились». «При таких существенных изменениях в состоянии Шильвинского завода, – сообщал исправник, – можно сказать, что его уже не существует». Он предлагал пересмотреть опись 1869 г. «согласно настоящего положения завода» и принять меры к сохранению оставшихся строений. В Горном правлении вняли предостережениям исправника, вспомнив, что заводское имущество служило обеспечением казенного долга, и решили довести эти сведения до Уржумского уездного и Петербургского губернских правлений «на случай принятия с их стороны надлежащих мер к ограничению описанного имущества от дальнейшего в ущерб казне истребления, а также на случай преследования виновных в небрежном охранении того имущества, если бы таковые оказались». В феврале 1877 г. опись Шильвинского завода вернули в Мензелинское полицейское управление «для дополнения»¹⁹.

Там провели новое дознание, в ходе которого пристав Голубятников «отобрал» отзыв у самого Н.Н. Подъячева о его личном движимом имуществе, также описанном в 1868 г. В его состав входили зимний возок, зимняя рогожная повозка, тарантас на железном ходу и одна корова. Николай Николаевич сообщил, что «зимний возок, как собственность дочери его г-жи Кибардиной, увезен в город Уфу, где она назад тому третий год умерла, наследников после нее никого не осталось, а возок тот сказанная дочь его, по всей вероятности, при жизни кому-либо продала, а зимняя рогожная повозка и тарантас бывшим письмоводителем г-ном Касмачевым от него увезены и, где находятся, ему не известно, как равно не знает, где находится и Касмачев и жив ли он, а корова белокурая пала». Все еще не смирившийся с «понесенными обидами» Н.Н. Подъячев писал, что Шильвинский завод «пришел в упадок единственно от стеснений, делаемых бывшим лесным начальством, здания же, как каменные, так и деревянные разрушились от неподдержки их со времени опи-

си, которая была составлена около 10 лет тому назад; описанное имущество ему на сохранение не передавалось, а сама опись была составлена без бытности его, так как он в то время находился в Санкт-Петербурге». Из уцелевшего имущества Н.Н. Подъячев назвал один деревянный дом, в котором жил сам, деревянную конюшню при этом доме и один каменный, крытый железом магазин для ссыпки хлеба. «Другого же имущества, как движимого, так и недвижимого, положительно никакого нет», – утверждал бывший заводчик. К отзыву пристав добавил, что «против его показаний спрашивать некого».

Но полицейское управление этим не ограничилось. Оно приказало продолжить дознание «для точного и подробного расследования о виновных в растрате имущества». Ради этого были опрошены «соседние жители» – бывшие заводские работники, которые, не забыв прежних «обид», нанесенных заводчиком, ничего и не скрыли от дознавателей. Из их показаний следовало, что Н.Н. Подъячев «как здание фабрики, так и дом и другие постройки распродал сам в разные руки, иначе все было бы в целости». «Подъячев ссылается, – сообщали они, – что будто бы фабрику подмыло водой, что несправедливо, так как место это никогда водой не подмывало. Деньги, вырученные через продажу кирпича, железа и леса он употребил в свою пользу и на эти деньги в селе Боровецком выстроил деревянный дом, имеет в настоящее время две лошади, три коровы и несколько овец и свиней; часть строевых деревянных с завода перенес к своему дому... а дом этот... перевел по документам на имя жены, у которой никогда и ничего не было, а все принадлежит ему самому и заведено от продажи фабрики и других зданий».

В итоге расследования полицейское управление именно Н.Н. Подъячева обвинило в растрате описанного имущества, за что он «подлежал ответственности по суду». Уфимское губернское правление в июне 1877 г. приказало наложить секвестр на все имущество купца Подъячева, «не исключая и того, что им передано по документам жене своей»²⁰. В составленную опись включили и отстроенную после пожара «на последние средства» мельницу, которую он действительно в 1876 г. отдал своей жене «по контракту». Видимо, мельница оставалась единственным действующим предприятием бывшего горнозаводчика. Этот шаг, по сообщению его старшего сына от первого брака М.Н. Подъячева, был совершен для того, чтобы обеспечить детей уже престарелого Николая Николаевича от его второго брака. Но в 1882 г. мельница вновь сгорела вместе с домом; таким образом, семейство уже умершего к тому времени заводчика «доведено было до совершенной нищеты, имея только одну избу». Сам мензелинский купец второй гильдии Михаил Николаевич Подъячев жил тогда в с. Акташ вблизи прежде разрабатывавшихся Зайшешминских рудников. Он просил Александра III «во исполнение посмертной воли отца касательно помощи несчастному семейству... милости и как вознаграждения за полторастолетний промысел, на который затрачены труды, капитал предков, отца и неоправданные займы», передать семье 18 дес. усадебной земли, оставшейся «за душевым крестьянским наделом». «Просимая усадьба, – сообщал он, – представляет, по сути, пустую площадь, бездействующую невинно разорившую нашу мачеху мельницу и только может быть местом возможности устроить ее приют и дать некоторые, хотя скудные средства пропитания, о чем считаю своим нравственным долгом поставить на вид и присовокупить, что усадьба эта дорога только как родина». Вряд ли эту просьбу могли уважить: следствие не обнаружило актов, подтверждавших право собственности Подъячевых на эти земли²¹.

В 1881 г. были составлены новые описи Шильвинского имения, и за не выплаченные казенные (95 442 руб.) и частные (15 674 руб.) долги 3 сентября 1882 г. его

выставили на торги вместе с причисленными лесами. По условиям торгов покупатель обязывался в пятилетний срок восстановить действие завода. Но, как и следовало ожидать, торги не состоялись «по неявке желающих торговаться». Вновь власти озаботились судьбой все еще не проданного имения только через семь лет, видимо, обнаружив все возраставшие из-за начисления процентов казенные долги (137 тыс. руб.). В июне 1889 г. Горный департамент задался вопросом, «не следует ли приграниченные к Шильвинскому имению леса и земли за упразднением завода отобрать в казну... или признать это имение, несмотря на раздробленность и разбросанность его лесных дач и на неблагоприятное в настоящее время положение медеплавильного производства, имением с обеспеченной горнозаводской будущностью и, согласно с сим, испытать новые торги на его продажу...».

В августе 1890 г. окружной инженер А.В. Захаров отправился в Шильвинское селение, чтобы сделать окончательное заключение. В своем рапорте он писал, что «заводских и фабричных строений нет ни одного даже в разрушенном виде; строения все разобраны и проданы». «От плотины осталась только земляная насыпь... Лесные дачи... до сих пор Управлением государственных имуществ не эксплуатировались и, будучи все время под охраной и в ведении казенных лесничих, находятся в полном порядке и представляют очень хорошие лесные участки». Особое внимание инженер обратил на рудники, от состояния которых, по его мнению, «только и зависела возможность возобновления предприятия». А.В. Захаров описывал, что Зайшешминские рудники – «главнейшие из разрабатывавшихся прежде» – расположены «по высокому правому склону долины реки Зай и в настоящее время совершенно разрушились и обвалились». Об этих рудниках напоминали только отвалы пустых пород, заметные «в нескольких местах по склону гор на протяжении нескольких верст ниже села Акташ». «Судя по найденным мною образчикам, – извещал инженер, – руда эта убогая, а по некоторым просмотренным мною документам плавки и по рассказам очевидцев работ оказывается, что она давала около 2% и не более 3% чистой меди. О благонадежности рудников в других местах судить невозможно, так как они никогда и не были хорошо разведаны, разрабатывались слабо и от них сохранилось только одно воспоминание... Таким образом, оказывается, что все известные прежнему заводу управления месторождения имеют руду очень небогатую, с неопределенным запасом и, надо думать, не очень значительным». Основным препятствием для продажи имения и рудников инженеру представлялось «то обстоятельство, что права завода на эти рудники уже утрачены и заводоуправлению ни одной разработки нельзя будет начать без того, чтобы не возник судебный процесс о праве собственности на рудники». «Рудники, – писал А.В. Захаров, – как я убедился на месте, или отошли в земельный надел крестьянам без всякой оговорки, или месторождения представляют собственность частных лиц, получивших эти места по наследству или же через покупку. И на самом деле получить эти рудники обратно от настоящих владельцев невозможно. Все рудники находятся не на заводской земле и за неразработкой их перешли в разряд тунележащих».

Окружной инженер пришел к заключению, что «успешной продажи с торгов Шильвинского заводского имения и возобновления на нем выплавки меди ожидать нельзя, а потому для казны будет выгоднее передать... лесные дачи для эксплуатации в полное распоряжение лесного ведомства и горнозаводское предприятие считать тут оконченным». Для возмещения казенного долга он полагал возможным продать только несколько десятин земли, бывшей прежде под заводскими строениями, прудом и базарной площадью. «В настоящее время, – констатировал А.В. Захаров, – этой местностью пользуется вдова заводовладельца Подъячева, прожива-

ющая в селе Боровецком, а на землю, бывшую под прудом, уже теперь заявляют притязания соседние крестьяне и производят захват ее»²².

Следствием такой оценки стала передача в том же году лесов Шильвинского завода, которыми в целях производства так и не успели воспользоваться, «в разряд дач единственного владения казны». По-видимому, в ведение казны были отобраны и те десятины земли, которые Подъячевы рассчитывали оставить в своей собственности. В 1910 г. Уфимское управление государственных имуществ, сделавшее запрос об этих 47 дес., получило ответ, что участки эти отведены в надел крестьянам с. Боровецкое.

Сенат, рассмотрев 9 сентября 1893 г. вопрос о неудавшихся торгах и судьбе Шильвинского имения скончавшегося купца Н.Н. Подъячева, постановил больше не назначать торгов, поскольку имение «утратило ныне горнозаводскую ценность». Но на удовлетворение казенных и частных долгов, которые достигли уже 162 170 руб. 40 коп., было предписано устроить торги «на оставшееся после Подъячева в распоряжении наследников имущество».

На торги, назначенные Уфимской казенной палатой на 23 августа 1894 г., выставили ветхую деревянную лавку, девять старых полусгнивших столов и шесть заплотов, оцененных в 13 руб. 60 коп. Но и эта сумма показалась покупателям завышенной. Когда ее уменьшили до 8 руб. 10 коп., все, что оставалось от горнозаводского имения бывшего заводчика Николая Николаевича Подъячева, было раскуплено. В результате этой операции казна сократила сумму причитавшихся ей долгов до 162 162 руб. 30 коп., «к получению коих», сетовали чиновники, «никаких мер в виду казенной палаты уже не имелось». Горное управление ходатайствовало перед министром финансов о сложении долга как безнадежного. Высшая власть рассмотрела это ходатайство только через 15 лет. «Как усматривается из имеющихся в деле сведений, – записано в сенатском указе от 14 января 1909 г., – за последовавшим обращением в казну приграниченных на посессионном праве к Шильвинскому заводу земель и лесов и за произведенными продажами строений и имущества наследников Подъячева ныне на месте завода не имеется какого-либо другого имущества... а посему долг этот со счетов Уральского горного управления сложить». «Высочайшая воля воспоследовала» 23 марта того же года²³. В этот день была поставлена точка в затянувшейся истории Шильвинского медеплавильного завода и его незадачливых владельцев Подъячевых.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4690. Л. 634–635 об.; Ф. 43. Оп. 1. Д. 284. Л. 151–152, 246–247, 290.

² Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 503. Л. 23, 53–54; Д. 225. Л. 21–26, 36.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 4. Д. 7. Л. 27–42.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 639. Л. 9–18.

⁵ Там же. Д. 647. Л. 2, 11–27.

⁶ Там же. Л. 28–32.

⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 284. Л. 338, 340, 347, 350–352, 354.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 647. Л. 33–36.

⁹ Рабочее движение в России. М., 1951. Т. 1. С. 852; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 113–119.

¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 127–129.

¹¹ Там же. Л. 161 об. – 165.

¹² Там же. Л. 188, 212, 292; Ф. 43. Оп. 1. Д. 503. Л. 193–194.

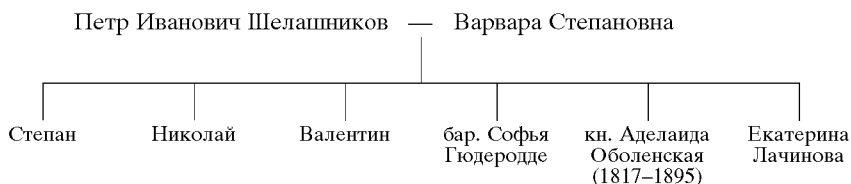
¹³ Там же. Л. 217–219.

¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 220–225.

¹⁵ Там же. Л. 413–416, 422; Ф. 43. Оп. 1. Д. 503. Л. 99–104 об., 109, 169–180.

- ¹⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 428, 891; Ф. 43. Оп. 1. Д. 503. Л. 136, 137.
¹⁷ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 503. Л. 169–180.
¹⁸ Там же. Л. 200, 210, 246; Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 691, 763, 824–832.
¹⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 503. Л. 244, 248, 262; Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 808–815, 852.
²⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 231. Л. 856, 862.
²¹ Там же. Д. 1423. Л. 42–45, 46, 82.
²² Там же. Л. 116–118.
²³ Там же. Л. 144–145, 147–148, 162, 177, 182.

8. В.П. ШЕЛАШНИКОВ

Род столбовых дворян Шелашниковых вошел в состав владельцев уральских заводов в 1834 г. после покупки камергером Петром Ивановичем Шелашниковым имения коллежского асессора П.А. Глазова в Бугульминском уезде Оренбургской губернии. Сын камергера Валентин Петрович Шелашников вспоминал, что купленное имение состояло из закрытого еще в 1818 г. Богословского медеплавильного завода и заводов селитренного и купоросного (в 4 верстах от Богословского), поташного и купоросного (в 27 верстах), а также деревень Богословская, «в коей по VII ревизии состояло заводских мастеровых и чернорабочих 263 души», и Кирлигач («Андреевка тож»), в которой числилось «на помещичьем праве 168 душ». В 1841 г. у гвардии корнета З.И. Никифорова были куплены 370 душ в Пензенской губернии «для переселения на земли деревни Кирлигач». Для них на территории имения основали деревни Варваринка, Софиевка и Воздвиженка. В Варваринке выстроили винокурный завод (сгорел в 1850 г.), а между Софиевкой и Кирлигачем – селитренный завод, «вываривающий селитру из навозных буртов». В 4 верстах от Богословского завода «образовался выселок горнорабочих под названием деревни Нагорной, и при ней выстроен селитренный завод». Заводы поташный и купоросный были уничтожены¹.

Приблизительно в 1847 г. П.И. Шелашников скончался; 8 августа того же года во владение вступили его наследники: вдова Варвара Степановна, сыновья – надворные советники Степан и Николай и несовершеннолетний Валентин, а также дочь Екатерина. Еще две дочери камергера – баварская подданная баронесса Софья Гюдеродде и Аделаида (жена титулярного советника князя М.А. Оболенского) – еще «при выходе в замужество по актам 1 мая 1844 и 15 марта 1845 гг. были награждены приданым и деньгами в общей сложности более того, сколько причиталось на указные их части... и сделали отречение от прочего родительского имения». К тому времени это имение было уже дважды заложено в Государственном

заемном банке: по займу 19 апреля 1825 г., полученному еще бывшим владельцем П.А. Глазовым (на 15 020 руб.), и по займу 18 марта 1842 г., осуществленному уже П.И. Шелашниковым (на 38 920 руб.). Объявленная стоимость имения Шелашниковых составляла 287,2 тыс. руб.

В общем владении наследников заводы оставались в течение пяти лет, после чего, 28 мая 1852 г., владельцы «учинили раздельную запись». В соответствии с ней, все бугульминское имение семьи Шелашниковых – 812 рев. душ (исключая 76 рев. душ из Воздвиженки и 58 – из Варваринки, которые передавались Степану Петровичу) – досталось коллежскому секретарю Валентину Петровичу (с переводом на него оставшихся банковских долгов). Он также брал обязательство уплатить сестре А.П. Оболенской 41 428 руб. «по заемному письму покойного родителя», а до уплаты всей суммы «платить ей на оные ежегодные проценты по 6 коп. на рубль». Из доходов заводского имения Валентин Петрович также платил «любезнейшей матушке» Варваре Степановне по 2 тыс. руб. в год «по жизнь ее» и в «течение жизни ее же матушки» выдавал младшей сестре Екатерине, к тому времени вышедшей замуж за генерал-майора Лачинова, по 571 руб. 43 коп.²

Незадолго до этого владельцы возобновили работу медеплавильного завода «во избежание отобрания приписанных к нему посессионных земель в казну». Горное правление 29 марта 1851 г. дало свое разрешение, и в том же году Богословский медеплавильный завод выплавил 184 пуд. меди. По сведениям правления, до остановки завода в 1863 г. там ежегодно выплавлялось «по пятилетней сложности» до 170 пуд. меди и вываривалось до 140 пуд. селитры. За эти годы удалось ликвидировать долги по прежним займам, «бездоимочно» исполнялись владельцем и обязанности по раздельному акту. Хотя по долгу своей службы В.П. Шелашников жил в Петербурге («на Итальянской улице в доме княжны Гагариной») и часто выезжал за границу, но, как он сам писал, «заведовал лично заводами»³. Тем не менее владелец все-таки не успел «привести завод в полное действие и упрочить его» до начала крестьянской реформы, следствием чего стало вынужденное закрытие Богословского медеплавильного завода.

«Мастеровые села Богословского, – сообщал владелец в 1867 г., – не приняв никакого надела, пожелали выселиться на казенные земли и приписаться в государственные крестьяне... В июне 1865 г. было получено разрешение на переселение и большая часть уже выбыла из завода... Чернорабочие деревни Нагорной, занимавшиеся более хлебопашеством, получили высший душевой надел, перешли на оброк добровольно, так же как и крестьяне Варваринки, и обе деревни в нынешний год, приступив к выкупу своего надела, перешли в крестьяне-собственники. Деревня Софиевка еще ранее выкупила свои угодья, так что в обязательных отношениях к помещику остались только деревни Кирлигач и Воздвиженка, состоя обе на издельной повинности и занимаясь исключительно пашней, никогда в горных работах не обращались. При таком положении рабочих заводы медеплавильный и селитренный были приостановлены и в нынешний только год сделан опыт селитроварения в деревне Нагорной, впрочем, опыт вышел неудачный»⁴.

В столь сложной ситуации владелец обратился к новым залогам имения. Он 19 августа 1862 г. получил на 37 лет ссуду в размере 26 785 руб. из Петербургской сохранный казны под залог 8,4 тыс. дес. «вотчинной» и 6,3 тыс. дес. «заводской» земли. В 1862–1864 гг. ему также разрешили частные залоги «по правилам второй ипотеки». В результате этих действий к 1865 г. имение В.П. Шелашникова оказалось в залоге у полковницы Томиловой (8 тыс. руб.), Карцева (3 тыс.), Бурмовского (4 тыс.) и барона Притвица (12 тыс.). В мае 1865 г. он обратился с просьбой об

еще одном дополнительном залоге имения у А.П. Оболенской. «Ныне сестра моя, – писал владелец, – озабочиваясь скорейшей уплатой ей капитала, предлагает мне 12 тыс. руб. в ссуду на исправление моих дел с тем, чтобы эту сумму, а равно и должную по раздельному акту, всего с процентами до 55 тыс. руб. возвратил я ей в три года и обеспечил закладной на имение мое, а долг по раздельному акту затем считать уплаченным». «Не находя возможным по ходу дел отказать в требовании сестры», Валентин Петрович просил Горный департамент разрешить ему этот крупный залог⁵.

Несмотря на полученную санкцию, операция, видимо, не состоялась, поскольку через полтора года, в январе 1867 г., владелец просил Горный департамент уже о другом разрешении. «Последние два года, крайне неурожайные, при бездействии заводов накопили с процентами долг сестре до 50 тыс. руб. и лишили надежды выплатить ей эту сумму из доходов; требования же ее об уплате усилились и окончились условием между нами», – писал В.П. Шелашников. Было решено выделить А.П. Оболенской «в натуре в уплату долга деревни Кирлигач и Воздвиженку с 1115 дес. крестьянского надела, 2957 дес. сверх надела, двумя мельницами, селитренным заводом и другим обзаведением, всего по оценке в 67 тыс. руб.» А.П. Оболенская переводила на себя долг сохранной казне в размере 11 тыс. руб., а остальную сумму должна была выплатить брату наличными. «Прошу обратить внимание, – указывал владелец, – что имение мое по преимуществу хлебопахотное и горное дело (медноплавильное производство) возобновлено было мною по собственной охоте, чтобы дать занятие поселенным там горным мастерам; что после переселения этих людей мне нет возможности продолжать горные работы наймом на коммерческом основании иначе, как скинув предварительно с себя бремя всякого частного долга и платежа процентов. Долг мой сестре я считаю столь обременительным и выдел ей имения в натуре столь важным для устройства своих дел, что я предпочту закрыть вовсе горные заводы и просить об исключении моего имения из горного ведомства, если бы к этому выделу встретились препятствия»⁶.

По запросу Горного департамента Уральское горное правление провело «разбор дела». Выяснилось, что «горнозаводский округ Шелашникова, известный под общим наименованием Богословского завода... был основан еще в 1758 г. лицом недворянского состояния и в 1853 г. причислен в разряд посессионных». Однако это не могло стать препятствием к предложенному разделу, поскольку по указу от 9 декабря 1863 г. такие посессионные имения подлежали переводу в разряд владельческих и освобождались от запрещения раздела. «Не встречается препятствия на переход к сестре и возможности отделить деревни Кирлигач и Воздвиженку от Богословского завода», – заключили чиновники. Горный департамент санкционировал предложенную сделку⁷.

Она состоялась в Петербургской гражданской палате 4 августа 1867 г. «Помещичья», как называли владельцы, часть имения В.П. Шелашникова перешла тогда к княгине А.П. Оболенской. Оставшуюся же в его владении «заводскую» часть с Богословским заводом и дер. Варваринка Валентин Петрович решил не «перечислить в разряд владельческих горнозаводских имений», а вовсе исключить из подчинения горному ведомству, которое, как писал заводчик в прошении 1868 г., «взимает с селитры 10-процентные пошлины... в то время как ископаемой селитры в имении не имеется... и ни один подобный завод в России не подчиняется горному ведомству и не платит пошлины». Не случайно это прошение было направлено в Управление инспектора пороховых заводов, в ведении которого находились селитренные предприятия России. В 1869 г. владелец даже отказался от уплаты подати в раз-

мере 25 руб. 44 коп. за вываренную в том году селитру, что вызвало обеспокоенность уже и у горного начальства.

Богословский завод, сообщало Уральское горное правление, «состоял постоянно в горном ведомстве до 1830 г. как медеплавильный завод, до 1851 г. – как завод селитренный, до 1863 г. – как медеплавильный и селитренный и с 1863 г. – как завод селитренный». «Вывариваемая там селитра образуется в так называемых буртах, или насыпях из навоза, разных нечистот и гнилого дерева, путем искусственно возбуждаемого химического процесса из веществ органического происхождения». В связи с этим правление сочло возможным не только изменить статус завода, но и перевести его в подчинение Департамента мануфактур и внутренней торговли. Но дело затянулось из-за «формальностей», которые по закону требовалось совершить в подобных случаях: предоставить мастерам льготы в пользовании провиантом, сенокосами и дровами (в соответствии с указом от 3 декабря 1862 г.) и передать все отведенные к бывшему медеплавильному заводу рудники в казну.

Самарское губернское присутствие уведомило Горный департамент, что «бывшие мастерские Богословского завода в числе 301 рев. души... в настоящее время окончательно переселились в разные селения Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний». Это означало, что В.П. Шелашников «не имел уже возможности предоставить им... льготы, обуславливающие право на перечисление посессионного его завода в разряд владельческих». Рудники же, по сведениям Уральского горного правления, «не могли быть определены по совершенной неудовлетворительности старинных документов и за последовавшими после отвода их изменениями в названиях урочищ, в границах и роде владений, на которых рудники расположены»⁸.

Удовлетворившись первым уведомлением, Горный департамент все-таки потребовал уточнить сведения о рудниках. Уральское горное правление обратилось к заводчику. В изложении чиновников его ответ не прозвучал определеннее. «После 30-летнего бездействия Богословского завода, – сообщалось в записке Горного правления, – Шелашников получил в 1851 г. разрешение возобновить его с условием, чтобы руды добывались исключительно из башкирских земель по условиям, имеющимся в конторе или какие вновь заключены будут, а когда Богословский его завод приостановился по недостатку денежного капитала, тогда волости башкир были уже преобразованы, иные признаны собственниками своих земель, другие отчислены в государственные крестьяне и получили надел за выкуп, потому Шелашников и полагает, что собрание сведений, кому ныне принадлежат земли, на которых находились его рудники, составляет работу весьма затруднительную и совсем бесполезную, доколе он не собрал достаточных средств для возобновления выплавки меди. Все документы о рудниках оставлены им в петербургском его архиве вместе с другими бумагами в ящиках в кладовой и без себя он никому не может поручить их отыскание»⁹. Такой ответ тем не менее не остановил министра государственных имуществ П.А. Валуева, который 3 октября 1874 г. утвердил положение Горного совета о переводе Богословского округа В.П. Шелашникова в ведение Министерства финансов как имения, где горнозаводская деятельность прекращена. «От этого министерства теперь и будет зависеть решение вопроса о перечислении имения из посессионного во владельческие», – констатировалось в этом положении¹⁰.

Однако исключение из подчинения горному ведомству бывшего заводского имения и изменение его посессионного статуса не спасли владельца от окончательного банкротства. Даже после продажи части имения А.П. Оболенской и освобождения от значительного долга Валентин Петрович продолжал брать кредиты, за

что вскоре и поплатился. Заняв крупные суммы в Петербургском обществе поземельного кредита под залог имения, он не смог вернуть этот долг, в результате чего Богословский завод и дер. Варваринка в 1876 г. были проданы с публичных торгов инженеру Валериану Петровичу Быкову. Новый владелец тогда же подал иск к княгине А.П. Оболенской о границах имения.

Имя же самого В.П. Шелашникова, к тому времени уже дослужившегося до чина статского советника, в последний раз упомянуто в документации Горного департамента в феврале 1878 г. Тогда его вновь просили предоставить акты на все еще не переданные в казну рудники. Из Петербурга, где проживал бывший владелец, был получен ответ: «По тщательному разысканию в бумагах никаких документов на рудники не оказалось и таковых у меня вовсе не имеется, а если ранее я предполагал, что будто бы оставил их в Санкт-Петербурге, то, видно, ошибся». Чиновникам ничего не оставалось, как «почислить» неизвестные рудники «тунележащими» и тем удовлетвориться¹¹.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1193. Л. 1–4 об.

² Там же. Л. 9–11.

³ Там же. Д. 660. Л. 2; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4081. Л. 122–123, 239 об.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1193. Л. 1–4 об.

⁵ Там же. Оп. 4. Д. 405. Л. 1–5.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 1193. Л. 1–4 об.

⁷ Там же. Л. 20–38, 42.

⁸ Там же. Д. 1208. Л. 1, 6–8 об., 14, 28–28 об.

⁹ Там же. Л. 30–31.

¹⁰ Там же. Л. 32–36; ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 430–476.

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1208. Л. 50–51, 56–57.

9. А.А. КОРОВИН. К.И. ЯХОНТОВ. А.А. ГРАММАТЧИКОВ

Почетный гражданин казанский купец Андрей Акимович Коровин с 1854 г. владел небольшим посессионным Мешинским медеплавильным заводом, доставшимся ему по наследству от отца. В 1868 г. этот завод был остановлен и за податную недоимку его собирались назначить в публичную продажу. Видимо, в 1871 г. завод продали с торгов титулярному советнику Кириллу Ивановичу Яхонтову, жившему в Казани (на Владимирской улице в доме купца Рукавишникова). Поскольку новый владелец совсем не торопился возобновлять работу завода, можно предположить, что для него значение имел не столько завод, сколько заводские леса и земли (3667 дес.). Но для того чтобы заняться лесохозяйством, требовалось изменить статус владения, чем титулярный советник и занялся вскоре после покупки.

В ходатайстве об этом К.И. Яхонтов аргументировал свою просьбу истечением срока давности на заводские земли, находившиеся во владении частных лиц. Ходатайство отклонили, так как, по общим гражданским законам, «казенные земли, состоявшие в пользовании частных лиц на известных условиях или для известного

употребления, не могли быть приобретаемы в собственность по праву давности, как бы долго то пользование не продолжалось». Тогда К.И. Яхонтов подал иск к Уральскому горному правлению в Казанский окружной суд об отмене решения 1852 г. о посессионном статусе имения, проведенного, как он полагал, не по закону, а «в пределах высшей распорядительной власти». Но в 1874 г. иск был признан «таким для владельца требованием, по которому Горное правление не имело права вступать с истцом в состязание»¹.

Вместе с тем владельцу, не получавшему доходов от остановленного завода, пришлось расплачиваться за начисленную пеню в размере 336 руб. за не вовремя предоставленные сведения о месте взноса горной подати в 1873 г. «Прежде, – сообщали чиновники Горного правления, – Мешинское заводууправление своевременно за подписью прежнего управляющего заводом доставляло требуемое статьями Горного устава заявление о месте взноса подати за медь, выплавленной в 1870 г. Такое же заявление представлено им за подписью нынешнего управляющего о подати за медь, могущую быть выплавленной в 1871 г., хотя выплавки не было».

Заводчик объяснял это тем, что «закон обязывает доставлять сведения только о денежной подати с печей, чугуна и минералов». «За отменой же подати с печей и за заменой натуральной денежной податью с меди (это произошло в 1869 г. – *Е.Н.*) не было объяснено, чтобы заводчики или заводууправления должны были... объявлять о месте взноса подати и к денежной подати с меди, почему он и находил излишним доставлять в Горное правление сведения». Тем не менее в просьбе о сложении пени в марте 1874 г. ему отказали, при этом еще 2 руб. заводчик должен был заплатить «за ведение делопроизводства по настоящей его просьбе». Горный департамент, осведомленный об этом деле, нашел начисление пени «с формальной стороны правильным», но вместе с тем заключил, что требование этих сведений «представляется постоянно стеснительным для заводовладельцев, вследствие чего в проекте нового Горного устава (разрабатывавшегося тогда в Горной и Податной комиссиях. – *Е.Н.*) оно отменено, и поэтому полагал бы сложить штраф». Однако Горный совет в июле 1874 г. все-таки подтвердил правильность начисления пени, а жалобу заводчика признал «не заслуживающей уважения»². Кириллу Ивановичу пришлось заплатить штраф, что, скорее всего, окончательно склонило его принять решение о судьбе столь обременительного для него имения. Все закончилось тем, что недействующий Мешинский завод исключили из списков предприятий, подведомственных Уральскому горному правлению, а земли вернули казне (или их выкупил сам неудавшийся заводчик).

Неудачей завершилась и деятельность компании из трех участников, построившей в 1855 г. небольшой Святочудовский медеплавильный завод. Он стал первым на Урале металлургическим предприятием, работавшим на каменном угле, что исключало отвод обширной лесной дачи. Замысел возведения такого завода, вероятно, принадлежал горному инженеру подполковнику Федору Александровичу Хвоцинскому, которому 22 мая 1854 г. было дозволено возобновить разработку «тунележащего» Святочудовского медного рудника, расположенного в даче Каменского завода Екатеринбургского горного округа. Министр финансов П.Ф. Брок 23 июля 1855 г. разрешил инженеру построить завод «с 10 печами плавильными, одной сплейзофенной и одним гермахерским горном». По условиям договора, уголь для нового завода должен был отпускаться в объеме до 510 тыс. пуд. из разрабатываемой казной Сухоложской копи по цене, «какая составит от расходов на добычу с наложением 24%». Штат рабочих предполагалось формировать вольным наймом. Единственным пособием от казны инициатору строительства стал отвод «в вечное

владение» рудника и территории вокруг него площадью 1 кв. верста, где и zaloжили завод. С 1 декабря 1855 г., когда были пущены две печи, владельцу предоставили 10-летнюю льготу в платеже горной подати, как и полагалось по Горному уставу³.

В Екатеринбургском уездном суде 21 декабря 1855 г. был засвидетельствован акт «о поступлении Святочудовского рудника и устроенного в его отводе завода в общее владение компании Хвоцинского». Видимо, для развития завода его основателю потребовалась дополнительная помощь. Кроме самого Ф.А. Хвоцинского в компанию тогда вступили горный инженер полковник Александр Александрович Грамматчиков и надворный советник Николай Прокопьевич Ильин. Двое из членов компании уже являлись профессиональными горными инженерами, имевшими за плечами большой опыт управления казенными и частными заводами на Урале. Оба, по-видимому, были выпускниками Горного института, начинавшими свою профессиональную карьеру на казенных уральских заводах. Оба в разное время состояли в должности управителей Екатеринбургского монетного двора. Старший по возрасту Ф.А. Хвоцинский после своей отставки в течение некоторого времени служил управляющим Сысертскими заводами; А.А. Грамматчиков, когда началось строительство Святочудовского завода, состоял в должности главного механика уральских заводов. Н.П. Ильин служил правителем канцелярии главного начальника уральских заводов. В те же годы вместе с Н.И. Севастьяновым он организовал парходное общество и кредитовал Сысертские заводы. В 1862 г. Н.П. Ильин станет чиновником особых поручений при Штабе корпуса горных инженеров⁴.

На их совместном предприятии в 1856 г. было получено 570 пуд., в 1857 г. – 300, в 1858 г. – 87 пуд. меди; затем завод сгорел и «плавка остановилась», но работы на руднике продолжались на протяжении еще двух лет. Видимо, пожар послужил причиной распада компании. По утверждению А.А. Грамматчикова, в 1860 г. «компания передала ему свои права на рудник и завод, но акты были совершены не крепостным, а явочным порядком». Горное правление тогда потребовало «передаточных актов, совершенных крепостным порядком, которых, однако же, не было доставлено г-ном Грамматчиковым». Вероятно, уже самостоятельно он попытался восстановить завод и, по некоторым данным, в 1861 г. выплавил 262 пуд. меди из ранее добытой руды⁵. Однако, как сообщалось в записке Горного правления, «вместе с прекращением в мае 1861 г. разработки Екатеринбургскими заводами каменноугольной копи прекратилось по необходимости и действие Святочудовского завода». Тогда же остановилась и ставшая бессмысленной при отсутствии топлива добыча руды. Хотя этот во всех смыслах «чудной» завод больше не восстанавливался, история владения им на этом не закончилась.

В апреле 1863 г. министр финансов М.Х. Рейтерн предложил начальнику Екатеринбургских заводов «утвердить Сухоложскую копи за полковником Грамматчиковым» по его же, вероятно, просьбе. Но этого так и не случилось, а позже владелец предпочитал об этом и вовсе не упоминать. В 1866 г., когда истекли «льготные годы», Горное правление «озаботилось неполучением оброчной подати с медеплавильных печей». На запрос А.А. Грамматчиков отозвался, что «действие завода он прекратил и от пользования им на посессионном праве отказался, о чем и было подано им в Горное правление объявление». Однако такого объявления в своих документах чиновники не обнаружили и вновь обратились к владельцу за подтверждением. «Вместо требуемого отзыва, – отмечалось в записке Уральского горного правления, – полковник Грамматчиков на вопрос правления от 16 апреля 1867 г., на каком основании остановлено действие принадлежащего К^о Хвоцинского Святочудовского завода, заявил, что за прекращением в мае 1861 г. со стороны казны

разработки Сухоложской каменноугольной копи и за неутверждением ее за ним г-ном министром финансов до июня 1866 г. он, Грамматчиков, был лишен возможности приобретать в течение всего этого времени каменный уголь, тогда как по условию, на котором разрешена постройка завода, он обязан был вести плавку исключительно на каменном угле... и что поэтому действие Святочудовского завода прекращено от причин, от него не зависящих». Однако подать он все-таки заплатил по 1 января 1867 г.

Ссылаясь на разрешение 1863 г., чиновники опровергали это заявление, полагая, что у владельца была «полная возможность восстановить действие копи и... пустить плавку». Видимо, отказ А.А. Грамматчикова от владения заводом, рудником и копьём обуславливался важными обстоятельствами. Известно, что в это время он поступил на службу к С.М. Голицыну в качестве управляющего его Нытвенских заводов и промыслов, чем, вероятно, и объяснялись его нелогичное поведение и желание поскорее отделаться от обременительного «наследства» К^о Хвоцинского, не оправдавшего надежд компаньонов.

Но горным властям дело не представлялось столь же простым, как владельцу бездействующего завода. Они намеревались поступить так, как того требовали закон и порядок. Прежде чем исключить завод из своих списков и вернуть «тунележащий» рудник в казну, Горное правление в октябре 1868 г. вновь обратилось к А.А. Грамматчикову через Оханское полицейское управление, в ведении которого находились голицынские заводы, с вопросом, «намерен ли он восстановить действие Святочудовского завода на тех условиях, на каких разрешена постройка его, и если намерен, то когда именно завод будет пущен в действие...» Полиции было также предписано взыскать с владельца оброчную подать (63,6 руб.) за 1867–1868 гг., «не принимая никаких отзывов». После этого начался длительный розыск должника, подробно описанный чиновниками Горного правления.

«В январе 1869 г. Оханское уездное полицейское управление донесло, – сообщали они, – что г-н Грамматчиков у князя Голицына уже не служит и в Оханском уезде не проживает (еще в июле 1866 г. в частном письме он упомянул, что «трудиться для Голицына» больше не хочет, очевидно, из-за давления заводской администрации. – *Е.Н.*)⁶. Имея в виду этот отзыв, Горное правление поручило заводскому исправнику спросить заводоуправление князя Голицына, не известно ли ему место пребывания г-на Грамматчикова». В апреле 1869 г. исправник А.И. Русских донес, что полковник А.А. Грамматчиков, управлявший Нытвенским заводом, выбыл в город Пермь в декабре 1868 г. и там проживал «в номерах гостиницы “Кавказ и Меркурий”». Отзыв исправника немедленно был сообщен Пермскому городскому полицейскому управлению «с тем, чтобы оно о пребывании или месте выезда г-на Грамматчикова уведомило Горное правление». В августе того же года Пермское управление известило, что «г-н Грамматчиков проживает в Москве и что о взыскании с него горной недоимки сообщено в Московскую управу благочиния». Получив это известие, Горное правление «просило управу, не принимая никаких отзывов, взыскать с полковника Александра Александровича Грамматчикова оброчных с печей с процентами, внося их в Государственный доход, в случае же выезда г-на Грамматчикова из Москвы... о взыскании с него денег сообщить по назначению». Но отзыв управы опередил рапорт Пермского полицейского управления, полученный в сентябре 1869 г., из которого следовало, что владелец обнаружился на Суксунских заводах. Тогда Горное правление направило свои предписания и Кунгурскому, и Пермскому полицейским управлениям, а также Суксунскому волостному правлению. Но А.А. Грамматчикова вновь

не оказалось ни там, ни в Москве, откуда поступил отзыв управы. На всякий случай в «газетный стол» Пермского губернского правления была «передана сыскная статья» о розыске отставного полковника.

«Видя бесполезность всех настояний», в ноябре 1869 г. Горное правление предложило Камышловскому полицейскому управлению, в ведении которого находился рудничный отвод, предоставить сведения о заводском имуществе, «которое бы можно было продать отдельно от завода». Из полученного в сентябре 1870 г. рапорта следовало, что при заводе имелся дом, оцененный всего в 60 руб. сер. «Состоящий на посессионном праве Святочудовский медеплавильный К^о Хвоцинского завод, – докладывали чиновники в департамент, – не действует с 1859 г., и самый рудник, в отводе которого он построен и рудами которого действовал, остается с 1861 г. без разработки, а между тем на заводе этом накопилась недоимка в оброчной подати за то, впрочем, время, когда он уже не действовал. Настояния Горного правления о восстановлении заводского действия и об уплате оброчной недоимки не имели до сих пор никакого успеха, потому что распоряжения Горного правления по этому предмету не заставляли единственного представителя К^о Хвоцинского г-на Грамматчикова в тех местах, куда они были адресованы».

Хотя формального заявления об отказе от владения заводом и рудником от А.А. Грамматчикова по-прежнему не поступало, тем не менее было предложено считать таковым «факт отречения от прав на Святочудовский завод» на основании его письма 1866 г. Учитывая, что «вместе с окончательным закрытием Святочудовского завода устранена надобность и в руднике, для проплавки руд которого он был построен, и сверх того, что при этом заводе не было никакого населения», Горное правление предложило «Святочудовский посессионный завод из числа заводов Уральской горной области исключить, при нем рудник того же имени, хотя он и был отдан К^о Хвоцинского для разработки в вечное владение, от него по ненадобности отобрать обратно в казну, предоставля г-ну Грамматчикову убрать с площади его остающиеся заводские здания и устройства, или передать их тому лицу, которое изъявит желание приобрести их с целью восстановления заводского действия, а числящуюся на заводе недоимку в оброчной подати... не взыскивать и со счетов сложить на том основании, что недоимка эта насчитана в то время, когда завод уже не действовал, и потому, что оброчная подать с печей ныне вовсе отменена»⁷.

Однако Горный департамент проявил еще большую принципиальность и тем отдалил завершение дела. В октябре 1871 г. он предписал Горному правлению «предварительно какого-либо распоряжения по настоящему делу удостовериться из самих документов в том, что другие участники уступили свое участие Грамматчикову и ныне означенный рудник с заводом принадлежат исключительно ему одному». «Удостоверение» заняло четыре года. В декабре 1875 г. пришло сообщение о том, что «при частых переездах г-на Грамматчикова с одного места на другое Горное правление потеряло его из виду», а к настоящему времени и его компаньоны, и сам он умерли. Поскольку «передаточных актов, совершенных крепостным порядком», ожидать уже не стоило, Горное правление предложило предоставить наследникам бывших компаньонов право ликвидировать оставшееся имущество или продать его⁸.

В июне 1877 г. горный начальник Екатеринбургских заводов сообщал, что «заводских сооружений в отводе рудника никаких нет кроме остатков земляной насыпи, входившей в состав плотины». Рудник, по его словам, залегал «по возвышенному берегу реки Кунары, окаймленному известковыми горами», поверхность его была «наполовину покрыта сосновым дровяным лесом, а в остальной части занята

пахнями и болотом». В северо-западной части отвода «с берега реки в гору была заложена штольня, а в 35 саж. в небольшом разрезе находилась шахта». Она была затоплена водой, а устье штольни завалено. «Большая часть рудника по цельности поверхности представляется неразведанной», – констатировал горный начальник. Только после этого донесения в июле 1877 г. последовала реакция высшего начальства. Горный департамент решил «Святочудовский рудник объявить тунележащим и значащийся на нем завод, который уже не существует, исключить из списка медеплавильных заводов». Горный совет поддержал это мнение 17 сентября того же года, предписав сложить недоимку, увеличившуюся к тому времени до 95,4 руб., со счетов Уральского горного правления⁹. «Государственный доход» так и не пополнился податью за давно уже бездействовавший первый в истории уральской промышленности коксовый завод.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 430–476; Ф. 72. Д. 3958. Л. 188–203; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1233. Л. 2–3, 10.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1272. Л. 1–2, 5–15, 16–24.

³ Там же. Д. 1241. Л. 1–5 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 8230. Л. 3.

⁴ Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. Свердловск, 1981. С. 30, 156–157; *Заблочный Е.М.* Материалы по личному составу горного ведомства // Режим доступа: <http://russmin.narod.ru/bioUral34.html>; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 704. Л. 46, 83.

⁵ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 417.

⁶ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1400. Л. 4.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1241. Л. 1–5 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2997. Л. 8, 15.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1241. Л. 6–8 об., 10–11.

⁹ Там же. Л. 13–17 об., 21.

10. О.Н. РОШЕФОР

Ольга Никифоровна Коптева — гр. Иван Львович Рошефор (*de Rochefort*)
(1818–1904) (1801–1887)

гр. Николай — Мария
(1846–1905) Андреевна
Михнева
(1850–1907)

История небольших медеплавильных Уинских заводов и их владелицы графини Ольги Никифоровны Рошефор как будто не заслуживает особого внимания по причине того, что в самом начале пореформенного периода эти заводы закрыли и деятельность их не возобновлялась. Но оказалось, что в практике владения ими во второй половине XIX в., как в никакой другой, отразились многие острые коллизии владения уральскими горнозаводскими округами.

Ольга Никифоровна, как она сама любила подчеркивать, была «русской потомственной дворянкой», предположительно, дочерью гродненского губернатора генерал-майора Н.Х. Коптева. Выйдя замуж за француза графа Ивана Львовича

Рошефора (*de Rochefort*), она, будучи достаточно молодой и предприимчивой дамой, 16 января 1859 г. приобрела у наследников С.С. Яковлева Уинский и Шермяитский заводы с 310 335 дес. земли и 953 рев. душами крепостных крестьян за 65 тыс. руб. сер.¹

Эти заводы входили в состав алапаевской части наследства С.С. Яковлева, но составляли отдельное хозяйство, имевшее с Алапаевским округом лишь общие бюджет и управление. Округ располагался в Осинском уезде Пермской губернии в 450 верстах от Алапаевска. Проблемы со статусом этих заводов, возникшие из-за прав на земли, кортомленные у башкир и татар еще в XVIII в., привели к отграничению в 1840 и 1842 гг. от Уинского завода лесных дач, переселению на них государственных крестьян и переводу завода в 1853 г. в разряд посессионных (Шермяитский завод оставался владельческим) в ходе проводившейся тогда властями кампании по проверке прав заводчиков. Наследникам С.С. Яковлева это послужило поводом к постепенному закрытию заводов, выразившемуся в сокращении с 1855 г. выплавки меди с 3 тыс. пуд. до 1 тыс. пуд. и переводе части крепостных на Алапаевские заводы. Когда в дополнение к прежним проблемам владельцы столкнулись с активным сопротивлением мастеровых, они приняли решение о продаже «беспокойных» Уинских заводов.

После перехода владения к графине О.Н. Рошефор началась новая полоса неурядиц, приведших к остановке заводов. Видимо, совершая покупку, она плохо представляла положение своего нового имения, лишенного оборотного капитала еще при бывших владельцах. Более того, в преддверии продажи они совсем перестали финансировать округ, а при заключении сделки с О.Н. Рошефор включили в купчую пункт, согласно которому она «принимала на себя выполнение всех расчетов конторских относительно к содержанию и работам... заводов... с 1 мая 1858 г.», отчего, вероятно, и стоимость заводов оказалась незначительной. Позже графиня возмущалась тем, что ей пришлось оплачивать «неизвестные долги за прошедшее время». Это позволяет предположить, что она подписала купчую, не вникнув основательно в ее содержание.

Уже в марте 1859 г. заводский исправник К.Л. Брусницын извещал Горное правление «о крайне затруднительном положении» Уинских заводов и просил «предложить нынешней владелице... озаботиться немедленно высылкою в заводы денег, имея в виду, что они крайне необходимы в настоящее время на заводское действие, на удовлетворение рабочих платами и на заготовку провианта». В апреле графиня сообщила, что «с ее стороны приняты все зависящие меры как к удовлетворению рабочих... заслуженным жалованием, так и к заготовлению для них в узаконенном размере продовольствия». Но вслед за этим главному начальнику уральских заводов поступили три жалобы от мастеровых, что по законам того времени служило поводом к вмешательству горных властей в дела частного управления. «По неприсылке денег в Уинские заводы новою владелицею графиней Рошефор заводы крайне нуждаются в оных и затруднены в продовольствии рабочих, не получивших более чем за четыре месяца заработанных ими плат», – констатировалось в записке Горного правления. «Для предупреждения беспорядков» 28 апреля 1859 г. само правление вместо владелицы выделило заводам ссуду 7,5 тыс. руб. и учредило казенный присмотр, «приказав горному исправнику возвратить деньги при первом их получении или от владелицы, или от Екатеринбургской банковской конторы под залог имеющейся в наличии меди»².

Поскольку от Ольги Никифоровны деньги так и не поступили, единственным способом вернуть их оставался вычет из залога металла. Но этот залог оставался

одновременно и единственным средством получить деньги для заводского действия. Поэтому в июне 1859 г. управляющий Уинскими заводами Бачинский просил Горное правление выдать ему «всю сумму сполна» под залог 1684 пуд. меди, а платеж 7,5 тыс. руб. отсрочить на год или «удержать при залоге заводов в кредитных установлениях», который, по его сведениям, вскоре должна была совершить владелица. Так как медь уже находилась в Перми «в амбарах Камско-Волжского пароходства» и полиция взяла ее «под присмотр», просьба управляющего была удовлетворена.

Как только Горный департамент уведомил об этих решениях владелицу, от нее незамедлительно поступила жалоба «на стеснительные для нее действия Уральского горного правления и притязательные действия местного заводского исправника». «Вмешательство исправника в хозяйственное управление... – излагал главный начальник уральских заводов Ф.И. Фелькнер содержание той жалобы, – поселило недоверие заводских людей к владелице, подорвало ее кредит и может быть поводом к прекращению производства к крайнему графини Рошефор разорению». «Повидимому, графиня не довольна существующим на заводах ее казенным присмотром, – извещал он министра финансов. – Но учреждение его... было необходимым последствием выданного Уинским заводам денежного вспоможения. При том же мера эта нимало не стесняет заводоуправление в хозяйственных его распоряжениях». «Впрочем, – с иронией советовал Ф.И. Фелькнер, – если владелица желает избавить свои заводы от казенного надзора, то ей стоит только внести взятые в ссуду из Горного правления деньги». В заключение он просил министра «приказать вменить в обязанность графине Рошефор, чтобы она озаботилась немедленно о высылке денег на заводы, поскольку из отзыва управляющего от 28 июля... видно, что заводы действуют на деньги, взятые из Екатеринбургской банковской конторы, но что этих средств достанет только по 1 сентября; к дальнейшему же существованию своему заводы никаких решительно способов не имеют и надеются единственно на то, что графиня Рошефор вышлет капитал на заводское действие»³.

Но вместо этого Ольга Никифоровна в марте 1860 г. составила теперь уже на имя Александра II прошение, в котором изложила свое видение событий на приобретенных ею заводах. «Принять заводы и управлять ими я уполномочила дворянина Бачинского, вменив ему в обязанность донести мне немедленно о положении их, – сообщала владелица. – Полагая, что заводы обеспечены провиантом по крайней мере на год, я вручила г-ну Бачинскому при отъезде его под расписку на первоначальное действие и на всякий случай 3 тыс. руб.» Но Бачинский не только не извещал доверительницу о состоянии заводов, но и не внес полученные от нее деньги «на приход в контору», передав только 1168 руб. «под видом собственных денег, данных заводам заимообразно». Полученные же «самовольно» 7,5 тыс. руб. от Горного правления и 12 тыс. руб. из банковской конторы «показал в расходе на уплату прежних неизвестных долгов... по сметам г-д Яковлевых». «Наконец и в довершение всего», управляющий внес в качестве горной подати «за бывших владельцев и за прошедшее время» еще и 262 пуда выплавленной меди.

«При решительных требованиях от г-на Бачинского сведений... и отчета в деньгах, – продолжала графиня, – он стал проситься в Петербург для личных со мной объяснений». Почему-то не разрешив Бачинскому приехать, она послала «обрезовывать заводы» инженер-механика Егора Егоровича Ингама, которого после возвращения в Петербург назначила на место Бачинского. Узнав о своем увольнении, бывший управляющий «под предлогом болезни своей жены» выехал в Пермь, где встретился с Е.Е. Ингамом и был арестован полицией. «Но только что г-н Ингам отправился к себе в номер, – недоумевала в очередном своем прошении Ольга

Никифоровна, – как полиция отпустила г-на Бачинского, взяв с него подписку, что он возвратится на заводы для сдачи их по моему востребованию». Но тот не только не возвратился, но и не предоставил графине отчета «по приезде в Петербург». Вместе с тем О.Н. Рошефор сообщала, что уже вернула долг банковской конторе «из денег, вырученных за проданную в прошлом году на Нижегородской ярмарке медь», выслала «на заводское действие» более 10 тыс. руб. и «приняла меры к обеспечению заводов провиантом на будущее время». «Но, – жаловалась она, – недостаток провианта и вообще расстроенное состояние заводов, в котором, как оказывается, они были, когда перешли ко мне, и растраты г-ном Бачинским денег более 22 тыс. руб. поставили меня в затруднительное положение, так что не могу я к назначенному сроку... возвратить Горному правлению деньги, выданные заводам на вспоможение». «Во уважение изложенных обстоятельств» графиня всеподданнейше просила царя отсрочить выплату долга на три года, тем более что и так считала эти деньги выданными «на предмет вспоможения и поддержки заводов». «Войдя в положение» начинающей заводовладелицы, Александр II санкционировал отсрочку⁴.

Видимо, трудности, с которыми неожиданно для себя столкнулась Ольга Никифоровна, заставили ее посетить приобретенное по случаю имение. В августе 1860 г., через полтора года после покупки, она прибыла на Урал вместе со своим «агентом» почетным гражданином Федором Александровичем Шталем. Тогда Уинские заводы предстали перед своей владелицей «во всей красе». Со слов министра финансов А.М. Княжевича, цитировавшего в своем предписании письмо графини, «она не нашла во всех заводских строениях и плотинах ни одного места не гнилого и не обратившегося в пепел». «Довольно того, – описал он образно переданную Ольгой Никифоровной картину, – что, когда графиня подошла к перилам заводской плотины и только тронула их, в ту же минуту и на всем пространстве они рухнулись в воду». Более того, «в виду самой владелицы» из-за неосторожности казенного лесничего сгорели угольные кучи, заготовленные на действие Уинского завода. «Палата выжгла и вырубилла все, что было около сего завода и потому уже бросается отчаянно на леса, стоящие вблизи Шермяитского завода... – вновь жаловалась О.Н. Рошефор царю в сентябре 1860 г. – В результате бесконтрольных порубок обмелела речка Уя, которая живила Уинский завод». По ее мнению, от действий властей «страдал не один интерес владельца и казны, но страдало все помещичье население, претерпевая ежедневно буйства и обиды от самовольного заселения между ними русских и татар, которые, вторгнувшись на жительство посреди самого селения, отнимают у них сенокосы и даже скошенное сено... уводят и убивают лошадей... и распахивают даже рудники». «Словом, – заключала она свои наблюдения, – нет житья и спокойствия этому несчастному народонаселению потому только, что на правах владельца их на эти земли наименование посессионных отяготело»⁵. Именно в этом она увидела основную причину всех бед заводов, производительность которых не превышала тогда 1100 пуд. меди в год.

Обнаружив, таким образом, «крест, на котором благосостояние заводов было распято и доныне стеноло беззащитно потому, что не было старания ни от кого, чтобы подать ему, страждущему безвинно, спасительную руку помощи на основании законов», О.Н. Рошефор упрекала Горное правление в ошибочном, по ее мнению, переводе Уинского завода в разряд посессионных. В отличие от пассивной позиции наследников С.С. Яковлева, она вовсе не собиралась сдаваться, хотя и не могла представить удостоверявшие факт покупки земли документы, якобы «сгоревшие во времена Пугачевщины». «Что владельцу остается, – писала графиня, – как

не самому раскрывать такие истины... о которых частному лицу и знать бы не следовало, если бы он не был заставлен входить во все подробности обстоятельств, по которым Уинский завод... до крайности стеснен и разорен». Но ее аргументы тогда были в основном эмоциональными. «Лишать кого-либо законно принадлежащей собственности есть вещь столь важная и ответственная перед Богом, что, конечно, никто в полном сознании сего не пожелает», – писала она в Горное правление в надежде, что чиновники усовестятся и вернут ей собственность на землю.

В своих многочисленных прошениях в Уральское горное правление, Министерство финансов и к царю она настаивала на ошибочности «перечисления» Уинского завода в 1853 г. в разряд посессионных, уверяя, что татары вовсе не являлись вотчинниками заводских земель и не имели на них документов, а появились там только после «пугачевского замешательства» и «скрывались в лесах Яковлевых от податей казенных». «Можно ли таким голословным заявлением Азиатской Орды... уничтожить вотчинное право на эти земли владельцев Уинского завода, существующее уже с лишком столетие?» – восклицала графиня и добавляла, что «казенных людей при Уинском заводе нет ни одного, казенных земель – ни вершка, рудников казенных – также ни одного». «Труд мой для исследования самой истины, полагаю, не будет напрасным... – рассчитывала заводчица. – Горное правление наведет порядок, и мой Уинский завод вздохнет в скором времени той жизнью, которой он достоин для истинной пользы казны, для чего крайне необходимо спокойное владение»⁶.

Мечтая о «спокойном владении», О.Н. Рошефор предприняла ряд шагов, лишь усложнивших и запутавших заводское управление. Так, по сообщению управляющего Е.Е. Ингама, «обозрев заводы и не сделав никакого замечания», она «забрала из конторы и архива все дела и книги, перевезла к себе на квартиру и большую часть из них отправила в Москву». Очевидно, среди заводской документации Ольга Никифоровна пыталась отыскать необходимые ей документы. Отбив из заводов, она будто бы «словесно поручила агенту Шталю управлять заводами», пока Е.Е. Ингам сопровождал хозяйку в Екатеринбург. Однако после его возвращения Ф.А. Шталь не передал ему «ни денег, ни книг, отправился того же дня для встречи госпожи Рошефор в Кунгур, откуда сопровождал ее в город Пермь». Вернувшись из Перми, агент «снова стал управлять заводами и расходовать деньги» без согласия управляющего. Тот пожаловался исправнику, который предписал «управлять согласно доверенности», имевшейся у Е.Е. Ингама и отсутствовавшей у Ф.А. Штalia. Но агент не обратил на это предписание никакого внимания, а графиня вместо доверенности отправила очередную жалобу министру финансов.

Исправник К.Л. Брусницын, вновь обвиненный ею во вмешательстве в хозяйственные дела, оправдывался, что всего лишь просил владелицу Уинских заводов навести порядок в собственном управлении, полагая, что О.Н. Рошефор «не должна бы была утруждать затейливыми и несправедливыми жалобами господина министра». Из этих жалоб, как свидетельствовал исправник, следовало, что «у нее в заводах все есть, когда ничего не было, и заводские люди были не рассчитаны жалованием полгода». Сама же графиня, заключал он свои наблюдения, «на подобные несправедливые жалобы имеет большую претензию»⁷. Несмотря на вполне справедливые замечания К.Л. Брусницына, в 1862 г. Уинские заводы были все-таки переданы из его ведения исправнику Суксунских заводов.

На заводах тем временем дело дошло до того, что в ноябре 1860 г. отчаявшийся Е.Е. Ингам обратился к самому Александру II с просьбой устранить Ф.А. Штalia от управления, а при несогласии на то владелицы взыскать с нее обещанное ему

жалование и неустойку в 5 тыс. руб. Прошение было передано О.Н. Рошефор, которой пришлось-таки предпринять меры по упорядочению управления. Но меры эти были необычными.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа и Престола Святой Равноапостольной Ольги, – взывала в своем «владельческом постановлении» графиня, – для пользы благоденствия заводов и для сохранения на пользу заводов капиталов, которые я употребляю на содержание и производство заводов, прошу Церковь Господню дать уголок внутри здания ее для железного сундука, где будет храниться капитал заводской, на ответственности старосты церковного крепостного моего господского человека Андрея Дмитриева Бабушкина с дозволения отца священника и с его благословения». Доставать деньги из сундука Ольга Никифоровна разрешала один раз в месяц только трем лицам – агенту, управляющему и тому, «кому будет доверено с ними присутствовать при этом». От самой владелицы деньги должны были получать Е.Е. Ингам и Ф.А. Шталь в Кунгуре «под общую расписку их и ответственность». Заготовку провианта и «всех заводских материалов» она поручала Ф.А. Шталю; в его же распоряжение отдавалось «все заводское имущество, равно и все расчеты за работы и жалование и всякие платежи», поскольку, как писала владелица, «Егор Егоровичу этим заниматься некогда». Е.Е. Ингаму она поручала заведывание «горным производством с соучастием в исполнительской части и г-на Штalia».

Графиня приказала Ф.А. Шталю принять еще, как оказалось, формально не перешедшее в ее владение заводское имущество от крепостного приказчика наследников С.С. Яковлева Автонома Шишлина, который за обещанную ему «вольную» соглашался «учинить это во всей силе». «Никаких долгов на имя мое и на ответственность заводской кассы никому делать не позволяю и не отвечаю», – заявляла владелица, обязав свою «вотчинную контору» давать ей «подробные и верные ежемесячные отчеты»⁸.

Таким образом, отдав заводскую кассу под охранение самого Господа Бога, очевидно, еще не утратившего доверия заводчицы, в отличие от всех ее управляющих, она, как писала сама, «изменила самую систему хозяйственного управления» округом. «Открылось для меня то, – сообщала графиня сочувствующему ей министру финансов А.М. Княжевичу, видимо, после внимательного знакомства с изъятими документами, – что приказчики заводской конторы... скрывали от владельцев получаемые бумаги, которые поражали заводское действие и препятствовали поиску руд, донося несправедливо, что рудные места бедные, а о правах завода давали путанные сведения». Как всегда образно описывая свои «благодетельные» меры, в апреле 1861 г. она уведомила министра, что проводит «канаву для усиления речки Уи с помощью другой... обращает все средства на возрождение завода и не удивляется, что самая земля изъясляет ей такую чувствительную признательность, что не отказывает даже... в открытии новых руд, которых, благодарение Бога... оказалось достаточно, чтобы обеспечить на будущее время обязанный ей новой своей жизнью завод».

В очередной раз «уповая на одно Божье Провидение», владелица решила даже изменить название заводов, дав им имя Ольгинских «от той речки Ольги, которой сама Уя уступила ныне древнюю славу свою». Тем самым, как полагала Ольга Никифоровна, она лично утвердила владельческий статус заводов. «С душевным удовольствием, – писал восхищенный министр, – графиня желает новоименованным заводам ныне быть счастливее во всех отношениях прежнего своего несчастного наименования и существования»⁹.

Однако местные горные власти твердо стояли на букве сенатских указов, еще в 1840-х гг. подтвердивших казенный статус спорных земель Уинского завода по причине «уничтожения вотчинных прав продавателей татар». Эти леса, утверждали чиновники Горного правления, тогда же передали «в ведомство государственных имуществ», и были «приняты меры относительно назначения сему заводу пропорции леса». Но, в отличие от заводчиков Яковлевых, это решение оспорили «с одной стороны, башкиры и мешчеряки, а с другой, татары и государственные крестьяне», что, видимо, остановило межевание. Только 3 марта 1859 г., т. е. через полтора месяца после продажи О.Н. Рошефор Уинских заводов, последовал указ Сената о прекращении спора и об определении для Уинского завода «положенной пропорции лесов». Земли же, которыми завод до того пользовался, приказали «замежевать в одну округу с казенными волостями»¹⁰. Следствием этого и стали те действия казенной палаты, на которые в 1860 г. жаловалась новая владелица.

Тем же указом от 3 марта 1859 г. Сенат потребовал от графини документы на право владения землями и лесами Шермяитского завода. Эти земли, как оказалось, во время генерального межевания Оренбургской губернии не были формально обмежеваны «по случаю отграничения завода в 1800 г. в Пермскую губернию». На этот раз владелица предоставила акт от 16 июля 1759 г. об уступке башкирами Гайнинской волости основателю Шермяитского завода А.И. Глебову «от того завода во все стороны по 50 верст леса». «Вольно ему, Глебову, на той нашей вотчине на свой завод руду возить и на медь плавить», – было записано в грамоте¹¹.

В январе 1861 г. Межевая канцелярия наконец откомандировала своего чиновника в Уинские заводы. Но, когда тот отмерил 50-верстное пространство от Шермяитского завода, «навечно» окормотленное у башкир, в его границах оказался и Уинский завод со своей дачей. Таким образом, казенная дача находилась внутри вотчинной. Графиня немедленно «объявила спор о принадлежности ей в крепостную собственность» этих земель и, считая данный факт бесспорно доказывающим владельческий статус не только Шермяитского, но и Уинского заводов, выставила счет Горному правлению за якобы «несправедливо» переплаченную с 1853 г. горную подать. Кроме того, она отказалась выплатить остававшиеся 2,5 тыс. руб. по рассроченному на три года займу Горного правления, предложив вычесть их из причитавшейся ей суммы. Следствием этого в свою очередь стала приостановка межевания, в результате чего отвод лесов для действия Уинского завода так и не был произведен.

Воодушевленная, казалось бы, благоприятным для нее развитием событий, Ольга Никифоровна занялась «устроением» заводских дел, в частности связанных с проведением крестьянской реформы. Как можно судить по косвенным данным, в 1861 г. она вновь побывала в своем уральском имении для урегулирования отношений с бывшими крепостными. В 1870 г. управляющий Н.И. Дублицкий вспоминал, что тогда владелица «наличными капиталами сверх бывших в распоряжении Шталя сполна удовлетворила работников» за выплавленные в 1861 г. 1163 пуд. меди и согласилась передать им в надел все земли, «бывшие до того в пользовании этих людей», что составило «полную пропорцию высшего местного душевого надела». Более того, крепостных вовсе освободили от заводских работ «по собственному их о том у посредника и владелицы настоянию», что было зафиксировано в уставных грамотах. Тогда же графиня назначила нового управляющего Киреева, которому было «вменено в обязанность продолжать заводское действие вольнонаемными людьми, не исключая из того числа и тех временнообязанных, кто пожелает наниматься по условиям». Вероятно, такие рискованные действия владелицы в отноше-

нии рабочих были вызваны желанием скорейшего получения оброков, на которые помещица очень рассчитывала. Но в связи с задержкой межевания Пермское губернское по крестьянским делам присутствие отсрочило введение уставных грамот. В одном из своих прошений О.Н. Рошефор признавалась, что она тем самым «доведена будет до несостоятельности по ее долгам и придет в совершенное разорение по невозможности извлекать из дачи дохода и уплачивать срочные долги»¹².

Тем не менее на заготовку материалов и другие нужды она высылала Кирееву деньги, общая сумма которых, по ее словам, достигала 1 млн руб. сер. Трудно поверить в достоверность этой цифры, поскольку за такие деньги можно было не единожды полностью разобрать и вновь возвести Уинские заводы. Но, как выясняется, деньги у О.Н. Рошефор действительно были, хотя и не столь баснословные, поскольку еще в 1860 г. она успела заложить только что приобретенное имение за 250 тыс. руб., но не «в кредитных установлениях», как предполагал в 1859 г. управляющий Бачинский, а «частным образом у госпожи фон Книрим»¹³. Поэтому, чтобы расплатиться по долговым обязательствам, ей, действительно, ничего не оставалось, как поднять производительность заложенных заводов.

На это, очевидно, были направлены и действия мужа владелицы Ивана Львовича Рошефора, как оказывается, вовсе не безучастного к предпринимательским увлечениям супруги. «Жительствующий в Париже, *Rue Blanche*, 84, граф де Рошефор, – сообщал министр внутренних дел П.А. Валуев в апреле 1862 г., – в письме ко мне объясняет, что по случаю приобретения графиней де Рошефор Ольгинских медеплавильных заводов он предпринял как улучшение тех заводов, так и разработку принадлежащих к ним рудников по новым способам, открытым ныне наукою. Для более же успешного хода этого предприятия, приобретения необходимого капитала и опытных мастеров он вошел в сношение с одним из английских банкирских домов. Но английские капиталисты, несмотря на полное сочувствие предприятию графа де Рошефора, не решаются на участие в оном и заключение предложенных им условий впредь до положительного удостоверения в том, что предприятие это и участие в оном англичан будет покровительствуемо нашим Правительством». Граф обратился за поддержкой к министру внутренних дел в надежде, что «Правительство не откажет... в содействии к убеждению английских промышленников решиться на участие в этом деле». П.А. Валуев вежливо ответил И.Л. Рошефору, что тот вполне может рассчитывать «на покровительство законов и благие намерения нашего Правительства без всякого, впрочем, исключения из закона в его пользу». Тем не менее он обратился к министру финансов с просьбой дать графу «более положительный ответ». Однако и М.Х. Рейтерн не решился предоставить «особую гарантию... сверх того покровительства, которым по закону пользуется у нас вообще частная промышленность», поскольку ничего не знал «ни об условиях, на коих граф де Рошефор предполагает осуществить свое предприятие, ни о тех сомнениях, которые удерживают английских капиталистов от принятия его предложения»¹⁴.

Тем временем на заводах произошли события, напрочь перечеркнувшие далеко идущие планы владелицы и ее мужа. В мае 1862 г. в Уинский завод прибыл чиновник особых поручений при пермском губернаторе Синельников для проведения следствия о сгоревшем за два года до того угле. Признав лесничего виновным в несчастии, чиновник вместе с тем передал губернатору устную жалобу рабочих на управляющего Киреева, «что он не платит им жалования, что у них нет семян на посев, что нет в складе ни меди, ни провианта и тому подобные изветы». Синельников как будто действительно убедился, что рабочие не получили жалования за во-

семь месяцев, а провиант за два месяца, «через что совершенно расстроилось их хозяйство». Следствием рапорта чиновника стали распоряжения губернатора и губернского по крестьянским делам присутствия от 7 и 9 июня 1862 г. о выделении для заводов 500 руб. из капитала Комиссии народного продовольствия и раздаче нуждающимся семьям купленного на них хлеба; было решено также взять владельческий Шермяитский завод в опеку, а на Уинском посессионном заводе предложить Горному правлению установить казенный присмотр, как предписывал сенатский указ от 18 июня 1845 г. в случае «справедливых жалоб рабочих». Осинский земский суд получил предписание вызвать владелицу или ее поверенного и произвести опись Шермяитского завода при передаче его в опеку.

Дальнейшие события, как можно судить по воспоминаниям управляющего Н.И. Дублицкого, развивались стремительно. «Такие произвольные действия губернских властей при существовании вследствие обнаруженного тогда подстрекательства некоторых порочных людей нерасположения населения заводов к исполнению своих обязанностей, – писал он в 1870 г., – имело последствием в начале то, что рабочие бросили работы, заводские служители отказались исполнять свои обязанности, а местный управляющий 1 июля самовольно закрыл заводское действие, послав в Горное правление донесение, что он сделал это от невыносимого противодействия местных губернских властей, а впоследствии скрылся с заводов, не сдав никому управления и не дав отчета владелице в заводском действии и в расходе полученных им на это действие денег». Графиня О.Н. Рошефор в очередной раз «оказалась обманутой».

В то время она находилась «по болезни» за границей, но сразу же после получения тревожных известий направила на заводы «ревизора». Он выяснил, что управляющий Киреев «затратил на работы несравненно более, чем было произведено работ, а затем, хотя владелицей и высылались еще капиталы для безостановочности заготовлений, но пошли они уже непроизводительно... за произвольными распоряжениями местных губернских властей»¹⁵.

Представленные ревизором сведения стали основой для вскоре последовавших протестов владелицы во все инстанции. В частности, она доказывала, что население ее заводов, пользовавшееся высшим наделом в 5 дес. на душу без уплаты какого-либо оброка, в «значительном пожертвовании» со стороны губернских властей вовсе не нуждалось. Более того, крестьяне, совершенно отказавшись от заводских работ, потеряли право на получение провианта. Графиня утверждала также, что в 1862 г. «выплавлено было только 400 с чем-то пудов меди, на которые потрачено до 20 тыс. руб. наличного расхода, а сама медь не пошла ко мне, а употребилась на удовлетворение за работу», и потому ничего рабочим она не должна. Напротив, как полагала Ольга Никифоровна, с января 1862 г. «более 500 поденщин состояли не в отработке по одним только урочным работам, которые отрабатывались до чрезвычайности нерадиво». «Государь Император, освобождая крестьян от крепостной зависимости, имел благую цель дать свободу крепостным людям и с тем вместе освободить от обязательных отношений и самих помещиков к крестьянам и тем избавить первых от разорительной обязанности содержать огромное население во вред себе, – размышляла заводчица о проводившихся в стране реформах. – Таким образом, благие мысли Монарха выразились в основании мировых учреждений, цель и назначение которых удержать в равновесии обе стороны, но ясно видно, что действия губернского присутствия направлены на одну только сторону в пользу крестьян, составляют тяжкое бремя для помещика и заводов и... заставляют продовольствовать крестьян, не имеющих желания трудиться, и тем дают им величай-

ший повод к лености и тунеядству, которые в самое непродолжительное время доведут праздный и ленивый народ до пороков, несравненно больших». Владелица утверждала, что губернские власти нарушили ее законные права, следствием чего и стало закрытие заводов¹⁶.

Столь разные трактовки произошедших событий властями и заводчицей в основе своей различались представлениями о статусе заводов. Государственные органы, опираясь на букву предшествующих узаконений, считали Уинский завод посессионным со всеми вытекающими отсюда последствиями. О.Н. Рошефор признавала его владельческим, а потому находила возможным распоряжаться в своем имении «во всем пространстве прав полной собственности».

Но, оказывается, графиня попусту растрачивала свой дар красноречия, а губернские власти проявляли чрезмерное рвение, поскольку ни Осинская дворянская опека, ни земский суд, ни даже Уральское горное правление вовсе не торопились исполнить предписание губернатора. Горные чиновники резонно полагали, что учреждение казенного присмотра «имело бы значение и силу только при действии завода, а Уинский графини Рошефор завод остается... по произвольному распоряжению заводовладелицы без действия, а заводские люди при собственных своих занятиях». «Это прекращение заводского действия... – приходили они к выводу, – делает излишним учреждение казенного присмотра с целью прекращения стеснительного положения рабочих... тем более, что попечение о продовольствии заводских крестьян... возложено на Комиссию народного продовольствия».

По отзыву опеки, причиной ее промедления являлось отсутствие в Осинском уезде дворян, «из которых можно было бы назначить опекуна», хотя, как оказалось, опеке разрешили поручить управление Шермяитским заводом одному из членов уездного суда. Но и с этим опека не торопилась, поскольку не могла принять завод без описи. Суд же, который должен был составить опись, не решался сделать это без поверенного от владелицы, как того требовал закон. О.Н. Рошефор в такой ситуации, естественно, не только сама не явилась на заводы, но и не передала на это полномочий управляющему. Она вновь обратилась в разные инстанции с жалобами, в которых утверждала, что никогда и никакого пособия от губернских властей лично не просила и не получала. Следствием же «существования номинальных опеки и присмотра», по ее мнению, стало «расхищение заводского имущества и совершенная невозможность продолжения работ», поскольку «под предлогом присмотра и опеки стали являться в заводы исправники каждый раз, как только владелице делалось распоряжение о ремонте по заводам и плотинам, так что положительно мешали в том, доведя до разрушения». Так, когда в 1863 г. она послала гвардии ротмистра Карташова «открыть заводское действие», то пермский губернатор А.Г. Лошкарев «под предлогом бессмысленным» запретил это делать. Более того, едва Карташов уехал из заводов, как случилось новое происшествие. В Уинском заводе, где прежде очищалась медь, 30 сентября сгорела медеплавильная фабрика. «Истребление этой фабрики с расхищением движимости, – вновь жаловалась заводчица, – сделало окончательную преграду действию обоих заводов, и она сгорела неизвестно еще по какой причине и весьма удивительно, будучи уже с год без действия и окруженною водой»¹⁷.

Но губернские власти вовсе не собирались сдаваться под натиском жалоб владелицы. Эти жалобы, полагали они, не имеют никакого основания, поскольку ни опека, ни казенный присмотр еще не были установлены, вследствие чего они и «не могли иметь никакого влияния на продолжение или остановку заводского действия». В губернском правлении считали также все известные долги графини; они

значительно превысили те 500 руб., которые выделила заводам Комиссия народного продовольствия, и оказались равными 13 547 руб. Большую часть их составляли долг по заработной плате (5372 руб.) и поданный к иску долг отца графини генерала Н.Х. Коптева (689 руб.). Из-за этого долга Самарская судебная палата, оказываясь, уже давно настаивала на описи имущества дочери.

Губернское правление сделало «строгое замечание» земскому суду «за бездействии». Тот направил «вторичную повестку» О.Н. Рошефор для прибытия к описи. Но обнаружить графиню ни в Москве, ни в Петербурге не удалось. Московская управа благочиния сообщила, что она, возможно, выехала в одно из своих имений, находившихся в разных губерниях. Тогда в мае 1865 г. губернское правление предписало уже Осинскому полицейскому управлению «немедленно приступить к описи и оценке заводов для продажи с публичных торгов на удовлетворение долгов». Немедленно обнаружившаяся Ольга Никифоровна вновь протестовала. «Пермское губернское правление... сделало журнальное постановление о продаже заводов моих с аукциона, выводя долги... из коих все ложь, и тех долгов не следует с меня ни копейки», – обращалась она к главному начальнику уральских заводов, ссылаясь на сенатский указ от 9 марта 1865 г., по которому Уинский завод якобы был «перечислен» в разряд владельческих с возвращением владельцу переплаченной с 1853 г. горной подати. «При этом случае вполне надеюсь, что Ваше Превосходительство не упустит из виду предупредить весь вред, причиненный горному делу наступами на существование заводов от Пермских губернских властей, и выскажет отчаянность таких их действий, в которые они вошли безответственно, разрушив в такое короткое время то, что с таким трудом и попечением и огромною затратою капитала устраивалось и поддерживалось более столетия... Подобные казусы вряд ли когда-либо бывали в поднебесной», – как всегда патетично завершила графиня свое прошение.

Но, оказалось, что она выдавала желаемое за действительное. Сенат тогда лишь предписал министру финансов провести расследование о землях Уинских заводов. На запрос министра Уральское горное правление ответило, что «по изложенным в деле обстоятельствам не представляется в настоящее время никакого основания к перечислению Уинского, или Ольгинского 2-го завода в разряд владельческих и что документы, которые графиня Рошефор представила для доказательства прав своих, не заключают в себе никаких данных в поддержку этих прав». Вместе с тем главный начальник А.А. Иосса соглашался, что в случае признания Сенатом прав графини на Шермяйтскую дачу Уинский завод должен быть переведен в разряд владельческих. Он также предположил, что тогда графине должна быть возвращена и переплата по горной подати с этого завода, но не с 1853 г., а со времени его покупки в 1859 г. Однако решение этого вопроса оказалось достаточно сложным. По сообщению межевщика, «согласно купчей крепости 1759 г., в черту 50-верстного отвода к Шермяйтскому заводу должны замежеваться до 150 владельческих и казенных дач, из коих уже многие обмежеваны генерально». Из-за этой, как он выражался, «несообразности владенного акта с действительным положением владения» межевщик вновь остановил межевание впредь до сенатского постановления¹⁸.

Пока такое постановление не было принято и с учетом того, что на заводах О.Н. Рошефор «висели» долги по горным податям (отсрочить которые «до будущей выплавки» она безрезультатно просила еще в 1863 г.), Горное правление предписало исправнику Суксунских заводов В.Г. Ильину участвовать как в опекуновском управлении, так и при описи и оценке Ольгинских заводов. В ноябре 1865 г. он по-

бывал там и «по личному удостоверению» убедился в отсутствии на заводах как доверенного от владелицы, так и управляющих от опеки («кроме одних лиц, охраняющих заводские строения»). Заводы по-прежнему бездействовали, а уволенные от работ крестьяне, по его наблюдениям, «большей частью занимались хлебопашеством... а некоторые из них уехали... для приискания вольной службы».

В условиях полной неразберихи в управлении, видимо, началось расхищение заводского имущества. В марте 1866 г. бывшие заводские мастеровые заявили в волостное правление, что «заводоуправление графини Рошефор уничтожает медеплавильные печи». На запрос исправника бывший тогда в статусе управляющего подпоручик Трубников отозвался, что не имеет никаких «официальных сведений» о нахождении подведомственных ему заводов в опеке, и порекомендовал исправнику и управе не командовать, а «обратить внимание на тех лиц, которые постоянно производят воровство, как днем, так и ночью». Управа в свою очередь упрекнула управляющего в «несправедливом нарекании на тамошних жителей в расхищении заводского имущества», уведолив Горное правление, что Трубников «отбыл из заводов неизвестно куда в половине апреля месяца»¹⁹.

В последующие годы сложившаяся на Ольгинско-Уинских заводах ситуация существенно не менялась. Губернское и горное правления состояли в вялотекущей переписке, изучение которой позволяет утверждать, что ни опека над Шермятским заводом, ни казенный надзор за Уинским заводом так и не были организованы, а Сенат не спешил рассмотреть дело о земельных правах О.Н. Рошефор. Она, видимо, путешествовала, а ее делами занимался И.Л. Рошефор, проживавший в Петербурге и исполнявший роль доверенного лица.

Бездействующий Уинский завод вновь обратил на себя внимание горных властей в 1870 г., когда «обнаружилось», что уже давно истек трехлетний срок, на который разрешалось закрывать посессионные заводы. Это влекло за собой новое назначение к продаже с публичных торгов, тем более, что после подсчетов выяснилось, что у графини накопились казенные долги как по прежним ссудам, так и по горным податям с недействующих, но все еще числившихся в горном ведомстве заводов.

В октябре 1870 г. в Горный департамент поступило прошение от коллежского секретаря Н.И. Дублицкого, подписавшегося управляющим конторой Ольгинско-Уинских заводов графини Рошефор. «Горное правление, вопреки всем статьям горных законов, не оказало заводам никакого покровительства и защиты, а предметы сожжения фабрики и самовольного истребления заводских лесов остались до сего времени горным ведомством не обследованными, — жаловался он. — Вместо оказания покровительства и защиты от разорительного для заводов произвола губернских властей и особенно по Уинскому заводу (правильно или неправильно, но считающемуся посессионным) Горное правление само увеличило затруднительность положения их, начав делать на эти недействующие с 1 июля 1862 г. заводы, как на действующие, разные начеты, тогда как имело о прекращении действия их своевременное официальное донесение. Начеты эти ежегодно увеличивались новыми пенями за неуплату уже сделанных и дошли до значительной цифры. Затем давали распоряжения об описи заводского имущества и строений для продажи с публичных торгов, несмотря на то что графиня и поверенные ее постоянно и доказательно протестовали против неправильности сих начетов и просили впредь до окончательного сложения их зачесть в сумму, следующую графине Рошефор с горного ведомства в возврат за излишне переплаченную уинскую медь... основываясь на неопровержимых доказательствах того, что Уинский завод в действительности не

есть посессионный». Н.И. Дублицкий просил сложить все начеты, так как «отстранение стеснения» было необходимо ввиду распоряжения владелицы об «отстройке вновь завода Шермяитского, а по производству следствия (о пожаре 1863 г. – *Е.Н.*) и завода Уинского»²⁰.

Вряд ли эти намерения О.Н. Рошефор были основательными. В той ситуации они, вероятнее всего, были направлены на то, чтобы в очередной раз избежать продажи, тем более что о конкретных шагах по восстановлению заводов в документах нет никаких сведений. Уинские заводы 1 марта 1871 г. вновь были назначены Пермским губернским правлением к публичной продаже. Долг тогда пересчитали и определили в размере 7804 руб., из которых очередной поверенный графини признал только 45 руб. Но продажу, как и следовало ожидать, отложили в связи со все еще не завершенным делом о правах владелицы на земли.

К подаче очередного прошения О.Н. Рошефор подготовилась основательнее, собрав и издав в Петербурге несколько «сборников документов древней Шермяитской дачи» и книгу по истории Уфимской провинции, вызвавшую полемические заметки известного пермского историка Н.К. Чупина²¹. Возможно, это ускорило рассмотрение дела в Сенате, который вынес наконец свое решение. В указе от 6 июля 1875 г. утверждалось, что «все обстоятельства дела явно обнаруживают, что притязания графини Рошефор касаются не межевых вопросов, а определения вотчинных ее прав на спорную местность». После 15 лет раздумий Сенат предложил графине, «если она желает получить в свое владение земли», обратиться с иском в суд. Межевой канцелярии предписывалось «дать дальнейший ход» остановленному делу по межеванию земель²².

О переплаченной подати О.Н. Рошефор размышляла на протяжении четырех лет, пока не решила в 1879 г. на подачу в Екатеринбургский окружной суд «встречного» иска к Горному правлению, требовавшему от нее тогда уплаты уже только 6338 руб. Сумма же ее претензий простиралась до 68,2 тыс. руб. Защищать интересы казны поручили коллежскому асессору И.Э. Ландезену, который после ознакомления с иском назвал его «преждевременным... и ошибочно преувеличенным в самом размере исковой суммы». Он подал в суд опровержение и просил ускорить слушание дела. По доверенности истицы присяжный поверенный Бибилов предоставил в ответ 69 «документов и справок, которыми старался доказать владельческое право графини Рошефор на дачу Уинского завода», и заявил об уменьшении суммы иска до 24,4 тыс. руб. В такой ситуации товарищ председателя суда отложил слушания, «приняв во внимание обширность и многосложность этого дела».

При подготовке к новому судебному заседанию И.Э. Ландезен, видимо, обнаружил основной изъян в позиции горного ведомства в отношении статуса Уинского завода, еще в 1853 г. признанного казной посессионным, но так и не наделенного полагавшимися при этом землями и лесами, несмотря на предписания высшей власти. Но Министерство государственных имуществ, которому следовало этим заниматься, отозвалось, что прежде «должно удостовериться, будет ли пущен завод владелицей и в каком размере». Однако в Петербурге, куда был отправлен запрос, графини не оказалось. Более того, некто Киссель-Загоранский, который громко именовав себя «управляющим горнозаводским производством на Урале графини Рошефор» сообщил, что, «согласно контракта с Рошефор и, имея доверенность, приступает к управлению Уинской дачей... и будет отдавать земли в аренду и продавать лес на сруб». Юрист Горного правления, размышляя над сложившейся коллизией, счел, что «к прирезке встречается в настоящее время препятствие не только в том, что этот завод не действует, но также и в том, что графиня Рошефор вовсе

не просит и не желает такого наделения ее завода казенными лесами, полагая, что окружающие завод земли принадлежат ей на праве собственности», и рекомендовал до решения суда не принимать никаких мер²³. Дело, таким образом, все усложнялось, а слушание его все откладывалось.

Тогда к следствию подключился юрисконсульт Министерства государственных имуществ. Он заключил, что при рассмотрении иска О.Н. Рошефор суд отклонился от его сути, а вопрос о признании за графиней права собственности на лесные дачи имеет другой предмет и должен быть рассмотрен «путем самостоятельного иска к надлежащим при том ответчикам, а не по своему выбору и усмотрению». Вопрос же о статусе Уинского завода по законам вообще «не состоял по значению таких предметов... ведению и разрешению судебных установлений». Таким образом, становилось понятным, что непосредственно связанный с установлением прав владения на заводе вопрос о долгах по горным податям вообще не может быть решен судебным порядком. Воспользовавшись этим обстоятельством в заседании, состоявшемся 18 сентября 1881 г., И.Э. Ландезен добился того, что иск О.Н. Рошефор был оставлен судом без рассмотрения. Графине, прибывшей в Екатеринбург (временно проживала в доме Холкина по Покровскому проспекту), ничего не оставалось, как подать очередную жалобу на окружной суд в Казанскую судебную палату. Но и та 21 декабря 1881 г. признала жалобу О.Н. Рошефор «не заслуживающей уважения». Следующим шагом Ольги Никифоровны стала подача кассационной жалобы в Сенат. Неспешный Сенат 20 мая 1883 г. тоже оставил ее «без последствий». Истица при этом отсутствовала. Видимо, тогда она скрывала место своего пребывания от очередного в этом деле «встречного иска» к ней со стороны казны за судебные издержки в сумме 335 руб.²⁴

Графиню долго разыскивали в Петербурге, Перми и Туле; в 1888 г. обнаружили лишь местопребывание ее доверенного лица, которым оказался ее сын, знаменитый архитектор граф Николай Иванович Рошефор, проживавший в Петербурге на Пушкинской улице, 17. «Снести о местожительстве графини Ольги Никифоровны Рошефор и в случае открытия ее местопребывания распорядиться о предъявлении ей исполнительного листа о взыскании издержек», – предписали судебные власти. Но из столицы вновь пришло известие, что, «несмотря на неоднократные розыски графини Рошефор, нельзя было обнаружить ее местонахождение, так как она постоянно меняет свое жительство, и это обстоятельство лишало возможности привести в исполнение решение... о розыске».

В этой ситуации надлежало «обратить иск» на недвижимое имущество графини в Уинском и Шермяйтском заводах. Еще в 1883 г. исправник рапортовал, что в первом из них имелись в собственности О.Н. Рошефор земляная плотина и два деревянных дома, «пришедших в совершенную ветхость», а во втором – разрушенная заводская плотина и новая деревянная изба. Горное правление посчитало тогда, что этого имущества, «судя по его положению», будет явно недостаточно на покрытие взыскания, «особенно если на это же имущество будут отнесены издержки по описи, оценке и продаже его». Оно даже просило разрешения прекратить дело, но в Горном департаменте не нашли достаточных оснований для этого и рекомендовали прежде все-таки продать имевшееся имущество.

К решению «столь важного вопроса» подключилось и Управление государственных имуществ Пермской губернии, в 1884 г. предложившее «прирезать десятин 40–50 под спрудную воду» к плотине Уинского завода, которую в таком случае могло бы купить за несколько тысяч рублей Уинское сельское общество, чьи земли окружали плотину. Этот вариант выглядел вполне реальным, поскольку, как было

известно управлению, крестьяне Уинской волости заявили ходатайство «о предоставлении в надел покосов, образовавшихся из-под спрудной воды выпущенного заводского пруда»²⁵.

В 1886 г. уже Горный департамент предложил продать Уинский завод «с правом на приграничение к нему для его действия коронных лесов и с тем, чтобы продажа эта была совершена в пользу владелицы завода, но с вычетом расходов по производству описи и продажи и казенных взысканий». Когда же окружному инженеру П.П. Боклевскому предписали провести эту опись, он отправил в Горное управление очень показательную записку, свидетельствующую о состоянии когда-то хорошо известных заводов. «Не имею возможности выполнить поручение, не зная этого завода, – писал обескураженный инженер. – Не представляется ли это название опиской и по созвучию не следует ли читать Кувинский. Настоящее недоразумение покорнейше прошу мне разъяснить».

Составление описи и оценки поручили другому, очевидно, более осведомленному инженеру М.Д. Белоусову и старшему заседателю полицейского управления Капачинскому. Опись Уинского завода они составили 26 августа 1887 г. в отсутствие бесследно пропавшей заводчицы и ее поверенных. «Из заводских устройств и сооружений решительно ничего в целости не сохранилось, – указывалось там. – Все фабрики обрушились, и от них остались только признаки в виде остатков сгнивших свай, канавок и насыпей, указывающих на когда-то бывшее их существование. Плотина тоже полуразрушена и прорез ее совершенно сгнил, так что в пруде сохранилось воды незначительное количество... Из зданий и строений точно так же ни одного не осталось, и только места, где существовали строения, сохранили признаки в виде канав и насыпей». Чиновники отмерили всего 34 дес. 585 кв. саж. земли под бывшими заводскими зданиями, оценив все имущество в 600 руб.; они подсчитали, что для возобновления выплавки меди в прежнем объеме (в среднем по 1817 пуд. в год) потребуется прирезать 11,5–12,5 тыс. дес. леса.

Опись отослали в Петербургское губернское правление, где 11 декабря 1892 г. должны были состояться торги. Горный департамент определил их условия: вместе с Уинским заводом продавалось и право на приграничение 12,5 тыс. дес. казенных лесов (в соответствии с нормой ежегодной выплавки меди в 1800 пуд.). Покупатель приобретал право посессионного владения и обязывался восстановить работу завода в течение трех лет. При нарушении новым владельцем этих условий завод вновь назначался к продаже. В объявлении о торгах не скрывалось, что за имением числится 8135 руб. казенных долгов (сюда были включены и судебные издержки, которые власти так и не смогли взыскать с графини), а также частные долги (включая невыплаченный долг по давнему залогу фон Книрим)²⁶.

Как и следовало ожидать, торги оказались безуспешными. Поэтому в июне 1894 г. Горный департамент сделал запрос главному начальнику уральских заводов: «Следует ли испытывать новые торги или уже признать Уинское имение утратившим значение горнозаводского и обратить его в казну?» Окружной инженер М.Д. Белоусов еще дважды осматривал Уинский завод. Его вердикт был таков: «Уинское имение не имеет никакого значения в смысле горнозаводского, так как месторождения медных руд... крайне незначительны и бедного содержания металла, поэтому допустить возможность возобновления действия... заводов не представляется никаких оснований, тем более что от прежних заводских зданий и сооружений в настоящее время нет и следа». Но бухгалтерия Уральского горного управления по-прежнему упорно начисляла проценты по так и не выплаченному долгу бывших Уинских заводов²⁷.

Как можно судить по документам, О.Н. Рошефор во всех этих решениях уже никак себя не проявляла. Она обнаружилась в октябре 1899 г., когда главный начальник получил, видимо, весьма удивившую его телеграмму. «Какого разряда горную подать вносит Шермяитский владельческий мой завод?» – вопрошала графиня. П.П. Боклевский телеграфировал: «Шермяитский завод частновладельческий подать меди отменена». «Не нахожу слов благодарить Вас за обязательный Ваш ответ на мою телеграмму... – писала графиня в следующем своем послании из Москвы. – Но не поняла, что в ней сказано о горной подати? Что она с меди отменена? То что это значит? И как отменена? Не будете ли Вы так любезны пояснить мне это частным письмом. Премного обяжете». Графиня указала свой петербургский адрес (ул. Надеждинская, 48), упомянув, что задержится в Москве только на два дня. «Милостивая государыня Ольга Никифоровна, на письмо Ваше... имею честь разъяснить, что слова в телеграмме моей «подать меди отменена» обозначают, что с 1 января 1899 г. подать с меди для владельческих заводов отменена», – вежливо, но сдержанно ответил главный начальник. Следующая депеша от О.Н. Рошефор, по-видимому, потрясла его еще больше. «Когда именно и каким образом разрушен Шермяитский мой завод? Было ли произведено горным ведомством следствие?» – вопрошала владелица. П.П. Боклевский оставил эти вопросы без ответа. Но с присланным затем прошением заводчицы он так поступить не мог.

Не очень понятно, как в голове престарелой и, судя по почерку и орфографии, не совсем здоровой владелицы отмена горной подати соединилась с давно минувшими делами. Тем не менее это событие позволило О.Н. Рошефор вновь поднять вопрос о статусе бывших ее заводов и потребовать прислать ей разные документы прежних лет. Материалы о пожаре 1863 г., оказывается, нужны ей были для подтверждения своих прав на Уинский завод. Поскольку, полагала она, горные власти не провели тогда следствия, то и не считали завод посессионным. Кроме того, графиня обнаружила в печатных «Материалах для статистики» за 1873 г., что ее Ольгинский округ был показан в составе владельческих заводов. На этом основании графиня просила П.П. Боклевского исключить Уинский завод из разряда посессионных, ибо, как она рассуждала, «право посессионное суть право договорное, а ни у меня, ни у прежних владельцев такого договора не было и не будет...» В том прошении она намекнула также, что уже имела разговор с самим министром, который «принял благодушное сочувствие к этим заслуженным государству ветеранам – более столетнего существования без всякого пособия от казны – частновладельческим заводам».

В присланном из Горного департамента прошении О.Н. Рошефор министру государственных имуществ А.С. Ермолову она, оказывается, не только вновь доказывала свое имущественное право на заводы, но и обещала «ввиду отмены подати меди, вносящей новую эру жизни в медное производство к поднятию горного дела на Урале... восстановить их полезное государству действие при более тысячи собственных рудников, на собственных своих землях, лесах и водах и на собственном владельческом капитале». Однако в последних строках своего многообещающего воззвания она вдруг обратилась к министру с просьбой «приказать, кому следует, выдать ей по обоим заводам по новому горному закону вместо снятой подати меди то, что ее заменяет»²⁸. Поскольку прежде графиня требовала денежную компенсацию за якобы переплаченную ею подать с Уинского завода, надо полагать, теперь она решила получить с казны деньги уже за оба завода. В этом, очевидно, и заключался тайный смысл ее последней попытки хоть что-то извлечь из столь опрометчиво приобретенного много лет назад горнозаводского имения.

Конечно, ни министр А.С. Ермолов, ни главный начальник П.П. Боклевский не поверили обещаниям владелицы, не подкрепленным хоть сколько-нибудь практическими шагами. Затребованные ею документы в 1900 г. были отправлены на ее адрес, но в деле о статусе заводов ничего нового они не открывали. Относительно «договоров о добровольном перечислении Уинского завода в разряд посессионных», которые графиня тоже желала иметь, ей сообщили, что «таких нет и не могло быть, так как перечисление это сделалось помимо воли владелицы, властью Правительства». Больше от Ольги Никифоровны никаких телеграмм, писем или прошений не поступало. Известно, что 4 марта 1904 г. она скончалась. В 1906 г., когда бухгалтерия Горного управления в очередной раз напомнила о ее долге, увеличившемся уже до 9679 руб., главный начальник уральских заводов распорядился «возбудить ходатайство о его сложении как безусловно безнадежном». После рассмотрения вопроса в Горном совете 24 марта 1907 г. министр финансов согласился списать этот долг со счетов Уральского горного управления.

Тогда же Пермское управление государственных имуществ уведомило Горный департамент, что земельная дача Уинского завода давно находится в его ведении и эксплуатируется «как неокладная оброчная статья». Участок площадью 34 дес. под бывшими заводскими строениями «при земельном устройстве» поступил в надел заводских крестьян, а о месте в 100 дес. под бывшим прудом велась переписка о продаже его крестьянам, но сделка все не могла состояться из-за слишком высокой цены (с учетом стоимости уже разрушенной плотины). С оценкой крестьяне не соглашались, заявляя, «что желают купить прудище для сельскохозяйственного использования, а не для промышленного заведения»²⁹. О судьбе земель Шермяитского завода составители документов умалчивают. Внук Ольги Никифоровны граф Николай Николаевич Рошефор, будучи в 1908 г. сверхштатным чиновником особых поручений при Вятском губернском правлении, все еще полагал, что помимо 350 дес. в Ковенской губернии он владеет 1 млн дес. на Каме³⁰.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2966. Л. 10–15. Автор признателен С.В. Богданову за сведения о семье О.Н. Рошефор.

² Там же. Оп. 6. Д. 4655. Л. 17, 28, 31, 32, 60–61.

³ Там же. Л. 60–61, 67–72 об.

⁴ Там же. Л. 89–90, 93.

⁵ Там же. Оп. 32. Д. 2073. Л. 7–15, 73.

⁶ Там же. Л. 1, 7–15.

⁷ Там же. Оп. 6. Д. 4655. Л. 108, 131–133.

⁸ Там же. Л. 134–135.

⁹ Там же. Оп. 32. Д. 2073. Л. 7–15, 73.

¹⁰ Там же. Оп. 19. Д. 322. Л. 2–6.

¹¹ Там же. Д. 632. Л. 289–291.

¹² Там же. Оп. 32. Д. 2073. Л. 171.

¹³ Там же. Оп. 19. Д. 632. Л. 215–220; Д. 322. Л. 2–6.

¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 287. Л. 1–7.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 632. Л. 215–220.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 2154. Л. 29–73.

¹⁷ Там же; Оп. 32. Д. 2073. Л. 184; Д. 639. Л. 1, 2.

¹⁸ Там же. Оп. 6. Д. 4655. Л. 187, 188; Оп. 32. Д. 2073. Л. 250–254, 334.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 2154. Л. 21; Оп. 6. Д. 3224. Л. 1–4.

²⁰ Там же. Оп. 6. Д. 3224. Л. 9; Оп. 5. Д. 2154. Л. 100 об. – 101; Оп. 19. Д. 632. Л. 220; Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8.

- ²¹ Сборник документов древней Шермяитской дачи. СПб., 1873; Сборник юридических документов древней Шермяитской дачи. СПб., 1873; *Штуkenберг А.И.* Общий кратко-хозяйственный обзор Ольгинской-Шермяитской дачи. СПб., 1867; Исторические записки местности прежней Уфимской провинции, где был центр древней Башкирии. СПб., 1867; *Чупин Н.К.* О некоей исторической будто бы записке // Пермские губернские ведомости, 1870. № 53, 60–64. Автор признателен А.Р. Махмудову за указание на эти публикации.
- ²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 3224. Л. 13, 15; Оп. 32. Д. 2073. Л. 337.
- ²³ Там же. Оп. 19. Д. 632. Л. 29, 38, 41, 43, 50.
- ²⁴ Там же. Л. 67, 68, 86, 119, 141.
- ²⁵ Там же. Л. 149, 152, 155, 162–163.
- ²⁶ Там же. Д. 322. Л. 2–6, 13, 15–16, 32–35, 40, 59, 67; Оп. 6. Д. 4655. Л. 198.
- ²⁷ Там же. Оп. 19. Д. 632. Л. 192; Оп. 6. Д. 4655. Л. 212–212 об.
- ²⁸ Там же. Д. 632. Л. 195–198, 201–204 об., 206–207 об.
- ²⁹ Там же. Л. 240, 259, 271, 273.
- ³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1404.

11. А.Д. ПОНОМАРЕВ

Капитан Александр Дмитриевич Пономарев вступил во владение Холуницкими заводами, расположенными в Слободском уезде Вятской губернии, после кончины своей матери Анастасии Петровны 7 февраля 1859 г. Она, по завещанию мужа Дмитрия Дмитриевича Пономарева – крупного предпринимателя (его именем был назван общественный банк в Шадринске), в 1838 г. купившего округ на публичных торгах у А.И. Яковлева, оставалась пожизненной владелицей Холуницких заводов. В 1840–1850-е гг. здесь вырабатывалось до 300 тыс. пуд. железа, пользовавшегося, по оценке Уральского горного правления, «по отличному качеству в продаже большой известностью». Особенностью этого посессионного округа было отсутствие приписанных лесов, что несколько сдерживало рост производства. Заготовка топлива осуществлялась там государственными крестьянами «по отводам Вятской казенной палаты».

В духовной Д.Д. Пономарева есть запись, что Холуницкие заводы после кончины жены должны перейти двум сыновьям Александру и Вячеславу (остаться «неделимыми в роде моем»). Он завещал «не продавать сыновьям своих половин в посторонние руки, но передать другому сыну, своему брату, или в случае его кончины – его детям мужского пола»¹. Дочери Лидии Астафьевой, «как получившей и получающей особый надел», отец приказал «никакого участия в этих заводах не иметь и не вступаться». Видимо, Анастасия Петровна пережила сына

Вячеслава (в семье были еще рано умершие дети Дмитрий и Федор), почему имение и досталось одному Александру Дмитриевичу. Однако ему не удалось выполнить завет отца уже с начала своего владения, совпавшего с экономическим кризисом, который охватил горнозаводскую отрасль на рубеже 1850–1860-х гг. В целом тяжелое финансовое положение заводов осложнилось отсутствием у владельца способностей и желания заниматься доставшимся по наследству промышленным имением.

Это отчетливо проявилось уже на второй год его владения, когда между владельцем и главным начальником уральских заводов Ф.И. Фелькнером развернулась «дружеская» переписка по поводу назначенного А.Д. Пономаревым управляющего купца Ф.И. Наумова. О «грубых и самоуправных действиях в отношении заводских крестьян и недостаточности умственных способностей» последнего в апреле 1860 г. сообщил главному начальнику вятский губернатор М.К. Клингенберг. «Прошу принять решительные меры, – писал в связи с этим Ф.И. Фелькнер владельцу в Петербург, – и предупредить неприятные последствия, какие может повлечь за собой дальнейшее оставление управления заводами и заводскими людьми в руках человека, не оправдывающего сделанного ему Вами доверия». Уже через несколько дней был получен не менее почтительный ответ от заводовладельца: он извинялся, что «по болезни, удерживающей его уже несколько дней в постели», не может сам исполнить «приятный долг» и встретиться с главным начальником, находившимся в то время в столице. Оказалось, что А.Д. Пономарев уже отправил на заводы «с поручением обревизовать заводоуправление и войти в ближайшее рассмотрение действий служащих по оному» особого уполномоченного. «По получении от посланного мною ревизора донесения, – заверял он, – я вменю ему в непреложную обязанность, ежели слухи... подтвердятся ревизией, сменить управляющего Наумова. Что же касается до немедленного удаления Наумова от должности, то, вероятно, и г-н начальник Вятской губернии и Ваше Превосходительство согласятся изволите, что подобная мера, несомненно, должна повести заводоуправление к расстройству, тем более что управление Холуницкими заводами я потому именно и вверил Наумову, что человек этот еще 16 лет назад при покойном отце моем управлял этими заводами; он уплатил лежавшие на заводах при прежних владельцах долги и из расстроенного привел их в настоящее положение. Но, не взирая на это, я со всею готовностью исполнил бы тотчас же Вашу волю... ежели бы Его Превосходительству угодно было поставить меня в известность о том, из каких источников будет вознагражден мне ущерб, который я должен буду понести от немедленного удаления управляющего...»²

Приняв в целом разумные рассуждения владельца, главный начальник уральских заводов поручил заводскому исправнику, а вятский губернатор – особому чиновнику губернского правления «собрать самые верные сведения о положении крепостных заводских людей», за которыми им было вменено в обязанность «строжайше наблюдать» в канун крестьянской реформы. В мае 1860 г. М.К. Клингенберг сообщил Ф.И. Фелькнеру, что «кроме грубости и решительной неспособности купца Наумова к управлению... причиною возникшего между населением Холуницких заводов неудовольствия против заводоуправления служит то, что они получают весьма низкую задельную плату за свои труды, между тем как цены на все жизненные потребности в настоящее время чрезвычайно возвысились». Эти «платы» были назначены «в весьма давние времена» и уже не соответствовали даже минимальным потребностям рабочих. «Я остаюсь в полной уверенности, – вновь обращался главный начальник к А.Д. Пономареву, – что Вы, милостивый государь,

обратите справедливое Ваше внимание на это обстоятельство, примите безотлагательные меры к улучшению состояния заводских крестьян Ваших сообразно потребностям настоящего времени, а также и к устранению всех вообще причин, возбуждающих ныне неудовольствие в рабочих». «Спешу доложить, – отвечал заводчик, – что с первоотходящею же почтой предпишу как... Наумову, так равно и особо посланному прежде мною от себя уполномоченному, чтобы они узнали, какие существуют теперь задельные платы в соседственных с моими железоделательных заводах, и отнюдь не уменьшали бы той платы, какая назначена законом, но повысили бы оную и на моих заводах»³.

Летом 1860 г. Ф.И. Фелькнер получил рапорты от исправника соседних Шурминских заводов С.П. Лабутина и командированного чиновника Горного правления Я.С. Стахиева о положении в Холуницком округе. Первый подтвердил обвинения в адрес управляющего. Тот, сообщал исправник, «главнейше вспылчивого характера, при котором, оставляя уже всякое благоразумие, становится в действиях своих грубым и самоуправным в особенности в отношении к заводским крестьянам... а при таком грубом обращении... крестьяне вместо расположения имеют неудовольствие лично только к одному ему, которое нынче выразилось словесною жалобой их, принесенной мне во время бытности на заводах». Ф.И. Наумов, в частности, заставлял работать больных, «несмотря на удостоверение врача», которому он приписывал «потворство мастеровым». Я.С. Стахиев в свою очередь подтвердил, что «главнейшей причиной ропота» был недостаток «плат», которых «доставало рабочим лишь на покупку провианта». Ф.И. Фелькнеру ничего не оставалось, как вновь писать заводчику о необходимости сменить управляющего и повысить заработную плату работникам. Для профилактики злоупотреблений непосредственно на заводы был назначен исправник И. Розенквист.

Но теперь ответ пришел не от самого А.Д. Пономарева, а от его уполномоченного У. Блюммера. Оказалось, что Александра Дмитриевича уже не было в столице. Он выехал за границу, его возвращение ожидалось не позже 20 августа. До тех пор уполномоченный просил главного начальника «потерпеть нашего управляющего» и обещал «приискать способного для такой важной должности человека». Между тем время шло, а состояние заводов не улучшалось. Осенью и зимой 1860 г. исправник сообщал о новых «злоупотреблениях властью» так и не смененного Ф.И. Наумова, который избил госпитального старосту Киселева, когда тот «по обязанности своей» приходил к управляющему с «требовательною книгой на получение для госпиталя разных съестных припасов». Обнаруженный по записям в этой книге перерасход сахара привел управляющего в ярость. Как свидетельствовал исправник, он «начал сильно кричать и бранить старосту... а потом ударил его по виску кулаком так, что он едва мог устоять на ногах, затем стал бить его требовательною книгой по голове, а когда он, Киселев, от него побежал, то Наумов за ним гнался, без фуражки, до ворот, стараясь достичь его». Управляющий приказал посадить старосту под арест, откуда тот был отпущен исправником по требованию врача, который в отсутствии старосты «при вечерней визитации нашел в госпитале темноту, и больному, бывшему в сильной испарине, по невыдаче старостой из цейхгауза белья нельзя было переменить такового». Ф.И. Наумов проигнорировал требование исправника «объяснить свое поведение» и отставил Киселева от должности, несмотря на просьбу врача. Кроме этого случая, сообщал исправник, управляющий заставлял кричных мастеровых работать в воскресные и праздничные дни «до двух часов утра, а некоторых занимал до самой обедни исправлением в фабриках горнов и прочего, а потом опять

вскоре после обеда собирал на спуск воды и в работу». И. Розенквист предупредил Ф.И. Наумова о нарушении порядка, но тот «не посчитал нужным изменить ни одного своего хозяйственного распоряжения»⁴.

Получив эти известия, главный начальник уральских заводов обязал исправника в случае повторения «воспрепятствованных законом действий управляющего в отношении к крестьянам... производить формальное исследование и представить дело на судебное рассмотрение». Отмену же распоряжения о снятии старосты Киселева он находил со своей стороны неуместной, поскольку ни исправник, ни даже главный начальник не могли по закону вмешиваться во «внутреннее хозяйственное управление заводами». В октябре 1860 г. и в начале февраля 1861 г. он направил новые письма А.Д. Пономареву, в которых вежливо, но настойчиво повторил свою «покорнейшую просьбу о немедленном удалении Наумова». В последнем письме он объяснил заводчику, что «в настоящее время, когда должно вскоре уже ожидать окончательного разрешения крестьянского вопроса, более чем когда-нибудь необходимо, чтобы управляющий заводами был человек рассудительный, умеющий владеть собою и пользующийся расположением рабочих, тогда как Наумов не имеет ни одного из этих качеств». «Считаю своей обязанностью предостеречь Вас, милостивый государь, что если Наумов останется при настоящей должности в ту эпоху, когда будут ожидать преобразования, – писал Ф.И. Фелькнер, – то должно опасаться неблагоприятных последствий и надеюсь, что для отвращения этих последствий Вы поспешите распорядиться о смене Наумова».

Но, как стало ясно из полученного в марте письма действительного статского советника Лапина, увещания главного начальника до А.Д. Пономарева не дошли. Он, оказывается, все еще не возвратился из-за границы, «беспрестанно переезжая в разных странах Европы в продолжение полугода со времени выезда из России». Между тем Лапин, как он сам писал, «согласившись только в этом году управлять делами своего родственника», точно указал, что отправил к нему в Ниццу «означенное отношение» главного начальника. В такой ситуации Ф.И. Фелькнер обратился к министру финансов А.М. Княжевичу с просьбой «со своей стороны строго сделать начальственное распоряжение о немедленном удовлетворении заводладельцем Пономаревым или его уполномоченным требований моих о смене управляющего». Уведомление об этом он направил и Лапину. Полученное от министра «внушение» возымело действие. В мае уже сам А.Д. Пономарев, вернувшись в Петербург, поспешил уведомить министра финансов и главного начальника уральских заводов, что «исполнил с полною готовностью» их требование и сменил Ф.И. Наумова, назначив на его место титулярного советника Н.Ф. Ширяева, который «на сих же днях отправлялся для принятия заводов в свое управление»⁵.

Казалось, что явно затянувшаяся конфликтная ситуация наконец благополучно разрешилась. Но вскоре от заводского исправника поступило донесение, что в Холунице по-прежнему управляет Ф.И. Наумов. «Ширяев, прибыв уже к месту... – извещал И. Розенквист, – ни дел, ни заводов от Наумова не принимает и, видимо, находится сам в подчинении у прежнего управляющего, который выдает себя теперь за уполномоченного, хотя доверенностей на это мне не предоставил. Причем все признают Наумова чуть ли не за самого владельца». Исправник предупредил, что при таком «двоевластии» уже испытывает затруднения в исполнении своих обязанностей. «Из уклончивых ответов Ширяева, – писал он, – я могу заключить, что г-н Пономарев чрезвычайно был и есть доволен действиями и распоряжениями Наумова и вовсе не намерен с ним расставаться». Не слушая исправника, который объявил заводууправлению, что Ф.И. Наумов смещен и «никаких отношений ни к

людям, ни к заводам иметь не может... все служащие и даже священники ходили поздравлять Наумова с повышением». Судебное же расследование действий неуязвимого бывшего управляющего даже не начиналось. Исправник подозревал, что и здесь «действует влияние Наумова, так как у него в Слободском много родных, начиная с тамошнего городского головы».

В июле Ф.И. Фелькнер был вынужден вновь писать А.Д. Пономареву «о непрекращающемся ропоте в рабочем населении Холуницкого округа». Он также сообщил о своем предписании исправнику объявить Ф.И. Наумову, что «если он будет продолжать вмешиваться в управление и от того произойдут какие-либо проявления, вредные общественному порядку и спокойствию... то тот не только будет немедленно выдворен из заводов начальственной властью, но подвергнут еще строгому по законам преследованию». Только через два месяца, в октябре 1861 г., главный начальник получил ответ от заводчика с объяснением, что тот «замедлил с ответом по случаю отлучки в разные губернии по делам службы», и удостоверением, что в точности исполнил предписание об отстранении Ф.И. Наумова. «Я оставил его не более как для наблюдения за целостию моего капитала, – уверял А.Д. Пономарев, – как человека, известного своей честностью не только мне, но и покойному моему родителю». Александр Дмитриевич заверил главного начальника, что «вновь строго подтвердит Наумову не вмешиваться в управление», будучи уверен, что тот «непременно исполнит его предписание».

Однако в январе 1862 г. уже Вятское губернское по крестьянским делам присутствие сообщило, что «или Наумов не желает исполнять распоряжения Пономарева, или распоряжения Пономарева – одни только фразы, так как в действительности этого ничего нет, ибо Наумов до сего времени ежедневно ездит по фабрикам и распоряжается не только фабричным действием, но и всеми действиями заводоуправления, как ему угодно». Еще через полгода вятский губернатор известил главного начальника уральских заводов, что «по дознанию» совершенно точно выяснилось, что А.Д. Пономарев действительно предписал главной конторе подчиняться распоряжениям Ф.И. Наумова, назначенного им главным уполномоченным. Уверениям заводчика о запрещении Ф.И. Наумову вмешиваться в заводские дела, объяснял губернатор, нельзя верить. «Для положения этому предела, – отвечал Ф.И. Фелькнер, – я считаю самой действенной мерой – формальное изобличение Наумова в противозаконных поступках и предание его действию общих законов». Но, поскольку горная полиция была к тому времени уже упразднена, он советовал губернатору М.К. Клингенбергу самому «привести эту меру в исполнение»⁶.

Видимо, и эта угроза не подействовала ни на бывшего управляющего, ни на его покровителя, который ценил в купце то, что тот не просил у него денег. Вероятно, вновь потребовалось вмешательство министра, поскольку на заводах начались волнения из-за так и не повышенной рабочим заработной платы. О последующих событиях сообщал министру финансов М.Х. Рейтерну вятский губернатор В.Н. Струков в январе 1864 г.: «Холуницкие майора Пономарева заводы до апреля 1863 г. находились в расстроенном положении. Действие фабрик по несоглашению заводоуправления с рабочими в платах за работы и по неимению материалов для заводского производства были остановлены. Денег, кроме 150 тыс. руб. долгов, в заводах совсем не было, заводские люди требовали себе положительного определения плат, обеспечивающих их существование».

Только тогда А.Д. Пономарев сменил заводоуправление, поставив во главе его известного на Урале металлурга-изобретателя В.С. Пятова – слободского

купца первой гильдии, в 1855–1859 гг. уже служившего механиком и управляющим Холуницких заводов. Он, по свидетельству В.Н. Струкова, «к восстановлению порядка в заводском хозяйстве принял энергичные меры, посредством коих мастеровые и рабочие, имея к Пятову доверие... были успокоены; фабричное производство началось и производится безостановочно, платы за работы по взаимному соглашению приняты многими из рабочих, а затем принятые Правительством к прекращению возникавших беспорядков меры оказались ненужными, и оставалось рассчитывать, что положение заводов будет как для края, так и для владельца весьма удовлетворительное, что в восьмимесячное управление заводами купца Пятова доказано на деле».

Однако без денег даже самый умелый управляющий не мог бесконечно долго поддерживать производство. Кроме того, заводоуправление оказалось тогда в сложных отношениях с государственными крестьянами, занятыми на вспомогательных работах. В соответствии с давним соглашением, заводы обязались платить им не наличными деньгами, а выплачивать за них казенные подати. Вместе с тем сами крестьяне задолжали заводам значительную сумму «за недоработки в поставке припасов» и требовали, как признавало даже Уральское горное правление, «слишком высоких цен за работы». При отсутствии денег заводы не могли ни заплатить подати, ни согласиться на повышение расценок за работы. Управляющий стал просить отсрочки в уплате горной подати и подати за крестьян «до присылки владельцем денег». Но, как свидетельствовал губернатор, «на настояния Пятова заводчик отвечал одними лишь уверениями, что деньги немедленно будут высланы, но не исполнял их на деле». Между тем долги рабочим и государственным крестьянам возросли до 330 тыс. руб. «Если таковой суммы владелец не вышлет, – предупреждал губернатор, – то, во-первых, через несвоевременную уплату за материалы, прекратится доставка оных, а следовательно, должно остановиться и действие заводов; во-вторых, за неуплатой рабочим задельных денег возникнет ропот и остановка в работе; в-третьих, казна должна лишиться постоянного дохода за выплавку чугуна и других предметов и, наконец, в-четвертых, казенная недоимка за крестьян останется неуплаченной на неопределенное время». Губернатор выразил озабоченность и по поводу гипотетических наследников заводчика А.Д. Пономарева. «Он, как мне известно, – писал В.Н. Струков, – заводы эти получил во владение по завещанию от родителей своих без права продажи, следовательно, обязан передать оные потомству не расстроеными – наследники же его едва ли достигли совершеннолетия». «Сколько для отвращения вышеозначенных последствий и ущерба для казны, столько же и для сохранения заводов в надлежащем положении для пользы края и наследников Пономарева», вятский губернатор предлагал учредить попечительство и «предоставить заводоуправлению изыскивать средства к производству работ помимо Пономарева на коммерческом праве»⁷.

Бюрократическая машина вновь пришла в движение, в результате чего на исправника С.П. Лабутина возложили «ближайшее удостоверение о положении Холуницких заводов». Но он не успел получить затребованные от управляющего В.С. Пятова сведения, поскольку заводовладелец неожиданно уволил того от должности. Из письма бывшего управляющего к исправнику стало известно, что, уволив его за требование денег, А.Д. Пономарев вернул управление «тем же самым лицам, которые управляли заводами до его приезда», очевидно, отдавая предпочтение тем управляющим, которые не обращались к нему с требованием денег. Эти «лица», конечно, не преминули обвинить отстраненного управляющего в накопившихся

долгах. «В каком положении были приняты мною заводы и до какой степени они возведены, – писал В.С. Пятов, – известно г-ну начальнику губернии и г-ну министру финансов, и за дальнейшее продолжение такого порядка... я поручиться не могу и даже не думаю, чтобы заводы достигли бы лучшего состояния, до какого они были доведены под моим управлением».

Исправник отчасти соглашался с обвинениями в адрес В.С. Пятова, поскольку за время его управления долг государственным крестьянам и частным лицам, действительно, увеличился на 47 тыс. руб. и при этом возросли «недоработки со стороны казенных крестьян, которые в последние четыре года не доставили в заводы 2612 саж. дров, 37 336 коробов угля и 1 816 970 пуд. руды на 49 295 руб., а с прежними долгами – на 86 444 руб.» «Последствием такой значительной недоработки было, естественно, значительное уменьшение и в производительности заводов», – писал исправник. По его сведениям, за 1863/64 заводский год выплавили 282 504 пуд. чугуна и выделали 257 734 пуд. кричного железа. За то же время оказалось продано 235 123 пуд. разных сортов железа на сумму 423 780 руб., а вместе с остатками предыдущего года – на 441 306 руб., из которых 424 006 руб. поступило на заводы и 17,3 тыс. руб. – заводовладельцу. «При личном моем обозрении всех заводов, – сообщал С.П. Лабутин в июне 1864 г., – я нашел Холуницкий и Богородский заводы в полном их действии, в Климковском – плавку чугуна, а в Черно-Холуницком – доменные печи и кричную фабрику без действия, в которых производятся необходимые поправки; главнейших припасов: руды и угля на действие заводов и провианта для продовольствия людей... далеко не в том полном количестве, сколько должно было их иметь, а денег вовсе нет, и дальнейшее безостановочное действие заводов может продолжиться только лишь, когда заводовладелец их будет снабжать достаточными суммами».

Получив заключение исправника вместе с просьбой заводу управления отсрочить выплату податей, чиновники Уральского горного правления занялись обсуждением судьбы Холуницких заводов. Они оценили их действие как «довольно удовлетворительное по выделке железа до 250 тыс. пуд. в год», но не могли не заметить и перспективу остановки «по неимению оборотных капиталов». «В таком положении заводы, которые имеют нужду во вспоможении не техническими указаниями, а финансовыми средствами, не доставляемыми им г-ном Пономаревым», на их взгляд, могли бы получить ссуду с назначением казенного управления. Но, рассуждали чиновники, такая мера, «соединенная с затратами казенных сумм», по закону распространялась лишь на тех заводоладельцев, которые «по каким-либо несчастным случаям и при желании продолжать действие своих заводов не имели к тому возможности по недостатку у них денег и кредита». А.Д. Пономарев же «не отзывался от высылки на действие своих заводов требуемых денег неимением их, а только не выполнял даваемых им обещаний выслать их по беспечности о благосостоянии своего горнозаводского имения или, – предполагали они, – в намерении... остановить заводы». В этом случае «к поддержанию заводов Пономарева со стороны горного ведомства... не представлялось никаких мер, если он сам... под опасением лишиться заводов или быть устранным от управления ими, не ощутит действительного понуждения к снабжению ныне же своих заводов оборотным капиталом». Однако принять «меры понуждения» Горное правление предложило «местному гражданскому начальству», ответственному как за обязательства государственных крестьян перед заводами, так и за сбор с них казенных податей. Ходатайство же управления об отсрочке выплаты горных податей «при известном состоянии г-на Пономарева, имеющего свои средства

поддержать заводы», по заключению чиновников, не имело «ни достаточной причины, ни законного основания»⁸.

Все должностные лица главным виновником сложившегося на заводах положения представляли их владельца Александра Дмитриевича Пономарева. Получив от отца и матери, по оценке чиновников, «громадное состояние», к тому же с условием сохранить его за своим родом, он, действительно, пренебрег этим обязательством. Известно, что еще в июле 1863 г. его поверенный просил Горный департамент разрешить залог Холуницкого округа «великобританскому подданному» Ивану Антоновичу Леве или «кому-либо другому» за 350 тыс. руб. сер. сроком на 10 лет и выдать «надлежащее свидетельство... на переуступку или заклад... для совершения купчей или закладной». Неопределенность намерений владельца, отраженная в заявке, свидетельствует, что тогда владелец не только искал необходимые для выплаты долга деньги, но не исключал и возможности вообще освободиться от обременявшего его заводского имения. Несмотря на то что разрешение было дано, осуществить залог, а тем более продажу не удалось из-за запрещения, наложенного на имущество еще в 1840 г. за неуплату бывшим владельцем Холуницких заводов А.И. Яковлевым 96 844 руб. государственным крестьянам. Хотя А.Д. Пономарев просил снять запрещение, это дело тогда формально не было завершено⁹.

При отсутствии оборотного капитала Холуницкому заводууправлению, во главе которого поставили бывшего крестьянина И.Е. Перминова, удалось продлить работу предприятий еще на 3,5 года, закладывая металлы в Екатеринбургской банковской конторе или продавая их в долг. Но к началу 1868 г. положение на заводах вновь обострилось. В марте главный начальник А.А. Иосса получил «докладную записку» от поверенного крестьян Холуницкого общества Г. Русакова, который утверждал, что «в последнее время быт рабочих... постепенно падает, средства к жизни умаляются... и население приходит в совершенную бедность». Причиной тому поверенный называл упадок заводов, усилившийся при управлении И.Е. Перминова. Управляющий характеризовался как «неограниченно и бесконтрольно действующий для своего обогащения и вовсе не заботящийся о пользе общественной». «Не имея ни научных познаний, ни достаточных способностей к управлению заводами, особенно в таком критическом положении, в каком они в настоящее время находятся», И.Е. Перминов, по словам Г. Русакова, «благодаря недалёковидности и невниманию к заводам самого заводовладельца своими действиями не только не улучшил состояние заводов, но еще более расстроил их, обременил громадными долгами, лишил кредита, злоупотреблял для личных выгод доверием заводовладельца, посягал и посягает вместе с тем и на интерес казны и на интересы частных лиц». Так, управляющий стал взыскивать за выдаваемый рабочим провиант вместо условленных 50 коп. по 70 коп. за пуд, «не давал при заводе постоянных работ, а предоставлял заработать лишь на хлеб», от чего особенно страдали женщины-работницы, которым назначались «чуть ли не вдвое меньшие платы, чем прежде»; не вносил денег на завершение постройки храма, возводившегося «ижданием владельцев и заводов», отменил пенсии и хлебное пособие увечным, престарелым, вдовам и сиротам, а себе назначил «пенсион» в 1200 руб. Хотя исправник, проверявший по поручению Горного правления эту жалобу, назвал ее «несправедливой и во многих случаях ложной» из-за личной обиды Г. Русакова на И.Е. Перминова, последний был смещен с должности.

Новый управляющий А. Сухов представил свой отзыв в Уральское горное правление с объяснением причин признававшегося им упадка заводов, произошед-

шего, по его мнению, не от «недостатка познаний и способностей Перминова, а от общего кризиса железной торговли, уронившего в последние 5–6 лет до крайности цены». Кроме того, упадку способствовали и причины «домашнего происхождения»: вынужденный рост заработной платы рабочим и поставщикам угля и руды, снижение цены на муку, преждевременная продажа железа «с уступкой в цене», что в совокупности увеличило расходы на 97 тыс. руб. сер. в год. Из-за этого заводоуправление лишилось возможности не только отпустить 2 тыс. руб., чтобы достроить колокольню и тем исполнить «святое намерение покойной владелицы заводов незабвенной Анастасии Петровны, по мысли и распоряжению которой был воздвигнут великолепный Воскресенский храм», но и полностью обеспечить увечных, вдов и сирот пенсиями и пособиями. Обсуждать действия И.Е. Перминова новый управляющий «не счел себя вправе», поскольку тот «в своих действиях давал отчет владельцу, от которого зависела и проверка оных»¹⁰.

По высочайшему повелению от 22 марта 1868 г. Холуницкие заводы, как пришедшие в упадок, были взяты под усиленный казенный присмотр «в видах охранения их от окончательного расстройства», а определением Сената от 4 октября того же года назначены к продаже с публичных торгов. «Принятие таких мер, – сообщалось в записке Горного департамента, – вынуждалось, с одной стороны, неимением вовсе оборотного капитала и необходимых для действия заводов материалов и припасов, а с другой, бесхозяйственными распоряжениями владельца заводов Пономарева, заключавшего убыточные на запродажу заводских изделий контракты, так и вследствие накопления на заводах значительных горных податных недоимок и казенных долгов». Контроль возложили на заводского исправника. При этом владелец не лишился права «хозяйственных по заводам распоряжений» и мог «иметь при управлении заводами своего доверенного, но с тем, чтобы права и обязанности, предоставленные поставленному от горного ведомства чиновнику, оставались и на будущее время в полной силе».

Таким образом, в случае с Холуницкими заводами горное начальство не пошло на учреждение казенного управления. Оно ограничилось лишь присмотром скорее всего потому, что заводское производство в этом округе не прекращалось. Возможно, не были полностью утрачены и надежды на А.Д. Пономарева, хотя дальнейшие события не оставили и их. Уже в июле 1868 г. исправник просил об отсрочке в уплате горной подати и сообщал, что работа заводов «поддерживается единственно на деньги, выдаваемые пермскими купцами Любимовыми за проданное им железо» (почти 400 тыс. руб.). Но из этих средств «по распоряжению высшего начальства» были выплачены долги крестьянам, служащим и рабочим «за прежнее время», а оставшихся тогда у заводоуправления 142 тыс. руб. не хватило даже на «главные расходы». За 2,5 года казенного присмотра, лишённого финансовой поддержки как казны, так и владельца, положение заводов только ухудшилось. По свидетельству Горного департамента, они «не только не могли уплачивать накопленные прежде казенные долги, но даже не вносили текущих податей и повинностей, которые постоянно увеличивались, а сами заводы с населением их... приходили в большее расстройство»¹¹.

Неожиданно обнаружилась еще одна статья заводских расходов, на которую, оказывается, претендовала жена заводовладельца. В 1868 г. она пожаловалась царю на то, что муж не выдает ей ранее обещанное содержание в размере 12 тыс. руб. в год. Александр II повелел учредить опеку на равноценную этой сумме часть имений А.Д. Пономарева, как это и практиковалось в подобных случаях. Согласно собранным «частным образом» сведениям об имениях А.Д. Пономарева, «взимание

причитающейся жене суммы за прежнее время и обеспечение на будущее можно было произвести только обращением на это доходов с Холуницких заводов». Это свидетельствует, что от полученного «огромного» наследства у А.Д. Пономарева не осталось ничего, кроме находившегося в преддверии публичной продажи заводского имения.

Министр финансов М.Х. Рейтерн тогда объяснял, что в условиях, когда эти заводы «действуют только с целью дать работу и тем доставить заработок как огромному местному заводскому населению, так и окрестным жителям, издавна работающим на заводах... едва ли представляется какая-нибудь возможность для Холуницких заводов, связанных притом невыгодными контрактными обязательствами, отделить сумму жене владельца в преимущественное удовлетворение перед остальными казенными и частными долгами без опасения за прекращение вовсе заводского действия, а также могущих возникнуть от того затруднений для рабочего населения»¹².

Пока велись опись и оценка заводов, что, естественно, задерживало организацию торгов, в Горный департамент поступило прошение и от самого А.Д. Пономарева. Он ходатайствовал об отмене публичной продажи и об «исполнении его желания» продать заводы «великобританскому подданному Вагстафу с переводом на него казенных долгов». Сам покупатель тогда же известил министра финансов, что готов совершить такую сделку, но лишь с рассрочкой долговых обязательств. Расчеты показали, что на Холуницких заводах имелись долги крестьянам, поставлявшим руду и уголь (301 762 руб.), недоимки в горных (29 534 руб.) и земских (17 174 руб.) податях и пени за ссуды из Екатеринбургской банковской конторы (15 230 руб.) (всего 363 701 руб.). Было учтено, что при откладывании торгов может только повыситься долговая сумма, да и сама публичная продажа — не состояться. Ввиду этого в сентябре 1870 г. М.Х. Рейтерн предпочел согласиться с владельцем и отменить торги. Условием продажи была выплата всех долгов с рассрочкой на 37 лет.

Комитет министров оперативно уже 23 октября 1870 г. разрешил продажу Холуницкого округа барону В. Рекстер-Вагстафу без торгов. Вышедший к тому времени в отставку в чине полковника Александр Дмитриевич Пономарев лишился, таким образом, заводского имения, которое его родители мечтали навсегда закрепить за своим родом. Известно, что в 1870–1871 гг. А.Д. Пономарев жил попеременно то в Петербурге, то в Гатчине, однако, видимо, не случайно несколько раз посетил Сергиевскую пустынь¹³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2126. Л. 5.

² Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 307. Л. 7–8, 11–13.

³ Там же. Л. 16–19, 24–24 об.

⁴ Там же. Л. 26–29, 34–36 об., 44–50 об.

⁵ Там же. Л. 41–42, 51–51 об., 53–54, 56–57, 59–59 об.

⁶ Там же. Л. 60–62, 65–65 об., 71–72, 75–75 об., 78–82.

⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1677. Л. 4–5 об.

⁸ Там же. Л. 13–18, 25, 41–45, 49.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 323. Л. 1, 6, 7; Д. 375. Л. 1, 3, 18–26 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 191. Л. 431, 453, 455, 518.

¹⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 625. Л. 2–3 об., 5–6, 8–10.

¹¹ Там же. Л. 11–19.

¹² Там же. Л. 15–19.

¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 375. Л. 6, 8, 12 об.–13 об., 16 об.

12. А. БРОГДЕН и др. В. РЕКСТЕР-ВАГСТАФ

Одним из следствий отмены сословных ограничений по владению горными заводами стало повышенное внимание к ним со стороны иностранных предпринимателей. В январе 1866 г. в Министерство путей сообщения поступило предложение от Джеймса Мурфи «об образовании за границей Общества для устройства в России завода с целью выделки рельсов из русского железа и русскими рабочими». Британский предприниматель брал обязательство производить на этом заводе в течение семи лет до 250 тыс. пуд. железных рельсов или до 300 тыс. пуд. рельсов, «изготовленных по способу Бессемера», для строительства Московско-Киевской железной дороги. Предприятие предполагалось возвести в течение двух лет «на местности, изобилующей лесом и железной рудой хорошего достоинства, преимущественно в Пермской или Оренбургской губерниях, или на Урале». Хотя Горный департамент не смог дать «какого-либо положительного заключения» на это предложение, поскольку, как писали чиновники, «способ Бессемера для выделки рельсов в России еще не применялся», император утвердил его 21 апреля 1866 г.

Когда в мае 1866 г. с Д. Мурфи, именуемым на русский манер Яковым, уже заключили договор на предложенных им условиях, аналогичную заявку подал в министерство коллежский советник Н.И. Путилов, поставлявший в то время казне металлические заготовки со своих «финляндских заводов». Он просил «отдать ему заказ рельсов сроком на семь лет и в количестве от 300 до 400 тыс. пуд. ежегодно на условиях, по коим Высочайше разрешено было отдать подобную поставку иностранцу Мурфи». Департамент железных дорог склонялся в выборе к российскому поставщику, «в виду необходимости обеспечения рельсами ремонта правительственных железных дорог и заготовки оных преимущественно в России с целью возможного ограничения заграничных заказов». Но внимание министра привлек все-таки проект строительства первого бессемеровского завода на Урале. Он отказал Н.И. Путилову и продлил на полгода срок Д. Мурфи для организации иностранного акционерного общества. Но тот опять не успел из-за, как он сообщал, «возникновения войны между Пруссией и Австрией, вынудившей капиталистов остановиться со всякими переговорами по этому делу»¹. Заказ отдали Н.И. Путилову, который в 1868 г. купил для этого в Петербурге завод, известный под названием «Путиловский». На Урале поставщиками рельсов стали Нижнетагильские заводы П.П. Демидова и Катавские заводы К.Э. Белосельского-Белозерского, а британским предпринимателям обосноваться в регионе тогда не удалось.

Однако уже в 1870–1871 гг. здесь неожиданно проявила себя группа «великобританских подданных», выразивших желание приобрести сразу несколько горнозаводских округов, которые пребывали в нелегком периоде своей истории. В частности, Ревдинские заводы П.А. Демидова и Сергинско-Уфалейские заводы Губиных, выставленные тогда на публичную продажу, просил у Горного департамента осмотреть британец Герберт Дарри «с другими лицами» в целях «ознакомления с положением, средствами и устройством этих заводов для приобретения их покупкою»². Однако эти округа позже продали российским предпринимателям, но и «великобританские подданные» не остались в стороне: они оказались владельцами заводов Пашковых и Холуницкого округа А.Д. Пономарева, также назначенных к публичной продаже за долги владельцев и вследствие отсутствия оборотного капитала.

Министр юстиции К.И. Пален, бывший одним из опекунов над именными наследников М.В. Пашкова, 24 апреля 1870 г. «испросил всемилостивейшего соизво-

ления» на продажу принадлежавших им Преображенского и Воскресенского заводов Александру Бродену и Виллиму Рекстер-Вагстафу за немалую сумму в размере 850 тыс. руб. сер. Другой опекун М.И. Рейнгардт 7 августа 1870 г. уже подписал купчую крепость на эти горнозаводские имения за оговоренную сторонами сумму. Правда, среди покупателей вместо В. Рекстер-Вагстафа значился уже Джон Ланкастер. Он и А. Броден были названы в купчей не только «великобританскими подданными» и дворянами, но и членами британского Парламента. Александр Броден, подписавший купчую, остановился тогда в петербургском Гранд-отеле на Мал. Морской улице; в Англии он проживал в Ульверстоуне, графство Ланкастер³.

Известно, что он происходил из богатой предпринимательской семьи, организовавшей фирму по строительству железных дорог, добыче угля, производству железа в Англии и Уэльсе. Александр, став преемником своего отца, возглавил в 1869 г. семейную фирму и вывел ее деятельность за пределы Британии. С 1868 г. он на протяжении 18 лет избирался членом Парламента. Всякий раз, когда Парламент не заседает, по словам А. Бродена, его можно было найти «в течение восьми или десяти дней... в Ульверстоуне, Вестминстере, Кардиффе, Париже, Голландии и Санкт-Петербурге»⁴. Не исключено, что, отличаясь такой активностью, он бывал и на столь далеко расположенных от его родины уральских заводах.

В сентябре 1870 г. исправник А.Х. фон Зигель докладывал, что заводчики уже введены во владение, а англичанин Томас (Фома Яковлевич) Рикард, их доверенное лицо, возглавил управление заводами. Прежде всего новые владельцы в декабре 1870 г. предъявили к залого в Общество взаимного поземельного кредита Преображенский завод с Каргалинскими рудниками и землями в количестве 106 163 дес., а также Воскресенский завод с 42 560 дес. земли. Но ровно через год от Д. Ланкастера в Горный департамент поступило ходатайство о продаже принадлежавшей ему «половинной части» в заводах «великобританским подданным» Ф.Э.Б. Бомонту и Б.В. Лоббоку. Для этого требовалось получить разрешение как от компаньона А. Бродена, так и от Общества взаимного поземельного кредита, у которого были заняты 231,2 тыс. руб.

Купчую совершили 30 сентября 1871 г. Свою долю владения Д. Ланкастер продал уже за 600 тыс. руб. сер., в счет которых покупателями был принят к платежу и его «совместный с Броденом нераздельный долг»; остальную сумму Д. Ланкастер «сполна получил». Так сформировался новый состав совладельцев двух южно-уральских заводов, которые всюду представлялись как члены не зарегистрированной в России компании «на правах ограниченной ответственности». Из вводных актов, подписанных в декабре 1871 г., следует, что Фредерик Эдуард Блекст Бомонт и Бомон Вильям Лоббок (в источниках встречаются разночтения в написании имен англичан) тоже были дворянами, проживали в Лондоне; первый из них был членом Парламента. «Считать Воскресенский и Преображенский заводы принадлежащими трем великобританским подданным, именуемым Компанией российских медных заводов (встречается также наименование “Компания российской меди”. – *Е.Н.*), – заключило в декабре 1871 г. горное начальство. Правление компании находилось в Лондоне⁵.

Специалисты по истории техники отмечают, что компаньоны существенно модернизировали производство: установили мощные паровые машины; на рудниках ввели механический подъем, насосы; проложили рельсовые пути для откатки руды; на Воскресенском заводе расширили прокатную фабрику для выделки листовой меди, а на Преображенском увеличили количество печей. На Воскресенском заводе в 1877 г. они попытались начать производство серной кислоты из колчедана «на

предмет обработки ею медных руд мокрым путем». «Этим способом добыча меди производится через химическое разложение лишь породы так называемых галичных руд, проплавка которых немислима на обыкновенно существующих горных печах, как показал опыт, – сообщил управляющий Т. Рикард. – Система же проплавки через огонь всецело остается в прежнем виде». Проработав меньше года, медеплавильная фабрика сгорела, и по сведениям Уральского горного правления, уже не восстанавливалась⁶.

Тем не менее на Воскресенском заводе выплавка меди увеличилась с 5808 пуд. в 1870 г. до 19 260 пуд. в 1880 г. Купленный остановленным Преображенский завод в 1872 г. возобновил работу и выплавлял до 1,6 тыс. пуд. меди⁷. Эти факты свидетельствуют, что, покупая уральские заводы, британцы не преследовали спекулятивные цели. Они вложили значительные капиталы в развитие производства и достигли успехов, несмотря на вскоре же обнаружившиеся трудности при найме рабочей силы.

«Главной целью компании по покупке Воскресенского и Преображенского заводов, – разъяснял намерения компании «начальнику Уфимской губернии» ее управляющий Т. Рикард в 1873 г., – было поставление, чтобы развивать производство русской меди с современным усовершенствованием производств в техническом отношении и, не жалея затраты капиталов и труда, расширить эту промышленность в здешнем крае в видах обоюдной пользы, как интересам компании, так и народонаселения края». Однако опыт британского инженера показал, что «в здешнем крае не только развитие промышленности или какого-либо нового предприятия, но и удовлетворительное существование прежних производств невозможно без особого содействия правительственной администрации и местных начальственных лиц в побуждении рабочих к выполнению обязательств». «Особое содействие в этом тем более оказывается необходимым для здешнего края как населенного по преимуществу башкирцами, недавно перешедшими к оседлой жизни и непривычными к добросовестному труду, у которых при этом укоренилась склонность к обману и невыполнению обязательств. По их примеру начинает поступать и русское горнозаводское население. Развитию же этих во всех отношениях крайне вредных как промышленности, так и самому населению склонностей, – отмечал управляющий, – способствует слабое действие непосредственно местных властей и крайнее замедление в законных мерах взыскания».

Вследствие этого Компания российской меди оказалась «в невыразимо критических обстоятельствах... отнюдь не от недостатка производительного капитала или рабочих рук... но исключительно от невыполнения рабочими принятых на себя обязательств». Для рудничных работ в 1872–1873 гг., приводил пример Т. Рикард, были наняты «на разные сроки» 840 чел. в основном из башкир Стерлитамакского и Белебеевского уездов. С ними заключили «законные условия» и выдали 6 тыс. руб. «в задатки на содержание семейств». «Но из числа нанятых в настоящее время находятся на рудниках только 375 чел., – жаловался управляющий, – из остальных 65 чел., получив в задаток 870 руб., не явились на работы, а 410 чел., хотя и явились зимою, но, не отработав условленного срока и забрав вперед денег 3013 руб., ушли с рудников самовольно». Более того, 14 работников «заявили претензию» на заводоуправление о том, что оно занижает цены при заключении коллективных договоров и ограничивает продажу водки. Эти «подстрекатели» убедили и остальных оставить работы.

Уфимский губернатор И.Ф. Щербатский, получив дополнительную информацию от уездной полиции, принял, однако, сторону рабочих и «разделил убеждение,

что образ действия Компании в отношении их был не вполне добросовестен». Уязвленный такими обвинениями, управляющий объяснял, что сами условия рудничных работ не дают ему возможности «заключать договоры с каждым отдельно, а обыкновенно все рабочие, нанимаемые в одном селении, помещаются в одно условие». Он сообщал также, что прежде на многих рудниках производилась бесплатная продажа водки и потому нередко рабочие пропивали все полученные ими деньги и в это время не выполняли «уроков». «Именно для прекращения этого, – пояснял он, – мною был открыт при Горной конторе питейный дом по патенту; из него в случае надобности отпускалась работающим в мокрых подкопах порция по чарке бесплатно, а прочим служащим и рабочим за деньги и то по усмотрению действительной надобности по какому-либо случаю или в праздники, не более как на 25 коп.» Местную полицию он обвинил в «небрежном отношении... и нежелании глубже вникнуть в последствия... организованной стачки, которая должна строго преследоваться высшим правительством». Столкнувшись со всеми этими «явлениями», которые очень удивили не привыкшего к ним иностранца, Т. Рикард просил губернатора провести тщательное расследование, полагая, что «для развития промышленности необходима законная гарантия нормальных отношений промышленника к рабочему и последнего к первому или, другими словами... необходимы действительные меры заставить рабочих свято исполнять заключенные обязательства, и что без такой гарантии и содействия со стороны местной администрации останутся напрасными все предприятия промышленника».

После того как известие о «стачке» дошло до министра финансов М.Х. Рейтерна, тот приказал уфимскому губернатору «принять действенные меры к прекращению беспорядков». «Меры принимались... и все рабочие были отправлены к своим местам, – рапортовал И.Ф. Щербатский, – но спустя несколько времени опять уходили с куреней и рудников». Полиции приказали отсылать рабочих «этапным порядком», но она отказалась «за неимением кормовых денег». «Уклонение рабочих от исполнения условий с Компанией российской меди, по мнению моему, – писал губернатор, – происходит как от неточности самих условий, так и в особенности от того, что заводоуправление заключает условия без всякого разбора с лицами несостоятельными к исполнению их и вообще от незнакомства лиц, служащих при заводоуправлении, с порядком ведения такового рода дел и с правилами о найме рабочих»⁸.

В отличие от гражданских властей, горные чиновники поддерживали деятельность иностранной компании как при введении нового способа извлечения меди, так и при организации рудничных работ. «Медное производство требует возможно поощрения ввиду крайнего упадка его на Урале вообще и в Оренбургской губернии в особенности, – констатировали члены Горного совета в 1878 г., – упадка, замечаемого со времени прекращения обязательных отношений местного населения к заводам и обусловливаемого главным образом заменю обязательного труда вольнонаемным и недоступностью руд к обработке плавкою по отдаленности лесов от заводов». Даже в таких условиях два принадлежавших компании завода производили более 40% всей южно-уральской меди, а Воскресенский завод удерживал лидерство среди медеплавильных заводов Оренбургской и Уфимской губерний. Этим и объяснялась благожелательная позиция горного начальства⁹. Однако горные власти не смогли помочь британским предпринимателям, когда в начале 1880-х гг. из-за неурожаев повысились расценки на доставку руды из отдаленных Каргалинских рудников, что негативно повлияло на работу всех южно-уральских медеплавильных заводов. Производство с каждым годом сокращалось. В 1884 г.

Преображенский завод вновь остановили. Компаньоны жаловались «на высоту заработной платы, осложнения с рабочими, возраставшие налоги, обеднение руд и, наконец, конкуренцию заграничной меди»¹⁰. Все это, вероятно, и привело британских подданных к решению прекратить свою деятельность на Урале.

В декабре 1886 г. компаньоны выдали новому управляющему Джону Вайту доверенность на продажу уральских имений «в целости или по частям». Два владельца – А. Бродген и Б.В. Лоббок – проживали в то время в Лондоне, а Ф.Э.Б. Бомонт «временно находился в Президентстве Мадрас в Индии». Четыре года длился поиск покупателя; только 10 июля 1890 г. Д. Вайт подал прошение о разрешении продать Воскресенский завод «с состоящими при нем землей и лесом и всей землей на Каргалинских рудниках, принадлежащих Воскресенскому и Преображенскому заводам», родственнику бывших владельцев В.А. Пашкову. К тому времени Василий Александрович Пашков уже давно жил за границей, был последователем английского проповедника-баптиста Г. Редстока и имел тесные деловые контакты с британцами. Известно, что на его расположенных неподалеку Богоявленском и Верхотворском заводах тоже служили английские инженеры, а поверенным В.А. Пашкова при заключении сделки выступал, в частности, управляющий Леонард Овен.

Хотя Горный департамент быстро выдал разрешение на продажу, ее приостановили из-за того, что вместе с Воскресенским заводом владельцы хотели продать и рудники остановленного Преображенского завода. Поскольку этот завод располагался в соседней Оренбургской губернии, Уфимская судебная палата отказалась совершать купчую крепость на отведенные ему части Каргалинской и Карталинской дач. В январе 1891 г. поверенный владельцев ходатайствовал «об отделении от Преображенского завода частей этих дач и о присоединении их к Воскресенскому заводу». Окружной инженер засвидетельствовал, что Преображенскому заводу «остается достаточное количество рудников для действия у тех же трех владельцев английской компании». Вскоре разрешение было получено, и 9 марта 1891 г. Воскресенский завод «перешел во владение отставного полковника Пашкова»¹¹.

Понятно, что в такой ситуации Преображенское имение лишь «ожидало» своего покупателя, но он нашелся только через пять лет. За это время состав компаньонов изменился. Александр Бродген скончался в возрасте 67 лет 26 декабря 1892 г. К тому времени уже давно обанкротилась и возглавляемая им семейная фирма в Британии. Наследницей и душеприказчицей А. Бродгена оказалась его вдова Анна, которая вместе с Б.В. Лоббоком и Ф.Э.Б. Бомонтом в феврале 1895 г. уполномочила Д. Вайта продать оставшееся ей после мужа уральское имение. Но до совершения сделки не дожила и она. В марте 1896 г. новую доверенность Джону Спеллу выдала уже их дочь Анна Эдит Кенсингтон, проживавшая в Лондоне, – «наследница покойных великобританских подданных Александра Бродгена и вдовы Анны Бродген». Поверенные совладельцев Д. Спел и Д. Вайт, «живущие временно в Оренбурге в Европейской гостинице», 23 марта 1896 г. просили у Горного департамента разрешения «на продажу имения под названием “Завод Преображенский” с находившимся в том имении бездействующим медноплавильным заводом» действительному статскому советнику В.Н. Охотникову. В апреле того же года разрешение было получено и вскоре у Преображенского завода появился новый владелец, приходившийся Пашковым дальним родственником¹².

Кроме участников Компании российской меди в состав уральских заводчиков вошел, как упоминалось, и британский барон Вильям Рекстер-Вагстаф. Отказавшись в 1870 г. от покупки южно-уральских заводов, он тогда же стал владельцем

Холуницкого горнозаводского округа. О нем и его владении, как и о других «великобританских подданных», ненадолго ставших уральскими заводчиками, информации сохранилось немного. В начале XX в. один из инженеров сравнивал барона с «современным Лидвалем американской складки», имея в виду нашумевшее тогда дело «Гурко–Лидваля»¹³. Фирма шведского подданного Леонарда Лидваля, почти не известная на хлебном рынке, в 1906 г. обязалась поставить огромную партию зерна, закупленного российским правительством для голодающего населения, рассчитывая «применить чисто американский прием» понижения цены. Но из-за огласки сделка оказалась сорванной. В общественном мнении образ Л. Лидваля отождествлялся с крупным аферистом.

Барон В. Рекстер-Вагстаф ни в чем подобном замечен не был. Ассоциация с Л. Лидвалем возникла скорее потому, что в России о нем почти ничего не знали, когда его действительно неожиданно предложил в качестве «приобретателя» Холуницких заводов обанкротившийся заводовладелец А.Д. Пономарев. Последний много путешествовал по Европе; вероятно, бывал он и в Британии. Показательно, что в 1863 г. он уже пытался заложить округ у «великобританского подданного» И.А. Лева. Вскоре после того, как в 1868 г. Холуницкие заводы были выставлены на торги, сам А.Д. Пономарев предложил кандидатуру В. Рекстер-Вагстафа: тот был готов совершить «продажный акт» с переводом на себя казенных долгов оказавшихся на грани банкротства уральских заводов. Единственным условием покупателя была рассрочка этих долгов.

Не рассчитывая на удачные торги, министр финансов М.Х. Рейтерн санкционировал сделку; 23 октября 1870 г. было получено разрешение и от Комитета министров. Тогда барон, видимо, и предпочел приобрести в единоличную собственность Холуницкий округ вместо заводов наследников М.В. Пашкова в компании с А. Броденом. По условиям договора, В. Рекстер-Вагстаф должен был уплатить 363 тыс. руб. казенных долгов, рассроченных на 37 лет под 6% «со всей капитальной суммы». Из суммы долгов исключалась только недоимка по горной подати, которая выплачивалась при заключении сделки. «В том случае, если предположение продажи барону Вагстафу не состоится до 1 января 1871 г., – было записано в положении Комитета министров, – торги должны немедленно возобновиться при Санкт-Петербургском губернском правлении»¹⁴.

При заключении сделки в Витебской палате гражданского суда (видимо, в ноябре 1870 г.) новый владелец Холуницких заводов неожиданно для себя столкнулся с первой неприятностью. Оказалось, что на заводы еще в 1840 г. было наложено запрещение на совершение каких-либо сделок в обеспечение долга государственным крестьянам в размере 96 844 руб. асс. Хотя еще в 1864 г. А.Д. Пономарев просил это запрещение снять, и суд решил дело в его пользу, официального распоряжения так и не последовало. Чтобы осуществить сделку с В. Рекстер-Вагстафом, суд должен был снять запрещение и удержать с покупателя эту немалую сумму долга. Заплатив деньги, барон опротестовал решение суда. При этом снять запрещение министр финансов приказал только в августе 1873 г.¹⁵ Но к тому времени В. Рекстер-Вагстаф уже отказался от владения заводами, положение которых он вряд ли хорошо представлял при покупке.

Другим потрясением для приехавшего в свое уральское имение владельца стало «неповиновение» ему рабочих. Как «конфиденциально» сообщал товарищ главноуправляющего III Отделения граф Н.В. Левашов, в апреле 1871 г. они «по стачке между собой прекратили работы и произвели беспорядки, которые, впрочем, были скоро прекращены». Вину за стачку Н.В. Левашов возложил и на нового вла-

дельца, которого почему-то называл арендатором. Оказывается, В. Рекстер-Вагстаф отказал рабочим в просьбе увеличить заработную плату и выдать ее заранее, к Пасхе. Кроме того, «рабочие узнали, что барон, не имея больших денежных средств, ограничивает выпуск железа с завода, не платит за контрактованный для завода уголь и прибегает к мелким займам денег». Поэтому они «весьма недоверчиво» отнеслись к владельцу, который «после стачки в последних числах сентября... выехал с семейством из заводов неизвестно куда, отправив вперед свой багаж». «Хотя он и оставил управляющего Томсона, но подготовительных материалов, как-то: угля, дров и руды в заготовке нет, а налично имеется в самом ограниченном количестве», – писал Н.В. Левашов. Товарищ шефа жандармов боялся, что заводы могут остановиться и «крестьяне будут поставлены в самое критическое положение, так что можно опасаться новых беспорядков, прекращение которых по местным обстоятельствам крайне затруднительно»¹⁶.

Конечно, имея ограниченную информацию, трудно судить о поступках владельца. Вероятно, отказ выдать заработную плату перед праздником обусловливался желанием оградить рабочих от пьянства, с которым его соотечественники столкнулись и на южно-уральских заводах, а отъезд – опасениями за безопасность семьи. Барон отправил ее в Петербург, где сам, судя по всему, занялся решением выявившихся проблем. Позже он вернулся в Холуницу, видимо, уже один.

Первая из этих проблем заключалась в «необеспеченности заводов лесными дачами». Вопрос об отводе лесов возник еще в начале XIX в., когда Холуницкие заводы были «перечислены» из ведения Московского в ведение Пермского горного правления. В 1845 г. им был выделен надел площадью 205 тыс. дес., официально так и не переданный из Министерства государственных имуществ горному начальству, как это требовалось по закону. В такой ситуации, «желая развивать производство на Холуницких заводах... и встречая к тому препятствие в виду недостатка лесов», в ноябре 1871 г. барон В. Рекстер-Вагстаф обратился к министру финансов М.Х. Рейтерну с просьбой продать ему казенные Вятские (Кирсинские) заводы, располагавшиеся рядом с Холуницкими.

Распоряжением министра на заводы направили инспекторов для обзора лесов и производства, чтобы «согласовать производительность заводов с потребностью лесных материалов... как на заводское действие, так и для удовлетворения населения». Одновременно главному начальнику уральских заводов И.П. Иванову поручили «при поездке в Петербург заехать на Холуницкие и Вятские заводы с тем, чтобы... войти на месте в ближайшее рассмотрение вопроса о количестве леса, каковым необходимо наделить заводы по степени минерального богатства».

Осмотр, проведенный лесничим Г.Г. Панневицем, показал, что производительность заводов, доставшихся британскому барону, «была гораздо ниже нормальной производительности, основанной на степени минерального богатства округа и числа имеющихся в заводах устройств». «Низкая степень, на которой находились ранее и теперь стоят техника и хозяйственная часть в заводах, – констатировал инспектор, – указывает на полное отсутствие не только специальных познаний, но даже самых простых экономических соображений у бывших и настоящих распорядителей заводов». Он отметил, что при «удовлетворительном состоянии» чугуноплавильного производства выделка железа осуществляется здесь «исключительно на кричном способе и дальнейшей обработке при посредстве калильных печей и катальных устройств», которые «следовало бы давно заменить пудлингованием и сварочно-прокатным производством, оставив кричный метод только в размере действительной надобности». Лесничий рассчитал, что имевшиеся незначительные

объемы металлургического производства требуют «невеликого объема древесной массы» и гарантированы запасами руд «слишком на 360 лет»¹⁷.

Можно предполагать, что к такому же выводу пришел и главный начальник И.П. Иванов, которого больше беспокоил недостаток после пожаров лесов для Вятских казенных заводов: им тоже требовалось отводить леса из соседних дач ведомства государственных имуществ. Видимо, Холуницкие и Вятские заводы соперничали в праве на пользование близлежащими лесами.

В Петербурге главный начальник познакомился с новым владельцем Холуницких заводов, который, очевидно, поделился с ним своими планами, предполагавшими окончательный отвод лесов. И.П. Иванов обещал В. Рекстер-Вагстафу хлопотать в Горном департаменте и уведомить его о принятом решении. В мае 1872 г. барон напомнил об обещании. «Не получая по настоящему делу никаких сведений, – писал он «из Холуницка», – я имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство не оставить меня своим уведомлением, не получено ли по этому предмету какого-либо распоряжения из Санкт-Петербурга, дабы я мог приготовить к отводу лесов все необходимое в этом деле». «Милостивый государь Вильям Вильямович, – отвечал главный начальник, – уведомляю Вас, что все распоряжения по отводу лесов Холуницким заводам уже объявлены на основании совещания моего с Вятским управлением государственных имуществ и в настоящее время к отводу лесов уже приступлено через землемера». Как следует из документов, отвод начался, хотя и не был окончен ко времени появления у Холуницких заводов новых владельцев. В покупке же казенных заводов барону отказали без объяснения причин¹⁸.

О далеко простиравшихся замыслах британского предпринимателя свидетельствует и другое его прошение, полученное тогда же, в ноябре 1871 г., министром путей сообщения графом А.П. Бобринским. Оказывается, барон предполагал улучшить транспортное сообщение в своем округе и сократить путь заводской продукции к рынкам сбыта «новейшим способом» – с помощью постройки железных дорог. По-видимому, именно британцу В. Рекстер-Вагстафу принадлежит приоритетное право на инициативу сооружения первых железных дорог в Вятском крае.

«Имея во владении Холуницкие чугуноплавильные и железоделательные заводы в Вятской губернии в расстоянии от города Вятки в 70 верстах и в 40 верстах от города Слободского», барон «всепочтительно» просил министра о разрешении построить за свой счет две железнодорожные ветки. Одна, предназначенная «для перевозки пассажиров и товаров по системе, равной Новгородской железной дороге», должна была пройти между Вяткой и Слободским на расстоянии 31 версты. «Стоимость устройства и снаряжения железной дороги» он предполагал взять на себя с тем, чтобы «после окончания и освидетельствования правительством» образовать общество на паях в целях ее эксплуатации. «Тариф на сбор платы за провоз пассажиров и товаров» барон предлагал определить самому министру, а в качестве залога, «если таковой потребуется», соглашался «депонировать следующую сумму денег».

Вторую ветку В. Рекстер-Вагстаф планировал проложить «в своем имении только для удобства заводов и тоже за свой счет». «Главный завод, при котором производится окончательная выделка железа, находится в Белой Холунице, – разъяснял владелец содержание своего проекта. – Две доменные печи выплавляют чугуна в Климковке в расстоянии от главного моего завода в 30 верстах. Сообщение между этими заводами производится в летнее время по пруду, который простирается до 30 верст в длину. Кроме того, две доменные печи, снабжающие чугуном Бело-Холуницкий завод, находятся в Черной Холунице в расстоянии от Климковки в

26 верстах, или в 56 верстах от Белой Холуницы, и имеется единственная возможность перевозить материалы сухим путем; дорога же большей частью в летнее время бывает в худом состоянии. И, так как я вынужден перевозить весь выплавленный чугун в Климковке и Черной Холунице в Бело-Холуницкий завод, где оный окончательно переделывается в железо, то уверен, что будет значительно выгоднее и удобнее провести железную дорогу с Черной Холуницы к пристани пруда близ Климковского завода в расстоянии 30 верст»¹⁹.

На основании доклада министра А.П. Бобринского 18 ноября 1871 г. Александр II «соизволил разрешить барону Вагстафу произвести изыскания по двум линиям» с условием, что это разрешение не могло служить «ни удостоверением в признании изыскиваемых линий нужными, ни обнадеживанием на получение концессии на эти линии, и не давало ему права ходатайствовать о возмещении из казны затраченных им на сии изыскания сумм». Директор Горного департамента В.К. Рашет запросил мнение И.П. Иванова о столь необычной просьбе заводчика.

Ответ от главного начальника был получен лишь 1 марта 1872 г. В нем сообщалось, что «при настоящих средствах» Холуницких заводов весь возможный груз «состоит из 165 тыс. пуд. чугуна и 65 тыс. пуд. железа» и его «перевозка существующим способом обходится ныне всего до 3,5 тыс. руб.» «Других грузов в этой местности не предвидится и нет сомнения, что не будет предвидеться еще весьма долгое время», – заявлял И.П. Иванов. «Между городами Вятка и Слободским, – по его сведениям, – никакой горнозаводской промышленности не имеется. Хотя из Слободского отправляется некоторое количество хлеба в северные губернии, но хлеб этот подвозится в Слободской минуя Вятку, так что между этими двумя городами не существует перевозки грузов, заслуживающей хотя бы малейшего внимания. Пассажирское движение в этой отдаленной и ничем не оживленной местности с избытком удовлетворяется 10 или 15 лошадьми, содержащимися на почтовых и земских станциях». Устройство обеих железнодорожных линий, по мнению главного начальника, не оправдывалось «никакими потребностями и соображениями, и эти отдаленные линии в уединенной местности, далеко отстоящей от существующих и предположенных линий железных дорог... без сомнения, не могут и не будут иметь ни малейшего значения». Но, полагая, что «владелец Холуницких заводов, вероятно, предвидит от этого какую-либо пользу для себя и своих заводов», И.П. Иванов не хотел «стеснять его в этих предположениях» и допускал устройство дорог, но «с тем, чтобы при этом не было дано ни малейших пособий и обеспечений». Главный начальник уральских заводов рекомендовал также «не предоставлять барону возможности вовлечь в это предприятие других лиц», поскольку полагал, что «все затраты на это дело будут неизбежно и безвозвратно потеряны»²⁰.

Очевидно, что российский чиновник и британский предприниматель по-разному оценивали значение железных дорог. Одному они представлялись лишь транспортными коммуникациями нового типа, к использованию которых регион был не готов; другой видел в железных дорогах еще и средство развития территорий и в перспективе выгодное коммерческое предприятие. В отношении к этому вопросу предприниматель и чиновник словно обменялись ролями. Мнение главного начальника, поддержанное представителями высшей власти, хотя и не исключило вовсе строительство железных дорог, но, вероятнее всего, заставило владельца отказаться от своего намерения, поскольку ограничивало его в создании предполагаемого общества. Вместе с тем это мнение, наряду с общим состоянием Холуницких заводов, очевидно, заставило барона задуматься об образовании полноценной акционерной компании.

Устав Общества Холуницких горных заводов был утвержден Александром II 27 июня 1873 г. Оно создавалось для «содержания и распространения действий» этих заводов, а учредителем выступал сам «барон Вильям Вильямов Вагстаф». На Общество переводился казенный долг, в то время составлявший «за вычетом уплаченных уже в счет сей суммы денег» 301 762 руб. Основной капитал в размере 1 млн руб. предполагалось разделить на 4 тыс. акций, которые могли оцениваться не только в российских рублях, но и в иностранной валюте. Учредитель удерживал за собой всего 800 акций «для распределения между ним и другими лицами, заявившими ему желание участвовать в настоящем предприятии». На остальные 3200 акций в течение полугода была открыта подписка. Общество получило также право выпуска облигаций. Управление осуществлялось выборным правлением в составе трех директоров «для ведения всего предприятия»; Советом из шести лиц (во главе с председателем), «две трети которых должны были иметь постоянное пребывание в России» и обеспечивать «надзор за общим ходом дел общества»; Общим собранием акционеров. Несколько необычно для подобных акционерных компаний выглядело распределение прибыли, 10% которой поступало в распоряжение Совета и только 8% распределялось между акционерами²¹.

Содержание статей устава Общества свидетельствует о его открытом характере: оно было призвано аккумулировать капиталы для развития округа. Видимо, предполагая организовать акционерную компанию, барон заручился поддержкой не только российских, но и иностранных партнеров; вместе с тем их совокупный капитал не превышал всего 200 тыс. руб. (800 акций). Либо открытая подписка оказалась безрезультатной, либо барон вообще отказался от организации общества, получив предложение привлекательнее, но Общество Холуницких заводов так и не было создано. Всего через три месяца после утверждения устава округ продали компании А.Ф. Поклевского-Козелл и Н.И. Севастьянова. В той же Витебской судебной палате 27 сентября 1873 г. была совершена купчая с переводом на новых владельцев оставшихся казенных долгов.

В общественном мнении столь поспешная перепродажа заводов связывалась с незнанием британским бароном В. Рекстер-Вагстафом «условий русской жизни» или «полным незнанием местных условий, а главное – отсутствием оборотного капитала»²². При достаточно ограниченной информации сложно сомневаться в истинности этих оценок современников. Однако к особым «условиям русской жизни», которые, вероятно, плохо представлял «великобританский подданный», стоит отнести и экономическую неразвитость региона, и то удручающее положение Холуницких заводов, в котором они поступили иностранному предпринимателю в собственность. Видимо, он действительно не рассчитал своих финансовых возможностей, когда намеревался вывести огромный уральский горнозаводский округ из затянувшегося вследствие действий прежнего российского владельца кризиса. В этих целях и предпринималась неудавшаяся затея с акционированием. Продажа заводов оказалась наиболее предпочтительным выходом из создавшегося положения, которую этот владелец не стал затягивать, подобно другим его соотечественникам из Компании российской меди.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1189. Л. 1–7 об., 13–14, 21–23.

² Там же. Оп. 67. Д. 327. Л. 19, 20.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1607. Л. 1, 13, 15–16.

⁴ *Гиллин Л.* Шумный Александр // Режим доступа: <http://www.brogden.info/Brogden-Alex-Brogden.htm>.

- ⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1217. Л. 42, 80–81, 82–84; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1607. Л. 38, 48 об., 89, 102–104, 110, 114.
- ⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 40. Л. 1–6, 19–19 об.
- ⁷ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 153–154, 392–393; Рябуха А.С. История Каргалинского горно-металлургического центра: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 22 с.
- ⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1693. Д. 3–10, 21–23 об., 32.
- ⁹ Там же. Оп. 66. Д. 40. Л. 9–15 об.
- ¹⁰ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 261–262.
- ¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 74. Л. 1–2, 7, 10, 13–14; Оп. 67. Д. 309; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 141. Л. 4, 5, 8.
- ¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 622. Л. 1–8.
- ¹³ Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 209–223.
- ¹⁴ Там же. Оп. 67. Д. 181. Л. 19.
- ¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 375. Л. 6, 33, 36; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 191. Л. 453, 455, 518.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 754. Л. 68–69.
- ¹⁷ Там же. Л. 1–2, 20–32.
- ¹⁸ Там же. Л. 77–82.
- ¹⁹ Там же. Д. 769. Л. 4–5.
- ²⁰ Там же. Л. 1, 3, 10–11.
- ²¹ ПСЗ-П. Т. 48. № 52415.
- ²² РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 98. Л. 209–223; Холуницкие горные заводы наследников А.Ф. Поклевского-Козелл. Вятка, 1890. С. 8.

13. ПОКЛЕВСКИЕ-КОЗЕЛЛ. Н.И. СЕВАСТЬЯНОВ

«Водочный король» Урала Альфонс Фомич Поклевский-Козелл вошел в состав уральских горнозаводчиков, когда в 1873 г. в компании с надворным советником Николаем Ивановичем Севастьяновым купил у барона В. Рекстер-Вагстафа Холуницкий горнозаводский округ

Как свидетельствуют биографы этого одного из крупнейших уральских промышленников, Альфонс Фомич принадлежал к старинному русско-польскому дворянскому роду, учился в высшем Полоцко-Пиарском училище и Виленском университете, служил в Петербурге, Астрахани, а с 1834 г. занимал разные должности в губернском правлении Западной Сибири. После отставки в 1853 г. он занялся предпринимательством, которое развернулось в винокуренной отрасли, торговле, обском и балхашском пароходствах¹.

Как можно судить по датировкам сделанных витебским дворянином А.Ф. Поклевским-Козелл покупок недвижимости, первое свое крупное приобретение на

Урале он совершил в 1859 г., когда купил у казны ранее арендованные им Талицкий и Ертарский винокуренные заводы в Камышловском уезде Пермской губернии². Талица вскоре станет «столицей» его формирующейся «промышленной империи». В 1861 г. у Н.И. Севастьянова он купил часть Тюшевского имения в Красноуфимском уезде Пермской губернии с одноименным винокуренным и Сарсинским стекольным заводом (в 1874 г. выкупил имение полностью). В 1863–1880 гг. Альфонс Фомич скупил усадебные места на Покровском проспекте в Екатеринбурге; там был возведен известный в городе «дом Поклевского». В 1864 г. он приобрел Исетский винокуренный завод в Шадринске, в 1865 г. – Демаринское имение с винокуренным заводом в Троицком уезде Оренбургской губернии. Развитие промышленного предпринимательства сопровождалось покупкой домов в Перми, Камышлове, Красноуфимске, Кургане, Кустанае, Омске, Павлодаре, Тобольске, Туринске, Тюмени, Ишиме, в Режевском, Невьянском, Каменском, Нижнетагильском, Кушвинском, Нижнесалдинском заводах, «селитебных мест» в Ирбите, Тюкалинске и Ялуторовске, где создавались винные склады и организовывалась торговля³.

Быстрое обогащение привело Альфонса Фомича к желанию вложить капиталы в основное для Урала горнозаводское производство посредством покупки двух округов. Купчую на первый из них, Холуницкий (Бело-Холуницкий и вспомогательный к нему Богородский, Черно-Холуницкий и Климковский со вспомогательным Боровским заводы), совершили в Витебской судебной палате 27 сентября 1873 г. на условиях, предоставленных еще прежнему владельцу – с рассрочкой платежа накопившихся казенных долгов на 37 лет. Через год по купчей, заключенной 9 ноября 1874 г. (утверждена Вятским окружным судом 18 декабря 1874 г.), А.Ф. Поклевский-Козелл выкупил у Н.И. Севастьянова принадлежавшую тому «половинную часть» горнозаводского имения и стал его единоличным владельцем.

Его компаньон Николай Иванович Севастьянов, как упоминалось, был известным на Урале горным деятелем и предпринимателем. Окончив Екатеринбургское горное училище, с 1835 г. он служил в Уральском горном правлении (канцеляристом, столоначальником, чиновником особых поручений, караванным смотрителем). В 1858 г. Н.И. Севастьянов вышел в отставку и сосредоточился на предпринимательстве, которым занимался еще на казенной службе. К этому времени Николай Иванович уже владел лесными и земельными участками в Екатеринбургском уезде, Тюшевским винокуренным заводом, был учредителем пароходной компании «Ильин и Севастьянов». В 1860-е гг. он занялся золотопромышленностью, основал в Екатеринбурге Надеждинскую бумагопрядильную мануфактуру и водочный завод.

Будучи, по мнению современников, человеком «коммерческим» и «дальновидным», Н.И. Севастьянов пытался закрепить свои позиции и в горнозаводском деле. Известно, что он выступал крупным кредитором Сысертских и Ревдинских заводов в то время, когда они находились на грани банкротства, подозревался в намерении приобрести эти крупные горнозаводские округа за бесценок, в 1868–1871 гг. брал в краткосрочную аренду Юрюзанские заводы и, наконец, в 1873 г. в возрасте 54 лет стал совладельцем Холуницких заводов.

Через год продажа доли владения заводами сопровождалась продажей Тюшевского винокуренного завода и знаменитого «дома Севастьянова» в центре Екатеринбурга, передачей в аренду мануфактуры и водочного завода. По некоторым сведениям, это было вызвано финансовыми трудностями владельца и

его переездом на жительство в Петербург. Там в 1876 г. Н.И. Севастьянов обвинялся в подделке векселей, в результате чего был вынужден распродать оставшиеся в его владении уральские предприятия. В Петербурге 23 февраля 1883 г. он и умер⁴.

Получив Холуницкий округ в единоличное владение, А.Ф. Поклевский-Козелл приступил к его «возрождению». Как следует из доклада инженера Н.П. Попова, командированного Горным департаментом для обозрения Холуницких заводов в 1908 г., со времени покупки началось «прогрессирование заводов». Оно заключалось в их «реставрации, которая неуклонно преследовалась до смерти Альфонса Поклевского»⁵. «С обычной ему энергией, при деятельном участии старшего сына Викентия Альфонсовича новый владелец принялся за полную реставрацию заводов и деятельным, упорным трудом и крупными затратами поставил их в такое положение, что заводы теперь выделывают до 600 тыс. пуд. различных сортов железа», – свидетельствовал автор рекламного проспекта о Холуницких заводах⁶. Работавший в 1880–1890-е гг. в округе знаменитый металлург М.А. Павлов называл и другую – «неофициальную» – причину успехов заводовладельцев. «Старик и его старший сын Викентий, – писал он, – были и скуповаты, и жадноваты»; зачастую они даже не снабжали вовремя заводы капиталами⁷.

Заслугой владельца считалось и решение острой для Холуницких заводов проблемы отвода лесных дач. Получив леса на праве посессии, как сообщал Н.П. Попов, А.Ф. Поклевский-Козелл «до 1880 г. привел дачи в правильные лесосеки, и эксплуатация лесов велась планомерно». «Кучной способ углежжения заменен был на печной, для чего было построено до 250 печей видоизмененной системы Соколовского, из которых выжигается до $3\frac{3}{4}$ коробов угля из 1 куб. саж. дров». Заводы оказались обеспеченными топливом «более чем на 100 лет».

«Стремясь к увеличению производительности своих заводов», по купчей, утвержденной Вятским окружным судом 30 июня 1887 г., Альфонс Фомич приобрел еще и Залазнинское горнозаводское имение, по-видимому, у своего зятя полковника А.Е. Ризенкампа, которому эта часть бывших владений разорившихся Мосоловых досталась всего за год до того от казенного управления вместе с не действовавшими уже 12 лет тремя металлургическими заводами (Верхнезалазнинский, Нижнезалазнинский, Залазнинско-Белорецкий), лесной дачей (34 763 дес.) и 250 железными рудниками. Большая часть рудников располагалась вне заводской дачи, пользование ими владелец мог сохранить за собой лишь при возобновлении работы заводов в течение 10 лет. Кроме того, к покупателю переходило обязательство выплаты рассроченных на 37 лет казенных долгов, накопившихся при бывших владельцах. «Нашему владельцу, Поклевскому, – вспоминал М.А. Павлов, – удалось купить Залазнинский завод, да обделать дела так, что и денег платить не надо. Он будет расплачиваться потом, из будущих доходов»⁸.

«Состояние вновь приобретенных Залазнинских заводов было еще более плачевным, чем Холуницких, – записано в рекламной брошюре, – всё, начиная с проrezов, водопроводов, домен, доменных мехов и кончая водоотводными канавами, было вследствие времени и отсутствия ремонта доведено до полного разрушения. Не только жилых построек, принадлежащих заводам, даже сараев для хранения чугуна, угля и руды не было никаких; заводские жители были в разброде по разным другим заводам и при постройке железных дорог, так что в заводе оставались только женщины и дети. Благодаря щедрым затратам владельца, несмотря на то что местное население было в разброде и возобновление заводов приходилось начинать с самого основания, что называется – с камня, работа закипела, и мы видим пу-

ценные в действие доменные печи: в Верхнезалазинском заводе с 13 октября 1887 г., в Белорецком – с 28 июля 1891 г. и в Нижнезалазинском – мукомольную мельницу с 15 марта 1892 г.»⁹. Оба горнозаводских комплекса были объединены под одним управлением.

Многие должности в заводской администрации получили поляки, которым покровительствовал заводовладелец. В Холунице образовалось своего рода «польское общество» с особыми нравами и обычаем «проводить вместе вечера, играть в карты, устраивать спектакли». По воспоминаниям М.А. Павлова, здесь было необходимо «соблюдать все светские правила, танцевать, ухаживать за дамами и т. д.» Вместе с тем мемуарист отмечал, что «подхалимство и подобострастие были отвратительными чертами» этого общества. «Благодаря образованию, уму, умению держаться это подхалимство принимало иной раз очень тонкие формы, и свежий человек, быть может, даже не сразу его замечал, но тем не менее оно пропитывало все отношения среди польских служащих сверху донизу»¹⁰.

В 1880-е гг., будучи уже в преклонном возрасте, Альфонс Фомич передал ведение дел сыну Викентию, который, по словам того же М.А. Павлова, «постоянно жил в Талице... и один-два раза в год посещал Холуницкие заводы». Во главе округа тогда был А.А. фон Зигель, считавшийся, наряду с П.М. Карпинским, «лучшим управляющим того времени». Хотя здесь практиковались устаревшие кричный и пудлинговый способы производства железа, но они были доведены до совершенства. М.А. Павлов свидетельствовал, что холуницкое железо продавалось на ярмарке по той же цене, что и железо передовых Омутнинских заводов, а «за 20 лет управления Зигелем... не утонула ни одна барка с железом». Всего в хозяйственном комплексе вырабатывалось в 1890 г. до 835 тыс. пуд. чугуна.

Действительный статский советник Альфонс Фомич Поклевский-Козелл умер 28 августа 1890 г. В историю Урала и Сибири он вошел и как крупный благотворитель, устроитель десятков школ, училищ, больниц, бесплатных столовых, театров, клубов для рабочих. Будучи католиком, он организовал строительство костелов в Томске, Тобольске, Омске, Перми и Екатеринбурге. Считается, что Альфонс Фомич стал прообразом героев романов Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (И.Л. Ляховский) и «Хлеб» (Б.Б. Май-Стабровский)¹¹. Согласно духовному завещанию, утвержденному к исполнению Екатеринбургским окружным судом 11 декабря 1890 г., его многочисленные имения в 10 губерниях России достались сыновьям – потомственным дворянам Викентию, Ивану и Станиславу – «в равной части». Их мать Анелия Иосифовна, по некоторым данным владела винокуренным заводом в дер. Фабричная Тобольской губернии и, по-видимому, не претендовала на наследство мужа¹².

Как упоминалось, Викентий Альфонсович, старший сын А.Ф. Поклевского-Козелл, посвятил свою жизнь предпринимательской деятельности. От имени своих братьев после кончины отца он руководил обширным и многоотраслевым хозяйством. Иван Альфонсович служил в Главном управлении государственного коннозаводства; как и старший брат, состоял попечителем нескольких учебных заведений, а в 1897–1905 гг. избирался почетным мировым судьей Осинского уезда Пермской губернии. «Иван, – писал М.А. Павлов, – считался неудачником. Это был заядлый игрок в карты. Все деньги, получаемые от отца, Иван очень скоро проигрывал. Его всегда окружали шулера, которые следовали за ним буквально по пятам с места на место; он знал это и тем не менее играл с ними»¹³.

Станислав Альфонсович, по словам того же мемуариста, «подвизался на дипломатическом поприще и вращался среди аристократов, поддерживая честь фами-

лии». Он окончил Александровский лицей, служил в Министерстве иностранных дел, участвовал в миссии в Японии, был первым секретарем и советником посольства России в Лондоне. С.Ю. Витте вспоминал о нем как об «умном и дельном» чиновнике, «интимном человеке у короля Эдуарда» и друге министра иностранных дел А.П. Извольского. В начале XX в. С.А. Поклевский-Козелл немало содействовал установлению торговых и союзнических отношений между Россией и Великобританией¹⁴. С 1908 г. он был посланником в Персии, с 1916 г. – в Румынии; имел звание камергера и чин действительного статского советника.

Братья Поклевские-Козелл 5 ноября 1890 г. учредили торговый дом и уполномочили «полным его распорядителем» Викентия Альфонсовича, «хорошо знакомого с горнозаводским делом и местными условиями»¹⁵. Их общее владение заводами продлилось восемь лет, после чего братья решились на раздел наследственного имущества.

Приглашенный в Талицу екатеринбургский нотариус А.А. Ардашев 27 декабря 1898 г. составил раздельный акт в присутствии Ивана Альфонсовича и Викентия Альфонсовича, который имел доверенность и от брата Станислава, находившегося за границей. В раздел вошли Холуницкий посессионный округ с пятью заводами и 205 тыс. дес. отведенной им земли в Слободском уезде Вятской губернии (оцененные «по совести» – 420 тыс. руб.), Залазнинский вотчинный округ с тремя заводами и 34 763 дес. земли в Глазовском уезде той же губернии (112 тыс. руб.), Талицкое (363,3 тыс. руб.), Ертарское (22 тыс. руб.), Исетское (165,5 тыс. руб.), Демаринское (30,1 тыс. руб.), Тюшевское (136 869 руб.) имения с винокуренными и стекольными заводами в Пермской и Оренбургской губерниях, а также многочисленные дома на Урале и в Сибири (общей стоимостью 362,5 тыс. руб.). Все имущество оценили в 1 595 238 руб.; $\frac{1}{3}$ оценки составляла заявленная стоимость двух горнозаводских округов. За ними числились долги по горному ведомству и по ведомству Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (по рассрочке долга подушной подати в 1870 г. и долга при покупке Залазнинских заводов в 1886 г.) на общую сумму 192 144 руб.

Как таковой раздел общего имущества не представлял собой нечто необычное; удивительны были его условия. Заводская часть общего имения – Холуницкий и Залазнинский округа – поступали в «полную и исключительную собственность» не, как можно было бы предположить, занимавшемуся хозяйственными делами брату Викентию, а «неудачнику и картежнику» Ивану. Остальные имения «в полном их составе» переходили «в общую собственность и в равных частях» Викентию и Станиславу. К Ивану переходило и обязательство выплаты всех казенных долгов по заводам, за что братья приплачивали ему при подписании акта 16 746 руб., «а равно за $\frac{2}{3}$ передаваемого долга 128 096 руб.» «Братский раздел» был засвидетельствован 12 октября 1899 г.¹⁶

Оказывается, такие условия раздела предопределялись накопившимися у Ивана долгами братьям за время совместного владения, которые они и пытались обеспечить, «переведя» их на предоставленное ему заводское имущество. Если верить М.А. Павлову, скандал, вероятнее всего вызванный крупным карточным проигрышем Ивана Альфонсовича, привел к тому, что братья заплатили его долг, но потребовали обеспечения, каковым и оказались два горнозаводских округа на Урале. В тот же день, когда был подписан раздельный акт, доставшееся Ивану заводское имение было заложено братьям за 1,2 млн руб. сроком на 25 лет и платежом по 100 тыс. руб. начиная с 1 января 1902 г., а в дальнейшем – через каждые два года с начислением 5%¹⁷.

«Вскоре после этого, – вспоминал М.А. Павлов, – к нам пожаловал Иван Поклевский – новый владелец – очень приятный в обращении, умный, деликатный, ничем не напоминавший пошловатого брата. У нас ему не с кем было играть в карты, и он скоро уехал. Все были довольны новым хозяином. К удивлению Андрея Андреевича (управляющего А.А. фон Зигеля. – *Е.Н.*), даже деньги появились. Я говорю “к удивлению”, потому что при старике Поклевском заводы часто страдали из-за отсутствия денег – их не присылали... С переходом завода в руки Ивана Поклевского все пошло как будто лучше. Никакой скарденности пан Ян не проявлял... Но такая благодать продолжалась недолго, приблизительно полтора года. В конце концов Иван Поклевский проиграл нас в карты. Ян разорился, и Зигелю пришлось расплачиваться с рабочими и служащими из своих личных средств, пока не разрешился вопрос о судьбе заводов»¹⁸.

Трудно судить о достоверности этих сведений, но известно, что 7 мая 1900 г., через полтора года после раздела, братья ссудили Ивану еще 400 тыс. руб. под вторую закладную на прежних условиях. К 100 тыс. руб., которые он должен был ежегодно выплачивать братьям до 1 января 1902 г., прибавились еще 33 333 руб. Поскольку 22 февраля 1901 г. Иван Альфонсович подписал третью закладную на округ у актарского купца второй гильдии Н.М. Аносова (200 тыс. руб. на два года) под высокие 12%, можно понять, что он действительно очень нуждался в средствах¹⁹.

Тогда же заводчик обращался за ссудой в Нижегородско-Самарский земельный банк, который оценил Холуницкий округ в 3,6 млн руб. и соглашался выдать под его залог 1,3 млн руб. Заключению сделки воспрепятствовали лежавшие на округе посессионные ограничения²⁰. Начавшийся промышленный кризис не позволил рассчитаться с долгами посредством заводских доходов, снизившихся из-за сокращения производства. Совершать выплаты по первому и второму залогам в установленные сроки оказалось нечем. Викентий и Станислав 18 сентября 1902 г. обратились в суд для взыскания долга с брата «ввиду непоступления срочных платежей и процентов по закладным». По-видимому, они рассчитывали на передачу им залогового имущества, каковым и являлся Холуницкий округ, или возврат долга в результате публичных торгов. Хорошо представляя характер младшего брата, они вполне могли прогнозировать подобное развитие событий еще при составлении раздела в 1898 г. Уже 7 октября И.А. Поклевского-Козелл объявили несостоятельным должником, по его делам образовалось конкурсное управление в целях реализации должного имущества. Конкурсный управляющий остановил заводы, начал их опись и оценку, предполагая весной 1903 г. выставить на публичные торги.

Но дело получило неожиданный поворот. Остановка заводов вызвала жалобы рабочих, оставшихся без средств к существованию. О присылке денег из казны просил министра финансов и управляющий заводами. Николай II 20 ноября 1902 г. на всеподданнейшем докладе С.Ю. Витте начертил: «Я боюсь, что целое селение, живущее работою на этих заводах, останется без куска хлеба. Это необходимо предотвратить». Немедленно было образовано межведомственное совещание об оказании правительственной поддержки Холуницким заводам под председательством товарища министра финансов В.И. Ковалевского. «Всесторонне обсудив объявление Пермским окружным судом владельца Холуницких заводов И.А. Поклевского-Козелл несостоятельным должником и возможные правительственные меры для финансового спасения заводов и сохранения его 14-тысячного рабочего населения», совещание рекомендовало предоставить заводам ссуду «в видах могущих возникнуть там беспорядков». В 1903 г., когда положение на за-

водах не изменилось к лучшему, новое межведомственное совещание под председательством товарища министра финансов В.И. Тимирязева вновь обсудило меры его исправления и снова рекомендовало предоставить заводам особые финансовые льготы. Уже 1 февраля того же года император санкционировал отпуск из казны 600 тыс. руб. на возобновление работы и продление действия Холуницких заводов до их публичной продажи²¹.

Это решение существенно изменило цель конкурса: из организации по «ликвидации имущества несостоятельного должника» он фактически превращался в действовавший на казенные деньги орган по управлению заводами. Не смутившись этим, 2 марта 1903 г. конкурс выдал подписку Министерству финансов в том, что обязуется расходовать ассигнования из Государственного казначейства «на восстановление и продолжение действия заводов впредь до перехода их в частные руки в видах обеспечения этим путем продовольствия местному населению», а полученные от продажи металлов суммы – «обращать на погашение казенных заимствований с исчислением на них 5% годовых преимущественно перед другими долгами». Управлению было рекомендовано «вести производство в сокращенном размере против средних норм в последние годы и с тем, чтобы сокращение это упало преимущественно на сортовое железо, выделка коего представляется наименее выгодной»²².

Управляющим заводами был назначен горный инженер И.Ф. Симсон, которому конкурс поручил возобновить работу заводов. Но, по его информации, «едва заводоуправление, пользуясь полученной ссудой, приступило к восстановлению работ, как главный залогодержатель предъявил к заводам на основании закладной претензию и остановил перевозку необходимых для работ продуктов». Объясняя свои действия, В.А. Поклевский-Козелл сообщал, что в то время «заводы не могли быть возобновлены, так как... были описаны и назначены в продажу по исполнительным листам, полученным из судебных учреждений в удовлетворение взысканий наших по имеющимся у нас закладным крепостям в сумме 1,6 млн руб. на Холуницких и Залазнинских заводах Холуницкого округа». Чтобы лишить Поклевских такого права, Министерство финансов по согласованию с Министерством юстиции «испросило Высочайшего повеления, последовавшего 21 февраля, о временной приостановке осуществления прав залогодержателей... впредь до отчуждения Холуницкого округа в посторонние руки, с тем, однако, чтобы эти меры ни в чем не умаляли имущественные интересы залогодержателей, вытекающие из залогового права, и чтобы были приняты соответствующие меры к скорейшей продаже округа»²³.

Заинтересованное в этом конкурсное управление уже 28 ноября 1903 г. организовало торги с общей суммы долгов (почти 3,5 млн руб.), «включая долги ипотечные, казенные и входящие в общую конкурсную сумму». Но ни один из покупателей не явился. Отмена торгов поставила и казну, и конкурсное управление в сложное положение. Предполагая, что следующие торги, назначенные с той же стартовой цены, вновь окажутся безрезультатными, конкурсное управление «предоставило министру финансов ряд соображений в пользу продления действия заводов за счет казны впредь до приискания надежного на них покупателя помимо торгов, прося его указаний, как поступить в дальнейшем с продажей заводов». Министр Э.Д. Плесске не настаивал на организации торгов, но «возбудил сначала вопрос о продаже заводов помимо торгов при условии снятия с Холуницких заводов посессионных ограничений, а затем – вопрос о приобретении заводов в казну путем покупки у залогодержателей их претензий по закладным»²⁴.

В начале 1904 г. при Министерстве земледелия и государственных имуществ создали комиссию под председательством члена Горного совета А.А. Штофа для обсуждения вопроса об условиях освобождения Холуницких заводов от посессионных ограничений. Как объяснял директор Горного департамента Н.А. Иосса, вопрос «был поставлен вне очереди, будучи выделен из общего вопроса о выкупе посесий», который обсуждался тогда высшими инстанциями. Правительству, сообщал он, «по необходимости пришлось считаться с тем особым положением, в котором очутились Холуницкие заводы благодаря задолженности их владельца, передачи заведывания заводами особому конкурсу и предначертанной Высочайшим повелением скорейшей продажи оных в другие руки», для чего и «признано было необходимым освободить эти заводы теперь же от посессии». Но выполненный по разработанной комиссией формуле расчет только увеличил сумму продажи, что делало ее еще менее вероятной. Между тем, как сообщалось в записке Горного департамента, при создавшемся «крайне ненормальном положении Правительству приходится для поддержания рабочего населения... субсидировать предприятие, сделавшееся в последнее время в виду резкого и все прогрессирующего падения цен на железо чрезвычайно убыточным». «Вследствие сего задолженность Холуницких заводов казне постоянно возрастает, а вместе с тем уменьшается вероятность получить обратно выданные казенные ссуды»²⁵.

В июне 1905 г. вопрос «о наименее убыточном для казны способе ликвидации Холуницкого горнозаводского предприятия» был внесен для обсуждения в образованное под председательством министра финансов В.Н. Коковцова совещание, которое пришло к заключению, что «самым благоразумным выходом из нынешнего затруднительного для заводов положения являлось бы приобретение в казну Холуницкого и Залазнинского округов путем покупки за возможно невысокую цену претензий всех кредиторов несостоятельного должника И.А. Поклевского-Козелля». После предварительных переговоров с залогодержателями и конкурсом определилась возможная цена их претензий: 1,3 млн руб. за закладные Поклевских, 85 тыс. руб. за закладную Н.М. Аносова и 165 тыс. руб. «за претензии, входящие в общую конкурсную массу» (всего 1550 тыс. руб.).

Это предложение было внесено на обсуждение в Комитет министров, который 20 декабря 1905 г. «признал его подлежащим рассмотрению Государственного совета». Однако и Государственный совет уклонился от решения столь сложного вопроса, «связанного с крупным расходом казны», и 17 апреля 1906 г. передал его на рассмотрение Государственной думы. Роспуск Думы первого созыва приостановил ход дела. В начале 1907 г. общее собрание кредиторов, «не желая длить более конкурсное производство, продолжающееся уже четыре года, причем никто из кредиторов до того времени не получил удовлетворения», единогласно постановило, что «если по вопросу о ликвидации Холуницких и Залазнинских заводов соглашения с казной в той или иной форме не состоится до 1 февраля 1907 г., то поручить конкурсному управлению принять зависящие меры к немедленной ликвидации всего предприятия с приостановлением деятельности заводов».

«В виду такого оборота дела» Министерство торговли и промышленности признало необходимым «безотлагательно решить вопрос о ликвидации отношений казны к Холуницким заводам» и в январе 1907 г. внесло его на рассмотрение Совета министров. Министр Д.А. Filosofov предложил два способа такой ликвидации: либо отмена приостановленных прав залогодержателей и предоставление им и конкурсному управлению права «распорядиться заводами по своему усмотрению», либо немедленное приобретение заводов в казну за сумму не свыше 1550 тыс. руб. по-

средством или единовременного ассигнования всей этой суммы из Государственного казначейства, или заключения договора с залогодержателями и конкурсом о внесении задатка в размере 300 тыс. руб. «с тем, чтобы договор этот терял силу... в случае, если предложение о приобретении... не будет утверждено законодательной властью». Совет министров 30 января 1907 г. признал необходимым вновь поручить министру торговли и промышленности «войти в переговоры с залогодержателями и конкурсным управлением о покупке не свыше 1550 тыс. руб. всех их претензий... и затем войти с представлением в Государственную думу и Государственный совет об отмене приостановки прав залогодержателей»²⁶.

Одновременно с отменой 2 марта 1907 г. этой «приостановки» состоялись новые переговоры с залогодержателями, где они подтвердили свои прежние условия. Д.А. Философов 12 апреля внес представление о покупке Холуницких заводов в Думу второго созыва. Но история повторилась: Думу распустили еще до рассмотрения дела. Конкурсное управление вновь было вынуждено подать заявление, подкрепленное прошением присяжного поверенного М.П. Домерщикова. «В течение четырех лет, – писал он, – заводы находятся в совершенно неопределенном положении. Производимые на них на средства казны работы обеспечивают местное заводское население лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы оно могло удовлетворить самые настоятельные свои потребности – не умереть с голоду... Отсюда становится понятным то существующее среди них и выразившееся в целом ряде беспорядков возбуждение, которое, к счастью, до сих пор носило довольно миролюбивый характер. По удостоверению управляющего заводами И.Ф. Симсона, настроение местного населения продолжает оставаться повышенным, и успокоение может принести только определенное решение вопроса о дальнейшей судьбе заводов»²⁷. Конкурсное управление ходатайствовало «о скорейшем разрешении сего вопроса в порядке статьи 87 Основных законов», т. е. без участия регулярно закрывавшихся законодательных учреждений. К этой просьбе присоединились и освобожденные от ограничений залогодержатели Поклевские-Козелл.

«В виду такого явно назревшего намерения заинтересованных лиц прекратить дальнейшее выжидательное положение, связанное с известными для них потерями, и разрешить вопрос о ликвидации отношений казны к Холуницким заводам не так, как это было бы наиболее удобно и выгодно для казны и местного населения, а единственно возможным для них путем обращения принадлежащих им претензий ко взысканию на заводское имущество, т. е. путем закрытия заводов», Министерство торговли и промышленности 20 июля 1907 г. вновь «представило о затруднительном положении настоящего дела на благоусмотрение Совета министров». Дело слушалось 23 ноября 1907 г. Министры отклонили предложение о проведении решения о покупке заводов «в порядке верховного управления» и вновь поручили Д.А. Философову договориться с залогодержателями и конкурсом, поскольку не без оснований полагали, что «достигнутые ранее соглашения, обусловленные определенными сроками, ныне потеряли уже свою силу; новые же кредиторские требования... могут быть заявлены в таких преувеличенных размерах, при коих для казны едва ли не окажется предпочтительнее вовсе отказаться от предложения о покупке Холуницких заводов»²⁸.

В январе 1908 г. министерство получило заявление В.А. Поклевского-Козелл. «Согласие на передачу прав на две закладные... – писал он, – я заявлял еще в 1905 г., предпочитая по личным мотивам получение определившихся по обоюдному соглашению сумм из Государственного казначейства неприятной необходимос-

ти предъявлять иск казне о возможных убытках, причиненных нашим имущественным интересам... Идя и ныне навстречу желанию Правительства, я согласен не изменять размера этой суммы (1,3 млн руб.) при условии получения всей суммы при совершении сделки одновременно без всяких рассрочек. На этом последнем условии я считаю вправе настаивать тем более, что со времени соглашения в 1905 г. нами понесены крупные потери в процентах на основной капитал. Срок настоящего согласия я считаю для себя обязательным до 1 июня 1908 г.» Вскоре, однако, было получено «дополнительное заявление» от Викентия Альфонсовича, в котором он соглашался на единовременное получение при сделке 500 тыс. руб. с отсрочкой остальной суммы до января 1908 г. «с начислением 5%». Свою уступку он мотивировал тем, что она «представляется желательной в интересах Государственного казначейства»²⁹.

Переговоры с конкурсом, согласившимся на свои прежние условия, прошли успешно, в отличие от переговоров с Аносовыми, которые объявили, что «уступка казне претензий может состояться лишь при условии уплаты полностью всей основной суммы (200 тыс. руб.) и процентов (61 тыс. руб.)». В результате пересчета «стоимость приобретения претензий» увеличилась на 176 тыс. руб. Тогда Министерство торговли и промышленности предложило всем кредиторам снизить сумму своих претензий в соответствии с размером их долей в общей стоимости заводов: Поклевским – на 112 тыс., конкурсу – на 13 тыс., Аносовым – на 51 тыс. руб.; также оно настаивало на продлении срока действия соглашения до 1 января 1909 г. «Однако на это предложение, – сообщалось в записке Горного департамента, – не последовало согласия, и лишь конкурсное управление продлило срок соглашения до 1 июня сего года».

«С последнего договора протекло уже более двух лет, – писал В.А. Поклевский-Козелл в свое оправдание, – и таким образом мы сделали казне новую значительную уступку на всю сумму неполученных нами процентов (200 тыс. руб.). В этом отношении... не могут иметь значение ни происшедшая в движении дела о покупке заводов крайняя медленность, ни бесплодность переговоров казны с другими лицами, заинтересованными в этой покупке в виду того, что ни то, ни другое не может быть поставлено нам в вину. На этом основании, к крайнему нашему сожалению, мы лишены возможности согласиться на уменьшение суммы». Тогда же были получены телеграммы и от «других лиц». Уполномоченные конкурса заявили, что кредиторы И.А. Поклевского и без того «довели уже свои требования до минимума». Для них новое предложение министерства «явилось настолько неожиданным и не вызываемым обстоятельствами», что управление даже не сочло возможным созывать общее собрание кредиторов, «зная заранее, что предложение это будет отвергнуто». Вполне предсказуемой оказалась и реакция Аносовых. Их поверенный сообщил, что «вследствие безрезультатности переговоров с казною и неизвестности срока окончания сделки... они отказываются уменьшить цену»³⁰.

В начале 1908 г. одновременно несколько министерских совещаний обсуждали дальнейшую судьбу Холуницких заводов. Видимо, это было вызвано поступившим в Горный департамент 12 февраля прошением Н.П. Пастухова, предложившего купить Залазнинский округ, который располагался рядом с принадлежавшими ему Омутнинскими и Кирсинскими заводами. За «очищенные» от всех долгов заводы с лесной дачей в 35 тыс. дес. он предлагал 250 тыс. руб. с рассрочкой уплаты на 20 лет³¹.

Члены совещания под председательством товарища министра Д.П. Коновалова усомнились в возможности успешной продажи Холуницкого округа «в виду на-

стоящего положения металлургии и бедности руд округа». При этом его продажу в качестве лесного имения признали «не соответствующей общегосударственным интересам... при остроте земельного вопроса». В случае же покупки заводов казной ей ничего, кроме их «коренного переустройства», не оставалось. Собрание признало, что «для безубыточной работы и расширения производительности» необходимо перейти на мартенование, что требовало до 1 млн руб. капитальных вложений. Высказывались мнения и о целесообразности развивать на этих заводах уже существовавшее на них кричное производство «для выварки образцового железа», поскольку эти заводы «оставались почти в единственном числе в России с крупным производством кричного железа». Острой оставалась и проблема снабжения заводов качественной рудой. По свидетельству изучавшего округ инженера Н.П. Попова, его обширная территория располагалась «в пределах рудной полосы, тянувшейся через дачи Холуницких, Залазнинских и Омутнинских заводов... и на север в Вологодскую губернию в дачи Кажимских заводов Бенардаки». Но эта полоса не была хорошо изучена, добыча руды обходилась дорого, условия проведения работ усложнились, и не было уверенности, что руда здесь окажется более богатая по содержанию металла. «Труд рабочих приходится оплачивать все дороже и дороже благодаря вздорожанию жизненных потребностей, – сообщал инженер. – Население в настоящее время бедствует, деморализуется, теряет способность к труду, приобретает все признаки обывателей богоугодных заведений». Судьба второго округа, Залазнинского, представлялась ему в еще более мрачном свете. Если бы его продажа Н.П. Пастухову не состоялась, то считал Н.П. Попов, заводы пришлось бы закрыть, поскольку «существование их за удаленностью от заводов Холуницкого округа было возможно лишь в качестве самостоятельного предприятия, обороты которого потребовали бы значительных денежных затрат»³².

В марте 1908 г. положение заводов обсуждалось на совещании «по вопросу о положении Холуницких заводов в связи с планом действия сих заводов в случае приобретения в казну», которое проходило под председательством директора Горного департамента Н.Н. Курмакова при участии инспектора по горной части И.Н. Урбановича, «имевшего случай летом 1907 г. лично на месте ознакомиться с Холуницким округом», главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского, «близко знакомого с состоянием округа на основании 22-летней служебной деятельности сначала в качестве окружного горного инженера, а затем главного начальника», и бывшего помощника горного начальника Камско-Воткинских заводов инженера Д.П. Карницкого.

Холуницкий посессионный округ был признан этим совещанием «представляющим значительную земельную ценность» в первую очередь из-за своих лесных богатств, эксплуатация которых облегчалась возможностью сплава леса по протекавшим по территории округа рекам Чепца и Белая. Его продажа частным лицам на праве полной собственности представлялась членам совещания «легко осуществимой за крупную сумму в 2–3 млн руб.» Но большинство участников того совещания высказались против такой продажи, «в виду того, что при современной остроте земельного вопроса в России отчуждение в частные руки такой значительной земельной площади (205 тыс. дес.) было бы шагом весьма ошибочным, тем более что это до некоторой степени предreshало бы вопрос о способе ликвидации посессионного права, еще далеко не выясненный». Лишь Д.П. Карницкий рассматривал округ как малопригодный «для целей колонизации, которую в настоящее время исключительно преследует Правительство, стремясь к сосредоточению в своих руках через

посредство Крестьянского банка возможно больших земельных площадей». Он полагал, что продажа заводов на посессионном праве или отдельно от лесных дач маловероятна. «Не говоря уже о русских капиталах, привлечение которых к горнозаводскому делу на Урале при современном состоянии уральской промышленности и денежного рынка является невозможным, – заключал он, – иностранные капиталисты... ни в каком случае не пойдут на приобретение округа не на праве полной собственности, тем более что имеющиеся за последнее время неудачи некоторых горнозаводских предприятий в России, основанных на иностранные капиталы, в значительной степени ослабили интерес иностранцев к русскому железному делу». Итогом обсуждения стало признание участниками совещания целесообразности приобретения Холуницкого посессионного округа в казну.

В отношении Залазницкого владельческого округа они согласились с необходимостью его продажи в частные руки. П.П. Боклевский заявил, что приобретение округа для Н.П. Пастухова имело бы «несомненную выгоду, устраняя чересполосицу между принадлежащими ему Омутнинской и Пудемской дачами, а также недостаток руд и опытных рудничных рабочих, ощущавшийся Омутнинскими заводами, и, наконец, предоставляя этим заводам богатую лесную дачу, прорезанную двумя сплавными реками Залазной и Белой, что весьма удешевило бы стоимость заготовки горючего»³³.

Общее заключение обоих совещаний было представлено в обширной записке Горного департамента, составленной в июне 1908 г. для Совета министров и Государственной думы. «Существующие отношения казны к Холуницким заводам создались вследствие стремления Правительства прийти на помощь местному населению... – констатировалось в ней. – Правительство не могло безучастно относиться к бедствию многочисленного населения округа, когда И.А. Поклевский-Козелл был объявлен несостоятельным должником... и у Правительства представилось два возможных исхода из создавшегося крайне затруднительного положения: или предоставить конкурсному управлению распорядиться с заводским имуществом по своему усмотрению и взять на себя заботу о продовольствии населения в течение неопределенного времени, пока оно тем или иным путем не будет обеспечено работой, или не допустить закрытия заводов, приняв на себя расходы на их действие. Правительство избрало второй путь как более естественный, не нарушавший создавшихся бытовых условий жизни местного населения, не оказывавший на него деморализующего влияния, какое неминуемо имело бы продовольствование населения на счет казны, и, наконец, позволивший рассчитывать в будущем на возврат в казну сумм, затрачиваемых на продолжение действия заводов. Однако этот путь, наиболее соответствующий интересам населения, отсрочивал на некоторое время приступ к ликвидации имущества несостоятельного должника Поклевского-Козелл. Такая замедленная ликвидация могла рассматриваться как нарушение интересов кредиторов и залогодержателей и давать им повод считать казну ответственной за то, что они не могут своевременно получить удовлетворение по своим искам. Поэтому, если оно и было допустимо в интересах общегосударственных, то лишь как временная мера, действующая в течение по возможности непродолжительного срока, что и имело в виду в то время Правительство, поручив конкурсному управлению озаботиться возможно скорейшей продажей заводов в посторонние руки. Однако вследствие наступившего угнетенного состояния уральской промышленности... такая продажа состояться не могла и ненормальное положение вещей длится и по настоящее время, вызывая новые затраты казны... и вместе с тем усиливает

ответственность ее перед залогодержателями и конкурсным управлением за причиненные им убытки».

Раскрыв причины «ненормального положения», Горный департамент отверг возможность закрытия заводов как вариант, который «ставил бы их в точно такое же положение, что и пять лет назад, и делал совершенно бесцельными те крупные затраты, которые казна уже понесла», и предложил приобрести заводы в казну посредством покупки залоговых и кредиторских претензий. Очевидно, что при этом пришлось бы списать казенные долги, обременявшие имение еще с момента их покупки А.Ф. Поклевским-Козелл и значительно увеличившиеся за прошедшие годы, оплатить недоимки земству и долги рабочим. Но это компенсировалось бы приобретением в казну богатых лесных дач общей площадью до 245 тыс. дес., которые можно было продать или сдать в аренду. Департамент подчеркивал, что «не ожидает в ближайшем будущем каких-либо финансовых выгод от пользования означенным имуществом, но он усматривает в таком решении наименее убыточный, наиболее достойный и скорый выход из положения». Учитывая же «общую тенденцию к повышению стоимости земельной собственности», покупка имения, «хотя бы и на севере европейской России, но в крае, примыкающем к громадному водному пути, где возможно земледелие и в особенности лесной промысел, со временем могла бы... легко оказаться выгодной даже и в экономическом отношении». Министр торговли и промышленности И.П. Шипов одобрил это решение и предложил Совету министров приобрести в казну Холуницкий и Залазнинский округа, «ассигнуя для этого 2 261 081 руб. со сложением пошлин, казенных недоимок и долгов». В цену включили 1751 тыс. руб. по закладным с процентами, 460 081 руб. земских недоимок и 50 тыс. руб. «на удовлетворение претензий увечных рабочих»³⁴.

Смету расходов на покупку округов направили для заключения министру финансов В.Н. Коковцову, который предложил рассрочить расплату с кредиторами на 1909–1910 гг., поскольку «такая значительная сумма не была предусмотрена в государственной росписи 1908 г.» П.А. Столыпин 21 мая 1908 г. уведомил И.П. Шипова, что представленный им проект «не встретил препятствий в Совете министров, но было принято в соображение замечание министра финансов». Проект был внесен на рассмотрение Государственной думы третьего созыва 10 июня 1908 г.³⁵

Пока шли переговоры и принимались решения, положение Холуницких заводов все ухудшалось. Еще в 1907 г. Государственный банк «отказал принимать к учету покупательные векселя» и тем самым «лишил заводы возможности пользоваться этой операцией для пополнения своих оборотных средств». Из-за недостатка воды в пруду заводоуправление закрыло листокатальную фабрику на зимние месяцы, чем уменьшило выделку железа, «реализация которого могла бы доставить заводам лишние оборотные средства». Согласно смете за 1907/08 операционный год, общий расход заводов составил 1 011 509 руб., тогда как поступления в кассу от продажи и залога металлов достигли только 870 513 руб. Компенсировать убыток в размере 141 тыс. руб. и дать заводам возможность продолжить работу можно было лишь с помощью новых ассигнований из казны. Заводоуправление запросило тогда 270 тыс. руб. Николай II повелел отпустить эти деньги, учитывая, что «закрытие заводов как раз накануне предстоящего в близком будущем разрешения вопроса о ликвидации отношений казны к сим заводам снова поставило бы это дело в первоначальное его положение, сделало бы бесцельными те крупные затраты, которые казна уже понесла на поддержание их действия, и вместе с тем связанное с закрытием заводов разорение предприятия шло бы в разрез со взглядом на сей предмет Совета министров»³⁶.

С наступлением нового заводского года потребовались и новые пособия от казны. В ноябре 1908 г. ежегодное совещание под председательством вице-директора Горного департамента Ю.Д. Азанчеева признало необходимым уже летом 1909 г. приостановить убыточную работу Залазнинских заводов и за счет сокращения выделки железа уменьшить казенную ссуду до 245–250 тыс. руб., при том что управляющий И.Ф. Симсон просил отпустить заводам 448 тыс. руб. Но, как оказалось, в государственную смету 1909 г. были заложены суммы только на предполагавшуюся покупку заводов, но не на поддержание их «действия». Вместе с тем прошедшее 16 декабря 1908 г. заседание финансовой комиссии Государственной думы «единогласно признало такое приобретение нежелательным для казны и пришло к заключению о необходимости поручить Правительству принять меры к обеспечению населения на случай возможного закрытия заводов». «Есть основание предполагать, – предрекали чиновники Горного департамента, – что в указанном смысле этот вопрос будет разрешен и в пленарном заседании Думы».

Вместе с тем министр торговли и промышленности И.П. Шипов опасался, что «казна не может считать себя вполне обеспеченной в том, что отпущенные на действие заводов средства будут употреблены на предмет непосредственного их назначения, а со стороны залогодержателей не последует каких-либо действий, подобно тем, какие были допущены в 1903 г. после выдачи первой ссуды и которые приведут к закрытию заводов, несмотря на отпуск из казны денежных средств на их действие». Он потребовал заручиться согласием конкурсного управления относительно того, что заводы не будут закрыты до решения вопроса в Государственной думе. Ситуация требовала немедленного решения, и конкурсное управление было готово дать любые обещания, только бы получить деньги. Между тем 31 декабря 1908 г. поверенный конкурса В.В. Степанов жаловался И.П. Шипову, что Горный департамент «теперь только вошел в сношение с заинтересованными министерствами». «Избранный департаментом путь, требующий долгого времени для получения денег, – объяснял он, – оставляет заводоуправление без всяких средств, от чего заводы конечно должны будут остановиться». Он просил министра «либо оказать содействие к немедленному получению 100 тыс. руб., либо снять с конкурса всякую ответственность за все последствия от остановки заводов по вине Государственной думы и просить об охране заводского имущества и самих заводов воинской силой ввиду полной возможности ожидать беспорядков при неминуемой остановке заводов», отметив при этом, что «конкурсное управление совершенно не заинтересовано в продолжение действия заводов и, если ходатайствует об отпуске средств, то исключительно в интересах населения и самой казны»³⁷.

Оказывал давление на И.П. Шипова и министр внутренних дел П.А. Столыпин, обращая внимание на недоимки по земским сборам, накопившиеся на Холуницких заводах как основном их плательщике в Слободском уезде Вятской губернии: «Финансовое положение земства... совершенно подорвано систематической неуплатой сборов... и всякое промедление... крайне тяжело отразится на земском хозяйстве». По подсчетам П.А. Столыпина, с 1903 г. на поддержку заводов казна уже затратила 1 628 100 руб., за это же время долги заводов возросли с 3 915 650 до 5 759 596 руб., включая 3 308 220 руб. по закладным и кредиторским претензиям, 515 040 руб. по земским сборам и 308 226 руб. неуплаченных еще после покупки заводов А.Ф. Полевским-Козелл. «Лишь стремление обеспечить материальное положение заводских рабочих побудило Правительство поддерживать в течение восьми лет путем крупных денежных жертв убыточное заводское предприятие, – размышлял министр. – В настоящее же время, когда ликвидация последнего неизбежна и являет-

ся только вопросом времени, продолжение заводского действия за счет казенных субсидий уже не может, казалось бы, иметь особого значения для заводского населения, интересам которого, по мнению моему, более отвечал бы отпуск средств, необходимых для непосредственного удовлетворения насущных потребностей рабочих по закрытии предприятий впредь до завершения землеустройства». «По сим соображениям, – заключал он, – я признавал бы целесообразным прекратить субсидирование за счет казны конкурсного управления... приняв меры к незамедлительному взысканию недоимок земских сборов, числящихся на состоявшем в этом управлении имуществе, и к скорейшему, по возможности, устройству местного населения в земельном отношении». Как можно судить по записи министра торговли и промышленности на полях документа («Совершенно правильно»), он был согласен с мнением П.А. Столыпина³⁸.

Таким образом, отношение высшей администрации к ситуации на Холуницких заводах существенно менялось: от не оправдавшей затрат поддержки «заводского действия» правительство намеревалось перейти к поддержке непосредственно заводского населения. Совет министров 13 января 1909 г. санкционировал передачу на заводы 100 тыс. руб. «только в целях поддержания заводского населения путем выдачи ему продовольственных ссуд». Кроме того, предписывалось «привести наличность материалов к тому состоянию, как это было на 1 марта 1903 г.», что означало готовность казны приступить к прекращению своих отношений с заводами.

Однако в начале февраля 1909 г. все-таки возникла надежда продать округ. Согласно записи в журналах Совета министров от 5 февраля и 11 марта 1909 г., «внешенное в прошлом году в Государственную думу третьего созыва новое представление министерства было заслушано финансовой комиссией, причем комиссия при первоначальном ознакомлении с делом высказалась за отклонение предложения ведомства о приобретении Холуницких и Залазнинских заводов в казну». «В последнее, однако, время некоторыми членами названной комиссии выражено противоположное мнение – о предпочтительности в интересах как казны, так и местного населения не допустить означенные заводы до ликвидации, но приобрести таковые в казну для передачи их за сим в частную эксплуатацию». В ситуации, «когда вопрос о том или другом способе ликвидации отношений близок к своему разрешению», министры предпочли вновь ссудить деньги на возобновление работы заводов и кроме 100 тыс. руб. отпустили еще 150 тыс. руб., поскольку первоначальной суммы для этой цели оказалось недостаточно. Управляющий И.Ф. Симсон сообщал, что задолженность перед рабочими в феврале-марте составляла 160 тыс. руб. и продолжала ежедневно увеличиваться на 5 тыс. руб., а снаряжение весеннего каравана приостановлено, что угрожало «оставить без ликвидации все железо», и что «толпы рабочих ежедневно осаждали заводские конторы, требуя расчета»³⁹.

Будущность заводов, по-видимому, не вызывала сомнений и у заводского населения. В конце февраля 1909 г. министру торговли и промышленности В.И. Тимирязеву поступило несколько прошений. Рабочие Залазнинских заводов просили, не останавливая заводы, продать их Н.П. Пастухову, который, как им было известно, еще за год до того сделал заявление о покупке заводов. Рабочие убеждали министра, что «означенные заводы... материалами, необходимыми для производства горных работ, обеспечены на многие десятки лет и что залежи руд в их дачах... составляют самый высокий процент выработки из них металлов». С переходом заводов к Н.П. Пастухову, уверяли они, «повысится их производительность, и таковые не будут уже находиться в том хаотическом положении, в каком они находятся в настоящее время при... конкурсном управлении».

Жители Холуницкого округа в оценке своих перспектив проявили еще больше здравого смысла. Они просили «подать им руку помощи» посредством устройства ремесленных училищ и развития «другого рода полезного труда», в случае закрытия заводов «дать возможность переселиться на указанные Правительством предприятия, а кто пожелает – обзавестись сельскохозяйственным инвентарем... или указать, где есть свободные и хлебородные местности, и помочь переселиться и устроиться на новом месте, а особые меры принять к тем, кто находится в безвыходном положении вследствие увечий, старости и смерти единственных работников, и не имеющих потомства». Рабочие ходатайствовали также о постройке железнодорожной ветки между городами Слободской и Глазов, которая, по их уверениям, «была бы великой помощью всем окрестным заводам и поселениям». «Тогда бы даже нам, – писали они, – и правительственная никакая помощь была бы не нужна и все бы мы могли устроиться на тех же старых своих местах и вечно были бы с куском хлеба при ней от разных работ»⁴⁰.

Телеграммы с просьбой о помощи рабочие направляли и в адрес Государственной думы. Тем не менее 27 мая 1909 г. она отклонила законопроект о покупке казной Холуницких заводов, как предлагали министерские чиновники, за 2 261 081 руб. «со сложением сверх сего со счетов всех числившихся на этих заводах старых казенных долгов и недоимок». Именно «значительность требуемых ассигнований из средств Государственного казначейства» была названа главной причиной отказа. После этого председатель Совета министров П.А. Столыпин предписал министру торговли и промышленности В.И. Тимирязеву прекратить «все отношения казны к сим заводам в смысле дальнейшего поддержания их действия путем предоставления денежных средств», а Министерству внутренних дел было дано распоряжение оказать безвозмездную продовольственную помощь населению заводов и увеличить ее норму. Совет министров 28 июля 1909 г. одобрил эти предложения и «предоставил дело его дальнейшему течению», что позволяло конкурсу и залогодержателям быть свободными в своих действиях. В этой ситуации конкурсное управление приняло решение постепенно сокращать производство и затем его полностью остановить. И.Ф. Симсон 23 сентября уже уведомил Горный департамент, что «действие всех заводов остановлено, за исключением Бело-Холуницкого, который заканчивает через 10 дней переработку заготовленной болванки, и управление озабочено приведением в ясность движимого имущества заводов и заводских построек»⁴¹.

Прекращение субсидирования, приведшее к остановке заводов, послужило причиной целого ряда проблем, возникших у казны, которая дорого расплачивалась за свои прежние «благие намерения» спасти Холуницкие заводы и их население. В сентябре 1909 г. В.И. Тимирязев получил шифрованную телеграмму от вятского губернатора П.К. Камышанского. Ею тот извещал министра, что еще в июле «личным объездом всех заводов убедился, что 4 тыс. рабочих и семьи их, в общем до 12 тыс., остаются не только без заработка, но и без средств к существованию». «Землеустройство только начинается», – писал он. Предусмотрительный губернатор распорядился об экстренном командировании на заводы «чинов полиции, 125 стражников для охраны администрации, заводского имущества, складов муки и предупреждения поджогов». Он также просил командующего войсками Казанского округа перевести из Вятки казачью сотню на Бело-Холуницкий завод, пытался обеспечить население продовольствием. «При общем пока спокойствии на заводах возможно ожидать беспорядков, проявлений личной мести к администрации, поджогов», – предупреждал П.К. Камышанский.

Но рабочие, вероятно, уже свыкшиеся с мыслью о закрытии заводов, думали не столько о погромах, сколько о путях выхода из сложившейся ситуации. «По дошедшим до нас сведениям, – писали председателю Совета министров рабочие Залазнинского завода в сентябре 1909 г., – известно, что конкурсное управление... при предстоящей продаже завода и лесной дачи намерено продать последнюю лесопромышленникам на сруб... Просим приостановить продажу лесной дачи... и принять меры к продаже завода Н.П. Пастухову... что только и может обеспечить существование населения... за отсутствием удобных наделных земель». Однако просителям разъяснили «невозможность удовлетворения их ходатайства», поскольку, как было записано в ответной телеграмме, «Залазнинские заводы с их дачею принадлежат конкурсному управлению, которое поэтому вправе распорядиться этими заводами по своему усмотрению».

В том же сентябре 1909 г. рабочие Климковского завода подали прошение П.А. Столыпину о передаче им завода «для эксплуатации на артельных началах в самом ближайшем времени, пока еще углевывжигательные печи и рудники не разорены». «Мы не просим никаких оборотных сумм, – писали они, – но нам желательно лишь получить за каждый выплавленный пуд чугуна 40 коп.; мы же примем на себя все расходы как цеховые, так и накладные, исключая земские подати, и будем возобновлять запасы руды и угля. Означенный чугун будет нами доставляться за 3 коп. на Сарьянскую пристань на реке Вятке, откуда фрахт пароходства в его баржах до Нижнего и Царицына стоит 5 коп. Таким образом, казна получит на Волге чугун по цене 48 коп., когда даже и нынешняя цена, чрезвычайно низкая, равна 56 коп. Убедительно просим согласиться на наше предложение, которое избавит казну от крупных расходов на переселение, а нас от неизбежного разорения»⁴².

Тревожило чиновников и конкурсное управление. Его председатель, присяжный поверенный Н. Падалка, просил Министерство торговли и промышленности, ответственное за сложившуюся ситуацию, оплатить услуги членов управления, которое «будучи ограниченным по закону полуторалетним сроком, продолжалось семь лет исключительно ввиду того, что на него было возложено заведование Холуницкими заводами, действовавшими на средства казны». За последние пять лет, сообщал он, члены управления «не получали никакого вознаграждения, так как кредиторы справедливо полагали, что... их работа производится исключительно в интересах казны, а не кредиторов, и что промедление в закрытии действия конкурса приносит даже ущерб кредиторам, отдаляя на неограниченный срок выдачу удовлетворения, что члены управления несли труд и расходы как по заведыванию заводами, так и по ликвидации ежегодных крупных партий железа... и имеют право получить причитающееся им вознаграждение из оклада по 2 тыс. руб. каждому в год, всего за пять лет – 30 тыс. руб.» «Такие оклады, – уточнял председатель, – надо считать более чем умеренными ввиду того, что общая сумма их составляет менее $\frac{1}{2}$ процента с суммы, вырученной от ликвидации принадлежащего казне железа»⁴³.

Не замедлили отозваться на происходившие события и залогодержатели. Еще в июле 1909 г. В.А. Поклевский-Козелл пытался выяснить намерения казны в вопросе о компенсации за приостановку его с братом прав в 1903–1907 гг. «Ныне, – писал он министру В.И. Тимирязеву, – получив свободу действовать для ограждения наших прав, мы тем не менее прежде чем обратиться к осуществлению наших залоговых прав в отношении Холуницких заводов по суду... считаем необходимым просить Ваше Высокопревосходительство поставить нас в известность о предположениях Правительства по вопросу о расчетах с нами за нанесенные нам убытки».

Предчувствуя опасность, исходившую от залогодержателей, министр заручился мнением нескольких ведомственных юристов, вынесших общий вердикт естественно не в пользу Поклевских. Поскольку «объект закладных остался в неприкосновенности, – полагали юристы, – то меры, указанные в Высочайшем повелении от 21 февраля 1903 г., никакого ограничения прав залогодержателей не произвели. Имущество осталось в целости, ущерба не потерпело, а поэтому иск являлся бы необоснованным. Над имуществом было образовано конкурсное управление, которое имело право распоряжаться им. Высочайшее повеление являлось законом правомерным; неизбежные органические последствия его, вызванные течением времени, не могут служить основанием для исков».

Основываясь на этом мнении, В.И. Тимирязев известил Викентия Альфонсовича, что «ввиду принятого Государственной думой взгляда на отсутствие у залогодержателей права требовать со стороны казны какого-либо возмещения за приостановку их прав... каковой взгляд между прочим послужил основанием к отклонению Думой законопроекта министерства о приобретении в казну заводов – министерство, равным образом придерживаясь такого же взгляда, не считает для себя возможным входить ныне с Вами и Вашим доверителем в переговоры о расчетах казны за упоминаемые в Вашем прошении убытки»⁴⁴.

Других просителей министр даже не удостоил ответом. Конкурсное управление немедленно приступило к исполнению главной своей обязанности – реализации имущества. Оно занялось подготовкой публичных торгов, рассчитывая, вероятно, «получить удовлетворение» по их итогам. Холуницкие заводы выставили на торги 15 мая 1910 г. «с полной суммы претензий в общем размере 2,8 млн руб., из которых на казенные и земские недоимки, пользующиеся правом преимущественного удовлетворения перед первой закладной, приходилось 924 153 руб. и на претензии по закладным – 1 875 846 руб.» Но торги не состоялись «за неявкою желающих торговаться» и были вновь назначены на 29 сентября того же года. Они начались «с рубля», в результате чего казна все-таки «оставила Холуницкий округ за собой за сумму казенных претензий». На тот же день были назначены торги на Залазнинские заводы «с полной суммы претензий ипотечного характера» в размере 780 тыс. руб., из которых казенные и земские недоимки составляли 150 667 руб., а претензии по закладным – 629 332 руб. Как и на первые торги по Холуницкому округу, покупатели не явились, поэтому новые торги 11 декабря 1910 г. начались «с рубля». Залазнинский округ приобрел купец Павел Степанович Жирнов за 400 тыс. руб., из которых оставшейся после выплаты казенных и земских недоимок частью в размере 249 332 руб. был удовлетворен долг по первой закладной. Таким образом, сообщалось в записке комиссии, «в пользу братьев Поклевских поступило около 249 тыс. руб., в пользу наследников Аносова не поступило ничего»⁴⁵. По-видимому, ничего не получили и кредиторы вместе с конкурсным управлением.

Еще в июле 1910 г. после безрезультатного завершения первых торгов, В.А. Поклевский-Козелл обратился к императору с очередным прошением. «Данная нам после пятилетнего срока приостановки свобода действий... – писал он, – не привела до сих пор ни к каким результатам, так как назначенные на продажу заводов первые публичные торги не состоялись за неявкою желающих торговаться; вторые же торги... очевидно, также не дадут полезного результата, ибо или на торги никто не явится, или же заводы будут проданы за предложенную кем-нибудь ничтожную сумму». Предвидя, что долги не будут возвращены, он настаивал на удовлетворении казной «имущественных интересов залогодержателей». Их права, в чем не сомневался Викентий Альфонсович, «были умалены, ибо

в течение шестилетнего срока они с братом не получали на свой капитал проценты, имущество заводов... уменьшилось вследствие изнашивания в своей ценности, весьма значительно возросли земские сборы и государственные повинности, которые не уплачивались все это время, на действие заводов употреблялись как лесные материалы, так и руды, взятые с заводских дач, и, наконец, состояние денежного рынка, равно как железоделательной промышленности... чрезвычайно ухудшилось». «Нам, как держателям закладных, – полагал он, – принадлежит несомненное право требовать от казны возмещения наших убытков». Поскольку же «ведение судебного процесса с казною... сопряженное со значительными расходами», потребовало бы много времени, он просил «на путях Монаршего милосердия создать комиссию для разрешения вопроса о миролюбивом удовлетворении нас за понесенные убытки вместе с приобретением казною прав... по закладным» и выражал «полную готовность во избежание обременения Государственного казначейства получить удовлетворение не в виде единовременного вознаграждения, а с необходимой рассрочкой в платежах»⁴⁶.

Министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, на рассмотрение которого было передано ходатайство, не решился столь же категорично отклонить притязания Поклевских, как это сделал в свое время В.И. Тимирязев. Во «всепоподданнейшем докладе» он признал необходимость «всестороннего освещения вопроса о том, не понесли ли действительно благодаря принятым Правительством и вызванным государственной необходимостью экстраординарным мерам какого-либо материального ущерба держатели закладных». Николай II санкционировал 30 декабря 1910 г. создание комиссии при Министерстве торговли и промышленности под председательством юрисконсульта, тайного советника В.С. Садовского. Заседания ее проходили в марте–мае 1911 г. Обсудив сложившееся положение, члены комиссии к однозначному выводу не пришли. Как можно судить по итоговому документу, часть их «высказала отрицательный взгляд... причем некоторые отрицали саму возможность возникновения убытков на почве издания Высочайшего повеления 21 февраля 1903 г. при условии надлежащего его осуществления; другие относили понесенные залогодержателями убытки к иным причинам, а не к приостановлению осуществления их прав по закладным; наконец, третьи, не отрицая возможности причинной связи между этими убытками и изданием Высочайшего повеления, не находили возможности отнести их исключительно и всецело к упомянутому Высочайшему повелению». Другие участники совещания предполагали возможность возникновения убытков, но смогли их «исчислить лишь приблизительно в пределах, допускающих широкие колебания в ту и другую сторону». Для владельцев первой и второй закладных братьев Викентия и Станислава Поклевских-Козелл сумма убытков варьировалась от 635 тыс. до 1282 тыс. руб., а для владельцев третьей закладной наследников Аносова – от 114 тыс. до 191 тыс. руб.

В письме председателю Совета министров В.Н. Коковцову С.И. Тимашев признавался, что обсуждавшийся на совещании вопрос был «крайне сложен и трудно разрешим в виду гадательности тех данных, на которых основаны все суждения по сему предмету». «Вопрос о том, могли ли заводы в 1903 г. быть реализованы и по какой цене, очевидно, не может ныне получить определенного решения, – пояснял он. – Следует иметь в виду, что еще в 1899 г. разразился сильный промышленный кризис, который поколебал огромное число промышленных предприятий империи, особенно в области металлургии. Поэтому банки и капиталисты стали относиться с большой сдержанностью по всяким промышленным делам и даже наиболее устойчивые из последних с трудом находили денежные средства. Правда, в 1902 г. на-

ступило существенное успокоение и улучшение промышленных дел в сторону благоприятную, но это улучшение было весьма кратковременным, ибо начавшиеся с половины года политические осложнения, завершившиеся войной с Японией, оказали давление на рынок, который стал угнетенным... Государственный банк, к которому перешли многие металлургические предприятия после упомянутого кризиса, не успел в тот благоприятный период реализовать ни одно из них». «Таким образом, – делал вывод министр, – если бы в то время были назначены торги, то заводы, видимо, остались бы за держателями первой закладной, которым предстояли бы две возможности: или вести дело, или его приостановить. В первом случае на них упали бы все убытки по производству, которые представляются, по-видимому, бесспорными при ухудшившихся условиях рынка и дурной оборудованности заводов... Если же заводы были бы приостановлены, то в результате могло бы получиться современное положение дела, так как едва ли залогодержателям удалось бы реализовать заводы ранее и по выгодной цене, ибо заметное улучшение в металлургической промышленности наступило только в 1910 г. ... Еще более спорным остается вопрос о размере убытков... Обстоятельство это крайне затрудняет решение настоящего дела в административном порядке и наталкивает на мысль о предпочтительности направления его в порядке судебном»⁴⁷.

Согласившись с мнением С.И. Тимашева, 12 июля 1911 г. Совет министров объявил Поклевским, что «вопрос об удовлетворении их ходатайства подлежит разрешению в судебном порядке». Уже в ноябре 1911 г. они не замедлили вчинить иск казне на 2,5 млн руб. Пришлось создавать новое межведомственное совещание под председательством того же В.С. Садовского «для выработки плана действий, связанных с необходимостью защиты интересов казны». Поверенный Поклевских извещал председателя, что после продажи «значительно обесцененных» Залазинских заводов залогодержатели бесспорно понесли убытки. Тем не менее они снизили сумму иска и настаивали на возврате им хотя бы 1325 тыс. руб. с начислением процентов и исключением 250 тыс. руб., «полученных за Залазну». «Образованной по такому расчету суммой, – сообщал поверенный, – господа Поклевские, идя навстречу Правительству, удовлетворяются в настоящее время в целях миролюбивого окончания дела»⁴⁸.

Чем закончился судебный процесс по иску Викентия и Станислава Поклевских-Козелл к казне, точно не известно. Вероятнее всего, он затянулся и так и не завершился. Но это не помешало братьям успешно развивать свою предпринимательскую деятельность. На протяжении всех лет после раздела 1898 г. Торговый дом Поклевских-Козелл под управлением Викентия Альфонсовича успешно действовал на Урале и в Сибири, оставаясь крупнейшим производителем спиртных напитков и стеклянной тары. В Баженовском районе ему принадлежали асбестовые рудники. В 1908 г. неподалеку от Екатеринбурга был основан Благодатный медеплавильный завод, действовавший на основе полиметаллических руд, каменного угля Егоршинских копей и донецкого кокса. Производительность завода достигала в год 24 тыс. пуд. меди и 3 тыс. пуд. свинца. В связи с истощением рудных запасов и началом войны завод был остановлен в 1914 г.

Викентий Альфонсович дослужился до чина действительного статского советника, в начале XX в. возглавлял екатеринбургское отделение Сибирского торгового банка, был акционером и членом Совета Волжско-Камского коммерческого банка, председателем правления Майкоп-Энемского нефтепромышленного товарищества, в 1906–1912 гг. избирался членом Государственного совета, состоял в Совете съездов горнопромышленников Урала. В годы Первой мировой войны

В.А. Поклевский-Козелл за свой счет снарядил армейский полк. Вместе со своей женой Марией Михайловной он покровительствовал многим благотворительным организациям и учебным заведениям на Урале и в Петербурге. После революции семья переехала в Польшу⁴⁹. Бывший же владелец Холуницких и Залазнинских заводов Иван Альфонсович Поклевский-Козелл, по некоторым сведениям, выехал за границу после признания его «несостоятельным должником» и более уже не участвовал в судьбе своих разоренных имений. Известно, что в 1911 г. он проживал в курортном местечке Мерано в Южном Тироле, где действовал пансионат для больных и малообеспеченных из России⁵⁰.

Итоги торгов на бывшие владения Поклевских не способствовали возрождению двух горнозаводских округов. После продажи Залазнинские заводы уже не возобновили своей деятельности. Это могло бы произойти лишь в случае продажи их Н.П. Пастухову, на которого возлагали надежды как горное начальство, так и заводское население. Но он незадолго до начала торгов скончался, а его наследники, по-видимому, не заинтересовались покупкой соседнего имения. Новый же владелец коммерции советник П.С. Жирнов был крупнейшим пермским лесопромышленником, который, скорее всего, и не собирался возобновлять работу заводов. Он 18 октября 1913 г. продал Залазнинское имение польскому графу Здиславу-Генриху-Адаму Грохольскому. Во время мировой войны граф планировал восстановить доменные печи и даже построить машиностроительный завод, но так и не успел сделать это до национализации⁵¹.

Судьба Холуницкого округа во владении казны решалась не просто. Петербургский окружной суд 7 мая 1911 г. утвердил результаты торгов и «укрепил» округ за новым владельцем в лице Министерства торговли и промышленности «за сумму казенных недоимок в горной подати и долгов Государственному казначейству под условием погашения министерством накопившихся недоимок в земских податях». В Слободском уезде этот округ служил крупнейшим «объектом обложения». Из-за неуплаты податей земство, как упоминалось, оказалось «в критическом положении и вынуждено было использовать все свои наличные капиталы, а также задолжать Государственному банку и частным лицам до 480 тыс. руб.» В начале 1912 г. Горный департамент сообщал, что из-за обязательства уплатить долги округ «очутился в положении совершенно ненормальном и вызывал опасение за целостность составлявшего его имущества». Конкурсное управление после торгов оказалось «совершенно не заинтересовано в исправлении дел имения, и само его существование было предположено к прекращению в начале текущего года». Казна же юридически была лишена права вступить «в фактическое обладание до получения владенных документов», что обуславливалось выплатой земских недоимок, которые тогда исчислялись крупной суммой в размере 779 400 руб. Эти деньги требовалось «испросить в законодательном порядке». Только в ноябре 1913 г. министерство перевело их вятскому губернатору «на предмет возмещения упомянутых долгов». «Акт передачи», окончательно укрепивший Холуницкий округ за Министерством торговли и промышленности, был составлен 15 марта 1914 г.; сумма земских недоимок к этому времени возросла уже до 959 012 руб. За день до этого события комиссия во главе с горным инженером И.Л. Шейнцвитом завершила прием заводского имущества от доверенного конкурсного управления А.И. Елькина, назначенного временным заведующим округом⁵².

Затянувшаяся процедура «укрепления» казны в правах владения округом не могла не сказаться на положении заводского населения. Еще в марте 1912 г. на имя императрицы Марии Федоровны было направлено прошение уполномочен-

ных «от всего женского населения» закрытых Холуницких заводов Анны Дубцовой и Александры Окишевой о «возобновлении работ на означенных заводах и оказании им материальной помощи»⁵³. В июне 1914 г. в Министерство торговли и промышленности поступило прошение доверенного от рабочих П.А. Захваткина «о возобновлении заводского действия хотя бы чрез частного благонадежного арендатора». Кандидаты на эту роль имелись у министерства с 1909 г., когда оно получило предложения взять заводы в аренду «от господ Фармаковского, Матвеева и других». В сентябре 1913 г. в перечне предполагаемых арендаторов значились член Государственного совета В.А. Бутлеров, годом ранее приобретший Кажимские заводы у наследников Д.Е. Бенардаки; управляющий Омутнинским округом инженер Р.Я. Гартван и управляющий делами синдиката «Кровля» С.П. Фармаковский. В марте 1914 г. к ним присоединились полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка А.П. Родзянко, а также Вятское губернское земство, которое обещало на льготных условиях перепрофилировать заводы на изготовление сельскохозяйственных машин и орудий. В ноябре 1914 г. заявку также подал крупный банкир, владелец Ревдинских заводов П.Г. Солодовников. Именно на принятии его кандидатуры настаивали рабочие в прошении, поступившем в министерство в марте 1915 г.

В первых строках своего прошения П.А. Захваткин извещал, что «население ждет, что заводы будут пущены в действие, и никак не дождется». «Причины затяжки для населения неизвестны, – писал он, – но мы полагаем, что она осложнена неблагоприятными обстоятельствами военного времени, а быть может, и затяжкой судебного процесса, так как заводы были заложены и, кроме залогодержателей, пустить их в действие никто не мог». Напоминая о состоявшихся в 1910 г. встречах представителей рабочих с министерскими чиновниками, поверенный уверял, что рабочим уже тогда предлагали «пригласить какого-либо капиталиста и, как на пример, указывали на князя Львова (С.Е. Львов, владелец Пожевских заводов. – *Е.Н.*), которому обещали сделать всевозможные льготы, если он возобновит действие всего округа, но, к сожалению, в виду крупной задолженности заводов и затяжки судебного процесса сделать этого не пришлось». «В настоящее время... – сообщал П.А. Захваткин, – на взятие в аренду претендует довольно крупный предприниматель, московский капиталист Петр Гаврилович Солодовников, подобный тому же князю Львову. С нашей стороны нет сомнения, что г-н Солодовников может и действительно сумеет оборудовать заводы по-современному и поставить производство Холуницкого горного округа на более прочных и хороших началах... Насколько нам известно, г-н Солодовников, назад тому год купивший на Урале Ревдинский округ, дело ставит именно на хороших и широких началах. И мы полагаем, что при взятии в аренду округа производство сельскохозяйственных машин и орудий само по себе может осуществиться совместно с земством»⁵⁴.

Решить судьбу новых казенных заводов и заводского населения было призвано особое межведомственное совещание «по вопросу о дальнейшем назначении Холуницкого горного округа», образованное при Министерстве торговли и промышленности еще в конце 1913 г. Обсуждение началось с вопроса о перспективах возобновления металлургического производства. «Из данных, сообщенных представителями горного ведомства», члены совещания заключили, что «производство железа в этом округе, состоявшем из пяти заводов и лесной дачи около 200 тыс. дес., за последние восемь лет являлось убыточным и себестоимость железа далеко превышала продажную стоимость его, что объясняется чрезвычайной устарелостью как прокатных устройств заводов, так и применяемых на них металлургических про-

цессов (кричный – для листового и puddingовый – для сортового железа), так что для восстановления в округе железоделательного производства потребовалось бы построить совершенно новые заводы, более приспособленные в техническом отношении». «Несколько в иных условиях находится на заводах выплавка чугуна, – констатировали участники совещания. – Имеющиеся на них домны по своей работе давали в прошлом довольно благоприятные технические результаты, и цеховая стоимость чугуна за те же восемь последних лет колебалась от 39 до 41 коп. Однако широкому развитию чугуноплавильного производства в округе мешает бедное процентное содержание металла в рудах, а равно гнездовой и требующий подземной разработки характер их залегания».

Основываясь на этих наблюдениях, участники совещания пришли к выводу, что «под восстановлением металлургического действия заводов округа следует главным образом подразумевать выплавку чугуна». Они признали «восстановление горного дела в Холуницком округе отвечающим государственным задачам по следующим соображениям: с одной стороны, восстановленные горные заводы будут ежегодно выпускать известное количество чугуна на рынок, т. е. будут создавать новые ценности; с другой стороны, возобновление действия крайне важно в интересах местного населения, которое всего более приспособлено к горнозаводским работам, и хотя рабочие в настоящее время разбрелись по окрестным заводам, но оставили на старых местах семьи, которые крайне бедствуют; да и оставшееся в округе мужское население, даже и наделенное землей, не может содержать себя исключительно земледелием ввиду неблагоприятных почв и климатических условий этого района; наконец, сохранение на севере Вятской губернии этих горных заводов одновременно поддерживало бы все культурные начинания, содержимые при участии заводов: дороги, больницы, школы и т. п.»

Вместе с тем члены совещания решительно отказались от мысли восстановить заводы средствами казны «в виду необходимости для этого крупных затрат с ее стороны, а равно и того обстоятельства, что в местном населении в случае сего могло бы возникнуть предположение, что казна вновь организует для них воспособление на благотворительных началах, как в прошлые годы». Кроме того, Холуницкие заводы «не имели никакого отношения к изготовлению предметов государственной обороны», что было главным назначением всех казенных заводов.

В результате согласований совещание признало, что «одним из наиболее соответственных способов эксплуатации богатств названного округа является отдача заводов в аренду посторонним лицам». Но при изучении поступивших в Горный департамент прошений об аренде обнаружилось, что «главным предметом их являлось не ходатайство о предоставлении права восстановления металлургического действия заводов, а права эксплуатации лесной дачи округа для продажи лесной массы на сторону». Участники совещания единогласно заключили, что арендатору «можно было бы разрешить продавать лишь избыток лесной массы, остающийся после пользования лесом для металлургических целей», поскольку «при неблагоприятных существующих в округе условиях в отношении руды вряд ли можно было ожидать появления арендатора без изъясненной меры». Однако предоставление этой льготы должно было сопровождаться «тем неперменным условием, чтобы вся лесная дача находилась в казенном управлении, дабы не допускать хищнического хозяйничанья в лесах округа, и только в том случае, если бы льгота по отпуску леса вызывалась действительными интересами горного дела». Был обсужден и вопрос о порядке сдачи в аренду. Совещание постановило делать это «не посредством торгов, а путем соревнования с учетом личности и благонадежности арендатора»⁵⁵.

Основываясь на заключениях этого совещания, в марте 1914 г., когда Холуницкий округ утвердили за казной, Совет министров постановил «передать его в арендное пользование по соревнованию на срок 24 года»; был установлен и минимальный объем восстановленного производства – 720 тыс. пуд. чугуна в год. Вероятно, эти условия и оттолкнули большинство претендентов. К тому же вскоре Россия вступила в войну с Германией, что привело к ужесточению условий аренды. В Горном департаменте тогда решили «возложить на будущего контрагента обязательства выплавки более высокого минимума, а именно 2 млн пуд. чугуна ежегодно, и совершенного недопущения продажи на сторону дровяной массы». Из частных предпринимателей на эти условия соглашался лишь П.Г. Солодовников, на кандидатуре которого в качестве арендатора, как упоминалось, и настаивали заводские рабочие.

В ноябре 1914 г. он направил министру С.И. Тимашеву прошение, в котором изложил свой план. «Сейчас... особенно резко выразилась нужда военного, а особенно морского ведомства в инструментальной и вообще высоких сортах хромо- и просто никелевой стали, – писал он. – Принадлежащий мне Ревдинский горнозаводский округ имеет большие запасы никеля. Данные разведок по сему вопросу профессоров Карпинского и Никитина, а равно разведки, результаты коих видел на месте представитель Морского министерства... дают мне возможность приступить в скором времени к выплавке ферроникеля, на поставку которого я заключаю договор с морским ведомством. Обладая же единственным в России месторождением никеля, я имею возможность доставить его в Холуницкий округ, где в виду нахождения в оном горного и заводского населения буду иметь возможность выделять разные сорта стали и стальных отливок высшего качества, причем в передел пойдет чугун, имеющийся выплавляться в Холуницком округе, и таким образом, несмотря на его сравнительно большую цену, он может быть вполне использован с выгодой, также могут быть эксплуатируемы и доменные газы. Кроме того, в виду недостатка в принадлежащем мне Ревдинском округе горючего я получу возможность вести передел ревдинского чугуна в Холуницком округе и, наоборот, в случае получения кокса на Урале из Кузнецкого района я мог бы переделывать в Ревде слитки из холуницкого чугуна. Вышеуказанная связь двух округов дала бы мне возможность поставить и развить большое и крайне необходимое для русской промышленности и обороны дело». Вскоре поступило второе прошение, в котором П.Г. Солодовников извещал министра, что в течение ближайших двух-трех лет он мог бы инвестировать 1 млн руб. на переоборудование округа «под получение заказа на изготовление снарядов», в частности построить мартеновскую печь и прокатный стан, для чего уже внес залог в 125 тыс. руб.⁵⁶

Однако у этого претендента появился сильный конкурент в лице Вятского губернского земства, за которое хлопотал вятский губернатор А.Г. Чернявский; к земству в конце концов прониклись симпатией и заводские рабочие. Тот же поверенный П.А. Захваткин летом 1915 г. уже настаивал на передаче округа земству, «не разделяя его на отдельные части». Вероятно, правительство отдало предпочтение земству в первую очередь из-за его поддержки Вятским губернским военно-промышленным комитетом. Об этом в августе 1915 г. уведомил Министерство торговли и промышленности местный губернатор. «Ходатайство земства, – писал он, – поддерживается военно-промышленным комитетом, который, имея в виду недостаток чугуна на заводах Омутнинского горного округа, взявших на себя значительный подряд по выделке снарядной стали для артиллерийского ведомства, признал возможным пополнение означенного недостатка путем открытия действия ос-

тановленных чугуноплавильных заводов смежного Холуницкого округа с тем, чтобы последние были сданы для этой цели в аренду Вятскому губернскому земству». Основываясь на этих ходатайствах, председатель губернской земской управы П.И. Паньков настаивал на передаче заводов земству «в ускоренном порядке без соревнования для обслуживания нужд военного времени, а в дальнейшем для использования их земством совместно с Министерством земледелия с целью устройства заводов земледельческих машин».

Условиями, предложенными земством, предполагались арендная плата в размере 1,5 коп. за пуд чугуна и попенный сбор за лес на дрова по 1 руб. за куб. саж. «Заводы, – обещало земство, – будут пускаться в ход по мере обеспечения их рабочей и конной силой... и выплавка чугуна будет восстанавливаться... в пределах возможности и имеющихся денежных средств, стремясь довести производство на первый же год до 400 тыс. пуд.» В этих целях земство обещало ассигновать 300 тыс. руб. Совет министров, рассмотрев вопрос на заседании 17 октября 1915 г., принял эти условия Вятского земства и утвердил «временную аренду в целях возобновления выплавки чугуна на Холуницких заводах для удовлетворения потребностей, вызванных военным временем... с тем, чтобы эти условия по окончании войны подвергнуты были пересмотру в соответствии с намеченной земством в будущем организацией сельскохозяйственного машиностроения». Не дожидаясь заключения договора, министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской поручил заводоуправлению «передать земству Климковский завод с запасами материалов и имуществом... для безотлагательного приступа земства к возобновлению заводского действия»⁵⁷.

Передача заводов арендатору началась в январе 1916 г., но лишь в июле 1917 г. уполномоченный от казны по охране имущества Холуницкого округа А.И. Елькин известил Горный департамент, что полностью сдал принятые им от конкурсного управления «материалы и имущество» под расписку представителей земства. По некоторым данным, выплавку чугуна возобновили уже в 1916 г. на Климковском заводе, но в объеме всего лишь 42,6 тыс. пуд. В 1917 г. выплавили 149,4 тыс. пуд. чугуна, что далеко не соответствовало заявленным земством объемам. Холуницкий округ был национализирован 6 марта 1918 г.⁵⁸

¹ Мосунова Т.П. Поклевские-Козелл – выдающиеся представители польской диаспоры Сибири и Урала // Поляки в России: история ссылки и депортации. СПб., 1995. С. 25–28; Она же. Новые материалы о польском роде Поклевских-Козелл // Уральский родосвед. Екатеринбург, 2001. С. 86–92; Дмитриев А.В. Поклевские-Козелл // Урал, 1993. № 11. С. 234–259; Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2009. Т. 2. С. 307–308. (В датировке дат рождений Поклевских-Козелл авторы исследований существенно расходятся.)

² ПСЗ-П. Т. 34. № 34813.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 941. Л. 4–9.

⁴ Там же; Микитюк В.П. Винокурный заводчик Николай Севастьянов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2011. Т. 1. С. 295–302.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 98. Л. 209–223.

⁶ Холуницкие горные заводы наследников А.Ф. Поклевского-Козелл. Вятка, 1890. С. 9.

⁷ Павлов М.А. Воспоминания металлурга. Киров, 1992. С. 157.

⁸ Там же. С. 132.

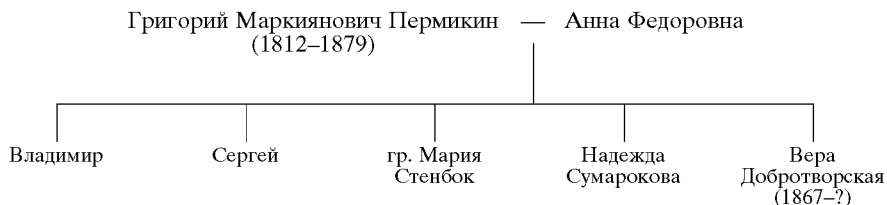
⁹ Холуницкие горные заводы... С. 9–12.

¹⁰ Павлов М.А. Указ. соч. С. 129, 131, 142.

¹¹ Митрофанова Л. Водочный король Зауралья. А.Ф. Козелл-Поклевский в творческом наследии Д.Н. Мамина-Сибиряка // Режим доступа: <http://mag.russ.ru/ural/2008/1/mi34.html>.

- ¹² Экономическая история России... Т. 2. С. 307–308.
- ¹³ Павлов М.А. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 453–454; Т. 3. С. 462–463.
- ¹⁵ Холуницкие горные заводы... С. 12.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 941. Л. 4–9.
- ¹⁷ Там же. Оп. 68. Д. 671. Л. 86–87.
- ¹⁸ Павлов М.А. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2111. Л. 72–87.
- ²⁰ Там же. Оп. 67. Д. 412. Л. 16 об.
- ²¹ Там же. Оп. 5. Д. 2019. Л. 239–241; Китанина Т.М. Материалы межведомственных совещаний и комиссий как источник для изучения положения уральской промышленности и землеустройства горнозаводского населения // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 59–64.
- ²² РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2019. Л. 236.
- ²³ Там же. Л. 239–241.
- ²⁴ Там же. Д. 2111. Л. 72–87.
- ²⁵ Там же. Д. 2019. Л. 239–241.
- ²⁶ Там же. Л. 239–241.
- ²⁷ Там же. Оп. 67. Д. 457. Л. 62 об. – 64 об.
- ²⁸ Там же. Л. 54–57; Оп. 5. Д. 2019. Л. 30–32 об.
- ²⁹ Там же. Оп. 67. Д. 457. Л. 65–66.
- ³⁰ Там же. Л. 71–72.
- ³¹ Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 28–29.
- ³² Там же. Л. 209–223.
- ³³ Там же. Л. 52–55 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 67. Д. 457. Л. 57–60 об.
- ³⁵ Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 126–126 об., 163; Оп. 5. Д. 2019. Л. 193.
- ³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 2019. Л. 9–15.
- ³⁷ Там же. Л. 175, 178, 193–198.
- ³⁸ Там же. Л. 210–212.
- ³⁹ Там же. Л. 234–236, 260 об., 292.
- ⁴⁰ Там же. Л. 266–270.
- ⁴¹ Там же. Л. 329, 334, 336, 345, 346.
- ⁴² Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 303, 325, 338–338 об.; Оп. 5. Д. 2019. Л. 344.
- ⁴³ Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 407.
- ⁴⁴ Там же. Л. 294, 301–301 об., 375.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 5. Д. 2111. Л. 72–87.
- ⁴⁶ Там же. Л. 2–5.
- ⁴⁷ Там же. Л. 7–10, 72–87, 282–285 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 287–288, 299–300.
- ⁴⁹ Экономическая история России... С. 307–308; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 78.
- ⁵⁰ Записки УОЛЕ. Т. XXXI. Вып. 1. Екатеринбург, 1911. С. 11. Автор признателен В.П. Микитюку за возможность воспользоваться этим источником.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1666; Металлургические заводы Урала... С. 199–201.
- ⁵² РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 645. Л. 2–2 об., 5, 6; Д. 671. Л. 79, 82, 148–148 об.
- ⁵³ Там же. Оп. 67. Д. 418. Л. 3.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 68. Д. 671. Л. 1–4, 65–68 об., 199–200 об.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 67. Д. 412. Л. 36–40.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 68. Д. 671. Л. 229–230, 264–265.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 67. Д. 719. Л. 4, 5, 8, 12–18; Оп. 68. Д. 671. Л. 381–383.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 67. Д. 719. Л. 25 об.; Д. 448. Л. 144; Д. 778. Л. 1–2; Металлургические заводы Урала... С. 273.

14. Г.М. ПЕРМИКИН

Красноярский купец первой гильдии Григорий Маркианович Пермикин ненадолго вошел в состав уральских заводчиков после покупки в 1873 г. Ревдинско-Рождественских заводов обанкротившегося П.А. Демидова. Он известен в первую очередь как геолог, открывший месторождения нефрита и лазурита в Восточной Сибири. Рожденный в семье мастера Екатеринбургской гранильной фабрики, Г.М. Пермикин окончил Петербургский технологический институт, работал чиновником особых поручений на Петергофской гранильной фабрике, смотрителем Горнощитского мраморного завода. В 1850–1860-е гг. он вел геологические исследования в Прибайкалье и Восточных Саянах, верховьях Енисея, Приамурье и в пограничных областях Монголии. Как писали наследники, его «50-летняя деятельность была полна многих заслуг в разных отраслях горного промысла, ему обязана Россия изобретением и применением способов разработки золотоносных песков в вечной мерзлоте в Алекминской тайге... он же усовершенствовал обработку сибирских цветных камней и сделал многие прочие полезные открытия и усовершенствования в горном деле вообще»¹.

Дослужившись до чина коллежского асессора, в 1865 г. Г.М. Пермикин вышел в отставку и занялся предпринимательской деятельностью. В деловых кругах России Григорий Маркианович был известен как крупный золотопромышленник, владевший приисками в Якутской области, имевший недвижимость в Иркутске и Петербурге. В Минусинском округе Енисейской губернии ему принадлежал Абаканский железоделательный завод (купленный у наследников купца А.Г. Кольчугина в 1870 г.), на его деньги строился медеплавильный завод в Сергиевском округе Семиреченской области.

Еще в 1861 г. Г.М. Пермикин пытался «обосноваться» в уральской горнозаводской промышленности, в компании с екатеринбургским купцом Е.П. Трофимовым предложив взять в аренду находившиеся в казенном управлении Сысертские заводы под залог двух своих домов в Петербурге стоимостью 330 тыс. руб.² Хотя эта сделка не состоялась, желание стать заводчиком, по-видимому, осталось. Новая попытка, предпринятая через 12 лет, увенчалась успехом.

В соответствии с купчей, составленной в Витебской судебной палате 12 (22) декабря 1873 г., за 800 тыс. руб. сер. к Г.М. Пермикину переходили Ревдинский, Бисертский и Мариинский посессионные и три Рождественских владельческих заводов с лесами, железными рудниками (включая участок Высокогорского месторождения) и землями общей площадью 226 729 дес. Из покупной суммы были исключены 250 тыс. руб. – казенные долги бывшего владельца по залогом заводов Петербургской сохранной казне, Государственному казначейству, Уральскому горному правлению и Пермской казенной палате, которые переводились на покупателя. Но еще накануне покупки по именному указу от 30 ноября 1873 г. они были рассрочены на 37 лет, исключая недоимку сохранной казне (163 385 руб. асс.),

которую следовало уплатить к 15 ноября 1874 г. В качестве обеспечения предоставленной льготы выступали не только покупаемые заводы, но и «собственные имения» Г.М. Пермикина³.

По свидетельству заводского исправника К.А. Вандышева, сделанному им через три года после сделки, Григорий Маркианович купил заводы «в полнейшем расстройстве как в техническом устройстве их, так и в хозяйственном отношении» и «с самого начала своего владения приступил к преобразованиям». Он начал с «поправки» заводских корпусов, поскольку они были до того ветхи, что вынуждали исправника «не раз настойчиво требовать или перестройки, или приостановки работ, так как ежечасно можно было ожидать разрушения их, что даже и случилось в 1873 г. в кричном корпусе благодаря случаю без несчастий для людей». «Видя сильное истощение лесов в Ревдинской даче вследствие нерационального хозяйства прежнего владельца», Г.М. Пермикин «с первого же года приступил к постройке газовых, системы Сименса, печей, применив топки к употреблению хвороста, щепы, коры и т. п.» На месте сгоревшего Мариинского завода был построен «совершенно новый листокатальный завод с двумя прокатными машинами, из коих одна самой новейшей конструкции». В Бисертском заводе приступили к постройке новой доменной печи, которую предполагалось пустить в октябре-ноябре 1877 г. В Ревдинском заводе владелец открыл «совершенно новое механическое заведение, поставив в нем значительное количество станков и машин, приобретенных за границей, и вместе с тем установил в заводе специальное производство рельсовых скреплений, каковые и поставляются по контракту на Уральскую горнозаводскую железную дорогу». Помимо этого заводчик «не жалел средств и на розыск руд и вообще ископаемых богатств в своей даче», где были открыты новые железные и медный рудники «с хорошим содержанием металлов», залежи серного песка и колчеданов. Началось также строительство Рождественского никелевого завода. Как свидетельствовал исправник, «самый никелевый рудник и производство этого металла вследствие огромных затрат, превышающих 70 тыс. руб., и той неистощимой энергии, с каковой г-н Пермикин принялся за опыты и развитие этого производства, встали теперь на твердую почву».

«При том направлении рационального хозяйства как в лесе, так и на рудниках, какое установлено настоящим владельцем, – заключал К.А. Вандышев свой рапорт, – явно видно, что он прочно ставит все хозяйство не только для себя, но и обеспечивает будущность заводов; причем, приступив к улучшениям, вместе с тем увеличил и само производство железа до средней годовой пропорции 450 тыс. пуд., не только не выходя из нормы потребления леса, но, напротив, оставляя на корню до 4 тыс. куб. саж. дров». На реконструкцию заводов в течение трех лет было потрачено 315 630 руб. Однако «результат всех тех огромных затрат и плоды трудов», по мнению исправника, не смогли проявиться в полной мере. Этому помешали перешедшие на Г.М. Пермикина казенные и особенно частные долги П.А. Демидова, которые «объявились» уже после покупки. Купцу пришлось выплатить 545 917 руб. и еще осталось в долгу почти 230 тыс. руб. Именно следствием «постепенного выхватывания денег из оборотного капитала в уплату долгов» и оказалась финансовая несостоятельность заводчика⁴.

Ситуацию усугубило и то, что значительно повысились цены на заготовку «припасов», в то время как цены на железо при «отсутствии всякого спроса покупателей» снизились. Отчасти Ревдинско-Рождественские заводы выручал Сибирский торговый банк, которому еженедельно закладывалось выделанное железо до тех пор, пока неожиданно не «объявился» крупный частный долг (60 тыс. руб.)

бывшего владельца, который, по условиям сделки, должен был выплачивать Г.М. Пермикин. По этому долгу, сообщал исправник, «явился судебный пристав Екатеринбургского окружного суда с доверенным от истца и запечатал все магазины с заложенным в Сибирском банке железом и трехдневной выделкой свободно-го железа». Хотя исправник «устранил секвестр... и печати приставом были сняты», эти действия подрывали авторитет заводчика и банк отказал в новых ссудах⁵. Уже в 1876 г. заводууправление не смогло полностью рассчитаться с рабочими и стало расплачиваться заводской продукцией. Все это не позволяло погашать рас-сроченные казенные долги, горные и другие подати.

В 1874 г., когда подошел срок первого платежа сохранный казне, Г.М. Пермикин ходатайствовал об отсрочке. Не только эта недоимка, но и долг банковской конторе с разрешения министра финансов были рассрочены на четыре года. Отно-сительно долга Горному правлению в январе того же года исправник сообщал, что «заводууправление вполне сознает свою обязанность по его взносу... но по случаю значительного сокращения заводского действия от маловодья в заводских прудах и в то же время при задолжении громадного капитала на заготовку по зимнему пути материалов на полное годовое действие заводов... решительно не предвидит воз-можности погасить этот долг, тем более что по неимению в приходе сумм при та-ком временно затруднительном положении оно должно производить текущие рас-ходы по администрации и за обыденные заводские работы, а потому просит поверг-нуть вниманию Уральского горного правления настоящее крайнее, хотя, можно сказать, и временное затруднение заводов и ходатайствует об отсрочке платежа до мая сего года, так как только с наступлением весны заводы, освобождаясь от задол-жения капиталов, при полном действии будут оправдывать вышеобъясненные за-траты и дадут несомненную возможность уплатить долг». Поддержав тогда обеща-ние заводууправления, К.А. Вандышев вместе с тем извещал, что припасов заго-товлено «всего лишь немногим более половины, и как справятся заводы с осталь-ной заготовкой и чем будут рассчитывать рабочих людей – это вопрос неразрешен-ный»⁶.

В том году заводы не смогли уплатить даже горные подати за выплавленные 633 543 пуд. чугуна; работу Рождественских и никелевого заводов приостановили. Исправник предложил учредить над ними казенный присмотр и «дать какое-либо временное пособие», иначе, считал он, «заводы будут в необходимости остановить полностью действие свое». О том же просил главного начальника уральских заво-дов и уполномоченный по делам Ревдинско-Рождественских заводов граф Михаил Максимович Стенбок. Он заверял, что «владелец имеет возможность продолжать заводское действие безостановочно, если заводы не будут подвергаться внезапным секвестрам металлов и взысканиям частных долгов». К тому же, продолжал он, только случайность не позволила расплатиться по казенным ссудам. Заводы, ут-верждал М.М. Стенбок, уже выплатили в 1876 г. 85 762 руб., оставшиеся 48 138 руб. предполагалось «взнести по продаже разрешенного к вырубке из Рождественской дачи и сплавления по рекам Каме и Волге леса в количестве 50 тыс. шпал, запро-данных на Донецкую железную дорогу на сумму 45 тыс. руб.» Но плоты не смогли дойти до места назначения из-за маловодья и вынуждены были остаться на зимов-ку, объяснял уполномоченный⁷.

Главный начальник И.П. Иванов приказал создать особую комиссию «для со-браения сведений, чтобы на их основании представить министру свои соображения об упадке заводов и о мерах к поддержанию их». Участвовавший в ее работе стат-ский советник А.Г. Померанцев пришел к тем же выводам, что и исправник

К.А. Вандышев, добавив к перечню причин «расстроенного состояния» заводов еще и то, что «в прежнее время был испорчен и запущен участок Ревдинских заводов в Высокогорском руднике», а также указав на отсутствие в округе золотопромышленности, которая, по его мнению, «в других частных округах служит подспорьем железнному делу и в критических обстоятельствах помогает продолжению заводского дела». «Меры Пермикина... – утверждал он, – привели бы Ревдинские заводы в выгодное положение, если бы не встретилось недостатка в средствах... и вообще нельзя не отдать справедливости г-ну Пермикину в том, что он является одним из полезных деятелей на Урале»⁸.

Но в принятии какого-либо ответственного решения горное начальство опередила Петербургская сохранный казна, 8 октября 1876 г. распорядившаяся назначить заводы «неисправного плательщика» Г.М. Пермикина в публичную продажу. Екатеринбургская дворянская опека 21 октября 1876 г. взяла их в свое управление «до будущей продажи», запретив владельцу, как это и полагалось, въезд в имение и устроив его «от собирания и пользования доходами». Мнение М.М. Стенбока, писавшего, что «учреждение опеки вообще, как можно было видеть из бывших примеров с некоторыми на Урале заводами, в том числе и с Ревдинскими, не оправдывало своего назначения, а скорее вело к большему расстройству опекою имения и обременению его долгами», было проигнорировано. Несмотря на это в безвыходной ситуации он согласился на роль опекуна, полагая необходимым в первую очередь освободиться хотя бы от выплаты недоимки по горной подати и неизбежного в этом случае секвестра металлов.

«Доходы горных заводов, как известно, определяются лишь по продаже металлов на ярмарках Лаишевской и Нижегородской, – извещал граф М.М. Стенбок главного начальника всего через месяц после учреждения опеки, – следовательно, уплачивая ныне горные недоимки из залога металлов, я буду оставаться в безвыходном положении относительно дальнейшей производительности заводов, а с остановкой их лишусь и последней возможности извлекать всякую доходность из вверенного моему попечению имения, рабочий же народ... лишенный средств к пропитанию... даже сейчас начинает роптать». Опекун просил горное начальство не секвестрировать железо и отсрочить выплату горных податей до продажи металлов, но «с обязательством взноса их за время опекунского управления без просрочки».

И.П. Иванов заступился за опекуна, признав, что «упадок цен оказал неблагоприятное влияние и на заводы, находящиеся в несравненно лучших условиях, чем Ревдинские, крайне расстроенные еще во владении Демидова». М.М. Стенбоку разрешили закладывать металлы «без взыскания», но только в казенном банке, предоставлявшем ссуды с меньшими, чем в коммерческих банках, ставками. «Отсрочка более-менее дала возможность входить в запасы по зимнему пути материалов, продолжать выделку железа и производить расчеты рабочих людей, – извещал опекун в феврале 1877 г., – но тем не менее заводы, в настоящее время не имея других средств и получая ссуды в сложности только по 90 коп. за пуд железа, далеко не могут из этой цифры покрывать все текущие издержки». На основе доклада министра финансов 10 сентября 1877 г. Александр II повелел все новые казенные недоимки «причислить к капиталам по сим долгам и составленную таким образом сумму (927 789 руб.) вновь рассрочить на 37 лет... с тем, чтобы в первые три года платить только половину ежегодных платежей, а остальные с начислением 5% уплатить в оставшиеся 34 года». Обеспечением новой льготы должны были служить заводы, негорнозаводские имения и золотые прииски Г.М. Пермикина. Но получить от него письменное обязательство оказалось трудно, поскольку тогда, по сведениям за-

водоуправления, он находился на своих сибирских приисках. Однако иркутские власти сообщили, что отсюда он уже выехал в Петербург⁹. Оказывается, тяжело заболел в Сибири, Г.М. Пермикин возвратился в столицу, где 3 июня 1879 г. скончался в возрасте 66 лет.

У Григория Маркиановича и его жены Анны Федоровны были сыновья – Владимир и Сергей (записанные потомственными дворянами) и дочери – Мария (вышедшая замуж за графа Стенбока), Надежда (супруга коллежского асессора Василия Федоровича Сумарокова) и Вера (вышедшая замуж в 1891 г. за коллежского регистратора Бориса Алексеевича Добротворского). Вероятно, из-за малолетства наследников (Вере в год смерти отца исполнилось всего 12 лет) опека продолжила управлять заводами и, надо полагать, наследники не вступили в наследство, обремененное долгами. Только в 1895 г. Вера Добротворская выдала доверенность своему зятю В.Ф. Сумарокову «принять на себя труд привести в известность все долги покойного родителя... и все оставшееся после него имущество и, сообразив о выгодности или невыгодности принятия наследственного имущества, в первом случае вступить в распоряжение наследственными имениями и принять таковые, а в последнем – отречься за меня от предоставленных мне по завещанию прав»¹⁰.

Опека тем временем справлялась лишь с выплатой текущих податей и платежами Горному правлению, которые контролировались специально назначенным чиновником и ежегодно вычитались при залоге железа в Екатеринбургской банковской конторе. Не прекращавшиеся задержки выплат сохранной казне привели к тому, что заводы все-таки были выставлены на продажу 7 февраля (с повторными торгами 10 февраля) 1883 г. Продажа не состоялась, как сочли в Горном департаменте, из-за того, что Горное правление «чрезмерно завысило» сумму долга своему ведомству (445 100 руб. вместо 87 988 руб.). Ревдинско-Рождественские заводы остались в опекуновском управлении, которое с трудом составляло операционный капитал только за счет срочных залогов металла. В 1885 г. оно уже просило не вычитать долги из получаемых ссуд, поскольку иначе не было способно вовремя расплачиваться с рабочими¹¹.

При таком положении с финансами долго откладывалось и наделение земель населения горнозаводского округа. Но именно оно отчасти позволило решить долговые проблемы заводов. В 1888 г. бывшие мастеровые закрытых Рождественских заводов пришли «к добровольному соглашению» с опекуном М.М. Стенбоком, согласно которому они получали земельные наделы с условием перевода на них части заводского долга (почти 300 тыс. руб.). Выкупные ссуды перечислялись из Крестьянского поземельного банка не владельцу, а непосредственно в Государственное казначейство. Александр III утвердил эту сделку 10 июня 1888 г. и повелел «Рождественское имение изъять из опекуновского управления и передать в заведывание и распоряжение конкурсного управления по делам Пермикина».

Конкурс был открыт еще 26 ноября 1884 г., но до урегулирования вопроса о землеустройстве горнозаводского населения недвижимое имущество «несостоятельного должника», составлявшее основной капитал, не было передано в его ведение. Теперь же конкурсу предписывалось «при совершении актов на продажу имений Пермикина, заложенных в Петербургской сохранной казне, руководствоваться установленными правилами... до того, пока не покроется через продажу во все долг сохранной казне». По-видимому, в 1890 г. соглашение о выкупных платежах заключили и с ревдинскими мастеровыми. В связи с этим по именному указу от 15 июня 1890 г. конкурсному управлению из опеки передали и Ревдинское горнозаводское имение, хотя выкупные платежи были рассрочены мастеровым на 37 лет¹².

Уполномоченный Горного правления в опеке коллежский советник С.Я. Закожурников 9 ноября 1890 г. передал заводы уполномоченному от конкурса инженер-технологу Н.Г. Палкину. «Положение заводов крайне печально, – делился он своими впечатлениями, – главных материалов хватит не более как на один месяц, а для вывоза требующегося количества не имеется вовсе денег и к довершению такого несчастья в заводских прудах оказалось очень мало воды». За время опекунского управления выплавка чугуна упала с 644 тыс. до 421 тыс. пуд., в 1890 г. прекратил свою деятельность восстановленный было Средне-Рождественский завод, сдававшийся опекой в аренду¹³. Все бывшие Рождественские заводы были превращены в сельскохозяйственные имения и распродавались по частям. Не сумев найти покупателей на Абаканский завод, конкурс в 1888 г. передал его в аренду на 10 лет рабочей артели¹⁴.

Н.Г. Палкин, оставленный управляющим Ревдинскими заводами, уверял горное начальство, что неоднократно обращался в конкурсное управление (располагавшееся тогда в Петербурге по ул. Кирочной, д. 8, кв. 14) «для безотлагательного ассигнования не менее 150 тыс. руб.», но получил «категорический отказ». По его мнению, управление вовсе не желало нести ответственность за полученное в свое распоряжение имение и «в случае крайности» было готово «скорее согласиться на остановку в заводах работ, нежели на продолжение их», рассчитывая, что в таком случае «о продовольствии ревдинского народонаселения обязано будет заботиться земство».

На запрос главного начальника уральских заводов И.П. Иванова в декабре 1891 г. конкурсное управление ответило, что «отнодь не намерено прекращать действие Ревдинских заводов, но при крайней ограниченности наличных денежных средств и при полнейшей невозможности увеличивать задолженность заводов оно вынуждено вести дело лишь в пределах тех средств, которые извлекаются из заводской деятельности». Тем не менее оно все-таки передало дополнительно 30 тыс. руб. для выплаты казенного долга. «За отсылкой этой суммы, – сообщалось в отзыве, – конкурсное управление никакими денежными средствами, которые можно было бы обращать на усиление действия заводов, не располагает»¹⁵.

По-видимому, впоследствии финансирование заводов обеспечивалось отчасти продажей отдельных частей Рождественского сельскохозяйственного имения. Известно, что в 1893 г. конкурсу разрешили «отдать» разработку принадлежавшего Ревдинским заводам участка Высокогорского рудника обществу «Кама»¹⁶. Чтобы поддержать конкурсное управление, по именному указу от 9 июля 1894 г. был изменен порядок распределения доходов от предполагаемой дальнейшей распродажи имения. Деньги, оставшиеся после уплаты недоимок Горному правлению (всего 185 619 руб.), могли поступить на удовлетворение претензий конкурса (почти 200 тыс. руб.) и «только засим, могущие оказаться свободными денежные суммы» обращались на возмещение долгов сохранной казне и Государственному казначейству. Казна, таким образом, фактически поступилась частью своих старинных, еще дореформенных долгов в пользу частных кредиторов Г.М. Пермикина.

Вероятно, возможность вернуть столь неудачно вложенные капиталы подвигла кредиторов к активным поискам покупателей на бывшее имение Г.М. Пермикина. Удача как будто улыбнулась им уже в конце 1894 г.: 7 декабря конкурс подписал «задаточную роспись» с правлением Товарищества Сергинско-Уфалейских заводов на продажу Ревдинского горнозаводского имения «со всеми находящимися в нем заводами, лесными дачами, землями и рудниками» за 1155 тыс. руб. Конкурсное управление брало на себя обязательство ходатайствовать перед правительст-

вом о рассрочке всех переводимых на покупателя долгов на 24,5 года с начислением 5%, а также об изменении посессионного статуса заводов. Но даже в случае «неблагоприятного исхода» ходатайства Товарищество соглашалось принять имение «на тех правах и обязанностях, какие конкурс ныне имеет» и совершить купчую не позже трех месяцев со дня уведомления о его результатах. В качестве залога управление получило аванс в размере 50 тыс. руб. Уже 15 декабря 1894 г. Общее собрание кредиторов утвердило продажу заводов¹⁷.

Очевидно, что сделанное конкурсу предложение оказалось для него выгодным, а намерения руководства Сергинско-Уфалейского общества – самыми серьезными. Вероятно, оно планировало объединение двух крупных и граничивших друг с другом горнозаводских округов и ради этого шло на значительные издержки. Более того, оно предложило «принять на себя» расходы по возводившейся в Ревде домне и отправило туда железо, как следует из телеграммы управляющего, «дабы не задерживать постройку домны, окончание которой в виду недостатка чугуна представляет собой неотложное дело».

Эти предложения оказались весьма кстати для буквально задыхавшихся от безденежья заводов. Особое значение для них имели заключенные в марте 1895 г. соглашения на передачу Товариществу «заготовок всех необходимых для безостановочного действия Ревдинских заводов запасов и материалов». «Дабы предупредить уход обеспокоенных неизвестностью дальнейшей судьбы заводов рабочих на другие заводы и для того, чтобы по принятии заводов нашим Товариществом они могли бы тотчас работать полным ходом... не найдет ли конкурсное управление возможности... поручить правлению Товарищества заготовку для Ревдинских заводов необходимых припасов и материалов... с тем, чтобы они остались неприкосновенной собственностью Товарищества?» – предлагал председатель правления К.Ф. Винберг. «Условия засвидетельствованы, задатки выданы... Праздников веселых желаю», – в канун Пасхи телеграфировал управляющий А.К. Криночкин¹⁸.

Но «веселье», видимо, продолжалось недолго, поскольку на пути к скорейшему окончанию сделки встали непредвиденные препятствия. Еще в январе правление Товарищества рассчитывало получить вожделенное имение «в фактическое распоряжение» уже к 1 февраля 1895 г. Но незадолго до этого в Петербургский окружной суд поступила жалоба «от Ратькова и других», как их называли представители Товарищества, «противников решения». Хотя 21 февраля 1895 г. суд решил эту жалобу «оставить без последствий», но «противники» обжаловали постановление, из-за чего сделка была отложена. В имеющихся в нашем распоряжении документах умалчивается о подоплеке этих событий, но они позволяют предположить, что на выгодных условиях приобрести перспективное горнозаводское имение хотело не одно Сергинско-Уфалейское товарищество. В этом с ним соперничал известный предприниматель и, как можно предполагать, кредитор Г.М. Пермикина, В.А. Ратьков-Рожнов, который предложил за заводы большую цену и вовсе не собирався отступать.

Хотя, по расчетам правления Товарищества, срок обжалования судебного решения истекал 20 марта 1895 г., но даже еще в августе того года оно извещало, что «в настоящее время вопрос о переходе Ревдинских заводов в собственность Товарищества находится в неопределенном положении... и дело это должно затянуться на долгое время». В связи с этим Товарищество предписало своему управляющему «воздержаться от производства расходов на заготовки для Ревдинских заводов»¹⁹.

По-видимому, в конце 1895 г. надежды Товарищества совершить сделку окончательно рухнули. У вновь назначенного управляющего Ревдинскими заводами ин-

женера-технолога В.С. Новикова оно требовало уже только возвращения «кредитов». Тот соглашался сделать это, но «не одновременно, а по частям». Поскольку сумма «кредита» не превышала 8 тыс. руб., можно предполагать, что положение заводов после отказа Товариществу в покупке было достаточно сложным²⁰. Тем не менее оказанная соседними заводами помощь позволила продлить их работу до новой, оказавшейся выгодной сделки. Судя по тому, что ее сумма превышала предложенную Товариществом Сергинско-Уфалейских заводов на 120 тыс. руб., кредиторы Г.М. Пермикина получили от ее совершения двойную выгоду.

Состоявшееся 20 декабря 1896 г. Общее собрание кредиторов приняло решение о новой продаже Ревдинских заводов. На оформление сделки ушло еще два года, что отчасти объяснялось претензиями наследников Г.М. Пермикина, неожиданно проявивших активность после многих лет невмешательства в дела управления. В 1895 г. и в январе-феврале 1896 г. Николаю II и в Министерство государственных имуществ они подали несколько прошений, в которых просили учредить вместо конкурсного новое опекуновое управление.

После смерти отца, писали наследники, «началось падение заводского производства, оставшегося без сведущего в заводском деле хозяина... и под конкурсным управлением, состоявшем из лиц без всякого горного образования». «Распродав значительную часть лесного Рождественского имения, означенное управление приступило в последнее время к приисканию покупателя на главное имущество Пермикина – горнозаводское его имение. Но как всякий знает, – сообщали они, – что конкурсное управление непременно вынуждено продавать это имущество, то понятно, что каждый пользуется этим случаем, чтобы приобрести многоценные заводы как можно дешевле, так что ценами, которые до сих пор предлагались, не покрываются даже казенные долги, а часть кредиторов и наследники Пермикина теряют поэтому все». Они уверяли, что именно «бедственное положение» производства вынуждало их настаивать на учреждении опеки «с целью скорейшего восстановления действия заводов». С этим, по утверждению наследников Г.М. Пермикина, соглашалось и большинство кредиторов, которые видели в опеке «единственное спасение своих капиталов». «Расстройство и упадок значительных горных заводов отца нашего, – сознавались наследники, – несомненно влечет полное разорение наших семейств, а также обеднение и нищету значительного количества местных рабочих, и не может не иметь вредного влияния на развитие горного дела в России». Они предлагали подчинить опекуновое управление ведению Петербургской дворянской опеки и составить его из четырех членов: «одного от наследников, одного по выбору кредиторов, одного, как специалиста в горном деле, по совокупному назначению Министерства финансов и Министерства государственных имуществ, и одного – по назначению дворянской опеки». Причем наследники сообщали, что с их стороны опекуном согласился стать «такой опытный и знающий общественный деятель, как капитан-лейтенант Михаил Ильич Кази (бывший директор Одесского и Балтийского судостроительных заводов, председатель Русского технического общества и Комиссии по развитию в России судоходства и торговли, скончавшийся в том же году. – *Е.Н.*)».

Наследники Г.М. Пермикина предлагали остававшиеся казенные долги расписать по банковским правилам на 24 года, а с частными кредиторами предоставить опеке «входить в добровольные соглашения о порядке, размере и сроках удовлетворения претензий». Помимо управления опека могла «образовывать горнозаводские товарищества на паях или акциях для расчета с кредиторами и раздела между наследниками, производить продажу, залог и перезалог недвижи-

мого имущества». Все вырученные суммы «за уплатой срочных взносов в погашение долга сохранной казне, Государственному казначейству и горному ведомству, а равно на содержание детей наследников Г.М. Пермикина», обращались на удовлетворение кредиторских претензий. Для деятельности опекунского управления отводилось всего три года «с восстановлением по истечению оных, если к тому времени не будут удовлетворены частные долги Пермикина, права кредиторов на предъявление своих претензий по долгowym обязательствам порядком, для взыскания долгов законом установленным»²¹.

Но мнение министра государственных имуществ А.С. Ермолова, выраженное им в ответ на предложение наследников Г.М. Пермикина, оказалось не в их пользу. «Ни существующее ныне конкурсное управление, ни всякого вида опекунское управление, если бы таковое было учреждено... по самому назначению своему не могут затрачивать потребных на улучшение имения сумм, – писал он министру юстиции Н.В. Муравьеву. – Поэтому единственным средством к поднятию заводов... является продажа их солидному капиталисту или товариществу в возможно непродолжительное время. Настоящее время особого оживления горной промышленности представляется весьма благоприятным для полной ликвидации дел несостоятельного должника Пермикина, и всякая задержка в такой ликвидации, по моему мнению, была бы невыгодна для казны... и горнозаводского дела». Еще лаконичнее оказался отзыв министра юстиции: «Ходатайство об учреждении опеки подлежит безусловному отклонению». Это не оставило наследникам Г.М. Пермикина, так и не вступившим в права владения, никакой надежды и делало неизбежной продажу Ревдинских заводов²².

Председатель конкурсного управления действительный статский советник В.И. Иванов и кураторы (действительный статский советник П.М. Михайлов и надворный советник В.В. Иловайский) 16 декабря 1898 г. совершили крепостной акт на продажу Ревдинского горнозаводского имения В.А. Ратькову-Рожнову за 1275 тыс. руб. Долги бывшей Петербургской сохранной казне (609 751 руб.), Государственному казначейству (381 627 руб.) и горному ведомству (59 767 руб.) были включены в сумму продажи и переведены на покупателя. Конкурсному управлению досталось приблизительно 224 тыс. руб. «на удовлетворение кредиторов»²³. Покупателю перешел тогда и Абаканский завод в Хакасии. В 1893 г. рудники, открытые Г.М. Пермикиным в Казахстане, были «отобраны в казну». В 1899 г. их вновь «заявил» организатор Воскресенского горнопромышленного товарищества купец А.И. Деров. Но в 1901 г. наследники Григория Маркиановича (к тому времени один из них, Сергей, уже умер), пытаясь хотя бы частично сохранить за собой имущество отца, просили возвратить им «участок земли до 38 396 дес. в Киргизской степи и заявленные различные месторождения медной руды, каменного угля, селитры и т. п.» «Имуществом Пермикина до 1900 г. распоряжалось конкурсное управление, во главе которого стоял представитель казны от Министерства финансов, – известили их чиновники Горного департамента. – По вине этого представителя и отобраны рудники в казну». Поскольку в 1901 г. министр государственных имуществ распорядился возвратить их наследникам, можно предположить, что долги разорившегося владельца Ревдинского Рождественских заводов Г.М. Пермикина все-таки были уплачены²⁴.

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2659. Л. 2–3.

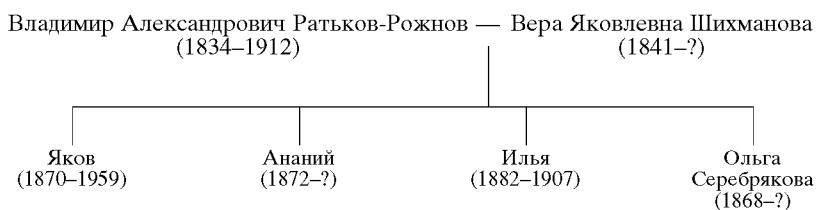
² ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335. Л. 183.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 6. Д. 3225. Л. 50 об., 68–72.

⁴ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 925. Л. 1–6, 35, 68.

- ⁵ Там же. Л. 1–6.
- ⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 6. Д. 3225. Л. 87, 108, 120–121, 146, 154.
- ⁷ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 925. Л. 14–16, 28 об.
- ⁸ Там же. Л. 35.
- ⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 6. Д. 3225. Л. 169–179 об., 188–190 об., 195–198, 205, 233–234, 248–249, 252 об.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2659. Л. 4–6.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 11, 36, 51, 56, 59.
- ¹² Там же. Л. 69–72.
- ¹³ *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 404; *Кудымов А.Б. Рождественские железоделательные заводы XVIII–XIX вв.: краткий исторический очерк // Урал индустриальный: Бакунинские чтения.* Екатеринбург, 2003. С. 54–57.
- ¹⁴ *Зиновьев В.П. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в.* // Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his/01/image/21-33.pdf>.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 82, 86, 95, 100.
- ¹⁶ Там же. Д. 471. Л. 3, 27–38.
- ¹⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 537. Л. 2–4, 6.
- ¹⁸ Там же. Л. 32, 90, 123.
- ¹⁹ Там же. Л. 84, 87–88, 121.
- ²⁰ Там же. Л. 144, 154.
- ²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2659. Л. 1–10, 13–14.
- ²² Там же. Л. 15, 17.
- ²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 103, 105, 108–109, 142–143.
- ²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1020. Л. 1, 16.

15. В.А. РАТЬКОВ-РОЖНОВ И НАСЛЕДНИКИ

В 1898 г. Владимир Александрович Ратьков-Рожнов купил у конкурсного управления по делам Г.М. Пермикина Ревдинские заводы. Новый владелец принадлежал к получившей широкую известность во второй половине XIX – начале XX в. семье, соединившей два старинных рода дворян Ратьковых и Рожновых. Среди его братьев были вице-адмирал Николай Александрович, депутат IV Государственной думы Геннадий Александрович, директор архива Морского министерства Алексей Александрович и вице-губернатор Вятки Всеволод Александрович. Его племянник Александр Николаевич Ратьков-Рожнов возглавлял Главное правление Нижнетагильских и Луньевских заводов Демидовых, состоял председателем правления синдикатов «Кровля» и «Медь».

Окончив юридический факультет Петербургского университета, Владимир Александрович служил в Сенате, столичном окружном суде и Министерстве юстиции. Известность к В.А. Ратькову-Рожнову пришла в результате его широкой благотворительной деятельности. Он был попечителем нескольких детских приютов и домов призрения, членом Совета Императорского человеколюбивого общества и Главного управления общества Красного Креста, а также многих других подобных организаций. Вершины его служебной карьеры – должность городского головы Санкт-Петербурга, которую он занимал в 1893–1898 гг., звание сенатора, полученное в 1904 г., и чин действительного тайного советника – в 1898 г.

Еще в конце 1860-х гг. В.А. Ратьков-Рожнов начал сотрудничать с крупным петербургским лесопромышленником, благотворителем и меценатом Василием Федуловичем Громовым и вскоре занял ведущее положение в его фирме. Оно сохранилось за Владимиром Александровичем и после смерти купца при его брате Илье Федуловиче, который, не имея наследников, именно компаньону завещал свое многомиллионное состояние. Как удостоверения Петербургская купеческая управа, «полными товарищами торгового дома “Громов и К^о”, существующего с 1874 г., были действительные статские советники И.Ф. Громов и В.А. Ратьков-Рожнов и... за смертью первого из них на основании товарищеского договора... и духовного завещания Громова, утвержденного 21 сентября 1882 г., все оставшееся имущество... где бы оно не находилось и в чем бы не заключалось, все решительно он оставил в полную собственность другу своему – Ратькову-Рожнову». Поэтому с 1882 г. Владимир Александрович стал «единственным представителем и собственником» торгового дома «Громов и К^о», которому принадлежали лесные дачи в Олонецкой и Новгородской губерниях площадью свыше 385 тыс. дес. Оттуда лес сплавлялся на пильные заводы фирмы и лесную биржу в Петербурге. В столице В.А. Ратьков-Рожнов занимался скупкой земельных участков и строил доходные дома. В 1890-е гг. он приобрел акции нескольких уральских и сибирских золото-промышленных компаний (Забайкальская, Иверская, Миасская, Южно-Алтайская) и стал крупным золотопромышленником¹.

На этом фоне покупка Ревдинского горнозаводского округа выглядит несколько необычной. Вероятно, В.А. Ратькова-Рожнова привлекли условия, на которых продавалось перспективное, но находившееся под крупным казенным долгом горнозаводское имение. Еще 10 декабря 1898 г., накануне покупки, было утверждено положение Комитета министров, согласно которому долги Ревдинских заводов по ссудам из бывшей Петербургской сохранной казны и Государственного казначейства (991 378 руб.) были рассрочены на 28 лет с платежом 4% роста и погашения. Сохранялись в силе и условия 1877 г. по погашению долга горному ведомству (59 767 руб.), который был тогда рассрочен на 37 лет под 5% годовых. Беспрецедентной выглядела льгота по передаче посессионного округа покупателю на праве полной собственности, что фактически означало отказ государства от собственности на его природные ресурсы (включая значительные лесные площади). Такое намерение высказывалось в правительственных кругах еще в 1895 г., по-видимому, в целях привлечения покупателей на Ревдинские заводы. Через три года оно принесло свои плоды. Изменение формы собственности позволяло владельцу не только свободнее распоряжаться ресурсами округа, но и сокращать расходы за счет снижения в полтора раза горной подати. Взамен же казна потребовала заключения закладной на все имение, служившее обеспечением долга.

На таких условиях 16 декабря 1898 г. В.А. Ратьков-Рожнов (проживавший тогда в столице по ул. Миллионной, 7) заключил купчую с представителями конкурс-

ного управления на Ревдинский горнозаводский округ, состоявший из Ревдинского чугуноплавильного, Бисертского и Мариинского железоделательных и Барановского прокатного заводов и включавший земли и леса площадью почти 185 тыс. дес. Покупная цена была определена в размере 1275 тыс. руб. с учетом 1 051 145 руб. казенных долгов, переводившихся на покупателя. Таким образом, Владимир Александрович становился владельцем большого горнозаводского округа, где в 1898/99 г. произвели до 757 тыс. пуд. чугуна и 608 тыс. пуд. сортового железа. Купчая и заключенная тогда же закладная в пользу казны были утверждены екатеринбургским нотариусом 23 июля 1899 г.² К новому владельцу перешел и Абаканский завод Г.М. Пермикина, находившийся тогда в аренде у рабочей артели.

При вступлении во владение неожиданные затруднения вызвал перевод округа на пониженную горную подать. Для заводчика это условие покупки было, по-видимому, чрезвычайно важным, поскольку он немедленно стал просить Горный департамент об уменьшении подати не с момента утверждения купчей, а со времени ее подписания, т. е. на полгода раньше. Однако в Уральском горном правлении усмотрели, что чугун Ревдинских заводов производился преимущественно из руды Высокогорского месторождения, располагавшегося в Нижнетагильском округе, и Макаровского – в Сысертском округе, считавшихся посессионными. В связи с этим было приказано брать повышенную подать с Ревдинских заводов за выплавлявшийся из этой руды чугун. Многочисленные протесты и прошения поверенного владельца Н.Г. Стрижова привели к тому, что взыскание подати приостановили до решения этого вопроса в Горном совете. Но там обсуждение затянулось, что было весьма выгодно заводчику, и даже в 1911 г. Горное правление так и оставалось в неведении, какую подать взимать с владельческих Ревдинских заводов за чугун, выплавлявшийся из высокогорской руды³.

Новый хозяин вполне представлял сложности владения уральскими металлургическими заводами в условиях назревавшего экономического кризиса. «Быстрый рост горнозаводской деятельности на Урале и на Юге России, – писал он в 1901 г., – развил конкуренцию, предложение превышает спрос, и сортовое железо сильно понизилось в цене. Это понижение на Нижегородской ярмарке дошло до 20 коп. на пуд... Рынок требует не только дешевого сортового железа, но и высокого по своему качеству и внешней отделке». По его мнению, на Урале еще недостаточно был развит железнодорожный транспорт, а гужевые перевозки «ложились громадным процентом на стоимость производства». И по этой причине, и «отчасти по специфической особенности горного дела на древесном топливе» необходимо было «иметь в деле значительный оборотный капитал». «При таком положении дела, – полагал Владимир Александрович, – металлургические заводы должны в техническом отношении быть безукоризненны, если же не имеют на то средств, то должны прекратить свое существование... Я предвижу возможность дальнейшего ведения дела только при правильной технической постановке его, тем более что этот путь даст надежду при развитии сети местных железных дорог встретить спокойно и дальнейшее понижение цен на чугун и железо».

В таких условиях для Ревдинских и Абаканского (в мае 1901 г. этот завод сгорел, но по просьбе рабочих владелец решил его восстановить) заводов, перешедших к нему «в самом печальном виде», потребовалась разработка специальной «программы их улучшения». «За кратковременное мое владение... – разъяснял В.А. Ратьков-Рожнов некоторые детали ее реализации министру финансов С.Ю. Витте, – мною затрачено уже 1½ млн руб. на улучшение заводов согласно современным требованиям техники. В рациональности сделанных затрат убеждают

меня не только получаемые технические результаты, но и отзыв главного начальника уральских заводов, пославшего мне 4 ноября сего года во время посещения нового Бисертского доменного завода телеграмму, что он нашел все сооружения исполненными превосходно, разумно, вполне рационально». Действительно, бывший вспомогательный завод стал крупным предприятием индустриального типа с полным производственным циклом⁴. Но дальнейшее выполнение программы требовало вложения еще 1 млн руб. «Я не ишу их у казны, – разъяснял заводчик, – но я мог бы найти их в Нижегородско-Самарском банке». Однако вновь заложить уже состоявшие в закладе заводы было сложно. Поэтому владелец предлагал обеспечить давний казенный заем, переведенный на него по купчей крепости, не Ревдинскими заводами, а принадлежавшими ему на севере лесами, ценность которых, по его мнению, многократно превышала имевшийся у заводов долг. Заложить их в земельных банках не представлялось возможным, так как подобные «лесные имения» находились «вне сферы их деятельности».

После консультаций в Горном департаменте Николай II утвердил доклад С.Ю. Витте и удовлетворил просьбу В.А. Ратькова-Рожнова. Ревдинские заводы 1 февраля 1902 г. были освобождены от казенного залога (к этому времени они были должны бывшей Петербургской сохранный казне уже 640 885 руб., а Государственному казначейству – 393 846 руб.); необходимый владельцу залог их в Нижегородско-Самарском банке разрешили при условии погашения из выдаваемой ссуды долга горному ведомству (71 010 руб.). Окружной инженер тогда уведомил власти, что округ, оцененный в 3 435 966 руб., произвел 806 тыс. пуд. чугуна и 617 тыс. пуд. железа и получил прибыль в размере 127 тыс. руб. При таких показателях производства вполне обоснованно можно было рассчитывать на новый заем⁵. Но прежде чем он состоялся, заводы пережили несколько серьезных потрясений. В том же 1902 г. из-за кризиса сбыта металлов производство на Ревдинском заводе значительно сократилось, остальные заводы округа были остановлены. Это вызвало протесты рабочих, не без основания опасавшихся лишиться средств к существованию. Эта тревога отразилась в прошении поверенного ревдинского волостного общества П.К. Криночкина, которое он подал в 1903 г. министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову.

Поверенный утверждал, что «с переходом заводов в солидные руки полного владельца» производительность их должна была возрасти. «Между тем начальная деятельность вовсе не оправдала этих надежд, и Ратьков-Рожнов не только не увеличил производительности заводов, но стремится даже прямо к полному упразднению заводской деятельности, постепенно ее сокращая». Основным доказательством тому послужила остановка Бисертского и Барановского заводов. Кроме того, владелец обвинялся в снижении качества железа (оно, по словам поверенного, стало «прямо никуда не годной дрянью», вырабатываемой из «старой бракованной руды»), в затягивании расчетов с рабочими и выдаче им вместо денег талонов и даже железа, в продаже запасов угля «на сторону» и прекращении новых заготовок топлива, а также в хищнической вырубке и продаже леса из заводских дач, «лишь бы превратить в деньги все, что возможно». «Цель Ратькова-Рожнова ясна, – утверждал П.К. Криночкин, – он желает превратить ныне Ревдинский горнозаводский округ в лесное имение и, остановив заводы, открыть торговлю лесом». «От имени 20-тысячного населения» поверенный ходатайствовал о «понуждении владельца... в видах обеспечения быта населения... к возобновлению деятельности заводов в надлежащем виде... в случае же невозможности принять меры и наделить землей сельских обывателей», а до этого взять заводы в казенное управление.

Окружному инженеру И.Н. Крыжановскому поручили разобраться в деле. В январе 1904 г. он рапортовал главному начальнику уральских заводов, что нашел все изложенное в прошении «поданным в неправильном и тенденциозно ложном виде». Его «разбор» обвинений П.К. Криночкина дополняет представление о состоянии дел владельца. «Цифренные данные» показывают, утверждал инженер, что производительность заводов с 1899 г. усиливалась («несмотря даже на неблагоприятное положение железного дела в 1902 г.»), в результате чего «на руки населению за последний четырехлетний период поступило заработных плат более чем на 1 млн руб. сравнительно с таким же предшествующим периодом». «Если принять во внимание, что в это же время, помимо многих улучшений в Ревдинском заводе, Бисертский завод из ничтожного вспомогательного завода превращен в самостоятельный завод, оборудованный доменной печью и мартеновской фабрикой со всеми новейшими усовершенствованиями, то утверждения Криночкина... не имеют под собой основания». Продажа угля Шайтанским заводам, соглашался инженер, действительно была совершена, но он не усматривал в этом «продажу, принимающую все более и более широкие размеры». Качество железа, утверждал далее И.Н. Крыжановский, «могло только улучшаться... при введении пудлингового процесса», а «несколько пониженный процент железа» в использовавшихся для плавки бракованных рудах «с избытком возмещался прибавкой высокогорской руды». Он соглашался, что заготовка «лесных материалов» в 1902 г. производилась «в незначительных размерах», но объяснял это полной обеспеченностью заводов имевшимися запасами. Некоторый «избыток» леса из богатой Бисертской дачи действительно был продан, поскольку владельцу представлялось нерациональным использовать «прекрасный строевой лес на дрова». Причиной же «затягивания расчетов» с рабочими была, по мнению окружного инженера, «частью неаккуратность в переводах денег владельцем, частью значительная стесненность денежного оборота вследствие железного кризиса и продажи железа на векселя». «Подобное явление... – свидетельствовал он, – наблюдается в настоящее время на многих заводах Урала».

Об обвинении владельца в значительном, по мнению П.К. Криночкина, сокращении производства, инженер писал: «Что Ревдинский округ сократил в 1902 и 1903 гг. выделку железа, это, безусловно, верно, но это же сокращение наблюдается и в других округах благодаря условиям железного рынка. Упомянутые же в прошении Бисертский и Барановский заводы бездействовали по совершенно различным причинам: Бисертский... почти наново перестраивался, и делалось это с целью поставить его в благоприятные условия самостоятельной работы; Барановский же обязан был прекратить работу не только под влиянием кризиса, но и в силу безусловной опасности дальнейшей работы в нем благодаря ветхости и ненадежности самой постройки». Из всего этого следует, заключал И.Н. Крыжановский, что «эти якобы этапы в поступательном шествии Ратькова-Рожнова к постепенному уничтожению заводского действия являются только миражом».

«Относясь с глубоким сочувствием к заводскому населению, благосостояние которого сильно подорвано сокращением деятельности заводов, – предупреждал начальство окружной инженер, – я в то же время не усматриваю причин, могущих повлиять благотворно на усиление этой деятельности, а напротив, склонен думать, что мы пока переживаем только начало надвигающейся грозы. Когда заводы еще более сократят свою деятельность и начнут закрываться, тогда положение нашего инертного и не подготовленного ни к какой другой деятельности населения будет поистине ужасно, и необходимо теперь же подумать о возможном предотвращении

грядущего бедствия». «Что же касается Криночкина и ему подобных, то они, безусловно, недопустимы, – считал И.Н. Крыжановский, – так как предвзято освещая и умышленно искажая все факты, они бессмысленно обращают население против заводоуправления и окончательно запутывают его скудные понятия о собственности и правовом порядке... Я менее всего поборник той деятельности, которую проводит г-н Ратьков-Рожнов на Ревдинских заводах, но в то же время нахожу невозможной тенденцию рабочих диктовать владельцу, как он должен распоряжаться в своем имении и только снисходительно допускать его управлять этим имением»⁶.

Как можно судить по изложенным фактам, владелец действительно пытался использовать все способы, чтобы, по словам П.К. Криночкина, «превратить в деньги все, что возможно», т. е. считал необходимым экономно и рационально использовать имеющиеся ресурсы и возможности при отсутствии оборотного капитала, и притом в условиях экономического кризиса, совпавшего с началом его управления. В 1905–1906 гг. Владимиру Александровичу все-таки пришлось прибегнуть к ссудам из Государственного казначейства (200 тыс. руб.) «на поддержание деятельности Ревдинских заводов». Это позволило продолжить модернизацию заводов и полностью заменить пудлингование мартеновским производством.

Но на самом пике нового промышленного подъема Владимир Александрович Ратьков-Рожнов скончался в возрасте 78 лет. Это произошло 2 апреля 1912 г. в Кисловодске. Его наследниками стали вдова Вера Яковлевна (из рода рязанских дворян Шихмановых), сыновья Яков и Ананий, дочь Ольга Серебрякова. Оба сына достигли к тому времени высокого чина действительного статского советника и звания камергера, служили в Министерстве иностранных дел, занимались благотворительностью и предпринимательством. Яков Владимирович был членом совета Волжско-Камского банка, директором пароходного общества «Самолет», владел несколькими доходными домами в столице. Ананий Владимирович был членом Совета съездов горнопромышленников Урала. Дочь Ольга в 1889 г. вышла замуж за полковника Кавалергардского полка штабмейстера Михаила Аполлоновича Серебрякова. Она была близка к придворным кругам, владела несколькими доходными домами и особняками в Петербурге, Царском Селе, Париже, а также в Финляндии. После смерти мужа уже в эмиграции она вышла замуж за принца Петра Александровича Ольденбургского.

В духовном завещании, составленном 6 июня 1906 г., В.А. Ратьков-Рожнов признал наследниками всего своего состояния сыновей, а дочь «назначалась лишь наследницей в золотых приисках завещателя». Но из-за смерти сына Ильи ранее завещателя (в 1907 г.) Петербургский окружной суд определением от 22 сентября 1912 г. утвердил в правах всех наследников «в законных долях... вне завещательного распоряжения». Вдова, два сына и дочь стали «правопреемниками по праву наследования В.А. Ратькова-Рожнова и совладельцами всех движимых и недвижимых имений, принадлежавших ему лично и в качестве единственного собственника и представителя Торгового дома “Громов и К^о”». Кроме уральского округа в состав наследства вошли «дворовое место» в Петербурге между Дворцовой набережной и Миллионной улицей (№ 8 и 7), доставшееся наследодателю от И.Ф. Громова, и «дворовое же место» на набережной Екатерининского канала и Думской улице (№ 24 и 7), а также 16 160 дес. земли под Петербургом на Старо-Парголовоком проспекте⁷.

Наследники 31 января 1913 г. совершили «раздельную запись» на перешедшее им имущество, оцененное в 5 314 070 руб. (дома, участки земли и акции разных компаний). По данным Петербургского коммерческого банка, за В.А. Ратьковым-Рож-

новым числились 464 акции Ленского золотопромышленного товарищества, 11,6 тыс. акций общества «Лена–Голдфильдс», 300 акций и временных свидетельств Санкт-Петербургского частного коммерческого банка и др. Дома в центре столицы достались при разделе Ананию Владимировичу⁸. Ревдинские заводы остались в общей собственности всех наследников (Яков и Ананий владели по $\frac{11}{28}$ частей, Вера Яковлевна – $\frac{1}{7}$, Ольга Серебрякова – $\frac{1}{14}$ частями).

Вера Яковлевна 10 мая 1912 г. уполномочила детей «управлять, заведовать и распоряжаться» всем ее движимым и недвижимым имуществом; те 29 ноября того же года в свою очередь доверили «главное управление и заведование» оставшимся после отца имуществом Ананию Владимировичу. От лица всех совладельцев 5 и 6 июля 1913 г. он подал несколько прошений в Горный департамент. Первое касалось разрешения на продажу «ревдинского участка» Высокогорского рудника наследникам П.П. Демидова – владельцам Нижнетагильского округа, в границах которого располагался этот крупнейший железный рудник. Во втором А.В. Ратьков-Рожнов просил перезаложить Ревдинские заводы в Нижегородско-Самарском банке «с увеличением ссуды». В третьем излагалась просьба о продаже заводов П.Г. Солодовникову, председателю этого крупнейшего ипотечного банка, чем, вероятно, и объясняется сопряженность двух последних просьб⁹. По-видимому, первоначальными условиями сделки предполагалось уменьшение суммы продажи за счет увеличения суммы банковского залога.

Ввиду сложности предстоявшей сделки прошения были переданы на рассмотрение Горного совета. Там усомнились в возможности продажи Высокогорского рудника отдельно от Ревдинских заводов, поскольку рудник, в отличие от заводов, проданных В.А. Ратькову-Рожнову на праве собственности, оставался в посессионном владении. В купчей, заключенной в 1898 г., оговаривалось, что отведенные заводам железные рудники поступали новому владельцу «на тех же основаниях, на каких рудники эти были отведены во владение Пермикина», т. е. на посессионном праве. Права владельцев отстаивал управляющий округом горный инженер С.А. Гайль. «Частновладельческие заводы, – писал он в Горный департамент, – несомненно, могут быть проданы даже по частям и во всяком случае продажа их никоим образом не может быть связана с Высокогорским рудником, если бы даже последний принадлежал В.А. Ратькову-Рожнову на отводном или каком-либо ином праве. С другой стороны, так как по закону отдельного рудника на праве посессионном быть не может, то и к Высокогорскому руднику не может быть применен принцип неотделимости от завода и его можно продать отдельно от Ревдинского имения». «Понятие “посессионные рудники” отсутствует в законодательстве, – утверждал С.А. Гайль, – а есть “посессионные заводы”, создавать же договорным порядком, т. е. включать в купчую крепость вид посессионного владения, законом не предусмотренного, недопустимо; законодатель Высочайшими повелениями 1863 и 1865 гг. решил совершенно уничтожить посессионное право по отношению к рудникам, приписанным к заводам, кои имели пособие от казны лишь в виде приграничных рудников». «Вопрос не может не решиться в положительном для моих доверителей смысле», – заключал управляющий¹⁰.

В августе 1913 г. наконец было получено разрешение перезаложить и продать Ревдинский округ «с принятием покупщиком на себя долга Государственному казначейству, а также уплатой пенсий мастеровым». Вопрос об «отдельной продаже» участка Высокогорского рудника, ввиду его неоднозначности передали на рассмотрение Сената, а сам участок до того времени вывели из состава объектов сделки. В сентябре 1913 г. А.В. Ратьков-Рожнов просил Горный департамент уже не о пе-

резалог, а о возможности принять от П.Г. Солодовникова закладную «в счет части покупной цены, а ему выдать таковую при совершении купчей крепости». Разрешение было получено, и при заключении купчей наследникам В.А. Ратькова-Рожнова выдали закладную на сумму 775 тыс. руб. В 1914 г. П.Г. Солодовников просил о выдаче еще одной закладной на 50 тыс. руб. в счет покупной суммы. Он также принял на себя ответственность за ссуду в 2,6 млн руб., выданную Нижегородско-Самарским банком под залог Ревдинского округа¹¹. Беспокойное и требовавшее большого внимания горнозаводское имение перешло к новому владельцу.

¹ Дубин А.С. Ратьковы-Рожновы в Санкт-Петербурге и на Урале // Сплетались времена, сплетались страны... СПб., 2002. Вып. 10. С. 60–72; РГИА. Ф. 1032. Оп. 1. Д. 23. Л. 19; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 134–136; Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 179.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 105, 108–109, 112, 142–143 об., 183–183 об.

³ Там же. Л. 133, 169, 172–173.

⁴ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 75.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 116–119, 126, 134–136.

⁶ Там же. Л. 177–182, 184–192.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1698. Л. 6; Ф. 1032. Оп. 1. Д. 23. Л. 5; Д. 29. Л. 19–35.

⁸ Там же. Ф. 1032. Оп. 1. Д. 23. Л. 18; Д. 29. Л. 19–35 об.

⁹ Там же. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1698. Л. 1–2, 4–5, 6.

¹⁰ Там же. Л. 11–12, 15–17 об.

¹¹ Там же. Л. 18–18 об., 20–21, 25–26, 29.

16. П.Г. СОЛОДОВНИКОВ

Петр Гаврилович Солодовников был старшим сыном знаменитого московского купца и потомственного почетного гражданина Г.Г. Солодовникова, владельца Пассажа на Кузнецком мосту и содержателя построенного им театра (ныне – Московский государственный академический театр оперетты). Имя Г.Г. Солодовникова стало широко известно, когда после его кончины в 1901 г. оказалось, что все свое состояние (оценивавшееся в 21 млн руб.) он передал на благотворительные цели. Сам Петр Гаврилович считался уже дворянином, имел невысокий чин коллежского асессора, занимал ряд высших должностей в крупнейших российских банках. Он был членом совета Азовско-Донского и Петербургского Международного коммерческих банков, председателем правления Нижегородско-Самарского земельного банка, членом правлений Общества Московско-Казанской железной дороги и страхового товарищества «Саламандра»¹. От отца ему досталось 300 тыс. руб. и обязанности распорядителя по весьма необычному завещанию. Деньги с банковских счетов Г.Г. Солодовникова, а также суммы, вырученные от реализации его недвижимого имущества, предназначались на устройство земских женских училищ в Тверской, Архангельской, Вологодской и Вятской губерниях, профессиональных школ и детского приюта в Серпуховском уезде (оттуда происходил сам завещатель) и на строительство «дешевых квартир для бедных людей, одиноких и семейных». Помимо своих финансовых и коммерческих дел исполнением этих «завещательных

назначений» и занимался Петр Гаврилович, проживая в Москве в своем доме на Кремлевской набережной².

В 1913 г. он совершил самое значительное приобретение, купив у наследников В.А. Ратькова-Рожнова Ревдинский горнозаводский округ, находившийся в залоге у Нижегородско-Самарского банка. Сделка со стремившимися освободиться от наследства прежними владельцами была заключена под новые залоговые обязательства покупателя на сумму 825 тыс. руб.³ Предполагая осуществить серьезную модернизацию производства, новый владелец рассчитывал, по-видимому, за счет возросших доходов расплатиться и с продавцами, и с возглавляемым им банком. Начавшаяся вскоре Первая мировая война ускорила реализацию планов заводчика.

По описанию, составленному в конце 1915 г., в округе действовали Ревдинский и Бисертский заводы, где оказалось сосредоточено все металлургическое оборудование, включая две домны (производительностью 1,1 млн и 0,7 млн пуд. чугуна), два мартена (общей производительностью 1,3 млн пуд стали). Небольшие Барановский и Марининский железоделательные заводы, согласно плану реконструкции округа, были остановлены. При этом действовал Ревдинский лесопильный завод, изготавливавший почти 143 тыс. куб. саж. обрезного теса. Две заводские дачи площадью 121 тыс. дес. (без учета надельных земель) включали 100 тыс. дес. леса. В Ревдинской даче располагались 153 углевыжигательные печи, дававшие до 48 тыс. коробов угля в год.

При покупке округа от него отделили участок Высокогорского железного рудника, который, как упоминалось, Ратьковы-Рожновы хотели продать отдельно от заводов. Дело еще находилось на рассмотрении в Сенате, когда в ноябре 1914 г. П.Г. Солодовников просил отдать ему в пользование этот участок «в видах снабжения рудой Ревдинских заводов». Основная поставка руды осуществлялась в то время из арендованных на 30 лет Синарских рудников (Шадринский уезд), а также по договору на получение 1 млн пуд. магнитного железняка с Нижнетагильским заводоуправлением. Велась «детальные разведки» Петровского никелевого месторождения, началась разработка богатейшего Дегтярского месторождения серного колчедана. У заводчика созрел даже план аренды Холуницких заводов, находившихся тогда в казенном владении после банкротства И.А. Поклевского-Козелл. Особенно П.Г. Солодовникова привлекали богатые лесные дачи этого округа в связи с недостатком горючего в Ревде. Однако власти в качестве арендатора отдали тогда предпочтение Вятскому губернскому земству.

Организация двух новых рудников обуславливалась заключенными владельцем военными контрактами. В сентябре 1915 г. П.Г. Солодовников получил заказ от Главного артиллерийского управления на поставку 12 млн пуд. колчедана для сернокислотных заводов. На Ижорский завод поставлялась специальная сталь высокого качества, изготовленная из ревдинского никелевого чугуна. Завершалось строительство мощной прокатной мастерской для изготовления снарядной заготовки и проволоки, а также снарядной фабрики с производительностью 300 тыс. штук шрапнелей и 150 тыс. штук фугасных бомб по заказам Морского министерства. В 1915 г. была построена ветка от разъезда Пермской железной дороги до Ревдинского завода, которую собирались вести к Дегтярскому руднику. К концу 1916 г. планировалось завершить строительство линии Московско-Казанской железной дороги, которая бы прошла по территории обеих заводских дач. Вследствие этого все перевозки сырья и топлива в округе могли бы быть переведены с гужевого на железнодорожный транспорт, что не только экономило бы до 200 тыс. руб. в год, но и давало бы возможность «дальнейшего развития деятельности округа, встречавшего до сих пор неодолимое препятствие в отсутствии железных дорог»⁴.

Динамичное развитие металлургического производства и появление новых отраслей окружного хозяйства не могло не повлиять на величину оборотного капитала, который с 1,5 млн руб. в 1915 г. должен был увеличиться до 7 млн руб. в 1916 г. Более того, владелец заявил правительству о намерении строить медный и никелевый заводы производительностью 250 тыс. пуд. меди и 50 тыс. пуд. никеля «с тем, чтобы ему предоставлен был казной заказ на медь в размере пятилетней выработки, т. е. до 1,5 млн пуд. по цене 20 руб. за пуд непрокатанной меди, и на никель в размере двухгодовой выработки, т. е. на 100 тыс. пуд. по 40 руб.» В этих целях П.Г. Солодовников испрашивал аванс в размере 8,5 млн руб., который обязывался погашать «равномерно ежегодными взносами со второго года поставки металлов», а также разрешение на приобретение иностранной валюты для покупки заводского оборудования на 4 млн руб. В мае 1916 г. Министерство торговли и промышленности признало просьбу «заслуживающей уважения» и просило Думу отпустить владельцу Ревдинского округа 6,1 млн руб. «на оборудование медного и никелевого рудников и заводов». Всего к 1917 г. заводчик получил почти 9,5 млн руб. авансов по заказам Главного артиллерийского управления и Морского министерства⁵.

Серьезные проблемы обнаружились в марте 1917 г. одновременно с началом революционных событий в стране. Тогда против заводчика и его финансовой политики выступила «группа ответственных служащих» во главе с им же назначенным управляющим округом инженером Б.Б. Эйхе. Драматичные события на заводах воссоздаются на основе переписки сторон с председателем Временного правительства Г.Е. Львовым и министрами А.И. Коноваловым, А.И. Гучковым и А.Ф. Керенским.

«Считаю необходимым поставить вас в известность, – телеграфировал П.Г. Солодовников 29 марта 1917 г. Временному правительству, – что в принадлежащем мне Ревдинском округе, вырабатывающем сортовое железо, снаряды артиллерийскому ведомству и строящем большой снарядный завод по заказу Морского министерства, приглашенный мной и прибывший на завод всего лишь 10 февраля сего года инженер Эйхе совместно с приглашенными им, хотя с моего согласия, техниками Гротом и Штрибеком и инженером Предтеченским возбуждали служащих на заводе инженеров и техников, а равно представителей рабочих, что особо в настоящее время преступно, ограничить и даже устранить меня, владельца завода, равно приглашенных мной в качестве консультантов профессоров и инженеров, от управления заводскими делами».

«Я лично уехал из заводов 3 марта и, не имея от Эйхе, несмотря на неоднократные распоряжения, ровно никаких сообщений о положении дел... послал ему отказ от службы в округе и лишил его доверенности, – сообщал владелец. – 31 марта в округ для урегулирования сего дела прибудет командированный мною занимающийся делами округа три года лектор Политехнического института инженер-технолог Верещагин, и я вполне уверен, что коренной состав инженеров, техников и мастеров, равно и рабочие округа, не будут волноваться, так как знают меня за крайне энергичного и делового владельца, создавшего в три года в округе новую первоклассную фабрику, снарядный завод, выплавку ферроникеля, разработку и поставку колчедана... лесопильный завод, выплавку стали и строящего большой снарядный и механический завод, разведывающего никелевые и медные залежи, обеспечившего округ рудой долгосрочным контрактом и расширившим все производства округа. Это известно Горному департаменту, Промышленному комитету, Совету съездов горнопромышленников Урала, комиссии генерала Дроздова, бывшей в округе в январе сего года, и вообще промышленному и финансовому миру.

Внесение смуты в дела округа в настоящее время считаю равносильным провокацией». «Если будут принимаемы какие-либо решения, прошу вызвать. Уеду в Екатеринбург в середине Пасхальной», – предупреждал заводчик⁶.

Как следует из телеграммы инженеров, также отправленной Временному правительству, поводом к столь необычному конфликту послужил отказ владельца в просьбе управляющего о переводе 550 тыс. руб. для расчета с рабочими и служащими перед Пасхой. Последовавшее увольнение Б.Б. Эйхе от должности «с отнятием доверенности... и возможности получать деньги из банка по подписям» поставило заводоуправление в сложную ситуацию при финансировании работ. Но, как можно судить по сообщению Главного правления Ревдинскими заводами в Петрограде, 400 тыс. руб. все-таки перевели в марте, причем «означенной суммы оказалось достаточно не только для удовлетворения всех потребностей округа к Пасхе, но от нее еще осталось свободной суммы до 150 тыс. руб.» Тем не менее, как доложили владельцу верные ему служащие, собравшись 23 марта 1917 г. на совещание, «Эйхе, приглашенные им и некоторые другие инженеры округа... под давлением первых составили постановление, хотя между ними были большие разногласия». «Высший служительский персонал округа, признавая ведение хозяйства Солодовниковым вредным для дела обороны, постановил Солодовникова отстранить от управления технической частью дела, доведя это до сведения заинтересованных учреждений и лиц... Всю ответственность за техническое ведение дела инженеры округа приняли на себя», – описывал ситуацию на заводах подпоручик Александров, представлявший там военное ведомство.

П.Г. Солодовников 12 апреля 1917 г. вновь телеграфировал министрам, что «получил постановление инженера Эйхе с прочими, которые пытаются устранить владельца и Петроградское правление от решения финансово-технических, административных, коммерческих по контрактам и прочих вопросов, чем не только парализуется вся финансовая политика развития и срочное ведение дел округа, но и падает ответственность штрафом и неустойками». «Ейхе в течение последнего месяца грубо нарушил доверенность и свой договор, – объяснял владелец причины увольнения им своего управляющего, – не посылал никаких сведений по рабочему вопросу и важных коммерческих телеграмм Земгору и земству, квитанций на получение денег за снаряды, чем тормозил денежный оборот округа, произвел крупную прибавку рабочих плат, даже меня не уведомив, на что я, впрочем, согласен. Все это побудило меня лишить его доверенности, также как и за закупку без моего согласия и предупреждения припасов на сотни тысяч»⁷.

Как следует из записки Александрова, следившего за ходом поставок колчедана, в мае заводская администрация оказалась в ситуации, когда, «не чувствуя под собой достаточно твердой почвы», находилась между владельцем, грозившим судом за неподчинение, и отстраненным, но не собиравшимся покидать свой пост управляющим. «Заведующий рудничной частью инженер Артемьев и управитель колчеданного рудника горный техник Земляков, – свидетельствовал подпоручик, – уже заявили, что не в состоянии продолжать службу при подобных условиях. Вся рудничная часть при этом остается на хотя и очень добросовестном, но еще совсем молодом инженере Тибо-Бриньоле, который может тоже не выдержать этой атмосферы давления сверху и снизу, которая царит в округе, и уйти. В последнем случае колчеданный рудник останется без всякого технического контроля. Вместе с тем Солодовников, несмотря на громадные авансы, полученные им от казны, которые, казалось бы, обязывали его к энергичному ведению дела, отдает приказания, дезорганизующие все дело. Им предписано ликвидировать новый снарядный завод и

езде, где можно, сокращать число русских рабочих, оставляя только пленных и иностранцев. Это распоряжение затрагивает и колчеданный рудник, где число русских рабочих незначительно». Несмотря на все «затруднения», сообщал Александров, инженеры, взявшие в свои руки управление, «все-таки уже кое-что сделали, чтобы... исполнить заказы артиллерийского ведомства, так неудовлетворительно поставленные до тех пор в округе». «Но дальнейшие начинания к улучшению общей постановки дела тормозятся все тем же неимением под собой твердой почвы и постоянным противодействием со стороны Солодовникова». Сложившаяся ситуация внушала опасения «за правильность выполнения заказов в ближайшем будущем», почему Александров и ходатайствовал «о поддержании лиц, взявших в свои руки заведование округом». Записка была обсуждена на совещании Химического комитета Главного артиллерийского управления и препровождена в Горный департамент для принятия мер. Положение с военными поставками усугубилось еще и в связи с пожаром в снарядном цехе 4 мая 1917 г.⁸

Уездный комиссар Архангельский и председатель Комиссии по восстановлению нормального хода работ на Урале Вознесенский сообщали, что вслед за этим П.Г. Солодовников потребовал прекратить все строительные работы, сократил лесные и рудные заготовки, закрыл снарядную фабрику, «благодаря чему остались без работы 1900 чел.» После осмотра Ревдинского завода и «продолжительного обмена мнениями с исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, заводским совещанием ответственных служащих и экспертами» комиссия Вознесенского констатировала, что «на заводе нет ответственного распорядителя, наблюдается полная бесхозяйственность, заводской администрацией систематически игнорируются все указания... за исключением владельческих, наблюдаются полное отсутствие охраны труда и игнорирование владельцем интересов рабочих и служащих, недопустимо небрежное отношение к выполнению казенных военных заказов, а техническое оборудование завода явно не соответствует выполнению принятых контрактов...»⁹ Направленное в Горный департамент, это заключение встретило горное начальство, которое потребовало от владельца «объяснений по вопросу о создавшемся на Ревдинских заводах положении».

Ответ был получен 9 июня 1917 г. Петр Гаврилович сообщал, что «до возникновения беспорядков в марте сего года» на заводах работали две комиссии под председательством генерала Дроздова «по снарядному делу и по делам металлургическим»; они нашли «положение дел в округе нормальным, а оборудование снарядного завода достаточным». Но с марта, уверял владелец, «коллектив служащих и рабочих округа не допускал до последнего времени доверенных до управления округом, что, естественно, вызывало беспорядки в заводской деятельности». Он также объяснил, что «лесные заготовки были сокращены в виду отсутствия достаточных запасов руд, вследствие плохого подвоза их железной дорогой, что, имея в виду наличность полупродуктов, несколько производительности округа не сократит; что на снарядной фабрике приостановилось производство вследствие пожара». «Вообще же округ за последний год значительно превзошел производительностью чугуна и слитков предшествующие года, – сообщал он, – прокатные же средства округа переоборудованы, и притом образцово, известной фирмой братьев Клейн. Равно в округе за последнее время запас слитков... значительно увеличился, прокатное производство... усилилось по крайней мере в два раза... мартеновская фабрика за последний год производит отливку снарядной стали, несмотря на громадное увеличение... расхода горючего, завод обеспечен как углем, так и дровами, выстроена новая механическая и ремонтная мастерская, строится котельная... выстро-

ено много барачных, оборудован конный двор, причем в округе приобретено и содержится до 400 лошадей, что в четыре раза больше против прежних лет, лесопильный завод, устроенный мной, снабжает весь округ пиленым материалом, округ обеспечен рудой, причем первоклассного качества, синарским и тагильским договорами, находится в постройке новый мартен и завод динаса и огнеупорного кирпича, устроена новая электростанция, приобретено много моторов, расширена лаборатория». Владелец подчеркнул, что в округе работает специальная комиссия от Особого совещания по обороне государства, которая должна беспристрастно разобраться в сложившейся ситуации¹⁰.

Серьезность положения в Ревдинском округе, выполнявшем несколько крупных оборонных заказов, действительно привела к созданию в Петрограде Особой комиссии по обследованию заводов под председательством полковника Матюшенко. На месте всесторонняя инспекция велась несколькими подкомиссиями (финансовая, пожарная, артиллерийская, морская, рудничная, лесная, рабочая, организационная), которые затем обсудили результаты своей работы на 20 пленарных заседаниях с 30 мая по 17 июля 1917 г. Выводы комиссии оказались не в пользу владельца.

При проверке выяснилось, что «бухгалтерия округа представляла пародию на счетоводство и как следствие – ее запутанность» и это не позволяло судить «о правильности расходования авансов». В частности, финансовую подкомиссию смутил рост баланса округа за 1917 г. с 8 до 66 млн руб., выросший столь значительно лишь «за счет увеличения стоимости рудных запасов в недрах земли, находившихся в Дегтяринском руднике». «В высшей степени печальные выводы» сделала рабочая подкомиссия. Оказалось, что на заводах «отсутствовала медицинская помощь» и «ничего не делалось в культурно-просветительном направлении» (в частности, отсутствовали школы, библиотека или читальня). Даже здание клуба было «отобрано заводовладельцем». «Недопустимо опасное» состояние заводов отметила пожарная подкомиссия. Выяснилось также и самое важное: задерживалось выполнение заказов артиллерийского управления по поставкам колчедана из-за большого процента в нем пыли и «не представлялось решительно никакой возможности назначить срок окончания постройки снарядного завода», которая в мае 1917 г. была «совершенно остановлена распоряжениями владельца». «Начало изготовления снарядов... – констатировала морская подкомиссия, – не может быть установлено даже для далекого будущего».

На пленарных заседаниях члены комиссии высказались и о возникшем конфликте владельца с инженерами. «Вследствие создавшегося на заводах положения, – установили они, – никакого примирения или соглашения между коллективом ответственных служащих и владельцем невозможно». Потому «оставить округ в единоличном управлении Солодовникова хотя бы на короткий промежуток времени было совершенно недопустимо». Рассмотрев декларацию, составленную инженерами, члены комиссии заключили, что она «в общем и целом приемлема и требует лишь частных объяснений и исправлений». Ревдинский округ, по единогласному их заключению, представлял «несомненную целостность и имел государственное значение», но выполнение военных заказов там было сопряжено с необходимостью «реорганизации заводууправления». Владелец П.Г. Солодовников, оставивший заводы, несмотря на выданные авансы, без оборотных средств, по мнению участников комиссии, «должен был быть устранен от вмешательства во внутреннюю жизнь округа способом, какой найдет Правительство наиболее отвечающим данному моменту». В качестве ближайшей меры рекомендовалось обеспечить округ обо-

ротными средствами «хотя бы в минимальном размере» и утвердить временным комиссаром Архангельского, который и остался в округе после отъезда комиссии¹¹.

Рассмотрев отчет и рекомендации «комиссии Матюшенко», председатель реквизиционной комиссии при Особом совещании по обороне государства 14 октября 1917 г. распорядился «срочно наложить секвестр на Ревдинский горный округ П.Г. Солодовникова с передачей сего предприятия в заведование Министерства торговли и промышленности». На 23 октября 1917 г. назначили заседание Рабочего бюро заводского совещания в Екатеринбурге для рассмотрения этого вопроса¹². В положении реквизированного Ревдинский округ находился до 17 марта 1918 г., когда его передали в ведение Делового совета¹³. Сам же устранившийся владелец Петр Гаврилович Солодовников вскоре эмигрировал с семьей во Францию, где состоял членом Московского землячества. Он скончался 6 мая 1927 г., похоронен на кладбище Сент-Уэн в Париже¹⁴.

¹ Боханов А.Н. Деловая элита России 1914 г. М., 1994. С. 226.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1698. Л. 23; <http://ru.wikipedia.org>.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1698. Л. 29.

⁴ Там же. Оп. 67. Д. 784. Л. 2–7.

⁵ Там же. Д. 457. Л. 102 об.; Д. 784. Л. 8.

⁶ Там же. Оп. 65. Д. 1946. Л. 2–5.

⁷ Там же. Л. 6–7, 12, 15.

⁸ Там же. Л. 23–23 об.

⁹ Там же. Оп. 67. Д. 795. Л. 2, 5–10.

¹⁰ Там же. Л. 21–21 об.

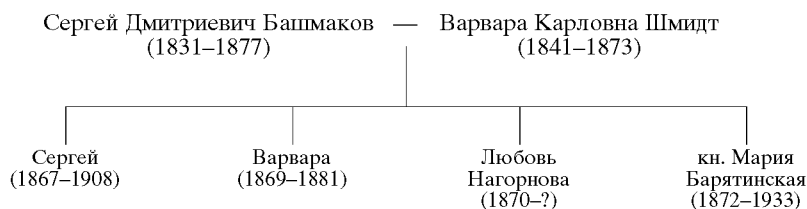
¹¹ Там же. Д. 784. Л. 8–12.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1539. Л. 1–2.

¹³ Национализация промышленности на Урале: Сб. документов. Свердловск, 1958. С. 305.

¹⁴ Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: биогр. словарь // Режим доступа: <http://dom-museum.ru/index.php?m=dist>.

17. С.Д. БАШМАКОВ И НАСЛЕДНИКИ

В 1875 г. вместе с переходом казенного Богословского округа в частные руки в состав уральских заводчиков вошел Сергей Дмитриевич Башмаков. Он принадлежал к семье таврического предводителя дворянства действительного статского советника Дмитрия Евлампиевича Башмакова и его жены Варвары Аркадьевны, урожденной княжны Итальянской – графини Суворовой-Рымникской, внучки великого полководца. Отец С.Д. Башмакова владел имениями в Казан-

ской и Таврической губерниях, в Крыму ему принадлежали фруктовые сады, виноградники, конный завод и овцеводческая ферма. Он скончался в 1834 г., оставив вдове, двум сыновьям и двум дочерям значительное состояние. Варвара Аркадьевна вторично вышла замуж за своего дальнего родственника генерала от инфантерии и члена Государственного совета князя Андрея Ивановича Горчакова (скончался в 1855 г.).

Сергей Дмитриевич в 1850 г. окончил Пажеский корпус и был определен чиновником в канцелярию Петербургского гражданского губернатора. Во время Крымской войны служил в Эриванском лейб-гренадерском полку и Санкт-Петербургском отряде, охранявшем Балтийское побережье, затем командовал ротой в составе Кавказской армии на Лезгинской линии. В 1859 г. уволился из армии в звании штабс-капитана. В 1863 г. после покупки имения в Моршанском уезде его имя внесли в список дворян Тамбовской губернии; в 1864–1867 гг. С.Д. Башмаков избирался там губернским предводителем дворянства. Впоследствии в 1867–1868 гг. в чине статского советника служил в Министерстве иностранных дел¹.

В это же время Сергей Дмитриевич стал организатором и участников нескольких крупных коммерческих предприятий. Вместе с братом, действительным статским советником и камергером Александром Дмитриевичем Башмаковым, в 1866 г. он оказался в составе учредителей Общества минеральных вод в Липецке и Общества Рязско-Моршанской железной дороги. В 1872 г. стал председателем правления организованного им Общества Моршанско-Сызранской железной дороги. Одна из станций этой дороги, пущенной в 1874 г., даже была названа в его честь Башмаковской (поныне в Пензенской области есть районный центр с таким же названием), а в Институте инженеров путей сообщения была учреждена именная стипендия. В 1876 г. вместе с П.И. Губониным С.Д. Башмаков учредил акционерное Общество конно-железных дорог в Петербурге². Вероятно, самой крупной его операцией стала покупка на торгах в 1875 г. Богословского горнозаводского округа, расположенного в отдаленной части Верхотурского уезда Пермской губернии.

Богословский, Петропавловский и Николае-Павдинский заводы с Турьинскими медными рудниками за долги основателей из рода Походяшиных еще в 1791 г. были приняты в казенное владение. К середине XIX в. медеплавильное производство не прекратилось на одном лишь Богословском заводе, в 1875 г. выплавившем всего 3791 пуд. Турьинские медные рудники оказались выработанными, а на подготовку новых требовались крупные затраты. Часть территории округа с действующим Николае-Павдинским заводом в 1861 г. сдали в частную аренду, а в 1875 г. продали одному из арендаторов И.А. Пастухову. Другую часть казенного округа 2 апреля 1875 г. выставили на публичные торги. По свидетельству чиновников Министерства государственных имуществ, в них участвовали соискатели, «из коих один предложил 1 648 000 руб., другой – лишь 1 300 000 руб. и третий – 2 050 000 руб.» Этим третьим покупателем и оказался С.Д. Башмаков. Положение Комитета министров, утвержденное 11 апреля 1875 г., «укрепило» за ним округ в состав которого вошли Богословский и упраздненный еще в 1827 г. Петропавловский заводы «с приписанными к ним землями, лесами, водами, угодьями, рудниками и приисками за исключением золотых промыслов Северной экспедиции»; территория округа составляла 386 706 дес.

«Столь крупная цена за округ была назначена С.Д. Башмаковым в надежде на богатство Богословских золотых россыпей... – свидетельствовал известный инженер А.А. Ауэрбах, – причем обязательство восстановить медное дело, доведя го-

дичную выплавку меди до 50 тыс. пуд., он брал на себя как обузу, без которой Министерство государственных имуществ не соглашалось отдать округ»³. По условиям продажи, опубликованным еще 21 февраля 1875 г., покупатель должен был заплатить при совершении купчей $\frac{1}{5}$ часть всей суммы, а остаток ее выплачивался в рассрочку на 37 лет «по банковским правилам» с предоставлением $\frac{1}{6}$ покупной суммы в качестве залога, который возвращался «по мере уплаты капитальной суммы». Покупатель также был обязан «принять все находившееся в округе движимое имущество по оценке, какая будет произведена особой комиссией Министерства государственных имуществ в течение трех лет равными частями». К нему переходила и обязанность содержать школы, больницы, богадельни и даже метеорологическую обсерваторию, действовавшую в Богословском заводе. Главным условием покупки было требование в течение семи лет привести рудники и заводы «в такое состояние, которое допускало бы возможность ежегодной выплавки в продолжение 30 лет не менее 50 тыс. пуд. меди». В противном случае владелец «подвергался ежегодной уплате в казну в течение 30 лет подати за разность между 50 тыс. пуд. и количеством действительно выплавленной меди». Кроме того, он не мог «приступить к разработке золотых россыпей, ныне еще не разрабатывавшихся, прежде чем работы в медных рудниках не будут приведены в такое состояние, по которому могло бы обратиться в них не менее 750 рабочих». На таких достаточно жестких условиях округ переходил «в разряд горнозаводских имуществ, на владельческом праве состоящих»⁴.

Еще до заключения купчей Сергей Дмитриевич столкнулся с проблемами, заставившими его просить о пересмотре первоначальных условий продажи. Перевод округа из казенной собственности в частную и передача его новому заводоуправлению, состоявшаяся 23 июля 1875 г., вызвали скрытое сопротивление членов бывшей заводской администрации, лишившихся своих должностей. Вскоре возник пожар на Воздвиженской шахте, затем сгорела конюшня с сеновалом, на следующий день загорелся Фроловский мост, расположенный вдали от селения. Местные жители при этом «не оказали никакого содействия пожарной команде». «Столь часто повторяющиеся пожары» вызвали у заводчика предположение об умышленном поджоге. «Население враждебно настроено против моего управления всеми теми лицами, которые были близки к упраздненному казенному управлению», – констатировал он через год после передачи заводов. Министр государственных имуществ П.А. Валуев в «конфиденциальной записке» в Горный департамент добавлял, что «вполне прогнозируемое недовольство служащих и рабочих... отразилось, к сожалению, и на отношении к новому управлению местного горного начальства, которое вместо того, чтобы содействовать заводовладельцу в трудном деле восстановления горнозаводского значения округа, пришедшего при казенном управлении в полный упадок, стало относиться к нему с особой притязательностью».

Недовольство было вызвано, в частности, тем, что владельцу, старавшемуся выполнить основное условие покупки, пришлось обратить все усилия на подъем запущенных рудников, что привело к полному прекращению выплавки меди на Богословском заводе и закрытию госпиталя «вследствие неимения работающих при заводе людей». Заболевших, по свидетельству главного начальника уральских заводов И.П. Иванова, лечил фельдшер «в домах по приглашению». Своевременно получали заработную плату и «не предъявляли никаких претензий» лишь рабочие золотых промыслов, которые тогда только и приносили доход. Чтобы привлечь работников, переселившихся после 1861 г. «частью на другие

заводы, а частью на берега реки Сосьвы», владелец расширил старательские работы и увеличил плату за сданное старателями золото, что и привело к росту его добычи.

В марте 1876 г. С.Д. Башмаков пояснял министру государственных имуществ П.А. Валуеву, что принятые им условия «побудили тотчас же привести в известность настоящее положение рудников». Обследование показало, во-первых, что «все рудники в верхних горизонтах... где руды были наиболее богаты, выработаны окончательно», во-вторых, рудники, кроме Богословского, Фроловского и Васильевского, оказались затоплены, а на действовавших работа по углублению шахт шла медленно «частью вследствие чрезвычайной твердости горных пород, частью по причине слабости машин». Все заводские здания и рудничные устройства были «ветхи, а больница в полном разрушении». «В таких условиях, – жаловался заводчик, – восстановление медеплавильного производства... в означенный срок становится делом весьма трудным, требующим чрезвычайных усилий и весьма значительных затрат... до 1 млн руб., не считая оборотного капитала». Необходимо было восстановить обветшалые здания и устроить дороги в округе, а также «содержать заводское население, которое, даже без занятий, следовало удерживать на месте впредь до восстановления заводского действия».

Владелец просил причитавшийся с него при заключении купчей взнос (410 тыс. руб.) «причислить к общей сумме и затем уплату всего рассроченного на 37 лет капитала начать по истечении пяти лет, т. е. с 1881 г., когда окончательно восстановятся рудники». Обеспечением мог служить уже внесенный залог в размере 342 тыс. руб. «Это даст мне возможность обратить все наличные денежные средства на выполнение принятого мною обязательства... – объяснял С.Д. Башмаков, – с использованием вместо рутинного ручного способа... принятого в западных государствах Европы метода машинной (с алмазным прибором) бурения шпуров посредством сжатого воздуха; снабдить рудники сильными водоотливными и подъемными машинами, паровыми дробилками и другими приспособлениями для механического обогащения руды. Все исчисленные здесь новые устройства и машины будут теперь же мною выписаны. С принятием этих усовершенствований я надеюсь в течение пяти лет достичь таких результатов, которые при установившемся до сих пор в Богословском округе производстве нельзя было бы ожидать ранее 10 лет»⁵.

П.А. Валуев принял во внимание, что «неудовлетворение ходатайства имело бы верным последствием отказ Башмакова от дальнейшего владения, тогда как при настоящем состоянии Богословского округа успешная продажа его другому лицу представляется весьма маловероятной, обращение же его в казну было бы, как можно судить по прежнему опыту, невыгодным». На заседании Комитета министров 3 августа 1876 г. после дополнительных переговоров с заводчиком П.А. Валуев убедил министров рассрочить выплату первой части покупной суммы на восемь лет без процентов «с условием вноса ее равными частями по 51 250 руб. начиная с 1877 г., а уплату остальной суммы (1640 тыс. руб.) позволить начать с 1879 г.» Условием этих «облегчений» служило заключение «покупного акта» до конца 1876 г. Александр II 13 августа санкционировал новые льготные условия продажи Богословского округа, но заводчик вовсе не торопился с подписанием купчей.

В январе 1877 г. Сергей Дмитриевич вновь обратился с просьбой к министру. «К сожалению, предположения мои и надежды далеко не оправдались, – уверял он П.А. Валуева. – Несмотря на затраченные уже мною в продолжение полутора лет со дня передачи мне округа более 500 тыс. руб., я с прискорбием узнал из

только что полученной сметы, что для приведения Богословского медного рудника в такое положение, чтобы можно было с осени будущего 1878 г. приступить к плавке меди по 10 тыс. пуд. в год, необходимо еще ассигновать 500 тыс. руб. В виду столь значительных расходов... мне остается только или отказаться от Богословского округа с потерей всего того, что уже затрачено мною, или ходатайствовать о таких облегчениях, которые бы, не требуя больших пожертвований со стороны казны, дали мне возможность продолжать начатое мною дело без окончательного разорения моего». К этим дополнительным «облегчениям» заводчик относил сокращение с 343 680 руб. до 40 тыс. руб. исчисленной комиссией стоимости движимого имущества и передачу ему 240 тыс. руб. из внесенного им залогового капитала, который, как полагал С.Д. Башмаков, «лежал непроездивительно в банке».

Комитет министров 1 февраля вновь рассматривал условия продажи бывшего казенного округа. Было учтено, что уже сделанные С.Д. Башмаковым вложения в развитие округа могли «в некоторой степени служить заменой части денежного залога». Император 11 февраля 1877 г. санкционировал передачу заводчику 200 тыс. руб. «с оставлением в казне 142 тыс. руб. залога». Вопрос о снижении покупной суммы за движимое имущество отложили до лета⁶. Чиновники, направленные на заводы, еще не закончили «пересчет» этого имущества, как пришло известие о кончине С.Д. Башмакова, так и не успевшего заключить купчую крепость на доставшееся ему на торгах горнозаводское имение.

Он умер внезапно 20 июня 1877 г. У Сергея Дмитриевича остались четверо малолетних детей: Сергей (10 лет), Варвара (8 лет), Любовь (7 лет) и Мария (5 лет). Жена Варвара Карловна (урожденная Шмидт) скончалась еще в 1873 г. «Детство мое было не очень счастливым, – вспоминала младшая дочь Сергея Дмитриевича Мария, – я рано лишилась матери – до того, как мне исполнилось три года. Она умерла при рождении моей сестры Эме. В нашей семье было четверо детей – три девочки и мальчик. После кончины моей матери мы оставались два года во Франции под опекой гувернантки, наполовину немки. Потом мы приехали к отцу в Санкт-Петербург, где он занимал очень хорошую квартиру на Морской. Бабушка (Варвара Аркадьевна. – *Е.Н.*) жила рядом с нами. Она была старенькой, но стремилась отдавать нам всю свою доброту и заботу... Позднее тем же летом мы потеряли нашего любимого отца. Мы только что переехали на дачу под Петербургом, и нам сообщили, что наш дорогой папа скончался. На одном из погребальных богослужений к нам подошел император Александр II и произнес: «Бедные дети!» Он также поговорил с нашей бабушкой, которая была уже очень стара и частично парализована, называя ее «бедная Варенька», как это она вспоминает в своем дневнике. Император пообещал быть нашим наставником. У моего отца было крупное состояние, требовавшее больших хлопот в управлении и присмотре. После похорон мы стали жить у его сестры, нашей тети (Марии Дмитриевны, жены сенатора и российского консула А.Д. Батурина. – *Е.Н.*), в Висбадене, и наша бабушка поехала с нами»⁷.

Как и полагалось при малолетстве наследников, 16 июля 1877 г. было учреждено опекуновское управление «над детьми, имуществом и делами» умершего С.Д. Башмакова. Оно должно было «привести в известность его имущество, дела и предприятия, управлять оными, а равно и уплачивать долги». Опеке предоставлялось также право продажи «по вольной цене» движимого и недвижимого имущества подопечных, находившегося в Петербургской, Казанской, Оренбургской и Пермской губерниях, «без испрошения каждый раз особого разрешения».

В состав управления включили дядю малолетних наследников гофмейстера Александра Дмитриевича Башмакова, петербургского купца первой гильдии Владимира Оттомаровича Баранова, действительного статского советника Александра Николаевича Пургольда, надворного советника Ивана Федоровича Досса и «лицо по избранию Министерства государственных имуществ», которым в августе 1877 г. был определен член Совета министерства тайный советник Александр Осипович Таборовский⁸.

По свидетельству министра юстиции Д.Н. Набокова, назначение опекунов было проведено «согласно просьбе о том матери умершего Башмакова, вдовы генерала от инфантерии княгини Варвары Аркадьевны Горчаковой». Когда в ноябре 1879 г. председатель опеки А.Д. Башмаков отказался от участия в управлении, императору поступило новое прошение от влиятельной княгини, в котором она объясняла, что «с увольнением гофмейстера Башмакова от звания опекуна четверо малолетних детей умершего сына ее Сергея Башмакова остались под опекою лиц, совершенно им чуждых», и ходатайствовала о назначении в состав управления ее племянника – князя Итальянского графа А.А. Суворова-Рымниковского. Д.Н. Набоков, П.А. Валуев и сменивший его на посту министра государственных имуществ А.А. Ливен тем не менее настояли на том, чтобы оставить опекунское управление в составе четырех опекунов, из которых три, как они утверждали, были и так назначены «по избранию княгини Горчаковой». Александр II 11 апреля 1880 г. утвердил это решение министров, несмотря на несогласие княгини. Поскольку пост председателя управления передали представителю от казны А.О. Таборовскому, можно предположить, что интересы наследников оказались отодвинуты на второй план. Первоочередной задачей опекунского управления стали расчеты по обнаружившимся громадным долгам С.Д. Башмакова⁹.

Как сообщали опекуны в «обзоре» своей деятельности, начав работу 1 сентября 1877 г., они приступили «к выяснению актива и пассива умершего С.Д. Башмакова». Выяснилось, что в состав его имущества кроме Богословского округа входили арендованные Оренбургские золотые промыслы, акции и облигации Общества Петербургских конно-железных дорог, Общества газоосвещения в Казани, водочного завода фирмы «Келлер и К°», а также дом в Петербурге (на пересечении Конюшенного пер. и набережной Мойки), домашняя обстановка и наличные деньги. Первоначально все имущество было оценено в 10 456 300 руб., а обременявшие его долги – в 9 022 834 руб. Позже оказалось, что «такая оценка имущества была гораздо выше действительной его стоимости». Более того, Оренбургские прииски, на которых добывалось всего 30 фунтов золота, приносили только убытки. Опеке пришлось возратить их «казне и лицам, у которых они были арендованы, и всю сумму затрат в 400 тыс. руб. списать со счетов имущества как безвозвратную потерю». Газоосвещение в Казани тоже было убыточным предприятием; опека выплатила почти 77 тыс. руб. долгов из-за невозможности его продать. Акции конно-железных дорог были заложены на 2,5 млн руб., а некоторую часть их продали по заниженной стоимости, поскольку «с первых дней их эксплуатации стало ясно, что при установленных тарифах предприятие не могло существовать». «По неимению документов» опекуны вынуждены были отказаться от получения долга от Моршанско-Вагранской железной дороги в 400 тыс. руб. и некоторых других долговых обязательств. Актив свелся к сумме примерно 7,5 млн руб., что было на 1,5 млн руб. ниже пассива. Получалось, что даже при реализации всего имущества расплатиться со всеми долгами невозможно. «Ясно, – писали опекуны, – в каком затруднительном положении оказалось управление.

Ему предстояло прежде всего употребить все усилия к тому, чтобы реализовать то имущество, которое могло быть продано, и удержать за наследниками Башмакова Богословский округ как предприятие, представлявшее наибольшие задатки к развитию».

До окончания опеки в 1889 г. были или проданы, или отданы в счет платы по кредитам акции водочного завода, петербургский дом и часть акций конно-железных дорог. Но после изменения тарифа «в руках нового правления» Общество Петербургских конно-железных дорог «стало упрочиваться и оказалось предприятием благоустроенным и доходным». Через пять лет после учреждения опеки стало приносить доход в размере 10–13 тыс. руб. в год и Общество газоосвещения в Казани¹⁰. Тем не менее основное внимание опекунское управление сосредоточило на уральском горнозаводском имении, куда уже были вложены огромные средства и из доходов которого только и возможно было расплатиться с оставшимися долгами, в первую очередь казне за сам Богословский округ.

Прежде всего предстояло отсрочить ближайшие платежи в сумме 51 250 руб. по условиям продажи и 42 800 руб. за недвижимое имущество округа. «Опекунское управление убедилось, – писали опекуны в Горный департамент в октябре 1877 г., – что это предприятие покойного может сделаться впоследствии либо солиднейшей статьей баланса наследства и тем послужить верным пособием к исполнению обязанностей опекунского управления, возложенных на него Высочайшей волею, либо окончательно расстроить имущественную состоятельность наследников, а следовательно, и подвергнуть убыткам кредиторов покойного. Тот или другой оборот дела зависит вполне от средств, которыми в ближайшем будущем может располагать опекунское управление для полного развития производительности Богословского округа». Поскольку «все прочие имущества статского советника Башмакова, служа обеспечением других его обязательств с разными кредитными учреждениями и частными лицами, не могли быть обращены в ресурсы для поддержки горнозаводской операции в Богословском округе», опекуны просили «оказания некоторых льгот, которые могли бы устранить без ущерба казны препятствия к достижению той общегосударственной пользы, которая ожидалась от уступки казенного горного округа частному лицу». Они обещали уже к концу текущего года установить закупленное оборудование и в течение 3,5 лет израсходовать свыше 500 тыс. руб. «на прочную постройку медного производства» за счет доходов от золота, добыча которого за время частного владения округом увеличилась с 12 до 36,5 пуд. Просьба опекунского управления заключалась в отсрочке всех платежей до 1 ноября 1881 г., сокращения с 343 680 до 86 тыс. руб. покупной суммы за движимое имущество и освобождении его от уплаты пошлин при заключении купчей крепости¹¹.

Эта просьба вызвала неоднозначную реакцию в правительстве. Критически отнеся к ней государственный контролер С.А. Грейг, несмотря на свойство с опекаемыми детьми (его дочь была замужем за племянником С.Д. Башмакова Г.А. Канкриным). «Из совокупности всех данных... – писал принципиальный контролер в январе 1878 г., – оказывается с очевидностью, что продажа Богословского округа статскому советнику Башмакову сопровождалась до сих пор полной неудачей. Поэтому позволительно думать, что и в будущем вряд ли можно ожидать чего-либо другого, кроме новых для казны потерь. Коль скоро даже при жизни покупателя Правительство в течение двух лет уже принуждено было согласиться на такие уступки, которые цену, предложенную Башмаковым на торгах, понизили на 658 тыс. руб., то едва ли есть основания ожидать успеха от будущего хода этого предприя-

тия, которое передано в руки опекунского управления, лишенного того единственного средства к его поддержанию, какое было в руках покойного покупателя – именно кредита... С точки зрения Государственного казначейства и Государственного контроля, имеющих своим призванием радеть о выгодах казны и охранять ее от потерь, вопрос о предоставлении опекунскому управлению... просимых льгот представляется вопросом крайне сомнительным».

Но министр государственных имуществ П.А. Валуев полагал, что все иные решения обошлись бы казне еще дороже. «В случае отказа в ходатайстве, – отвечал он, – при невозможности для опекунского управления уплатить ныне требуемые с него суммы... предстояло бы... приступить к продаже округа с торгов и для этой цели взять его в казенный присмотр с некоторыми затратами для казны для предохранения рудников от затопления и для удержания в округе достаточного числа рабочих впредь до совершения торгов». Поскольку после продажи 1875 г. «заводское действие» было остановлено, размышлял министр, у потенциальных покупателей «могла бы возникнуть мысль, что приобретатель не нашел в округе тех богатств, каких ожидал при его покупке». Это приводило его к заключению, что «результатом новых торгов мог бы явиться значительный для казны убыток». «Отобрание округа в казну», по мнению П.А. Валуева, также «не могло быть признано желательным» по финансовым соображениям, между тем как испрашиваемая отсрочка платежей «не причинила бы казне никакого убытка». Министерство государственных имуществ, обещал он, «будет иметь возможность наблюдать через своего представителя в опекунском управлении, чтобы весь полученный в Богословском округе чистый доход от золота был употреблен на улучшение медеплавильного производства, а... опекунское управление, затратив уже сумму в 670 тыс. руб., найдет для себя невыгодным отказать в 1881 г. от производства срочных платежей». «Если бы, однако, эта надежда не оправдалась, – полагал министр, – то произведенные к тому времени... улучшения медных рудников доставили бы возможность продать округ или взять его в казну с меньшим для нее риском, нежели это могло бы быть сделано в настоящее время». «Более осторожным и с выгодами казны согласным», на его взгляд, было бы предоставление опеке отсрочки платежей, «не прибегая ныне к отобранию Богословского округа».

Комитет министров 14 февраля 1878 г. вынужден был согласиться с мнением министра государственных имуществ и вновь корректировать условия продажи Богословского округа. «Принимая во внимание как произведенные уже затраты Башмаковым весьма значительной суммы... так и невыгодные для казны последствия обратного поступления округа в казенное управление», опекунскому управлению разрешили платежи в счет покупной суммы начать с 1 ноября 1881 г. с рассрочкой до 1915 г. «по банковским правилам»; сумму покупки движимого имущества снизили до 128 тыс. руб. с рассрочкой на 10 лет и на тот же период рассрочили расходы по совершению «крепостного акта». В качестве компенсации 142 тыс. руб., оставшиеся в качестве залога, были «обращены в доход казны в счет срочных за округ платежей». При этом опекунское управление обязывалось тратить доходы от добычи золота исключительно на развитие медного производства, «пока оно не будет доведено до 50 тыс. пуд. в год». «Никаких других льгот даруемо не будет, – пригрозили опекунскому управлению министры, – и в случае неисполнения поступлено будет по буквальному смыслу условий отчуждения Богословского округа». Александр II санкционировал эти решения 24 февраля 1878 г.; на их основе составили окончательный проект купчей крепости, подписанный 12 апреля того же го-

да тогда еще председателем опекунского управления А.Д. Башмаковым и директором Горного департамента Ф.И. Раселли. Утверждение купчей состоялось 22 ноября 1878 г.¹²

Новые льготы позволили опекунскому управлению продолжить восстановление рудников и заводов. В качестве консультанта, а затем и управляющего округом был приглашен опытный горный инженер А.А. Ауэрбах, который занялся углублением действовавших шахт и установкой новейшего для того времени оборудования, работавшего на силе пара. Первоначальные расчеты С.Д. Башмакова, утверждал он, оказались «совершенно неверными», поскольку именно золотосодержащие россыпи, на которые тот возлагал надежды, оказались истощены, а «месторождение медных руд настолько богато, что годичная выплавка меди могла быть легко доведена не только до обязательной нормы... но и до 100 тыс. пуд. и более». Разведка новых богатых месторождений на территории округа действительно способствовала многократному увеличению добычи руды с высоким содержанием меди (8–10%). В 1879 г. провели первые опытные выплавки на бездействовавшем на протяжении четырех лет Богословском заводе, где построили новые воздуховодки, печи и горны. В 1882 г. развернулось строительство узкоколейной железной дороги от Туринских рудников до Богословского завода и Филькинской пристани на р. Сосьва. В Перми, а также в Германии купили четыре паровоза, рудовозные вагоны и платформы¹³. «Старания о восстановлении медного дела увенчались большим успехом, – констатировали опекуны, – выплавка меди началась в 1879 г. и в 1881 г. достигла уже 58 377 пуд., в 1883 г. – 79 138 пуд., а доходность в 1879 г. достигла 225 355 руб., в 1881 г. – 351 452 руб. и в 1883 г. – 538 800 руб.» «Упадок горного дела в Богословском округе происходил не от истощения его подземных богатств, а единственно от недостатка средств или неразумного ведения дела, и последнее даже вернее, так как и Башмаков, и особенно опекунское управление над его наследниками располагали самыми ограниченными средствами, а тем не менее привели дела округа в такое состояние, в каком он со времен Походяшина никогда не находился», – констатировал в 1882 г. А.А. Ауэрбах¹⁴.

Когда обязательства перед казной относительно объема производства были выполнены, опекунское управление получило право «употреблять доходы с Богословского округа на общие нужды помимо округа», но не могло им воспользоваться, поскольку «запродавало медь вперед». К тому же частные кредиторы, «наблюдая успехи управления», стали требовать возвращения отсроченных по договоренности с ними долгов. Поэтому 6 июня 1884 г. было принято судьбоносное для Богословского округа решение. Опекуны сочли, что теперь доходное предприятие можно было выгодно продать за сумму, которая позволила бы выплатить остававшиеся долги. Именно «для расплаты с кредиторами» и было решено продать округ, сохранив подопечным участие в обществах конно-железных дорог и газоосвещения, которые к тому времени уже приносили доход.

В том же году Богословский округ у опекунского управления приобрела Н.М. Половцова за немалую сумму в 5 504 907 руб. На новую владелицу переводились долги Горному ведомству (2 105 695 руб.) и Государственному банку (1 882 479 руб.) с установленной еще в купчей 1878 г. рассрочкой¹⁵. Частным кредиторам передали остаток в размере 1 516 733 руб. Всего на протяжении 12 лет своей деятельности опека над наследниками С.Д. Башмакова выплатила 8,2 млн руб. долгов и при этом сохранила для них имущество на сумму 3,2 млн руб. с долгом в размере всего 606,5 тыс. руб. Почти безупречно справившееся со своими сложными задачами, оно было упразднено 2 марта 1890 г. в связи с достижением

основным наследником С.С. Башмаковым возраста полного совершеннолетия. «Опекунское управление закончило ныне все возложенные на него обязанности», – с чувством выполненного долга констатировал А.О. Таборовский. «В качестве опекуны над несовершеннолетними Марией и Любовью Башмаковыми» еще 24 июня 1888 г. Александр III назначил их тетку М.Д. Батурину¹⁶.

По воспоминаниям младшей из сестер Башмаковых, проведя несколько лет в Висбадене, куда детей увезли после смерти отца, они вернулись в Петербург, где «у семьи был ряд квартир». Брата Сергея отдали в Пажеский корпус, девочек – в частную школу княгини Оболенской. Простудившись на похоронах Александра II и заболев скарлатиной, в 1881 г. умерла «любимая, всеми обожаемая сестра Варвара», которая «была намного старше остальных членов семьи, у нее был добрый, милый нрав, и она была для младших вроде матери». Девочек взяла под свою опеку их двоюродная сестра княгиня Е.А. Гагарина. «Ту зиму мы провели в деревне, – писала Мария. – От нее остались не самые счастливые воспоминания. Ну а потом мы вновь отправились за границу, в Ниццу, к моей тетушке, чей муж вот уже сколько лет был генеральным консулом России». Брат их в то время служил в конной гвардии. Владея по закону $\frac{6}{7}$ частями отцовского наследства, он, по словам сестры, «был очень богат и считался завидным женихом». Вскоре он женился на двоюродной сестре Е.А. Батуриной, вышел в отставку, жил в своем имении в Тамбовской губернии, предводителем дворянства которой неоднократно избирался. Любовь вышла замуж за скрипача И.М. Нагорнова. Мария была замужем дважды. Первым ее супругом стал А.В. Свечин. Этот брак сама Мария называла несчастливym; вскоре он был расторгнут. В 1894 г. она вышла замуж за князя А.В. Барятинского, друга детства Николая II, внука владелицы Верх-Исетских заводов графини Н.А. Стенбок-Фермор. В написанных в эмиграции воспоминаниях младшей из сестер Башмаковых главное, но утраченное достоинство семьи – Богословский горнозаводский округ – во все не упоминался¹⁷.

¹ Рукосуев Е.Ю. Передача казенного Богословского горного округа в частные руки во второй половине XIX в. // Походяшинские чтения. Екатеринбург, 2005. С. 130–132.

² ПСЗ-П. Т. 41. № 43221; 43293, 43732; Т. 47. № 50782; Т. 50. № 55149; Т. 51. № 56296.

³ Ауэрбах А.А. Исторический очерк развития горного дела в Богословском округе. СПб., 1882. С. 3.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 882. Л. 23–31, 200–206 об.; Оп. 73. Д. 114. Л. 11–13 об., 136 об.–141.

⁵ Там же. Оп. 73. Д. 114. Л. 2–7 об.

⁶ Там же. Л. 11–14, 21–23, 30.

⁷ Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918, М., 2006. С. 5–6.

⁸ ПСЗ-П. Т. 52. № 57576; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1000. Л. 1–3.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1000. Л. 12, 17, 19–20, 25; ПСЗ-П. Т. 55. № 60785.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2278. Л. 4–9.

¹¹ Там же. Оп. 73. Д. 114. Л. 54–61 об.

¹² Там же. Л. 99–105, 136 об.–141, 149–151; Оп. 5. Д. 882. Л. 200–206 об., 215.

¹³ Рукосуев Е.Ю. Указ. соч. С. 133–139.

¹⁴ Ауэрбах А.А. Указ. соч. С. 3, 11.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1104. Л. 3–8 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2278. Л. 1–21; ПСЗ-П. Т. 10. № 6611.

¹⁷ Барятинская М. Указ. соч. С. 9–21.

18. Н.М. ПОЛОВЦОВА

Надежда Михайловна Половцова – личность в составе уральских заводчиков новая и, вероятно, самая знатная, хотя о ее происхождении ходили разные версии. По одной из них, будучи воспитанницей придворного банкира барона А.Л. Штиглица, она была его незаконнорожденной дочерью. Так, И.С. Тургенев в письме к П. Виардо сообщал: «Вчера я обедал у г-на П<оловцова>, своего рода пройдохи, который, женившись на побочной дочери банкира Штиглица, страшно разбогател, живет во дворце, дает утонченные обеды и т. д.»¹.

Семейными преданиями и мнением общества скорее поддерживалась другая, более романтическая версия. Ее придерживались и члены императорской фамилии. В соответствии с ней, в шестимесячном возрасте девочку нашли 10 июня 1844 г. (отсюда и фамилия Июнева, или Юнина) в саду Каменноостровской дачи А.Л. Штиглица в кустах сирени. В записке сообщалось, что ее имя – Надежда Михайловна, что она рождена 10 декабря 1843 г. и крещена в православной вере. На младенце была рубашка тончайшего полотна и нательный крестик на цепочке из янтарных бусинок. «Баронесса была склонна приютить подкидыша в суеверной надежде, что это поможет ей самой стать матерью, – вспоминал сын Надежды Михайловны Александр. – Барон колебался, но на следующий день за ним послал государь Николай Павлович и просил его взять девочку на воспитание, говоря, что знает, кто ее отец. Барон был лютеранином, но добросовестно воспитывал мою мать в православии. Ей дали фамилию Юнина. Отец мой говорил мне, что когда он был женихом в 1861 г. баронесса ему сулила, что у нее есть документы, которые она ему когда-нибудь передаст, и из них он узнает о происхождении своей жены, но потом ни он, ни моя мать никогда не решались поднимать вновь этого вопроса, а после смерти баронессы (кажется, в 1873 г.) никаких бумаг не оказалось; она их, вероятно, сожгла, так как с годами у нее выработалось самое враждебное отношение к моим родителям. Она, впрочем, была не в своем уме и проводила целые годы в санаториях для нервных больных. Князь К.А. Горчаков, сын канцлера, говорил мне, что все считали мою мать дочерью Великого Князя Михаила Павловича, а он – Великого Князя Павла Александровича. Хотя мне не говорил, откуда он это знает, но никто никогда мне не говорил, кто была моя бабка. Что Михаил Павлович, которому принадлежал Каменный остров раньше, подкинул свою побочную дочь богатому и бездетному еврейскому банкиру, жившему тут же рядом, кажется довольно естественной комбинацией, и вмешательство Николая Павловича в такие времена, когда всякие отступления от общепринятой морали отнюдь не поощрялись, как бы указывает на то, что отец ребенка был ему близкий человек. Так как Михаил Павлович скончался в 1849 г., он не имел случая выказать какие бы то ни было родительские чувства столь еще малому ребенку, но сходство лица моей матери с лицами некоторых членов императорской семьи укрепляет это предположение... Барона она всегда называла “дядей”... и в течение всей его жизни между ними сохранились самые нежные отношения. Все в ее жизни было построено сначала на том, не

идет ли то, что она собирается делать, в разрыв с его планами, будет ли это ему приятно. И он боготворил ее»².

Поэтому ни для кого не стало неожиданностью, что своим завещанием бездетный Александр Людвигович Штиглиц оставил значительную часть принадлежавшего ему многомиллионного состояния приемной дочери. Однако оставил далеко не все. После кончины барона 24 октября 1884 г. она унаследовала его особняки (по Английской набережной, 70 и Адмиралтейскому каналу, 29), а также «вещное движимое имущество, как-то: произведения живописи и скульптуры, золотые, серебряные и бронзовые вещи, фарфор, посуду, зеркала, мебель, комнатное убранство, библиотеку, книги, фотографии и прочее, одним словом, всю домашнюю утварь, в чем бы таковая не заключалась». Ей же были оставлены паи Товарищества Нарвской суконной и льнопрядильной мануфактуры, акции Невской бумагопрядильной компании, акции и облигации Главного общества российских железных дорог, паи Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры, Московского купеческого банка и акции Общества Санкт-Петербургского водопровода. Дача на Каменном острове, имение Фоминки во Владимирской губернии, по 1,1 млн руб. и процентные бумаги завещались каждому из детей Надежды Михайловны. Крупные суммы достались племянницам барона – Э.И. Пистолькорс (7,3 млн руб.) и Н.И. Иксуль (4,2 млн), племяннику Л.И. Гардеру (1 млн) и внучатому племяннику А.А. Гардеру (2 млн). Значительные выплаты (от 1500 до 500 тыс. руб.) предназначались многочисленным родственникам, друзьям и служащим банкира. «За сим, не имея потомков и желая навсегда связать имя свое с общепольным для Российской империи учреждением, каковым представляется Санкт-Петербургское Центральное училище технического рисования имени моего, – писал А.Л. Штиглиц в духовной, – все за выполнением вышеизложенных завещательных распоряжений... оставить в его полную собственность». Имущество барона было оценено в баснословную сумму 39 390 тыс. руб., из которой «разным лицам» предназначалось, по подсчетам душеприказчиков, 31 339 тыс. руб.³

Муж Надежды Михайловны государственный секретарь Александр Александрович Половцов, назначенный бароном одним из душеприказчиков, оставил свидетельство об этом в своем дневнике⁴. «Состояние отнюдь не так велико, как предполагают (около 38 млн), – писал он. – Детям сестры завещано 14, т. е. то, что барон унаследовал от отца. Каждому из моих детей назначено по миллиону, жене моей – участие во всех его фабриках. Я счастлив тем, что, не получая ни рубля, вижу одобрение и широкое осуществление моих пожеланий на пользу Рисовального училища, которое должно получить весь остаток имущества после указанных в завещании выдач. Число лиц, коим назначаются выдачи, весьма велико. Доброе человеческое чувство завещателя не забыло никого сколько-нибудь к нему близкого». После похорон А.А. Половцов просил царя назначить на место барона почетной председательницей училища свою жену. «Весьма охотно, – ответил Александр III, – ведь это не есть государственное, а, так сказать, частное учреждение, и мы жене Вашей обязаны за эту щедрость покойного». По предварительным расчетам душеприказчиков, училищу могло достаться почти 8 млн руб.⁵

Мнение о том, что Богословский округ А.А. Половцов купил на наследство жены, было распространено еще при жизни государственного секретаря и, судя по всему, нуждается в корректировке. В январе 1887 г. Н.М. Жемчужников за обедом у Половцовых рассказывал, как писал сам Александр Александрович, «о любопытных примерах зависти и вражды, вызываемых богатством моей жены»⁶. На деле выясняется, что покупка округа состоялась еще до кончины А.Л. Штиглица; кроме

того, по завещанию Надежда Михайловна не получила наличных денег, которые можно было бы немедленно истратить. Возможно, округ был приобретен на средства, полученные ею в качестве приданого, когда в 1861 г. в возрасте 17 лет она вышла замуж за мало кому известного секретаря сенатской канцелярии А.А. Половцова, имевшего лишь родовое имение Рапти в Петербургской губернии. Удачно вложенные мужем в коммерческие предприятия, эти деньги и могли принести доход, позволивший приобрести уральский горнозаводский округ. Или, предположим, в деле негласно принял участие сам А.Л. Штиглиц. Как сознавался А.А. Половцов, он решился на покупку округа потому, что активное участие в заключении сделки принимал поверенный и душеприказчик барона К.К. Эстеррейх.

В своем дневнике государственный секретарь впервые упомянул о Богословском округе в записи от 2 мая 1884 г. В тот день он разговаривал со «старой приятельницей» Е.Д. Всеволожской (урожденная княжна Волконская, жена директора Императорских театров И.А. Всеволожского) об «арендаторе имений ее мужа» Л.Б. Хотимском, который и предложил купить Богословский округ. За полгода до разговора этот тюменский купец-золотопромышленник вместе с компаньонами выкупил у И.А. Всеволожского его части Пожевского имения, располагавшиеся по соседству с Богословским округом. «Дело привлекательно со всех сторон», – записал А.А. Половцов в своем дневнике после беседы с Л.Б. Хотимским и поверенным К.К. Эстеррейхом 9 мая 1884 г. Он советуется со своим «старым приятелем Краузольдом, которого добросовестность и утонченная честность... давно известны», после чего решается «идти... в Богословское дело». Через три дня он получает «уведомление управляющего делами Комитета министров о запрещении лицам, занимающим высшие должности, принимать участие в торговых и промышленных предприятиях». Это запрещение было введено в начале 1884 г. вне связи с намерением государственного секретаря, но оно, очевидно, сыграло свою роль в его решении купить округ на имя жены.

Однако посредническое участие Л.Б. Хотимского не устраивало опеку над детьми С.Д. Башмакова, которая предпочла «вступить в прямые сношения» с покупателем. В начале июня 1884 г. прошли совещания между представителем опеки И.Ф. Доссой и К.К. Эстеррейхом, который даже предпочел «бросить свои маклерские занятия для того, чтобы посвятить себя этому делу», а 11 июня прояснились «условия покупки – цена 5½ млн, из коих два состоят в долгу Государственному казначейству и рассрочены на 36 лет, 1870 тыс. Государственному банку будут рассрочены применительно к первому долгу, наличный платеж составляет 1630 тыс. и расходы по купчей». На следующий день выяснилось, что у А.А. Половцова есть конкуренты. «Англичанин *Mehie* предлагает перекупить богословское дело», – записывает он в дневнике. По-видимому, это ускоряет заключение сделки. Через три дня, 15 июня, совершается «окончание богословской покупки». Вскоре случайно встретившийся А.А. Половцову Никита Всеволожский «восхищается богословским делом»⁷. Об участии в заключении сделки Надежды Михайловны в дневнике не сообщено ни слова, но именно она становится формальным покупателем и владелицей уральского округа.

Купчая была совершена 14 июля по месту жительства Половцовых на Бол. Морской, 54, подписана ею и утверждена Екатеринбургским окружным судом 23 августа 1884 г. По условиям сделки, округ продавался в составе двух заводов (действующий Богословский медеплавильный и «упраздненный» Петропавловский) и 385 133 дес. земли в границах межевания 1789 г. К владелице переходило и обязательство предшественника «содержать медные рудники округа в таком состоянии, которое допускало бы возможность выплавлять ежегодно в продолжение 30 лет не

менее 50 тыс. пуд. меди», и не разрабатывать новые золотые россыпи до тех пор, пока «работы в медных рудниках не будут находиться в таком состоянии, при котором можно было бы обращаться в них не менее 760 рабочих». Все другие ограничения, как уже прекратившие свое действие, были сняты. Вероятно, новым условием стало обязательство владелицы предоставить «по требованию Правительства» рудничную работу не менее чем 500 ссыльнокаторжным с платой им «по вольным ценам», но без принятия на себя «распоряжений по надзору за ссыльнокаторжными и содержанию их». Кроме того, к владелице переходила обязанность финансирования школ, больниц и богаделен «в том размере, в каком подобные обязанности лежат на частных лицах, владеющих заводами на праве полной собственности».

Н.М. Половцова принимала на себя и долги Министерству государственных имуществ, обременявшие имение; они представляли собой остаток покупной суммы, за которую Богословский округ в свое время был продан С.Д. Башмакову, и составляли 2 105 695 руб., из которых 103 079 руб., причитавшихся за движимое имущество, были еще в 1878 г. рассрочены до 1 ноября 1890 г., а остальная сумма – до 1 ноября 1915 г. с платежом 6% в год. При просрочке в течение трех месяцев этих платежей над округом устанавливался казенный присмотр, и он выставлялся на торги. Кроме того, еще 1 882 479 руб. долга «продавца» Министерству финансов переходили к «покупщице» с составлением на эту сумму особой закладной. Цена округа устанавливалась в размере 5 504 907 руб. (с учетом 128,5 тыс. руб. за движимое и 5 376 407 руб. за недвижимое имущество). В результате всех отсрочек Н.М. Половцова должна была заплатить наличными 1 516 733 руб. сер. Ввод во владение округом состоялся 27 февраля 1885 г.⁸

Управляющим округом был оставлен опытный горный инженер Александр Андреевич Ауэрбах, вместе с которым А.А. Половцов вел деловые совещания, обсуждал «устройство химического завода в Богословске для выделки серы, соды, хрома», составлял годовую смету. «Дело хорошее, но прибыли еще вдалье», – записал он 29 ноября 1884 г. Министр государственных имуществ М.Н. Островский при встрече выразил А.А. Половцову свое «удовольствие по поводу богословской покупки», а в отчете о поездке на Урал в начале 1885 г. высказал сожаление, что «казна выпустила этот округ из своих рук». Александр Александрович в беседе с министром предложил «ввиду выраженных им сожалений... получить Богословский округ обратно» с возвращением денег. Тот, как следует из дневниковой записи А.А. Половцова, «перепугался от такого предложения и клянется, что рад всячески помогать и содействовать успеху горного в Богословске дела». Эти слова не остались всего лишь фразой.

На встречах А.А. Половцова с А.А. Ауэрбахом в марте 1885 г. обсуждались «широкие виды на будущность богословского дела», планировалось путешествие на Урал летом того же года. В апреле и мае А.А. Половцов совещался с бельгийскими инженерами из *Societe des chemins de fer secondaires* о постройке железной дороги от Камы к Богословскому заводу. Наконец, 14 июня Александр Александрович отправился на Урал в сопровождении доктора Э.Ф. Морища и бельгийского инженера Коссу.

Путешественники прибыли в Пермь 20 июня. «Вид города с Камы довольно живописен, – записывал свои впечатления государственный секретарь. – Сходя в почтовую контору и на телеграфную станцию, беру тройку и еду за шесть верст от города на казенный Мотовилихинский завод. Здесь на днях сгорело два заводских здания, но самый завод, по счастью, удалось отстоять. Во всем беспорядок, грязь, неурядица. Производятся пушки и заряды, но, смотря на то, каким порядком это делается, нельзя не видеть в этом заводе новое подтверждение тому, что казна не мо-

жет и не должна вести промышленных предприятий». Через день прибыли на заводы. «Собравшаяся в Богословске перед домом толпа с выборными во главе подносит мне хлеб-соль, – сообщает А.А. Половцов, – при этом читается длинный адрес, на который я отвечаю приблизительно так: “Благодарю Вас за хлеб-соль. Я очень счастлив, что мне удалось к Вам приехать. С Божьею помощью под державою Государя, горячо любящего свой народ и усердно трудящегося на его пользу, при руководстве такого искусного и опытного, как Александр Андреевич, хозяина мы устроим, я надеюсь, дела наши так, что будет хорошо и Вам, и нам, и Богословск делается не хуже никакого иноземного завода. Еще раз благодарю Вас”».

На следующий день Александр Александрович познакомился со служащими, набранными управляющим, осмотрел завод, затем отправился за 12 верст на бывшие Туринские рудники, где его впечатлил «роскошный храм»; он зашел также в контору, горную школу и механические мастерские. На третий день своего путешествия А.А. Половцов ездил на Волчанский золотой прииск. В дневнике он оставил подробное описание приисковых работ, вероятно, впервые увиденных: «Рабочие укладывают на небольшие вагоны сплошную черную землю, лежащую под верхним пластом земли; вагоны, запряженные лошадьми, по небольшим переносным рельсам доставляют свой груз шагов за 500, где груз сваливается в желоба, по которым течет быстрый поток воды. На дне же этих желобов сначала устроены крупные железные решетки, кои дальше заменяются деревянными перегородками, а под конец суконными полотнищами. Все это заставляет воду бурлить, размывать землю из комов в мелкий песок, а из этого песка выделять на дно частички золота. По окончании этой операции ежедневно все золото собирается в кучу; для легчайшего добывания к этой куче примешивается ртуть, которая вслед за тем испаривается на огне. Произведенною в день нашего посещения работою намыто из 37 тыс. пудов земли 2½ фунта золота. Пообедав и сделав, несмотря на преследования комаров, небольшую прогулку по лесу, ночуем в домике приискового смотрителя Николая Трофимова, саперного фельдфебеля николаевских времен, держащего в дисциплине пеструю и нередко сбродную массу рабочих».

На следующий день путешественники отправились в Петропавловский завод, «исходную точку деятельности Походяшина в прошлом столетии». «Там стояли медный и чугунный заводы, – записывал А.А. Половцов, – но теперь плотина, скоплавшая нужные для деятельности этих заводов силы, разрушена, добыча металла прекращена, население беднеет, не имея заработков. При въезде сюда на высоком каменном утесе стоит роскошный по внешнему виду храм – повторение Богословского. Зайдя сначала в церковь, останавливаемся у купца, снабжающего население всеми товарами, на кои оно заявляет спрос. Отсюда идем пешком осмотреть заложенный в трех верстах шурф с хорошими признаками меди. Нас сопровождает толпа народа, несколько мужиков просят меня отменить распоряжение о сломке изгородей, в коих они устраивают западни для лосей, число коих заметно уменьшается. Стараюсь объяснить им, что охота и хищническое истребление – две разные вещи. Ауэрбах спускается в шурф и удостоверяется в надежности жилы».

После возвращения в Богословск, дневного отдыха и прогулки на пароходе по пруду, гости отправились «по железной дороге до шахты, именуемой Рашетовскою в честь горного генерала этого имени». «Спускаемся на 50-саженную глубину, – записано в дневнике. – Руда около 5%, порода очень твердая. Замечательный тип русского мужика – штейгер Иван Алексеев Семенов, здешний старожил, оказавший большие услуги округу». А.А. Половцов осмотрел больницу, расположенную в «довольно старом здании», отметил, что «богадельня плоха до крайности, состоит

из двух изб: одной – для мужчин, одной – для женщин», которые «просят об одной милости: ежедневном чаепитии»; порадовал его детский приют – «создание госпожи Ауэрбах», где все устроено «очень просто, умно, человеколюбиво».

В следующей поездке 1 июля посетили строившуюся плотину. «Постройка, по отзыву инженера Коссу, производится отлично, – записывает А.А. Половцов свои впечатления, – вид местности превосходный, в отдалении тянутся цепью горы Уральского хребта, а от них идет сплошной старый лес вплоть до Князьнинского озера, которое удвоится площадью после окончания производимых ныне работ и будет иметь 11½ кв. верст с напором воды, могущей дать ежечасно Богословску нужную прибавку двигающей силы и притом не рискующей замерзнуть и тем приостановить действие завода».

Еще один день заняли просмотр почты, обсуждение с управляющим «удобств и выгод вступления в сношение с медноделательным заводом Кольчугина». «Цены на медь, несмотря на новую пошлину, нисколько не поднимаются», – замечал заводчик. Днем по железной дороге путешественники отправились осматривать Башмаковский рудник: «Сплошная руда в 12% толстою жилою от двух до пяти сажен идет на пространстве, которое еще не дает признаков прекращения, хотя исследовано на 40 сажен в глубину и 60 в ширину. Порода так крепка, что никаких деревянных скреплений не требуется, и все эти пещеры, освещенные по случаю моего посещения, представляют какое-то фантастическое зрелище. С нами осматривают рудник шесть учеников Горного института, приехавшие сюда на лето для практических занятий. Обедают у меня инженер Кондратьев, заведующий рудниками в отсутствие начальника своего Шамарина, командированного в Америку, главный лесничий и заведующий механическими мастерскими».

На другой день после утренней охоты на глухарей путешественники направились верхом «на вновь открытые месторождения железной руды различных свойств на Ольховке». Там «разведками обнаружены уже площадь в версты четыре и среднепроцентное содержание около 60%. Под этим первым пластом обнаружен второй, который, однако, нельзя было исследовать за показавшейся водою. На границе железного месторождения найдена медная жила, как это встречается и на Тагиле и на Благодати». Следующую поездку снаряжают по р. Каква до с. Филькино, которое «должно служить точкою отправления замышляемой... железной дороги, которая направится к Усолью и, таким образом, соединит два бассейна рек европейских и сибирских». «Ввиду этого предположения осматриваем местность при слиянии Каквы с Сосьвою... Позавтракав в Еловке, садимся верхом и едем на шурф, где разведывается хромовая руда. Дорога идет крайне живописно, в высоком сосновом бору. Хром оказывается не в столь богатом залегании, как первоначально предполагалось, тем не менее заслуживает разработки».

Путешественник 6 июля «оставался покойно в Богословске», разбирал «дела о поземельных участках, неправильно захваченных из владения раздачею от горного начальства, продажею от лиц, не имевших на то никакого права», и читал Пермскую летопись В.Н. Шишонко. В последний день его пребывания на заводах была совершена обедня в соборе, организован праздник для рабочих в саду при больнице и обед со служащими и их женами у А.А. Ауэрбаха, во время которого обсуждались планы будущих разработок «подземных богатств, находящихся в изобилии», что, по-видимому, особенно впечатлило заводчика. «Но для того, чтобы ими воспользоваться, нужны еще весьма значительные затраты», – констатировал он. Путешественники 8 июля отправились в обратный путь, заехав в Верхнетуринский и Кушвинский казенные заводы. По Каме они плыли «на пароходе братьев Каменских»⁹.

Благоприятные впечатления, вынесенные из ознакомительной поездки на заводы, осенью омрачились сведениями о падении цен на медь. В октябре–декабре 1885 г. Александр Александрович ведет «продолжительные разговоры» с приехавшим в Петербург А.А. Ауэрбахом и вернувшимися из-за границы инженерами Флекелем и Н.А. Шамариным. Обсуждаются «чрезвычайный упадок цен на медь» и «затруднительности ведения... богословского дела вследствие обширности вновь открытых в Америке медных руд». По утверждению Н.А. Шамарина, конкурировать с американской медью невозможно; Флекель представил результаты своей поездки по Европе и расчеты «на случай устройства химических производств для обработки продуктов, добываемых ныне побочно при добывании меди». Доход предполагался чуть ли не 100%-й, но «ничего нельзя делать, не имея дороги на Каму». Через год, 25 ноября 1886 г., А.А. Половцов слушал доклад управляющего о работе Богословских заводов. «Результат сводится к нулю», – отметил он в своем дневнике. За несколько месяцев до этого, 13 июня 1886 г., он даже получил, но, судя по всему, отверг «предложение продать Богословск»¹⁰.

В это время российское правительство, озабоченное упадком медеплавильного производства, обсуждало вопрос о повышении ввозных пошлин на металлы. В общественном мнении положительное его решение было вызвано лоббированием влиятельным государственным секретарем, жена которого владела крупнейшим медеплавильным предприятием в России. В одной из частных записок читаем: «Шла у нас медь изрядно. Дозволили ввоз – упала... Взятся за медь господин секретарь, накинули пошлину до двух рублей, опять пошла, пожалуй, глупые люди найдутся строить заводы и попадут. Продай господин секретарь свои заводы, и пошлины побоку...»¹¹.

Предполагая вероятность распространения подобных слухов, А.А. Половцов 11 апреля 1885 г. специально пропустил заседание Государственного совета, где рассматривалось представление министра финансов Н.Х. Бунге о таможенной пошлине на медь. «Россия несколько лет тому назад производила всю потреблявшуюся в ней медь, т. е. 400 тыс. пуд., – записал он в дневнике. – Вследствие открытия значительных в Америке залежей цены упали чрезвычайно, привоз усилился, и ныне Россия, продолжая расходовать 400 тыс. пудов меди, производит всего 200; из этого числа более трети добывается в Богословском округе, где цена производства дешевле, чем в остальной России, потому что топливо обеспечено обширными лесами». Тогда Государственный совет повысил ввозную пошлину на медь (в штыках, слитках, опилках и ломе) с 0,66 до 1,5 руб. с пуда, но оставил без изменения пошлины на многие изделия из меди.

Почти через год, 20 марта 1886 г., в «Московских ведомостях» появилась статья, направленная против А.А. Абазы, председательствовавшего на заседании Департамента экономии, где обсуждался вопрос о пошлине на медь, причем был «задет и Богословский округ, и лица, будто бы предъявляющие влиятельные ходатайства». «Разумеется, я ни с Абазой, ни с Бунге об этом не говорил и в заседании отсутствовал, – писал Александр Александрович. – По словам Абазы, вопрос был поставлен так: надлежит возвысить пошлину так, чтобы сохранить цену, имевшуюся в виду в прошлом году (10½ руб. за пуд), цену, чрезвычайно понизившуюся вследствие открытия значительных американских залежей и не имеющую никаких шансов на повышение. Против утвердительного на это ответа не спорил сам Небольсин, записной приверженец свободы торговли»¹². Безусловно, эти решения были выгодны отечественным производителям меди, в том числе и Н.М. Половцовой, но не менее очевидно, что ее муж воздержался от непосредственного участия в решении этого вопроса. Тем не менее его очевидное личное «участие в промышленном

предприятия» жены, вопреки запрету такой деятельности для высших чиновников, вызвало закономерную критику в адрес государственного секретаря и негативно отразилось на его имидже.

Цены на медь поднялись лишь в конце 1887 г. Тогда А.А. Половцов записал в дневнике: «...заключаем контракт, продавая всю богословскую на будущий год вырубку по 15 руб. за пуд, тогда как два года тому назад не могли продать и по 9 руб.» В том году округ дал прибыли 5%, «чего еще не было», по словам заводчика. Но уже в начале 1889 г. меди «опять угрожало страшное падение цен». В октябре 1890 г. после продолжительного обсуждения сложившегося положения дел с А.А. Ауэрбахом был сделан стратегически важный вывод, что «улучшение невозможно без разработки железных рудников». В округе началась геологическая разведка, а уже через год управляющий докладывал, что найдены «большие залежи железа превосходного качества». Намечалась благоприятная перспектива развития в округе черной металлургии, которая была замечена еще во время поездки на Урал в 1885 г. Но разработка новых рудников была возможна лишь «при существовании путей сообщения», что вызывало острую потребность в строительстве железной дороги с Сосьвы на Вычегду¹³.

Несмотря на неудачные попытки добиться от казны финансирования строительства этой дороги, заводу управление все-таки не отказалось от плана масштабного производства стали и в частности востребованных рынком железнодорожных рельсов. Для снабжения будущего металлургического завода сырьем и топливом приспособили уже имевшуюся в округе узкоколейную железную дорогу, а в начале XX в. на собственные средства соорудили ширококолейную Богословскую линию, соединенную с Уральской железной дорогой.

А.А. Ауэрбах 13 июля 1893 г. заключил судьбоносный для Богословского округа контракт с Управлением по сооружению Сибирской магистрали, обязавшись поставить в 1896–1900 гг. 5 млн пуд. стальных рельсов. Казна выдала аванс в 2,5 млн руб. на строительство мощного чугуноплавильного и сталерельсового завода, способного справиться с этим заданием. По сообщению главноуправляющего, завод, названный в честь владелицы Надеждинским, ставился на берегу р. Каква в семи верстах от ее впадения в Сосьву, где находилась Филькинская пристань. Близ пристани возводились углевыжигательные печи для переугливания дров, сплавляемых по Какве и Сосьве. На самом заводе предполагалось соорудить четыре доменные печи с общей годовой выплавкой 2,2 млн пуд. чугуна, четыре мартеновские и четыре сварочные печи, два прокатных стана, рельсоотделочную мастерскую, фабрику огнеупорных материалов, механическую и литейную мастерские и станцию электрического освещения. Мощность всех паровых двигателей должна была составить почти 3 тыс. сил, а общее потребление дров планировалось в размере 82 тыс. куб. саж.¹⁴ Такого крупного металлургического предприятия на Урале еще не было.

Начиная его строительство, заводу управление рассчитывало, что казна не откажет в прирезке к площади округа новых лесных дач «на условиях долгосрочной аренды». В марте 1894 г. А.А. Ауэрбах подал прошение об отмежевании 180 тыс. дес. казенной земли, мотивируя свое ходатайство как «необходимостью увеличения лесных запасов в виду строящегося завода», так и «предполагаемыми для облегчения сплава по рекам Сосьве и Какве работами». Планировалось арендовать две смежные с Богословским округом лесные дачи по рекам Сосьва и Каква. Эти реки, по словам главноуправляющего, «составляли восточную и южную границы округа и в том виде, в каком они находятся, были мало пригодны для сплава по ним леса». «Чтобы привести их в надлежащий вид для сплава в течение всего лета... – пояснял

он, – потребуется затратить довольно значительные суммы, что возможно только при условии пользования обоими берегами рек». Этим и обуславливалось расположение дач, которые заводу управление пыталось арендовать у казны.

Окружной инженер поддержал просьбу «в виду успешного развития железного дела на севере Урала», но ей воспротивились представители лесного ведомства. Главный лесничий, в частности, «нашел вопрос о прирезке поставленным неправильно». Контракт на рельсы составлен на четыре года, утверждал он, а отвод заводу управление просит на 48 лет, «не говоря уже о том, что, заключая договор, оно должно было иметь в виду возможность выполнить заказ, не расстроив своих лесов». Он предлагал нарезать на эти четыре года по 4 тыс. дес. и не находил «никакого повода и основания... прирезать 180 тыс. дес.» По-видимому, лесничий полагал, что после выполнения контракта гигантский завод будет разобран. Главный начальник уральских заводов И.П. Иванов лучше главного лесничего разбирался в заводских проблемах. Он высказался за приграничение земель, обусловив его разработкой «обоюдных выгодных условий» и «плана лесохозяйства» на весь срок аренды¹⁵.

Дело об отводе затянулось, а строительство нового завода между тем «быстро подвигалось вперед». Для решения топливной проблемы и поставки чугуна для мартенов, сооруженных раньше домен, владельцы решились на серьезные шаги. Соседний Сосьвинский округ с чугуноплавильным заводом и лесной дачей в 120 тыс. дес. был куплен на имя Н.М. Половцовой у Общества Коломенского машиностроительного завода 19 августа 1894 г. (сделка утверждена 7 октября 1894 г.). Сосьвинский завод, испытывавший недостаток руд, в свою очередь получил доступ к рудникам Богословского округа, мог существенно поднять выплавку чугуна и занять отведенную ему вспомогательную роль в комплексе с новым металлургическим гигантом. Отпала и необходимость в прирезке казенных земель¹⁶.

Строительство еще не завершилось, когда было принято решение об акционировании округа. Специалисты полагают, что к этому шагу владелицу и ее мужа вынудили долги, обременявшие округ еще со времени его приватизации и увеличившиеся после получения железнодорожной ссуды (к 1896 г. они достигли 3156,3 тыс. руб.), а также необходимость в многократно возросшем оборотном капитале.

«Проведя часть лета в Париже, съездив на две недели в Англию для осмотра огромных сталелитейных, железоделательных, рельсопрокатных заводов с точки зрения своих богословских вновь устраиваемых промышленных заведений, отбыв водолечебный курс в Мариенбаде, возвращаясь в Царское Село в последних днях июля, – записал А.А. Половцов в своем дневнике. – Погода стоит превосходная, так что весьма скучно представляется быть в Петербурге для выработки проекта устава Богословского горнозаводского общества»¹⁷. Однако ему пришлось смириться с этой необходимостью и все-таки подготовить проект устава. Н.М. Половцова 30 сентября 1895 г. подала прошение министру финансов, в котором сообщала, что, «желает учредить акционерное общество для разработки минеральных и всякого другого рода богатств... Богословского горного округа... и для расширения деятельности уже существующих там ныне и могущих быть устроенных впоследствии заводов и фабрик».

Устав Богословского общества утвердили 8 декабря 1895 г. В соответствии с ним, «округ с землями в количестве 505 133 дес., лесами, рудами, золотыми россыпями, заводами и фабриками, жилыми и нежилыми строениями... складами товаров, железной дорогой... пароходами, баржами и прочим имуществом, равно контрактами, условиями и обязательствами» передавался владелицей в собственность акционерного общества. Основной капитал в размере 8 млн золотых руб. раздели-

ли на 32 тыс. акций и распределили их между учредительницей Н.М. Половцовой и «приглашенными ею к участию в предприятии лицами по взаимному соглашению». Для образования оборотного капитала Обществу предоставлялось право выпустить облигации «на нарицательный капитал, не превышающий... 5 млн 500 тыс. руб. зол.» Правление состояло из четырех директоров и двух кандидатов, избиравшихся на четыре года «из лиц, имеющих на свое имя не менее 40 акций»; размещалось оно в Петербурге (Театральная площадь, 18).

Учредительное Общее собрание акционеров состоялось 11 января 1896 г.; на нем участвовали шесть человек, среди которых не было ни Надежды Михайловны, ни ее мужа Александра Александровича Половцова. В то время они находились за границей. «Прихворав сильным припадком подагры, – записал А.А. Половцов в дневнике 12 марта 1896 г., – я в конце ноября уехал во Францию и по совету врачей отправился на берег Средиземного моря в Монте-Карло, где весьма скоро почувствовал полное от своих болей облегчение... В конце декабря приехала жена моя, и мы провели вместе январь месяц». Учредительницу на том собрании представлял старший сын Половцовых – титулярный советник Александр Александрович Половцов мл. Присутствовали также действительный статский советник Александр Андреевич Ауэрбах, петербургский купец первой гильдии Рудольф Бернгардович Гаммершмидт, брат бывшего государственного секретаря отставной надворный советник Федор Александрович Половцов, личный почетный гражданин Иван Иванович Бергман и коллежский советник Модест Иванович Струков. Все участники представляли, как записано в протоколе, «весь основной капитал Общества в 8 млн руб.» Н.М. Половцовой принадлежало 31 550 акций, по 100 акций владели А.А. Половцов, А.А. Ауэрбах и Р.Б. Гаммершмидт и по 50 акций – И.И. Бергман, Ф.А. Половцов и М.Н. Струков. Все участники вошли в состав директоров и кандидатов в директора правления Общества¹⁸.

В Петербурге 29 июля была оформлена купчая крепость (утверждена 31 августа 1896 г.). На основании решения чрезвычайного Общего собрания акционеров, состоявшегося 23 июля, директора правления Р.Б. Гаммершмидт и И.И. Бергман покупали у Н.М. Половцовой Богословский округ с Надеждинским чугуноплавильным, сталелитейным и рельсопрокатным, Богословским медеплавильным и химическим, Сосвинским чугуноплавильным и железоделательным, Филькиным цементным и упраздненным Петропавловским заводами. Поскольку производительность Богословского и Сосвинского заводов к этому времени была увеличена до установленной при их покупке нормы, для акционерного общества отменялись ограничения на разработку золотых россыпей; по-прежнему действовало лишь запрещение на залог округа и его продажу, поскольку еще не были завершены рассроченные при покупке выплаты Министерству государственных имуществ (остаточный долг составлял 1 571 759 руб.) и Государственному банку (1 584 634 руб.). Сокращение этих сумм почти на 832 тыс. руб. в течение 12 прошедших лет свидетельствует о постепенном погашении казенных долгов. Увеличившаяся за это же время на 2,5 млн руб. покупная сумма оказалась равной основному капиталу Богословского горнозаводского общества.

Незадолго до подписания купчей (17 мая 1896 г.) Обществу было высочайше разрешено весь оставшийся казенный долг заводов обеспечить облигациями, которые должны были быть переданы на хранение в Государственный банк. В ноябре 1896 г. 11 250 облигаций общей стоимостью 3 млн руб. были уже в банке, в уплату оставшейся части долга с набавшими процентами туда же внесли около 329 тыс. руб. В результате этой операции обременительное запрещение с имения оказалось перенесено на облигации, расчеты по которым впоследствии были несколько раз отсрочены обществу по особым разрешениям Николая II¹⁹.

Вскоре после акционирования, 20 июля 1896 г., в домне № 1 Надеждинского завода выплавляли первый чугуны. Все, что в дальнейшем произошло с самым крупным в истории уральской горнозаводской промышленности Богословским акционерным обществом, изучено достаточно подробно²⁰. Выполняя железнодорожные заказы, оно сумело пережить тяжелейшие времена экономического кризиса, однако испытало финансовый крах в 1905 г. (тогда прежнее правление было заменено особой администрацией). «Сию в своем богословском правлении, где назначенные управляющим Государственным банком Тимашевым администраторы творят невероятные дела», – записал А.А. Половцов 26 апреля 1908 г., в канун своего 76-летия²¹. В 1912 г. была проведена финансовая реорганизация общества при участии Азово-Донского банка, взявшего его под свой контроль. Акции Богословского общества существенно возросли в цене, стали одними из наиболее покупаемых на Петербургской фондовой бирже²².

Внучка Павла I (как полагали большинство современников) Надежда Михайловна Половцова умерла 9 июля 1908 г. на 65-м году жизни, 24 сентября 1909 г. скончался и ее знаменитый муж – бывший государственный секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета, председатель Императорского Русского исторического общества, почетный член Императорской академии художеств и Петербургской академии наук, член-корреспондент Французской академии, один из крупнейших благотворителей и меценатов России. Значительные суммы пожертвовал А.А. Половцов на издательскую деятельность, в частности на его средства была осуществлена публикация Русского биографического словаря. Его усилиями создан богатейший музей при Центральном училище технического рисования имени А.Л. Штиглица, которому вместе с женой он покровительствовал в течение всей жизни.

Родительское наследство досталось детям: Александру (в 1917 г. – гофмейстер, товарищ министра иностранных дел), Петру (в 1917 г. – генерал-майор, командующий войсками Петроградского военного округа), княгине Анне Оболенской (жене действительного статского советника, варшавского генерал-губернатора и сенатора князя А.Д. Оболенского) и графине Надежде Бобринской (жене председателя Императорского археологического общества, члена III Государственной думы, министра земледелия в 1916 г., обер-гофмейстера графа А.А. Бобринского).

В сложный период, когда в округе действовала антикризисная администрация, Половцовы, оставаясь крупнейшими акционерами, дивидендов не получали. После реорганизации Богословского общества в 1912 г., сопровождавшейся дополнительным выпуском акций, доля их участия существенно сократилась. На Общем собрании в апреле 1916 г. в список 56 акционеров были включены А.А. Оболенская (10 тыс. акций), Н.А. Бобринская (10,2 тыс. акций) и А.А. Половцов (7,5 тыс. акций). Общее количество «старых» акций, остававшихся в их владении, таким образом, сократилось до 27,7 тыс., но составляло все-таки почти 87%²³. Однако к тому времени количество «богословских» акций увеличилось с 32 тыс. до 240 тыс.; по подсчетам Ю.А. Буранова, общая доля наследников равнялась всего 18–20%. В 1917 г., имея крупную задолженность за взятые с онкольных счетов кредиты, они погасили ее из начислявшихся дивидендов на акции, а также играли на фондовой бирже²⁴.

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 28 т. М., 1965. Т. 9. Письма. С. 22, 364.

² Половцов А.А. Воспоминания. Рукопись (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 35–38). Автор признателен П.В. Лизунову за возможность воспользоваться этим источником.

³ РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–17; Ф. 759. Оп. 61. Д. 252. Л. 7.

- ⁴ Подробнее см.: *Никитин С.А.* Александр Александрович Половцов // *Вопр. истории*, 2008. № 7. С. 39–54.
- ⁵ *Половцов А.А.* Дневник Государственного секретаря. В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 273.
- ⁶ Там же. Т. 2. С. 9.
- ⁷ Там же. Т. 1. С. 233, 236, 252, 259.
- ⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1104. Л. 3–8 об.
- ⁹ *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 285, 329, 361–368.
- ¹⁰ Там же. С. 384, 388, 391, 477, 495.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 1–13 об.
- ¹² *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 338, 442–443.
- ¹³ Там же. Т. 2. с. 62, 82, 174, 338, 411.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 316. Л. 7–8.
- ¹⁵ Там же. Л. 1–1 об., 5–6 об., 24–27 об.
- ¹⁶ *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 436–438.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 46. Л. 55. Автор признателен М.В. Друзину за возможность ознакомиться с выписками из неопубликованного дневника А.А. Половцова за 1893–1896 гг.
- ¹⁸ Там же. Л. 77 об.–78; РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 279. Л. 1, 3–20, 29–48, 91–92 об.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 599. Л. 1–2, 6–7 об., 8, 16, 18, 20.
- ²⁰ *Вяткин М.П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М., 1965. С. 59–66, 150–154, 317–322; *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 90–96, 142–153, 208–215.
- ²¹ Дневник А.А. Половцова (1905–1906, 1908 гг.) // *Красный архив*. М.; Пг., 1923. Т. 4. С. 126.
- ²² *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. С. 415, 418.
- ²³ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 279. Л. 253–254.
- ²⁴ *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 212–213.

19. С.Е. ЛЬВОВ

Сергей Евгеньевич Львов принадлежал к старинному, но обедневшему княжескому роду, идущему от легендарного Рюрика. Его дальняя родственница Т.А. Аксакова-Сиверс вспоминала, что С.Е. Львов «в свои молодые годы, т. е. тогда, когда в русском дворянстве появилась тяга к “бизнесу”, задан был мыслью создать себе состояние». «Желая подготовиться к практической деятельности, он пешком исходил всю Францию, изучая сельское хозяйство и промышленную жизнь этой страны. Вернувшись на родину, женился на дочери священника и уехал на Урал в качестве управляющего владениями холостяка А.В. Всеволожского. Владения эти включали обширные леса по Каме и Вишере и металлургический завод. Обосновав свою с

каждым годом увеличивающуюся семью в центре этих латифундий – поселке Пожва – он большую часть времени проводил в разъездах и вскоре приобрел репутацию энергичного дельца, которому палец в рот не клади»¹.

После нескольких разделов между наследниками А.В. Всеволожского, деда упомянутого выше владельца, Пожевское горнозаводское имение значительно сократилось в размере и осталось без рудников. Пожевский и Елизавето-Пожевский заводы специализировались на выделке железа и разнообразных железных изделий из покупавшегося на других заводах чугуна. В 1899 г. они произвели 345 тыс. пуд. в основном кровельного железа. На Елизавето-Пожевском заводе развивалось механическое производство, в небольшом количестве изготавливались машинное оборудование и пароходы. Эти новшества, по-видимому, стали результатом 12 лет управления заводами С.Е. Львовым: таким образом он пытался сделать рентабельным убыточное хозяйство Всеволожских, находившееся под крупным залогом в Петербургской сохранный казне.

Вероятно, именно долговые обязательства вынудили владельцев продать имение. А.В. Всеволожский подал прошение об этом в Горный департамент и получил разрешение². По купчей от 27 ноября 1900 г., зарегистрированной в Московской нотариальной конторе, Пожевские заводы вместе со 110 тыс. дес. земли перешли во владение С.Е. Львова. Новый владелец тем не менее не отказался от личного управления обширным и многоотраслевым хозяйством, как в подобных случаях обычно поступали знатные заводчики. «Князь Львов, как управляющий и распорядитель, – сообщало пермское отделение Нижегородско-Самарского банка, – сам лично ежедневно является на работы и уходит с них вместе с рабочими, не выезжая нигде из своей Пожвы»³.

Купив заводы не в самое удачное время (в России начинался промышленный кризис), князь был вынужден перезаложить имение в Нижегородско-Самарском земельном банке и под краткосрочные ссуды закладывать металлы в Государственном и коммерческих банках. Он расширил «ассортимент» железных изделий за счет пользовавшихся спросом, выставил на продажу природные ресурсы округа. Известно, что кроме железных изделий и леса С.Е. Львов торговал цементом, антрацитом, коксом и алебастром, выручая при этом до 300 тыс. руб. год. В округе действовали два лесопильных и небольшой судостроительный заводы, имелся собственный речной транспорт (четыре паровых буксира, 18 барж). Чугун и мартеновские слитки покупались им на казенных Гороблагодатских заводах. Несмотря на возникавшие проблемы с возвращением краткосрочных займов, банки охотно предоставляли заводчику новые «подтоварные ссуды», считая Пожевское имение вполне кредитоспособным. Ежегодная выручка от продажи одних лишь металлов достигала 1,5 млн руб.⁴

Внимание экономиста И.Х. Озерова, побывавшего на Пожевских заводах в 1909 г., привлекло то, что в условиях кризиса «энергичный делец» и «титулованный заводовладелец новой формации», как характеризовал он С.Е. Львова, «стремился опереться в своем производстве на народный спрос». «Он изготовляет на своем заводе ведра, чайники, которые в огромном количестве идут на рынок, сковороды, ухваты, маслобойни, грабли, лопаты и прочее... – писал эксперт. – Владелец детально изучает рынки, стремится узнать, что нужно населению и в какой именно форме... Он понимает, как нужно вести торговлю в России. Не так, как ведет ее “Кровля”, а за самоварчиком, чтобы он кипел на столе, с колбасой, сардиной, водочкой, – надо обниматься с русским купцом. ...И не мало средств он тратит на изучение рынка и приспособление предметов, нужных для русского мужика... Князь

Львов с упоением рассказывал, что нужно понять психологию русского купца, и составил даже альбом карточек своих клиентов». От других заводоладельцев, по мнению И.Х. Озерова, князя отличало и то, что «прежние магнаты не привыкли искать рынка, изучать требования потребителей, они привыкли к организованным действиям». «По стопам этого пионера давно должны были идти уральские заводчики, и кризис выведет жизнеспособные предприятия на новый путь», – полагал воодушевленный этим примером автор⁵.

Пожвинский революционер В.Т. Фролов оставил свои воспоминания о том, каким С.Е. Львов был в представлении рабочих. «С рабочими обращался не иначе, как “мой ангел”, – записывал он, – предупредительно кланялся первый, снимая с головы неизменный котелок, чувствуя себя благодетелем. На каждом шагу давал почувствовать рабочим, что он “благодетель” – кормит рабочих. Мягок в обращении, но неслыханно цинично жесток в эксплуатации пострадавшего во время безработицы населения». Иногда князь «лично являлся в дом рабочего, осматривал его обстановку, быт, достаток и выражал удивление, что рабочий имеет такой комфорт, как деревянный пол, железную посуду, а порой и медный ковшик... что, значит, рабочие живут у него в достатке, как у Христа за пазухой, и благоденствуют благодаря его, князя Львова, заботам и попечению». В.Т. Фролов отмечал, что владелец был «религиозный ханжа, над каждой дверью не только в заводе, но и над дверями конюшен конного двора, сторожки и будки повесивший по иконе; он на заводе, казалось, хотел бы ввести устав религиозного благочестия». Во время революционных событий 1905 г. князь полагал, что «блажь из народа выведут не тюрьма, не современное наше бессудие, а розги...»⁶.

Поступки заводчика революционер объяснял цинизмом С.Е. Львова, хотя подобное отношение к рабочим можно рассматривать и как следствие не изжитого еще патерналистского сознания, присущего князю как представителю родовитого дворянства. Для большей объективности необходимо учитывать и тяжелое финансовое состояние округа, которое от забастовок рабочих лишь ухудшилось бы, в то время как владелец прилагал усилия к тому, чтобы вовсе не закрыть предприятия и не оставить рабочих без работы. В адрес-календаре Пермской губернии за 1911 г. констатировалось, что «с переходом Пожевских заводов с их запущенным хозяйством к новому владельцу они под его личным наблюдением и руководством приведены были в хорошее состояние». «Несмотря на железный кризис на Урале, эти заводы не сокращали производства, как это сделано на известнейших заводах Демидова, Строганова и других»⁷.

Однако, будучи опытным организатором, С.Е. Львов, вероятно, понимал, что в новых экономических условиях без существенного обновления производства его заводы не выдержат все усиливавшейся конкуренции. В 1911 г. он задумал восстановить давно не действовавшую домну и построить мартеновскую печь. Князь ходатайствовал перед правительством об аренде Вишерских рудников в Чердынском уезде, намереваясь провести туда шоссейную дорогу. Но при крупном ипотечном долге и необходимости значительных затрат на реализацию этого плана Сергей Евгеньевич уже не мог рассчитывать только на собственные финансовые возможности. Поэтому он решил акционировать округ. Устав Общества Пожевских заводов был утвержден 12 июля 1912 г. Основной капитал должен был составить 6 млн руб., что, как можно предполагать, превышало стоимость округа и заранее обрекало план акционирования на неудачу.

Его провал прокомментировал в своей книге М.П. Вяткин. Историк удалось установить следующее. Весной 1912 г. из-за того, что С.Е. Львов не допустил про-

верки заложенного им в Государственном банке металла, ему отказали в «подтоварном кредите» и потребовали выплатить 758 тыс. руб. долга. Князь перезаложил заводы из Нижегородско-Самарского в Ярославско-Костромской банк за 2 млн руб. Но эта операция принесла только 180 тыс. руб. дохода, немедленно зачисленных Государственным банком в счет долга. В прессе даже начали распространяться слухи о прекращении владельцем платежей. С.Е. Львов был вынужден продать Кирьянову, одному из своих кредиторов, 280 тыс. деревьев на корню, а правлению Московско-Казанской железной дороги – весь лес из Закамского участка округа площадью 36,2 тыс. дес. за 2550 тыс. руб. Отдел местных учреждений Государственного банка отмечал, что эта продажа обесценила Пожевское имение, что С.Е. Львов систематически уклонялся от взыскания с него долга, «возбуждая в то же время ходатайства о разных льготах и отсрочках с целью лишь выиграть время для различных комбинаций с имением», т. е. искал возможность выйти из ситуации, в которую был поставлен самим банком. Хотя слухи о банкротстве князя пермское отделение Волжско-Камского банка называло не иначе как «инсинуацией против заводчика», его авторитет был подорван, а положение округа представлялось банкам уже не настолько надежным, чтобы они согласились на образование акционерного общества с высоким уставным капиталом⁸. Создать акционерную компанию не удалось, но князь все-таки не оставил свой план реорганизации заводов: затратив 200 тыс. руб. он восстановил домну и построил мартен.

В условиях начавшейся Первой мировой войны Пожевские заводы, по-видимому, получили выгодные оборонные заказы, а владелец замыслил грандиозный план расширения чугуноплавильного производства «для нужд морского и военного ведомства». Согласно справке Горного департамента за 1916 г., округ князя С.Е. Львова обладал «весьма благонадежными железными рудниками в Привышерском крае», вероятно, приобретенными у М.И. Лукьянова или Волжско-Вишерского общества (отголоски этого находим в рассказе В.Т. Шаламова «Алмазная карта»); имелась и возможность «дешево сплавом получать необходимую для доменного завода руду в неограниченном сравнительно количестве, пользуясь в то же время для плавки древесным горючим из обширных лесных дач верховьев Камы и ее притоков». Князь предложил соорудить две доменные печи с годовой производительностью 3 млн пуд. чугуна, для чего приобрел уцелевший инвентарь прекратившего к тому времени свою деятельность Кутимского доменного завода бывшего Волжско-Вишерского общества, закупил воздухоудвную машину, некоторые другие механизмы, кирпич и прочие строительные материалы. С.Е. Львов намеревался уже к 1 июля 1917 г. выплавить до 400 тыс. пуд., к концу 1917 г. – до 1,5 млн пуд., а с 1918 г. – получать 3 млн пуд. чугуна «лучшего качества без примеси серы и фосфора». Для этого Сергей Евгеньевич просил выдать ему ссуду в размере 3 млн руб. под обеспечение всего его имущества, «определяя его ценность в 8 млн руб. с погашением за восемь лет с конца 1917 г., а порядок погашения намечал путем удержаний Правительством соответствующих частей из тех платежей, какие бы ему причитались за чугун, поступающий заводам Морского и Военного ведомства по существующим к моменту сдачи средним рыночным ценам по котировкам Пермского биржевого комитета»⁹. Горный департамент тогда рекомендовал поддерживать «перспективное предприятие» С.Е. Львова, но ухудшившаяся экономическая ситуация в 1917 г., по-видимому, так и не позволила этого сделать.

Соликамский земский исправник сообщал 30 марта 1917 г., что «Елизавето-Пожевский завод князя С.Е. Львова остановил свои действия с 17-го текущего марта за недостатком материалов для выделки железа и необходимостью приступить к

ремонту мартена Пожевского завода». «Работавшие в Елизавето-Пожевском заводе местные жители в числе 200 человек частью переведены в Пожевский завод и частью в леса на куренные работы, а так как большинство рабочих пользуются отсрочкою от призыва на военную службу как работавшие для завода, изготовляющего предметы обороны, то управление Пожевских заводов этим эксплуатирует их, назначая крайне низкую плату за труд и предоставляя невыгодные работы, а также в целях предоставления всем работы увеличивается число смен работы, ограничивая этим заработок одного рабочего. Такое положение в связи с растущей непомерно дороговизной жизни, с одной стороны, и не сделанное управлением завода своевременное предупреждение рабочих о предстоящей остановке железнодорожного завода, с другой, вызывает в рабочих озлобление против заводской администрации».

В мае рабочие начали забастовку и выдвинули экономические требования, которые владелец полностью удовлетворил. Вдвое была повышена заработная плата, введен восьмичасовой рабочий день, оплата сверхурочных работ увеличилась в 1,5 раза, достигнуто соглашение выдавать заработную плату дважды в месяц, прекратить обшеты рабочих, учредить при заводе больничную кассу, а женщинам, выполняющим на заводе мужскую работу, оплачивать ее «по полным расценкам». Несмотря на это, волнения рабочих не прекратились. Князь 11 июня 1917 г. направил губернскому комиссару Временного правительства тревожную телеграмму: «Пожевском заводе крайне ненормальны отношения рабочих заводууправлению. Окажите помощь успокоению. Командируйте обследовать положение. Прошу немедленно». Будучи родным братом председателя Временного правительства Г.Е. Львова, он, возможно, рассчитывал на содействие комиссара, но никакой помощи не получил и 14 июня навсегда покинул Пожву. На заводах установили рабочий контроль; в мае 1918 г. предприятия были национализированы¹⁰.

По свидетельству биографов семьи, в отличие от своих братьев Алексея, Владимира и Георгия, эмигрировавших после революции и окончивших свои дни в Париже, Сергей Евгеньевич с женой Зинаидой Петровной Игнатьевой и сыновьями Евгением, Юрием, Владимиром, Сергеем и дочерьми Натальей и Зоей (дочери Елена и Елизавета эмигрировали) остались на родине. Деятельный князь, по-видимому, надеялся, что его опыт будет востребован новой властью, однако титул и родство с председателем Временного правительства уготовили его семье нелегкую судьбу.

Сергей Евгеньевич был арестован вместе с семьей в 1924 г., обвинен в контрреволюционной деятельности и приговорен к ссылке на Урал. Однако вскоре наказание признали условным, князя освободили. Вместе с женой он жил на ст. Сходня в Московской области или, чтобы быть рядом с детьми, в пос. Тайцы под Ленинградом. В 1935 г. после убийства С.М. Кирова его сыновей Юрия и Сергея с семьями выслали из Ленинграда в Куйбышев. Родители последовали за ними. Там 8 июня 1937 г. в возрасте 77 лет бывший владелец Пожевских заводов скончался от кровоизлияния в мозг.

Несмотря на то что его сыновья Сергей и Юрий служили в Красной Армии, в 1938 г. они были арестованы по надуманному обвинению и расстреляны. Владимир Сергеевич стал художником по фарфору, работал в Гжели, Царицыне и Саратове; в Саратове он был арестован и как «элемент, враждебно настроенный к Советской власти», расстрелян в 1937 г. Евгения Сергеевича в 1930 г. сослали в Вологду, затем он уехал к родителям в Куйбышев, где учился в пединституте и преподавал в школе немецкий язык. Его арестовали по доносу во время наступления немцев на

Москву, расстреляли в Сызранской тюрьме в апреле 1942 г. Осенью 1941 г., когда советское правительство переезжало в Куйбышев, 74-летнюю княгиню Зинаиду Петровну Львову выслали оттуда в Алтайский край, где через несколько месяцев она скончалась. Подвергались арестам и ссылке и оставшиеся в России дочери Сергея Евгеньевича и семьи его погибших сыновей Сергея и Юрия¹¹.

¹ Цит. по: *Соснер И.Ю.* Князья Львовы – «пациенты НКВД» // Уральский родосвед. Екатеринбург, 2002. Вып. 6. С. 68–69; *Ларионова М.Б.* Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 109–110.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 976. Л. 1.

³ *Вяткин М.П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 80.

⁴ Там же. С. 169–170.

⁵ *Озеров И.Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. С. 11–12.

⁶ Цит. по: *Казанцев П.М.* Пожвинский завод. Историческая хроника. 1754–2004 // Режим доступа: <http://www.pozhva.ru/node/3>.

⁷ Цит. по: *Соснер И.Ю.* Указ. соч. С. 69.

⁸ *Вяткин М.П.* Указ. соч. С. 335–337.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 457. Л. 119 об.

¹⁰ *Казанцев П.М.* Указ. соч.

¹¹ *Соснер И.Ю.* Львовы (1900–2004). Семейный эпилог // Режим доступа: <http://www.pozhva.ru/node/143>.

20. В.А. БУТЛЕРОВ

Потомственный дворянин Владимир Александрович Бутлеров в конце 1912 г. стал владельцем самого отдаленного, расположенного в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии Кажимского горнозаводского округа. В мае 1912 г., «имея в виду приобрести от наследников Д.Е. Бенардаки с разрешения Горного департамента Кажимские заводы», он дал подписку в том, что принимает обязанность исполнять «все существующие и впредь могущие быть установленные в законном порядке правила и требования, до посессионных горных заводов относящиеся». В то время бывшие владельцы пытались перевести округ из посессионных во владельческие, но не получили на это разрешения. Подписка, таким образом, подтверждала, что он понимает, каков статус предмета покупки. Как сообщала Главная контора наследников Д.Е. Бенардаки, 19 декабря 1912 г. в Петербурге была составлена купчая «одновременно с запродажной», и уже с 1 января 1913 г. В.А. Бутлеров «принял на себя все расходы по эксплуатации заводов»¹.

Новый владелец Кажимских заводов был сыном известных родителей: знаменитого химика А.М. Бутлерова и племянницы не менее знаменитого писателя С.Т. Аксакова Н.М. Глуминой. После получения по наследству от дяди большого имения в Пензенской губернии он в 1906 г. был избран членом Государственного совета от землевладельцев этой губернии. Там он входил в «группу правых». В Петербурге (ул. Торговая, 15) находилось правление его имениями и заводами.

На основе ограниченной информации невозможно достоверно судить о намерениях нового владельца. Известно, что в январе 1913 г., когда он уже финансировал заводы, вдвое было сокращено производство на Ньючимском заводе. Это вызвало протесты рабочих. Они просили увеличить производство или «по крайней мере разрешить заниматься цеховыми работами в зимнее время, а летом – другими работами, например, добычей руды и проч., заменяя пришлых рабочих». Хотя землеустройство мастеровых в округе завершилось еще в 1911 г., но, как сообщал окружающей инженер, «отграниченная под пашню земля находилась под лесом», что не позволяло рабочим в случае закрытия завода «перейти на сельскохозяйственные занятия»². В сентябре 1913 г. Владимир Александрович подавал заявку на аренду соседних Холуницких заводов, по-видимому, рассчитывая увеличить ресурсы обоих горнозаводских округов и их возможности. Но это, как упоминалось, не удалось.

В начале Первой мировой войны владелец приступил к расширению производства в расчете на получение выгодных военных заказов. В ноябре 1915 г. он подал заявку в Главное артиллерийское управление на изготовление 50 тыс. 48-линейных чугунных фугасных снарядов. «В виду сего, – сообщал В.А. Бутлеров, – в целях приспособления Кажимских заводов для изготовления как означенного заказа в случае предоставления такового, так и других военных заказов сделано распоряжение об усиленных, не стесняясь в средствах, заготовках руды, горючего и всего прочего для производства чугуна в пределах максимальной возможности, причем кроме своих нанимается еще усиленный кадр рабочих и мастеров со стороны, а в отношении своих рабочих, ратников второго разряда, возобновлено ходатайство об отсрочке призыва их на военную службу». Из Петрограда, Москвы, Вологды и Великого Устюга на заводы пригласили токарей, модельщиков и других специалистов, «административную и распорядительную части управления» вверили инженер-технологу А.Н. Гостунскому и горному инженеру М.М. Ширикову, наняли двух техников («один по изготовлению моделей, другой по наблюдению за отливками»). «Для оборудования заново токарного и других цехов... – писал владелец в январе 1916 г., – заказаны и доставляются на заводы станки, машины, двигатели и прочие механизмы... из которых уже прибыли на станцию Вятка... 42 места станков токарных, купленных в Петрограде для Кажимского завода. Затем ожидаются находящиеся в пути, отправленные для Ньючимского завода станки, два локомобиля с принадлежностями... Сейчас в Вологде грузятся еще станки, динамо-машина и нефтяной двигатель... Через Центральный промышленный комитет отправлены из Харькова трансмиссия и станки из Архангельска и Петрограда». Заводчик также намеревался усовершенствовать домну на Кажимском заводе, чтобы довести объем суточной выплавки чугуна до 2 тыс. пуд., обещал изготавливать до 1 тыс. снарядов в день.

Особое совещание по обороне поручило Горному департаменту проверить, подготовлены ли Кажимские заводы для изготовления фугасных бомб и «могут ли эти заводы вместе с землей... быть заложены для обеспечения аванса». На заводы отправился горный инженер Ф.Н. Григорьев, задержавшийся в пути из-за их «отдаленности от железнодорожных путей». В мае 1916 г. он известил, что осмотренные им предприятия «делать 48-линейные фугасы... в настоящее время не могут». Оказалось, что Кажимский и Ньючимский заводы совершенно не имели оборудования для механической обработки снарядов, а Ньючимский завод, уже изготавливавший мины, имел всего 30 токарных станков. «Если производство мин совершенно остановить, – предполагал инспектор, – то этот завод может делать вышеупомянутые бомбы, но благодаря малому количеству станков даст ежемесячную производительность не более 2 тыс. штук». Кроме того, вопреки уверениям владельца, все за-

воды округа «сильно нуждались в рабочих», а на залог заводов директор Горного департамента Н.И. Разумов соглашался лишь при условии погашения накопившихся за Кажимскими заводами долгов в размере 46,5 тыс. руб.³

По-видимому, отзыв инспектора не остановил заводчика, предпринимавшего активные попытки реорганизации предприятий в расчете на военные заказы. В июне 1917 г. В.А. Бутлеров сообщал, что кредит в размере 500 тыс. руб. открывает ему под соло-векселя Русско-Французский коммерческий банк «с обеспечением залоговым свидетельством на Кажимские заводы»⁴. Скорее всего, планы заводчика так и не были реализованы: этому помешала вскоре случившаяся национализация округа.

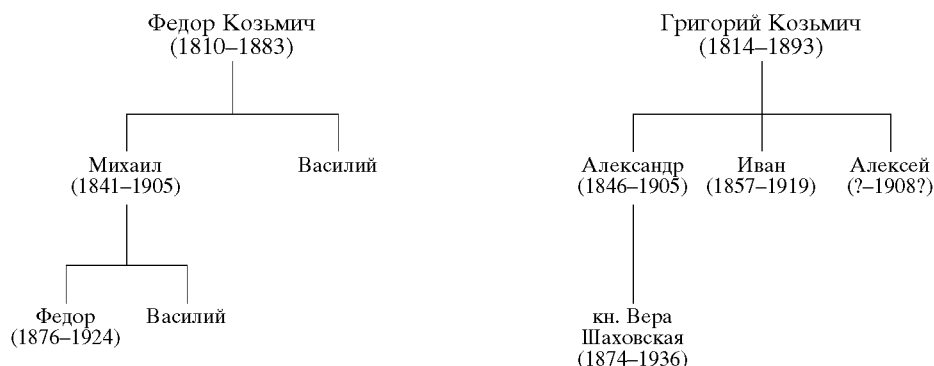
¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1651. Л. 20, 24.

² Там же. Д. 1670. Л. 19.

³ Там же. Д. 1840. Л. 10–11, 13, 15–16, 19.

⁴ Там же. Д. 1969. Л. 1–2.

21. КАМЕНСКИЕ

После разделов 1890–1893 гг. Суксунский горнозаводский округ, значительно сократившись (в его составе остались лишь Суксунский и Тисовский железоделательные и Молебский чугуноплавильный заводы), оказался в руках новых владельцев – представителей известного предпринимательского рода Каменских. Выходцы из крепостных крестьян дер. Данилиха Пермского уезда, они, нажив капиталы извозом, смогли выкупиться из зависимости. В середине XIX в. Федор и Григорий Каменские занялись организацией перевозок по Каме и Волге, в 1871 г. организовали торговый дом «Ф. и Г. братья Каменские», ставший одним из крупнейших в России. В 1874 г. в Перми ими был построен и пущен в действие литейно-механический завод, где строились и ремонтировались речные суда. Бывшие крепостные записались в первогильдейское московское купечество. Каменские занимались благотворительностью и общественной деятельностью, удостоились звания потомственных почетных граждан. Ф.К. Каменский в 1865–1869 гг. избирался городским головой

Перми. Своим сыновьям они дали хорошее образование. Именно сыновья Каменских, став владельцами семейной фирмы, в 1893 г. приобрели у конкурсного управления по делам «несостоятельного должника» А.П. Демидова часть его уральских имений. По-видимому, по замыслу Каменских предполагалось создать самообеспечивающееся обширное предприятие, ядром которого стало бы пароходство с пристанями и складами во многих городах России, в сочетании с производством железа и строительством судов на Урале, а также хлопковым и канатным производством в Средней Азии.

На основании доверенностей от родного брата Василия Федоровича (из Петербурга) и кузенов Александра Григорьевича, Ивана Григорьевича (из Перми) и Алексея Григорьевича (из Москвы) 19 февраля 1893 г. купчую на заводы у нижегородского нотариуса подписал Михаил Федорович Каменский. Суксунский, Тисовский и Молебский заводы переходили в собственность братьев «со всеми землями без остатка... со всеми лесами, водами и прочими угодьями, а равно железными рудниками, постройками, сооружениями и прочими принадлежностями заводов» за 325 тыс. руб. сер. Но в счет этой цены на покупателей переводился долг по демидовскому залогов округа в Нижегородско-Самарском земельном банке «в остаточной сумме» 189 915 руб. «Переводимую на нас ссуду, – обещали Каменские, – принимаем как нераздельную и предоставляем правлению банка право взыскивать ее на основании устава... с каждого из нас». Сроком начала выплат по долгу, равно как и всех податей, признавалось 1 января 1893 г.

Вслед за утверждением акта 20 марта 1893 г. последовала передача имущества от конкурсного управления, завершившаяся к началу октября того же года. «По общему согласию» братья доверили «управлять имением и распоряжаться в нем во всех частях хозяйства» Ивану Григорьевичу Каменскому, проживавшему в Перми. Самый образованный из братьев, он окончил с золотой медалью Московскую академию коммерческих наук и Боннский университет, имел степень доктора философии и химии. Заслужив всеобщее уважение, в 1906 г. Иван Григорьевич был избран членом Государственного совета от пермского земства. Непосредственное заведывание заводами поручили горному инженеру К.И. Ауэрбаху¹.

Работа заводов возобновилась, но расчеты на их полноценное развитие не оправдались. С началом экономического кризиса производство снизилось, в 1904 г. достигнув 40 444 пуд. чугуна, 3343 пуд. сортового железа и 5507 пуд. железных изделий. В следующем году выплавка чугуна полностью прекратилась. Выделка железа продолжалась в течение еще нескольких лет, по сведениям Уральского горного управления, «понижившись до ничтожной цифры в 1911–1912 гг., и также была приостановлена в 1913 г., причем за этот последний год приготовили лишь 249 пуд. металлических изделий».

Пытаясь изыскать возможности для подъема своих предприятий, Каменские в 1905 г. вновь перезаложили округ в Нижегородско-Самарском банке за 500 тыс. руб. и предприняли, по-видимому, неудачную попытку создать акционерное общество. Владея округом на праве полной собственности, они пытались использовать богатые лесные ресурсы Суксунско-Тисовской (53 639 дес.) и Молебской (63 732 дес.) дач. В 1905 г. в 20 верстах от Молебки построили завод сухой перегонки дерева «для обугливания дров и получения древесного спирта, уксусной кислоты и прочих продуктов». Некоторые из лесных участков были проданы: в 1909 г. 230 дес. – Министерству путей сообщения под строительство Пермь-Екатеринбургской железной дороги, в 1912 г. 452 дес. – инженер-механику М.М. Гладышеву². Рубежным для фирмы Каменских стал 1914 г., когда владение пароходством перешло к их конку-

ренту по организации речных перевозок Н.В. Мешкову, и состоялся раздел горно-заводского имения.

К этому времени в составе совладельцев в связи со смертью трех из них произошли изменения. По определению Пермского суда от 16 апреля 1905 г. $\frac{1}{5}$ часть общего имущества скончавшегося Александра Григорьевича перешла к его дочери Вере Александровне, в замужестве княгине Шаховской. Известно, что она писала стихи и прозу, печаталась в газете «Уральский край», «Альманахе уральской жизни»; как и отец, много благотворительствовала³. По завещанию, исполненному Московской судебной палатой 4(11) марта 1908 г., $\frac{1}{5}$ часть умершего Алексея Григорьевича перешла к брату Ивану.

Доля умершего Михаила Федоровича по определению Нижегородского суда от 24 января 1906 г. досталась его сыновьям Федору и Василию (каждому – по $\frac{1}{10}$). М.Ф. Каменский, поселившись в Нижнем Новгороде, получил известность как общественный деятель, благотворитель и коллекционер. Там он обзавелся второй семьей. Его законные сыновья жили с матерью в Москве. Федор окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, а после трагической гибели матери (она утонула в море) вместе с братом перебрался к отцу. В своем дневнике он писал, что это был «резкий перелом» в его жизни. «Переезд к отцу в Нижний, потеря матери, разоблачение семейной тайны, новое семейство. Я должен был жить с отцом, которого почти не знал, привыкать к нему и к женщине, которую нас научили и сердце подсказывало ненавидеть...» Когда в 1911 г. семейный торговый дом был преобразован в Товарищество пароходства и транспортирования грузов, Федор Михайлович вместе с Василием Федоровичем и Иваном Григорьевичем вошел в состав Петербургского правления. С 1914 г., когда главенствующее положение в Товариществе занял Н.В. Мешков, Ф.М. Каменский остался в правлении единственным представителем рода, утратившего свои прежние лидирующие позиции в российском пароходстве⁴.

«Не желая оставаться в общем владении», 12 июня 1914 г. Каменские совершили раздельный акт. Тогда они проживали в Петербурге: Иван Григорьевич и Вера Александровна в доме по Бол. Конюшенной, 19, а Василий Федорович, Федор Михайлович и Василий Михайлович – на Невском проспекте, 118. Как записано в акте раздела, «ныне не действующие и не имеющие самостоятельного значения» Суксунские заводы «в полном составе» переходили в общую собственность И.Г. Каменского ($\frac{57}{100}$ частей) и княгини В.А. Шаховской ($\frac{43}{100}$). За уступку заводов В.Ф. Каменский получал 500 тыс. руб., а Ф.М. Каменский – 250 тыс. руб. Такую же сумму В.М. Каменский получал не деньгами, а «закладной крепостью на имение», которую совершили одновременно с раздельным актом. Долг банку, составлявший тогда 441 536 руб., переводился на двух оставшихся совладельцев. Цена всего округа была определена уже в 2,5 млн руб. Пермский окружной суд утвердил раздельный акт 13 сентября 1914 г.⁵

В январе 1915 г. Иван Григорьевич и Вера Александровна предложили удельному ведомству купить более 100 тыс. дес. земли с Молебским заводом и Сылвинским заводом сухой перегонки дерева как «лесное имущество». Суксунский и Тисовский заводы «с частью мелких земельных участков и рудников... всего мерой 1494 дес. и отдельный крупный участок земли в Молебской даче мерой 6040 дес.» владельцы оставляли за собой.

Главное управление уделов согласилось на сделку для того, чтобы «приступить в лесных дачах к правильному лесному хозяйству по установленному порядку». Будучи «по хозяйственным соображениям» заинтересовано в этой покупке, оно про-

сило Горный департамент «ускорить разрешение вопроса». «Суксунский округ утратил характер горнозаводского имения», – заключили чиновники департамента, что давало основание разрешить сделку. Уральское горное управление удостоверило, что долгов за заводами не числилось, землеустройство населения было завершено и «на владение отведенными наделами получены владенные записи»⁶.

Высочайшее соизволение на сделку было получено 4 февраля 1915 г., а 22 февраля в Петрограде совершена купчая. За поступившие уделам 107 645 дес. земли (44 020 дес. в Кунгурском и 63 625 дес. в Красноуфимском уездах) бывшим владельцам уплатили 2,5 млн руб. кроме оставшейся суммы долга Нижегородско-Самарскому банку (433 890 руб.), которую ведомство «принимало на себя в число договорной суммы». Купчую утвердили 18 марта 1915 г.⁷

7 мая того же года И.Г. Каменский и В.А. Шаховская просили разрешения совершить новый раздельный акт на остававшиеся в их общем владении почти 8 тыс. дес. в заводских дачах. Они хотели отделить от имения мелкие участки общей площадью 1494 дес. и продать их частным лицам «в виду трудности эксплуатации и охраны этих мелких участков». Горный департамент, в ведении которого оставались эти земли, санкционировал продажу, предписав в случае дальнейших сделок «входить в департамент с особым каждый раз ходатайством». Одно из таких разрешений в сентябре 1916 г. было получено на продажу 743 дес. «лесной, пахотной и сенокосной земли, входящей в состав Суксунского горного округа»⁸. Таким образом, территория некогда огромного округа сократилась до 6 тыс. дес., остававшихся в собственности бывших заводовладельцев, потерявших этот статус в связи с прекращением горнозаводской деятельности.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 253. Л. 2–5.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1287. Л. 1–2, 5; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1104. Л. 10–11, 29–36 об.

³ *Голдин В.Н.* Русская поэзия в уральской периодике: 1879–1935.: Биобиблиографический словарь. Екатеринбург, 2007.

⁴ *Шавенков П.В.* Нижегородские предприниматели Каменские // Режим доступа: http://www.pecherskiy.nne.ru/text/publish_other/10.2005.11.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1735. Л. 14–17.

⁶ Там же. Д. 1765. Л. 1, 7, 11, 14, 17.

⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1104. Л. 29–36 об.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1765. Л. 21, 23–23 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1104. Л. 66–67.

22. Г.С. КОНДЮРИН. В.А. ХЛУДОВ. А.Н. КУРОЧКИН

После распродажи Суксунского горнозаводского округа в 1890–1893 гг. небольшие «осколки» этого бывшего демидовского имения оказались в руках нескольких владельцев. Камбарский железоделательный завод приобрел бирский купец Гавриил Степанович Кондюрин. Он, по-видимому, был местным уроженцем и, по свидетельству окружного инженера Н.П. Коженкова, проживал «в своей усадьбе в нескольких верстах от завода». По его же словам, купец «очень много делал для местного сельского общества». Так, известно, что на его деньги в Камбарке возвели каменную Петропавловскую церковь. Вместе с несколькими предпринима-

телями еще до покупки Г.С. Кондюрин фактически финансировал Камбарский завод, тем самым давая работу местному населению. «Купцы Кондюрин, Волков, Вавилов и другие занимались... покупкою с того завода железа и чрез посредство местных рабочих кустарей переработкой его в различные изделия, преимущественно в экипажи, и затем сбытом последних на близлежащих ярмарках», – сообщал Н.П. Коженков¹.

Именно Г.С. Кондюрину окружной инженер предложил возглавить рабочую артель для аренды Камбарского завода, когда конкурсное управление над «несостоятельным должником» А.П. Демидовым решило выставить этот завод на продажу. Получив приглашение встретиться и обсудить это предложение, Гавриил Степанович 17 августа 1892 г. прибыл в Екатеринбург. «В объяснениях своих по рассмотренному вопросу, – почти дословно воспроизводит Н.П. Коженков тот разговор в своем рапорте Горному правлению, – мы пришли к заключению, что образование рабочей артели в Камбарском заводе встретит большое затруднение по отсутствию в нем лиц, могущих поручиться своими денежными или имущественными капиталами перед Конкурсным управлением и Правительством в исправном исполнении принимаемых на себя артелью обязательств». Между тем Г.С. Кондюрин, продолжал инженер, «был бы не прочь приобрести этот завод покупкою или взять его в аренду на тот срок, какой будет вырешен им по соглашению с Конкурсным управлением, для чего и предполагал съездить в Москву и о результатах своей поездки и переговоров с кураторами известить... письменно».

Купец сообщил также, что «деньги, которые он имеет, задолжены им в различные торгово-промышленные предприятия, главнейшим образом на торговлю хлебом, так что свободного денежного капитала, на который он мог бы купить или приобрести в аренду Камбарский завод, у него нет, а потому для вышеозначенной цели он, Кондюрин, в видах улучшения благосостояния местного населения желал бы испросить на известный срок и, если можно, без платежа процентов у Правительства денежную в размере от 30 до 50 тыс. руб. ссуду под обеспечение лично ему принадлежавшего недвижимого имущества, состоявшего главным образом из находящихся в Камбарском заводе и селе Николо-Березовском (пристань на реке Каме) домах, какого имущества, по словам Кондюрина, у него имеется, считая по сумме страхования последнего от огня, на сумму почти равную, какую он полагает занять от Правительства». «Таким образом, – заключал Н.П. Коженков свой рапорт, – Кондюрин, желая арендовать Камбарский завод и получить от Правительства ссуду... выставляет на вид исключительно филантропическую цель, но, вне всякого сомнения, в предприятии этом им руководит не одна только эта цель, а прежде всего и многие его выгоды».

Окружной инженер 16 октября 1892 г. получил письмо от Гавриила Степановича, в котором тот извещал, что «находясь с 15 сентября по 2 октября в Москве, ходатайствовал перед Конкурсным управлением... об отдаче в аренду Камбарского завода, но последнее в этом ему отказало, почему он... намерен купить завод с прудом и участком земли в 4 тыс. дес.» Купец надеялся на поддержку горного начальства в получении ссуды, но Н.П. Коженков сомневался в этом, поскольку выставленные Г.С. Кондюриным в качестве залога дома, по его расчету, не удовлетворяли условиям залога «по малой их ценности»².

Очевидно, и сам предприимчивый бирский купец не стал настаивать на правительственной ссуде и уже через два месяца, 22 декабря 1892 г., заключил в Москве купчую на завод с куратором конкурсного управления Ф.М. Енько-Даровским.

Шесть участков земли площадью 6131 дес. «со всеми лесами, водами, строениями... и с движимостью, составляющей необходимую принадлежность заводским строениям», достались Г.С. Кондюрину за 65 тыс. руб. с учетом обременявшей Камбарский завод части банковской ссуды в размере 28 965 руб. В счет этого долга конкурсное управление заключило договор на вырубку леса из заводской дачи с другим бирским купцом В.А. Макаровым. Г.С. Кондюрин вызвался сам исполнить этот договор, чтобы рассчитаться с банком. Также он брал обязательство «во время сплава лесных изделий из Камбарской дачи в качестве владельца приобретенной земли и расположенных на этой земле заводского пруда и плотины... не чинить никаких препятствий к сплаву лесного материала по речке Камбарке по пруду и через плотину до реки Камы»³.

Новый владелец не остановил металлургическое производство, хотя ставший его собственностью завод имел только кричное оборудование, а чугун прежде получал из Молебского завода сплавом по Сылве, Чусовой и Каме. Раздел бывшего Суксунского заводского комплекса не привел, по-видимому, к разрыву имевшихся производственных связей и не стал препятствием для деятельности Камбарского завода, где в 1897–1900 гг. было даже введено пудлингование, в результате чего его производительность возросла до 93 тыс. пуд. железа. Но уже с 1901 г. владелец начал постепенно сокращать производство, хотя за свое высокое качество камбарское железо все еще завоевывало медали на выставках.

Не только трудности сбыта продукции, но и некоторые особенности организации предприятия, в частности использование исключительно водяной энергетики, препятствовали динамичному развитию завода. Так, в 1912 г. владелец жаловался, что крестьянин Кузьминых построил водяную мельницу и плотину на р. Камбарка и тем нарушил его право «на беспрепятственное пользование руслом названной реки»⁴. Имеются сведения, что в годы Первой мировой войны завод был остановлен, а в 1916 г. продан Камскому акционерному обществу⁵.

Бымовский медеплавильный завод Суксунского округа оказался передан в аренду потомственному почетному гражданину Василию Алексеевичу Хлудову всего за полгода до учреждения конкурсного управления. Договор об этом заключили 11 декабря 1889 г. Арендатор принадлежал к знаменитому роду московских купцов-предпринимателей. Его отец Алексей Иванович Хлудов, породнившийся с кланами Мамонтовых и Морозовых, известен как один из основателей Егорьевской, Ярцевской, Норской и Кренгольмской бумагопрядильных мануфактур. Он выбирался старостой московского купечества, был первым председателем Московского биржевого комитета, увлекался коллекционированием древних рукописей и старопечатных книг. Сам Василий Алексеевич остался в памяти поколений, основав в купленном им в 1882–1883 гг. в окрестностях Сочи имении экономию с садом, виноградниками, винным заводом и молочной фермой, известную ныне как курортный парк «Ривьера». По воспоминаниям современников, он был разносторонним и увлекающимся человеком, терпевшим фиаско во многих своих начинаниях⁶. Так, в мемуарах его родственника известного московского предпринимателя Н.А. Варенцова упоминается об участии В.А. Хлудова в акционерном обществе «Сталь», организованном в 1896 г. при участии великого князя Петра Николаевича и Санкт-Петербургского международного банка. Предполагавшиеся обществом разработка железорудного месторождения в окрестностях имения великого князя Тулмозеро в Олонекской губернии и строительство металлургического завода оказались крупной аферой, из-за которой В.А. Хлудов потерял «значительную часть своих средств»⁷. Можно

предположить, что его интерес к горнозаводскому предпринимательству имел предысторию и был вызван уже имевшимся у него недолгим опытом владения уральским заводом.

Получив Бымовский завод в аренду, В.А. Хлудов ввел в действие новое оборудование, что позволило сделать производственный цикл медеплавильного предприятия полностью завершенным. Завод возобновил работу, хотя и в несопоставимо меньшем, чем прежде, объеме. Так, в 1890 г. здесь выплавляли всего 341 пуд. меди⁸. Когда конкурсное управление начало ликвидацию имущества «несостоятельного должника» А.П. Демидова, первым из состава округа вышел находившийся в аренде Бымовский завод.

Купчая между председателем конкурса присяжным поверенным С.А. Муромцевым и арендатором В.А. Хлудовым (проживавшем в собственном доме в Басманной части Москвы) была подписана 9 августа 1890 г. За завод, небольшой участок леса в 491 дес. было уплачено 15 тыс. руб. На покупателя переводились «все права и обязанности Демидова по арендному договору с ним же, Хлудовым». Конкурс соглашался произвести «все платежи по государственным, земским и другим сборам за первое полугодие 1890 г., а с 1 июля долги Хлудов принимал на себя». Он передавал задаток в размере 1 тыс. руб., а остальную сумму платил «по утверждению купчей старшим нотариусом не позднее недели по уведомлению его об утверждении купчей». Это произошло 18 декабря того же года⁹.

Всего через полгода после утверждения сделки, 1 июля 1891 г., «действие» Бымовского завода было прекращено, а 16 сентября у пермского нотариуса подписана новая купчая. Поверенный владельца П.Г. Трирогов продавал «свободное от всякого залога и запрещения, находящееся в бесспорном владении недвижимое имение, заключавшееся в пашенной, сенокосной и лесной земле, всего примерно 491 дес., с находящимися постройками, состоящее в даче Бымовского медеплавильного завода», осинскому купцу второй гильдии Афанасию Николаевичу Курочкину за 14 тыс. руб. сер. Купчую утвердили 23 сентября 1891 г.¹⁰

При А.Н. Курочкине выплавка меди на Бымовском заводе возобновилась, но из-за нехватки руды и топлива он действовал неритмично и в 1899 г. был окончательно закрыт¹¹. Небольшое горнозаводское хозяйство, возникшее после распада Суксунского округа, перестало существовать.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 445. Л. 16–18.

² Там же. Л. 10–10 об., 16–18, 19.

³ Там же. Оп. 19. Д. 280. Л. 5–8 об.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1647. Л. 1.

⁵ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 241.

⁶ Морозова В.А. На благо просвещения Москвы. М., 2008. Т. 1; Хлудова М. Традиции дома Хлудовых // Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/3243/>; Балаиов А.М. Единство русских предпринимателей и народа // Российское предпринимательство в XIX – первой трети XX в.: личности, фирмы, институциональная среда. СПб., 2007. С. 21–24.

⁷ Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011. С. 218–251.

⁸ Металлургические заводы Урала... С. 96; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 253. Л. 2–3 об.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 190. Л. 2–3 об.

¹⁰ Там же. Л. 5–6.

¹¹ Металлургические заводы Урала... С. 96.

23. Н.Д. ШАМОВ и др. М.В. АСЕЕВ, С.П. фон ДЕРВИЗ

Еще в 1859 г. действительный статский советник А.Б. Рихтер (российский посланник в Бельгии; муж Е.А. Пашковой), полковник П.П. Ушаков (уполномоченный Сергинско-Уфалейских заводов; муж их совладелицы А.И. Губиной) и коммерции советник А.М. Пастухов (совладелец Омутнинского округа) составили Русскую горнозаводскую акционерную компанию в целях эксплуатации Инзерской лесной дачи в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии. «Дача эта, названная Инзерскою по протекающей через нее главной реке Инзер, граничит со всех сторон с башкирскими землями... – описывал имение советник Оренбургского губернского правления А. Любомудров. – Инзерская дача оценена ныне в 750 тыс. руб. сер.; куплена г-ном Левашовым у вотчинников-башкир за 18 тыс. руб. асс. Впоследствии от Левашовых она перешла к г-дам Пашковым... В недалеком расстоянии от межи Инзерской дачи находятся заводы: Авзяно-Петровский до 15 верст, Кагинский до 25, Узанский до 20, Белорецкий до 25 и Катав-Ивановский до 40 верст... Местность в ней гористая и каменная. В недрах земли содержится неисчислимое множество железной руды: доселе числятся по планам 74 рудокопных места, но на самом деле их несравненно более... У прежних владельцев Инзерская дача оставалась почти нетронутою и... не приносила большого дохода»¹.

После смерти отца – совладельца Кагинских и Белорецких заводов генерал-майора А.И. Пашкова – Евдокия Андреевна Рихтер и ее сестра фрейлина Александра Андреевна Пашкова, очевидно, получили эту дачу в наследство. В прошении министру финансов П.Ф. Броку в 1853 г. сестры упоминали, что вблизи Кагинских заводов они владеют Инзерской лесной дачей площадью 125 тыс. дес., которая могла бы «упрочить положение» выставленных на продажу заводов в случае передачи их сестрам «в оценочной сумме»². Кагинские заводы в 1855 г. были приобретены М.Ф. Гротеном; Пашковы больше ими не владели, но богатая ресурсами Инзерская дача осталась за ними. Тогда, по-видимому, и решено было организовать акционерное общество, стать учредителями которого пригласили предприимчивых людей с опытом организации заводского хозяйства.

Как можно судить по уставу, акционеры предполагали «устанавливать заводы, фабрики и механические заведения», для чего составить «складочный капитал» в размере 1,5 млн руб.³ Вероятно, Обществу не удалось выполнить все «организационные обещания» в сложных экономических условиях на рубеже 1850–1860-х гг. В том же 1859 г. скончался А.Б. Рихтер. В 1861 г. А.М. Пастухов и П.П. Ушаков вместе уже с другими предпринимателями получили в аренду расположенную на Северном Урале Николае-Павдинскую дачу и одноименный казенный завод. А.М. Пастухов вскоре умер; П.П. Ушаков был обвинен в махинациях с залогом металлов Сергинско-Уфалейских заводов и оказался под следствием. Таким образом и эта компания распалась, а Николае-Павдинская дача была продана казной И.А. Пастухову. Инзерскую дачу, по-видимому, постигла та же участь: Пашковы продали ее надворному советнику Николаю Дмитриевичу Селезневу, который затем распродал ее по частям. В период промышленного подъема 1890-х гг. на этих территориях возникли новые горнозаводские округа – Зигазинский, Инзеровский и Лемезинский.

«Торгующий по свидетельству крестьянин» Вятской губернии Уржумского уезда Теребиловской волости с. Русский Турек и «временный» уржумский купец Никита Дмитриевич Шамов в компании с вятским купцом второй гильдии Николаем Севастьяновичем Кальсиным и стерлитамакским купцом Меркурием Лазаревичем Созо-

новым 30 сентября 1887 г. купили у Н.Д. Селезнева земельный участок (15 056 дес.) в Катайской волости Верхнеуральского уезда, который составлял часть Инзерской дачи. Как можно предполагать, первоначальный замысел компаньонов состоял в лесопромышленной эксплуатации дачи. Но, как сообщал их поверенный инженер-технолог В.Н. Чадов, в 11 из 40 расположенных в даче рудников, нанесенных на план при Генеральном межевании Инзерской дачи в 1800 г., при геологическом их изучении в течение следующего с момента покупки года были обнаружены большие залежи железных руд. Эспертиза в Екатеринбургской химической лаборатории показала, что содержание железа в руде достигало 60% при незначительном количестве примесей. В связи с этим планы «временных купцов» изменились.

«Доверители мои не пожелали рубить лес на сплав и продажу, а решились употребить его на выплавку чугуна из находящихся в их имении железных руд, – сообщал инженер, – и... пригласили меня строить... доменную печь». Для полного обеспечения завода древесным углем у соседних башкир-вотчинников Стерлитамакского уезда Гирей-Кипчатской волости на 12 лет с правом вырубать ежегодно по 164 дес. был кортомлен участок леса и у того же Н.Д. Селезнева приобретено еще 10 тыс. дес. земли. «Завод, – полагал В.Н. Чадов, – обеспечен навсегда и в нем будет возможно развивать и другие отрасли заводской промышленности, а лесное хозяйство в имении предполагается вести самым правильным образом». Инженер рассчитывал построить доменную печь «по последнему слову техники при горячем дутье с улавливанием газов для нагревания воздуха и отапливания двух паровых котлов», а плотину на р. Зигаза соорудить уже «года через два после пуска доменной печи в ход... с целью введения при заводе пудлингаии чугуна и прокатки мелкосортного железа».

Чтобы убедиться в серьезности этих намерений, в феврале 1889 г. строившийся завод посетил окружной инженер А.А. Зеленцов. По его свидетельству, тогда там «производилась постройка жилых зданий, заготовка кирпича и других материалов, а также... установка заказанных в механическом заведении Коробейникова паровой машины и котлов». «К постройке же фабричных зданий и других устройств будет приступлено в апреле... Работы по устройству завода вообще ведутся деятельно, – сообщал А.А. Зеленцов. – Добыча руды начнется предстоящим летом». Всего лишь через год В.Н. Чадов уже просил Управление горной частью на Урале предоставить заводу освобождение на 10 лет от платежа горной подати. «Доверители мои, – писал он в марте 1890 г., – задолжили на покупку лесной дачи, устройство завода и другие постройки 400 тыс. руб. На оборотный капитал... потребно будет около 100 тыс. Надо принять во внимание, что завод выстроен на совершенно пустынном месте, почему все материалы, как то: кирпич, известь и проч. обошлись дорого. Окрестное же население, башкиры, ранее голодавшие, теперь уже сыты, а в будущем они будут вполне обеспечены, имея постоянную работу на рудниках, при жжении угля и в перевозке чугуна на пристань». Этих оснований, как полагал окружной инженер, достаточно для предоставления льготы во всех смыслах «благому предприятию». «Считаю не лишним сказать, – заключал А.А. Зеленцов, – что временные купцы, решившиеся выстроить чугуноплавильный завод, не считая старину, в настоящее время чуть ли не единственные в России». В следующем донесении он уже извещал, что домну Зигазинского парового завода засыпала 29 мая 1890 г., а первый чугун выплавляли 4 июня⁴.

Обследование завода, произведенное окружным инженером в августе 1891 г., было вызвано просьбой владельцев о залоге выплавленного металла в Екатеринбургской банковской конторе. «Завод построен весьма солидно и находится вооб-

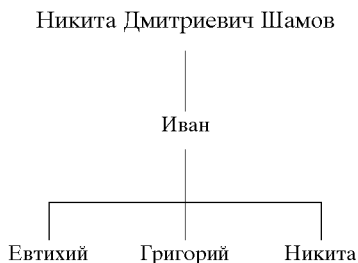
ще в благоприятных для ведения производства условиях, – писал А.А. Зеленцов. – Запасы руды в дачах можно назвать неисчерпаемыми... Первый год завод работал на холодном дутье, но теперь в виду экономических расчетов и для получения лучшего сорта литейного чугуна в июле... пущен в действие новый воздухопаровой аппарат, причем суточная выплавка чугуна стала доходить до 1500 пуд., а полную годовую производительность можно определить от 350 до 450 тыс. пуд. Кроме выплавки чугуна завод пока ничего не производит. За второй год деятельности на холодном дутье завод выплавил 310 тыс. пуд. чугуна, и из этого числа отправлено к продаже в Петербург, Москву, Нижний Новгород и другие места 209 тыс. пуд.» «Выгодная доставка чугуна на рынки» из Зигазинского завода, по свидетельству инженера, могла производиться только раз в год при «непременном условии» перевозки его до Бакракской пристани, расположенной в 80 верстах от завода при впадении р. Зелим в Белую, куда была проложена «хотя и гористая, но удобная дорога». Именно необходимость еще до продажи чугуна иметь деньги для заготовок и оплаты труда рабочих и привела к его залого в банке.

«Шамов, Кальсин и Созонов, – утверждал окружной инженер, – вполне заслуживают поощрения со стороны Правительства как предприимчивые местные русские деятели, которые первые здесь поняли и осуществили возможность эксплуатировать разумным образом естественные богатства этого края, изобилующего мощными залежами хорошей руды и обширными лесными дачами, которые до тех пор только вырубались для сплава строевого леса, а весь остальной дровяной материал или портился рубщиками, или же гнил и пропадал бесполезно. Владельцы Зигазинского завода одни из первых отозвались и оправдали предположения Правительства, которое в заботах о развитии отечественной горнозаводской промышленности установило высокие ввозные пошлины на металлы в справедливой надежде, что эта мера даст возможность окрепнуть и развиваться нашей местной промышленности. Поэтому и желательно оказать поддержку этим людям, ходатайствующим о доступном и дешевом кредите и много потрудившимся при устройстве завода в такой глухой местности, где совсем не было даже колесных дорог». Ходатайство о залоге удовлетворили, в отличие от прошения предоставить льготу в платеже горной подати. «Зигазинский завод, как устроенный в Оренбургской губернии и, следовательно, в пределах Уральской горной области... прав на льготные 10 лет не имеет», – разъяснил Горный департамент⁵.

Наиболее состоятельным из совладельцев был, как можно предположить, крестьянин Н.Д. Шамов – представитель разветвленного старообрядческого рода, сделавшего состояние на торговле. Сначала распределение долей владения новым округом было равным: каждому из трех совладельцев принадлежала условная $\frac{1}{3}$ его часть. Но по мере развития заводского хозяйства между совладельцами, по-видимому, стали возникать разногласия. В январе 1892 г. в Управление горной частью на Урале подал заявление проживавший в Уфе М.Л. Созонов. «Желаю продать принадлежащую мне часть Зигазинского завода за 175 тыс. руб., – писал он, – а потому прошу... объявить моим совладельцам через заводскую контору, не угодно ли им будет купить мою часть, а в случае их отказа выдать мне... удостоверение на продажу своей части завода в посторонние руки». Совладельцы 10 марта 1892 г. совершили «торговый договор», в соответствии с которым, как сообщал управляющий, «пай Созонова полностью перешел во владение Шамова, вследствие чего Зигазинский завод будет существовать с настоящего времени под фирмою “Шамов и К^о”»; 30 мая 1893 г. этот договор был закреплен купчей, совершенной в Оренбургской судебной палате⁶.

В мае 1892 г. двое оставшихся совладельцев доверили управление заводом инженеру А.Е. Гассельблату, при котором в 1895 г. началось возведение второй домны «шотландской системы на пяти чугунных колонках». Первую выплавку провели 7 ноября того же года. К 1898 г. производительность завода увеличилась до 711 тыс. пуд. чугуна, интенсивно разрабатывалось богатое Туканское месторождение бурого железняка, велись работы по углублению дна р. Зелим. Для привлечения на завод рабочих построили жилые дома, больницу, церковь, школу⁷.

В условиях начавшегося промышленного кризиса стал сокращать свою долю участия в деле и Н.С. Кальсин. По купчей, совершенной уфимским нотариусом 14 декабря 1901 г., он продал $\frac{2}{15}$ части владения компаньону Н.Д. Шамову: Никита Дмитриевич оказался владельцем $\frac{4}{5}$ частей Зигаинского округа. На следующий день у того же нотариуса Н.Д. Шамов составил дарственную запись на свою долю владения в пользу сына Ивана Никитича (проживавшего в Уфе в собственном доме по ул. Бекетовской). О заводе в дарственной было записано, что «в силу существующих условий горнопромышленности... он никакого дохода не приносит». Поэтому ценность имения была определена в размере всего 50 тыс. руб. Дарственную утвердили 11 февраля 1902 г.⁸

Оставшаяся в распоряжении Н.С. Кальсина $\frac{1}{5}$ часть имения после его смерти по духовному завещанию, утвержденному Уфимским окружным судом 25 января 1905 г., перешла к его вдове Екатерине Никитичне (проживала в доме по Телеграфной улице в Уфе). Эту часть 15 ноября 1907 г. она продала за 50 тыс. руб. сыну Ивана Никитича – прапорщику в отставке Евфимию Ивановичу Шамову. Как следует из текста купчей, Зигаинский завод и тогда не приносил никакого дохода. Вдова поспешила получить разрешение на продажу в Горном департаменте; оно было ей дано в августе 1908 г.⁹

Затем произошла еще одна перемена в составе владельцев завода. По дарственной, составленной у уфимского нотариуса 13 декабря 1907 г., Иван Никитич передал $\frac{2}{5}$ части имущества (оцененного в 40 тыс. руб.) другим своим сыновьям – крестьянам того же с. Русский Турек Никите и Григорию («каждому в равной части»). От лица несовершеннолетнего Никиты и отсутствовавшего у нотариуса Григория выступал их брат Е.И. Шамов. Дарственная была утверждена 15 октября 1908 г.¹⁰

В результате совершившихся перемен владельцами Зигаинского округа оказались представители семьи Шамовых: Иван Никитич ($\frac{2}{5}$ части) и его сыновья Евфимий, Григорий и Никита (по $\frac{1}{5}$ части). К 1908 г. из-за отсутствия спроса на чугун они остановили завод. Для возобновления его работы 23 декабря 1908 г. совладельцы получили залоговое свидетельство, а в январе 1909 г. просили Горный департамент дать разрешение на залог округа в Донском земельном банке «в сумме не более 250 тыс. руб.» Доверенным уржумских крестьян выступил тогда землевладелец Уфимской губер-

нии, член Государственного совета, кадет и масон князь В.А. Кугушев, в те годы служивший в этом же банке. Департамент 11 февраля 1909 г. санкционировал залог¹¹.

На Зигазинском заводе возобновилось производство, объем выплавленного чугуна достиг почти 500 тыс. пуд. чугуна; производительность завода поддерживалась до 1918 г. примерно на этом же уровне. Установить, было это сделано Шамовыми за счет займа или оказалось следствием продажи округа и работы с использованием капитала нового владельца, не удалось, потому что первые достоверные сведения о переходе округа к новым собственникам относятся лишь к 1914 г. Владелец предприятия тогда значился Михаил Васильевич Асеев – представитель тамбовского предпринимательского рода текстильных фабрикантов. Вместе с кузеном В.Т. Асеевым он владел крупными Арженской (с. Рассказово) и Барашевской (неподалеку от Моршанска) суконными фабриками, на которых в 1912 г. было занято почти 4 тыс. чел. Этим же фабрикантам принадлежали 27 тыс. дес. земли в Тамбовской, Черниговской, Пензенской, Тверской и Саратовской губерниях¹².

Чин действительного статского советника, в 1915 г. позволивший выходцу из купеческого сословия получить потомственное дворянство, по-видимому, Михаил Васильевич получил за свою щедрую благотворительную деятельность. Возможно, он приобрел находившийся в упадке горнозаводский округ при содействии князя В.А. Кугушева, тоже имевшего имения в Тамбовской губернии. По данным за 1914 г., управляющим завода оставался Е.И. Шамов, а Главное правление находилось в Тамбове по месту жительства владельца¹³.

Еще одна часть Инзерской лесной дачи площадью 58 279 дес. в конце 1880-х гг. была куплена коллежским советником Сергеем Павловичем фон Дервизом. Он был старшим сыном известного железнодорожного магната П.Г. фон Дервиза, «русского Монте-Кристо», как называли его современники; унаследованные от него капиталы и были вложены в покупку уральского имения и строительство доменных заводов. В молодости Сергей Павлович чуть не оказался под опекой за расточительство, «невыгодное для России употребление капиталов и... за то, что эти капиталы якобы шли нигилистам». Всесторонне изучив финансовое состояние семьи, Комитет министров в 1888 г. снял опеку ввиду того, что С.П. фон Дервиз «отказался от участия в компании с различными сомнительными иностранцами по постройке персидских железных дорог»¹⁴. Окончив юридический факультет Московского университета, он с 1895 г. состоял на службе в Министерстве юстиции в должности чиновника особых поручений, а с 1901 г. – при Министерстве финансов, получив чины действительного статского советника и камергера. Сергей Павлович был известен и как незаурядный пианист, в петербургском доме которого (на Галерной улице) устраивались концерты и спектакли с участием знаменитых российских певцов, режиссеров и актеров. С.П. фон Дервиз избирался почетным членом Императорского русского музыкального общества и Императорского общества любителей естествознания, орнитологии и этнографии, почетным попечителем нескольких учебных и благотворительных заведений¹⁵.

«В 1889 г. в Инзерской лесной даче владельцем ее С.П. фон Дервизом были даны средства на постройку Инзерского чугуноплавильного завода с одной доменной печью небольших размеров (производительностью около 300 тыс. пуд. в год)», – сообщалось в записке заводуправления. «Ныне летом, – докладывал окружной инженер в мае 1890 г., – предположено начать детальную разведку железорудных месторождений». Тогда же горному инженеру С.Д. Кузнецову владелец поручил «устройство и ведение железного дела в Инзерской даче». План завода, как «соответствовавший требованиям безопасности и устойчивости», одобрило Управление горной частью на Урале, и уже 16 марта 1892 г. в домне выплавили первый чугун¹⁶.

По свидетельству управляющего С.Д. Кузнецова, «завод был заложен в совершенно глухом незаселенном месте при впадении реки Малый Инзер в Большой Инзер», домна работала «кампаниями» по несколько месяцев в году «за недостатком угля», и к 1897 г. в ней выплавляли 1 078 800 пуд. чугуна. В начале 1894 г. владелец дал деньги на постройку второй печи «больших размеров», которая была задута в октябре 1895 г. «Нормальная производительность» завода тогда составляла 800 тыс. пуд. Но оказалось, что запасы древесины в лесной даче позволяли увеличить производство еще примерно на 400 тыс. пуд. «С первого взгляда кажется, что разумнее всего было бы построить в Инзерском заводе третью доменную печь... чтобы общие расходы на администрацию возросли в сравнительно незначительной степени, – размышлял управляющий. – Но совершенно другое дело представляется, если мы примем во внимание один весьма важный для наших уральских заводов вопрос – именно рабочую силу, и в частности конную... Инзерская дача имеет протяженность с северо-запада на юго-восток около 50 верст; так как Инзерский завод расположен в самом крайнем северо-западном углу дачи, то, следовательно, расстояние возки угля к этому заводу при правильной эксплуатации всей дачи доходит до 45–50 верст... на что задолжается громадная конная сила». Поэтому третью домну, по его расчетам, целесообразно было строить в юго-восточной части дачи в 40 верстах от Инзерского завода, «положив этим основание новому чугуноплавильному заводу под названием Лапыштинского (по речке Нижняя Лапышта, притоку Большого Инзера)». Этот завод мог пользоваться не только еще совсем не тронутыми лесами, но и отдаленными и ранее почти не эксплуатировавшимися рудниками. «С началом подготовительных работ с лета 1896 г. (заготовки строевого леса, дров, красного кирпича и прочего, плотничных, земляных и других работ), – сообщал управляющий, – в дотле совершенно необитаемом крае началось постепенное появление рабочих; в настоящее время около будущего завода сгруппировался уже небольшой поселок (частью из домов, выстроенных заводоуправлением, частью же собственных на усадьбах, отданных рабочим на праве аренды), насчитывающий... до 400 жителей (в Инзерском заводе – до 1600)». Новый завод предполагалось «пустить в действие» к 1 декабря 1897 г.¹⁷

Когда это произошло, оба завода С.П. фон Дервиза стали выплавлять почти 1,2 млн пуд. чугуна. Для обеспечения заводов топливом арендовали части казенной Китайской дачи, брали в кортом земли окрестных башкир, в результате чего площадь лесных дач нового Инзеровского горнозаводского округа достигла 170 тыс. дес. Для развития столь удачно начатого дела владелец инициировал создание акционерного общества (устав утвержден 24 декабря 1898 г.), целью которого определили разработку месторождений железной руды в Инзерской даче, а также «развитие действий находящихся там Инзерского и Лапыштинского чугуноплавильных заводов». Округ был заложен в Нижегородско-Самарском банке и имел значительную задолженность, которая постепенно погашалась. В период кризиса начала XX в. выплавку чугуна сократили, но заводы остановлены не были. С 1903 г. убытки сменились небольшими доходами (в 1905–1910 гг. составили всего 408 409 руб.). С 1910 г. Общество стало вкладывать деньги в новые постройки; в 1913/14 г. увеличило производство до 1416 тыс. пуд. Во время Первой мировой войны чугун поставлялся в основном на расположенные рядом Белорецкие заводы для выполнения военных заказов.

По сведениям Ю.А. Буранова, контрольный пакет акций Инзеровского общества всегда оставался у С.П. фон Дервиза, хотя в состав правления входили представители коммерческих банков С.И. Литтауер, А.А. Ауэрбах, Ф.Ф. Умнов и Ф.А. Иванов. Это было следствием кредитования общества Азово-Донским, Петроградским частным коммерческим, Петроградским торговым и другими банка-

ми¹⁸. Сам же Сергей Павлович фон Дервиз вместе с семьей в 1908 г. переехал в Канны, где и скончался в 1943 г.

Еще один – Лемезинский – участок Инзерской дачи (6149 дес.) 4 января 1898 г. приобрело у уфимского купца Андреяна Семеновича Софронова русско-французское Урало-Волжское акционерное общество за 104 533 руб. сер. Тому же, как можно судить по купчей, он достался 24 ноября 1888 г. от владельца Благовещенского завода Андрея Дмитриевича Дашкова. Купцы Софроновы известны как одни из первых предпринимателей Уфимского края. По некоторым данным, Алексей Семенович Софронов в 1890 г. основал на р. Инзер в пределах Лемезинского участка одноименный завод, который, видимо, работал не долго¹⁹. Если допустить это предположение, то надо признать, что Урало-Волжское общество построило новый Лемезинский завод на р. Лемезе.

Это Общество было создано при участии русских банковских кругов в 1896 г., планировавших создать из уральских и волжских заводов мощный металлургический комплекс. На Урале формировался горнозаводский округ, в состав которого вошли и Авзяно-Петровские заводы наследников Д.Е. Бенардаки, купленные у них в 1897 г. В сентябре 1899 г. представленные в Уральское горное управление чертежи нового завода, рассчитанного на работу двух доменных печей общей производительностью до 3 млн пуд. чугуна, были признаны «удовлетворяющими правилам устойчивости и безопасности сооружений». Из конторы строившегося завода докладывали, что годовая добыча руд из нескольких арендованных и принадлежавших Обществу рудников (с учетом Комаровских) может достичь 8 млн пуд., заготовка горючих материалов из Лемезинской заводской, арендованных Катайской казенной и соседних башкирских дач составит 110 тыс. коробов, что вполне должно было обеспечить работу завода «с указанной производительностью». Первую домну предполагалось пустить в феврале 1900 г.¹⁹

В обещанные сроки Лемезинский завод начал выплавку чугуна для «передела» на принадлежавшем Урало-Волжскому обществу Царицынском заводе. Но конфликт между акционерами – Парижским и Санкт-Петербургским международными банками – привел к остановке завода и преобразованию компании в Общество Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов, устав которого утвердили в том же 1900 г. Из-за высоких накладных расходов на доставку топлива, руды и гужевой вывоз заводской продукции Лемезинский завод, выплавивший на пике своей производительности в 1902 г. 436 тыс. пуд. чугуна, был признан убыточным и закрыт 14 мая 1903 г.²⁰

¹ Цит. по: Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 411–412.

² ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1426. Л. 1–2.

³ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С. 411–413.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 297. Л. 1–2, 7, 8–11, 24–25, 34.

⁵ Там же. Л. 38, 45, 49–52.

⁶ Там же. Л. 57, 61, 62, 67.

⁷ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 201–202; Гассельблат Г.В. Аксель Эмиль Гассельблат – организатор модернизации южно-уральских заводов в родственном окружении (фрагмент 500-летней истории рода Гассельблат) // Режим доступа: <http://ugo10.ucoz.ru>.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1468. Л. 7–8.

⁹ Там же. Л. 12–13 об.; Д. 1447. Л. 1, 3, 11.

¹⁰ Там же. Д. 1468. Л. 10–11.

- ¹¹ Там же. Л. 1, 5–6, 14.
- ¹² Кученкова В. Фабрикант Асеев: легенды и факты // Режим доступа: <http://www.rasskazovo.ru>.
- ¹³ Ардабацкий Е.Н. Другие Шаповы: хронология дореволюционного периода // Режим доступа: http://urzhum.clan.su/_fr/3/2897154.pdf.
- ¹⁴ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. В 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 510–511.
- ¹⁵ Друзин М.В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX в.: опыт типологии отношений // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. СПб., 2008. Вып. 4. С. 162–164; Антонов В.В. Род Девизов в Петербурге и в России // «Фонтанка»: Культурно-исторический альманах, 2009. № 4. С. 31–45; Максимова Т.В. Усадьба и ее владелец // Московский журнал, 2010. № 2 (230). (В дате смерти С.П. фон Девиза встречаются существенные расхождения у разных исследователей).
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 123. Л. 1, 5–5 об., 9, 14.
- ¹⁷ Там же. Д. 383. Л. 2–6.
- ¹⁸ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 104–106; 166, 240–241.
- ¹⁹ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. С. 339–341.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 466. Л. 1, 3–4 об., 6–7, 12.
- ²¹ Буранов Ю.А. Указ. соч. С. 84–86, 164; Metallургические заводы Урала... С. 298–299.

24. БЕЛЯКОВЫ. М.Л. АРХИПОВ и др. ЗЛОКАЗОВЫ. БЕЛИНЬКОВЫ

Несколько небольших чугуноплавильных заводов были основаны в Златоустовском уезде в 1870-е и 1890-е гг., когда в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры поднялись цены на чугун и появились желающие основать металлургические предприятия в этом богатом рудами крае.

Уральское горное правление 25 ноября 1875 г. сообщало, что «златоустовский купец Иван Панфилов Беляков, производя поиск руд на основании договора, заключенного с доверенным от башкир Златоустовского уезда Айлинской второй волости зауряд-хорунжим Токтаровым... открыл в вотчинной даче сказанных башкир в полверсте от деревни Араслановой, близ поскутины этой деревни, железный рудник, который местные башкиры, на душевом участке коих он находится, отдали ему, Белякову, в арендное содержание сроком на 12 лет приговором, совершенным 20 ноября 1874 г.» Как сообщал сам И.П. Беляков в Горное правление, он «на речке Азямке, впадающей в реку Аршу, на арендованном у башкир участке построил плотину и при ней доменный горн с воздуходувными мехами, или завод, названный Ивано-Павловским». Иван Панфилович просил разрешить начать выплавку чугуна 15 ноября 1875 г. «с тем, чтобы планы на завод и другие документы представить Горному правлению по надобности», а также отвести участок земли и оформить владельческий акт. Просьбу удовлетворили, и новое металлургическое предприятие с льготой в платеже горной подати на 10 лет включили в разряд владельческих заводов Урала¹.

Как чугуноплавильный, Ивано-Павловский завод существовал до 1883 г., выплавляя от 57,9 до 81,7 тыс. пуд. Из-за бедности руд и нехватки оборотного капитала владелец, которым после смерти отца в 1877 г. стал его сын Иван Иванович Беляков, с 30 октября 1882 г. перепрофилировал предприятие для производства кричного железа. Для этого не только использовались собственные запасы чугуна, но и

покупалось сырье на других заводах. Администрация близлежащего казенного Кусинского завода даже обвиняла И.И. Белякова в скупке краденого чугуна. Но в связи с истечением льготного периода производство сортового и полосового железа (в 1885 г. оно достигло 10,5 тыс. пуд.) к июню 1888 г. постепенно прекратилось².

Через 10 лет рядом с закрытым Ивано-Павловским заводом построили Никольский чугуноплавильный завод. Его основателями стали «обыватель Кусинской волости» Михаил Лазаревич Архипов и златоустовский мещанин Гавриил Максимович Михайлов. Первый из них проживал в Кусинском заводе Златоустовского казенного округа «в собственном доме» и, по-видимому, и прежде имел отношение к металлургии. Очевидно, именно он и руководил стройкой; второй же участник предприятия снабжал ее деньгами, рассчитывая на $\frac{1}{2}$ во владении будущим заводом. В 1897 г. компаньоны приступили к возведению завода на арендованной у башкир земле. Через два года в домне, проработавшей 17 суток, выплавляли 1,2 тыс. пуд. чугуна из руды расположенного поблизости рудника. В 1900 г. завод действовал уже в течение 169 суток и выплавил 22,2 тыс. пуд. металла.

Прибыли так нестабильно работавший завод не приносил; деньги для развития производства у компаньонов закончились. На ситуации сказался, вероятно, и последовавший за подъемом кризис сбыта чугуна на Урале. В июне 1900 г. М.Л. Архипов подал прошение министру государственных имуществ А.С. Ермолову: «Устроив с разрешения начальства доменную печь для выплавки чугуна на арендованной сроком на 12 лет у башкир-вотчинников второй Айлинской волости Златоустовского уезда земле по речке Азиямке и затратив на постройку этого завода 30 тыс. руб., я за неимением в наличности достаточных средств для успешного ведения чугуноплавильного дела встретил крайнюю необходимость в правительственной ссуде половинной стоимости завода, т. е. 15 тыс. руб., обеспечением коих может служить самый завод, стоящий 30 тыс. руб., с обязательством уплатить ссуду в течение трех лет, считая по 5 тыс. руб. в каждый год». Но просителю отказали в беспроцентной ссуде под предлогом отсутствия у министерства «сумм, из которых могли бы быть выдаваемы ссуды горнозаводчикам»³.

Компаньоны попытались найти капиталы, привлекая в дело новых участников. Так, 4 декабря 1901 г. $\frac{1}{3}$ доля владения заводом перешла в распоряжение к доктору медицины Александру Францевичу Бейвелю, который 24 апреля 1902 г. продал ее «американскому гражданину» Морицу Семеновичу Клейману. Однако, как следует из купчей от 9 декабря 1902 г., А.Ф. Бейвель вновь оказался совладельцем Никольского завода после приобретения долей у М.Л. Архипова и Г.М. Михайлова. Владельцы сначала остановили предприятие, а 31 марта 1903 г. перепродали его инженеру Генриху Петровичу Шелю, «жителю Одессы». Наконец, 3 июля 1903 г. бездействовавший Никольский завод нашел своего нового владельца в лице торгового дома «Братья Злоказовы», купившего его у Г.П. Шеля за 7 тыс. руб.

Екатеринбургские купцы первой гильдии и потомственные почетные граждане Петр, Федор и Николай Злоказовы – сыновья мастерового Каслинского завода Алексея Никифоровича Злоказова – владели Петропавловским винокуренным заводом и еще несколькими предприятиями на Урале. Учредив торговый дом, они стремились расширить поле своей деятельности, следствием чего и стала покупка чугуноплавильного завода. В 1897 г. после смерти П.А. Злоказова в состав членов торгового дома вошел его сын Владимир Петрович. В 1903 г. он и его дяди и оказались совладельцами Никольского завода. Через год после покупки, 17 июня 1904 г., Николай Алексеевич скончался; в торговом доме его сменила дочь Мария Николаевна (в первом браке Бекетова, во втором – Вадарская).

При состоятельных новых хозяевах завод был модернизирован – в 1906 г. работа на нем возобновилась, производительность достигла 140 тыс. пуд. чугуна и чугунных изделий. В 1910 г. Торговый дом Злоказовых распался. Никольский завод при разделе имущества достался Федору Алексеевичу и его сыновьям – Николаю, который участвовал еще в покупке завода и затем курировал его, и инженеру-технологу Сергею. После кончины отца 18 июня 1912 г. завод остался в общем владении братьев. Тогда здесь изготавливали чушковый литейный чугун, вагонные и паровозные принадлежности, посуду, запчасти для сельскохозяйственных машин, паровых и водяных двигателей. Продукция, за высокое качество чугунного литья отмеченная большой серебряной медалью на промышленной выставке в Омске, пользовалась спросом, ее приобретали Балтийский, Невский и Ижорский заводы, Самаро-Златоустовская железная дорога и Харьковский паровозостроительный завод. В целях увеличения производства Злоказовы арендовали рудники, покупали древесный и каменный уголь. Петропавловский винокуренный завод, находившийся в 10 верстах, был переоборудован в механико-токарный цех и считался частью Никольского завода. В годы Первой мировой войны здесь выпускалась оборонная продукция. В начале 1919 г. Н.Ф. Злоказов и С.Ф. Злоказов продали завод Уфимскому союзу кооперативов⁴.

В том же районе, где находился Никольский завод, в 1880–1883 гг. действовал еще и небольшой Михайловский чугуноплавильный завод. Его основателями стали екатеринбургские купцы второй гильдии Михаил Григорьевич Белинцов и Андрей Егорович Тимофеев, проживавшие в Каслях. Они 27 февраля 1879 г. подали заявление в Горный департамент о своем желании «построить доменное производство для выделки железа и для ваграночного действия» возле с. Метлино в 15 верстах от Кыштымского завода. Первый «заявитель» происходил из семьи крепостных крестьян Каслинского завода, в 1850–1860-х гг. поставлял провиант, уголь, дрова и железную руду для Уфалейских и Сысертских заводов. Записавшись сначала в трюицкое, а затем (в 1870 г.) в екатеринбургское купечество, он выстроил винокуренный завод в с. Воздвиженское. Его компаньон занимался «торгово-промышленными промыслами», в частности мукомольным.

Для постройки завода купцы планировали арендовать участок земли, принадлежавший бывшему управляющему Сысертскими заводами горному инженеру К.И. Кокшарову, на р. Бижеляк в трех верстах от с. Метлино. Этот участок инженер в 1859 г. приобрел у отставного коллежского асессора Н.И. Севастьянова. По договору, заключенному 19 января 1879 г., он передавался купцам на 18 лет под строительство плотины, доменной печи и заготовку топлива при условии участия землевладельца в будущих прибылях. К.И. Кокшаров должен был получать за «участие в деле» $\frac{1}{6}$ часть «всего чистого дивиденда, какой будет причитаться от производства», но не более 5 тыс. руб. сер. в год. Капитал

на строительство «задолжался» у купцов, но если на строительство расходовалось бы до 10 тыс. руб., то инженер соглашался «уплачивать за свою шестую часть всего 1666 руб. сер. в продолжение будущих 18 лет без процентов по равной части».

Согласно другому договору от 15 июля 1879 г., сын М.Г. Белинькова Василий Михайлович обязался «отпускать отцу своему железные руды в сырце в течение 11 лет» из Кунанбаевского и других рудников, арендованных им в 1878 г. у вотчинников-башкир. Ежегодная поставка руды на завод равнялась бы «тому количеству, какое бы потребовалось ему для безостановочного действия вновь устраиваемой им доменной печи в Метлинской даче... и по тем ценам, на какие будет продаваться руда в горные соседственные заводы». Домну предполагалось пустить в январе 1880 г. и затем довести ее производительность до 250–350 тыс. пуд. чугуна в год. Уральское горное правление 30 октября 1879 г. выдало разрешение на строительство, а Горный департамент предоставил освобождение от горной подати в течение 10 лет. Как сообщал исправник, завод, названный Михайловским, выплавил первый чугун 13 марта 1880 г. Основным владельцем завода считался М.Г. Белиньков, но в делопроизводстве Михайловский завод иногда именовался как принадлежащий фирме «Кокшаров и К^о»⁵.

Производительность завода в 1881 г. достигла 148,6 тыс. пуд. чугуна, в 1882 г. упала до 89,4 тыс. пуд.; в том же году домну остановили. Михаил Григорьевич 3 сентября 1883 г. извещал Уральское горное правление, что он «продолжить действие доменной печи не находит возможным, так как за прошлые годы от дороговизны материалов и рабочих рук... понес громадные убытки, а в настоящее время закрыл домну навсегда». К этому времени компания совладельцев, по-видимому, уже распалась. Вскоре скончался и М.Г. Белиньков, передав владение заводом сыну – Ивану Михайловичу, записавшемуся в первую гильдию екатеринбургского купечества, а в 1900 г. получившему потомственное почетное гражданство. Он перепрофилировал завод в чугунолитейный; в 1887 г. здесь отлили 2,5 тыс. пуд. различных изделий. Тогда же Михайловский завод закрыли. Его бывший владелец И.М. Белиньков, занявшись мукомольным предпринимательством, стал одним из крупнейших мукомолов Исетского района⁶.

---

¹ Цит. по: Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1993. Ч. 2. С. 455–458.

² Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 219.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 47. Л. 1–2.

⁴ Металлургические заводы Урала... С. 356–357; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 337; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1985. Ч. 1. С. 168–169. Автор признателен В.П. Микитюку за информацию о владельцах Никольского и Михайловского заводов.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1464. Л. 1–1 об., 11–12 об., 15, 17–18 об., 21–21 об., 23, 32.

⁶ Микитюк В.П. Династия екатеринбургских купцов Белиньковых // III Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 201–206; Металлургические заводы Урала... С. 325–326; ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1620. Л. 1–3.

25. А.Ф. ШУППЕ. М.А. НУРОВ

В начале XX в. в том же районе Южного Урала, где функционировали Ивано-Павловский, Никольский и Михайловский заводы, были основаны еще два вспомогательных металлургических предприятия. В 1901 г. в Саткинской заводской даче Златоустовского округа товариществом «Магнезит» был пущен одноименный завод, ставший одним из крупнейших в России предприятий по изготовлению огнеупоров. В состав учредителей товарищества входили управляющий казенного Саткинского завода горный инженер Александр Филиппович Шуппе, выступивший инициатором строительства, и привлеченные им для финансирования предприятия М.И. Маркусон, А.О. Немировский и Г.О. Немировский. В 1905 г. на Всемирной выставке в Бельгии изготовленный на заводе магнезитовый кирпич за его наивысшую огнеупорность и чистоту наградили золотой медалью. В 1912 г. товарищество было преобразовано в акционерное общество с правлением в Петербурге¹.

А.Ф. Шуппе 29 сентября 1905 г. подал прошение о передаче ему участка казенной земли площадью 50 дес. на берегу р. Сатка под строительство электрометаллургического завода, производящего ферросплавы. «Один из немногих горнозаводских продуктов, которые не вырабатываются пока в России, есть хромистый чугун (феррохром), сплав хрома с железом и углеродом, – писал он министру финансов. – При посредстве феррохрома вводится в сталь хром для придания ей таких степеней твердости и прочности, каких без этого металла достичь невозможно. В виду такого ценного свойства хрома его обязательно ныне вводят в сталь для снарядов, судовой брони, некоторых осей и тому подобного, а в Америке хромистая сталь получает применение даже в рельсах». Самым простым способом для получения феррохрома инженер считал электрометаллургический «при неперемennom условии пользования дешевой водяной силой». Поскольку на Урале имелись «хороший хромистый железняк и водяная сила», то он полагал, что именно здесь и «естественно было бы возникнуть производству феррохрома». «Разыскав на Урале, на реке Сатка Златоустовского уезда... удобное место для устройства электрометаллургического завода, – сообщал А.Ф. Шуппе, – я предполагаю, пользуясь водяной силой этой реки, устроить подобный завод для выплавки феррохрома, а впоследствии при развитии дела, быть может, и для выплавки алюминия». Он просил передать ему участок под строительство «на возможно продолжительный срок... с платой не более 1 руб. за дес. в год за занятое прудом пространство», поскольку знал, что «горное ведомство получает с леса в той местности не свыше этой суммы».

Главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский вместе с горным начальником Златоустовских заводов назначили за участок арендную плату 3 тыс. руб. в год и предложили сократить его размер под предлогом того, что эта земля необходима для обустройства местного населения. «Я никаких льгот не прошу, никаких жертв не домогаюсь... – возражал Александр Филиппович, – и действую с единственной целью установить в России совершенно новое производство и вытеснить с русского рынка иностранный товар». В своем ответе он пояснил, что на арендованном участке не только намеревался строить плотину и завод, но и разместить «небольшую колонию рабочих и служащих»².

Положение Совета министров «отдать без торгов в арендное содержание статскому советнику Шуппе для устройства электрометаллургического завода участок 50 дес. в Саткинской даче и пространство казенной земли, которое будет затоплено водою пруда, образованного плотиной, сроком на 36 лет с платой в пользу каз-

ны ежегодно по 1 руб. с дес. занятой арендатором земли и по 500 руб. за пользование водяной силой... с правом... возобновить по окончании означенного срока договор еще на 12 лет» было высочайше утверждено 26 апреля 1907 г. На этих выгодных условиях инициативный инженер и приступил к подготовке строительства никогда не виданного в здешних краях предприятия.

Через полгода он сообщал, что произвел «подробные гидротехнические исследования реки Сатки» и пришел к выводу, что задуманная им плотина позволит построить завод лишь «на сравнительно малую производительность, во много раз меньшую производительности заграничных заводов». Расходы на такое строительство легли бы «слишком большой величиной на продукт», что в свою очередь затруднило бы конкуренцию с иностранными заводами. А.Ф. Шуппе нашел выход из положения в устройстве второй плотины в двух верстах от завода, что, согласно его расчетам, позволило бы «получить еще около 200 паровых лошадиных сил, которые, будучи при посредстве электричества переданы к месту предполагаемого завода, дадут возможность соответственно увеличить его производительность». Инженер просил отвести ему еще один участок площадью 10 дес. с платой за него по 250 руб. в год и разрешить построить плотину «одновременно или в срок до трех лет после первой»³.

Вероятно, изначально для реализации своего замысла Александр Филиппович предполагал создать компанию из заинтересованных лиц, как это произошло в случае с «Магнезитом». Необходимость новых крупных расходов только ускорила этот процесс. Уже 6 мая 1908 г. в Петербурге, где проживали все его участники, было образовано «полное товарищество» (со «складочным» капиталом в размере 300 тыс. руб.), которому А.Ф. Шуппе передал «все права и обязанности» по заключенному им договору аренды с казной. Участниками Уральского электрометаллургического товарищества стали кроме его инициатора барон Феликс Теофилович Ропш и граф Александр Александрович Мордвинов, который, оказывается, в то время был еще несовершеннолетним, а потому его представляли мать – Екатерина Александровна Мордвинова и попечитель – государственный секретарь барон Юлий Александрович Икскуль фон Гильденбандт. Граф, родившийся в 1887 г., был правнуком знаменитого адмирала Н.С. Мордвинова, сыном егермейстера и предводителя петербургского дворянства А.А. Мордвинова, скончавшегося в 1891 г. Он, по-видимому, имел склонность к новой технике, в частности, получил известность как один из пионеров российского автоспорта.

В уставной капитал Товарищества Александрович вложил половину всей требовавшейся суммы, но когда достиг совершеннолетия, то по договору от 24 марта 1909 г. «уступил половину своего участия в деле» матери. Екатерина Александровна вступала в компанию «в качестве полного товарища» и могла рассчитывать на 25% прибыли и «в той же пропорции» отвечала за все возможные долги и убытки. Эта операция, вероятно, была следствием ее изначального (хотя и негласного) участия в Товариществе. Как можно предположить, и само ее участие не было случайным. Судя по девичьей фамилии и отчеству, она была дочерью Е.А. Пашковой и ее мужа, дипломата А.Б. Рихтера, и имела отношение к бывшим уральским именьям матери и предпринимательским делам отца. Четвертый товарищ – барон Ф.Т. Ропш – тоже не был случайным участником. Известно, что когда-то он работал смотрителем Златоустовской оружейной фабрики, а затем служил в Горном департаменте⁴.

После перераспределения долей владения акционерное общество, получившее наименование «Уральское электрометаллургическое товарищество графини Е.А. Мордвиновой, графа А.А. Мордвинова, барона Ф.Т. Ропша и А.Ф. Шуппе», приступило к реализации плана строительных работ, подготовленного профессо-

ром Б.А. Бахметьевым. Завод, названный «Пороги», вместе с плотиной и электростанцией был построен по последнему слову техники всего за два года. Первую опытную выплавку ферросилиция провели 12 июля 1910 г., а 24 августа – выплавку феррохрома. Хромистый железняк «частью покупался, частью получался с заарендованных Товариществом рудников у статского советника Фаддеева», который в свою очередь арендовал их у башкир. По подсчетам окружного инженера, после получения разрешения на постройку второй плотины производительность Порожского завода могла увеличиться до 110–130 тыс. пуд. Первый в России ферроплавильный завод до 1918 г. успешно работал под управлением А.Ф. Шуппе; затем Александр Филиппович уехал в Одессу, где его следы затерялись. Председателем правления Товарищества, располагавшегося в Петербурге, значился в течение всех лет Александр Александрович Мордвинов. В начале Первой мировой войны он записался солдатом во Французский иностранный легион, где служил в авиационном подразделении; после войны в Россию граф А.А. Мордвинов не вернулся⁵.

Другое горнозаводское хозяйство многопрофильного типа возникло на арендованном в 1879 г. участке Монетной дачи, принадлежавшей Екатеринбургским казенным заводам. По контракту, заключенному Главной конторой этих заводов с коллежским советником Михаилом Ананьевичем Нуровым, 30 дес. земли передавались ему в аренду на 85 лет «для устройства там плавильного завода с целью обработки руд, содержащих медь, свинец и благородные металлы, из 1-го и 2-го Благодатных и других рудников, расположенных в пределах того участка». По свидетельству чиновников Уральского горного правления, завод, названный Васильевский, был пущен в том же 1879 г. и «поступил в распоряжение Уральско-Благодатной компании, состоящей из Нурова (умершего впоследствии) и других лиц».

Как сообщал в 1887 г. компаньон-распорядитель екатеринбургский купец первой гильдии Павел Михайлович Ошурков, Васильевский завод, проработав четыре года и выплавив 51 пуд серебра, 7346 пуд. меди и 1080 пуд. свинца, закрылся «по совершенной невыгодности производства выплавки на нем металлов по тому обстоятельству, что компания, платя казне несоразмерно большую натуральную подать с серебра и добывая руды со значительной глубины при сильном притоке воды, не могла оправдать расходов». Убедившись в бездействии завода, горное начальство предписало расторгнуть арендный договор и вернуть участок Монетной дачи в казенное ведомство «со всеми строениями».

П.М. Ошурков пытался сохранить имущество, которое приносило компании «значительную пользу при розыске золота близ этой местности», пообещав «возобновить дело по добыче и выплавке серебра». «Прошу отменить распоряжение, – писал он главному начальнику уральских заводов И.П. Иванову, – если не безусловно, то в крайнем случае впредь на пять лет, так как от этого казна, получая за землю под заводом аренду и в земле той не имея никакой надобности, совершенно ничем не жертвуя, не понесет никакого ущерба». Горный департамент, на заключение которого было направлено прошение компаньона-распорядителя, в 1892 г. решил больше «не считать арендованный участок оброчной статьей», а компании рекомендовал «войти в новые договорные отношения с казной о возобновлении действия завода»⁶. Но, судя по тому, что производство по этому делу прекратили, заключать новый договор Уральско-Благодатная компания не стала.

¹ Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 305.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1293. Л. 3, 7–9.

³ Там же. Л. 23, 35.

⁴ Там же. Л. 38, 44, 58, 64; http://www.tsar-auto-club.spb.ru/history/pioneers/mordvinov_a.html; <http://forum.svrt.ru/lofiversion/index.php?t1748.html>; <http://russsmin.narod.ru/bioUral33.html>.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1293. Л. 70–71; *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1993. Ч. 2. С. 379–380; *Металлургические заводы Урала...* С. 390–391; *Баранов С.М.* Заводский комплекс в Порогах – его вчера, сегодня, завтра (или непредвзятый взгляд на судьбу Порогов) // *Индустриальное достояние Южного Урала*. Челябинск, 2011. С. 96–141.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 192. Л. 8, 11–11 об., 29–30 об., 39.

26. Э.В. ШПИС. Ю.П. ГУЖОН

«Давно известны рудные богатства Чердынского края (Северный Урал), всегда привлекавшие к себе внимание горнопромышленников и предпринимателей, – писал в 1903 г. управляющий Пермской казенной палаты статский советник С.М. Равевский, – но затруднительность, а иногда и невозможность не только эксплуатации таковых, но даже и более или менее точного их обследования в виду суровых естественных условий, отсутствия путей сообщения и даже населения оставляли их и доселе тунележащими или разбивали те надежды и упования, которые возлагали на них энергичные предприниматели. Но, несмотря на это, в начале 1880-х гг. в верховьях реки Вишеры – притоке Колвы, впадающей в Каму, был устроен Кутимский доменный завод, перерабатывавший руду самого высокого качества, так называемый «железный блеск», содержащий в себе более 90% чистого металла и дающий лучший для дальнейшей обработки чугуна»¹.

Предыстория этого завода началась в 1878 г., когда Уральское горное правление отвело четыре железных рудника в Вишерской казенной даче по р. Кутим, притоку р. Улс, трем предпринимателям: пермскому купцу второй гильдии Данилу Игнатьевичу Колчину, отставному подполковнику Корпуса горных инженеров Александру Павловичу Аносову и кунгурскому мещанину Ивану Аристарховичу Щеголихину. Они 13 октября 1879 г. создали компанию для эксплуатации как этих, так и нескольких других открытых, но тогда еще не отведенных рудников. Однако только добычей и продажей руды компаньоны ограничиваться не собирались. В соответствии с «товарищеским договором», они «поставили для себя полезным открыть на паях на первый раз выплавку чугуна». Поскольку А.П. Аносов и И.А. Щеголихин не могли сделать «паевых взносов», купец Д.И. Колчин соглашался внести за них свои деньги «до тех пор, пока из прибылей от дела или иным способом не составит необходимая на взнос сумма» и у компаньонов. Поэтому Д.И. Колчин получал право на 45 паяв, А.П. Аносов – на 30, И.А. Щеголихин – на 15. «Если устройство завода замедлится или не состоится по независящим причинам», компаньоны обещали «действовать сообща, не вредя друг другу разнородными предложениями и разными лицами»².

Уже в декабре 1879 г. они обратились к Горному правлению за разрешением «приступить в ближайшее, по возможности, время к разработке четырех рудников на случай поставки руды в частные камские заводы, крепко, как известно, нуждающиеся в ней», и построить «сперва чугуноплавильный завод на площади отведен-

ного из нас Аносову Александровского рудника, а потом при удовлетворительных результатах действия этого завода – и железоделательный завод верстах в двух от первого, на равнине между реками Саменкой, Кутимом и Безымянной». Кроме того, компаньоны просили отвести к двум заводам участок земли для заготовки топлива, минералов, а также под сенокосы.

«Рудники наши и просимый участок земли лежат верст на 40 к северу от самого крайнего поселения Чердынского уезда по реке Вишере, а именно деревни Усть-Улс. Далее к северу – пустыня с несколькими только золотоприсысковыми временными поселками; на восток до Богословского завода и на запад на 100 и более верст тоже пустыня, – разъясняли они свои намерения. – Рудничным и заводским рабочим и служащим необходимо будет устроить прочное поселение с удобствами для семейной жизни, к числу последних должно отнести возможность содержания молочного скота и овощных огородов, и для сих иметь сенные угодья. Движением заводских машин могут служить с большим удобством воды реки Кутим. Спруживать их не нужно. Стоит только устроить в русле на удобном месте барьер и принимать потребную часть воды канавой прямо на колеса по выработанным уже в науке правилам. При постоянном обилии воды в этой горной речке и крутом, каскадном почти падении ее можно располагать по желанию сотнями лошадиных сил. Для рудничных и фабричных сооружений предполагается устроить кирпичное заведение с механическими приспособлениями, пильную мельницу и вагранку, которая должна действовать принятой из Безымянки водою, углеобжигательные печи, дающие, как известно, угля более против кучного способа, рельсовую дорогу для подвозки к доменным печам угля и руды. Выплавку чугуна предполагается открыть сперва в одной доменной печи, а по мере изучения геологических и климатических условий местности и по подготовке мастеров и рабочих устраивать постепенно другие печи и вообще расширять производство до возможных пределов»³.

Горное начальство не возражало против строительства завода, но затребовало его план, как это полагалось по закону, и направило просителей в губернское Управление государственных имуществ, которое занималось отводами казенных земель. Однако последующие события не позволили реализоваться замыслам компаньонов. К 1887 г. Д.И. Колчин и А.П. Аносов скончались. Правопреемницей первого была признана вдова Мария Андреевна, вскоре вновь вышедшая замуж и ставшая статской советницей Ломоносовой. Наследники второго еще не вступили в компанию. Поэтому, когда 2 октября 1887 г. в Екатеринбурге был заключен договор с московским купцом первой гильдии Эрнстом Васильевичем Шписом, М.А. Ломоносова и И.А. Щеголихин приняли на себя всю ответственность по этому договору. В соответствии с ним, купец приобрел право «добыть своим счетом и в свою пользу» 50 млн пуд. железной руды из рудников, принадлежавших компании в Вишерском лесничестве по р. Кутим.

Прежде чем появиться на Урале, Эрнст Васильевич подвизался в горнозаводском предпринимательстве в районе Нижнего Новгорода (арендовал там Черепетский завод). В 1887 г. он увидел образцы того самого «железного блеска» на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге и решил организовать его добычу и обработку. Согласно заключенному договору, компаньоны передали ему не только рудники, но и полученное семь лет назад право строить чугуноплавильный завод, а также рубить лес «на всем пространстве рудников». Купец Э.В. Шпис немедленно, как значилось в договоре, выплачивал им 33 тыс. руб. сер., к 1 января 1889 г. – еще 65 тыс. руб., но мог потребовать от владельцев продать рудники «в полную его собственность и за ту же сумму 98 тыс. руб.»⁴.

Уже в апреле 1889 г. саксонский подданный инженер-металлург Г.П. Дюссо, которому Э.В. Шпис доверил «управлять горнозаводским своим предприятием во всем его размере и во всех его отраслях», просил Горный департамент разрешить постройку завода. Ходатайство поддержал главный начальник И.П. Иванов, сообщив, что «устройство завода... положило бы начало в том крае горнозаводской промышленности, а последняя дала бы тамошнему населению возможность чрез работы на заводе и заготовление угля, лесных и других материалов приобретать средства к пропитанию и улучшению их быта». Разрешение получили и, по сообщению окружного инженера, 19 мая 1890 г. начала действовать доменная печь Кутимского завода; в 1890 г. было выплавлено более 199 тыс. пуд. чугуна. Г.П. Дюссо заявлял, что производительность нового завода предполагалось поднять до 2 млн пуд., и просил отвести соответствующее количество десятин леса для заготовки древесного топлива⁵.

Однако осуществить это оказалось не просто. Э.В. Шпис не воспользовался правом покупки рудников и даже, добившись отсрочки платежа, не смог вовремя расплатиться по арендному договору. Поэтому формально он не мог считаться собственником земельных отводов. «Шпис устроил завод на пространстве рудников, и доселе еще не перечисленных на его имя в установленном порядке, занимает под завод спорную подрудничную и свободную казенную землю без разрешения на занятие последней, приступил к устройству заводских построек ранее получения надлежащего разрешения, эксплуатирует казенные леса, смежные с рудниками, даже и тогда, когда на рубку леса у заводоуправления нет оправдательных документов... в надежде на снисходительность лесного управления в интересах покровительства отечественной промышленности, – рапортовал старший лесной ревизор Касаткин. – В тех же видах он не стесняется производить рубку на местах по усмотрению заводоуправления, строит наспех конную железную дорогу, не стесняясь соблюдением установленных формальностей... и, наконец, в ноябре 1889 г. входит с прошением об отводе ему лесного участка в исключительное пользование с правом ежегодной вырубки по 2225 дес.»

Эти действия заводчика позволили бдительному ревизору заключить, что их «практический смысл... основывается на соображениях о необходимости уравнивать невыгоды, происходящие от шаткости опоры на владение рудниками в правовом отношении, с выгодами фактического владения, сопряженными с достигнутыми им преимуществами положения». «Эти преимущества и теперь уже таковы, – считал ревизор, – что в том случае, если ходатайство Шписа об отводе ему лесов... увенчается успехом, то они будут способны не только свести де факто к нулю права на рудники... но и заставить законных владельцев их войти в соглашение со Шписом и даже поставить их в положение, вполне зависимое от спекулятивных appetites купца». Другой чиновник лесного ведомства полагал, что в такой ситуации отвод к Кутимскому заводу следовало бы провести не на основании закона от 2 июня 1887 г., разрешавшего строить частные горные заводы на свободных казенных землях, а на посессионном праве, образцом чему мог послужить отвод земель в посессию, осуществленный в 1883 г. для Компании Сименсов в Закавказском крае⁶.

Несмотря на очевидные и всеми признававшиеся отступления Э.В. Шписа от действовавшего тогда законодательства, представители Горного департамента и других ведомств попытались защитить его. «Посессионное право отжило свой век и находится накануне его отмены, – писал ревизор В.А. Вольский. – Было бы несколько странным увеличивать число посессионных владельцев в то время, когда Министерство государственных имуществ занято проектом закона о прекращении

посессионного права». Он полагал возможным лесной отвод Кутимскому заводу «в размере наивысшей ежегодной производительности». Окружной инженер М.Д. Белоусов, обследовавший предприятие купца, констатировал, что «занятые под заводские сооружения и конно-железную дорогу земли не могли быть отобраны без вреда для завода и должны быть предоставлены в пользование владельцу завода, кто бы им ни был».

«Предприятие Шписа заслуживает всесторонней и полной поддержки со стороны Правительства, как ввиду громадных затрат, понесенных уже предпринимателем, которые служат полной гарантией солидности предприятия, указывая, что оно не принадлежит к числу простых спекулятивных афер, так и ввиду полученных уже казною выгод от него, выразившихся в доставлении местному населению значительных заработков (в 1890 г. простиравшихся до 117 тыс. руб.) и установлении широкой эксплуатации естественных богатств – руд и леса, почти не имевших до того никакого сбыта и употребления и обещающих в будущем весьма значительного увеличения доходов казны и благосостояния местного населения», – констатировал главный лесничий В.Н. Мылов в докладе министру государственных имуществ М.Н. Островскому в 1891 г.⁷

Горное и лесное ведомства еще не закончили землеотвод, когда 31 января 1893 г. Министерство государственных имуществ получило от Эрнста Васильевича уведомление о том, что он передал свое предприятие во владение Обществу Кутимского чугуноплавильного завода. Оно «открыло свои действия» 1 января 1893 г. на основе устава, утвержденного 3 июля 1892 г., в целях «содействия и расширения действия» завода. Уставной капитал составлял 1 млн руб.; он разделялся на 1 тыс. акций, которые распределялись «между учредителем и приглашенными им к участию в предприятии лицами по взаимному соглашению». Директором-распорядителем общества оставался сам Э.В. Шпис, директорами значились М.Н. Журавлев и И.Ю. Шульц, кандидатами – Е.Е. Арманд и Н.П. Соболев. Правление располагалось на Мясницкой улице в Москве. Через год поверенный общества горный инженер Савицкий ходатайствовал об «объявлении предназначенной к отводу Кутимскому заводу лесной дачи закрытой для частного горного промысла», а в начале 1895 г. сообщал о завершении наделения⁸.

К тому времени завод уже принадлежал преобразованному 26 апреля 1893 г. Обществу Кутимского и Привешерского горных заводов, имевшему своей целью «содержание и распространение действия Кутимского чугуноплавильного завода, приобретенного Обществом от учредителя оного, московского первой гильдии купца Эрнста Васильевича Шписа... а равно устройство и эксплуатацию чугуноплавильного завода в пределах бассейна реки Вишеры»⁹.

Вскоре, 26 ноября 1893 г., был утвержден устав Общества Вишерских чугуноплавильных заводов. Его учредителями стали потомственный дворянин Федор Ефимович Клейст и московский купец первой гильдии Юлий Петрович Гужон. В январе 1894 г. за Ф.Е. Клейстом утвердили отвод четырех железных рудников «в верховьях Вишеры, в 68 верстах по течению выше Усть-Улса», разведанный запас которых достигал 150 млн пуд. Именно эти рудники и составили имущество акционерного общества, созданного «для эксплуатации месторождений железных руд и постройки чугуноплавильного завода». Основной капитал этого Общества в размере 1,2 млн руб. был разделен на 4800 акций¹⁰.

Сопоставление целей двух акционерных компаний, одновременно действовавших в Привишерском крае, позволяет судить о них как о конкурентах в борьбе за ресурсы этого богатейшего региона. Но Вишерское общество обладало большими

финансовыми возможностями из-за участия второго своего учредителя, каковым был крупный российский предприниматель французского происхождения Ю.П. Гужон, основатель и пайщик Товарищества Московского металлического завода. Известно, что финансовую помощь Ю.П. Гужону на первых порах оказывал торговый дом «Вогау и К^о», владевший на Урале Белорецкими и Кагинскими заводами. Возможно, этим и обуславливался интерес предпринимателя к железорудным богатствам североуральского края.

В отличие от Кутимского общества, по-видимому, ограничившегося эксплуатацией уже действовавшего предприятия, Вишерское общество поступало иначе. Ф.Е. Клейст 11 июня 1897 г. подал прошение о постройке «в трех верстах ниже села Морчаны, на левом берегу Вишеры в устье реки Вижаихи» металлургического завода с тремя домнами. Главный начальник П.П. Боклевский 4 июля дал разрешение на это, а уже 9 июля получил заявление об «открытии действий» Волжско-Вишерского горного и металлургического акционерного общества, ставшего преемником прав Ф.Е. Клейста. Вместе с другими французскими и российскими подданными он числился одним из восьми директоров нового Общества. Среди них был и Лев Романович Шпис, возможно, родственник основателя Кутимского завода. В уставе этой новой русско-французской компании отмечалось, что она учреждена для эксплуатации не только железорудных участков Ф.Е. Клейста, но и участков, «состоявших в ликвидации Общества Кутимского и Привишерского заводов». Одним из директоров-распорядителей Волжско-Вишерского общества со значительно более крупным, чем в прежних обществах, капиталом в размере 6250 тыс. руб. зол. стал Ю.П. Гужон¹¹.

В планы акционеров входило строительство кроме Вижаихинского еще двух – Вельсовского и Акчимского – чугуноплавильных заводов на Вишере и «передельного» Поратовского завода в окрестностях Казани. Но на Урале Общество постигла неудача. Когда в 1899 г. возведение Вижаихинского завода почти закончилось, выяснилось, что он не сможет работать на полную мощность из-за обнаруженной недостаточности местных рудных месторождений и невозможности доставлять руду из богатых северных месторождений. Строительство перенесли в верховья Вишеры, где заложили Вельсовский завод, подготовленный к пуску осенью 1901 г. Но обосложение дочернего Поратовского общества и начавшийся в стране металлургический кризис остановили и эту стройку. К возведению заявленного в 1897 г. Акчимского завода в такой ситуации даже не приступали. Обществу разрешили до 1905 г. отложить ввод в действие всех предприятий без оплаты принятых им в свое распоряжение лесных отводов. Когда этот срок истек, Волжско-Вишерское общество смогло пустить только Вельсовский завод 27 мая 1906 г. Но 20 сентября 1908 г. его действие было прекращено из-за «весьма низких цен на чугун, не дающих возможности хотя бы безубыточно производить выплавку». Тогда же закрылся и единственный действовавший на протяжении всех этих лет Кутимский завод. По свидетельству экспертов, затратив на постройку заводов почти 10 млн руб., Волжско-Вишерское общество фактически обанкротилось¹².

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 44. Л. 44–49.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1707. Л. 5–6 об.

³ Там же. Л. 1–4, 14.

⁴ Там же. Оп. 19. Д. 456. Л. 2–3, 5.

⁵ Там же. Л. 9–14 об., 38, 49, 60.

⁶ Там же. Л. 75–80, 103–112.

⁷ Там же. Л. 49, 113–115.

⁸ Там же. Л. 148–149, 152, 157; ПСЗ-III. Т. 12. № 8834; СУиРП. 1892. 12 окт. Ст. 1087.

⁹ ПСЗ-III. Т. 13. № 9532.

¹⁰ Там же. № 10089; СУиРП. 1893. 30 дек. Ст. 1466.

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 459. Л. 2–3, 23, 26–27, 30; ПСЗ-III. Т. 17. № 14194; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 87–89; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 285–287.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 458. Л. 1–5, 21; Д. 610. Л. 15–18 об., 23.

27. М.И. ЛУКЬЯНОВ

«Еще в то время, когда иностранцы, расширяя свое предприятие, округляли дачи новыми заявками и арендами, – писал статский советник С.М. Раевский, – явилось немало предпринимателей, которые стремились заявить на себя и арендованные у казны местности, прилегающие к отводам Волжско-Вишерской компании в целях, конечно, переуступить таковые последней с пользой для себя. В числе таких предпринимателей впервые в Чердынском крае в 1898 г. появился нижегородский купец Михаил Иванович Лукьянов»¹.

Сведения о прошлом этого «нового» уральского заводчика разноречивы. Пермский краевед Н.П. Белдыцкий называл его нижегородским крестьянином, который к 1898 г. «уже около года жил в Вишерском крае, занимался какими-то аферами и старался заявить рудники где-нибудь на территории, отведенной французской компании». Случай свел его с крестьянином Дьяковым из дер. Ныроб, который нашел богатое месторождение железной руды, заявленное М.И. Лукьяновым на свое имя. Общавшийся с будущим заводчиком краевед утверждал, что тот «обладал завидным умением всех авантюристов – способностью вселять в людей, работавших на него, веру в будущие немалые доходы, ради которых они готовы были пожертвовать сегодняшним заработком»². В периодической печати того времени его называли «крестьянином-лапотником», который благодаря своему труду и предприимчивости выдвинулся «из пахаря-лошадника» в ряды уральских горнозаводчиков³. Горный инженер А.В. Белов, бывавший на Лукьяновском заводе, сообщал, что его владелец ранее арендовал Бушуевский завод (входил в Выксунскую группу металлургических предприятий), но после случайного открытия Усть-Бердышского месторождения отказался от аренды и организовал собственное дело в Чердынском крае⁴.

В одном из своих многочисленных прошений Михаил Иванович писал, что в 1898 г. он продал принадлежавший ему и построенный в 1892 г. под его личным руководством чугуноплавильный завод близ Ардатова и, «располагая значительным свободным капиталом, решил попытаться основать чугуноплавильный завод в богатой лесами и рудами северной части Пермской губернии». «После весьма продолжительных, трудных и дорого стоящих мне исследований и разведочных работ, – сообщал он, – я имел удачу открыть богатейшие залежи железной руды превосходного качества на берегу Уньи в 16 верстах от впадения ее с правой стороны в Печору... и в 22–25 верстах от реки Колвы, впадающей в реку Вишеру, приток Камы,

в местности, сплошь покрытой растущим первобытным хвойным лесом». «Закрепив за собою отводы рудных площадей... и приобретя участок земли для постройки завода... я приступил к подготовительным работам по постройке завода»⁵.

По сведениям того же С.М. Раевского, 29 сентября 1898 г. М.И. Лукьянов подал в губернское Управление государственных имуществ прошение о передаче ему в аренду на 99 лет 300 дес. земли в Полюдовском лесничестве у дер. Демина Чердынского уезда «для постройки завода с отводом для его действия строевого и дровяного леса». Хотя тогда купцу было отказано, поскольку эти земли находились «частью в лесничестве, частью у Волжско-Вишерской компании», он не оставил своего намерения. По сообщению Лесного департамента от 30 июня 1900 г., вскоре купец вновь ходатайствовал об отводе открытых им залежей железной руды в районе деревни Усть-Бердыш и тех же 300 дес. земли, по-видимому, уже в новом месте «в границах Вишерско-Колвинской дачи под устройство чугуноплавильного завода для обработки руд и площадь казенного леса, необходимого для снабжения завода древесным материалом».

В этот раз отвод состоялся, но, не дожидаясь его, еще в июне 1899 г. Михаил Иванович, как он сам писал, начал возводить завод. «Завод построен под личным руководством Михаила Лукьянова и его сына, без участия людей с техническим образованием, но по чертежам, которые были составлены людьми сведущими», – констатировал главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский. «Администрацию» составляли управляющий Иван Михайлович Лукьянов – сын владельца, а также доменный мастер с помощником и бухгалтер с конторщиком.

По свидетельству окружного инженера Г.Ф. Рупрехта, в планы заводчика входила постройка двух домен производительностью 600 тыс. пуд. Но в апреле 1900 г. начала работать только одна печь, которая «за недостатком угля действовала периодически по причине отсутствия правильной постановки куренной операции». Побывав на заводе в начале следующего года, когда домна была уже остановлена, инженер обнаружил там кроме заводских построек дом для владельца, несколько небольших домов для служащих, 18 казарм для размещения 30 рабочих в каждой, баню, контору, приемный покой с квартирой фельдшера и кирпичные сараи. Он докладывал, что для полноценной работы завода необходимо было построить еще углевыжигательные печи, своевременно заготовить дрова, организовав сплав их по Унье и ее притокам, провести хотя бы конно-железную дорогу от завода до пристани на Койве, но денег у владельца на дальнейшее развитие не оказалось⁶.

Чердынский купец Д.Е. Ржевин, владелец пароходства между Пермью и Чердынью, рассказал окружному инженеру, что постройка Лукьяновского завода «велась нехозяйственно, лучшее время для нее было упущено, и она велась уже зимой». Поскольку «материалы для оборудования завода приобретались Лукьяновым по баснословно дорогой цене... было напрасно брошено здесь до 30–40 тыс. руб.». Общие затраты заводчика, по расчетам Д.Е. Ржевина, достигали 150 тыс. руб., «причем своих личных средств он имел около 100 тыс. руб. и при открытии доменного производства уже нуждался в постороннем кредите», который нашел среди чердынского купечества (купцы Юрганов, Лавров, Нежданов, Кузнецов, Юхнев, Оссовский и др.), а также в пермском отделении Государственного банка под залог выплавленного чугуна.

Сам Михаил Иванович, отправившийся в столицу, чтобы подать ходатайство, обращал внимание министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова на «чрезвычайно стеснительные условия», с которыми ему «пришлось считаться при создании заводского предприятия в бесплодной, бездарной... и совер-

шенно безлюдной местности с суровыми климатическими условиями». Вследствие этого работы обошлись дороже, чем он рассчитывал. «К тому присоединилась с осени минувшего года крайняя уменьшенность денежного рынка, затруднившая частный кредит, – добавлял он, – и в довершение ко всему произошел значительный упадок цен на чугун. Все эти неблагоприятные условия были причиной, что я в настоящее время очутился в стеснительном до крайности материальном положении... и был вынужден остановить строительные работы и действие первой доменной печи». Он просил выдать ему промышленную ссуду, назначив для ее определения комиссию по оценке имущества⁷.

Прибывший на завод окружной инженер Г.Ф. Рупрехт по записям в учетных книгах выяснил, что с апреля по декабрь 1900 г. на Лукьяновском заводе якобы выплавляли 110 492 пуд. чугуна, затем заложив его в банк. Владелец «были выкуплены добровольно» и на баржах чердынского купца Юрганова отправлены в Сортовский завод 40 592 пуд., а остальной металл он собирался сплавлять на собственных баржах с помощью специально приобретенного для этого буксирного парохода. «Ввиду недоверия банка к Лукьянову и слухов, что чугуна у него более в наличности не имеется, я выехал в Чердынь, где живет в последнее время управляющий заводом Иван Лукьянов и допросил там служащих и рабочих, проживающих также в Чердыни в ожидании расчета... – сообщал инженер. – Вчера явился ко мне ходатай... который сообщил, что Иван Лукьянов выехал неожиданно в Пермь, но что нахождение его в этом городе находится под сомнением и можно предполагать, что он проехал далее». На заводе Г.Ф. Рупрехт встретил только одного служителя и пятерых рабочих, а также семью владельца. Пароход, названный «Лукьянов» и «зарабатывавший немного денег... оказался не принадлежащим купцу и за ним приехали кредиторы с целью отобрать его». «Сам владелец Лукьянов с декабря на заводе не был и где находится в настоящее время – неизвестно», – констатировал инженер.

В июле 1901 г. Г.Ф. Рупрехт вновь отправился в дальний путь – на этот раз, чтобы отыскать заложенный в банке и исчезнувший чугун. В деревнях по берегам Койвы он смог обнаружить только 9,8 тыс. пуд. металла, но никак не 60 тыс., которые якобы оставались после продажи части чугуна. На заводе он застал нескольких рабочих, жену и дочь владельца, которые собирались в дорогу, поскольку «хлеба в магазинах оставалось не более как на две недели». Простой подсчет показывал, что в течение нескольких месяцев на Лукьяновском заводе выплавляли не больше 50 тыс. пуд. чугуна, а, следовательно, банк, куда было заложено 110 тыс. пуд., оказался введен в заблуждение. Этот поступок заводчика по закону «имел характер уголовный», о чем окружной инженер доложил главному начальнику, а тот информировал Горный департамент, предлагая «иметь это в виду при выдаче Лукьянову просимой ссуды».

Г.Ф. Рупрехт выяснил также, что у М.И. Лукьянова был «весьма состоятельный родственник» – московский купец А.С. Горюшин, проживавший в с. Стеково Нижегородской губернии. Именно он и внес в банк 20 тыс. руб. долга. «Желая и теперь прийти на помощь Лукьянову, – сообщал инженер, – Горюшин отправил на завод своего сына, чтобы он на месте ознакомился с положением дел. Молодого Горюшина я застал на заводе и говорил с ним по поводу Лукьянова, причем он заявил мне, что отец его согласен помочь Лукьянову, но с тем, чтобы войти к нему в пай и чтобы общий контроль в деле был его, Горюшина; но, хорошо зная владельца завода... молодой Горюшин сомневался, что могло произойти соглашение на таких условиях». Когда же Г.Ф. Рупрехт отправил московскому купцу телеграмму с предложением запла-

тить и остальные долги своего родственника «с целью избавить его от грозившего ему преследования судебным порядком», то получил «уклончивый ответ», из которого следовало, что «компания с Горюшиным», скорее всего, не состоится⁸.

Не получая платежей по ссудам, «обратились к содействию судебной власти» и частные кредиторы купца, которые считали возможным признать его «несостоятельным должником». Хотя конкурсное управление так и не было организовано, но, по требованию кредиторов, в ноябре 1901 г. судебный пристав Кибанов «подверг продаже как движимое заводское имущество, так и четыре дома, где ранее располагалось правление, проживал владелец и служащие». Без участия окружного инженера одному из кредиторов М.И. Лукьянова купцу С.Я. Нежданову был продан по низкой цене и остававшийся на заводе чугуна. Вместе с тем инженер договорился с владельцем Пожевского завода князем С.Е. Львовым о покупке им Лукьяновского чугуна «с тем, чтобы уплатить весь его казенный долг». Но когда Г.Ф. Рупрехт объявил об этом М.И. Лукьянову, появившемуся на заводе через 10 месяцев, оказалось, что значительная часть чугуна уже продана. «По проискам некоторых из моих кредиторов, имевших претензии на ничтожные суммы, – жаловался заводчик, – местным судебным приставом было продано за бесценок с явным нарушением соответствующих законоположений не только все мое движимое имущество, но и некоторые из принадлежащих мне на моем заводе жилых домов и других принадлежностей заводов, мое и семейства моего положение сделалось совершенно бедственным». «Ради Бога, умоляю, спасите мое дело... иначе погибну», – в отчаянии обращался он к главному начальнику уральских заводов. «Терпели крайнюю нужду» и ожидавшие в Чердыни расчета рабочие и служащие, которым нечем было заплатить даже за проезд до места жительства⁹.

При таком положении дел уже бессмысленным оказалось и прошение владельца о наделении его завода лесной дачей. Он требовал от Лесного департамента такого отвода, который позволял бы ему заготавливать до 60 тыс. куб. саж. дров, что окружному инженеру представлялось «чрезмерным и могущим лечь тяжелым бременем на дело, и без того приходящее в упадок». В том же духе в мае 1902 г. высказалось и Уральское горное управление, решив, что «предприятие Лукьянова... не может считаться состоятельным и поэтому к обеспечению его лесом не представляется уважительной причины». Однако настойчивый купец подал прошение самому Николаю II, ходатайствуя о ссуде на возобновление и расширение перспективного, по его мнению, производства на временно остановленном заводе. Император повелел прошение рассмотреть, а министр финансов поручил обсудить вопрос о ссуде в особом совещании под председательством товарища министра П.М. Романова.

В уже цитированном докладе С.М. Раевского, подготовленном для этого совещания, содержится неутешительный вывод автора о том, что Лукьяновский завод следовало бы считать «несуществующим и самое предприятие окончательно прекратившимся». «У Лукьянова, – сообщал С.М. Раевский, – осталось только право на рудник, да и тот может быть утрачен или путем отобрания заявки в казну, или путем описи и продажи за долги, хотя едва ли найдутся желающие вновь начать это неудачное предприятие, нежизнеспособность коего так ярко выказалась даже при заведении его г-ном Лукьяновым, человеком не без инициативы и, что называется, «оборотистым». «Действие» завода на крайнем севере Чердынского уезда представлялось докладчику вовсе «не вызванным насущной в нем потребностью, т. е. спросом, и при настоящем критическом положении всей уральской горнозаводской промышленности вообще едва ли возможным, даже если бы этот завод не находил-

ся в тех особо неблагоприятных условиях, которые, удорожая стоимость его продукта, не позволяют ему конкурировать с заводами, уже существующими века и имеющими определенный рынок сбыта своих произведений». К этим неблагоприятным условиям С.М. Раевский относил расположение завода в необжитых местах, что вело к трудностям в найме рабочих и заготовлении «жизненных продуктов в большом количестве и на долгое время», удаленность от рынков сбыта и отсутствие удобных путей сообщения, которыми можно было бы пользоваться круглогодично. «О влиянии Лукьяновского завода на экономический быт местного населения, – писал эксперт, – тоже едва ли можно вести речь, так как он просуществовал очень недолго... и собственно на заводских работах у Лукьянова местное население не обращалось, ибо рабочие у него были привозные из Центральной России и с других заводов Урала». Испрашиваемая владельцем субсидия, считал он, в условиях тяжелого экономического кризиса не сможет поддержать завод.

«Железный кризис на Урале с каждым днем проявляется все ярче и ярче: в прошлом году было остановлено пять доменных печей, в текущем году некоторые заводы совсем приостановили действие, а многие – значительно уменьшили, сокращение числа рабочих (например, на Чусовских заводах Камского общества до 1000 чел.) или уменьшение заработной платы и даже договорного жалования служащим наблюдается на очень многих заводах, принадлежащих состоятельным владельцам и расположенных на удобных путях сообщения и... с надежными рынками сбыта». Эксперт не упустил из внимания и личные качества заводчика. «Присоединяя к изложенному некоторые чисто индивидуальные черты самого предпринимателя, явно характеризующие его отношение к казенным интересам, проявившееся в истории его ссуды под чугуны и в нежелании его платить какие-либо казенные налоги и сборы, заключение моего доклада вытекает само собой... – резюмировал свои размышления С.М. Раевский, – бывший чугуноплавильный завод Лукьянова ни со стороны жизнеспособности самого предприятия, ни со стороны интересов местного населения, ни даже со стороны самого заводчика внимания казны не заслуживает»¹⁰.

Ходатайство о ссуде было отклонено, но Михаил Иванович, по свидетельству главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского, «человек крайне энергичный и предприимчивый», добился-таки, что железные рудники оставили за ним. В январе 1904 г. он сообщал, что «вошел в предварительное соглашение с известным на Волге владельцем механического и судостроительного завода в Муроме Павлом Федоровичем Валенковым», который согласился вступить с ним в компанию по эксплуатации завода. По словам заводчика, «составление товарищества или компании и собрание оборотного капитала требовали немалого времени». Все это, по-видимому, так и не состоялось, хотя из Мурома на Лукьяновский завод была даже доставлена «воздуходувная машина». Имеются сведения, что переговоры с М.И. Лукьяновым о покупке предприятия в то время вели и представители крупного немецкого судостроительного завода «Шихау» из Эльбинга. Однако сделке помешали начавшаяся русско-японская война и вызванные ею осложнения в международных отношениях¹¹.

Судя по имеющейся информации, тогда М.И. Лукьянов все-таки договорился с С.Е. Львовым о совместной разработке отведенных ему четырех рудников и, возможно, о восстановлении завода. Князь, вероятно, заплатил вместо заводчика недоимку оброчной подати за рудники и даже получил в свое распоряжение отводные акты, которые, как записано в одном из документов, «достались ему на правах управительства у Лукьянова». Таким образом, рудники, назначенные к публичной продаже, остались за прежним владельцем.

В 1906 г., когда накопилась новая недоимка и появились основания к публичной продаже рудников, купец вновь стал просить об «отграничении к заводу лесного отвода в такой площади, с которой можно было бы получать ежегодно до 32 тыс. куб. саж. дров». Но власти решили повременить с наделением «ввиду отсутствия у Лукьянова средств для ведения своего предприятия». Вместе с тем они согласились «предоставить указанному заводу, обеспеченному рудой, возможности правильного развития в будущем» и для этого «просимое лесное пространство не отводить в течение пяти лет никакому другому предприятию, дав, таким образом, Лукьянову достаточный срок для отыскания средств, необходимых на оборудование его завода». Это предложение 17 апреля 1906 г. было одобрено Николаем II¹².

Через два года, в марте 1908 г., Лукьяновы вновь дали о себе знать, подав новое ходатайство о ссуде 300 тыс. руб. «на ремонтное» своего завода. «Лукьяновский завод при разумной постановке его представляется предприятием, которое по выгоды станет самым лучшим делом и которому не угрожает опасность сделаться убыточным даже во время самого разгара могущего быть металлургического кризиса», – доказывал в докладной записке нижегородский купеческий сын И.М. Лукьянов. Он убеждал, что возобновление завода приведет к развитию этого отдаленного края: «История всего Урала совершенно подтверждает высказанный взгляд. Пока там не было Демидовых и Строгановых, этих первых предпринимателей, до тех пор никто не знал о богатствах Урала, но достаточно было им явиться туда и основать там заводы, чтобы в этом до тех пор глухом краю найдено было и золото, и платина, и медь, и драгоценные камни. Ту же роль Демидовых и Строгановых в вопросе завоевания Печорского края должен сыграть Лукьяновский завод. И вот с этой именно стороны лукьяновское дело имеет огромную будущность помимо тех выгод, которые оно дает само по себе».

Горный департамент вновь пустился в «секретную переписку» со специалистами и получил от них весьма разноречивые мнения. Главный начальник уральских заводов отзывался, что знал М.И. Лукьянова еще в бытность свою окружным инженером Средне-Волжского горного округа. Уже тогда тот, по словам П.П. Боклевского, «отличался умом, ловкостью, чрезвычайной энергичностью и настойчивостью». «При других условиях, – полагал главный начальник, – из таких людей выходят Походяшины и Сибиряковы и тому подобные пионеры промышленности». По-видимому, сочувствуя давнему своему знакомому, он полагал, что «если бы не наступил кризис 1901 г. в железной промышленности России, то, весьма вероятно, Лукьянов успел бы прочно поставить свой завод». «Но, к прискорбию, обстоятельства сложились для него весьма неблагоприятно» и «при настоящем положении дела» П.П. Боклевский признавал его безнадежным. «Даже при полнейшей доброй воле, – считал главный начальник, – Лукьянов неминуемо запутается в денежной несостоятельности и можно опасаться, что повторится прежняя история, когда приходилось принимать самые крутые меры для покрытия казенных с него взысканий, причем он допустил даже продажу чугуна, на который был наложен секвестр за ссуду Государственному банку». «После пяти лет недействия... – заключал П.П. Боклевский, – все пришло в полный упадок, вообще, кроме фундаментов, едва ли много уцелело, так что, в сущности, завод придется строить почти сначала, а не только ремонтировать». Вместе с тем окружной инженер сообщал в департамент, что «вряд ли где-либо возможно выплавить на древесном топливе более дешевый чугун, чем на Лукьяновском заводе»¹³.

Не бездействовал и сам заводчик. Он подал прошения Николаю II и министру торговли и промышленности И.П. Шипову о том, «как погибает русское дело в Пе-

чорском крае», жаловался, будто бы «барон Будберг (возможно, это был бывший начальник канцелярии прошений, член Государственного совета А.А. Будберг. – *Е.Н.*) объявил ему, что, куда бы ни была направлена его Всеподданнейшая телеграмма, все равно ему последует отказ». Ходатаем по делам купца тогда выступал князь С.Е. Львов. Вероятно, с его помощью вновь были погашены недоимки за отведенные рудники, после чего Совет министров принял постановление об очередном снятии их с торгов. Однако к 1911 г. накопилась новая недоимка, и в этом случае уже сам С.Е. Львов выступил инициатором продажи рудников, по-видимому, так и не получив от М.И. Лукьянова переданных ему в долг денег. Чердынский мещанин И.Ф. Юхнев, также кредитор купца, полагал, что С.Е. Львов надеялся таким образом «удешевить и обесценить» Лукьяновский завод и «перевести заводские земли на свое имя». Торги, назначенные на 12 декабря 1911 г. вновь не состоялись, поскольку купец, хотя и с опозданием, все-таки заплатил недоимку. Тогда в целях удовлетворения иска князя С.Е. Львова, купца А.С. Горюшина и других кредиторов на январь 1912 г. были назначены торги на движимое имущество в виде «разного ношебного платья, белья, драпировок и домашней утвари», находившихся на заводе, а также на воздуходувную машину, привезенную с завода П.Ф. Валенкова и оцененную в 30 818 руб.¹⁴

В это же время М.И. Лукьянов сообщал в Горный департамент, что «средства для ведения дела им приисканы», и ходатайствовал об отводе для завода лесных площадей уже из расчета вырубки до 100 тыс. куб. саж. дров, требующихся для выплавки 4 млн пуд. чугуна. Как и несколько лет назад, теперь уже новый окружной инженер И.В. Ковригин усомнился в способности купца «довести производительность еще недействующего завода... до столь большой цифры». Он рекомендовал сначала сделать отвод в таком количестве, чтобы леса хватило на выплавку хотя бы 600 тыс. пуд. чугуна. В ноябре 1911 г. М.И. Лукьянов извещал главного начальника, что его заводу уже «утвержден лесной отвод в 600 тыс. дес.». На запрос Пермской казенной палаты, куда передали переписку об отводе казенных лесов, действительно ли начаты восстановительные работы на Лукьяновском заводе, что, очевидно, и было условием отвода, окружной инженер и в октябре 1913 г., и в октябре 1914 г. отвечал, что М.И. Лукьянов на рудники приезжал, но ни к каким работам там не приступил.

Учитывая, что прошения о ссужении денег, наделении лесами и возобновлении завода, как правило, следовали за назначением торгов на рудники, можно предположить, что предприимчивый купец именно так и пытался их предотвратить. За прошениями следовали разбирательства в высших инстанциях, до завершения которых торги откладывались. Но, когда в 1914 г. в очередной раз накопилась недоимка и горные разработки так и не начались, отношение к «пионеру горного дела в Чердынском крае» изменилось даже у прежде лояльного к М.И. Лукьянову Уральского горного управления. «В настоящее время, когда несоблюдение Лукьяновым требований закона о приступе к подготовительным работам и ежегодной разработке рудников длится уже 14 лет, – сообщали горные чиновники, – считаем себя обязанными поднять вопрос об отобрании рудников»¹⁵.

По-видимому, в этот раз торгам помешала начавшаяся мировая война. Заводчику же она позволила возобновить ходатайство о казенной ссуде. В январе 1916 г. в Министерство торговли и промышленности поступило прошение от торгового дома «М.И. Лукьянов и К^о». «Владея на праве собственности Лукьяновским чугуноплавильным заводом... – писал «член-распорядитель» И.М. Лукьянов, – наш Торговый дом в виду острой нужды в чугуне на военные надобности имеет честь

изъявить отделу промышленности, что при содействии казны Лукьяновский завод может быть пущен в действие в текущем году с таким расчетом, чтобы выплавить и доставить к рынкам сбыта весной 1917 г. от 400 до 500 тыс. пуд. чугуна. При весьма высоких ценах на материалы и рабочие руки... продажная цена с доставкой на пристань Ижевского и Воткинского заводов обойдется в 2 руб. 15 коп. Если казна признает желательным предложение наших услуг по поставке чугуна, то необходимо немедленно снабдить нас авансом в размере $\frac{1}{3}$ стоимости подряда, а $\frac{2}{3}$ стоимости уплачивать текущим порядком по мере надобности на производство работ».

И.М. Лукьянов дополнительно сообщил, что завод, располагая «одним из самых северных месторождений красно-бурого железняка... по характеру напоминающего бакальскую руду», с запасом свыше 600 млн пуд. и с «чрезвычайно выгодными условиями разработки», имеет «большую будущность». По его словам, уже тогда «у колошника домны или на складе» находился почти 1 млн пуд. руды и к предприятию были приписаны на 48 лет до 500 тыс. дес. леса. И.М. Лукьянов предлагал по Колве и Каме доставлять чугун до Нижнего Новгорода, а по Унье и Печоре и затем морем – «во все русские и даже английские порты». «Лукьяновское предприятие можно считать не менее интересным, чем Кузнецкое», – полагал он, обещая с помощью казны довести производство чугуна до 5 млн пуд. в год. Для этого, по его мнению, требовалось лишь «снабдить Лукьяновский завод необходимыми оборотными средствами в размере 2,5 млн руб. по примеру других заводов в виде долговременной ссуды». «Я – пионер дикого Печорского края, добиваюсь возможности приложить к делу на общую пользу наш опыт, капитал с надеждой на успех без особого риска потерять все», – с пафосом заявлял проситель¹⁶.

В Горном департаменте эти скорее фантастические предложения от имени заводчика, уже неоднократно обманывавшего власти, неожиданно сочли вполне реальными и подтвердили, что бездействующий Лукьяновский завод располагает «весьма значительными запасами прекрасного качества железных руд, вполне обеспечивающими деятельность завода на крупную производительность в течение долгих лет». Кроме того, к заводу действительно оказался приписан «обширный лесной участок на особых льготных условиях с Лесным ведомством с правом вырубать на действие завода и для продажи на сторону в течение 45 лет ежегодно до 100 тыс. куб. саж. леса». Поэтому недостатка топлива, констатировали чиновники, «в противоположность весьма многим уральским заводам, здесь возникнуть не может». Они рекомендовали поддержать предложение заводчика, но, по-видимому, решиться на ассигнование столь значительной суммы без какого-либо залога и гарантий да еще в условиях военного времени Министерство финансов не смогло или же не захотело.

Вероятно, на позицию министерства повлияли впечатления окружного инженера, вновь побывавшего на бездействующем заводе в июне 1916 г. «Воздуходувная машина фабрики инженера Валенкова в Муроме валяется в крупных частях на берегу, подвергаясь всяким влияниям воды и атмосферы... – свидетельствовал он. – На заводе остов домны, крыша разрушены, железо разворовано, каменные стены целы, но не ценны... Около завода и по горам нарыта масса руды... Дома и заводские казармы разрушены временем и бесхозяйственностью. Все ценное продано с публичных торгов, но много разворовано бродячим людом и самими караульщиками. С 1900 г. завод безмолвен, если не считать наезда судебных приставов, инженеров по изысканиям и т. п. Лукьянову и теперь идут какие-то нарезки лесов... но когда будет там горное дело – скажет лишь будущее». Несмотря на столь удручающую картину, инженер все-таки рекомендовал удовлетворить очередное ходатай-

ство М.И. Лукьянова «об отсрочке по возобновлению работ на рудниках... на время войны»¹⁷. Вероятно, этими рекомендациями дело и ограничилось. Есть сведения, что «лукьяновское дело» на Вишере была готова купить английская группа Гувера–Уркварта, владевшая Кыштымским и Таналыкским обществами. Но и она не успела осуществить свои планы из-за свершившейся вскоре революции¹⁸.

- ¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 44. Л. 44–49. Автор признателен М.В. Друзину за указание на это дело.
- ² Цит. по: *Иевлев А.А.* История постройки Лукьяновского железоделательного завода // Материалы VII международной конференции «Новые достижения европейской науки – 2011». София, 2011. Т. 26. С. 76–79.
- ³ *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.* Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 300.
- ⁴ *Иевлев А.А.* Лукьяновский металлургический завод по свидетельствам современников // Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Istoria/3_93687.doc.htm.
- ⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1324. Л. 24–25 об.
- ⁶ Там же. Л. 35; РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 44. Л. 1, 6, 13–14, 44–49.
- ⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 44. Л. 44–49; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1324. Л. 25–25 об.
- ⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1324. Л. 26–27, 39, 41–46 об.
- ⁹ Там же. Л. 41, 56–57 об., 62–63, 78.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 44. Л. 44–49.
- ¹¹ Там же. Л. 71, 74; *Иевлев А.А.* Лукьяновский металлургический завод... // Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Istoria/3_93687.doc.htm.
- ¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1324. Л. 155, 166.
- ¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 44. Л. 84, 87–96 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 118–119 об., 120–121, 150, 156; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1324. Л. 154, 155, 192, 193.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1324. Л. 166–169, 204, 213–214, 217–220.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 366. Л. 2–4, 9.
- ¹⁷ Там же. Оп. 67. Д. 457. Л. 120; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1324. Л. 221–221 об., 224.
- ¹⁸ *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 201.

28. А.В. ГЛУШКОВ. Х.Я. фон ТАЛЬ

В северных районах Урала пытались наладить горнозаводское производство еще два предпринимателя, основатели Сюзьвенского и Сосьвинского округов.

О своем желании построить сразу два завода на границе Чердынского и Глазовского уездов 3 сентября 1865 г. заявил Уральскому горному правлению пермский купец второй гильдии Андрей Венедиктович Глушков. «Партия шуровщиков» под управлением штейгера Т.В. Лучникова, снаряженная тогда купцом, обнаружила, по его словам, пять железных рудников «в пустопорожных казенных дачах, не приграниченных ни к каким заводам». А.В. Глушков заверял, что намерен разрабатывать эти рудники «своим счетом» и планирует возвести чугуноплавильный завод на р. Сюзьва и железоделательный – на Каме в устье р. Глубокая, если ему «без задержки» сделают там отводы земель.

В пояснительной записке к своему прошению купец описал все предполагавшиеся выгоды при реализации задуманного им предприятия как для развития глухого края и «повышения нравственности» местного населения, так и «государственной экономии». В трех доменных печах он намеревался ежегодно выплавлять 1 млн пуд. чугуна и «изъявлял полную готовность» поставлять до 300 тыс. пуд. чугуна на Мотовилихинский сталепушечный завод «значительно дешевле прочих уральских заводов». Министр финансов М.Х. Рейтерн 9 февраля 1866 г. разрешил отвести земли и построить завод в течение установленного законом пятилетнего срока. Отвод на Сюзьве сделали в том же году, а от второго отвода на Глубокой купец отказался, сочтя возможным «поставить оба завода – чугуноплавильный и железоделательный – на принятой при речке Сюзьве двухверстной отводной площади».

Этим все и закончилось. Выяснилось, что якобы открытые А.В. Глушковым рудники задолго до этого уже были приписаны к Песковскому и Омутнинскому заводам, правления которых потребовали «переотграничения». Купец сделал заявки о еще 31 руднике, намереваясь «принять их формальным порядком» в 1868 г., но так и не сделал этого. В 1870 г. он сообщил, что передал рудники брату – дедюхинскому купцу Ивану Венедиктовичу Глушкову, проживавшему в Усолье, но «документов на передачу никаких не предоставил и отзыва от постройки завода не дал». На запрос Горного правления И.В. Глушков отозвался, что «никакой передачи родной брат ему не сделал».

Вскоре несостоявшийся заводчик А.В. Глушков бесследно исчез с Урала, и горное начальство безуспешно разыскивало его на протяжении многих лет, пытаясь выяснить намерения. Запросы отсылались в Нижний Новгород и на Кавказ, где, по слухам, купец подрабатывал лесничим в Боржомском имении великого князя Михаила Николаевича. В конце концов вместо Андрея Глушкова были обнаружены сведения об уже скончавшемся купце Александре Глушкове. Его ни в чем не повинным наследникам предложили построить заводы, но те вежливо отозвались, что «исполнение этого дела они принять на себя не желают». В 1883 г., когда ни о каком сроке давности говорить стало уже невозможно, Горное правление постановило «переписку по этому делу прекратить, а отводные места считать тунележащими и свободными для новых заявок»¹.

Другому предприимчивому деятелю – потомственному дворянину Христиану Яковлевичу фон Талю – удалось-таки начать строительство металлургического завода. Одновременно с продажей Богословского и Николае-Павдинского округов 21 мая 1876 г. было утверждено положение Комитета министров, в соответствии с которым казна уступила Х.Я. фон Талю 120 тыс. дес. «в местности, лежащей между левым берегом реки Сосьвы на границе Пермской и Тобольской губерний», за 170 тыс. руб. на льготных условиях, но с серьезными для покупателя обязательствами. При совершении сделки будущий владелец выплачивал только 20% заявленной суммы, а остаток ее рассрочивался на 10 лет без начисления процентов. В течение пяти лет в границах дачи владелец должен был построить чугуноплавильный завод производительностью не менее 150 тыс. пуд. в год. В качестве залога принималось само купленное имение и 10 тыс. руб. При неисполнении условий земли должны были быть возвращены казне. Директор Горного департамента Ф.И. Расселли 11 июня 1877 г. подписал договор с Х.Я. фон Талем, проживавшим тогда в Петербурге (Бол. Московская ул., 11). Одновременно владелец попросил разрешения «в виду затруднительного положения в настоящее время денежного рынка» внести залог при утверждении купчей, оговаривая при этом, чтобы «производство предварительного отмежевания дачи не было остановлено».

Назначенный в целях контроля за исполнением условий покупки чиновник особых поручений Я.С. Стахийев сообщал между тем, что владелец вовсе не спешит совершить эту операцию. «Дворянин фон Таль, хотя и был в Екатеринбурге в конце августа, – рапортовал он в ноябре 1877 г., – но, не видевшись со мною для исполнения дела... и не известив даже о том, когда он намерен приступить к утверждению купучного акта у нотариуса, выехал дня через два из Екатеринбурга неизвестно куда и затем по настоящее время ни сам не явился, ни прислал для того от себя доверенного». Я.С. Стахийев еще не раз беспокоил Горный департамент, пока не получил ответ, что залог был принят от владельца в Петербурге, хотя уже и прошло более года со дня подписания договора. Само же утверждение купчей произошло только 8 мая 1880 г.² Тогда начальство не придавало особого значения этому первому признаку несостоятельности владельца Сосьвинской дачи.

Не торопился он и с выполнением главного условия продажи – строительством чугуноплавильного завода. Как сообщал сам Христиан Яковлевич, возведение завода он начал только 10 сентября 1880 г. Через год, если судить по его донесению, уже «была готова и действовала литейная с полудоменкой, в которой производилась отливка на заводские потребности из старого чугуна с примесью для пробы местных руд, механическая фабрика, кузница, верфь, на которой выстроено пять барж и 10 лодок». Но, оказывается, в то время Х.Я. фон Таль действовал уже не как владелец дачи и будущего завода, а выступал в роли директора-распорядителя учрежденного им Товарищества Сосьвинских чугуноплавильных заводов.

Как позже свидетельствовало правление Общества Коломенского машиностроительного завода, «не имея средств на постройку завода, фон Таль пригласил к участию в деле... инженера генерал-майора Густава Егоровича Струве и баварского подданного Антона Ивановича Лессинга и вместе с ними образовал Сосьвинское товарищество, устав которого был Высочайше утвержден 30 января 1881 г.». «Означенное Товарищество, избрав фон Таля директором-распорядителем, вверило ему утверждение прав собственности на дачу за Товариществом, устройство завода, разведку рудных залежей – и вообще ведение дел на месте, снабжая его по мере надобности достаточными денежными средствами – и вполне было уверено, что фон Таль свою задачу исполнит к общему благу дела»³.

Казалось, что директор справляется с порученным ему как инженеру делом. Местный исправник докладывал, что «устроенные при Сосьвинском заводе две штирийские домны, называемые иначе полудоменки, пущены в действие... и одна из них 9 июня 1882 г. произвела первый выпуск 20 пуд. чугуна». Но до конца года было выплавлено всего лишь 14 661 пуд. металла, что вовсе не соответствовало определенной договором норме. Горному правлению это тем не менее позволило «причислить Сосьвинский завод к разряду заводов, на полном праве собственности состоящих», и предоставить ему податную льготу. Однако уже в октябре 1882 г. домны остановились «по неимению на месте большого запаса угля и для некоторого переустройства колошника для предупреждения пожара, который по пуску в ход полудоменок казался весьма вероятным». По-видимому, колошник так и не был исправлен. В августе 1883 г. заводский исправник сообщил, что «3-го числа загорелась крыша литейной фабрики... и помещенные в том же здании две полудоменки, отражательная печь, механическая мастерская и паровая мельница, а также магазины с припасами, угольный сарай, часовня и госпиталь... сгорели до основания». Горели и леса в окрестностях завода, и, по словам чиновника, потушить их при сильном ветре не было «физической возможности». Убыток составил 60 тыс. руб. Случайно или нет, но пожар совпал с окончанием пятилетнего срока, отведенного

для строительства завода. Горное начальство именно в это время интересовалось, исполнены ли условия заключенного в 1877 г. контракта и достиг ли Сосьвинский завод должной производительности.

В канун этих событий, как сообщалось в уже цитированной записке правления Коломенского общества, «по случаю смерти генерал-майора Г.Е. Струве опека над малолетними наследниками, равно г-н Лессинг, потребовали от г-на фон Таля полный отчет его действий и расходов, причем выяснилось следующее: 1) права на дачу не укреплены были им за Товариществом; 2) рудных залежей в даче не оказалось, а разведаны и отведены на имя г-на фон Таля рудники в казенной даче за 700 верст от завода; 3) завод далеко не отстроен, хотя на него затрачен весь складочный капитал и занятые у Общества Коломенского машиностроительного завода под чугун деньги, и сверх того сделано долгов более 80 тыс. руб., и 4) в израсходованных суммах никаких отчетов получить не представлялось возможным». «Такой образ действий фон Таля побудил правление Товарищества устранить его от дел, в чем не представлялось особых затруднений, так как пай его уже перешли в собственность его сопайщиков, – и вверить ведение дел иным лицам, для чего правление снабдило их новыми средствами, занимаемыми у Коломенского завода». К этому подмосковному предприятию, по-видимому, имел отношение скончавшийся пайщик Г.Е. Струве. Его брат Аманд был директором-распорядителем Общества Коломенского завода⁴.

В 1885 г. на Сосьвинском заводе возвели большую домну, производительность которой даже превышала установленную в контракте годовую норму в 150 тыс. пуд. чугуна. Но из-за сложностей с доставкой сырья из отдаленных рудников завод работал неритмично. «В самое короткое время постройка завода была доведена до конца, добыта руда и заготовлен уголь, – сообщало правление Коломенского общества. – Но непредвиденные затруднения в сплаве руды по горной, несудоходной реке Лозьве отсрочили начало полного действия завода до 1885 г. Между тем долг Обществу Коломенского машиностроительного завода увеличился до 800 тыс. руб. и требовалось его возвратить или в крайнем случае обеспечить недвижимым имуществом Товарищества. Результатом этого была ликвидация дел Товарищества Сосьвинских заводов и передача его имущества Обществу Коломенского завода. Но вследствие неопределенности прав собственности на дачу оно вынуждено было войти в особую сделку с г-ном фон Талем, согласно коей он за установленную плату обязался подписать купчую крепость на дачу на имя Общества Коломенского завода и вслед за утверждением купчей перечислить Обществу отведенные ему рудники». Было известно, что три рудника Христиан Яковлевич приобрел на свое имя уже после учреждения Товарищества 23 ноября 1881 г. у вдовы тайного советника Е.И. Переяславцевой в Лялинской казенной даче, еще два рудника он купил позже якобы на имя Товарищества, но числились они тоже за ним.

Договор Х.Я. фон Таля с Обществом Коломенского завода был подписан в Москве 11 апреля 1885 г. Сосьвинский округ переходил Обществу со всеми долгами и обязанностями бывшего владельца за 240 тыс. руб. (с учетом 136 тыс. руб. долга казне). Все претензии сторон «прекращались навсегда», и правление Общества освобождало Х.Я. фон Таля «от тех взысканий, которые имели на него наследники Г.Е. Струве и А.И. Лессинг, и от тех, которые может иметь Товарищество Сосьвинских заводов».

Вскоре, 30 июля 1885 г., состоялось чрезвычайное Общее собрание пайщиков Товарищества, где были представлены владельцы 85 паев с правом 10 голосов: это делало собрание «законосостоявшимся». Председательствовал барон П.Ф. Дри-

зен. «По выслушании доклада правления, – записано в протоколе собрания, – пайщики, имея ввиду расстройство дел Товарищества и невозможность за неимением средств удовлетворить Общество Коломенского завода, единогласно постановили... приступить к ликвидации дел Товарищества... и изъять согласие на передачу в собственность Общества... всего имущества и всех прав, которые Товарищество имеет относительно дворянина Христиана Яковлевича фон Талья». Условиями передачи предполагалось погашение за счет переданного имущества долга Обществу в сумме 806 259 руб., перевод на Общество оставшегося после покупки дачи долга казне в размере 136 тыс. руб. и выплата бывшим пайщикам по 250 руб. за пай. Но «в противность договоренностей» Коломенского общества с Х.Я. фон Талем, пайщики настояли на получении от своего директора-распорядителя неустойки в размере 100 тыс. руб., судебные расходы по которой Общество тоже принимало на себя⁵.

Переход округа во владение Общества Коломенского завода утвердили 9 августа 1888 г., при этом устанавливалось, что Сосьвинская дача и завод «составляют одно нераздельное горнозаводское имение» стоимостью 341 306 руб. Учитывая имевшиеся долги Коломенскому обществу, очевидно, что оно простило Товариществу многотысячные суммы. Не упустил возможности отомстить Обществу за судебный иск по неустойке и Христиан Яковлевич фон Таль. «Между тем, – сообщало правление Коломенского общества в сентябре 1889 г., – г-н фон Таль спустя некоторое время воспретил выдачу книг для записи руды, добываемой Сосьвинским заводом, чем лишил Общество прав пользоваться рудниками, и по сие время, несмотря на укрепление прав на дачу за Обществом, рудники не перечисляет, а Сосьвинский завод, приканчивая прежние запасы и приобретая от Богословского завода низкопроцентную руду, в недалеком будущем будет вынужден приостановить свои действия». Правление полагало, что у бывшего владельца не было законного основания для запрета использовать рудники, поскольку они уже почти три года не разрабатывались, а значит могли быть признаны «тунележащими».

Видимо, так в конце концов и произошло, хотя известно, что в 1892 г. рудники выставались на торги, впоследствии приостановленные. Новым владельцам Сосьвинского округа удалось к 1894 г. погасить все казенные долги и 13 мая того года снять запрещение на его продажу, наложенное при утверждении купчей в 1880 г. Это было необходимо сделать, чтобы перепродать уральское имение, столь дорого им доставшееся, но, по-видимому, совсем не нужное. Известно, что еще в апреле 1892 г. правление Коломенского общества просило Горный департамент разрешить продажу округа Н.М. Половцовой, владелице расположенного рядом Богословского округа, с которым у Сосьвинского завода уже имелись тесные контакты. Сделка состоялась 19 августа 1894 г. и, по-видимому, ее сумма покрыла значительные расходы Общества⁶. Сосьвинский горнозаводский округ утратил свою самостоятельность и вошел в состав Богословского округа.

Через два года Х.Я. фон Таль вновь заявил о себе как учредитель общества «Ермак», созданного, как следует из утвержденного 3 мая 1896 г. устава, «для устройства чугуноплавильного, железоделательного и сталелитейного заводов в городе Верхотурье Пермской губернии, для разработки рудных и каменноугольных месторождений как на частных, так и на казенных землях, для устройства на реке Сосьве паровой верфи и содержания буксирного и товаро-пассажирского парового сообщения по реке Оби, ее притокам и по реке Енисею, а равно для устройства подъездного пути частного пользования от станции Кушва Уральской железной дороги до одной из пристаней на реке Сосьве, протяжением с ветвями до

192 верст с наименованием его “Ермаковской железной дорогой”». Основной капитал должен был составить 18 млн руб., разделенных на 72 тыс. акций. Они распределялись между учредителем и приглашенными им к участию в предприятии лицами «по взаимному соглашению»⁷. Поскольку деятельность этого общества не имела последствий, можно предположить, что его предприимчивому учредителю все-таки не удалось составить компанию со столь значительным капиталом и не менее грандиозными замыслами.

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 94. Л.1, 5–10, 67–67 об., 76, 84, 399.

² Там же. Д. 295(2). Л. 2–5, 23–24, 36.

³ Там же. Л. 71–71 об.; Д. 295(1). Л. 29–30 об.

⁴ Там же. Д. 295(2). Л. 78, 81, 89, 105, 109, 122; Д. 295(1). Л. 29–30 об.

⁵ Там же. Д. 295(1). Л. 5–11, 25–26, 29–30 об.

⁶ Там же. Л. 9–11, 29–30 об.; Д. 295(2). Л. 234, 238.

⁷ ПСЗ-III. Т. 16. № 12871.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX – начале XX в. уральская горнозаводская промышленность переживала периоды как подъема, так и спада, сменявшие друг друга почти каждое десятилетие. Нестабильность, обусловленная общими для российской промышленности экономическими и политическими факторами, усиливалась под влиянием региональных особенностей развития отрасли, которые сформировались в течение более чем полуторавекового предшествующего периода ее истории.

Уже к 1861 г. большинство горнозаводских хозяйств Урала находились в состоянии финансового неблагополучия, выразившегося в недостатке оборотных капиталов, залоге округов в казенных «кредитных установлениях», долгах заводов и заводоладельцев. Крестьянская реформа, разрушив прежнюю основу социальной организации промышленности, лишь усугубила эту ситуацию.

Освобождение горнозаводского населения от крепостной зависимости вынуждало заводчиков переходить в отношениях с рабочими от обязательного труда к наемному, более дорогому и сложно организованному. Этот переход, сопряженный с отстаиванием своих экономических интересов и владельцами, и бывшими крепостными, усилил социальную конфронтацию на заводах и способствовал развитию массового рабочего движения, сменившего относительно спокойный дореформенный период господства патерналистских отношений между заводчиками и крепостным населением. Следствием освобождения становился также вполне закономерный постепенный отказ владельцев от финансирования огромной социальной инфраструктуры округов. В крепостной период ее создание и поддержание были обязанностью заводчиков, что формировало положительный имидж владельцев в глазах населения, но вместе с тем вело к увеличению накладных расходов и себестоимости металлов. В новых социальных и экономических условиях заводчики стремились заботу о храмах, больницах и школах переложить на плечи населения и на открывавшиеся в 1860–1870-е гг. земские учреждения, что не могло не сказаться на их отношениях с местным социумом.

По условиям реформы уральские «заводчики-помещики» должны были заняться и вовсе не характерным для промышленников наделением мастеровых и сельских работников землей; при этом вновь возник конфликт интересов и отношения обострились еще больше. Принципы землеустройства, разработанные реформаторами при участии заводчиков на рубеже 1850–1860-х гг., предполагали, что свой заработок мастеровые и сельские работники сохраняют при заводах. Поэтому обе категории горнозаводского населения не получали по «Дополнительным правилам...» достаточных для полноценного жизнеобеспечения земельных наделов. Позволяя решить важную для заводов «кадровую проблему», следование этим принципам наделения в условиях разворачивавшейся индустриализации и нараставших кризисных явлений в развитии промышленности заставляло заводчиков, как они сами выражались, «давать населению работу вне зависимости от потребности в таковой», а заводы выступать «в качестве учреждений филантропических». Постепенно сформировавшееся желание владельцев провести «полное отделение заводов от населения» и освободиться от обременительной обязанности по его трудоустройству и содержанию, а также характерное для того времени закрытие многих предприятий вызвали необходимость во «второй волне» землеустройства. Опасаясь обнищания населения, государство решилось на продолжение земельной реформы, но успело подготовить лишь новый закон для посессионных округов (1893 г.), полностью не удовлетворивший, впрочем, ни население, ни заводчиков.

Рабочие в целях «обеспечения своего быта» требовали достаточных для ведения аграрного производства земельных наделов. Но в условиях Урала с его малопродуктивными почвами и суровым климатом это вело к выведению значительных площадей из ресурсной территории округов, а в некоторых случаях не позволяло не только развивать, но даже и продолжать горнозаводскую деятельность. Заводчики сопротивлялись требованиям населения, защищая земельные дачи заводов, где добывались минералы и заготавливалось древесное топливо.

Другим труднопреодолимым «наследием прошлого» во второй половине XIX – начале XX в. оказалась и сложившаяся на Урале особая форма организации заводского хозяйства. Окружная система представляла собой комплекс, состоявший из нескольких взаимосвязанных «взаимодействующих» предприятий, каждое из которых специализировалось на производственных операциях какой-либо стадии металлургического процесса. Эти самостоятельные группы заводов (в ориентированных на медеплавильное производство округах мог действовать и один завод) с отведенными к ним обширными ресурсными территориями, где местное население заготавливало руду и древесное топливо, образовывали замкнутые горнозаводские округа, находившиеся во владении заводчиков. В условиях Урала окружная система оказалась совершенной формой организации мануфактурного производства, но она стала препятствием на пути индустриальной модернизации промышленности. Ее сдерживающее влияние особенно усилилось с 1880-х гг., когда уральские заводы столкнулись не только с конкуренцией импортного металла, но и с опережающим развитием нового Южного промышленного региона России. Возведенные там по европейским образцам металлургические гиганты представляли собой передовые индустриальные предприятия с полным циклом производства, действовавшие с применением новых видов энергии и дешевого кокса.

Окружная организация уральской промышленности стесняла возможности применения передовых технологий в металлургии, требовавших перестройки производственных связей посредством закрытия «передельных» заводов и концентрации производства на крупных комбинированных предприятиях. Кроме того, при отсутствии развитых рынков сырья и топлива было необходимо «подтягивать» до индустриального уровня и вспомогательные отрасли окружного хозяйства – рудную, транспортную и топливную. Но совершенствование важнейшей топливной отрасли осложнялось отсутствием на Урале месторождений качественных минеральных углей, территориальной удаленностью региона от крупных каменноугольных бассейнов и недостаточно развитой системой железных дорог. Усиливавшаяся разбалансированность уровней развития отраслей окружной экономики нарушала стабильность всей системы и препятствовала развитию ее основной – металлургической – отрасли.

Чтобы не потерять хотя бы традиционные рынки и снизить себестоимость продукции, уральские заводчики были вынуждены активизировать индустриализацию, не ограничиваясь «встраиванием» новой техники в старую производственную систему, как это зачастую происходило. Подобная «псевдоиндустриализация» давала лишь ограниченный эффект и только усиливала отставание Горнозаводского Урала от Южного региона. Заводчикам необходимо было преодолевать веками складывавшиеся стереотипы в отношении к организационным основам хозяйственной жизни их уральских имений и фактически создавать новую промышленность, соответствовавшую уровню индустриального общества. Это требовало не только коррекции представлений, но и огромных капиталовложений, которые сами заводчики не всегда могли осуществить не столько из-за значительности своих личных

трат, сколько потому, что в условиях нестабильной рыночной конъюнктуры уже не получали больших и постоянных доходов. Именно наличие финансов оказывало тогда определяющее влияние на проведение индустриализации в большинстве горнозаводских хозяйств Урала. Случалось, что в тяжелые годы ответственные владельцы даже отказывались от дивидендов, а в период острого экономического кризиса начала XX в. пытались упорядочить рынок и влиять на ценообразование посредством вхождения в российские монополистические объединения или организации региональных металлургических синдикатов.

Насущной потребностью в такой ситуации становилось привлечение капиталов «со стороны». Поначалу этому препятствовали недостаточное развитие рыночной инфраструктуры в стране, только что сбросившей оковы крепостничества, и отсутствие крупных частных инвесторов или финансовых организаций, готовых вкладывать немалые деньги в реконструкцию уральской промышленности без расчета на немедленное получение прибыли. Недостаток оборотного капитала привел тогда к упадку многих крупных горнозаводских округов (Кнауфского, Суксунского, Сергинско-Уфалейского, Ревдинского, Белорецкого, Юрюзанского и др.). Лишь развитие рыночных институтов с начала 1870-х и особенно в 1890–1900-е гг. позволило воспользоваться таким источником денежных ресурсов, как ипотечные и «подтоварные» ссуды в набиравших силу частных банках, привлечь отечественных и иностранных инвесторов (в основном английские, французские и бельгийские финансово-промышленные группы и коммерческие банки) к участию в финансировании заводов посредством организации акционерных компаний. Именно с их помощью в 1890-е гг. были построены ставшие крупнейшими на Урале металлургические комбинаты (Чусовской, Надеждинский), а в 1910-е гг. во многих перспективных округах началась реализация масштабных планов реконструкции. Незадолго до национализации несколько акционерных обществ (Лысьвенское, Богословское, Алапаевское) уже были озабочены покупкой или арендой участков Кузнецких каменноугольных копей, планируя в будущем обеспечить подконтрольные им предприятия привозным минеральным топливом из Сибири.

Во второй половине XIX – начале XX в. во многих горнозаводских округах обострились и ресурсные проблемы. В одних округах, располагавшихся, как правило, на западном склоне Уральских гор, почти исчерпанными оказались столетиями эксплуатировавшиеся рудные месторождения, в других, находившихся в Зауралье, ощущался недостаток удобных лесных участков для заготовки древесного топлива (следствие как не всегда рационального их использования, так и продолжавшегося землеустройства бывшего крепостного и казенного населения). Попытки организовать новые горнозаводские хозяйства на богатых ресурсами территориях Привышерского края оказались безуспешными из-за неосвоенности этих земель и отсутствия удобных путей сообщения. Усиленные геологические изыскания, открытие некоторых казенных рудников и лесных дач для частной эксплуатации, укрупнение округов, введение «правильного» лесоустройства, использование на отдельных операциях альтернативных видов топлива (кокс, торф, нефтепродукты), внедрение ресурсосберегающих технологий в металлургическое производство и строительство железных дорог позволяли компенсировать недостаток ресурсов. Но там, где в силу местных обстоятельств эти меры не приносили должного эффекта, приходилось снижать производительность заводов или вовсе прекращать горнозаводскую деятельность. В частности, такая участь постигла большинство медеплавильных заводов Южного Урала. На закрытие были обречены и многие мелкие горнозаводские хозяйства с ограниченными ресурсами и возможностями для конкуренции.

В этой сложной ситуации от государства требовалось проведение рациональной налоговой, тарифной и таможенной политики, что позволило бы отечественной промышленности динамично развиваться. Насущной становилась ликвидация устаревших правовых норм, которые сформировались еще в доиндустриальный период и лежали в основе распространявшегося на половину горнозаводских округов посессионного права. Без государственной поддержки было невозможно и ускоренное обновление системы транспортных коммуникаций в целях сокращения провозных расходов, преодоления географической отдаленности Урала, выхода к новым рынкам, источникам сырья и топлива.

На тяжелое положение уральской промышленности казна отреагировала как вполне адекватными, так и недостаточно эффективными мерами. К первым из них можно отнести мероприятия общего характера, направленные на формирование благоприятных условий для предпринимательства: понижение горных податей в 1869 г., затем полную их замену промысловым налогом в 1898–1901 гг.; более умелое манипулирование провозными тарифами и таможенными пошлинами в зависимости от динамично менявшейся конъюнктуры мирового и внутреннего рынков металлов; строительство сети железных дорог на Урале с учетом потребностей горнозаводской промышленности. Ко вторым – типичные для предыдущего периода меры «прямой» поддержки отдельных заводчиков: от рассрочки платежей по залогам в казенных «кредитных установлениях» до предоставления «внеуставных» ссуд, в основном использовавшихся для погашения долгов, учреждения казенных управлений или особых опеков. Эти, как правило, безуспешные действия казны, вызванные угрозой закрытия предприятий и обнищания заводского населения, а иногда и желанием помочь знатым или высокопоставленным заводчикам, поддерживали в глазах предпринимателей образ государства как покровителя промышленности, который приходит на помощь в трудное время. По мере развития частного предпринимательства власть, как представляется, пыталась изменить этот исторически сложившийся имидж, но полностью отказаться от него так и не решилась.

Особая Горная комиссия в начале 1860-х гг. разработала проект системной реформы, основанный на признании приоритета частной собственности и частного предпринимательства в развитии отрасли. Предполагалось провести приватизацию почти всех казенных заводов, ликвидировать посессионное право с его стесняющими экономическую свободу ограничениями путем выкупа посессий заводчиками у казны, реализовать принцип «горной свободы» на казенных землях и фактически упразднить коронную горную администрацию. Однако реформа не удалась, поскольку предназначенные к ликвидации казенный и посессионный секторы подверглись лишь частичным изменениям.

От посессионного права в 1860–1870-е гг. были освобождены только несколько округов (Кыштымский, Сергинско-Уфалейский, Кагинский, Авзяно-Петровский), «перечисленные» в состав владельческих после отмены тех «казенных пособий», которые прежде позволяли заводчикам пользоваться трудом государственных или крепостных людей. В исключительном порядке особыми высочайшими повелениями в 1880–1890-е гг. прекратилось посессионное владение Кнауфским, Суксунским, Мосоловским и Ревдинским округами при их публичной продаже. Но реализация проекта выкупа земель и лесов, касавшегося всех посессионных заводов, была поставлена в зависимость от завершения землеустройства горнозаводского населения, которое затянулось вплоть до национализации. Под давлением заводчиков правительство не решилось претворить в жизнь и разработанный в конце XIX в. проект «разверстания посессий» между казной и владельцами, чреватый

прекращением работы многих предприятий. Лишь в начале XX в. заводчики добились снятия «посессионных ограничений» на продажу природных ресурсов и залог округов в ипотечных банках по частным распоряжениям властей.

Из семи уральских казенных округов, которые назначались к продаже, на торгах были куплены только Богословский и Вятский. Начавшаяся в 1886 г. реформа горного управления ограничилась лишь корректировкой существующей системы. «Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях» были введены только в 1887 г. и оказались, по сути, единственным крупным новшеством в содержании Горного устава, вошедшего в Свод законов 1893 г. Этот кодекс горных законов опирался в основном на дореформенное законодательство, но действовал до конца имперского периода. В результате «правовое поле» деятельности заводчиков так и не было приведено в соответствие с требованиями времени. Сохранилась и контролирующая роль государства, заботившегося прежде всего о горнозаводском населении, далеко не повсеместно обеспеченном средствами к существованию (в первую очередь земель) в случае возможного закрытия завода или сокращения рабочих мест. В таких условиях заводчики были вынуждены не только ориентироваться на новейшие императивы экономического развития, но и учитывать сохранявшиеся традиционные институты и при необходимости пользоваться ими. В частности, не утратило своего значения давнее стремление предпринимателей быть ближе к власти с ее неограниченными возможностями и ресурсами. Постепенно сформировавшееся осознание общности интересов и необходимости их лоббирования в правительстве привело заводчиков к организации с 1880 г. региональных съездов и созданию в 1898 г. постоянно действующего Совета съездов горнопромышленников Урала.

Усложнившиеся условия развития промышленности региона во второй половине XIX – начале XX в. отразились на динамике состава частных горнозаводских хозяйств как во владельческом, так и в посессионном секторах. За это время Троицкие, Преображенский, Воскресенский, Верхоторский, Богоявленский, Благовещенский, Архангельский, Каноникольский владельческие и Кнауфские, Уинские, Мешинский, Бемышевский, Шильвинский и Святочудовский посессионные заводы были ликвидированы или перепрофилированы. Ревдинский округ лишился Рождественских заводов, ставших сельскохозяйственным имением. На Богословском медно-селитряном заводе сохранилось только химическое производство, в результате чего он вышел из подчинения горному ведомству.

Вместо владельческого Лысьвенского округа в 1864 г. (раздел оформлен в 1886 г.) появились Лысьвенско-Теплогорский и Юго-Камский округа. Владельческий же Никитинский (Луньевский) округ в 1884 г. оказался в общем владении с посессионным Нижнетагильским. От Пожевского округа в 1888 г. отделилась Всеволодовильвенская часть, перепрофилированная на лесохимическое производство. Билимбаевские заводы строгановского майората в 1872 г. объединились с Кыновским округом, а в 1890 г. – с Уткинским заводом распавшегося Суксунского округа. После распродажи в 1890–1893 гг. этого посессионного округа по частям образовались новые владельческие горнозаводские хозяйства (Суксунско-Молебский, Бымовский, Камбарский округа), позже прекратившие свою деятельность. Уже во время Первой мировой войны Камбарский округ присоединили к Нытвенско-Чусовскому.

Кирсинско-Кажимские заводы были разделены: Кирсинские (Вятские) в 1866 г. отошли к казне, а Кажимские составили самостоятельный посессионный округ. От Шурминско-Залазнинских заводов после продаж в качестве горнозаводской сохранилась только их Залазнинская часть, в 1887 г. объединенная с Холуницким окру-

гом. Позже Залазнинские заводы были вновь отделены и проданы, а Холуницкие в 1914 г. перешли во владение казны. Юрюзанские заводы в 1891 г. объединили с Катавскими, а Кагинские в 1897 г. – с Белорецкими заводами. Предполагалось в 1917 г. на основе этих четырех округов создать одно гигантское хозяйство для масштабной эксплуатации Магнитогорского железорудного месторождения. В 1899 г. Усть-Катавский завод был отделен от Катавского округа и продан акционерной компании.

Во второй половине XIX – начале XX в. несколько частных округов стали казенными, и наоборот, некоторые были проданы казной. В 1870-е гг. в результате приватизации государственного сектора уральской промышленности дополнили состав владельческих округов Вятские, Богословские и Николае-Павдинские заводы. После остановки заводов в начале 1890-х гг. в Николае-Павдинском округе получили развитие золотодобыча и лесная промышленность. В качестве натуральной компенсации невозвратных долгов два округа перешли во владение казны: Кирсинский (Вятский) (1866 г.) и Холуницкий (1914 г.). Первый из них в 1879 г. продали как владельческий и объединили с посессионным Омутнинским округом, второй – отдали в аренду местному земству.

Если в первой половине XIX в. на Урале возникло лишь одно маломощное горно-заводское хозяйство (Святочудовский завод), то после снятия сословных ограничений на владение горными заводами и разрешения «горного промысла» на свободных казенных землях сформировалось несколько владельческих хозяйств, для которых были куплены или арендованы расположенные поблизости лесные дачи. Эти хозяйства специализировались в основном на чугуноплавильном производстве. Они создавались в прежде неостребованных рудных и лесных районах Северного Урала (Сосьвинский округ – 1885 г., Кутимский – 1890 г., Лукьяновский – 1900 г., Вельсовский – 1906 г.) или Южного Урала (Ивано-Павловский – 1875 г., Михайловский – 1880 г., Зигазинский и Лемезинский – 1890 г., Инзеровский – 1892 г., Никольский – 1899 г.). Были основаны также Васильевский плавильный (1879 г.), Порожский ферросплавный (1908 г.), Благодатный (1908 г.) и Таналыкский медный (1912 г.) заводы. Однако судьба новых хозяйств далеко не всегда складывалась удачно, многие из них вскоре перестали существовать (Васильевский – 1883 г., Михайловский – 1887 г., Ивано-Павловский – 1898 г., Лукьяновский – 1901 г., Кутимский и Вельсовский – 1907 г., Благодатный – 1914 г.). Лемезинский завод объединили в одно хозяйство с Авзяно-Петровским округом. В 1908 г. производство там прекратилось; частично возобновилось оно лишь в годы Первой мировой войны. Сосьвинский завод в 1894 г. вошел в состав Богословского округа.

Как видно, разделы и объединение горнозаводских хозяйств во второй половине XIX – начале XX в. заметно интенсифицировались. Разделы, как правило вынужденные, проводились в целях продажи крупных и дорогостоящих округов по частям или решения проблем наследования. Однако это зачастую вело к ослаблению ресурсного потенциала новых хозяйств и сворачиванию в них горнозаводской деятельности. Объединение же, напротив, укрепляло ресурсную базу укрупненных округов и предопределяло возможность их выживания. В результате всех изменений в 1861–1917 гг. количество частных горнозаводских хозяйств на Урале в целом сократилось с 42 до 28. Вместе с тем несколько увеличилось количество владельческих хозяйств (с 19 до 20, т. е. с 45% до 71%) и существенно обновился их состав. Количество посессионных округов, наоборот, уменьшилось (с 17 до шести, т. е. с 41% до 22%); сократилось и количество округов, в составе которых были и владельческие, и посессионные заводы (с шести до двух, т. е. с 14% до 7%).

Столь динамично менявшиеся условия и облик промышленности не могли не вызвать перемен в составе и облике заводовладельцев. По нашим подсчетам, с 1861 по 1917 г. в этой роли побывали 438 чел., 302 (69%) из них принадлежали к «старинным» родам, занявшимся горнозаводским предпринимательством на Урале еще в XVIII в., 58 чел. (14%) – к родам, которые сформировались в первой половине XIX в., 78 чел. (17%) вошли в состав уральских заводчиков после 1861 г. при покупке округов или создании новых. По сравнению с составом заводчиков первой половины XIX в. количество представителей «старинных» родов сократилось на 16%, на столько же увеличилось число «новых» заводчиков (в основном за счет владельцев новых же хозяйств, зачастую составлявших компании из нескольких лиц).

Полуторавековая история уральской горнозаводской промышленности и новые веяния в ее развитии после 1861 г. отразились на социальном составе заводчиков. В целом среди них был 371 российский дворянин (85% от их общего количества), 26 почетных граждан и купцов первой гильдии (6%), 22 купца второй и третьей гильдий (4,5%), один мещанин (0,2%) и пять крестьян (1,2%). Кроме того, владельцами уральских заводов состояли американец и семь британцев, а также пять лиц, сословный статус которых трудно определить. К «старинным» родам принадлежали 300 (81%) дворян и два почетных гражданина. Остальные представители разных сословий и иностранцы относились к «новым» заводчикам, состав которых отличался большей разнородностью. Среди дворян значилось 82 титулованные особы, 86% которых представляли «старинные» роды владельцев. Высокую долю дворянского и аристократического «слоя» можно считать особенностью состава уральских заводчиков на фоне состава предпринимателей в других отраслях промышленности или регионах России. Во многом это оказалось следствием нобилизации, затронувшей крупнейшие роды заводчиков (потомков Н.Д. Демидова, С.Я. Яковлева, И.С. Мясникова, А.Ф. Турчанинова, Л.И. Расторгуева, В.Н. Рукавишников и др.). Начавшись еще в XVIII в., этот процесс продолжался в течение всего XIX в., захватывая всё новые роды заводчиков. Хотя после 1861 г. дворянский статус уже не давал особых привилегий владельцам, он сохранял престижность, оставаясь критерием состоявшейся личной карьеры и значимости рода. Принадлежность к этому сословию накладывала и особый отпечаток на облик заводовладельцев, препятствуя в той или иной степени «профессионализации» их предпринимательских занятий.

В составе заводчиков оказалось и достаточно много женщин (191 чел., или 44%). Но только четыре из них приобрели заводы, причем лишь одна (О.Н. Рошефор) сделала это по собственной инициативе. Другими, по-видимому, руководили их мужья: министр юстиции Д.В. Дашков (супруг Е.В. Пашковой, еще в 1835 г. купившей Благовещенский завод), государственный секретарь А.А. Половцов (супруг Н.М. Юневой, приобретшей в 1884 г. Богословский округ, а в 1894 г. – Сосьвинский), К.Э. Белосельский-Белозерский (супруг Н.Д. Скобелевой, которая в 1891 г. купила Юрюзанские заводы и через 10 лет подарила их мужу). Остальные владелицы наследовали заводы, после чего, как правило, передоверяли обременительные обязанности по управлению ими родственникам, или наемным специалистам.

К «старинным» заводчикам относились 37 военных и штатских генералов, 52 жены генералов; 24 чел. имели придворные чины. Среди них были посол (Е.П. Демидов), губернаторы (А.Г. Строганов, А.Н. Всеволожский, А.Н. Мосолов), члены Государственного совета (А.Г. Строганов, С.Г. Строгановы, Н.П. Балашов, С.А. Мордвинов), экс-министр (А.Г. Строганов) и супруги министров (Е.А. Воронцова-Дашкова, Е.В. Дашкова, А.Х. Делянова. Е.А. Тимашева). Председателями губернских земских

собраний и земских управ избирались А.Н. Всеволожский, А.А. Турчанинов и А.П. Шувалов, губернскими предводителями дворянства – М.В. Всеволожский, А.А. Турчанинов, А.П. Шувалов и П.П. Шувалов. В состав «старинных» заводчиков входили директор Императорских театров и Эрмитажа И.А. Всеволожский, киевский городской голова П.П. Демидов, президент Московского общества истории и древностей российских и воспитатель цесаревича С.Г. Строганов.

Среди «новых» заводчиков количество высокопоставленных чиновников закономерно снижается: всего семь штатских генералов (и еще пять жен генералов). Но вместе с тем и здесь были члены Государственного совета (В.Н. Охотников, В.А. Бутлеров) и Британского парламента (А. Бродген, Д. Ланкастер, Ф.Э.Б. Бомонт), петербургский городской голова В.А. Ратьков-Рожнов, председатель Петербургской земской губернской управы В.В. Меллер-Закомельский, посол С.А. Поклевский-Козелл. Уральскими заводчиками во второй половине XIX – начале XX в. стали представители новых предпринимательских родов России (Асеевы, Башмаковы, Берги, Дервизы, Злоказовы, Каменские, Пастуховы, Поклевские-Козелл, Ратьковы-Рожновы, Рукавишниковы, Солодовниковы, Хлудовы). Среди заводчиков оказались и крупнейшие в России меценаты и благотворители: С.С. Абамелек-Лазарев, И.П. Балашов, П.В. Берг, С.П. фон Дервиз, Н.П. Пастухов, А.Ф. Поклевский-Козелл, Н.М. Половцова, Н.В. Рукавишников, Д.П. Соломирский, С.Г. Строганов, В.А. Хлудов и др.

Как можно судить по динамике состава, количество и «старинных», и «новых» родов заводчиков после 1861 г. сокращалось. Так, из состава 12 «старинных» (на считывавших от трех до восьми колен) родов полностью выбыли пять (Всеволожские, Мосоловы, потомки А.Ф. Турчанинова, Губины, Лебедевы). Потомки С.Я. Яковлева, Голицыны и по одной ветви Демидовых (из трех) и Шуваловых стали акционерами, как и две из шести ветвей потомков И.С. Мясникова (Белосельские-Белозерские, Балашовы). Из девяти родов (от двух до трех колен) и четырех лиц (они не передавали заводы по наследству и не составляли родов заводчиков), которые стали владельцами горнозаводских округов в первой половине XIX в., никто не сохранил заводы в своем владении. Дворянские роды Бенардаки, Пономаревых и Шелашниковых, купеческие роды Коровиных и Подъячевых, не сумев закрепиться в уральской промышленности, выбыли в результате закрытия или продажи заводов. «Одворянившиеся» потомки купцов Расторгуевых, Ярцовых, Пастуховых и Рукавишниковых после акционирования принадлежавших им округов стали владельцами акций. Из состава «новых» заводчиков, начавших свою деятельность на Урале после 1861 г., выбыли (двухколенные) дворянские роды Башмаковых, Поклевских-Козелл, Ратьковых-Рожновых, купеческие роды Каменских, Злоказовых, Беяковых и Белиньковых, крестьян Шамовых, а также род британских дворян Бродген. Продажей, закрытием или реквизицией заводов завершилось горнозаводское предпринимательство 26 владельцев, не составивших родов; шесть таких владельцев стали акционерами. Очевидно, что сложные условия развития промышленности придали особый динамизм группе «новых» заводчиков.

В результате этих изменений проявилась тенденция к сокращению состава владельцев. Хотя их общее количество по сравнению с предыдущим периодом увеличилось почти на треть (324 чел. в 1800–1861 гг., 438 – в период с 1861 по 1917–1919 гг.), число владельцев в «рубежные» годы значительно (в 12 раз) уменьшилось (с 83 чел. в 1861 г. до 8 чел. в 1917–1919 гг.). Из «старинных» родов ко времени национализации полноправными заводчиками оставались лишь граф С.А. Строганов (Пермский майорат с Билимбаевско-Уткинскими заводами), княгиня М.П. Абамелек-Лазарева и

ее племянник граф И.С. Мещерский (совладельцы Чёрмоозских заводов), графиня Е.А. Воронцова-Дашкова (Юго-Камский округ). Они принадлежали к богатейшим аристократическим фамилиям, чем во многом и объяснялось столь продолжительное владение (без продажи или акционирования). Из «новых» заводчиков это были князь С.Е. Львов (Пожевский округ), В.А. Бутлеров (Кажимский округ), М.В. Асеев (Зигазинский округ) и З.-Г.-А. Грохольский (Залазинский округ), ставшие заводчиками уже в XX в. Известно, что некоторые из этих владельцев (в частности, С.Е. Львов и наследники С.С. Абамелек-Лазарева) в 1910-е гг. готовы были отказаться от своего права владения заводами в пользу акционерных обществ. Неакционированный Ревдинский округ П.Г. Солодовникова был реквизирован во время Первой мировой войны, а Никольский завод продан Злоказовыми кооперативному союзу в 1919 г.

Остальные уральские горнозаводские округа находились во владении акционерных обществ или в долгосрочной аренде у них (фактически приравненной к владению). Вместе с тем участниками этих обществ могли числиться и бывшие заводовладельцы, зачастую сами инициировавшие создание обществ. Таковыми ко времени акционирования оставались «нижнетагильские» наследники П.П. Демидова, «верхисетские», «алапаевские» и «невьянские» потомки С.Я. Яковлева, «лысьвенские» наследники П.П. Шувалова и «нытвенский» С.М. Голицын, «симские» Балашovy и «катав-юрюзанские» Белосельские-Белозерские, «омутнинские» Пастуховы, «кыштымские» потомки Л.И. Расторгуева, «авзяно-петровские» Бенардаки, «невьянско-алапаевские» Рукавишниковы, «шайтанские» Берги, «сысертский» Д.П. Соломирский, «инзеровский» С.П. фон Дервиз и «богословская» Н.М. Половцова. Однако их доля во владении акциями и роль в управлении постепенно снижались и переходили при продажах или эмиссиях к крупным банкам или банковско-промышленным группам. По-видимому, еще до национализации вышли из состава акционеров Д.П. Соломирский, Пастуховы и Бенардаки. Акции Южно-Уральского анонимного металлургического общества (Усть-Катавский завод), принадлежавшие К.Э. Белосельскому-Белозерскому, в 1910 г. были обращены на погашение его долгов.

Действовавшие Белорецко-Кагинский и Сергинско-Уфалейский округа находились во владении акционерных обществ без участия прежних владельцев со времени их учреждения. Изначально акционерным компаниям принадлежали и два новых горнозаводских хозяйства – Порожское (Уральское электрометаллургическое товарищество) и Таналык-Баймакское (Южно-Уральское горнопромышленное общество), – которые продолжали действовать вплоть до национализации. Таким образом, ко времени национализации 20 горнозаводских хозяйств из 28 (72%), находившихся в ведении Уральского горного управления, принадлежали уже акционерным обществам.

Столь динамично менявшийся в течение второй половины XIX – начала XX в. состав заводчиков и общее сокращение количества владельцев в результате закрытия, продаж и акционирования заводов наглядно свидетельствуют, что владение горными заводами на Урале превратилось в тот период в один из самых сложных видов предпринимательской деятельности. Роль заводовладельцев при этом существенно повышалась и становилась более значимой, чем прежде.

Изучение «практик владения» позволяет утверждать, что при всем многообразии «поведенческих» типов заводчиков (в чем отразились их роль и значение в управлении) новая эпоха в истории уральской промышленности способствовала развитию нескольких основных тенденций при формировании их обновленного исторического образа. Сложность функций владельца вела либо к его отторжению от заводов и полному освобождению от обременительных обязанностей, либо, напротив, к активному личному участию в управлении заводами.

Следствием первой тенденции становился полный отказ владельца от владения заводами посредством их закрытия или продажи (так, к примеру, поступили А.А. Грамматчиков, Дашковы, Каменские, С.С. Коссаковский, В. Рекстер-Вагстаф, И.А. Сухозанет и др.). В качестве варианта этой тенденции можно рассматривать отказ от права распоряжения заводами при сохранении права владения, что реализовывалось в получении денежной ренты, хотя и не всегда стабильной. Такими владельцами-рантье, никак не проявлявшими себя в управлении заводами, стали многие пайщики Невьянских, Алапаевских, Лысвенских и Сысертских заводов. В рамках этой же тенденции следует рассматривать и долгосрочную аренду (Всеволожские, С.М. Голицын, Сухозанеты). Отметим, что выбор владельцами какой-либо из ролей оставался в пределах тем или иным образом понимаемой ими целесообразности.

Более значимая вторая тенденция реализовалась в появлении таких незаурядных личностей из «старинных» родов владельцев, как С.Г. Строганов, С.С. Абамелек-Лазарев, П.П. Шувалов, П.М. Турчанинов, П.В. Берг, А.А. Стенбок-Фермор, Н.Н. Манзей, В.В. Петров, С.И. Волков, М.Н. Граббе и др. Они успешно сочетали государственную службу с активной предпринимательской деятельностью или отдавались ей полностью. К этому типу по некоторым характеристикам можно отнести также Балашовых, Е.П. Демидова, Д.П. Соломирского, С.А. Строганова.

Динамичное «движение» собственности, характерное для того времени, выявило нескольких способных «новых» заводчиков – приобретателей горнозаводских имений, которые серьезно и ответственно относились к своим обязанностям. В их числе можно назвать С.Д. Башмакова, С.Е. Львова, Н.П. Пастухова, Г.М. Пермикина, А.Ф. Поклевского-Козелл, В.А. Ратькова-Рожнова, В. Рекстер-Вагстафа, В.Н. Рукавишникова, П.Г. Солодовникова. К покупке уральских заводов их зачастую приводила не только готовность заняться горным делом, но и возможность развивать на огромных территориях горнозаводских округов другие, менее затратные и сложные виды предпринимательства (добыча минералов или лесная промышленность).

Новый виток горнозаводского учредительства способствовал появлению в среде уральских заводчиков и личностей «авантюрного склада». К таковым, вероятно, относились крестьянин Н.Д. Шамо́в, купцы М.И. Лукьянов и Э.В. Шпис или потомственный дворянин Х.Я. фон Таль. Энергичность, а зачастую и чрезмерная предприимчивость вообще свойственны первым поколениям предпринимателей, равно как и то, что далеко не всегда из-за отсутствия опыта или достаточных капиталов им сопутствует удача.

Для реализации своих функций большинство владельцев использовали сложившуюся еще в XVIII – первой половине XIX в. (вместе с завершением формирования горнозаводских округов и «сословия» служащих) дистанционную модель управления, получившую в рассматриваемый период дальнейшее развитие. Центральные правления, прежде, как правило, полностью зависевшие от владельца, теперь составлялись из владельцев и опытных наемных специалистов (инженеров, финансистов, профессиональных администраторов). Правления приобретали вид коллегиальных учреждений, где совместно решались сложные задачи развития заводов. Обычно они располагались в Петербурге, что не обязательно совпадало с местом жительства владельцев. Обязанности заводчиков при такой модели управления сводились к формированию компетентной администрации, контролю над финансами и участию в принятии стратегических решений.

Местные уральские заводууправления в основном сохранили свой прежний вид; пожалуй, только характерный для крепостного периода административный персонал, формировавшийся из горнозаводского населения, был оттеснен с высших должностей образованными наемными специалистами «со стороны». Это стало возможным в результате развития специального образования в России и привело к прекращению практики обучения крепостных служащих и закономерному «размытию» этого привилегированного слоя в составе горнозаводского населения.

Во второй половине XIX – начале XX в. заводчики не только стали чаще посещать свои уральские имения в целях контроля управления, но, бывало, и переселялись на постоянное место жительства на Урал. Так, в частности, поступили П.А. Всеволожский, А.Н. Всеволожский, С.Е. Львов, А.Ф. Поклевский-Козелл, Д.П. Соломирский и, что уже совсем неожиданно, намеревавшийся жить в Холунице британский барон В. Рекстер-Вагстаф. Предпринимательство зачастую оказывалось для таких владельцев основным занятием. В свое время одновременно с «одворяниванием» заводчики предпочли государственную службу, управление заводами в их деятельности переместилось на второй план. Теперь же, когда занятия предпринимательством становилось не менее престижным, чем государственная служба, самые ответственные из них преодолевали сословные предпочтения и обращались к личному управлению заводами. Такие владельцы во многом напоминали «фундаторов» уральских заводов XVIII в.

Вместе с тем среди заводчиков второй половины XIX – начала XX в. по-прежнему встречался тип расточительных и беспечных владельцев, получивших заводы, как правило, по наследству. Достоверно известно о крупных частных (зачастую карточных) долгах П.Д. Соломирского, Н.И. Пашкова, Н.Н. Всеволожского и И.А. Поклевского-Козелл, ставших причиной официального признания их банкротами. Расточительной была объявлена и Е.М. Волконская, состоявшая под опекой; известно об этой же склонности М.А. Турчаниновой. Как «беспечных» характеризовали современники владельца Холуницкого округа А.Д. Пономарева и владельца Каноникольского округа А.П. Загряжского. Граф А.В. Стенбок-Фермор поплатился опекой за вполне типичное в его кругу увлечение актрисой. С подобного же разорительного для заводов казуса начинал «карьеру» заводчика и князь С.М. Голицын.

В некоторых случаях несостоятельность владельца обуславливалась объективными обстоятельствами. Так, фактическое признание банкротами Губиных, А.И. Сухозанета, С.Д. Башмакова, Г.М. Пермикина, А.П. Демидова, К.Э. Белосельского-Белозерского явилось следствием не столько их расточительности, сколько провала предпринимаемых ими мер по возрождению заводов. Опеку над сыновьями Д.Е. Бенардаки установили за долги, образовавшиеся в результате неудачного завершения других их коммерческих предприятий. В условиях, когда горнозаводская промышленность вступила на рыночный путь с его нестабильной, а порой и непредсказуемой динамикой, в отсутствие развитой экономической науки и прогнозируемой экономической политики многие заводчики зачастую принимали стратегические решения, сопряженные с немалым, а порой и неоправданно высоким финансовым риском.

Сохранение типа «расточительных» владельцев и примеры несостоятельности даже «ответственных» заводчиков негативно влияли на развитие принадлежавших им заводов, что вело к упадку производства и обнищанию населения. Это давало дополнительный повод государству сохранять рычаги воздействия на предпринимателей, не отказываясь полностью от вмешательства в их хозяйственную деятель-

ность. Для профилактики, а порой и преодоления негативных последствий банкротства заводов во второй половине XIX – начале XX в. использовались как старые, так и новые механизмы помощи владельцам или устранения их от управления и даже владения предприятиями.

В пореформенные годы государство, как и прежде, брало в казенное управление обанкротившиеся заводы (Кнауфские, Мосоловские, Суксунские, Сергинско-Уфалейские, Сысертские), но не столько для того, чтобы спасти их владельцев, сколько для продления заводской деятельности до продажи с публичных торгов и сохранения спокойствия среди населения. Однако впоследствии казна уклонялась от подобной затратной меры, обычно наносявшей ущерб «казенным интересам». Своего рода рецидивом такой «заботы» стало казенное финансирование Холуницкого округа в начале XX в. в целях поддержки заводского населения, завершившееся для государства вынужденной покупкой заводов.

Во второй половине XIX в. сохранялась и практика устранения нерадивых заводчиков от управления посредством учреждения над заводами контроля местных дворянских опеков. Но они, как правило, не справлялись с этими обязанностями вследствие своей финансовой несостоятельности и отсутствия среди опекунов умелых администраторов. Итогом опекунского управления становилась обычно продажа заводов с публичных торгов. Такому «наказанию» подвергались, в частности, заводы А.П. Загрязского (1861 и 1868 гг.), Пашковых (1863 и 1867 гг.), П.А. Демидова (1865 г.), Всеволожских (1866 г.), Губиных (1867 г.), А.И. Сухозанета (1868 г.). Хотя некоторые из опеков продлились до 1870-х гг., в дальнейшем подобное уже не практиковалось.

Попечительства, распространенные в первой половине XIX в., вообще не учреждались; вместо них с одобрения монарха могли открываться особые опекунские управления для поддержки привилегированных заводчиков, имевших крупные задолженности перед казной. Такие опеки функционировали под контролем центральных властей с неременным участием министерских чиновников. В обязанность им вменялось не только «заведывание и управление» подопечными имениями, но и «изыскание способов уплаты обременявших оные казенных и частных долгов». Особые опеки были учреждены над имениями Пашковых (1867 г.), Всеволожских (1872 и 1876 гг.), наследников С.Д. Башмакова (1877 г.), наследников Д.Е. Бенардаки (1875 г.), К.Э. Белосельского-Белозерского (1903 г.). Они достигали своей цели главным образом посредством частичной или полной распродажи имущества должников и порой сопровождались уступками со стороны казны в сумме долга.

Казна оказывала и финансовую помощь заводчикам, как правило, если их несостоятельность признавалась возникшей вследствие не зависящих от владельца обстоятельств. Она же санкционировала залог округов в коммерческих банках. Однако зачастую такие ссуды приводили к накоплению новых невозвратных долгов и вынуждали власти либо допускать рассрочку платежей, либо принимать какую-либо из упомянутых выше мер (как это произошло, в частности, со Всеволожскими и К.Э. Белосельским-Белозерским). Казна также разрешала коммерческим банкам, а с 1847 г. и сама широко практиковала краткосрочные ссуды под залог металлов. Многим заводчикам это облегчало составление операционного капитала, но порой сопровождалось нарушениями условий залога с их стороны (Губины, Ф.П. Никифоров, М.И. Лукьянов и др.), что становилось причиной новых неурядиц.

Достаточно распространенным способом решения финансовых проблем владельцев стала также передача заводов в аренду. Эта мера применялась к Никитинским заводам Всеволожских (1865 и 1873 гг.), Уфалейским заводам Губиных

(1870-е гг.), Кажимским заводам Бенардаки (1872 г.), Нытвенским заводам С.М. Голицына (1879 и 1884 гг.), Бымовскому заводу А.П. Демидова (1889 г.), Юрюзанским заводам А.И. Сухозанета (1868 и 1873 гг.), Катав-Юрюзанским заводам К.Э. Белосельского-Белозерского (1900 г.) и др. Результативность аренды зависела от многих факторов, но в первую очередь – от добросовестности арендатора. Краткосрочные аренды (Губины, А.И. Сухозанет), как правило, наносили ущерб заводам, а долгосрочные (Всеволожские, А.П. Демидов, И.А. Сухозанет) завершались переходом заводов в собственность арендатора. Установленная на 50 лет аренда Нытвенского округа Голицыных фактически сравнялась с его владением акционерным обществом.

При безнадежных частных долгах шире стала практиковаться передача заводов в конкурсное (кредиторское) управление. Конкурсы, создававшиеся в целях реализации имущества несостоятельных должников, учреждались над именными Н.И. Пашкова и С.И. Пашкова (1872 г.), А.К. Губина и Е.К. Губина (1879 г.), Н.Н. Всеволожского (1888 г.), А.П. Демидова (1890 г.), Г.М. Пермикина (1890 г.), А.Г. Яковлева (1894 г.), И.А. Поклевского-Козелл (1902 г.). Результатом конкурсного управления становилась, как правило, распродажа заводов для хотя бы частичного погашения долговых обязательств перед кредиторами.

К началу XX в. относятся и первые случаи учреждения антикризисных администраций, тоже составлявшихся из кредиторов, но предназначенных для восстановления нормальной работы предприятий. Такие администрации действовали в Невьянском, Сергинско-Уфалейском и Богословском округах уже после их акционирования. Деятельность администрации, как правило, вела к перераспределению акций в пользу кредиторов и оттеснению бывших владельцев от управления.

В паевых товариществах обычным способом устранения безответственных совладельцев стали скупка их паев (так поступали, к примеру, Д.П. Соломирский, Е.П. Демидов) или введение особых способов подсчета голосов в Общих собраниях, дававших возможность блокировать действия подобных пайщиков. Эти меры не позволяли укорениться в составе заводчиков неспособным и безответственным владельцам, которые были характерны для всех эпох развития уральской горнозаводской промышленности.

При всем разнообразии типов ведущей тенденцией в развитии образа заводчика стала во второй половине XIX – начале XX в. его, если можно так сказать, «институционализация» в виде паевых товариществ и акционерных обществ.

Учреждение семейно-паевых товариществ оказалось достаточно действенным, хотя и не безупречным способом урегулирования вопросов владения и управления «многовладельческими именами», каковыми все чаще становились уральские горнозаводские округа в XIX в. Первыми пример такого устройства продемонстрировали «алапаевские» Яковлевы, еще в 1858 г. подготовившие «Положение об общем управлении». В отличие от «домашних актов», такие «положения» санкционировались верховной властью и вследствие этого приобретали обязательное для всех совладельцев значение. По пути создания паевых товариществ позже пошли «невьянские» (1862 г.) и «верх-исетские» (1899 г.) потомки С.Я. Яковлева, «пожевские» Всеволожские (1882 г.), «кыштымские» потомки Л.И. Расторгуева (1891 г.), «нижнетагильские» наследники П.П. Демидова (1896 г.) и «лысьвенские» наследники П.П. Шувалова (1901 г.). В расчете на будущих многочисленных наследников С.С. Абамелек-Лазарев (1905 г.) и К.Э. Белосельский-Белозерский (1915 г.) также пытались учредить семейно-паевые товарищества, но санкции на это не получили.

Упорядочивая владение и управление, паевое товарищество как организационная форма не лишала совладельцев их статуса и прав, а это существенно ограничивало оперативность действий выборных правлений, особенно при решении стратегических задач, требовавшем общего согласия. Кроме того, сохранявшаяся при этой форме индивидуальная ответственность многочисленных совладельцев за результаты управления затрудняла получение ипотечных ссуд и частных инвестиций, в том числе иностранных. Поэтому создание паевых товариществ оказывалось лишь первым шагом на пути «институционализации» и обычно предшествовало акционированию, которое устраняло не только эти ограничения в распоряжении заводами, но при необходимости позволяло получить и дополнительные выгоды. В специальной литературе акционирование уральских горнозаводских округов рассматривается в основном с точки зрения перехода их под контроль финансового капитала. Хотя акционирование в большинстве случаев действительно приводило к такому итогу, задумывалось оно заводчиками, как правило, с иными целями, от которых зависели и его разнообразные формы.

Некоторые владельцы (в частности, потомки С.Я. Яковлева и Л.И. Расторгуева) провели акционирование, чтобы облегчить управление и принятие оперативных решений, а также упростить залог заводов в ипотечном банке. Первоначально сохранив за собой все акции, такие заводчики не утрачивали своего влияния на заводы, которыми распоряжалось составленное ими правление. Акционирование Нижнетагильских и Луньевских заводов помогло Е.П. Демидову в союзе с дружественным ему банком освободиться от обременительного влияния совладельцев и рассчитаться с ипотечным долгом.

Другие заводчики (потомки А.Ф. Турчанинова, Пастуховы) соглашались на акционирование в тяжелой финансовой ситуации, когда передача части владения новым участникам посредством продажи акций могла принести дополнительный капитал и улучшить положение заводов. Иногда владельцы рассчитывали достичь того же эффекта, не поступаясь при этом своими правами и имуществом. Так сделала, к примеру, Н.М. Половцова (действиями которой руководил ее талантливый муж А.А. Половцов), первоначально сохранив все акции Богословского округа за собой, но выпустив в продажу облигации созданного акционерного общества, которые не давали их покупателям права распоряжаться имуществом и участвовать в управлении заводами. Аналогичным образом намеревались поступить и наследники П.П. Шувалова. Их проект акционирования Лысьвенского округа оказался еще универсальнее. Посредством выпуска облигаций предполагалось составить крупный капитал, а передачей некоторого количества «привилегированных» акций кредиторам погасить частные долги. Вместе с тем контрольный пакет акций оставался за прежними владельцами, которые в этом случае не утрачивали своей доминирующей роли в управлении.

Иногда акционерные компании составлялись специально для приобретения дорогостоящих горнозаводских округов. Так, Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов, купившее одноименный округ в 1882 г., было создано именно в целях образования покупной суммы и отсутствовавшего у заводов оборотного капитала. Общество Белорецких заводов, к которому в 1874 г. перешло имение разорившихся Пашковых, возникло также и для расчета посредством акций с кредиторами бывших владельцев. Две первые на Урале акционерные компании – Товарищество Суксунских заводов (1848 г.) и Компания Кнауфских заводов (1853 г.), – созданные самими кредиторами для возврата долгов, не сумев сформировать оборотный капитал, в тяжелые пореформенные годы обанкротились и были ликвидированы.

Можно с уверенностью утверждать, что акционирование явилось вполне закономерным результатом нового индустриального этапа развития уральской горно-заводской промышленности, требовавшего большей оперативности управления предприятиями и огромных капиталовложений. Заводчиками оно рассматривалось как вынужденный, но, пожалуй, и самый эффективный способ преодоления все нараставших трудностей. Однако, способствуя решению многих проблем, акционирование имело неизбежное при любом его варианте следствие: оно лишало заводчиков статуса владельцев, передавая его акционерным компаниям как сообществам владельцев акций. Большинство бывших заводчиков уступали свои ведущие позиции в учрежденных ими (или с их участием) закрытых или открытых акционерных компаниях крупным банкам или банковско-промышленным группам. Именно за такими акционерными обществами, на наш взгляд, было будущее уральской горно-заводской промышленности, если бы в России сохранились условия для развития частного предпринимательства.

Общая эволюция уральских заводчиков, таким образом, в целом повторяла типичный для крупного предпринимательства путь от индивидуальных владельцев – организаторов производства, характерных для периода становления промышленности, до акционерных обществ в роли владельцев, что свойственно периоду развитой промышленной деятельности. Комплексное изучение «практик владения» свидетельствует, что вектор этого макроисторического процесса определялся действием объективного фактора (в первую очередь начавшейся индустриализацией), а влияние субъективного фактора (в первую очередь действия заводчиков) сказывалось на его темпах и отражалось на специфике организационных форм на микро-уровне отдельного горнозаводского округа.

На своем заключительном, прерванном революцией и национализацией этапе истории уральской горнозаводской промышленности эволюция образа владельца, как представляется, близилась к своему естественному завершению: большинство частных горнозаводских хозяйств переходили к акционерным обществам с доминированием в их составе крупных промышленных или финансовых организаций. Уральские заводчики постепенно утрачивали не только присущее им типовое разнообразие, но и свой персонифицированный облик.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза А.А. (Демидова, Сумарокова-Эльстон) 46, 57
Абаза А.А., министр финансов (1880–1881) 146, 194, 420, 561
Абаза А.Д. (ур. Бенардаки) 413, 420
Абаза Н.С., опекун 247
Абамелек А.М. 300
Абамелек (Абамелек-Лазарев) С.Д., князь 289–294, 361
Абамелек (Абамелек-Лазарева) Е.Х., княгиня, заводчица 289, 290, 292, 294, 295
Абамелек-Лазарев С.С., князь, заводчик 4, 25, 27–29, 31, 34, 36, 39, 40, 208, 289, 294–302, 305, 620–622, 625
Абамелек-Лазарева Е.С., см. Олсуфьева Е.С.
Абамелек-Лазарева М.П. (ур. Демидова), княгиня, заводчица 5, 10, 12, 23, 21, 25, 27, 28, 42–44, 289, 296, 298–306, 620
Абамелек-Лазаревы 4, 10, 28, 38, 39, 244, 292, 299, 306
Абамелеки 292, 294
Авдулин А.Н., генерал-майор 86, 91
Авдулин С.А., заводчик 86, 87, 91, 92, 104
Авдулина В.А., заводчица 86, 87, 89, 91, 104, 112, 113, 119
Авдулина Е.С. (ур. Яковлева) 85, 86, 91, 96, 104
Авдулина М.А., заводчица 86
Авдулины 92, 112
Аверьянов Д.Ф., управляющий 395
Агров Н.Н., член комиссии 390
Азанчеев Ю.Д., вице-директор Горного департамента 510
Азарьева М.А., заводчица 108, 109
Айвазовский И.К., художник 294
Акифьева Н.В., историк 6, 10, 226, 407
Аксаков С.Т., писатель 319, 571
Аксакова-Сиверс Т.А., мемуарист 566
Аксельрод А.Е., директор кредитной канцелярии 210
Аленинская О.А. (Демидова) 46, 48
Александр II 19, 48, 67, 74, 176, 214, 217, 275, 278, 282, 316, 321, 349, 352, 381, 414, 420, 439, 442, 462–464, 485, 495, 496, 526, 548–550, 552, 554
Александр III 52, 75, 111, 146, 175, 189, 193, 374, 389, 448, 527, 554, 556
Александр Александрович, см. Александр III
Александров, подпоручик 542, 543
Алексеев В.В., историк 4, 9
Алексеева Е.В., историк 9
Алфераки А.Н., городской голова Таганрога 146
Алфимов, приказчик 310
Альбрехт А.К., заводчик 86, 87
Альбрехт В.С. (ур. Яковлева), заводчица 85, 86, 94, 96, 104, 112, 114
Альбрехт Е.К. (Трувеллер), заводчица 86, 89
Альбрехт К.И., заводчик 86–88, 94
Альбрехт М.К., заводчик 86–88, 94, 104, 114
Альбрехт О.К. (фон Рейтерн), заводчица 86, 89
Альбрехт С.К., см. Поливанова С.К.
Альбрехты 87, 88
Ананьич Б.В., историк 427
Андреевский А.В., управляющий 317, 318
Аносов А.П., учредитель компании 594, 595
Аносов Н.М., актарский купец 502, 504, 514, 515
Аносовы 506
Антонов В.В., историк 587
Анцыферов Н.Н., поверенный 60, 219
Апраксин В.В., камергер 160
Апраксина А.М. (ур. Пашкова), заводчица 159, 160, 163
Апраксина М.А. (Стенбок-Фермор), графиня 75–79
Арандаренко В.И., директор Горного департамента 208
Ардабацкий Е.Н., историк 587
Ардашев А.А., нотариус 501
Арманд Е.Е., член правления 597
Арсентьев В.М., историк 6
Арсентьев Н.М., историк 6
Артемов, инженер 542
Архангельский, комиссар 543, 545
Архипов М.Л., заводчик 587, 588
Арцыбушев И.М., член комиссии 375
Асеев В.Т., фабрикант 584
Асеев М.В., заводчик 584, 587, 621
Асеев Н.П., поверенный 133
Асеевы 620
Астафьева Л.Д. (ур. Пономарева) 477
Асташев В.И. 73
Астье К.-А., акционер 232
Ауэрбах А.А., управляющий, член правления 247, 255, 546, 553, 554, 558–562, 564, 585
Ауэрбах К.И., управляющий 574

- Ауэрбах С.П. (ур. Бергхольц) 560
 Афанасьев П.Ю., историк 427
 Афонасьев А.П., управляющий банковской конторой 351
 Афросимов А.М., член комиссии 375
- Бабель Б.Э.**, управляющий 405
 Бабушкин А.Д., церковный староста 465
 Бажов П.П., писатель 9
 Базилевская Н.П. (ур. Волконская), заводчица 112, 114, 115, 131–133
 Байдаuletова А.Ф., историк 4, 10
 Байо-де-Гоезе М.Ф. (ур. Чернышева, в первом браке – де Питерс-Игарс), баронесса, заводчица 92, 96, 98, 112
 Баканин, приказчик 293
 Балакиришкин Н.И., опекун 105, 116
 Баландин А.С., енисейский купец 270
 Балашов А.А., заводчик 137–140, 142
 Балашов А.А. 142
 Балашов А.Д., заводчик 137, 138
 Балашов А.М., историк 579
 Балашов А.Н. 137, 146, 148
 Балашов Д.А. 137
 Балашов И.А., заводчик 137, 138
 Балашов И.П., заводчик 137, 138, 140–148, 178, 183, 184, 190, 420, 620
 Балашов Н.П., заводчик 137, 138, 140–142, 145–149, 178, 242, 252, 253, 259, 619
 Балашов П.А., заводчик 137–140, 142
 Балашов П.А. 142
 Балашов П.Н. 137, 146–148, 258
 Балашова А.В. (ур. Левашова) 142
 Балашова А.И. (ур. Паскевич-Эриванская) 137, 138, 140, 147
 Балашова Е.А. (ур. Шувалова), заводчица 137, 146, 242, 245, 246, 248, 249
 Балашова М.Г. (ур. Кантакузина), заводчица 250, 258, 260–264
 Балашовы 8, 137, 139–145, 147, 149, 177, 178, 184, 185, 212, 246, 620–622
 Бальзак де О., писатель 169
 Банковский А.Ф., опекун 104
 Баранов В.О., опекун 550
 Баранов С.М., историк 594
 Баранов фон Н.К., поручик 86, 89, 94
 Баранова фон М.К. (ур. Альбрехт), заводчица 86, 89, 94, 104, 113, 114, 119
 Баранова фон М.Т., см. Пашкова М.Т.
 Барановский Е.И., оренбургский губернатор 321
 Барант де А., барон, член правления 279
 Баратова Д.С., см. Яковлева Д.С.
- Барклай-де-Толли-Веймарн Е.Ф. (ур. Чернышева), княгиня, заводчица 92, 96, 112
 Баркова П.И. (Турчанинова) 341
 Барруен Ш., директор 230
 Барятинская Е.В., см. Шувалова Е.В.
 Барятинская М.С. (ур. Башмакова, в первом браке – Свечина), княгиня, заводчица 9, 74, 75, 85, 545, 549
 Барятинская Н.А. (ур. Стенбок-Фермор), княгиня, заводчица 75, 76, 78, 80, 82
 Барятинская О.В., княгиня 15
 Барятинский А.В., князь 554
 Барятинский В.А., князь 75
 Барятинский В.В., князь, мемуарист 9, 85
 Батманова А.М. (ур. Турчанинова), заводчица 339, 342, 343, 347
 Батурин А.Д., консул 549
 Батурина Е.А. 554
 Батурина М.Д. (ур. Башмакова), опекунша 549, 554
 Бахметьев Б.А., ученый-гидродинамик 593
 Бачинский, управляющий 462, 463, 467
 Башкевич В.М., управляющий 115
 Башмаков А.Д., опекун 546, 550, 552
 Башмаков Д.Е., таврический предводитель дворянства 545
 Башмаков С.Д., заводчик 545–551, 553, 557, 558, 622–624
 Башмаков С.С., заводчик 545, 549, 554
 Башмакова В.К. (ур. Шмидт) 545, 549
 Башмакова В.С., заводчица 545, 549, 554
 Башмакова Л.С., см. Нагорнова Л.С.
 Башмакова М.С., см. Барятинская Л.С.
 Башмаковы 554, 620
 Безак А.П., оренбургский генерал-губернатор 441
 Безобразов В.М., полковник 75, 80
 Безобразов В.П., экономист 65, 71, 73, 84, 143, 149, 170, 171, 337, 348, 403, 407, 428, 436
 Безобразов М.А. 174, 178, 179, 181, 182
 Безобразова А.И. (ур. Сухозонет) 174, 182
 Безобразова Е.Н. (Демидова) 46, 48
 Безобразова Н.В. (ур. Стенбок-Фермор), заводчица 75, 76, 78, 80
 Бейгель А.Ф., заводчик 588
 Белдыцкий Н.П., краевед 599
 Белинский В.Г., критик 395
 Белинцов В.М., рудопромышленник 590
 Белинцов И.М., заводчик 590
 Белинцов М.Г., заводчик 364, 589, 590
 Белинцовы 587, 590, 620
 Белобородов С.А., историк 136

- Белов А.В., горный инженер 198, 599
Белов В.Д., управляющий 16–19, 22, 24, 187, 283, 284
Белова Л.А., историк 10
Белоновский, опекун 439
Белосельская-Белозерская А.Г. (ур. Козицкая), княгиня, заводчица 174
Белосельская-Белозерская Е.Э., княжна 211
Белосельская-Белозерская Н.Д. (ур. Скобелева) 187, 188, 619
Белосельская-Белозерская О.А. (ур. Базилевская), княгиня 211
Белосельские-Белозерские 137, 159, 176, 177, 188, 189, 199, 205, 212, 394, 620, 621
Белосельский-Белозерский А.М., князь 174
Белосельский-Белозерский К.Э., князь, заводчик 19, 144, 145, 159, 160, 163, 164, 177, 184–211, 282, 284, 412, 420, 487, 619, 621, 623–625
Белосельский-Белозерский С.К., князь 188, 196–199, 211
Белосельский-Белозерский С.С., князь 211
Белосельский-Белозерский Э.А., князь 140, 174, 188
Белосельский-Белозерский Э.К., князь 188, 211
Белоусов М.Д., окружной инженер 222, 474, 597
Бельская М.П., графиня 23
Беляев, управляющий 371
Беляева И.М., историк 10
Беляков И.И., заводчик 587, 588
Беляков И.П., заводчик 587
Беляковы 587, 620
Бекетов И.П., заводчик 138
Бекетова Е.Н. (Всеволожская) 266
Бекетова Е.П. (Балашова) 137, 138
Бекетова И.И., заводчица 137
Бенардаки 48, 423, 424, 426, 620, 621, 625
Бенардаки А.Д., см. Абаза А.Д.
Бенардаки Д.Е., заводчик 6, 10, 145, 190, 268, 413–423, 425, 427, 428, 433, 434, 518, 571, 586, 623, 624
Бенардаки Д.Н., заводчик 413, 426, 427
Бенардаки К.Д., заводчик 413, 420, 423–426
Бенардаки Л.Д., заводчик 413, 420, 423
Бенардаки Л.Д. 413, 420
Бенардаки М.А. (ур. Леброк), заводчица 413, 424, 426
Бенардаки Н.Д., заводчик 413, 420, 423–426
Бененсон Г.И., директор банка 346
Бенкендорф А.К., граф 258
Бенкендорф А.Х., граф, начальник III отделения 57, 189
Бенкендорф Л.А. 58
Бенкендорф С.А. (Демидова, Кочубей), графиня 46, 57
Бенкендорф С.П. (ур. Шувалова), графиня, заводчица 250, 258–264
Бентхен В.В., управляющий 271
Бер П.А., барон 134
Берг А.П., заводчица 403
Берг В.П., заводчик 392, 402–407
Берг Н.К., опекун 368
Берг О.И. (ур. Ярцова), заводчица 402, 403
Берг О.П., заводчица 403
Берг П.В., заводчик 156, 392, 402–407, 620, 622
Берг С.П., заводчик 392, 403–407
Берги 6, 10, 403, 406, 407, 620, 621
Бергман И.И., член правления 564
Берд Ф.К., петербургский заводчик 413
Бердинский И., купец 319
Бердников И.Л., яранский купец 59
Бибииков, компаньон 274
Бибиикова Е.П., см. Кочубей Е.П.
Бирюков, секретарь 317
Бистром М.Н. (ур. Яковлева), заводчица 103–110, 119
Бисярин, доверенный 163
Благин, уфимский комиссар 210
Блинов, торговец солью 241
Блумберг Ф., заведующий лесоустройством 208
Блюммер У., уполномоченный 479
Бобринская Е.П. (ур. Шувалова), графиня, заводчица 250, 258–264
Бобринская Н.А. (ур. Половцова), княгиня 555, 565
Бобринский А.А., граф, министр земледелия (1916) 565
Бобринский А.А., граф 258, 263
Бобринский А.П., граф, министр путей сообщения (1872–1874) 494, 495
Богданов И.А., историк 85
Богданов С.В., историк 85, 146, 168, 476
Богданович Е.В., чиновник по особым поручениям 66, 288
Богдановский, губернский секретарь 156
Боглевская П.А. (ур. Турчанинова), заводчица 340–343, 347
Боглевский М.А. 340
Богоявленский С., присяжный поверенный 82
Богушевская М.А. (ур. Авдулина), заводчица 87, 89, 91, 104, 112, 113, 119

- Богушевский Д.В., ротмистр 87, 89
 Боклевский П.П., главный начальник уральских заводов (1897–1912) 81, 130, 167, 171, 318, 319, 345, 346, 376, 406, 425, 474–476, 507, 508, 591, 598, 600, 603, 604
 Бологовский Н.Н., опекун 340
 Бомонт Ф.Э.Б., заводчик 488, 491, 620
 Бонапарт Ж., вестфальский король 13
 Бонапарты 44
 Бонари, сенатор 32
 Боннардель Ж., акционер 232
 Бороздина О.Н. (Мосолова), заводчица 320
 Борх А.М., граф 140
 Борх С.И. (ур. Лаварь), графиня 172
 Борхи 48
 Ботышев Ф.М., горный инженер 358
 Боханов А.Н., историк 545
 Браницкий К., граф 239
 Бродген А., заводчик 163, 487, 488, 491, 492, 496, 620
 Бродген А., заводчица 491
 Бродгены 620
 Брок П.Ф., министр финансов (1852–1858) 456, 580
 Бронин, купец 364
 Брусицын К.Л., заводский исправник 379, 383, 461, 464
 Брюлло, академик 331
 Бугаева С.Я., историк 44
 Будберг А.А., барон, начальник канцелярии прошений 605
 Будде В.Ф., поверенный 38
 Буденгот А., член правления 230
 Буксгевден А.А., барон, душеприказчик 304
 Булгакова Е.А. (Соломирская) 338
 Булычева М.А. (ур. Шувалова), заводчица 242, 245, 246
 Бунге Н.Х., министр финансов (1881–1886) 561
 Буранов Ю.А., историк 3, 9, 43, 44–46, 80, 84, 85, 101, 102, 133, 136, 137, 149, 174, 212, 213, 226, 235, 265, 266, 288, 346, 347, 348, 370, 401, 407, 413, 427, 437, 565, 566, 585, 587, 599, 607
 Бурмовский, залогодержатель 452
 Бурнашев П.М., советник 308, 382
 Буслов Г.В., доверенный 429
 Бутеро-Родали В.П. (ур. Шаховская, в первом браке – Шувалова, во втором – Полье), княгиня, заводчица 214, 219, 236–238, 240, 244
 Бутеро-Родали Г., князь 236
 Бутлеров А.М., химик 571
 Бутлеров В.А., заводчик 426, 518, 571–573, 620, 621
 Бутурлин Н.Н., подполковник 163
 Бутурлина О.М. (ур. Пашкова), заводчица 159, 160, 163
 Бушуев И.Н., крестьянин 319
 Бушуев К.Н., крестьянин 319
 Бушуев М.С., крестьянин 319
 Бушуев Н.С., крестьянин 318
 Бушуев Я.Ф., управляющий 225
 Быков В.П., инженер 455
Вавилов, купец 59, 577
 Вагнер А.В., компаньон, опекун 68, 69, 181, 428
 Вагстаф, см. Рекстер-Вагстаф В.
 Вадарская М.Н. (ур. Злоказова, в первом браке – Бекетова) 588, 589
 Вайт Д., управляющий 164, 166, 491
 Валенков П.Ф., муромский заводчик 603, 605, 606
 Валуев П.А., министр внутренних дел (1861–1868), министр государственных имуществ (1872–1879) 9, 168, 188, 191, 212, 239, 322, 324, 427, 433, 454, 467, 547, 548, 550, 552
 Вандышев К.А., заводский исправник 524–526
 Вандышев С.А., заводский исправник 160, 323, 411
 Варенцов А.П., заводчик 109, 110
 Варенцов Д.Д., заводчик 109, 110, 121
 Варенцов Е.А., заводчик 109, 114, 121
 Варенцов Н.А., мемуарист 9, 578, 579
 Варенцов Н.Д., заводчик 109, 114, 121
 Варенцова О.А., см. Яковлева О.А.
 Варенцовы 114, 121
 Вериге С.Ю., инженер 144
 Варгас-де-Бодемар А.Р., доверенный 238, 239, 242
 Варламов К.А., актер 96
 Варшавская, княгиня, см. Паскевич-Эриванская Е.А.
 Васильев, опекун 236
 Васильев Е.В., член комиссии 377
 Васильев И.М., управляющий 301
 Васильчиков А.И., князь 220
 Васильчикова Е.А. (Строганова), княжна 213, 220
 Васильчикова Т.Д. (Строганова), княжна 213
 Васильчикова Т.В. (ур. Пашкова), княгиня 168

- Вейде фон-дер М.Я., опекун 104, 105, 110, 120
- Веймарн А.Ф., управляющий 236
- Веймарн фон Е.Н. (ур. Трувеллер) 101
- Великанов, петербургский купец 331
- Велио М.М. (ур. фон Рейтерн) баронесса, заводчица 94, 96, 98
- Вердеревский, опекун 367
- Вересаев В.В., историк 273
- Верецагин, инженер-технолог 541
- Вернадский И., акционер 145
- Веселовский В.В., член комиссии 375, 377
- Вешняков В.И., товарищ министра государственных имуществ 193
- Виардо П., певица 555
- Видякин, лесничий 70
- Винберг К.Ф., член правления 368, 529
- Виноградов, титулярный советник 156
- Виньи де А., поэт 172
- Виткинд С.Я., инженер 134
- Витте С.Ю., министр финансов (1893–1903) 9, 198, 206, 501, 502, 522, 534, 535
- Владимир Александрович, великий князь 93, 385
- Владимиров П.П., заводский исправник 352
- Владимирский, инженер 195
- Владыкин, управляющий 28
- Вогау 38, 158, 210, 407, 411, 412, 598
- Вогау М.Г., главный распорядитель 411
- Вогау М.М., основатель торгового дома 411
- Вознесенский, председатель комиссии 543
- Воинов Л.С., управляющий 390–392
- Волков, купец 59, 577
- Волков А.С., заводчик 90, 91, 98, 111, 112, 118, 121, 130
- Волков М.С., заводчик 90, 111
- Волков С.И., генерал от инфантерии 90, 118, 119, 120, 622
- Волкова Е.Н. (ур. Манзей), заводчица 90, 111, 118
- Волкова О.С., заводчица 90, 91, 96, 98, 111
- Волкова С.Н. (ур. Манзей), заводчица 90, 91, 94, 96, 98, 111, 133
- Волкова С.С., заводчица 90, 91, 94, 98, 111, 112
- Волков-Манзей С.М., заводчик 90, 96, 112
- Волковы-Манзей 97, 98, 100, 102
- Волконская А.А. (ур. Балашова), княгиня 137
- Волконская А.И., княгиня 141
- Волконская Е.М. (ур. Шипмарева), княгиня, заводчица 87, 89, 94, 104, 105, 112, 114, 119, 120, 127, 623
- Волконская М.А. (Стенбок-Фермор), княгиня, заводчица 75, 76, 78, 79
- Волконский В.В., князь, заводчик 79
- Волконский В.В., князь 75, 79
- Волконский В.В., князь, заводчик 79
- Волконский В.М., князь, опекун 205
- Волконский Г.П., князь, душеприказчик 14
- Волконский М.В., князь 79
- Волконский Н.П., князь 112, 114
- Волконский П.Г., князь 87, 112, 115
- Володимиров В.П., доверенный 119
- Вольме Н.П. (ур. Волконская) 112, 114, 115
- Вольский В.А., лесной ревизор, член комиссии 377, 390, 596
- Вольстедт И.И., управляющий 21
- Воробьев К.П., астраханский купец 432
- Воронов, инженер 52
- Воронцов М.С., светлейший князь, наместник на Кавказе (1844–1854) 239, 246
- Воронцова Е.К. (ур. Браницкая), графиня 239
- Воронцов-Дашков И.И., граф 258
- Воронцов-Дашков И.И., граф, министр двора и уделов (1881–1897), наместник на Кавказе (1905–1919), опекун 19, 30, 73, 79, 146, 239, 242, 243, 277, 284
- Воронцова-Дашкова В.Д. (ур. Орлова), графиня, заводчица 250, 258, 260–264
- Воронцова-Дашкова Е.А. (ур. Шувалова), графиня, заводчица 242, 245, 248, 249, 619, 621
- Воронцовы-Дашковы 246
- Вражский А.А., помещик 169
- Всеволожская Е.А., заводчица 267–270
- Всеволожская Е.А. (ур. Жеребцова), заводчица 274, 276, 277
- Всеволожская Е.Д. (ур. Волконская) 557
- Всеволожская Е.Н. (ур. Трубецкая) 273
- Всеволожская Л.А. (ур. Талызина), заводчица 272
- Всеволожская Л.Б., генеалог 273
- Всеволожская Л.В., см. Сухова Л.В.
- Всеволожская Н.П. (ур. Соломирская) 274, 277, 338
- Всеволожская О.В., см. Кикина О.В.
- Всеволожская С.В., см. Татарнинова С.В.
- Всеволожская С.В., заводчица 272, 273
- Всеволожская С.И. (Граббе) 93
- Всеволожские 6, 16–18, 190, 214, 229, 250, 266–268, 270, 273, 278, 281–288, 324, 567, 620, 622, 624, 625
- Всеволожский А.В., заводчик 266–271, 276–279, 281, 285, 567

- Всеволожский А.В., заводчик 272, 273, 566, 567
 Всеволожский А.Н., заводчик 274–281, 286–288, 619, 620, 623
 Всеволожский В.А., заводчик 267, 269–271
 Всеволожский В.А., заводчик 267–273
 Всеволожский В.В., заводчик 272, 273
 Всеволожский В.А., заводчик 266, 271
 Всеволожский В.Н., заводчик 274, 276, 279, 284–287
 Всеволожский Д.А., заводчик 267–273, 277
 Всеволожский И.А., заводчик 93, 146, 267–271, 557, 620
 Всеволожский М.В., заводчик 42, 271–273, 620
 Всеволожский Н.В., заводчик 16, 18, 266, 267, 269, 274–280, 285, 288
 Всеволожский Н.Н., заводчик 18, 250, 251, 274, 276, 281, 286–288, 557, 623, 625
 Всеволожский П.А., заводчик 267–271, 280, 281, 623
 Вышнеградский И.А., министр финансов (1887–1892) 192, 194, 374
 Вяткин М.П., историк 3, 9, 85, 101, 102, 149, 266, 306, 566, 568, 571
- Гавлин М.Л.**, историк 226
 Гаврилов В.С., управляющий 84
 Гаврилов Д.В., историк 4, 9,
 Гаврилюк В.В., лейтенант 96, 98
 Гаврилюк Е.К. (ур. Рукавишникова) 95, 96, 98
 Гагарин А.П., князь, заводчик 76, 78, 79, 106, 111
 Гагарин Г.П., князь 289, 295
 Гагарин Д.П., князь, заводчик 76, 111
 Гагарин П.Д., князь 75, 76
 Гагарина А.А. (ур. Стенбок-Фермор), княгиня 75, 76, 110, 115
 Гагарина Е.А., княгиня 554
 Гагарина Е.С. (ур. Абамелек-Лазарева), княгиня 289, 295, 298, 300
 Гагарины 110, 119
 Газенвинкель, подрядчик 359
 Гайль С.А., горный инженер 538
 Гаммершмидт Р.Б., член правления 564
 Ганецкий А.Н. 61
 Ганри-Пелиго, член правления 279
 Ганская Э.А. (ур. Ржевусская), графиня 169
 Гардер А.А. 556
 Гардер Л.И. 556
 Гарелин Н.М., фабрикант 436
 Гарелина Ф.Н., см. Пастухова Ф.Н.
- Гарель А., член правления 230
 Гаррисон, инженер 400
 Гартван Р.Я., управляющий 518
 Гартман М.К. (ур. Белосельская-Белозерская) 188, 211
 Гасперович В., историк 5, 10, 306
 Гассельблат А.Е., управляющий 583, 586
 Гассельблат Г.В., генеалог 586
 Гейне В.М. (ур. Варенцова), заводчица 109, 114, 121
 Гендриков В.А., граф, обер-церемониймейстер 76, 80, 82, 130, 132–134
 Гендрикова А.В. (Балашова), графиня 137, 148
 Гендрикова А.В., графиня 113
 Гендрикова С.П. (ур. Гагарина), графиня, заводчица 76, 78, 79, 82, 111, 113, 121, 130, 132, 133
 Гендриковы 133, 134
 Герасимов, уездный исправник 66
 Гернгросс Н.А., опекун 421
 Герстфельд Н.Э., опекун 243, 244
 Гессен, опекун 66, 68
 Гибнер Н.Р., акционер 121, 133
 Гибнер Р.Ф., заводчик 107, 110, 121
 Гилев Ф.В., лесничий, мемуарист 9, 221, 222
 Гилпин Л., историк 496
 Гильтон Я.Е., управляющий 165
 Гиндин И.Ф., историк 133, 137
 Гинкулова О.К. (ур. Томашева, в первом браке – Турчанинова), заводчица 341–343
 Гинцбург И.Е., банкир, основатель торгового дома 58, 368
 Гинцбург Г.Г., барон, член правления 368
 Гинцбург Г.О., барон, член правления 368
 Гинцбурги 73, 368
 Гитшов А.А., директор компании 380
 Гладкова А.И. (Голицына), певица 227, 229, 235
 Гладышев М.М., инженер-механик 574
 Глазберг Н.Б., присяжный поверенный 134
 Глазов П.А., заводчик 451, 452
 Глауэр фон С., стряпчий 68
 Глебов А.И., заводчик 466
 Гликман, предприниматель 235
 Глинка В.А., главный начальник уральских заводов (1837–1856) 71, 437
 Глумилина Н.М. 571
 Глушков А., купец 608
 Глушков А.В., пермский купец 607, 608
 Глушков И.В., дедюхинский купец 608
 Гогенлое-Кирхберг, принц, вюртембергский посланник 13

- Гоголь Н.В., писатель 420, 428
Голдин В.Н., библиофил 576
Голенищев-Кутузов-Толстой П.П., князь, опекун 21, 23, 32, 282
Голицын А.Д., князь, мемуарист 9, 235, 346–348
Голицын А.Ф., князь, опекун 140, 440
Голицын Б.Ф., князь 22
Голицын В.Д., князь 160
Голицын Г.С., князь 93
Голицын М.А., князь, заводчик 227, 228
Голицын М.С., князь 227
Голицын С.М., князь, заводчик 192, 219, 227–235, 238–244, 265, 362, 458, 621–623, 625
Голицын С.С., князь 227, 235
Голицына А.И., см. Гладкова А.И.
Голицына И.С., княжна 227, 235
Голицына М.И. (ур. Долгорукова, во втором браке – Остен-Сакен), княгиня, заводчица 227, 228
Голицына М.М. (ур. Пашкова), княгиня, заводчица 159, 160, 163
Голицына М.Ф. (ур. Орлова-Денисова, в первом браке – Мусина-Пушкина), княгиня, заводчица 93, 94, 96, 98, 100, 113
Голицыны 5, 8, 214, 227, 228, 233, 235, 620, 625
Головнин Я.Г., капитан-лейтенант 394, 395
Головина А.П., заводчица 394–397
Головины 397
Голохвастова Н.В., историк 5, 10
Голубцов В.В., генеалог 171
Горбунов В.А., акционер 173
Горчаков А.И., князь 546
Горчаков К.А., князь 555
Горчакова В.А. (ур. Суворова-Рымникская, в первом браке – Башмакова), княгиня 545, 546, 549, 550
Горюшин А.С., московский купец 601, 605
Гостунский А.Н., инженер-технолог 572
Готшалк Г.К., лесничий 256
Граббе А.Ф. (ур. Орлова-Денисова), графиня 93, 113
Граббе Е.Н. (Белосельская-Белозерская), графиня 211
Граббе К.В., граф 96
Граббе Н.П., граф, генерал-лейтенант 93
Граббе-Никитин А.Н., граф, заводчик 93, 96, 98, 113
Граббе-Никитин М.Н., граф, заводчик 93, 96, 98, 113, 121, 130, 622
Граббе-Никитин Н.Н., граф, заводчик 93, 96, 113
Граббе-Никитины 94, 100
Граве Н.В., председатель конкурсного управления 368
Грамматчиков А.А., заводчик 455, 457–459, 622
Грамматчиков В.А., управляющий 28, 32
Грамматчиков В.Н., горный инженер 295, 301
Грамматчиков Н.А., управляющий 144, 363, 384–389
Грасман В.Ф., инженер-технолог, опекун 68, 363–365
Граф С.А., управляющий 186, 189, 193
Гребнева М.А., см. Турчанинова М.А.
Грезин И., историк 188
Грейг С.А., государственный контролер (1874–1878), министр финансов (1878–1880) 178, 194, 423, 551
Греческий, принц 189
Грибоедов А.С., поэт 141, 266, 424
Григорович Д.В., писатель 395
Григорьев Ф.Н., горный инженер 572
Григорьев В.А., историк 6, 10, 427
Громов В.Ф., лесопромышленник 533
Громов И.Ф., лесопромышленник 533, 537
Грот, техник 541
Гротен М.Ф., заводчик 407, 580
Грохольский З.-Г.-А., граф 517, 621
Грузинов А.С., историк 4, 10, 306
Грум-Гржимайло В.Е., инженер, заводчик 9, 19, 32, 44, 45, 91, 96, 98, 102, 111, 135
Грум-Гржимайло С.Г., мемуаристка 9, 44, 45, 96, 102, 135
Губастов К.А., генеалог 102, 135
Губин А.К., заводчик 349, 356, 359, 366–368, 625
Губин Е.К., заводчик 349, 356, 359, 361, 365–368, 625
Губин К.М., заводчик 349, 353, 354, 365, 369
Губина А.И., см. Ушакова А.И.
Губина А.К., см. Толстая А.К.
Губина З.К., см. Нарышкина З.К.
Губины 68, 349, 350, 352, 353, 359, 365, 487, 620, 623–625
Губонин П.И., предприниматель 546
Гувер Г., горный инженер, директор компании, президент США (1929–1933) 607
Гудков Г.Ф., историк 84, 149, 168, 171, 173, 188, 319, 325, 401, 412, 413, 497, 586, 587, 590, 594
Гудкова Е.И. (Мордвинова) 92
Гудкова З.И., историк 84, 149, 168, 171, 173, 188, 319, 325, 401, 412, 413, 497, 586, 587, 590, 594

- Гудович В.В., граф 76, 119, 130, 133
 Гудович Н.П. (ур. Гагарина), графиня, заводчица 76, 78–80, 82, 111, 113, 121, 130–133
 Гудовичи 133, 134
 Гужон Ю.П., учредитель компании 594, 597, 598
 Гузеев А.Е., управляющий делами 336, 337, 348
 Гукасов П.О., акционер 84
 Гурко В.И., товарищ министра внутренних дел 492
 Гуськова Т.К., историк 4, 9, 44–46,
 Гусятников В.П., титулярный советник 442, 443, 445
 Гусятниковы 159
 Гучков А.И., военный и морской министр Временного правительства 541
 Гюдеродде С.П. (ур. Шелашникова), баронесса 451
- Давидович-Напцинский В.И., советник 387
 Давыдов В.Н., актер 96
 Давыдов П.В., управляющий 242
 Дараган И.К., член компании 73
 Дараган М.П., вологодский губернатор 422
 Дарри Г., эксперт 68, 487
 Д'Аш Е.Д. (ур. Бенардаки), графиня 413, 420
 Дашков А.Д., заводчик 168–171, 586
 Дашков Д.В., министр юстиции (1832–1839) 168, 619
 Дашков Д.Д., заводчик 168–171, 173
 Дашкова Е.В. (ур. Пашкова), заводчица 159, 168, 169, 171, 619
 Дашковы 137, 168, 171, 212, 622
 Двоеносова Г.А., генеалог 319
 Деви А.Х., управляющий 396
 Деви М.П., инженер 57, 58
 Дейер С.А., см. Петрова С.А.
 Дейч Е.-Ю. 426
 Деламар М.-К., член правления 279
 Делянов И.Д., граф, министр просвещения (1882–1897) 289, 290
 Делянова А.Х. (ур. Абамелек), графиня 289, 290, 619
 Демидов А.Г., заводчик 5
 Демидов А.Г., заводчик 46, 48
 Демидов А.Н., князь Сан-Донато, заводчик 12–14
 Демидов А.Н., заводчик 9, 12,
 Демидов А.П., заводчик 12, 21, 25, 27, 29, 30, 36–38, 40, 41, 43, 44, 222
 Демидов А.П., заводчик 46, 53–59, 61, 62, 71, 574, 577, 579, 623, 625
 Демидов А.П., заводчик 63, 65
 Демидов Г.А., заводчик 12, 46, 63
 Демидов Г.А., заводчик 46
 Демидов Д.А. 63, 64
 Демидов Е.П., заводчик, 12, 13, 21–23, 25–32, 34–37, 39–43, 619, 622, 625, 626
 Демидов Н.А., заводчик 5, 10
 Демидов Н.Д., заводчик 619
 Демидов Н.Н., заводчик 12, 13
 Демидов П.А., заводчик 5, 10, 12
 Демидов П.А., заводчик 63, 65–71, 360, 487, 523, 524, 526, 624
 Демидов П.Г., заводчик 5
 Демидов П.Г., заводчик 46, 53, 57
 Демидов П.Г., заводчик 5, 63
 Демидов П.Г., заводчик 46, 48
 Демидов П.Н., заводчик 12,
 Демидов П.П., заводчик 12, 21, 25, 27–30, 43
 Демидов П.П., князь Сан-Донато, заводчик 4, 12–22, 24, 25, 33, 39, 44, 71, 91, 190, 239, 250, 251, 273, 282–286, 296, 302, 487, 538, 620, 621, 625
 Демидова А.К. (ур. Шернваль фон Валлен, во втором браке – Карамзина), заводчица 5, 10, 12, 13, 19–21, 25, 42, 43
 Демидова А.П. (в первом браке – Карагеоргиевич, во втором – ди Ногера), заводчица 10, 12, 21, 27, 39, 44, 305
 Демидова Е.П., см. Павлова Е.П.
 Демидова Е.П., кн. Сан-Донато (ур. Трубецкая), заводчица 12, 13, 15, 21–23, 27, 30, 42, 301
 Демидова М.И., см. Монфор де М.
 Демидова М.П., см. Абамелек-Лазарева М.П.
 Демидова Н.Г., сопредседатель Международного Демидовского фонда 5, 10
 Демидова С.И. (ур. Воронцова-Дашкова), 28–30, 32, 36–38
 Демидовы 3–6, 8–10, 12, 17, 18, 27–29, 42–46, 54, 55, 62, 67, 71, 407, 604, 620
 Денике П.Ф., присяжный поверенный 121, 133
 Денисов Н.А., председатель Горного совета 377
 Дервиз фон Д.Г., опекун 243
 Дервиз фон П.Г., концессионер 584
 Дервиз фон С.П., заводчик 580, 584–587, 620, 621
 Дервизы 587, 620
 Деров А.И., купец 531
 Детерихс М.К., мемуарист 113

Деханов И.Н., кредитор 329–333
 Деханов Л.Н., кредитор, управляющий 331, 332, 395
 Дехановы 331, 332
 Дмитриев А.В., историк 45, 266, 521
 Добролюбов Н.А., критик 413
 Добротворская В.Г. (ур. Пермикина) 523, 527
 Добротворский Б.А. 527
 Долгоруков А.Н., князь 239
 Долгоруков А.С., князь, опекун 21, 23, 258
 Долгоруков В.А., князь 228
 Долгоруков С.А., князь 263
 Долгорукова М.И., см. Голицына М.И.
 Долгорукова Н.С. (Пашкова), княжна 150
 Домелунксен О.Н. (ур. Мосолова) 306, 308
 Долгорукова О.П. (ур. Шувалова), княгиня, заводчица 250, 258–264
 Домелунксен Ф.Н., опекун, вятский вице-губернатор 308, 310, 315
 Домерщиков М.П., присяжный поверенный 505
 Дорошин П.П., управляющий 381–384
 Досса И.Ф., опекун 550, 557
 Доути, купец 379
 Дризен П.Ф., барон 610
 Дроздов, председатель комиссии 541, 543
 Дружинин А.В., писатель 395
 Дружинин А.Г. 395
 Дружинин В.Г., историк, директор компании 6, 10, 395, 397–401
 Дружинин Г.В., генерал-майор 394–397
 Дружинин М.Г., директор компании 395, 399, 401
 Дружинин Н.Г. 395, 399
 Дружинин Н.П., заводчик 109, 114
 Дружинина О.П. (ур. Харитоновна), заводчица 394–399
 Дружинины 394, 395, 397, 398, 399
 Друзин М.В., историк 6, 11, 45, 135, 305, 566, 587, 607
 Дубин А.С., историк 45, 539
 Дублицкий Н.И., управляющий 466, 468, 471, 472
 Дубцова А., уполномоченная 518
 Дурасов А.Ф. 92, 120
 Дурасова А.А. (ур. Шишмарева, в первом браке – Чернышева), заводчица 86, 89, 92, 94, 104, 112, 119, 120
 Дурново И.Н., министр внутренних дел (1889–1895), председатель Комитета министров (1895–1903) 146
 Дурново П.П., опекун 14, 17, 21, 23, 282, 283
 Дьяков, крестьянин 599

Дюклу Б.Н., штаб-ротмистр 63, 64, 67
 Дюклу С.А. (ур. Демидова) 63, 65
 Дюпорталь А., управляющий 278, 279
 Дюссо Г.П., управляющий 596
 Дягилев С.П., импресарио 30

 Евглевский Н.Т., окружной инженер 202
 Евдокимов В.Я., управляющий 254, 260–264
 Ега да Ю.П., см. Строганова Ю.П.
 Егоров К.Н., член научной экспедиции 247
 Екатерина II 308
 Елисеев Г.П., предприниматель 432
 Елисеев С.П., предприниматель 432
 Еллинская А.М., см. Мосолова А.М.
 Елшатыевский С.Я., мемуарист 169–171
 Елькин А.И., уполномоченный 517, 521
 Емельянов, полковник 422
 Енько-Даровский Ф.М., куратор 61, 287, 577
 Епанчин Н.А., мемуарист 9, 188, 212, 252, 265
 Епатко Ю.Г., историк 102
 Ермолов А.С., министр земледелия и государственных имуществ (1894–1905) 24, 77, 78, 375, 376, 475, 476, 531, 535, 588, 600
 Ермолов, член правления 230
 Ефимов И.М., смотритель заводов 420

Жадовский Н.Н., опекун 340
 Жемчужников Н.М. 556
 Жербин М.Ф., заводчик 108, 110, 133, 134
 Жербин Ф.И., заводчик 108, 110
 Жербина Л.М. (ур. Яковлева), заводчица 108, 110, 128
 Жеребцов Н.А., опекун 276
 Жеребцова Е.А., см. Всеволожская Е.А.
 Жирнов П.С., потомственный почетный гражданин, коммерции советник 514, 517
 Жонес-Спонвиль А.О., главноуполномоченный 16–18, 21, 22, 32
 Журавлев И.В., управляющий 403
 Журавлев М.Н., опекун 421
 Журавлев М.Н., директор компании 597
 Журавлев П.М., основатель торгового дома 273

 Заблоский Е.М., геолог, генеалог 460
 Заволжский, ревизор 52
 Загряжский А.П., заводчик 320–325, 623, 624
 Загряжский П.И., генерал-майор 320
 Зайончковский Н.А., историк 168, 212, 427
 Закожурников С.Я., уполномоченный 528

Заморин Д.В., управляющий 122
 Зарембо, опекун 349
 Зарины 37
 Заряно С.К., художник 294
 Засодимский П.В., писатель 425
 Захаров А.В., окружной инженер 449
 Захваткин П.А., доверенный 518, 520
 Зегер К.Ф., почетный гражданин 406
 Зеленцов А.А., окружной инженер 581, 582
 Зеленцовы 63
 Земляков, горный техник 542
 Зигель фон А.А., управляющий 500, 502
 Зигель фон А.Х., заводский исправник 179, 180, 444, 447, 488
 Зиновьев В.П., историк 532
 Зиновьев Л.А., член правления 347
 Злоказов А.Н., мастеровой 588, 589
 Злоказов В.П., заводчик 588, 589
 Злоказов Н.А., заводчик 183, 588, 589
 Злоказов Н.Ф., заводчик 588, 589
 Злоказов П.А., заводчик 183, 388, 588
 Злоказов С.Ф., заводчик 588, 589
 Злоказов Ф.А., заводчик 183, 588, 589
 Злоказов Ф.П., екатеринбургский мещанин, управляющий 407
 Злоказовы 183, 364, 587–589, 620, 621
 Золотарев А.Ф., член правления 39, 42
 Золотницкая Е.А. (ур. Демидова) 63, 65
 Золотницкий П.Д., генерал-лейтенант 63
 Золотарев Н., почетный гражданин 402
 Золотов Н., управляющий 324
 Зотов А.А., почетный гражданин 395, 396
 Зотов А.А., заводчик 396, 398, 399
 Зотов А.Г., казанский купец 396
 Зотов К.А., заводчик 396, 398, 399
 Зотов Н.А., заводчик 396, 398–400
 Зотова Е.А., заводчица 396, 398, 399
 Зотова Е.Л. (ур. Расторгуева), заводчица 393–396
 Зотова З.Ф., опекунша 396
 Зотовы 397, 399
 Зубова А.А. (ур. Турчанинова), заводчица 326
 Зубова Е.Д. (Пашкова) 150
 Зудов С.С., екатеринбургский купец, арендатор 364

Иванов А.А., историк 45
 Иванов В.И., председатель конкурсного управления 531
 Иванов И.И., директор компании 407
 Иванов И.П., главный начальник уральских

заводов (1871–1896) 57, 124, 166, 315, 341, 366–368, 373, 375, 389, 395–398, 404, 417, 430, 446, 493–495, 525, 526, 528, 547, 563, 593, 596
 Иванов Н., подполковник 107
 Иванов П.А., историк 250, 266
 Иванов Ф.А., член правления 585
 Иванова А.Г. (ур. Яковлева) 107, 108
 Иващенко Д.С., присяжный поверенный 375
 Ивелич Е.М., графиня 340
 Ивелич К.М., граф 340
 Ивелич М.К., граф 340
 Ивелич М.Н., граф, заводчик 340, 341
 Ивелич Н.А. (ур. Турчанинова), графиня, заводчица 326, 340
 Ивелич Н.М., граф, заводчик 326–328, 340
 Ивеличи 342
 Игнатьев А.А., граф, мемуарист 79, 85, 164
 Игнатьев Н.П., граф, министр внутренних дел (1881–1882) 431
 Игнатьев П.Н., граф 37
 Игнатьева Е.А. (Сухожанет) 174, 186
 Игнатьева Е.Л. (ур. Голицына), графиня 430, 431
 Игнатьева З.П., см. Львова З.П.
 Иевлев А.А., историк 607
 Извольская М.С. (ур. Голицына) 227, 235
 Извольский А.П., министр иностранных дел (1906–1910), посол в Париже (1910–1917) 35, 235, 501
 Извольский П.П., обер-прокурор 235
 Иксуль Н.И. 556
 Иксуль фон Гильденбандт Ю.А., барон, попечитель 592
 Иллоро Л., инженер 130
 Иловайский В.В., опекун, куратор 367, 531
 Ильин, мировой посредник 66
 Ильин В.Г., исправник 470
 Ильин В.Д., директор правления 134
 Ильин Н.П., заводчик, кредитор 331, 332, 457, 498
 Ингам Е.Е., управляющий 462, 464, 465
 Иосса А.А., главный начальник уральских заводов (1863–1870) 47, 66, 68, 161, 177, 309–311, 338, 350, 351, 353, 356, 357, 362, 371, 383, 386, 414, 415, 419, 445, 470, 484
 Иосса Г.А., управляющий 353, 357–363
 Иосса Н.А., директор Горного департамента (1900–1907) 130, 504
 Ипанов С.Ф., управляющий 293
 Ипполитова Г., историк 5, 10, 44, 45, 306
 Исаков, петербургский купец 331

- Кабрит Н.А., опекун 70, 364–367
 Кавадеров А.П., управляющий 52, 53
 Кавелин К.Д., правовед, публицист 371
 Каган Л.С., присяжный поверенный 134
 Каганович Б.С., историк 428
 Казанцев П.М., историк 571
 Казаринов Г.В., доверенный 238, 240, 241, 243
 Кази М.И., капитан-лейтенант 530
 Казибек А.И. (ур. Иванова), заводчица 103–105, 110, 133
 Кази-Гирей О.К., заводчица 108, 109, 121
 Казин Н.А., опекун 18, 282
 Кайгородов, управляющий делами 418
 Калинин М.А., член комиссии 375
 Кальсин Н.С., заводчик 580, 582, 583
 Кальсина Е.Н., заводчица 583
 Каменские 560, 573–576, 620, 622
 Каменский А.Г., заводчик 573–575
 Каменский А.Г., заводчик 573–575
 Каменский В.М., заводчик 573, 575
 Каменский В.Ф., заводчик 573–575
 Каменский Г.К., московский купец 573
 Каменский И.Г., заводчик 573–576
 Каменский М.Ф., заводчик 573–575
 Каменский Ф.К., московский купец 573
 Каменский Ф.М., заводчик 573, 575
 Камышанский П.К., вятский губернатор 512
 Канкрин Г.А. 551
 Кантакузин Г.Л., князь 250, 258
 Кантакузина М.Г. (Балашова), княжна 137, 148
 Кантакузина М.П. (ур. Шувалова), княгиня 250, 258, 259
 Кантакузина-Сперанская Е.К., княгиня 133
 Кантакузин-Сперанский М.С., князь, мемуарист 9, 146, 149
 Кантакузины-Сперанские 149
 Капачинский, полицейский заседатель 474
 Капгер Н., акционер 82
 Карагеоргиевич А.А., светлейший князь 25, 27
 Карагеоргиевич Н.А., заводчик 27, 43
 Карагеоргиевич П.А., князь, принц-регент Югославский, заводчик 27, 43, 305
 Карагеоргиевич С.А., заводчик 27, 43
 Карагеоргиевичи 27, 28
 Карамзин А.Н., полковник 12, 20
 Карамзина А.К., см. Демидова А.К.
 Каринская, дворянка 110
 Карницкий Д.П., инженер 507
 Карнович К.Ф., доверенный 82
 Карпинский А.П., профессор Горного института 520
 Карпинский П.М., управляющий 340, 398, 435, 500
 Карташов, ротмистр 469
 Карцев, залогодержатель 452
 Касаткин, лесной ревизор 596
 Касмачев, письмоводитель 447
 Кафажеев Н.Н., доверенный 120
 Кафенгауз Б.Б., историк 3, 9
 Кашеваров, конторщик 377
 Квашин, опекун 69
 Кениг Б.И., управляющий 380, 381
 Кенсингтон А.Э. (ур. Бродген) 491
 Керенский А.Ф., военный и морской министр Временного правительства 541
 Кессиди И.Х., историк 427
 Кибанов, судебный пристав 602
 Кибардина (ур. Подъячева) 447
 Кикина О.В. (ур. Всеволожская), заводчица 272, 273
 Киндякова Е.П. (Лобанова-Ростовская, Пашкова) 164
 Кипури А.Е. (Бенардаки) 413
 Киреев, управляющий 466–468
 Кириакова Е.С. (ур. Мордвинова), заводчица 91, 92, 96
 Киров С.М., советский государственный деятель 570
 Киршбаум В.Ф., заводчик 342, 343
 Кирьянов, кредитор 569
 Киселев, госпитальный староста 479, 480
 Киссель-Загоранский, управляющий 472
 Китанина Т.М., историк 522
 Клейман М.С., заводчик 588
 Клейн, владельцы фирмы 543
 Клейнмихель М.Э., графиня 19
 Клейст Ф.Е., учредитель компании 597, 598
 Клеманс, член правления 230
 Клинггенберг М.К., вятский губернатор 478, 481
 Клушин, купец 331
 Кнауф А.А., заводчик 379
 Книрим фон, кредитор 467, 474
 Княжевич А.М., министр финансов (1858–1862) 151, 308, 322, 328, 438, 440, 463, 465, 480
 Кобзаренко А.С. (ур. Мордвинова, в первом браке – Салова), заводчица 91, 92, 96, 98, 112
 Кобычев А.А., царскосельский купец 270
 Ковалевский В.И., товарищ министра финансов 502

- Ковалевский Е.П., директор компании 140, 379, 380
- Ковригин И.В., окружной инженер 605
- Коженков Н.П., окружной инженер 59, 60, 576, 577
- Козицкая А.Г. см. Белосельская-Белозерская А.Г.
- Козицкая А.Г. см. Лаваль А.Г.
- Козицкая Е.И., заводчица 137
- Козлов, управляющий 69
- Козлов А.Г., историк 460
- Козлова О.Н. (Рукавишников) 95
- Коковцов В.Н., министр финансов (1904–1905, 1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914) 35, 202, 205, 206, 298, 504, 509, 515
- Кокошкина Е.А. (ур. Турчанинова), заводчица 326
- Кокшаров К.И., управляющий 326, 327, 330, 333, 589, 590
- Коломнин А.П., присяжный поверенный 187, 287
- Колтовская Н.А. (ур. Турчанинова), заводчица 326, 343
- Колчин Д.И., пермский купец, учредитель компании 594, 595
- Кольчугин А.Г., московский и сибирский заводчик 523, 560
- Кондратьев, инженер 560
- Кондюрин Г.С., заводчик 59, 61, 234, 576–578, 622
- Кони А.Е. 156
- Кони А.И., см. Ушакова А.И.
- Кони И.И., коллежский советник 153, 155, 156
- Кони Н.С. 156, 360
- Кони С.И., купец 66–68, 153, 154, 156, 157, 349, 350, 356, 358–362, 402
- Коновалов А.И., министр торговли и промышленности Временного правительства 41, 541
- Коновалов Д.П., товарищ министра торговли и промышленности 506
- Коновицына Н.А. (Балашова) 137
- Контад де Е.Д. (ур. Бенардаки) 413, 426, 427
- Коншин Н.В., управляющий 113, 115, 126
- Конюхов Н.С., управляющий 222
- Коптев Н.Х., генерал-майор 460, 470
- Корвин-Круковская М.А., заводчица 370, 371
- Корибут-Кубитович Г.Д., попечитель 337
- Корниолин-Пинский М.М., попечитель 328, 332, 334–336
- Коробейников, владелец механического заведения 581
- Коробкова А.Ф. (Расторгуева), заводчица 393
- Коровин А.А., заводчик 455
- Коровины 620
- Корф К.Н., барон, уполномоченный 243
- Корф М.А., барон, мемуарист 9, 150, 167
- Косолапов В.С., управляющий 423, 425
- Коссаковская А.И. (ур. Лаваль), графиня, заводчица 172
- Коссаковская А.С., графиня 172
- Коссаковские 137, 172, 211
- Коссаковский С.С., граф, заводчик 172, 173, 622
- Коссаковский С.О., граф 172
- Коссу, инженер 558
- Костанжоло, литературный герой 420
- Костенко О.Н. (ур. Трувеллер) 101
- Костерина-Азарян А.Б., историк 71
- Котляревский И.П., управляющий 349, 350, 352
- Котомины 432
- Кох, франкфуртский ювелир 37
- Кохнович В.А., историк 149
- Кочубей В.П., министр внутренних дел (1802–1807, 1819–1823) 215
- Кочубей В.С., князь, доверенный 58
- Кочубей В.С., князь, опекун 198, 205
- Кочубей Е.К. (ур. Белосельская-Белозерская), княгиня 188, 211
- Кочубей Е.П. (ур. Бибилова, в первом браке – Белосельская-Белозерская), княгиня 159, 188, 189
- Кочубей С.В., князь 46, 57
- Кошко И.Ф., пермский губернатор, мемуарист 9, 266, 295, 306
- Краббе Н.К., управляющий Морским министерством (1860–1876) 176
- Краснова Е.И., историк 5, 10, 43–45, 62
- Краузольд, доверенный 557
- Крёз, лидийский царь 266
- Криночкин А.К., управляющий 529
- Криночкин П.К., поверенный 535–537
- Кронеберг А.И., уполномоченный, мировой посредник 327–329, 336, 351
- Кронеберг О.П. (ур. Соломирская) 327, 338
- Кроненберг С.Л., петербургский домовладелец 124
- Крузе фон Ф.М., присяжный поверенный 78, 115, 119, 121, 125, 126, 128, 130, 132, 133
- Крыжановский И.Н., окружной инженер 392, 536, 537

- Крыжановский М.М., управляющий 147
 Крыжановский Н.А., оренбургский генерал-губернатор 175, 177
 Крысин Н.И., управляющий 163
 Кубе фон М.С. 115
 Кубе фон Н.Л. 115
 Кутушев В.А., князь 584
 Кутушева А.А. (Голицына), княжна 227, 235
 Кудымов А.Б., историк 532
 Кузминская Е.С. (ур. Мещерская) 289, 298, 304
 Кузнецов, чердынский купец 600
 Кузнецов В.А., управляющий, поверенный 412
 Кузнецов Н.В., горный начальник 429
 Кузнецов С.Д., управляющий 584, 585
 Кузнецов С.О., историк 5, 10, 43, 221, 226, 227
 Кузьмин Ф.А., опекун 105
 Кузьмин Ю.А., историк 102, 319
 Кузьмина М.И. (ур. Ярцова), заводчица 402, 403
 Кузьминых, крестьянин 578
 Кулбахтин С.Н., историк 4, 10
 Кулибин Н.А., директор Горного департамента (1882–1892) 146, 373, 430
 Купцов И.В., историк 5, 10, 227
 Куракин А.Б., князь 146
 Курбатова А.Н. (ур. Подъячева) 443
 Курлаев Е.А., историк 11
 Курмаков Н.Н., директор Горного департамента (1907–1910) 203, 295, 300, 301, 304, 507
 Курнаков А., опекун 115
 Курочкин А.Н., заводчик 576, 579
 Кутлер Н.Н., поверенный 38
 Кутузов М.И., князь, фельдмаршал 246
 Кученкова В., историк 587
 Кучумов И.В., историк 10

 Лабзина Л.И., см. Турчанинова Л.И.
 Лабутин С.П., заводский исправник 479, 482, 483
 Лаваль А.Г. (ур. Козицкая), графиня, заводчица 172
 Лаваль И.С., граф 172
 Лавров, чердынский купец 600
 Лазарев Л.Е., заводчик 289, 291
 Лазарев Х.Е., заводчик 216, 219, 289–291, 296, 361
 Лазарева Е.Э. (ур. Манук-Бей) 289–293
 Лазаревы 8, 18, 28, 214, 286, 289, 291, 292
 Лалетин В.С., горный инженер 383

 Ламберт И.К., граф, попечитель 328
 Ламезьер И., акционер 232
 Ламздорф В.Н., граф 57, 62
 Ламот де А., член правления 230
 Лангель Е.А. (ур. Демидова) 63
 Лангель Н.А., генерал-лейтенант 63, 65
 Ландезен И.Э., коллежский асессор 472, 473
 Ландере И.И., оружейный мастер 287
 Ланкастер Д., заводчик 163, 488, 620
 Лапарелье Л., член правления 279
 Лапин, поверенный 480
 Лаппо-Данилевский А.С., историк 397
 Лаптев Д., лесничий 208
 Ларионова М.Б., историк 6, 10, 274, 288, 347, 571
 Латынин В.А., управляющий 313
 Лачинов, генерал-майор 452
 Лачинова Е.П. (ур. Шелашникова) 451
 Лашкарев А.Г., пермский губернатор 333
 Лебедев А.А., камергер 370, 371
 Лебедев А.Е., заводчик 370, 371, 376
 Лебедев С.К., историк 427, 428
 Лебедев Я.П., уполномоченный 434
 Лебедева А.А. 370
 Лебедева М.С. 370
 Лебедева О.А. 370
 Лебедева С.А. 370
 Лебедевы 370, 371, 376, 620
 Леброк (*Leybrock*) М.А., см. Бенардаки М.А.
 Лебцельтерн З.И. (ур. Лаваль), графиня 172
 Левашов В.В., граф, председатель Государственного совета (1847–1848) 142, 580
 Левашов Н.В., граф, товарищ управляющего III отделением 73, 492, 493
 Левашова Е.В. (ур. Пашкова), графиня 169
 Леве И.А., залогодержатель 484, 492
 Левзье Р. (Строганова) 213, 221
 Левитский А.С., управляющий 115, 116, 129, 130, 255
 Лейхтенбергская М.Н. (ур. Граббе), герцогиня, заводчица 93, 96, 98, 113
 Лейхтенбергский Е.М., герцог 287
 Лейхтенбергский Н.М., герцог 112, 143
 Лейхтенбергский Н.Н., князь Романовский 93
 Ленц Р.И., доверенный 239
 Ленчовский Л.С., поверенный 412
 Лермонтов М.Ю., поэт 239
 Лерхе Г.В., директор компании 380
 Лессинг А.И., соучредитель компании 609, 610
 Либин Н.К., присяжный поверенный 210

- Ливен А.А., светлейший князь, управляющий Министерством государственных имуществ (1879–1881) 550
- Лидваль Л., шведский предприниматель 492
- Лизель Г.В., генерал-майор 358
- Лизунов П.В., историк 565, 566
- Линденбаум М.К., доверенный 89, 117, 119
- Линдер К.П., опекун 23
- Линник О.В., историк 401
- Липин В.Н., горный инженер 78, 82, 83
- Лисенков Г.И., член комиссии 377
- Литтауэр С.И., инженер, член правления 134, 148, 149, 585
- Лич Ф.Ф., британский предприниматель 305
- Лобанов-Ростовский А.Б., князь, генеалог 84
- Лобанова-Ростовская Н.И., княгиня 141
- Лоббок Б.В., заводчик 488, 491
- Логунова Н.В., историк 10
- Лозинский Л.Я., член правления 39
- Локар Э.-А.-А., акционер 232
- Ломоносов Н.В., директор компании 407
- Ломоносова М.А. (в первом браке – Аносова) 595
- Лонгинов, статский советник, опекун 349
- Лонгинов К.В., капитан 360
- Лопухина Е.П. (Демидова), княжна 46
- Лопухин-Демидов Н.П., светлейший князь 46, 57
- Лопухина-Демидова О.В. (ур. Столыпина), светлейшая княгиня 57
- Лопухины 57
- Лорис-Меликов М.Т., граф 371
- Лошкарев А.Г., пермский губернатор 469
- Лузин И.Ф., уполномоченный 434
- Лукошков В.В., пермский губернатор 58
- Лукьянов И.М., управляющий 600, 601, 604–606
- Лукьянов М.И., заводчик 569, 599–607, 622, 624
- Лукьяновы 604
- Лунц М.Л., член правления 148
- Лучников Т.В., штейгер 607
- Луэст И., управляющий 275, 277–280
- Львов А.Е., князь 570
- Львов В.Е., князь 570
- Львов В.С., князь 566, 570
- Львов Г.Е., председатель Временного правительства 541, 570
- Львов Е.С., князь 566, 570
- Львов С.Е., князь, заводчик 273, 518, 566–571, 602, 603, 605, 621–623
- Львов С.С., князь 566, 570, 571
- Львов Ю.С., князь 566, 570, 571
- Львова Е.С. (Терещенко), княжна 566, 570
- Львова Е.С., княжна 566, 570
- Львова З.П. (ур. Игнатъева), княгиня 566, 570, 571
- Львова З.С., княжна 566, 570
- Львова Н.С., княжна 566, 570
- Львовы 6, 571
- Любимовы, пермские купцы 485
- Любомудров А., советник 580
- Люстрих В.О., присяжный поверенный, член правления 78, 263
- Ляпунов Я.Н., управляющий 48
- Ляховецкий Л.Д., присяжный поверенный 111
- Ляховский И.Л., литературный персонаж 500
- Мазитова Л.Л., историк 10
- Май-Стабровский Б.Б., литературный персонаж 500
- Макаров В.А., бирский купец 578
- Максимов, юрисконсульт 54
- Максимова Т.В., историк 587
- Максимович К.К., опекун 205
- Макушев А.А., историк 45
- Малахов В.М., управляющий 310–313, 329
- Маликов А.И., заводчик 414
- Мальцев А.Н., управляющий 224
- Мальцовы 45
- Мамин-Сибиряк Д.Н., писатель 9, 20, 44, 353, 367–370, 500
- Мамонтов В.И., попечитель 80
- Мамонтов В.Н., стряпчий 53–55
- Мамонтова Е.Н. (Рукавишникова) 95, 97
- Мамонтовы 97, 578
- Манзеи 112
- Манзей А.И. (ур. Якобсон) 90, 96, 111
- Манзей А.Н., заводчица 90, 96, 111
- Манзей Е.Н., см. Волкова Е.Н.
- Манзей К.Н., заводчик 89, 90, 97, 111, 118, 119
- Манзей Н.Л., генерал-майор 86, 90
- Манзей Н.Н., заводчик 90, 111, 118, 120, 622
- Манзей С.Н., см. Волкова С.Н.
- Манзей С.С. (ур. Яковлева), заводчица 85, 86, 89, 90, 96, 103, 111, 118, 119
- Манук-Бей Е.Э., см. Лазарева Е.Э.
- Маргулис М.С., член правления 436
- Мария Николаевна, великая княгиня (Лейхтенбергская) 13, 215
- Мария Федоровна, императрица 75, 517

- Марк Л.П., инженер 134
- Маркусон М.И., учредитель товарищества 591
- Мартини Л.Л., горный инженер, поверенный 248, 249
- Масальская М.В. (ур. Меллер-Закомельская), княгиня, заводчица 396, 399
- Матвеев, арендатор 518
- Матвеев А.П., член правления 436
- Матюшенко, председатель комиссии 544, 545
- Махмудов А.Р., историк 477
- Медичи 15
- Мезенина Т.Г., историк 4, 10,
- Мейендорф Ф.Е. барон, опекун 79, 89
- Мейер, подрядчик 359
- Мейер Э.М., глава торгового дома 247, 368
- Мекленбургский, герцог 188
- Мелентьев В.С., сопредседатель Международного Демидовского фонда 5
- Меллер-Закомельская К.А. (ур. Зотова), баронесса, заводчица 396–399
- Меллер-Закомельская К.В., баронесса, заводчица 396, 399
- Меллер-Закомельские 397, 399
- Меллер-Закомельский В.В., барон, заводчик 396, 398, 399, 400, 401, 620
- Меллер-Закомельский В.П., барон 396
- Меллер-Закомельский Г.В., барон, заводчик 396, 399
- Меллер-Закомельский Ф.В., барон, заводчик 396, 399
- Мельникова М.Д. (Демидова) 63–65
- Менжинский В.Р., народный комиссар финансов (1918) 210
- Мерендони С., историк 44
- Меттерних Т.И. (ур. Васильчикова), историк 220, 226, 227
- Мешков Н.В., пароходчик 575
- Мецкерская Е.С., см. Кузминская Е.С.
- Мецкерская Е.С. (ур. Строганова), княгиня 213
- Мецкерская М.Е. (Демидова), княжна 12, 13
- Мецкерская Н.С., княжна 289, 298
- Мецкерская С.С., княжна 289, 298
- Мецкерский А.Б., князь, душеприказчик 304
- Мецкерский Б.С., князь 289, 298
- Мецкерский В.П., князь, мемуарист 420, 427
- Мецкерский И.С., князь, заводчик 289, 298–301, 304, 305, 621
- Мецкерский С.Б., князь 289, 295, 300
- Мёллер В.И., инженер 414, 415
- Микитюк В.П., историк 11, 135, 348, 521, 522, 590
- Миллер Р., купец 182
- Милютин Д.А., граф, генерал-фельдмаршал, мемуарист 9, 87, 102, 244, 246, 249
- Милютин Н.А., сенатор 87
- Милютин М.А., см. Мордвинова М.А.
- Минцлов С.Р., мемуарист 167
- Митрофанова Л., филолог 521
- Михаил Николаевич, великий князь 93
- Михаил Павлович, великий князь 555
- Михайлов Г.М., заводчик 588
- Михайлов П.М., куратор 531
- Михнева М.А. (Рошефор) 460
- Могул Н.Е., управляющий 414
- Моден А.Г. (Пашкова), графиня 150
- Мозер А.Х., драматург 287
- Мокиевский Н., поверенный 124
- Мокроносов А.М., управляющий 343–345
- Молво Г., купец 182
- Монжино Ф., член правления 279
- Монфор де М. (Демидова М.И.), принцесса 12–14, 19, 42
- Моргунов А.Ф., акционер 173
- Мордвинов А.А., граф, председатель товарищества 592, 593
- Мордвинов А.А., граф, егермейстер 592
- Мордвинов Н.С., граф, адмирал 592
- Мордвинов С.А., заводчик 87, 89, 91, 92, 94, 96, 97, 119, 619
- Мордвинова А.А. (ур. Яковлева), графиня 72
- Мордвинова А.С., см. Кобзаренко А.С.
- Мордвинова Е.А. (ур. Рихтер), графиня 592
- Мордвинова М.А. (ур. Милютин, в первом браке – Авдулина), заводчица 87, 89, 91, 92, 96, 104, 112, 119
- Мориц Э.Ф., доктор 558
- Морозов С.Т., фабрикант 273
- Морозова В.А., историк 579
- Морозовы 578
- Мосин А.Г., историк 5, 10
- Мосолов А.Н., заводчик 306, 308, 619
- Мосолов И.А., заводчик 320
- Мосолов И.Н., заводчик 306, 308
- Мосолов М.Н., заводчик 306, 308
- Мосолов Н.И., заводчик 306–309, 311, 312, 314, 316, 319
- Мосолов Н.Н., заводчик 306, 308–310
- Мосолов П.И., заводчик 320
- Мосолов Ф.И., заводчик 320
- Мосолова А.М. (ур. Еллинская), заводчица 306, 308, 310, 313
- Мосолова Л.Н., заводчица 306, 308

- Мосолова М.А., заводчица 320
 Мосоловы 306, 311, 312, 325, 499, 620
 Мосунова Т.П., историк 521
 Мудрова Н.А., историк 10
 Мукомолов А.Ф., историк 6, 10, 187, 188, 212, 213
 Муравьев В.П., член комиссии 375
 Муравьев Н.В., министр юстиции (1894–1905) 78, 126, 374, 531
 Муравьев-Карский Н.Н., генерал от инфантерии 167
 Муравьевы-Карские 167
 Муромцев И.Э., акционер 133
 Муромцев С.А., присяжный поверенный 59, 579
 Мурфи Д., британский предприниматель 191, 487
 Мусин-Пушкин А.И., граф 165
 Мусин-Пушкин Н.И., граф 93
 Мусина-Пушкина О.А. (ур. Пашкова), графиня, заводчица 164, 165
 Муханов Н.А., попечитель 227, 228
 Мухин В.В., историк 288
 Мызин, управляющий 66, 70
 Мылов В.Н., главный лесничий 52, 53, 597
 Мюрат Ж., граф 14
 Мякинченко В., историк 437
 Мясников И.С., заводчик 4, 137, 164, 211, 619, 620
 Мясниковы 10
- Набоков В.В.**, писатель 9, 88, 95, 97, 101, 102
 Набоков В.Д., лидер партии кадетов 91, 95, 96, 121
 Набоков Д.Н., министр юстиции (1878–1885) 550
 Набокова Е.И. (ур. Рукавишникова), заводчица 95, 96, 98, 113, 121
 Нагорнов И.М., скрипач 554
 Нагорнова Л.С. (ур. Башмакова), заводчица 545, 549, 554
 Наполеон I 14, 214
 Наранович, присяжный поверенный 361
 Нарбут А.Н., генеалог 235, 273, 288
 Нарышкин, обер-егермейстер 150
 Нарышкин П.К., подпоручик 349, 350
 Нарышкина З.К. (ур. Губина), заводчица 349, 356, 358, 361, 366–368
 Нарышкина С.Л., см Шувалова С.Л.
 Нарышкина С.П. 350
 Нарышкины 259
 Насветевич А.И., заводчик 106, 107, 110, 112
- Насветевич А.П. (ур. Янжул-Михайловская), заводчица 106, 107
 Насветевич И.А., надворный советник 106, 107
 Наумов Ф.И., управляющий 478–481
 Небольсин Г.П., член Государственного совета 561
 Невзоров А.Я., член комиссии 390
 Недошивин А.С., уполномоченный, председатель Посессионного бюро 42, 91, 121, 132, 133, 406
 Недошивина В.Н. (ур. Сабир), заводчица 91, 98, 112, 116, 121, 130–133
 Нежданов С.Я., чердынский купец 600, 602
 Нейман С.Г., нотариус 113
 Нейман Э., член правления 230
 Нейрах М.-А.-Э.-Л., акционер 232
 Немировский А.О., соучредитель товарищества 591
 Немировский Г.О., соучредитель товарищества 591
 Неклюдов Е.Г., историк 9–11, 62, 347, 392
 Нессельроде 48
 Нефедьев Г.И., член правления 39, 42
 Нечаев-Мальцов Ю.С., опекун 23, 32, 36, 37
 Низар А., дипломат 426
 Низар Е.Д. (ур. Бенардаки, в первом браке – Перхенштейн), заводчица 413, 420, 423, 425
 Нилль-Врангель А.Л., барон 287
 Никитин А. 403
 Никитин А.П., граф, заводчик 86, 87, 93, 104
 Никитин В.В., ученый-геолог 32, 33, 520
 Никитин С.А., историк 566
 Никитина А.А. 403, 404
 Никитина А.П. (ур. Берг), заводчица 403–406
 Никитина Е.А. 403, 404
 Никитина Е.А. 403, 404
 Никитина Е.В. (Голицына) 227, 235
 Никитина Е.С. (ур. Яковлева), графиня 85, 86, 93, 96, 104
 Никитина О.А. 403, 404
 Никифоров З.И., корнет 451
 Никифоров Ф.П., заводчик 380, 407–411, 624
 Николаев, управляющий 410
 Николаенко 108
 Николаенко И.П., заводчик 106, 107
 Николаенко М.П., заводчица 106, 107
 Николаенко М.П. (ур. Янжул-Михайловская), заводчица 106, 107
 Николаенко П. 106

Николаенко П.П., заводчик 106, 107, 120
 Николаенко П.П., заводчик 106, 107
 Николаенко Ю.П., заводчица 106, 107
 Николай I 150, 214, 266, 555
 Николай II 75, 78, 147, 189, 197–199, 205, 345, 502, 509, 515, 530, 535, 554, 564, 602, 604
 Николай Александрович, цесаревич 214
 Николай Константинович, великий князь 57
 Николай Михайлович, великий князь 288
 Никольский Л.Л. 317
 Никольский Л.Л. 317
 Никольский Н.Л., управляющий 317
 Никулин В.Н., историк 149
 Нирод М.Е., граф, генерал-лейтенант 289, 290
 Нирод М.Х. (ур. Лазарева), графиня 289, 290
 Ните Е.К., управляющий 20
 Нобели 405
 Новиков, служащий 293
 Новиков В.С., управляющий 530
 Новокрещенных Н.Н., управляющий 294, 305
 Ногера 27, 28
 Ногера ди А.П., см Демидова А.П.
 Ногера ди А., граф, заводчик 27, 43
 Ногера ди А., граф, заводчик 27, 43
 Ногера ди Д., граф, заводчик 27, 43
 Ногера ди Е., графиня, заводчица 27, 43
 Ногера ди Н., пфальцграф, заводчик 25, 27, 43
 Ножилова О.П., актриса 79
 Нуоров М.А., учредитель компании 591, 593
 Обнорская Н.В., историк 436
 Оболенская, княгиня 554
 Оболенская А.А. (ур. Половцова), княгиня 555, 565
 Оболенская А.П. (ур. Шелашникова), княгиня 451–455
 Оболенский А.Д., князь 565
 Оболенский Д.А., князь, управляющий Министерством государственных имуществ 417
 Оболенский М.А., князь 451
 Оболенский М.Л., князь, душеприказчик 304
 Обольянинова Е.М. (Всеволожская) 271
 Овен Л., управляющий 491
 Одинцов А.А., генерал от инфантерии 89, 90, 117
 Одинцов А.Д., управляющий 395, 396
 Одинцов Н.А., заводчик 90, 96, 98, 111

Одинцова Е.Н. (ур. Манзей) 90
 Озеров И.Х., экономист 567, 568, 571
 Озерова Е.М. (ур. Пашкова), заводчица 159, 160, 163
 Окишева А., уполномоченная 518
 Окладных В.М., инженер 152
 Окунева М.А. (ур. Одинцова), заводчица 90, 96, 98, 111
 Окунева Н.А. (ур. Тыртова), заводчица 341, 343
 Олсуфьев А.А., граф 289, 298
 Олсуфьев А.А., граф 289, 295
 Олсуфьев А.А., граф 289, 298, 299
 Олсуфьев А.В., надворный советник 289, 295
 Олсуфьев А.М., полковник 86, 92
 Олсуфьева А.А., графиня 289, 298
 Олсуфьева Е.С., (ур. Абамелек-Лазарева, в первом браке – Меццеская) 289, 295, 298, 300
 Олсуфьева Е.С. (ур. Абамелек-Лазарева), графиня 289, 295, 298, 300
 Олсуфьева О.А. (ур. Шишмарева), заводчица 86, 89, 92, 94, 104, 112, 113, 119
 Ольденбургский П.А., принц 537
 Ольховский, подполковник 178
 Оркин Г.М., директор банка 346
 Орлов А.А., ротмистр 75
 Орлов А.А., заводчик 75, 76, 78
 Орлов В.Н., граф 197
 Орлов Д.И., генерал-лейтенант 250, 258
 Орлов И.А., заводчик 75, 76, 78
 Орлов И.Д., заводчик 250, 258–264
 Орлова В.П. (ур. Шувалова) 250, 258, 259
 Орлова Е.В. (ур. Стенбок-Фермор) 75
 Орлова Е.К. (ур. Струве), заводчица 250, 264
 Орлова О.К. (ур. Белосельская-Белозерская), графиня 188, 211
 Орлов-Денисов Н.Ф., граф 92, 93, 97, 119, 120
 Орлов-Денисов Ф.В., граф, генерал-майор 86, 88, 89, 93, 117, 119
 Орлов-Денисов-Никитин А.Ф., граф, заводчик 92, 93, 113, 133
 Орлова-Денисова Е.А. (ур. Никитина), графиня, заводчица 86–89, 92, 93, 97, 104, 113, 119
 Орловы 78
 Орловы-Денисовы-Никитины 92, 97, 98
 Осокин А.Г., заводчик 428
 Осокин Г.И., заводчик 414
 Осокины 370, 376

- Оссовский, чердынский купец 600
 Остен-Сакен Н.В., граф 148
 Остен-Сакен Н.Д., граф 228
 Остен-Сакен С.Н. (ур. Балашова), графиня 137, 148
 Островский М.Н., министр государственных имуществ (1881–1893) 54–56, 194, 372, 374, 558, 597
 Охотников В.Н., заводчик 164, 198, 491, 620
 Охотникова А.П. (ур. Трубецкая) 164, 188, 198
 Охотникова Е.В. (в первом браке – Игнатьева, во втором – Половцова) 164
 Оцко Р.А., акционер 82–84
 Ошурков П.М., компаньон-распорядитель 593
- Павел I** 565
 Павел Александрович, великий князь 555
 Павленко Н.И., историк 3, 9
 Павлов А.Ф., генерал-лейтенант 391
 Павлов И.П., физиолог 405
 Павлов М.А., ученый-металлург, мемуарист 9, 32, 432, 435, 437, 499, 500, 501, 502, 521, 522
 Павлов Н.А. 25, 28–30, 38, 42
 Павлова Е.П. (ур. Демидова, в первом браке – Шувалова), заводчица 12, 21, 24–28, 36, 39, 43
 Павловский И.Н., управляющий 258
 Павловский Н.Г., историк 5, 44, 266
 Павловы 29
 Падалка Н., присяжный поверенный 513
 Пак Н.Т., историк 45
 Пален К.И., граф, министр юстиции (1867–1878) 161, 163, 217, 324, 487
 Палкин Н.Г., управляющий 528
 Пальчиков И. 403
 Пальчикова Н.П., см. Свечина Н.П.
 Пальчикова О.И. 405
 Панневиц фон Г.Г., чиновник лесного ведомства 417, 493
 Паньков П.И., председатель земской управы 521
 Паскевич И.И., княгиня 149
 Паскевич-Эриванская А.И., см. Балашова А.И.
 Паскевич-Эриванская Е.А., княгиня Варшавская 141
 Паскевич-Эриванский И.Ф., князь Варшавский 138–140, 146, 239
 Паскевич-Эриванский Ф.И., князь Варшавский 145, 146
 Пастухов А.М., заводчик 428, 429, 432, 580
 Пастухов А.Н. 428
 Пастухов Д.А., заводчик 428, 432–434, 437
 Пастухов И.А., заводчик 428–435, 546, 580
 Пастухов Л.Н., заводчик 428, 435, 436
 Пастухов Н.А., заводчик 428, 432, 433
 Пастухов Н.Н. 428, 435
 Пастухов Н.П., заводчик 428, 432–436, 506–508, 511, 513, 517, 620, 622
 Пастухов П.М. 428
 Пастухов П.Н. 428, 435, 436
 Пастухов П.П., заводчик
 Пастухов С.Н., заводчик 428, 435, 436
 Пастухова Ф.П. (ур. Гарелина) 428, 436
 Пастуховы 69, 122, 312, 387, 417, 428, 433–436, 620, 621, 626
 Пашков А.А., заводчик 164, 167
 Пашков А.В., заводчик 159, 164
 Пашков А.В., заводчик 164, 167
 Пашков А.И., заводчик 150, 580
 Пашков В.А., заводчик 159
 Пашков В.А., заводчик 163–166, 173, 491
 Пашков В.А., заводчик 164, 167
 Пашков В.С. 150, 154, 158
 Пашков Е.И., заводчик 150
 Пашков И.А., заводчик 150
 Пашков И.В., заводчик 159, 162, 165
 Пашков М.В., заводчик 159, 162, 163, 487, 492
 Пашков Н.И., заводчик 150, 151, 154–158, 412, 623, 625
 Пашков Н.М., заводчик 159, 163, 165
 Пашков С.И., заводчик 150–152, 154, 156–158, 412, 625
 Пашкова А.А., заводчица 150, 151, 580
 Пашкова А.И., заводчица 150
 Пашкова А.И. (ур. Чернышева-Кругликова), заводчица 164, 167
 Пашкова Д.И., заводчица 137
 Пашкова Е.А. (Тимашева) 157
 Пашкова Е.А., см. Рихтер Е.А.
 Пашкова Е.В., см. Дашкова Е.В.
 Пашкова Е.М., см. Озерова Е.М.
 Пашкова Л.М., заводчица 159, 160, 163
 Пашкова М.В., заводчица 164, 167
 Пашкова М.Т. (ур. фон Баранова) 159, 163
 Пашкова О.В., заводчица 164, 167
 Пашкова О.М., см. Бутурлина О.М.
 Пашкова С.В., заводчица 164, 167
 Пашковы 137, 150, 151, 153–158, 161–164, 171, 212, 404, 487, 491, 580, 624, 626
 Пепеляев П.А., поверенный, управляющий 27, 28, 39, 40, 42, 43, 299–304

- Перетц А.А., управляющий 176, 177, 189, 190
- Перетц Е.А., статс-секретарь 282
- Переяславцева Е.И., владелица рудников 610
- Пермикин В.Г. 523, 527
- Пермикин Г.М., заводчик 70, 330–335, 523–532, 534, 538, 622, 623, 625
- Пермикин С.Г. 523, 527, 531
- Пермикина А.Ф. 523, 527
- Перминов И.Е., управляющий 484, 485
- Персон А.П. 346
- Перфильев С.С. 235
- Перфильева А.С. (ур. Голицына) 227, 235
- Перхенштейн Е.Д., см. Низар Е.Д.
- Пестов, лакей 317
- Петипа М., балетмейстер 271
- Петр (Полянский), митрополит 305
- Петр I, король Сербии 25
- Петр Николаевич, великий князь 578
- Петров В.В., заводчик 104, 107, 108, 119, 120, 124, 125, 622
- Петров В.П. 103, 107
- Петров Н.Ф., опекун 361, 362
- Петров Ф.Е., управляющий 394
- Петрова Е.Г., заводчица 103, 107, 119
- Петрова С.А., заводчица 107, 108, 121, 130, 133, 134
- Петровский, податной инспектор 203
- Петрококино Д.И., член правления 368
- Печатальщиков, управляющий 121, 128
- Печорин, литературный персонаж 239
- Пивинский Н.А., управляющий 293–295, 300, 301
- Пик Ж., банкир 275, 278, 279
- Пилар фон Пильхау Е.К., см. Шувалова Е.К.
- Пирогова Е.П., историк 5, 10, 347
- Пистолькорс фон Э.А., опекун 426
- Пистолькорс Э.И. 556
- Питерс-Игарс де М.Ф., см. Байо-де-Гоезе М.Ф.
- Планер Д.И., управляющий 328, 329, 330, 336
- Платова М.Ф., заводчица 108, 110
- Платонов С.Ф., историк 397
- Плеске Э.Д., министр финансов (1903–1904) 503
- Плеве В.К., министр внутренних дел (1902–1904) 198
- Побережников И.В., историк 9, 11
- Погодин М.П., компаньон 428
- Подаруев П.И., тюменский купец 270
- Подменер Е.К. 41
- Подменер К.Г., банкир 38, 40
- Подъячев М.Н. 440, 443, 448
- Подъячев Н.Н., заводчик 437–450
- Подъячев Н.Н. 441
- Подъячевы 448, 450, 620
- Пожидаев А.П., опекун 105, 106
- Пожидаев П.А., заводчик 105, 106, 134
- Пожидаева А.М. 105, 106
- Позен З.С. (ур. Пашкова) 150
- Поклевская-Козелл А.И. (ур. Рымша) 497, 500
- Поклевская-Козелл М.М. 517
- Поклевские-Козелл 501, 503–506, 514–517, 521, 620
- Поклевский-Козелл А.Ф., заводчик 184, 319, 333, 496–500, 502, 509, 510, 521, 620, 622, 623
- Поклевский-Козелл В.А., заводчик 497, 499–506, 513–517
- Поклевский-Козелл И.А., заводчик 497, 500–502, 504, 506, 508, 517, 540, 623, 625
- Поклевский-Козелл С.А., заводчик 497, 500–502, 515, 516, 620
- Полежаев И.М., почетный гражданин 271
- Полетика И.Г. (ур. Строганова) 213, 216
- Поливанов, поручик 87
- Поливанова С.К., заводчица 86, 87, 94, 104
- Половцов А.А., государственный секретарь (1883–1892) 9, 76, 85, 93, 102, 146, 194, 213, 556–566, 587, 619, 626
- Половцов А.А., член правления 555, 564, 565
- Половцов В.А., председатель правления 368
- Половцов П.А. 164, 555, 565
- Половцов Ф.А., директор правления 564
- Половцова Н.М. (Юнева, Июнева), заводчица 164, 553, 555–558, 561, 563–565, 611, 619–621, 626
- Половцовы 556, 557, 565
- Положенская Л.Н. (ур. Сабир), заводчица 91, 96, 98, 112, 121
- Полторацкая А.П., заводчица 169
- Полье А.А., граф 236
- Померанцев А.Г., инженер 338, 525
- Пономарев А.Д., заводчик 163, 477–487, 492, 623
- Пономарев В.Д. 477, 478
- Пономарев Д.Д., заводчик 477
- Пономарев Д.Д. 477, 478
- Пономарев П.В., исправник 410
- Пономарев Ф.Д. 477, 478
- Пономарева А.П. 477, 485

- Пономаревы 620
 Поносов Е.П., пермский купец 269
 Попов, управляющий 377
 Попов, купец 331
 Попов Д.А. 235
 Попов Н.А., заводчик 105, 106, 120
 Попов Н.П., инженер 499, 507
 Попов Ф.С., опекун 18, 282
 Попов Ю.В. 431, 432
 Попова Е.А. (ур. Зотова), заводчица 396, 398, 399
 Попова Н.С. (ур. Голицына) 227, 235
 Попова О.М., заводчица 105, 106
 Попова О.Н. (ур. фон Баранова), заводчица 90, 91, 94, 113, 114
 Попова-Яцкевич Е.Г., генеалог 306, 401
 Походяшин М.М., заводчик 271, 553, 559
 Походяшины 546, 604
 Предтеченский, инженер 541
 Притвиц, барон, залогодержатель 452
 Прожогин Н.П., журналист 44
 Прозоров А.Я., помещик 308
 Прозорова А.Н. (ур. Мосолова) 306, 308
 Пронина И.А., историк 226
 Пруст М., писатель 426, 428
 Пуаре Э. (*Caran d'Ache*), карикатурист 424
 Пузырев, опекун 368
 Пургольд А.Н., опекун 550
 Путилов А.И., банкир 101
 Путилов Н.И., петербургский заводчик 191, 487
 Путтерен фон М.Д. 340
 Пушкин А.С., поэт 266, 273
 Пятаков Г.Л., управляющий Государственным банком (1918) 210
 Пятов В.С., управляющий 481–483
- Радзивилл А.М., князь 426**
 Радзивилл В.А.К., князь 168
 Радзивилл Е.А. (ур. Ржевуская), княгиня 168, 171
 Радзивилл Л.М., княжна 426
 Радзивилл М.Н. (ур. Бенардаки), княгиня 413, 426, 427
 Раевская Е.С. (ур. Мещерская) 289, 298
 Раевская О.В. 289, 298
 Раевский В.И. 289
 Раевский Н.В., член правления 30, 31, 39, 42
 Раевский С.В. 289, 298
 Раевский С.М., управляющий Пермской казенной палатой 594, 599, 600, 602, 603
- Разумов Н.И., директор Горного департамента (1915–1916) 573
 Ралль А., придворный банкир 379
 Раселли Ф.И., директор Горного департамента (1873–1881) 323, 325, 553, 608
 Распутин Г.Е., «старец» 82
 Расторгуев Л.И., заводчик 393, 394, 399, 619, 621, 625, 626
 Расторгуев Я.И., опекун 396
 Расторгуевы 395, 620
 Ратьков-Рожнов А.А. 532
 Ратьков-Рожнов А.В., заводчик 532, 537, 538
 Ратьков-Рожнов А.Н., председатель правления 28–32, 35–42, 532
 Ратьков-Рожнов В.А., заводчик 529, 531–540, 620, 622
 Ратьков-Рожнов В.А., вице-губернатор 532
 Ратьков-Рожнов Г.А., депутат 532
 Ратьков-Рожнов И.В. 532, 537
 Ратьков-Рожнов Н.А., вице-адмирал 532
 Ратьков-Рожнов Я.В., заводчик 532, 537, 538
 Ратькова-Рожнова В.Я. (ур. Шихманова), заводчица 532, 537, 538
 Ратькова-Рожнова З.В. (ур. Философова) 30
 Ратьковы 532
 Ратьковы-Рожновы 45, 539, 540, 620
 Рашет В.К., директор Горного департамента (1861–1873) 176–179, 282, 353, 387, 415, 495
 Редер Э., актриса 331
 Редсток Г., лорд, проповедник 166, 491
 Рейнгарт М.И., опекун 161, 163, 488
 Рейтерн М.Х., министр финансов (1862–1878) 15, 16, 49, 154, 157, 161, 175, 176, 181, 186, 191, 275, 308, 312, 313, 322, 324, 330, 331, 335, 336, 350, 352, 353, 356, 358, 360, 361, 380, 382, 386, 388, 408, 410, 414, 419, 422, 440, 441, 445, 446, 457, 467, 481, 486, 490, 492, 493, 608
 Рейтерн фон А.М., заводчик 94, 113
 Рейтерн фон М.М., генерал-лейтенант 89, 94
 Рейтерн фон О.К. (ур. Альбрехт) 89, 92, 94, 104, 112, 119
 Рекстер-Вагстаф В., барон, заводчик 163, 486, 487, 488, 491–497, 622, 623
 Ренев Н.В., опекун 155
 Репнин Ф.И., доверенный 426
 Ржевин Д.Е., чердынский купец 600
 Ржевуская А.Д. (ур. Дашкова), графиня 168, 169, 171
 Ржевуский А.А., граф 168, 169
 Рибас де И.М., адмирал 86

- Ризенкампф А.А. (ур. Поклевская-Козелл) 497
- Ризенкампф А.Е., полковник, заводчик 319, 499
- Рикард Т. (Ф.Я.), управляющий 488, 489, 490
- Римоз де-ла Рошет Ж., член правления 230
- Римский-Корсаков С.А., управляющий 223
- Рихтер А.Б., акционер, дипломат 580, 592
- Рихтер Е.А. (ур. Пашкова), заводчица 150, 580, 592
- Ришмон де Н., директор компании 231
- Рогов И.А., член комиссии 390
- Рогожников, крестьянин 59
- Рогожников В.Л., акционер 133
- Роденбаден, эксперт 275
- Роджер А.И., управляющий 60, 73, 74
- Родзянко А.П., полковник 518
- Рожновы 532
- Розен Е.А. (ур. Одинцова), баронесса, заводчица 90, 96, 111
- Розен Р.Р., барон, дипломат 90
- Розенквист И., исправник 307, 479, 480
- Романов В.В., директор компании 401
- Романов Г.М., опекун 198
- Романов Н.В., управляющий 313-317
- Романов П.М., товарищ министра финансов 602
- Романова Е.В. (ур. Меллер-Закомельская), заводчица 396, 399
- Романовский Н.Д., управляющий 308-312, 321
- Ропп Ф.Т., барон, учредитель товарищества 592
- Ротшильд Д., барон 237
- Ротшильды 48, 231
- Рошефор И.Л. (*de Rochefort*), граф, 460, 461, 467, 471
- Рошефор Н.И., граф, архитектор, доверенный 460, 473
- Рошефор Н.Н., граф, чиновник особых поручений 476
- Рошефор О.Н. (ур. Коптева), графиня, заводчица 460-476, 619
- Рубинштейн Д.Л., банкир 82
- Рукавишников В.И., заводчик 95-101, 113, 133
- Рукавишников В.Н., заводчик 87-89, 94-96, 98, 104, 112, 113, 118, 119, 122, 413, 619, 622
- Рукавишников И.В., заводчик 94-97, 113, 119
- Рукавишников К.В., заводчик 91, 94-98, 100, 101, 113, 121, 130, 133
- Рукавишников М.Г., мануфактур-советник 182, 191, 387
- Рукавишников Н.В., заводчик 94, 95, 620
- Рукавишников Н.К., заводчик 95, 96
- Рукавишников, купец 455
- Рукавишникова Е.И., см. Набокова Е.И.
- Рукавишникова Е.К., см. Гаврилюк Е.К.
- Рукавишникова Е.К. 94, 95
- Рукавишникова М.К., заводчица 95, 96
- Рукавишниковы 88, 89, 94, 97, 98, 100, 133, 620, 621
- Рукеллай Д., граф 246
- Рукоуев Е.Ю., историк 11, 427, 437, 554
- Рулев, управляющий 39
- Руммель В.В., генеалог 171
- Рупрехт Г.Ф., окружной инженер 600-602
- Русаков Г., поверенный крестьян 484
- Русских А.И., исправник 458
- Рыболовов, купец 447
- Рымша А.И., см. Поклевская-Козелл А.И.
- Рябуха А.С., историк 497
- Рязанов, почетный гражданин 331
- Сабир А.И., заводчица 91, 112
- Сабир А.М., заводчик 112, 120
- Сабир И.И., генерал-майор 86, 87, 89, 91, 92, 94, 95, 104, 105, 112, 116, 119
- Сабир И.Н., заводчик 90, 91, 96, 98, 112, 121, 130
- Сабир К.И., заводчик 87, 89, 91, 104, 112, 113, 119
- Сабир Л.Н., см. Положенская Л.Н.
- Сабир Л.С. (ур. Яковлева), заводчица 85-87, 91, 96, 104
- Сабир М.И., заводчик 87, 91, 104, 112
- Сабир М.М. 112
- Сабир Н.И., заводчик 87, 89, 91, 104, 112, 119, 120
- Сабирсы 89
- Савина М.Г. (Всеволожская), актриса 274, 287
- Садовский В.С., председатель комиссии 515, 516
- Сазонов С.Д., министр иностранных дел (1910-1916) 36
- Сайтов В., историк 401
- Саларев Н.А., управляющий 124, 129
- Салов С.Ф., титулярный советник 92
- Салова А.С., см. Кобзаренко А.С.
- Салтыков Е.Г., заводчик 107, 108
- Салтыков А.Д., светлейший князь 111
- Салтыков Д.П., светлейший князь 72
- Салтыкова А.Н., заводчица 107, 108, 123
- Салтыкова Е.И., светлейшая княгиня 111

- Самарский-Быховец В.Е., начальник штаба Корпуса горных инженеров, опекун 139–141
- Самарцев, чиновник 69
- Самсонов Г.П., генерал от инфантерии 63, 67
- Самсонова А.А. (ур. Демидова) 63, 65, 67
- Сапоговская Л.В., историк 3, 6, 9, 11, 305, 401, 539
- Сатин М.А., полковник 276
- Сатина Е.Н. (ур. Всеволожская), заводчица 274, 276, 284, 286–288
- Сван Ж., литературный персонаж 426
- Сверчков Е.П., директор компании 132, 133
- Свечин А.В. 554
- Свечина Н.П. (ур. Берг, в первом браке – Пальчикова), заводчица 403, 405, 406
- Свистунов В.М., историк 401
- Севастеев В.В., заводчик 108, 109
- Севастеев В.П., заводчик 108, 109
- Севастеева В.О., заводчица 108, 109
- Севастеев Е.В., заводчик 108, 109
- Севастьянов Н.И., кредитор, арендатор, заводчик 68, 178–184, 329–333, 336, 348, 457, 496–499, 521, 589
- Севастьянов М.М., управляющий 294
- Селезнев Н.Д., надворный советник 580, 581
- Семенов И.А., штейгер 559
- Семенов М.Е., управляющий 336, 337
- Семенов П.Н., поверенный 298
- Семенова А.А. (ур. Турчанинова, в первом браке – фон Путтерен), заводчица 340–343, 347
- Сементовский-Курило К.М., опекун 421, 423
- Семисалов, заводский исправник 69, 70
- Сергеев И.И., надворный советник 406
- Серебряков М.А., полковник 537
- Серебрякова О.В. (ур. Ратькова-Рожнова, во втором браке – Ольденбургская), заводчица 532, 537, 538
- Серно-Соловьевич А.А., народник 371
- Серно-Соловьевич Н.А., народник 371
- Сибилев В.Д., директор компании 42
- Сибиряковы 604
- Сиверс Э.К., граф 159
- Сименсы, прусские предприниматели 596
- Симсон И.Ф., управляющий 503, 505, 510–512
- Синельников, чиновник особых поручений 467
- Сипягин Б.В., ротмистр 403
- Сипягин В.Б. 403–405
- Сипягин В.Н., генерал-лейтенант 403
- Сипягин Д.С., министр внутренних дел (1900–1902) 404
- Сипягина Е.П. (ур. Берг), заводчица 403, 404
- Скальковский К.А., директор Горного департамента (1892–1896) 374
- Скараманга П.П., член правления 368
- Скобелев М.Д., генерал от инфантерии 188
- Скобелева Н.Д., см. Белосельская-Белозерская Н.Д.
- Слепцов А.А., заводчик 107
- Слепцов А.Т., заводчик 107
- Слепцов В.А., заводчик 107, 108
- Слепцова Е.А., заводчица 107
- Слепцова Ю.В. (ур. Петрова), заводчица 107
- Слепцовы 120
- Смирнов П.И., заводчик 91, 96
- Соболев Н.П., член правления 597
- Соболев Ф.М., опекун 321, 324
- Соваж И.А., управляющий 46–49
- Созонов М.Л., заводчик 580, 581, 582
- Соколов Б.С., историк 102
- Соколовский Л.А., следователь 438
- Соловьев С.М., историк 215
- Солодовников Г.Г., купец 539
- Солодовников П.Г., заводчик 518, 520, 538–545, 621, 622
- Солодовниковы 620
- Соломирская М.П. 338
- Соломирская Н.П., см. Всеволожская Н.П.
- Соломирские 6
- Соломирский А.П. 338
- Соломирский Д.П., заводчик 338, 341–347, 620–623, 625
- Соломирский Л.П. 338
- Соломирский П.Д., заводчик 326, 327, 329, 330–332, 336, 338, 385, 623
- Сорокин А.А., член комиссии 377
- Соснер И.Ю., генеалог 571
- Софронов А.С., заводчик 169, 586
- Софронов А.С., купец 586
- Софроновы 586
- Спасский Г.И., историк 9
- Спедалотто, маркиз, банкир 237
- Спелл Д., поверенный 164, 491
- Спижарный Н.А., управляющий 31, 32
- Спиридович И.А., управляющий 433
- Стасов Д.В., критик 371
- Стахеев Д.И., елабужский купец 331, 439, 442, 445, 446
- Стахийев Я.С., чиновник особых поручений 329, 330, 479, 609

- Стивен А.Х., гофмейстер 249
- Стенбок М.Г. (ур. Пермикина), графиня 523, 527
- Стенбок М.М., уполномоченный, опекун 525–527
- Стенбок-Фермор А.А., граф, заводчик 73–76, 78, 80, 82, 122, 622
- Стенбок-Фермор А.В., граф, заводчик 75, 76, 78–80, 82, 623
- Стенбок-Фермор А.И., граф 75
- Стенбок-Фермор В.А., граф 75, 76
- Стенбок-Фермор М.В., графиня, заводчица 75, 76, 78
- Стенбок-Фермор Н.А. (ур. Яковлева), графиня, заводчица 72–76, 78, 80, 82, 103, 111, 554
- Стенбок-Фермор О.П., графиня 82
- Стенбок-Фермор С.А., граф 75, 80, 82, 83
- Стенбок-Ферморы 79
- Степанов, опекун 69, 70
- Степанов В.В., поверенный 510
- Степанов С.П., заводский исправник 179
- Степура-Сердюков П.Г., коллежский асессор 156
- Столпаков А.Н., доверенный 121, 131, 133
- Столпаков Н.А., директор компании 132, 133
- Столыпин (Монго) А.А. 239
- Столыпин П.А., министр внутренних дел (1906–1911), председатель Совета министров (1906–1911) 202, 205–207, 509–513
- Стрижевская Е.В. (ур. Петрова) 107, 108, 121, 133, 134
- Стрижов Н.Г., поверенный 534
- Строганов А.Г., граф, заводчик 14, 213–218, 619
- Строганов А.Г., граф, заводчик 213, 215, 216, 218
- Строганов А.С., граф 213, 220
- Строганов Г.А., граф 13, 215, 217, 282
- Строганов Г.А., граф, заводчик 213, 214,
- Строганов Г.С., граф 213
- Строганов Н.С., граф 213
- Строганов П.С., граф 213
- Строганов С.А., граф, заводчик 4, 60, 213, 220–226, 233, 620, 622
- Строганов С.Г., граф, заводчик 4, 213–220, 619, 620, 622
- Строганова Е.А. (Демидова), графиня 12
- Строганова Н.П., графиня, заводчица 213, 214, 216, 217, 219, 220, 240, 241
- Строганова Ю.П., (ур. д'Ойенгаузен, да Ега), графиня 213, 215
- Строгановы (Строгоновы) 4, 5, 8–10, 43, 80, 213, 215, 217, 218, 220, 226, 227, 233, 244, 266, 281, 286, 427, 429, 604
- Строльман А.П., берг-инспектор 352
- Струве А.Е., директор-распорядитель 610
- Струве Б.В., пермский губернатор 69, 219, 281, 360
- Струве Г.Е., соучредитель компании 609, 610
- Струве Е.К., см. Орлова Е.К.
- Струве К.В., посол 264
- Струве М.В., член правления 39, 42
- Струков В.Н., вятский губернатор 481, 482
- Струков М.И., член правления 564
- Субботин В.С., член правления 436
- Сувейдис П.П., лесничий 232, 233
- Суворов-Рымникский А.А., князь Италийский 550
- Суворова-Рымникская В.А., княжна Италийская, см. Горчакова В.А.
- Судиенко И.М., штаб-ротмистр 160
- Судиенко Ю.М. (ур. Пашкова), заводчица 159, 163
- Сумароков В.Ф. 527
- Сумароков-Эльстон П.Ф., граф 57
- Сумарокова Н.Г. (ур. Пермикина) 523, 527
- Сухов А., управляющий 484
- Сухова Л.В. (ур. Всеволожская), заводчица 272, 273
- Сухозанет А.А. 186
- Сухозонет А.И., заводчик 144, 174–186, 190, 195, 623–625
- Сухозонет Е.А. (ур. Белосельская-Белозерская), заводчица 174
- Сухозонет И.А., заводчик 174, 186, 187, 622, 625
- Сухозонет И.О., генерал от кавалерии 140, 174
- Сухозанеты 137, 212, 622
- Сушина Ф.С. (Турчанинова), заводчица 326
- Сушков Д.П., надворный советник 154
- Схолл-Энгбертс Г.Л., доверенный, директор 121, 132, 133
- Сысоев И.А., попечитель 339
- Сысоев П.И., надворный советник 183
- Таборовский А.О., опекун 550, 554
- Талалай М.Г., историк 44
- Талейран-Перигор В.Д. (ур. Бенардаки), княгиня 413, 420
- Талызина Л.А., см. Всеволожская Л.А.
- Таль фон Х.Я., заводчик 607–611, 622
- Таскин де А., председатель правления 196

- Татаринов А.В., купец, заводчик 380, 381, 407–409
- Татаринов И.А., управляющий 408
- Татарина С.В. (ур. Всеволожская), заводчица 42, 271–273
- Твердышев И.Б., заводчик 4
- Твердышевы 10
- Тезяков Д., управляющий 350, 352, 359, 364, 366–368
- Тельбуков А.Т., опекун 180–183
- Терещенко Е.С., см. Львова Е.С.
- Терминская М.И. 318
- Тибо-Бриньоль В.И., инженер 542
- Тибо-Бриньоль И.И., управляющий 129
- Тилле Э.А., управляющий 60, 61
- Тимашев А.Е., министр внутренних дел (1868–1878) 157, 165
- Тимашев Н.Е., заводчик 414
- Тимашев С.И., управляющий Государственным банком (1903–1909), министр торговли и промышленности (1909–1915) 82, 83, 515, 516, 520, 565
- Тимашева Е.А. (ур. Пашкова), заводчица 164, 165, 619
- Тиме Г.А., лесничий 70
- Тимирязев В.И., товарищ министра финансов, министр торговли и промышленности (1905–1906, 1909) 503, 511–515
- Тимофеев, нотариус 431
- Тимофеев А.Е., заводчик 589
- Тимофеев В.И., инженер, горный начальник 315, 415
- Тимофеев М., директор компании 407
- Тимофеев Н.И. 103, 107, 119, 120
- Тимофеева А.Н., заводчица 103, 107, 108, 119
- Титов, казанский домовладелец 313
- Титова Е.А. (ур. Турчанинова), заводчица 326
- Тищенко Ю.М., акционер 84
- Токтаров, доверенный 587
- Толмачев Н.С., член правления 30, 31, 39–42
- Толстая А.К. (ур. Губина), заводчица 349, 350, 353, 359, 366
- Толстая А.М. (ур. Кугушева) 300
- Толстая Н.В. (ур. Волконская), графиня, заводчица 79
- Толстая С.С. (ур. Строганова), графиня 213
- Толстой А.Н., статский советник 349, 353–357
- Толстой И.А., граф, опекун 21
- Толстой И.М., граф, член Государственного совета 277
- Толстой Л.Н., граф, писатель 294
- Толстой С.М., граф 79
- Томасов М.Я., царскосельский купец 325
- Томашева О.К., см. Гинкулова О.К.
- Томилова, залогодержатель 452
- Томсон, управляющий 493
- Третьяковы 97
- Трирогов П.Г., поверенный 579
- Трофимов Е.П., екатеринбургский купец 330–335, 421, 422, 523
- Трофимов Н., приисковый смотритель 559
- Трубецкая А.П., см. Охотникова А.П.
- Трубецкая А.С. (Строганова), княжна 213
- Трубецкая А.Я. (ур. Абамелек), княгиня 300
- Трубецкая Е.И. (ур. Лаваль), княгиня 172
- Трубецкая Е.П., см. Демидова Е.П.
- Трубецкая Е.Э. (ур. Белосельская-Белозерская), княгиня 23, 188, 189
- Трубецкая С.И. (Всеволожская), княжна 267
- Трубецкой А.П., князь 23
- Трубецкой Н.И., князь 277
- Трубецкой П.Н., князь 13, 189
- Трубинов П.Н., опекун, чиновник особых поручений 66, 69, 329, 351, 411
- Трубников, управляющий 471
- Трубникова Е.А., заводчица 370, 371
- Трубникова М.В. 371
- Трувеллер Е.К. (ур. Альбрехт), заводчица 89, 94, 104, 113, 119
- Трувеллер Е.Н. 101
- Трувеллер Е.Н. 101
- Трувеллер Н.Н. 101
- Тревеллер Н.Р., заводчик 94, 96, 98, 101, 113, 130
- Трувеллер Р., генерал-майор 89, 94
- Трусов, чиновник особых поручений 69
- Трусов П.И., тюменский купец 270
- Трутнев, купец 364
- Туманов С.М., социал-демократ 145
- Тушиков С.Е., управляющий 77
- Тушицыны, лесоторговцы 233
- Тур А.Ф., член комиссии 375
- Тургенев И.С., писатель 555, 565
- Турский Г.М., лесоустроитель 209
- Турчанинов А.А., заводчик 326, 343
- Турчанинов А.А., заводчик 326, 327, 328, 340–342, 620
- Турчанинов А.А., заводчик 326
- Турчанинов А.А., заводчик 340–342
- Турчанинов А.Ф., заводчик 326, 336, 343, 347, 619, 620, 626
- Турчанинов Л.А., заводчик 340–343

- Турчанинов М.П., заводчик 326, 327, 329, 339, 348
- Турчанинов М.П., заводчик 339, 341, 342
- Турчанинов П.А., заводчик 326, 343
- Турчанинов П.М., заводчик 327–330, 336, 337, 339–341, 343, 348, 366, 367, 422, 423, 622
- Турчанинов С.А., заводчик 340–343
- Турчанинова А.М., см. Батманова А.М.
- Турчанинова А.П., заводчица 339, 341, 343
- Турчанинова А.П. (ур. Земляницына) 339
- Турчанинова В.А., см. Тыртова В.А.
- Турчанинова В.Н. (ур. Черкасова), заводчица 342, 343, 347
- Турчанинова Е.М., заводчица 339, 342, 343, 347
- Турчанинова Л.И. (ур. Лабзина), заводчица 340–342
- Турчанинова М.А., заводчица 339, 341–343, 623
- Турчанинова М.А. (ур. Южакова, в первом браке – Гребнева), заводчица 339, 342, 343, 347
- Турчанинова Н.А., см. Ивелич Н.А.
- Турчанинова Н.М. 339
- Турчанинова О.А., см. Черкасова О.А.
- Турчанинова Т.М., заводчица 339, 342, 343
- Турчаниновы 5, 6, 10, 347, 348
- Тыртов А.П., заводчик 340–343
- Тыртов К.А., заводчик 341, 343, 347
- Тыртова В.А. (ур. Турчанинова), заводчица 340, 341
- Тыртова Е.А., заводчица 341, 343, 347
- Уваров С.С., министр просвещения (1833–1949) 214
- Умнов Ф.Ф., член правления 585
- Умов А.И., управляющий 144, 145, 148
- Унковский А.М., общественный деятель, юрист 371
- Урбанович И.Н., инспектор 507
- Уркварт Л., директор компании 400, 401, 607
- Урусова В.А., княгиня, заводчица 109, 110
- Устинова Н.Д. (ур. Салтыкова), заводчица 107, 108
- Устинова С.М. (Волконская), заводчица 79
- Устрялов Н.Г., историк 9
- Ухов, управляющий 70
- Ухтомская Е.П. (ур. Соломирская) 338
- Ушаков, купец 14
- Ушаков П.П., генерал-майор, уполномоченный 349, 350–353, 356, 358, 362, 428, 580
- Ушаков С.П., уфимский губернатор 176, 180, 183
- Ушакова А.И. (Кони, в первом браке Губина), заводчица 156, 349, 356, 358, 359, 365–368, 580
- Фаддеев, арендатор 593
- Фадеев А.И., инженер-технолог, управляющий 78
- Фадеев А.И., управляющий 396, 397
- Фармаковский С.П., управляющий делами 518
- Федоров Е.Ф., управляющий 233
- Федотов П.А., художник 395
- Фелейзен К.К., барон, член правления 368
- Фелькнер Ф.И., главный начальник уральских заводов (1856–1863) 151–153, 162, 218, 268, 307, 325, 327, 328, 332, 334, 379, 462, 478–481
- Фетисов А.П., исправник 325
- Филипченко М.Е., поверенный 248, 249
- Философов Д.А., министр торговли и промышленности (1906–1907) 298, 504, 505
- Фиркович, севастопольский купец 68
- Фирсов М.М., доверенный 119, 120
- Флекель, инженер 561
- Фок, опекун 280, 281
- Фрейгат А.В., опекун 112, 120
- Фридман, надворный советник 156
- Фролов В.Т., революционер 568
- Фуке Э., директор компании 192
- Хадсон Х., историк 5, 10
- Харитонов М.Л. (ур. Расторгуева), заводчица 393–395
- Харитонов П.Я., екатеринбургский купец 393
- Харитоновы 397
- Хвоцинский Ф.А., заводчик, управляющий 326, 336, 456–459
- Хлудов А.И., фабрикант 578
- Хлудов В.А., заводчик 59, 576, 578, 579, 620
- Хлудова М., историк 579
- Хлудовы 620
- Хованская В.П. (Всеволожская), княжна 274
- Холкин, екатеринбургский домовладелец 473
- Хомякова Т.А., заводчица 108, 110, 115, 116
- Хотимская Б.И. 271
- Хотимский Л.Б., тюменский купец 270, 271, 557

Циолковский, верхнеуральский уездный предводитель дворянства 321
Цур-Милен фон В.А., полковник 339
Цур-Милен фон Е.М. (ур. Турчанинова) 339
Чадов В.Н., поверенный 581
Чайковский П.И., композитор 271
Часовников А. 107
Часовникова А.А. (ур. Петрова), заводчица 107
Часовникова Ю.А., заводчица 107, 108
Челноков 229
Черепанов В., лоцман 222
Черепанов С.И., заводский исправник 388, 389
Черкасов А.Н., заводчик 342, 343
Черкасов А.Н., заводчик 342, 343
Черкасов В.Д., управляющий 336, 348
Черкасов В.Н., заводчик 342, 343, 347
Черкасов Л.Н., заводчик 342, 343
Черкасов Н.В., заводчик 340, 342, 343, 347
Черкасов П.Н., заводчик 342, 343, 347
Черкасова А.С., историк 5, 10
Черкасова В.Н., см. Турчанинова В.Н.
Черкасова О.А. (ур. Турчанинова), заводчица 340–342
Черкасова О.Н., заводчица 342, 343, 347
Черкасовы 342, 343, 347
Чермоева А.Г. (ур. Дружинина) 395, 399
Черниченко Л.Л., историк 85
Черноголовая, мастеровая девица 59
Черноухов Э.А., историк 5, 10
Черных В.А., историк 370
Чернышев Ф.С., полковник 86, 89, 92, 119
Чернышева А.А., см. Дурасова А.А.
Чернышева-Кругликова А.И., см. Пашкова А.И.
Чернявский А.Г., вятский губернатор 520
Чертков Г.А. 167
Черткова А.Г. (Пашкова), заводчица 164, 167
Чичагов Н.М., приморский генерал-губернатор 399
Чичагова А.Г. (ур. Дружинина) 395, 399
Чугуев, сторож 317
Чуманов А.Н., историк 347
Чупин В.К., заводский исправник 151–153
Чупин Н.К., историк 472, 477
Чухланцева Г.Н., историк 71
Шавенков П.В., историк 576
Шавров, поверенный 181

Шаламов В.Т., писатель 569
Шамарин Н.А., инженер 560, 561
Шамов Г.И., заводчик 583
Шамов Е.И., заводчик 583, 584
Шамов И.Н., заводчик 583
Шамов Н.Д., заводчик 580, 582, 583, 622
Шамов Н.И., заводчик 583
Шамовы 584, 587, 620
Шампаньер Г.С., банкир 134
Шамшин И.И., сенатор 370, 371, 372, 375, 377
Шамшина Е.А., заводчица 370, 371, 374, 377
Шаньгин И.Г., заводский исправник 317
Шанявские 405
Шанявский А.Л., душеприказчик 405
Шарве Б., член правления 230
Шарин, управляющий 219
Шаров А.Ф., директор компании 42
Шауфус Н.К., председатель комитета 202
Шахматов А.А., историк 397
Шаховская В.А. (ур. Каменская), княгиня 573, 575, 576
Шаховская В.П., см. Бутеро-Родали В.П.
Шаховской В.Н., министр торговли и промышленности (1915–1917) 521
Шварц А.А., член правления 368
Шевелин И.А., член комиссии 390
Шейнцвит И.Л., глава комиссии 517
Шелашников В.П., заводчик 218, 451–455
Шелашников Н.П. 451
Шелашников П.И., заводчик 451, 452
Шелашников С.П. 451, 452
Шелашникова В.С. 451, 452
Шелашникова Е.П., см. Лачина Е.П.
Шелашниковы 452, 620
Шель Г.П., заводчик 588
Шеперд Э.И., британский предприниматель 305
Шереметев Б.С., граф 182
Шестаков, опекун 184
Шешуков Н.И., вице-адмирал 320
Шешукова Е.И. (ур. Мосолова, в первом браке – Загряжская), заводчица 320–322
Шиленков П.Н., уполномоченный 15
Шилов Д.Н., историк 102, 136, 226, 288, 319
Шипов И.П., министр торговли и промышленности (1908–1909) 509, 510, 604
Шириков М.М., горный инженер 572
Ширяев Н.Ф., управляющий 480
Сихманова В.Я., см. Раткова-Рожнова В.Я.
Шишкин И.В., елабужский купец 439
Шишлин А., приказчик 465

- Шишмарев А.Ф., штабс-капитан 86, 92
 Шишмарев М.В., штабс-капитан 86, 112
 Шишмарева А.С. (ур. Яковлева), заводчица 85, 86, 92, 96, 104, 112
 Шишмарева Н.С. (ур. Яковлева), заводчица 85–87, 96, 104, 112
 Шипонко В.Н., историк 560
 Шкерин В.А., историк 71, 149, 265
 Шкларевич А.Г., управляющий 416, 417
 Шкуров С., буфетчик 229
 Шляпников А.Г., народный комиссар торговли и промышленности (1917–1918) 210
 Шляпужников Н.Р., мануфактур-советник 210
 Шмакин, мировой посредник 409
 Шмидт В.К., см. Башмакова В.К.
 Шминке А.И., лесничий 392
 Шнейдер Н.Ф., управляющий 238
 Шпилевская А.Н. (ур. Мосолова) 306, 308
 Шпилевский С.М., профессор Казанского университета 308
 Шпис Л.Р., директор компании 598
 Шпис Э.В., заводчик 594–597, 622
 Шрам А.С., доктор 293
 Шталь Ф.А., доверенный 463–466
 Штейнгель В.Л. (Голицына), баронесса 227, 235
 Штерн Л.Н., историк 213
 Штиглиц А.Л., барон 555–557, 565
 Штиглицы 48
 Штоф А.А., председатель комиссии 374, 375, 377, 504
 Штрибек, техник 541
 Штукенберг А.И., инженер, писатель 477
 Шувалов А.И., граф, заводчик 238
 Шувалов А.П., граф 25
 Шувалов А.П., граф, заводчик 218, 236–246, 249, 258, 265, 620
 Шувалов А.П., граф, генерал свиты 125, 126, 128, 130, 132
 Шувалов А.П., граф, сенатор 239
 Шувалов М.А., светлейший князь Воронцов, заводчик 242–246, 248, 263
 Шувалов П.А., граф 236
 Шувалов П.А., граф, полковник 73, 189
 Шувалов П.А., светлейший князь Воронцов, заводчик 242–246
 Шувалов П.А., граф, шеф жандармов 125, 188
 Шувалов П.Г., граф, уполномоченный 242, 244, 246
 Шувалов П.И., граф, генерал-фельдмаршал, заводчик 238, 239
 Шувалов П.П., граф, заводчик 9, 244, 250, 252–265, 622
 Шувалов П.П., граф, заводчик 19, 236–239, 242, 244, 250–253, 258–265, 296, 620, 621, 625, 626
 Шувалов П.П., граф, опекун 79, 287
 Шувалова Е.А., см. Балашова Е.А.
 Шувалова Е.В. (ур. Бяратинская), графиня, заводчица 250, 252, 259–264
 Шувалова Е.К. (ур. Пилар фон Пильхау, в первом браке – Столыпина, в третьем – Рукеллаи), светлейшая княгиня Воронцова 245, 246
 Шувалова О.Э. (ур. Белосельская-Белозерская), графиня 188, 189
 Шувалова С.Л. (ур. Нарышкина), графиня 239, 250, 258, 261
 Шувалова С.М. (ур. Воронцова), графиня 239, 242, 243, 245
 Шуваловы 8, 228, 229, 238–244, 247, 248, 252, 254, 259, 263, 265, 620
 Шугаев К.Д., управляющий 123
 Шульгина Е.Н., историк 226
 Шульц И.Ю., директор компании 597
 Шульц С.С., историк 5, 10
 Шуппе А.Ф., учредитель компаний 591, 592, 593
 Шустов С.Г., историк 4, 9, 10, 218, 225, 226
 Щегляев С.И., акционер 173
 Щеголихин И.А., учредитель компании 594, 595
 Щербатов А.А., князь 226
 Щербатов А.Г., князь 221
 Щербатов Г.А., князь 226
 Щербатов П.Б., князь 82, 83, 134
 Щербатова Е.А., княжна 226
 Щербатова О.А. (ур. Строганова), княгиня 213, 221, 226
 Щербатский И.Ф., уфимский губернатор 489, 490
 Эдинбургский, герцог 189
 Эдуард VII 501
 Эйзен И.М., присяжный поверенный 134
 Эйхе Б.Б., управляющий 541, 542
 Энгельгардт Е.М. (ур. Турчанинова) 339
 Энгельгардт П.Н., поручик 339
 Энден фон А.Н. (ур. Чичагова), мемуарист 394, 397, 399
 Энден фон О.Г. (ур. Дружинина) 395, 399
 Энден фон П.П., генерал-лейтенант 399
 Эстеррейх К.К., поверенный, душеприказчик 557

Югославский Павел, см. Карагеоргиевич П.А.

Юнина (Июнева) Н.М., см. Половцова Н.М.

Юрганов, чердынский купец 600, 601

Юркин И.Н., историк 10

Юферов, опекун 440

Юхнев, арендатор 267

Юхнев, чердынский купец 600

Юхнев И.Ф., чердынский мещанин 605

Ягмина М.А. (ур. Строганова) 213

Языкова А.М. (ур. Ивелич) 340

Языкова Н.С., заводчица 340, 342

Якобсон А.И., см. Манзей А.И.

Яковлев, петербургский купец 331

Яковлев А.И., заводчик 477, 484

Яковлев А.И., заводчик 72, 103, 110, 117

Яковлев А.И., кредитор 404

Яковлев А.Г., заводчик 106, 111, 625

Яковлев А.Г., заводчик 107

Яковлев А.С., заводчик 103, 105, 108

Яковлев А.С., заводчик 103, 104, 108

Яковлев А.С., заводчик 103, 108–110, 119

Яковлев В.М., заводчик 105, 106, 120

Яковлев В.С., заводчик 103, 104

Яковлев В.С., заводчик 103, 104

Яковлев Г.М., заводчик 103, 105, 106, 119

Яковлев Г.М., заводчик 103, 107, 108, 110, 124

Яковлев Д.С., заводчик 103

Яковлев И.А., заводчик 72, 73, 103, 110, 117–123, 218

Яковлев И.М., заводчик 103, 105, 110, 124

Яковлев И.М., заводчик 105, 106, 119–121, 130, 132–134

Яковлев И.С., заводчик 102, 113

Яковлев И.С., заводчик 103, 104

Яковлев К.С., заводчик 103

Яковлев М.И., заводчик 103, 105, 106, 119

Яковлев М.М., заводчик 103, 106, 110

Яковлев М.С., 72, 102–105, 110, 117, 118, 120, 123, 124, 133

Яковлев М.С., 103–105, 108, 109, 119

Яковлев Н.В., заводчик 105, 106, 133, 134

Яковлев Н.М., заводчик 103–105, 110

Яковлев П.Г., заводчик 103–105, 107, 119, 125

Яковлев П.Н., заводчик 105

Яковлев П.С., заводчик 102, 115, 116, 118, 121, 126, 131, 133, 134, 296

Яковлев П.С., заводчик 103, 108, 114

Яковлев С.А. 72

Яковлев С.М., заводчик 103, 104, 108–110, 124

Яковлев С.М., заводчик 108–110, 119, 127, 128

Яковлев С.С., заводчик 103

Яковлев С.С., заводчик 72, 85–90, 96–99, 102, 103, 111, 113, 117, 118, 120, 123, 133, 296, 461, 463, 465

Яковлев С.Я., заводчик 72, 98, 134, 619–621, 625, 626

Яковлева А.И., заводчица 103, 105, 119,

Яковлева А.М., заводчица 103, 106, 119

Яковлева А.М., заводчица 105, 106

Яковлева А.С., см. Шишмарева А.С.

Яковлева В.С., см. Альбрехт В.С.

Яковлева Д.С. (ур. Баратова), заводчица 103, 105

Яковлева Е.С. см. Никтина Е.С.

Яковлева Е.С. см. Авдулина Е.С.

Яковлева З.У., заводчица 108, 110

Яковлева К.И., заводчица 103–105, 110, 116, 134

Яковлева К.Ф. 106

Яковлева Л.С., см. Сабир Л.С.

Яковлева М.Б. 85

Яковлева М.Р., заводчица 105, 106

Яковлева Н.А., заводчица 103, 108, 109, 119, 120, 123

Яковлева Н.С., см. Шишмарева Н.С.

Яковлева О.А. (ур. Варенцова), заводчица 103, 108–110, 114, 119, 120

Яковлева П.И., заводчица 105, 106

Яковлева С.В., заводчица 103, 108–110, 115, 119, 120

Яковлева С.И., заводчица 103, 105, 106, 119

Яковлева С.С., см. Манзей С.С.

Яковлевы 6, 72, 85, 102, 104, 125, 133, 462, 464, 466, 625

Янжул-Михайловская М.М., заводчица 103, 106, 107, 119

Янжул-Михайловский П.П. 103, 106

Янковская А.А. (ур. Турчанинова), заводчица 340–342

Янковский В. 340

Янковский К.В., заводчик 341, 343

Ярошинский В.И. 225

Ярцов И.М., заводчик 402

Ярцова Н.Л. 402

Ярцовы 620

Ясинский Н.Л., присяжный поверенный 60

Ятес В.Е., фабрикант 350

Яфимович Е.Н. (Пашкова) 150

Яхонтов К.И., заводчик 455, 456

Яцунский В.К., историк 71, 149, 171, 401

Ячевская М.Н., заводчица 107, 108, 121

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть I. Практики владения: «старинные» роды	12
1. Демидовы	12
1.1. П.П. Демидов и наследники	12
1.2. Казна и А.П. Демидов	46
1.3. П.А. Демидов	63
2. Потомки С.Я. Яковлева	72
2.1. Наследники А.И. Яковлева	72
2.2. Наследники С.С. Яковлева	85
2.3. Наследники П.С. Яковлева	102
3. Потомки И.С. Мясникова	137
3.1. Балашовы	137
3.2. Пашковы	150
3.3. Дашковы	168
3.4. Коссаковские	172
3.5. Сухозанеты	174
3.6. Белосельские-Белозерские	188
4. Строгановы	213
5. С.М. Голицын и наследники	227
6. В.П. Бутеро-Родали и наследники	236
6.1. Наследники А.П. Шувалова	245
6.2. П.П. Шувалов и наследники	250
7. Всеволожские	266
7.1. А.В. Всеволожский и наследники	267
7.2. Н.В. Всеволожский и наследники	274
8. Х.Е. Лазарев и наследники	289
9. Мосоловы	306
9.1. Мосоловские заводы под управлением казны	306
9.2. Е.И. Шешукова и А.П. Загряжский	320
10. Потомки А.Ф. Турчанинова	326
11. Губины	349
12. А.Е. Лебедев и наследницы	370
Часть II. Практики владения: «новые» заводчики	379
1. Кнауфские заводы под управлением казны	379
2. М.Л. Харитонов, Е.Л. Зотова и наследники	393
3. М.И. Кузьмина, О.И. Берг и наследники	402
4. Ф.П. Никифоров и А.В. Татаринов. Вогау и К°	407
5. Д.Е. Бенардаки и наследники	413
6. Пастуховы	428
7. Н.Н. Подъячев	437
8. В.П. Шелашников	451
9. А.А. Коровин. К.И. Яхонтов. А.А. Грамматчиков	455
10. О.Н. Рошефор	460
11. А.Д. Пономарев	477
12. А. Бродген и др. В. Рекстер-Вагстаф	487

13. Поклевские-Козелл. Н.И. Севастьянов	497
14. Г.М. Пермикин	523
15. В.А. Ратьков-Рожнов и наследники	532
16. П.Г. Солодовников	539
17. С.Д. Башмаков и наследники	545
18. Н.М. Половцова	555
19. С.Е. Львов	566
20. В.А. Бутлеров	571
21. Каменские	573
22. Г.С. Кондюрин. В.А. Хлудов. А.Н. Курочкин	576
23. Н.Д. Шамов и др. М.В. Асеев. С.П. фон Дервиз	580
24. Беляковы. М.Л. Архипов и др. Злоказовы. Белиньковы	587
25. А.Ф. Шуппе. М.А. Нуров	591
26. Э.В. Шпис. Ю.П. Гужон	594
27. М.И. Лукьянов	599
28. А.В. Глушков. Х.Я. фон Таль	607
Заключение	613
Именной указатель	628

Научное издание

Евгений Георгиевич Неклюдов

**УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЧИКИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ВЛАДЕЛЬЦЫ И ВЛАДЕНИЯ**

Рекомендовано к изданию ученым советом
Института истории и археологии
и президиумом УрО РАН

Редактор **Т.П. Гуськова**
Технический редактор **Е.М. Бородулина**
Корректор **Н.В. Каткова**
Компьютерная верстка **Г.П. Чащиной**
Дизайн обложки **Т.О. Турыгиной**

ISBN 978-5-7691-2336-8

НИСО УрО РАН № 56(12)–15. Подписано в печать 27.06.2013.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 56. Уч.-изд. л. 60. Тираж 300 экз. Заказ №

Оригинал-макет подготовлен в РИО УрО РАН.
620990, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано в типографии